P.o.rel. 3125 c

Vjazemskij (Igor)

3
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ В. И. ЧУМИЧЕВЪ КІЕВЪ, Б.-Владимірская № 52/17

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ

Князя Павла Петровича Вяземскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12
1875

505/12
Э.т. 5176

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

ПРЕДИСЛОВІЕ 1851 ГОДА.

Посвятивъ досуги долголѣтняго пребыванія въ Константинополѣ изслѣдованіямъ о древнихъ сношеніяхъ Россіи съ Восточной Имперіей, и вообще Славянскихъ племенъ съ Греками, я пораженъ былъ степенью сродства между обоими народами, являющагося самымъ разительнымъ образомъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ. По оргинальности сего произведенія не возможно считать его подраженіемъ Греческому: весьма сомнительно чтобы нашелся Греческій писатель отъ Гомера до Чечеса, служившій образцомъ Святославлю Пѣснотворцу. Отрадно сравнить степень сродства между Гомеромъ и Русскимъ пѣвцомъ XII столѣтія съ тою степенью вліянія Гомера на Виргилія, которое замѣчено и изслѣдовано отъ Макроба до Тиссо и Ейххова. Оригинальность Русскаго пѣвца, при всей его учености и начитанности, ярко обозначается при этомъ сближеніи. Онъ изучилъ Гомера и Еврипида,—что объясняется вліяніемъ *Византійской мірской Словесности* на Русскую въ XI и XII столѣтіяхъ: дѣло уже дознанное въ отношеніи къ Исторической и Духовной Словесности, и самымъ ощутительнымъ образомъ являющееся въ нашихъ древнихъ памятникахъ зодчества, рѣзьбы и живописи. Но одинъ ученый источникъ недостаточенъ для объясненія сродства Русской эпической поэзіи и самой пѣсни о походѣ Игоря съ твореніями Гомера и Еврипида, передавшихъ намъ Греко-Троянскія повѣрья и сказанья. При сравненіи повѣрій,

обрядовъ, плясокъ, народныхъ пѣсенъ и самаго языка, нельзя не признать связи между обоими народами гораздо древнѣйшей, нежели вліяніе Грековъ на Россію оказавшееся со временъ Святослава и Владиміра Святаго. Вліяніе Византіи со времени введенія христіанства въ Россію есть продолженіе давняго соотношенія между сими племенами, ярко обозначенное вслѣдствіе вступленія Словенскихъ племенп на поприще всемірной исторіи. Г. Шевыревъ весьма вѣрно указываетъ, что сродство Русской народной поэзіи съ Греческой эпической объясняется замѣчаніемъ ученаго и глубокомысленнаго Эллинскаго Пресвитера К. Экономида, что «Славянскій языкъ есть самый сродный «съ языкомъ отборныхъ такъ названныхъ Ѳракійцевъ и «братьевъ его, т. е. съ древнимъ Иллирійскимъ, Пафла-«гонскимъ, Фригійскимъ, Дарданскимъ и другими діалек-«тами того языка, который прежде называли мы вообще «Ѳрако-Иллирійскимъ, и который также относится къ Ѳра-«ко-Пеласгійскому; и сего то языка образованіе должно искать нестолько на Геликонѣ Омировыхъ музъ, сколько «на Олимпѣ Мизіи и Фригіи и на Ливиѳрахъ Ѳракіи, гдѣ воспитывался впослѣдствіи Орфей». Осмѣянный при жизни и преданный забвенію послѣ смерти, ученный труженикъ Тредіаковскій, также весьма вѣрно указываетъ на древній источникъ Русскихъ народныхъ пѣсенъ: «начавшееся у насъ христіанство, истребившее всѣ идольскія «богослуженія и уничтожившее въ конецъ сплетенныя пѣ-«сни стіхами въ похвалу ідоламъ, лишило насъ безъ мала «на шесть сотъ лѣтъ богочтительнаго стихотворенія. Пре-«бывало двоюродное родство его токмо, чтобъ такъ сказать «какъ въ залогѣ, у самаго онаго простаго народа, въ «подлыхъ его пѣсняхъ: и превосходило отъ вѣка въ вѣкъ «не безъ престарѣнія. (О древ. ср. и нов. стих. Рос.)».

Занимаясь объясненіемъ слова о походѣ Игоря, я счелъ необходимымъ обратить вниманіе на современное ему состояніе образованности и на литтературное направленіе того времени, какъ въ Россіи и въ Восточной Имперіи, такъ и на западѣ, и разсмотрѣть письменные памятники, находящіеся въ соотношеніи съ симъ твореніемъ XII-го столѣтія, по предмету изложенія или по времени составленія оныхъ. Греческій писатель, преимущественно изученный пѣвцомъ Игоря, опредѣляется самъ собой ссылками въ его пѣснѣ. Но одно литтературное изученіе древняго міра необъясняетъ достаточно сродства сего памятника съ древнею. Гречсскою словесностію; а по сему необходимо было обратить нѣкоторое вниманіе и на родственныя связи Словенскихъ племенъ съ древними народами, упоминаемыя въ сказаніяхъ классической древности, тѣмъ болѣе, что въ пѣснѣ есть прямое на то указаніе. Единство, являющееся въ летературномъ направленіи XII столѣтія между всѣми современными писателями Восточной Имперіи, Германіи, Франціи и Русскимъ пѣвцомъ, а также и общее стремленіе къ изученію Троянскихъ сказаній, и соединеніе исторіи новѣйшихъ Европейскихъ племенъ съ древними родами, сильно подверждаютъ въ историческомъ отношеніи подлинность Слова о Полку Игоревѣ и современность его съ событіемъ въ ономъ изложенномъ. Но ни въ одномъ памятникѣ, стремленіе это не представляется съ той силой, какъ въ сей пѣснѣ. Вездѣ видны слѣды учености и подражанія Латинскимъ родословіямъ. Въ пѣснѣ же сей воспоминанія про древніе роды являются съ характеромъ народности и полнато убѣжденія. Весьма замѣтно, что пѣвецъ Игоревъ самъ вѣритъ, и говоритъ людямъ вѣрящимъ и его понимающимъ.

Вторый вопросъ заключается въ опредѣленіи, какому

Словенскому нарѣчію принадлежитъ пѣснь. Вопросъ этотъ рѣшенъ уже въ Трудахъ Общ. Люб. Русск. Сл.—въ 1818 г. Калайдовичемъ. Г. Сахаровъ, въ статьѣ Рус. Народная Лит. (Сказ. Рус. Нар. Т. I, кн. I, 1841 г.), приводитъ различныя мнѣнія касательно сего вопроса. Нынѣ, при всеобщемъ изученіи древнихъ памятниковъ, вопросъ этотъ теряетъ совершенно свое значеніе: едва ли есть въ пѣснѣ одинъ оборотъ не встрѣчающійся въ прочихъ Русскихъ памятникахъ Кіевскаго періода. Что касается до выраженій, не попадающихся въ другихъ памятникахъ Словено-Русскихъ до XIII столѣтія, то число ихъ весьма незначительно. Соединеніе же словъ въ одномъ и томъ же памятникѣ, принадлежащихъ разнымъ нарѣчіямъ, объясняется самимъ временемъ, въ коемъ слова сіи могли быть общи разнымъ племенамъ; отчасти же объясняется и свойствомъ самой эпической поэзіи,—происходящимъ можетъ быть отъ страннической рода жизни поэтовъ. Такъ, Гомеръ употребляетъ различныя нарѣчія, и всѣ правильно. Та же правильность въ употребленіи нарѣчій является и у пѣвца Игорева. Не говоря уже о неизслѣдованномъ происхожденіи Словено-Церковнаго языка, языкъ этотъ, въ историческій періодъ своего образованія отъ X до XII столѣтія и позднѣе, находился въ общемъ употребленіи въ Сербіи, Болгаріи и Руси—Новгородской и Кіевской, а посему и усвоеніе имъ разныхъ областныхъ выраженій есть самое естественное послѣдствіе его повсемѣстнаго употребленія въ Словенскихъ земляхъ. Входя въ языкъ Словенскій, сіи слова вмѣстѣ съ памятниками на немъ написанными могли переходить изъ Болгаріи въ Кіевъ, изъ Новгорода въ Сербію, и становиться достояніемъ вообще письменнаго Словенскаго языка. Кромѣ многочисленныхъ и явныхъ признаковъ живой Русской рѣчи, восторженная любовь къ Россіи,

обоготвореніе Русскаго племени, и пламенное стремленіе къ единству Россіи, неопровержимо опредѣляютъ народность сочинителя Слова.

Третій общій вопросъ относительно Слова о Полку Игоревѣ состоитъ въ изслѣдованіи, писано ли оно стихами или прозой. Г. Сахаровъ собралъ относительно сего вопроса замѣчанія и опыты (сказ. Русск. Нар. кн. I) Гг. Максимовича, Востокова, Дубенскаго и Н. А. Полеваго.

Неимѣя никакого мнѣнія касательно сего вопроса, мнѣ остается лишь замѣтить, что можетъ быть не излишнимъ было бы сравнить Слово сіе съ современнымъ ему стихосложеніемъ въ Византіи и на Западѣ, преимущественно въ лирическихъ стихотвореніяхъ Южной Франціи и Германіи. Изъ Западныхъ писателей, Русскій пѣвецъ можетъ быть сравненъ съ нѣкоторыми даровитыми Провенсальскими Трубадурами и съ Вальтеромъ фонъ-деръ Фогельвейде въ Германіи. Сближеніе въ *литературномъ отношеніи* Слова о Полку Игоревѣ *съ большею частію современныхъ поэмъ* Франціи и Германіи столь же было бы не разсудительно, какъ и причисленіе Слова къ разряду Русскихъ стихотворныхъ сказокъ. Русскія сказки и большая часть романовъ и поэмъ Французскихъ и Нѣмецкихъ, не смотря на ихъ внутреннее достоинство, суть произведенія не оригинальныя. До насъ достигли лишь подражанія и компиляціи поэтовъ—ремесленниковъ, болѣе или менѣе даровитыхъ. Сочинитель же Слова оригинальный и великій художникъ.

Намекъ, что Слово написано прозою, заключается въ самомъ названія сего памятника словомъ: λογος, обозначающимъ произведенія прозаическія,—рѣчь, проповѣдь, сочиненія историческія, повѣсти, былины,—противуположности съ выраженіями μυθος, επος, ποιημα, обозначающими

стихотворныя и баснословныя сказанія. Однако же на употребленіе сего выраженія не въ слишкомъ опредѣлительномъ значеніи указывается въ самой повѣсти о походѣ Игоря, названіемъ оною *пѣснью*. Весьма можетъ быть, что Слово о Полку Игоревѣ представляетъ соединеніе прозаической рѣчи съ лирическими порывами и даже откликами хора.

Четвертый общій вопросъ, возбужденный относительно отсутствія въ Словѣ о Полку Игоревѣ свойственной Русскому народу набожности, происходитъ кажется отъ недостаточнаго изученія сего памятника. Присутствіе языческихъ вѣрованій зависитъ менѣе отъ писателя, чѣмъ отъ времени и людей описываемыхъ въ повѣсти. Мы видимъ изъ лѣтописей и пастырскихъ поученій XII столѣтія, сколь сильно сохранялись въ то время въ народѣ языческія повѣрья и обряды. Въ той степени, въ коей суевѣрія эти встрѣчаются въ пѣснѣ, сохранились они даже и доселѣ въ памяти народной; заклинаніе жены Игоря не есть ли тотъ же заговоръ для отвращенія бѣды, который сохранился и нынѣ, съ тою разницею что заклинаніе Ярославны представлено болѣе поэтическимъ образомъ, а можетъ быть и съ большимъ сохраненіемъ подлинной вѣрности. Подозрѣніе въ язычествѣ, впрочемъ не основательное *), долж-

*) Касательно сего вопроса находится весьма дѣльное замѣчаніе у Сисмонди (De la Litt. du Midi de l'Europe. T. I. c. IX).., «le Dante d'accord avec plusieurs Pères de l'Eglise, adopte toutes les fables du Paganisme, comme ayant représenté les démons sous les noms des dieux infernaux; ainsi il réunit toutes les brillantes couleurs de la Mithologie grecque, toute la puissance des souvenirs poétiques aux terreurs du Catholicisme. Michel Ange, en peignant le Jugement dernier, représenta l'Enfer du Dante; aussi l'on voit dans son tableau Charon transporter les âmes; et comme on oublie qu'il est la le démon du fleu ve, et non l'un des dieux des enfers, on reproche an peintre de la Chapelle Sixtine un mélange des deux religions, qui est cependant conforme aux croyances de l'Eglise.

но бы падать на жену Игоря, а не на писателя, представляющаго своихъ героевъ съ отмѣнною историческою вѣрностію. Упоминаніе о Хорсѣ связано съ повѣствованіемъ о таинственныхъ движеніяхъ Всеслава Полоцкаго, представленнаго и въ Кіевопечерской лѣтописи волхвомъ. «Стрибожи внуци» есть лишь эпитетъ, имѣющій явное притязаніе на классицизмъ. Упоминаніе Даждьбога, какъ родоначальника Русскихъ, объясняется также общимъ увлеченіемъ писателей того времени углубляться въ первобытныя судьбы народовъ, и прививать родословную своего племени и своихъ древнихъ родовъ къ миѳическимъ родословнымъ.

Нравственное и духовное направленіе всей пѣсни есть чисто христіанское. Въ первой чисти Слова представлено паденіе Игоря,—увлеченнаго высокоуміемъ, самонадѣянностію, духомъ соревнованія, и непокоряющагося знаменію. Въ этомъ отдѣлѣ изображены страсти, губящія Русскую жизнь. Громко вопіетъ пѣвецъ о добродѣтели, и проповѣдуетъ Князьямъ духъ христіанскаго смиренія и братской любви.

Во второмъ отдѣлѣ изображается *мудрый* и престарѣлый Святославъ, старающійся освободить падшаго Игоря. Но ни разумъ, ни опытность, ни могущество Святослава, ни рвеніе и бодрость молодыхъ Князей, не могутъ спасти пораженнаго грѣшника. Внѣшнія дѣла уже утратили спасительную силу. Эта часть оканчивается заклинаніемъ Ярославны. Одна лишь высшая сила можетъ освободить Игоря. Вслѣдъ за заклинаніемъ жены Игоря начинается третій и послѣдній отдѣлъ Слова: освобожденіе Игоря, и изображеніе природы и Россіи, торжествующихъ оное. Кромѣ сего духовнаго направленія Слова о походѣ Игоря, весьма замѣтно въ немъ вліяніе библейскаго слога, на вы-

раженія и обороты, въ особенности же пророковъ, псалмовъ и дѣяній Апостольскихъ.

Въ заключеніе должно еще замѣтить, что невозможно судить о семъ памятникѣ XII столѣтія по памятникамъ Русской Словесности Московскаго періода ни въ литературномъ, ни въ умственномъ отношеніи: ибо образованіе въ этихъ двухъ періодахъ весьма различно, какъ это уже замѣтилъ Карамзинъ. Въ немногочисленныхъ памятникахъ Словенской письменности отъ IX до начала XIII-го столѣтія виденъ *трудъ* людей призванныхъ;—въ несравненно многочисленнѣйшихъ памятникахъ XIV и XV-го и послѣдующихъ столѣтій, умственное приготовленіе и призваніе слабы, и рѣдко являются въ произведеніяхъ мірской словесности. Возрожденіе словесности въ Россіи послѣ Татарскаго ига уже не имѣло того благодатнаго и обильнаго источника, коимъ пользовалась Россія въ первыя столѣтія своего христіанскаго просвѣщенія. Тотъ же самый ударъ, который столь сильно и благодѣтельно подѣйствовалъ на умственное возрожденіе Европы, прервалъ сообщенія Россіи съ источникомъ обще Европейскаго просвѣщенія,—и самый источникъ изсякъ.

Я рѣшаюсь сообщить посильный трудъ мой соотечественникамъ моимъ, занимающимся Русскими древностями, въ той надеждѣ, что изученіе Слова о Полку Игоревѣ и изслѣдованія мои для поясненія онаго, можетъ быть, послужатъ къ вѣрнѣйшему пониманію этого памятника XII столѣтія, выразившаго современное состояніе Отечества нашего въ ученомъ, политическомъ и духовномъ отношеніяхъ.

С.-Петербургъ.
12 Апрѣля 1851 года.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Въ предисловіи 1851 года изложены и обстоятельство, давшее начало моимъ изслѣдованіямъ о Словѣ о Полку Игоревомъ, и ихъ программа. Я не рѣшился бы и тогда выпустить въ свѣтъ эти изслѣдованія, если-бъ не былъ побужденъ къ тому и ободренъ Александромъ Николаевичемъ Поповымъ, однимъ изъ представителей много уважаемаго мною Московскаго кружка высокообразованныхъ и ученыхъ людей, посвящавшихъ себя всецѣло развитію и успѣху Русской науки.

Послѣ напечатанія моихъ «Замѣчаній на Слово о Полку Игоревѣ», во Временникѣ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, я постоянно продолжалъ собирать матеріалы могущіе служить къ поясненію этой проблемы нашей древней литературы, по выраженію П. М. Строева. Этотъ накопившійся, въ теченіи многихъ лѣтъ, разнообразный матеріялъ, мнѣ приходится и нынѣ издавать вслѣдствіе благосклоннаго и настоятельнаго побужденія покойнаго Предсѣдателя Археографической Коммиссіи Павла Александровича Муханова и его преемника Владиміра Павловича Титова. Долгомъ считаю пред-

упредить читателя, что я представляю не систематическій докладъ, а такъ сказать слѣдственное дѣло почти въ томъ самомъ порядкѣ какъ оно слагалось. Питая предубѣжденіе противъ вывода общихъ началъ, а равно и противъ предвзятыхъ идей я всемѣрно старался отъ нихъ отрѣшиться. Стремленіе къ выводу общихъ началъ, столь соблазнительное для изслѣдователя, и предвзятыя идеи необходимо влекутъ за собой устраненіе многихъ фактовъ, неподходящихъ подъ уровень придуманной системы.

Читатель замѣтитъ можетъ быть, что въ моемъ трудѣ обращено слишкомъ большое вниманіе на гностическія секты. Гностическія секты были однимъ изъ самыхъ главныхъ проводниковъ распространенія древнихъ басенъ. Кромѣ Троянскихъ сказаній объ Еленѣ, гностики вообще придавали большое значеніе сказкамъ. Святый Ириней, писавшій во второй половинѣ втораго столѣтія, прямо указываетъ какъ Валентіане глядѣли на басни: «Такимъ же образомъ «и эти люди сшиваютъ старушечьи басни, и потомъ, вы«рывая оттуда и отсюда слова, выраженія и притчи, хо«тятъ къ своимъ баснямъ приспособить изреченія Божіи» (кн. 1 гл. VIII § 1). Это свидѣтельство Св. Иринея весьма важно для постановки вопроса о дошедшихъ до насъ басняхъ на твердую почву. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Св. Ириней не говоритъ, чтобы сказки эти были сочиняемы сектаторами, напротивъ слова его прямо указываютъ на то, что они были издревле распространены въ народѣ, сектаторы же пользовались ими для подтвержденія своихъ ученій. Многіе изъ уцѣлѣвшихъ сказокъ носятъ на себѣ отпечатокъ гностическаго вліянія и этимъ отчасти объясняется связь памятниковъ народной словесности съ древними классическими, буддійскими, иранскими и семитическими миѳами. Для объясненія миѳовъ и

сказаній весьма часто прибѣгаютъ къ двумъ формуламъ: или разнородныя величины приводятся къ одному знаменателю, или стараются согласовать кажущіяся противорѣчія посредствомъ среднихъ пропорціональныхъ выводовъ; такимъ образомъ не рѣдко получаются выводы не соотвѣтствующіе ничему обращавшемуся въ дѣйствительности. Количество бытовыхъ и умственныхъ движеній, совершавшихся въ теченіи вѣковъ, среди различныхъ народностей и различныхъ слоевъ обществъ, до того безмѣрно велико, что едва-ли правильно приносить факты въ жертву какой либой системѣ. Съ другой стороны самые противоположные взгляды на древнія сказанія почти всегда болѣе или менѣе правильны, каждый въ отдѣльности, по отношенію къ какому либо ихъ разряду или даже къ тому или другому въ нихъ наслоенію. Господствующія же школы, злоупотребляя своимъ авторитетомъ, кажется, слишкомъ ревниво отстраняютъ и уничтожаютъ въ зародышѣ попытки, расходящіяся съ ихъ направленіемъ.

Меня упрекали за то, что я не подчиняюсь общепринятымъ мнѣніямъ, что гипотезы мои доведены до крайности, что я опираюсь иногда на источники, не пользующіеся авторитетомъ. Подчинять изслѣдованія въ области словесныхъ наукъ какой либо регламентаціи едва-ли правильно. Едва-ли правильно также называть гипотезой Троянство Троянъ, признаніе въ Баянѣ—знаменитѣйшаго изъ прототиповъ всемірнаго эпическаго Пѣвца и въ Черноморской Дѣвѣ Обидѣ—вѣчно прекрасной Елены, губительницы рода человѣческаго. Если я себѣ позволялъ относиться полемически къ нѣкоторымъ изъ представителей Русской современной науки, то это единственно только въ такихъ случаяхъ когда я считалъ необходимымъ снять запрещеніе, налагаемое совершенно произвольно на свободу изслѣдованій.

Враждуя противъ искуственности и систематизаціи въ наукѣ, невольно увлекаешься въ противуположную крайность и я извиняюсь передъ читателемъ за отсутствіе въ моемъ трудѣ методы и за небрежность въ изложеніи.

Вся моя задача состояла въ собраніи фактовъ, хотя и не всегда прямо относящихся къ изслѣдываемому предмету, но необходимыхъ для воспроизведенія той духовной обстановки, въ коей вращался пѣвецъ XII столѣтія. Прогрессивное движеніе науки вслѣдствіе новыхъ, постоянно обнародываемыхъ во всѣхъ концахъ земли свѣдѣній, безпрерывно преобразозываетъ искусно придуманныя сооруженія, а потому я предпочелъ ограничиться ролью собирателя.

Филологія у насъ относится къ наукамъ положительнымъ, какъ живопись начала XIX столѣтія, до изобрѣтенія свѣтописи, къ современному искусству, вынужденному вслѣдствіе вѣрности общедоступныхъ фотографическихъ снимковъ внимательно изучать природу не увлекаясь призраками воображенія. Сравнительное изученіе народной словесности необходимо заставляетъ обращаться къ источникамъ. Превосходные труды А. Н. Аѳанасьева, Ѳ. И. Буслаева, А. Н. Веселовскаго, Я. К. Грота, О. Ѳ. Миллера, Н. П. Минаева, А. Н. Пыпина, В. В. Стасова, Н. С. Тихонравова и издателей и сотрудниковъ Филологическихъ Записокъ въ Воронежѣ пролагаютъ и у насъ путь къ живоносному источнику.

Надѣюсь, что настоящее мое изслѣдованіе вызоветъ замѣчанія лицъ, занимающихся изученіемъ Русскихъ Древностей, которыми я могъ бы воспользоваться при изданіи текста Слова о Полку Игоревѣ, мною приготовляемаго къ печати.

Неудовлетворительность формы, въ которую мнѣ удалось привести массу собраннаго матеріала, отчасти устраняется

подробнымъ указателемъ, съ помощію котораго читатель можетъ легко отыскивать тѣ предметы, которые его интересуютъ. Въ этотъ указатель вошли исправленія и важныя дополнительныя замѣтки, собранныя во время печатанія книги. Кромѣ того убѣдительнѣйше прошу обратить вниманіе: на опечатки, исправленія и дополненія.

Составленіе указателя взялъ на себя по дружескому ко мнѣ расположенію Николай Платоновичь Барсуковъ, за что и приношу ему здѣсь мою сердечную благодарность.

Кромѣ Н. П. Барсукова, я долгомъ считаю изъявить мою живѣйшую признательность Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову, Аврааму Яковлевичу Гаркави, Николаю Ивановичу Григоровичу, Каэтану Андреевичу Коссовичу, Аристу Аристовичу Кунику, Леониду Николаевичу Майкову, Александру Ильичу Тимоѳееву, Антону Антоновичу Шифнеру и Юрію Ѳедоровичу Штендману, за указаніе и доставленіе тѣхъ пособій, которыя дали мнѣ возможность провѣрить и дополнить мой трудъ.

21-го Мая 1875 г.
С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

ПРЕДИСЛОВІЕ 1851 года III

КЪ ЧИТАТЕЛЮ . XI

ВСТУПЛЕНІЕ.

§ 1. Сомнѣніе на какой ладъ должно начать пѣснь. — Этимологическая замѣтка (лѣпо). — Окончаніе 3 лица ед. ч. прошедшаго на ть. — Безличный видъ глагола. — Трудныя повѣсти. — Кириллъ Туровскій 1

§ 2. Поэтъ рѣшаетъ что пѣснь должна начаться согласно съ былинами, а не по вымыслу поэта. — Воспоминанія о Троянскихъ герояхъ въ средневѣковыхъ памятникахъ. — Боянъ.— Сказка о Семи Семіонахъ. — Котъ Баюнъ олицетворяетъ составленіе сказокъ на Ахиллесовомъ островѣ. — Мнѣнія митрополита Евгенія, — Граматина,—Венелина. — Французскіе, Англійскіе и Германскіе средневѣковые писатели. — Даресъ и Диктисъ. — Бенуа де Сентъ Моръ, Гвидо Колумнскій. — Іоаннъ Малала. — Эпиграммы на пристрастіе грамматиковъ къ Гомеру. — Первоучитель Славянскій св. Кириллъ. — Св. Василій.—Слово св. Григорія Назіанскаго. — Разборъ мнѣнія Еверса о состояніи училищъ въ Россіи при введеніи Христіанства.— Шлецеръ. — Состояніе училищъ въ Константинополѣ. — Изученіе Гомера въ русскихъ школахъ. — Троянскія сказанія въ Болгарскомъ переводѣ IX столѣтія. — Іоаннъ Грозный сравниваетъ Курбскаго съ предателями Антеноромъ и Енеемъ. — Омиръ, Орфей и Платонъ изображенные на столбахъ соборной паперти Новоспасскаго монастыря. — Мацѣевскій, Ганка и Шишковъ признаютъ слѣды Гомера въ С. о П. Иг. — Тредьяковскій признаетъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ обломокъ древняго эпоса . . 9

	стран.
§ 3. Пѣвецъ указываетъ на причины сомнѣнія: свойства Гомера. Гомеръ историкъ (мысленое древо), — Географъ (сѣрый волкъ) и Богословъ (сизый орелъ)	60
§ 4. Другой образецъ: Манера русскихъ пѣвцовъ послѣ Владиміра святаго.—Русскія пѣсни.—Соколы и Лебеди . . .	62
§ 5. Баянъ не придерживаясь обычныхъ воззваній предавался вдохновенію	73
§ 6. Пѣвецъ отказывается отъ классическихъ и романтическихъ оборотовъ и намѣренъ исторически изложить повѣсть о событіяхъ совершившихся отъ Владиміра Мономаха до современнаго ему Игоря.—Безличный видъ глагола—дополненіе къ § 1. — Возраженіе противъ мнѣній Гг. Буслаева и Пыпина	75

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОХОДЪ.

§ 7. Игорь видитъ знаменіе въ солнцѣ	89
§ 8. Знаменіе не удерживаетъ его	91
§ 9. Пояснительное замѣчаніе что мысль о молодой женѣ не могла удержать его порыва	92
§ 10. Игорь объявляетъ что онъ готовъ положить голову свою или ознаменовать свое торжество на Дону	93
§ 11. Воззваніе къ Соловью Бояну сходное съ воззваніемъ Еврипида къ Соловью Гомеру. — Расположеніе русскаго поэта связывать генеалогію своихъ героевъ съ героями троянскихъ сказаній совершенно согласно съ настроеніемъ поэтовъ и прозаиковъ XII столѣтія. — Енеты. — Страбонъ, Титъ Ливій. — Гализоны. — Neumann. — Халдѣи.—Хвольсонъ.—Погодинъ.—Массуди.—Халуи,Холопы, Халупники, Халдеи. Страбонъ объясняетъ з› ᵛтанность сведѣній о племенахъ обитавшихъ въ Малой Азіи.—Болгарская сказка о Троянѣ. —Діонисій Періигитъ о рѣкѣ Марсіѣ.—Норики.—Царь Мидасъ. — Мнѣнія Гг. Пынина	

и Срезневскаго.—Анты, Иллиріяне.-Гезіодъ, о племенныхъ полубогахъ.—Троянь, форма древняя.—Норици.—Bulga—басни о Мидасѣ и Марсіѣ.—Bulga—значеніе этаго слова и производныхъ.—Фриги, Франги.—Drus. — Борьба не на животъ а на смерть.—Drudge.—Дружина.—Скандинавская школа.—Dusi.—Daeria.—Скордиски.—Болгъ и Белгій.—Галлы.—Юстинъ.—Волохи.—Болгарскіе колоніи въ Россіи. — Лигуры. — Ложный взглядъ на переселеніе народовъ; набѣги Готѳовъ, Франковъ, Норманновъ и Аваровъ — СТРАН. 95

§ 12. Отрывочное заключеніе поэта, что не безотчетный порывъ увлекъ Русскихъ на Донъ, а напоръ къ Дону безчисленныхъ враговъ 135

§ 13. Повтореніе воззванія къ Бояну.—Велесъ. — Болгарская сказка объ Орфенѣ. — Родословіе Гомера.—Велесъ Аполлонъ; Белена, трава Аполлона.—Мнѣніе Буслаева о Боянѣ внукѣ Велеса.—Задонщина 136

§ 14. Воинственное одушевленіе русскихъ городовъ.—Porcus Trojanus . 142

§ 15. Туръ. — Яруга — Къметъ. 144

§ 16. Игорь отправляется въ походъ 146

§ 17. Усиленіе зловѣщихъ предзнаменованій.—Стазьба —

§ 18. Дивъ сторожь земель прилегающихъ къ Кавказу 148

§ 19. Неготовыи пути.—Крикъ телѣгъ 149

§ 20 . 150

§ 21. Звѣри чуютъ погибель Игоря —

§ 22. Шеломянь 151

§ 23. Наступленіе зловѣщей ночи. 152

§ 24. Ночлегъ подъ прикрытіемъ щитовъ. 153

§ 25. Разсушясь.—Игорь одерживаетъ побѣду въ пятницу 3-го мая.—Паволока.—Аксамитъ 154

§ 26. Ортьмы.—Кожухъ.—Грязити 155

§ 27. Стягъ. — Челка. — Стружіе 156

§ 28. Гнѣздо. 157

*

СТРАН.

§ 29. Небылонъ . 158

§ 30. Въ славянскомъ текстѣ пропущено въ концѣ слово „великому“. —

§ 31. Пропущено въ послѣдней строкѣ текста буква в (въ нихъ)

§ 32. Сабли —תручати. 159

§ 33. Шеломень ср. § 22. 160

§ 34. Стрибожи внуци 161

§ 35. Стязи глаголятъ—извѣщеніе посредствомъ движенія знаменъ.. —

§ 36. Отступленіе русскихъ 162

§ 37. Арріанъ.—Гомеръ. —

§ 38. Боронь.—Харалужный.—Опечатка „прищеши“ вмѣсто „прыщеши“. 163

§ 39. Всеволодъ находящійся въ арьергардѣ врѣзывается въ ряды Половцевъ —

§ 40. Всеволодъ презираетъ опасности не дорожа земнымъ счастіемъ.—Хоть —

§ 41. Историческія воспоминанія. — Исправленіе предложенное Карамзинымъ. — Сербская сказка о Троянѣ. — Русская сказка о Трое сынѣ.—Стихотвореніе Персидскаго поэта Гатифи поясняетъ смыслъ мѵѳа скрывающагося въ сказкахъ Сербской и Болгарской 164

§ 42. Воспоминаніе объ Олегѣ 173

§ 43. Продолженіе того же воспоминанія. —

§ 44. (Въ текстѣ пропущены слова: „обиду Олгову храбра“ между словами „за“ и „млада князя“.)—Канина. — Паполома. — Каневъ.—Ускоки кониные въ пѣснѣ Кирши Данилова.— Коньско уристаніе.—Мнѣніе Максимовича 174

§ 45. Выписки изъ лѣтописи для выясненія: идетъ ли здѣсь рѣчь о Тугорканѣ или о Изяславѣ.—Погрѣшность принадлежитъ самому пѣвцу;—хотя Изяславъ похороненъ въ Десятинной, а не въ церкви Св. Софіи, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ предполагать, что дѣло идетъ о Изяславѣ, а не о Тугорканѣ, похороненномъ на распутьи у Берестова.—„Повелѣя“ опи-

СТРАН.

ска вмѣсто „повелѣяти“.—Каяла, судя по этому мѣсту, рѣка миѳическая 175

§ 46. Бѣдственное состояніе Россіи.—Дажьбогъ 181

§ 47. „Сице и“—неправильное чтеніе первыхъ издателей вмѣсто „сицеи“ . —

§ 48. Описаніе арьергарднаго дѣла.—Харалугъ—срав. подъ этимъ словомъ въ Указателѣ —

§ 49. Пораженіе Всеволода 183

§ 50. Пѣвецъ выставляетъ себя участникомъ въ походѣ.—Игорь обращается на выручку Всеволода —

§ 51. Паденіе знаменъ Игоревыхъ. —

§ 52. Хлѣбное вино,—въ древнихъ редакціяхъ Св. Писанія вино переводится медомъ.—Сравненіе битвы съ пиромъ въ нѣмецкой поэмѣ „Гудрунъ“.—Половцы сваты.—Неосновательное предположеніе Лосицкаго, что слово „Кумане“ происходитъ отъ кумовства

§ 53. Участіе, принимаемое природой въ бѣдствіи Русскихъ. . 184

§ 54. Объясненіе выраженій: година, пустыни

§ 55. Воспоминаніе изъ Троянскихъ сказаній.—Обида.—Елена.—Значеніе ея въ классическо҆й словесности. Гностики.—Русскія пѣсни.—Сказка о семи Семіонахъ. — Сивиллы.—Выписка изъ древней исторіи Максъ Дункера объ ученіи Халдеянъ.- Гибельное вліяніе Елены Ураніи на мореплаваніе (стр. 219). 185

§ 56. „Погибе“ въ значеніи погубила.—Страдательный видъ, глаголъ имѣлъ вѣроятно значеніе дѣйствительнаго 222

§ 57. Распри и пререканія князей. 223

§ 58. Ихъ послѣдствія 224

§ 59. Неосторожность Игоря. 224

§ 60. Вслѣдъ за Игоремъ поднялся Карнай, древній Зулъ Карнеинъ: Александръ Великій.—Сказаніе объ Александрѣ.—Этнографическія замѣтки.—Массуди,о Турко-Славянахъ.—Низами, походъ Александра Великаго противъ Русскихъ.—Небольсинъ, о киргизскихъ племенахъ Урусъ —

§ 61. Плачь Русскихъ женщинъ 239

СТРАН.

§ 62. Уныніе Русскихъ городовъ 239

§ 63. Обвиненіе князей 240

§ 64. Обвиненіе Игоря и Всеволода —

§ 65. Похвалы Святославу. 241

§ 66. Мнѣніе иностранцевъ. — Выписки и переводы, подтверждающіе показанія Пѣвца. — Этими словами оканчивается пѣснь о походѣ. — Послѣсловіе. — Разсказы Фредегара о Франкахъ и Троянахъ, поселившихся на Дону. — Мнѣнія старинныхъ Французскихъ историковъ.—Франки выходятъ изъ Панонiи со знаменемъ украшеннымъ лиліями . . . 242

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВОЗЗВАНІЕ.

§ 67. Замѣтка 264

§ 68. Святославъ разсказываетъ видѣнный имъ сонъ. 265

§ 69. Вино съ трутомъ смѣшанное.—Тъщій.—Толковины.—Григоровичъ, Барсовъ. – Прусское Talck. –Bastard.—Бастіева чадь.—Женюгъ

§ 70. Кнѣсъ 272

§ 71. Босуви.—Совій, проводникъ въ адъ.—Плѣсньскъ.—Дебрь кисаня, долина слезъ.—„Не сошлю“ описка, вмѣсто „несошаю“. —

§ 72. § 73. § 74. § 75. Слова, находящіяся въ концѣ § 75 „и въ морѣ погрузиста“, должны быть перенесены въ конецъ § 74, и по историческому, и по грамматическому смыслу . . . 276

§ 76. Дивъ 277

§ 77. Бусъ.—Мнѣніе Лосицкаго о Половцахъ, Готѳахъ и Пруссахъ. — Татищевъ. — Шлецеръ. — Словарь Команскій. — Готѳскія слова, записанныя Бузбекіемъ (ср. стр. 466).— Іорнандъ о языкѣ Готѳскаго перевода Ульфилы Св. Писанія. 278

§ 78. На сбивчивость рѣчи Святослава, въ существующемъ текстѣ, какъ будто намекаетъ самъ Пѣвецъ. 280

§ 79. Обращеніе рѣчи къ Игорю и Всеволоду 281

§ 80. Значеніе слова „нечестно“ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ. —

§ 81 Упреки Игорю и Всеволоду. —

§ 82. Упреки Игорю и Всеволоду перебиваются словами, обращенными къ Ярославу Черниговскому и отнесенными въ § 86.—Слова „нъ рекосте мужаемся сами“, очевидно, по логической и грамматическоя связи рѣчи (двойственное число) относятся къ Игорю и Всеволоду, а не къ Ярославу Черниговскому 283

§ 83. Соколъ въ мытехъ—объясненіе по словарю Дюканжа . . 285

§ 84. Сожалѣніе велякаго князя Святослава, что ему не помогаютъ Русскіе князья —

§ 85. Нападеніе Половцевъ на городъ Римовъ или Римы. . . 286

§ 86. (Слова принадлежащія сюда находятся въ печатномъ текстѣ между словами заключающимися между §§ 81 и 82, стр. 282). —

Черниговскіе были.– Могуты. — Татраны. – Шельбиры.— Ревуги. — Топчаки 282

§ 87. Обращеніе къ Великому Князю Всеволоду. – Чага. — Кощей.—Резань.—Ногата.–Шереширы.—Русскія, Литовскія и Санскритскія формы поясняющія значеніе этого слова въ смыслѣ метательнаго рыболовнаго орудія. — Сыны Глѣбовы.—Рязанскіе князья Романъ, Игорь, Всеволодъ и Святославъ. 286

§ 88—89. Обращеніе къ Рюрику и Давыду, князьямъ Смоленскимъ. 290

§ 90. Обращеніе къ Ярославу Галицкому. — Обычай пѣть пѣснь послѣ побѣды.—Осмомыслъ.–Пиѳагоръ. — Времена и бремена.—Угорскія и Галицкія ворота.—Шараньевичь . . . 291

§ 91. (Е) Воспоминаніе о Изяславлѣ «Трубы трубятъ Городенскыи», —находящіяся въ концѣ, должны, по смыслу и строю рѣчи, быть перенесены въ начало §. — Болото.—Кравать.— Ожерелье 302

§ 92. (А) Упреки и насмѣшки надъ Романомъ и Мстиславомъ.– —

Папорзи.—Буесть.—Къ этимъ насмѣшкамъ и упрекамъ относятся слова подъ § 93. стран. 294

§ 93. (D) Упрекъ Роману и Мстиславу за расхищеніе земель въ Литвѣ и за ношеніе Польскаго вооруженія. — Приглашеніе обоихъ князей, вмѣсто разоренія Литвы, защитить Россію на Дону и отмстить за раны Игоря и Всеволода.—Затворите полю ворота, въ смыслѣ преградите путь изъ степи въ Россію . 301

§ 94. (B) Грустное размышленіе пѣвца, что защита князей во всякомъ случаѣ будетъ слишкомъ запоздалой.—Бѣдственное состояніе Россіи и завладѣніе Русскихъ городовъ Половцами. — Повѣрья. — „Крѣсити". 297

§ 95. (C) Ольговичи—Мстиславичи: Романъ, Всеволодъ и Святославъ. — Шестокрилци. Предъидущимъ § оканчивается слово Святослава и Пѣвецъ откликается на безнадежное отчаяніе Великаго Князя. —Слова „Донъ ти Княже кличетъ" обращены къ Великому Князю и могутъ быть обращены только къ одному ему. Затѣмъ онъ упоминаетъ остальныхъ князей. — Явились на защиту только Ольговичи и три Мстиславича. Здѣсь главное основаніе раздѣленія воззванія на слово Святослава и рѣчь самого пѣвца. Мнѣніе А. Н. Майкова. — Святославъ Пріямъ. — Несторъ. — Дѣятельность Нестора, заключающаяся въ совѣтахъ и притчахъ. 298

§ 96. Обращеніе къ Ярославу Всеволодовичу Черниговскому, потомку Олега, и внукамъ Всеслава Полоцкаго. — Бездѣйствіе Ярослава Черниговскаго въ 1185 и 1187 годахъ. Жизнь Всеславля — жизнь Русская. — Всеславъ, отецъ Волхва Всеславьича, одинъ изъ родовыхъ Русскихъ боговъ, какъ и Дажьбогъ,—Всеславъ.—Periclymenus.—Theoclymenus.—Протей. Упоминаніе Всеслава служитъ переходомъ къ Троянскимъ сказаніямъ. — Пѣснь о Соловьѣ Будиміровичѣ разоблачаетъ вполнѣ соединеніе пѣвцами преданій Библейскихъ съ народными, Новгородскими.—Взглядъ Аѳанасьева на составленіе народныхъ пѣсень. 303

§ 97 Седьмый вѣкъ троянскій, седьмое поколѣніе Царей троянскихъ.—Родословна я по Гомеру. Родословныя Гезіода. — Родословная Дажьбога. — Манетонъ. — Мнѣніе Буслава о Всеславѣ.—Ахиллесъ Понтархъ.—Басня о происхожденіи меровинговъ.—Мнѣніе Гёте по поводу Ахиллеса и Елены, о правахъ поэта вызывать вѣчные типы внѣ предѣловъ

времени.—Гезіодъ, говоря о Переклименѣ, имѣетъ въ виду басня о Всеславѣ.— Рожденье Всеслава Полоцкаго отъ волхвованья, Волхва Всеславича отъ змѣя, сходны съ рожденіемъ Александра Великаго отъ Нектанеба, превращавшагося въ крылатаго змѣя.—Язвено. — Значеніе этой примѣты. —Система Цельсія о возвращеніи умершихъ людей на землю.—Дѣва, ея названія у различныхъ народовъ.—Mardöll, Минерва, Елена, Діана, Анагитъ, Танаисъ и. т. д.— Пѣвецъ Русскій, называя Елену Дѣвой, поступаетъ весьма классически и согласно языческимъ предразсудкамъ о неизречимости имени богини матери боговъ —Мѣстности на Азовскомъ морѣ, посвященныя Ахиллесу и Дѣвѣ.— Толкучія горы, DuBois de Montpereux, Karl Neumann.— Ученіе Симона Волхва объ Еленѣ.—Выраженіе „врже жребій" совершенно классично.—Кости.—Плутархъ.—Магдебургъ.—Dewin.—Сказка о Словенѣ и Русѣ.—Мнѣніе Буслаева о Волхвѣ Всеславьичѣ. — Пѣснь Кирши Данилова о Волхвѣ Всеславьичѣ.—Гностическія и скопческія секты въ связи съ культомъ Сирійской богини и Таврольской Діаны.—Уранъ, оскопленный Хрономъ.—Камергеръ Елянскій.—Сципіонъ.—Сонъ Сципіона дѣйствительно принадлежитъ къ самымъ мистическимъ ученіямъ древности,— Расказъ Цицерона поясняетъ обрядъ круженія. —Николаиты, Валезане, Павликіане.—Мать сыра земля и заря, соединенныя въ одно лицо въ скопческой пѣснѣ.—Пѣсни, помѣщенныя на стр. 66—68, принадлежатъ несомнѣнно этому же циклу.—Шесть хлыстовскихъ пѣсенъ.—Значеніе Елены въ сказкѣ о Семи Семіонахъ совершено согласно съ ученіемъ гностиковъ и находится въ полномъ согласіи съ Сербской и Болгарской сказкой о Троянѣ и стихотвореніемъ Гатифи.—Таинственныя слова.—Мнѣніе Шевырева, подтверждаемое О. Ѳ. Миллеромъ и развиваемое Буслаевымъ, о соединеніи въ одно лицо миѳическаго волхва Всеславьича и историческаго Всеслава Полоцкаго.—Суетность состязаній о принадлежности миѳовъ тому или другому племени.—Безсоновъ, о пѣснѣ объ Олегѣ Всеславьичѣ.— Разсказъ Геродота о той же баснѣ.—Золотый плугъ.— Культъ Дѣвы, подъ именемъ Танаисъ, отъ Азовскаго моря распространялся вдоль всего сѣвернаго берега Африки.— Gesenius.—Этому распространенію культа Танаиты соотвѣтствуетъ распространеніе географическихъ именъ, принадлежажихъ къ корню Rus.—Жертвоприношеніе первенцовъ. На стр. 350, строка 14, опечатка: „*пользу*" вмѣсто

жертву.—Болгарскіе Богумилы должны быть въ сродствѣ съ Капноватами и Ктистами Страбона.—Замолксисъ.—Когеонъ.—Коганъ.—Когенъ.—Согласіе ученій Замолксиса и Пиѳагора.—Свидѣтельство Русской лѣтописи о тождедествѣ миѳологіи Русской и Египетской.—О семитизмѣ Руссовъ.—Епископъ Порфирій СТРАН. 309

§ 98. Всеславъ съ помощью народнаго возстанія спасается изъ тюрьмы.—Клъка.—О кони.—Струга.—Острога.—Стрикусы. Таинственныя передвиженія Всеслава 353

§ 99. Немига, одинъ изъ притоковъ Нѣмана (С. М. Соловьевъ), рѣка въ Минской губерніи, по мнѣнію академика Куника.—Положеніе Полоцкаго княжества въ XII столѣтіи.—Родословная князей Литовскихъ у Лоссицкаго 358

§ 100. Horus —Климентъ Александрійскій.—Волкъ —Озирисъ.—Волкъ-Фенриръ.— Разсказъ Джона Мандевиля о Жидахъ, заклепанныхъ Александромъ Великимъ, и о лисицахъ.—Египетская повѣсть Синезія о Горосѣ и Озирисѣ.—Loup garou—вукодлакъ.—Нападеніе Меченосцевъ на Полоцкое княжество.—Тьмуторокань —Тавры.—Игнатъ Козаки.—Тамара и Русскій князь.—Осетинцы.—Фальмерейеръ —Клапротъ.—Сказка о семи Семіонахъ.—Разсказъ Геродота.—Русская сказка объясняетъ двойственность Елены и ея нахожденіе одновременно въ Египтѣ и въ Троѣ.—Царь Афронъ и Теоклименъ.—Волхвъ Годиновичь.—Оросъ сынъ времени.—Волки въ Скандинавской сагѣ.—Апокалиптическій характеръ Русской пѣсни.—Пророчество о седьмомъ тысячелѣтіи.—Датская пѣснь о юномъ Свендалѣ.—Альбанская сказка о Лельѣ Курвѣ. 362

§ 101. Эпиграммы на Всеволода 379

§ 102. Общее мѣсто, встрѣчаемое въ сказкахъ о падающемъ въ ровъ, и выраженное въ баснѣ о звѣздочетѣ 380

§ 103. Приспособленіе къ Всеславу изрѣченія Баяна —

§ 104. Два стиха изъ Илліады 381

§ 105. Прьвая година и прьвыя князья. (Ошиб. об. § 106) . . 382

§ 106. Сожалѣніе Пѣвца, что установленное Владиміромъ Мономахомъ единодержавіе не удержалось —

§ 107. Рози.—Хоботы.—Выписка изъ лѣтописи объ отсутствіи единства въ движеніяхъ Смоленскихъ князей.—Образцы переводовъ Слова о п. Иг. —Пѣвецъ имѣетъ въ виду дружныя дѣйствія Аяксовъ.—Хоботы.—Указаніе Шпигеля на существованіе остатковъ культа Анагиты въ Луристанѣ и Бактріи.—Берозъ.—Зороастръ. Стрійковскій.—Моисей Хоренскій.—Сивиллы.—Терапевты.—Люди Божіи. — Акты Инквизиціи.—Буддисты.—Аргадъ Всеславъ.—Французскій писатель Delaunay изобличаетъ писателей, враждебно относящихся къ ученію церкви, въ близорукости. СТРАН. 382

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ИГОРЯ.

§ 108. „Копія поютъ на Дунаѣ“ ошибочно согласованы съ предъидущимъ намекомъ на движенія Смоленскихъ князей.—Слова эти неправильно прочтены вмѣсто: „кони поятъ на Дунаи“ обозначающія время и мѣстность.—Пѣснь изъ Сборника Рыбникова.—„Слышитъ“ безличный видъ, также какъ „помняшеть“ „пущашеть“—Сравненія Ярославны съ Алціоной; Метаморфозы Овидія. — Тщетность усилій приписывать вторство миѳовъ той или другой народности.—Неразрѣшимость этого вопроса во времена Геродота. — Попытка, сдѣланная въ Египтѣ, для рѣшенія принадлежатъ-ли миѳы Фригійскому (Индо-Европейскому), племени или Египетскому (Хамо-Семитическому). — Максъ Мюллеръ.—Кунъ.—Аѳанасьевъ 400

Пути распространенія сказаній, преданій и басенъ.— 1) Письменныя памятники и школы.—2) Общіе центры поклоненія въ древности.—3) Движеніе племенъ послѣ побѣдъ Александра Великаго.—Движенія сектъ еврейскихъ, языческихъ и христіанскихъ до Р. Х. и послѣ.—Мистики, Гностики, Богумилы. —4) Тѣсные предѣлы обитаемой земли въ древности.—Вліяніе XVII, XVIII и начала XIX столѣтія на заподозриваніе библейскихъ сказаній много способ-

ствуетъ шаткости и несостоятельности проводимыхъ исторических теорій.—Еврейскія преданія объясняютъ древнюю жизнь многихъ Европейскихъ народовъ.—Еврейскія преданія тѣсно связаны съ языческими преданіями Европейскихъ и Азіатскихъ народовъ.—Разнородныя вліянія и ученія, проявляющіяся въ народной литературѣ. Необходимо имѣть постоянно въ виду эти разнородныя вліянія при изученіи древностей. — Присутствіе ученія о взаимнодѣйствіи элементовъ въ древнихъ миѳологіяхъ.— Вода.—Превращеніе воды и постоянное улетучиваніе тончайшихъ частей.—Тоже ученіе о душѣ.—Сонъ Сципіона. — СТРАН.

§ 109. Крильцю . 409

§ 110. Забололѣ вмѣсто Заборолѣ 417

§ 111. Заклинанія Эстовъ.—Заклинанія древнихъ Персовъ.—Заклинаніе Ярославны обращено къ водѣ, солнцу и вѣтру.— Ярославна не упоминаетъ земли.—Земля даетъ вѣсть Половцамъ о побѣгѣ Игоря.—Гаданія Димитрія Боброка накануне Мамаева побоища.—Молитва Елены Ефимовой о Петрѣ Великомъ.—Ученіе Марка о значеніи буквъ.—Добротворскій о людяхъ Божіихъ.—Св. Ириней объ ученіи Гностиковъ .—Показанія Анны Ѳедоровой Скачковой.—Гребенскіе, Запорожскіе казаки и Липоване.—Стенька Разинъ.—Масоны.—Квакеры 417

§ 112. Сморци.—Значеніе подымающейся воды къ небу, по ученію древнихъ Персовъ.—Пребываніе Игоря въ плѣну и его возвращеніе по Ипатьевской лѣтописи 427

§ 113. Несогласіе лѣтописца и пѣсни.—Овлуръ.—Лаворъ.—Лаверъ.—Бѣгство Селиванова изъ Иркутска. 429

§ 114. Значеніе воды въ ученіи персовъ, ср. §§ 109, 113.—Благодарственная рѣчь Игоря къ Дону и патентъ императора Китайскаго рѣкѣ Гоенъ-Тумъ-Кіамъ на титулъ герцога.— Шаманизмъ,Буддизмъ,Магизмъ и Гностицизмъ Богумиловъ. Вліяніе Богумильскаго ученія Провансальнскую поэзію. Масоны. — Лонгиновъ. — Людіи Божіи. — Добротворскій. — Радаевъ. — Spiegel о распроспространеніи ученія Манеса въ земляхъ Славянскихъ и Италіи. — Массаліане. — Павликіяне. — Богумилы. — Связь ученія Болгаръ съ древнимъ ученіемъ Замолксиса. — Страбонъ, о священной горѣ Коганеумъ.—Богъ Кагунъ въ легендѣ о

Вильгельмѣ Оранскомъ. — Каганъ. — Объясненія О. Ѳ. Миллера, Куна и Макса Мюллеръ народныхъ басненъ измѣненіями времени — борьбою солнца съ ночью и тучами. — (Описка на 11 строкѣ снизу стр. 439, „число“ вмѣсто „человѣчество“).—Значеніе басень многоразлично: въ нихъ излагаются разнаго рода тайны, а не одни явленія природы повторяющіяся самымъ нагляднымъ образомъ.— Донъ и Донецъ въ пѣснѣ изображаютъ житейское, грѣшное море, плѣненіе Египетское, Донецъ путь спасенія.— Причины почему поэтъ упоминаетъ вскользь о побѣгѣ Игоря изъ плѣна. 431

§ 115. Слова. «а, не сорокы втроскоташа» по смыслу должны быть перенесены въ конецъ § 116, въ слѣдъ за словами: «соловьи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ». — Ли описка вмѣсто Ми. — Стругы. — Рѣка Стугна. — Уноша.—«Днѣпрь» неправильно прочтено первыми издателями вмѣсто днѣпр″ = при. — Лаврентьевская лѣтопись о погибели Ростислава. — Значеніе воды и добраго расположенія этой стихіи, въ Валійской пѣснѣ о рожденіи и инниціяціяхъ Таліезина. — Превращенія Гвіона и рожденіе Таліезина. — Исторія пѣснопѣнія.—Чанъ съ водой, Pair Cerydwen, у Бретонтцевъ, Чанъ съ водой у людей Божіихъ, въ память перехода Израильтянъ черезъ Чермное море, подобно радѣніямъ Египетскихъ Терапевтовъ. (Ср. стр. 448 свидѣтельство священника Сергѣева).—ВъПѣснѣ Таліезина о самомъ себѣ излагается исторія пророчества и пѣснопѣнія. — Гимнъ Бояна, по извѣстному отрывку, сообщенному Державинымъ, сходенъ съ пѣснью Таліезина.—(Матеріяльный подлогъ не доказываетъ чтобы и содержаніе было подложно; гимнъ заслуживаетъ внимательнаго разбора); Скептицизмъ невѣдѣнія. - Сказка о Горѣ злосчастіи.— Тѣже превращенія и тотъ же смыслъ что и въ пѣснѣ о рожденіи Таліезена.—Еврейская пѣснь наканунѣ Пасхи, съ ней въ ближайшемъ сродствѣ. - Свидѣтельство священника Сергѣева.—Еврейская пѣснь: Ein Zickelein и т. д. ВъРусской пѣснѣ оГорѣ Злосчастіи сохранился древнѣйшій смыслъ. — Стасинъ въ Кипрскихъ стихахъ приводитъ тотъ же миѳъ по поводу рожденія Елены. — Смыслъ Греческаго миѳа наиболѣе удаляется отъ прямаго значенія миѳа. — (Плутархъ вовсе его не понимаетъ, стр. 490).—Замѣчаніе Велькера что миѳы въ позднѣйшихъ редакціяхъ могутъ принадлежать самой первобытной древности.—Всѣ эти миѳы о превращеніяхъ находятся въ ближайшей свя-

зи съ ученіемъ буддистовъ о постоянныхъ метаморфозахъ Будды пока онъ не достигнетъ Нирваны, т. е. полнаго душевнаго спокойствія и непоколебимаго и неизмѣннаго состоянія духа. Присутствіе Греческихъ миѳовъ о Тезеѣ, Персеѣ, въ легендахъ Романскихъ и Бретонскихъ. — Разсказъ Никиты Хоніата о статуеткѣ Болгарина или Влаха въ копытѣ конной статуи въ Константинополѣ, разбитой Латинскими воинами. (Ср. въ Указателѣ подъ ст. Никита Хоніятъ). — Индія въ Бретонскихъ сказкахъ также завѣтная земля какъ и въ Русскихъ сказкахъ. Типъ простяка въ Бретонскихъ сказкахъ Peronic соотвѣствуетъ вполнѣ нашему Ивանушкѣ дурачку. —Отношеніе Русской науки къ накопившійся массѣ неразработанныхъ матеріаловъ для сравнительной филологіи. — Скандинавская школа. — Академикъ Куникъ о Таманской Руси и Крымскихъ Готѳахъ. — Тавры и Руссы. — М. П. Погодинъ. — Штриттеръ. — Лосицкій о Литовствѣ Руссовъ и Половцевъ. — Совици: Пруссы, Литва, Емь и Либъ. — Прусскій языкъ во всемъ, что относится до быта, болѣе близокъ Русскому чѣмъ Славянскіе языки. — Названіе Руссовъ происхожденія Романскаго.— Туземность культа Артемиды на берегахъ Азовскаго моря. Скопчество въ Малой Азіи въ связи съ этимъ культомъ.— Варварскія религіозныя и торговыя общества въ Аѳинахъ. — Foucart. — Плутархъ. — В. В. Григорьевъ, о доисторическомъ Буддизмѣ въ Европѣ. 441

§ 116. Птицы обнаруживаютъ путь бѣглецовъ въ степи.—Мицкевичь —

§ 117. 473

§ 118. Обычай у древнихъ начинать и оканчивать пѣсни воззваніемъ къ Лину. — Гезіодъ. — Геродотъ. – Манеросъ.— Предположеніе Швенка и Велькера, что Славянскій припѣвъ «ай люли» въ связи съ этимъ обычаемъ. Словесное хожденіе Медеи съ Язономъ, въ рукописной исторіи о раззореніи Трои. — Ѳ. И. Буслаевъ основательно читаетъ «пѣснь творца» вмѣсто позднѣйшаго составнаго слова «пѣснотворца». Воспоминаніе о Творцѣ Омирѣ въ исторіи о взятіи Соловецкаго монастыря. — Поднесеніе Омировыхъ сочиненій Александру Великому и его эпиграмма по этому случаю. — Слово объ Александрѣ въ рукописномъ Русскомъ хронографѣ, та же Сербская повѣсть

изданная Ягичемъ. — Популярность Троянскихъ сказаній въ Европѣ и популярность имени Гомера.—Пѣвецъ Игоревъ былъ коротко знакомъ съ Гомеромъ, Еврипидомъ и баснями, слагавшимися объ Ахиллесѣ и Еленѣ на Черномъ морѣ. — Мнѣніе Іована Хаджича о сочинителѣ Слова о Полку Игоревѣ.—Догадка Кораблева, что сочинитель слова одно лицо съ книжникомъ Тимоѳеемъ изъ Кіева, сказавшимъ слово противъ Угорскаго воеводы Венедикта въ Галичѣ. — Слово объ Антихристѣ XVII столѣтія содержитъ въ себѣ какъ будто намеки на событія въ Галичѣ въ XII столѣтіи. — Политическое значеніе Слова о П. Иг. — Маккіавель—Дѣйствія сыновей. Игоря въ Галичѣ и ихъ трагическій конецъ. — Пѣвецъ Игоревъ называетъ свою пѣснь Святославовой, по своему имени; упоминаетъ свои три прежнія пѣсни. — Значеніе Бояна поэта и чародѣя, изложенное въ Бретонской колыбельной пѣснѣ. — Голубь, символъ пророчества въ Бретонской пѣснѣ и въ пѣсняхъ людей Божіихъ.—Сродство Бретонской пѣсни съ пѣснью «Утенышка по рѣчушкѣ плыветъ». — Даніилъ пророкъ, видѣнный во снѣ Александромъ Великимъ. — Вильмарке признаетъ классическую основу за самую твердую для поясненія народной поэзіи. — Кипрское стихотвореніе Стасина въ нѣмецкомъ переводѣ. — Изображеніе въ храмѣ Минервы въ Саисѣ, въ связи съ превращеніями Немезисы и Юпитера . 473

§ 119. Головы вмѣсто головѣ. Правописаніе Новгородское.—Каббалистическое изреченіе въ Сеферъ-Яцирѣ. — Схожее съ нимъ изреченіе въ Ведахъ. — Прорицаніе Дельфійской Пиѳіи, по переводу Киріяка Кондратовича. — Bertrand de Borne, въ Божественной Комедіи Данте.—Персидскій законъ за ослушаніе.— Даніилъ заточникъ и другія Русскія уподобленія безглавія безначалію. — Изреченіе Грака въ хроникѣ Кадлубка наиболѣе сходное съ изреченіемъ Бояна.—Гракъ, Крокъ, Бардилъ король Иллирійскій. — Подобное же изреченіе въ англійской поэмѣ: Kyng Alisaunder. — Отрубленная голова, въ сказаніяхъ объ Артурѣ.— Чешская легенда о Крокѣ, отцѣ Кази—Знахарки, Тетки вводившей идолопоклонство и предвѣщательницы Любуши.— Чешская лѣтопись о Крокѣ. — Архіепископъ Евстаѳій о Крагѣ. — Повтореніе тѣхъ-же географическихъ названій на Азіатскомъ берегу Средиземнаго моря и на Сѣверѣ отъ Дуная. — Однородная этимологія выраженій Баянъ и Gracus. — Существованіе въ древности Славянскихъ

басенъ въ большей полнотѣ, тѣмъ въ настоящее время.— Тѣми же баснями пользовались Гомеръ и Еврипидъ. — Нѣтъ основанія предполагать, что пѣвецъ, который соединялъ въ себѣ Гезіода, Гомера, Еврипида, Овидія, и Русскаго Бояна существовалъ въ X, XI или XII вѣкѣ въ Россіи; если бы онъ существовалъ, то онъ былъ бы по крайней мѣрѣ извѣстенъ. — Стихи Овидія и Гезіода, приписываемые въ Польской лѣтописи Граку, приписываются въ Русской Гомеру.—Посмертныя слова Ахиллеса о головѣ и плечахъ. — Расположеніе Ахиллеса къ пѣснопѣнію. Стихотвореніе Ахиллеса къ Гомеру.—Въ Русскомъ хронографѣ повѣсть о Троянскомъ плѣненіи приписывается Омиру Ахиллею. — Этимъ обозначается сложеніе Троянскихъ пѣсенъ на островѣ Левке, о коихъ говоритъ Филостратъ и упоминается въ Русской сказкѣ о Семи Семіонахъ Ср. также въ указателѣ Кодольскій островъ. Эта редакція отличается по плану и подробностямъ отъ редакцій придерживающихся Guido de Columna. ПѣвецъРусскій весьма правильно и совершенно архаически присвоиваетъ Баяну всѣ пѣсни и басни, относящіяся до Троянскаго цикла.—Классикъ Велькеръ обстоятельно излагаетъ этотъ взглядъ и ссылается въ примѣчаніи на нашего Баяна.—Велькеръ обозначаетъ Бояна Пѣвцомъ XI столѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ именемъ его поясняетъ собирательное значеніе имени Гомера въ древности 490 | СТРАН.

§ 120. Торжество природы при возвращеніи Игоря въ Кіевъ на поклоненіе Пирогощей Божіей Матери. 509

§ 121. Пѣвецъ приглашаетъ города, пропѣвшіе древнія пѣсни про старыхъ витязей, пѣть пѣсни въ честь Игоря и его сподвижниковъ. — Политическій характеръ Слова о П. Иг. и вообще эпической поэзіи. — Предсказанія о всемірномъ господствѣ Людовика IX. Перенесеніе ожиданій сектаторовъ въ Среднюю Азію. — Пресвитеръ Іоаннъ.— Чингисъ Ханъ. — Въ поэмѣ Вольфрама Фонъ-Эшенбахъ Парциваль воспѣвается перенесеніе, Урепансой священнаго и таинственнаго Граля въ Индію, гдѣ отъ нея родится Пресвитеръ Іоаннъ.—Въ поэмѣ Титурель, послѣ замужства Урепансы, храненіе Граля поручается Арибадалѣ, которая переноситъ его съ грѣховнаго Запада на Востокъ. Пресвитеръ Іоаннъ встрѣчаетъ Граль.—На Гралѣ должно находиться имя того лица, который долженъ быть Пресвитеромъ Іоанномъ. Рожденіе Чингисъ-Хана отъ дѣвы.—Кир-

гизская сказка. — Чингисъ-Ханъ женится на дочери 4-го Пресвитера Іоанна.—По просьбѣ Русскихъ, дочь Чингисъ Хана посылается къ нимъ на царство. — Дервиши, Друиды, Богумилы, Катары и другіе сектаторы (Несторіанцы), Мусульмане. — Басни о Парцивалѣ, Іоаннѣ Пресвитерѣ, Волхвѣ Всеславичѣ, Иванѣ Царевичѣ въ сродствѣ съ баснями объ Александрѣ Великомъ, Озирисѣ и Хорсѣ. – Секта Богумиловъ въ Новгородѣ. – Архіепископъ Геннадій. стран.

§ 122. Отчество часто не склонялось въ древнихъ памятникахъ. — Частица «а» или описка вмѣсто союза «и» или слѣдуетъ отдѣлить «а дружинѣ» въ скобкахъ, какъ относящееся къ хору, коему слѣдуетъ сказать: Аминь. 517

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ И КАРТЪ.

I. На первомъ листкѣ: вверху, апоѳеозъ Гомера, представленный на вазѣ, находящейся въ Неапольскомъ музеѣ. Рисунокъ этотъ встрѣчается во всѣхъ учебныхъ атласахъ Исторіи искуствъ. На томъ же листкѣ внизу Иванъ царевичь на сѣромъ волкѣ, похитившій Елену прекрасную у царя Афрона. Этотъ эпизодъ изъ сказки объ Иванѣ царевичѣ соотвѣтствуетъ увозу Елены Менелаемъ изъ храма Тэоклимена, сына Протеева. Къ обоимъ рисункамъ относятся Слова Пѣвца Игорева, написанныя и напечатанныя художникомъ Владиславомъ Рейнгардомъ 60

II. Tabula Geographica 1261. Nassir Eddini Tusii denominata Jlkhana. На этой картѣ помѣщенъ островъ Руссъ и Куява на Каспійскомъ морѣ, противъ Дербента 111

III. Карта Едризи: Tabula itineraria Edrisiana. На этой картѣ изображены: сѣверная и южная полосы Россіи, прибрежья Чернаго и Балтійскаго морей. На ней Троя находится въ земляхъ Туркорусскихъ. На балтійскомъ прибрежьѣ значится область Маговъ, Маджусъ. См. въ указателѣ **КАШАКИ и ХАЛИЗІИ** 188

Турочской комитатъ есть средоточіе сплошнаго населенія Словаковъ, коихъ вѣроятно имѣлъ въ виду Масуди, говоря о придунайскомъ Славянскомъ племени Туркахъ стр. 234.

IV. Каталанская карта, на коей изображены Европа: М. Азія и Африка съ обозначеніемъ торговыхъ путей отъ Балтійскаго моря къ Каспійскому, Черному и въ Среднюю Азію . 224

Всѣ эти четыре карты заимствованы изъ атласа приложеннаго къ средневѣковой географіи Лелевеля. Чтеніе надписей и объясненія къ обоимъ Каталанскимъ картамъ извлечены изъ записокъ Парижской Академіи, и помѣщены въ дополненіяхъ на стр. XLIII. и сл. Атласъ Лелевеля изданъ въ Брюсселѣ 1849—1850 г. Карты и листки изъ луб. ск. воспроизведены посредствомъ свѣтопечати художникомъ В. Рейнгардомъ.

V. Планъ Татарскаго маневра при хищническомъ набѣгѣ (изъ Боплана), соотвѣтствующаго вѣроятно маневру, обозначаемому въ лѣтописяхъ подъ именемъ **воропъ** 228

VI Рыболовное орудіе, соотвѣтствующее выраженію **шереширы** . 288

VII. Два листка 8 и 9 взяты изъ лубочной сказки объ Иванѣ царевичѣ. Волкъ похищаетъ Елену, которая удаляется съ Иваномъ царевичемъ; а къ царю Афрону вмѣсто Елены поступаетъ волкъ, превратившійся въ Елену. Этотъ эпизодъ соотвѣтствуетъ баснѣ, сохранившейся въ той же трагедіи Еврипида, по коей Елена, увезенная изъ раззоренной Трои Менелаемъ была лишь призракъ, а настоящая находилась въ храмѣ Протея въ Египтѣ, гдѣ ее находитъ Менелай, и подъ предлогомъ совершенія тризны по убитомъ мужѣ, увозитъ въ Грецію 375

ОПЕЧАТКИ
въ текстѣ слова о Полку Игоровѣ.

Напечатано:			*Читай:*
СТРАН.			
6	§ 42	пущашета	пущашеть
148	§ 18	Влѣзѣ	Влъзѣ
151	§ 22	еи	еси
155	§ 26	грязивымъ	грязивымъ.
156	§ 27	Святславличю	Святьславличю
158	§ 30	Послѣ «Дону» пропущено	великому
—		аъ нихъ	а въ нихъ
161	§ 34	земла	земля
—		текутъ	текуть
—	§ 35	идутъ	идуть
162	§ 36	отступища	отступиша
—	§ 37	во второй строкѣ прегородиша (въ первой правильно перегородиша)	преградиша
163	§ 38	прищеши	прыщеши
172	§ 42	ѕтупаетъ	ступаетъ
174	§ 44	за и млада Князя	за обиду Олгову храбра и млада Князя
176	§ 45	отац	отца
183	§ 49	Польяно	польяна
—	§ 50	млао	мила
185	§ 55	Дона	Дону
276	§ 74	І҃ день	Г҃ день—(третій)
278	§ 77	жадии	жадни
281	§ 81	сѣдине	сѣдинѣ
282	§ 86	прадедную	прадеднюю
—	§ 86	(помѣщенъ между §§ 81 и 82 согласно первому изданію.)	
286	§ 87	Тъ бо можеши	Ты и т. д.
—		ночатѣ	ногатѣ
219	§ 90	Кочака	Кончака
—	§ 91	(95 соотвѣтствуютъ исправл. тексту. Рим. Лит. обознач. порядокъ перваго изданія.)	
302	§ 91	Хробра	Храбра
358	§ 99	владутъ	кладутъ
382	§ 106	обозначенъ неправильно	105
—	§ 106	относится къ словамъ: Того стараго Владиміра; § не обозначенъ	

Всѣ статьи вошедшія въ Указатель были подвергнуты строгой и тщательной повѣркѣ опытнаго юриста и увѣнчаннаго питомца Московскаго Университетскаго Пансіона Валеріана Николаевича Гордѣева и Члена Археографической Коммиссіи Юрія Ѳедоровича Штендмана. Поставляю себѣ пріятнымъ долгомъ выразить имъ, при окончаніи работы, мою глубочайшую признательность за ихъ основательныя замѣчанія, побудившія меня сдѣлать пояснительныя ссылки помѣщаемыя здѣсь, вмѣстѣ съ исправленіями и дополненіями.

ИСПРАВЛЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

СТРАН.

8. Опечатки въ стихахъ изъ Нибелунговъ исправлены стр. 88.
12. Ђ'уа опеч. вм. Ђ'ауа.
27 и 29. Герботъ—Гербортъ.
32. Елеона—Елена.
59. Ср. въ указ. подъ ст. Иловайскій.
68 и 74. Ср. въ ук. Пальцы.
89. О знаменіи видѣнномъ Игоремъ см. въ указателѣ п. с. *затмѣніе*.
92. Относительно «мати» и «хоти» ср. стр. 185.
105. О сѣвѣрнѣйшихъ Ѳракіанахъ ср. стр. 123. ср.
111. Ср. въ указат. Алазань и Росъ.
111. Оносительно Болгарской басни о Троянѣ ср. стр. 169, и слѣд. о Персидскомъ поэтѣ Гатифи.
120. См. въ указ. Ɗaуеrіа.
125. Κυροι опеч. вм. σκυροι.
126. Ср. въ указ. подъ ст. Трояне о Русахъ-Франкахъ.
128. Ср. съ Англ. drudge—дрягиль. въ ук.—altre ego опеч. вм. alter ego.
143. Дюканжъ приводитъ замѣтку что Porcus Trojanus назывался у Римлянъ начиненный поросенокъ въ память деревяннаго коня, придуманнаго Улиссомъ. Вообще Римляне относились презрительно къ своимъ роднымъ, Мало-Азійскимъ Фригійцамъ за ихъ

изнѣженность; связь Римлянъ съ древней Троей имѣло для нихъ значеніе лишь въ религіозномъ отношеніи.—Слѣдуетъ полагать что и средневѣковыя общества тѣми же глазами смотрѣли на Троянскія сказанія. Культъ Героевъ троянской войны и преимущественно Ахиллеса и Елены могъ и долженъ былъ быть въ связи, съ различными племенами занимавшими и защищавшими на Черномъ морѣ, священные, стратегическіе и торговые пункты. Иранскія, Тюркскія, Скандинавскія, Славянскія и Романскія дружины попеременно господствовали по всему протяженію отъ устьевъ Дона до Дуная. Кромѣ того различныя племена обитавшія по берегамъ Чернаго моря могли имѣть и сословныя отношенія къ этому культу: Сословія жрецовъ, воиновъ, и населенія прикрѣпленнаго къ храмамъ.—Что касается до родословныхъ претензій или правильнѣе басенъ, то Троянское родословіе не представляетъ исключенія въ этомъ общемъ стремленіи. Турецкая Династія ведетъ свой родъ отъ Чингизъ-Хана, Царя Давида, Измаила и отъ Гектора. — Татарскія Династіи ведутъ свой родъ отъ царя Давида и отъ Будды.

147. Пропущена замѣтка что стазьба можетъ означать огороженное мѣсто и соотвѣтствуетъ сродному Греческому σταδιος. Ср. въ ук. Стазьба.

152. Ошибки въ приводимыхъ текстахъ изъ лѣтописей исправлены на стр. 227. Въ исправленіи неправильно pellek вмѣсто pellex.

157. Ср. въ указ. Стружіе.

185. Ср. въ указ. въ концѣ ст. Обида.

186. Калмыцкій Абида, тоже что Amita, Amitârurschi, Amitabha, безпредѣльный свѣтъ, рай, принадлежитъ позднѣйшей эпохи Буддизма (IV, ст. по Р. Х.) во время процвѣтанія ученія Зороастра и Манихея, и Гностицизма. C. F. Koepen. die Religion des Buddha. II, стр. 28. Ср. также § 97, стр. 316 подстр. примѣч.

190. На послѣд. стр. Didor опеч. вм. Didot.

201. О малженствѣ ср. въ Указ. вступилъ.

222. ср. въ Указ. Причитанья.
229. О воропѣ и guerpi ср. въ Указ. стр. 77. кол. 2 выписку изъ Дюканжа о Летахъ.
233. Ср. въ Указ. Алазань и Росъ.
234. Ср. въ Указ. Turcis, Туркопулы. Массуди имѣетъ въ виду, говоря о Славянахъ-Туркахъ, Словаковъ, живущихъ въ Турочскомъ комитатѣ.
244. Ср. въ Указ. Ярославъ, Iarisleyf.
258. Galischen опеч. вм. Walischen.
264. «Кодольскіе острова» ошибочно въ множ. числѣ, также и въ Указ.
266. Къ Польскому tluka слѣдуетъ присовокупить tloka. — При этомъ необходимо замѣтить, что за неимѣніемъ въ типографіи твердаго l, буква сія обозначена безразлично мягкимъ.
277. Ср. въ Указ. Пардужье гнѣздо.
278. Іеромонахъ Лосицкій ошибочно названъ Архимандритомъ. Списокъ съ его неизданнаго введенія къ Густынской Лѣтописи мнѣ былъ, тому нѣсколько лѣтъ назадъ, обязательно сообщенъ Н. П. Барсуковымъ.
278. На 4 стр. § 77, вмѣсто quem Libertem vocant слѣдуетъ читать: Libertes quem Busam Vocant.
279. Ср. подъ ст. Шлецеръ выписку о Татищевѣ изъ его автобіографіи, помѣщенную въ Указ. составителемъ онаго, Н. П. Барсуковымъ.
282. Рѣсте ошиб. вм. рекосте.
283. Ср. въ Ук. Ольберы.
285. Ср. въ Указателѣ въ ст. о мытехъ.
291. (Scrip. linguae Phoenisiae Monum 136) «De Esmuno autem, Phoenicum numine, quod graece Ἀσκλήπιον nuncupant nobilissimus est locus Damascii apud Phot. Cod. 242. p. 573 ed. Hoeschel. — По приводимой Гезеніусомъ выписки Ескулапъ, чтимый въ Бирутѣ ни Еллинъ, ни Египтянинъ, но туземный Финикіецъ, ибо Садукъ имѣлъ дѣтей, названныхъ Діоскурами и Кабирами: старшій изъ нихъ былъ Есмунъ,

т. е. Ескулапъ. Молодой человѣкъ былъ такой прекрасной наружности, что Астроноэ (таже Астарта), Царица Финикійская, мать боговъ, если вѣрить баснѣ, влюбилась въ него.— Онъ же, любившій гоняться за звѣрями въ лѣсахъ, замѣтивъ, что богиня ловитъ его въ свои сѣти, въ которыя онъ неизбѣжно попадетъ, оскопилъ себя топоромъ. Богиня, огорченная этимъ событіемъ, назвала юношу Пэаномъ (Παιαν) и возвративъ ему жизненную теплоту, поставила его въ сонмъ Боговъ. Финикіяне назвали его Есмуномъ по поводу этой жизненной теплоты; иные же полагаютъ, потому, что Есмунъ значитъ Осемь, и что имя ему дано какъ восьмому сыну Садука; въ тьмущую тьму онъ вноситъ свѣтъ».

— Этотъ разсказъ поясняетъ и опредѣляетъ значеніе Осмомысла.

293. Ср. въ Указ. Туркопулы и у Массуди о Турко Словенахъ, вѣроятно имѣвшаго въ виду страну Словаковъ, Турочскій Комитатъ.

299. Ср. въ Указ. подъ ст. Лесть выписки, сообщенныя составителемъ Указателя. — Ср. стр. 501.

309. Ср. въ Указ. стр. 90, кол. 2, родословную по Троянской повѣсти изд. Миклошичемъ, а также подъ ст. Семь.

350. Ср. статью М. Казаса въ Изв. И. Р. Арх. Об. Т. VIII, вып. 2. С.-Петербургъ 1875.

352. Ворсо ошибочно упомянутъ вм. Нильсона.

— Ср. въ Указ. Коганъ.

354. Ср. въ Указ. подъ ст. «клюка», «кони».

357. Относительно Дудутокъ Н. П. Барсовъ указываетъ мѣстность близъ Кіева (Рус. Ист. Геогр. 161); Бѣляевъ полагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о мѣстечкѣ Дудичи на югъ отъ Минска.

380. Ср. въ Указ. подъ ст. «смысленный» слова привед. Н. II. Барсуковымъ изъ кн. Исходъ.

381. α' ου ошибочно вм. δ' ου.

νισαν ошибочно вм. αἶσαν.

μαντοσυνους ошибочно вм. μαντοσύναις.

382. Ennomua опеч. вм. Ennomus.

nigam опеч. вм. nigram.

§ 106 ошибочно вм. 105.

§ 106 проп. относ. къ словамъ «того стараго Владиміра».

414. Я не позволялъ себѣ въ продолженіи всей работы заносить предположеніе мое объ этимологическомъ сродствѣ Елены съ Ольгой, Вольгой, Волгой, Ельгой и влагой, съ Еленью и Ланью, Кошутой Діаны; франц. élan и нѣмец. Elenthier; ср. также Елань и Алань, низменныя мѣста и илъ, болото; Petersen и Forchhammer производятъ оба ἔλαφος олень, самка оленя, отъ ἕλος низменное, болотистое мѣсто, илъ, тундра. Сродство этихъ формъ въ русскомъ языкѣ несравненно очевиднѣе и богаче и подтверждаетъ догадку германскихъ филологовъ, не затруднявшихся различіемъ придыханій.—Ср. въ Указ. вода, Елена.

416. Ср. въ Указ. ст. Кабала, Оппертъ.

419. Ц. Лѣтописецъ неправильно вмѣсто древній Лѣтописецъ.

437. Kuyot, описка вм. Kyot. Моисей опечатка вм. Манесъ. — Ср. въ Указ. подъ послѣднимъ именемъ.

439. «Число» ошибочно вмѣсто «человѣчество».

442. Строка 13 снизу не поставлены надъ «днѣпртемнѣ» знакъ замѣняющій «И».

456. На стр. 6 пропущено послѣ «Merlin» «la louve».

Ср. въ Указ. подъ ст. Никита Хоніятъ рознящійся разсказъ о статуэткѣ, находившейся въ копытѣ бронзоваго коня.

Въ Указателѣ пропущено обозначеніе страницы.

488. Вся фраза относительно Вильмарке подверглась въ корректурѣ исправленію, и фраза должна была обозначать, что Вильмарке, въ сочиненіи своемъ Romans de la table Ronde (стр. 454), отстаивавшій оригинальность Бретонской поэзіи, въ сочиненіи своемъ «Merlin» признаетъ необходимымъ искать объясненія Бретонскихъ миѳовъ у классическихъ писателей. Само собой разумѣется, что противоположность Бретонцевъ и Кельтовъ не могла быть намѣренная.

503, 511. Ср. въ указ. ст. Кабала. Оппертъ.

511. Kuyot описка вм. Kyot.

Опечатки и пропуски въ указателѣ.

Арріанъ испр. подъ ст. Ярославна.

Вода, ошиб. пом. 43. вм. 411.

Grein, C. W. M. Bibliothek der Angel-saechsischen Poesie. Text und glossar. Goettingen. 1857, 1864. Въ 1857 году, изданъ первый томъ нѣмецкаго перевода.—108 (416).

Cuncker опечатка вм. Duncker.

Dubois de Montpereux. Толкучія горы 97 (318).

Дубровскій, его денница 118 (478).

Ducange 2 (11) 11 (124—130) 60 (228) 67 (264[6]) 69 (270) въ ст. указ. «Русское племя». Leti. Waringi, въ испр. и дополн. 143. Porcus Trojanus.

Dushikkurden, 107 (388).

Дѣвы оборотни и Дѣвы Лебеди 4 (70—72).

Евгеній митрополитъ Кіевскій и Галицкій 2 (14,15) 119 (491).

Евдокія супруга Θеодосія II. Омирокентра. 2 (30).

Ериннисъ, 6 (89) см. Елена.—Обида.

Замысловскій.—94 (297).

Ioly, см. Benoit de Ste More.

Лелевель, см. Каталанская карта и въ опис. рисунковъ и картъ, вслѣдъ за содержаніемъ.

Масса, 94 (297).

Пардужье гнѣздо—75. (277).

Сѵнклитъ, проп. первая буква.

Чулковъ, собр. сказокъ см. Кабала.

ОБЪЯСНЕНІЕ КАТАЛАНСКОЙ КАРТЫ

(къ стр. 224).

Помѣщаю здѣсь главнѣйшія надписи, относящіяся до Россіи и Средней Азіи, начиная съ Балтійскаго моря, вдоль торговаго пути съ устья Невы въ Болгары, Сарай и Катай, и оканчивая городами на Востокъ отъ Каспійскаго моря.

Кромѣ того помѣщается здѣсь перечень Черноморскихъ и Каспійскихъ городовъ.

Слова надписей, помѣщенныя въ скобкахъ, заимствованы изъ Парижскаго изданія.

Mar appellada.
de Lamanya de Gotilandia
e de Susia.

Visby (на остр. Готландъ), Oxilia (остр. Езель); на противупол. берегу: Riga, Rivalia, Lite fanie Pagans, Cracovia, Pollonia, г. Львовъ, ciutat de Leo: En esta ciutat venan alcuns merchaders losquals venan ves las partides de Levant per esta mar de Lamanya en Flandes.

Близъ Риги обозначена рѣка или вѣроятнѣе торговый путь, примыкающій къ озеру съ надписью: aquesta stayn es appellat....

(en loqual se nodrexen.... orions e d'altres
pexes molt estranis); отъ озера
вдоль рѣки или пути: Torachi,
Rostaor, Tifer, Castrama.

Здѣсь рѣка дѣлаетъ поворотъ подъ прямымъ угломъ и впадаетъ въ Каспійское море многими рукавами. При самомъ поворотѣ немного южнѣе Bargar.

За тѣмъ обозначенъ г. Zizera и между Zizera и Castrama надпись:

Aci esta lemperador de aquesta regio
septentrional, del qual lo imperi (comenca)
en la provincia de Burgaria e feneix
en la ciutat de Organçio. Lo senyor es
appellat Jambech senyor de Sarra.

Отъ Костромы и Булгаръ по прямой линіи на Востокъ Jornan, Pascherti, на Ю.-В. ciutat de Marmorea. Между этимъ Уральскимъ городомъ и Каспійскимъ моремъ при самомъ восточномъ предѣлѣ карты: Sepiats que aquells qui volen passar
(a)quest desert estan e reposen per tota
una setmana (continuament) en una ciutat appel-
lada Lop, (en la qual ells e lurs
besties recrean); за тѣмъ въ акад. Парижскомъ изданіи длинная надпись, гдѣ говорится о недостаткѣ воды, о дьявольскихъ голосахъ слышимыхъ отставшими путешественниками. Надпись оканчивается словами: E daytal desert M (1000) novelles ne son sabudes.

Параллельно съ Волгой, изъ того же озера, идетъ путь, уклоняясь къ Югу, съ поворотомъ подъ острымъ угломъ къ Азовскому морю. Путь этотъ послѣ поворота къ Азовскому морю названъ Flumen Tanay (Донъ) съ городомъ Tana (Азовъ). Близъ исхода обоихъ путей, изъ озера вытекаетъ перпендикулярно къ Черному морю Flumen Lussom, изъ двухъ горъ названныхъ Mont Lussom di Russia.

По линіи идущей отъ Костромы: Jornan, Pascherti, Fachatim, Sebur. Линія эта отъ горъ Sebur до Костромы названа Волгой: Los munts de Sebur on neix lo grao flum Edil. Здѣсь идетъ рѣчь о Башкиріи, Сибири и о рѣкѣ Камѣ?

Надъ рѣкой изображенъ караванъ въ сопровожденіи конвоя.

На Востокъ отъ каравана изображено сожиганіе мертвыхъ въ котлѣ. За тѣмъ изображенъ Гогъ и Магогъ верхомъ подъ балдахиномъ съ надписью:

Lo gran seynor, princep
de Gog e de Magog. Aquest exira
en temps d'Antechrist
(ab molt gent)

Подъ надписью повторяется Gog e Magog. Надъ надписью о людяхъ сожигающихъ мертваго въ котлѣ (городъ ciutat de Lop; надъ городомъ Lop озеро Yssicol и надъ озеромъ церковъ или монастырь съ крестами на двухъ башняхъ:

(Lo loch quis assella)
Yssicol. En aquest
loch es i monestir
de frares ermenians
(on, segons ques diu,
es lo cors de Sent
Mathi Apostol e
Evangelista).

За тѣмъ изображены двѣ горы, при чемъ разсказывается баснь о птицахъ извлекающихъ алмазы изъ пропасти.

Рядомъ трубачь или два трубача (по Париж. изд.) Александра Великаго: aquests son de matall, e aquests feu fer Allexandri, rey gran e poderos.—Подъ этой надписью:

Muntanyes de Caspis, dins
les quals Allexandri viu arbres
(ten) alts (que les saines tochaven
a les nuus); e aqui cuida morir, sino
que Setanat lengita per la sua
art. E per la sua art y encloy aqui los Tartres
Gog e Magog, (e per els feu
los 2 images de metall los
demunt scrits). (Эти Каспійскія горы соотвѣтствуютъ
Алтаю).

Между Гогомъ и Магогомъ вдоль округленнаго берега моря надпись: Mare Ocheanum. На томъ же берегу моря изображенъ Іисусъ Христосъ съ пальмовой вѣткой въ рукахъ.

Надъ караваномъ идущимъ изъ Сарая въ Катай помѣщена надпись (подъ двумя горами, изъ коихъ вытекаетъ рѣка d'Organçi впадающая въ Каспійское море): Monts de Amol, finis Persia. На лѣво отъ этой надписи, надъ ѣдущими верхомъ тремя царями волхвами, написано Tarsia. Близь двухъ горъ городъ Amol, Coyandi, Samarchati, Bocar, Trabischa, Calaycastro, Zaraspa, Choya (Хива), Faray, Fista, и возвращаясь къ городу Amol, Evi. На рѣкѣ, приближаясь къ Каспійскому морю: ciutat d'Organci, Cavo de Stayra, Cavo Jancho, Mebnemeselach (полуостровъ, и за тѣмъ golf di Monumenti; подвигаясь вдоль берега Каспійскаго моря къ Западу, Flum Layech (Яикъ), Catolicati, Cremis, близь устья Волги, и затѣмъ городъ Сарай перпендикулярно подъ Кастромой.

Персидсскій заливъ обозначенъ надписью:

Deuant la bocha del flum de
Baldach, mar de les Indies
e de Persia, aci son pescades
les perles, les quals son aportades
en la ciutat de Baldach. E los
pescados qui les pesquen,
abans que devaylen en lo fons
de la mar, dien los seus encantaments
per tal que los pexos fugen.

На крайнемъ Юго Восточномъ предѣлѣ карты, часть острова Тапробаны и за тѣмъ, подымаясь къ СВ., баснословные острова подымающіеся до Mare Ocheanum, на берегу коего изображенъ Іисусъ Христосъ и Гогъ и Магогъ. Въ серединѣ этой второй половины карты, подъ людьми сражающимися съ птицами, сказано въ концѣ надписи о сражающихся карлахъ: Açi feneys la terra del Senyor de Catayo. Среди Каспійскаго моря надпись:

Aquesta mar es appellada mar del Sarra e de Bacu.

По берегамъ Каспійскаго моря: Punta de Sabium, Ogus, Daldozen, Flum Amo, Amo, Cavo d'Oschi, Golf de Dayo, Deystam, Golf de Masandra, Masandra, Cap de Cilam, Cimirey, Becizet, Nopaya, Achdio, Ciutat de Ssiras съ надписью: Aquesta ciutat es appellada Ssiras; e antigament era appellade ciutat de Gracia, quor es aquella hon fo primerament atrobade l'astornomia per lo gran savi Tolomeu.

По Западному берегу Каспійскаго моря: Costazz, Bacu, Cap de Preala, Barg, Barmachu, Xamay, Mumor, Caraol, Derbent, Fasach, Abserach, Macher, Barsac, Burcha, Cobaso, Cicie, Baseiay, Therchi, Golf de Terchi, Cubene, Fabinagi, Cotaba, Mondasi, Bachanti, Agitarcam, Pasgio, Berchimam, Zizera, Castrama, Borgar.

На Азовскомъ морѣ: Locichi на Кубани, Locicapa, San Zorzo, Pesso, Lotar, Lacinachi, Jacaria, Mage Missi, Porto Pisam (Пизанская колонія, соперничествовавшая въ XII столѣтіи съ Венеціанской колоніей Тана), Cabardi, Rosso, Papa Como, Locachè, Palastra, Polonisi, Porteti, Lena de Cospori, S. Zorzo, Cumania, Saline, Sescam.

Въ Крыму: Carcauo Eni, Zucolay, Pondico (Пантикапея), Vosiro или Vospro, Asperomitrje, Cinalari, Cipreo, Sorestaye, Zauida, Caffa, Caletra, Meganone, Sodaya, Saiti, Lusto, Pagropoll, Sancto-Dero, Laya, Cenbaro, Zurzona, Calamit, Salina, Termich, Cavo lo Rosofar, Narangolimen, Lagraxea, Gatzar.

На Западномъ берегу Чернаго моря: Grosea, Zanava, Costanza, Pangalli, Lassilunka, Caiacra, Gavari, Catreni, Varna, Gallacy, Véza, Cauo de Rins, Mosson, Lasidio, golfo de Nigro Pilla, Insula Rossa, Pidea, Erexe, Port de Louo, Zacori (здѣсь впадаетъ въ Черное море рѣка Lussom, вытекающая изъ двухъ горъ на Югъ отъ Ладожскаго озера), Barbarexe, Flor-de-Lis, Zinestra, Flum Tiulo, Mavro-Castro, Farconayre, Lichostoma, Selina, San Zorzo, Laspera, Strautho; противъ устья Дуная островъ Fedonissi.

На восточномъ берегу Fasso, Lipotimo, Negrapontio, Corerendia, Tamasa, Gota, Cicaba, Palli, Favafta; Flum Nicola, Cavo-de-Bux, Pezonda, Giro, Sancta Sofia, Cacari, Layaso, Costo, Cuba, Alba Zechia, Porto de Susacha, Maura Zechia, Mavro Lacho, Trinquerie, Mapa, Matrega, Cavo de Croxe, Copa.

(См. въ Указ. подъ с. Каталанская карта).

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

«Bene, inquit», opifici Deo a rure Mantuano poëtam comparas; quem Graecos rhetoras, quorum fecisti mentionem, nec omnino legisse asseveraverim. *Unde enim Veneto, rusticis parentibus nato, inter silvas et frutices* educto, vel levis Graecarum notitia litterarum?

(Macrobii Saturnaliorum l. V. c. II).

I. ВСТУПЛЕНІЕ.

1—2—3. **нелѣполиныбѧшетъбратїеначѧтистарыми словесытрꙋдныхъповѣстїйопълкꙋигоревѣигорѧсвѧтъ-славлича!**

§ **1.** Пѣвецъ Игоревъ начинаетъ сомнѣніемъ не пристойно ли было бы начать пѣснь о походѣ Игоревомъ древними воззваніями ироическихъ повѣстей, какъ начинали Орфей, Гомеръ, Виргилій, и вслѣдъ за ними другіе эпическіе поэты.

Лѣпо—стройно, статно, согласно, складно, conforme, convenable, соотвѣтствуетъ латинскимъ и греческимъ formosus, status, μορφήεις отъ μορφή и μορφόω, formare, образовать, лѣпить; μορφη επεων складъ рѣчей (Одис. II. 367), lepidum dictum, складная рѣчь (Horat. ars poet. 272. 273:... Si modo ego et vos scimus *inurbanum lepido* seponere dicto. Lepidus homo соотвѣтствуетъ выраженію лѣтописцевъ: «лѣпшіе мужи». Отъ корня «лѣпить» происходятъ λεπτος, λεπταλέος, lepidus—стройный, тонкій, утонченный, образованный, изящный.

Главная мысль, выражаемая этимъ словомъ, есть пластическая красота. Вторая—мысль стройности. Мысль, въ коей сходятся всѣ эти слова, есть первообразная тонкая оболочка, облекающая предметъ. Значенія греческихъ словъ указываютъ на сродство глаголовъ: лѣпить, лупить, лепетать. Весьма замѣчательно что λεπίζω, λοπίζω, λέπω — луплю—суть синонимы глагола δέρω—деру, обдираю, оба даже и въ переносномъ значеніи; бѣжать—*улепетывать, драть,* удаляться съ быстротою. Къ этому можно прибавить что λοπάω значитъ лопаю; λεπταλέα φωνή—тонкій голосъ, лепетанье. Что «лѣпить»—глаголъ, выражающій дѣйствіе образованія и сохранившійся лишь въ Словенскихъ языкахъ—есть корень всѣхъ этихъ глаголовъ и именъ, это прямо видно изъ производнаго значенія греческихъ глаголовъ λέπω, λεπίζω—лупить и λοπάω—лопать, и существительныхъ именъ λοπός, λεπίς, λέπος.—*cortex*, *кора*, оболочка, скорлупа «облипающая» предметъ, въ ней содержащійся, и образующая видъ онаго. Санскритски lip — ungere, oblinere, polluere;—lî—9. par. 4. âtm. adhaerere.

Lup.—findere, rumpere, destruere; Lêpa—unguentum.

Въ Словено-Греко-Латинскомъ словарѣ Поликарпова «*лѣпо есть*» объясняется глаголомъ «подобаетъ». «*Лѣпо бяшетъ*» можетъ по сему быть переводимо—«*не подобало ли намъ*», подразумѣвая видъ вспомогательнаго глагола «*бы*».

Напрасно Ганка (Igor Swatoslavič hrdinsky zpiew o taženj proti Polowcum od Waclawa Hanky w Praze. 1821, стр. 2) замѣняетъ мѣстоименіе *ны* 3-мъ лицемъ прошедшаго желательнаго наклоненія глагола «есмь»—«бы». Въ предисловіи стр. XI, онъ говоритъ: «я въ подлинникѣ ничего перемѣнить не отваживаюсь, однакожъ бы думалъ, что въ началѣ, можетъ быть, должно читать: *не лѣпо бы бяшетъ*». Два времени глагола не могутъ быть сопряжены вмѣстѣ ни въ одномъ изъ словенскихъ нарѣчій какого либо времени и, вѣроятно, ни въ какихъ другихъ языкахъ. Могущіе встрѣтиться примѣры подобному сочетанію весьма рѣдки и суть, безъ сомнѣнія, описки, или слѣдствіе неестественнаго искаженія языка; *быхъ*, *бы* спрягается лишь съ причастіемъ. Учащательное прошедшее «*бяшетъ*» заключаетъ въ себѣ значеніе условное. Это прошедшее

учащательное, точно также какъ греческія желательное и сослагательное наклоненія, часто употребляемыя одно вмѣсто другаго, заключаютъ въ себѣ значеніе учащательное, условное и сомнительное, и употребляются тамъ, гдѣ писатель неутвердительно обозначаетъ дѣйствіе по недоумѣнію, или основываясь на чужихъ словахъ, или когда дѣйствіе совершилось одинъ или нѣсколько разъ не въ опредѣленное время, или наконецъ, когда есть сомнѣніе, совершено ли дѣйствіе въ самомъ дѣлѣ, или можетъ быть и вовсе не совершено. Посему употребляется оно преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда выражается не желаніе и унованіе, что дѣйствіе совершилось, а сомнѣніе. Это время соотвѣтствуетъ и нынѣшнему несовершенному времени, которое восприяло въ себя значенія разныхъ наклоненій; ибо, по составу сего времени въ Русскомъ языкѣ, всегда подразумѣвается глаголъ вспомогательный въ разныхъ наклоненіяхъ. Кромѣ того, несовершенное время можетъ и по сущности своей употребляться въ значеніи условнаго прошедшаго, какъ это замѣтно въ греческомъ языкѣ. *Растекашется* — будто или бывало растекался. *Помняшетъ*—должно быть помнятъ, должно быть запомнили. *Бяшетъ притрепеталъ*, онъ притрепеталъ *было*. *Бяше успилъ*, было усыпилъ. *Пущашетъ*, будто кажется,—или бывало пускали. *Аще кому хотяше*, *который дотечаше*, та преди пѣснь *пояше*— очевидно условное прошедшее время.

Вотъ примѣръ изъ Лаврентьевской лѣтописи, гдѣ весьма ясно соблюдено это правило:

«И *рече* (прошедшее совершенное) Володимеръ: «требите путь и мостите мостъ»; *хотяшетъ бо* (сомнительное дѣйствіе, «*тъ*» по отдаленію имени) на Ярослава ити».

Есть примѣры употребленія этого условнаго наклоненія въ значеніи, приближающемся къ желательному наклоненію совершенно согласно съ греческою грамматикою (сравн. Греч. гр. Matthiae въ желательномъ сослагательномъ наклоненіи).

Въ посланіи Владиміра Мономаха къ Олегу Святославичу: «а къ Богу *бяше* покаятися, а ко мнѣ *бяше* грамоту утѣшную, а сноху мою послати ко мнѣ».

Должно замѣтить, что окончаніе *тъ* правильно означаетъ 3-е

безличное лицо, или замѣняетъ существительное имя, и что употребленіе онаго безъ нужды обще всѣмъ европейскимъ языкамъ, гдѣ мѣстоименіе срослось съ глаголомъ и образовало спряженіе. Весьма рѣдко встрѣчающееся окончаніе 3-го лица прошедшаго неопредѣленнаго, условнаго и учащательнаго прошедшаго времени, когда глаголъ непосредственно предшествуемъ именемъ, имъ управляющимъ, и, слѣдовательно, не нуждается въ большемъ обозначеніи лица, соотвѣтствуетъ отчасти французскому обороту: Aussi Jean disait il, и нѣмецкому: darum Hans hat er es auch gesagt. Много встрѣчается примѣровъ окончанія 3-го лица единственнаго числа прошедшаго учащательнаго на *тъ*, въ Лаврентьевской и другихъ лѣтописяхъ. Несогласіе въ этомъ отношеніи между различными лѣтописцами объясняется, не говоря уже о вліяніи мѣстныхъ или временныхъ обычаевъ, примѣромъ многихъ грамматическихъ правилъ, неимѣвшихъ вліянія на писателей въ самыхъ строгихъ и разборчивыхъ эпохахъ. Въ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ болгарскихъ грамматикахъ мѣстоименіе «*тъй*» и «*тъ*» поставляется обыкновенно послѣ 3-го лица глагола. На подобіе этого болгарскаго спряженія лѣтописцы наши могли употреблять сіе мѣстоименіе и опускать оное по произволу. Но не таковъ сочинитель Слова о Полку Игоревѣ, обвиняемый скорѣе въ слишкомъ сознательномъ и отмѣнно правильномъ употребленіи Церковно-Словенскаго и живаго Русскаго нарѣчія. Замѣчаемыя въ лѣтописяхъ неправильности, происходящія отъ борьбы между двумя нарѣчіями, могутъ составлять принадлежность одного разряда писателей въ извѣстномъ періодѣ, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы люди какъ Святославль пѣснотворецъ или Даніилъ Заточникъ, отличающіеся ученостью и глубокомысліемъ, должны были носить на себѣ отпечатокъ этой борьбы двухъ нарѣчій, не постигнувъ правилъ обоихъ и не подчинивъ строгой логической и грамматической правильности погрѣшности и всѣ несообразности въ правописаніи и словосочиненіи, промелькавшія въ древней нашей оффиціальной письменности. Въ самомъ дѣлѣ въ продолженіи всей пѣсни мѣстоименіе *тъ* употребляется, согласно, изложеннымъ здѣсь правиламъ, постоянно для обозначенія безличнаго вида и одинъ разъ по отдаленію существительнаго имени (*«растекашется»*). Касательно этого примѣра должно замѣтить, что въ

Лаврентьевской Лѣтописи 3-е лице прошедшаго времени въ возвратномъ залогѣ *часто* принимаетъ мѣстоименіе «*тъ*» передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ «*ся*»: «и Алтунопа възвратяшеться вспять». Лаврен. Лѣт., подъ годомъ 6605 и 6579»: «и самъ премѣняшеться».... подъ годомъ 65,45: «а врагъ сѣтовашеться»....

Это отступленіе указываетъ на новое правило касательно возвратнаго вида: въ Лаврентьевской лѣтописи употребленіе этого окончанія согласуется съ вышеизложеннымъ правиломъ, какъ это легко можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго оборота (подъ годомъ 6618):

«Яко и Моисей великый не взможе видѣти Ангельского естества, *водяшеть* бо я въ день столбъ облаченъ, а въ нощи столбъ огненъ; то се не *столпъ водяше* ихъ, но *Ангелъ идяше* предъ ними въ нощи и въ дне».

Не распространяясь объ этомъ правилѣ касательно личнаго глагола, достаточно указать, что этотъ видъ глагола, т. е. съ окончаніемъ на *ть* или *тъ*, составляетъ въ этой пѣснѣ сущность 3-го безличнаго лица въ единственномъ числѣ прошедшаго времени:

1) Не лѣпо ли ны бяшетъ. 2) Помняшеть. 3) Пущашеть. 4) Грозою бяшеть притрепеталъ. 5. 6) Тогда при Олзѣ Гориславичи сѣяшется и растяшеть усобицами. 7) Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облаки вѣяти.

Точно также и въ Лаврентьевской лѣтописи подъ годомъ 6420: «подобашеть бо ему рещи»; подъ годомъ 6491: «и се бяшеть ему аки тернъ въ серци». Есть нѣсколько, но весьма мало, примѣровъ 3-го безличнаго лица прошедшаго неопредѣленнаго безъ приращенія *ть*. Примѣры эти, сколько мнѣ извѣстно, представляетъ только вспомогательный глаголъ «*есмь*». Они соотвѣтствуютъ нынѣшнему «было» не въ томъ значеніи какъ «*помняшеть*»—должно быть запомнили, on se souviendra sans doute, или «*пущашеть*» — тогда пускали, on aurait lancé. Но этотъ безличный видъ соотвѣтствуетъ: «не лѣпо ли ны *бяшетъ*, грозою *бяшетъ* притрепеталъ (ne serait il pas, c'était à peine).

Я не думаю, чтобы нашлись въ памятникахъ Кіевскаго періода, примѣры 3-го безличнаго лица условнаго прошедшаго времени безъ

мѣстоименія *тъ* въ значеніи «писали, говорили, нѣкто говорилъ» и проч., т. е. тамъ, гдѣ по-французски ставится *on*, а по-нѣмецки mann, тогда какъ примѣры 3-го безличнаго вида безъ сего наращенія въ случаяхъ, соотвѣтствующихъ выраженіямъ: ce serait, il serait, es wäre;—такъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ изъ посланія Владиміра Мономаха, гдѣ «*бяше*» соотвѣтствуетъ «*было бы*».

На употребленіе этого окончанія, какъ будто по вліянію мѣстнаго обычая, указываетъ вставка подъ 6712 г. въ Новгородскомъ Лѣтописцѣ (Москва, въ Синод. Типогр. 1819). Въ Лаврентьевской Лѣтописи оно объясняется, кажется, безъ исключенія потребностью мѣстоименія по отдаленію имени, или по нахожденію онаго послѣ глагола. Кромѣ того, оно приставляется къ глаголу въ возвратномъ залогѣ и въ безличномъ видѣ. Въ Словѣ же Пълку Игоревѣ приращеніе это обозначаетъ безличный видъ, а въ личномъ видѣ встрѣчается лишь одинъ разъ въ возвратномъ залогѣ.

«*Трудныхъ повѣстій*» родительный падежъ и потому есть прямо обозначеніе «*старыхъ словесъ*», а не предметъ, управляемый глаголомъ «начать». Если бы предметъ, управляемый глаголомъ, не былъ подразумѣваемъ (пѣснь или повѣсть), а выраженъ, то онъ былъ бы поставленъ въ винительномъ падежѣ, ибо дѣло идетъ не объ отвлеченномъ понятіи «повѣстій», взятыхъ въ совокупности, а объ опредѣленной повѣсти о Полку Игоревѣ. Правда, что примѣры согласованія глагола дѣйствительнаго съ родительнымъ падежемъ встрѣчаются въ древнихъ словено-русскихъ памятникахъ, хотя предметъ, поставленный въ родительномъ падежѣ, и не обозначается лишь какъ часть однородныхъ ему предметовъ, взятыхъ въ совокупности. Этотъ грамматическій вопросъ, не имѣющій почти никакого вліянія на настоящее объясненіе Слова, но весьма важный относительно правильности самого писателя, можетъ быть рѣшенъ лишь собраніемъ и разборомъ многихъ примѣровъ изъ памятниковъ нашей словесности до XIII столѣтія, которыхъ правильность сохранена и подтверждена древностію самой рукописи. Употребленіе родительнаго падежа вмѣсто винительнаго въ нашихъ древнихъ словенскихъ памятникахъ, есть большею частью слѣдствіе исправленія позднѣйшихъ русскихъ переписчиковъ. Объясненіе родительнаго падежа

присутствіемъ частицы «*не*» неосновательно, ибо частица эта не имѣетъ здѣсь своего прямаго вліянія но поставлена для обозначенія расположенія сочинителя въ пользу сомнительнаго предмета. Даже въ Русскомъ языкѣ не всегда родительный падежъ замѣняетъ винительный вслѣдствіе частицы «*не*». Въ этомъ же случаѣ «*начать повѣстій о походѣ Игоря*» было бы неправильностью весьма замѣтною и противъ правилъ Русскаго языка. Словосочиненіе свободно, а не склоненіе словъ. При свободномъ расположеніи словъ и сохраненіи тѣхъ же грамматическихъ формъ, «*трудныхъ повѣстій*» есть несомнѣнно обозначеніе «*старыхъ словесъ*»; тогда какъ наоборотъ, при измѣненіи родительнаго падежа въ винительный какое бы ни было словосочиненіе «*трудныя повѣсти*», было бы очевидно подчинено глаголу начать. Къ сему должно прибавить, что въ пѣснѣ этой: «пѣть, творить и начинать» согласованы съ винительнымъ падежемъ: «*Почнемъ же повѣсть сію*», «*аще кому хотяше пѣсь творити*», «*пѣти было пѣсь Игореви*». А потому и не справедливо безъ нужды приписывать сочинителю неправильность ему чуждую. При болѣе правильномъ расположеніи словъ, смыслъ несомнителенъ: «*начать о Полку Игоревѣ Игоря Святославича старымы словесы трудныхъ повѣстій*».

Сомнѣніе—на какой ладъ подобаетъ начинать повѣсть—встрѣчается часто у древнихъ христіанскихъ писателей, или извиняющихся въ употребленіи языческихъ украшеній, или вовсе отказывающихся отъ оныхъ, хотя вслѣдъ же за симъ рѣшеніемъ отдаются вполнѣ вліянію классической словесности; таковъ, напримѣръ, Григорій Турскій.

Кириллъ епископъ Туровскій, также ссылается на классическую словесность въ «Словѣ на соборъ Св. Отецъ т҃ и н҃і отъ Св. книгъ указаніе о Христѣ Сынѣ Божіи и похвала Отцемъ С. Никейскаго Собора (Памятники Рос. Слов. XII стол., изд. Калайдовичемъ. Москва, 1821. IX стр. 74):

«Якоже историци и вѣтія, рекше лѣтописьци и *Пѣснотворци*, *приклоняють своя слухы въ бывшая межю цари рати и въплъченія да украсять словесы* и возвеличать мужьствовавъшая крѣпко по своемъ цари и *недавъшихъ въ брани* плещю врагомъ и тѣхъ славяше *похвалами сънчають*; кольми паче *намъ лѣпо есть* и хвалу

къ хвалѣ приложити храбрымъ великимъ воеводамъ Божіимъ крѣпко подвизавъшимся по Сынѣ Божіи, своемъ цари, и Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ» *).

Подъ «трудными повѣстями» разумѣются повѣсти о трудахъ, подвигахъ точно также, какъ военная повѣсть означаетъ вмѣстѣ и содержаніе, и самый духъ повѣсти.

Сходное съ симъ выраженіе встрѣчается въ предисловіи Святославова Изборника: «обавити покръвенія разумы въ глубинѣ *многострънътныхъ сихъ книгъ* премудраго Василія».

Трудъ, ἆθλος, борьба, состязаніе и истязаніе,—πόνος,—точно также трудъ, подвигъ и скорбь. Прилагательное «трудный» вмѣщающее въ себѣ значеніе подвига и скорби, заключаетъ въ себѣ обозначеніе тѣхъ же богатырскихъ и прискорбныхъ повѣстій, о коихъ упоминается вѣроятно и въ первыхъ трехъ стихахъ изъ Nibelungen:

Und ist alten mären vil geseit
Von helden lobebären, von großer arbeit,
Von freude und hochgeciten, von weinen und klagen,
Von kuner recken striten meget ir un wunder horen sagen.

Изъ обзора средневѣковой словесности и содержанія самой пѣсни, должно предполагать что «трудныя повѣсти» эти суть *преимущественно предъ другими древними сказаніями*: «Исторія о разореніи Трои, столичнаго града Фригійскаго Царства».

«И аще бы Трояне совѣтованіе Гекторово, Кассандрино увѣщаніе, совѣты Еленовы, наученія Партеусовы любезнѣ воспріяли; Троя не плакала бы вѣчныхъ своихъ нападеній, яже и до нынѣ остави по себѣ человѣкомъ *толикую плачевную повѣсть*. (Противъ 1-го изд. 4-го тисн. въ С.-Петербургѣ 1760, стр. 108 и 109).

Грамматическое расположеніе и послѣдовательность частицъ такъ строго соблюдены въ Словѣ, что опущеніе одной изъ нихъ разрываетъ связь между отдѣльными частями вступленія и между вступленіемъ и сущностью самой пѣсни. Въ самомъ дѣлѣ, если принять исправле-

*) Во второмъ § приведено нѣсколькоipримѣровъ классическихъ воспоминаній, встрѣчаемыхъ въ сочиненіяхъ разноплеменныхъ писателей Европы до XIII столѣтія.

ніе А. С. Пушкина, состоящее въ опущеніи частицы *ли* (упомин. въ примѣч. къ стр. XXIII Сл. о Полку Игор. изд. маг. Дубенскаго съ ссылкой на «Москвитянинъ» 1843, № 12, стр. 442), то пѣвецъ Игоревъ выражалъ бы рѣшительное предубѣжденіе противъ старыхъ словесъ по вымыслу Боянову, тогда какъ самое вступленіе и вся пѣснь обнаруживаютъ явную и живѣйшую любовь къ Бояну. Пѣвецъ Игоревъ рѣшается оставить старыя словеса и *вымыслы* Бояна лишь для того, чтобы согласоваться съ требованіями вѣка. Этотъ оттѣнокъ заключается именно въ полномъ составѣ оборота и послѣдовательности частицъ:

1) Частица «*не*» обозначаетъ, какъ мы уже выше замѣтили, расположеніе сочинителя къ вымысламъ Бояновымъ. Безъ сей отрицательной частицы вопросъ означалъ бы, что сочинитель не имѣетъ собственнаго мнѣнія. Безъ этой частицы вопросъ его нуждался бы въ рѣшеніи слушателей.

2) *Ли* обозначаетъ смыслъ раздѣлительный и вопросительный, безъ этой частицы слѣдующее рѣшеніе было бы неумѣстно.

3) «*Же*» — рѣшеніе a priori, находящееся въ противоположности съ предъидущими словами. Частица «*же*» здѣсь соотвѣтствуетъ выраженію «*какъ бы ни было а*».

4 и 5) «*бо*» означаетъ причины сомнѣнія.

6) «*Же*» — порицаніе втораго авторитета чрезъ сравненіе съ первымъ.

7) «*же*»—заключеніе, основанное на изложенныхъ пунктахъ.

Потребность исправленія этихъ первыхъ словъ произошла, кажется, отъ непризнанія въ «бяшетъ» прошедшаго неопредѣленнаго, условнаго и соотвѣтствующаго иногда будущему времени, въ этомъ же оборотѣ (не лѣпо ли ны бяшеть начати) отнюдь не учащательнаго.

4—5—6. начатижеслтъйпѣснипобылинамьсеговремениалепозамышленїюбоянѭ.

§ 2. Уже говорено выше, что у древнихъ христіанскихъ писателей часто является борьба между классическими воспоминаніями и требованіями вѣка, озареннаго христіанскимъ ученіемъ. Такъ, современникъ,

если не ошибаюсь, нашего пѣвца, Іосифъ Исканій Девонскій говоритъ въ поэмѣ своей о Троянской войнѣ, посвященной Ѳомѣ или Балдуину епископу Кентербюрійскому:

> Mens conscia veri
> Proscripsit longe *ludentem ficta poetam*:
> Quin te Cecropii mentita licentia pagi,
> Et laedant figmenta, pater, quo praeside floret
> Cantia, et in priscas respirat libera leges.
> Сознательный разумъ конечно
> Изгналъ давно наигрывающаго вымыслы поэта
> Да тебя, Кекропійской общины, лживыя вольности
> И вымыслы не оскорбилибъ, отецъ, подъ председательствомъ коего цвѣтетъ
> Кантія и въ древнихъ законахъ свободная дышетъ.

Замѣчательно, что Iscanius и нашъ пѣвецъ обозначаютъ Омира почти тѣми же словами «ludentem ficta poetam» — «по вымышленію Бояню». Доказательство, что Боянъ—Омиръ находятся въ самой пѣснѣ стихъ 500 и 501.

Въ двухъ эпическихъ поэмахъ XII-го столѣтія сохраненъ классическій обычай называть Омира поэтомъ, обычай, упоминаемый географомъ по преимуществу; Страбонъ (кн. I, § 2), говоритъ что Черное море называли просто моремъ: «ὡς Ποιητὴν τον ὅμηρον».

Обычай, получившій офиціальное признаніе въ VI столѣтіи (Институты Юстиніановы кн, I, т. 2. § 2 «Sicut cum poetam dicimus, nec addimus nomen—subauditur apud Graecos egregius Homerus,—apud nos Virgilius») и встрѣчающійся въ духовномъ писателѣ съ любовію изучаемомъ отцами нашими въ первый вѣкъ ихъ христіанскаго просвѣщенія; Св. Григорій Назіанскій (Твор. Св. Отцевъ въ Русск. пер. годъ II, книжка 4, Москва 1844, стр. 266) точно также обозначаетъ Омира.

«Тогда и самъ скажешь *съ стихотворцемъ*: «нѣтъ ничего немощнѣе человѣка» (Одис. 18, 130).

Боянъ, правильнѣе же Баянъ, отъ корня баю, слово однородное съ баснь, обаяніе, баваніе, краснобай, Иллир. bajanie—заговоръ, поэтическій вымыселъ, чародѣйство, baian—чародѣй, волхвъ,—точно также какъ canto—пѣть, говорить, разсказывать и заговаривать; по-

польски: bajac — баять, разсказывать сказки, — bajacz, bajarz — разскащикъ, bajka — баснь, bajeczny — баснословный, bajanie — разсказъ, сказка; по-чешски: Bag, Bagar, Bagec, Bagkar — Fabulist, Märchenerzähler; Bageni—das Reden, Erdichten, Fabeln; по-сербски: баiать zaubern, баiане—das Zaubern.

Въ Словарѣ Миклошича (Lexicon linguae Slovenicae: Vindob. 1850): Баянинъ — ἐπόδος, incantator; — баiальница — incantatrix; баяти — ἐπόδειν; εποδη, incantamentum; Georgius monachus. Menaeum); баянiе— Кирилъ Туровскiй въ исчисленiи мытарствъ: «ἐ̃ι; всяка ересь и вѣруютъ встрѣчю, въ чехъ, въ полазъ и птичьи грай, ворожю, и еже *басни баютъ и въ гусли гудутъ*». Болгары употребляютъ также это слово въ значенiи заговора: «идамъ да си баямъ онъ ми баi-е или баi-еть.

Это слово соотвѣтствуетъ французскому chanteur и enchanteur; латинскому incantator, и греческому Παιαν, Παιηων, врачъ боговъ, врачъ душевный, самъ Аполлонъ и сынъ его Асклепiй, врачъ, избавитель, исцѣлитель, спаситель, пѣснь въ честь Аполлона, въ послѣдствiи же и другихъ боговъ, военная пѣснь передъ битвой и послѣ битвы, и вообще торжественная, хвалебная, затрапезная пѣснь. Παιανιστης—пѣснопѣвецъ, Παιώνια—баянье, знахарство, врачеванiе. Преимущественно же Παιάν значитъ заговоръ для отвращенiя бѣды.

* Lupus Protospatha Croatiam expugnatam a Bojoanne quem Bugianum vocat, videtur indicare scribens anno MXXIV in Croatiae descendisse cum exercitu, cepisse que uxorem Cosmici, eamque Constantinopolin amandasse.

Ducange. Fam, Bysantinae, Slav. etc.. Стр. 298.

У Дюканжа встрѣчается еще Bajanus стр. 306. 313. b. Миклошичь по поводу заимствованнаго Маджарами baj, fascinatio приводитъ въ подстроч. пр. (Beiträge Kuhn. Berlin 1858 I. B. 223). Турецкую этимологiю этого слова Боллера: das Magyar. baj Türk. bagh (vinculum) woraus baghlamaq (Vincire, fascinare) jakut. baj, ligare. Бай, бой, богатый, бѣдный, бѣда, обида, др. Цер. Слов. бѣдить весьма близки къ Санскритскимъ формамъ:

Bang—Loqui, dicere, lucere. Баять, баснь, баянъ.

Ban—Loqui, dicere.

B'âs' 1, atm. inderdum pai. loqui dicere.

B'âs'in dicens, loquens.

B'â'ga—pars, portio, bona fortuna, felicitas—богатство.

B'âg' Veneratio, Cultus обожаніе.

B'âg' и b'ag'—dividere—distribuere богатство, убогій.

B'yá timor боязнь.

B'ayankara (timendus боящійся) отъ корня бой—бить.

B'ayânaka timendus.

B'ug'—flectere, curvare Bopp. приводитъ бѣгу, φευγώ, fug—fugio.

B'ugaga, tortuose iens. Буй дикій ср. Бугай.

B'ádra—Laetus, felix—бодрый.

B'id 7, pas. âtm.—findere, violari, perforare rumbere, обида—бѣда—побѣда.

Эти сродныя между собой слова даютъ поводъ предполагать Буддійское происхожденіе Татарскаго Bajan отъ Санскритскаго корня.

Azerbâigân (the hill of the great) for Azer inthe Turkish language meanlhigh and bâigan signifes, great and celebrated men.... Arabic Azerebaijân.

Derbend Nameh. Kasembeck S.-Ptrbg. 1851 p. 24.

Bagliafl, Bajader—Schwätzer, Bajar, sbazar, bagliafar—Schwatzen, болтать, bahaida, bajoz, baja,—geschwätz. Baila Säugamme. Baghiar—fabrichar, bauen, созидать. T. Wörtewbuch der Rhaetoromanischen sp. von Otto Carisch. Chur, 1848.

Den Feldkerrn der Süd China eroberte, nennt er (Marco Polo). Lb. II c. 54. Baian-Chinsan und sagt dass dieser Name, Lumiere à cent yeux bedeute, dem ist aber nicht also; Bajan bedeutet «reich Reichthum, говоритъ Шмидтъ», стр 87. forschungen etc. S.-Ptbrg und Lepzig 1824, (Mongolen und Tibeter).

Βαιων, Царь Египтскій, подъ годомъ 3496 отъ сотворенія міра Syncelli Regum Aegyptiacorum laterculus ex Bunsenii opere. Aegypten. T. III, p. 76 et § 99.

Βαίων (Syncellus p. 104). принадлежитъ къ XVII Египетской династіи: Pastores et Diispolitae Schol. Platon p. 424. Bekk.). Ἑπτακαιδεκάτη δηναστεία ἦσαν αδεαδελφοι Φοίνικες, ξένοι, Βασιλεῖς. Syncellus, p. 104. Съ ссылкой на Манеѳона. Schol. Platon. p. 424 Bekk.

1. Σιλιτης 2. Βαίων 3. Απακνας 4. Αφοφις 5. Σεθως 6. Κήρτως 7. Ασἡθ. **

Вотъ для примѣра представленія Паіана верховнымъ судіею пѣснопѣнія, латинское четверостишіе Алкима.

Moeonio Vati qui par aut proximus esset
Consultus Poean risit, et haec cecinit:
Si potuit nasci quem tu sequereris, Homere!
— Nascetur qui te possit, Homere, sequi.

Меонійскому Вѣщу кто бы равенъ иль близокъ былъ,
Вопрошенный Паіанъ засмѣялся и сице воспѣлъ:
Если могъ родиться, кому ты слѣдовалъ бы Омире:
Родится, кто тебѣ могъ бы, Омире, послѣдовать.

Слова *Боянъ* и *Поганъ*, употребляемыя Греческими лѣтописцами одно вмѣсто другаго, суть однородныя.

Боянъ, баянъ, поганъ поганый, Παγάνος, Payen, Παιαν, отъ корня баю и пою суть одно и тоже слово, различіе въ правописаніи и значеніи зависитъ отъ различія вѣковъ и племенъ его употреблявшихъ. Срезневскій весьма основательно относитъ слова боянъ и баянъ къ корню баю (говорю) и бой (битва). «Боянъ и баянъ можно считать за одно слово, хоть первое произошло отъ *бой*, а второе отъ *баять»*. Мысли объ Исторіи Русскаго языка И. Срезневскаго. С.-П-бургъ. 1850 года. Это замѣчаніе Г-на Срезневскаго подтверждается словами: вой (воинъ) и вой (крикъ); βοή уже въ Гомерѣ употребляется въ значеніи крикъ, шумъ, кликъ, воинскій кликъ, вой вѣтра и моря, и самая сѣча, битва, схватка. У Гомера встрѣчаемое выраженіе βοήν ἀγαθὸς какъ прозвище героевъ, толкуемое—въ битвѣ, въ пылу доблестный, можно было бы безъ преувеличенія объяснить системой Данковскаго (Homerus Slavizans).

Баянъ во всѣхъ Словенскихъ нарѣчіяхъ соотвѣтствуетъ выраженіямъ: поэтъ и знахарь. Трудно рѣшить, которое изъ сихъ двухъ значеній преобладало въ мысляхъ нашего пѣвца. До него и позже считали не безъ основанія и Омира и Исіода, на западѣ же Виргилія, столь же великими поэтами какъ и глубоко посвященными въ таинства Магіи и Кабалы и Гносисы.

Но никакія изслѣдованія не могутъ лучше опредѣлить значеніе сего слова какъ сказка о Семи Семіонахъ, изд. въ Русскихъ Народныхъ сказкахъ Сахаровымъ. С. П.-бургъ 1841 г. стр. 305. «Ай ты *черный котъ баюнъ! Проснися продудися, да и спой пѣсенку, какъ и ту ли пѣсенку, что поютъ на Окіянѣ морѣ, на зеленыхъ островахъ, про молоду княжну Елену Ивановну*».

Стр. 201. «Какъ и всѣ то братья за дѣломъ сидятъ, а седьмой Семіонъ вдоль по кораблику похаживаетъ, Черна кота поглаживаетъ. Вѣдь его то брат(цы) *ецъ* Черный котъ баюнъ изъ за Синя моря, изъ за того ли лу(г)коморья; да и онъ ли Черный котъ, по умному сказки сказываетъ, по разумному пѣсни заводитъ. Какъ на томъ ли Окіанъ морѣ глубокомъ стоитъ островъ зеленъ, какъ на томъ ли на зеленомъ острову стоитъ дубъ зеленый, отъ того дуба зеленаго виситъ цѣпь золотая, по той по цѣпи золотной ходитъ черный котъ. ««*Какъ и тотъ ли черный котъ во правую сторону идетъ, веселыя пѣсни заводитъ, какъ во лѣвую сторону идетъ, стары сказки сказываетъ*». А его то братья Семіоны.».... Объ островахъ на Океанѣ, на Синемъ (Черномъ) морѣ, у Лукоморья (Азовскаго), гдѣ воспѣвалась Елена, упоминается пространнѣе въ § 55. и въ изслѣдованіи Köhler'-à Mémoire sur les iles et la course consacrées á Achille dans le Pont Euxin. Mémoires de l'Acad. Imperiale de s Sciences. T. X. II. Pétbg. 1826.

* Климентій Александрійскій, описывая великолѣпіе Египетскихъ храмовъ, присовокупляетъ: сокровенная святыня знвѣшана златокованной тканью; если жрецъ отдернетъ занавѣсь, то является взорамъ—кошка, крокодилъ или туземная змія, вьющаяся на багряныхъ постилкахъ. Max Duncker Leipsig. 1874. T. I. стр. 57. *

Въ Словарѣ свѣтскихъ писателей Митрополита Евгенія находится прекрасная статья о Боянѣ. Въ этой статьѣ упоминается о Бояновой улицѣ въ Новѣ градѣ, рѣкѣ Баянѣ въ южно-Словенскихъ земляхъ, о собственномъ имени Баянъ, упоминаемомъ въ Византійскихъ Лѣтописцахъ, и о гимнѣ въ честь Бояна, писанномъ руническими буквами. Нельзя не сожалѣть, судя по извѣстнымъ открывкамъ, что оный доселѣ не изданъ, хотя и признано было бы по надлежащему

разбору, что рукопись и самая редакція подложны, ибо содержаніе онаго можетъ и должно быть заимствовано изъ неизвѣстныхъ источниковъ. Весьма важное свидѣтельство въ пользу изданія сего гимна заключается уже въ томъ, что Митрополитъ Евгеній и Н. М. Карамзинъ не рѣшаются объявить его подложнымъ. Въ упоминаемой статьѣ при разборѣ различныхъ мнѣній о Баянѣ, весьма ясно представляется неосновательность утвержденія, что Боянъ существовалъ во времена Нестора. Мнѣніе господствующее донынѣ, какъ это видно въ примѣчаніяхъ на Слово о Полку Игоревѣ. Изд. Г. Москва, 1846 года, пр. третіе.

Всѣ изслѣдовянія, дабы отъискать въ Боянѣ пѣвца воспѣвавшаго Русскихъ или Болгарскихъ Князей послѣ Р. Х. останутся тщетными и даже иногда весьма странными, какъ напримѣръ изслѣдованіе Граматина (Сл. о Пол. Иг. Москва, 1823, Критич. разс. стр. 13—16:

«Въ самомъ началѣ авторъ упоминаетъ о древнѣйшемъ его пѣснопѣвцѣ, Боянѣ; это есть божество, его вдыхающее, какъ Гомеръ къ Музѣ, или Оссіянъ къ Мальвинѣ, такъ и пѣвецъ Игоря взываетъ къ Бояну. Изъ послѣдствія ясно видно, что Боянъ сей былъ современникъ знаменитаго Всеслава Полоцаго; слѣдственно жилъ въ одномъ вѣкѣ съ Лѣтописцемъ Несторомъ, т. е. въ XI. О произведеніяхъ Бояна мы можемъ имѣть понятіе по Слову о Полку Игоревомъ, а не по мнимому его гимну. Нѣтъ сомнѣнія, что Боянъ служилъ образцомъ пѣвцу Игоря, когда сей отзывается объ немъ съ такимъ же восторгомъ, какъ Горацій о Пиндарѣ: *Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ»* т. д....... *Далѣе временъ Бояна мы не должны простираться, теряясь въ пустыхъ догадкахъ или умствованіяхъ; ибо сіи обыкновенно ни къ чему не поведутъ, когда основаны не на Исторіи».*

«Изъ сего можемъ съ вѣроятностію заключить, что Муза поэзіи въ древней Руси родилась въ одно время съ Музою Исторіи, т. е. вскорѣ по введеніи Христіанской Религіи, и находилась въ самомъ младенчествѣ; *ибо должно признаться: Слово о Полку Игоревомъ, при всѣхъ его красотахъ, есть дѣтское лепетанье! не своднымъ ей языкомъ, грубою прозою.* Здѣсь замѣтимъ важ-

ныя преимущества Гомера и Оссіана передъ пѣвцомъ Игоря: 1) преимущество языка; не говорю о Греческомъ, какъ самомъ музыкальномъ въ свѣтѣ и способнѣйшемъ для поэзіи, Гальской долженъ быть также языкъ гармоничный, приспособленный къ музыкѣ, и обработанный Бардами въ продолженіе не одного столѣтія. Оссіанъ описываетъ себя живущимъ въ вѣкѣ, похожемъ на классической, просвѣщеннымъ случаями прошедшаго, о которомъ память сохранялась въ пѣсняхъ Бардовъ, онъ указываетъ на періодъ мрака и невѣжества, до котораго не достигало преданіе: его слова, говоритъ онъ, въ половину только достигали до слуха нашего; они были темны, какъ повѣсти другихъ временъ, доколѣ невозсіялъ свѣтъ пѣснопѣнія (Blair in his crit. dissert on the poems of Ossian p. 128:—» тѣмъ достойнѣе порицанія Макферсонъ, что не выдалъ въ свѣтъ Гальскаго подлинника; онъ возвелъ бы его на степень древнихъ, классическихъ языковъ». «Пѣвецъ Игоря пѣлъ на языкѣ полуобразованномъ; отчасти мертвомъ, и потому не могъ не сбиваться на живое нарѣчіе, которое было совершенно варварксе (horribile auditu) отъ этого вышла неправильная и не совсѣмъ ясная смѣсь словенскаго съ Русскимъ, которою писано Слово о Полку Игоревомъ 2). Преимущество чудеснаго; во время Пѣвца Иліады вѣрили чудесамъ Миѳологіи, и онъ прекрасно воспользовался ею, заставивъ дѣйствовать обитателей Олимпа. Во время пѣвца Фингалова вѣрили бытію душъ умершихъ; но почитали ихъ безсильными вмѣшиваться въ дѣянія людскія, и поэмы его полны явленій духовъ, которые однакожъ принимаютъ безполезное участіе въ судьбѣ любезныхъ имъ людей. Пѣвцу Игоря остались въ наслѣдство почти одни имена Словенскихъ, языческихъ боговъ: Даждь-Божа, Стри-Божа Велеса и проч. Онъ не пренебрегъ и сего бѣднаго имущества, но заставить ихъ дѣйствовать вопреки общему повѣрью онъ не могъ; ему бы никто не повѣрилъ».

Мнѣніе Граматина, здѣсь изложенное, не рѣдко случается слышать и донынѣ. Обвиненіе Пѣвца Игоря въ дѣтскомъ лепетаньѣ происходитъ единственно отъ того, что читатели Слова даютъ волю своему воображенію и сохраняя одни слова, не обращаютъ вниманія ни на словосочиненіе, ни на правописаніе. Странное впе-

чатлѣніе производятъ слова Граматина сближенныя съ словомъ о Полку Игоревѣ.—При всемъ воодушевленіи поэта, проза XII столѣтія рѣшительно строже согласована съ законами логики и реторики, чѣмъ проза просвѣщеннаго критика въ XIX столѣтіи.

Граматинъ какъ усердный ученикъ Шлецера, возстаетъ противъ пустыхъ умствованій, основанныхъ не на Исторіи и переступающихъ извѣстный періодъ времени, и рѣшаетъ, послѣ пустѣйшихъ умствованій не принадлежащихъ къ дѣлу и мало выигрывающихъ отъ ограниченности историческаго періода, что Боянъ пѣлъ во времена Всеслава Полоцкаго, на томъ основаніи, что Пѣвецъ Игоревъ приводитъ по поводу Всеслава припѣвку Бояна. Онъ не замѣчаетъ, что именно въ этихъ словахъ уже видно, что Боянъ изстари *(первое)* сказалъ слова, долженствовавшія вразумить Всеслава и что Ярославъ, Мстиславъ и Романъ воспѣваемы были не по вымышленію Бояна, а по былинамъ того времени.

Венелинъ въ Критическомъ изслѣдованіи объ Исторіи Болгаръ. Москва 1849 г. стр. 263, предполагаетъ, что Боянъ упоминаемый здѣсь, есть Боянъ Владиміровичъ Князь Болгарскій, слывшій Колдуномъ. Венелинъ основываетъ мнѣніе свое на томъ, что Южному Славянину свойственнѣе рискать по тропѣ Трояней нежели Русскому, и что въ старомъ времени относительно пѣвца Игоря не могло существовать въ Россіи поэта, коему примѣнялись бы восторженныя слова пѣсни.

Современное извѣстіе о семъ Болгарскомъ Князѣ находится въ Хроникѣ Луитпранда кн. III, гл. VIII. Оно любопытно, какъ свидѣтельствующее о любви къ просвѣщенію Болгарскихъ правителей въ X столѣтіи. Это одна изъ тѣхъ главъ Луитпрандовой Исторіи, которая приписывается другому редактору. «Tunc et enim Simeonem ἡμίαργον, id est, semigraecum esse aibant, eo quod a pueritia Bysantii Demosthenis rhetoricam Aristotelisque syllogismos didicerit. Post haec autem relictis artium studiis, ut aiunt, conversationis sanctae habitum sumpsit: vetu paulopost regnandi cupiditate deceptus, ex placida monasterii quiete ad seculi procellam transiit, elegitque potius apostatam Julianum, quam beatissimum coelestis regni clavigerum imitari, qui duos filios habuit unum nomine Baianum, alterum *qui nunc usque superest*, potenter-

que Bulgaris principatur, nomine Petrum. *Baianus autem adeo fertur didicisse magicam, ut ex homine fieri lupum, et quamcunque vellet aliam cerneres feram*». Но Словенскій Князь этотъ едва ли неостанется нѣмымъ лицемъ для объясненія воззваній къ Бояну и его изреченій приведенныхъ въ пѣснѣ о П. Игоревомъ·

Впрочемъ по духу того времени могли бы существовать и біографіи, въ коихъ сему Князю и приписывались бы отличительныя черты и даже изреченія Гомера: (Ср. Біографіи Карла Великаго, Kayser-Chronik, Gesta Romanorum и другіе памятники среднихъ вѣковъ, гдѣ описанія современныхъ лицъ безпрестанно смѣшиваются съ чертами замѣчательныхъ людей древняго міра). Открытіе подобнаго сказанія о Болгарскомъ Баянѣ было бы весьма важно, ибо оно указывало бы на вѣрованіе въ посмертное житіе творца Иліады въ X-мъ вѣкѣ на берегахъ Дуная въ образѣ Баяна Семеоновича.

Греки называли Семіона ἡμίαργον для обозначенія его не какъ полусовременнаго имъ Грека, но какъ полудревняго Грека, полуклассическаго и полу-героическаго, именно потому что Аргосъ, столица Героической Греціи, игралъ большую ролю въ классической словесности. Весьма замѣчательно, что прилагательное semi graecus придаваемо было и въ Римѣ древнѣшимъ Латинскимъ ученымъ: «antiquissimi doctorum.... poetae et semigraeci erant».!—Светоній de claris gram. гл. I.

Изученіе Омира въ классической Греціи, равно какъ и безпредѣльное къ нему уваженіе Александрійскихъ ученыхъ и ихъ огромные труды о его твореніяхъ слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ должно было здѣсь упоминать. Я ограничусь изъ древнихъ писателей свидѣтельствомъ одного Діона Хризостома о степени извѣстности Омира на Югѣ Россіи: рѣчь XXXIV, 4.

«Почти же и всѣ Ворсиѳениты о поэтѣ стараются, можетъ, для того, чтобы воинственными быть еще нынѣ. Если же нѣтъ, то изъ благорасположенія къ Ахиллею. Этого-то сверхъ естественно почитаютъ и храмъ та (его) на островѣ».

Всѣмъ извѣстно его свидѣтельство о пѣніи Омировскихъ пѣсень Греческими поселенцами Чернаго моря, приведенное въ Исторіи Г. Р. Н. М. Карамзина.

Но необходимо обратить особенное вниманіе на состояніе образованности и словесности во всей Европѣ отъ паденія Западной Имперіи до XIII столѣтія, чтобы замѣтить сколь оговорка Пѣвца Игорева о томъ, что онъ не намѣренъ слѣдовать вымысламъ поэта,—поэта по преимуществу Омира, составляетъ фактъ, согласный съ обычаями того времени во *всей* Европѣ.

Англійскіе, Французскіе и Германскіе писатели отъ X до XIII столѣтія содержатъ въ себѣ много воспоминаній изъ Гомера. Хотя у нихъ и преобладаетъ вліяніе Троянскихъ сказаній Дареса и Диктиса, но однако замѣтно и вліяніе и изученіе Греческой словесности и самаго Гомера. Вліяніе Гомера и вообще всей языческой словесности на словесность Западной Европы до эпохи возрожденія въ XV-мъ столѣтіи гораздо сильнѣе, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ. Сила, съ коей изученіе Греческой словесности принялось въ Европѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ послѣ бѣгства ученыхъ Грековъ изъ Византіи съ сокровищами стараго слова, доказываетъ что давно уже брошены были зародыши сего возрожденія въ Европѣ. Изданія и филологическіе труды и общее участіе, принимаемое къ онымъ въ XV и XVI-мъ столѣтіяхъ, обнаруживаютъ сами собой, что ученные Византійцы послѣ взятія Константинополя Турками нашли уже почву приготовленную. Цѣпь, связывающая новую образованность и древнюю, никогда не прерывалась. Французскія хроники, хроники относящіяся до крестовыхъ походовъ, состояніе словесности въ Англіи и Германіи, труды монашескіе въ Швейцаріи и Словенскихъ земляхъ не дозволяютъ въ томъ сомнѣваться, хотя весьма недавно не признавали этого вліянія Ginguenet, Sismondi, и другіе изслѣдователи словесности среднихъ вѣковъ, а также касательно Россіи между прочими и Шлецеръ удивлявшійся, напримѣръ что Несторъ упоминаетъ о древнемъ имени Адріанополя — Орестіи. Судя по изслѣдованіямъ изданнымъ въ Revue des deux Mondes Г-нъ Delecluze обратилъ особенное вниманіе на вліяніе классической словесности на писателей Европы до эпохи возрожденія въ XV столѣтіи. На недостаточное сознаніе сего несомнѣннаго факта указываетъ также Gerwinus, Massmann обратилъ также вниманіе на этотъ предметъ и опредѣляетъ Греческіе источники (Византійскіе) нѣкоторыхъ Французско-Нѣмецкихъ поэмъ

и связь нѣкоторыхъ героевъ изъ сихъ поэмъ съ героями Троянской войны. Это предубѣжденіе столь сильно, что Fauriel, имѣвшій столько данныхъ, чтобы вполнѣ сознать этотъ фактъ, удивляется встрѣтивъ писателя южной Франціи конца X и начала XI столѣтія Bernard d'Angers, подражателя Гомеровой Одиссеи.

«Les principaux incidents de l'histoire de Raimond du Bousquet... sont empruntés de l'Odyssée, c'est à l'imitation d'Ulysse que le chevalier Toulousain est balloté trois jours sur les flots, suspendu à un débris de son navire naufragé, invoquant Sainte Foi, comme le grec Minerve. Ce sont les pirates Arabes qui, pour le retenir à leur service quand ils ont découvert sa bravoure à la guerre, lui font boire le breuvage d'oubli que Circé versa au héros Grec pour lui oter le souvenir de Pénélope et de son île. De retour chez lui et tronvant un rival en possession de son château, Raimond se cache chez un de ses paysans, comme Ulysse chez son bon pâtre Eumée: les deux héros un moment déguisés et comme étrangers chez eux, sont reconnus à peu près de la même manière. Dans le dénoument, l'imitation est plus indirecte et plus vague....

....*Cest bien assez, sans doute, de ce qu'il* y a dans cette histoire d'evidemment emprunté de l'Odysseé pour *frapper et embarasser l'historien de la litérature*. D'oú notre auteur connaissait-il le poëme d'Homére? Ce poème n'avait jamais été, que l'on sache, traduit en latin, et, l'eût-il été, comment supposer une copie de cette traduction dans les montagues du Rouergue ou dans les campagnes du Toulousain, à la fin du dixieme siècle ou au commencement du onzième?

Il y a beaucoup plus d'apparence que les imitations signalées n'étaient das pes imitations immédiates et directes mais de simples réminiscences traditionelles. Il n 'est pas méme nécessaire de faire remonter ses traditions jusqu'à l'époque ou les rapsodes Massaliotes récitaient les poèmes d'Homère dans les villes gracques du midi de la Gaule. On peut les rattacher à l'époque moins ancienne ou l'Iliade et l'Odyssée servoient de base à l'enseignement du grec daus les écoles de cette langue, écoles qui subsistérent, dans le midi de la Gaule, jusqu'à la fin du IV-éme et même du V-éme siècle.... Ici l'antique

et le nouveau, *le dernier écho de l'épopée payenne* (?), et les premiers bégayements de l'épopeé chrétienne et chevaleresque sont encore confondus, pour être *bientot et à jamais divisés*. (?)

(Histoire de la poésie Provencale, par C. Fauriel. Paris 1846 T. I. p. 446. 448).

Французскій Труверъ Benoit de St More во второй половинѣ XII столѣтія написалъ болѣе 30,000 стиховъ о Троянской войнѣ, кромѣ того около 12,000 стиховъ составляющихъ введеніе въ Троянскую войну: Le Romans de Tiebes qui fut racine de Troie la grant, и около того же числа стиховъ объ Енеѣ, какъ заключеніе. Екгардъ къ первой половинѣ X-го столѣтія полонъ Омирическихъ воспоминаній въ своей Латинской поэмѣ объ Вальтерѣ Аквитанскомъ. Онъ изучилъ Гомера и Виргилія и даже напоминаетъ ихъ. Эта поэма переведена на Нѣмецкій языкъ Клеммомъ и недавно Симрокомъ. Сказаніе это для насъ особенно любопытно, какъ входящее въ кругъ Польскихъ преданій.

По примѣру позднѣйшихъ Греко-Римскихъ Историковъ (Діона Кассія и Амміана Марцелина) почти всѣ Франкскіе лѣтописцы обращаютъ особенное вниманіе на Троянскую войну и носятъ слѣды глубокаго посвященія въ древнія сказанія и басни. Оно особенно замѣтно и даже ясно выражено въ Исторіи Григорія Турскаго. Фредегаръ сожалѣетъ объ упадкѣ изученія классиковъ. О классической учености Аббата Суггерія (l'Abbé Sugger) положившаго начало составленію хроникъ Св. Дионисія, (chroniques de St.-Denis) въ началѣ XII столѣтія приводитъ свидѣтельство Т. Н. Грановскій. Аббатъ Суггерій. Москва 1849 стр. 21 и 22.

Многочисленные романы, принадлежащіе къ преданіямъ объ Артурѣ, полны Греческихъ басенъ. Неужели можно полагать, что огромная библіотека Французскихъ, Англійскихъ и Германскихъ сочиненій, писанная на Латинскомъ и на народныхъ языкахъ, содержащихъ въ себѣ повѣствованія о Троянской войнѣ или намеки на оную, могли быть порождены сухими и краткими разсказами Дареса и Диктиса. Уже самое присутствіе и развитіе Греческихъ басенъ въ средневѣковой словесности Запада доказываетъ изученіе другихъ древнихъ источниковъ, ибо Диктисъ и Даресъ вовсе отвер-

гаютъ тѣ басни, коими изобилуютъ поэмы и романы XII и XIII столѣтія во Франціи и Англіи. Также въ лѣтописяхъ, относящихся до крестовыхъ походовъ, герои весьма явственно обозначаются красками героевъ Троянской войны, заимствованными не изъ Дареса и Диктиса. Michaud въ исторіи крестовыхъ походовъ замѣчаетъ о сходствѣ Крестоносцевъ съ героями Илліады и о преніяхъ ихъ, изложенныхъ въ современныхъ лѣтописяхъ, въ духѣ Гомера: «Aussi Raoul de Caen ne manquet'il pas de comparer l'éloquence d'Arnoul de Rhodes à celle du prudent Ulysse», T. I. p. 357.—6-me ed. Paris 1841.

L'historien du Royaume de Ierusalem (Guillaume de Tyr) qui fut longtems Archevèque de Tyr, s'arréte ici pour décrire les antiques merveilles de sa metropole. Dans son rècit *à la fois religieux et profane*, il invoque tour à tour le témoignege d'Isaie et de Virgile, après avoir parlé du Roi Hiram et du tombeau d'Origène, il ne dédaigne pas de célebrer la mémoire de Cadmus el la patrie de Didon. Michaud Hist. des Crois. 1841 T. II, p. 68.

Не должно терять изъ виду различіе, существовавшее между учеными преподавателями и учеными писателями съ одной стороны и составителями поэмъ и романовъ, людьми по большой части необразованными и недаровитыми, переписывавшими и передѣлывавшими древнія сказанія. Они соотвѣтствуютъ, за немногими исключеніями, ремесленникамъ отливающимъ произведенія рѣзца художниковъ, и составляющимъ изъ набранныхъ типовъ иногда довольно оригинальныя сочетанія. Распространеніе древнихъ басенъ между писателями самаго низшаго разряда, доказываетъ болѣе всего распространеніе оныхъ въ XII вѣкѣ.

Само собою разумѣется, что тогдашніе Западные писатели пользовались преимущественно Даресомъ и Диктисомъ, какъ самыми легкими и доступными для нихъ источниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно приписывать изученію этихъ двухъ писателей весьма полное повѣствованіе о древнихъ герояхъ, часто встрѣчаемыхъ въ памятникахъ Западной Европы до XIII столѣтія, ибо многіе факты излагаемые въ оныхъ не упоминаются въ Диктисѣ и Даресѣ, но почерпнуты изъ Гомера, Еврипида, Апполона Родійскаго, Овидія,

Виргилія и друг. классическихъ Греческихъ и Латинскихъ писателей. Къ этому должно однако прибавить, что большая часть западныхъ поэтовъ въ XII и XIII столѣтіи пользовалась не прямо источниками Греческими, а посему и представляютъ Троянскія и вообще древнія басни въ искаженномъ видѣ и утратившими свой возвышенный характеръ. Уваженіе къ Даресу и Диктису въ среднія вѣка произошло отъ желанія подвергнуть сказанія о Троѣ облеченныя въ вымыслы поэтовъ, критическому сравненію съ двумя писателями считавшимися очевидцами событій, о коихъ они передали непреложный историческій расказъ. Эта мысль явно выражена въ письмѣ Корнелія Непота къ Саллюстію служащемъ вмѣсто предисловія къ Латинскому переводу Исторіи о разореніи Трои Дареса Фригійскаго. Древность Исторіи Дареса несомнѣнна и подтверждена свидѣтельствами въ Птоломеевомъ Ифестіонѣ кн. I, и въ разныхъ исторіяхъ Еліана XI, 2. Латинскія же рукописи сей исторіи извѣстны уже съ IX столѣтія въ Сенъ-Гальскомъ монастырѣ. Это обвиненіе Гомера въ вымыслѣ, часто повторяемое въ средніе вѣка, сохранено и въ предисловіи или пространномъ заглавіи третьяго Русскаго изданія (С.П.-Бургъ. 1745 г.) Исторіи о разореніи Трои, (о коемъ упомянуто выше). Это предисловіе совершенно согласно съ предисловіемъ приведеннымъ Сопиковымъ по первому изданію, за исключеніемъ нѣскольких и маловажныхъ разностей въ правописаніи.

«Въ ней же пишетъ, о разореніи града Трои Фригійскаго царства и о созданіи его......: Писаша же ю первые историки Дитъ Грекъ и Фригій Дарій, истинніи свидѣтели ополченіемъ Троянскимъ. зане они сами бяху на бранѣхъ списатели и самовидцы бывшему въ сложеніи дѣлъ своихъ. Сего ради *право и написаша* ю. Потомъ же въ различныя времена Оміръ, Віргілій и Овидій Соломенскій, кождо ихъ написаша ю, *но не истинно*, *многія бо въ нихъ несогласія и басни обрѣташася,* наипаче же Овидій Соломенскій, баснословно зѣло написа, ибо введе боги ихъ же почиташе древнее еллинство, помогающія Грекомъ, воюющимъ Троянъ, и съ ними бывшія на брани яко живыя человѣки и иная многая тамо баснословиша. А сія истинная и правая Історія Дитомъ Грекомъ написана».

Эта мысль находится равно и въ Чешскомъ текстѣ большею

частію согласномъ съ Русскимъ, за исключеніемъ незначительныхъ упущеній или прибавленій въ разсказѣ и весьма маловажнаго отступленія въ распредѣленіи хода повѣствованія.

Въ отношеніи къ изслѣдованію вліянія языческой словесности на словесность среднихъ вѣковъ замѣчательно и то, что первое Чешское изданіе 1468 года, 2-е въ 1488 г., есть вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ первѣйшихъ печатанныхъ изданій въ Европѣ. Добровскій сомнѣвается кажется въ годѣ перваго изданія и полагаетъ оное въ 1476; точно также и первое Русское изданіе 1709 вмѣстѣ съ Синопсисомъ суть два первыя историческія сочиненія, напечатанныя въ Россіи (Сопиковъ). За неимѣніемъ другаго, привожу выписку изъ шестаго *исправленнаго* Чешскаго изданія. «Въ Прагѣ 1843, стр. 226» «ale ty Homére, recky skladaci! gak welikymi chwalami welebil gsi Achilla, prawe, ze zabil dwa Hectory, totiz Hectora a bratra geho Troila. Nemluwjs gako prjtel prawdy, ale swého prirozeného gazyka pochlebnjk. Въ концѣ XXIII книги въ предисловіи приведена предмлува доспелаго мужа Гвидона з Колумны Мессанске на кронику Троянску. стр. 2.

Гвидо Колумнскій судья Мессанскій, служившій образцомъ и источникомъ Чешской редакціи, составилъ въ XIII, столѣтіи сказаніе о раззореніи Трои, изъ сказаній Дареса и другихъ писателей. Онъ весьма ясно опредѣляетъ, по чему предпочтительно слѣдовалъ Диктису и Даресу, а не Гомеру, Виргилію и Овидію. Первыя изданія Исторіи Гвида Колумнскаго съ обозначеніемъ года, нѣсколькими годами позже перваго Чешскаго.

Въ XII столѣтіи составлены вышеупомянутая поэма Іосифа Искана Девонія по Даресу и обширное стихотворное сказаніе Бенуа de St. More. Іосифъ Исканскій и Бенуа, а за ними Гвидо Колумнскій считаются источниками позднѣйшихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ редакцій. Они безсомнѣнно пользовались Греческими писателями, или недошедшими до насъ Латинскими, и всѣ упрекаютъ Гомера въ вымыслѣ. Въ древнѣйшемъ церковно Словенскомъ текстѣ сего сказанія, составленномъ для Болгарскаго царя Симеона Борисовича пресвитеромъ Григоріемъ, Гомеръ также не признается источникомъ; «си же Сисѵфосъ Койскій списа въ воихъ самъ бывъ съ Теукромъ, иже

списаніе обрѣтъ Омиръ Иліаду списа, и Виргиліосъ другое еже въ рапсодіяхъ Сисуфа пишется, еже писано по мнозѣхъ лѣтѣхъ Омира и Виргиліа, обрѣтены (Диктисъ) бысть при Клавдіи Neронѣ Цари», стр. 184. Это сказаніе на Словенскомъ языкѣ, коего отрывокъ изданъ въ прибавленіяхъ (X) къ Іоанну Екзарху Болгарскому Калайдовичемъ, по крайней мѣрѣ двумя столѣтіями древнѣе древнѣйшихъ обработокъ сей исторіи внѣ классической почвы, не только на новѣйшихъ Европейскихъ языкахъ, но и на Латинскомъ, само собой разумѣется, что рѣчь идетъ не о Диктисѣ и Дaресѣ, принадлежащихъ къ подспудной литературѣ древнягго міра. Подобные упреки Гомеру находятся и у Іоанна Малалы и Чечеса и основаны на общемъ религіозномъ убѣжденіи древнихъ. Паламедъ въ Филостратѣ (Нeroica) и прорицанія Сивиллъ обличаютъ Гомера въ пристрастіи, лжи и вымыслахъ.

Нѣтъ сомнѣнія что Филологическія познанія большей части поэтовъ въ Западной Европѣ въ XII столѣтіи не были довольно сильны, чтобы сами поэты могли пользоваться текстомъ Гомера, но извѣстность Гомера и глубокое изученіе миѳологіи въ XII столѣтіи несомнѣнны. Также достовѣрно, что отъ X до XV столѣтія встрѣчаются на Западѣ въ каждомъ вѣкѣ люди, основательно изучившіе Греческій языкъ. Многочисленные и превосходные переводы съ Греческаго языка на Словенскій свидѣтельствуютъ объ изученіи Греческаго языка въ Словенскихъ земляхъ.

Французскія, Англійскія и Нѣмецкія поэмы отъ X до XIII столѣтія содержатъ много ссылокъ на Троянскія сказанія. Эти поэмы суть въ этомъ отношеніи во все не исключенія а напротивъ того можно сказать что прозаики и стихотворцы X, XI, XII и XIII столѣтіи считали приличнымъ ссылаться на Иліаду входившую въ кругъ сказаній о Паладинахъ....

Въ Латинской пѣснѣ X столѣтія, сочиненной для Моденскихъ воиновъ, защищавшихъ городъ противъ Венгерцевъ и приведенной 1-й главѣ Исторіи Южной Европы Симонда Сисмонди:

O Tuqui servas armis ista moenia
Noli dormire, moneo sed vigila!
Dum Hector vigil extitit in Troia
Non eam cepit fraudulenta Graecia.

Prima quiete dormiente Troia
Laxavit Sinon fallax claustra perfida:
Per funem lapsa occultata agmina
Invadunt urbem ei incendunt Pergama.
Vigili voce avis anser candida
Fugavit Gallos ex arce Romulea,
Pro qua virtute facta est argentea,
Et a Romanis adorata ut Dea.
Nos adoremus celsa Christi numina,
Illi canora demus nostra jubila;
Illius magna fisi sub custodia
Haec vigilantes jubilemus carmina.

Въ прол. № 1. Ришарда Львиное сердце:

Of Troye men rede in ryme
What werre ther was in olde tyme
Of Hector and of Achylles,.....

И въ прол. № II той же поэмы.

Now herkenes to my tale sothe,
Thongh J swere yow an othe,
J wole reden romaunces non,
Ne of Pari, ne of Ypomydone,
Ne of Alisaunder, ne of Charlemayne
Ne of Arthur, ne of Gawayne,
Nor of Sere Launcelot the Lake
Ne of Beffs, ne Guy ne Sere Sydrake
Ne of Ury, ne of Octavian,
Ne of Hector, the stiong man,
Ne of Jason, neither of Hercules
Ne of Eneas, neither Achilles.

Эти двѣ выписки находятся Grässe Lehrb. einer allg. Geschich, et Band II. 3-te Abth., erste Hälfte стр. 7 и 8 съ ссылкой на Warton Hist. of Englisch poetry T. I, p, 119, 122, 123 (ed IV p. 124) и на Ritson D. on Romance l. l. T. I. p. Cii. съ замѣчаніемъ (стр. 9) что подобное мѣсто находится въ прологѣ къ написанному около 1200 года Lives of the Saints, приведенному у Вартона стр. 123 (127).

Въ Нѣмецкой поэмѣ Friedrich von Schwaben (Grässe Lehbr. einer allg. Liter G. II B. III Abth. Hälfte 1, 9).

Wy durch Blantz flur floris
Wiltich von dem Iordane, Eneas und Parys
Uud ander Künig und fürsten vil,
Der ich nit aller nennen wil
Durch yr amien haben geliten nott.

Точно также и въ поэмѣ Ламбрехта: Alexander (Deutsch eGed. des XIII Jahrh. und der nächstverw. Zeit I. Theil, herausg, von H. F. Massman Bibli. der ges. Deut. Nat.-Lit. Quedl. und Leipzig, 1837).

4839. Man saget von guten knehten
di woll getorsten nechten,
in der troiere liede,
e der sturm geschiede
Achilles unde Hector
1844. Aiax unde Nestor,
di manic tusint irslugen
unde ouh scarfe gere trugen —
iz ne mohte undir in allen
ze Alexander niht geuallen.

Въ этой поэмѣ объ Александрѣ обозначается самый ходъ переработокъ Греческихъ сказаній на Западѣ до XIII столѣтія.

13. Elberich von Bisenzun
der brahte uns diz liet zu
der hetiz in walischen getichtit
Ih han is uns in dutischeu berihtet.

Нѣмецкіе составители поэмъ основанныхъ на Греческихъ сказаніяхъ, не смотря на близкія сношенія Германіи съ Восточной Имперіей, переводили ихъ съ Французскаго. И Герботъ фонъ Фрицларъ въ пѣснѣ о Трои (Bibl der ges. D. N.-Lit. V. B. 1831), говоритъ:

47. Diz buch ist franzous und walsch
Sin fuge ist gantz und ane falsch
Zu kriechen was sin erste stam
In latin ez dannen quam
Hinen ist ez an daz welhishe kumen
Daz han ich also vernumen
Tares der aller beste
Den sturm von Troygen weste
Wee er dat mit was gewesen
56. Ds scriep in und liz in lesen
Cornelius denstrit las
Als er in Kriechish gescriben was
Als hat er in inz latin gekart
Sint ist er tutsche zungen gelart
Nach der sol ich wirken
Wil ich die formen merken
So muz ich drisinnic sin
Eine ist Kriechisch ein latin

Und des welschen buches ein
Zwischen den lesten sinnen zwein
Nim ich nu den dritten
Und folge im so mitten
Daz er min recgte geleite ist
An des tutschen buches list
Nu haut ez ander lute
Gemachet me ze dute
Den ist ez fil wol gelungen
Sint ez aber von drin zungen
Mit einem sinne ich her gescriben
Des bin ich dar zü beschiden
Daz ich si daz fierde rat
Das ist rechte sus bestat
Sint ich von den drin quam
Daz man mich zu den fierden nam
Hat ez ein ander sollen braht
Als ich zü dem fierden wartgedacht
So zele man mich zü den funften rade
.

Въ Reali di Francia, коихъ составленіе полагается между IX и XIII столѣтіями указываются между прочими книгами содержащими дѣянія Паладиновъ и сказанія о герояхъ Троянской войны (Grässe Litterärgesch, II. L. III. Abth. I. Hälfte—s. 13—17). Melzi l. l. p. b. seq):

Se vuoi trovate i fatti de Reali
Di que' di Francia, e d'altri Paladini
I gran fatti che feciono a'mortali
Con puelli di lontano, e de viani
Va leggi i libri delli Imperiali
Che io ti contero a al dimini,
E troverai costor ch'io t'hocontato,
Tutti i lor fatti, com lor magno stato.

* *
*

Va leggi prima i Real de Francia
Il qualè un bel libro certamente,
Poi leggi l'Aspramonte a cotal danza
Do ve vedra morir di molta gente,
Poi leggi Montelion di sustanza,

и такъ далѣе, — послѣ нѣсколькихъ строфъ упоминаются многія повѣсти о Паладинахъ:

Se ti diletti d'udir le gran battaglie
Leggi quel libro chiamato Trajano
Quivi udirai le terribil travaglie
Che fece Ettor coi Greci in zu quel piano

Che indosso lor tagliava piastre e maglie
Col suo fratel Trojolo sovrano
Ed anche Achille di Ettore nemico
Fece assai maraviglie ch'io non dico

* *
*

Va leggi le Battaglie del Re Eenea

.

Въ IX столѣтіи подъ вліяніемъ Карла Великаго классическая ученость сдѣлала большіе успѣхи въ Европѣ. Блистательнѣйшее явленіе этой ученности, процвѣтавшей среди Европы послѣ Карла Великаго представляетъ Отфридъ. Латинскіе и Греческіе поэты и философы изучаемы были въ монастыряхъ Швейцаріи, преимущественно же въ Сентъ Гальскомъ и смежныхъ странахъ, съ любовію и основательностію. Точно также какъ Карлъ Великій сзывалъ около себя ученыхъ со всѣхъ странъ, также точно и первые три Оттона были окружены Греческими учеными, приносившими съ собой между многими другими Греческими классиками и самаго Гомера. Родственнныя связи между Германскими Императорами, которые сами изучали Греческій языкъ, и Греческой Императорской фамиліей, приходъ въ Германію Греческихъ ученыхъ и разнаго рода художниковъ, развивали все болѣе и болѣе въ X, XI и XII столѣтіяхъ восторженное стремленіе къ изученію Греческой словесности. Беда, Алкуинъ и Рабанъ Мавръ, Отфридъ въ IX столѣтіи, Грозвита— сто лѣтъ спустя,—стихотворенія Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтія носятъ на себѣ сильный и блестящій отпечатокъ классическаго вліянія. Къ этому вѣку принадлежитъ Вельдекъ, современникъ Игоря, описывающій Троянскую войну и, продолженіе оной—переселеніе Енея, Албертъ фонъ-Гальбестрадъ и вышеупомянутый Герботъ фонъ-Фрицларъ, опредѣляющій въ своей поэмѣ о Троянской войнѣ время (1190—1217) появленія этой поэмы на Нѣмецкомъ языкѣ и переходъ оной изъ Византіи.

** Сколько помнится ученый издатель этой поэмы Massmann читаетъ «Besanson». *Не возможно не согласиться съ правильностію его чтенія.* **

Въ греческихъ писателяхъ отъ паденія западной Имперіи до XIII столѣтія, мы находимъ едвали не живѣйшее участіе къ твореніямъ Гомера, чѣмъ въ блистательную эпоху Аѳинъ и Александріи.

На глубокое изученіе Гомера въ Византіи и вообще въ Греческомъ мірѣ указываютъ намъ составленныя въ V столѣтіи Ὁμηροκέντρα Пелагіемъ, по прозванію Патрицій, и оконченныя Императрицей Евдокіей, супругой Ѳеодосія II-го. Подобно сему сочиненію составлено, какъ полагаютъ, Св. Григоріемъ Назіанскимъ — Χριστὸς Πασχῶν, изъ стиховъ Еврипида.—Сочиненіе это переведено было и на Русскій языкъ. Кажется древняго перевода извѣстенъ лишь одинъ экземпляръ, къ несчастію утраченный, «Вирше съ трагедіи ХС Пасхонъ, Св. Григорія Богослова, во Святой великой пятокъ, и на день Воскресенія Христова;» во Львовѣ, 1630—въ 4, на Бѣлорусскомъ языкѣ. (Сопиковъ, часть I). Г. Сахаровъ полагаетъ, что Сопикову извѣстенъ былъ лишь экземпляръ, находившійся въ сгорѣвшей библіотекѣ Демидова. Сюда же принадлежитъ и Ноннова парафраза Евангелія Іоанна, составленная изъ стиховъ Гомера. Это сочитаніе Омира и Еврипида, удостоившихся быть избранными для православленія Спасителя, показываетъ болѣе всего степень уваженія, коими они пользовались въ ученомъ христіанскомъ мірѣ, и особенно важно при сближеніи съ настоящимъ изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ Сл. о Полку Игоревомъ, заимствованныхъ именно у двухъ этихъ поэтовъ. V-му же столѣтію принадлежитъ поэма Трифіодора о раззореніи Трои Ἴλιου, ἅλωσις, переведенная въ позднѣйшее время и на Русскій языкъ. VI-му столѣтію поэма Квинтуса Смирнскаго или Калабрійскаго, назначенная служить дополненіемъ къ Иліадѣ Παραλειπόμενα Ὁμήρῳ. Къ VI-му же столѣтію принадлежитъ и похищеніе Елены Колуѳа—Ἑλένης Ἁρπαγή. (Квинтусъ Колуѳосъ, и Трифіодоръ изд. вмѣстѣ въ 1851, Paris. F. Didot.

Лѣтопись Іоанна Малалы изъ Антіохіи, начало коей уцѣлѣло до 555 года, особенно важна для насъ по замѣченному сходству содержащагося въ ней сказанія о Трои съ отрывкомъ перевода, сдѣланнаго въ началѣ Х-го столѣтія того же сказанія, изданнаго Калайдовичемъ въ приложеніяхъ къ Екзарху Богарскому. Москва 1824, прил. X. стр. 178; многія мѣста изъ сказанія, изданнаго Калайдовичемъ въ самомъ дѣлѣ сходны съ Малалой, но это еще не доказательство, что переводъ сдѣланъ по Малалѣ, ибо много весьма сходныхъ мѣстъ находится во всѣхъ прозаическихъ и сти-

хотворныхъ редакціяхъ сего сказанія. Кромѣ того, кажется, еще сомнительно, жилъ ли Малала до Презвитера Григорія. Прежде всего надлежало бы сличить Словенскій текстъ съ лѣтописью Малалы и другими редакціями слово въ слово, чтобы возможно было опредѣлить источникъ Словенскаго перевода.

Въ эпиграммахъ Анѳологіи указывается на исправленіе и изданіе Иліады Комитасомъ, вѣроятно извѣстнымъ преподавателемъ Грамматики въ Константинополѣ въ концѣ IX столѣтія.

Левъ Діаконъ, писатель XI столѣтія замѣчаетъ о сходствѣ Русскихъ и Еллинскихъ языческихъ священныхъ обрядовъ. Онъ объясняетъ ихъ вліяніемъ Ахилла и его сподвижниковъ, т. е. обоготвореніемъ ихъ на Черномъ морѣ. Изслѣдованія Köller'a о разпространеніи сего поклоненія и множество памятниковъ (Записки Одесскаго Общества), подтверждающихъ обоготвореніе Понтарха на югѣ Россіи равно какъ указаніе Константина Порфиророднаго на обряды Русскихъ во время плаванія ихъ по Черному морю, указываютъ намъ, что Левъ діаконъ объяснялъ себѣ жертвоприношенія Святослава на Дунаѣ не безъ основанія.

Константинъ Манассій около половины XII столѣтія составилъ Лѣтопись, писанную политическими стихами и доходящую до 1081 года. Эта Лѣпопись заключаетъ также подробное сказаніе о раззореніи Трои и была переведена на Болгарскій языкъ.

Судя по названіямъ, выписаннымъ Копитаромъ, Miscel. graeco Slavica Vindob. 1840) обнаруживается весьма разительно Латино-Польское вліяніе въ XV столѣтіи даже на Болгарскихъ писателей.— То же самое замѣтно и у насъ въ этомъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ. Не только Греческіе источники, но даже и древне Словенскіе памятники уступаютъ мѣсто и у насъ весьма грубымъ подраженіямъ Западу, тогда какъ ,уже въ IX столѣтіи мы имѣли на Словенскомъ языкѣ Исторію Трои и Александра Великаго. На западѣ же судя по словамъ Бенуа de St. More, считающагося первымъ составителемъ на живомъ нарѣчіи сказанія о Троянской войнѣ, сказаніе о Трои было мало распространено въ западной Европѣ до второй половины XII столѣтія:

Ceste estoire n'est pas usée
N'en gaires lieus n'en est trovée
Ia retraite ne fut encore
Mais Beneois de Sainte More
La contrové et fait et dit.

Ко времени же Игоря Святославича принадлежитъ: 1 Схоліи къ Гомеру Исаака Комнена Порфирогенита 2). Его же описаніе Троянскихъ и Греческихъ героевъ и 3) сочиненіе его о предметахъ неупоминаемыхъ Гомеромъ. (Два послѣднія сочиненія находятся въ собраніи Льва Аллація).

Въ концѣ XII столѣтія, современно походу Игоря Святославича составлены схоліи къ Гомеру Евстаѳіемъ, Сюда можно прибавить, что и рукописи передавшія намъ Гомера, принадлежатъ къ этимъ же столѣтіямъ, кромѣ одного весьма малого отрывка, что составляетъ не малое доказалельство его *извѣстности* въ томъ періодѣ.

Также современники Игоря Святославича, братья Чечесъ, оставили большіе труды о Гомерѣ и Ликофронѣ. Иллическія стихотворенія Іоанна Чечеса, составляющія три поэмы «до-Омировскія», «Омировскія» и «по Омировскія», коментаріи и схоліи къ Гомеру, и объясненія Гомеровскихъ басенъ «υποθεσις τὸυ ʽΟμήρου» и ʼΕξήγησιστῆς ʼΙλιάδης;» явно обнаруживаютъ участіе, принимаемое въ Византіи къ твореніямъ Гомера въ XII столѣтіи. Въ Греческихъ школахъ восточной и западной Имперіи въ первые вѣка христіанства, Гомеръ былъ краеугольнымъ камнемъ образованія юношества, припомнимъ надежды, которыя Ливаній полагалъ на разборъ пѣсенъ Гомера. Греческая Анѳологія сохранила намъ много эпиграммъ отъ Лукиллы до Паллады, упрекающихъ учителей за ихъ пристрастіе къ Гомеру. Въ Анѳологіи Палатинской много эпиграммъ Паллады, Александрійскаго писателя IV и V столѣтія, относящихся до этого факта: срав. № 166 и 167, IX кн. Въ 168 эпиграммѣ онъ шутитъ надъ своимъ бракосочетаніемъ съ грозной женой, т. е. Реторикой (Илліадой и грамматикой).

Въ эпиграммѣ 169. Паллада же говоритъ о бѣдствіяхъ нанесенныхъ ему Елеоною т. е. опять же грамматикой.

Въ приложеніи (къ 3-му тому Анѳологіи Лейпц. изд. Таухни-

ца), заключающемъ эпиграммы, извлеченныя изъ писателей и надписей первая изъ нихъ приписываемая Палладѣ или Агафію (въ VI стол.) развиваетъ лучше другихъ эту мысль, а по сему и привожу буквальный переводъ этой шутки, напоминающей и можетъ быть объясняющей слово Даніила Заточника.

„*Злобу воспой*“ изучивъ и „*злобу воспой*“ преподавая
„Пагубной“ женой завелся я несчастный
Весь же день воюетъ и всенощная ратуетъ,
Какъ отъ матери въ приданое получившая распрю,
Если жь хочу я молчать и воительницѣ потворствовать
За то, что несостязаюсь—того же ради воюетъ“.

Основательность этого предположенія подтверждается заключеніемъ слова Даніила, по коему рукопись его доставляется Князю Юрію Долгорукому тѣмъ же путемъ, коимъ кольцо премудрости возвращается Соломону, по восточнымъ притчамъ. Bib. Or. Herbelot. s. v. Soliman— Les mêmes historiens racontent mille choses fabuleuses de l'anneau de Salomon, par le moyen du quel ce Prince, prenant le bain et ayant quitté cet anneau, il lui fut dérobé *par une furie* infernale, qui le jetta dans la mer. Salomon demeurant ainsi privé de cet anneau, s'abstint pendant 40 jours de monter sur son trone, comme se trouvant dépourvu *des lumieres, qui lui étaient nécessaires pour bien gouverner*.

Вотъ для примѣра изъ безчисленнаго множества эпиграммъ вертящихся на Еленѣ, епиграмма Лукиллы (I-го стол,) поражающая грамматика въ его семейномъ счастіи, но уже не въ переносномъ значеніи кн. XI. 278.

Внѣ дома ты школишь Париса злыя (*дѣла*) и Менелаевы
Дома Елены своей многихъ имѣя Парисовъ.

Всѣ эти намеки ссылаются (какъ это видно намрим. въ 279 эпиграммѣ XI кн.:

Ни одинъ (изъ) граматиковъ (не) можетъ когда либо совершенъ быть
Ὀυδείς γραμματικῶν δύναταὶ ποτε (ἄρταος) εἶνα
Гнѣвъ и злобу и желчь тотчасъ имѣя
Ὀργὴν, καὶ μῆνιν καὶ χόλον εὐθὺς ἔχων.

и въ 173, IX книги:

«Начало Граматики пятистишное есть проклятіе».

На проклятія и гнѣвныя слова, заключающіяся въ первыхъ пяти стихахъ Иліады и въ 80—83 первой пѣсни.

1. *Гнѣвъ* богиня воспой Ахиллеса, Пелеева сына.
Грозный, который Ахеянамъ тысячи бѣдствій содѣлалъ
Многія души могучія славныхъ героевъ *низринулъ*
Въ мрачный Аидъ; и самихъ распростеръ ихъ въ *корысть плотояднымъ*

5. Птицамъ окрестнымъ и псамъ; совершалася Зевсова воля;
Съ юнаго дня какъ *воздвигшіе споръ*, *воспылали враждою*,
Пастырь народовъ Атридъ и Герой Ахиллесъ благородной.
(*Переводъ Гнѣдича*).

81. Вспыхнувшій гнѣвъ онъ на первый пору хотя и смиряетъ.

Въ текстѣ не *«гнѣвъ«*, а желчь Χολος.

На это непомѣрное изученіе Гомера намекаетъ эпиграмма Лукиллы 401, XI книги, въ коей учитель разсказываетъ, что лѣкарь отдавшій ему сына на обученіе, взялъ сына изъ школы, когда мальчикъ затвердивъ: «гнѣвъ воспой» и «бѣдствій тысячь содѣлалъ», началъ тведить третій за сими же слѣдующій стихъ «многія могучія души въ адъ устремилъ» и что тотъ лѣкарь встрѣтившись съ нимъ потомъ, объявляетъ ему: «сынъ мой и при мнѣ то же выучить можетъ, ибо я самъ въ адъ много душъ устремляю и для того въ грамотѣе не нуждаюся».

Глубокое изученіе Гомера въ Византійскихъ школахъ, основанное по примѣру Аѳинскихъ и Александрійскихъ школъ, служившихъ долгое время основаніемъ грамматическому преподованію въ Византіи, сохранялось со времени Константина Святаго до плѣненія Константинополя Турками, какъ это явствуетъ изъ грамматическихъ сочиненій, схолій, лексиконовъ и проч. Достаточно припомнить Евстаѳія и Чечеса, современниковъ Игоря Святославича, чтобы удостовѣриться въ этомъ направленіи Греческой учености въ XII столѣтіи, наиболѣе важномъ для насъ. Это вліяніе сохранилось въ Константинополѣ и подъ Турецкимъ игомъ. Толкованіе Гомера въ приходской школѣ Царяграда, есть фактъ весьма обыкновенный и донынѣ. Это видно и изъ введенія въ «златословъ или открытіе риторскія науки, соч. Греческимъ священникомъ Филаретомъ Скуфою.

Пер. Стефаномъ Писаревымъ. С.-П.Бургъ 1798 года, съ Греческаго текста, изданнаго въ Венеціи въ 1681 г.

Предисловіе отъ сочинителя переведенное на Словено-Россійскій языкъ Лукою Сичкаревымъ, стр. VII и VIII.

«Оставляя обычное въ предисловіяхъ употребляемое многорѣчіе, *упомяну токмо о двухъ, книгу сію составляющихъ, принадлежностяхъ.* Въ первыхъ, что сочинена она *на употребительномъ нынѣ Греческомъ языкѣ*; во вторыхъ, что представляются въ ней почти *одни,* изъ священной и изъ церковной Исторіи взятые, примѣры. Что касается до перваго, учинилъ я сіе для того; дабы не токмо ученымъ, но и самымъ простымъ книга сія была вразумительна; а второе по той причинѣ предпріять не усомнился, что сіе *наипаче сану моему соотвѣтствуетъ.* И хотя скажетъ кто, что, для возбужденія любопытства къ чтенію и древнихъ языческихъ краснотвореній, *не неприлично было бы такожде восхвалити здѣ подвиги Ираклієвы, тамо ухищренія Одиссевы*, индѣ кровавыя сраженія Александра Великаго, со всѣми его побѣдоносными торжествами, тамо повѣдати мужество и крѣпость Атлантову, иже по баснотворству, ветхій деньми сый, держитъ на раменахъ своихъ вселенную, и отъ толикаго бременѣ, чресла и мышцы его не оскудѣваютъ; индѣ воспомянути о превращеніяхъ Протеевыхъ, иже бысть всегда тойжде, и всегда самъ съ собою несходенъ. Тамо воспѣти бы сочетаніе Афродиты и лѣпоту Ганимедову, съ веселыми играніями Сатиръ и восхитительными сладкопѣніями Сиренъ»......

Въ этомъ извиненіи высказывается кажется довольно сильное вліяніе классической словесности, а также и то, что изученіе оной было потребностію Греческаге общества даже въ XVII столѣтіи.

Это изученіе классической словесности въ восточной Имперіи со временъ ея основанія и находившееся въ весьма цвѣтущемъ сосостояніи отъ IX до XIII столѣтія (Фотій, Чечесъ, Евстафій и друг.) не могло не имѣть вліянія и на образованіе въ Словенскомъ мірѣ въ IX-мъ и слѣдующихъ столѣтіяхъ. Первоучитель Словенскій Св. Кириллъ изучалъ Омирово стихотвореніе.

Въ житіи Св. Кирилла Чети-Минея 11-го мая сказано: «въ

царь же градъ приведенъ, и учителемъ царскимъ вданъ бывъ, вскорѣ навыче всей внешней мудрости, грамматикѣ же, и Омирову стихотворенію, Риторикѣ, и Философіи, Ариѳметикѣ и Астрономіи и Мусикіи, и всѣмъ Еллинскимъ хитростемъ, и бѣ во удивленіе учителемъ своимъ, толикія ради быстроты ума своего: и прозванъ бысть Философомъ, понеже преуспѣ въ любомудріи паче иныхъ. Не точію же въ Елинскомъ языкѣ бѣ премудръ, но и въ иныхъ языцѣхъ, Римскаго бо писанія изучился добрѣ и Сирской бесѣдѣ, и прочимъ иностраннымъ навыче языкомъ, и любяше его зѣло Логоѳетъ, ово премудрости ради, ово же цѣломудрія»......

Кромѣ вліянія первоучителя Словенскаго на образованіе въ Россіи не должно забывать, что отцы церкви наиболѣе изучаемые въ Россіи до XII столѣтія, Василій Великій и Григорій Назіанскій были покровители классическаго образованія. Это вліяніе неоспоримо: мы видимъ, что на западѣ монастыри учрежденные по правиламъ Св. Василія старались о сохраненіи и изученіи древнихъ Греческихъ писателей. Св. Василій въ бесѣдѣ 22 къ юношамъ о томъ, какъ пользоваться языческими сочиненіями (Тв. Св. Отцевъ въ Русск. перев. гл. IV, кн. 4 Москва. 1846, стр. 344 и слѣд.) говоритъ:

«Не дивитесь же, если вамъ, которые каждый день ходите къ учителямъ, и съ уважаемыми мужами древности бесѣдуете посредствомъ оставленныхъ ими сочиненій, скажу, что самъ собою нашелъ я нѣчто болѣе полезнымъ. О семъ то самомъ и хочу дать вамъ совѣтъ, а именно, что не должно, однажды навсегда предавъ симъ мужамъ кормило корабля, слѣдовать за ними куда ни поведутъ, но заимствуя у нихъ все, что есть полезнаго, надобно умѣть иное и отбросить».

«Въ эту жизнь вводятъ насъ, конечно, священныя писанія, образующія насъ посредствомъ ученій таинственныхъ; но пока по возрасту, не можемъ изучать глубину смысла ихъ, мы и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе отъ нихъ далекихъ, упражняемъ на время духовное око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зерцалахъ, подражая упражняющимся въ дѣлѣ ратномъ, которые, пріобрѣтя опытность въ ловкомъ движеніи рукъ и ногъ, выгодами этой игры пользуются въ самыхъ битвахъ. И мы, конечно, должны держаться

той мысли, что намъ предлежитъ подвигъ, важнѣйшій всѣхъ подвиговъ. Подвигъ, для котораго все должны сдѣлать, для приготовленія къ которому надо трудиться по мѣрѣ силъ, бесѣдовать и съ стихотворцами, и съ историками, и съ ораторами, и со всякимъ человѣкомъ, отъ кого только можетъ быть какая либо польза къ попеченію о душѣ».

Не слѣдуетъ забывать что монастыри учреждаемы были въ Россіи по Уставу Св. Василія.

Краснорѣчивыя слова въ пользу словесныхъ наукъ Св. Григорія Назіанскаго также должны были отозваться въ Словенскомъ мірѣ: Твор. Свят. От. годъ II, кн. 3 стр. 63 и 64.

«Но я долженъ опять обратить мое слово къ словеснымъ наукамъ; я не могу не возвращаться часто къ нимъ; надобно постараться защитить ихъ по возможности. Много сдѣлалъ богоотступникъ тяжкихъ несправедливостей, за которыя онъ достоинъ ненависти; но ежели въ чемъ, то особенно, кажется, въ этомъ онъ нарушалъ законы. Да раздѣлятъ со мною мое негодованіе всѣ любители словесности, занимающіеся ею, какъ своимъ дѣломъ, люди, къ числу которыхъ и я не откажусь принадлежать! Ибо все прочее оставилъ я другимъ, желающимъ того, оставилъ богатство, знатность породы, славу, власть, словомъ—все, что кружится на землѣ, и услаждаетъ людей не болѣе, какъ сновидѣніе. Одно только удерживаю за собою, искуство слова, и не порицаю себя за труды на сушѣ и на морѣ, которые доставили мнѣ сіе богатство. О когда бы я и всякій мой другъ могли владѣть силою слова! Вотъ первое, что возлюбилъ я и люблю послѣ первѣйшаго, т. е. Божественнаго и тѣхъ надеждъ, которыя выше всего видимаго. Если же всякаго гнететъ своя ноша, какъ сказалъ Пиндаръ, то и я не могу не говорить о любимомъ предметѣ, и не знаю, можетъ ли что быть справедливѣе, какъ словомъ воздать благодарность за искуство слова,—словеснымъ наукамъ. И такъ скажи намъ, легкомысленнѣйшій и ненасытнѣйшій изъ всѣхъ, откуда пришло тебѣ на мысль запретить Христіанамъ учиться словесности? Это была не простая угроза, но уже законъ. «Откуда же вышло сіе и по какой причинѣ? Какой краснорѣчивый Гермесъ (какъ ты могъ бы выразиться) вло-

жилъ тебѣ сіе въ мысли? Какіе злохитрые Телхины и завистливые демоны? Если угодно, скажемъ и этого причину, именно: послѣ столь многихъ противузаконныхъ и злыхъ дѣлъ, надлежало тебѣ наконецъ дойдти и до сего, и тѣмъ явно напасть на самаго себя такъ что, гдѣ ты особенно думалъ дѣйствовать умно, тамъ-то наипаче, самъ того незамѣчая, опозорилъ себя и доказалъ свое безуміе. Если же не такъ, то объясни, что значитъ это твое опредѣленіе, и какая причина побудила тебя ввести сіе новое постановленіе касательно словесныхъ наукъ? И ежели ты скажешь что «нибудь справедливое, мы не будемъ обвинять тебя, а будемъ только жалѣть о себѣ. Ибо мы научились какъ побѣждать убѣжденіями разума, такъ и уступать надъ собою законную побѣду».

Григорій Назіанскій съ любовію изучаемъ былъ Святымъ нашимъ Первоучителемъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его житіе:

«Учася же отрокъ книгамъ, преспѣваше памятію и разумомъ паче всѣхъ сверстниковъ своихъ, и имѣяше любовь велію къ Святому Григорію Богослову, его же и книги всегда чтяше и многая отъ тѣхъ реченія и сказанія изучаше изъ устъ«.

Объ изученіи въ нашемъ отечествѣ Григорія Богослова и Василія Великаго въ первыя столѣтія Христіанскаго просвѣщенія Россіи, упоминается въ исторіи Русск. Слов. Профес. Шевырева Лекц. восп. II. Москва 1846 г., стр. 222 и въ библіогр. листахъ Кеппена № 7. Къ этому прибавить надо, что примѣръ Патріарха Фотія, имѣвшаго столь большое вліяніе на образованіе Церкви Русской, не могъ не имѣть вліянія и на ученое стремленіе училищъ учрежденныхъ, въ первыя столѣтія нашего просвѣщенія, Греческими выходцами, образовавшимися подъ вліяніемъ Патріарха Фотія. О сношеніяхъ Россіи съ Греціей въ ученомъ и художническомъ отношеніи существуетъ слишкомъ много письменныхъ свидѣтельствъ и самыхъ памятниковъ искусства, чтобы о нихъ должно было бы распространяться въ настоящемъ изслѣдованіи.

Въ Архивѣ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. Калачевымъ (Москва 1850 г. книжка I.) помѣщена статья подъ заглавіемъ «Несторъ и Карамзинъ», переведенная съ Нѣмецкаго Г-мъ Наумовымъ. Оригинальная статья безъимяннаго

Нѣмецкаго писателя находится (предисловіе Г-на Калачова) въ вышедшихъ въ Дерптѣ въ 1830 г. Studien zur gründl. Kenntniss der Vorzeit Russlands mitgeth. v. I. Ph. G. Ewers; въ ней оспоривается мнѣніе Н. М. Карамзина о цѣли и даже существованіи училищъ учрежденныхъ въ Россіи Святымъ Владиміромъ и Ярославомъ.

Какъ изслѣдованіе о Словѣ о Полку Игоревѣ тѣсно связано съ вопросомъ о состояніи просвѣщенія въ Россіи въ періодѣ отъ XI до XIII столѣтія, то кажется не безполезно для объясненія сего вопроса разобрать сущность опроверженій вышеупомянутой статьи. Назначеніе Сборника, въ коемъ находится эта статья, пояснять вопросы о Россіи для Русскихъ, должно обратить вниманіе на изслѣдованія, которыя по первоначальному назначенію своему могли имѣть свое относительное достоинство, какъ принадлежащія къ кругу занятій не имѣющихъ главною цѣлью изученія Русскихъ древностей, — тѣмъ болѣе, что наша древняя словесность не сдѣлалась еще принадлежностію обще Европейской науки. *Это было писано до 1851 г. Нынѣ иноземцы начинаютъ насъ обходить и на этомъ поприщѣ.*

(Выписка I). «И такъ на свидѣтельствѣ одного Нестора можетъ основываться Карамзинъ, когда утверждаетъ (Ист. Гос. Рос. 2-го изд. Т. I, стр. 219), что (Владиміръ) завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Далѣе опредѣляетъ онъ это яснѣе, говоря на стр. 249 что «Владиміръ умножилъ число грамотныхъ людей заведеніемъ народныхъ училищъ, чтобы доставить церкви пастырей и священниковъ, разумѣющихъ книжное писаніе, и такимъ образомъ открылъ Россіянамъ путь къ наукѣ и свѣдѣніямъ, которыя посредствомъ грамоты изъ вѣка въ вѣкъ сообщаются»...

«Про Ярослава замѣчаетъ онъ только слѣдующее (Ист. Гос. Росс. Т. II, стр. 41): «Лѣтописцы среднихъ вѣковъ говорятъ, что сей Великій Князь завелъ въ Новѣгородѣ первое народное училище, гдѣ 300 отроковъ, дѣти просвитеровъ и старѣйшинъ,

пріобрѣтали свѣдѣнія, нужныя для священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ».

«Взглядъ слишкомъ новый, чтобы не возбудить сомнѣніе во всякомъ изыскателѣ, который, въ слѣдствіе изученія источниковъ, знакомъ съ духомъ того времени. Въ самомъ дѣлѣ, подробная критика Несторова разсказа оправдываетъ такую недовѣрчивость. Ибо:

1) Не доказано, что Владиміръ устроилъ *нѣсколько* народныхъ училищъ. Несторъ объ этомъ ничего не говоритъ. По понятіямъ нашего времени мы конечно готовы такъ объяснять его слова; но этого-то именно и должны мы сколько возможно избѣгать, если не хотимъ распространить болѣе заблужденій, нежели сказать достовѣрнаго объ умственномъ развитіи извѣстнаго народа. Въ Несторовой Лѣтописи говорится только: «*пославъ нача поимати у нарочитое чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное*». (Стр. 3, строка 4—33).

(Выписка II). «Тѣмъ менѣе можно принимать что нибудь подобное въ отношеніи къ тѣмъ древнимъ временамъ, когда воинскія доблести считались главнымъ достоинствомъ человѣка. Князь бралъ въ то время людей только на службу, и въ этомъ случаѣ бралъ онъ по своему произволу (мужей), юношей, дѣтей и даже цѣлыя семейства. Взрослыхъ бралъ онъ для службы военной, юношей для личной ему прислуги и для своей дружины; семейства для заселенія новыхъ городовъ. Къ чему же нужны ему были дѣти? Для образованія священно-служителей, новаго важнаго сословія, которое сдѣлало необходимымъ введеніе Христіанской вѣры. Для этого онъ долженъ былъ брать именно дѣтей». (Стр. 4, строка 1—12).

(*Выписка III*). «*Лѣтописецъ не говоритъ ясно къ чему Владиміръ назначалъ въ послѣдствіи дѣтей, которыхъ онъ отдавалъ для книжнаго ученія; слѣдовательно мы должны вывести заключеніе объ этомъ изъ связи всего повѣствованія, изъ побочныхъ обстоятельствъ и изъ отношеній того времени*. То, что можно заключать на основаніи послѣднихъ, сей часъ было нами указано. Порядокъ, въ какомъ предлагается повѣствованіе говоритъ въ пользу того же вывода, ибо тотчасъ за извѣстіемъ о введеніи Христіанской вѣры, о народномъ крещеніи, о постройкѣ церквей въ городахъ и назначеніи священниковъ слѣдуетъ и приведенное выше мѣсто. Отсюда очевидно что съ предъидущимъ оно находится въ непосредственной близкой связи. Эта связь вполнѣ соотвѣтствуетъ съ сдѣланнымъ нами объясненіемъ, что Владиміръ бралъ дѣтей для образованія изъ нихъ туземнаго духовенства». (стр. 4, строка 26—38).

(*Выписка IV*). «И такъ всѣ обстоятельства согласно подтверждаютъ, что взятіе Владиміромъ дѣтей у родителей *должно понимать не въ смыслѣ принужденія ихъ только посѣщать школы, но въ смыслѣ назначенія ихъ въ духовное званіе*. Владиміръ нуждался въ священнослужителяхъ и по государственнымъ понятіямъ своего времени бралъ нужныя для того лица отъ народа, притомъ бралъ именно дѣтей, потому что для такой должности было необходимо начать образованіе съ самаго дѣтства. Карамзинъ уже сдѣлалъ предположеніе, что главною цѣлью означенной мѣры Владиміра могло быть только то, чтобы для нововведенной мѣры образовать духовенство изъ туземцовъ; нашъ взглядъ отличается однако отъ его взгляда тѣмъ, что слова Нестора о взятіи дѣтей по нашему мнѣнію, сог-

ласно понятіямъ того времени, *означаютъ только взятіе дѣтей на службу*, *и именно на службу церковную*, *къ которой ихъ было необходимо приготовить*. Но нисколько не вѣроятно, чтобы при этомъ имѣли *цѣлью общее образованіе народа посредствомъ грамоты*». (Стр. 5, строк. 24—38, стран. 6, строк. 1 и 2).

(Выписка V). «Владиміръ могъ брать у родителей дѣтей, (которыхъ онъ велѣлъ обучать по тогдашнимъ обстоятельствамъ только для какой нибудь опредѣленной службы; онъ бралъ ихъ, какъ ясно видно, изъ связи всего повѣствованія, для службы церковной; но для этой службы и было необходимо преподаваніе Священнаго Писанія и вообще Закона Божія». (Стр. 6, строка 30—36).

(Выписка VI). «Если Владиміръ точно основалъ народныя училища, то безъ сомнѣнія сначала онъ основалъ не болѣе одной такой школы. Народное училище было для того времени чѣмъ то совершенно новымъ и неслыханнымъ. Въ десятомъ столѣтіи такое учрежденіе въ Россіи имѣло конечно не меньшее значеніе, какъ основаніе Университета чрезъ семь съ половиною столѣтій послѣ того. Но если Императрица Елисавета въ половинѣ осьмнадцатаго столѣтія основала только одинъ Университетъ для своихъ обширныхъ владѣній, уже имѣвшихъ отчасти достаточное образованіе, то очень вѣроятно, что Владиміръ при самомъ началѣ умственнаго развитія основалъ никакъ не болѣе одной школы. Опытъ всѣхъ временъ доказываетъ, что подобныя учрежденія почти вездѣ вводились медленно и постепенно; сначала училище, потомъ Университетъ Академія, (стран. 7; строка, 5—18).

(Выписка VII). «Если въ то время Князь отдавалъ учиться дѣтей, которыхъ хотѣлъ образовать для духовнаго

сословія, то, по всей вѣроятности отсылалъ онъ ихъ къ Митрополитамъ, Епископамъ или другимъ образованнымъ лицамъ которые или сами учили ихъ или поручали учить кому нибудь изъ своихъ подчиненныхъ. Но такое ученіе едва ли сначала было *обусловлено какими либо формами*; очень вѣроятно, что какъ учителя, такъ и *предметы преподаванія часто мѣнялись*, и очень можетъ быть что юноши въ извѣстное время употреблялись для богослуженія, а въ другое обучались; однимъ словомъ, тогдашнее преподаваніе конечно очень многимъ отличалось отъ обыкновеннаго преподаванія въ нашихъ нынѣшнихъ училищахъ». Стран. 5, строк. 34—38; стр. 8 стр. 1—8).

(Выписка VIII). «Ярославъ бралъ также дѣтей и даже многихъ; при томъ очень вѣроятно, что онъ бралъ ихъ въ большемъ числѣ, нежели Владиміръ; по этому Несторъ и обозначаетъ, что ихъ взято триста. Но и онъ точно *также могъ ихъ брать только для службы* по причинамъ, изложеннымъ выше. *Онъ бралъ ихъ къ себѣ на службу въ званіе духовныхъ лицъ*, потому что потребность въ такихъ лицахъ все болѣе и болѣе увеличивалась въ слѣдствіе размноженія церквей. *Онъ бралъ для этого дѣтей бѣлаго духовенства*, ибо, по тогдашнимъ понятіямъ, они были обязаны къ той же службѣ, какую исполняли ихъ родители; но такъ какъ ихъ оказалось недостаточно, то, подобно Владиміру, бралъ онъ также дѣтей другихъ значительныхъ лицъ. (Стр. 8, строк. 20—32).

(Выписка IX). «*И такъ нисколько не доказано, чтобъ Ярославъ основалъ большое народное учище, гдѣ бы триста человѣкъ учились вмѣстѣ*: это даже и невѣроятно, Дѣти были назначены только для духовнаго званія и они учились только Священному

Писанію и основнымъ истинамъ вѣры. Нѣтъ еще никакихъ слѣдовъ такого заведенія, которое имѣло бы цѣлью приготовленіе чиновниковъ для службы, или же какого-либо заведенія учебнаго для распространенія наукъ и познаній вообще. Такихъ успѣховъ еще не достигло въ то время образованіе. Введеніе христіанской вѣры сдѣлало нужнымъ служителей церкви: Владиміръ и Ярославъ взяли изъ среды своего народа, такъ точно какъ они брали отсюда воиновъ и ближнихъ своихъ служителей. Но лицамъ духовнымъ надлежало быть еще приготовленнымъ къ своему званію; для этого брали дѣтей и отдавали ихъ учиться. Далѣе пока еще не шли, и на это только указываетъ лѣтопись, если придерживаться ея словъ «*и не прибавлять ничего такого, о чемъ она вовсе неговоритъ*».—(Стран. 9, строк. 17—33).

Слова Нестора, что Владиміръ началъ послѣ крещенія ставить по городамъ церкви и отдавать дѣтей на ученіе книжное, суть достовѣрное свидѣтельство объ учрежденіи училищъ, какъ ни было мало число учениковъ поручаемыхъ каждому наставнику, приходу или монастырю. Само собою разумѣется, что преподованіе при подобномъ учрежденіи было разнообразно и зависѣло болѣе качествъ и свѣдѣній наставника, чѣмъ отъ общей системы ученія. Но весьма легкомысленно вовсе не признавать вліяніе системы и въ первоначальномъ устройствѣ училищъ при Св. Владимірѣ *подъ вліяніемъ духовенства* (Вып. VII). О быстромъ размноженіи въ Болгаріи IX столѣтія учениковъ въ слѣдствіе подобнаго же учрежденія царя Болгарскаго Михаила приводитъ свидѣтельство Шафарикъ въ Чтен. Общ. Истор, и Древ. Росс. годъ 3 № 7:—«въ короткое время Климентъ считалъ у себя до 3500 учениковъ, изъ коихъ поставилъ въ этомъ краѣ чтецовъ, иподіаконовъ, діаконовъ и священниковъ».—(Сравн. Вып. VIII).

Здѣсь нашелъ бы ученый критикъ рѣзкое, но неосновательное подтвержденіе своей системы о цѣли, съ коей избираемы были дѣти для книжнаго ученія, ибо изъ числа учениковъ Св. Климента, вѣроятно

значительная часть поступила не на службу церковную. Многочисленность же учениковъ образовавшихся подъ вліяніемъ Св. Климента въ теченіи 10 лѣтъ явно опровергаетъ его заключеніе, что Владиміръ не могъ основать болѣе одной школы (Вып. VI).

Касательно учрежденія Ярославомъ училища въ Новгородѣ для 300 учениковъ, свидѣтельство приведенное въ И. Г. Р. еще опредѣлительнѣе, прим. 54. къ II-му т. «Въ Ник. Лѣтоп. и въ рукописныхъ Новгородскихъ»: и собравъ отъ старостъ и отъ презвитеровъ дѣтей 300 и повелѣ учити книгамъ».

Историки русскіе не говорятъ, чтобы училища учрежденныя Св. Владиміромъ были устроены на подобіе нынѣшнихъ Университетовъ. Къ чему же идетъ замѣчаніе, что если Императрица Елизавета Петровна въ половинѣ 18 столѣтія могла основать только одинъ Университетъ, то Владиміръ основалъ ни какъ не болѣе одной школы (Вып. VI).

Въ княженія Владиміра Святаго и Ярослава могли быть безъ затрудненія учреждены школы при церквахъ, монастыряхъ и епархіяхъ подъ завѣдываніемъ церковныхъ служителей, настоятелей или высшихъ духовныхъ особъ. Состояніе словесности въ Греческой Имперіи, Болгаріи и Россіи свидѣтествуетъ о просвѣщеніи пастырей, управлявшихъ Русскими Епархіями.

Любопытно было бы знать какія страны имѣлъ въ виду критикъ, когда говоритъ «почему же то что является правиломъ въ другихъ странахъ, должно было бы быть иначе въ Россіи». Имѣлъ ли онъ въ виду учрежденія Карла Великаго на Западѣ, учрежденія Калифовъ на Востокѣ, или предполагаемыя имъ затрудненія основать училища въ Половецкихъ или Киргизскихъ степяхъ. Если онъ имѣлъ въ виду учрежденія Карла Великаго, то сомнѣнія его объ учрежденіяхъ Владиміра необъяснимы.

Но сомнѣнія ученаго критика получаютъ болѣе прочную основу при предположеніи, что онъ посвящая свои труды и познанія на поясненіе вопроса касательно заботливости Владиміра и Ярослава о просвѣщеніи Россіи, имѣлъ въ виду племена переходящія изъ кочевой жизни въ осѣдлую.

Нигдѣ въ Лѣтописяхъ Русскихъ не говорится, что бы духовенство

образовалось у насъ на подобіе войска (срав. Вып. II). Толкованіе что Владиміръ могъ брать дѣтей для какой нибудь опредѣленной службы, что онъ бралъ ихъ для службы церковной (Выписк. Y, и YШ и IX); что обученіе сихъ дѣтей было лишь послѣдствіе ихъ поступленія на службу церковную, (Вып. IY) столь рѣзко отличаются отъ словъ Нестора; «и нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученіе книжно», что на оное возражать кажется во все излишнимъ, а объяснить оное можно однимъ усиленнымъ предубѣжденіемъ.

Подчиненіе весьма разнородныхъ учрежденій однообразной системѣ, есть мыслъ болѣе свойственная ученому XIX столѣтія, чѣмъ обществу X-го иии XI-го. При сближеніи словь Н. М. Карамзина съ словами безъимяннаго писателя непонятно обвиненіе славнаго Историка Русскаго въ слишкомъ новомъ взглядѣ и неразумѣніи духа времени, о коемъ онъ повѣствуетъ.

Лѣтописцы наши не говорятъ о цѣли, съ коей отдаваемы были дѣти на ученіе книжное, и покойный Исторіографъ въ слѣдствіе ихъ молчанія о семъ предметѣ, предполагаетъ весьма основательно, что цѣль сего ученія было образованіе духовное. Если Карамзинъ не имѣлъ права по мнѣнію строгаго критика выводить изъ словъ Лѣтопица, что училища, учрежденныя Владиміромъ и Ярославомъ, имѣли двоякую цѣль, то тѣмъ болѣе произвольно и опрометчиво заключеніе критика, что цѣль оныхъ заключалась въ образованіи единственно церковныхъ служителей.

Замѣчанія Нѣмецкаго ученаго, что во время Нестора слово «книги» означало лишь священное писаніе на томъ основаніи, что оно однозначущее съ словомъ Библія, уже именно потому то и неосновательно. βίβλος значитъ книга, письмо, писаніе; τὰ βιβλια означаютъ книги вообще; преимущественно со времени Іоанна Златоуста и по его примѣру, выраженіе это безъ прилагательнаго вошло въ общее употребленіе для обозначенія книгъ по преимуществу, но никогда не утрачивая своего общаго значенія. Такимъ же образомъ до Златоуста, священное писаніе имѣли обыкновеніе называть просто писаніемъ, ἡ γραφὴ.

Это ограниченіе не имѣетъ основанія и въ древнихъ Русскихъ памятникахъ.

Черноризецъ храбръ (о письменахъ въ прибав. къ Іоанну Екс. Болг.

издан. Калайд.): «прежде убо Словѣне не имѣху *книгъ* но чертами и рѣзами чьтѣху и гатааху погани суще».

Криллъ Туровскій: «бяху бо философи и *книжницы* горазди по Аріи на Христа власмисающе.—(слово на сборъ Св. отецъ Т и Ш. Пам. XII ст. Калайдовичемъ).

Въ посланіи смиреннаго Епископа Симона Владимірскаго и Суздальскиго къ Поликарпу Черноризцу: «Пишетъ же ми *книги* Княгиня Ростиславля Верхуслава, хотя тебѣ поставить Епископомъ Нову—граду на Антоніево мѣсто».... (Пам. XII ст. Калайдовичь).

Въ вопросахъ Кюриковыхъ, вопрошавшаго Епископа Новгородскаго Нифонта и иныхъ, опредѣляется сожиганіе *книгъ*, содержащихъ запрещенія *совершенно противныя* поставленіямъ церкви. (Памятники XII ст. изд. Калайдовичемъ, стр. 188 и 189).

Излишне было бы приводить многочисленные позднѣйшіе примѣры изъ церковно-Словенской письменности, гдѣ слово книга употребляется для обозначенія книгъ философскихъ и историческихъ. Ясное доказательство неосновательности того объясненія представляютъ уже *временныя книги* Григорія грѣшнаго (Амартола), ибо во всѣхъ спискахъ лѣтопись сія именуется книгою или книгами. Самое же убѣдительное свидѣтельство находится въ древнѣйшемъ спискѣ Нестора въ словахъ неоспоримо принадлежащихъ его современнику:

«Игуменъ Селивестръ Святаго Михаила *написахъ книги* си — Лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при Князи Володимирѣ, княжащю ему Кыевѣ, а *мнѣ* въ то время игуменящю у Святаго Михаила, въ 6624 (1116) Индикта 9 лѣта; а иже чтеть *книгы сія*, то буди ми въ молитвахъ» (Лавр. Лѣт.).

Кромѣ вышеприведенныхъ древнихъ свидѣтельствъ должно замѣтить, что критикъ несовершенно понимаетъ даже значеніе приведенныхъ имъ словъ Нестора, Несторъ упоминая о переводѣ книгъ, имѣетъ преимущественно въ виду не книги священнаго писанія, которыя были уже большею частію переведены, а книги богослужебныя, книги духовнаго содержанія и вообще книги потребныя для духовныя образованія, «и собора писцы многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словенское письмо, и списаша книгы многы, и сниска,

ими же поучащеся вѣрніи люди наслаждаются ученья божественнаго». Лаврент. Лѣтоп, подъ год. 6545,

Не слишкомъ смѣлою ипотезою покажется напримѣръ, предположеніе, что между книгами собираемыми, переводимыми, или переписываемыми во времена Ярослава Великаго и упоминаемыми Несторомъ находилась *книга* Святаго Дамаскина философская о осмихъ частехъ Слова, переведе же еа Иванъ презвитеръ, Ексархъ Болгарскій, или книги временныа Георгія грѣшнаго мниха (Амартола),

Изъ древнѣйшихъ Словенскихъ памятниковъ явствуетъ, что слово книга равно придавалась книгамъ философскимъ, историческимъ и даже языческимъ. Оно употреблялось и въ значеніи простаго письма. Это послѣднее значеніе сохранилось доселѣ у Сербовъ употребляющихъ даже и самое выраженіе Нестора: «даяти на ученье книжное»: Книга=der Brief, literae, epistola, das Buch, liber,—дали дијете книгу—zum studiren; изучаю книгу—hat ganz ausstudieret, (српски рјечник. Вук. Стефановичъ, у Бечу. 1828).

Вообще въ исторіи всѣхъ языковъ не трудно замѣтить, что слова въ древнѣйшія эпохи не только не имѣютъ болѣе тѣсныхъ значеній но напротивъ того, именно въ древнѣйшихъ памятникахъ языка выраженія употребляются въ самомъ обширномъ значеніи, какъ напримѣръ: «*Слово*» и сродное ему λογος означаютъ въ одно время: выраженіе, рѣчь, изреченіе, проповѣдь, повѣсть, совѣщаніе и даже разрѣшеніе, согласіе, «ходиша изъ Новгорода (1360) люди молодыи на Влъгу безъ Новгородскаго слова. (Новг. Лѣтоп.).

Стремленіе строго отдѣлять свѣтское образованіе отъ духовнаго есть стремленіе новѣйшаго времени. Понятія о наукѣ и просвѣщеніи ученаго XIX столѣтія, здѣсь прилагаются православному труженику XI столѣтія. Раздѣленіе между духовною и свѣтскою образованностію, не существовало во времена Нестора не только въ Россіи и Греческой Имперіи, но и въ прочихъ странахъ Европы и Азіи, и даже въ училищахъ самихъ Еретиковъ и Мусульманъ (сравн. объ училищахъ Несторіанцовъ въ Едессѣ и Низибѣ и другихъ городахъ у Ассемани Bibl. Vatic. Т. III, p. II, p. CMXXIII—CMXLII). Цѣль ученыхъ учрежденій Св. Владиміра была несомнѣнно духовное образованіе, и весьма вѣроятно, преимущественно образованіе служите-

лей церкви. Духовное образованіе человѣка было долго цѣлью и до сихъ поръ есть начало истиннаго образованія какъ для духовныхъ такъ и для свѣтскихъ людей. Просвѣщеніе вездѣ развивалось подъ покровомъ духовныхъ пастырей. Разъединеніе же духовнаго образованія и *внѣшняго* любомудрія принадлежитъ уже къ позднѣйшему періоду исторіи западныхъ европейскихъ народовъ. Трудно себѣ объяснить, какъ основательное воззрѣніе Карамзина касательно сего предмета могло быть опровергаемо во имя образа мыслей XVIII и XIX столѣтія, тогда какъ въ средніе вѣка даже въ еретическихъ школахъ болѣе склонныхъ къ свѣтскому любомудрію сіе разъединеніе не существовало. Ограничивая воззрѣніе одною Лѣтописью Нестора, нѣтъ указанія, чтобы цѣль образованія была исключительная, тогда какъ на оборотъ въ памятникѣ семъ находятся весьма явныя и многочисленныя доказательства свѣтскаго образованія самихъ духовныхъ писателей и людей являющихся на поприщѣ свѣтскомъ. Непостижимо какъ доселѣ можетъ высказываться печатно, система основанная на сомнѣніи въ существованіи гражданской грамотности въ вѣкѣ, оставившемъ послѣ себя лѣтописи, договоры и узаконенія. И такъ кажется безъ пристрастія можно рѣшить, что скорѣе взглядъ Нѣмецкаго критика на свидѣтельства Русскихъ лѣтописей XI столѣтія есть анахронизмъ, нежели взглядъ Карамзина совокуплявшаго оба образованія въ одно.

Всѣ эти опроверженія суть предположенія, чуждыя всякаго историческаго основанія. Они столь отдалены отъ показаній нашихъ лѣтописей, что ихъ невозможно не признавать за мнѣнія принятыя до разбора и изученія предмета. Ссылки на связь всего повѣтствованія и духъ времени, суть весьма слабая опора для историческаго изслѣдованія. Эти умозрѣнія суть плодъ критики вполнѣ образовавшейся въ началѣ нынѣшняго столѣтія подъ вліяніемъ Шлецера. Историческая критика эта, составивъ себѣ a priori правила и ограниченія для изслѣдованія Русскихъ Историческихъ памятниковъ ей малоизвѣстныхъ, отвергла, едва принявшись за очистительный трудъ, все, что было несогласно съ ея предъубѣжденіями или недоступно ея знанію. Свѣдѣнія же критиковъ не могли не быть не достаточными относительно памятниковъ и времени ими

неизслѣдованныхъ. Шлецеръ успѣлъ увѣрить въ свое всевѣдѣніе и въ непогрѣшность своего разума, и школа его причинила на время большой вредъ наукѣ преградами, коими ему заблагоразсудилось ограничить всѣ изслѣдованія. Ограниченія его достигаютъ до того, что онъ негодуетъ на Байера за его мнѣніе касательно Страбона и опредѣляетъ, что въ совершеннѣйшемъ Географѣ древняго міра нельзя ничего найти, могущаго пояснить состояніе Словенъ въ древности.

Презрѣніе Шлецера къ географическимъ и этнографическимъ указаніямъ Нестора не существовало бы, если бы онъ не слишкомъ строго придерживался своего правила или положилъ бы его послѣ надлежащаго знакомства съ Страбономъ. Можно ли признавать критику ученою, когда при разборѣ показаній писателя о древнихъ жилищахъ народа не обращено вниманія на указанія древней Географіи касательно тѣхъ же мѣстностей. О согласіи Нестора съ Страбономъ легко убѣдиться при надлежащемъ разборѣ VII книги Страбона и соотвѣтствующихъ указаній въ позднѣйшихъ Греческихъ географахъ.

Вліяніе Шлецера на умы объясняется чисто литературнымъ *или правильнѣе беллетристическомъ* направленіемъ ему современнаго общества, (не исключая и ученыхъ) которое до него склонно было отвергать все, что несогласно было съ современными правилами изящнаго вкуса и съ общепринятыми учеными мнѣніями и понятіями. Касательно произведеній изящной словесности эти требованія могутъ быть весьма основательны, ибо общество вполнѣ право чуждаться произведеній литературныхъ, не соотвѣтствующихъ общему вкусу или наполненныхъ темными и малоизвѣстными вопросами. Но весьма сомнительно, чтобы наука историческая имѣла право чуждаться и даже отвергать то, что не согласуется съ запасомъ свѣдѣній, особливо же, когда этотъ запасъ такъ незначителенъ, каковъ былъ при составленіи Шлецеромъ разбора первыхъ страницъ Нестора. Главное направленіе этой школы выразилось въ изреченіи Граматина: «далѣе временъ Бояна мы не должны простираться *терясь въ пустыхъ догадкахъ или умствованіяхъ; ибо сіи обыкновенно ни къ чему не поведутъ*,

когда основаны не на исторіи». При всемъ сознаніи обще Европейской учености Шлецера, нельзя не сожалѣть, что его дарованія и свѣдѣнія вмѣсто того, чтобы быть употребленными на споспѣшествованіе къ изученію и объясненію нашей древней исторіи, были устремлены противъ его сотрудниковъ и предшественниковъ, изъ коихъ весьма многіе шли вѣрнымъ и добросовѣстнымъ путемъ. Кромѣ сильнаго нерасположенія къ мнѣніямъ не подчиненнымъ правиламъ имъ проповѣдуемой критики, взглядъ Шлецера былъ отуманенъ и чувствомъ мелкаго и школьнаго патріотизма. Углубляясь мысленно въ сказаніи Нестора о древнемъ поселеніи Словенъ по Дунаю съ какимъ дѣтскимъ волненіемъ онъ касается сего вопроса и ради своихъ школьныхъ воспоминаній соглашаетъ неопровергаемое показаніе Нестора съ предъубѣжденіями своихъ учителей о Германскомъ заселеніи Дуная, уловкой, что на первое обзаведеніе Словенъ достаточно имъ участка, въ сѣверной сторонѣ рѣки Дуная; однакоже *не близко отъ лѣваго берега, по крайней мѣрѣ не къ западной сторонѣ*; ибо безъ этого Византійцы узнали бы ихъ ранѣе. Оттуда перешли они не прежде *какъ послѣ разсѣянія (Геруловъ, Гепидовъ) или переселенія Лонгобардовъ и другихъ народовъ, очистившихъ имъ мѣсто*...... (Несторъ. или Русскія лѣтописи, слич. и объясн. А. Л. Шлецеромъ, пер. съ Нѣмец. Д. Языковъ С.-Петербургъ, 1809 году стр. 133).

Въ заключеніе Шлецеръ *объясняетъ* что слова Нестора:

«По многѣхъ временехъ сѣли суть *Словени по Дунаеви* гдѣ есть нынѣ Угорьская земля и Болгарская». «Яко пришедше сѣдоша на рѣкѣ именемъ Морава, и другія Чеси нарекошась а и ти же Словене Хорвати бѣліи, Сербь, Хорутане»,

обозначаютъ древнія жилища Словенъ:

«*Въ треугольникѣ* между Дуная и Тейса до Карпатскихъ горъ, за сіи горы до Шлезіи» (стр. 134).

* Походы и стоянки Геруловъ и другихъ болѣе или менѣе Германскихъ народовъ, какъ бы они не были губительны для туземнаго народонаселенія, они ни мало не колеблятъ достовѣрность показанія Нестора, о заселеніи Паноніи и Булгаріи Словенами въ доисторическую эпоху. Вліяніе Шлецера еще до нынѣ такъ сильно, что

покойный Гильфердингъ не затрудняется въ специальномъ изслѣдованіи похѣрить однимъ почеркомъ пера всѣ многозначущія и весьма вѣскія свидѣтельства Византійскихъ писателей о древности заселенія Ѳракійскаго полуострова Словенами. Не даромъ мы признали Шлецера за учителя,—онъ дѣйствительно облегчилъ задачу. Шлецеръ Русскимъ часто жестко стлалъ да за то пришлось мягко спать съ его легкой руки. *

Это чувство его никогда не покидаетъ. Оно руководитъ его въ проповѣдываніи безполезности изслѣдованій о первобытномъ состояніи Словенскихъ племенъ внѣ компендій поставленныхъ для Нѣмецкихъ училищъ. Для него Страбонъ и другіе древніе географы суть книги заповѣданныя, равно какъ и свѣдѣнія находящіяся въ Византійцахъ о Славянахъ, какъ скоро свѣдѣнія сіи переступаютъ извѣстный періодъ времени, т. е. время Аскольда, Дира и Ольги. Здѣсь то и хранится начало изреченія Граматина.

Что касается до изслѣдованій безъимяннаго писателя о первыхъ Христіанскихъ училищахъ, упоминаемыхъ Несторомъ, то нельзя даже согласиться, чтобы они были учены въ общемъ Европейскомъ значеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что единое ученое средство понять слова лѣтописи объ учрежденіи училищъ въ Россіи послѣ присоединенія оной къ Православной Восточной церкви, заключается въ разсмотрѣніи учрежденія и состоянія училищъ во всей Европѣ, но особенно же въ Восточной Имперіи, въ вѣкъ Святаго Владиміра. Не говоря уже о тѣсныхъ связяхъ существовашихъ издревле между Россіей и Восточной Имперіей, въ особенности же съ Херсономъ, кажется не должно было бы при настойчивомъ изслѣдованіи сего вопроса проходить молчаніемъ устройство училищъ въ Имперіи, находившихся подъ вліяніемъ Константинопольскаго Патріарха управлявшаго въ тоже время и Русской Митрополіей и высылавшаго духовныхъ пастырей и церковныхъ служителей въ наше отечество.

Въ главномъ училищѣ, учрежденномъ въ Константинополѣ, Константиномъ Великимъ, преподавались всѣ отрасли Богословія, и *всѣ науки свѣтскія*, *учителями*, *называвшимися вселенскими и принадлежавшими духовному званію*. Это учрежденіе, покровительствуемое первыми преемниками Константина Вели-

каго, потерпѣло сильно въ первой половинѣ VIII-го столѣтія, отъ гоненій иконоборцевъ, но непереставало однако существовать и послѣ сожженія построеннаго Константиномъ зданія.—Въ VII и VIII столѣтіяхъ учреждались училища при монастыряхъ и соборныхъ церквахъ, гдѣ равномѣрно преподавались богословскія науки, а также тривіумъ и квадривіумъ т. е. вся внѣшняя мудрость. Эти училища также были преслѣдуемы иконоборцами и находились въ бѣдственномъ положеніи до второй половины IX столѣтія. Но въ царствованія Михаила III, Василія Македонянина, Льва Премудраго, Константина Багрянороднаго, имѣющія особенную важность относительно просвѣщенія Россіи, всѣ науки быстро развивались въ Имперіи и училища пользовались особеннымъ покровительствомъ Императоровъ. Подъ покровительствомъ Варда, просвѣщеніе получило еще большее развитіе во всей Имперіи. Государственные сановники и высшія духовныя особы избирались между людьми отличавшимися своимъ просвѣщеніемъ. Извѣстно участіе принимаемое въ этомъ періодѣ, въ распространеніи просвѣщенія Львомъ, Іоанномъ Леканомантомъ и Патріархомъ Фотіемъ. Блистательное состояніе училищъ и просвѣщенія продолжало развиваться въ XI и XII столѣтіи, пока Латинскіе крестоносцы не завладѣли Константинополемъ и не начали грабить монастыри и библіотеки. Просвѣщеніе, подъ владычествомъ Латинскихъ вождей находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи, но вскорѣ по возвращеніи Греческихъ Императоровъ принялось снова и процвѣтало до самаго взятія Константинополя Турками. Училища и подъ владычествомъ Турецкимъ продолжали быть въ вѣдомствѣ Патріархата, и свѣтскія науки во весь этотъ періодъ до нашего времени не переставали имѣть ученыхъ и просвѣщенныхъ представителей. О блистательномъ состояніи просвѣщенія въ Имперіи въ періодъ отъ IX до XII столѣтія свидѣтельствуетъ Гиббонъ глава I, III, и Schöll кн. VI, гл. LXXI. Histoire de la litter. Grecque profane. 2. ed. Paris 1824. Самъ Шлецеръ отдаетъ полную справедливость заботливости князей о просвѣщеніи Россіи и успѣхахъ общества въ наукахъ въ XI и XII стол. Любопытно сравнить о семъ предметѣ слова Шлецера съ мнѣніемъ его послѣдователей: (Несторъ. Рус. Лѣт. слич. перв. и объясн. А. Л. Шлеце-

ромъ, пер. съ Нѣм. Е. Языковъ. С.-ПБургъ 1809 г. ч. I введ. отдѣл. I § 4):

«Съ 988 г. до Несторова времяни было дружеское и рѣдко прерываемое сношеніе между Кіевомъ и Константинополемъ, *и здѣсь какъ и вездѣ, образованіе сопровождало христіанскую религію.* Священники, монахи, художники (архитекторы, живописцы и пр.) отправлялись во вновь обращенную землю, и Русскіе путешествовали въ Грецію. *Даже сами Великіе Кн. старались о словесности, собственно называемой.* Владиміръ (Вел.) «нача поимати у нарочитыя чади дѣти и даяти на ученіе книжное» (Радз. стр. 84. Щерб. 354). Въ царствованіе сына его Ярослава начала Вѣра Христіанская множитися, и черноризцы начашь быти, и монастыри, и собра писцы многи преводя отъ Греческихъ на Словенское писаніе, и преписа книги многи: (Арханг. стр. 48), подъ г. $\frac{6562}{1054}$ въ который умеръ Ярославъ. О монахѣ Михаилѣ, отъ котораго Печерскій монастырь занялъ Студійскій уставъ, упомянулъ я выше. *Даже и въ исходѣ XII столѣтія были такіе* князья, которые даже разумѣли Греческій и другіе языки; которые въ Смоленскѣ основали училище гдѣ преподавался Греческій языкъ (и Латинскій по смежности съ Польшею); которые сему училищу отдали свою библіотеку, состоявшую болѣе нежели изъ 1000 все Греческихъ книгъ: см. Götting. Gel. Anz. стр. 346. И такъ Греч. Словесность, которая до Пселла, слѣдственно точно до Несторовыхъ времянъ поддерживалась въ порядочномъ состояніи, дѣйствительно укоренилась въ Руси. И вотъ какъ образовался Несторъ въ Словесности».

Доказательство изученія Гомера въ Русскихъ школахъ, фактъ впрочемъ столь же естественный и необходимый въ то время, какъ весьма недавно у насъ изученіе нѣкоторыхъ Французскихъ классисиковъ,—представляетъ русскій переводчикъ посланія папы Леонта къ Флавіану Архіепископу Константина града на Еутихіа суемудрьнаго, извиняющійся предъ княземъ Николаемъ Святошей (въ первой полов. XII стол.) въ скудости своего образованія и именно въ не изученіи Гомера съ молодыхъ лѣтъ. Подобное препятствіе къ переводу Папскаго посланія покажется нынѣ можетъ быть страннымъ,

но оно было въ то время весьма важно, ибо подобный недостатокъ въ образованіи могъ считаться доказательствомъ неграмотности.

Этотъ переводъ съ Греческаго изданъ въ Чтеніяхъ Император. Общ. Истор. Древн. при Московск. Университѣ, годъ III, № 7. Москва 1848 г. «и свершити дѣло драго и изящно и еще и выше моего видѣнія, вѣдѣ бо Господи мой, вѣдѣ, яко учившимъ ся отъ младъ ноготъ Омирскимъ и риторьскыимъ кнігамъ, таково есть азъ же свѣдый моего ученія немощь, и недостізаіа высоти глаголъ и къ величеству разума недоумѣваіа, бояшеся и злаго преслушанія и отъ обоюду тѣсно имѣя»... Но это извиненіе древняго Русскаго переводчика не должно брать буквально—излишняя скромность побудила его преувеличить свое незнаніе. Переводчикъ этотъ неокончившій свой школьный курсъ, и можетъ быть слушавшій не довольно внимательно даже первоначальныя и поверхностныя толкованія Гомера, или начавшій заниматься науками въ позднихъ лѣтахъ, могъ быть человѣкъ свѣдущій,—какъ это и видно изъ перевода его. Въ настоящемъ изслѣдованіи это мѣсто особенно важно, какъ подтверждающее положительно изученіе въ Словенскихъ земляхъ Гомерическаго стихотворенія.

Сербскій переводчикъ Паралипомена Зонарина, взявшись за переводъ сей всемірной исторіи для Сербскаго Деспота Стефана, соболѣзновалъ о затрудненіи достать Римскія древности Діона Кассія, коими Зонара пользовался, и Римскую історія Аппіана, когда ему приходилось трудиться надъ сказаніемъ Римляньскимъ. Онъ знаетъ также, что источники сказаній о войнахъ Ассирійскихъ, Перскихъ и Мидскихъ—Геродотъ и Ксенофонтъ.

Исторія Діона Кассія была сокращена въ XI столѣтіи Іоанномъ Ксифилиномъ. Вліяніе Діона Кассія замѣтно даже и въ нашихъ лѣтописяхъ. И у этого Сербскаго переводчика является творецъ Оміръ, во снѣ Александру Великому и указываетъ мѣсто для построенія Александріи (Чтенія Общ. Истор. и Древн. Москва годъ III. 1847. № 1). Издатель сего перевода І. М. Бодянскій кажется ошибочно полагаетъ, что переводъ составленъ въ 6716 (1208) году, ибо въ изданномъ переводѣ два раза означенъ ѕцѕі (1408) годъ перевода, за 84 года до скончанія міра.

Въ 1403 году издана Нюрембергская лѣтопись (Chronicarum iber per Hartman Schedel), въ концѣ находится шесть бѣлыхъ страницъ для внесенія событій отъ 1493 до наступающаго скончанія міра.

Въ началѣ XV столѣтія понятно, что люди «*вѣдовавшіе книжное исправленіе не видывали*, а многіе и не *слыхали* объ упомянутыхъ историческихъ книгахъ. Въ началѣ XIII столѣтія подобное невѣдѣніе не могло бы встрѣтиться въ людяхъ имѣвшихъ притязаніе на образованность.

Уже упомянуто выше о Болгарскомъ переводѣ въ IX столѣтіи Троянскаго сказанія, коего отрывокъ изданъ Калайдовичемъ въ прибавленіяхъ (X) къ Іоанну Екзарху Болгарскому:

«Книгы Завѣта Божія Ветхаго, сказающе образы Новаго Завѣта, истину сущу, преложеныя отъ Греческаго языка въ Словеньскый, при Князѣ Болгарьстѣмъ Симеонѣ, сынѣ Борисци, Григоріемъ Презвитеромъ, мнихомъ, всѣхъ церковникъ Блъгарьскыхъ церквій, повелѣніемъ того книголюбца Князя Симеона, истинѣ же рещи Боголюбца».

Одинъ уже этотъ фактъ достаточенъ, чтобы объяснить всю важность, которую имѣли Троянскія сказанія въ мнѣніи нашихъ предковъ до XII-го столѣтія. Съ весьма большею ученостію указано въ этомъ писаніи на писателей обработывавшихъ Троянское сказаніе Sisyphus Cous, Phidalius Corinthius, Phemius, Ulines, Moeon; замѣчаніе что «*Еврипидъ все несогласное переложилъ*», доказываетъ что въ IX столѣтіи взглядъ на Троянскія сказанія былъ не менѣе ученъ, чѣмъ въ XIX. Въ самомъ дѣлѣ трагедія Еврипида перелагаетъ и соглашаетъ несогласныя преданія объ Еленѣ и представляетъ намъ объясненіе, принадлежащее къ таинствамъ язычества. Согласно съ Еврипидовой басней, разсказомъ Геродота о Египетскомъ преданіи объ Еленѣ и отрывкомъ Кипрскихъ стихотвореній, Греки и Трояне сражались за идолъ, мнимый призракъ Елены, а самая причина кровопролитія была въ храмѣ у Протея, въ Египтѣ. Это соглашеніе Еврипидово играло весьма важную роль въ толкованіяхъ Христіанскихъ писателей о Троянской войнѣ, которая въ слѣдствіе тогдашнихъ преній и получила столь сильное вліяніе на сло-

весность средневѣковую. Безчисленныя обработки Троянскихъ сказаній въ средніе вѣка во всей Европѣ имѣютъ это общее начало и получили свое распространеніе на Западѣ, весьма вѣроятно посредствомъ Богумиловъ, Болгарскихъ выходцевъ. Но весьма, не справедливо было бы приписывать изученіе Гомера и вообще классической словесности исключительно еретикамъ, ибо оно составляло общую основу грамматическаго образованія въ ту эпоху *на Востокѣ*.

Уже замѣчено выше, что Троянская исторія презвитера Григорія болѣе двухъ сотъ лѣтъ древнѣе первой извѣстной Французской редакціи. Всѣмъ извѣстно распространеніе сего сказанія въ Византійской имперіи и Славянскихъ земляхъ и безчисленныя рукописи содержащія сію исторію, а также и подробныя описанія оной въ хронографахъ. Въ Ипатіевской лѣтописи подъ годомъ 6741 приводится изреченіе Гомера не встрѣчающееся кажется въ дошедшихъ до насъ твореніяхъ приписываемыхъ Гомеру: «О лесть зла есть!» «Яко же Омиръ пишетъ, до обличенія сладка есть, обличена же зла есть, кто въ ней ходитъ конецъ золъ пріимаетъ; о злѣе зла зло есть!»

Царь Іоаннъ Васильевичъ въ первомъ своемъ посланіи къ Курбскому сравниваетъ его съ Енеемъ и Антеноромъ: «а не яко же ты, подобно Антенору съ Енеемъ, предателямъ Троянскимъ, много соткавъ лести».

«Антеноръ и Енеи сшедшеся вкупѣ совѣтоваху како могутъ соблюсти животъ свой, и никоего инаго совѣта спасенію своему обрѣтаху легкаго и скораго токмо градъ предати грекамъ на расхищеніе. Исторія о раззореніи Трои стол. гр. Фригійскаго царства противъ перваго изд. 7 тисненіемъ напечатана въ С.-Петербургѣ 1791 года. Соотвѣтствующія мѣста у Дареса. § XXXVII и XXXVIII. (Dares Phrygius de excidio Troiae Historia rec. Ferd. Meister-Lipsiae. 1873) у Диктиса: въ книгѣ IV § XXII: denique accito Aenea filiisque Antenoris decernunt inter se, uti Helena cum his, quae ablata erant, ad Menelaum duceretur... Ceterum ingressus concilium Priamus, ubi multa ab Aenea contumeliosa ingesta sunt... (Dictys Cretensis Ephemeridos Belli Troiani libri VI. rec. Ferd. Meister. Lipsiae 1872).

Въ XVIII столѣтіи исторія Трои есть одна изъ двухъ первыхъ печатныхъ историческихъ книгъ. Еще поразительнѣе явленіе басни

объ Еленѣ въ Русскихъ сказкахъ по своей оригинальности и согласіи съ самыми разнородными древними преданіями. Даресовы и Диктисовы Троянскія сказанія проникаютъ къ намъ въ средневѣковой оболочкѣ; но уваженіе къ древнимъ философамъ и поэтамъ замѣчаемое въ отцахъ церкви переводимыхъ на Словенскій языкъ съ IX столѣтія, явно обнаруживается въ собраніяхъ изреченій подъ названіемъ пчелъ или цѣпей, извлеченныхъ изъ Св. Отцевъ церкви, древнихъ философовъ, поэтовъ и великихъ мужей древности.

Невозможно яснѣе и убѣдительнѣе опредѣлить значеніе Гомера въ древней Россіи, какъ это сдѣлалъ краснорѣчивый и ученый профессоръ Московскаго Университета С. П. Шевыревъ, въ отвѣтѣ Барону Розену, «Москвитянинъ» 1848 года № 4.

«Первоначальные истинные христіане, утвердившіе нашу церковь, поражая греческое лжевѣріе, не пренебрегали нисколько произведеніями поэзіи Греческой, а изучали ее. Самъ Апостолъ Павелъ, Апостолъ языковъ, въ Ареопагѣ открывая передъ Аѳинянами тайну истиннаго Бога, не усомнился сослаться на ихъ стихотворцевъ, говоря: «мы имъ живемъ и движимся и существуемъ; такъ какъ нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: «мы его и родъ». Это слова Арата Солійскаго. Отцы церкви: Іоаннъ Златоустъ (?) Григорій Богословъ, Василій Великій учились у язычника Ливанія и изучали всѣхъ Греческихъ писателей. Св. Василій Великій оставилъ даже рѣчь къ юношамъ о томъ, какъ извлекать пользу изъ твореній Эллинскихъ писателей... и мы въ нашей древности далекіе отъ міра Гомерова, не такъ брезгивали имъ, какъ онъ думаетъ? У насъ на нѣкоторыхъ древнихъ иконахъ изображается Гомеръ въ числѣ мужей древности, безсознательно предсказывавшихъ рожденіе Спасителя».

Въ Путешествіи по Святымъ мѣстамъ Русскимъ. С.-П.Б. 1836 I. 160. упоминается о изображеніи Омира, Орфея, Платона и другихъ поэтовъ и философовъ Греціи на столбахъ соборной паперти Новоспасскаго монастыря и стр. 236: о древнихъ философахъ и поэтахъ изображенныхъ въ Благовѣщенскомъ соборѣ.

Изъ всѣхъ изслѣдованій о Боянѣ только Мацѣевскимъ, Ганкою, и Шишковымъ сдѣланы замѣчанія, могущія служить подтвержденіемъ

настоящему изслѣдованію. — Мацѣевскій замѣчаетъ, что творецъ пѣсни о полку Игоревѣ былъ проникнутъ Еллино-Скандинавскою поезіей. — Шишковъ, что онъ зналъ Гомера, а Ганка замѣчаетъ мимоходомъ, что Трояне, упоминаемые въ словѣ о Полку Игоревѣ, могутъ быть Трояне воспѣтые Гомеромъ. — Въ сущности же всѣ умозаключенія и изслѣдованія Шишкова, Граматина, Пожарскаго, согласны съ настоящимъ объясненіемъ. Гомеръ или невидимо или невольно является во всѣхъ ихъ догадкахъ о безъимянномъ Боянѣ. Разница въ примѣненіи впечатлѣній къ изслѣдоваемому факту.

*Пѣвецъ Русскій XII столѣтія обращаясь къ вѣщему, вѣчному, всемірному поэту не называя его могъ имѣть въ виду только одного Гомера или равняющагося ему Словенскаго поэта. Нельзя не согласиться съ Тредьяковскимъ, Шевыревымъ, Буслаевымъ, что наши богатырскія повѣсти суть обломокъ древняго эпоса—но пока не найденъ авторъ этого эпоса. Творцемъ древнѣйшимъ, невольно является Омиръ.—Мнѣ часто приходилось слышать упреки въ обвиненіи пѣвца Игоря въ подражаніи Гомеру и сомнѣнія на счетъ возможности заниматься изслѣдованіемъ сродства Русской эпической поэзіи съ Греческой тогда какъ уже доказано сродство съ Скандинавской. Одно не мѣшаетъ другому, я избралъ Греческую литературу потому что она доступнѣе и что я считаю почву классическую плодотворнѣе. Сродство нашихъ богатырскихъ пѣсенъ съ поэзіей Персидской, Индѣйской, Татарской, Халдейской, Египетской, и Финской я считаю фактомъ необходимымъ;—но я не полагаю чтобы всѣ эти литературы послужили бы много для объясненія пѣсни о полку Игоревѣ или другихъ какихъ былинъ. Скандинавскій мѵѳъ и Персидскій такъ еще мало изучены и такъ еще мало поняты, Египетская и Аккадская поэзія еще такъ бѣдна, такъ загадочна, что трудно не дать предпочтеніе Греческой литературѣ. Всякая попытка сравнительнаго изученія Татарскихъ, Персидскихъ, Аккадскихъ и Египетскихъ мѵѳовъ необходимо дастъ если не обильную, то драгоцѣнную жатву. Въ этомъ сомнѣваться невозможно. Скандинавскія сказанія сами нуждаются въ разъясненіи. Греческій мѵѳъ богатъ содержаніемъ и коментаріями.

7—12. Боянъбо вѣщій аще комоу хотяше пѣснь творити то растѣкашется мыслію по древу сѣрымъ вълкомъ по земли шизымъ орломъ подъ облаки.

§ 3. Пѣвецъ изъявивъ сомнѣніе (§ 1), на какой ладъ начать пѣснь, и рѣшивъ a priori (§ 2), что пѣснь слѣдуетъ начинать согласно съ современными сказаніями, излагаетъ причины своего сомнѣнія. Первый авторитетъ имѣвшійся у него въ виду это Омиръ. Ярко и живо обозначены главныя свойства Омира, какъ его изобразили главнѣйшіе представители классической словесности.

Растекашется мыслію по древу намекаетъ на его воспонанія про древніе роды и подвиги предковъ воспѣваемыхъ имъ героевъ. Древо по коему растекался Боянъ, есть древо жизни—жизни человѣческаго рода.

Макробъ Профессоръ краснорѣчія въ Римѣ глубоко проникнувшій во всѣ таинства Греческой и Латинской литтературы выставляетъ свойство Гомера—связывать разсказы о дѣйствіяхъ его героевъ съ воспоминаніями про дѣянія ихъ предковъ: «*item divinus ille vates* res vel paulo, vel multo ante transactas opportune ad narrationis suae seriem revocat; ut et historicum stilum uitet, non per ordinem digerendo, quae gesta sunt, nec tamen praeteritorum nobis potionem subtrahat». (Saturnaliorum L. V. c. XIV).

Самыя воспоминанія Омира въ Иліадѣ, которыя нашъ пѣвецъ кажется долженъ былъ имѣть въ виду, преимущественно суть воспоминанія о гласоимныхъ мужахъ, древнѣйшихъ жителей Дарданіи и родословную Дарданидовъ. Μερόπς—μέροπες—тоже что Словенъ—словенскій, противопоставленное выраженіямъ: нѣмъ, невѣголосъ, безсловесный.

Сѣрымъ волкомъ по земли—хорошо знакомымъ съ чащами, дебрями, оврагами и ручьями, обозначаетъ глубокія географическія познанія творца Иліады, восхваляемыя самимъ географомъ по преимуществу—Страбономъ. Кромѣ сего преимущества Гомера, Страбонъ обозначаетъ и другія два свойства, кои выставлены въ пѣснѣ: смѣ-

Боꙗнъ бо вѣщїи аще комоу хотѧше пѣснь творити то растѣкашетсѧ мыслїѭ по древоу сѣрымъ вълкомъ по земли шизы мъ орломъ подъ облакы ·:—

 12

тослѣ печаль вынь выговорилъ царь афронъ ахъ п
рекрасная моя королева елена я для тебя зд
елаю нотлбищѣ тебя вполе погулять и приказалъ н
янюшкамъ и мамушкамъ итти вполе гулять иван
ъ царевичь ехалъ скоролевою еленою иразговаривая сне
ю забылъ было просераго волка однако онемъ вс
помнилъ и вскрикнулъ ахъ где мой серой волкъ вдр
угъ откуда невзялся серой волкъ и сказалъ сиясь
и ванъ царевичь наменя а прекрасная королевна п
усть едетъ наконе златогривомъ тогда и ванъ ца-
ревичь селъ наволка кони поехали вгосударство ца
ря далмата идоехали дотого государства изатри
версты отгорода остановились иванъ царевичь на
чалъ просить волка послушай ты другъ мой
любезной серой волкъ служилъ ты мне много
ю. сослужи последнею службу неможешли ты
оборотится вконя златогриваго наместо етова по
тому что мне нехочится сетимъ конемъ раст
атся вдругъ серой волкъ ударился оземлю и ста
лъ конь златогривой аиванъ царевичь оставилъ за
городомъ королевну елену сконемъ златогриваго сел
насераго волка оборащеннаго вконя златогриваго
поехалъ водворецъ царя далмата и какъ онъ тока
приехалъ царь далматъ увиделъ и вана царевн
ча наконе златогриваго весма обрадовался тотъ
часъ вышелъ исполатъ и встретилъ и вана.-

шеніе миөическаго съ историческимъ и поучительнымъ Кн. 1, гл. I, стр. 8 и слѣд.

«Поэтъ вѣдаетъ такъ окрайны и окрестности вселенной и ясно ихъ обозначаетъ какъ и средиземное море. Знаетъ же онъ и Истръ, вспоминая о Мvзахъ Өракійскихъ, народѣ живущемъ по Истру... Если же какія либо между этимъ являются пробѣлы то его слѣдуетъ извинить ибо даже сущій Географъ много пропускаетъ изъ того что слѣдуетъ по порядку. Слѣдуетъ же извинить если онъ приплелъ кое что баснослословное къ излогаемому исторически и дидактически».

Ср. также Кн. I. гл. 2, стр. 30 и слѣдующія по изд. Таухница. Страбонъ весьма вѣрно обозначаетъ чего недолжно терять изъ виду при чтеніи Омира—это смѣшеніе историческго съ миөическимъ и поучительнымъ. То же самое передаетъ намъ о Боянѣ Гомерѣ певѣцъ Игоревъ въ поэтичекомъ оборотѣ.

Сизымъ орломъ подъ облаки — Зевсовымъ орломъ въ обители боговъ. Каждое выраженіе пѣвца драгоцѣнный камень. Шизый — περκνος обозначаетъ синеватый оттѣнокъ красныхъ сливъ и винограда, и есть отличительный признакъ божественнаго орла Ил. XXIV по переводу Гнѣдича,

315. Быстро орла низпослалъ, между вѣщихъ вѣрнѣйшую птицу,
Темнаго, коего смертные чернымъ ловцемъ называютъ.

Περκνος—въ этомъ стихѣ многими толкуется темнымъ, но это несправедливо, ибо περκνος есть обозначеніе синеватаго отлива на плодахъ.

Шизый, есть выраженіе однородное съ Греческимъ σκιαζος— тѣнистый, оттѣнный, точно также какъ «шуя» лѣвая сродно съ σκᾶια, laeva, λᾶιφα, щитъ. (Hesych.). Омиръ представленъ здѣсь Зевсовымъ орломъ, воспарявшимъ въ обители боговъ. — Это третіе свойство принадлежитъ Гомеру преимущественно предъ другими поэтами вмѣстѣ съ Исіодомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Геродотъ.

Подобно картинѣ изображающей Гомера въ Русской пѣснѣ представляется онъ и на вазѣ находящейся въ Неапольскомъ Музеѣ. Tischbein Fig. d'Homere II. I. 3.—Kreuzer. Symbolique, Planches.

13 — 23. Помнѧшетьборечьпървыхъвременъѹсобіцѣ тогдапѹщашетаІсоколовънастадолебедѣйкоторыйдо-течашета преди пѣсь помѧше старомѹ Ꙗрославѹхрабромѹ МстиславѹижезарѣзаРедедюпредъпълкиКасожьскыми красномѹРомановиСвѧтъславличю.

§ **4.** Шишковъ возставая противъ перевода первыхъ издателей говоритъ (соч. и перев. изд. Росс. Акад. часть V. 1805 г. стр. 88, въ собр. соч. и пер. Адм. Шишкова. С.-Петербургъ, 1826 часть VII стр. 43):

«Если бы здѣсь разумѣлось одно стихотворческое уподобленіе сраженій съ соколиною ловлею птицъ, то къ чему бы опредѣлять число десять соколовъ? Въ уподобленіяхъ не нужно оное. Во вторыхъ, какимъ образомъ уподобленіе сіе согласить съ послѣдующею рѣчью: чей соколъ скорѣе долѣталъ, тому прежде и пѣснь начиналася, иногда храброму Мстиславу, иногда Красному Роману Святославичу? Ежели дѣло состояло только въ уподобленіи, то почему было узнать, чей соколъ скорѣе долеталъ до стада? Въ третьихъ, въ подлинникѣ сказано: «*тогда* пущашетъ» глаголъ пускать означаетъ самое дѣйствіе, то есть подлинное пусканіе соколовъ а не то, что они въ сочиненіяхъ своихъ уподобляли или примѣняли оное къ сраженію.—И такъ надлежитъ паче думать, что въ древнія времена соколиная охота служила не одному увеселенію но такожъ и къ нѣкоторому провославленію героевъ, или къ рѣшенію спора, кому изъ нихъ отдать преимущество. Можетъ быть отличившіеся въ сраженіяхъ военоначальники или князья состязавшіеся въ славѣ выѣзжали на поле, съ соколомъ своимъ, и пускали ихъ на стадо лебединое съ тѣмъ что чей соколъ удалѣе и скорѣе долетитъ, тому прежде и приноситъ общее поздравленіе въ одержаніе преимущества надъ прочими. Весьма вѣроятно также, что для вящшей важности таковыхъ почестей и отличій число состязавшихся опредѣлено было не болѣе десяти самыхъ знамѣнитѣйшихъ мужей. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, сочинитель, упомянувъ о семъ древнемъ обрядѣ говоритъ: Боянъ же, братіе, не десять соколовъ на стадо

лебедей пущаше, но своя вѣщія персты на живыя струны вскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху. Какая приличная и величавая похвала Бояну! Красоту и сладкогласіе глагола рокотаху никакимъ другимъ глаголомъ замѣнить здѣсь не можно».

Пожарскій (слов. о Полку Игор. С.-Петербургъ, 1818 г. стр. 31) весьма основательно опровергаетъ доводы Шишкова, но впадаетъ самъ въ равносильное заблужденіе:

«Не князья, но стихотворцы пускали соколовъ, что доказывается послѣдующею рѣчью: *Боянъ же*, братіе не I соколовъ на стадо лебедей пущаше, въ своя вѣщіа пърсты на живыя струны въскладаше. Причиною таковаго древняго обряда была можетъ быть, скромность стихотворцевъ, не хотѣвшихъ выставлять себя предъ товарищами».

Граматинъ (Москва. 1823 г. примѣч. 14 стр. 91 упрекаетъ Первыхъ издателей за то что они перевели:

«Памятно намъ по древнимъ преданіямъ, что повѣдая о какомъ либо сраженіи, примѣняли оное къ десяти соколамъ, на стадо лебедей пущеннымъ: чей соколъ долеталъ, тому прежде пѣснь начиналася «*Здѣсь тѣни нѣтъ подлинника*», что слово, то ошибка. А. С. Шишковъ думаетъ, что это былъ обычай существовавшій между Князьями, что они ѣздивши на соколиную охоту, бывшую всегда любимымъ увеселеніемъ нашихъ Князей, рѣшали такимъ образомъ споръ: кому напередъ должна быть воспѣта въ похвалу пѣсня; но Романъ Красный убитый въ 1079 г. не могъ веселиться на охотѣ съ дѣдами своими, Ярославомъ Старымъ и Мстиславомъ Храбрымъ, умершими: первый въ 1054, второй въ 1036 г., а особливо прославиться какимъ-либо подвигомъ, чтобъ быть воспѣту на ряду съ ними. Г. Пожарскій полагаетъ, что обычай сей наблюдался между Словенскими стихотворцами; но сіе мнѣніе должно быть основано на исторіи, которая молчитъ, чтобъ при дворахъ нашихъ Князей были пѣснотворцы, такъ же какъ у Кельтовъ Барды, или у Скандинавовъ Скальды; мы знаемъ только двухъ: Бояна и пѣвца Игорева».

«Читатели припомнятъ, что авторъ сравниваетъ десять перстовъ Бояна съ десятью соколами, а струны со стадомъ лебедей; помняше,

пущаше, пояше есть третіе лице и относится къ Бояну». Смыслъ ясенъ; пѣснь пояше; кто? Боянъ, кому? старому «Ярославу, Храброму Мьстиславу, Красному Роману (теперь мы знаемъ по крайней мѣрѣ кого пѣлъ древнѣйшій Русской бардъ). Сверхъ того должно замѣтить, что Боянъ пускалъ десять соколовъ (то есть вкладывалъ десять перстовъ на струны; здѣсь аллегорія), когда вспоминалъ рѣчь или сказаніе первыхъ временъ. Далѣе который соколъ дотечаше, та преди пѣснь пояше (*авторъ продолжаетъ аллегорію; но соколъ значитъ уже не перстъ, а сказаніе*), которое сказазаніе вспоминалъ онъ, ту напередъ пѣсню пѣлъ; но еслибъ онъ такимъ образомъ выразился, то сіе было бы и проза, и повтореніе, *а теперь стихотворно и замысловато*».

Замѣчательно какъ прямое и правильное объясненіе первыхъ издателей за исключеніемъ измѣненія мѣстоимѣнія «*который*» мѣстоименіемъ «*чей*» могло быть заглушено тремя вышеприведенными толкованіями. Въ этихъ трехъ изслѣдованіяхъ не обращено вниманіе на граматическое построеніе текста, даже нѣтъ связи въ умозаключеніяхъ, а потому они должны были бы быть вовсе оставлены безъ вниманія, еслибы не имѣли вліянія на самыхъ замѣчательныхъ изслѣдователей Слова до нашего времени.

Не говоря уже о несообразности предположенія, что между князьями или стихотворцами рѣшалось жеребіемъ въ честь кого или кѣмъ напередъ будетъ пѣснь пѣта, достаточно обратить вниманіе на утвержденія Шишкова, что пущашеть не можетъ быть принято въ переносномъ значеніи потому, что глаголъ означаетъ дѣйствіе,—но какой же дѣйствительный глаголъ не означаетъ дѣйствія? Всѣ изслѣдователи переводятъ мѣстоименіе *который*, мѣстоименіемъ *чей*, по примѣру первыхъ издателей, и симъ измѣняютъ текстъ, не давъ себѣ даже труда объяснить причины, столь важнаго отступленія, хотя рядомъ и оставляютъ древній текстъ безъ исправленія. Первые издатели, Пожарскій и Дубенскій, поняли слова эти правильнѣе другихъ передводчиковъ, признавъ глаголъ пущашеть за 3-е безличное лице. Но здѣсь нельзя упрекать Шишкова, Граматина и проч. въ нарушеніи Граматической правильности, ибо глаголъ пущашеть, могъ быть согласованъ съ существи-

тельнымъ Боянъ. Но самый смыслъ вступленія, согласованіемъ глаголовъ пущашеть и помняшеть съ именемъ Боянъ, нарушается совершенно. — При подобномъ согласованіи, вступленіе пѣвца Игоря не имѣло бы вовсе смысла и было бы лишь болѣе или менѣе звучный наборъ словъ. — По смыслу ясно, что «*пущашеть*» 3-е безличное лице, ибо здѣсь опредѣляется вторый авторитетъ, имѣющійся въ виду у поэта,—былины сего времени, противуположныя вымышленію Бояна. Что помняшеть и пущашеть есть грамматически правильный безличный видъ явствуетъ изъ примѣровъ приведенныхъ въ § 1-мъ.—Описавъ Бояновскій ладъ, поэтъ описываетъ ладъ пѣвцовъ временъ междоусобій, послѣдовавшихъ за Св. Владиміромъ, и обозначаетъ ихъ съ тою же вѣрностію, съ коей начертаны имъ свойства Гомера. Во всемъ вступленіи противополагаются два поэтическіе авторитета,—древній Гомерическій и новый, принадлежащій поэтамъ удѣльнаго періода.

Стремленіе принимать уподобленія за историческіе факты, и на оборотъ въ событіяхъ историческихъ находить миѳы — слишкомъ свойственно всѣмъ изслѣдователямъ, чтобы тому можно было удивляться.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь указывается не на обычай, существовавшій между Князьями или пѣвцами, пускать въ самомъ дѣлѣ соколовъ на лебедей, но на обычай начинать пѣсни подобнымъ уподобленіемъ или *вводить въ свои пѣсни въ честь Князей басни о ихъ состязаніи съ лебедями. Подобныя пѣсни встрѣчаются въ Татарскомъ эпосѣ*.

Весь вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить что должно подразумѣвать подъ уподобленіемъ соколовъ и лебедей.

При исправленіи (*тому* вмѣсто—*та*), принятымъ почти всѣми переводчиками, смыслъ сего оборота, взятый отдѣльно и въ связи со всею пѣснью, отмѣнно правиленъ граматически и логически.

Здѣсь поэтъ ссылается на *былины*, или сказанія о произшествіяхъ временъ преемниковъ Владиміра, и какъ уже сказано выше съ отмѣнною вѣрностію обозначаетъ пріемъ сихъ былинъ. Въ самомъ дѣлѣ Русскія богатырскія пѣсни и сказки нерѣдко начинаются уподобленіемъ витязей—соколамъ, летающимъ для отъисканія пере-

летныхъ птицъ. Уподобленіе князей, витязей, удальцевъ, соколамъ и другимъ хищнымъ птицамъ встрѣчается въ безчисленныхъ народныхъ пѣсняхъ Русскихъ, Сербскихъ и Новогреческихъ. Сказка объ Алешѣ Поповичѣ (Сказанія Рус. Нар. Собр. Сахаровымъ. С.-Петербургъ. 1841 года Т. I, кн. IV, стр 22), начинается согласно указанію Пѣвца Игоря:

1. Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные сокола вылетывали,
Выѣзжали два могуче богатыря,
Что по имени Алешинька Поповичь младъ.
5. А со молодомъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремянно въ стремянно богатырское;
Они ѣздили гуляли по чистому полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали звѣря прискучаго;

Такъ начинается сродная сей сказкѣ хороводная пѣснь (Тамъ же Т. I, кн. III, стр. 32, пѣснь 17. Съ тремя варіантами):

„Ахъ, и по морю! Ахъ и по морю!
Ахъ, и морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лѣбедь бѣлая, со лебедушками,
Со малыми, со дитятами,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Плывши лебедь, встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася
Плывши лебедь вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ;
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю;
Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ по подънебесью;
Сорилъ перья, сорилъ перья,
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни влялась
Красна дѣвица душа;

Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушку.
Гдѣ ни взялся добрый молодецъ.
Богъ на помочь, Богъ на помочь,
Богъ на помочь красна дѣвица душа!
Она-жъ ему, она-жъ ему,
Она-жъ ему не поклонится.
Грозилъ парень, грозилъ парень,
Грозилъ парень красной дѣвицѣ:
Добро дѣвка, добро дѣвка,
Добро дѣвка, дѣвка красная.
Зашлю свата, зашлю свата,
Зашлю свата, за себя возьму;
Будетъ время, будетъ время,
Будетъ время и поклонишься мнѣ;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
Будешь дѣвка у кроватушки стоять;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка;
Будешь дѣвка бѣлы руки, руки цѣловать;
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелкову плеть въ рукахъ.
Я думала, я думала,
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;
Я думала, я думала,
Я думала, что Поповскій сынъ,
Что Поповскій сынъ, воръ Алешинька,

Также точно семейная пѣснь (тамъ же Т. I, кн. III, стр. 157):

Соколы мои, соколы,
Соколы мои залетные!
Вы гдѣ же летали?
И мы летали, летали
Съ города на городъ,
Летали съ поля на поле.
И вы что же тамъ видѣли?
И мы видѣли, видѣли
Сѣру утицу на морѣ.

Для чего-жъ вы ее и не взяли?
Хоть мы ее и не взяли,
Крылья, перья повыщипали.
Иванъ, господинъ, выходилъ на ново крыльцо,
Онъ бояръ, господъ всѣхъ спрашивалъ:
И вы гдѣ бояре ѣздили?
И мы ѣздили, ѣздили
Съ городу на городъ
И вы что же тамъ видѣли
И мы видѣли, видѣли
Красну дѣвицу въ терему,
Свѣтъ Настасью душу,
Настасью Петровну,
Для чего вы ее не взяли?
Хоть мы ее и не взяли.
Къ Воскресенью примолвили.

Въ пѣсняхъ Кирши Данилова. Калайдовичь. Москва. 1818. с. 22:

1. Изъ за моря, моря синяго,
Изъ Волынца, красна Галича
Изъ тоя Корелы богатыя,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ;
Выѣзжалъ удача добрый молодецъ.
7. Молодой Дюкъ сынъ Степановичь.
. , ...
74. Настрѣлялъ Дюкъ гусей, бѣлыхъ лебедей.
Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ
Поѣхалъ ко граду Кіеву.
77. Ко ласкову Князю Владиміру.

И Несторъ подъ г. 6605 вноситъ въ лѣтопись свою сіе народное уподобленіе: «и сбиша Угры акы въ мячь ако и соколъ сбиваетъ галицѣ».

Въ исторіи о славномъ и сильномъ витязѣ Еруслапѣ Лазаревичѣ, о его храбрости и о невообразимой красотѣ Анастасіи Вахромѣевны. Москва. 1849. изд. 4-е стр. 19, 20, 24, 49. «Не ясенъ соколъ напущаетъ на гусей и лебедей и на сѣрыя утицы, но напущаетъ Князь Иванъ Русской богатырь на рать силу великую, которой сколько бьетъ вдвое противъ того конемъ топчетъ».

Означеніе числа десять не есть случайное.—Ѳеодоритъ, толкованіе на пѣснь пѣсней: «десятичное же число совершенство показуетъ».

Пѣвецъ числомъ этимъ представляетъ Князей поборниками истины—Князьями высшаго міра, (коихъ число десять по ученію Халдеянъ, соотвѣтствующихъ 10-ти Зефиротамъ, или Еонамъ Гностиковъ), пущенными на стадо лебедей — означающее тьму вражеской силы, точно также какъ 10-ть число совершенства, такъ безчисленность (стадо) есть число пагубы, «имъ же нѣсть числа», а потому оно и называется *тьмою*. И лебеди употреблены здѣсь не случайно. Они суть подлинныя обозначенія прельстительныхъ свойствъ вражеской силы, которыхъ вѣроятно преимущественно имѣли въ виду пѣвцы временъ Св. Владиміра и его первыхъ преемниковъ. Вся средневѣковая эпическая поэзія Европы славитъ торжество Христіанства надъ язычествомъ, о чемъ несомнѣнно идетъ рѣчь и въ выпискѣ изъ повѣсти объ Алешѣ Поповичѣ и въ слѣдующихъ за оною двухъ пѣсняхъ,—точно также какъ и въ пѣснѣ объ Ильѣ Муромцѣ.

Тьму вражью эту составляютъ всѣ прелести сего мира, а потому они означены въ видѣ лебедей. А поклонники ихъ и воины суть Поганы и Бохмиты, уподобляемые чернымъ воронамъ и галицамъ. Въ Одиссеи подобное же значеніе—имѣютъ Сирены. На Илiйской доскѣ они представлены въ видѣ лебедей. — Эту же роль играютъ лебеди и въ ученіи алхимистовъ: Dass also dieses Gestirn (Schwan) alles, was Venus und Mercurius bey Hervorbringung der menschlichen Körper delicat machen und hervorbringen, producirt in denen Ländern über welches solches herrschet; absonderlich bringet solches Gestirn, in allen Körpern die höchste weisse Farbe hervor, wesswegen denn alle diese Körper, in specie des Frauenzimmers, über welche es regieret, sehr weiss und schön seyn; denn diese Gaben mittheilet vor allen andern Gestirnen der Schwan, wesswegen denn auch diese Weiber sehr delicat und Sängerinnen seyn, welche die Music und die musicalischen Instrumente sehr lieben.

Petri Io. Fabri chymische Schriften. Ios Fsuil. die Univers. Chymie oder Anatomie der ganzen Welt. Hamburg. 1713. L. II c. 18. s. 164.

При общепринятомъ исправленіи *тому* вмѣсто *та*, текстъ отмѣнно правиленъ—смыслъ отмѣнно ясенъ и логиченъ и согласенъ, что весьма важно, съ остатками древнихъ пѣсенъ того времени,

гдѣ при всемъ измѣненіи редакцій, согласно съ указаніемъ Пѣвца Игоря, донынѣ витязи являются соколами разящими птицъ и именно лебедей; «а тому» (если принять «та» за описку вмѣсто тому) изъ нихъ, говоритъ Пѣвецъ Игоревъ, кто отличался въ предпріятіи, тому пѣли напередъ пѣснь.

Г-нъ Максимовичь переводитъ мѣсто сіе соглашая глаголъ помняшеть и пущашеть съ существительнымъ Боянъ: «какъ вспоминалъ онъ сказанья древнихъ временъ, то пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей, который соколъ на лебедь падетъ, та лебедь первая пѣснь запоетъ». Этотъ переводъ соблюдающій вѣрность текста тѣмъ предпочтительнѣе, что въ XI столѣтіи весьма понятно существованіе миѳа, будто бы пораженныя пѣвчія птицы воспѣвали своего побѣдителя. Съ помощію сего примѣненія текстъ былъ бы правиленъ безъ всякаго измѣненія,—помнится вѣдь сказаніе первыхъ временъ междоусобій, тогда пускалось (въ пѣсняхъ) 10 поборниковъ истины противъ тьмы поборниковъ лжи. Который соколъ настигалъ (одну изъ лебедей), та (лебедь) напередъ пѣла пѣснь (въ честь своего побѣдителя).

Dem Ormuzd gegenüber steht der, in Finsterniss Böses brütende Ahriman, umgeben von den Dew oder Diwen, Seinen Gehülfen zù aller Missethat, mit denen er Theils offen, theils im stillen seinen Kampf gegen das gute Urwesen nnd gegen die Menschen führt. Furchtbar sind diese Dive, von grauser Ungestalt, schwarz von Farbe, riesengross wie Berge, ihre heranziehende Heere verfinstern die Luft, wie Donner dröhnt ihre Stimme; aber um den Sinn der Menschen zu bethören und ihnen böse gedanken ein zuflüstern, nehmen sie auch andere gestalten an und erscheinen als dienstfertige Jünglinge, Sänger oder Schöne Weiber.

Heldensagen von Firdussi, A. F. v. Schack Berlin 1865. стр. 35.

Подобные дѣвы оборотни, состоящіе подъ покровительствомъ огромной птицы Симургъ, могли являться пѣвцами своихъ побѣдителей. Подобные же Дѣвы лебеди являются въ Татарской сказкѣ (Койбальской) изданной Кастреномъ (Schiefner). На Каталанской картѣ между прочими баснословными изображеніями, испещряющими Россію и Туркестанъ, представленъ бой людей съ птицами несрав-

ненно болѣе похожими на лебедей чѣмъ на Грифоновъ Геродота. Составители картъ имѣли очевидно въ виду тѣ же древнія сказанія что и у Геродота, но переданныя арабами согласно ходившимъ въ народѣ мѣстнымъ сказкамъ.

Особенно важную роль играютъ чудовищныя Дѣвы-Лебеди въ татарской сказкѣ изданной Кастреномъ.

Al. Castren's. V. einer Koïbal. und. Karag. sprachlehre herausg. von A. Schiefner. Pbrg. 1857.

И кликнулъ: „Девять витязей
Скорѣе приходите!“
Девять витязей шапки свои
Подъ мышкой прижавши:
„Ханъ, нашъ Государь,
Чего тебѣ надо?“

„Витязи добрые
Девять витязей, мои,
Скорѣй!
Трехлѣтняго нагого мальчика
Стоящаго тамъ

На косогорѣ
Скорѣй его тащите“.
Такъ крикнулъ онъ
Девяти витязямъ.
Алтенъ Ханъ стоитъ

На косогорѣ,
Пошелъ и поднялъ тяжелый камень,
На косогорѣ стоитъ онъ и ждетъ.
Изъ самой средины народа
Трехлѣтняго нагого мальчика

Девять витязей за руки и ноги
Схватили.
Не землю упасть не дали
Подняли и пошли.
Трехлѣтній нагой мальчикъ:

Ханъ Хановъ, Алтенъ Ханъ,
„Меня нагова малаго,
Не убивай;
Буду я дитей твоей утробы,
Не убивай“.

Въ этой сказкѣ являются 40 Дѣвъ Лебедей; съ нѣкоторыми изъ нихъ приходится состязаться трехлѣтнему мальчику. Сила этихъ Дѣвъ Лебедей такъ велика, что:

На три дня срокъ поставленъ,
Верхнимъ Кудаемъ
Съ Дѣвою лебедью трехлѣтнему мальчику
Не бороться;
„Хочу я укрѣпить поверхность земли,
Когда они станутъ бороться,
Земля не сможетъ выдержать“.

Можетъ быть Пѣвецъ Игоревъ, говоря о пѣсняхъ принадлежащихъ къ циклу Владиміра, Ярослава и Мстислава Удалаго, имѣлъ въ виду пѣсни въ коихъ витязи вступаютъ въ бой съ подобными Дѣвами Лебедями.

Для сравненія международной эпической поэзіи не излишне замѣтить, что и въ татарскихъ сказкахъ являются Аіны: Дѣвы Лебеди, а также и Дѣвы прикрѣпляющія на время крылья для воздушнаго плаванія или надѣвающія пернатыя рубашки.

Въ Нѣмецкихъ и Славянскихъ сказкахъ являются Дѣвы Лебеди, Дѣвы оборотни и Дѣвы прикрѣпляющія себѣ крылья искуственнымъ образомъ. Дѣвушки принадлежавшія покореннымъ Аттилой племенамъ встрѣчали его съ пѣснями. Пѣсни побѣжденныхъ должны пріятно звучать въ ушахъ побѣдителей. Чтобы примѣнить къ нашей пѣснѣ подобное толкованіе, надлежало бы принять, что по понятіямъ того времени, напримѣръ Соловей разбойникъ и 9-ть его сыновей побѣжденные Ильею Муромцемъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и составители пѣсни въ честь его подвиговъ.—А прямой выводъ изъ сего былъ бы, что составители пѣсенъ считали и провозглашали сами себя орудіями нечистой силы.—Впрочемъ здѣсь подъ лебедями можетъ подразумѣваться весь грѣшный изнѣженный и сладострастный міръ славящій своего побѣдителя. Послѣ словъ «*та преди пѣсь пояше*» должно стоять во всякомъ случаѣ двоеточіе, за коимъ слѣдуетъ исчисленіе князей, воспѣтыхъ на описуемый ладъ.

Объясненіе сохраняющее текстъ безсомнѣнно предпочтительнѣе, тѣмъ болѣе, что лебеди играютъ подобную роль во всемірной поэзіи,

и что при другомъ объясненіи кромѣ исправленія *«та»* (тому) должно принять согласно съ соотвѣтствующими мѣстами въ пѣснѣ, *«пояше»* за описку вмѣсто пояшетъ.

Эліанъ (περι ζωων—кн. XI, § 1) разсказываетъ, по Екатею Авдиритскому, что въ урочное время жертвоприношеній Вореадовъ, Аполлону, лебеди тучами слѣтаются около храма и соединяютъ свое пѣніе съ хоромъ пѣсельниковъ и гуслярами. — Эліанъ разсказываетъ еще (кн. Ѵ, § 1) о ежегодномъ сборѣ черныхъ птицъ слетающихся надъ памятникомъ Мемнона, раздѣляющихся на двое и вступающихъ въ жаркій бой, послѣ коего половина, одержавшая побѣду возвращается домой въ окрестности Паріона и Кизика.— Аристотель, Филостратъ и многіе другіе писатели говорятъ о пѣніи и предвѣщаніяхъ свойствввнныхъ симъ птицамъ.—На основаніи сего муѳа, душа Орфея переходитъ въ тѣло лебедя. (Платонъ de Republ. X p. 620, a). Птицы эти перевозятъ колесницы Аполлона и Венеры, т. е. служатъ орудіями обольщеній умственныхъ и тѣлесныхъ.— Такъ, Юпитеръ принимаетъ образъ лебедя для обольщенія Лиды.— Даръ предвѣщанія и прельщенія приписывается лебедямъ и въ Германскихъ сказаніяхъ.

24—28. Боѧнъжебратїнеiсоколовънастадолебедейпу-щашенъсвоѧвѣщїапрьстынаживаѧструнывъскладаше онижесамиКнѧземъславурокотаху.

§ 5. Принятіе этихъ словъ за поясненіе предъидущаго 4-го § по обычаю Русскихъ пѣсенъ, объясняющихъ иносказательный оборотъ отрицаніемъ онаго и положитетьнымъ представленіемъ событія, неосновательно, ибо противоположность здѣсь между Бояновыми пѣснями и пѣснями въ честь преемниковъ Св. Владиміра.—Противоположность эта весьма правильно обозначена частицею *«же»* послѣ слова Боянъ;—тогда какъ для обозначенія противоположности между 10-ю соколами и 10-ю пальцами, оборотъ этотъ начинался бы: а не 10 соколовъ—и послѣ слова Боянъ, не могла бы стоять частица *«же»*. Эта противоположность продолжается съ начала вступленія: «начати» же ся той пѣсни по былинамъ того времени, а не по

вымыслу Боянію.—Я уже не говорю о томъ, что въ продолженіи сей пѣсни весьма явно обнаруживается, что Боянъ, призываемый Пѣвцемъ Игоря не могъ пѣть Ярослава, Мстислава и Романа.—Это возвращеніе къ Бояну имѣетъ цѣлью обозначить предпочтеніе Пѣвца къ Бояну не употреблявшему обычныхъ приступовъ, но предававшемуся одушевленію. Пѣвецъ Игоревъ не порицаетъ уподобленіе; но порицаетъ злоупотребленіе онаго, ибо самъ употребляетъ подобный оборотъ въ своей пѣснѣ:

«Не буря соколы занесе чрзъ поля широкія галицы стады бѣжатъ къ Дону Великому».

Сходное уподобленіе находится и въ самой Иліадѣ, сколько помнится не болѣе двухъ разъ:

Ил. XV. 620. Словно какъ бурный орелъ на стада ударяетъ пернатыхъ
Птицъ-перелетныхъ, пасущихся мирно по брегу речному.
Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйныхъ;
Такъ Пріамидъ нападалъ на Данайскій карабль черноносый,
Буренъ кидаясь: его позади устремлялъ громовержецъ.

Ил. XVI. 582. Онъ сквозь ряды переднія бросился прямо какъ ястребъ
Быстрый, который преслѣдуетъ робкихъ скворцовъ, или галокъ:

Это сближеніе Русскихъ пѣсенъ съ древними миѳами, указываетъ на сродство Русскихъ богатырскихъ пѣсенъ съ древнею эпопеею.—Фактъ можетъ быть и несознаваемый сочинителемъ слова.

Профессоръ Шевыревъ приводитъ весьма важныя и любопытныя доказательства сродства Русской и Греческой эпопеи.—(пр. 22 ко втор. Лекціи. Ист. Рус. Слов. преим. древ. Т. I. ч. I Москва 1866.

* Максимовичь, Буслаевъ и другіе изслѣдователи Слова придаютъ особенную важность соотвѣтствію числа соколовъ съ числомъ пальцевъ. Соотвѣтствіе существуетъ несомнѣнно, но оно не можетъ быть намѣренно, ибо ничего не выражаетъ. Пѣвецъ Игоревъ упоминая о десяти соколахъ князьяхъ имѣетъ намѣреніе болѣе эпическое.—10 и 7 суть числа играющія важную роль въ сказаніяхъ Троянскихъ и ученіи Гностиковъ. Десять князей упоминается въ пѣснѣ на томъ самомъ основаніи какъ и Соловей разбойникъ является самъ десять съ своими 9 сыновьями сподвижниками. Хотя

о пальцахъ въ пѣсни и не упоминается. — Соловей разбойникъ или одинъ изъ его сыновей могъ при торжествѣ въ качествѣ плѣннаго пѣвца Соловья, пѣть пѣснь въ честь своего побѣдителя **.

29—35. ПочнемъжебратїеповѣстьсїюотъстараговладимерадонынѣшнягоИгоряижеистягнѹмькрѣпостїю своеюипоострисердцасвоегомѹжествомънаплънивсяратнагодѹханаведесвояхрабрыяплъкыназемлюПоловецькѹю заземлюРѹсскѹю.

§ 6. За изложеніемъ причинъ сомнѣнія и выраженія предпочтенія къ поэту по преимуществу, объявляется, что пѣснь должна начаться по духу времени отъ Владиміра древняго—Святаго до современнаго Игоря, т. е. подъ вліяніемъ Христіанскаго просвѣщенія Россіи, обычаевъ, политическаго положенія отечества, въ слѣдствіе раздробленія его на удѣлы, и вѣрованій сохранившихся въ обществѣ отъ временъ языческихъ. Ясно, хотя не всѣми признано, что дѣло идетъ не о времени, протекшемъ отъ Св. Владиміра, или Владиміра Мономаха, до Игоря но о расказѣ въ духѣ сего врамени, и нигдѣ пѣвецъ не высказываетъ положительно свою задушевную мысль что дѣло идетъ о раздорахъ губившихъ Россію въ XI и XII вѣкѣ.

«Иже истягну умъ крѣпостію своей и поостри сердца своего мужествомъ» напоминаетъ выраженіе Св. Петра въ первомъ соборномъ посланіи: «Препоясавше чресла помышленія вашего, трезвящеся, совершеннѣ уповайте» И весьма правильно обозначаетъ душевное состояніе Игоря, напрягшаго умъ во всю свою крѣпость и поостривщаго (умъ свой) мужествомъ сердца своего и наполнившись ратнаго духа, поведшаго свои полки за землю русскую на землю Полевецкую.

По слову *старый* должно было бы предполагать, что здѣсь рѣчь о Святомъ Владимірѣ,—но въ продолженіи пѣсни, это прилагательное придается Владиміру Мономаху. Весьма можетъ быть, что эти два лица и сливались вмѣстѣ въ воображеніи пѣвца; можетъ быть, прилагательное старый придается здѣсь безъ мысли

о старшинствѣ, просто въ значеніи древняго, какими были для пѣвца Игоря оба Владиміра.

* При разборѣ этой части словъ я вовсе не вникалъ въ историческій смыслъ самой пѣсни. По изученіи той части слова, гдѣ идетъ рѣчь о междоусобіяхъ я вполнѣ убѣдился что пѣвецъ Игоревъ, обѣщавъ расказать повѣсть о времени прошедшемъ отъ Владиміра (Мономаха) до Игоря, сдержалъ слово и исполнилъ свою программу мастерски. Многіе подозрѣваютъ значительный пропускъ — въ началѣ пѣсни на томъ основаніи, что пѣвецъ обѣщаетъ начать свою пѣснь съ Владиміра, а начинаетъ ее съ Игоря Святославича. Но обѣщанная программа исполнена вѣрно. Существеннѣйшая часть пѣсни и довольно значительная изображаетъ дѣйствія Ольговичей и Всеславичей. Приношу повинную за опрометчивость въ сужденіи. Пѣвецъ Игоревъ, наперекоръ моему мнѣнію, высказалъ краснорѣчиво свою задушевную мысль. Въ извиненіе долженъ сослаться на методу изслѣдованія—я работалъ постепенно надъ каждою частью слова и по прошествіи времени собиралъ разрозненныя замѣтки и выписки. *

Г-нъ Дубенскій говоритъ въ примѣчаніи 41-мъ: «Укоряютъ пѣвца Игорева въ слабости логики, что онъ, открывши дѣйствія поэмы сперва въ землѣ Половецкой, заставляетъ воззрѣть героя своего на свѣтлое солнце, ставитъ потомъ его въ Новѣгородѣ, въ Путивлѣ, гдѣ Игорь ждетъ къ сѣбѣ роднаго брата Всеволода», и этотъ упрекъ совершенно неосновateленъ, ибо дѣйствіе не начато, а упоминается о вступленіи Игоря на землю Половецкую для обозначенія героя пѣсни. Здѣсь безъ всякаго анахронизма можно даже было бы и упомямянуть о его смерти.

Вступленіе, оканчивающееся словами: «на землю половецкую за землю Русскую», заключаетъ. 1) Сомнѣніе, на какой ладъ должно начать пѣснь? 2) Рѣшеніе, что пѣснь должна начаться согласно съ требованіями вѣка, а не по вымыслу поэтическому 3). Причины сомнѣнія: первый авторитетъ—Гомеръ: его отличительныя свойства. 4) Вторый авторитетъ: приступъ къ пѣсни принадлежащій пѣвцамъ временъ междоусобій въ Россіи, начавшихся съ Владиміра Святаго 5). Предпочтеніе Гомеру, неуподоблявшему общепринятыхъ

обычныхъ приступовъ, но предававшемуся свободному вдохновенію. 6) Заключеніе, что пѣснь о Игорѣ должна начаться согласно съ духомъ времени, протекшаго отъ Стараго Владиміра. Изъ содержанія пѣсни видно, что пѣвецъ здѣсь обѣщаетъ говорить о междособіяхъ губившихъ Россію со смерти Владиміра Мономаха до Игоря Святославича.

Первые издатели поняли это мѣсто правильно и не усумнились замѣнить именитетьный «*та*» дательнымъ падежемъ «*тому*». Добросовѣстность первыхъ издателей съ первыхъ строкъ опредѣляется этой воздержанностью. Заподозрѣваніе ихъ совершенно неосновательно и новѣйшіе издатели себѣ позволяютъ исправленія болѣе значительныя и несравненно менѣе основательныя. Шишковъ первый запуталъ смыслъ согласуя глаголы *помняшеть* и *пущашеть* съ подлежащимъ Боянъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія что подобное согласованіе грамматически правильно—но лишь при условіи сохраненіи смысла. Не только читатель но и слушатель быстро схватываетъ когда того требуетъ смыслъ рѣчи, переходъ отъ одного опредѣленнаго подлежащаго къ другому подлежащему не высказанному,—безличному.

Миклошичь (Die Verba impersonalia im Slawischen. 1865) приводитъ примѣры изъ позднѣйшихъ памятниковъ подобнаго безличнаго вида глагола вмѣсто нынѣшняго пишется, значится.

Bulg.—*пише*, *пише* въ бѣло книзѣ. (Без. I. 616), въ грамотѣ въ даной *пишетъ*. (Lex. P. S. 2. 123), по родословной ихъ въ Архивѣ *значитъ* (тамъ же).

Въ IV выпускѣ своей грамматики Миклошичь приводитъ примѣры безличнаго вида:

росить въ онѣхъ странѣхъ тогда много. — rorat. Dial. Saf. подобаетъ—decet. по селомь дубье подрало. Chron. I. 209. не ходите туда: тамъ водить, заводить. Lex. Pal. Slov. 2. 153: es spukt.— Хвостъ его и приморозило. Сказ. 1, 2. Да емоу отъ числа не убудеть, нь прибудеть. Hom. Mih. 70. Елижде ему бѣше полегнути— ὁσάκις αὐτῷ ἀνακλιθῆναι. Prol. Rad. Говоритъ, говорилъ. Lex. P. S. 2. 135.

Г. Буслаевъ утвердительно говоритъ, что глаголы, помняшеть и пущашеть относятся къ Бояну на томъ основаніи, что они

принадлежатъ тому же прошедшему виду. Утвердительный же оборотъ рѣчи и отрицательный объясняются обычнымъ, въ русскихъ пѣсняхъ, оборотомъ. Едва ли это такъ. При этомъ объясненіи рѣшительно, вступленіе Пѣвца Игорева, лишено всякаго смысла. Это отсутствіе смысла въ вступленіи заставило меня обратить вниманіе на форму 3-го лица единственнаго числа съ придаточнымъ ть. Выписавъ всѣ эти формы обнаружилось само собой, что они въ рѣчи Пѣвца составляютъ признакъ безличнаго вида. За неимѣніемъ въ то время Церковно-Словенскаго Синтаксиса я вынужденъ былъ обратиться къ образцовой и геніальной греческой грамматикѣ Matthiae. Здѣсь я узналъ съ какимъ вниманіемъ слѣдуетъ вникать въ древнее словосочиненіе. Грамматика Копитара (Glagol Cloz.) могла служить лишь для опредѣленія склоненій и производныхъ формъ спряженій, какъ будто она была сдѣлана нарочно для Слова о Полку Игоревѣ.

Представляю читателю рѣшить есть ли смыслъ въ слѣдующей рѣчи при ее буквальномъ переводѣ на современный языкъ.

Не хорошо ли было бы намъ братія начати старыми воззваніями героическихъ (или скорбныхъ) повѣстей о походѣ Игоревомъ И. С. Начаться же этой пѣснѣ по былинамъ сего времени а не по вымыслу Боянову. Боянъ бо вѣщій когда кому хотѣлъ пѣснь творить то растекался мыслію по дереву, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облака. Онъ помнилъ вѣдь рѣчь первыхъ временъ междоусобій, онъ тогда пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, который достигалъ та (лебедь) прежде пѣснь пѣла Старому Ярославу, Храброму Мстиславу зарѣзавшему Редедю предъ полками Кассожскими, Красному Р. С. Боянъ же братіе не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ, но своя вѣщіе персты на живыя струны возлагалъ: они сами княземъ славу рокотали.

Трудно понять, какимъ образомъ возможно дать себѣ отчетъ въ пусканіи соколовъ на лебедей однимъ и тѣмъ же поэтомъ XI или пожалуй XII столѣтія при воспѣваніи Ярослава Великаго и Мстислава удалаго. Подобное объясненіе возможно сдѣлать совершенно устраняя текстъ и а priori отвергая логическую и синтаксическую правильность въ объясняемомъ памятникѣ. Выходитъ

что Боянъ помнилъ рѣчь начала междоусобій и пускалъ тогда свои десять пальцевъ. Которая струна была достигнута та и пѣла пѣснь Володимеру, Ярославу и Мстиславу.

Принявъ глаголы помняшеть и пущашеть за безличныя виды все вступленіе отмѣнно правильно и логично.

Боянъ бо вѣщій когда кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслию по древу и т. д. Вспомянулась рѣчь первыхъ временъ усобица тогда пускалось и т. д.

Нынѣшняя безличная возвратная форма вполнѣ соотвѣтствуетъ 3-му лицу единственнаго числа дѣйствительнаго залога такъ что существивельное принимаетъ какъ бы значеніе винительнаго падежа—такъ и въ Словѣ о Полку Игоревѣ: спала князю умь (винительный падежъ) по хоти:

Это третіе лице глагола можетъ быть еще передано и посредствомъ современнаго оборота:

Припомнилось о рѣчи первыхъ временъ усобицъ.

Не забылась рѣчь.

Должна была бы быть памятна рѣчь.

Въ церковно-словенскомъ языкѣ и въ древне-русскомъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ Миклошичемъ примѣровъ, 3-й безличный видъ глагола подобно греческому можетъ быть употребляемъ во множественномъ и единственномъ числѣ вполнѣ соотвѣтствуя нынѣшнему безличному виду во множеатвенномъ числѣ или въ единственномъ, но въ послѣднемъ случаѣ переходя въ возвратный залогъ. Кромѣ того не слѣдуетъ здѣсь упускать изъ виду, что въ древнихъ памятникахъ дѣйствительные глаголы имѣютъ весьма часто значеніе страдательныхъ безъ измѣненія или приращенія.

Г. Буслаевъ говоритъ положительно и весьма утвердительно и указываетъ какъ будто на основное грамматическое правило:

«Изъ подлинника ясно что *не было обычая* пѣвцовъ предшествовавшихъ Бояну, пускать десять *соколовъ на стадо лебедей*, но что именно *самъ Боянъ пускалъ* этихъ соколовъ. Два глагола преходящаго времени помняшеть и пущашеть очевидно относятся къ одному и тому же подлежащему, къ Бояну. А эти соколы, какъ вѣщіе персты Бояна, о которыхъ и говорится далѣе».

Ne serait il pas convenable de se mettre sans retard à table, dès que tous les convives seraient réunis. N'aurait on pas oublié de prévenir Mr. Troisétoiles, ne serait il pas malade. Il serait pourtant plus prudent de s'en informer.

Неужели «il serait prudent» относится къ подлежащему г-ну Troisétoiles; тутъ два глагола преходящаго времени и даже повтореніе того же глагола serait, но очевидно оба не относятся къ одному и тому же подлежащему.

Лошади ходили по лугу и съ перваго дня попортили всю траву. Говорили мнѣ, что Скѵѳы вязали лошадей за одну заднюю ногу къ воткнутому колу въ землю, веревкой, въ размѣрѣ опредѣленномъ суточной потравой. При этомъ обычаѣ не портили, не мяли и не гадили разомъ цѣлаго луга и не портили и не утомляли безъ всякой пользы лошадей.

Два и даже болѣе глагола того же преходящаго времени ходили, говорили, мяли, гадили, утомляли и два раза портили кажется очевидно не относятся къ одному и тому же подлежащему, а вмѣстѣ съ тѣмъ фраза вполнѣ ясна.

Неужели, мнѣ лошади говорили о Скѵѳскомъ обычаѣ? Неужели, мяли, гадили, утомляли въ той же фразѣ относятся къ одному и тому же подлежащему «лошади» или къ одному и тому же подлежащему «Скѵѳы»? Все дѣло въ томъ, что наше ухо не привыкло къ безличному виду глагола выраженному 3-мъ лицемъ единственнаго числа безъ мѣстоимѣнія ся; а вмѣстѣ съ тѣмъ мы приступаемъ къ объясненію древнихъ и трудныхъ памятниковъ какъ за дѣло не требующее спеціальнаго труда; понятно, что г. Буслаевъ при изданіи многочисленныхъ памятниковъ и при весьма обширныхъ и весьма почтенныхъ трудахъ на поприщѣ нашей словесности не имѣлъ досуга посвятить достаточное время для строгаго разбора памятника XII столѣтія.

Въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ изданныхъ И. И. Срезневскимъ «глаголетъ» и «пишетъ» не относятся къ одному и тому же подлежащему. «Глаголетъ» подразумѣвается Богъ, а «пишетъ» безличный глаголъ того же времени и подразумѣвается въ Писаніи.

Погод. Толк. Псал. а҃ (стр. 209.)
Живый на нбсехъ посмѣется имъ
и Гдь поражгается имъ.
вси ѥлико нбсныи оумъ имѫще. Хви ради вѣры
смѣются имъ и попираѭтъ. Уничежени бо
бышѧ по всеи земи:
Тъгда възглетъ к нимъ гнѣвомъ
своимъ и ѩростїѧ своеѧ смѧтетъ ѩ.
Тогда когда въ днь страшныи егда оузрѧтъ ха съ сла
воѧ и силами многами. тъгда смѧтѧтсѧ и страхо
мъ въстрѧсѧтсѧ. ѩрь бо имъ бѫдетъ и србгь.
азъ же поставенъ эсмъцръ ѿ него.
Глетъ бо всѧ властъ дастъ сноу своѥмоу.
Надъ Сиономъ горо ѧ стоѧ ѥго.
Въ Цркви ѩко же пишетъ на вѣрныихъ.
Възвѣщаѧ повелѣниѥ Гнє.

Пѣвецъ начинаетъ съ безличнаго вида «Боянъ бо вѣщій аще хотяше кому пѣснь творити то растѣкашется и т. д. Тутъ вставочная фраза для опредѣленія вымышленія Бояна. Опредѣливъ Бояновскую манеру, пѣвецъ совершенно правильно и согласно правиламъ и духу древнихъ и новѣйшихъ языковъ возвращается къ безличному виду глагола (помняшеть, пущашеть), предполагая что слушатели или читатели безъ особаго труда слѣдятъ за ходомъ мысли.—Древніе и даже Словѣне предпологали несравненно большую смѣтливость въ читателяхъ чѣмъ принято нынѣ; краткость рѣчи, до крайнихъ предѣловъ—манера весьма классическая. Но и нынѣ по приведенному мною примѣру дозволительно путать глаголы согласуя ихъ съ различными опредѣленными и неопредѣленными подлежащими.

Это запутанное согласованіе глаголовъ въ томъ же прошедшемъ видѣ имѣетъ право гражданства въ изысканной, отчетливой до нельзя, французской рѣчи и зачастую встрѣчается у лучшихъ Аттическихъ писателей; примѣровъ тому много и несравненно болѣе замыслова-

тыхъ въ грамматикѣ Matthaei. Еслибы даже Пѣвецъ Игоревъ не построилъ бы своего вступленія на трехъ безличныхъ глаголахъ (не лѣпо ли ны бяшеть, помняшеть, пущашеть, съ вводной фразой Боянъ бо вѣщій аще), а началъ бы свою пѣснь прямо:

Боянъ бо вѣщій аще кому хотяше пѣснь творити то растекашется и такъ далѣе. Помняшеть бо рѣчь... Тогда пущашеть десять соколовъ... то и въ этомъ бы случаѣ помняшеть и пущашеть были бы безличные виды. Съ каждымъ годомъ я все болѣе и болѣе убѣждался въ отмѣнной правильности изучаемаго мною поэта. Правило, утвердительно высказанное Ѳ. И. Буслаевымъ (I. 380) меня совершенно поколебало. Я не понялъ съ разу что это правило могло быть высказано въ популярномъ изложеніи, на память, не справившись съ текстомъ и не вникнувъ внимательно въ составъ разбираемой рѣчи. Сознавая всю силу авторитета подкрѣпляющаго толкованіе прямо противуположенное моему я счелъ необходимымъ представить читателямъ новый и подробный разборъ по поводу этого новаго для меня основнаго правила не стѣсняясь опасеніемъ наскучить повтореніями. Г. Буслаевъ (Историческіе очерки Рус. Нар. Словесности. Т. I. 1861) говоритъ не приводя текста и примѣровъ; этотъ способъ изложенія вліяетъ быстро на читателей, почти всегда готовыхъ принимать съ благодарностію готовыя воззрѣнія освобождающія ихъ отъ головоломнаго труда. Я сочту себя вполнѣ вознагражденнымъ если мнѣ удастся побудить двухъ или много трехъ читателей приняться за строгій разборъ, логическій и грамматическій, хотя бы одного вступленія пѣвца Игорева.

Мицкѣвичь Cours de Litterature Slave Paris 1860. p. 180.

Quant au Boïan dont parle le poéte on présume que c'etait un des chevaliers du Prince Russe. Le mot boï signifie la même chose que guerre, alors Boïan signifierait le guerrier. Plus tard on crut que ce Boïan devait étre la personification des contes populaires, car le mot Slave Baï signifie conte. Ce Baï est reprèsentè avec une casaque de paysans, des chaussures d'ècorce. Le paysan Slave, ayant de conter a l'habitude de regarder en l'air, de se tourner comme pour chercher l'inspiration, il dit alors: «Baï se promène sur le plafond, Baï se

promène sur les murs». Puis comme s'il le voyait réellement, il lui demande s'il faut conter ou non: «Baï czy ne baï».

Nous ne savons rien de plus sur cette divinité. Il est donc possible que ce nom de Boïan soit la personnification des contes et des chants populaires.

Эта лекція была читана 12 февраля 1841. Замѣчательно какъ столь простое, ясное и разумное объясненіе и мѣткая догадка геніяльнаго польскаго поэта брошенная съ каѳедры въ началѣ 1841 года не навела толкователей слова на истинный, торный и даже столбовый путь. Это объясняется рабскимъ подчиненіемъ основному правилу положенному вначалѣ нашего столѣтія ограничиваться при изслѣдованіи нашихъ древностей исключительно произведеніями родной почвы. Отъ этого правила предохранительнаго при начинаніи, пора бы отказаться Это правило пригодно только съ педагогической точки зрѣнія. Боязнь совершать промахи не должна бы кажется останавливать, ибо одинъ лишь тотъ никогда не ошибается кто ничего не дѣлаетъ. Иноземцы уже опережаютъ насъ въ изученіи нашего языка и народныхъ памятниковъ нашей словесности. Матеріалы собирали мы усердно и добросовѣстно но пора приняться и за разработку ихъ и дать имъ то значеніе въ наукѣ которое они дѣйствительно имѣютъ;—а это возможно только методомъ сравнительнымъ. При отсутствіи этого метода при всей любви нашей къ нашимъ древнимъ памятникамъ, они остаются переполненными описками и многими считаются за безсмысленные обломки.

А. Н. Пыпинъ (ученыя Записки II. отдѣленія И. Акад. Наукъ. Кн. IV, 1858) говоритъ на стр. 51. «Извѣстность Гомера въ средніе вѣка ограничивалась немногими Византійскими учеными, которые занимались объясненіемъ текста, а вмѣсто Гомера получили большой авторитетъ позднѣйшія иногда подложныя произведенія; между ними особенно важны сочиненія, приписанныя Дарету и Диктису, которыя въ одной передѣлкѣ дошли и до Русской литтературы».

На стр. 31 упоминается мною изданіе Иліады въ концѣ IX столѣтія сдѣланное извѣстнымъ преподавателемъ граматики въ Константинополѣ, Комитасомъ. На стр. 32 упомянуто о пространныхъ

стихотворнніяхъ Чечеса парафразировавшаго и дополнявшаго Гомера въ концѣ XII столѣтія.

Hugo Hinck издалъ въ 1873 году (Bibl. Teubneriana Polemonis declam. etc) ΙΣΑΑΚΙΟΥ ΤΟΥ ΠΟΡΦΥΡΟΓΕΝΝΗΤΟΥ περι των καταλειφθεντων υποτου ΟΜΗΡΟΥ και περι ιδιστητος και χαρακτηρων των εν τροια ελληνων τεκαι τρωων.

Это сочиненіе, упомянутое, у меня на стр. 32, содержитъ кажется достаточный намекъ на извѣстность Гомера въ XII столѣтіи. Чтобы знать чего нѣтъ у Гомера и что слѣдуетъ дополнить надобно предварительно хотя поверхностно ознакомиться съ тѣмъ, что у Гомера находится.

Кромѣ этого текста въ Палатинскомъ кодексѣ № 70 Ватиканской библіотеки сохранились того же Исаака Порфирогенита, Ε'ξήγησισ τῆς ἰλιάδος καὶ ὀδυσσείας ὁμήρου (foll 72^{v} — 73 ^{v}) и σημείωσαι τὴν ἄπασσαν διηγησιν τοῦ ὀδυσσέως ην περὶ αὐτοῦ διηγεῖται ὁ ὅμηρος (f. 73.^{v} — 77^{v}). Въ кодексѣ Ватиканскомъ 1098,2 (foll. 187^{v} — 202 ^{r}). Porphyrogeniti liber inter scripta theologica et philosophica legitur.

Это послѣднее замѣчаніе новѣйшаго издателя Исаака я привожу для повѣрки замѣчанія А. Н. Пыпина (стр. 53). «Въ упомянутомъ Архивномъ спискѣ Малалы XV-го вѣка, Троянская исторія помѣщена вслѣдъ за книгою Руѳи съ особеннымъ заглавіемъ, *неправильно* къ ней отнесеннымъ» (съ ссылкой на Врем. 9, стр. XXIX). Заглавіе перевода, сдѣланнаго Григоріемъ мнихомъ для князя Симеона Болгарскаго, приведено мной на страницѣ 56 и соотвѣтствуетъ тому мѣсту, которое Троянское сказаніе занимаетъ въ Ватиканскомъ кодексѣ.

Исаакъ Порфирогенитъ первый изъ Комненовъ (1057.—1059). Joly (1. 170, Note 1). «Isaac Porphyrogénète, quant il a quitté le trone pour le cloitre, amuse, ses loisirs à compléter les recits d'Homère». Но Исаакъ былъ не багрянородный, а потому Густавъ Körting полагаетъ что авторомъ былъ племянникъ его (1081—1118) сынъ Іоанна Комнена Куроплаты. Этого Исаака Севастократора но не Багрянороднаго называетъ племянница его Анна Комнена φιλολογώτατος что даетъ поводъ доктору Körting не безъ основанія предполагать что онъ и былъ авторомъ Троянскаго сказанія.

Въ Энциклопедіи Ersch und Gruber (II. 24), въ Pauly's Realencyklopädie (II, 567), и Vossius de Hist. gr. 517, и наконецъ Bernhardy (I, 651). предполагаютъ что авторомъ былъ Исаакъ Багрянородный (1143—1180) сынъ Императора Алексія I, братъ Анны Комненъ не упоминающей по замѣчанію д-ра Körting о литературныхъ занятіяхъ брата. Г. Пыпинъ напрасно намѣкаетъ, что Средневѣковые расказчики Троянскихъ сказаній ограничивались Даресомъ и Диктисомъ. Даресъ и Диктисъ служили для повѣрки, для критики и для плана изложенія—но средневѣковыя сказанія не сравненно подробнѣе. Iscanius хорошо знаетъ Овидія (Метаморфозы) и Статія; Albertus Stadensis умершій въ концѣ XIII столѣтія пользуется значительно Овидіемъ (Героиды) и много пользуется Гомеромъ по сокращенному переводу на Латинскій языкъ, извѣстному подъ именемъ Pindarus Thebanus. Konrad von Würtzburg въ концѣ XIII столѣтія несомнѣнно пользуется Овидіемъ и Статіемъ. Trojumanna Saga изданная Сигурдсзономъ въ Annaler for Nordisk Oldkyndighed 1848. въ коей Трояни названы Tyrken несмотря на то, что Сага строго придерживается Дареса но въ ней видно близкое знакомство съ Метаморфозами и Героидами Овидія и самимъ Гомеромъ. Dr. Herman Dunger (Die Sage vom Trojanischen Kriege. Leipzig 1869) заподозриваетъ прямое знакомство составителя Саги съ Греческимъ текстомъ. Въ сагѣ, Подалирій исцѣляетъ Пандара вмѣсто Махаона какъ у Гомера Ил. 4, 193. Сокращенный же Латинскій Гомеръ (Pind. Thebanus. 351) называетъ Пандора.

Г. Пыпинъ переноситъ мысль выработавшуюся весьма научно въ Германіи о малоизвѣстности Греческаго текста Гомера на западѣ, до XV столѣтія, на Греко-Словенскую почву и упускаетъ изъ виду что въ XII столѣтіи Греко-Славянамъ текстъ Гомера бытъ доступнѣе Латинскихъ текстовъ Дареса и Диктиса.

Нѣмецкіе изслѣдователи распространенія Троянскихъ сказаній въ средніе вѣка слишкомъ безусловно отвергаютъ знаніе Латинскаго языка Греческими писателями X—XII столѣтій, но между тѣмъ доказываютъ весьма основательно что Исаакъ Комненъ и Чечесъ не имѣли текстовъ Дареса и Диктиса ни Латинскихъ ни Греческихъ. Но Нѣмецкіе изслѣдователи ни мало не сомнѣваются въ близкомъ зна-

комствѣ Византійцевъ съ Гомеромъ и еще менѣе въ знакомствѣ ихъ съ Греческимъ языкомъ. Троянскія сказанія переработываются Византійцами въ объемѣ несравненно обширнѣйшемъ Дареса и Диктиса, — словенскія редакціи не менѣе подробныя, заимствовали изъ Греческихъ текстовъ то чего не существовало на Латинскомъ языкѣ. Словенскіе писатели на Дунаѣ были знакомы съ Латинскимъ языкомъ, но еще болѣе съ Греческимъ. Словари, парафразы, сокращенія, пополненія и схоліи къ Гомеру въ средніе вѣка необходимо составлялись съ какой нибудь практической цѣлью. Допуская схоліи, кажется необходимо *допустить* и изученіе Гомера.

А. Н. Пыпинъ говоритъ, что (стр. 94), «извѣстность Гомера у насъ очень сомнительна и нуждается въ доказательствахъ не смотря на слова Ипатьевской лѣтописи и переводчика посланія Леонта къ Флавіану».

Г. Пыпинъ замѣчаетъ что отсутствіе въ твореніяхъ Гомера словъ ему приписываемыхъ Ипатіевской лѣтописью уничтожаетъ всю силу этого свидѣтельства. Приговоръ строгъ но справедливъ; смиренный лѣтописецъ принялъ, изъ двухъ первыхъ Миѳологовъ одного вмѣсто другаго. Это тѣмъ болѣе простительно что ихъ древніе называли двоюродными братьями. Слова приводимыя выше (57) въ лѣтописи напоминаютъ слова Исіода. Труды и дни. ст. 364—366.

...Кривыхъ же приговоровъ совсѣмъ воздержитесь Себѣ самому злое готовитъ мужъ, другому злое готовя; Вредный совѣтъ совѣтчику наивреднѣйшій.

....σκολιῶν δε δικῶν ἐπὶ πάγχυ λαθεσθε
Οι τ αυτω κακα τεύχει ἀνηρ ἀλλα κακὰ τεύχων
Ἡ δὲ κακὴ βουὴ τῶ βουλεύσαντι κακίστη.

Κακη Βουλη; плохій совѣтъ, правильно переведено «лесть» — коварство, предательство, коварный совѣтъ. Въ Ипатьевской лѣтописи выраженіе это часто повторяется въ значеніи «прельщать, обманывать, коварствовать и предавать» подъ г. 1159: «и поѣха Берендичи и Торци, кричаче: къ Бѣлугороду. Изяславъ же урозумѣ лесть ихъ».... и подъ г. 1164 «Се же молвяше имъ лесть тая въ собѣ: бяше бо родомъ Гречинъ. Се же первое цѣлова Святаго Спаса, се же створи и злое преступленіе исписавъ грамоту и посла къ Всеволодичю». Подъ г.

1226. «Льстивому Жирославу рекшю къ Бояромъ Галичкымъ: яко идетъ Мстиславъ въ поле и хощеть вы предати тестеви своему Котяну на избитье.... Оттуда выгнанъ иде (Жирославъ) ко Изяславу: бѣ бо лукавый льстецъ нареченъ, и всихъ строптивѣе и ложь пламянъ,...: лъжею питашеся языкъ его, но мудростію возложаше ложь на лжю, красяшеся лестью паче вѣнца, лжеименецъ, зане *прелщаше* не токмо чюжихъ но и своихъ возлюбленныхъ». Пренебреженіе съ коимъ г. Пыпинъ относится къ показанію переводчика Леонтіева посланія, незаслужено и лишено научнаго основанія. Необдуманное внесеніе древняго показанія менѣе вредитъ наукѣ чѣмъ слишкомъ торопливое отрицаніе. А. Н. Пыпинъ отвергаетъ два древнія свидѣтельства о извѣстности Гомера въ Россіи, а текстъ Слова о П. И. считаетъ испорченнымъ Въ средневѣковыхъ Западныхъ сказаніяхъ о раззореніи Трои Гомеръ цитуется за частую. Незнаніе Греческаго языка на Западѣ, въ XII. вѣкѣ понятно. Знаніе онаго въ Россіи несомнѣнно и на оборотъ знаніе Латинскаго языка у насъ сомнительнѣе. Фактъ этотъ впрочемъ г. Пыпину, вполнѣ извѣстенъ какъ явствуетъ изъ его же словъ (стр. 25). «Несомнѣнны однако и прямыя отношенія нашей литературы съ Византійскою. Переводы съ Греческаго дѣлались и дома на Руси; языкъ этотъ былъ извѣстенъ многимъ; при томъ къ намъ постоянно собиралось много Греческихъ выходцевъ. Лѣтопись отмѣчаетъ иногда самые переводы, какъ фактъ любопытный; такъ въ Софійскомъ Временникѣ упомянуто о переводѣ поэмы Георгія Писида «Похвала къ Богу о сотвореніи всей твари». Въ соединеніи съ тѣмъ, что досталось намъ изъ Южнаго Славянскаго источника, Русская письменность обнаруживаетъ обширное знакомство съ разными отраслями Византійской Литературы, и теперь сохраняетъ многіе памятники неизвѣстные въ Греческомъ подлинникѣ». Канцлеры, нотаріусы, *печатники* и ихъ помощники должны были имѣть граматическое образованіе. Скромность переводчика Леонтіева посланія напоминаетъ Іордана (de Getarum sive Gothorum Origine et rebus gestis. rec. C. A. Closs. Stuttgartiae 1868, стр. 176 и 177, «Sciri vero, et Sadagarii, et ceteri Alanorum cum duce suo nomine Candac Scythiam minorem inferiorem que Moesiam accepere. Cujus Candacis Alanovamuthis patris mei genitor Paria, idest

meus avus, notarius, quousque Candac ipseviveret, fuit, eiusque germanae filius Gunthigis, qui et Baza dicebatur, magister militum, filius Andagis, filii Andalae, de prosapia Amalorum descendens. Ego item, quamvis *agrammatus,* Iordanis ante conversionem meam *notarius* fui».

Безграмотность Іорнанда не мѣшаетъ ему цитировать Виргилія (37). Не полагаю, чтобы можно было основательно предполагать что жители Россіи: Аланы ли, Словенѣ ли или Руссы съ VI столѣтія въ своемъ развитія шли бы ретрограднымъ путемъ.

Древній Русскій Лѣтописецъ внесъ подъ годомъ, 6579 фактъ весьма знаменательный о распространеніи въ южной Россіи духовнаго и ученаго вліянія Грековъ: «Въ си времена приде волхвъ, прелщенъ бѣсомъ; пришедъ бо Кыеву глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспять и землямъ преступити на ина мѣста, яко стати Гречески земли на Руской а Русьскѣй на Греческой, и прочимъ землямъ измѣниться; его же невѣгласи послушаху вѣрніи же насмѣхахуся, глаголюще ему: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ». Се же и бысть ему: въ едину бо нощь бысть безъ вѣсти.

Этотъ поборникъ и представитель народныхъ суевѣрій и стремленій мѣтко обозначилъ двойное движеніе совершавшееся между Греческимъ міромъ и Русскимъ.

Замѣчаніи на стр. 29, касательно Bisenzum принятое за Византію вмѣсто Besançon, относится къ поэмѣ Альбрехта «Alexander» упоминаемой на стр. 27. Точно также и неправильно мной обозначена Византія на страницѣ 29, гдѣ дѣло идетъ о поэмѣ Герборта фонъ Фрицларъ. У него идетъ рѣчь не о Византійскихъ компиляціяхъ о Троянской войнѣ, но о первоначальныхъ загадочныхъ Греческихъ текстахъ Дареса и Диктиса. На страницахъ 27 и 29 пропущена буква р въ имени Герборта.

На стр. 8 неправильно приведенъ 1-й стихъ изъ Nibelungen. Въ изд. Фридриха Zarncke Leipzig 1871: uns ist in alten maeren wunders vil geseit. На стр. 12 слѣдуетъ читать В'ауа вмѣсто В'уа и на стр. 32. Елена вмѣсто Елеона Прочіе опечатки будутъ тщательно исправлены по окончаніи изданія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОХОДЪ.

36 — 38. ТогдаИгорьвъзрѣнасвѣтлоесолнцеивидѣ отънеготьмоювсѧсвоѧвоѧприкрытыиречеИгорькъдру- жинѣсвоей.

§ 7. Передъ выступленіемъ въ походъ Игорь видитъ зловѣщее предзнаменованіе. По словамъ самой пѣсни нельзя заключать, что Игорь видѣлъ затмѣніе солнца. Эти слова свидѣтельствуютъ только о томъ, что при обозрѣніи войска, Игорь видѣлъ воиновъ своихъ покрытыхъ тѣнью ложащейся отъ солнца. Ученіе о свѣтѣ и тьмѣ какъ образахъ добра и зла существовало въ древнемъ языческомъ мірѣ. Въ Гомерѣ западъ, лѣвая и темная сторона суть однозначущи и суть стороны бѣдственныя, это ученіе Зороастра и часто встрѣчается въ Русскихъ и иностранныхъ лѣтописяхъ и другихъ средневѣковыхъ Европейскихъ памятникахъ. Тьма имѣетъ пагубное значеніе и въ Священномъ Писаніи: «абіе же по скорби дній тѣхъ солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего». Ев. отъ Матѳея. XXIV. 29. Въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, гдѣ описаніе похода Димитрія Донскаго, сдѣлано въ подражаніе слову о полку Игоревомъ находится противоположное сему мѣсто: «*а солнце со всхода свѣтитъ въ путь его*»....

Въ Лаврентьевской лѣтописи не упоминается, чтобы Игорь видѣлъ затменіе солнца при вступленіи въ походъ. Затменіе солнца упоминается въ томъ же году 1-го мая. Потомъ говорится о рожденіи Константина Всеволодовича 18-го того же мѣсяца мая и въ

слѣдъ уже за симъ событіемъ сказано, что «*того же лѣта сдумаша Олговичи внуци на Половци*». Въ кіевской лѣтописи: «*Идущимъ же имъ до Донцю рѣцѣ въ годъ вечерній, Игорь же возрѣвъ на небо и видя солнце стояще яко мѣсяцъ, и рече боярома: видете ли?.... они же поникоша главами, и рекоша: се есть не на добро. Игорь же рече: братіе и дружино! Тайны Божія никто же невѣсть, а знаменію Творецъ Богъ и всему міру своему, а намъ что сотворитъ Богъ, или на добро или на наше зло, а то намъ видѣти—и то рекъ перебреде Донецъ.... и приде къ Осколу и жда два дни брата*». Кажется нигдѣ не говорится, чтобы Игорь вступилъ въ походъ и даже достигъ Донца и Оскола 1-го мая, день затменія солнца. И въ Кіевской лѣтописи рѣчь идетъ не о затменіи солнца, Игорь по Кіевской лѣтописи видѣлъ около Донца заходящее солнце въ туманѣ безъ лучей, вѣроятно красное и тусклое, на подобіе луны. Подобное знаменіе описываетъ Несторъ по Лавр. сп. подъ год. 6572. «Солнце безъ лучь сьяше, се же проявляше крамолы, недузи, человѣкомъ умертвіе бяше». Знаменіе описываемое въ пѣснѣ и знаменіе описываемое въ Кіевской лѣтописи различны: первое знаменіе упоминаемое въ пѣснѣ *замѣчено* Игоремъ по сю сторону Курска, а второе упоминаемое въ лѣтописи *явилось* въ то время, какъ войско приближалось къ Донцу. Кромѣ различія времени затменій описываемыхъ въ пѣсни и въ лѣтописи находится различіе весьма существенное между самими знаменіями: при обозрѣніи войска Игоремъ въ пѣснѣ не упоминается о знаменіи въ солнцѣ, а единственно что войско находилось въ тѣни. Принятіе же обоихъ знаменій изслѣдователями за одно и тоже, есть слѣдствіе пренебреженія къ строгому и прямому смыслу текста. Признакъ упоминаемый въ пѣснѣ указываетъ только на то, что преобладаніе тьмы надъ свѣтомъ соотвѣтствуетъ преобладанію зла надъ добромъ, какъ то весьма ясно выражено въ самой пѣсни. Всѣ предметы и мѣста, куда не проникаютъ лучи солнечные, становятся принадлежностію вражьей силы, т. е. тьмы и матеріи, по ученію Зороастра и Гностиковъ. Также точно и самые лучи по мѣрѣ того, какъ они проникаютъ въ области мрака или матеріи, теряютъ силу свою и подпадаютъ подъ вліяніе вражьей

силы, подъ этимъ вліяніемъ находится войско Игоря при выступленіи въ походъ. Въ пѣснѣ послѣ пораженія ясно обозначено торжество тьмы надъ свѣтомъ: «на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла уже снесеся хула на хвалу уже връжеся дивъ на землю». Упоминаніе дива въ сей пѣснѣ прямо указываетъ на сродство Русскаго эпоса съ Персидскимъ баснословіемъ (сравни касательно Дива въ Herbelot sub. V. Surkragh.).

39—43. Братїеидрꙋжинолꙋцежѣбыпотѧтꙋбытинеже полоненꙋбытиавсѧдемъбратїенасвои бръзыѧ комони да позримъсинегоДонꙋ.

§ 8. Игорь объявляетъ дружинѣ, что не смотря на дурное предзнаменованіе, плѣнъ будетъ хуже смерти, а посему должно идти на Половцевъ. Онъ объясняетъ необходимость похода тѣмъ, что если Русскіе не пойдутъ на Половецкую землю, то Половцы сами пріидутъ полонить Русь. Но лѣтописцы не раздѣляютъ мнѣнія Игоря, они укоряютъ его за необдуманное предпріятіе согласно съ упреками Святослава въ сей пѣснѣ 340—344.

Это объясненіе необходимости похода согласно съ рѣчью Владиміра Мономаха въ пользу похода противъ Половцевъ, упоминаемою въ Лаврентьевской лѣтописи въ лѣто 6611. «Богъ вложи въ сердце «княземъ Русскимъ мысль благу, Святополку и Володимеру, и снястася думати на Долобьскѣ; и сѣде Святополкъ съ своею дружиною, «а Володимеръ своею въ единомъ шатрѣ. И начаша думати и глаголати дружина Святополча: «яко негодно нынѣ веснѣ ити, хочемъ погубити смерды и ролью ихъ». И рече Володимеръ: «дивно «ми, дружино, оже лошадій жалуете, ею же то оретъ; а сего чему «не промыслите *оже то начнетъ орати смердъ, и пріѣхавъ* «*Половчинъ ударитъ и стрѣлою*, *а лошадь его поиметъ, а въ* «*село его ѣхавъ ѣметъ жену его и дѣти его и все его имѣнье?* «то лошади жаль, а самаго не жаль ли?» И не могоша отвѣщати «дружина Святополча, и рече Святополкъ: «се азъ готовъ уже», и «вста Святополкъ; и рече ему Володимеръ: то ти брате велико добро «сотвориши землѣ Русскѣй».

Рѣчь Игоря дружинѣ вообще совершенно согласна съ рѣчами Князей встрѣчающимися въ лѣтописяхъ. «Въ Лаврент. лѣтоп. подъ год. 6742. «И заутра Князь Юрьи созва люди: «братья Володимерци! затворимся въ градѣ негли отбъемся ихъ». Въ Харат. Паремейникѣ: «и созва (Ярославъ) Новгородцѣ, и рече имъ: «братья моя милая»; и выше въ выпискѣ изъ Лаврент. лѣтописи; а также и выраженія «потяту» и «комони»: «онъ же извлекъ мечь и *тя* его и *потя* конь подъ нимъ». (Волын. лѣтоп. пр. 176 къ III Т. И. Г. Р. К.), «И рекоша Угре: мы гостіе твои есмы а *комонь* подъ нами» (Кіев. лѣт. пр. 332 къ II Т. И. Г. Р. К.) «изъ Чехъ же и изъ Угровъ сребро и *комони*» (рѣчь Святослава о столицѣ Болгар. по Пушкин. и Троиц. лѣт.).

44—46. СпалаКнѧзюꙋмьпохотиижалостьемꙋзнаменіезастꙋпиискꙋситиДонꙋвеликаго.

§ 9. Пояснительное замѣчаніе пѣвца, что сильное желаніе ознаменовать свое торжество побудило Игоря пренебречь зловѣщимъ знаменіемъ, хотя ему при видѣ сего знаменія и пришла на умъ мысль о женѣ его.

Умь винительный падежъ съ опущеніемъ предлога, какъ тому много примѣровъ въ лѣтописяхъ, особенно же въ самой пѣснѣ (сравнить въ началѣ слѣдующаго §). Кажется нѣтъ примѣровъ, дозволяющихъ предполагать, что бы «*умь*» было здѣсь именительный падежъ женскаго рода въ значеніи мысль. Въ этомъ случаѣ «похоти» родительный падежъ. Принятіе слова «похоти» за именительный падежъ, также не имѣетъ подтвержденія въ древнихъ Словенскихъ и Русскихъ памятникахъ—извѣстно только одно слово мати—оканчивающееся въ именительномъ падежѣ единственнаго числа на *и*, и въ Чешскомъ языкѣ, кромѣ «*мати*» слово *хоти*. Это окончаніе на *и*, кромѣ словъ мати и хоти совершенно *) утра-

*) „Пустыни“, употребленное въ именительномъ падежѣ встрѣчается у Митроп. Илларіона Кіев. Шевыревъ поѣз. въ Кирил. Бѣлоз. мон. Ч. II, стр. 42: „прилѣпись пустыни яко младенецъ любимѣй матери: мати бо млекомъ воздоитъ отроча свое: *пустыни* же душю твою напоитъ разума

тилось въ Словенскихъ языкахъ и этотъ первоначальный видъ сокращеннаго вида на ъ не встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ Словенскихъ, хотя по теоріи, его существованіе несомнѣнно. Но есть другое объясненіе слову похоти, по которому настоящую фразу пѣсни должно читать такъ: «спала князю умь по хоти», что означаетъ воспоминаніе Игоря о супругѣ его По сему объясненію «спала Князю умь по хоти», выражаетъ что Князь при видѣ знаменія хотя и вспомнилъ (спала умь) о женѣ своей (по хоти), но сильное желаніе ознаменовать побѣду на Дону заступило ему знаменіе. Это объясненіе весьма основательно, ибо вполнѣ согласуясь съ правилами Словенской грамматики, оно совершенно согласно съ душевными наклонностями человѣка. **

Жалость, состраданіе, употреблено здѣсь въ значеніи однороднаго съ нимъ выраженія: «*желаніе*» aiguillon, жало, сильное побужденіе.

По праву свободнаго словосочиненія смыслъ не довольно ясенъ съ перваго взгляда, тогда какъ при болѣе правильномъ распредѣленіи словъ недоразумѣніе исчезаетъ: «Спала Князю (на) умь по хоти, (о женѣ)—и жалость искусити Дону великаго ему знаменіе заступи». Подобное сокращеніе выраженій и перестановка словъ совершенно согласно съ духомъ Словенскаго и вообще древнихъ языковъ:

«И вложи ему Богъ въ странство поити». Лѣтоп. Рус. Царей Свят. Сбор. «а пало молодцу на умъ несщастіе великое, что ему добрый конь наказывалъ на литовскомъ рубежѣ» Рус. Др. ст. Кирши Данилова Москва 1818 стр. 380.

47—50. Хощѹборечекопїеприломитиконецьполѧпо-ловецкагосъвамирѹсицихощѹглавѹсвоюприложитиалю-боиспитишеломомьдонѹ

§ 10. Новое воззваніе Игоря къ войску. «*Конець*» винительный падежъ съ опущеніемъ предлога «*о*».—Такъ въ сокр. Новг. лѣт. изд. Кн. Оболенскимъ подъ год. 998. «А Святую Софею за-

Божія". Если *пустыни* не описка, то здѣсь звательный падежъ вмѣсто именительнаго, что согласно съ духомъ Словенскаго языка и Греческаго.

**) Это замѣчаніе сообщено мнѣ А. Н. Поповымъ.

ложи дубову, *конецъ* пискупли улицѣ». «Дондеже положу врага твоя *подножіе* ногъ твоихъ. Глава в̃ дѣяній св. Апостолъ. Это выраженіе сходно съ Французскимъ выраженіемъ rompre une lance, но лишь весьма поверхностно. Впрочемъ, даже, если бы выраженіе Русское вполнѣ соотвѣтствовало Французскому выраженію, то все таки не было бы причины сомнѣваться въ подлинности Слова о Полку Игоревѣ или сего мѣста. Напротивъ того употребленіе оборота, несохранившагося въ общемъ употребленіи народа, но согласнаго съ духомъ времени самого событія, скорѣе есть доказательство подлинности текста. Здѣсь Игорь выражаетъ свою непреклонную волю и объявляетъ, что онъ рѣшился или восторжествовать надъ Половцами, или сломить свое копье о предѣлъ ихъ земли и положить свою голову.

А любо могло быть принято въ значеніи, «а пріятно» согласно съ выраженіемъ Псковской лѣтописи подъ годомъ (988) стр. 4, (изд. Погодина), «и есть ми *любо* вѣра ваша и служеніе», но выраженіе это соотвѣствуетъ нынѣшнему либо, согласно съ Лаврентьевскою лѣтописью подъ год. 6601 (изд. Археогр. Ком.) на послѣдній строкѣ 96 стр. «а́ нонѣ пойдита противу поганнымъ, *любо* съ миромъ, *любо* ратью». Подъ год. 6605, «*да любо налѣзу себѣ славу, а либо голову свою сложю за Русскую землю*». (Василько).

«А чи будетъ ли мужь княжь или тіоуна княжа: ачи будетъ горожанинъ, *либо* гринь, *любо* купечь, *любо* тіоунъ боіарескъ, *любо* Словенинъ, то м̃ гривнъ положити за нь». Русская Правда. Изъ сего примѣра видно, что *либо* и *любо* издревле были употребляемы въ одномъ значеніи (срав. libet и lubet—libens и lubens).

Испити шеломомъ Дону—есть знамснованіе побѣды надъ Половцами: такъ знаменовалъ свою побѣду Владиміръ Мономахъ: (Ипат. Л. 6709) «*пилъ золотомъ шеломомь Донъ пріемши землю ихъ всю*». Подобное ознаменованіе подвига и торжества и вѣроятно побѣды, должно существовать и нынѣ у Кавказскихъ племенъ, сохранившихъ столь много обычаевъ, временъ рыцарскихъ и героическихъ. Покойный Флигель-Адъютантъ Ханъ-Гирей разсказываетъ (Біографіи знаменитыхъ Черкесовъ и очерки Черкес. нравовъ и преданій. Кав-

казъ, № 47 22-го Ноября 1847 г.), что горецъ Беслиней Абатъ, прiѣхавшiй въ Петебургъ и проѣзжавшiй съ нимъ около Невы, остановивши коляску, выскочилъ, чтобы напиться въ Невѣ. Онъ объяснилъ Ханъ Гирею свое побужденiе тѣмъ, что «ни отецъ его, какъ его не хвалили, и ни одинъ изъ предковъ его не пилъ Невской воды».

51 — 58. Обоѧнесоловїюстараговременибытысїаплъкы ущекоталъ скача славїю помыслену древу летаѧумомъ подъоблакысвиваѧславыобаполысеговременирищавъ тро путроѧнючрезъполѧнагорып'ѣтибылоп'ѣсьигореви того внуку.

§ **11** Сожалѣнiе пѣвца, что не поэту по преимуществу дано воспѣвать Игоря потомка Троянова и свивать славу его со славою его предковъ. Это одно изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ Слова о пълку Игоревѣ, по сходству сего возванiя къ соловью Баяну съ воззванiемъ хора въ Еврипидовой трагедiи «Елена» къ соловью Гомеру:

тебя, (ту), сѣньми, подъ древочащными
1107. σε τὰν εναυλείοις ὑπο δενδροχόμοις
храмахъ и престолахъ возсѣдающую взываю,
1108. μουσεῖα καὶ θακους ενιζουσαν αναβοασσω
тебя (ту) голосистую
1109. σε ταν αοιδοταταν
птицу, сладкозвучнаго соловья слезистаго
1110. ὄρνιθ, μελωδον ἀηδονα δακρυοεσσαν
прiиди о чрезъ громкiе (желтые) клювы щекотающая
1111. Ελθ ε διὰ ξουθαν γενυων ελελιζομενα
воплямъ моимъ сотрудникъ
1112. θρήνοις ἐμοῖ; ξυνεργος
Елены мрачной труды
1113. Ελενας μελεας πονους
(тотъ) солнцевичей же пою-

111. τον Ιλιαδων τ' αει-
щая плачевный трудъ
1115. δουσα δακρυοεντα πονον
Ахеянъ подъ копьями
1116. Αχαιῶν ὑπο λογχαις.

Кромѣ буквальнаго сходство сихъ возваній къ Гомеру, разительно самое сходство положеній сопряженныхъ съ сими воззваніями. Воззваніе хора въ Еврипидовой Еленѣ къ Гомеру соединено съ сѣтованіемъ на причины кровопролитья, распрей, войнъ между людьми и на ихъ бѣдственныя послѣдствія.

Въ словарѣ свѣтскихъ писателей Митрополита Евгенія по неоконченному изданію Г-на Снѣгирева сказано, что Боянъ названъ «славіемъ подобно жрецу Богомилову въ Іоакимовомъ отрывкѣ: прозванія сіи сходны съ встрѣчающимся у Гомера въ Одиссеи I. 34 (9) 'ανηρ 'αλφηστης и у Еврипида ἀηδων какимъ именуется Паламенъ (?) Въ изданіи Г. Погодина это мѣсто выпущено. Случайныя сходства встрѣчающіяся въ твореніяхъ писателей, не имѣвшихъ вліянія одинъ на другаго слишкомъ часты, чтобы возможно было съ перваго взгляда утверждать, что возваніе пѣвца Игоря сдѣлано въ подраженіе Еврипиду. Однако при сближеніи другихъ выраженій вполнѣ согласныхъ съ Еврипидомъ и при единствѣ лицъ (Гомеръ и Елена) къ коимъ сіи выраженія относятся, трудно сомнѣваться, что пѣвецъ Игоревъ не имѣлъ въ виду Трагедію Еврипида «Елена». Глубокое изученіе Гомера и Троянскихъ сказаній въ XII столѣтіи объясняетъ литературное вліяніе Еврипида на нашего пѣвца. Съ другой стороны и оба могли имѣть общій источникъ развитія Троянскихъ сказаній, упоминаемый Филостратомъ (heroica) и въ Русской сказкѣ о семи Семіонахъ. Объ этомъ общемъ источникѣ составленія Троянскихъ сказаній будетъ говорено въ § 55. Прежде всего должно разсмотрѣть, упоминаемое въ настоящемъ § выраженіе «*Трояню*» относится ли оно къ Троянамъ воспѣтымъ Гомеромъ, и до какой степени основательны объясненія сего выраженія предъыдущихъ изслѣдователей.

«Четыре раза упоминается въ сей пѣснѣ о Троянѣ, т. е. тропа Троня, вѣчи Трояни, земля Трояня и седьмой вѣкъ Трояновъ: но

кто сей Троянъ, догадаться ни по чему не возможно». Прим. 3-е первыхъ издателей, въ перевомъ изд. 1800 г. перепеч. въ соч. и перев. изд. Академіей. С.-Петебургъ. 1805 г.

Н. М. Карамзинъ, примѣч. 69, къ I-му тому Истор. Гос. Рос., замѣчаетъ:

«Въ *Словѣ о Полку Игоревѣ*, произведеніи XII вѣка (см. сей Исторіи т. Ш, въ статьѣ о нашей древней словесности), говорится *о сѣчахъ* (а не вѣчахъ, какъ напечатано) Трояновыхъ, *о тропѣ* его и *седъмомъ вѣкѣ Трояновомъ*, въ которомъ жилъ Полоцкій Князь Всеславъ. Извѣстна Via Traiani, изображенная на Сульцеровой картѣ Валахіи: сія via, дорога или *тропа*, простирается отъ береговъ Дуная до Прута, и далѣе на востокъ по южной Россіи. Отъ временъ Трояна до Всеслава прошло гораздо болѣе *семи* вѣковъ; но 1) лѣтосчисленіе народа безграматнаго не бываетъ вѣрно; 2) сочинитель Слова о Полку Игоревѣ могъ также ошибиться, или 3) число *семь* описка».

Въ примѣчаніи 29, изданія Граматина. Москва, 1823 г. приведено замѣчаніе Н. М. Карамзина касающееся преимущественно Троянъ пополненное длиннымъ разсужденіемъ (стр. 102 — 122 о первыхъ мѣстахъ жительства Славянъ съ доказательствами, основанными на употребленіи въ Словѣ о Полку Игоревѣ сего названія. Вотъ для примѣра краткая выписка (стр. 103 и 105):

«Н. М. Карамзинъ не сказалъ только, что такое *земля Трояновa:* но это есть Дакія, которую Славяне *видно* такъ называли отъ имени ея завоевателя; но авторъ не зная настоящихъ ея границъ, распространилъ ее до самаго Дона. Слѣдственно въ началѣ II-го вѣка (Траянъ царствовалъ 98—117 г. по Р. Х.). Славяне жили уже въ Дакіи, гдѣ вѣроятно вмѣстѣ съ Гетами вели сіи несчастныя войны противъ Римлянъ, продолжавшіяся пять лѣтъ, и столь памятныя для нихъ, что они считали, *видно*, годы съ сей пагубной для нихъ эпохи. *Симъ удовлетворительно объясняется* явное и большое сходство Славенскаго языка съ Латинскимъ и Нѣмецкимъ».

Это объясненіе примѣнено къ тексту пасторомъ Зедергольмомъ, который кажется старался одинъ осмыслить симъ объясненіемъ

мѣста въ Слов. о пол. Игор., въ коихъ встрѣчается имя Троянъ, и принято кажется всѣми позднѣйшими изслѣдователями Слова.

Das Lied vom Heereszuge Igors übers. v. Pastor Sederholm, Moskau. 1825. стр. 42—44. Пр. 14.

Взятое отдѣльно замѣчаніе это весьма основательно, ибо весьма вѣроятно сочинителю Слова о полку Игоревѣ извѣстны были многія урочища носящія имя Императора Траяна, въ странахъ прилежащихъ къ Дунаю; тѣмъ болѣе что дорога Траянова упирается въ желѣзныя ворота, о коихъ упомянуто въ пѣснѣ, и гдѣ находится памятникъ Траяновъ. Но оно не должно быть примѣнено къ Сл. о полк. Игор., ибо оно въ немъ ничего не объясняетъ. Вездѣ, гдѣ встрѣчается слово *Троянъ*, и послѣ сего объясненія смыслъ остается запутанный и неполный. Въ случаѣ, если значеніе это было бы несомнѣнно, то необходимо было бы сдѣлать много исправленій или пополненій въ текстѣ и даже вовсе исключить многія мѣста, по явной въ томъ случаѣ ихъ запутанности и испорченности.

Поэтъ очевидно увлекается въ нихъ восторженнымъ воодушевленіемъ и очевидно считаетъ на восторгъ слушателей. Принявъ же что Слово Троянь есть слѣдъ побѣдъ на Дунаѣ Траяна и даже послѣдующихъ Римскихъ Императоровъ, всѣ воспоминанія въ пѣснѣ о полк. Игор. принадлежащія сюда вовсе незнаменательны, и въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ, никогда оными быть не могли; ибо они обозначаютъ лишь эпоху и мѣстность: о знаменательныхъ же событіяхъ, совершенныхъ на той дорогѣ и въ ту будто бы ошибочную эпоху, остается предполагать, что они обозначены будто въ утраченныхъ мѣстахъ пѣсни, въ коихъ именно и заключался весь ихъ интересъ. Кромѣ того должно бы еще предполагать, что во время Игоря существовало общеизвѣстное и общезанимательное преданіе или современное событіе, связанное съ этой эпохой и этой мѣстностію, не оставившее въ себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ ни въ Русскихъ ни въ иностранныхъ лѣтописяхъ, ни въ письменныхъ и изустныхъ свидѣтельствахъ всего времени, протекшаго отъ Императора Траяна до насъ. Но столь бѣглый намекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ столь значительный, по одушевленію поэта во

всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ упоминаетъ Баяна и Троянъ, могъ лишь ссылаться на сказаніе всемірное по своей извѣстности.

Событіе, на которое ссылается нашъ пѣвецъ, славилось во всѣ вѣка и у многихъ народовъ Азіи и Европы. Объ изученіи сказаній о Троѣ, уже упомянуто выше; здѣсь остается припомнить о всеобщемъ расположеніи во всѣ вѣка свивать славу своего племени съ славою Троянъ. *Тропа* Трояня значитъ возвратный путь Троянъ, τροπη возвратъ, — отъ сего и тропинка — слѣдъ проложенный на горѣ и возвращающійся на себя.

«*Тропа*» выражаетъ совершенно правильно мысль Пѣвца, ибо вызывая Гомера воспѣвать Троянскихъ внуковъ и свивать современную славу потомковъ съ славою предковъ, поэтъ имѣетъ въ виду событія ознаменовавшія переходъ Троянскихъ племенъ на берега Адріатическаго моря, Дуная и Чернаго моря.

Того внуку — значитъ Трояня внуку. *Того Олега внука*, есть исправленіе первыхъ издателей. Начиная съ Грековъ связывавшихъ исторію своихъ городовъ и племенъ съ преданіями о богахъ и герояхъ и представлявшихъ розняліяся между собою сказанія, каждый въ пользу своего города, священные, народные, и ученые памятники письменности свидѣтельствуютъ о семъ всеобщемъ стремленіи. Творенія Павзанія, Страбона, Діодора Сицилійскаго полны сихъ розняшихся преданій. Для насъ особенно важны свидѣтельства о вѣрованіяхъ преимущественно принадлежащихъ берегамъ Чернаго моря, Босфора, Пропонтиды и Гелеспонта. Здѣсь именно находимъ мы сильнѣйшее почитаніе Гомера и его героевъ, въ особенности же Ахилла и Елены двухъ главныхъ виновниковъ паденія Трои; Иліада и Троянская война и всѣ о ней преданія, имѣютъ свое начало въ яблокѣ, брошенномъ при свадьбѣ Пелея, отца Ахиллова, съ Ѳетисой, и яйцѣ высиженномъ Лидой, матерію Елены. Въ продолженіи сего изслѣдованія упомянуто будетъ подробно о поклоненіи Ахиллу и Еленѣ на Черномъ морѣ, въ южной Россіи.

Согласное сему направленію мы видимъ и въ народныхъ и ученыхъ сказаніяхъ Римлянъ, свидѣтельствующихъ о ихъ Троянскомъ происхожденіи. Что преданіе это не составлено въ блестящую эпоху

Рима и не было единственно принадлежностію одной фамиліи или лишь правительствомъ признанное составленіе героической родословной, но древнее и народное преданіе, на это указываютъ изслѣдованія Діонисія.

Современникъ Страбона, и имъ съ уваженіемъ упоминаемый между замѣчательными людьми родившимися въ Галикарнасѣ, Діонисій, профессоръ поэзіи и краснорѣчія въ Римѣ, почерпавшій во время долголѣтняго пребыванія своего въ семъ городѣ свѣдѣнія о древней исторіи Рима на мѣстѣ, и собиравшій съ трудолюбивымъ и просвѣщеннымъ рвеніемъ преданія, сохранившіяся отъ глубокой древности, распространяется о Троянскомъ происхожденіи Римлянъ и приводитъ много подробностей о переселеніи Енея, прибытіи его въ Италію и указываетъ на священные памятники и обряды, мѣстныя названія (§ 45—95, 1—ой книги его Римской Археологіи) во Ѳракіи, Греціи, Сициліи и Италіи, подтверждающія преданіе объ Енеевомъ переселеніи. Страбонъ говоритъ о родствѣ Римлянъ съ Троянами и Юлія Кесаря съ Енеемъ, какъ о предметѣ неподлежащемъ сомненію. Онъ упоминаетъ (кн. XII, § I) о расположеніи Александра къ Иліонцамъ, также ради родства своего съ ними по Эакидамъ и Андромахѣ, и о юношескомъ рвеніи, съ коимъ Юлій Кесарь оказывалъ благодѣянія Иліонцамъ какъ поклонникъ Александра, частію же и потому *что имѣлъ какъ Римлянинъ и какъ Юлій яснѣйшія доказательства своего съ ними родства*. (Страбонъ кн. XIII § 1).

Указанія Діонисія на древнія прорицалища, священные обряды и па древнихъ стихотворцевъ, не дозволяютъ сомнѣваться, что преданіе сіе въ самомъ дѣлѣ принадлежало глубокой древности и было очень распространено.

Аппіанъ (междоусоб. войны кн. II, гл. 68) показываетъ какъ глубоко Юлій Кесарь вѣрилъ въ свое происхожденіе отъ Енея и Ила. На канунѣ Фарсальской битвы, въ полночь, при жертвоприношеніи, Юлій Кесарь призывалъ Марса и родоначальницу свою Венеру и обѣщалъ поставить храмъ въ Римѣ Енею и сыну его Илу.

Преданія о происхожденіи отъ древнихъ Героевъ замѣтны также и въ отдѣльныхъ родахъ, такъ напримѣръ: родъ Маміевъ считалъ своимъ родоначальникомъ Улисса, а весьма уважаемый и добросовѣ-

стный Христіанскій писатель Synesius весьма серьозно велъ родъ свой отъ Геркулеса, ссылаясь на городскія Архивы.

Памятники Этрусковъ свидѣтельствуютъ сколь жизнь ихъ была связана съ воспоминаніями о Троѣ. Троянскія изображенія такъ часто повторяются на Этрускихъ памятникахъ, что эти воспоминанія считаются народными.

Страбонъ говоритъ весьма утвердительно о происхожденіи Венетовъ отъ Пафлагонянъ.

Любовь къ баснословнымъ преданіямъ и соревнованіе древнихъ въ соглашеніи исторіи своего племени и своего города съ сказаніями о богахъ и герояхъ, развивались сильнѣй по мѣрѣ того какъ древній міръ старѣлъ и предугадывалъ свое близкое паденіе Въ послѣднихъ дняхъ своихъ онъ съ нетерпеливымъ и лихорадочнымъ жаромъ старался однимъ взоромъ окинуть свои дѣтскіе годы и возвратиться къ вѣрованіямъ юности. Всѣ писатели, передававшіе намъ описанія и изслѣдованія о вѣрованіи, обычаяхъ, памятникахъ и историческихъ мѣстностяхъ принадлежатъ къ этоту періоду. Павзаній посѣщалъ уже развалины древняго міра, Филостратъ старался возпламенить потухшій огонь. Грезы умирающаго міра отразились сильно на поколѣніяхъ стремившихся на поприщѣ жизни съ новыми и враждебными желаніями и надеждами; а посему первые писатели новаго міра и продолжаютъ труды своихъ языческихъ предшественниковъ.

Излишне было бы разсматривать здѣсь исторически, вѣрно ли мнѣніе о единоплеменности Троянъ и Словенъ и о происхожденіи Русскихъ Князей отъ Дарданидовъ; для объясненія поэта достаточно замѣтить, что мнѣніе это согласно съ общимъ стремленіемъ его времени:

Франкскіе историки: Grégoire de Tours, Fredégar, Roricon, Nicolas de Senlis и многіе другіе ведутъ родъ Франковъ отъ Троянъ. Сидоній Аполлинарій, Епископъ Клермонтскій, въ концѣ V-го столѣтія свидѣтельствуетъ что Арверны издревле считати себя потомками Троянъ. Въ современной походу Игореву Кейзеръ хроникѣ изд. Массманомъ (Bibl. der gesam. Deut. Nat. Litt. IV. B. 1. Abth 1849), упоминается о происхожденіи Франковъ отъ Троянъ.

Cêsar begonde dô nâhen
zuo sinen alden mâgen,
zuo den Franken den vil edelen.
ir biderbe vorderen
Komen von Trôje der alten
die die Kriechen zervalten.
Ob irz gelouben wellet,
So wird in hie gezellit
wie des herzogen Ulixes gesinde
ein Ciclops vraz in Sicilje;
daz Ulixes mit einme spieze rachs
do er slâfende im sîn ouge ûz stach.
Sîn geslehte in dannoch
was in dem walde alsô hôch
sam die tanboume.
An der stirne habeten sie ein ouge,
nîc hât sie got von uns virtriben hinnen
in daz gewelde ienhalp Inden
Trôjâni vuoren in dirre werlde
wî tene irre after lande
unz Elenus ein virhertir man
des kuonen Hectors witiwen gnam
mit der er zuo kriechen
besaz sînre vî ande rêche.
Antênôr vuor dannen,
dô Trôie was zegangen
er stifte Mandouwe
und ein ander, heizid Padouwe.
Enêas irvaht rômesc lant
da er eine sû mit drîzic wîzin jungen vant
Franke gesaz mit den sînen
niden bîme Rîne.

И въ Норманскихъ и въ Германскихъ древнѣйшихъ поэмахъ являются герои Троянскаго происхожденія: Гагенъ въ Нибелунгахъ и въ Валтерѣ Аквитанскомъ; а въ поэмѣ «*Брутъ*» родъ Англійскихъ королей ведется отъ Троянъ. Вообще во всей Западной Европѣ долго преобладало, даже до XVIII столѣтія, стремленіе вести Королевскіе и дворянскіе роды отъ героевъ Трои. Въ хроникѣ Кадлубка также находится Словенская родословная, включающая въ себя Енея (Vinc. Kadlubke et Martinus Gallus cum 2. anon ex Ms. B. Ep. Heilsb. ed. Gedani 1749): «Ortum sive originem Polonice gentis

ab inicio mundi ut ex multis historicis scripturis comperi, compendiose statui describere. Sciendum est autem ante omnia, quod Poloni ab Iaphet, qui fuit filius Noe, sunt exorti, cui dum pater benedixit, sancto spiritu instigante intonuit. dilatet deus Iaphet. His Iaphet habuit multos filios, quos genuit. Unum habuit, cujus nomen erat Jawan, quem Poloni vocant Ywan. Ywan autem genuit Philaram, Philara autem genuit Alan, Alan autem genuit Anchisen, Anchises autem genuit Eneam, Eneas autem genuit Ascanium, Ascanius autem genuit Pamphilum, Pamphilus autem genuit Reasilivam, Reasiliva autem genuit Alanum, Alanus autem, qui primus Europam intravit, genuit Negno; Negno autem quatuor filios habuit, cujus filius primo genitus Wandalus, a quo Wandalite, qui Poloni nunc dicuntur, orti sunt.

Упоминаемое въ Кадлубкѣ родство Юлія Цезаря съ родомъ Попеловымъ (Publius, Πορπιλιος) вѣроятно тѣмъ же, о коемъ упоминается и въ Судѣ Любушиномъ. Произведеніе Князей Русскихъ отъ Прусса брата Юлія Кесаря или отъ *Публіа Либона* Князя Римскаго, согласуются между собой, что касается до именъ. Родъ «Libo» происходилъ отъ рода «Iulus» сына Асканія и внука Енея, а отъ Libo родъ Caesar. Родъ «Caesar» прекратился въ лицѣ славнаго Диктатора; но извѣстно, что было много неизвѣстныхъ отраслей рода «Iulus», а по сему и составленіе родословной сей не такъ безразсудно, какъ это кажется Татищеву. Весьма вѣроятно родословныя составляемы были издревле (по крайней мѣрѣ съ XII-го стол.) на основаніи преданія, упоминаемаго въ Далматской хроникѣ о переселеніи изъ Хорватіи на Сѣверъ трехъ братьевъ Руса, Чеха и Леха, родственниковъ Императора Юстиніана. Составители родословныхъ, по незнанію или съ намѣреніемъ могли предполагать, что Императоръ и Кесарь Юстиніанъ былъ изъ рода Юлія Кесаря.—Происхожденіе отъ Юстиніана даже, если бы родословная была и исторически вѣрна, не могло быть въ то время удовлетворительнымъ;—ибо одна изъ главныхъ причинъ побуждавшихъ въ средніе вѣка связывать царственные роды съ Римскими Кесарями, безъ всякаго сомнѣнія кроется въ стихахъ Гомера Ил. XX. 307.

Будетъ отнынѣ Эней надъ Троянами царствовать мощно,
Онъ, и сыны отъ сыновъ, имущіе поздно родиться.

и Виргилія: Eneida III. 97.

Hic domus Aeneae cunctis dominabitur oris,
Et nati natorum, et qui nascentur ab illis

Въ жизнеописаніи Св. Оттона (490. 513) священное дерево въ Юлинѣ называется копіемъ Юлія Кесаря. (Schwenk. Myth. der Slawen. Frankfurt am M. 1853. стр. 163).

Трудно рѣшить: имѣютъ ли сіи притязанія основу свою въ древнихъ преданіяхъ, или составлены преимущественно по примѣру Латинскихъ Историковъ. Въ пользу послѣдняго предположенія свидѣтельствуетъ, что это преданіе почти исключительно принадлежитъ Западнымъ писателямъ. Ученики Грековъ древнѣйшіе Русскіе лѣтописцы не предъявляютъ онаго. Кромѣ вліянія Греческихъ нашихъ учителей, нелюбившихъ этнографическія розысканія о Словенахъ, также точно въ XI столѣтіи какъ и въ XIX совершенное молчаніе древней Лѣтописи о происхожденіи Русскихъ Князей и бѣглый намекъ о происхожденіи Словенскихъ племенъ, могутъ быть лишь объяснены намѣреніемъ отстранить языческія преданія, сохранившіяся еще слишкомъ живо въ народѣ. Но распространеніе по всей Европѣ мнѣнія о происхожденіи нѣсколькихъ племенъ отъ Троянъ и сосредоточеніе сихъ мнѣній преимущественно у Франковъ, обитавшихъ на Дунаѣ, находится въ большомъ согласіи съ показаніями древнихъ о поселеніи разныхъ Ѳракійскихъ племенъ послѣ раззоренія Трои, между Адріатическимъ и Черными морями, пространство издревле заселенное Словенами. Притязанія Іоанна Васильевича на Латинское происхожденіе касаются лишь вопроса о происхожденіи Князей Русскихъ отъ Дарданидовъ чрезъ Юлія Кесаря и принадлежатъ преданіямъ или сказкамъ Литовскимъ, болѣе или менѣе исторически вѣрнымъ но во всякомъ случаѣ весьма важнымъ и заслуживающимъ вниманія. Но на оборотъ единоплеменность Словенъ и Троянъ (Ѳракіянъ) было мнѣніемъ господствующимъ въ Византіи—такъ сократитель Страбона въ IX столѣтіи извлекаетъ изъ словъ древняго Географа: «Ѳраки же Илліяне и Епироты, суть и донынѣ по краямъ (Еллады). *А еще болѣе прежде нежели нынѣ*. Однако и въ настоящемъ времени *большую* часть Еллады занимаютъ варвары» (Страбонъ)—замѣчаніе:

Ὁτι ἡ νῦν χώρα βαρβάρων ἦν προτερον κατοικια οιον Πέλοπος μέν εκ τῆς Φρυγίασ, επαγαγομενου λαον είς τήν ἀπ' αὐτοῦ κληθεισαν Πελοποννησον καὶ νῦν δέ πασαν ἤπειρον και Ελλαδα σχεδον καὶ Πελοποννησον καὶ Μακεδονιαν, Σκύθαι Σκλαβοι γεμονται».

Такъ же точно слова Діонисія Періигита ст. 322: Παννονιοι, Μυσοι τε βορειστεροι θρηικων αὐτοι τε θρηικες ἀπειρονα γαιαν ἐχοντες толкуются въ древнемъ коментаріѣ: βουλγαροι βορειοτεροι των θρακων καὶ αυτοι οι θρακες πολλην καὶ απειρον γην εχοντες.

Въ схоліяхъ архіепископа Евстаѳія къ Діонисію это же мѣсто толкуется: «на югъ же къ Истру Герры и Ѳракійскія пустынные города, и Панноны, по *нѣкоторымъ Булгары и Мѵсы сѣвернѣйшіе изъ Ѳракіянъ и Ѳраки сами безпредѣльную землю занимающіе»*.

Архіепископъ Евстаѳій упоминаетъ Булгаръ и Мисовъ между Ѳракійцами съ оговоркою «по нѣкоторымъ», потому что имѣетъ въ виду Болгаръ Волжскихъ, коихъ народность не могла быть опредѣлена съ точностію даже современниками.

Современникъ Игоря Чечесъ въ Προλεγομενα των αλληγοριων Ιλιαδος раздѣляетъ тоже мнѣніе о единоплеменности Болгаръ съ Ѳракійскимъ племенемъ Пеонянъ.

820. Πυραιχμης των Παιονων δε τοττεστί των Βουλγαρων
Τῶν ἐξ' Ἀξιου ποταμου τουτεστι του Βαρδάρη.

Стихи, соотвѣтствующіе 848—850. II-й пѣсни Илліады (перев. Гнѣдича) въ исчисленіи Троянскихъ союзниковъ:

Въ слѣдъ имъ Пирехмъ предводилъ криволукихъ Пеоновъ, далеко Жившихъ въ странахъ Амидона, гдѣ катится Аксій широкій.

Сколь вопросъ этотъ занималъ умы въ XII-мъ столѣтіи, то это безъ дальнихъ изысканій видно изъ прим. къ 821 ст. (въ изд. Boissonade 1851). Acerbe, chiliade 10. 185. eos tangit (Tzetzes) qui Bulgaros a Paeonibus distinguebant et credebant» Αξιον ἕτερον του Βαρδαρη.

О единоплеменности Фракіанъ и Словенъ въ Византійскихъ писателяхъ весьма много свидѣтельствъ, и вопросъ этотъ слишкомъ обширенъ и важенъ, чтобъ могъ быть здѣсь изслѣдованъ. Доста-

точно кажется для объясненія Пѣвца Игоря приведенныхъ свидѣтельствъ изъ Византійскихъ писателей о существованіи въ IX—XII столѣтіяхъ мнѣнія, что Ѳракійцы и Словене суть одинъ и тотъ же народъ.

Пѣвецъ Игоревъ въ воззваніи своемъ къ Гомеру предается этому общему стремленію свивать современную славу своего героя съ славою Трои и повторяетъ сожалѣніе, что не Гомеръ воспѣваетъ того внука, т. е. Трояня внука.

Кромѣ вышеприведенныхъ доводовъ въ пользу сего объясненія, должно еще замѣтить, что Троянь и Траянъ не одно и тоже. Сочинитель Слова о походѣ Игоря не заслуживаетъ пренебреженія излѣдователей къ его правописанію. Если бы всѣ доводы историческіе клонились къ объясненію, несогласному съ правописаніемъ, то само собою разумѣется, что подобная погрѣшность, могла быть приписана сочинителю. Но здѣсь поспѣшность, съ коею приписывается сія погрѣшность въ правописаніи вовсе не объясняется силою историческихъ доводовъ въ пользу принятаго толкованія, Въ четырехъ мѣстахъ Слова, въ коихъ встрѣчается слово Троянь, въ трехъ, при семъ объясненіи предполагается описка или недоразумѣніе: «*того внука*» объясняется вставкою неупоминаемаго еще ни разу, Олега. Седьмый вѣкъ принимается за описку или ошибку самаго пѣвца. «Вѣци Трояни» за описку вмѣсто «сѣчи», вѣроятно потому, что вѣковъ Императора Трояна не могло быть, а былъ одинъ его вѣкъ, наконецъ Дѣва вступившая на землю Троянскую, вовсе не объясняется Исторіею войнъ Императора Траяна на Дунаѣ.

Древніе французы связывали свою Исторію со сказаніями Троянскими. A. Joly (Benoit de Sainte More et le Roman de Troie. Paris. 1870. 1871) говоритъ что въ Monte Pessulano находится рукопись подъ № 158, съ надписью: Historia Daretis de Orgine Francorum. Нѣтъ разумной причины предполагать чтобы преданія Франкскія, Датскія, Скандинавскія, Англійскія и даже Турецкія, если только сіи послѣднія существуютъ какъ преданіе о ихъ Троянскомъ происхожденіи были бы лишены всякаго историческаго основанія. Каждое преданіе можетъ имѣть свое отдѣльное основаніе и они также могутъ находиться въ связи съ Русо-Варяжскимъ, и Русо-Татар-

скимъ сродствомъ съ племенами входившими въ составъ Троянскаго Государства или правильнѣе Троянской Морской федераціи разстроенной федераціей Греческой. Во всякомъ случаѣ Пѣвецъ Игоревъ имѣетъ такое же право связывать судьбы своего племени съ Троянской народностію, какъ и поэты или лѣтописцы англійскіе, французскіе, скандинавскіе и нѣмецкіе; притязанія эти далеко не противурѣчатъ другъ другу и сходятся въ узлѣ связывающемъ племена распространенныя между Адріатическимъ, Балтійскимъ и Чернымъ морями, вдоль Дуная, Карпатовъ, Вислы, Одера, Ельбы и Дона. Эти племена были крѣпко связаны между собою въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ враждой противъ Рима, вызывавшей даже брачные союзы съ этой опредѣленной цѣлью. Кромѣ этого эпическаго сродства Пѣвецъ Игоревъ имѣлъ и болѣе положительныя основанія.

Casibus deinde variis Antenorem cum multitudine Henetum qui seditione ex Paphlagonia pulsi, et sedes et ducem, rege Pylaemene ad Trojam amisso quaerebant, venisse in intimum maris Adriatici Sinum: Euganeisque, qui inter mare Alpesque incolebant, pulsis, Henetos Trojanosque eas tenuisse terras: et in quem primum egressi sunt locum, *Troja vocatur*, *pagoque inde Trojano nomen est*: Gens universa Veneti appellati.

T. Livi, Pat. Historiarum L. I, c. I.

Страбонъ въ XII, гл. III, стр. 543 говоритъ что большинство согласуется съ тѣмъ что Енеты были значительнѣйшее поколѣніе Пафлагонянъ къ которому принадлежалъ Пилеменъ. Съ нимъ отправилось большинство въ походъ. Послѣ его смерти и по раззореніи Трои Енеты перешли во Ѳракію, въ нынѣшнюю Енетику. Иные утверждаютъ что въ этомъ же походѣ, продолжаетъ Страбонъ, участвовалъ и Антеноръ съ сыновьями; они поселились у луки Адріатическаго моря. По этому прибавляетъ Страбонъ, не безъ насмѣшки, въ нынѣшней Пафлагоніи Енетовъ (т. е. Славянъ) и не находятъ.

Стр. 155. Страбонъ ссылается на Меандра утверждающаго что Енеты вышли изъ земли Бѣлосировъ на помощь Троянамъ, изъ Трои же вмѣстѣ съ Ѳраками моремъ отправились въ луку Адріатическаго моря; прочіе же Енеты не принимавшіе участія въ Троянской войнѣ, сдѣлались Кападокійцами. Это подтверждается по

мнѣнію Страбона тѣмъ что вся прибрежная Каппадокія говоритъ на обоихъ языкахъ.

Dr. Karl Neumann добросовѣстный и превосходный изслѣдователь древней этнографіи (Die Hellenen im Skythenlande. 1. Band. Berlin 1855) весьма остроумно и съ замѣчательной проницательностію разоблачаетъ показанія Геродота считавшіяся уже запутанными во времена Страбона.

«In unmittelbarer (стр. 216 и слѣд.) Nähe Olbias, am Bug, wohnten zu Herodots Zeit die Kallipiden und Alazonen oder Alizonen, wie in anderen Handschriften gelesen wird. Jene nennt der alte Historiker Helleno Skythen. Vor Herodot wurden beide von Hellanicos erwähnt (Strabon XII, 3); nach ihm(Hellanicos) zählt Ephoros vom Istros der Reihe nach die Barbarenstämme der Carpiden, Aroteron und Neuriten auf. (Schymn. Chii fragm. 101—103). Wie bei Herodot Kallipiden dasselbe Volk sind, und da der letzte Name offenbar Gräcisirt ist, wird Ephoros Schreibart mit grösserer Wahrscheinlichkeit als die richtige betrachtet werden können. Hierfür spricht auch folgendes. Plinius nahm an dem Namen der Karpiden Anstoss: unglücklicherweise erinnerte sich der belesene Polyhistor, dass bei Odessos—und ein Odessos (ordesos) hatte er, zwischen den Mündungen des Dnjestr und Dnjepr zù erwähnen—Krobyzen wohnten, nicht Karpiden, und flugs sezt er jene Nachbarn des thrakischen Odessos in die Nähe des nordpontichen, wodurch er vermuthlich die ächte Lesart für Karpiden hergestellt zû haben glaubte (Plin. IV 26). Ein Iahrhunder später kennt Ptolemaios Karpianen zwischen den Peukinen aûf der Insel Peuke und den Bastarnen auf den östlichen Vorgebirgen der Karpathen;..,. Und diese Namen (220) Karpiden uud Alizonen lassen auf Slawischen Ursprung rathen,—wie befremdlich auch der erstere bei einem Volke der Ebene erscheint. Einige merkwürdige Stellen Nestors bestärken mich in dieser Vermuthung. Der Alte Annalist sagt: Дулѣбы живяху по Бугу гдѣ нынѣ Велыняне, а Улучи, Тиверьцы сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множьство ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь. стр. 5, I-го изд. А. К. и стр. 12: и Хорваты, и Дулѣбы и Тиверци, яже суть Толковины: сіи вси зва хуться Великая Скуѳь. Обѣ выписки у Неумана изъ Шлецера.

Gewiss ein auffallender Zusatz; im Skythenlande, am unteren Laufe desselben Bug, wohnten Herodots ackerbauende Alizonen.... Wie im Alterthum Karpiden neben Alizonen, wohnten nun im X. Iahrhundert Chorwaten neben Ulitzen. In der züerst angeführten Stelle nennt Nestor, offenbar aus geographischen Rücksichten, Duljeber, Ulitzen und Tiwerzen unmittelbar neben einander; in einer andern, wo die Völker aüfgeführt werden, die an Oleg's Zuge nach Konstantinopel Theil nahmen, werden Chorwaten, Duljeber uud Tiwertzen zusammen genannt....

....Die Verwandschaft (221 c.) Slawischer Alizonen am Nordgestade des Pontos mit den Kleinasiatischen Alizonen, eine Verwandschaft die allerdings durch zahlreiche Beispiele analoger ethnographischer Verhältnisse bei engen Gewässern und hier speciell durch nachweisbar mannigfaltige Beziehungen zwischen der Nord und Südküste des Pontos begründet werden kann. Diese Verwandschft wird auch den bisher sehr lockern Combinationen, die sich an den Namen der Paphlagonischen Eneter knüpften, einigen Halt gewähren».

Имя Ализоны болѣе подходитъ къ Галичанамъ чѣмъ къ Уличанамъ. Тиверцы суть несомнѣнно Тvригеты древнихъ, Дулѣбы и Кривичи попоминаютъ сильно Долоповъ и Кровизовъ на Θракійскомъ берегу Чернаго моря. Что меня всего болѣе удивляетъ въ этомъ сопоставленіи Галичанъ и Бѣлохорватовъ съ Карпитами и Ализонами Сѣвѣрнаго берега Чернаго моря и Малоазійскими, это то что Страбонъ отчетливо и систематически излогающій сродство Европейскихъ и Азіатскихъ Фригійскихъ племенъ трунитъ надъ Геродотомъ по поводу наименованія Ализоновъ и Алазоновъ и не признаетъ ихъ существованіе въ Малой Азіи, упоминаемое въ Иліядѣ иначе какъ на востокъ отъ Галиса—подъ именемъ Халивовъ и Халдеянъ.

Страбонъ упоминаетъ Халдеевъ вмѣстѣ съ Тиваринянами и Малой Арменіей, кн. XII, глава III, § 28 стр. 555. Въ § 14 той же книги онъ упоминаетъ объ отнятыхъ, у Халивовъ и Мосvниковъ и другихъ племенъ, земляхъ, полководцами Антіоха Великаго такъ что во время Страбона въ этихъ странахъ существовалъ уже одинъ языкъ, весьма вѣроятно татарскій или армянскій или курдскій, послѣднее правдоподобнѣе.

Весьма любопытна полемика г. Хвольсона и Погодина (труды перваго археологическаго съѣзда. Москва, 1871, стр. 133) по поводу этихъ загадочныхъ для древняго мира Алазанъ или Ализонъ упоминаемыхъ Массуди: «Руссы состоятъ изъ многихъ народностей разнаго рода; самое многочисленное племя по имени Аллузана торгуетъ съ Испаніей, Римомъ, Константинополемъ и Хозарами». . . этотъ народъ сдѣлалъ въ 913 году свой извѣстный набѣгъ на прибрежьѣ каспійскаго моря». Эти же Аллузана сдѣлали такой же набѣгъ въ 944 году.

Удостовѣреніе г. Хвольсона что посредствомъ измѣненія нѣсколькихъ знаковъ легко прочесть Альнормана вмѣсто Аллузана похоже на шутку сдѣланную вѣроятно для предостереженія неопытныхъ изслѣдователей отъ опасности опираться на показанія восточныхъ писателей и ихъ комментаторовъ относительно собственныхъ именъ. Согласно замѣтки Алексѣя Гатцука стр. 146 тамъ же, Массуди, въ «золотыхъ лугахъ», говоритъ что «Славяне происходятъ отъ Мара, сына Іафетова.... по крайней мѣрѣ таково мнѣніе, преимущественно поддерживаемое людьми, которые приложили стараніе къ изученію этого вопроса».. Г. Гатцукъ ссылается на Charmoy XXXII, p. 312.

М. П. Погодинъ негодуетъ на г. Хвольсона за то что онъ говоритъ о Волжскихъ Русахъ по свидѣтельству арабскихъ писателей. Русы Турки и Русы Каспійскіе несомнѣнны и они никуда не скрылись, ихъ находимъ и нынѣ по Дону, по Уралу, по Волгѣ— до подножья Кавказа.

Массуди называя Руссовъ Аллузонами и ссылаясь на ученые источники имѣлъ болѣе чѣмъ вѣроятно въ виду Геродота.

Весьма замѣчательно сопоставленіе Страбоновскихъ Халивовъ, Халдеянъ и Ализоновъ съ вычисленными академикомъ Шармуа (Cheref-Nameh, S.-Pétersbourg., (стр. 72) Курдскими племенами обитающими въ Турецкой Имперіи.

Пятое племя въ Моссульской области: Les خالدى Khâledy dont le nom a été transformè en خالوى Khalouï ou Khâlèwy dans le Cosmorama: leur nom est quelquefois aussi changé en حالتى 'Hâlèty.

Халдеи Холуи, Холопы, Халупники Chalybes и Chaldaei Страбона

خواجا نصير الدين الطوسي
TABULA GEOGRAPHICA 1261
NASIR EDDINI TUSII
زيج ايلخاني
DENOMINATA ILKHANA
AB ULUGBEI 1437 REVOLUTA
TURK
RUM
MAGREB
AFRIKIA
HIND
KHORASAN
TABRISTAN
KORKAN
IRAK
DZEBAL
MAVARALNAHAR
KARMANIA
OMAN
YEMEN
BARABARA
HABESCH
NUABA

очевидно въ близкомъ сродствѣ. Самое правописаніе Haleły соотвѣтствуетъ мнѣнію Страбона, что названіе рѣки Галисъ происходитъ отъ соленыхъ копей близь коихъ протекаетъ рѣка. (Кн. XII, гл. 3, с. 547).

Въ § 21. Страбонъ протестуетъ противъ сопоставленія этихъ Азіятскихъ Алазонянъ съ Алазонянами Борисѳенитскими и Каллипидами и другими племенами вымышленными Гелланикомъ, Геродотомъ и Евдоксомъ.

Сущность полемики Страбона противъ Геродота и Гелланика заключается въ томъ что онъ предполагаетъ существованіе загадочныхъ Алазонянъ придуманныхъ для объясненія 856 стиха 2-й пѣсни Иліады. Рать Гализоновъ Годій и Эпистрофъ вели изъ Алибы, Странъ отдаленныхъ, откуда исходъ серебра неоскудный.

Шармуа стр. 47, замѣчаетъ относительно Арменіи заселенной Курдами что имя этой области Corduène, Gardène и Gordyène имѣетъ большое сходство съ Русскимъ «Гордый».

Несравненно любопытнѣе среди сего Вавилонскаго смѣшенія языковъ это тотъ фактъ что въ посланіи Св. Апостола Павла къ Римлянамъ глава I. 30 «'αλαζόνας переводится» «гордый». 'Αλαζων=хвастунъ—глашатай, бродяга—что соотвѣствуетъ выраженію Нестора «яже суть Толъковины»—отъ толоко, сбродъ,—помощь. Αλίζω—солить—собрать въ массу, собраться въ кучу. 'Αλιζωνος—приморскіе—ἁλιευς—морякъ, ἁλιευω—ловить рыбу. 'Αλια, ἁλης—толпа. 'Αλς—соль и море.

Всѣ эти выраженія отъ корня соль соотвѣствуютъ Галичанамъ—Толковинамъ Нестора—въ значеніи же хвастуны оно переноситъ насъ на Каспійское море получившее свое наименованіе Хвалынское, какъ сдается, отъ Русскихъ Черноморскихъ рыболовныхъ ватагъ. Любопытно было бы изслѣдовать до какой степени двѣ рѣки Восточнаго берега Чернаго моря называемыя Руссіа и Руссіо по свидѣтельству Едризи, соотвѣтствуютъ обоимъ Кавказскимъ Алазанямъ.

Изученіе Страбона объясняетъ эту этнографическую запутанность происходившую отъ совмѣщенія несколькихъ народностей въ Мало-Азіятскихъ странахъ, частые переходы изъ Европы въ Азію et vice versa и изчезновенія многихъ племенъ изъ края, — преимуще-

ственно же Ѳракійскихъ. Во времена Страбона на южномъ берегу Чернаго моря существовалъ, почти исключительно одинъ языкъ какъ и нынѣ, это ни мало не мѣшаетъ и въ наше время Русскому племени обладать значительными рыбными ловлями въ Малой Азіи, въ окрестностяхъ Константинополя на озерѣ Деркосъ, — на Дунаѣ и близь Требизонда; всѣ эти рыбныя ловли заняты одними Некрасовцами поселенными близь Мраморнаго моря.

Любопытное сопоставленіе съ предъидущимъ представляетъ сопоставленіе Сербской Басни расказанной Буслаевымъ и басни упоми-упоминаемой Епископомъ Ѳессалоникійскимъ Евстаѳіемъ. Одна мѣстность названная Нориконъ въ Фригійской (Азіатской) баснѣ расказанной Лже или правильнѣе вторымъ Плутархомъ достаточна чтобы запутать Архіепископа Евстаѳія не смотря на то, что всѣ мѣстности со всѣми подробностями приведены въ баснѣ совершенно согласно съ Азіатской мѣстностію. Это прямо доказываетъ какъ въ обращеніи ученыхъ Византійцевъ сходились вмѣстѣ понятія о фригійцахъ Азіятскихъ и Дунайскихъ а равно перенесеніе Азіатскихъ преданій въ Славянскія земли и пріурочиваніе этихъ преданій къ Европейскимъ мѣстностямъ. Впрочемъ изъ самой басни этой видно, что древнѣйшее жилище фригійцевъ было въ Европѣ. Слѣдующее сопоставленіе служитъ новымъ подтвержденіемъ совершеннаго отсутствія филологическихъ свѣдѣній у древнихъ какъ скоро дѣло идетъ о иноплеменныхъ народностяхъ не смотря на совмѣстное житіе грековъ съ этими племенами въ теченіи многихъ вѣковъ.

Г. Буслаевъ приводитъ расказъ о царѣ Троянѣ по Булгарскимъ или Сербскимъ преданіямъ, царѣ съ козлиными ушами подобно Мидасу имѣвшему ослиныя уши; упоминая Мидаса онъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто упускаетъ изъ виду что эта булгарская басня кромѣ Мидасовыхъ ушей имѣетъ большее и не случайное сходство съ древней фригійской Басней о царѣ Мидасѣ, съ тою разницею что Мидасу повторяли тростники о его ослиныхъ ушахъ а Царю Трояну дудки изъ бузиновыхъ вѣтокъ. Далѣе говоритъ г. Буслаевъ что городъ въ которомъ жилъ Троянъ, называли Троянъ, развалины коего доселѣ видны выше Дворишта, на горѣ Церѣ раздѣляющей Зворникъ и Шабацъ. Но городъ Троя въ придунайскомъ краѣ

названъ въ воспоминаніе о разоренной Греками Трои и цѣлая при Дунайская страна носила имя Дарданіи.

Страбонъ (книга VII, гл. 5), говоритъ о несчастныхъ Дарданцахъ, впрочемъ хорошихъ и старательныхъ музыкантахъ, живущихъ въ пещерахъ въ при Дунайскомъ краѣ; онъ также упоминаетъ и о древнемъ городѣ — но имя этого города даже не сохранилось на бумагѣ. Имъ не лучше пришлось и при переселеніи на берегъ Азовскаго моря. Страбонъ говоритъ что Фарнакъ затопилъ Дандарскую или Дарданскую землю направивъ Гипанисъ Кавказскій посредствомъ стараго канала который онъ расчистилъ.

Всего удивительнѣе, что г. Буслаевъ, говоря объ исторіи царя Трояна упустилъ изъ виду расказъ упоминаемый Архіепископомъ Өессалоникскимъ, въ своихъ коментаріяхъ на Діонисія Періигита на стихъ 321.

«Марсѵасъ рѣка фрѵгійская около города Кѣлены обрѣтающаяся, называлась же прежде источникъ Мидаса по причинѣ такой. Мидасъ царь фригійскій обходя по наиболѣе пустыннымъ (мѣстамъ) страны, и безводіемъ удрученный коснулся земли и золотый извлекъ источникъ. Водѣ золотой сдѣлавшейся, алченъ будучи и его подданнымъ удрученнымъ, призвалъ Діониса. Снисшедшій на просьбу богъ, обильную воду извлекъ. Насыщеннымъ же фригійцамъ Мидасъ изъ ключа истекающую рѣку, ключемъ Мидаса назвалъ. Переименовалась же Марсѵемъ по той причинѣ: Побѣжденному Аполлономъ Марсію и ободранному изъ пролившейся крови родились сіи Сатѵры и рѣка тождеименная, Марсій называемая какъ расказываетъ Александръ въ 3-й (книгѣ) о фригійскихъ (дѣлахъ).

2. Евемеридасъ же Книдійскій—объ исторіи упоминаетъ такой. Одеръ Марсія отъ времени обвѣтшалый и спустившись упалъ съ земли въ источникъ Мидаса и по немногу спускаясь по теченію попался къ какому то рыбаку, по оракулову велѣнію Пизистратъ Лакедемонскій при останкахъ Сатира основалъ городъ, Нориконъ его назвалъ по обстоятельству. Нориконъ же Фрѵгійцы на своемъ нарѣчіи мѣхъ (вмѣстилище) называютъ.

3. Рождается въ рѣкѣ этой трава свирѣль (αὐλος), когда ее

противъ вѣтра колеблетъ кто, музыкальный имѣетъ напѣвъ какъ расказываетъ Деркилъ въ 1-й (книгѣ о сатирахъ).

4. Находиться близь оной гора Веренѵѳіонъ называемая, прозвище имѣющая отъ Верекѵнѳа первымъ жрецемъ бывшаго Матери боговъ.

5. Рождается же въ ней камень называемый ножъ, есть ибо желѣзу подобный, который когда найдетъ кто-либо, таинствомъ совершающимся богини, бѣснующимся дѣлается какъ расказываетъ Агаѳархидисъ въ Фригійскихъ (дѣяніяхъ).

Charmoy (Mémoires de l'Acad. de St.-Petersbourg. II, 1834, p. 406) упоминаетъ ссылаясь на Массуди, Захарія Казвини и Бакуви о славянскихъ языческихъ храмахъ: «постройка этого храма приписывалась мудрецу жившему въ древности среди этого народа, на который онъ имѣлъ сильное вліяніе въ слѣдствіи впечатлѣнія произведеннаго имъ снабженіемъ своей страны ручьями, воздвиженіемъ горъ и проведеніемъ большихъ каналовъ».

Ѳ. И. Буслаевъ (Истор. Очерки Рус. Нар. Поэзіи. С.-Петербургъ 1861, Т. I, стр. 385 говоритъ: «не знаю, имѣетъ ли какое отношеніе нашъ Троянъ къ Римскому Императору Трояну съ названнымъ по его имени Трояновымъ валомъ. Но сказочныя преданья и повѣрья Сербовъ и Болгаръ о нѣкоторомъ царѣ Троянѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ одному общему эпическому циклу, изъ котораго, и нашъ Боянъ черпалъ свои пѣсни о вѣкахъ и землѣ Трояновой». Съ этимъ и я вполнѣ соглашаюсь.

Рѣшительно не понятно какъ послѣ этого заключенія предполагая древность басенъ о царѣ Мидасѣ, о Персеѣ и Андромедѣ и Ламіи и наконецъ о Икарѣ; Ѳ. И. Буслаевъ упускаетъ изъ виду что Фригійскій циклъ басень включаетъ въ себѣ сказаніе о разореніи Мало-Азійской Трои столичнаго града Фригійскаго царства; а это послѣднее по своему значенію и дало свое имя баснямъ при ихъ переходѣ на Дунай.— Баянъ же обще собирательное имя баснослововъ передававшихъ намъ эти сказанія: Орфей, Линъ, Гезіодъ, Гомеръ и пр. Личность послѣдняго преобладаетъ въ сказаніи эпическомъ; въ мірѣ словенскомъ могли существовать сказаніи двоякаго рода: 1) Гомериче-

скія, 2) у насъ же могли сохранятся и самыя сказанія изъ коихъ черпалъ Гомеръ и другіе греческіе Мѵөологи. — Басни Русскія передаютъ намъ древніе Мѵөы въ размѣрѣ несравнено болѣе обширнымъ чѣмъ Гомеръ, и болѣе согласныя съ древнѣйшими сказаніями Египтянъ и самихъ Грековъ.

Г. Буслаевъ вполнѣ сознаетъ единство мѵөическихъ и эпическихъ сказаній индо Европейскихъ народовъ. Непонятно почему онъ отвергаетъ единство значенія имени Трояне въ Малой Азіи на берегахъ Средиземнаго моря и въ прибрежьяхъ Дуная и Чернаго моря.

Эпизодъ о дочери Троянскаго царя,—выученной Св. Георгіемъ это древняя баснь о Персеѣ и Андромедѣ. Самое чудовище намѣревающееся пожрать царскую дочь названа въ одной изъ двухъ Македонскихъ редакцій Сура Ламія, а въ другой Змія холовита.— Ламія это весьма извѣстная въ греческомъ баснословіи похитительница дѣтей, а также подъ этимъ именемъ являются баснословныя дѣвы увлекающія молодыхъ людей для высасыванія у нихъ крови.— Въ баснѣ греческой также играетъ важную роль золото и подземное жилье Данаи, матери Персея. Она родитъ Персея въ слѣдствіи посѣщенія ея подземной обители Юпитеромъ, въ видѣ золотаго дождя.

Для большей вѣрности привожу слова нашего уважаемаго Историка Нар. Поэзіи: «особенно для насъ важно, по Болгарскимъ сказаніямъ и пѣснямъ, этотъ царь владѣющій несмѣтными сокровищами золота и серебра, не кто другой какъ тотъ же Троянъ, или какъ онъ именно называется Троянскый царь, а это чудесное царство его—градъ Троянъ, или по другой редакціи Троѣмъ. Болгарскія сказанія уже сближаютъ миөическое преданіе объ этомъ Троянскомъ царѣ съ христіянскою легендою о Св. Георгіи. Вмѣсто подземнаго царства невѣрный языческій городъ Троянъ или Троѣмъ, жители котораго вѣруютъ не въ Іусуса Христа, а въ золота и серебро. И было въ томъ городѣ семьдесятъ водоемовъ, которые прохлождали городъ студеною водою. Но что Троянскіе жители любили то Богъ имъ и далъ. Онъ совершилъ имъ чудо, высушилъ имъ всю воду, и во всѣхъ семидесяти водоемахъ протекло жженое золото и чистое

серебро. И всякую утварь подѣлали себѣ жители изъ золота и серебра, и на себѣ и на коняхъ; всѣ нарядились въ золото и серебро только не было у нихъ воды, нечего имъ было пить.

(Ист. Очерки Рус. Народ. Сл. и Иск. I, 389).

Объ этомъ моментѣ упоминаетъ Архіепископъ Евстаѳій: Мидасъ вызвалъ съ помощію Діониса вмѣсто золота, воду, которая и называлась по его имени Мидасъ.

Басни болгарскія, Арабскіе разсказы и сказка Плутарха, всѣ очевидно текутъ изъ одного источника и были извѣстны древнему міру какъ фригійскія Мало Азійскія басни.

Исторіи о царскихъ кладахъ принадлежатъ также этой мѣстности какъ и многимъ другимъ. Сенковскій называлъ сколько помнится Пріама Скопидомомъ. — Пріамъ былъ дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ какъ это подтверждаютъ недавнія раскопки.

Третья Дунайская баснь о Троянѣ посѣщавшемъ ночью дѣвицу къ которой онъ прилеталъ съ помощію прикрепленныхъ воскомъ крыльевъ напоминаетъ весьма баснь объ Икарѣ сынѣ Дедаловѣ. Дедалъ, архитекторъ и хитрый искусный механикъ почти лице историческое; онъ считался основателемъ или патрономъ школы архитекторовъ и механиковъ.—Словенская сказка выходитъ изъ разряда баснословныхъ сказокъ и имѣетъ явно характеръ сатирическій.— Боги превращались въ птицъ и звѣрей, съ помощію магическихъ формулъ могли тоже дѣлать и смертные. Басни упоминаютъ еще о крылатыхъ одеждахъ и прикрѣпляемыхъ крыльяхъ для полета. Но прикрѣпленіе крыльевъ воскомъ сильно указываетъ на воспоминаніе облеченное въ грубую насмѣшливую форму о какомъ нибудь дерзкомъ и необдуманномъ предпріятіи, явно при отсутствіи всякихъ таинственныхъ силъ.—Эта послѣдняя сказка рѣшительно не принадлежитъ ни къ миѳическимь, ни къ космогоническимъ, ни къ эпическимъ сказаніямъ.—Самая баснь о Фаетонѣ также не принадлежитъ къ разряду теогоническихъ, ни космогоническихъ басенъ.—Этотъ Мѵѳъ указываетъ на какую то неудачную попытку, въ до историческую эпоху, похожую на изобрѣтенный въ прошломъ столѣтіи Франклиномъ, громоотводъ, или можетъ быть въ этой баснѣ кроется просто воспоминаніе о метеоролитѣ упавшемъ на

землю и раздробившемся.—Въ раасказѣ Псевдоплутарха упоминается о подобномъ камнѣ ножѣ; этотъ желѣзный камень переноситъ басню въ эпоху въ которую добываніе желѣза изъ земли еще было недоступно. Для устраненія невольнаго произвола при сопоставленіи болгарскихъ басень съ фригійской привожу въ подлинникѣ очеркъ басни о Мидасѣ по руководству Конрада Schwenk (Mythol. 1. B. 405 Frankfurt, 1855).

«Er war ein weichlicher König und hatte herrliche Rosengärten in Makedonien am Berge Bermion als König der Briger, mit welchen er nach Asien hinüberzog, wo der Name Briger in den der Phryger überging, worauf die Sage seine Rosengärten nach Phrygien versetzte. Einst als ionysos aus Thrakien nach Phrygien zog, verirrte sich der berauschte Silen in diese Gärten, und ward von Bauern mit Kränzen gebunden zu Midas gebracht, welcher ihn gut aufnahm, viele Weisheit von ihm hörte und ihn nach zehn Tagen zu Dionysos zurückbrachte. Der dankbare Gott gewährte Midas eine Bitte, un dieser bat, Alles was er berühre, möge zu Gold werden; doch als dies geschah, und auch die Speisen, welche er berührte. zu Gold wurden, bat er den Gott seine Gabe zu rückzunehmen, und der Gott hiess ihn in der Quelle des Paktolos auf dem Lydischen Berge Tmolos baden, wodurch er die thörigt gewünschte Eigenschaft verlor, der Flusz aber fortan Gold mit sich führte... Diese herrliche Quelle suchte man an mehreren Orten, in der Gegend von Thymbrion und Thyräon, bey Ankyra und unter dem Namen Inna an der Gränze von Pannonien, und dichtete auch über dieselbe: Midas habe, in einer öden Gegend des Landes ziehend, Wassermangel gelitten, und als er die Erde berührt habe sey eine Goldquelle daraus gesprungen, statt deren aber Dionysos, von Midas angerufen, eine Wasserquelle schuf, welche Midasquelle hiess und dem Flusse Marsyas den Ursprung gab. Einst hielten Pan und Apollon, jener mit der Pfeife, dieser mit der Cither, einen musikalischen Wettstreit und wählten den Tmolos zum Richter, welcher dem Apollon den Preis zuerkennt, was Alle mit Ausnahme des Midas billigen. Darum lässt der beleidigte Gott ihm Eselsohren wachsen, die er dann sorgfältig unter der Phrygischen Mütze birgt, bis sie der Diener, welcher sein Haar besorgte, entdeckt. Dieser konnte das ihm streng empfohlene Geheimniss

nicht bewahren, sondern grub, weil er es den Menschen nicht mitzutheilen wagte, ein Loch in die Erde, rief hinein: Midas hat Eselsohren, und scharrte es zu. Bald wuchs daselbst Schilf, welches flüsterte: Midas hat Eselsohren, und so erfuhr alle Welt das Geheimniss; Midas aber trank, als die Kimmerier über Phrygien herfielen, Ochsenblut und tödtete sich damit».

Сура (σαῦρα) Ламіа—Сура ящерица—Ламіа греческая миѳическая обиженная дѣва похищающая чужихъ дѣтей; Ламіи въ множественномъ числѣ обозначаютъ баснословныхъ дѣвъ увлекающихъ молодыхъ людей для высасыванія ихъ крови.—Я весьма расположенъ вѣрить въ древность сохраняющихся у народа басновсловныхъ сказаній; но по краткости сообщенныхъ выписокъ не возможно судить объ источникѣ трехъ Дунайскихъ сказокъ—Выписки эти въ той, формѣ въ коей онѣ сообщены могли быть извлечены изъ записной книжки сельскаго Дидаскала.

Можно даже предполагать, что эти басни прямо заимствованы изъ греческихъ азбуковниковъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, печатанныхъ въ Венеціи, въ Вѣнѣ, въ Корфу и т. д. и содержащихъ въ себѣ, между прочимъ и эти басни, не въ меньшемъ объемѣ.

Г. Пыпинъ говоритъ: (стр. 94) «у Сербовъ имя Трояна пользуется особенной любовью. Всего естественнѣй находить здѣсь (слово о П. И.) намеки не на Троянскую исторію, *а на какія то* народныя преданія, *теперь не извѣстныя*, *но конечно не имѣющія* отношенія къ Троянскимъ сказаніямъ».

Это же мнѣніе высказано И. И. Срезневскимъ (чтенія о др. Рус. Лѣтописахъ, прил. къ II Тому Записокъ И. Ак. Наукъ, 1862). весьма кратко и безъ объясненій, по поводу упоминаего Несторомъ нашествія на Словенскія земли «Волоховъ т. е Римлянъ» (стр. 21), и на стр. 22: «Съ этимъ воспоминаніемъ въ связи стоитъ и преданіе о Троянѣ».

Римляне въ исторіи дали себя знать и Лѣтописецъ нашъ отнюдъ не смѣшиваетъ эти два названія, хотя оба названія принадлежатъ Италіи. Волохи во времена Нестора были народъ весьма извѣстный на Югѣ Россіи. Слова Нестора: «Волхомъ бо нашед-

шемъ на Словѣни на Дунайскыя *сѣдшемъ на нихъ* и насилящемъ имъ» явно не относятся къ Римлянамъ усмирявшимъ воинственныя племена между Карпатами и Дунаемъ и защищавшимъ предѣлы Имперіи отъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ. Кампаніи Римлянъ не направлены были противъ племенъ обитавшихъ «гдѣ есть нынѣ Оугорьска земля и Болгарска». Несторъ говоритъ о нападеніяхъ на Дунайскія земли Галловъ за 300 лѣтъ до Р. Х.

Главное и положительное основаніе что Трояне пѣсни Игоревой не могутъ быть названіе народное г. Пыпинъ видитъ въ самомъ правописаніи этого слова: «да и самое (стр. 94) имя Троянъ по формѣ своей никакъ не можетъ быть отнесено къ Троѣ, отъ которой у насъ были только два прилаг. Тройскый и Троянскый а смягченное окончаніе на ь указываетъ именно на Трояна или Траяна». Это замѣчаніе г. Пыпина убѣждаетъ меня еще болѣе въ необходимости относится къ тексту Игоревой пѣснѣ съ крайнѣй дипломатическою осторожностію. Страбонъ говоритъ что Трояне никогда не существовали какъ народъ, городъ же Троя могъ быть такъ незначителенъ что нельзя понять какъ столь незначительный городъ могъ господствовать надъ многими и сильными племенами.— Непогрѣшимый пѣвецъ Игоревъ дѣйствительно подразумѣвалъ подъ именемъ «Троянь» родоваго бога русскихъ принимаемаго позднѣйшимъ русскимъ писателемъ XVI столѣтія за Императора Трояна также вскользь какъ онъ называетъ Перуна царемъ Еллинскимъ и Хорса царемъ Кипрскимъ. Въ Словарѣ Миклошича:

«Мняще богы многы, пероуна и хорса, дыха и троıана и инии мнози, ибо ıако то человѣци были суть старѣйшины, пероунь въ елинѣхъ, а хорсь въ Купрѣ. троянь бяше црь въ Римѣ, а дроузии дроугде». Этотъ родовый богъ сродни Даждь божію внуку—поэтому Даждь божій внукъ встрѣчается въ единственномъ числѣ въ Пѣснѣ, хотя ясно по смыслу что говорится о жизни Русскаго народа. — Г. Вельтманъ замѣняетъ слово Троянь—словомъ Кроянь въ значеніи вѣроятно украйнаго.—А. Н. Майковъ подразумѣваетъ подъ именемъ Троянь—Тьмуторокань.

Я также полагаю и даже вполнѣ убѣжденъ что «Троянь» въ тѣсной связи съ Трояномъ Дунайскимъ, Адріатическимъ и съ Тму—

Тороканьскимъ. Трояновъ валъ на Сульцеровой картѣ совершенно сбилъ съ дороги при первомъ появленіи слова. На картѣ Едризи Троя является среди земель Половецкихъ и Туркорусскихъ, гдѣ нынѣ Троицкъ, въ Оренбургской губерніи.—Эта Троя должна была быть въ связи съ населеніемъ Ѳракійскимъ и Иллирійскимъ живущемъ близь самаго Сѣвернаго подножія Кавказа. Свидѣтельство Прокопія Кесарійскаго въ 3-й главѣ 4-й и послѣдней книги его Готѳскихъ достопамятностей, объ этомъ Ѳракійскомъ населеніи было когда то отвергнуто Германскими учеными, а потому и не было принято въ расчетъ и у насъ.

Прокопій Кесарійскій (книга IV. гл. III Готѳскихъ достопамятностей говоритъ, что Сѣверо-Западныя Предгорія Кавказа доходятъ до Иллиріянъ и Ѳраковъ, Южные и Восточные—до проходовъ ведущихъ изъ земель занимаемыхъ Гуннами во владѣнія Персовъ и Римлянъ. Одинъ изъ этихъ проходовъ называется Цуръ а другой Каспійскіе ворота. Землю отъ Кавказа до Каспійскихъ воротъ занимаютъ Алане. Въ главѣ IV онъ говоритъ что надъ Утургурами живущими около Азовскаго моря живутъ безчисленные Анты. Изъ этого обнаруживается что Прокопій идентифицируетъ Антовъ съ Иллиріянами и Ѳраками, и признаетъ ихъ поэтому за Словенъ. Самое имя Антовъ можетъ быть вариантъ имени αἰνετοι—славные и славящіе также точно какъ Венды — Венеды. Изъ этого прямо слѣдуетъ что Ѳракіяне и Иллиріяне т. е. Словене единоплеменные съ жителями Ѳракійскаго полуострова жили на Востокѣ нынѣшней Европейской Россіи. Эти Ѳракійцы выселявшіеся на Волгу и Донъ въ слѣдствіи давленія Римскаго владычества основали какъ кажется Болгарское Царство на Волгѣ откуда они при ослабленіи Восточной Римской Имперіи дѣлали нападенія на Византійцевъ для освобожденія своего роднаго края. Все что у насъ высказано было о ихъ Татарской народности не имѣетъ болѣе твердаго основанія. Всего же вѣроятнѣе что обѣ стороны правы и что Болгаре Волжскіе были федерація разноплеменная, Словено-Русская и Фино-Татарская. Нашъ знаменитый Академикъ Куникъ открылъ недавно присутствіе Чувашскаго элемента въ росписи первыхъ Болгарскихъ Князей на Дунаи.

Арабскія имена и титулы князей доказываютъ единственно исповѣданіе Мусульманской вѣры. Не смотря на это встрѣчаются

по свидѣтельству Арабскихъ писателей имена и мѣстности Славянскія и Волжско-Болгарской городъ Слава. А. Н. Пыпинъ (55) говоритъ: «для многихъ Греческихъ писателей Болгаре были прямыми наслѣдниками Ѳракійцевъ и Пеоновъ; такъ и Болгарскій переводчикъ Малалы замѣтилъ: «сіи Ахилеусъ имый воя своя, иже нарицахуся тогда Мурмидонесъ, нынѣ Болгаре», представляя предковъ участниками Ѳроянской борьбы». Замѣчу мимоходомъ что Мѵрмидоне и Болгаре отождествляются въ Греческомъ текстѣ L. V. O. 122.—А. Н. Пыпинъ упрекаетъ меня за доведеніе гипотезъ до слишкомъ крайнихъ предѣловъ, но обмолвки и недомолвки могутъ скорѣе послужить распространенію ложныхъ взглядовъ; впрочемъ и недомолвка его достаточна, чтобы объяснить одну изъ причинъ почему культъ Понтарха Ахилла существовалъ на Азовскомъ морѣ.

Названіе Троянскаго сказанія на Шведскомъ языкѣ, Trojumanna saga указываетъ болѣе на родовое чѣмъ на народное названіе. Обстоятельное объясненіе таковаго родоваго богопочитанія находиться у Гезіода: Εργα και Ημεραι ст. 156—173. Гезіодъ говоритъ о четвертомъ поколѣніи героевъ издревле почитаемыхъ за полубоговъ, изъ коихъ одни пали въ Ѳивахъ, а другіе за Елену; изъ нихъ нѣкоторыя живутъ, посмертно, на краѣ земли, на островахъ у глубоко плещущаго Океана.

Отношенія этихъ полубоговъ къ смертнымъ объяснены въ стихахъ 109—126.

«Золотое бо первѣйшее поколѣніе словоимныхъ мужей, Безсмертные создали, Олимпійскіе Хоромы обитающіе; по смерти этого перваго поколѣнія всѣ были по волѣ всемогущаго Зевса поставлены добрыми Демонами надъ землей, хранителями смертныхъ людей.

4. Οἵ ῥα φυλάσσουσίν τε δίκας καὶ σχέτλια ἔργα,
ἠέρα ἑσσάμενοι πάντῃ φοιτῶντες ἐπ' αἶαν,
πλουτοδόται· καὶ τοῦτο γέρας βασιλήιον ἔσχον.

«Они ужъ блюдутъ и правосудіе и преступная дѣла, въ туманъ облеченные, повсюда приходящіе на землю, богатство дающіе и за это почесть царскую получили». Въ народномъ имени Троянъ безъ сомнѣнія присущъ слѣдъ героической родословной.

Не могу быть судьей до какой степени основательна моя ги-

потеза о сближеніи ученія Гезіода о добрыхъ Геніяхъ, покровительствующихъ своимъ племенамъ и народамъ, съ Троянемъ и Даждь-божимъ-внукомъ. Во всякомъ случаѣ пѣвецъ Игоревъ въ ней не нуждается для своего оправданія «отъ навѣтовъ скептиковъ». Формы, приводимыя г. Пыпиномъ, принадлежатъ позднѣйшему времени. Давній мой руководитель Миклошичъ вноситъ въ свой драгоцѣнный словарь двѣ древнія формы прилагательнаго притяжательнаго: (adj. poss.) Троı-ановъ градъ (Men. Mih.), и ЦАРСТВО ТРОІ-АНЕ (Палеогр. образцы изд. Преосвященнымъ Саввою. Москва 1863). Но форма «Троянскій» «kral trojanski» хотя и встрѣчается въ пояснительныхъ цитатахъ Миклошича не внесена въ рубрику древне словенскихъ формъ. (Lexicon Palaeo Slovenico graeco Latinum).

Uter, bulga—мѣхъ для храненія вина, одеръ. Вѣроятно ученые Греки мало знакомые съ Болгарскимъ языкомъ и относясь небрежно къ славянскимъ древностямъ перепутали значеніе нора и bulga. Мѣхъ, (одеръ, bulga) могъ храниться въ капищѣ или священной Норѣ. «Многіе Венгерскіе крестьяне изъ Словянъ, говоритъ Бюшингъ, особенно же изъ Райцевъ Задунайскихъ, живутъ до днесь по древнѣйшей привычкѣ, въ земныхъ ямахъ или въ погребахъ» (Кор. Венгерское, введен. 15. 17. 18. Свр. Архивъ 1825. г. № 15 стр. 196). «въ Карпатѣ, въ странѣ Бѣлохорватовъ, находится множество пещеръ, ископанныхъ человѣческими руками». (Журн. Мин. Народн. Просв. 1838 г. Іюль. стр. 206. 207). Слѣдуетъ сравнить также мнѣніе о книгѣ Слав. Древности Шаффарика, статья П. Г. Буткова въ Финск. Вѣстникѣ 1846 года, май.

Страбонъ тоже говоритъ что Дардане, Кровизы и нѣкоторыя другія Фракійскія племена Троглодиты. На этихъ словахъ опирается показаніе Нестора что Словене въ древности назывались Норци совершенно правильно и основательно: Норци=Троглодиты. Это первобытное состояніе могло служить основаніемъ прозвищу,—но также и рудокопныя работы: Чехъ-Норецы. подземный зверокъ (Шафъ. II. 692).

Ныриште, domicilium—Нырь, turris. (Словарь Миклошича.) «Бысть языкъ Словенскый отъ племени Афетова нарицаеміи Норици иже суть Словяне. (Новг. Л. изд. Кн. Оболенскимъ. Москва 1836.)

По словарю Даля: въ Муромскомъ уѣздѣ алебастръ добывается

Норами. Унасъ мѣсто сурочина *нористый бугорникъ*. Это не землянка, не жилье, это какая то душная нора, добрая землянка чѣмъ не нора. Норъ ти изныряй. Кур. Норица тя возми, Арх. Нары— тоже что кутникъ—Кутъ—закоулокъ, уголъ—курятникъ, подвалъ.

Eustathii commentarii. ст. 123. (Geogr. Gr. min Parisii 1861. S. II. 274).

Quidam vero (Plutarch. de fluv. X) tradunt, Phryges sua ipsorum lingua utrem noricum appellare, et postquam Apollo Marsyae musico pellem detraxisset utrem suspensum et aliquanto post tempore delapsum, in fontem, quem Midae vocabant, cecidisse; eumque fontem mutato nomine, Marsyam apellatum fuisse; utrem vero a flumine delatum in piscatoris manus pervenisse, Pisistratumque Lacedaemonium, oraculi monitu, ab illo inventu urbem exaedificasse eamque Noricum, parinde acsi quis utrem diceret, nuncupasse. Quod si urbs haec Pisistrati, quippe urbs Phrygiae, nihil habet commune cum Noricis, quorum supra meminimus tamen haec historia ad variam eruditionem non prorsus injucunda.

Dionysii Orbis descriptio. ст. 320—326. стр. 121. Tot igitur numero magis sunt Jstro septentrionalis, In austrum vero Gerrhae et Noricorum praesidia Pannonii Moesique, Thracibus magis boreales, atque ipsi Thraces, qui terram immensam obtinnet, allii ad latera Propontidos maris, alii supra aestuosum Hellespontum, alii supra ipsius Aegaei maris multisoni fluctus profundos. Изъсловъ Присціяна (Periegesis ст. 315). «Et Mysi Thracum boreis in finibus orti» ясно видно что слѣдуетъ понимать слова Комментаторовъ Страбона сѣвернѣйшіе изъ Өракіянъ а не Сѣвернѣе Өракіянъ. Геродотъ книга VII. § 26 упоминаетъ о той же баснѣ въ Азіатской Фригіи и говоритъ что кожа Марсія находилась въ Celaenae κηλαιναι близь источниковъ Меандра и Катаракта (водопада). Геродотъ говоритъ что содраніе Марсіевой кожи и ее повѣшаніе Аполлономъ принадлежатъ сказанію Фригійскому.

Κελαιναι—отъ Κηλαινω, κηλεω чарую, укрощаю, *цѣлю*.

Сказаніе о Марсіѣ было такъ распространено въ народѣ что въ городахъ ставились на торговыхъ площадяхъ статуи Марсія какъ внушительныя напоминанія о соблюденіи благочинія. Геродотъ говоря о кожѣ Марсія употребляетъ выраженіе ασχος—козлиный или воловій мѣхъ для храненія вина.

Память о Мидасѣ сохранившаяся столь поздно у Славянъ по свидѣтельству арабскихъ писателей вмѣстѣ съ басней, приведенной Г. Буслаевымъ и Архіепископомъ Евстаѳіемъ разоблачаетъ упоминаемое Несторомъ древнѣйшее имя Норци и связываетъ исторію Славянъ съ сказаніемъ о переходѣ Діониса изъ Индіи въ Европу.

Ducange (Gloss. M. et Inf. Lat, Paris 1840) s. v. Bulga. Papiae: *Saccus tortuus*, Sed legendum *scorteus*. Festus: *Bulgas Galli sacculos scorteos vocant*. Gloss. Saxon Aelfrici: *bulga*, Hydigfaet, i vas ex corio confectum; Galli *bouge* vocant. Eadmerus lib. 2. Vitae S. Anselmi cap. 27. apud Surium: *bulgae et maticae reseratae* sunt. Vocem retinent etiamnum Cambro Britani, quibus *Bolgan*, es *Bulga*, (Armorici *boulchet* appelant).

Bulgetarius, Bulgarum venditor. Gloss. Gr. Lat. Bulgetarius, Βουλγιοπώλης.

Βουλγιοδιν Graeci recentiores dicunt, *bulgetta*, nostris Bougette Nicetas in Man. L. 6. n. 5. Vide Meurs. Bulgeria, domus, mansio. habitatio, a Saxon. Bolk, domicilum. Charta Henr. reg. Angl. pro fratribus S. Egidii Pont. Audomar. in Reg. 62. Chartoph. reg ch. 442: *Ex dono Radulfi parvi mansuram unam terrae in Bulgeriam*.

Въ Словарѣ ссылка на *Bulconia*, Modus agri idem quod *bobulca* и на Bulcus-Certus agri modus ab Anglice *Bulk*, Magnitudo.

Относительно этимологіи слова bulga или bulgia ссылка на: Goropius Bekanus lib. 1. Gallic. pag. 15. и Steph. Paschasium in Disquisit. Francicis lib, 8, cap. 2. Греки незнакомые съ языками окружавшихъ ихъ народовъ перепутали bulga, мѣхъ, *bulgeria*, bouge, domicilium съ норой или капищемъ въ коемъ хранился одеръ Марсія. Bulga — uter, мѣхъ възначеніи вмѣстилища для вина, одеръ, по гречески μολγος. Можно предполагать что въ Ιππημολγοι Гомера уже скрывается имя Булгаръ. Филологи сближаютъ μολγος, одеръ съ μελγω дою вмѣсто μεργω—δερω—обдираю, предполагая вѣроятно грубый способъ добыванія молока свойственный Скифамъ; но μολγος—bulga, culeus одеръ, мѣхъ, воловья кожа, кожухъ, тулупъ и скутъ, встрѣчающійся въ нашихъ лѣтописяхъ. Ιππημολγος соотвѣтствуетъ совре-

менному ергакъ. Общепринятое словопроизводство произошло отъ сближенія γαλακτοφαγοι (млекопитающіеся) и «кумысъ». Гомеръ упоминаетъ ихъ вмѣстѣ съ Мѵзіами признаваемыми Византійцами именно за Булгаръ: Ил. п. XIII, 5, и 6.

Μυσῶν τ' ἀγεμάχων καὶ ἀγαυῶν Ἱππημολγῶν
γλακτοφάγων, Ἀβίων τε, δικαιοτάτων ἀνθρώπων.

ἄβιος, бѣдный въ этомъ же смыслѣ употребляли и μολγος—ободранный человѣкъ, бѣдняга. Латинское bulga, Греческое μολγος и Германское Balg однородны. Balg-vagina, pellis, λεπτη βυρσα, кожица, кожа, мѣхъ и мѣшочекъ, также и Blasebalg, follis, η φυσα, το φυσητηριον, τοζωπυρον, follis fabrilis.

Значеніе мѣха свойственное всѣмъ этимъ словамъ указываетъ прямо на глаголъ бугрить, подымать, древн. Герм. belgan надувать отсюда и бугоръ—холмъ и нарывъ, опухлѣніе. Орнородны кажется пучить, пукъ и полкъ.

Англійскій бюджетъ принадлежитъ несомнѣнно корню bulga (Фридрихъ Дицъ и Дифенбахъ).

Арабы употребляли выраженіе «Болгаръ» для обозначенія сафьяна, «буртась» для обозначенія кожи. Скордиски по Латынѣ значитъ кожи. Сродни вѣроятно и Хозары съ древнимъ хъзъ въ значеніи кожи. κυροι (Zos. 4, 34. Pape.) скиѳскій народъ—шкуры и скорняки. Всѣ эти названія объясняются точкой зрѣнія древнихъ на народы Балканскаго полуострова и Южной Россіи, чисто комерческой, для нихъ всѣ были кожевники за весьма малыми изключеніями. Самое слово скутъ, длинополая одежда наводитъ подозрѣніе что θ въ Σκυθοι стоитъ неправильно; а за тѣмъ остается лишь одинъ шагъ чтобы согласиться съ г. Классеномъ что Сауроматы или Сарматы суть не что иное какъ Сыромятники. Самое слово «Валоха и «Волоха» въ Костр. Твер. и Яросл. губ. значитъ воловья шкура. Слово Офенское прибавляетъ Даль. — Я далеко не ручаюсь за основательность и непогрѣшимость всѣхъ этихъ словопроизводствъ; они распредѣлены по постепенности; однако можно замѣтить въ оправданіе ихъ сопоставленія что по формѣ каждаго изъ этихъ словъ а равно и по совокупности они основательнѣе многочисленныхъ этимологическихъ соображеній на примѣръ всѣхъ основан-

ныхъ на Кельтскомъ языкѣ. Излишнія сближенія не вредны ибо чѣмъ они значительнѣе и разнообразнѣе тѣмъ болѣе представляется средство вносить непогрѣшимыя заключенія въ сравнительныя словари. Въ историческомъ отношеніи не менѣе словопроизводства важны изслѣдованіе заимствованія словъ однимъ народомъ у другаго и попытки объясненія Этнографическихъ и Географическихъ названій.

Мѣсто занимаемое древне Церковно-Словенскимъ правописаніемъ въ современной Сравнительной Филологіи весьма значительно. Но оно далеко не занимаетъ то мѣсто, которое ему принадлежитъ. Съ помощію на примѣръ нашего древняго правописанія весьма легко рѣшить вопросъ затрудняющій Французскихъ и Германскихъ филологовъ. Народное имя Фрѵговъ на языкѣ Малоазійскихъ Лидянъ по свидѣтельству Страбона значило свободные. Фрѧги и Фрѧги соотвѣтствуютъ Франкамъ. Германское Frank und frey и Французское franchir les obstacles, s'affranchir de la servitude, franc de tout impot, se frayer un libre passage, on ne peut frayer qu'avec ses égaux прямо указываютъ на принадлежность этого слова корню Германо-Романскому; имѣетъ ли одинъ изъ этихъ двухъ языковъ болѣе правъ чѣмъ другій на это слово рѣшить трудно. Германское freyen имѣетъ болѣе тѣсное значеніе чѣмъ Французское frayer, но съ другой стороны franchise имѣетъ менѣе коренное значеніе чѣмъ frey, freyheit. Турки называютъ франковъ и всѣхъ западныхъ народовъ Френги что также соотвѣтствуетъ нашему древнему правописанію.

Латинскій глаголъ Frango, fregi, fractum, ломить, разломить также указываетъ на корень Романскій. Fragia, frangia—frange, ба, храма; frangere—in culturam redigere (Ducange). Гезихіусъ въ своемъ Словарѣ примѣняетъ это показаніе Страбона къ древнему Европейскому названію Фригійцевъ βριγοι; правописаніе это указываетъ на Романскіе формы: Brigands, brigantin, briguer и briser. Германскіе филологи относятъ эту форму къ brücke, brechen. Брегъ и Нѣмецкое Berg имѣетъ болѣе коренное значеніе, прибрежные или нагорные жители — брегіи, — горскія или прибрежныя хищническія племена. Юстинъ Кн. XX, гл. I, говоритъ что Туски пришли изъ Лидіи и поселились въ нынѣшней Тосканіи а Венеты въ верховьяхъ Адріатическаго моря. Замѣтка Страбона, подтвержденная Гезихіемъ, и

показаніе Юстина о тождественности Тосковъ и Лидійцевъ имѣютъ важное значеніе въ этнографическомъ отношеніи. Боденское озеро называлось въ древности Lacus Brigantinus или Venetus.

До какой степени существовала въ древности взаимность между племенами Славянскими и Романскими указываетъ слово другъ:

Le Roman de Rou Ms. in Richardo I, Duce Normaniae:

Bien cuide avoir Normans matez et confondus. Et tous les cuide avoir sans bataille Vaincus, Grand joie et grands gabeis en meine entre ses *Drus*.

Le Roman de Florimond (Ms):

«Le Roy appella de ses Drus».

Garin de Loherans:

«O est mes *Drus* li Loherans Garin»

Тамъ же: Ensemble o lui ses amis et ses *Drus*».

Druz (Crescimbenus Glossarium vetus Provinciale) redditus dilectus, amans, fidelis.

Drudes, Drud: voces ejusdem orignis ac Druchte de qua supra (Virgo pacta, sponsata). Fideles, fidi Trudis aut Trudi; Germanis enim treu etic... idem sonant Drud et Drude apud Arvernos. sed et Cambro—Britannis Drud est carus, interdum fortis.

Drungus—globus militum.... a germanico Gedrung et Gedreng.

Vegetius lib. 3. cap. 16. «Scire dux debet contra quos Drungos hoss tium....» Voriscus in Aureliano: «omnium gentium Drungos usque ad quinquagenos homines ante triumphum duxit». Isaacius Pontanus Vocabuli etymon a germanico: Gedrung et gedreng, quod idem sonat accersit. Дружина и Drungus сходятся съ Германскимъ drängen болѣе въ значеніе drang—влеченіе—чѣмъ въ смыслѣ Исаака Понтана (толпа, тѣснота, вторженіе). Druzi заимствованное у Словянъ или занесенное Словенами привѣтствіе. Самая форма другде встрѣчается въ Словенскихъ памятникахъ какъ нарѣчіе: «друзіи другде». Не считаю себя вправѣ обойти молчаніемъ замѣтку М. П. Погодина,— въ книгѣ изданной *въ 1874 году: Борьба не на животъ а на смерть* стр. 36.

«Передъ напечатаніемъ первой моей рецензіи (см. выше ст. 273). Я получилъ отъ стараго своего товарища А. З. Зиновьева въ го-

стинецъ, ко дню своего юбилея, слѣдующее замѣчаніе: «Въ Англійскомъ языкѣ есть слово drudge, по французски valet, goujat, mousse. Это слово происходитъ отъ глагола to drudg, по Шотландски to drug, по Ирландски drugiare, по Саксонски draggen, носить, волочить... какъ имя такъ и глаголъ выражаютъ идею службы. Не оттуда ли происходитъ дружина Рюрика, Олега и пр. Если эта догадка хоть сколько нибудь покажется вамъ основательною, то и ее можно прибросить на вѣсы критики въ близкомъ для васъ историческомъ вопросѣ. Я (М. П. Погодинъ) отвѣчалъ: прибросимъ, прибросимъ, и она упадетъ на вѣки тяжеленькой гирькой для всякаго безпристрастнаго изслѣдователя».

Англійское drudge можетъ быть сродно съ Норманно-французскимъ Druz и Drud или съ Шотландскимъ to drug и Нѣмецкомъ tragen, латинскимъ traho, tractum. Норманы назвали Dreng, мирныхъ землевладѣльцевъ. У Исландцевъ же Drengr значило Comes.

Сродство это согласно съ сродствомъ Латинскаго Comes—Графъ, Греческаго κομιστηρ, носильщикъ, κομιστευς, погребальщикъ, и Сербскаго къметъ, работникъ, слуга. Значеніе слуга соединяетъ всѣ степени службы отъ высшей до нисшей. Англійское drudje по словопроизводству А. З. Зиновьева отъ dragen, tragen могло бы быть сближено съ русскимъ дроги, передряга, дорога, tractus, и глаголоми дрожать, дрогнуть, дергать, трогать. — Drang, влеченіе to drag, tragen, нести, trug, обманъ, treu, вѣрный, позднее Латинское treuga, treve, перемиріе можетъ быть и сродни между собой; «другъ другу удружить», выраженіе пользующееся у насъ популярностію придаютъ глаголу «дружить» значеніи услуги; здѣсь глаголъ дружить несомнѣнно значитъ «оказать плохую услугу». Но едва ли найдутся другіе примѣры для объясненія филологической шутки несовмѣстной съ строгимъ, научнымъ изслѣдованіемъ отечественныхъ древностей. Греческое ἑταιρος—другъ, товарищъ, союзникъ, ἑταιρια — дружба, ἑταιρα подруга, любовница ἑτερος — другой соотвѣтствуютъ вполнѣ обоимъ значеніямъ корня другъ. — Корень этого слова въ значеніи другій, вторый, соединеніе двухъ, въ одно и раздвоеніе altre ego. Многознаменательно и значеніе глагола водрузить. — Другъ и дружба несравненно болѣе сродны съ держать и дергать, торгъ и отторженіе чѣмъ съ tragen носить. — Дружба, дружина не-

сравненно ближе къ Германскимъ формамъ Drang, Gedrenge, drin-gen и durchgedrungen.—Сродство формъ на ДР. и ТР. въ Индо-Европейскихъ языкахъ не даетъ никакого права производить слова одного народа отъ другаго тѣмъ паче отъ Англійскаго. Фактъ въ исторіи филологіи весьма знаменательный что корень *Древне Словенскаго* «Дружина», при существованіи формъ *другъ* и *друзии*, отыскивается въ англійскомъ языкѣ, образовавшемся весьма поздно, въ историческое время. Менѣе странно было бы даже производить «Дружину» отъ Норманно французскаго Druzi, друзья или отъ Римскаго и Византійскаго drungus, δρουγγος и Δρουγγαρια хотя всѣ эти сродныя формы заимствованы отъ Славянъ въ томъ же значеніи въ какомъ сдѣлались извѣстными. Всего правильнѣе было обратиться къ Готѳскому языку «Driugan, drauh, drugun, drugans Kriegsdienst thun, служить, στρατευειν, drauhtinassus, Kriegsdienst, военная служба въ Готѳскомъ языкѣ объясняется значеніемъ глагола driugan и dragan несть, тащить, тянуть, и поэтому не можетъ быть не только корнемъ но даже и не въ прямомъ сродствѣ съ дружиной и другомъ, ибо прямо обозначаетъ службу какъ обузу и бремя, тогда какъ дружина есть товарищество, учрежденіе отчасти удержавшееся еще въ прошломъ столѣтіи, въ Бунчуковыхъ товарищахъ. Кромѣ того наука не позволяетъ производить древнія формы каковы Словенскія отъ языка далеко не кореннаго, но представляющаго, при сравнительльно маломъ количествѣ сохранившихся словъ, значительное число явно чужихъ формъ, такъ что языкъ этотъ весьма близкій къ Литовскимъ и Германскимъ, имѣетъ формы явно заимствованныя отъ Славянъ и Грековъ. Языки Готѳовъ, Франковъ, Нормановъ и Англичанъ не коренные, но сборные, какъ самые народы.

Русское племя прикасалось Скандинавіи однимъ незначительнымъ краемъ, смѣшивалось съ племенами Финскимъ и Тюрко Татарскимъ, на всемъ своемъ Восточномъ протяженіи. Племена Славянскія и Русскія смѣшивались съ племенемъ Романскимъ (Волошскимъ) отъ Чернаго моря до Адріятическаго, съ племенами Германскими отъ Дуная до Нѣмецкаго моря. Слѣды смѣшенія съ Скандинавскимъ замѣтны въ Даніи, Англіи но не въ Швеціи и не въ Россіи.

Норманская школа наша уже около столѣтія работаетъ надъ

принадлежностію Руси Скандинавскому племени и вмѣстѣ съ тѣмъ пренебрегала изученіемъ той связи которая издревле существовала между Русью и Скандинавіей. Это пренебреженіе Скандинавскими источниками не указываетъ ли на безнадежность самаго источника. Пущенная въ историческій водоворотъ гиря съ скандинавскимъ клеймомъ должна одно изъ двухъ или кануть на дно, или поплыть соломенкой. Вопросъ о происхожденіи Руси далеко недостаточно обработанъ и постановленъ на отрывочныхъ фразахъ изъ массы не разработанныхъ писателей. Странно какъ при продолжительномъ господствѣ Скандинавской школы такъ мало обращено было вниманія на изученіе Сѣверно-Германскихъ источниковъ. Нельзя не порадоваться что въ настоящее время у насъ болѣе обращаютъ вниманіе на знакомство съ самими источниками и слѣдуетъ надѣется что и скандинавскіе Историческіе и Эпическіе памятники на равнѣ съ прочими будутъ наконецъ разработаны Русскими дѣятелями, съ тѣмъ вниманіемъ который они вполнѣ заслуживаютъ по своему внутреннему достоинству такъ и по взаимному древнему соотношенію обоихъ народовъ. Не излишне здѣсь замѣтить что Drudge и Dreng могли попасть въ Англію тѣмъ же путемъ какимъ Дуси, daemones, попали въ древнюю Галлію.

Isidorus in Glos: *Dusius Daemon*. Idem lib. 8. Orig. cap. ultimum «quos Daemones Galli Dusios, nuncupant» Эти слова слово въ слово съ перестановкой у Св. Августина lib. 15. de Civitate Dei cap. 33. Papias: Dusios nominat quos Romani Faunos ficarios vocant. Hi sunt inquit Thomas Cantipratensis lib. 2, cap. 57. n.17: «quibus Prussiae gentiles silvas estimant consecratas» (Ducange Gloss. Med. et In. Lat.). Можно было бы предполагать что и *«доеніе»* заимствованы у Норманновъ судя по формамъ:

Dayeria, Dayri. Anglis vel Dairi, Cella lactaria, Laiterie. (*Ducange*).

Fleta lib. II. c. 87. de Caseatrice: Androchia pudica esse debet... et laboriosa in officio *daeriae*.... non enim permittat, quod aliquis vel aliqua in Androchiarium sibi ingrediatur aliquid ablaturus. Ejus autem officium est, Vasa, officio suo competentia, per scriptum a Preposito recipere.... *lac per talliam recipere*, caseum, facereque butyrum... (тамъ же). Androchyarium — Dayeria задній дворъ. Дюканжъ полагаетъ *androna* закоулокъ отъ «antre» болѣе же правдо-

подобно отъ ανηρ ανδρος, человѣкъ, въ смыслѣ людской, рабочій дворъ, но daeria—дойеніе явно происходитъ отъ глагола доить.

Что касается до Скордисковъ народа Галлатскаго т. е. Волохскаго то нѣтъ сомнѣнія что названіе происходитъ отъ кожи по одеждѣ или по выдѣлкѣ кожъ или можетъ быть и по музыкальному инструменту волынки или на основаніи Мνθа о Марсіѣ.

Glossae Isid.: Scordiscum, corium crudum. Scordiscum scortum id est pellis unde vox Scordiscus formata. Papias: Scordiscum, corium pessimum, vel crudum. (Glos. M. et I. Lat. Ducange).

Вѣроятно, и даже болѣе чѣмъ вѣроятно, Волохи прозвали древнихъ Ѳракійскихъ Словянъ Булгарами. Несомнѣнно явствуетъ изъ показаній Страбона что Ѳраки и Галлы жили смѣшанно на Балканскомъ полуостровѣ. Самое названіе предводителя Галловъ Болгъ и Белгій указываетъ на Романское происхожденіе этого народнаго прозвища. Часть Галловъ послѣ нападенія Бренна на Дельфы поселилась при стеченіи Дуная и Савы и претендовала на имя Скордисковъ. Значительная часть принадлежавшая племени Тектосаговъ, изъ возвратившихся на родину во Францію снова вернулась на Дунай, ограбило Истрійцевъ слывшихъ за выходцевъ изъ Колхиды и поселилась въ Паноніи. Здѣсь вѣроятно кроется корень значенія Sclavus. Уже при Императорѣ Юліанѣ Галатскіе купцы съ большимъ успѣхомъ занимались на Чрномъ морѣ торговлей невольниковъ.

Претензія на имя Скордисковъ (Юстинъ XXXII, 3.) заявленная Галлами при занятіи Панноніи (390 до Р. Х.), имя Галлскаго предводителя Бельгій и Болгій подтверждаютъ догадку о романствѣ имени Богларъ. Догадка эта подтверждается сохранившимся до нынѣ у Маджаръ и Валахахъ выраженіи bogarie и bagaria въ значеніи кожи. (Ресслеръ).

Митридатъ Евпаторъ (121—64. до Р. Х.) по свидѣтельству сохранившемуся у Юстина (XXXVIII. 4) говоритъ что поселившіеся въ Малой Азіи Галлы прошли чрезъ земли Иллиріянъ и Ѳраковъ и завладѣли тамъ еще большимъ пространствомъ чѣмъ въ Малой Азіи.

Яподы, Нориски, они же Лигуриски, Тауриски, Скордиски, народы Галлатскіе (Галлы и Кельты) то есть Волошскіе начиная съ Норисковъ обитающихъ въ Норійскихъ Альпахъ жили по сви-

дѣтельству Страбона смѣшанно съ Иллирійцами отъ Адріатическаго моря до Чернаго моря.

Галлаты (по Страбону Галлы и Кельты)—Волохи Нестора живутъ смѣшано съ Ѳракійскими племенами (Словянами), Вастарнами (имѣющими по Страбону много общаго съ Германцами; народность этихъ послѣднихъ онъ опредѣлить не можетъ—Вастарны вѣроятно Готѳы или Литовцы или и тѣ и другіе) и наконецъ Скиѳами (Татарами?).

О переселеніяхъ Азіатскихъ и Европейскихъ Ѳраковъ—Фригіянъ Страбонъ говоритъ въ XI, книга глава VIII стр. 571—575. Его обстоятельное показаніе объясняетъ почему Архіепископъ Евстафій, говоря о городѣ Нориконѣ, упоминаемомъ Псевдоплутархомъ, думаетъ о Норицахъ, живущихъ на Сѣверѣ отъ Адріатическаго моря, хотя онъ и отвергаетъ соотношеніе Нориковъ къ этой баснѣ. Изъ Страбона же ясно почему у Славянъ при Дунайскихъ сохранилось преданіе о Царѣ Мидасѣ какъ народное. Страбонъ говоритъ о двойственности и даже тройственности племенъ населяющихъ Каппадокію, Фригію и Виѳинію. Эти три народа вѣроятно Словене, Татары и вторгнувшіеся въ историческую эпоху Волохи. Это же, вполнѣ тождественное смѣшеніе народностей, представляютъ и Булгарскія поселенія въ Бессарабіи.

Mèlanges Russes S.-Pétersbourg 1855, стр. 369. Die Bolgaren in Bessarabien. Köppen.

Въ Бессарабіи называются Черные Болгары.	Болгаре Македонскіе употребляющіе Словенскія письмена.	12,056
	Болгаре Румеліотскіе—Гречес. письмена.	18,816
	Болгаре Румеліотскіе и Македонскіе смѣшано	17,129
Болгаре говорящіе по Турецки, Гагаузы		21.424
Волохи (Молдоване) употребляющіе Валахскія письмена, выходцы изъ Добруджи		12,805

Большіе Скордиски между Ноарой вѣроятно Савой протекающей близь Сегестики и впадающей въ Истръ и Моравой (Μαργος, Страбонъ говоритъ что эту рѣку называли также Βαργος, Геродотъ называетъ ее Βρογγος). Малые же Скордиски граничатъ съ Трибаллами и Мүзами. Сила ихъ такъ увеличилась что они проникли

до горъ Иллирійскихъ, Пэонійскихъ и Өракійскихъ. За страною Скордисковъ къ Истру прилегаетъ земля Трибалловъ и Мизянъ и болоты Малой Скиөіи (Добруджа). Автаріаты, покорившіе Трибалловъ овладѣли и прочими Өракійцами и Иллирійцами; но въ послѣдствіи ихъ одолѣли Скордиски и за тѣмъ Римляне; эти нѣкоторое время могучіе Скордиски уничтожены войнами. Далѣе Страбонъ продолжаетъ: Кровизи, ихъ называютъ также Троглодитами, живутъ около Каллатиса, Томиса и Истра. Потомъ по горамъ Гемуса и около нихъ до Понта Кораллы и Вессы, и часть Медовъ и Дамөелетовъ. Всѣ эти народы разбойническіе, а Вессы по Гемусу, самими разбойниками называются разбойниками; они живутъ въ шалашахъ до Родопа и и до Иллирійскихъ народовъ Автаріятовъ и Дарданянъ. Между этими послѣдними и Ардіерами находятся Дессагеты, Агріяне и другіе незначительные племена. Скордиски обратили земли послѣднихъ въ пустыни заросшія лѣсомъ на нѣсколько дней разстоянія. Страбонъ кн. VI. гл. V. 11, 12, стр. 318.

Объ этомъ насиліи Волоховъ на Словянъ говорятъ Несторъ и Польскіе писатели. Непонятно какъ эти показанія столь между собой согласныя и опредѣленныя могли быть заглушены перепутанными мудрствованіями ученыхъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, что Галлы Грековъ не Волохи Нестора и не Романскія племена нынѣ существующія. Страбонъ опредѣляетъ даже одно изъ самыхъ значительнѣйшихъ племенъ Галлскихъ Λιγυρισκοι — т. е. жителей Сѣверной Италіи—Лигургійцевъ Основная мысль, послужившая затемненію, это происхожденіе Романскихъ языковъ отъ Латинскаго, вещь столь же не мыслимая какъ и происхожденіе Индо Европейскихъ языковъ отъ Санскритскаго. Близкое родство яснѣе дня,—но не потомственность. Филологи, Етнографы, предполагая что Романскіе народы въ нынѣшнемъ составѣ ороманившіеся Келты, много трудятся надъ остатками Кельтовъ, Гаэлловъ и Кимвровъ, и благодаря ошибочной исходной точки много подвинули Филологію и вѣроятно скоро дойдутъ окольнимъ путемъ до пониманія сущности дѣла.—Стремленіе изучаемаго мною поэта къ связыванію судебъ Русскаго народа съ Троянцами заставляятъ и меня вдаваться какъ будто въ окольныя блужденія и тѣмъ утомлять и разсѣевать

вниманіе читателя. Удаленіе отъ предмета мнѣ кажется необходимымъ для разъясненія Поэта въ мѣстахъ признаваемыхъ темными. Для пониманія геніяльнаго поэта XII столѣтія, необходимо нереносится въ его Мѵѳическій и историческій кругозоръ. У насъ такъ мало знакомы съ Страбономъ что даже кажется нѣтъ Русскаго перевода. Страбонъ же есть единственный и обильный источникъ для этнографіи. Совершенно ошибочно силились объяснять древнюю Етнографію и Географію Россіи по Геродоту. Геродотъ не спеціалистъ, онъ какъ историкъ обозначаетъ лишь минутную и преходящую характеристику народовъ. Всѣ его названія могли и должны были имѣть смыслъ въ данную минуту и для опредѣленной публики; его изученіе несомнѣнно полезно, но обходить Страбона какъ его обошла наша историческая критика едва ли благоразумно. Страбонъ искусно и съ полнымъ знаніемъ дѣла, изложилъ распредѣленіе народностей въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. — Его показанія совпадаютъ съ Несторовымъ и съ математической точностію съ современнымъ распредѣленіемъ народностей. Всѣ движенія народныя съ Ш по ѴII вѣкъ, въ этнографическомъ отношеніи не оставили слѣдовъ — это были движенія Династовъ и ихъ дружинъ сливавшихся съ коренными народами но не измѣнявшихъ народность покоренныхъ племенъ. Готѳы и Франки, и Авары и Норманны не стремились во всѣ концы Европы для обработыванія земли и далеко не полагали выгоднымъ изгонять изъ покоряемыхъ странъ большинство народонаселенія—рабочія руки.

Если эти хищныя племена при набѣгахъ, и уводили плѣнныхъ для обращенія въ рабство или для продажи, то это въ количествѣ соотвѣтственно незначительнымъ съ числомъ цѣлаго народонаселенія. Набѣги и завоеванія Готѳовъ, Франковъ, Норманновъ, не составлявшихъ гражданскихъ обществъ, не имѣли повода переселять покоренные народы для обработыванія сомнительной родины. Они своими считали чужія земли. Устроенныя Государства при завоеваніяхъ могли переводить изъ края къ край цѣлыя народонаселенія для заселенія пустынныхъ мѣстъ, или для уничтоженія разбоевъ или еще для защиты окрайнъ подвержанныхъ нападеніямъ хищническихъ племенъ. Подобныя переселенія и даже уничтоженія цѣлыхъ населеній

неускользали незамѣтно и съ древнѣйшихъ временъ заносились въ Лѣтописи Египетскія, Ассирійскія, и Персидскія

Часто встрѣчаемъ въ изслѣдованіяхъ самыхъ основательныхъ и ученыхъ, что такое то племя не могло жить въ такой то странѣ потому что эта страна въ такое то время занята была по свидѣтельству нѣскольких Лѣтописцевъ такимъ то народомъ. Двѣ три народности живутъ въ томъ же мѣстѣ и весьма часто въ полномъ согласіи. Народъ земледѣльческій, племена кочующія, звѣроловы, рыболовы и пастухи могутъ и живутъ въ той же странѣ не слишкомъ мѣшая другъ другу подъ господствомъ Четвертаго народа. Сибирь, Туркестанъ и вся восточная часть Россіи представляютъ намъ живую и назидательную картину для распознанія древнѣйшихъ условій жизни народовъ.

59—60. НебѹрѧсоколызанесечрезъполѧширокаѧгалицыстадыбѣжатькъДонѹвеликомѹ.

§ 12. Опять собственное отрывочное замѣчаніе сочинителя, какъ бы про себя совершенно въ родѣ Греческихъ хоровъ объясняющее, что не бурныя страсти, т. е. не безотчетный порывъ, увлекли Русскихъ на границу Половецкой земли, а напоръ къ Дону безчисленныхъ враговъ скопляющихся съ востока. (Подобныя же вставочныя расмышленія въ § 22 и 29). Покойный Шишковъ ошибочно толкуетъ сіи слова. Онъ принимаетъ и соколовъ и галокъ за представителей Русскаго воинства и объясняетъ: «число воиновъ не подобно было малому числу занесенныхъ издалече бурею соколовъ, но уподоблялось великому стаду галокъ». Здѣсь объясняется и оправдывается стремленіе соколовъ—Русскихъ Князей—къ Дону напоромъ Половцевъ къ границѣ Русской земли. Половцы здѣсь представлены въ видѣ стай галокъ. Это уподобленіе свойственно эпической поэзіи, гдѣ одиноко-летающія птицы суть представители героевъ и вѣстники воли боговъ, тогда какъ птицы летающія стадами суть всегда предметъ презрѣнія. Въ пѣснѣ подъ № 5, сборника изданнаго Прачемъ С.-Петербургъ въ прошломъ столѣтіи стр. 159. находится соотвѣтствующій сему оборотъ: || Не сама я къ Вамъ залетела =

Занесло меня погодою || что великою невзгодою. Г. Майковъ полагаетъ что эти слова въ пѣснѣ о походѣ Игоревомъ заимствованы изъ пѣсенъ Бояна.

61—62 ЧиливъспѣтибыловѣщїйБоѧнеВелесовъвнꙋче.

§ 13. Повтореніе возванія къ поэту по преимуществу: коли (когда бы) тебѣ воспѣть было вѣщій Велесовъ внукъ. Чили не есть польское czili, хотя оно съ нимъ однородно. Чили соотвѣтствуетъ Русскому чтоли-коли и древнему аще-ли, а-чели. Оно употребляется въ одномъ значеніи (или) съ Польскимъ въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 6604-мъ. «Мнѣ ли бы послати къ тебѣ достойно, *цили* тебѣ ко мнѣ, «*чили* добро ся тебѣ видитъ гонити мя и погубити мя.» Рус. переводъ Библіи Докт. Фр. Скорины. Впрочемъ и въ этихъ двухъ примѣрахъ «чили» соотвѣтствуетъ тоже нынѣшнему что-ли.

Этотъ союзъ есть сокращенный видъ нарѣчія аще ли. Въ Русской правдѣ вмѣстѣ являются различныя измѣненія сего нарѣчія. Въ Русской Правдѣ ожели-аче-ачи-ли-аще-будетли-аже-иже-ащели суть синонимы и употреблены въ значеніи ежели, коли когда. Образованіе «чили» изъ «аще ли» замѣтилъ попъ Іурко Крижанищь въ своемъ Граматичномъ изказаніи (чтенія въ Имп. Общ. Истор. и древн. Рос. при Москов. Унив. годъ IV. Москва. 1848). «зло се велитъ коли Ру: отъ аколи. Аче правије нежели аще (слово бо к. непреминьаіетсе в щ но въ ч) а зло ники Херв: че, и Лехи чи, чили (czy czyl) за Аче, ачели.

Не знаю тождественны ли Велесъ и Волосъ, но во всякомъ случаѣ здѣсь Велесъ тождественъ съ Аполлономъ.

Велесъ кажется однородно съ «Βελιος» и αβελιος, ἕλη, εἵλη, ηελιος вмѣсто ηλιος солнце по разнымъ Греческимъ нарѣчіямъ (ср. Ahrens de graecae linguae dialectis).

Гезихій замѣчаетъ, что Критяне употребляли αβελιον вмѣсто ηλιον αβελιην вмѣсто ηλιακην, а Евстаѳій 1654,21. приводитъ αελιος и βαβελιος.

Тождество Велеса и Волоса принимаемаго у насъ за одно божество) можетъ объясниться и тѣмъ, что прозваніе скотьяго бога соотвѣтсствуетъ Аполлону Пастырю (νομιος), изображаемому среди стада или съ овцею на плечахъ, Это одинъ изъ древнѣйшихъ атрибутовъ

Аполлона, ибо у него стада похищаются новорожденнымъ Меркуріемъ. Не излишне здѣсь припомнить и пребываніе Аполлона въ Аркадіи въ должности пастуха. Тождественность Велеса и Аполлона, и вообще сродство вѣрованій сѣвѣрныхъ народовъ съ ученіемъ Грековъ, получило новое докззательство въ положительномъ утвержденіи приведенномъ г. Шевыревымъ въ поѣздкѣ въ Бѣлозерскій монастырь.

Оно подтверждается и замѣчаніемъ Dupuis. Orig. de tous les cultes T. II. p. 846. Belus—d'ou Helios et Bel.

Альбертъ Дюмонъ (Le Balkan et l'Adriatique Paris 1873, стр. 185) подтверждаетъ соединеніе Волоса Скотья бога и Велеса прародителя Боянова—въ лицѣ Аполлона: «Les bas reliefs nous rendent les caractères originaux du Panthéon pour le même tems... Diane une virago armée d'un pieu, Apollon un fort chasfeur.—Барельефы, говоритъ г. Dumont какъ и надписи въ большемъ количествѣ находимые въ Булгаріи принадлежатъ времени Римскаго владычества но свидѣтельствуютъ о преобладаніи греческаго елемента.

Фактъ замѣченный французскимъ путешественникомъ выставляетъ рельефно неосновательность указанія на вліяніе Императора Траяна и Римскаго владычества на Придунайскіе народы.—Вліяніе Римское въ этихъ мѣстностяхъ не успѣло выразится ни какъ благотворная, ни какъ губительная сила.—Зарожденіе и распространеніе Мѵѳа на Дунаи въ эпоху вполнѣ историческую, не мыслимо, даже если признать за источникъ Мѵѳа, апоѳеозъ Траяна.

Г. Верховичь житель Македонскаго города, Сереса, собралъ въ Деспотѣ Планинѣ между Филиппополемъ и Сересомъ многочисленныя пѣсни сохранившіеся въ памяти Болгаръ Мусульманскихъ. Въ одной изъ нихъ разсказывается Мѵѳъ объ Орфеѣ. Мѵѳъ объ Орфеѣ не древнѣе Мѵѳа о Мидасѣ. Эти Болгарскія пѣсни крайне важны и любопытны хотя пѣснь объ Орфенѣ принадлежитъ вполнѣ къ разряду сказокъ. — Альбертъ Dumont говоритъ, что Шафарикъ jr. сообщившій ему выписки переведенныя французскимъ Славистомъ г. Дозономъ, собирается ихъ издать. Пѣснь объ Орфенѣ издана въ Москвѣ на болгарскомъ языкѣ и переведена на Р усскій г. Жинзефовымъ.

Въ состязаніи Омира и Исіода Ησιοδου και Ομηρου αγων. Paris.

F. Didot. 1841. § 2), представлена поэтическая родословная Гомера отъ Аполлона:

Аполлонъ, Линъ, Піеръ, Иагръ, Орфей, Ортисъ, Гармонидъ, Филотерпъ, Евфимій, Епифридій, Меланопъ, Дій и Апеллеосъ, отъ Дія Гезіодъ и Персей, отъ Персея Мэонъ, отъ Меона Гомеръ.

Гелланикъ и Клеантъ говорятъ что отецъ Гомера былъ Біонъ-Βιων; — а Βιων встрѣчается какъ варіантъ имени одного изъ царей XVII Египетской Династіи, чужеземной, Финикійской. Русскій же редакторъ XII столѣтія перевода Златоструя Іоанна Златоустаго переводитъ Φοινικες-Роусь.

По отношенію къ Болгарской баснѣ г. Буслаева и Норійской Псевдо Плутарха не безъ значенія и фактъ занесенный въ § 18 Состязанія Гомера и Гезіода что Гомеръ по просьбѣ сыновей Мидаса Ксанта и Горго сочинилъ надпись для надгорбнаго монумента царя Мидаса..

Повторяю еще разъ, что я далеко не принимаю сіи сближенія за неопровержимыя истины, но съ другой стороны мнѣ кажется что при современномъ развитіи науки не излишне пользоваться случаемъ чтобы заносить факты могущія служить для обозначенія тѣхъ точекъ которыя могутъ содѣйствовать возстановленію утраченной сзязи въ судьбахъ современныхъ и древнихъ народовъ.

Βέλιν δε καλδυσι τουτον, σεβουσί τε ὑπερθνωθ, Ἀπόλλωνα εἶναι ἐθελοντες Herodian. VIII, 7. Belenus богъ чтимый тѣми же жителями Аквилеи признаваемъ былъ Римскими солдатами за Аполлона. На надписи принадлежащей тому же городу значится: «Appolini Beleno (Orell. 1968). Tertullian. Apol. XXIV. Noricis (suus est deus) Belenus. Трава белена или бѣлена называется у Словенъ trava St. Apolonje.—Hyosciamos Galli bellinuntiam (Diosc. IV, c. 69), (vocant) — Graeci dicea, Jtali Apollinarim... Daci... Collida (Apul. Mad. de Herb. virt. c. IV. cf. ib. c. XIX). Всѣ эти замѣтки заимствованы изъ сочиненія Лоренца Diefenbach. Die alten Völker Europas. Frankfurt am M. 1861, c. 259).

Г. Буслаевъ признавая Бояна за пѣвца преемниковъ Владиміра святаго, находитъ необходимымъ эпитетъ Велесовъ внуче перенести къ пѣвцамъ болѣе древнимъ. — Характеристика подобнаго

Бояна и его предшественниковъ совершенна гадательна и едва-ли согласна съ тѣми кратками намеками которые мы находимъ въ лѣтописяхъ, о личностяхъ пѣвцовъ и съ тѣми произведеніями которыя сохранились въ устахъ народа хотя и въ постоянно подновляемомъ видѣ; сущность же ихъ содержанія относится къ отдаленнѣйшей древности. «Отношенія Бояна говоритъ г. Буслаевъ, къ Божеству мирнаго быта земледѣльческаго и осѣдлаго опредѣляютъ понятія и убѣжденія древней Руси и связи поэзіи съ высшими, миѳическими существами и съ тою эпохою, къ которой относили у насъ происхожденіе поэзіи. Поэтъ былъ внукомъ бога, съ поклоненіемъ которому славянскія племена на Руси перешли изъ быта пастушескаго къ земледѣльческому. Слѣдовательно самая поэзія Руси первоначально была порожденіемъ мирной сельской жизни; она была плодомъ общаго довольства, скромнаго благополучія трудолюбивой жизни, подобно тому, какъ и теперь множество пѣсенъ обрядныхъ сопровождающихъ посѣвъ, сѣнокосъ, жатву и другія сельскія занятія, могло быть названо произведеніемъ вдохновенія тѣхъ же древнѣйшихъ пѣвцовъ внуковъ Волоса, къ которымъ авторъ «слова о п. иг.» причисляетъ Бояна».

«И такъ Боянъ, пѣвецъ усобицъ и воинскихъ походовъ князей, названъ внукомъ божества довольства и мирнаго благополучія. Это противорѣчіе объясняется тѣмъ, что Боянъ названъ внукомъ Велеса только по старой привычкѣ, какъ въ старину, гораздо прежде исторической междоусобной поэзіи называли поэтовъ миѳологическаго обряднаго эпоса родственными узами связаннаго съ бытомъ сельскимъ земледѣльческимъ. *Русская поэзія, содѣлавшись историческою, уже прервала непосредственную связь съ миѳологіею. Слѣдовательно эпитетъ поэта Велесовъ внукъ, не могъ сложиться для поэта историческаго, для Бояна. Боянъ уже наслѣдовалъ этотъ эпитетъ отъ прежнихъ пѣвцовъ, которые имѣли большее право называться внуками божества мира и благополучія сельской жизни.*»

«Напротивъ того, по сѣвернымъ миѳологическимъ и поэтическимъ сказаніямъ получившимъ свое высшее развитіе въ эпоху воинственную, поэты получаютъ даръ вдохновенія отъ напитка

божества Одина, покровителя воиновъ и ихъ бурной, исполненной треволненій жизни. Такимъ образомъ, самыми отношеніями своими къ міру миѳическому, поэзія славянская существенно отличалась отъ сѣверной».

«Въ заключеніе, о древнѣйшей русской поэзіи XI и XII вѣка почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи ея къ жизни и литературѣ».

«Не приводя здѣсь общеизвѣстныхъ свидѣтельствъ о грубомъ язычествѣ народныхъ массъ въ XI вѣкѣ о почитаніи волхвовъ, о соперничествѣ этихъ послѣднихъ съ христіанскимъ духовенствомъ и т. п., все же я долженъ замѣтить, что эта языческая почва не могла не поддерживать во всей свѣжести прежнія силы древняго миѳологическаго эпоса, въ эту эпоху, когда Боянъ складывалъ свои историческія пѣсни. Въ послѣдствіи, вѣроятно, опредѣлится въ большей ясности характеръ и этой чисто языческой поэзіи XI вѣка. *Но для насъ въ настоящемъ случаѣ важно то обстоятельство, что Боянъ съ своими историческими пѣснями выдвинулся изъ этой темной массы языческаго чествованія волхвовъ.* Онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію пѣвцовъ; онъ былъ житель лучшей, образованнѣйшей страны, именно южной Руси. Вмѣстѣ съ особенностями южной рѣчи и поэзіи на немъ отразилась и ранняя образованность той страны; и въ то время какъ по Волгѣ, по Шекснѣ и на Бѣлѣозерѣ кудесники творили разныя чудеса, а въ Новѣгородѣ волхвъ собиралъ около себя народъ противъ князя и епископа, нашъ югорусскій пѣвецъ былъ уже другомъ князей и не только прославлялъ ихъ подвиги, но и осуждалъ усобицы».—(Лѣтописи русской литературы и древностей 1852, т. 1. — Русская поэзія XI и начала XII вѣка. Отд. 1, стр. 29—31)».

Признавая Бояна пѣвцемъ XI или XII столѣтія приходится какъ мы видимъ предполагать что эпитетъ Велесовъ внуче приданъ Бояну по старой памяти какъ у насъ недавно называли Поетовъ «питомцами музъ» «или внуками Аполлона». — Такимъ образомъ изъ краткой до послѣднихъ предѣловъ характеристики Бояна въ нашей пѣсни XII столѣтія сподозривается значительная часть.

Г. Буслаевъ сознавая всю несообразность эпитета «Велесовъ внуче» приданное предполагаемому пѣвцу XII столѣтія взводитъ на пѣвца Игорева тяжкое и незаслуженное обвиненіе въ псевдоклацисизмѣ. Я давно убѣжденъ что нашъ великій и оригинальный поэтъ былъ хорошо знакомъ съ Гомеромъ и Еврипидомъ. Весьма можетъ быть что онъ былъ знакомъ и съ тѣми древними сказаніями которыми необходимо пользовались Гомеръ и Еврипидъ въ своихъ рознящихся изложеніяхъ одного и того же мѵѳа. — Но я никогда не воображалъ возможнымъ приписывать безъ сравненія сомобытному поэту XII столѣтія претензію на клацисcизмъ и даже на псевдоклацисcизмъ XVIII столѣтія, весьма сомнительнаго свойства.

Нашъ знаменитый Палеографъ Срезневскій зачислилъ Бояна пѣвцомъ XII столѣтія.—Соображенія оправдывающія эту мѣру сосредоточены кажется въ вышеприведенной выпискѣ изъ Лѣтописи Русской Литературы. Сколько мнѣ извѣстно по этому поводу другихъ разъясненій обнародовано не было. Основаніе почему загадочный Боянъ отнесенъ къ XII столѣтію въ Исторіи Словесности остается загадочнымъ. Поспѣшность эта тѣмъ менѣе понятна что Филологія и Исторія у насъ идутъ съ замѣчательной осторожностію. Подобное же отсутствіе мотивовъ въ рѣшеніи вопросовъ оправдывается только, да и то условно, при отправленіи текущихъ дѣлъ или въ передовыхъ статьяхъ ежедневныхъ газетъ.

Единственная историческое основаніе дозволяющее признавать въ Боянѣ пѣвца XI — XII столѣтія это жалкій памятникъ конца XIV столѣтія «Задонщина»: «не проразимся мыслію по землямъ; помянемъ первыхъ лѣтъ времена, восхвалимъ вѣщаго Бояна, въ городѣ Кіевѣ гораздо Гудца. Той бо вѣщій Воинъ, воскладая свои златыя персты на живыя струны, пояше славу Русскымъ княземъ; первому князю Рюрику, Игорю Рюриковчу и Святославу, Ярополку, Владиміру Святославичу, Ярославу Володимеровичю, восхваляя ихъ пѣсньми и гуслеными буйными словесы. Азъ же восхвалю пѣснеми и гуслеными словесы господина русскаго, господина князя Димитрія Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича, занеже ихъ было мужество и желаніе за землю Русскую и за вѣру Христіянскую. Се бо князь великой Дмитрій Ивановичь и братъ его

князь Володимеръ Ондрѣевичь поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостью, помянувше прадѣда князя Володимера Кіевскаго, царя Русскаго. Оле жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха взыди подъ синіе облакы, посмотри къ сильному граду Москвѣ, пой славу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Володимеру Ондрѣевичу».

Эта жалкая парафраза драгоцѣнна въ томъ отношеніи что подтверждаетъ извѣстность пѣсни Игоревой въ Москвѣ въ періодъ освобожденія отъ Татарскаго ига. — Составитель задонщины, прошелъ курсъ Исторіи и онъ далеко не безграмотный человѣкъ относительно своего времени. Его переписывали, существуютъ даже значительные варьянты.—Выписки изъ его поэмы внесены въ сочиненія серіозныя.—Свидѣтельство его должно бы было быть уважено относительно существованія Кіевскаго Бояна, предшественника пѣвца Игоря, къ коему этотъ послѣдній могъ относится съ той степенью уваженія которая явно обнаруживается въ пѣсни Игоревой.—Но съ другой стороны сочинитель Задонщины заявляетъ такое отсутствіе умственныхъ способностей въ своемъ подражаніи что его критическій взглядъ на Бояна упоминаемаго въ пѣснѣ XII столѣтія не можетъ заслуживать довѣрія—а ошибка для него была такъ естественна и легка въ его время что новѣйшіе критики совершенно основательно принебрегаютъ подкрѣплять свое воззрѣніе, его свидѣтельствомъ. Корень національной, эксклюзивной школы запустилъ какъ видно глубокіе корни и имѣетъ несомнѣнно почву историческую.—Какъ широко и глубоко не укоренилось это мысленное древо но отъ него ожидать плодовъ удобоснѣдаемыхъ нѣтъ надежды пока снова не привьется ростокъ культурный: неумолимый законъ въ царствѣ существъ органическихъ.

63 67. КомониржѹтьзаСѹлоюзвенитьслававъКыевѣ трѹбытрѹбѧтьвъНовеградѣстоѧтьстѧзи въ Пѹтивлѣ ИгорьждетъмилабратаВсеволода.

§ 14. Воинственное одушевленіе въ Кіевѣ; войска гатовы къ походу за Сулой, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, и въ Путивлѣ пока Игорь ожидаетъ брата.

Покойный кн. Оболенскій пологаетъ что «звенитъ Слава въ Кыевѣ» обозначаетъ выносъ главнаго знамени съ изображеніемъ славы. Кіевъ не участвовалъ въ походѣ а потому здѣсь кажется слава равнозначуща молвѣ. О народной молвѣ касательно похода здѣсь можетъ быть упомянуто но весьма сомнительно чтобы здѣсь Пѣвецъ Игоревъ упомянулъ бы о выносѣ народнаго знамени въ слѣдствіи опасеній возбужденныхъ въ Кіевѣ необдуманномъ и опасномъ предпріятіи, хотя самъ по себѣ торжественный выносъ священнаго знамени, такъ какъ это дѣлаютъ Турки, для собиранія войска и возбужденія народонаселенія къ принятію участію въ войнѣ свойственъ всѣмъ воинственнымъ народамъ.

Ал. Чистяковъ (жизнь древнихъ Славянъ по Хроникѣ Дитмара С.-Петербургъ 1857 г. с. 11). приводитъ слова Дитмара: «Лютичи союзники Императора, возращаясь разгнѣванные, жалуются на оскорбленіе нанесенное ихъ богинѣ. Она сдѣланная на знамени (in Vexillis formata) была поражена камнемъ однимъ изъ сподвижниковъ Мархіона Геримана; и когда служители ея со скорбію донесли объ этомъ Императору, на исправленіе получили 12 талантовъ. Но при переходѣ около города Вурцина черезъ рѣку Мильду чрезвычайно разливавшуюся, они потеряли другую богиню съ сопровождавшими ея 50 лучшими воинами». Изъ этого мѣста видно, что изображенія богинь дѣлались на знаменахъ, чѣмъ объясняется и то обстоятельство, что змамена эти были въ большемъ уваженіи у Лютичей, они находились во храмѣ «ихъ выносятъ, говоритъ Дитмаръ, только во время похода».

По поводу этого знамени кстати для полноты присовокупить замѣтку о Porcus Trojanus, Troja, и французской truie, заимствованную въ сообщенномъ мнѣ отдѣльномъ оттискѣ Матицы Словенскы. Slovanski elementi v Venetšćini. Davorin Terstenjak. v Ljubljani 1874. Troja fuit inter arma Templi affixa, amorum insigne quod nonulli asserunt. Troja namque vulgo Italice, latineque scropha vel sus dicitur, cui vocabulo licentia sui allusit poeta: quod animal, quia ejus nomen urbi Trojae congruebat, aureo vexillo insigne armorum statuit Antenor absumptae urbis Trojae memoria. (Messalae Corvini Orat. Diss. at. Octav. Aug. de progenie sua libell.).

Для поясненія привожу выписку изъ Дюканжа: Troiam autem veteribus Latinis prosue accipi docet Pomponius Sabinus ad I Aeneid. Armaque fixit Troia: Troia, inquit nomine in Latio scrofa appellatur...

68—85. ИречеемѹБѹйТѹръВсеволодъодинъбратъодинъ
свѣтъсвѣтлыйтыИгорюобаесвѣСвѧтъславличѧсѣдлай
братесвоибързыикомоннамоитиготовиосѣдланиѹКѹрь
сканапереднамоитиКѹрѧнисвѣдомикъмети подъ трѹба-
миповитиподъшеломывзлелѣѧныконецькопіѧвъскръ-
мленипѹтиимъвѣдомиѧрѹгыимъзнаемилѹциѹнихъ на-
прѧжени тѹли отворени сабли изъострени сами скачють
акысѣрыивлъцивъполѣищѹчисебечтиаКнѧзюславѣ.

§ 15. Братское привѣтствіе и приглашеніе отправиться въ походъ. Описаніе Всеволодомъ героическаго воспитанія своихъ сподвижниковъ. Здѣсь упоминается лишь о встрѣчѣ Игоря съ однимъ Всеволодомъ, а войско Всеволода пока напереди у Курска, что согласно съ показаніемъ лѣтописи. Соединеніе же обоихъ войскъ было около Донца. Отсутствіе внѣшней и грамматической связи съ нѣкоторыми оборотами, обозначаетъ подраздѣленіе Слова на нѣсколько главъ или дѣйствій: 1) Тогда Игорь взрѣ 2) И рече ему Буй Туръ.

Это отрывистое начало главъ совершенно въ Библейскомъ духѣ. Оно также свойственно Иліадѣ и Нибелунгамъ и указываетъ на несомнѣнное подраздѣленіе поэмы на нѣсколько пѣсенъ.

Странно толкованіе Шишкова, что Буй-туръ, Буйволъ. Туръ именно отъ того и прозвище героевъ, что Туръ не волъ. Буйволъ также не можетъ быть однозначущь съ Буй-туромъ, ибо Буйволъ животное лѣнивое и самаго несчастнаго вида.

Это прозвище даваемое въ народной поэзіи Сѣвера и Востока витязямъ распространенное на цѣлыя области и племена: ταυρισκοι, Волохи, ταυροι, Руссы, Туранъ—Турки, принадлежитъ животному упоминаемму въ духовной Мономаха, и о коемъ древніе греческіе писатели оставили намъ розняціяся между собою свѣдѣнія.

Эта порода встрѣчается нынѣ въ Бѣловежской пущѣ и на Кавказѣ. О Турахъ сообщены были весьма любопытныя свѣдѣнія въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ изданій за нѣсколько лѣтъ назадъ извѣстнымъ профессоромъ Рулье.

Выраженіе это встрѣчается въ Словѣ о полку Игоревѣ 6 разъ. Одинъ разъ въ значеніи «быкъ». Для сравненія дружинъ великаго князя Рюрика и смоленскаго Давыда § 93, «*не ваю* ли храбрая дружина рыкаютъ акы *тури*, ранены саблями калеными на полѣ незнаемѣ». Остальные пять разъ это выраженіе дается постоянно и единственно одному Всеволоду:

§ 15. И рече ему Буй Туръ Бсеволодъ.
§ 38. Яръ Туре Всеволодѣ.
§ 39. Камо Туръ поскочяше.
§ 39. отъ тебе яръ Туре Всеволодѣ.

Въ концѣ пѣсни § 145. Буй Туру Всеволоду.

Выраженіе это обще греческой, персидской и скандинавской поэзіи. Гомеръ и Есхилъ употребляютъ имя Тура—какъ прозвище героевъ. Встрѣчаемыя часто въ Илліадѣ прозвища ταυρος βους и Θουρος•Αρης соотвѣтствуютъ русскимъ прозвищамъ «*буй туръ*» и *ярый туръ*. Эти прозвища сродныя между собою могутъ быть сродни съ Артуромъ средневѣковыхъ сказаній какъ предполагаетъ г. Больцъ переводчикъ Слова на нѣмецкій языкъ.

Въ Шахнаме храбрѣйшій изъ трехъ безъимянныхъ сыновей Феридуна получаетъ имя Тура послѣ испробованіи его храбрости. Г. Ердманъ въ статьѣ о «Словѣ и полку Игоревомъ» приводитъ изъ восточныхъ писателей нѣсколько примѣровъ употребленія сего выраженія для обозначенія витязей и князей.

Въ Еддѣ Снорра Стурлезона по извлеченію находящемуся въ Датской Исторіи Маллета (Hist. du Danemark par P. H. Mallet. Geneve. 1787. T. II. p. 140) упоминается пословица касательно сего прозвища:

...il y a le Dieu Tyr qui est le plus hardi et le plus intrépide des dieux: il dispense les victoires à la guerre; c'est pourquoi les guerriers font bien de s'adresser à lui. Il est passé en proverbe de

dire *brave comme Tyr* pour designer un homme, qui surpasse les autres en valeur (gylfaginning. 25).

Конецъ—винительный падежъ съ опущеніемъ предлога (сравн. § 10).

Яруга—оврагъ, сохранилось доселѣ въ сербскомъ нарѣчіи die Bergriese и въ иллирійскомъ: Iaruga — ein Bach oder Graben der von einem Berge herunter führt. *Iarunga*—ein tiefer Graben *Iaruga*. (roat. fossa profunda hians. *Iarugar*—Bosn. palus—stagnum. Въ русскихъ областныхъ нарѣчіяхъ: яругъ), ручей и буеракъ. (Опытъ Област. В. Р. 1852).

Въ Польскомъ языкѣ слово это мало употребительно. Сравнить Словарь Линде.

Къмети—слуги—сподвижники: въ Лаврентьевской лѣтописи подъ год. 6583 «се нивчтоже есть, се бо лежитъ мертво (злато и сребро) сего суть кметье луче, мужи бо ся доищють и больше сего».

Въ духовной Владиміра Мономаха: «а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусь и пр. . . и инѣхъ *кметій*.

По Польски кметь означаетъ крестьянина. Но въ другихъ Словенскихъ нарѣчіяхъ это прозваніе почетнѣе. Трудно сомнѣваться, чтобы оно не было сродно съ Латинскимъ comes, comitis и Греческимъ κομητης; общая—основная мысль соединяющая въ себѣ всѣ эти значенія, сосредоточивается въ сподвижничествѣ.

86—87. ТогдавъстꙋпиИгорьКнѧзьвъзлатъстремень ипоѣхапочистомꙋполю.

§ 16. Игорь, извѣщенный братомъ, что войско его уже готово, отправляется въ походъ. Здѣсь дѣйствіе начинается опять отрывисто какъ въ § 7—15.

88—90. Солнцеемꙋтьмоюпꙋтъзастꙋпашенощьсто-нꙋщиемꙋгрозоюптичьꙋбꙋдисвистъзвѣринъвъстазби.

§ 17. Усиленіе зловѣщихъ предзнаменованій. Какъ уже замѣчено въ § 7. Зловѣщее знаменіе солнца заключается въ тѣни имъ

бросаемой на предметы. Тѣнь при обозрѣніи войска ложилась на воиновъ, при походѣ тѣнь ложится на дорогѣ. Здѣсь знаменіе совершенно противоположно знаменію въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ, въ послѣднемъ солнце свѣтитъ сзади и освѣщаетъ предметы, представляющіеся войску, идущему къ востоку. При походѣ же Игоря представляется солнце накидывающимъ тѣнь передъ войскомъ по дорогѣ и освѣщающимъ предметы, находящіеся въ тылу войска, тогда какъ восточная сторона покрывается тьмою.

Пока нѣтъ, кажется, указаній на употребленіе слова стазьба въ Словенскихъ языкахъ. Остается догадываться, что стазьба означаетъ пастбище или степь, съ коими имѣетъ сходство,—сравнить можно также «стезя» стега — проселочная дорога, стежка — тропинка. (Оп. Област. Великорос. Слов.). Стазби, можетъ также быть описка вмѣсто «*пастьби*» стазьба Бѣлоруски вмѣсто стадьбы.

О святый Кузьма Дямъянъ

Прихадзи на свадзьбу къ намъ

Са сваимъ святымъ кузломъ

И скуй ты намъ свадзибку.

Крѣпко крѣпко на крѣпко.

Записано въ Ржевскомъ уѣздѣ. См. также Цебрикова 286. Аѳанасьевъ Поэтич. воз. Славянъ Т. I, 466.

Усадьба польски Sadziba. Бѣлорусски садзиба. Этому свойству буквы d принимать смягчительно z, соотвѣтствующему вѣроятно Церковно Словянскому дь, соотвѣтствуетъ въ Индоевропейскихъ языкахъ греческое Δ, произносимое нынѣшними Греками какъ Англійское th въ the и that.—Сербски Ђ.

Окончаніе ба весьма свойственно Славянскимъ нарѣчіямъ, гульба, служба, судьба, стражба. «И сохраниша стражба и оправданія его». Второзаконія гл. а҃і.—«Гостешбу дѣя по градомъ (Лавр. л. 1229). гостьба (Прологъ іюль 31). Правда и судьба исправленіе престола его». псаломъ ч҃з правда и сѫдъ въ Погод. Псал. XII ст. (Срзн. Сбор. 241).

Снегиревъ говоритъ (Руск. простонародные праздники, вып. Ш. Москва 1837): «По видимому, какъ выше замѣчено, семикъ составлялъ одно съ древнимъ Славянскимъ стадомъ, Сеймикомъ и, по самому прозванію народному, Тюлпою или толпою», стр. 114.

«Въ Москвѣ и даже въ Сибири Семикъ называется Тюлпою, сходною съ древними Славянскими Паствинами, о коихъ говорится въ XIII вѣкѣ (харатейная Кормчая Постр. М. Биб.) и стадомъ, о коемъ упоминаетъ Длугошь въ XV вѣкѣ, какъ о языческомъ обрядѣ, совершавшемся ежегодно въ дни Пятидесятницы потому что на это празднество собирались толпами или суіомами (I. Dlugossii Hist. Polonica l. VII. ed. G. Grodecki. Lipsiae. 1711 f.) а стадится, по изъясненію Академическаго Рос. Словаря значитъ собиратся въ толпу. (стр. 100). Максимовичь, принимая *зби* за описку вмѣсто *зви*, предлагаетъ отдѣлить *зби* отъ *ста*, присоединять *ста* къ предлогу *въ* и за тѣмъ читаетъ:

„Свистъ звѣринъ въста
Зви Дивъ кличетъ връху древа:

91—95. Дивъкличетъвръхꙋдревавелитъпослꙋшати землинезнаемѣвлпзѣипоморїюипосꙋлїюисꙋрожꙋи Корсꙋнюитебѣтьмꙋтораканьскыйблъванъ.

§ **18.** Злой духъ, покровитель прилегающихъ къ Кавказу земель между Каспійскимъ моремъ и Чернымъ, подаетъ вѣсть о наступленіи Русскихъ. Дивъ здѣсь является согласно съ представленіемъ онаго въ Персидскихъ миѳахъ, гдѣ по словамъ Herbelot (Bibl. Orientale) онъ является сторожемъ царства Сиѳа и Кайумарраѳа.

Surkhrag (. . . nom d'un Diw ou geant. . . тамъ же) qui regnait alors dans la montagne de Caf, *entretint toujours bonne correspondence* avec Kayoumarrath aussi bien qu'avec Seth, *et empécha que Ses sujets les Diws* qui l'avaient suivis et qui n'étaient pas devenus diables comme ceux du parti d'Eblis et qui cependant ne valaient gueres mieux, *ne les molestassent*, *ni eux ni leurs sujets*.

Dann nahst du wüsten riesgen Felsenmassen,
Selbst Gemsen wird es schwer, dort Fuss zu fassen,—
Und drauf wirst du an einen Strom gelangen,
Dess breite zwei, ja mehr der Farasangen;
An ihm hält Kenarenk der *Diw* die Wacht,
Er hat ob vielen andern Diwen macht.

Heldensagen von Firdussi übersetzt von Ad. Fr. von Schack. Berlin 1851. стр. 239.

Это весьма замѣчательный намекъ пѣвца на басни Восточныхъ народовъ, указывающій на принадлежность половцевъ міру Персидскому.

Блъванъ—истуканъ—кумиръ, языческій богъ. По Польски балвохвальство—миѳологія.

Того же (6754) лѣта Михайло Князь Черниговскый, со внукомъ своимъ Борисомъ, поѣхаша въ Татары, и бывшимъ имъ въ станѣхъ посла Батый къ Михаилу Князю, веля ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ; Михайло же Князь не повинуся велѣнью ихъ, но укори и глухыя его кумиры. (Лаврен. лѣт.).

Прилагательное незнаемь свойственно издревле эпической поэзіи, Земля незнаема terra—incognita.

Nudus in ignota, Palinure, jacebis arena. Виргилій. Енеида V. 871.

96—99. АПоловцинеготовымидорогамипобѣгоша къДонꙋвеликомꙋкрычатътѣлѣгыполꙋнощирцилебеди роспꙋщени.

§ 19. Не готовый соотвѣтствуютъ нынѣшнему выраженію неуготовленный, не готовыми дорогами обозначаетъ отсутствіе дорогъ—степьми и горами. «Прѣдъидеши бо предъ лицемъ господнемъ уготовати путь его». Погод. псалт.

Leur nom de tribus etait Kangly qui selon Aboul ghazi derive du bruit qui font les roues des voitures قنك (Konk) dont ils pretendent être les inventeurs....... les Komans et les Kanglis qui unis formaient la nation des Nogais. Plusieures hordes portent encore le nom de Kangly.

Стр. 115. Klaproth говоритъ, что Ногайцы хвалятся тѣмъ, что ѣздятъ, какъ честные люди, т. е. не въ тихомолкѣ.

Dans l'atlas manuscrit de Piere Visconti d'Iania dressé en 1318 on voit le nom de Komania ou Chumania au Nord de la mer d'Asow à peu près aux environs du Moloschnoie ozero. Il y a environ 40 ans que les hordes Nogais Kabil—Kangli—Argakli, въ Библіи—Kagli, fesaient encore

paitre leurs troupeaux dans le même endroit. Voyage au Caucase. Klaproth T. I, p. 100—102.

Въ сокр. Новг. лѣт. Супр. рук. изд. Кн. Оболенскимъ: стр. 109. «А Мамай страхомъ встрепетавъ и велми въстонавъ, и рече в собѣ великъ есть Богъ Христіаньскый и велика сила его. Братіе Измалитовичи, безаконьніи Агаряне, побѣжите *неготовыми дорогами*.

Довольно странно, что никто, кажется, не воспользовался симъ выраженіемъ, чтобы помѣстить разсужденія о невозможности во времена Игоря Святославича понятія о различіи между уготовленными и не готовыми дорогами, и не основать на ономъ доказательство составленія сей пѣсни въ позднѣйшія времена. Слѣдующія слова «крычатъ телѣги полунощи» навлекли подозрѣніе, что сочинителю слова извѣстенъ нынѣшній Французскій языкъ. Столь естественное выраженіе не можетъ считаться за Галлицизмъ.

Полунощи предложный падежъ съ опущеніемъ предлога. Если принять что полу и нощи одно слово, но раздѣливъ это нарѣчіе на составныя части «*полу*» предложный падежъ, а нощи родительный, выйдетъ также правильное предложеніе.

Сравненіе скрыпа телѣгъ съ распущенными лебедями, т. е. лебеди съ распростертыми крыльями, согласно съ наблюденіемъ природы, и древнимъ искусствомъ, ибо такъ представлялись поющіе лебеди (Филостратъ младшій).

100. ИгорькъДонꙋвоиведетъ.

§ 20. Приближеніе Игоря къ Дону.

101—104. Ꙋжебобѣдыегопасетъптицьподобїювлъци грозꙋвъсрожатъпоѧрꙋгамьорликлектомънакостизвѣ-ризовꙋтълисицибрешꙋтъначръленыѧщиты.

§ 21. Звѣри и птицы чуютъ погибель Русскихъ и сопровождаютъ войско.

Вороны стаями слѣдятъ за войсками въ ожиданіи добычи, птицы указываютъ преслѣдующимъ путь бѣгущаго, волки также слѣ-

дятъ за движеніемъ людей съ разсчетомъ на поживу.—Эти примѣты обратились въ суевѣріе. Масса въ разсказѣ своемъ о смутномъ времени говоритъ: «Въ теченіи этого же мѣсяца, (января 1605) ночью слышали вокругъ Москвы страшный вой волковъ. Они бродили по окрестностямъ и такъ выли, какъ будто ихъ было несмѣтное множество (leeger volck). Въ городѣ, близь Кремлевскаго рва, поймали нѣсколько лисицъ, забѣжавшихъ изъ лѣса, находившагося на другой сторонѣ рѣки. Вообще тогда повсюду проис ходило много чудеснаго. (Изд. Арх. Ком. 1874 г. стр. 119).

Подобію,—дательный съ опущеніемъ предлога, также какъ и *точію* употреблено какъ нарѣчіе. Подобію—также, подобно.

Птиць принимается за именительный единственнаго числа, какъ имя существительное собирательное въ значеніи птицы—птичь родъ. Если употребленіе прилагательнаго птичь какъ имя собирательное можетъ быть допущено на основаніи соотвѣтствующихъ примѣровъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ то «пасеть» правильно, и въ разбираемомъ § вовсе нѣтъ описки. Ганка въ разборѣ сочиненій Миклошича (Slovanska Mlovoveda v Prage1852.) приводитъ *птишть* т. νοσσος ptacé, pullus avis (396 Cod. Suprasl). Въ случаѣ же если слово «птиць» съ подразумѣваніемъ слова «родъ» не можетъ быть принято за имя собирательное, то пасеть должно быть принято за описку вмѣсто *пасуть*.

Глаголъ пасти соотвѣтствуетъ глаголамъ собирать и стеречь, а посему «бѣды могутъ пасти» т. е. собирать птицъ, и на оборотъ птицы могутъ стеречь бѣды, т. е. гибель войска.

105. ОРꙋсскаѧземлеꙋжезаШеломѧнемъеи.

§ **22**. Собственное, отрывочное въ родѣ § 12 и 15, замѣчаніе сочинителя, что Русская земля, т. е. ея жители уже переступили вершину счастія, имъ уже не въ гору, или въ прямомъ матеріальномъ смыслѣ, что у нихъ уже въ тылу хребетъ горъ; сравнивъ сей оборотъ съ § 33, кажется, что эти слова не должны быть принимаемы за обозначеніе мѣстности. Шеломень также какъ и κολοφων, columen, gipfel, sommet, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ переносномъ, въ значеніи вершины счастія.

«Ѣдущимъ же имъ и усрѣтоста гость идущь противу себе изъ Половець и повѣдаша имъ яко Половци стоять на Хоролѣ; святославъ же и Рюрикъ то слышавша, и рада быста и поидоста къ нимъ. Володимеръ же и Мстиславъ, слышавше, придоша къ мѣсту тому, идѣже указаша гостье; пришедши же на мѣсто то, идѣже стояли, и не видиша никого же: шли бо бяхуть на ино мѣсто, възлѣ хоролъ; наворопници разъѣздъ—рекогносцировка, произведенный Владиміромъ Глѣбовичемъ и Мстиславомъ Романовичемъ, же перешедше Хоролъ взидоша на шеломя, глядающе гдѣ узрятъ ѣ. — Кончакъ же стоялъ у лузѣ, его же ѣдуще по шоломени оминуша, и ине же въ гаты узрѣвше, удариша на нихъ; Кончакъ же то видивъ, зане утече чрезъ дорогу и мьншицю (παλλακς-pellyx) его яша. И выступиша татарская сила на *Шоломя*, и пойдома съ Шоломяни, такоже и крестьянская сила пойдоша съ *Шоломяни* и сташа на полѣ чистѣ на мѣстѣ твердѣ.—(стр. 40.) «и бѣ уже шестый часъ дни, сходящимся имъ на усть Непрядвѣ рѣки и се внезаапу сила великая Татарская борзо съ *Шеломяни* грядуща, и ту какъ не поступающе сташа: ибо нѣсть мѣста гдѣ имъ разступитися....... Нечестивый же царь Мамай съ пятьми князи большими взыде на мѣсто высоко на Шеломя и ту сташа хотя видѣти кровопролитіе человѣческое и скорую смерть»... стр. 42. Древн. Лѣт. ч. II. изд. при Акад. 1775.

106—110. ДлъгоНочьмркнетъзармсвѣтъзапала мъглаполмпокрылащекотъславіиѹспеговоръгаличь ѹбѹди.

§ 23. Наступленіе зловѣщей ночи и долгое ея продолженіе.— Торжество зла надъ добромъ—мъглы надъ свѣтомъ и говора галокъ надъ пѣснію соловья. Длъго недолжно быть отдѣлено знаками препинанія отъ слова ночь. Галичь—усѣченное прилагательное. Успе— заснулъ—затихъ—умеръ—скончался, въ Лаврент. лѣтоп. въ повѣствованіи о сотвореніи міра (подъ год. 6494) и възложи Богъ на Адама сонъ и *успе* Адамъ, и взя Богъ едино ребро у Адама».

Подъ годомъ 6496 (о крещеніи Владиміра) «нощь успе, а день приближеся».

Убуди 3-іе лице прошедшаго времени, убудихъ, убуди.

Убудити глаголъ дѣйствительный, пробудить: «ночь стонущи ему грозою птичь убуди. Убуди жирныя времена.

Убудился Господь Богъ на злобу. Прор. Даніила гл. 9, ст. 14.

Въ Лаврентьевской лѣтописѣ подъ годомъ 6714:

«И бысть *говоръ* великъ акы до небеси отъ множества людій».

А. М. Майковъ полагаетъ, что здѣсь идетъ дѣло о долгомъ наступленіи утра—основываясь на томъ, что ночная пѣснь соловья замолкла и начался утренній говоръ галокъ. — Это весьма вѣрная мысль, если только можно придать глаголу меркать значеніе мелчать—уменшаться, что весьма правдоподобно ибо переходъ р въ л свойственъ Словенскому и другимъ Индо-Европейскимъ языкамъ.

Меркнуть, морочить, мерещиться, мерцать имѣютъ всѣ значеніе проглядывать и изчезать, и однородны кажется съ глаголомъ мелькать. «Запала»—едва показалась и почти исчезла во мракѣ.

Die Luft hat ihre Mässigung verloren,
Die Fluren und die Bäume sind geschoren,
Und in der Nachtigallen Stätten haben
Ihr Nest jetzt angelegt die dunkeln Raben.

Стихи эти изъ Achmedis Iskendername цитуетуемые Веисманомъ въ изданіи: Alexander vom Pfafen Lamprecht. Frankfurt am M. 1850, B. II, S. 593, указываютъ на несомнѣнное и весьма близкое сродство Русской эпической поэзіи съ Восточной.

111—113. Рꙋсичивеликаѧполѧчрьленымищитыпрегородиша ищꙋчисебѣчтиаКнѧзюславы.

§ 24. Послѣдній ночлегъ Русскихъ передъ битвой съ Половцами Огражденіе войска щитами на ночлегѣ; «reliquum noctis scutorum defensione transegit». Iornandes XL. «multiplicato scutorum ordine in orbiculatam figuram metatis ocius quievimus castris». Amm. Marcelini L XXIV c. 8.

114—119. Съзаранїѧвъпѧткъпотопташапоганыѧ плъкыПоловецкыѧирассꙋшѧсьстрѣламипополюпомчаша красныѧдѣвкыПоловецкыѧасънимизлатоипаволокыи драгыѧаксамиты.

§ **25**. Пораженіе Половцевъ и разбродъ войска на добычу.

Разсушясь. 165 прим. Магистра Дубенскаго: «первые издатели перевели это слово разсыпавшись; Г. Пожарскій разсучась, развіясь образуя *ш* изъ *ч*. Но лучше выводить слово разсушась отъ рассутися, рассупутися (корень-суто-сути-сунути)-разсоваться: у Малороссовъ рассулися стрѣлками по полю (сооб. Д. Ч. Бодянскимъ); см. гл. сую у Добровскаго (Грам. яз. Слов. Ч. I. стр, 408) въ числѣ словъ, употреблявшихся въ древнемъ языкѣ. Сравнимъ въ Правдѣ Русской (Рус. Дост. I, стр. 30); конемъ соути овесъ въ смыслѣ выдавать, сыпать».

Г. Снегиревъ исправляетъ: рассутясь вмѣсто рассушясь, кажется основательно.

Въ Лавр. Лѣт. Лѣт. подъ год. 6453 и повелѣ (Ольга) людемъ своимъ *съсути* могилу велику, яко соспоша и повеле тризну творити. Варіантами глагола съсути приведены въ изд. Археогр. Ком. *сыпати* и *ссыпати*. Глаголъ *росулися* встрѣчается также въ Лавр. Лѣт. подъ год. 6575: се Половци росулися (сулить—сулица) по всей земли. Всѣ эти глаголы суть однозначущи съ глаголомъ разсыпаться «И тако угадавше и ѣхаша черезъ ночь, Заутра же пятъку наставшу, во обѣднее время усрѣтоша полкы Половецкіѣ: бяхуть бо до нихъ доспѣлѣ, вѣжѣ своѣ пустили за ся, а сами собравшеся отъ мало и до велика, стояхуть на оной сторонѣ рѣкы, Сюурлія». (Ипат. Л. 1185).

Игорь видѣлъ знаменіе по сю сторону Донца въ часъ вечерній въ середу 1-го мая, перешелъ черезъ Донецъ и подошелъ къ Осколу и здѣсь прождалъ два дня брата т. е. середу и четвергъ. «И оттуда поидоша къ Сальницѣ» побѣду одержалъ Игорь въ пятницу 3-го мая на берегу Сюурлія.

Ни въ пѣсни ни въ Лаврентьевской Лѣтописи время похода не

обозначено. Въ Ипатіевской дни и числа опредѣлены но вмѣстѣ съ тѣмъ Лѣтописецъ говоритъ что войско шло медленно. Но переходъ изъ Новгорода Сѣверскаго къ Донцу въ 7 дней, переходъ далеко не медленный. Можетъ быть впрочемъ что войско выступило ранѣе 23 апрѣля и собиралось не въ Новгородѣ, а 23 апрѣля выѣхалъ Игорь. Самое затмѣніе солнца 1-го мая упоминается Въ Лаврентіевской Лѣтописи до похода. Судя по словамъ Пѣвца Игорь могъ видѣть предзнаменованіе въ тѣни ложившейся на войско. Показаніе же Ипатіевской Лѣтописи весьма опредѣлительно. Быть можетъ что числа и самое затмѣніе пріурочены къ походу въ послѣдствіи подъ вліяніемъ пѣсни.

Паволока у Памвы Берынды — виссонъ и иный бисеръ, обо едвабъ (шелкъ) червонный, або наисуптильнѣйшее полотно. Въ сказкѣ о Стратигѣ, говорится о зеленой паволокѣ на конѣ его и чрьвленыхъ наволокахъ коими были покрыты кони его дѣтей.

Оксамитъ, аксамитъ, аксаимитъ, аксаментъ, examitum, aurisamitum, sericum, holosericum. Дубенскій присовокупляетъ что въ Древ. Рос. Вивл. IV, с. 272, и 275, аксамитъ и бархатъ различны. Слово аксамитъ встрѣчается въ Ипат. л. подъ г. 1175, по поводу убіенія Андрея Боголюбскаго: «И пріиде Амбалъ ключникъ, Ясинъ родомъ, тотъ бо ключь держашеть у всего дому княжа, и надо всѣми волю ему далъ бяшеть, — и рече възрѣвъ на нь Кузмище: Амбале вороже, сверзи коверъ ли что ли, что постлати или чимъ прикрыти господина нашего. И рече Амбалъ: иди прочь, мы хочемъ вывречи псомъ. И рече Кузмище: о еретиче, уже псомъ вывречи; помнишь ли жидовчине, въ которыхъ портѣхъ пришелъ бяшеть? ты нынѣ въ Оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ; но молю ти сверьзи ми что любо—и сверже коверъ и корзно; и обертѣвъ ее и несе и въ церковь.

120—123. Орьтъмамииѧпончицамиикожꙋхыначашѧ мостымоститипоболотомъигрѧзцвымъмѣстомъи всѧкымиꙋзорчьиПоловецкыми.

§ 26. *Орьтмами*, по объясненію г. Снегирева сродно съ Греческимъ *αρτημα*, женское, драгоцѣнное украшеніе—по другимъ это

выраженіе однозначуще съ *Орта* ставка. Сюда можно прибавить, что въ древне Германскомъ языкѣ Hort значитъ сокровище кладъ. αρτημα—все что виситъ и преимущественно тяжеловѣсные предметы, у Геродота Серьги; здѣсь вѣроятно значитъ навѣсъ такъ что оно обозначаетъ одно и тоже съ «ортъ» ставка. Кожухъ (тулупъ) употрелялся въ томъ же значеніи. К. И. Г. Р. V. п. 137.

«Астраханскіе казачки носили тому 50 лѣтъ, поверхъ тѣлогрѣи *эпанечки*, родъ халата, изъ цвѣтной матеріи, длиной только до колѣнъ и съ рукавами» говоритъ Небольсинъ не упоминая объ этой одеждѣ у прочихъ племенъ обитающихъ по Волжскому Низовью. Дубенскій касательно сей одежды ссылается на Собр. Гос. Гр. I, 41, и на пр. 38, къ W. И. Г. Р. Карамзина.

«*Кожухъ* (шуба, тулупъ) же оловира Грецкаго и круживы златыми плоскими ошиты» К. И. Г. Р. IV, п. 101.

«И рече Володимеръ: требите путь и *мостите мостъ*, хотяшеть бо на Ярослава ити на сына своего, но разболѣся. (Лавр. Лѣт. 1014).

«И тако *погрязаху*, Ангеломъ топляеми отъ Бога посланнымъ и *нагрязе* озеро труповъ и щитовъ и шеломовъ». (Ипат. Л. 6766). ковчегоу *грязящоу*—navi sumbersa, *грязити*, immergere, грязь, *грязьнъ*, житіе грѣзно, (Миклошичь).

«Присла царь дары многы Ростиславу, оксамиты и паволокы и вся *узорчья* разноличныя. (Ипат. Л. 6672).

124—126. Чрьленъстягъбѣлахорюговьчрьленачолка сребреностружіехраброму Святславличю.

§ **27.** Стягъ сходно съ Standard. etendard, (отъ стягать, тянуть), сандажакъ, войсковое, полковое знамя и часто знамя княжеское. Хорюговь священное знамя отъ χορηγος предводитель хора, хорунжій.

Чолка отъ чело военный значекъ у Сербовъ и Турокъ (челенка).

Дубенскій приводитъ по выпискамъ изъ исторіи Карамзина: Кунуй напя стягъ Володимерь (II, п. 178) В. К. Юрій (1316)

имѣлъ 17 стяговъ (Ш, 165). Видѣхомъ иные полки, знамена же имутъ желты и большія стяги (VI, 54). Повелѣ Святославъ (1220), воемъ оболочитися во брони и стяги наволочити (Ш, 187). Марцелъ (Угорскій воевода) хоругве свой отбѣже (Ш, 133). Хоруговь его раздра (IV, 46).

Въ Лавр. Лѣт. 6677:

И потяша стяговника нашего и челку стяговую соторгоша со стяга... Володиславъ же замысли стягъ взяти Михалковъ, натъкнути нань прилбицю. Въ опис. Слав. Рук. М. С. Б. Горскій и Новоструевъ 2, 2, 85». «Стягъ ли хоругвь ли—знаменье глаголють». Стягъ Vexillum но также и sceptrum; хоругвь Vexilla, но также скиптръ и даже въ значеніи ἡγεμονια, imperium, «койждо держася хороугви своей»—καθ'ἡγεμονιας. (Миклошичь) кійждо держася почину своему. Кн. числъ 2, 17.

Челка должно быть по словопроизводству тоже что прилбица прикрѣпленная Владиславомъ къ Михалкову стягу. «Творити челъкы, рекше постригати на челѣ» (Миклошичь).

Челка можетъ означать кисть, и всякую другую привѣску въ родѣ flamme.

Стружіе снарядъ: ковши, блюды, чаши, въ значеніи сосуда составляющая принадлежность восточныхъ витязей въ походахъ. Ковчегъ съсѫдъ, σκευος, οργανον,—съсѫдъ псальмскъ, музыкальный инструментъ, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ встрѣчается строугла въ повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ. Миклошичь говоритъ, crepundiorum genus, трещотка, гремушка. «Послахъ къ тебѣ Строуглоу яко сію развертаеши». По приведеннымъ выпискамъ ясно что стругла—органъ, инструментъ заводимый. «Заврьтати строуглю».

127. ДремлетъвъполѣОльговохороброе гнѣздо.

§ 28. Сравненіе отдыхающихъ Игоря и ему сродственныхъ Князей съ гнѣздомъ. Игорь и Всеволодъ съ сыновьями, внуки и

правнуки Олега. В. К. Всеволодъ братъ, Андрея Боголюбскаго, называется въ Лѣтописи, Большое Гнѣздо

128—131. ДалечезалетѣлонебылонъобидѣпорожденонисоколȣникречетȣнитебѣчерныйворонъпоганыйПоловчине.

§ 29. Размышленіе сочинителя въ родѣ §§ 12, 15 и 26, что гнѣздо далеко залетѣло (содержащее вмѣсто содержимаго), но что оно не было порождено въ обиду никакой птицѣ, какъ бы она благородна не была, а тѣмъ паче ворону. Лишь необдуманный порывъ излишняя храбрость, могли нанести Игорю и его сподвижникамъ столь жестокое наказаніе.

Выраженіе «не былонъ» считаетъ Ганка за соотвѣтствующее Чешскому nebulon и Русскому не было оно.

Въ этомъ случаѣ здѣсь было бы опущеніе двухъ «*о*» для благозвучія.

Подобное сокращеніе встрѣчается въ Греческомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Но въ Русскомъ нѣтъ примѣровъ подтверждающихъ сіе объясненіе. Кажется, что небылонъ значитъ не было нъ—но не было. Такъ точно составлено часто встрѣчающееся въ Іоаннѣ Екз. Болгарскомъ Калайдовича небонь, не ибо но, но ибо не.

132—133. ГзакъбѣжитъсѣрымъвлъкомъКончакъемȣслѣдъправитъкъДонȣ.

§ 30. Приближеніе помощниковъ къ Половцамъ въ эту ночь. Слѣдъ править, держать тоже направленіе.

134—138. Дрȣгагоднивелмиранокровавыꙗзорисвѣтъповѣдаютъчръныꙗтȣчꙗсъморꙗидȣтъхотꙗтъприкрытидсолнцаавънихътрепещȣтьсинїимлънїи.

§ 31. Описаніе сильнѣйшихъ предзнаменованій погибели Русскихъ, которыми начинается день слѣдующій за торжествомъ Рус-

скихъ, сливающихся съ иносказательнымъ описанiемъ скопленiя враговъ на 4-хъ Князей.

139—144. БытигромѹвеликомѹиттидождюстрѣламисъДонѹвеликагоотѹсѧкопiемъприламатитѹсѧсаблѧмъпотрѹчѧтиошеломыПоловецкыѧнарѣцѣнаКаѧлѣѹДонѹ великаго.

32. Предсказанiя о будущей битвѣ по предзнаменованiямъ. Это воодушевленное описанiе битвы напоминаетъ описанiе также мечтаемой битвы, Бертрана де Борнъ.

Володарь же и Василько побѣдивша стаста *ту* рекуща. — (Др. текстъ Лѣтописи Нестора. 6605).

До *тоу* привести.—Оть *тоу*.—*Тоу* абiе оть начетка моленiе полагаiе — обозначаетъ время и мѣсто, какъ тутъ, туто тутка — (Миклошичъ). Древнее «ту сохранилось въ «нѣту» и «нѣтути.»

Копiе, δορη, hasta (Homiliae Михановича) λογχη, lancea, Остр. Ев. ῥομφαια, gladius, Супр. (Миклошичъ). Копье въ переводѣ Григ. Бог. XII ст. также ρομφαια, оружiе варварское, широкiй ножъ или сабля, оружiе носимое повѣшенное черезъ плечо.—Правильное значенiе копья hasta—копiеносецъ, Копийникъ—hastatus; Копиице, jaculum.

«Саблямъ«.—Скептики начала нынѣшняго столѣтiя сомнѣвались въ древности этого слова. Въ древнемъ текстѣ Лѣтописи Нестора подъ г. 1806: «Лежащю и ту на возѣ *саблею* съ коня прободе и, мѣсяца ноября въ 22 день, и тогда въздвигнуся Ярополкъ, выторгну изъ себе *саблю* и возпи великымъ гласомъ: охъ тотъ мя враже улови». Въ Лавр. же Лѣтописи подъ г. 1175. 1) Оканьнiи же всовашася въ ложницю вси, сѣкше его *саблями* и мечи». Болг. сабь, сабла; Серб. сабля; Пол. szabla; Лит. Soblis; Мадж. szablia; Рум. сабiе; Итал. sciabla; Исп. sable; Фр. sabre.

Дитцъ говоритъ, что слово это въ Романскихъ языкахъ позднѣйшее, а Даль напрасно замѣтилъ что это слово нѣмецкое.

Сабль—пѣтухъ. «Сабль, ходя въ саблицахъ веселъ». Свят. Изб. —

Сабльарка—коза; Saebelziege и рыба Schneider. Сабов—портной сельскій, sartor rusticus.

Сабов, портный достаточно указываютъ что слово происхожденія Славянскаго.

Миклошичъ полагаетъ слово происхожденія маджарскаго: szab—scindere.

Для объясненія «потручяти» Дубенскій приводитъ: «Новгородци мира не даша и стояша три дни и три ночи волость труче, села великая пожгоша. (К. И. Г. Р. IV, п. 214).

Троути травоу и троуі-ѫ, absumere, въ поустошь троуі-єши дрьва свои;—троутити—laedere; сътроутъ,—eversio, сверженіе, раззореніе.

Трѫтъ—custodia, agmen.

Трѫтєнь и троутень въ смыслѣ міроѣда.

Трыі-ѫ—трыти — τρίβειν, terere,—аще не трыѫще оумыѫть рѫкъ.

Также трьти, трѣти — тереть.

Всѣ эти формы, приводимыя Миклошичемъ, весьма близки къ находящимся въ словарѣ Даля.

Сюда же принадлежитъ по Миклошичу, и тризна.—Упоминаемое Іорнандомъ погребальное торжество Гунновъ strawa принадлежитъ еще несомнѣннѣе глаголу троути, тровоу и травити.

Сюда несомнѣнно принадлежитъ и по смыслу, и по словопроизводству, требить, теребить, истреблять, а также трѣсноути и трескати и трѣснъ, fimbria: «тресны злата одѣны».

Значеніе глагола тручати«—износить, изтереть, уничтожить до *тла*. Трутити—глаголъ дѣйствительный, а тлѣть—страдательное состояніе. Изъ этого не слѣдуетъ чтобы оба глагола принадлежали одному корню.

Трученая тряпица, ветошный трутъ, образуемый посредствомъ тлѣнія.

Натрутить руку—натереть.

145—146. ОРѸСКАѦЗЕМЛѢѴЖЕНЕШЕЛОМѦНЕМѢЕСИ.

§ 33. Грустное размышленіе пѣвца въ родѣ §§ 12, 15 и 34 и почти повтореніе восклицанія подъ № 22. Это размышленіе пока-

зываетъ ясно, что Шеломень долженъ быть принимаемъ въ смыслѣ отвлеченномъ—соотвѣтствующее нашему народному выраженію не везетъ—не въ гору, и Греческому Κολοφον — Латинскому columen, съ коими шеломянь весьма сродно.

147—151. СевѣтриСтрибоживнꙋцивѣютъсъморѧ стрѣламинахрабрыѧплъкыИгоревыЅемлатꙋтнетъ рѣкымꙋтнотекꙋтъпоросиполѧприкрываютъ.

§ **34**. Все предвѣщаетъ погибель Игоря и вся природа принимаетъ участіе противъ него.

Выраженіе: вѣтри Стрибожи внуци, соотвѣтствуетъ кажется словамъ Аполлодора: Ἠοῦς δὲ καὶ Ἀστραίου Ἄνεμοι καὶ Ἄστρα (apol. ath. B. bl. I. c. II). Aurorae et *Astraei sunt venti* et Astra.

Происхожденіе слова Стрибогъ удовлетворительно объясняется Словенскимъ языкомъ—стрѣла—острый—стремить—струя. Тутнетъ въ хожденіи Даніила Игумена, обозначаетъ внутренній шумъ земли, пороси (Максимовичъ), пыль по Малороссійски.

Подобныя знаменія свойственны эпической поэзіи — Виргилій: (Eneid. X. 100).

Tum pater omnipotens rerum summa potestas
Infit. Eo dicente Deum domus alta silescit,
Et tremefacta solo tellus, silet arduus aether;
Tum venti posuere, premit placida aequora pontus.

152—154. СтѧзиглаголютъПоловцидꙋтъотъДона иотъморѧиотъвсѣхъстранъ.

§ **35**. Стязи, т. е. знаменоносцы, стоящіе на возвышенныхъ мѣстахъ увѣдомляютъ о большемъ скопленіи враговъ со всѣхъ сторонъ.

Послѣ «стязи глаголютъ» должно замѣнить запятую двоеточіемъ, ибо здѣсь идетъ рѣчь объ извѣщеніи о скопленіи враговъ возвѣщеннымъ уже состояніемъ природы, коего описаніе въ предъидущемъ 34 §.

155. Ръскыя плъкы отступиша.

§ 36. Отступленіе Русскихъ вслѣдствіе дурныхъ предзнаменованій и извѣстія о скопленіи враговъ со всѣхъ сторонъ. Исправленіе, предложенное Ганкою *обступиша* вмѣсто *отступиша* не совсѣмъ удачно, ибо оно уничтожаетъ ясность описанія послѣдующихъ военныхъ дѣйствій. г. Дубенскій въ примѣч. 212, также полагаетъ отступиша за описку вмѣсто оступиша въ значеніи обступиша. Здѣсь нельзя не упрекнуть издателей Слова Плъку Игоревѣ за не обращеніе должнаго вниманія на изслѣдуемый ими текстъ. Въ Словѣ весьма правильно и ясно говорится, что Русскія войска отступили послѣ первой побѣды своей, вслѣдствіе дурныхъ предзнаменованій или заговора всей природы противъ нихъ а главное вслѣдствіи чрезвычайнаго скопленія враговъ. Чувство патріотизма затемнило смыслъ текста.—Второе сраженіе еще не начиналось.

156—157. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша а храбріи Русицы прегородиша чрълеными щиты.

§ 37. Описаніе положенія обоихъ войскъ. Вдоль рядовъ Половецкихъ, растянутыхъ по полямъ, раздаются клики, а русское войско отступивъ, находится подъ защитою щитовъ. Сравнить § 24.

Это описаніе обоихъ войскъ совершенно Гомерическое. Въ тактикѣ Арріана гл. 40, приведены, касательно тишины, которую должно соблюдать въ рядахъ, стихи Гомера изъ Иліады:

А воины идутъ въ молчаніи; всякій спросилъ бы
Столько народа идущаго въ персяхъ имѣетъ ли голосъ?
Вои молчатъ почитая начальниковъ...

Арріянъ приводитъ стихъ 2, изъ пѣсни Ш, но стихъ 436 и слѣдующіе IV пѣсни предпочтительнѣе и находятся въ сосѣдствѣ съ предъидущими.

Крикъ у Троянъ раздавался по рати великой;
Крикъ сей и звукъ ихъ рѣчей не у всѣхъ одинаковый былъ;
Но различный языкъ разноземныхъ народовъ союзныхъ.

158—162. Ꙗ҄ръТꙋреВсеволодестоишинаборонипрыще-шинавоистрѣламигремлешиошеломымечихаралꙋжными.

§ **38**. Воззваніе къ Всеволоду, Всеволодъ, находящійся въ аріергардѣ отступившаго войска, крѣпко отбиваетъ напоръ непріятелей. *Стоиши на борони*—стоишь на защитѣ—прикрываешь отступленіе главнааго войска. Харалужными, «воронеными» по Турецки (въ сред. Азіи) Каралыкъ-чернь.

163—168. КамоТꙋръпоскочашесвоимъзлатымъшело-момъпосвѣчиваѧтамолежатъпоганыѧголовыПоловец-кыѧпоскепанысаблѧмикаленымишеломыОварскыѧотъ тебеѧръТꙋреВсеволоде.

§ **39**. Описаніе какъ Всеволодъ врѣзывался въ ряды Половцевъ.

169—173. КаѧраныдорогабратїезабывъчтиниживотаиградаЧрънигова отнѧзлатастоланисвоѧмилыѧхоти, красныѧГлѣбовнысвычаѧиобычаѧ.

§ **40**. Размышленіе Пѣвца о презрѣніи Всеволодомъ опасностей, не дорожа мірскимъ счастіемъ.

Какія раны могутъ быть дороги, когда забудемъ (или забывая) о почестяхъ и жизни.......

Забывъ—причастіе несклоняемое—соотвѣтствуетъ въ этомъ мѣстѣ тому «ќто забылъ».

Забывать сопряжено съ родительнымъ падежемъ постоянно. Сравнить Симфоніи на книги Ветхаго Завѣта,

Хоть, хоти,- невѣста, молодая жена—любовница—также и любовникъ—chot, Чешски женихъ и невѣста. Также *choti* и *chote*. Иллирійски: hotnik, hotnica—прелюбодѣй и наложница, hotimiti—прелюбодѣйствовать hotimnik—hotimnica—тоже любовники.

Въ «Vitae Sanctorum изд. Францискомъ Миклошичемъ, приписы-

ваемыхъ XI столѣтію. Вѣна 1847 г. въ Тип. Венедиктовыхъ, стр. 18, ст. 613.

Промыслоу на польэьноі-є оуправы-ѫштоу Паула и видѣвъ, ї-ѫ съ обычьнѫі-ѫ і-эѫ Хоти і-ѫ вьсмиі-авься вьзьпи къ нима:.... иди имѣи іѫ и дѣти і-єя. Въ Словѣ о Пол. Игор. «хоть» употреблено въ значеніи: подруга, жена. Ольга Глѣбовна жена Всеволода, дочь Глѣба Юрьича, брата Андрея Боголюбскаго.

174—177. Были вѣчи Трояни минулалѣта Ярославля былиплъциОлговыОльгаСвятьславлича.

§ 41. Историческія воспоминанія Пѣвца по случаю бѣдственнаго положенія Русскаго войска. Времена Троянскія. Междоусобія преемниковъ Владиміра. Войны Олега, наводившаго наемныхъ Половцевъ на Россію.

Исправленіе слова «вѣчи» посредствомъ «сѣчи» должно быть допущено лишь въ случаѣ, если окажется достовѣрнымъ, что первые издатели по недоразумѣнію замѣнили слово «сѣчи» словомъ «вѣчи» и, слѣдственно, въ самомъ дѣлѣ въ рукописи, сгорѣвшей въ 12 году, въ этомъ мѣстѣ находилось слово «сѣчи». При принятіи «Трояни» за народное имя, и то и другое слово равно приличны. Но, наоборотъ, при толкованіи слова «*Трояни*» именемъ Императора Траяна, выраженіе «*вѣчи*» не правильно, ибо вѣковъ Трояна не было, а былъ одинъ его вѣкъ. Кажется, что недоразумѣніе касательно сего имени подало поводъ къ исправленію текста. Замѣтка Карамзина не имѣетъ характера положительнаго удостовѣренія.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ въ своемъ словарѣ разсказываетъ сказку о Троянѣ совершенно того же пошиба, что и сказка переданная г. Буслаевымъ Завязка даже еще менѣе замысловата. Въ дополненіе къ § 11 помѣщаются здѣсь три выписки.

«Тројанъ, зидине на Церу (више Дворишта). Онуда се приповиједа да је у оном граду био некакав краль *Тројан*, који је сваку ноћ ишао у Сријем те льубио некаку жену или дјевојку; за то је ишао ноћу што даньу није смио од сунца да се не растопи.

Кад би дошао к својој льубазници, натакли би коньма зоб, па кад би коньи зоб позобали и пијетли запјевали, он би пошао натраг и до сунца би дошао у свој град. Једном муж или брат ньегове льубазнице повади свијем пијетлима језике да не могу пјевати а коньма у зобнице мјесто зоби наспе пијесак. Кад се кральу учини да би веѣ било вријеме иѣи, а пијетли још не пievају, онъ запита своiега слугу јесу ли коньи позобали зоб, а слуга му одговори да нијесу још (јер е само пипао рукама одоздо), и тако се задоцни: кад веѣ види шта iе, он узјаше на коньа па побјегне к својему граду, или га у путу стигне сунце; онда он брже боле сјаше с коньа, па утече под пласт, и сакрије се од сунца, али (ньеговом ньесреѣом) наиѣу говеда те разбучу пластъ и ондје га сунце растопи.

Къ циклу этихъ солнечныхъ мѵѳовъ принадлежитъ и сказка переданная И. Боричевскимъ (нар. Словенскiе разсказы. С.-Петербургъ 1844 г. стр. 108—116). «Трое-сыне», повѣсть черноруссская.

Въ дремучемъ лѣсу жили три пустынника. Однажды, идучи вмѣстѣ, нашли они ребенка, взяли къ себѣ, и дали ему имя Трое-сыне. Выросши, онъ захотѣлъ поискать счастья-доли. Пустынники дали ему коня, который умѣлъ говорить, и велѣли при всякой бѣдѣ и невзгодѣ держать съ нимъ совѣтъ.

Долго Трое-сыне ѣхалъ по доламъ и по горамъ; увидѣлъ подъ деревомъ блестящее перо, и тотчасъ схватилъ. Конь совѣтовалъ не брать пера, Трое-сыне не послушался и спряталъ перо за пазуху. Долго ѣздилъ по бѣлому свѣту, прiѣхалъ къ славному королю и сталъ у него служить.

У того короля каждую ночь былъ при немъ прислужникъ, который всю ночь не спалъ и не гасилъ огня. Когда Трое-сыню довелось быть на стражѣ, онъ уснулъ, а злые люди погасили огонь, чтобъ король на него прогнѣвался. Проснувшись, Трое-сыне выхватилъ изъ за пазухи перо и освѣтилъ всѣ палаты. Въ это самое время проснулся король, удивился чудному блеску, и, узнавши, что свѣтитъ перо Трое-сыня, перо взялъ себѣ, а его сталъ любить и жаловать.

Завистники донесли королю, будтобы Трое-сыне похваляется достать самую жаръ-птицу, которая обронила чудное перо. Король велѣлъ Трое-сыню непремѣнно принести къ нему жаръ-птицу.

Пошелъ Трое-сыне къ коню, и сталъ жаловаться на свою горькую долю.

—Это еще не горе;—сказалъ конь,—зажарь барана, начиненнаго пахучими кореньями, возьми заступъ, и приходи сюда.

Трое-сыне взялъ барана и заступъ, сѣлъ на коня, и поѣхалъ куда глаза глядятъ. Когда прiѣхалъ въ дремучiй боръ, по совѣту коня, вырылъ яму, положилъ черезъ нее доску, къ доскѣ привязалъ барана, самъ сѣлъ въ яму, а конь спрятался въ лѣсу.

Отъ барана понесся запахъ, жаръ птица прилетѣла клевать добычу, а Трое-сыне хвать ее за ноги, и сталъ кричать; конь прибѣжалъ и взялъ присягу отъ жаръ-птицы, что будетъ она служить вѣрно—нелицемѣрно. Трое-сыне поѣхалъ назадъ, а жаръ-птица полетѣла за нимъ. Прiѣхавши, сталъ первымъ любимцемъ короля, и зажилъ припѣваючи.

Однажды, среди бѣлаго дня померкло солнце. Никто не зналъ, что за чудо такое случилось, что за диво великое проявилось.

Завистники, чтобы погубить Трое-сыня, донесли королю, будтобы онъ похваляется съѣздить къ солнцевой матери и узнать, что за невзгода случилась съ солнцемъ. Король призвалъ Трое-сыня, отдалъ приказъ ѣхать за широкiя поля, за невѣдомы моря, и узнать отъ солнцевой матери, отчего ея дѣтище не свѣтило днемъ.

Горько плакалъ Трое-сыне, не зная куда ѣхать, гдѣ отыскать солнцеву мать, какъ у ней допытаться отвѣта. Вѣрный конь сказалъ: не печалься ты, тоскою себя не томи, лучше пускайся въ дорогу—путь, а тамъ какъ-нибудь допытаемся и солнцевой матери.

Трое-сыне сталъ собираться въ дорогу, а король велѣлъ покрѣпче запереть жаръ-птицу, чтобъ не улетѣла за нимъ; но едва онъ выѣхалъ со двора, жаръ-птица изъ заперти выбилась и взвилась въ поднебесье, потомъ спустилась къ Трое-сыню, и полетѣла за нимъ.

Долго ль, коротко ль они держали путь,—только прiѣхали къ мосту, который безпрестанно вертѣлся, и никого не пропускалъ.

— Куда, добрый молодецъ, держишь путь?—спросилъ мостъ.

«Ѣду къ солнцевой матери,—отвѣчалъ Трое-сыне,—спросить, отъ чего не свѣтилъ ея сынъ?

—Спроси и обо мнѣ: отъ чего я все верчусь, и не могу спокойно стоять, а за то я тебя пропущу.

Трое-сыне спокойно переѣхалъ по мосту. Вотъ онъ ѣхалъ дальше, и пріѣхалъ къ двумъ горамъ, которыя безпрестанно то разходились, то сходились, и не давали никому проходу.

— Стойте, горы!—сказалъ Трое-осыне,—и горы остановились.

«А куда, добрый молодецъ, держишь путь?—спросили горы.

— Ѣду къ солнцевой матери спросить, отъ чего не свѣтилъ ея сынъ?

«Спроси и объ насъ: отъ чего мы все бьемся да бьемся, и не можемъ стоять спокойно? а за то мы пропустимъ тебя.

Трое-сыне спокойно проѣхалъ между горъ: скоро увидѣлъ при дорогѣ два дерева — грушу и яблонь съ золотыми и серебряными листьями.

—А куда, добрый молодецъ, держишь путь—спросили деревья.

«Ѣду къ солнцевой матери,—отвѣчалъ Трое-сыне,—спросить, отъ чего не свѣтилъ ея сынъ?

—Спроси и объ насъ: отъ чего мы каждый годъ цвѣтемъ, а плодовъ не приносимъ?

Наконецъ, конь допытался дороги къ солнцевой матери. Пріѣхавши, Трое-сыне разсказалъ ей все. Солнца тогда не было дома. Мать, накормивши Трое-сыня, спрятала подъ мѣдное корыто, чтобъ солнце воротившись домой, не сожгло его.

На ночь воротилось домой солнце: накормивши его, мать стала спрашивать, отъ чего недавно оно днемъ померкло?

—Отъ того, — отвѣчало солнце, — что одинъ король заклялъ дочь свою, чудную красавипу, пока смѣлый витязь не освободитъ ея. А по ней я носило жалобу, и забыло посвѣтить на землю.

«А что значитъ мостъ, который безпрестанно вертится,—спрашивала мать,—что значитъ, что двѣ горы безпрестанно бьются, а деревья съ золотыми и серебряными листьями каждый годъ цвѣтутъ но не приносятъ плодовъ.

Если мостъ кого либо утопитъ, остановится;—отвѣчало солнце,— горы остановятся, если кого либо убьютъ; а деревья начнутъ при-

носить плоды, если человѣкъ сорветъ съ нихъ по листку, — такъ всѣмъ на роду написано.

Когда солнце ушло изъ дому, мать выпустила Трое-сына изъ подъ корыта, разсказала все, что выпытала отъ сына, и отпустила.

Пріѣхавши къ деревьямъ съ золотыми и серебряными листьями, Трое-сыне сорвалъ съ нихъ по листку; деревья покрылись золотыми плодами и, въ благодарность, пошли за Трое-сынемъ.

Горы и мостъ требовали у него отвѣта, но онъ прежде переѣхалъ, чтобъ горы не убили, мостъ не утопилъ; а послѣ разсказалъ, отъ чего горы безпрестанно бьются, а мостъ вертится безъ отдыха.

Пріѣхавши къ королю, Трое-сыне вошелъ въ дверь, жаръ-птица влетѣла въ окно, а яблонь и грушка стали передъ окнами. Король не зналъ, что дѣлать отъ радости, не умѣлъ чѣмъ благодарить Трое-сыня, и полюбилъ его пуще прежняго.

Завистники донесли королю, будто-бы Трое-сыне похваляется достать изъ моря королевну. Если достанетъ, получитъ полъ-царства; не достанетъ,—голова слетитъ съ плечъ.

Сталъ горько плакать Трое-сыне, и нарекать на свою долю.

«До сихъ поръ все было полъ-горя,—сказалъ ему конь,—а вотъ теперь наступило полное горе; послужитъ счастье—королевну добудемъ; не послужитъ,—пропадемъ вмѣстѣ.

Выѣхалъ Трое-сыне по королевну заклятую; въ слѣдъ за нимъ полетѣла жаръ-птица, и пошли деревья съ золотыми и серебряными листьями.

Когда пріѣхали къ морю, конь сказалъ: деревья! ложитесь на воду на крестъ; я стану на васъ,—а ты, Трое-сыне, сиди на мнѣ. Деревья шумите; жаръ-птица! пой; я буду ржать; а ты, Трое-сыне, кличь королевну изъ моря. Если не отзовется, пропадемъ всѣ.

Устроились на морѣ, деревья зашумѣли, жаръ-птица запѣла, конь заржалъ, а Трое-сыне закричалъ: «свѣтлѣйшая королевна»! Отвѣта не было; конь, Трое-сыне и жаръ-птица окаменѣли отъ пятъ по колѣна, деревья—въ корняхъ.

Другой разъ закричалъ Трое-сыне: «свѣтлѣйшая, пресвѣтлѣйшая королевна»!

Отвѣта не было, и всѣ окаменѣли—Трое-сыне отъ колѣнъ до

пояса, конь и жаръ-птица—до половины брюха, деревѣя отъ корней до вѣтвей.

— Если и въ третій разъ королевна не отзовется,—сказалъ конь,—окаменѣемъ совсѣмъ.

Деревья зашумѣли, какъ въ страшную бурю; жаръ-птица запѣла на все поднебесье, конь заржалъ на тридевять земель, Троесыне съ послѣднихъ силъ закричалъ: «свѣтлѣйшая, пресвѣтлѣйшая королевна»!

— Чего хотите?—вылетѣлъ голосъ изъ моря, и показалась изъ воды царевна прекрасная: деревья, жаръ птица, конь и Трое-сыне многовенно освободились отъ окаменѣлости.

Королевна взяла Трое-сыня за руку, повела въ свои чертоги дивные, дала ему мечъ и полъ-кольца, и сказала: «неси отъ меня отвѣтъ королю, что его вызываю на бой: побѣдитъ—буду женою его; если жъ я побѣжу,—во всемъ будетъ воля моя. Мечъ значитъ вызовъ на бой, полъ-кольца означаетъ полъ жизни твоего короля. За тобой слѣдомъ буду и я».

Радъ былъ король пріѣзду Трое-сыня; три дня и три ночи ждалъ съ войскомъ на полѣ королевны прекрасной; на четвертый показалось бѣлое знамя, за нимъ на бѣломъ конѣ королевна въ золотыхъ вороненыхъ доспѣхахъ, а за ней на бѣлыхъ коняхъ, какъ вихорь, дружина прекрасныхъ дѣвицъ въ бронѣ вороненной серебряной.

Король встрѣтилъ гостью съ любовью и ласкою; но она держалась воли своей, и вызвала короля на тяжелый бой; отсѣкла ему голову, и стала женой Трое-сыня.

Идея ли тройственности послужила источникомъ названію Троянъ или Русскій раскащикъ, съ свойственнымъ ему реалистическимъ направленіемъ, пожелалъ осмыслить это прозвище, но сказка принадлежитъ несомнѣнно къ циклу сказокъ Солнечныхъ и Троянскихъ. Миѳъ, разсказанный персидскимъ поэтомъ Гатифи, соединяетъ въ себѣ смыслъ астрономическій, и психологическій и сохранилъ живой отголосокъ древняго мѵѳа объ Еленѣ. Съ помощію Гатифи въ сказкахъ Сербской и Болгарской не смотря на ихъ загрубѣлую форму, можно однако открыть слѣды древнаго и поэтическаго мѵѳа.—

Гаммеръ (Gesch. der schönen Redekünste Persiens. Wien. 1818. стр. 23 и 25.

Die Sagen des Koran's und des Schahname blieben der unversiegbare Quell des Mythos, der nicht mehr ab- und zunahm, und der noch heute in allen Gedichten des Morgenlandes lebendig forströmt. Die andern allgemein gültigen Fictionen, die sich weder auf den Koran noch auf das Schahname gründen, sind sehr wenige, scheinen jedoch aber aus der grauesten Zeit von dem ältesten Persien auf das neueste herübergekommen zu sein. An der Spitzte derselben stehen die astronomischen Sagen, die augenscheinlich mit Spuren indischer, ägyptischer und griechischer Mythologie verwebt sind; die Sternbilder leben und weben als wirkliche Personen oder Thiere in der Welt morgenländischer Dichtung, wie diess an einem andern Orte *) umständlicher auseinander gesetzt worden. Eine genaue Bekanntschaft mit dieser Sternbilderlehre ist zur Verständlichkeit aller rhetorischen und poetischen Kunstwerke des Orients unumgänglich nothwendig, so häufig kommen Anspielungen darauf vor **), besonders auf die zwölf Thierzeichen, die Stationen des Mondes, die Fixsterne erster Grösse, und die sieben Planeten. Diese letzten erscheinen als eben so viele Genien, welche die Herrschaft des Himmels unter sich theilen. *Jupiter* als der Richter und Herr, *Saturnus* als der alte Gauner auf seinem Raubschloss, *Mars* als blutdürstiger Krieger, der *Mond* der Schenke des Himmels, *Merkur* als der Schreiber des

*) Ueber die Sternbilder der Araber. (Fundgruben des Orients I.)

**) Z. B. auf die mit Henna rothgefärbte Hand *Dscheusa's (Cassiopeja')s* auf die beiden *Höhen* (*Essemekein*) *d. i. Arcturus* und *Spica*; die auf beyden Bilder (*Al-Farcadain*), die zwey höchsten Sterne im kleinen Bären; auf die *Benaten-naasch,* die Töchter der Bahre, oder Klagefrauen, die drey Sterne im Heerwagen, dessen Viereck den Morgenländern als eine Bahre erscheint; der Perlenknoten der *Plejaden*, der Treiber derselben *(Hadi on nedsm) Aldebaran,* das einzeln weidende Kameel am Südpol (Kanopus) u. s. w.

Himmels, der Gründer der Wissenschaften, der den Kopf auf das Knie gestützt in tiefe Betrachtungen versenkt ist *Venus* endlich, welche *Sohre* (Αζαρητις) oder *Anahid* (Αναιτις) heisst, als der weibliche Genius des Morgen- und Abendsterns, der mit Lyragetön den Reigen der Sterne anführt. Diese Dichtung, eine der lieblichsten und interessantesten, verdient ausführlichere Erwähnung:

Harut und *Marut*, zwei Engel welche das Loos der Menschen beneideten, die nach kurzem Erdenleben mit ihnen die himmlischen Freuden theilten, erhielten vom Herrn des Himmels die Erlaubniss, auf Erden zu wandeln, jedoch in sterblichen Leibern und allen Begierden und Gebrechen der Menschen unterworfen, um selbst zu erproben, ob das Verdienst des Menschen, rein durchs Erdenleben zu gehen, so gering sey. Er lehrte sie das heilige Wort, kraft dessen sie vom Himmel niederzusteigen und wieder aufzusteigen vermochten. Sie kamen zu *Sohre* oder *Anahid*, einer schönen Frau, die sie zu verführen suchten, indem sie sich ihr als Engel zu erkennen gaben, die ihnen aber nur unter der Bedingung zu willen zu werden versprach, wenn sie ihr das Einlasswort des Himmels sagten. Sie sagten ihrs, vergassen es aber im Augenblicke, da sie davon Missbrauch gemacht; *Anahid* sprach es aus und stieg unter die Sterne empor, wo sie zum Lohne ihrer Tugend auf den Morgenstern versetzt ward, auf dem sie mit ihrer Lyra den Ton der Musik der Sphären angiebt. Eine eben so schöne als zarte Idee auf welche persische Dichter häufig anspielen, aber unsers Wissens keiner zarter und geücklicher als *Hatifi* in seinen Hymnen auf Gott, wo er den Herr anpreiset: *der die Lyra des Abendsterns mit den Strahlen der Sonne besaitet hat.* *Nahid* ist die *Alitta* und *Mylitta Herodot's*, die von Armeniern und Persern bald als *Venus*, bald als *Diana* bald als *Pallas*, und bald als *Göttinn der Nacht* verehrt ward, vielleich dieselbe mit der ägyptischen *Neight*, deren ägyptischer und persischer Nahme sich im englischen *Night* und im deutschen

Nacht, nur mit Aenderung des Hauchlautes, erhalten hat. Diese Apotheose des Morgensterns, der mit der Strahlenleyer die Harmonie der Sphären anführt, ist eine der schönsten Dichtungen des Orients. Die Entwürdigung des Tempeldienstes *Mylitta's* zu Babylon, wo sich Frauen und Mädchen öffentlich den Fremden preisgaben *), ist vielleicht der gefallene Morgenstern der Schrift.

178—181. Тъйбоолегъмечемъкрамолꙋковашеистрѣлы поземлисѣꙗшеѕтꙋпаетъвъзлатъстременьвъградѣтьмꙋтороканѣ.

§ **42**. Сочинитель распространяется объ Олегѣ. Олегъ козни ковалъ и сѣялъ стрѣлы по землѣ; восходитъ на престолъ Тмутораканскій. Послѣ словъ «по земли сѣяше» должно стоять, вмѣсто точки, двоеточіе или черта для обозначенія той связи, которая находится между описаніемъ крамолъ Князя и достиженіемъ имъ престола Тмутороканскаго. Эта черта или двоеточіе замѣняютъ слова: *вотъ и* отправляется Олегъ въ походъ противъ Всеволода съ Половцами. Событіе, къ коему примыкаютъ гибельныя послѣдствія. Этотъ походъ его вмѣстѣ съ Половцами былъ первый, въ 1078. Вторый

*) Spuren dieses alten Tempeldienstes der persischen *Anaitis* und der syrischen *Mylitta* haben sich noch im syrischen Dorfe *Martaban* dessen Einwohner den Fremden ihre Weiber und Töchter feilbiethen erhalten. Eine weitere Ausführung dieses Mythos, welcher den persischen Thesmopherien im Tempel der *Minerva* zu *Persepole* zum Grunde gelegen zu haben scheint, findet sich im *Morgenblatte* dieses Jahres.

«Wie *Harut* mit *Nahiden* einst gesungen. По поводу этаго стиха Низами въ Искендерname, Гаммеръ объясняетъ:
Nahid, die *Anaitis* der Griechen, welche nach der morgenländischen Sage die beiden Engel *Harut* und *Marut* umsonst zu verführen sich bemühten, und die zur Belohnung ihrer Reinigkeit in den Morgenstern versetzt war, wo sie mit Leyergetön den Reigen der Sterne anführt.

въ 79 и третій въ 1094. «Се уже третіе наведе поганыя на Русьскую землю», говоритъ Лѣтописецъ. Въ лѣто 6591, (1083 Лавр. Л.). Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани; и сѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти·

182—186. ТожезвонъслышадавныйвеликыйЯрославь сынъВсеволожьаВладиміръповсяꙋтраꙋтизакладашевъ Черниговѣ.

§ 43. Продолженіе воспоминанія объ Олегѣ. Мѣсто испорчено: смыслъ онаго, что Олегъ подымалъ тревогу при Всеволодѣ Ярославичѣ и сынѣ его Владимірѣ, но что Владиміръ не поддавался на его происки. Владиміръ даетъ Олегу обѣдъ въ Черниговѣ вмѣсто помощи.

Покойный Дубенскій читаетъ: Ярославль вмѣсто Ярославь и Всеволодъ вмѣсто неправильнаго Всеволожь.

Въ пѣснѣ весьма мѣтко обозначено что происки Олега при Дворѣ Всеволода были безуспѣшны вслѣдствіе осторожности Владиміра Мономаха. Самъ Мономахъ (Лавр. Л. стр. 103) разсказываетъ иронически, что онъ угостилъ Олега обѣдомъ въ черниговѣ.

«И паки изъ Смолинска къ отцю придохъ Чернигову; и Олегъ приде изъ Володимеря выведенъ, и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ со отцемъ въ Черниговѣ, на Красномъ Дворѣ и вдахъ отцю 300 гривенъ золота».

Описка заключающаяся въ сихъ словахъ можетъ быть исправлена по многимъ примѣрамъ изъ лѣтописей.

1. Тоже звонъ слыша давный великый *Ярославль сынъ Всеволодъ* а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.

2. Тоже звонъ слыша давный *вноукъ* Ярославль сынъ Всеволожь Владиміръ по вся.......

Первое исправленіе наиболѣе согласное съ текстомъ, кажется самымъ правильнымъ. Этотъ оборотъ согласенъ и съ манерою Пѣвца Игорева и вообще эпическихъ писателей. Смыслъ сего мѣста слѣ-

дующій: Олегъ, утративъ княженіе, интриговалъ, подымалъ тревогу у Великаго Князя Всеволода, но главное лице Владиміръ не поддавался имъ. Въ § 113-мъ выраженіе: звонъ «колокольный» намѣкаетъ также на происки, поднятую тревогу.

187—189. Борисажевячеславличаславанасудъприведен наканинузеленупаполомупостлазанимладаКнязя.

§ 44. Продолженіе того же воспоминанія. Борисъ Вячеславичь не послѣдовалъ примѣру осторожнаго Мономаха, но вступился за Олега и былъ убитъ.

Канину слово сомнительное.

Паполома: коверъ, покрышка—одѣяло—конская покрышка. По Гречески πεπλος. Паполома—древнѣйшая форма сего слова, у Еврипида встрѣчается уже πεπλομα. Нынѣ паполома у Грековъ и Болгаръ означаетъ конскую покрышку. «*Канину*», можетъ быть, описка вмѣсто *конину*. Конская покрышка упоминается какъ характеристическое обозначеніе смерти на полѣ битвы во время дѣла, т. е. какъ обыкновенное и часто единственно возможное ложе для умирающаго.

Нѣкоторые изслѣдователи принимаютъ канину зелену паполому за зеленый лугъ близь Канева. Оно замысловато и не соотвѣтствуетъ духу сочинителя. Подобное выраженіе можно развѣ найти въ напыщенныхъ восточныхъ сказочникахъ. Кромѣ того, объясненіе это несогласуется и съ исторіей. При этомъ объясненіи должно предполагать, что «канину» описка вмѣсто «*Каневу*». Исправленіе «*конину*» вмѣсто канину ближе къ тексту.

Это чтеніе находитъ подтвержденіе въ позднѣйшей редакціи нашихъ эпическихъ пѣсенъ:

И скакалъ изъ Кіева до Чернигова
Два девяноста то мѣрныхъ верстъ
Промежу обѣдни и заутрени,
Ускока два *кониные*...
Кирша Данилова. Иванъ гостинный сынъ.

У Кирши же Данилова встрѣчается также:

А отъ пару было отъ *кониного*.

«Коньно оуристаниіє» цитируемое Миклошичемъ допускаетъ принятіе канину за коньнѫ, конину и по произношенію Велико-Русскому канину.

Тѣла убитыхъ Князей, по свидѣтельству лѣтописей, клались на ковры, завертывались въ шатры для перевозки на мѣсто погребенія.

По польски kania przędza значитъ шелковая пряжа, отъ *кани*— шелковой червь. Дубенскій присовокупляетъ что у насъ узорчатая шелковая матерія называлась канель, а атласная гладкая—канфа. Въ словарѣ Миклошича: «канаоуръ» или «шелкъ», «каноуры и шелкъ». Номоканонъ (Миклошича) Сюда можетъ быть принадлежитъ и Персидскій канаусъ.

Предположеніе, что подъ словами «Канину зелену паполому» слѣдуетъ подразумѣвать Канинъ, Каневскій вмѣсто Нѣжатинъ лугъ,—не имѣетъ основанія ибо Борисъ былъ убитъ на Нѣжатиной нивѣ, а не на Каниной и не на Каневской.

Для большей полноты представляю соображенія Максимовича. «Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на Канину зелену паполому постла... Съ тоя же Канины Яропълкъ повелѣ яти отця своего». «Такъ читаю я, говоритъ Максимовичь (укр. 1859, с. 105). вмѣсто: Съ тоя же Каялы Святополкъ повелѣя отця своего. Въ битвѣ подъ Черниговомъ (1078, 30 окт.), на которой убиты и Борисъ Вячеславичь, державшій сторону Олега, и Изяславъ Ярославичь, державшій сторону брата своего Всеволода, находился Ярополкъ Изяславичь который повезъ тѣло отца своего въ Кіевъ; а Святополкъ Изяславичь тогда находился въ Великомъ Новгородѣ. Имя рѣки Каялы здѣсь неумѣстно, даже и въ томъ случаѣ, если бы здѣсь шла рѣчь о битвѣ Тугорконовой (какъ предполагалъ неосновательно Бутковъ); ибо та битва (1096, 19 іюля), на которой убитъ Тугорконъ, тесть Святополковъ, происходила близь Переяславля, за р. Трубежемъ. Черниговская битва, о которой вспоминается, по лѣтописи Нестора значится на Нѣжатиной нивѣ, а въ пѣсни—на Канинѣ; эта мѣстность подъ Черниговомъ извѣстна изъ лѣтописи

Лаврентьевской подъ 1152 г.: «Поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновь, и сташа у Гуричева, близь города, перешедше *Канинъ*».

Нѣжатина нива не имѣетъ ничего общаго съ Каниномъ, рѣкой или урочищемъ близь рѣки Сновъ въ окрестности Чернигова. Нѣжатина нива на которой убитъ Борисъ Вячеславичъ и Изяславъ въ 1078 году находилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра; отсюда тѣло перевезено было на лодкѣ въ Городецъ, на супротивъ Кіева. Нѣжатинъ находился въ Переяславской волости и былъ раззоренъ одновременно съ Городцемъ въ 1135 году Половцами приведенными Олегомъ. Максимовичь называетъ хуторъ (Москвитянинъ 1854 № 1) Нѣготинъ, близь с. Гнѣдина на Днѣпрѣ въ Остерскомъ уѣздѣ. Г. Семеновъ, въ словарѣ коего я собраль (Нѣжинъ) свѣдѣнія о Нѣжатинѣ говоритъ что Нѣжатина нива пріурочивается къ Нѣготину если только показаніе Максимовича справедливо. Сомнѣніе свое относительно отождествленія Канина и Нѣжатина онъ подкрѣпляетъ мнѣніемъ знаменитаго нашего исторіографа Соловьева, всегда положительнаго и отчетливаго, что Ярославичи снявшіе осаду съ Чернигова и ушедшіе на встрѣчу Ольговичамъ могли ихъ встрѣтить и въ Переяславской области довольно далеко отъ Чернигова.

Всѣ эти различныя толкованія загадочнаго прилагательнаго «Канину» такъ неудовлетворительны, что остается по указанію покойнаго Вельтмана заподозрить поэта въ каламбурѣ. «Коньнъ» имѣетъ также значеніе вѣчнаго, начальнаго отъ «Конь» и «Конъ» а также и значеніе конечнаго. Глаголы конать и кануть объясняютъ замѣненіе буквы О буквою А. Конь въ значеніи начальнаго встрѣчается въ сложной формѣ у Черноризца Храбра: «иждекоњнъ», но также и «отъ конъ». Вукъ Стефановичь Караджичь отмѣчаетъ поговорку «у Сентандріи и у Славонь: отъ кона до кона т. и. отъ краја до конца».

190—193. СътожеКаѧлыСвѧтоплъкъповелѣѧотьц своегомеждюѹгорьскимииноходьцы косвѧтѣй Софіикъ Кіевȣ.

§ 45. «Святополкъ же и Володымеръ пойдоша на Половцевъ къ Переяславлю, по сей странѣ Днѣпра, а Половци ихъ не видѣша,

также прейдоша чрезъ Днѣпръ, исполчившася побрыдоша къ Половцамъ за Трубежъ и удариша на ня нечаянно.

Половцы же отъ страха не возмогоша стати, но абіе яшася бѣгу; Наши же по нихъ гониша, сѣкуще, и избиша тогда Половцевъ до единаго. Убіенъ же ту бысть и Тугоркань, тесть Святополчъ, его же, аки тестя, повелѣ взяти Святополкъ и везти до Кіева, и погребе его на Берестовѣ, на распутіяхъ на могилѣ». (Густ. Лѣт. подъ г. 1096).

Форма «тцю» вмѣсто «тесть» встрѣчается въ лѣтописяхъ. Въ Троицкой подъ г. 1216, 1217: «не выдавайте мя тцю моему Князю Мстиславу» говоритъ Ярославъ. Въ той же Лѣтописи подъ г. 1408: «и взяша (В. К. Василій Дмитріевичъ) подъ Вязьмою перемирье со цтемъ своимъ съ Витовтомъ».

«Повелѣя отца» вѣроятно описка или неудачное исправленіе первыхъ издателей, вмѣсто «повелъ бо тця». или «повелѣ яти отца».

Для облегченія рѣшенія вопроса идетъ ли здѣсь рѣчь о Тугорканѣ или Изяславѣ, привожу подробныя выписки изъ Лаврентіевской лѣтописи. Подъ г. 1078:

Сѣдящю Святополку въ него мѣсто Новѣгородѣ, сыну Изяславлю, Ярополку сѣдящю Вышегородѣ, а Володимеру сѣдящю Смолиньскѣ, приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци. Всеволодъ же изиде противу има на Съжицѣ, и побѣдиша Половци Русь, и мнози убьени быша ту: убьенъ бысть Иванъ Жирославичь и Тукы, Чюдинъ братъ, Порѣй, ини мнози, мѣсяца августа въ 25. Ологъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьяньску, ея же крове взищетъ Богъ отъ руку ею, и отвѣтъ дати има за погубленье душа хрестьяньскы. Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Кіеву, цѣловавшася и сѣдоста; Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: «брате! не тужи, видиши ли, коликося мнѣ сключи? первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша? и пакы кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю брату своею? не блудилъ, ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ быхъ? не створихъ зла ничтоже и нынѣ, брате, не туживѣ; аще будеть

нама причастье въ Русскѣй земли, то обѣма, аще лишена будевѣ, то оба, азъ сложю главу свою за тя». И се рекъ, утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вои отъ мала до велика; и поиде Изяславъ съ Ярополкомъ, сыномъ своимъ и Всеволодъ съ Володимеромъ сыномъ своимъ. И поидоша къ Чернигову, и Черниговци затворишася въ градѣ; Олегъ же и Борисъ не бяста.

Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступи ко вратомъ восточнымъ, отъ стреженій отя врата, и отвориша градъ околній и пожгоша ѝ, людемъ же вбѣгшимъ въ дънѣшній градъ. Изяславъ же и Всеволодъ слышаста, яко идетъ Олегъ и Борисъ противу, Изяславъ же и Всеволодъ уранивше, поидоста отъ града противу Олгови. Рече же Олегъ къ Борисови: «не ходивѣ противу, не можевѣ стати противу четыремъ княземъ; но послевѣ съ молбою къ строема своима». И рече ему Борисъ: «ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ»; похваливъся велми, не вѣдый, яко Богъ гордымъ противится, смѣренымъ даетъ благодать, да не хвалится сильный силою своею. И поидоста противу, и бывшимъ имъ на мѣстѣ у села на Нежатинѣ нивѣ, и ссступившимся обоимъ, бысть сѣча зла: первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившагося велми; Изяславу же стоящю въ пѣшцихъ, и внезапу пріѣхавъ единъ, удари и копьемъ за плече. Тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль. Продолжьнѣ бывши сѣчи, побѣже Олегъ въ малѣ дружинѣ, и одва утече; бѣжа Тмутороканю. Убьенъ бысть князь Изяславъ мѣсяца октямбря въ 3 день, и вземше тѣло его, привезоша и въ лодьи и поставиша противу Городьцю: изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани, повезоша и, съ пѣсньми попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ вопли, плака бо ся понемъ весь градъ Кіевъ; Ярополкъ же идяше по немъ, плачася съ дружиною своею: «отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти пріимъ отъ людій и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою». И принесше положиша тѣло его въ церкви святыя Богородицы, вложивъше и въ раку мраморяну».

Подъ г. 1096-мъ:

(1096) «Сего же мѣсяца приде Тугорканъ, тесть Святополчь, къ Переяславлю, мѣсяца мая 30-го, и ста около града, а Переяславьци затворишася въ градѣ. Святополкъ же и Володимеръ поидоста на нь по сей сторонѣ Днѣпра, и придоста къ Зарубу, переalthoughбродистася и не очютиша ихъ Половци, Богу схраньшю ихъ, и исполчившася поидоста къ граду; гражане же узрѣвше, ради поидоша къ нима, а Половци стояху на оной сторонѣ Трубежа, исполчившеся. Святополкъ же и Володимеръ вбредоста въ Трубежь къ Половцемъ, Володимеръ же хотѣ нарядити Полкъ, они же не послуша, но удариша въ конѣ противнымъ; се видѣвше Половци и побѣгоша, а наши побѣгоша въ слѣдъ ратныхъ, сѣкуще противьныя. И сдѣя Господь въ тъ день спасенье велико, мѣсяпа іулія въ 19 день побѣжени быша иноплеменьници, и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его, и ини князи, мнози врази наши ту падоша; на заутрье же налѣзоша Тугоркана мертваго, и взя и Святополкъ акы тьстя своего и врага, привезше и къ Кыеву погребоща и на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестово и другымъ въ монастырь идуще».

Бутковъ первый заявившій, что здѣсь идетъ дѣло о Тугорканѣ, какъ кажется, безъ историческаго основанія, — говоритъ что Русскіе гнались за Половцами до Каялы. «Съ тоя же Каялы» значитъ съ такой же Каялы, къ кому бы ни относились слова пѣсни: къ великому князю Изяславу или къ Тугоркану.

Объясненіе, предложенное Бутковымъ, съ перваго взгляда удовлетворительно и болѣе другихъ согласно съ текстомъ. Но Тугорканъ былъ погребенъ на распутьи между Берестовымъ и Кіево-Печерской Лаврой. Подобной ошибкѣ приписывать поэту невозможно. Какъ поганаго не было повода везти его къ Святой Софіи.

Замѣченныя несообразности зависятъ отчасти отъ очевидной ошибки писца; но главную причину недоразумѣнія слѣдуетъ искать въ самомъ первоначальномъ текстѣ. Поэтъ, вопервыхъ, употребляетъ имя сомнительной рѣки и ни въ какомъ случаѣ не находящейся вблизи Днѣпра или Трубежа. Онъ не называетъ убитаго князя. Отправленіе тѣла убитаго Изяслава на носилкахъ между двухъ иноходцевъ не противорѣчитъ Лѣтописи, ибо тѣло

Изяслава могло быть такимъ образомъ перенесено съ поля сраженія до Днѣпра. Въ самой лѣтописи сказано, что его повезли на саняхъ изъ Городца въ Кіевъ. Главная несообразность заключается въ обозначеніи Святой Софіи вмѣсто Десятинной Церкви. Впрочемъ, и это кажущееся разнорѣчіе можетъ быть согласовано предположеніемъ, что Изяслава отпѣвали у Святой Софіи, а хоронили въ Десятинной. Кромѣ того, весьма легко ошибиться въ опредѣленіи церкви, такъ какъ въ обѣихъ церквахъ были схороняемы великіе князья. Даже и въ нашъ положительный вѣкъ, при сравнительномъ обиліи справочныхъ книгъ, легко ошибаться, почти на каждомъ шагу, не только поэту, но и ученому спеціалисту. Если дѣйствительно рѣчь идетъ объ Изяславѣ важная несообразность заключается также, въ упоминаніи сына его Святополка а не Ярополка сопровождавшаго тѣло убитаго отца. Здѣсь можно предположить поправку сдѣланную переписчикомъ, предполагавшимъ что дѣло идетъ о Тугорканѣ. Вѣроятно одинъ изъ начитанныхъ древнихъ переписчиковъ Слова замѣнилъ въ древнемъ текстѣ Ярополка Святополкомъ имѣя въ виду въ слѣдствіе упоминаніе Каялы, Тугоркана половецкаго руководствуясь тѣмъ же соображеніемъ что и покойный Бутковъ. Это тѣмъ болѣе возможно, что сбивчивость заключается и въ самомъ первоначальномъ текстѣ. Весьма можетъ быть, что въ памяти пѣвца воспоминаніе о кончинѣ Изяслава было не совсѣмъ ясно. О подобныхъ промахахъ въ поэтическомъ произведеніи поэта не было бы и надобности наводить много справокъ, если бы самъ поэтъ не избаловалъ читателей строгимъ соблюденіемъ исторической вѣрности.

Поэтъ какъ будто самъ чувствовалъ, что память ему измѣнила, и въ этомъ сознаніи счелъ приличнымъ вовсе не упоминать главное лицо въ огражденіе себя отъ неотвязчивыхъ комментаторовъ.

Что касается до «повелѣя», то это явная описка вмѣсто: «повелѣ я″ (яти)», легко исправимая на основаніи Густынской лѣтописи въ коей подъ 1096 г. читаемъ: «Убіенъ же ту бысть и Тугорканъ тесть Святополчь, его же аки тестя, *повелѣ взяти* Святополкъ и везти до Кіева, и погребе его на Берестовѣ, на распутіяхъ на могилѣ».

Въ рукописномъ текстѣ могло быть: Повелѣ я″ (яти)

Или Повелъ кѣ — въ этомъ послѣднемъ случаѣ вмѣсто «Святополкъ» «слѣдуетъ читать» Ярополкъ.

Тамъ же говорится о великомъ князѣ Изяславѣ:

«и въземше тѣло его, привезоша и въ лодіи... и възложивше тѣло его на *сани* повезоша и»

Володимiръ Мономахъ въ своей духовной говоритъ, что онъ пишетъ ее, сидя на *саняхъ*, т. е. на смертномъ одрѣ.

Событіе на Каялѣ упоминаемое въ пѣснѣ въ связи съ Борисомъ Вячеславичемъ кажется несомнѣнно кончина великаго князя Изяслава. Святополкъ названъ по ошибкѣ переписчиковъ или самаго поэта вмѣсто брата Ярополка,

Каяла, вообще, рѣка загадочная; по словамъ поэта предполагать можно, злощастную рѣку. Весьма быть можетъ что Каяла тоже что рѣка Калари, въ баснословіи Финовъ, страшный водопадъ— вмѣстилище всѣхъ бѣдствій и золъ. Швенкъ VII. 391. Повѣрія Финовъ должны были легко быть усвояны Русскими. Самое созвучіе и значеніе слова на Русскомъ языкѣ должно было способствовать его переходу въ область Русскаго языка. Каяла встрѣчается лишь въ Ипатіевской Лѣтописи вѣроятно въ подраженіе пѣснѣ.

194—204. ТогдаприОлзѣГориславличисѣѧшетсѧи растѧшетьѹсибицамипогибашетьжизньДаждьБожа внѹкавъКнѧжихъкрамолахъвѣцичеловѣкомьскрати- шасьТогда поРѹскойземлирѣткоратаевѣкикахѹть нъ частовранигрѧхѹтьтрѹпїасебѣдѣлѧчеагалицисвою рѣчьговорѧхѹтьхотѧтьполететинаѹѣдїе.

§ 46. Описанія бѣдственнаго состоянія Россіи во время Олеговыхъ козней. Здѣсь точно также, какъ въ § 42, должно замѣнить запятую послѣ словъ: «а галици свою рѣчь говоряхуь» двумя, точками. Хотятъ полетѣть на уѣдіе, поясняетъ рѣчь галицъ.

Дажь-Богъ однозначущъ ли онъ съ Хорсомъ, богомъ солнца, или нѣтъ, какъ это доказываетъ Г: Бодянскій, это не имѣетъ важ-

ности относительно сего мѣста. Приведеніе всѣхъ боговъ язычества къ одному знаменателю можетъ быть предметомъ изслѣдованій философическихъ или космогоническихъ, но въ изслѣдованіи литературномъ подобныя сближенія не ведутъ къ дѣлу, ибо должно предполагать, что поэтъ ихъ ставитъ не наугадъ и что упоминаніе каждаго изъ нихъ должно имѣть свое значеніе (срав. Хорсъ). Даждь-Богъ является въ пѣснѣ сей постоянно родовымъ богомъ Русскихъ, точно также, какъ Дарданъ и Еней родовые боги Троянъ и Римлянъ. Въ § 11-мъ. приведено свидѣтельство Гезіода о племенныхъ геніяхъ или полу богахъ. Такъ же точно понимаетъ прозвище это и подражатель слова о полку Игоревомъ, сочинитель сказанія о Мамаевомъ побоищѣ.

205—206. Тобыловътыратинвътыплъкы асиценрати неслышано.

§ 47. Заключеніе воспоминанія про междоусобія, губившія Россію во время Владиміра Мономаха и Олега.

«Сице и» не должны быть отдѣлены. Смыслъ не требуетъ сего отдѣленія; союзъ «*и*» былъ бы здѣсь неумѣстенъ, ибо противоположность не заключается въ словѣ «*рати*». Кромѣ того, здѣсь «сице» какъ нарѣчіо менѣе правильно, чѣмъ «сицеи рати».—При раздѣленіи словъ въ печатномъ текстѣ въ переводѣ не будетъ настоящаго смысла: а вотъ и войны не было слышно; тогда какъ весьма ясно: а *такой* войны не было слышно.

207—213. Съзараніадовечерасъвечерадосвѣталетятъ стрѣлыкаленыагримлютъсаблиошеломытрещатъкопіа харалужныявъполѣнезнаемѣсредиземлиПоловецкыи.

§ 48. Описаніе аріергарднаго дѣла. «Харалужный» отъ турецкаго Каралыкъ—чернь, вороненая сталь.

214—217. Чръназемлѧподъкопытыкостьмибылапо-сѣѧнаакровїюпольѧнотꙋгоювзыдошапоРꙋскойземли.

§ 49. Описаніе пораженія Всеволода и изображеніе бѣдственныхъ для Россіи послѣдствій сего пораженія. При сравненіи сего уподобленія съ однородными уподобленіями битвы Гомера и другихъ эпическихъ поэтовъ нашъ пѣвецъ въ накладѣ не останется. Эдва ли гдѣ найдется подобная сила выраженія.

218—221. Чтомишꙋмитьчтомизвенитьдавечѧрано предъзорѧмиИгорьплъкызаворочаетъжальбоемꙋмлао братаВсеволода.

§ 50. Пѣвецъ здѣсь выставляетъ себя очевидцемъ сраженія. Былъ ли онъ въ войскѣ Игоря, или Всеволода; слышалъ ли онъ радостпые звуки приближающагося на помощь къ Всеволоду главнаго войска? Это опредѣляется временемъ, въ которое онъ услышалъ воинскіе звуки («давечя рано предъ зорями»). По словамъ его должно заключить, что онъ былъ въ войскѣ Всеволода, ибо онъ даетъ понять что только позже могъ объяснить себѣ эти звуки.

222—224. Бишасѧденьбишасѧдрꙋгыйтретьѧгодникъ-полꙋднїюпадошастѧзиИгоревы.

§ 51. Паденіе знаменъ Игоревыхъ послѣ трехдневнаго пораженія.

225—231. ТꙋсѧбратаразлꙋчистанабрезѣбыстройКаѧлы. ТꙋкровавагоВинанедостатꙋпиръдокончашахрабрїи Рꙋсичисватыпопоишаасамиполегошазаземлю Рꙋскꙋю.

§ 52. Окончаніе описанія битвы. Подобной силы выраженія не представляетъ эпическая поэзія всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. Сравнить § 49. Столь выразительное употребленіе могло родиться

лишь въ народѣ, уподоблявшемъ хлѣбное вино. Оргіи у полуденныхъ народовъ ничтожны, здѣсь же уподобленіе почти страшнѣе, чѣмъ самое дѣло. Впрочемъ мнѣ неизвѣстно, гналась ли водка въ XII столѣтіи. Я гдѣ-то читалъ, что водка выдумана Генуэзцами въ XV столѣтіи для спаиванія народовъ, съ коими они вели торговлю. Есть впрочемъ указанія, что водку изобрѣли Арабы, отцы новѣйшей химіи.

Подобное сравненіе битвы съ угащиваніемъ находится въ Германской одиссеѣ: Кудрунъ. Участь этой Германской поэмы схожа съ участью Слово о Плъку Игоревѣ Эта превосходная поэма дошла до насъ въ одномъ лишь спискѣ вошедшимъ въ Ambraser Sammlung, сборникѣ, сдѣланномъ по приказанію Императора Максимиліана I.

«Man schancte in mit dem Bluote, ime und ouch den recken sin». Kudrun. Изд. F. Pfeiffer. 1874. aventure XV, 773, 4.

Половцы здѣсь названы сватами весьма мѣтко, по частымъ брачнымъ союзамъ Русскихъ Князей съ половчанками. Архимандритъ Лосицкій занесъ въ введеніе къ Густынской Лѣтописи свою догадку о происхожденіи самаго имени Кумановъ отъ кумовства.

232—233. Ничитьтраважалощамиадревостꙋгоюкъ землипреклонилось.

§ **53**. Участвіе принимаемое природой въ бѣдствіи Игоря (срав. § 34).

234—236. Ꙋжебобратїеневеселаѧгодинавъсталаꙋже пꙋстынисилꙋприкрыла.

§ **54**. Тоя же зимы мѣсяца января въ 1 день, на память Василія Великаго Кесарійскаго, въ понедѣльникъ въ *обѣдъ годъ* погибе солнце, и остася его аки мѣсяцъ четырехъ дней, и паки въ вечернюю *годину* наполнися, а бысть въ мрацѣ два часа. Того же *году* преставися Епископъ Ростовскій Матѳей Гречинъ. (Древн. Лѣтоп. часть II, стр. 101. С.-Петерб. при Акад. 1775).

«Пустыни» можно принять за предложный падежъ съ опущеніемъ предлога. Въ слѣдствіи повторенія нарѣчія «уже» смыслъ правильнѣе если принять «пустыни» за именительный. Въ словѣ Кирилла Епископа Туровскаго о разслабленномъ: «тебе ради рѣкы носять и *пустыни* звѣри питаеть». А. Будиловичь приводитъ изъ древняго перевода Григорія Богослова: милостыни, ευγνωμωσύνη; благостыни, αγαθοτης; простыни, απλοτης; пустыни, ερημια; грѣдыни, надмѣніе, ογχος.

237—241. ВъсталаобидавъсилахъДаждьБожавнукавступилъдѣвоюназемлюТроянювъсплескалалебединымикрылынасинѣмъмореуДонаплещучиубудижирнавремена·

§ 55. «Положи главу свою за брата своего, не желая большее волости, ни имѣнья хотя болша, но за братню *обиду*.» (Лавр, Л. 6586).

«Распешну ти ся Христе погыбе *обида* и попрана бысть сила вражіа.» Изъ Тріоди В. П. Григор. Срезневскій. 1868.

«Божіи денечки въ *обиды* провожаются,» (Причит. Сѣв. края. Барсовъ ч. I, с. 179). *Разобидуюсь* на милыхъ своихъ дѣтушекъ (181).

10. Не черными чернилами составлено,
Какъ горючима слезамы оно писано
Великоей *обидушкой* составлено
Злой этой кручиной запечатано.

35. Во тоски во великой во *обидушкѣ* 188.

78. Отъ чего да вы желанны закручинились,
Со *обидушкой* меня нонѣ стрѣчаете.
Со горючима слезами принимаете (стр. 190).
89: Што оброночку побѣдны обронили
Потеряшечку *обидны* потеряли.
(Причит. Сѣв. края Барсовъ).

Abidus—sed. episc. Byzac. עביד subactus. Bida opp. Maurit. Caes. עבידה subacta (ע̄abiecto) Gensenii scrip. ling. que Phöniciae Mon. P. I, Lipsiæ 1837, Lib. IV, c. III, D. nom. prop. urbium et locorum

По ученію Русскихъ Буддистовъ Калмыковъ, говоритъ Бастіанъ, Абида ниспошлетъ второе солнце которое испаритъ всю воду. За тѣмъ онъ пуститъ шесть солнцовъ одно за другимъ которыя все пожгутъ. Когда поддерживающая землю черепаха почувствуетъ жаръ то она начнетъ безпокоиться и своимъ двоженіемъ причинитъ свѣтопредставленіе.

Ces bourkans suivant le systême des Kalmouks resident dans les mondes qu'ils adoptent et dans les planetes; d'autres occupent des contrées celestes, Sakji Mouni habite encore sur la terre. Erlik Khan a son palais dans les enfers ou il regne en souverain. Un grand nombre d'autres demeurent au ciel; un chemin d'or y conduit les hommes pardessus une haute montagne, au dessus de la quelle est une nuée de jaspe. L'esprit aérien Adaboschi, reside dans cette nuée. Le pied de cette montagne est habité par un grand nombre de renards; ils devorent les ames perverses qui osent approcher de ce bien heureux séjour. Un chemin d' argent est sous le chemin d'or, il mene au lever du soleil habité par Abida, qui y jouit d'une tranquillité parfaite. Voyages de Mr. Pallas. Paris 1788, in 4°, T. I, 545. Pf. X, VI, p. 2. trad. par Mr. Gauthier de la Peyronie. на с. 543 онъ говоритъ:

Il m'aparu, qu'ils donnent la première place à Abida.

Начало добра и начало зла въ постоянномъ антагонизмѣ, по ученію Персовъ. Соединеніе благотворной и губительной силы въ одно миѳическое лице постоянно встрѣчающееся въ язычествѣ основано на обыденномъ житейскомъ созерцаніи. Гердеръ (Einleitung) развиваетъ эту мысль:

«Всѣ естественныя свойства твари, говоритъ Кантъ, должны въ извѣстное время совершенно и цѣлесообразно развиться,—для человѣка какъ отдѣльной личности это невозможно, потому что необходимъ безчисленный рядъ поколѣній, чтобы развить только приблизительно до возможной степени разумъ. Не въ отдѣльной личности, но въ человѣчествѣ достигнетъ человѣкъ своего назначенія, Природа хотѣла, чтобы человѣку не давалось никакого другаго благосостоянія или совершенства, какъ то, которое онъ себѣ самъ своимъ разумомъ заработаетъ. Еслибы естество дѣйствительно стреми-

лось къ тому, чтобъ каждая личность жила хорошо, то природа совершенно бы ошиблась въ выборѣ своихъ средствъ. Человѣческое себялюбіе есть средство употребляемое естествомъ для развитія всѣхъ своихъ свойствъ. Безъ истекающаго отсюда антагонизма, люди цѣнили бы свое существованіе немного выше, чѣмъ своихъ домашнихъ животныхъ, и они не пополнили бы то, что кажется недостающимъ въ твореніи и что есть однако цѣль, разумнаго естества. Итакъ, надо благодарить природу за неуживчивость, за неблагосклонное ревнивое тщеславіе, за ничѣмъ неудовлетворимое стремленіе къ обладанію или даже къ господствованію. Безъ этого всѣ благія естественныя свойства въ человѣчествѣ навсегда спали бы неразвитыя. Человѣкъ желаетъ согласія, но природа лучше его знаетъ, что для его природы лучшее: она требуетъ соревнованія».

Для поясненія поэтической реминисценціи Пѣвца Игорева весьма полезно предпослать слова В. Гримма о пѣсняхъ Эдды. Его замѣтка подходитъ несравненно болѣе къ манерѣ Пѣвца Русскаго, чѣмъ къ Еддѣ. Краткость, есть свойство эпической поэзіи: поэзія есть та же іероглифическая передача повѣрій и общеполезныхъ свѣдѣній.

Die Eigenthümlichkeit der Eddischen Lieder beruht darin, das zunächst die Absicht nicht dahin geht, den Inhalt der Sage darzustellen, den sie vielmehr als bekannt voraussetzen, sondern dass sie einen einzelnen Punct, wie er gerade der Poëtischen Stimmung dieser Zeit zusagt herausheben und auf ihn den vollen Glanz der Dichtung fallen lassen. Nur was zu seinem Verständniss dient, wird aus der übrigen Sage angeführt, oder daran wird errinert. Eine Beziehung auf das zunächst Vorangegangene folgt vielleicht erst einer Andeutung der Zukunft, das Enfernte wird durch kühne Uebergänge in die Nähe gerückt (D. Heldensage 365).

Прежде чѣмъ приступить къ очертанію Крылатой Дѣвы Обиды, не излишне припомнить здѣсь, что въ прозаической Эддѣ исторія Азовъ разыгрывается въ Трои. Въ этой позднѣйшей Эддѣ Пріямъ царь Тюрковъ, и сыновья Екутора получаютъ землю Фригійскую изгнавъ изъ нея Елена, называемаго въ Эддѣ Али. Связь этого разсказа въ непрерывной связи съ древними пѣснями Едды.

Этотъ переходъ Троянскаго сказанія въ скандинавскіе басни подъ именемъ Тюрковъ не есть ли явный намекъ на распространеніе и даже доморощенность этого сказанія въ земляхъ примыкающихъ къ Азовскому морю вдоль Дона и Урала. Турки Руссы могутъ послужить къ примиренію между школой Норманно-Русской и Русо—Хозарской или Тюркской. Троя Эдризи, нынѣшній Троицкъ, есть пунктъ стратегическій въ отношеніи торговаго пути, какъ и всѣ пункты связанные съ Троянскимъ сказаніемъ и въ особенности съ Еленой. Храмы ея и Ахилесса находятся у входа въ Азовское море, у Днѣпра, при устьѣ Дуная, самая Троя при устьѣ Дарданелскаго пролива.—Елена живетъ въ храмѣ Протея на островѣ Фаросѣ, гдѣ нынѣ Александрія, и, наконецъ Троя близь Адріатическаго моря.—Жизнь Русскаго племени, тѣсно связанная съ торговыми путями, развивалась преимущественно вдоль Дуная, Днѣпра, Волги, Дона, Яика и Невы. Скандинавскій полуостровъ или острова Готландъ и Рюгенъ могли быть лишь временными убѣжищами. Династы Русскіе съ Русской Дружиной въ историческое свое появленіе въ Россію въ IX столѣтіи, чувствуютъ себя дома на Ладожскомъ озерѣ, на Волгѣ, на Кубани и—на Дунаѣ, по заявленію Святослава. Связывающимъ элементомъ между всѣми Славяно-Литовскими и Чюдскими племенами былъ торговый интересъ—хранителями этого торговаго интересса на всемъ пространствѣ была Династія Русская съ сильной организаціей, проявившейся въ исторіи подъ именемъ Дружины. — Это племя могло въ разныя времена имѣть различные оттѣнки: Сѣверо-Германскій, Финскій, Турецкій, Персидскій. Всѣ эти примѣси могутъ, или по крайней мѣрѣ должны быть изслѣдованы химически и съ помощію микроскопа, не смотря на запрещеніе наложенное М. П. Погодинымъ въ огражденіе его магистерскаго тезиса.

Обида, возставшая въ силахъ Дажь-Божьяго внука и вступившая дѣвой на землю Троянскую, это—Елена дочь Немезисы, или Лиды (Apoll. b. bl. III. CX. 17), и Зевса, превращеннаго въ лебедя, вступившая на землю Троянскую для погибели силъ Пріама, потомка Дарданова. Много говорено о бѣдствіяхъ, ею нанесенныхъ на Еропу и Азію, въ особености же на землю Троянскую, и

TABULA ITINERARIA EDRISIANA

даже предречено, (Павзаній. Фокида гл. XII). «Славнѣйшая и бла-«городнѣйшая Сивилла Ериѳреа, яко нѣцыи глаголютъ тогда нача «пророчествовати, егда нача созидатися славный градъ Троада» «Сія же Сивилла прорече Грекомъ, о Троадской брани, «яко Троада погибнетъ и Омиръ творецъ ложная писать будетъ. «Ериѳреа же именуется понеже родися во веси Ериѳронъ, или име-«новашеся быти, сиречь купина, недалеко отъ острова Хіо».

Выписки изъРумянцовскаго списка: книга о Сивиллахъ и проч. и проч. . . въ дополненіяхъ ко второй части Сказаній Русскаго Народа, изд. Сахаровымъ. С.П.Бургъ. 1841 г. стр. 120 и 122.

Изъ Шестоваго Толстовскаго списка, тамъ же стр. 125, приведены о Сивиллѣ Ериѳрейской между прочими выписками:

«Изъ всѣхъ лучши была. Про тою сказывалъ Аполодорусъ «Ерытрейсъ, что изъ его города посадскаго человѣка женка была; «писала та много о городѣ Трои, что было тому городу взяту быти «и выпустошену. Ходила въ хитонѣ одѣяніи, была всерадовичъ и «кручиновата; а подъ ногами яблоко круглое (со) звѣздами, тѣмъ «образомъ что небо». А о Дельфійской: «а зовутъ ее потому, что «и она въ костелѣ Аполоновомъ уродилась у Дельфу, то иная, а «не та, которая людемъ чрезъ черту указывала, была она въ треть-«емъ вѣку свѣта до Троянской войны, и та Троянскую войну прежъ «объявила и сказала, что Королевство Троянское будетъ разорено».

Книги эти, къ крайнему сожалѣнію, о сю пору еще не изданы, я привожу изреченіе Сивиллы Ериѳрейской, находящееся въ III книгѣ, по изданію Опсопея. Парижъ 1607 г. о Сивиллахъ, въ подстрочномъ переводѣ онаго:

Иліонъ жалѣю тебя! Надъ Спартой убо Еринисъ (*обида*)
Взойдетъ, прекрасная, вѣчно словутая, отрасль гораздая!
Азіи, Европы же *многосьянну пучину оставивъ*
Тебѣ же преимущественно вопли, труды, стѣнанья влекущая,
Нанесетъ — нестарѣющу же пріемлетъ славу въ будущихъ.

Въ пѣснѣ, также, какъ и въ прорицаніи Сивиллы, Елена обозначена подъ именемъ—обиды—губительницы—кары—мзды—Ериниссы, взошедшая для погибели Трои и усѣявшая, возмутившая

пучину средиземную отъ колонъ Ираклiевыхъ до горъ Кавказскихъ.

Въ варiантѣ вмѣсто «много сѣянну пучину оставивъ» «кровь – сокрушая» т. е. для облегченiя земли отъ слишкомъ увеличившагося народонаселенiя, что согласуется съ отрывкомъ Кипрскихъ стиховъ, приписываемыхъ Омиру и Стасину. Весьма любопытно было бы и сближенiе таинственныхъ оборотовъ въ пѣснѣ о походѣ Игоря съ Касандрою Ликофрона и схолiй къ нимъ Чечеса.

Дѣвѣ Обидѣ, вступившей на землю Трояню, приданы лебединыя крылья совершенно правильно:

Еврипидъ въ Орѣстѣ даетъ Еленѣ, по отцу лебедю, прозванiе: лебедо-крылатой и Ерениссы Пергамскихъ твердынь (дѣвы обиды, возставшей въ силахъ Даждь Божьяго внука Дарданида Прiама).

Фригiецъ евнухъ (въ Орѣстѣ Еврипидовомъ 1376 — 1387) вопiетъ:

Какъ про тебя сокрушенный: реву.
Гробовый, гробовый напѣвъ.
Дикимъ воемъ.
За *птицеродной* ликъ
Лебедорылатаго, красавицы
Лиды, звѣря, Злоелены.
Злоелены, твердынь
Пергамскихъ, Аполлонiйскихъ.
Пагубу—ой то! то!

Въ Андромахѣ Еврипида (103 и 104 ст.) Елена названа обидою:

Илiону возвышенному Парисъ не свадьбу, а нѣкую обиду
Привелъ, наложницу, въ хоромы, Елену.

Названiе дѣвою, не смотря на многократныя похожденiя Елены съ весьма юныхъ лѣтъ, есть равно древнее; оно встрѣчается въ той же трагедiи и тотъ же скопецъ (послѣ убiенiя Елены по возвращенiи ея изъ Трои въ Грецiю, Орестомъ) называетъ ее дѣвою Лаконскою.

1437. Привѣтствовалъ же Орестъ.
Лаконскую дѣву: о бога чадо.

И современникъ Игоря Святославича, ученый грамматикъ Чечесъ называетъ Елену также дѣвою (ante homerica 169 A. F. Didor).

Отъкуда пришла къ Троѣ дѣва Тиндаревна.

Говоря о княжьихъ крамолахъ, губувшихъ Россію, воспоминаніе про дѣву—обиду весьма естественно и полно значенія; ибо этимъ намекомъ раскидывается цѣпь преступленій и бѣдствій, примыкающая къ Еленѣ въ древнемъ эпосѣ. Елена въ древнихъ сказаніяхъ восприняла въ себя всѣ злотворныя силы, губящія міръ. Намекъ на дѣву-обиду вступившую на землю Троянскую среди силъ Дарданова внука, развертываетъ все то, что древніе изображали въ образѣ Елены и Ериниссы. Елена дочь Немезисы и Ериниссa одного происхожденія, въ Ѳеогонія Исіода:

Породила же и Немезу-бѣду смертнымъ и тлѣннымъ
Ночь пагубная; послѣ сей же обманъ родила и любовь
Старость же пагубную, и ссору родила крѣпкодушную.
А ссора ненавистная родила же трудъ мучительный.
Забвенье и голодъ и муки слезныя
 Битвы и убійства и сѣчи и человѣкоубійства,
 Распри и лжи и слова и прекословія.

Всѣ эти силы, признаваемыя древними за заслуженныя наказанія, суть вмѣстѣ съ тѣмъ незаслуженныя обиды, напасти и даже сами наущительницы преступленій.

Омиръ въ одномъ и томъ же мѣстѣ приводитъ разныя злокозненныя божества и самую олицетворерную обиду (сверженную съ неба на землю за посяганіе на самаго Зевса). Ил. XIX. 86, по переводу Гнѣдича.

. . . . но не я (Агемемнонъ) Ахейцы виновенъ.
Зевесъ Аліохъ и Судьба и бродящая въ мракахъ Ериниссъ.

Эта обида, нарушившая гармонію высшаго міра, есть именно Елена *Софія Ахамотъ* Гностиковъ, violentia, по преимуществу (сравни Matter Hist. du gnosticisme).

Русскій пѣвецъ называетъ Елену Дѣвой-обидой точно также, какъ Еврипидъ, представляя Дѣву-обиду въ образѣ вѣчнославной красавицы Елены, строже соблюдаетъ правила древняго искуства, чѣмъ Виргилій, упрекаемый Макробомъ за театральное изображеніе фурій въ отвратительномъ видѣ, съ змѣями изрыгающими ядъ. (Сатурн. Макроба. Книга V Глава XVII).

Елена въ языческой словесности (по толкованію Гностиковъ) есть символъ взволнованной, пытливой души, она духъ, неудовлетворяемый въ ограничивающемъ его порядкѣ вещей и склонный къ нарушенію сего порядка, для удовлетворенія своей склонности къ познанію и преобладанію. Во-вторыхъ, она воспринимаетъ въ себя и изображеніе самой цѣли ея безпокойства, верховное управленіе дѣлами сего міра. На сей мысли основано сказаніе древнихъ, что Греки и Трояне дрались за идолъ, Елена же настоящая была, во время Троянской войны, въ Египетскомъ храмѣ у Протея (сравни Еврипида, Геродота). Въ-третьихъ, она воспринимаетъ въ себя и олицетвореніе послѣдствій своихъ склонностей: распри, ссоры, насиліе, обиду (ατη). Такъ изображена она въ языческихъ сказаніяхъ и такую же роль играетъ она въ ученіяхъ гностиковъ. Парисъ—*потокъ* есть етремленіе, сильная похоть ее увлекающая. Имя ея законнаго мужа Менелай—Сеньковскій переводитъ совершенно правильно Крѣпиміръ.

И въ невидимомъ мірѣ она изображается какъ нарушительница гармоніи и совершенства—на землѣ же она душа, запавшая въ темницу сего міра, страждущая въ узахъ житейскихъ, вѣчно впадающая въ грѣхъ и губящая человѣческій родъ, но вѣчно жаждущая возвратиться къ свѣтлымъ источникамъ.

Елена, выведенная Симономъ Волхвомъ изъ непотребнаго дома, сопровождаетъ его по Самаріи. Самаритяне ставятъ имъ кумиры, о чемъ часто распространяются отцы церкви въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія и много разсуждаемо было въ новѣйшее время.

Это явленіе Елены въ пѣснѣ о походѣ Игоря совершенно согласно съ явленіемъ ея во второй части Гетева «Фауста». Русскій пѣвецъ не уступаетъ въ силѣ мышленія и посвященія въ таинства науки великому поэту Германіи.

Дѣва—Обида, Елена, имъ упоминаемая, изображаетъ сама себя въ III-мъ актѣ II-й части «Фауста:».

. . . . Weh mir! Welch streng Geschik
Verfolgt mich, überall der Männer Busen
So zu bethöhren, dass sie weder sich
Noch sonst ein Würdiges verschonten. Raubend jetzt,

Verführend, fechtend, hin und her entdrückend,
Halb Götter, Helden. Götter, ja Dämonen
Sie führten mich im Irren her und hin
Einfach die Welt verwirrt' ich doppelt mehr;
Nun dreifach, vierfach bring ich Noth auf Noth.

На распространеніе сей басни въ Россіи указываютъ нѣсколько памятниковъ, принадлежащихъ къ, такъ называемой, народной литературѣ, которые столь же замѣчательны по глубокомысленности своей и учености, какъ и по оригинальному представленію преданія.

Такъ, въ одной свадебной пѣснѣ Елена представлена совершенно въ духѣ древнихъ гностическихъ басенъ.

Сказанія Рус. Нар., собр. Сахаров. Т. I, Кн. III, стр. 161, пѣснь 220.

Подымалася погодушка,
Что со Московской сторонушки,
Уносила лебедь бѣлую,
Лебедъ бѣлую, черноногую,
Со желтыхъ водъ, со ключевыхъ,
Съ тихихъ рѣчекъ, со глубокіихъ,
Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ.
Гнала гнала лебедь бѣлую,
Гнала, гнала черноногую,
Гнала, въ бурно море синее.
Сине море взволновалося,
Лебедь бѣлая встосковалася.
Ой ты, буря непогодушка,
Унесла меня съ моей сторонушки,
Съ желтыхъ водъ, со ключевыхъ,
Съ тихихъ рѣчекъ, со глубокіихъ,
Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ!
Ужъ не жаль-то мнѣ желтыхъ водъ ключевыхъ,
Ужъ не жаль-то мнѣ тихихъ рѣчекъ, глубокіихъ
Ужъ не жаль-то мнѣ бѣлыхъ лебедушекъ:
Жаль-то мнѣ своей сторонушки,
Жаль-то мнѣ своихъ бѣлыхъ перушковъ.
Бѣлыхъ перьевъ, бѣлыхъ крылышекъ!
Какъ изъ славной Тверской улицы,
Подымалися князья, бояре всѣ,
Соѣзжалися ко Иванову двору:
Вороты дубовыя отворяются,
Входятъ гости на широкій дворъ;

Идутъ гости на ново крыльцо.
Въ терему-ли видятъ дѣвицу,
Во высокомъ видятъ красную,
Еленушку, душу Ивановну.
Ужъ берутъ ли ее за бѣлы руки,
Ужъ уводятъ ли отъ дѣвушекъ,
Ужъ уводятъ ли отъ красныхъ.
Какъ сажаютъ душу Еленушку,
Еленушку свѣтъ Ивановну,
Что за тотъ ли дубовый столъ,
Что за тѣ-ли скатерти браныя;
Послѣ увезли домой къ себѣ,
Къ свекору, чужому батющкѣ,
Къ свекрови чужой матушкѣ,
Къ чужимъ сестрамъ, золовушкамъ,
Къ чужимъ братьямъ, деверьюшкамъ.
Свекоръ батюшка осержается,
Свекровь матушка разгнѣвается
Умные деверья вкось глядятъ,
Глупыя золовушки съѣсть хотятъ,
Душа Еленушка встоскуется,
Свѣтъ Ивановна взгорюется,
Въ горючихъ слезахъ восплачется:
Ой, вы гости незнакомые!
Увезли меня отъ батюшки,
Увезли отъ родимаго,
Увезли меня изъ терема,
Увезли изъ высокаго,
Разлучили со дѣвицами,
Со дѣвицами ли красными
Со моими ль подружками,
Ужъ не жаль-то мнѣ и терема,
Ужъ не жаль то высокаго,
Ужъ не жаль-то красныхъ дѣвушекъ
Жаль то мнѣ родимаго батюшку,
А жальчей того русой косы,
Что моей ли дѣвичьей красы.

Г-нъ Шевыревъ, замѣчая сродство между Русскими и Гомеровскими сказками, приводитъ описаніе терема, выстроенаго для Запавы, «въ Соловьѣ Будиміровичѣ», сходное съ описаніемъ дворца Елены и Менелая въ Одиссеи. Это сходство не случайно: дворецъ Запавы такъ описанъ потому, что она та же Елена, душа,—запавшая въ

матерію.—Подтвержденіемъ сему служитъ сказска о семи Семіонахъ, содержащая въ себѣ и вышеприведенную свадебную пѣснь и описаніе того же дворца, но здѣсь уже, какъ и въ свадебной пѣснѣ, съ обозначеніемъ самаго имени Елены. Сказка о семи Семіонахъ соединяетъ въ себѣ въ добавокъ и самый миѳъ, представленный въ Еврипидѣ и сказанія объ ней Филострата *о воспѣваніи ея на островахъ океана и Чернаго моря*. Въ сказкѣ этой опредѣляется даже одинъ изъ значительнѣйшихъ источниковъ составленія сказокъ: *Ай ты, черный котъ баюнъ! Проснися, пробудися, да спой пѣсенку; какъ и ту ли пѣсенку, что поютъ на Окіанъ морѣ, на зеленыхъ островахъ, про молоду Княжну, Елену прекрасную*. И пѣлъ баюнъ черный котъ про молодую княжну.

Сказанія Рус. Нар., Собр. Сахаровымъ Т. I, кн. IV, Народныя былины, стран. 27 и 28.

«Не надо мнѣ дворы Княженецкіе,
И ненадо дворы боярскіе,
И ненадо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли
Непаханыя и не ораныя;
У своей, Осударь, княженецкой племянницы,
У молодой Запавы Путятиной;
Въ ея, Осударь, въ зеленомъ саду,
Въ вишиньѣ, въ орѣшеньѣ.—
Построить мнѣ, Соловью. снаряденъ дворъ».
Говоритъ, Осударь, ласковый Владиміръ Князь:
«На то тебѣ съ Княгинею подумаю».
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли,
Непаханыя и неоранныя
Приходилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
«Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ въ зеленый садъ,
Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
Въ вишиньѣ, орѣшеньѣ».
Съ вечера, познимъ позно,
Будто дятлы въ деревѣ пощолкивали,
Работала его дружина храбрая,
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,

Въ трои сѣни косящаты,
Да трои сѣни рѣшетчаты.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды:
На небѣ заря, въ теремѣ заря —
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени, -
Отъ сна-то Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое.
Въ вишиньѣ, въ орѣшеньѣ,
Во свой, вѣдь, хорошій, зеленой садъ.
Чудо Запавѣ показалося:
Въ ея хорошемъ зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и матушки!
Подитет-ко, посмотритет-ко,
Что мнѣ за чудо показалося,
Въ вишиньѣ, въ орѣшеньѣ».
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
«Матушка Запава путятишна!
Извольте-ко сама посмотрѣть:
Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло».
Скоро Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей.
Пошла она въ вишиньѣ, въ орѣшеньѣ,
Во свой во хорошъ, во зеленой садъ,
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ —
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
По маленьку говорятъ, все молитву творятъ
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двѣри на пяту,—
Больно Запава испугалася,

Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показолося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря—
И вся красота поднебесная.

Любопытное сказаніе объ Еленѣ сохранилось въ сказкѣ о семи Семіонахъ. Эти семь Семіоновъ суть ни что иное какъ семь Эоновъ высшаго міра по ученію Гностиковъ; баснь о семи Эонахъ превратилась въ сказку о семи Семіонахъ.

Св.Ириней разоблачаетъ смысль этихъ сказаній объ Еленѣ. Я говорю смыслъ а не источникъ потому что едвали можпо рѣшить сказки ли были источникомъ гностическихъ басенъ или на оборотъ.

«Но сила, учатъ они, которая перелилась изъ жены, имѣя орошеніе свѣта спустилась отъ отцевъ своихъ; имѣетъ же орошеніе свѣта по своей собственной воли и ее называютъ лѣвою, Пруникосъ, премудростію, и мужеско женскою. И она по простотѣ своей спустилась въ воды бывшія еще неподвижными, привела ихъ въ движеніе, смѣло спустившись до послѣднихъ глубинъ, и получила отъ нихъ тѣло. Ибо по словамъ ихъ, все устремилось къ орошенію ея свѣта, пристало къ нему и окружило, и если бы его не имѣла, быть можетъ, она вполнѣ была бы поглощена и потоплена матеріею». Будучи связана матеріальнымъ тѣломъ, и весьма имъ обременена, она пришла наконецъ въ себя и попыталась убѣжать отъ водъ и вознестись къ матери, но была не въ силахъ по причинѣ тяжести окружающаго ее тѣла. Находя себя въ очень дурномъ состояніи, она старалась скрыть свѣтъ, который свыше, боясь чтобы и онъ, подобно ей, не потерпѣлъ обиды отъ нисшихъ стихій. И получивъ силу отъ орошенія своего свѣта, она воспрянула и воспарила на высоту, и пришедши на высоту, она расширилась, покрыла часть и сдѣлала изъ своего тѣла видимое небо; она осталась подъ небомъ которое створила, до нынѣ имѣя образъ водянаго тѣла, когда же возжелала высшаго свѣта и вполнѣ получила силу, она отложило тѣло и освободилось отъ него. И это тѣло которое оно отложила, называютъ они (гностики) женою отъ жены.»—стр. 114.

«Нѣкоторые же изъ Валентиніанъ такъ баснословятъ о страстномъ увлеченіи премудрости и ея обращеніи, что она, предпринявши дѣло не по силамъ и для нее необъятное, родила сущность безобразную, женскаго пола какую природу и сама имѣла и усмотрѣвши это сперва опечалилась несовершенствомъ рожденія, и убоялась того, чтобы это но прекратило ея собственнаго бытія; потомъ пришла въ страхъ и недоумѣніе, отыскивая причину сему и способъ какъ бы скрыть происшедшее.—Пробывши долго въ этихъ страстныхъ состояніяхъ она предприняла обращеніе, и пыталась возвратиться къ отцу; послѣ нѣсколькихъ усилій ослабѣла и стала умолять отца» стр. 10.

«По отдѣленію отъ нея помышленія вмѣстѣ съ превзошедшую страстію, она сама осталась внутри Плиромы; но ее помышленіе вмѣстѣ со страстію отдѣлено и ограждено Предѣломъ (Ορος не имѣющій четы) и будучи внѣ Плиромы, хотя и есть духовная сущность какъ нѣкоторое естественное стремленіе Хона, но не имѣетъ образа и вида, потому что ничего не получило (мужескаго). По сему и называютъ его слабымъ и женственнымъ плодомъ» стр. 11.

«Не могло перейти за предѣлъ по причинѣ соплетенія со страстію, и оставшись внѣ одно (помышленіе) различно и разнообразно,— и во первыхъ страдало печалію о томъ, что недостигло желаемаго а также страхомъ чтобы не покинула его и жизнь, какъ покинулъ свѣтъ». стр. 18.

«Отъ слезъ его произошла всякая влажная сущность, отъ смѣха— свѣтящаяся; отъ печали и изумленія—тѣлесныя стихіи міра. Ибо какъ говорятъ, оно то плакало и печалилось о томъ что оставлено одно во тьмѣ и пустотѣ, то веселилось и смѣялось когда ему приходилъ на мысль оставившій его свѣтъ, то опять впадало въ страхъ а иногда въ недоумѣніе и изумленіе». стр. 19.

«Этотъ Симонъ Самарянинъ, отъ котораго произошли всѣ ереси образовалъ свою секту слѣдующаго содержанія. Онъ выкупивъ въ Тирѣ Финикійскомъ городѣ, нѣкоторую женщину, по имени Елену, водилъ ее всюду съ собою, и выдавалъ за первую мысль (Εννοια) мать всѣхъ вещей» стр. 95.

«Послѣ того какъ она ихъ произвела (власти) была она задержана

или изъ зависти, такъ какъ они хотѣли считаться порожденіемъ какого либо другаго существа. Его самаго они вовсе не знали, а его мысль (Ἔννοια) была удержана порожденными ея властями и ангелами, и терпѣла отъ нихъ всякое безчестіе, такъ что она не возвратилась къ отцу, и даже была заключена въ человѣческое тѣло, и по временамъ какъ бы изъ сосуда въ сосудъ, переходитъ изъ одного женскаго тѣла въ другое. Она была въ той Еленѣ, изъ за которой произошла Троянская война; поэтому также ослѣпленъ былъ Стезихоръ которой поносилъ ее въ стихахъ, но послѣ когда онъ раскаялся и написалъ такъ называемыя палинодіи въ которыхъ онъ ее восхвалилъ, опять получилъ зрѣніе. Странствуя изъ тѣла въ тѣло, терпя отъ сего всегда безчестіе, она наконецъ отдалась въ развратный домъ; она то и есть погибшая овца».—стр. 96.

Соч. Святаго Иринея пять книгъ противъ ересей. Изд. въ Рус. пер. свящ. П. Преображенскимъ Москва 1871.

Этотъ же миѳъ представленъ въ полномъ блескѣ и въ двухъ приведенныхъ пѣсняхъ объ Еленѣ Ивановнѣ и Зăпавѣ и излогается въ нашихъ сказкахъ о сотвореніи міра.

Что сказка о семи *Семіонахъ* есть одно изъ многочисленныхъ преданій объ Еленѣ, то въ этомъ весьма легко убѣдиться изъ слѣдующихъ выписокъ (Русск. Народн. сказки, изд. Сахаровымъ Ч. I. 1841.—Малый in 8. стр. 292, 203, 209 и 210).

«А его-то, братья Семіоны, проплывали Океанъ море глубокое, проѣзжали тридевять земель, вступали въ тридесятое царство, ко терему изукрашенному. Возговоритъ туто семой Семіонъ»: гой еси вы, мои братья родимые! Сидите вы во своемъ кораблѣ, да берегите дороги подарочки, а я пойду молоду княжну искать».

«И ходитъ онъ, Семіонъ, около терема изукрашеннаго, ходитъ, похаживаетъ, черна кота поглаживаетъ, на высокъ теремъ посматриваетъ. Какъ и тотъ ли теремъ изукрашенный былъ красоты несказанныя: внутри его, терема изукрашеннаго, ходитъ красно солнышко, словно на небѣ. Красно солнышко зайдетъ, молодой мѣсяцъ по терему похаживаетъ, золоты рога на всѣ стороны покладываетъ. Часты звѣзды изнасѣяны по стѣнамъ, словно маковъ цвѣтъ. А построенъ тотъ теремъ изукрашенный

на семи верстахъ съ половиною; а высота того терема несказанная. Кругомъ того терема рѣки текутъ, молокомъ изнаполненныя, сытой медовой подслащенныя. По всѣимъ тѣимъ по рѣкамъ мостички хрустальные, словно жаръ горятъ. Кругомъ терема стоятъ зеленые сады, а въ зеленыихъ садахъ поютъ птицы райскія пѣсни царскія. Во томъ же теремѣ всѣ окошечки бѣлостекольчаты, всѣ дверцы чиста серебра. Какъ и на теремѣ-то крышечка чиста серебра со маковкой золотной, а во той ли маковкѣ золотной, лежитъ дорогъ рыбій зубъ. Отъ красна крылечка бѣлостекольчата лежатъ ковры самотканые, а по тѣмъ по коврамъ самотканымъ ходитъ молода княжна, Елена прекрасная».

«Смотритъ молода Княжна на дороги товары заморскіе, смотритъ, дивуется, а день ко темну вечеру склоняется. И собирается она, молода княжна, во свой теремъ изукрашенный итить, дороги покупочки обновлять, а собравшись, выходила на корабль».

«И видитъ она молода княжна, Окіанъ море глубокое, а не видитъ крута бережка, а на круту бережку нянюшекъ мамушекъ, красныхъ сѣнныхъ дѣвушекъ. Какъ восплачетъ, возрыдаетъ молода Княжна горючими слезами, а въ возрыданьицѣ слово вымолвитъ: ужъ ты, батюшко родимой мой! Выручай меня ты изъ полону крѣпкаго, со кораблика великаго. Полечу я къ тебѣ на встрѣчу бѣлою лебедошкою, и сяду я на золото окошечко со рѣшоточкой. Ни думано, ни гадано молода княжна оборочалась въ бѣлую лебедушку, да и полетѣла поверхъ Окіанъ моря глубокаго, во свой теремъ изукрашенный. И возговоритъ туто семой Семіонъ: а и бери ты, пятъ Семіонъ, свою калену стрѣлу, да и стрѣляй ты прямо во правое крыло бѣлой лебедушки. Скоро стрѣлялъ пятъ Семіонъ, я скорѣй того шестъ Семіонъ подхватывалъ бѣлую лебедушку на свои руки, да и приносилъ на великъ корабль. *И туто бѣлая лебедушка стала по прежнему молодой княжной, Еленой прекрасною*».

Поразительно что всѣмъ этимъ различнымъ и противорѣчущимъ сказаніямъ древнихъ объ Еленѣ, (Гомеръ, Геродотъ, Еврипидъ, Филостратъ) сказка Русская служитъ ключемъ и какъ бы источникомъ разноглагольствованій.

Редакція сей сказки составлена, можетъ быть, въ весьма позд-

нѣйшемъ времени относительно Гомера, но замѣчательно глубокое посвященіе въ древніе мνѳы и употребленіе сихъ мνѳовъ какъ будто въ первородной ихъ чистотѣ; такъ что разногласія древнихъ касательно Елены (Гомера и Еврипида—необъяснимые для самихъ ученыхъ древности) становятся весьма понятными послѣ сей сказки (превращеніе Елены въ лебедь и возвращеніе ея на корабль). А эта сказка замѣчаетъ Бѣлинскій отличается именно неподѣлонною, оригинальностію.

Весьма можетъ быть, что и самое смѣшеніе родовъ (Встала, вступилъ) не есть описка, ибо съ подобнымъ смѣшеніемъ родовъ является Елена-Софія Ахамотъ въ ученіяхъ гностиковъ. Но весьма легкомысленно было бы на этомъ основаніи заключать, что Пѣвецъ Игоревъ былъ проповедникомъ лжеученій. Басни эти въ средніе вѣка были общеизвѣстны и были принадлежностію искуства до эпохи возрожденія, послѣ коей строго отдѣлилось искуство Христіанское отъ искуства языческаго. Въ памятникахъ же вѣковъ, предшествовавшихъ XV столѣтію, смѣшеніе это является тамъ, гдѣ нѣтъ причины сомнѣваться въ истинѣ ученія людей созидавшихъ ихъ.

Краски могли быть имъ почерпнуты изъ словесности языческой, согласно общему обычаю, какъ сильныя и необходимыя средства для прославленія истины.

Для настоящаго предмета достаточно напомнить, что преданія сіи наполняютъ словесность первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. и переходятъ въ памятники искуства во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Кромѣ смѣшенія языческихъ преданій съ христіанскимъ ученіемъ, съ первыхъ вѣковъ христіанства апокрифическія книги не были строго отдѣлены: Recognitiones Святаго Климента содержатъ много гностическаго.

Что касается до моря у Дона плещущи, т. е. Азовскаго или, въ болѣе обширномъ смыслѣ и Чернаго моря, оно согласно съ преданіями объ Еленѣ, по коимъ она послѣ раззоренія Трои удалилась съ Менелаемъ въ Херсонесъ Таврическій, гдѣ оба они были принесены въ жертву Ифигеніей. Кромѣ того она по смерти своей сдѣлалась супругой Ахилла и обитала съ нимъ и нѣкоторыми сподвижниками его на островѣ Левкѣ, Ахиллеѣ при устьяхъ Дуная, (Павза-

ній — Лаконія) по другимъ же—при устьяхъ Днѣпра. Островъ этотъ, по посмертному расказу Протезилая въ Филостратѣ, былъ образованъ Посидономъ для посмертной обители Ахилла и Елены, изъ земли обнесенной быстрыми рѣками, впадающими въ Черное море. «Тутъ увидѣлись въ первые Ахилъ и Елена; Посидонъ и Амфитрита, и всѣ Нереиды, и всѣ рѣки, и боги, посѣщающіе *Понтъ и Меотійское море*, праздновали свадьбу ихъ».

На немъ по ночамъ ликовали они и пѣли пѣсни Омира, пѣсни въ память трудовъ Троянской войны и въ честь ихъ дивнаго пѣвца. Обоготворенная община сія имѣла большое вліяніе на плаваніе по Черному морю и мореходцы усердно поклонялись тамошнему храму ихъ, разсказывая много чудесъ о посмертномъ житьѣ бытьѣ поселенцевъ сего необитаемаго острова.

Опредѣленіе мѣстности, гдѣ Елена плескала лебедиными крыльями (на Синемъ морѣ у Дона плещучи), также весьма поразительно по своему согласію съ древними свидѣтельствами о положеніи острова обитаемаго Ахилломъ и Еленою у устьевъ Дуная и Азовскаго моря. Сравни Köller.

Г. Музаркевичъ въ 1841 году посѣщалъ этотъ островъ (описаніе его поѣздки въ І-мъ томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса. 1841 г. Поѣздка на островъ Левке или Фидонисіевъ 1841 г. стр. 549 —562). Онъ уже не нашелъ остатковъ храма, измѣренныхъ и означенныхъ на картѣ, посѣтившаго этотъ островъ въ 1823 г. Капитанъ-Лейтенанта Критскаго. Планъ острова, со слѣдами Ахиллесова храма, изданъ въ 1827 г. извѣстнымъ археологомъ Келлеромъ въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ въ Х томѣ. Въ этой весьма любопытной статьѣ собраны всѣ разноглагольствія древнихъ о поклоненіи Еленѣ на Черномъ морѣ. Замѣчаніе Льва дьякона, что языческіе обряды русскихъ могутъ быть объяснены поклоненіемъ Ахилу на Черномъ морѣ, и извѣстіе Константина Багрянороднаго о поклоненіи Русскихъ мореплавателей сутъ два историческія основанія, крѣпко подтверждающія выводъ, что поклоненіе Ахиллу и Еленѣ было обще Грекамъ и Словенамъ. Эта мысль подтверждается еще и тѣмъ, что Болгаре считали Ахилла своимъ единоплеменникомъ.

Если всплескала лебедиными крыльями не выражаетъ единствен-

но, что Елена погубивъ Трою, удалилась чрезъ Азовское и Черное море въ Херсонесъ Таврическій или на островъ Ахиллею, но означаетъ движеніе, произведенное на Азовскомъ и Черномъ моряхъ послѣдствіями, то сюда принадлежитъ въ добавокъ, замѣчаніе Страбона о сильномъ движеніи судоходства и многихъ переселеніяхъ и странствованіяхъ по морямъ, морскихъ разбояхъ побѣжденныхъ и побѣдителей послѣ раззорѣнія Трои, на моряхъ, гдѣ существуютъ слѣды сихъ плаваній, Греческія поселенія. (Страбонъ, Кн. I, § 3). Время, послѣдовавшее за разрушеніемъ Трои, есть именно время, о коемъ упоминается въ пѣснѣ.

Пѣвецъ Игоря припоминаетъ объ Еленѣ вслѣдъ за описаніемъ пораженія и погибели Русскихъ на берегахъ Каялы, дабы связать славу, современную съ прошедшею, какъ онъ это дѣлаетъ въ другихъ мѣстъ своей пѣсни (на седьмомъ вѣцѣ Трояни ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду — тяжело тебѣ голова кромѣ плечю) согласно съ желаніемъ, выраженнымъ имъ въ воззваніи къ Бояну (Гомеру), дабы онъ свивалъ славы оба полы сего времени, переносясь изъ земли Русской въ тропу Трояню. (абы ты сіа пълкы ущекоталъ скачя славою рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы).

Шишковъ въ примѣчаніяхъ своихъ къ первому изданію и переводу Слова о полку Игоря (сочиненія и перев., изд. Рос. Акад. I, 1805, С.-Петербургъ, стр. 130—132), говоритъ о семъ мѣстѣ:

«Трудно добраться до заключающейся въ сихъ словахъ мысли, «однакожъ если мы представимъ себѣ обиду въ двухъ лицахъ или «видахъ, то, кажется, содержаніе сей рѣчи будетъ слѣдующее: во первыхъ обида, т. е. убійство, мщеніе, грабежъ, вступила въ об«разѣ дѣвы на землю Трояню. Во вторыхъ, обида же, т. е. гор«дость Половцевъ, униженіемъ Россіянъ превозносящаяся, радуется, «плещетъ крылами, на подобіе лебедя, играющаго на синемъ морѣ «у Дона, сирѣчь *въ землѣ* Половецкой».

«Можетъ быть слово дѣва употреблено здѣсь въ смыслѣ нѣко«его грознаго или свирѣпаго божества, точно такъ нынѣ въ сказ«кахъ привязываемъ мы сіе понятіе къ нѣкоторымъ женскимъ ли«цамъ, таковымъ какъ Царь дѣвица, баба-яга и проч. Или можетъ

«быть, подъ словомъ дѣва сочинитель разумѣлъ, что обида ни-«когда не извѣстна была Русской землѣ, никогда не сочеталась съ «нею, и дѣвою, т. е. первый разъ въ нее вступила».

«Пожарскій (стр. 64) говоритъ: дѣвою значитъ Діаною; ибо «на Польскомъ языкѣ Дива (Дѣва) и Діана одно и тоже. Разность «въ выговорѣ не дѣлаетъ разности въ значеніи: ибо дѣва на Бос-«ненскомъ языкѣ дива, дивича (дивица) дѣва, дѣвича (дѣвица), «и у насъ въ Малороссіи не только говорятъ вмѣсто дѣва дива, «но даже въ церквахъ читаютъ: Богородице Диворадуйся. Нѣтъ «никакого сомнѣнія, что подъ словомъ Дѣва разумѣется Діана, ибо «Діана, кромѣ охоты, есть богиня дѣвства. Здѣсь слово «Дѣвою» «значитъ какъ Дѣва, какъ Діана, т. е. какъ противъ звѣрей Ді-ана. Слѣдуетъ замѣтить, что у «Поляковъ Діана называется Дѣ-«ванна отъ словъ дѣвка, дѣвоя (дѣвица); сверхъ сего и на Сар-«матскомъ языкѣ Дѣванна означаетъ Діану».

> (Слово о Пол. Игор. С. уд. Кн. Н. С. вновь перел. Як. Пожарскимъ съ примѣч. С. П. Бургъ, 1819 г. стр. 64 и 65).

Граматинъ говоритъ почти тоже, что Шишковъ и Пожарскій: «здѣсь обида представлена въ видѣ нѣкой воинственной дѣвы, сту-«пившей на землю Троянову». Но упрекаетъ перьаго въ чрезмѣр-номъ ухищреніи, а Пожарскаго за отсутствіе Логики.

> (Примѣч. 77, стр. 152 и 153. Слово о Пол. Игор. Поэма писанная въ началѣ XIII и съ оной перелож. стихами древн. Русск. размѣра съ присовок. другаго букв. переложенія съ Истор. и кр. и проч. Москва 1822 г.).

Максимовичъ соглашается съ Пожарскимъ что Дѣва—Діана. Замѣ-чанія Шишкова, Пожарскаго, и Граматина, преимущественно ос нованы на однихъ умозрѣніяхъ, и достоинство ихъ, какъ въ об-щемъ значеніи, такъ и въ частностяхъ, безполезно было бы здѣсь разбирать; они не противорѣчатъ моему объясненію, представляющему лишь примѣненіе умозрѣній къ фактамъ.

Профессоръ Казанскаго Университета Ердманъ въ статьѣ: слѣды

Азіатизма въ Сл. о полк. Игор. Журн. Нар. Просв. 7, XXXVI. 1842 г., стр. 31, § 3; замѣчаетъ о разбираемомъ здѣсь мѣстѣ: «Въ этихъ словахъ мы находимъ два выраженія Азіатскія, обида «дѣва и времена жирныя. Покойный Шишковъ принялъ первое изъ «нихъ, сомнѣваясь однако же въ смыслѣ:» что обида никогда не «извѣстна была Русской землѣ, никогда не сочеталась съ нею и «въ первый разъ въ нее вступила».» Мнѣніе это одобрилъ одинъ Зедергольмъ. (LI. стр. 43). Слово дѣва или невѣста принимается «дѣйствительно въ переносномъ смыслѣ, чего либо новаго, неслы- «ханнаго. Такъ напримѣръ называются дѣвами или невѣстами: a) «неизвѣстныя или вновь найденныя лѣтописи: было поручено ему «(Рашид-уд-дину) и что онъ заставилъ сихъ блистающихъ невѣстъ «и дѣвъ, т. е. эти повѣствованія и разсказы, которые остались «до сихъ поръ закрытыми, непроницаемыми явиться въ свѣтъ и «показаться во всемъ своемъ облескѣ». в) Новыя, до сихъ поръ «неслыханныя мысли и выдумки: тысячи дѣвъ тайнъ обна- «жили, себя ему (Феред-уд-дину Аттару) въ уединеніи, и въ его «спальнѣ дѣвы (невѣсты) истинъ и самыхъ тонкихъ позволитель ныхъ секретовъ, почему и его стихотворенія тѣмъ славятся. с) Новыя желанія и предположенія: покоривъ нѣкоторыя крѣпости и обогатившись несмѣтною добычею, онъ обнялъ дѣвъ своихъ желаній (исполнилъ свои желанія). д) Новыя неслыханныя побѣды:» и улыбнулась мнѣ дѣва (невѣста) побѣдъ міра. е) Новою зеленью покрывающіеся луга: И дѣва луговъ приняла отъ управленія мудрости (божественной) свое украшеніе». Ibid. T I. p. 164).

Примѣры эти сюда, кажется, не принадлежатъ и показываютъ только, что восточные писатели также представляютъ различные предметы въ видѣ дѣвъ или придаютъ имъ геніевъ женскаго пола, какъ и западные писатели всѣхъ вѣковъ. Это сближеніе можетъ развѣ послужить къ объясненію логическаго основанія олицетворенія нѣкоторыхъ предметовъ въ образѣ дѣвъ.

Вполнѣ сочувствуя уваженію Г. Ердмана къ Слову о полку Игоря, этому драгоцѣнному и нетлѣнному, по его словамъ, сокровищу, и вполнѣ сознавая пользу и достоинство замѣчаній, со-

бранныхъ въ упомянутой статьѣ, этого ученаго мужа, мнѣ кажется, что замѣчанія его, для согласованія даже съ мнѣніями его о средоточіи въ пѣсни о полку Игоря современной Европейской и Азіятской мудрости, не должны быть принимаемы какъ доказательство непосредственнаго, тѣмъ паче исключительнаго вліянія Азіятизма (Магометанскаго?) на изслѣдоваемую пѣснь, но какъ подтвержденіе общаго сродства, замѣчаемаго въ произведеніяхъ Европейскаго и Азіятскаго генія отъ начала временъ.

Уподобленія въ Словѣ о полку Игоря по простотѣ и естественности своей рѣзко отличаются отъ сродныхъ имъ въ началѣ своемъ, но напыщенныхъ и безпредѣльно вытянутыхъ, уподобленій, встрѣчаемыхъ въ Магометанскихъ писателяхъ, которыхъ, кажется, Г. Ердманъ имѣлъ исключительно въ виду.

Во время Игоря Святославича Азіятскія выраженія, обычаи, оружія встрѣчаются рѣдко въ Россіи, особенно же въ сравненіи съ XIV и XV и даже съ XIX столѣтіями. Это очевиднымъ образомъ обнаруживается при сравненіи выраженій изъ Слова о полку Игоря съ соотвѣтствующими выраженіями, употребленными въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ. Задолго до XII-го столѣтія существовала тѣсная связь между Русскимъ Славянскимъ племенемъ съ племенами Татарскими и сношенія съ Арабами, но тѣмъ не менѣе Греческій и даже обще - европейскій источникъ для нашей (исторической) почвы плодотворнѣе Магометанскаго, особенно, когда дѣло идетъ о XII-мъ вѣкѣ. Татарщина у насъ обнаруживается лишь при Іоаннахъ; ее то испо линъ Русскій мощною рукою своею содралъ съ нашей кожи, возвращая насъ на добрый путь, съ великимъ трудомъ прокладываемый отцами нашими въ то время, какъ ихъ настигъ разрушительный и губительный наплывъ Татарскій — неминуемое послѣдствіе раздоровъ. Слово о Полку игоревѣ было пророческое.

Впрочемъ миѳъ о грозной лебедокрылатой Дѣвѣ обидѣ весьма вѣроятно сроденъ и съ Татарскими баснями.

«aus der Tiefe von siebzehn Erdschichten kannte er das haupt Ainas der Vierzig schwanfrauen (kerek Kükätten) älteste schwester mit hanfflechte die grosse Heldin Kükät war auch hergekommen.»

Koibalische Helden sagen (Al. Castren's versuch einer Koib-und karagassischen Sprachlehre her v. Schiefner S.-Petersb. 1857 K. Acad. der Wiss. 178.

Въ Юенъ-Че оффиціальной исторіи Китайскаго Императорскаго Монгольскаго (1260—1367) Дома уже упоминается о киргизскомъ преданіи о ихъ происхожденіи отъ 40 Дѣвъ «Кыркъ» и «Кыс»· напоминающее преданія упоминаемыя Геродотомъ о грифонахъ и объ Амазонкахъ прародительницахъ одного изъ скиѳскихъ племенъ.

Въ макарьевсвой минеи какъ и слѣдовало ожидать нашелся отголосокъ на сказаніе о грозной Понтійской дѣвѣ обидѣ. Сказаніе о Понтійской царицѣ могло быто въ разныя времена относимо къ къ Клеопатрѣ, къ Императрицамъ Иринѣ и Теодорѣ, къ самой столицѣ древняго міра Риму но сказаніе это принадлежитъ къ циклу Сивиллскихъ предсказаній и по содержанію согласно съ древнимъ текстомъ, сохранившемся лишь въ разрозненныхъ отрывкахъ. Это древнее прорицаніе объ окончаніи мира предсказываетъ о появленіи царицы вдовы которая ввергнетъ сокровища міра въ рѣку. Не безъ связи съ этимъ предсказаніемъ и слова «иже погрузи жиръ на днѣ Каялы рѣки.» Погруженіе клада въ рѣку играетъ важную роль и въ нибелунгахъ. Совершено согласно Эпическому пріему, Пѣвецъ не расказываетъ муѳъ но намѣкаетъ на него. Относительно этаго прорицанія слѣдуетъ сравнить Excursus ad Sibyllina. C. Alexandre.

Памятники Славяно-русской письменности изд. Археогр. Коммисіи I Великія Минеи Четіи октябрь, д. 1—8.

Стран. 215 окт. 2 д.

Въ житіи Св. Андрея Христа ради юродиваго говорится: обесстуд̔ней и безаконнѣй женѣ. Да востанетъ жена Модана отъ Понта, и царствовати начнетъ во градѣ семъ. Да та будетъ буява діявола д̔щи, потворница и мужелюбница. Во дни же ея будутъ рати другъ на, друга, і убои по всѣмъ улицамъ и по дворомъ и храмомъ, и убіетъ сынъ отца, і отецъ сына, и мати д̔щерь, и д̔щерь матерь. и братъ брата, и другъ друга; и будетъ злоба многа и ненависть і убіенія бес числа во градѣ семъ и во святыхъ церквахъ. Тогда будутъ блудни дни, и гусли, и плясанія, и пѣсни сотонины, и поруганіа играніа, яже человѣкъ есть не видѣлъ не можетъ ви-

дѣти Ел҄линъ до тоя годины. Та бо не чистая царица богомъ творящи себѣ и съ Богомъ ся сварящи и снимъ хотящися брати. Тогда бо осквернить каломъ святыя олтаря, и свой срамъ омыв'ши, осквернить люди вся греческія, і обратить лице свое злѣ и честная святыхъ не чтити начнетъ, и разграбить вся сосуды церковныя, и з'беретъ честныя образы святыхъ, и честныя кресты, и святыя евангеліа и апостолы и всякую книгу написану, и сътворить могилу велику, и вложив'ши огнь, заж'жетъ все, и церкви разрушить до земли, искати начнеть святыхъ мощей и не налѣзетъ: Богъ до невидимою силою пренесеть я отъ града сего. Тогда неистовая та великіа церкви святыя Божія Премудрости разрушить трапезу, и все, еже есть в церкви, сокрушить, и станеть на востокъ зрьщи, и речеть грозящися на Вышняго, глаголюще: ци облепила ти ся есмь, о нарицаемый Боже, погубити память твою отъ земля: се бо еси видѣлъ, что ти есмь сътворила мала || мочи, и не могль еси понѣ ко власу моему прикоснутися; да уже пожди мене мало, да раздрушю небо и вълѣзу тамо, и да вижю, кто есть силнѣй, и да узрю, кто есть крѣплей въ бозехъ и в богиняхъ. И се рек'ши лютая л'вица и болѣ сего лихаго натворив'ши, нача плевати на небо и каменіемъ метати горѣ. Срамъ бо мя есть повѣдати горшая дѣла ея,

C. Alexandre. Excursus ad Sybillina. VI. XVIII. 516 приводитъ изъ прорицаній Сивиллъ, изъ книги VIII § 1 стихи 199. и сл. стихъ 194 «не желалъ бы я жить когда веселая воцарится» Александръ напрасно сомнѣвается въ соотношеніи между этимъ стихомъ и предсказаніемъ о вдовой царицѣ. Третію и послѣднюю выписку изъ III книги ст. 75 и сл. привожу въ подстрочномъ переводѣ:

«И тогда вотъ міръ подъ дланьми женщины будетъ управляемъ и повинуясь во всемъ. Тогда какъ надъ міромъ всѣмъ вдова воцарится и ввергнетъ золото и серебро въ море божеское, и мѣдь и желѣзо, кратковѣчныхъ людей въ пучину ввергнетъ, тогда вотъ стихіи всѣ на всѣ лишаться устройства...»

Значеніе Елены въ сказаніяхъ апокалиптичтскихъ объясняется значеніемъ Елены въ ученіи Халдеянъ. Свѣденія объ этомъ все-

мирномъ ученіи по древнимъ источникамъ, и на основаніи новѣйшихъ открытій собраны въ превосходной древней исторіи Максъ Дункера.

(с. 21) «князьями неба, Вавилоняне по разсказу Діодора, почитали двѣнадцать боговъ, изъ которыхъ каждому посвящали по одному изъ знаковъ зодіака и по одному мѣсяцу года. Надписи подтверждаютъ сіе показаніе. Вавилоняне почитали какъ высшаго бога Эля (Иль), по имени котораго они назвали и свою столицу «Бабель» — врата Эля. За богомъ *Эль* слѣдуютъ боги Ану, Бэль (Биль) и Гія, Синъ Самасъ и Бинъ, за этими же—боги планетъ: Адаръ, Меродахъ, Нергалъ, Истаръ и Небо. Объ Илѣ мы знаемъ только, что онъ былъ высшимъ владыкою, властвовавшимъ надъ другими богами; но какое особенное значеніе и какая власть приписывались ему,—тѣмъ труднѣе узнать, что имя третьяго бога «Бель» означаетъ просто владыку, и, слѣдовательно, подъ этимъ именемъ могли быть призываемы какъ самъ Бель, такъ и другіе боги. Царь Гаммураби говоритъ въ своихъ надписяхъ «что Эль и Бель передали его владычеству обитателей Сумира и Аккара». Въ разсказѣ о потопѣ Бель названъ «князь боговъ», «воинъ»; въ ассирійскихъ надписяхъ онъ названъ «Свѣтило боговъ», «владыка всего». Греки разсказываютъ о большомъ храмѣ Белоса въ Вавилоніи и, по ихъ свидѣтельству, Вавилоняне клянутся «Великимъ Белосомъ». Въ отрывкахъ Бероза говорится, что Белосъ раздѣлилъ первоначальный мракъ, раздвоилъ «Оморку» и образовалъ людей и животныхъ; тогда какъ по глинянымъ скрижалямъ о потопѣ: Бель не хотѣлъ даже слышать о спасеніи Сисита. О богѣ Гій, мы можемъ на первый разъ, только изъ надписей заимствовать, что онъ «владыка земли», «царь рѣкъ», и что онъ именно тотъ, который извѣстилъ Сисита о наступающемъ потопѣ и указалъ ему путь къ спасенію. Имя бога, слѣдующаго непосредственно за Элемъ, Ану находится въ надписяхъ царя Илги, (стр. 201, 202), сына Урукга. По разсказу, сохранившемуся на глиняныхъ скрижаляхъ о большомъ потопѣ, боги въ испугѣ отъ бури скрылись въ небо бога Ану. Ассирійскія надписи часто придаютъ этому богу названіе Маликъ (т. е. царь). Когда евреи говорятъ, что Сефарфиты покланяются Анаммелеху,

то ясно, что Анаммелехъ и Анумаликъ означаютъ одного и того же бога. Существо, принесшее первыя откровенія, языкъ и письмо, названо у Бероза Оанъ, а у другихъ Янъ. Такъ какъ откровенія эти являются въ Сефарфаимѣ, а святыя книги хранились тоже въ Сефарфаимѣ (ст. 187), то можно предполагать, что «Оанъ» Бероза и «Ану» надписей одинъ и тотъ же богъ. Гораздо яснѣе для насъ существо слѣдующихъ затѣмъ боговъ: Синъ, Самасъ и Бинъ. Синъ есть богъ луны; подлѣ бородатаго его изображенія памятники показываютъ новолуніе. Надписи придаютъ ему «бѣлолучистые рога». Уръ (Мугейръ) главное мѣсто поклоненія ему. Здѣсь Урукгъ, какъ мы видѣли, воздвигъ ему храмъ, а послѣдній царь вавилонскій Набонетосъ молилъ сего бога «вложить въ сердце его перворoccur одного сына почитаніе великаго божества, чтобы онъ не поддавался грѣхамъ и не покровительствовалъ неправдѣ». Солнечный богъ Самасъ узнается по кругу, присвоенному ему какъ знакъ; по надписямъ: онъ освѣщаетъ небо и землю, онъ Господинъ дня. Кромѣ Сина и и Самаса, вавилоняне покланялись еще одному вышнему богу—Бину, «гремящему въ срединѣ неба», держащему въ своей рукѣ пламенный мечъ, молнію» и «подателю изобилія», владыкѣ плодородія.»

«Глава пяти планетныхъ духовъ, владыка отдаленнѣйшей, высшей подвижной звѣзды Сатурнъ, (у вавилонянъ Кайвану) богъ Адаръ, т. е. возвышенный. Именемъ его названъ былъ послѣдній мѣсяцъ вавилонскаго года. Надписи прибавляютъ часто къ имени Адаръ имя Маликъ; онѣ еще его называютъ Саккутъ-Адаръ. Евреи разсказываютъ, что Сефарфиты поклонялись Адраммелеху, который никто другой, какъ Адаръ—Маликъ, упоминаемый въ надписяхъ. Такъ какъ евреи присовокупляютъ, что Адраммелеху сожигались дѣти, то изъ этого слѣдуетъ, что Адаръ вавилонскій былъ божество суровое, вредившее производительности, гнѣвъ котораго могъ быть умилостивляемъ лишь человѣческими жертвами. Когда пророкъ Амосъ предвѣщаетъ израилитянамъ: «будутъ они Сихуѳа своего царя и Кевана своего бога звѣздъ, истуканы которыхъ сами себѣ сдѣлали—носить», то можно думать, что Сухуѳъ—Мелехъ никто другой, какъ Саккутъ—Маликъ, т. е. Адаръ; а Кеванъ есть Кайвану,

т. е. Сатурнъ, упоминаемый въ надписяхъ. Борсиппскій богъ Небо (Набу), властелинъ планеты Меркурій; онъ, по вавилонскимъ надписямъ, властвуетъ надъ воинствами неба и земли. Его изображеніе на печати царя Урукга упомянуто выше (ст. 197). Статуи бога *Неба* съ длинными бородою и волосами, въ длинномъ одѣяніи падающими съ плечь—найдены въ развалинахъ Нинeвіи. Ассирійскія надписи величаютъ его «Княземъ боговъ». Его имя значитъ открывающій; это согласуется съ тѣмъ, что говорятъ западные писатели объ особенной школѣ халдейскихъ жрецовъ въ Борсиппѣ.»

«Владыкѣ (ст. 203) Марса, Нергалу принадлежалъ городъ Куѳа; онъ былъ богомъ войны у вавилонянъ; надписи называютъ его «царь войны», «владыка бури», и «боголевъ». Крылатые львы съ человѣческими головами (ст. 193), ставимые при храмахъ и при вратахъ дворцовъ Сузы и Ниневіи, вѣроятно, также въ Куѳѣ и Вавилонѣ, изображали Нергала; а крылатые быки были будто бы изображеніями Адара. По свидѣтельству ассирійскихъ скрижалей о потопѣ Адаръ изображается низвергающимъ, а Нергалъ—разрушающимъ (ст. 184). По возстановленіи вавилонскаго государства цари назывались именами боговъ Небо и Нергалъ. Однако надписи Небуханедцара II превозносятъ преимущественно надъ прочими богами Меродахо, владыку Юпитера, какъ Белрабу, т. е. какъ великаго владыку, какъ «высшаго бога», какъ «владыку надъ небомъ и землей». Къ этому кругу планетныхъ боговъ относится также и женское божество, которому вавилоняне посвящали ревностную службу, называвшееся «Билитъ», т. е. владычица (у Геродота: Милитта). Ей-то и присвоено было созвѣздіе Венера. Надписи называютъ ее «царица боговъ», «мать боговъ». Такъ какъ она, вмѣстѣ съ тѣмъ, обозначается какъ владычица отпрысковъ, то изъ этого явствуетъ, что она была у вавилонянъ богинею плодородія и рожденія. Въ красотѣ растительной природы они признавали силу этой богини; тѣнистая роща вокругъ ея храма въ Вавилонѣ давала прохладу; водохранилище напоминало о владычицѣ плодотворной влаги. Рыбы, и голуби — какъ животныя сильнаго расположенія были ей посвящены. По разсказу Геродота, вавилонскія дѣвицы должны (ст. 204) были жертвовать богинѣ плодородности своею дѣвственностію.

Каждая должна была хоть разъ отдаться во славу богини и, посредствомъ такой жертвы, выкупиться отъ нея. Въ праздники Милитты вавилонскія дѣвицы сидѣли длинными рядами съ повязкой изъ веревокъ вокругъ головы; дочери богатыхъ, въ сопровожденіи многочисленной прислуги, пріѣзжали въ крытыхъ повозкахъ. Здѣсь ожидали онѣ, пока чужестранный паломщикъ броситъ имъ на колѣни золотую (монету), во имя Милитты. Дѣвица слѣдовала за нимъ и отдавалась въ его распоряженіе. Деньги, ею получаемыя, она отдавала въ храмовое сокровище и этимъ платила свой долгъ богинѣ. «Красивыя и стройныя, говоритъ Геродотъ, скоро находятъ охотника, некрасивыя же не могутъ исполнить закона и ждутъ года два или три». Еврейскія сказанія подтверждаютъ свидѣтсльство Геродота»

На существованіе этого поклоненія у Славянъ указываетъ древній Русскій памятникъ свидѣтельствующій что вѣрованіе въ Роды и Рожаничи было тоже что поклоненіе Артемисѣ, а Артемисой западные писатели называли Вавилонскую богиню.

«Богиня Нана, образъ которой (стр. 204) въ древности, какъ сказано выше (стр. 190) увезенъ былъ изъ Эреха въ Сузу, (о проложенніи этой дороги хвалится Навуходоносоръ II. въ своихъ надписяхъ) едва ли отличалось отъ Билиты или Милитты».

«Богинѣ плодородія, производительности и рожденія противуполагалась богиня войны, гибели и раззоренія Истаръ. Надписи именуютъ ее часто «царица Вавилона»; по Ассирійскимъ надписямъ она носитъ лукъ, западные же писатели разсказываютъ о богослуженіи Артемисѣ у Вавилонянъ. Что эта богиня сливается съ Билитой, и ниспосылаетъ по перемѣнно то благодать и плодородіе, то смерть и погибель, то это внѣ всякаго сомнѣнія не только по аналогіи служенія Балтисѣ, Ашерѣ и Астартѣ, у сирійцевъ, но въ особенности у финикіянъ и карѳагенянъ. Планета Венера принадлежала этой же богинѣ въ обоихъ ея видахъ. По скрижалямъ о потопѣ хвалитъ себя Истаръ, что ей обязаны люди за существованіе (стр. 185) а въ одномъ Ассирійскомъ Словарѣ прямо говорится:

«Звѣзда Венера стр. 205. (Делбатъ, делефатъ у Грековъ) при восходѣ солнца — Истаръ между богами, та же звѣзда при заходѣ

солнца Балитъ между богами» Въ ассирійскихъ скрижаляхъ находится разсказъ о поѣздѣ Истары въ преисподнюю. «Она пожелала спуститься въ жилище усопшихъ, къ сѣдалищу бога Иркаллы, къ обителѣ неимѣющей исхода, въ дорогу не имѣющую поворота назадъ, къ мѣсту, гдѣ просятъ свѣта, гдѣ пыль кормленіе, а прахъ ихъ пища, гдѣ свѣта никогда не видно, гдѣ живутъ въ тѣмнотѣ, своды которой наполняютъ, духи подобно птицамъ; ворота съ ихъ засовами покрыты пылью. Сторожъ воды, приказала богиня Истаръ, отвори ворота твои, чтобь мнѣ войти если не отворишь, то разломлю ворота, выдергну задвижку, разрушу порогъ и разобью въ дребезги дверь; я востановлю смерть, сокрушительницу жизни, и смерть будетъ владычествовать надъ живущими. Сторожъ отворилъ ворота, и когда она ихъ миновала онъ снялъ съ ея головы большую корону. Когда же она миновала вторыя ворота, онъ снялъ серги съ ея ушей; когда она проходила черезъ третьи ворота, онъ снялъ ожерелье съ ея шеи; проходя четвертыя ворота онъ снялъ украшенія съ ея груди; когда она проходила пятые ворота онъ снялъ поясъ съ ея одежды, когда она проходила шестые ворота, онъ снялъ кольца съ ея рукъ и щиголокъ, когда же она проходила чрезъ седьмые ворота, онъ снялъ покровь съ ея спины и сказалъ такъ поступаетъ Нинкити съ приходящими къ ней. Достигнувши преисподнюю, Истаръ было поражена недугомъ въ глазахъ, въ бокахъ, въ ногахъ, въ сердцѣ въ головѣ и во всемъ тѣлѣ».

«Но міръ не могъ обходиться безъ Истари и богъ Гіа отправилъ къ Нинкигалу посольство для выпуска Истары. Нинкигалъ повелѣлъ вылить на Истаръ живой воды, и тогда семь воротъ преисподней для нея открылись опять и она отобрала назадъ все, что взято было отъ нея при ея входѣ».

(Передаваемый Дункеромъ Мѵѳъ объ Артемидѣ Рожаницѣ и Нанѣ-Дѣвѣ обидѣ довольно ясно изображаетъ вѣчное круговращеніе жизни и смерти въ олицетвореніи Силы плодотворенія и истребленія.)

«Богиня (стр. 264). къ которой Сирійцы взносили молитвы наравнѣ съ богомъ Солнца, носила различныя наименованія: по отрывкамъ Филона Эль, поручилъ владѣніе надъ городомъ Библосомъ

Баалтисѣ, т. е., Билитѣ, владычицѣ; въ Аскалонѣ она называлась Деркето; въ Гіераполисѣ (Бамбикѣ, Мембидшь)—Атаргатисъ; Евреи называютъ ее Ашера; Геродотъ называетъ богиню Аскалона, Афродитою Ураніей. Этимъ онъ обозначаетъ ее, какъ богиня любовной похоти и производительности, и называетъ храмъ этой богини въ Аскалонѣ древнѣйшимъ, изо всѣхъ ему извѣстныхъ; отсюда получили свое начало и святыня Ураніи на островѣ Кипрѣ, какъ говорятъ сами Кипріяне, и храмъ Ураніи на островѣ Цитерѣ, основанный финикійцами, принадлежавшими тѣмъ самымъ Сирійцамъ. Павзаній замѣчаетъ, что ассирійцы первые изо всѣхъ людей почтили Уранію; послѣ ассирійцевъ Паѳійцы на островѣ Кипрѣ и финикійцы въ Аскалонѣ. Отсюда можно заключить, что Балтисъ, какъ по имени, такъ и по сущности, не отличалась отъ Билиты, Милитты Вавилонянъ, и то, что мы знаемъ о поклоненіи Балтисѣ, достаточно подтверждаетъ настоящее заключеніе. Кинирасъ, первый король Библоса, устроилъ въ Библосѣ и Кипрѣ храмы въ честь Афродиты а его дочери тѣло свое посвящали служенію этой богинѣ. Дѣвы Библоса стояли на базарѣ въ ожиданіи чужестранцевъ, какъ дѣвы вавилонскія ожидали ихъ въ храмѣ (ст. 204), а цѣна и здѣсь принадлежала Афродитѣ. О кипрскихъ дѣвицахъ разсказываютъ, что онѣ ходили на морской берегъ, для предоставленія себя въ распоряженіи приставawшихъ къ берегу мореходпевъ».

«Баалтисъ (стр. 266), въ Библосѣ, Деркето въ Аскалонѣ, Атаргатисъ въ Гіераполисѣ, Ашера Евреевъ, была богиня, покровительствующая родамъ и плодородію,—т. е. сила естественная производящая изъ влаги.—Канааниты покланялись также мужскому божеству, производящему обиліе и плодородіе изъ влаги».

Олегъ и Вольга или Волхвъ Всеславичъ сынъ морскаго царя Ольга=Вольга=Ельга, Волга, Влага, ηλη и самое болото, Балтисъ указываютъ на близкое сродство Славянскаго и Халдейскаго мѵѳа. Вопросъ 113-ый на первомъ Археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ (стр. XXVI. Херсонесъ Таврическій и его мѣстные культы) о Дѣвѣ Ифигенигеніи, какъ жрицѣ Демонической дѣвы Тавровъ, по изображенію неизданной монеты остался кажется, безъ разъясненія.

Продолжаю выписки изъ сторіи Дункера:

«Надписи Рамсеса II называютъ (стр. 268 269) Астарту богиней Хетитовъ; имя ихъ города Асторотъ = Карнаимъ, найдено въ надписяхъ третьяго Тутмозиса (ст. 263). Филистимляне покланялись Астартѣ. По отрывкамъ Филона, она посвящала звѣзду на островѣ Тиросѣ; у Сидонянъ «большая Астарта» была мѣстнымъ божествомъ «Дѣвственная богиня» или «богиня Дѣва» Numen virginale, virgo Coelestis, завѣдуетъ судьбою сраженій; она—богиня войны приносящая гибель и уничтожающая и потому богиня смерти. Монеты Сидона изображаютъ ее съ копьемъ въ рукѣ. Какъ богиня войны она держитъ мечь въ своихъ Кипрскихъ и Цитерскихъ храмахъ. Въ своемъ храмѣ, въ древней крѣпости Карѳагена, она сидитъ верхомъ на львѣ, съ копьемъ въ рукѣ; Истара вавилонская и ассирійская держитъ лукъ (ст. 204). Филистяне, захвативъ доспѣхи Саула царя Израильскаго, посвятили ихъ дому Астарты. Если по Филону Астарта посвящаетъ звѣзду, то и Истарѣ въ Вавилонѣ (стр. 205) посвящена Венера въ восходѣ. Астарта сирійская стояла однако-жъ въ ближайшемъ соотношеніи къ лунѣ. Филонъ разсказываетъ, что она себѣ на голову возложила бычачью голову. Памятники близь Сеѳоса представляютъ быкообразнаго Баала,—коровью голову съ серпомъ луны; а карѳагенскіе камни—полнолуніе между бычачьими рогами. Астарота Карнаимъ называется богиня съ рогами луны т. е. рогатая Астарта. Жрицы Астарты обязаны были вести жизнь воздержанную, безбрачную, цѣломудріе было обязательно для жрицъ «небесной дѣвы»; ни одна замужная женщина не должна была вступать въ ея храмъ въ Кипрѣ; въ ея храмахъ, какъ въ храмахъ Молоха, горѣлъ вѣчный огонь. Какъ Молоху, Астартѣ приносились человѣческія жертвы; дѣвственной богинѣ приносились въ жертву юноши, дѣвицы и женщины, и сожигались. Какъ сирійцы въ своемъ служеніи Ашерѣ старались приспособляться натурѣ самой богини, и пытались претворять себя и низводить себя въ ея существо, такъ равно и служеніе Астартѣ требовало, въ подражаніе богинѣ, убіенія плоти. Самою высшею и благопріятнѣйшею жертвою считалось, оскопленіе жрецовъ и міорянъ, въ честь дѣвственной богини. При праздновании Астарты, въ то время, какъ всѣ присутствующіе приводимы были посредствомъ шума кимваловъ, литавръ и двойныхъ флейтъ въ восторгъ

и неистовство, выскакивали юноши, схватывали древній мечъ, лежавшій на алтарѣ богини и уродовали себя имъ. Въ позднѣйшее время тысячи оскопленныхъ служителей находились при храмахъ Астарты; нѣкоторые изъ нихъ въ женскомъ, одѣяніи съ лицами расписанными подобно женщинамъ, скитались по странѣ, нищенствуя и подвергая тѣло свое истязаніямъ. При звукѣ дудокъ и литавръ они кружились и посредствомъ дикихъ движеній извращеній тѣла, приклоняли головы къ землѣ такъ, что волосы волочились по грязи. При этомъ они кусали себѣ руки и изрѣзали себя мечами. Самый неистовый начиналъ тогда стонать и пророчествовать. Наконцѣ каялся онъ въ своихъ грѣхахъ, хваталъ узловатый бичъ и билъ себя по спинѣ, пока потечетъ кровь.»

«Въ Карѳагенѣ (стр. 272, 273) были почитаемы: добрая небесная богиня (bona coelestis) и злая небесная богиня (inferna coelestis). Если здѣсь, въ честь богинѣ Дидо, сожигались люди подобно самой мнимой основательницѣ Карѳагена, сжегшей себя, то въ честь ея сестры Анны, т. е. миловидной, совершалась болѣе свѣтлая служба. Нѣкоторые утверждаютъ, и безъ сомнѣнія весьма основательно, что обѣ сестры Дидо и Анна одна и та-же богиня.

«Мы видѣли, что у вавилонянъ планета Венера въ восходѣ, богиня войны; Истара, Венера въ захожденіи, была богиня любви, Милитта (ст. 205). Объ отношеніи сирійской Астарты къ лунѣ было упомянуто. Какъ богиня луны, она была непостоянною, скитающейся богинею. Съ уменьшающимся свѣтомъ луны, она уходитъ въ темноту запада, въ область солнечнаго заката, жители Тира при исчезновеніи богини совершали траурную службу «въ злой вечеръ». Какъ «блуждающая богиня», Астарта называлась у финикійцевъ Дидо, т. е., скитальческая, у жителей запада—Европа, т. е. темная. Съ исчезновеніемъ богини связанъ миѳъ, какъ пагубная сила богини была побѣждена; миѳъ объясняетъ, почему Астарта въ Тирѣ могла быть почитаема, женой Мелкарта, Милкатой (Мелехетъ т. е. царица). Скитающійся солнечный богъ ищетъ исчезнувшую богиню. Онъ ее наконецъ находитъ на краѣ свѣта, снимаетъ съ нее поясъ, богиня передается ему и святая свадьба преобразовываетъ богиню войны—въ мирную, благо-

творную богиню, покровительницу плодородія; Астарту—въ Ашеру; Дидо—въ Анну; Артемиду или Аѳину—въ Атаргатисъ».

Дѣва небесная (стр. 273) стала теперь женою бога Тира; Гера (Hera) небесная стала Адою (Athe) сирійцевъ. Сочетаніе Мелкарта и Астарты, бога солнца и богини луны, преодолѣніе ими суровой богини войны, даруютъ жизнь, порядокъ и законъ. Священная свадьба наконецъ должна была совершиться на далекомъ западѣ, на Самоѳракѣ, въ Кадмеѣ, въ замкѣ Кадмоса, т. е. ищущаго Мелкарта, по ту сторону столбовъ бога, на счастливыхъ островахъ западнаго моря, гдѣ всякій плодъ ростетъ на свободѣ: яблоки жизни, гранатныя яблоки Ашеры, яблоки Гесперидовъ, залогъ любви, образъ жизни и свѣтъ возвращающійся вновь,—исходящій изъ ночи. Туда сходитъ также на покой и Мелкартъ въ согрѣтыя лучами его волны западнаго моря».

«Въ Карѳагенѣ (стр. 274, 275) Дидо-Астарта изображена была съ бородою Мелкарта. Въ Пафосѣ находился бородатый истуканъ Афродиты, который былъ почитаемъ за великое божество. Это сочетаніе служитъ основаніемъ миѳамъ о Гераклѣ (Мелкартъ) и Омфалѣ (рожаницѣ?), о Семирамисѣ и Сарданапалѣ. Въ опредѣленные праздники Баала являлись жрецы и поклонники богу—Андрогену, въ красныхъ, прозрачныхъ женскихъ рубахахъ и въ прочихъ женскихъ платьяхъ, а женщины—въ мужскихъ одеждахъ съ мечами и копьями. Законъ евреевъ строго воспрещаетъ поставлять Астартѣ столбы, приносить лепту блудницы или взносъ любодѣевъ въ домъ Іеговы; также воспрещается терзать на себѣ кожу и стричь волосы, (что составляло разные обычаи у Сирійцевъ, какъ знакъ поклоненія нѣкоторымъ богамъ); также наистрожайше предписывается, чтобы скопецъ не являлся въ общину Іеговы, и чтобы женщина не надѣвала мужскаго платья, а мущина—женскаго.

Въ подстрочномъ примѣчаніи (стр. 274) Max Duncker говоритъ: Das Herumwandern der Dido Astarte floss dann auch wieder mit den Sagen von der *Helena*, von den Irrfahrten und Schicksalen der Gründerin Karthagos zusammen, und des Aeneas, des Schützlings der Aphrodite, Fahrten werden nach den berühmtesten Kultusstätten der Aschera gerichtet.

Я собралъ можетъ быть слишкомъ много данныхъ для разъясненія единства эпическихъ и мνѳическихъ сказаній. Вліяніе Халдѣйскихъ ученій, на нашъ міръ такъ явно что этотъ очеркъ мнѣ казался необходимымъ для объясненія намековъ поэта, и для убѣжденія читателя что толкованіе мое не произвольное. Слѣды этаго ученія и обрядовъ замѣтныхъ даже и въ современной Россіи;— не безъ связи съ этимъ ученіемъ и обряды вертящихся дервишей.

Дѣва Обида Елена, по принадлежности къ вѣрованіямъ Понтійскимъ, имѣла особенное вліяніе на мореплаваніе въ Черномъ морѣ, также какъ и братья ея Діоскуры. Разсказы Филострата достаточно разоблачаютъ этотъ фактъ. Но въ слѣдствіе глубокихъ корней, пущенныхъ *скептической* школой, наша наука недовѣрчиво относится ко всему тому, что выходитъ изъ періода отмѣченнаго Шлецеромъ. Въ сочиненіяхъ Гиралдія находится подтвержденіе наиположительнѣйшее въ свидѣтельствахъ грамматика Лактанція или Луктація и Солина. По этимъ свидѣтельствамъ Елена имѣла самое пагубное вліяніе на мореплаваніе. Даже и въ позднѣйшее время огонекъ являющійся на мачтахъ, называется Еленинымъ (Elen feuer) и считается зловѣщемъ знаменіемъ въ морѣ. Появленіе Еленина огня предвѣщало неминуемую погибель корабля,—Діоскуры у Статія покидаютъ корабли, обреченные огнемъ Сестры. Два огня на оконечностяхъ мачтъ предвѣщали счастливое плаваніе и принадлежали братьямъ Елены— Діоскурамъ: Кастору и Поллуксу.

О значеніи Ахилла и Елены у Готѳовъ свидѣтельствуетъ появленіе Ахиллеса и Дѣвы (Аѳины), придуманное Аѳинскими жрецами, чтобы умилостивить осаждавшихъ Аѳины Готѳовъ. Это не помѣшало имъ войти въ городъ, но ради Ахилла и Елены они обошлись милостиво.

Константинъ Порфирогенитъ (de adm. Imp. c. 9. Stritter Mem. P. II, p. I, 984) говоритъ о Руссахъ:

«Hoc autem transmisso loco ad. St. Grigori insulam appellant, ubi propter ingentem quercum sacrificia obeunt, viventes que aves immolant.

Свидѣтельство Константина Багрянороднаго о поклоненіи Русскихъ мореплавателей на островѣ св. Григорія посвященнаго Ахиллу и Еленѣ, достаточно, кажется, чтобы *допустить* знакомство Русскихъ XII сто-

лѣтія съ Троянскими мѵѳами. Культъ этотъ на черномъ морѣ вѣроятно былъ въ связи съ Болгарствомъ Ахиллесовыхъ Мирмидонянъ.

Объ этомъ культѣ хотя и свидѣтельствуютъ Греческія Понтійскія надписи, но объ ономъ нѣтъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ классической эпохѣ. Статій, въ первомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія и Филостратъ принадлежавшій той же эпохѣ, первые вносятъ показанія объ этомъ поклоненіи. Мѵѳъ объ Еленѣ такъ мало связывается съ Классической Греческой словестностію, что до сихъ поръ на Трагедію Еврипида многіе ученые смотрятъ какъ на шутку выходящую изъ предѣловъ приличія. Трагедія Еврипида доказываетъ древность мѵѳовъ объ Еленѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ фактъ, что мѵѳъ былъ не Греческій; онъ былъ неизвѣстенъ Гомеру и видимо возбуждалъ любопытство Геродота.

Гомеръ пользовался мѵѳическими сказаніями или такъ называемымъ народнымъ эпосомъ на правахъ поэта—т. е. бралъ изъ него, что хотѣлъ. Поэтому онъ могъ отдѣлить историческую личность отъ мѵѳа, но если бы въ его время поклоненіе Еленѣ существовало у Греческихъ племенъ, то это отразилось бы на его пѣсняхъ. Удивленіе и любопытство Геродота еще болѣе доказываетъ, что въ классической Греціи мѵѳъ объ Еленѣ былъ почти неизвѣстенъ.

Мнѣ удалось наконецъ найти у Гиралдія положительное свѣденіе о поклоненіи Еленѣ, въ связи съ мореплаваніемъ:

Ait vero illam quam Plinius diram et minacem Helenam vocat, Statius Papinius illo carmine innuit in Thebaide:

Cum jam damnata sororis
Igne Therapnaei fugerunt carbasa fratres.

Quo loco Lactantuis grammaticus *Helenam uraniam* vocari ait: cui quidem tanta vis inest incendii, ut malum et navis ima pertundant, ut etiam si aes sit ejus calore solvatur. Ergo si haec stella navi insederit, sciunt se nautae sine dubio perituros. Hactenus Lactantius seu Lutatius, ut vocatur ab aliqiubus. Meminit et hujus stellae Solinus his verbis agens de muliebri menstruo: Habet, inquit, plane id salutare solum in se, qod avertit *sydus Helenae perniciosissimum navigantibus.*

L. G. Gyraldi opera. T. I, стр. 618 и 619 Lugduni Bat. 1696.

Porro scribit Hesychius, Scythos Uraniam, id est coelestem Venerem

ἀρτιμήασαν vel ut alii legunt artimpasan vocasse: (de qua supra in Vesta) Herodotus vero tradit in primo, Scythis qui templum in Ascalone Veneris depraedati fuerant, Deae ira foemineum morbum cum omni posteritate immissum: qua ex re Enarees, id est execrati, cognominati sunt. Idem Herodotus in Thalia, Uraniam ait ab Abarabibus vocari ἀλιλατ. quare comiderandum apud eundam ni primo, an alilat, an Alytta legendum, quo loco scribdt: Mylitta Venus ab Assyriis nuncupata, ab Arabibus Alytta, a Persis Mitra. Una Babyloniis haec lex fuit, execranda quidemi: nam mulieribus omnibus indigenis fuit communis, ut semel in vita ad Veneris templum desiderent, et cum externis viris consuetudinem habe-rent. Diende et historiam subdit de divitibus, quae vehiculis illuc devehebantur et alia quae ridicula mihi videntur. Sane et origenes, ac item Arrianus Uraniam Deam hanc Arabum fuisse testantur. Sed enim et Babvlonii Venerem Salambonem vocabant ut est a Lamṗridio proditum. Omni planctu Syriacis cultus, et jactatione, Heliogabalus Imperator exhibuit. Ζαλαμβὼ ut Hesychuis et Phavorinus tradunt, Venus a Babylonis dicitur. L. G. Gyraldi opera. I. 389. Lugd. Bat. 1696.

Трудно себѣ объяснить на чемъ зиждется упорство нашихъ ученыхъ филологовъ въ непризнаніи въ Дѣвѣ Обидѣ—Троянской Елены. Можетъ быть слѣдуетъ искать корень этого упорства въ ложной теоріи относительно народной поэзіи. Народъ воспринимаетъ, одобряетъ, санкціонируетъ, но не творитъ. Есть творенія, которыя дѣлаются народными, но они даже въ устахъ народа не измѣняются а развѣ искажаются. Коль скоро подновленіе соблюдаетъ ритмъ и правильность изложенія, то редакція принадлежитъ несомнѣнно личностямъ спеціально занимающимся поэзіей.

D'argens, въ примѣчаніяхъ къ IV главѣ Тимея Локрскаго имъ переведеннаго (Paris an III), приводитъ по Букcторфу расказъ Рабби Бенъ Сира о Лилисѣ первой женѣ Адама. Это апокрифическое преданіе находится въ тѣсной связи съ миѳомъ о царицѣ Небесной—ураніи—Еленѣ слѣдуетъ также срав. стр. 171 и § 41.

«Лились, сотворенная въ шестой день, немедленно поссорилась съ Адамомъ не хотя ему подчиняться и по произнесеніи тетраграмматона улетѣла. По просьбѣ Адама Богъ послалъ трехъ Ангеловъ: Сеноя, Сансеноя и Сунмангелофа, съ тѣмъ, чтобы они привели Лилису къ

Адаму, но безъ насилія, въ случаѣ же, если она не согласится возвратиться, то ей должно объявить то, что сто изъ ея дѣтей будетъ умирать ежедневно. Ангелы застигли ее на томъ самомъ морѣ, гдѣ погибъ въ послѣдствіи Фараонъ. Ангелы объявили ей, что они ее задушатъ и утопятъ, если она не согласится съ ними возвратиться. Лились упрашивала ихъ не мѣшать ей продолжать свой путь, потому что она сотворена для уничтоженія 8 отроковъ и 20 дѣвочекъ. Ангелы, услышавъ эту рѣчь, рѣшились ее взять силой; Лились тогда имъ клятвенно обѣщала, что она откажется отъ на несенія вреда дѣтямъ, повсюду гдѣ она увидитъ написанныя на бумагѣ или пергаментѣ имена ангеловъ или ихъ образа, и вмѣстѣ съ тѣмъ она заявила готовность видѣть ежедневно смерть сотни ея дѣтей, съ этого времени умираетъ ежедневно по ста Схедимовъ, а также привоютъ дѣтямъ имена ангеловъ, дабы Лились, вспомнивъ свою клятву, ихъ не касалась.»

Алексѣевъ въ Церковномъ словарѣ говоря о древнемъ кумирѣ Азіатскихъ народовъ:

«Царица Небесная, Гер. 44, 17, по Лат. Venus urania, regina coeli, разумѣется Афродита, которую чаяли не только языческія племена, но и самый народъ Божій, не рѣдко совращаясь отъ почитанія истиннаго Бога, старался оную умилостивлять и приносить ей какъ въ самомъ Іерусалимѣ, такъ и въ прочихъ градахъ Іудиныхъ, въ жертву пряженое и возліяніе для испрошенія у ней мира, изобилія плодовъ земныхъ и благопоспѣшенія. Таковымъ идослуженіемъ навлекли на себя Іудеи великій гнѣвъ Божій, какъ видно въ писаніи. У того же пророка въ гл. 7, ст. 18, сія нечистая богиня названа иначе «Воинство Небесное» чему причину видѣть можно у Урсина часть 2, кн. 2.

Жирня времена, времена обильныя несчастіями.

Миклошичъ приводитъ, по памятникамъ XI и XII столѣтій, жированіе — pascuum, жированіе съмьртное — жировати — pasci, deliciari; въ лузѣ демоньсцѣемь жироуѫтъ; жировножитіе.

Видно въ живности надежная головушка,
Ты въ прохладной живешь, да видно, жирушкѣ, стр. 9. ст. 8.
Вѣдь ты ростишь—то сиротныхъ также дѣтушекъ,
Во маетной, во бобыльской ростишь жирушкѣ—стр. 10. с. 19.

Какъ во эвтыхъ два учетныхъ долгихъ годышка
Прискудалась вся сиротна моя жирушка,
Разрѣшилось хоромное строеньице.
Наслезахъ стоятъ стекольчаты околенки,
Скрозь хоромишки воронишка летаютъ,
Скрозь тынишка воробьишечки летаютъ,
Большака нѣту по дому настоятеля,
Во крестьянской нашей жирушкѣ правителя;—(стр. 14, ст. 10.—17)

Е. В. Барсовъ въ собранныхъ имъ причитаніяхъ Сѣвернаго края. (Москва 1872). объясняетъ что жирушка значитъ, изба. По приведеннымъ примѣрамъ оно кажется болѣе обозначаетъ самое хозяйство, весь домашній скарбъ; все семейное благосостояніе, а судя по прилагательному жирный въ слѣдующей выпискѣ весь добытокъ, все богатство:

На словахъ скажижъ спорядной мой сусѣдушко
Ты про мое безчастное живленьицо.
Про бобыльную, сиротску мою жирушку;
У меня да сироты — нонь *безпріютной*
Золотой казны на грѣхъ да не случилось (стр. 15, с. 33—37).
Снаряжаю я законную сдержавушку
Какъ во *жирную*, бурлацку во работошку:
Не въ бурлакушки спущаю того вольныи,
Не по эту золоту казну довольную. (стр. 16. с. 5.—8).

Это сѣверное Велико-Русское выраженіе весьма важный добытокъ для слова о Полку Игоревѣ, и оно далеко не одно въ богатомъ собраніи г. Барсова. Многіе должны быть ему благодарны, и ни за одни услуги оказанныя имъ филологіи.

Е. В. Барсовъ напрасно говоритъ что не сохранились древнія греческія причитанія. Въ 24 пѣснѣ Илліады ихъ три: Андромахи, Гекубы и Елены надъ тѣломъ Гектора. Встрѣчаются причитанія и у Трагиковъ но въ сравненіи съ нашими весьма блѣдныя. Участію Пророка Ильи въ причитаніи надъ убитомъ молніей соотвѣтствуетъ участіе Минервы въ Илліадѣ.

242. Ѹсобица Кнѧземъ на поганыѧ погибе.

§ 56. Причина торжества Половцевъ надъ Русскими заключается въ пагубномъ духѣ соревнованія Князей. Объясненіе предъидущаго § 55 и примѣненіе онаго къ настоящему.

Междоусобіе между Князьями погубило ихъ въ пользу поганыхъ.

«Почто вы распря имата межи собою? А поганіи губятъ землю Русьскую» подъ г. 6601 въ лѣт.

«И небѣ въ нихъ правды и въста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ». Подъ г. 6368—6370 въ лѣт.

Погибе точно такъже глаголъ дѣйствительный какъ и страдательный въ значеніи погибнуть: исчезнуть уничтожить и погибнуть точно также какъ «Ярославнынъ гласъ слышитъ.»

Дубенскій принимая правильно глаголъ въ значеніи дѣйствительномъ вынужденъ придать «усобицѣ» значеніе союза.

Пришли отъ Бога на поганыя, побѣду, (6688).

«Княземъ» дательный падежъ вмѣсто родительнаго или, весьма можетъ быть, дательный вмѣсто Творительнаго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ съ опущеніемъ предлога между.

Употребленіе дательнаго падежа вмѣсто творительнаго свойственное сѣверному говору встрѣчается въ причитаніяхъ Олонецкаго Края. (Барсовъ, Москва 1872).

„За бурлацкима удалыма головушкамъ 4. 61.
Со сердечныма, малыма дѣтушкамъ 21, 27.
Баловать потти съ удалыма со молодцамъ 131. 20.
За этыма качелямъ за маетныма 83. 63.
Со кормилящамъ, свѣтамъ батюшкамъ
Съ желанныма родителямъ“. 56. 46. 47.

243—248. Рекостабобратъбратꙋсемоеатомоеженна-чашаКнѧзипромалоесевеликоемлъвитиасаминасебѣкра-молꙋковати.

§ 57. Распри Князей. Послѣ словъ, про малое, должно поставить двосточіе и слова: «*се великое*» обозначить выносными знаками.

Говорилъ бо братъ брату: и это мое—и то также мое (т. е все мое).

И начали Князья про малое говорить что оно великое, т. е. изъ мухи дѣлать слона и противъ самихъ себѣ дѣлать козни.

249—250. АпоганїисъвсѣхъстранъприхождахѹсъпобѣдаминаземлюРѹсскѹю.

§ 58. Слѣдствіе распрей—вторженіе Половцевъ въ Россію. Подобные упреки часто встрѣчаются въ Лѣтописи: такъ подъ г. 6602. Се уже третье наведе поганыя на землю Русскую».

251—252. Одалечезайдесоколъптицьбьякъморюа Игоревахрабрагоплъкѹнекрѣсити.

§ 59. Сожалѣніе о неосторожности Игоря и о невозможности воскресить его войско.

Крѣсити.

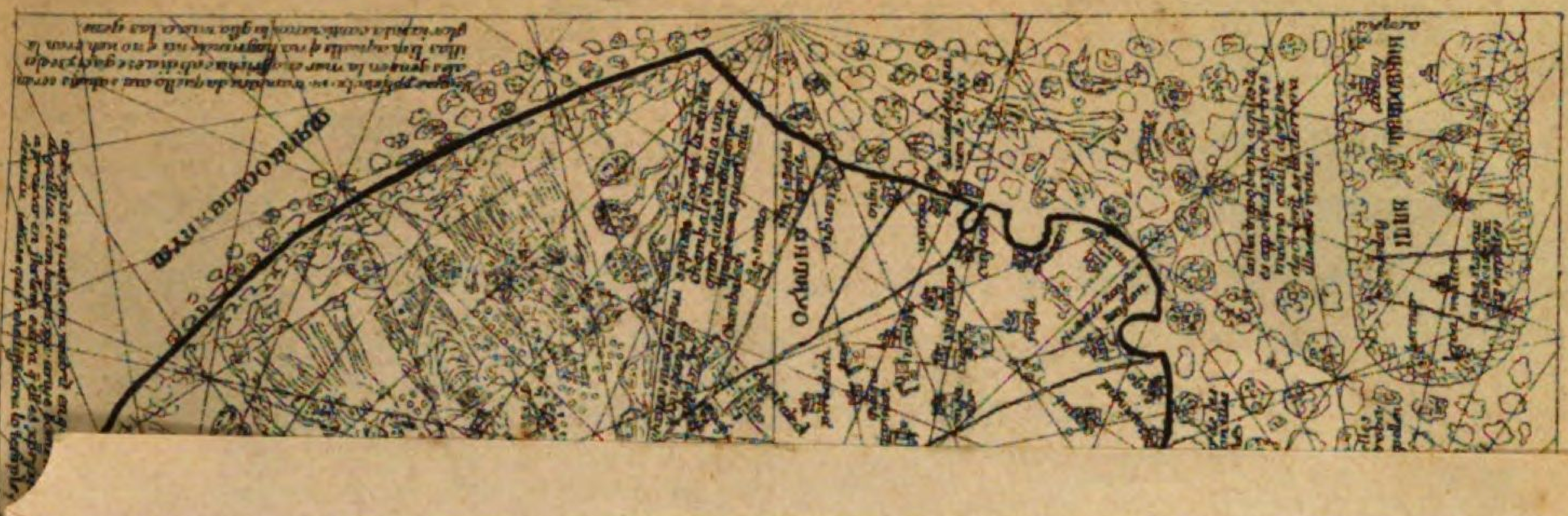
«Уже мнѣ (Ольга) мужа своего (Игоря) не кресити.»

253—255. ЗанимъкликнѹКарнаиЖля,поскочипоРѹскойземлисмагѹмычючивъпламянѣрозѣ.

§ 60. Въ слѣдъ за остатками войска кликнулъ Карнаи жля поскачи по Русской землѣ, пожигая все на пути. Карна и Жля являются, какъ два отдѣльныя лица—неизвѣстный позвалъ неизвѣстныхъ Карна и Жля, поскакалъ по Русской землѣ, опустошая все огнемъ изъ пламеннаго рога—огнестрельнаго оружія. Въ Лѣтописи упоминается о Бесерменинѣ, находившемся въ Половецкомъ войскѣ и употреблявшемъ огнестрельный снарядъ. Мнѣ Карнай Жля напоминаетъ баснословнаго Zul или Zal—Carnein, это лицо по восточнымъ баснямъ приведеннымъ у Гербело здѣсь совершенно на мѣстѣ. При прежнемъ же чтеніи вовсе непонятно, изъ предъидущихъ словъ кто позвалъ Карна и Жля.

Намекъ на Александра Великаго имѣетъ твердое основаніе. Низами современникъ сочинителя слова о Полку Игоревѣ (Низами умеръ въ 1800 г.) говоритъ о двухъ походахъ Александра Великаго противъ Русскихъ и о плѣнени ихъ царя Кайтала.

Гамеръ удивляется, что Персидскій поэтъ XII столѣтія такъ распространяется о Русскихъ. У Низами войны Египетская, Персидская, Индейская и Синская оканчиваются однимъ походомъ.

«Мнѣ же (Несторъ) рекшю къ Гурятѣ (говорившему о Югрѣ сѣдящей съ Самоядью): «си суть людье заклепапіи Александромъ Македонскымъ царемъ. Якоже сказа о нихъ Меѳодій Патарійскій: и взиде на всточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя отъ племене Аѳетова, ихъ же нечистоту видѣхъ: ядяху скверну всяку, комары и мухи, коткы, зміѣ и мертвець не погребаху, но ядяху и женскыя изворогы, и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться, и о сквернять землю, и загна ихъ на полу нощныя страны въ горы высокія и Богу повелѣвшю, ступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть, и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотятъ огнемъ взяти, не възмогутъ и жещи; вещь бо сунклитово сице есть: ни огнь может̀ъ вжещи его, ни желѣзо его приметь, въ послѣдняя же дни посихъ изидуть 8 колѣнь отъ пустыни Етривьскыя (вар. Тривьскыя), изидуть и сіи скверніи языки, яже суть въ горахъ полунощныхъ по повелѣнью Божію.

Въ сказаніи объ Александрѣ Великомъ, записаномъ въ Саратовской губерніи А. Леопольдовымъ, говорится о Гогѣ и Магогѣ загнанинымъ имъ въ горы: «онъ свелъ надъ ними одну чару съ другою сводомъ, и поставилъ на сводѣ трубы, и ушелъ назадъ въ свою землю. Подуютъ вѣтры въ трубы, и подымется страшный вой; они, сидя тамъ кричатъ: о видно еще живъ Александръ Македонскій»! Эти Гоги и Магоги до сихъ поръ еще живутъ и трепещутъ Александра, а выйдутъ оттудова передъ самою кончипою свѣта.—(Нар. Рус. Ск. Аѳанасьевъ. Москва 1873, кн. III стр. 174. — № 183).

Этотъ разсказъ болѣе сходенъ съ разсказами, имѣвшими большой ходъ въ средніе вѣка.—Въ средніе вѣка и даже въ новѣйшія времена у горъ Каспійскихъ рисуется на географическихъ картахъ зулъ карнейнъ съ двумя трубами. Такъ точно на Каталанской картѣ XIV (1375) столѣтія, воспроизведенной Лелевелемъ и также Бюшономъ.

Весьма можетъ быть что Пѣвецъ Игоревъ разъединяетъ Zoul Karneіп Двурогій и пользуется этимъ, чтобы напомнить баснь объ Александрѣ Великомъ, укротителѣ Дивовъ, Гога и Магога, играя на Русскомъ значеніи этихъ двухъ словъ: Карнай (Корнающій, и Жаль,

Жля, жалющій, злющій. Во всякомъ случаѣ Жля настоящее дѣепричастіе.

За нимъ кликну Карнай (баснословный блюститель Кавказскихъ воротъ) жля, (свирѣпѣя, жаля) поскочилъ по Русской земли, Смагу мычючи въ пламянѣ розѣ.

Пожалиси Добрыня и сполнися ярости. Лавр. Лѣт. подъ годомъ 6636.

Жаль ми бяшеть на Игоря, тако нынѣ
Жалую больши по Игорѣ братѣ моемъ.

Ипатіевская Лѣтопись подъ годомъ 1185.

Жаль—въ смыслѣ гнѣва;—жалую—въ смыслѣ сожалѣнія, огорченія.

Въ Ипатьевской же Лѣтописи (изд. Арх. Ком. стр. 131. подъ годомъ 1185).—Въ радости мѣсто наведе на ны плачъ и во веселье мѣсто желю на рѣцѣ Каялѣ. Въ варіантѣ вмѣсто винительнаго желю, именительный жаль.

Жалѣть, жаловать, жалитъ—отъ корня жало объясняющее дѣйствительное и страдательное значеніе глаголовъ.

Шмаговники упоминаются въ Петровское время трехъ сортовъ:

1	»	3/4 фунтовыя.
4	»	1/2 ф.
3	»	1/4 ф.

Всего мѣдныхъ пушекъ, дробовиковъ и шмаговниковъ 21.

Журналъ похода подъ Дерптъ стр. 35.

Гр. Б. Н. Шереметева.—Въ письмахъ.

Часть I, въ Москвѣ 1778 г.

Въ № 27: да Артилеріи опричь мелкаго ружья.

22 Пушки.
3 Шмаговници.
3 Барабана.

«Шмаговники» огнестрѣльное оружіе; упоминаніе въ донесеніяхъ фельдмаршала Шереметева Петру Великому вполнѣ подтверждаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ огнестрѣльномъ оружіи. За годъ до похода

Игоря былъ взятъ въ плѣнъ находившійся между Половцами Бессерменинъ съ огнестрѣльнымъ своимъ снарядомъ.

Огнестрѣльное оружіе извѣстно было Китайцамъ уже въ первомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія.—Въ Европѣ оно начало проявляться въ XI столѣтіи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Саррацины и Монголы ознакомившіеся прежде Европейскихъ народовъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, одерживали повсемѣстно верхъ надъ Европейцами, благодаря этому нововведенію. Въ Германіи огнестрѣльное оружіе сдѣлалось извѣстнымъ лишь въ XIV столѣтіи. Не слѣдуетъ упускать изъ виду что здѣсь идетъ дѣло не о порохѣ но объ огнестрѣльномъ оружіи.

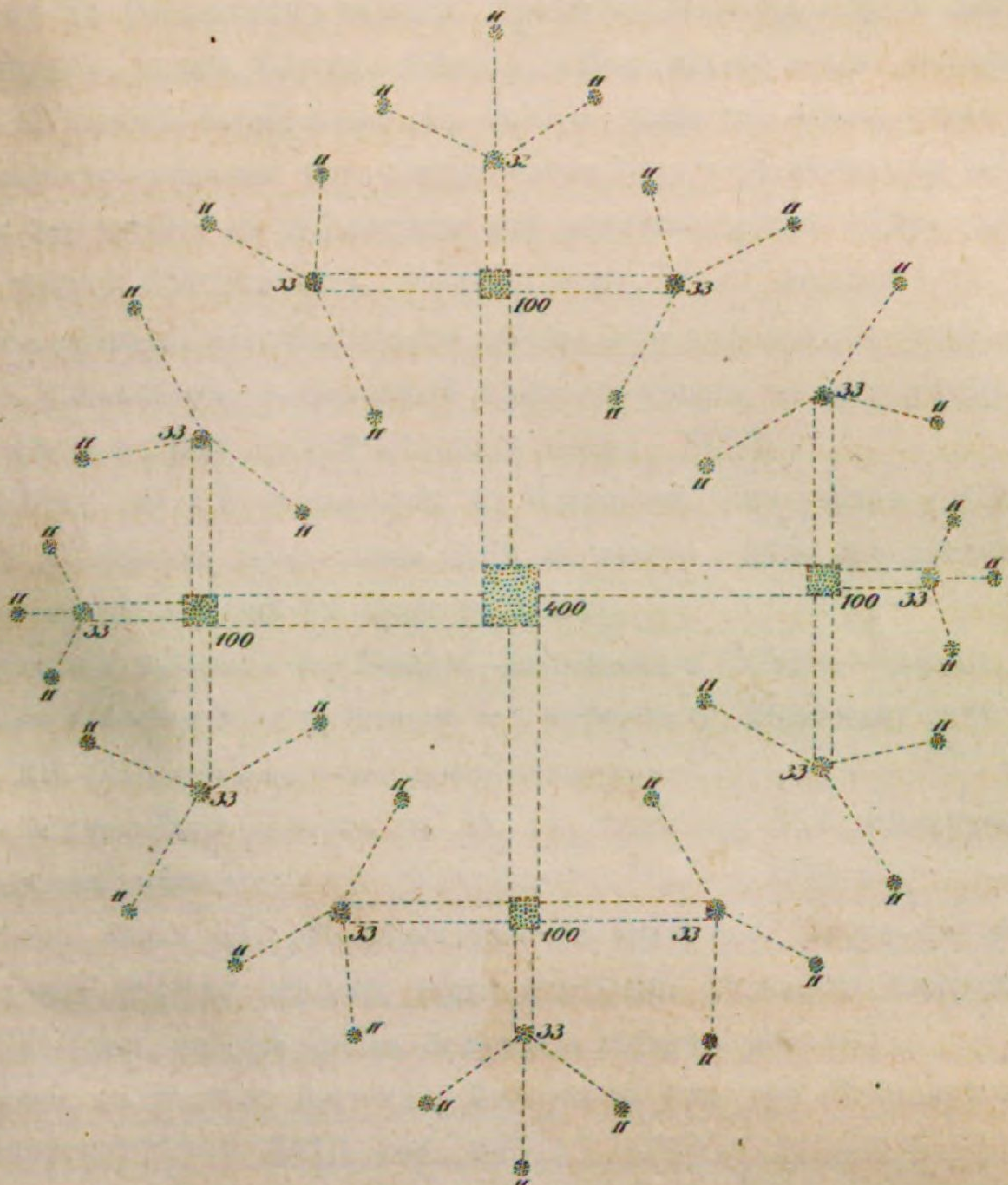
Въ Архивномъ спискѣ находится «смагу мычючи людемъ въ пламянѣ розѣ». Слово «людемь» находится и въ переводѣ при первомъ изданіи,—нахожденіе этого слова въ переводѣ ясно показываетъ что опущеніе этого слова первыми издателями ни въ какомъ случаѣ не было намѣренное. Слово могло быть пропущено по невниманію, но это едва ли вѣроятно, я видѣлъ самую тщательную корректуру сдѣланную надъ текстомъ въ томъ видѣ въ которомъ онъ выпущенъ въ свѣтъ. Въ самомъ текстѣ въ концѣ пѣсни измѣнено нѣсколько знаковъ препинанія. Въ переводѣ измѣнено несколько выраженій и въ предисловіи слова относящіяся до Графа Мусина Пушкина. Слово «людямъ» не только излишнее но и не правильно. Огнестрѣльные снаряды, особенно же въ моментъ упоминаемый въ пѣснѣ, служили противъ стѣнъ и строеній а не противъ побитыхъ людей. Такъ въ Ипатіевской Лѣтописи подъ годомъ 6692, 1184. «Пошелъ бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончакъ, со множествомъ Половець, на Русь, похупся яко плѣнити хотя грады Рускыѣ и *пожещи огнемъ*: бяше бо обрѣлъ мужа какого бесурменина, иже стрѣляше живымъ огнемъ, бяху же у нихъ луци тузи самострѣлніи, одва 50 мужь можашеть напрящи... Въ выпискѣ въ началѣ страницы 152, изъ Ипатіевской Лѣтописи находятся пропуски и опечатки при объясненіи «меньшицю» слѣдуетъ читать παλλακη, pellek, наложница;—при объясненіи «На воропници» слова «разъѣздъ»—«Романовичемъ» не отдѣлены скобками и въ третьихъ выписка изъ Ипатіевской Лѣтописи не отдѣлена отъ выписки о

Мамаѣ по древн. Лѣт. изд. въ 1775 г. Эта послѣдняя выписка начинается въ концѣ 12 строки словами «и выступиша»—Воропъ, на воропницы. (наврапъ, Древне Церковно Славянская форма по Миклошичу)происходитъ отъ одного корня съ «вороба», циркуль и снарядъ для разматыванія шерсти. Согласно этому словопроизводству воропъ долженъ обозначать самый способъ рекогносцировки, фуражировки и устроеннаго мародерства — циркуляцію. Сколько помниться Бопланъ описываетъ способъ посредствомъ коего Татары въ XVII столѣтіи грабили и опустошали край при отступленіи. Способъ этотъ заключался въ учащенной высылкѣ легкихъ отрядовъ изъ отступающаго войска, которые радіусами распространялись изъ центровъ находившихся въ постоянной связи съ главнымъ войскомъ. Это давало возможность стягивать и поддерживать эти отряды въ случаѣ опасности. Планъ этихъ разѣздовъ приложенъ при описаніи Украйны. Прусскіе уланскіе разъѣзды въ войну 1870 года устроены были вѣроятно по этому плану. Въ Прусскую кавалерію со временъ Фридрика Великаго перешло много традицій Русской украинской кавалеріи.

Воропъ такое замѣчательное слово что нельзя къ нему не вернутся еще разъ. Въ изд. Нессельманомъ Thesaurus linguae Prussicae Berlin 1873. werpt, lassen, vergeben, verlassen—powirps, свободный, поденьщикъ, вольной вѣроятно въ значеніи оттпущенника. Grunt powirpun—безземельный. Эти Прусскія выраженія соотвѣтствуютъ нашему, гулящій человѣкъ и гулящая земля. Въ древне французскомъ языкѣ въ Словарѣ Дюканжа s. v. Guerpus, desertus, vacuus, derelictus, «se sont partis du pays et ont les heritages, que eulx tenaient, laissiez *Guerps* et gays;» guerpire, werpire, warpire possesiionem rei alicujus dimittere ex saxon. vurpan vel veorpan deserere, jacere. Werplandium, terra derelicta, vel. inculta.

Русское и древне церковно славянское значеніе «лишать» обирать уводить, Прусское и Французское лишаться и лишать себя, отказываться и отказывать кому-либо вещь или землю,—Саксонское vurpan и veorpan тоже что Готѳское vairpan и Германское werfen, бросать, оставлять, уходить, usvairpan, выходить изгонять суть дѣиств. и страд. формы того же глагола.

Къ стр. 228

ПЛАНЪ ТАТАРСКАГО МАНЕВРА ПРИ ХИЩНИЧЕСКОМЪ НАБѢГѢ.

(ИЗЪ БОПЛАНА ПО ПЕРЕВОДУ УСТРЯЛОВА)

Лит. А. Трангеля, Стремян. д. № 12

Литовски wегрiu, wегрti, Летски wегрt—прясть. Литовски wагр-stê Spindel, Woras spinne, и Русское вороба, циркуль и снарядъ для мотанія шерсти указываютъ на первоначальное значеніе всѣхъ этихъ формъ, мотать и разматывать. Lorenz Diefenbach (Verg. Wörterbuch der gothischen Sprache Francfurt am M. 1851), полагаетъ vairpan сроднымъ съ Словенскимъ вергати. Древне церковно словенское нав-рапъ direptio, praeda, Captivi abductio, (Миклошичь) прямо указываютъ на происхожденіе слова отъ того же корня что вороба и имѣютъ вѣроятно значеніе циркуляціи, сматыванія и разматыванія отрядовъ ходившихъ на добычу или для рекогносцировки. Тому же корню могутъ принадлежать, ворохъ, свора, вервь, веревка.

Что выраженіе это обозначаетъ именно подобный способъ хищническихъ разъѣздовъ, допускаемый лишь съ общаго согласіи указываетъ мѣсто въ Ипатіевской Лѣтописи подъ г. 1170:

«Братья же вси пожаловаша на Мстислава, оже утаивъся ихъ *пусти на воропъ* сѣдельникы своѣ и кощѣѣ, ночь заложивъся отай; и сердце ихъ не бѣ право съ нимъ».

Дубенскій говоритъ что Smazyc по-польски и Чешски—жарить, *смага* по мало-россійски пригарина отъ жареньа. Г. Вельтманъ замѣчаетъ, что смаговницами назывались пищали.

Въ исторіи Льва Дьякона кн. IX 10, подъ год. 972. говорится о Мидійскомъ огнѣ:

Romani contra illis potestatem facerent enavigandi, neque eos in itinere cum navibus igniferis adorirentur (nam magnopere timebant ignem Medicum, qui vel lapides in cinerem redigere potis est).

Lebeau, въ Исторіи Восточной Имперіи въ Нем. пер. Лейпцигъ и Франкфуртъ 1779 т. XVIII, стр. 486.

«Жители города съ своей стороны прокладывавшіе мину, предупредили ихъ, сдѣлали отверстіе и съ помощію пустыхъ дулъ, столько напустили греческаго огня въ лице работавшими, что они должны были бѣжать изъ подкоповъ.»

Мѵѳъ о Зулъ Карнайнѣ безъ сомнѣнія въ связи съ Мѵѳомъ Едды о Геймдалѣ, бѣломъ Азѣ, живущемъ въ Himingbiorg bei Bifröst, на концѣ неба. Онъ сторожъ боговъ, и защищаетъ мостъ отъ покушеній горныхъ исполиновъ. Онъ такъ чутокъ, что слышитъ, какъ

ростетъ трава на землѣ и шерсть на овцахъ. Когда онъ трубитъ въ Гіалларгорнъ, то звукъ его трубы слышится во всемъ мірѣ.—Gylfaginning. 27. Если Гіалларгорнъ сродни съ Зулъ Карнейномъ то этотъ мостъ еще болѣе напоминаетъ мостъ, построенный Исфендіаромъ сыномъ Гистаспа, о коемъ часто упоминается въ Персидской поэзіи. О немъ говоритъ Массуди (II 43).

«Аланскіе князья изъ язычества обратились въ христіанскую вѣру, но послѣ 320 г. они отпали отъ новой своей вѣры и изгнали епископовъ и священниковъ присланныхъ къ нимъ греческимъ царемъ. Между королевствомъ Аланскимъ и Кавказомъ находится замокъ и мостъ на значительной рѣкѣ. Замокъ называется Аланскимъ, онъ былъ нѣкогда построенъ древнимъ Персидскимъ царемъ, Исфендіаромъ, сыномъ Гуштасна. Царь помѣстилъ тамъ войско, чтобы отрѣзать Аланамъ Кавказскую дорогу. Проникнуть же могли эти народы, лишь пройдя черезъ мостъ, находящийся подъ защитою крѣпости; а овладѣть крѣпостію или даже къ ней подойти было невозможно, такъ какъ она находилась на не приступной скалѣ; можно же было, развѣ только съ согласія ея защитниковъ. На вершинѣ скалы, въ средѣ самой ограды, бьетъ прѣсная вода; потому эта крѣпость и славится во всемъ свѣтѣ неодолимостію своего положенія. О ней часто упоминается въ Персидской поэзіи, и тамъ находятся подробности исторіи ея основанія Исфендіаромъ, сыномъ Гуштаспа. Этотъ царь велъ многія войны противъ разныхъ восточныхъ народовъ; онъ достигъ послѣднихъ предѣловъ земли Турокъ и разорилъ городъ Сифръ, (мѣдный—городъ) мѣсто почти не приступное, лежащее внѣ всякой опасности отъ вторженія; неодолимость этого мѣста вошла даже въ поговорку у Персіянъ.—Эти подвиги и прочія дѣянія Исфендіара, о коихъ нами упомянуто, разсказаны въ подробности въ книгѣ, называемой Китабъ-ель-Бенкехъ, переведенной на Арабскій языкъ Ибнъ ель Мокаффой. Когда Мослима, сынъ Абдъ-ель-Мелика, сына Мервана, пришелъ въ страну и подчинилъ жителей, онъ помѣстилъ въ крѣпость Арабскій гарнизонъ, потомки коихъ и донынѣ занимаютъ это важное мѣсто. Обыкновенно они получаютъ продовольствіе сухимъ путемъ изъ Тифлиса, находящагося въ пяти переходахъ. — Пространство это занято невѣр-

ными; но достаточно одного человѣка въ этой крѣпости, чтобы заградить дорогу всѣмъ невѣрнымъ королямъ; — таково воздушное положенie замка возвышающееся надъ мостомъ, дорогой и рѣкой. Король Алановъ можетъ поднять тридцать тысячъ всадниковъ, это могущественный князь, сильный и имѣющій болѣе власти чѣмъ прочія князья. Его область представляетъ непрерывный рядъ населенныхъ мѣстъ, столь близко лежащихъ другъ отъ друга, что пѣтухи перекликиваются по всѣмъ мызамъ, какъ будто соприкасающимся, хотя они раскинуты на большомъ пространствѣ земли.»

«Въ сосѣдствѣ съ Аланами, между Кавказомъ и Греческимъ моремъ, находятся Кашаки, составляющій народъ довольно благоустроенный, держащійся ученія Маговъ. Нѣтъ ни одного племени, изо всѣхъ обитающихъ въ этихъ странахъ, въ коихъ нашелся бы типъ болѣе совершенный, цвѣтъ лица болѣе ясный, или болѣе красивые мущины, или миловиднѣйшія женщины. Нигдѣ не встрѣтишь мущинъ съ болѣе стройнымъ и гибкимъ станомъ, и болѣе крутыми ребрами и вообще болѣе пропорціональными формами. Женщины славятся пріятностію обращенія. Они одѣваются въ бѣлое, обвѣшиваются греческими парчами, пунцовыми штофами или другими тканями съ золотыми узорами.—Въ этой землѣ ткутъ льняную ткань, называемую тала, болѣе тонкую и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе крѣпкую, чѣмъ ту, что называютъ дибаки; одежда изъ этой ткани обходится въ десять динаріевъ. Ее вывозятъ въ сосѣднія страны, подчиненныя Исламу, гдѣ встрѣчаются также и ткани другихъ племенъ; но она не можетъ соперничать съ тою, что выдѣлываютъ Кашаки. Эти послѣдніе далеко не такъ могущественны какъ Алане и не могли бы никогда отстоять своей независимости, если бы не находились подъ защитою возведенныхъ на берегу моря крѣпостей. Это море, о названіи коего существуетъ разноголосіе, одними называется Средиземнымъ, а другими Нитасъ; какъ бы ни было Кашаки имѣютъ водяное сообщеніе съ Требизондомъ, отъ коего они отстоятъ не въ большемъ разстояніи; ибо корабли ихъ доставляютъ имъ изъ этого города товаръ и возятъ туда ихъ собственныя произведенія. Что касается до ихъ ничтожества относительно Алановъ, то это происходитъ отъ того, что они не соединены подъ однимъ

скиптромъ; *достовѣрно то, что если бы всѣ говорящія на ихъ языкѣ составляли бы сплошную массу народа, то ни Алане, ни другой какой либо народъ ничего не могъ бы предпринять противъ нихъ*».

«Названіе ихъ Персидское и значитъ гордость, хвастовство, въ самомъ дѣлѣ у Персіянъ слово кехъ обозначаетъ человѣка гордаго и высокомѣрнаго». (Ср. Нем. Keck и Рус. кичливый).

Обладаніе морскими крѣпостями Восточнаго берега чернаго моря указываетъ прямо на Русскихъ—на этомъ владѣніе именно и основано названіе Чернаго моря Русскимъ. Ни Персидскія, ни Татарскія племена не владѣли моремъ. Кромѣ того изъ словъ Массуди оказывается довольно ясно, что дѣло идетъ о Русскихъ казакахъ, вѣроятно того же племени, что и гордецы, и рыболовы, и мореплаватели Алазане, т. е. Галичане придерживающіеся такъ-же, какъ упоминаемые въ золотыхъ лугахъ Кошаки, персидскаго ученія. Киннамъ два раза упоминаетъ о Хализіяхъ, составлявшихъ часть венгерскаго войска въ 1154 году.

Chalisii vulgo ab ipsis appellantur, sunt que diversae, ut supra memoratum esse, *religionis* et *easdem ac Persae opiniones habent.*

Cinnamus. Stritter Mem. Pop. III. 676.

Neque illum tantum ex indigenis, sed immensum etiam alium ex auxiliaribus copiis conflatum, praesertim Hungaricis equitibus, et qui apud ilios diversae sunt religionis, Chalisiis.

Штритеръ приводитъ (640) послѣднія слова и по гречески: των παρ' αυτοις ἑτεροδοξουντων χαλισιων.

Въ родословной народовъ по Chronicon Paschale: Mosoch (отъ Яфета) ex quo Getuli, у Синкелла и Кедрина Illyri. Mosoch (отъ Сима) ex quo Alasseni въ Chr. P. (Messeni у Синкелла и Кедрина).

Трудно сомнѣваться на счетъ народности Алазанъ давшихъ вѣроятно свое имя Соли-Галичу. Кашаки держущіеся ученія Маговъ, Хализіи ученія Персовъ по свидѣтельству Киннама, область Маджусъ на картѣ Едризи, Русскіе обитающіе на рѣкѣ Курѣ, весьма вѣроятно члены тѣхъ же ватагъ рыболововъ о коихъ уже упоминается въ Ипат. Лѣт.

подъ г. 1224. Въ грозную минуту явились и они на защиту края противъ Татаръ: «а выгонци Галичькыя придоша по Днѣстру и и воидоша въ море бѣ бо лодеи тысяща и воидоша во Днѣпръ и возведоша пороги, и сташа у рѣкы Хорътицѣ на броду у протолчи; бѣ бо съ ними Домамѣричь Юрьий и Держи край Володиславичь. Пришедши же вѣсти во станы, яко пришле суть видѣть Олядій Русскыхъ, слышавъ же Даніилъ Романовичь, и гна всѣдъ на конь видѣти невиданьноя рати, и сущіи сними коньници и иніи мнозіи Князи съ ними гнаша видѣть невидѣное рати. Онѣмъ же отшедшимъ, Юрги же имъ сказываше, яко стрѣлци суть; иніи же молвяхуть, яко простіи людье суть, пуще и Половець; Юрьги же Домамиричь молвяшеть: ратници суть и добрая вои».

С. Бохартъ въ Geographia Sacra стр. 186 и сл. говоритъ, что Гогъ и Магогъ (Iезекіиль 38 и 39) обозначаютъ Кавказскихъ Скитовъ, и что имена Руссовъ и Москвитянъ происходятъ отъ князя Россъ и Месехъ. М. П. Погодинъ съ негодованіемъ ожидаетъ время, когда наши ученые, отпавъ отъ истиннаго ученія и вдаваясь все болѣе и болѣе въ ереси, дерзнутъ сослаться на князя Россъ, упоминаемаго въ Библіи. Но это мнѣніе заносится уже въ Германіи въ ученыя и даже учебныя руководства. Это мнѣніе раздѣляетъ напримѣръ докторъ Вейссманнъ въ изданіи: Alexander vom Pfaffen Lamprecht. Томъ II, стр. VI. Даже училищный инспекторъ въ Людвигсбургѣ Dr. R. Riess вовсе не относится строго къ этому мнѣнію въ своей Библейской Географіи:

«Warscheinlich ein wildes scytisches Bergvolk in der Nähe der Moschischen Gebirge; Vielleicht dieselben, wie die Roxolanen des Plinius. 4. 12. und Pol. 3, 5, 19, ff. in denen einige die heutigen Russen erkennen wollen.

Чтобы устранить съ горизонта это докучливое для господствовавшей и ликовавшей Скандинавской школы, народное названіе «Россъ», оно было превращено въ неудачный плеоназмъ: «Князь-голова». М. П. Погодинъ, защищая Скандинавскую школу и обвиняя современныя попытки въ ереси, упускаетъ изъ виду текстъ 70. Толковниковъ и сваливаетъ съ больной головы да на здоровую.

Борьба не на животъ, а на смерть, въ дѣлѣ науки непонятна.

Чѣмъ внимательнѣе М. П. Погодинъ разсматривалъ вопросъ съ своей точки зрѣнія, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ упускать изъ виду другія стороны вопроса. Собственное сознаніе важныхъ услугъ, оказанныхъ наукѣ, должно, кажется, быть достаточно, чтобы спокойно и даже съ участіемъ смотрѣть на проявленія молодыхъ силъ, нераздѣльныя съ разнаго рода погрѣшностями.

Кто не уважаетъ заслугъ М. П. Погодина на поприщѣ Отечественной Исторіи и не сознаетъ силы его авторитета въ Россіи и внѣ ея предѣловъ. Но именно потому и обязательно для пользы дѣла протестовать во имя науки противъ заявляемыхъ имъ требованій въ вопросѣ тѣсно связанномъ съ правильнымъ пониманіемъ Слова о Полку Игоревомъ.

Мостъ, связывающій басни Скандинавскія съ Персидскими, сильно пахнетъ Турецкою Русью.

Самое имя Турковъ не слѣдуетъ понимать въ тѣсномъ и народномъ значеніи. Тюркъ—эпитетъ, придаваемый племенамъ пастырскимъ, грубымъ и хищническимъ. У Массуди Тюрки упоминаются въ числѣ Дунайскихъ Славянъ (III. 64). Près de ce Roi (des Awandji en guerre avce les Grecs, les Francs, les Lombards et d'autres peuples barbares) toujours dans le pays des Slaves, se trouve celui des Turcs, lesquels sont les plus beaux, les plus nombreux et les plus belliqueux de tous les Slaves.

Это названіе Тюрки соотвѣтствуетъ, весьма вѣроятно, греческому Ταυροι, обозначающему у Византійскихъ писателей Галичанъ и Южно-Руссовъ по всему протяженію Чернаго моря. Это имя Ταυροι обозначаетъ Руссовъ, по свидѣтельству Греческихъ географовъ, весьма опредѣлительно съ замѣчаніемъ, что Тавровъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Таврисками — народомъ Волошскимъ.

Турки, точно такъ-же какъ Венеты, Белги, Болгары, Волохи, Скордиски, могли обозначать Романскія и Славянскія племена по ихъ роду жизни. Западные Тюрко-Славяне могутъ быть Торки и Беренди и Черные Клобуки нашихъ лѣтописей, Болгаре—Тюрко-Руссы арабскихъ писателей. Свидѣтельства арабскихъ писателей не позволяютъ въ томъ сомнѣваться. Противъ положительныхъ показаній современниковъ существуютъ лишь отвлеченныя предубѣжденія.

Разсказъ Массуди объ Аланской крѣпости объясняетъ, почему миѳическое лицо Зулъ Карнайна является въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Это лицо, воспріявшее въ себя Александра Великаго, съ предшествовавшими ему Дивбендами и послѣдовавшими царями Персидскими, было олицетвореніе защиты проходовъ Кавказа противъ племенъ сѣверо-западныхъ, угрожавшихъ Персіи. Предполагать, что Персіяне ограждали себя въ этихъ пунктахъ отъ нападенія турко-татарскихъ племенъ, коихъ вся сила издревле сосредоточивалась въ Средней Азіи, не совсѣмъ основательная гипотеза, хотя и общепринятая. Весьма понятно, какъ баснь объ отторженіи Средне-Азіатскихъ народовъ Александромъ Великимъ, переносилась въ разные мѣстности; такъ для Новгородцевъ, заклепаные люди Александромъ Великимъ—были жители Сибири. Весьма вѣроятно, что Новгородскій разсказъ взятъ не съ вѣтра и находится въ связи съ преданіями о дѣятеляхъ защищавшихъ кавказскую дорогу и господствовавшихъ и на Сѣвѣрѣ за Ураломъ. Легенда объ Александрѣ Великомъ въ Елабугѣ пріурочена къ тамошней мѣстности. Весьма понятно, какъ Татарскія, Узбекскія, Монгольскія и Трукменскія сказанія могли воспріять легенду о Персидскомъ Александрѣ, Искендерѣ, Исфендіярѣ и о Зулькарнейнѣ—и измѣняться въ слѣдствіи вліянія послѣдователей Ислама.

Для Персовъ заклепаны Александромъ Великимъ, Русскіе; для насъ Татары. Весьма понятно, что Гогъ и Магогъ въ теченіи болѣе двухъ тысячь лѣтъ могли представлять различные народности.

Въ подтвержденіе близкихъ и древнихъ сношеній Русскихъ съ міромъ Восточнымъ—Туранскимъ и Иранскимъ привожу нѣсколько выписокъ изъ поэмы Низами о походѣ Александра Великаго противъ Русскихъ по Латинскому сокращенному переводу Ердмана. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что у Псевдокалистена (III кн. гл. 20, 26, 29), вмѣсто Русскихъ названы Бебрики — народъ Ѳракійскій по свидѣтельству Страбона.

«Александръ Великій узнаетъ, что Руссы изъ Аланъ-Керкъ напали на Дербендъ» (43).

«Русскій вождь соединилъ семь полковъ; впередъ пошла толпа

Буртасовъ, Алановъ и Хозаръ съ всадниками, и отъ моря до Кипчака наводнили всю землю» (50). Моды ради Ердманнъ изъ Аланъ—Керкъ=Аланской крѣпости на Курѣ II, XXIV, и III, 113 сотворилъ Алланъ — Варегъ, не смотря на то, что исправленіе его лишаетъ правильную фразу, грамматическаго и историческаго смысла. Это показываетъ, докакой степени былъ тогда великъ спросъ на Варяговъ. Далѣе Низами говоритъ:

«Съ противуположной стороны масса красныхъ Русскихъ. На ихъ правомъ флангѣ Хозары; на лѣвомъ Буртасы, громко кричавшіе; на крыльяхъ Алане, въ центрѣ же сами Руссы, местью и ненавистью дышащіе» (55)......

...«Русскій чертъ (diabolus Russus) говоритъ, что въ его рукахъ чаша, не то что въ рукахъ у бражниковъ,—не виномъ, а кровью наполняется; выходитъ, садится на коня, хватаетъ палицу и ловкой и искусной рукой проливаетъ потокъ крови по землѣ. Тогда Туранскіе всадники какъ горы навалили на него, метавшаго камни; но, прельщенныхъ надеждами, хотя облеченныхъ въ панцыри и вооруженныхъ мечами,—многихъ до смерти побилъ; и отъ сумерокъ до заутрени одинъ отстоялъ поле сраженія».

Весьма любопытно, что Низами не называетъ Туранцами не только Русскихъ но и Хозаръ, Буртасовъ и Аланъ; а Туранцами называетъ союзниковъ Александра Великаго.—

Ограничиваюсь одними выписками, содержащими характеристическія черты относящіяся, до Русскихъ, потому, что сказанія объ Александрѣ Великомъ находятся въ связи съ пѣсней лишь по отношенію защиты Кавказскихъ воротъ.

«За тѣмъ выступилъ другой Русъ съ красными щеками и голубыми глазами (59)».

«Русъ Тертусъ, что значитъ на Русскомъ языкѣ Рустемъ—Русскій, имя его между Русскими вошло въ пословицу для обозначенія храбрости» (61).

На стр. LXX. «Die Mutter hat die mich Tertus genannt, Auf Russisch der Russen Rustem genannt». Туртузъ могъ образоваться изъ Туръ и Тузъ какъ Бутузъ изъ Буй и Тузъ.

Крайне любопытно отношеніе Пѣвца Игорева къ сказанію объ

Александрѣ Великомъ. Созданіемъ Александріи, сближеніемъ Эллиновъ съ Іудеями, распространеніемъ Эллинизма по всему древнему міру Александръ Великій приготовилъ, несомнѣнно, пути для распространенія Христіанства. Поэтому и изображается въ нашей древней Церковной живописи вознесеніе Александра Великаго на небо, хотя въ страшно чудовищномъ и реалистическомъ видѣ. Александръ паритъ на небеса—въ колесницѣ, возносимой орлами. Для побужденія птицъ, Александръ держитъ надъ птицами на длинномъ шестѣ мясо. Эта хитрая мысль принадлежитъ древнему Греческому тексту. Тѣмъ не менѣе, какъ бы плохо ни была выражена мысль, но она выражаетъ вполнѣ важность этого лица въ сознаніи Христіянскаго средневѣковаго общества. Пѣвецъ Игоревъ, не смотря на это, упоминаетъ вскользь объ Александрѣ Великомъ съ *исторической* вѣрностію, какъ объ олицетвореніи враждебной силы, мѣшающей Русскимъ проникнуть въ завѣтный Востокъ.

Пора бы издать Славянскій текстъ этого сказанія. Приготовительныя работы А Н. Пыпина (Очерк. Лит. Ис. стар. пов. и Сказокъ Русскихъ въ уч. Запискахъ Ак. IV, 1858). Изслѣдованія Юлія Zacher. Pseudocallisthenes. Forschungen zur Kritik und Gesch. der ält. Aufzeichnung der Alexander-Sage. Halle. 1867, и Alexander vom Pfaffen Lamprecht даютъ возможность безъ большей потери времени сдѣлать изданіе вполнѣ удовлетворительное и принесть большую пользу наукѣ. Изд. и изслѣдованія Мюллера даютъ возможность сдѣлать образцовое изданіе.

Вмѣстѣ съ изданіемъ поэмы Ламбрехта Гейнрихъ Вейсманъ издалъ Нѣмецкій переводъ поэмы и повѣсти Псевдо-Калистена съ обширными замѣтками и выписками изъ Европейскихъ и восточныхъ сказаній объ Александрѣ. Пособіемъ могутъ служить изданія Эрдмана, переводъ Шпицнагеля на фрацнузскій языкъ той же поэмы. Говорятъ о любопытномъ Татарскомъ текстѣ, найденномъ въ Хивѣ.

Разноплеменность состава поселившихся въ Россіи Болгаръ, оказывающаяся изъ вѣдомости, приведенной въ § 11. с. 135, повторяется и относительно татарскихъ племенъ, живущихъ между Каспійскимъ моремъ и Чернымъ. «Изъ актовъ историческихъ», говоритъ Небольсинъ, «мы узнаемъ, что между Астраханскими Татарами существо-

вало въ старинныя времена до тридцати отдѣльныхъ поколѣній или родовъ. Пробѣгая только одни ихъ названія, нельзя не замѣтить страннаго смѣшенія тѣхъ осколковъ разныхъ племенъ, которыя окружали Астрахань въ половинѣ XVII столѣтія. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ роды:

Трюкменъ, названіе котораго явно указываетъ на Трукменовъ;

Кунрадъ—на Киргизовъ Средней орды Кунградъ.

Кыти—на Киргизовъ Малой Орды Кити.

Найманъ—на Киргизовъ и на Кундровскихъ Татаръ.

Асъ—на Кундровскихъ Татаръ.

Капчакъ—на Киргизовъ Средней Орды рода Кипчакъ.

Келечинскій на Юртовскихъ Татаръ,—г. Небольсинъ (123), видитъ въ названіи нѣкоторыхъ Киргизскихъ родовъ указаніе на ихъ разноплеменное происхожденіе. 1) Отрасль Ямгури рода Берчь—напоминая Юртовскихъ Татаръ 2) и 3) Отрасль Кулакъ Урусъ и отрасль Ульджа Урусъ, напоминая Русскихъ, Урусъ. — 4) Отрасль Истекъ или Иштякъ рода Кити—напоминая Сѣверныхъ Башкирцевъ. 5) Отрасль Казанкулакъ рода Ногай, напоминая Казанскихъ Татаръ 6) Отрасль Абдалъ рода Тазъ, напоминая Туркменовъ. Наконецъ цѣлый родъ Ногай, напоминая собой разныя Ногайскія отрасли Низовой Стороны».

Г. Небольсинъ незнакомъ съ Татарскими языками, тѣмъ не менѣе его догадка при положительности и опредѣленности его свѣденій о татарскихъ племенахъ, заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія людьми знакомыми съ языками Татарскими. Татарскія племена, обитающія въ Сибири, почти въ первобытномъ состояніи, представляютъ явные слѣды смѣшенія разнородныхъ племенъ Татарскихъ и даже Финскихъ. Въ великолѣпныхъ трудахъ нашихъ знаменитыхъ филологовъ Кастрена и Шифнера есть много указаній на этотъ крайне важный фактъ, весьма важный даже въ отношеніи теоріи этнографіи.

Фактъ смѣшенія племенъ въ ихъ какъ будто бы первобытномъ состояніи ясно доказываетъ какъ обычная опредѣлительность въ распредѣленіи древней этнографіи имѣетъ шаткое основаніе.

256—262. Жены Русскія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.

§ 61. Сожалѣніе Русскихъ женщинъ. Аркучи не одно слово, такъ въ Лавр. Лѣтоп. подъ годомъ 6694:

«И стояша на вѣжахъ 3 дня (Игорь, Всеволодъ и проч. веселяся, а рекуще: братья наша ходили и т. д, Въ Троицкой, подъ г. 6717, ркучи; 6731: а ркучи тако.

Ладъ, родит. пад. множ. числа отъ существительнаго ладо или ладъ—мужъ. Въ Ликійскихъ надписяхъ лада—жена; срав. путешествіе Fellow въ Ликію и попытку Мицкѣвича объяснить Ликійскія надписи по Славянски.

Потрепати, palpare: «по ланитѣ треплеши дѣтища оуспити и хотящи»; Бусл. Ис. Хр. 436. Слышахъ гласъ крилъ ихъ, ієгда трепахуся. (Миклошичь).

Сожалѣніе Русскихъ женъ взято съ натуры. Мнѣ случалось слышать весьма схожія сѣтованія въ Новозыбковскомъ уѣздѣ.

263—266. А въстона бо братіе Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разліяся по Руськой земли, печаль жирна тече средь земли Руськыи.

§ 62. Участіе, принимаемое городами и всею Россіей въ бѣдствіи Игоря. Сравнить § 66.

Весьма любопытно было бы сравнить пѣснь о походѣ Игоря съ пѣснями трубадуровъ, относящихся до крестовыхъ походовъ. Судя по выпискамъ и переводамъ, въ исторіяхъ средневѣковой литературы находится много общаго между Русской пѣсней и провансальскими въ краскахъ и въ самомъ политическомъ и религіозномъ настроеніи поэтовъ.

Въ воззваніи трубадура Пейрольса къ Императору Фридриху II,

также точно описывается сѣтованіе городовъ. Форіэль приводитъ эту пѣснь, составленную въ 1222 году послѣ взятія Даміэты Египтянами.

267—270. ѦКнѧзисаминасебекрамолѹковахѹапога-нїисамипобѣдаминарищѹщенаРѹскѹюземлюемлѧхѹдань побѣлѣотъдвора.

§ **63**. Обвиненіе Князей въ собственномъ и общемъ несчастіи. Повтореніе мысли, выраженной въ §§ 57 и 58.

Подобныя обвиненія Князей находятся и въ современной Германской поэзіи (Сравн. Вальтера фонъ-деръ Фогельвейде) и въ Провансальской. (Срав. туже пѣснь Пейрольса).

271—275. ТїнодвахрабраѦСвѧтъславичаИгорьи Всеволодъѹжелжѹѹбѹдикоторѹютобѧшеѹспилъотецъ ихъСвѧтъславьгрозныйВеликыйКїевскый.

§ **64**. Обвиненіе въ особенности Игоря и Всеволода за возбужденіе распри усыпленной Святославомъ.

«Убуди» описка вмѣсто «убудиста». Мѣстоименіе въ множ. числѣ вмѣсто двойственнаго.

Лъжа и лъжь—неправда. Пѣвецъ Игоревъ относится строго къ предпріятію Игоря и признаетъ распрю съ Половцами дѣломъ неправымъ, послѣ умиротворенія, учиненнаго вслѣдствіе побѣдъ Святослава Кіевскаго. Пѣвецъ Игоря считалъ дѣло это неполитичнымъ, потому что Чингизъ-Ханъ уже нѣсколько лѣтъ какъ громилъ Востокъ и подчинилъ своей власти всю Среднюю Азію. Неправильно понимаютъ обыкновенно выраженіе «безчестно одолѣсте, безчестно кровь поганую проліясте», въ смыслѣ: безъ славы, безъ торжества. Нечестное и безславное дѣло равно плохо. Въ древнецерковномъ языкѣ слово нечестно имѣетъ еще болѣе сильное значеніе, чѣмъ въ современномъ: нечьстьнъ, ἄτιμος,—infamis, нечьсть,—impietas, ignominia (Миклошичъ, съ ссылками на Супраслскую рук., Glag. Cloz. и Апостолъ Šišatovac. 1324 года).

Лъжа тоже что ложь, но значитъ и неправда: «люблю Бога а брата своего ненавидя, *ложь* есть». Лавр. Л. 6586.—«Не въ лъжѫ клънешися же Господеви клятвы твоя». Дечан. Четверо—Ев. въ пр. 180, къ И. Р. К. Т. III. «въиде лжа въ городъ».—«*то*» однозначуще съ нынѣшнимъ *то* или *та*: которую *то* усыпилъ было отецъ ихъ Святославъ.

Въ примѣч. 84 Граматина сіе мѣсто объясняется:

«Русская земля отдохнула было отъ Половецкихъ разбоевъ, ко-«торые Святославъ прекратилъ своею побѣдою; но Ольговичи «разбитіемъ своимъ возобновили оные: вотъ мысль Автора. Въ при-«мѣч. 85:

«Не отецъ, а двоюродный братъ; но и въ Кіев. Лѣт. Свято-«славъ говоритъ Игорю и Всеволоду: се азъ старѣй Ярослава, а «ты, Игорю, старѣй Всеволода». Такъ ниже онъ же изъ особенной ласки называетъ ихъ племянниками: «о моя сыновчи Игорю и Всеволоде!»

«Въ Россіи не только политическое, но и естественное стар-«шинство въ старину весьма уважалось; а Святославъ происходилъ «отъ старшаго брата». Къ словамъ Граматина можно прибавить, что естественное старшинство было тогда и политическое—старшій въ родѣ занималъ мѣсто отца.

276—286. Грозоюбяшетьпритрепеталъсвоимисильными плъкыихаралужнымимечи наступиназемлюПоловецкуюпритоптахлъмиияругывзмутирѣкииозеры иссушипотокииболотаапоганагоКобякаизълуку моря отъжелѣзныхъвеликихъплъковъПоловецкихъяко вихръвыторжеипадесяКобякъвъградѣКіевѣвъгридницѣСвятъславли.

§ 65. Воспоминаніе о торжествѣ Святослава и плѣненіи Кобяка.

Бяшеть — (притрепеталъ), точно также, какъ не лѣпо ли ны бяшеть, помняшеть, пущашеть, растяшеть, есть безличный видъ глагола есмь: Святославъ притрепеталъ *было*.

«*Гридницe*»—гридница точно также какъ дѣтинецъ, соотвѣтствуетъ нынѣшней караульной, отчасти же и дворцовой казармѣ.

Въ Ипат. Лѣт. 1184. «И тако сотвори Господь милость хрестьяномъ, въ тый же день возвеличи Богъ князя Святослава и Рюрика, за вѣру его; и ту яша Кобяка Карлыевича со двѣима сынома, Билюковича, Изая и Товлыя съ сыномъ, и брата его Бокмиша, Осалука, Барака, Тарха, Данила и Съдвака Кулобичкого, яша-жъ и Корязя Калотановича, ту убиша и Тарсука, а инѣхъ безъ числа; створи же Богъ побѣду сю мѣсяца іюля въ 30, въ понедѣлникъ, въ память святаго Ивана Воиника. Великій же князь Святославъ Всеволодичь и Рюрикъ Ростиславичь пріемше отъ Бога на поганыя побѣду, и возвратишася восвояси съ славою и честью великою».

287—296. ТѹНѣмцииВенедицитѹГрецииМоравапоютъславѹСвѧтъславлюкаютьКнѧзѧИгорѧижепогрѹзижиръводнѣКаѧлырѣкыПоловецкїѧРѹскагозлатанасыпаша.

§ 66. Мнѣніе иностранцевъ о Святославѣ и Игорѣ, осуждаемомъ за то, что онъ утопилъ Русское счастіе въ Каялѣ рѣкѣ.

Это мѣсто возбуждало въ свое время сомнѣнія; но совершенно неосновательно.

Распространеніе молвы по Европѣ о событіяхъ на Дону подтверждается Ипатьевской лѣтописью. Лѣтописецъ говоритъ о побѣдѣ Владиміра Мономаха на Дону въ 1111 году (6618):

«Якоже и се, съ Божіею помощью, молитвами святыя Богородицы и святыхъ Ангелъ, възратишася Русстій князи въ своясн, съ славою великою къ своимъ людемъ; и ко всимъ странамъ далнимъ, рекуще къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, доидеже и до Рима пройде на Славу Богу, всегда и нынѣ и присно во вѣки, аминь».

Въ Германской поэмѣ, Нибелунги, по сохранившейся редакціи

конца XII столѣтія, воспѣваются Русскіе и Кіевскіе витязи въ сопровожденіи Аттилы.

Не могу упустить случая, чтобы не протестовать противъ соболѣзнованія нѣкоторыхъ Германскихъ филологовъ о томъ, что Славяне не, имѣютъ героической поэмы въ родѣ Нибелунгеновъ. — Нибелунги сшивная поэма, и составлена на основаніи древнихъ сказаній, существовавшихъ уже въ IX столѣтіи въ латинской редакціи приписываемой Конраду, Дьяку Пилгрима, Епископа Пассаускаго, упоминаемаго въ Нибелунгахъ. — Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта поэма возникла въ *обѣихъ своихъ* нынѣ существующихъ редакціяхъ въ XII столѣтіи, и правдоподобнѣе въ концѣ этого столѣтія.—Старѣйшая изъ обѣихъ редакцій составлена въ Австріи изъ нѣсколькихъ составныхъ и разнородныхъ частей: древне-языческихъ, миѳическихъ и исторической, заключающей въ себѣ сказанія о Бургундахъ и объ Аттилѣ.

Лахманъ признавалъ въ этой поэмѣ 20 разнородныхъ пѣсенъ. Его мнѣніе можетъ быть и преувеличено. Онъ признаетъ за одно изъ доказательствъ разнородности пѣсенъ отрывистыя ихъ начала, но это же самое мы видили и въ пѣснѣ Игоревой, вылившейся какъ бы одною струей.—Главное то, что въ поэмѣ три основы: миѳическая, весьма древняя о Сигфридѣ, преданія объ Аттилѣ V столѣтія и воспоминанія о Пилгримѣ конца X столѣтія, кромѣ того пѣсни Нибелунгеновъ носятъ на себѣ отпечатокъ конца XII столѣтія.—Это вовсе не отнимаетъ высокихъ достоинствъ этихъ пѣсенъ, потому что во всякомъ случаѣ безъимянный поэтъ или поэты съ большимъ талантомъ и чувствомъ пользовались, сказаніями. — Кромѣ того, мнѣ кажется вообще вопросно достоинство длинныхъ поэмъ, возникавшихъ вслѣдствіе рабскаго подражанія Иліадѣ. — Сама же Иліада подвергалась многократнымъ сшиваніямъ рапсодовъ, и пѣсни вошедшія въ ея составъ подвергались разработкѣ двухъ оффиціальныхъ коммиссій.

Иліада составляетъ тѣмъ не менѣе одну цѣльную поэму въ честь Ахиллеса, Одиссея поэму о похожденіяхъ Улисса. Гомеръ поступилъ съ древними сказаніями какъ Макферсонъ.

Слово о Полку Игоревѣ составляетъ несомнѣнно Трилогію соотвѣтствующую условіямъ Греческой хоровой лирики: Στροφη,

αντιστροφη и εποδος. — Это естественное дѣленіе соблюдалось въ средневѣковой Французской поэзіи, въ средневерховой Германской поэзіи и у другихъ народовъ.

Объ этомъ полезно справиться у Müllenhoff zur Gesch. der Nib. Noth. 885 и сл. и превосходное и обстоятельное изслѣдованіе о Нигахъ Германа Fischer.

Въ Пѣснѣ Нибелунговъ Русскіе и Греки, Поляне и Волохи на добрыхъ коняхъ, люди изъ земли кіевской и дикіе Печенѣги, каждый по своему обычаю ѣхали впереди Аттилы на встрѣчу Гримгильды, стрѣляя птицъ на лету. — XXII Avantiure строфы 3, 4 и 5-ая.

Von vil maneger sprâche sah man uf den Wegn
Vor Eselen rîten vil manegen Küenen degen:
Kristen unde heiden, vil manec wîtiu schar,
Da si ir frowen funden, si fuoren vroelîchen dar.

Von Riuzen unt von Kriechen reit dâ vil manec man:
Polanen unde Vlâchen den sah man ebene gân
Jr pfert und ros diu guoten dâ si mit kreften riten,
Swaz si site habeten, der wart vil wênec iht Vermiten.

Von den lande ûz Kyewen reit ouch dâ manec man,
Unt die wilden Pescenaere. dâ wart des vil getân,
Mit den bogen schiezen zen Vogelen die dâ flugen:
Jr pfîle si vil sêre mit Kraft unz an die Wende zugen.

Весьма важно параллельное мѣсто въ древнемъ прототипѣ Нибелунговъ, въ одной изъ Героическихъ пѣсенъ Едды, во второй Gudrûnarkvida, Гудрунъ дочь Гримгильды, разсказываетъ, какъ ее пришли сватать люди Аттилы (die Edda. Hermann Lüning. Stuttg., 1859).

Valdarr Dönum	Володарь Датчанамъ
með Jarizleifi	съ Ярославомъ,
Eymôðr þridi	Еймудръ третій
með Jarizskari	съ Ярискаромъ
inn gêngu þâ	во шли сюда,
iöfrum lîkir	Королямъ подобные
Langabarðs liðar	Лангобарда люди,
höfðu loða rauða	имѣли плащи красные,

skreyttar brynjur	Изукрашенныя брони,
steypta hialma	скинутые шлемы;
skalmum gyrðir	мечами опоясанные,
höfðu skarar jarpar.	имѣли чубы черные
Hverr vildi mer	Какіе угодно мнѣ
hnossir velja,	уборы выбрать
hnossir velja	уборы выбрать.—
ok hugat maela,	также усердно уговаривали:
ef þeir maetti mer	какбы сіи дары мнѣ,—
margra suta	многихъ скорбей
trygðir vinna	искупленіе—, принесть,
ef ek trua gerða.	если я обручиться готова.

Андалузскій Поэтъ конца XII столѣтія, Еврей Харизи, отозвался съ береговъ дальняго океана на показаніе нашего Поэта о воспѣваніи Русскихъ заморскими поэтами. Въ еврейскомъ Маккамѣ, въ формѣ Маккаме Арабскаго, Поэта Харири, Харизи описываетъ схватку Половцевъ съ Русскими. Народныя имена въ этой повѣсти всѣ библейскія, какъ и имя самаго разсказчика «Хаверъ Кінеевъ» упоминаемый въ IV-й главѣ книги судей Израилевыхъ.

Петаххія, странствовавшій съ 1173 по 1183 годъ, называетъ Половцевъ Кедарцами по второму сыну Измаила.—Веньяминъ Тюдельскій, странствовавшій между 1160 и 1178 годами, называетъ Юго-Западную Россію землею Ханаанскою, по случаю обычая въ этой странѣ продавать невольниковъ. Архимандритъ Лосицкій во введеніи къ Густынской Лѣтописи, говоря о Южной Россіи, употребляетъ выраженіе «наша Африка».—Іосифъ Бенъ Горіонъ издревле протестовалъ противъ этого воззрѣнія на Славянъ; въ своей родословной народовъ онъ говоритъ, что Славяне племени Доданима, хотя нѣкоторые и считаютъ ихъ потомками Ханаана.

Въ Халдейскомъ переводѣ Іосифа племена Тубалъ, Мессехъ и Тирасъ занимаютъ Виѳинію, Мизію и Ѳракію. По Іосифу Бенъ-Горіону Ѳирасъ родоначальникъ Руссовъ, Мессехъ-же изъ племени Тувалова родоначальникъ Тосканцевъ (древнихъ выходцевъ изъ Лидіи, по свидѣтельству Страбона и Юстина, ср. § 11 стр. 127).

Абенъ Езраи въ коментаріяхъ на Псаломъ XX, признаетъ Мессеховъ за Тосканцевъ.—Мессехъ у Арабскихъ Географовъ на Юго-Западѣ отъ Кіева; Харизи подъ именемъ Мессеха обозначаетъ

вѣроятно мѣстность Валахскую, подъ именемъ же Тvрасъ, рѣку, Днѣстръ, древнюю Финикійскую колонію близь устьевъ Днѣстра или вообще библейски, Русь. — Массуди (Charmoy. Mem. de. l'Ac. de St.-Pétersbourg, T. II, 1834 p. 345) говоритъ, что Машека большой Славянскій городъ, на берегу моря среди непроходимыхъ для войска тростниковъ.—На Лейденской рукописи, другой рукой (d'Ohsson. peuples du Caucase, 239) приписано, что настоящее имя города Mascou, Abdour Rachid и Bachoouwy называютъ городъ Macphat, (356). Захарія Казвини—Mecheqa,—409.

Гости любовались строеніями Андрея Боголюбскаго на дальнемъ сѣверѣ, и весьма можетъ быть и въ Москвѣ.

«Иногда бо аче и гость приходилъ изъ Царягорода, и отъ иныхъ странъ изъ Русской земли, и аче Латиникъ... и Болгаре, и Жидове, и вся погань видѣвше славу Божію и украшеніе церковное и тѣ болма плачютъ по тобѣ».

Ипат. Лѣтоп. 6683, о смерти Андрея Георгіевича Боголюбскаго.

Харизи придерживается мнѣнія, что мы хамово поколѣніе; онъ называетъ два племени Хамовы отъ Хуса: Саваѳа̀ и Регма̀ и съ ними вмѣстѣ часть племени Ѳоргама, болѣе чѣмъ вѣроятно Ковуи Лѣтописи.—Племени Ѳоргама по Бенъ-Горіону принадлежатъ 10 племенъ: Хозары, Булгаре, Унгары, Турки, Печенѣги, Тілмацъ, (Талматы у Константина Порфирогенита Печенѣжское племя), Алцканы, Рагбина, Забукъ, Бузы. Въ Ипатіевской Лѣтописи Ковуи упоминаются вмѣстѣ съ Торками и Печенѣгами, Берендеями и Бастеевой чадью.

Харизи упоминаетъ въ своемъ Половецкомъ Маккаме 8 Измаиловыхъ племенъ совершенно согласно Меѳодію Патарійскому, цитируемому нашимъ древнимъ Лѣтописцемъ подъ г. 1096:... «безбожніи сынове Измаилеви, пущени бо на казнь Хрестьяномъ. Исшъли бо суть си отъ пустыня Нитривскыя, межю встокомъ и сѣверомъ; исшъли же суть ихъ колѣнъ 4: Торъкмени и Печенѣзи, Торци, Половци, Меѳодій же свидѣтельствуетъ о нихъ, яко восемь колѣнь пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 исѣче. Друзіи же глаголютъ: сыны Аммоновы. Се же нѣсть тако: сынове бо Моавли, Хвалиси и Болгаре суть отъ дочерю Лотову, иже зачаста отъ отца своего, тѣмъ же нечисто есть племя ихъ; а Из-

маилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци, и Кумани рекше Половци, иже исходятъ отъ пустынѣ, и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть, заклепеніи въ горѣ Александромъ Македонскымъ, нечистыя человѣкы». Въ Маккамѣ изъ двѣнадцати племенъ Измаиловыхъ названо общее, главное— Кідары, по второму сыну Измаила, при описаніи битвы исчисляются остальные 7 по порядку 10-й книги Моисеевой гл. КЕ. — Не названы четыре племени: 1) племя первенца Измаила, Наваіоѳъ, 2) Навдеилъ, 3) Массамъ и 4) Масси.

Д-ръ Каетрfе издатель и переводчикъ Харизи полагаетъ, что Андалузскій поэтъ вводитъ названія Библейскія не придавая имъ никакого значенія; изъ предъидущаго видно что Харизи до тонкости обозначилъ племена на основаніи современныхъ ему Еврейскихъ свѣденій.

Харизи преимущественно переводчикъ и подражатель Харири и другихъ Арабскихъ поэтовъ имѣлъ безъ сомнѣнія въ виду Русскія пѣсни, и еще несомнѣннѣе Персидскія, а можетъ быть и Половецкія. Рѣчи его двухъ героевъ напоминаютъ сильно рѣчь Русскаго Витязя въ поэмѣ Низами о походѣ Александра противъ Русскихъ. Въ разсказѣ находится маленькая подробность, сказанная въскользь и указывающая, что расказщику хорошо была извѣстна мѣстность: это упоминаніе укрѣпленнаго города на высотѣ, откуда выходили Половецкіе полки. Въ 1185 же году встрѣчный гость извѣщаетъ Русскихъ о присутствіи Половцевъ на Хоролѣ. Число дней, прошедшихъ въ ожиданіи непріятеля, сходно съ числомъ дней, обозначеннымъ въ Ипатіевской лѣтописи. Русскіе встрѣтились съ Половцами на десятый день послѣ выступленія; путешественники могли немедленно пройти послѣ пораженія Половцевъ. Безопасность ихъ вѣроятно была обезпечена относительно обоихъ лагерей, такъ какъ въ интересахъ обоихъ лагерей лежало покровительство торговымъ сообщеніямъ.

Важное указаніе, что въ Маккаме дѣло идетъ о походѣ Игоревомъ, это то, что битва происходитъ въ землѣ Половецкой въ концѣ XII или началѣ XIII столѣтія.

Пѣвецъ Игоревъ весьма вѣроятно имѣлъ въ виду Евреевъ-тор-

говцевъ и поэтовъ, какъ распространителей славы Святослава и упрековъ Игорю въ Венеціи. Что касается до Грековъ, то они имѣли прямыя сношенія съ Половцами, и этотъ походъ отозвался и въ Имперіи. Штриттеръ замѣчаетъ, что Византійскіе писатели въ теченіи 70 лѣтъ ни разу не упоминаютъ о Половцахъ, и съ 1185 года начинаютъ снова вносить въ Лѣтописи свѣдѣнія о ихъ набѣгахъ.

Маккаме, равно бесѣда и мѣсто гдѣ бесѣдуютъ—наша бесѣдка, въ Лѣтописи упоминается о Хозарской бесѣдѣ въ Кіевѣ, вѣроятно мѣстѣ собранія въ родѣ нынѣшнихъ Турецкихъ кофеенъ подъ навѣсомъ. Правила, соблюдаемыя относительно формы разсказа тѣже, что и у Гарири, извѣстныя по переводамъ Рюккерта. Разсказъ прозаическій, съ риѳмами, въ родѣ нашихъ сказокъ и пословицъ, прерывается однимъ или нѣсколькими стихотвореніями. Условіе каждаго стихотворенія—это раздѣленіе на двустишія, въ коихъ второй стихъ во всѣхъ двустишіяхъ имѣетъ одну и туже риѳму. Первые стихи во всѣхъ двустишіяхъ вовсе безъ риѳмы кромѣ перваго двустишія. Этотъ первый стихъ опредѣляетъ риѳму для всего стихотворенія точно также, какъ въ Арабскихъ Газеляхъ. Рюккертъ перевелъ нѣсколько Маккаме Гарири съ опущеніемъ всего того, что, могло бы мѣшать плавности разсказа въ переводѣ (стр. 214). На стр. 215 онъ заявляетъ, что онъ работу свою не выдаетъ за переводъ, но за подражаніе.—Докторъ Каетрſе въ своихъ переводахъ придерживался текста относительно содержанія и формы. Я послѣдовалъ его примѣру, и представляю переводъ весьма близкій къ тексту. Если я себѣ позволилъ удаляться отъ текста, то это только въ двухъ случаяхъ, не отступая отъ мысли автора.

Въ началѣ разсказа, Харизи, говоря о дорогѣ, играетъ на идеи о возмужалости и дѣвственности. И то и другое по-Русски не сходится вмѣстѣ, ни относительно дороги, ни пути—я позволилъ себѣ при передачѣ мысли автора пользоваться тѣми риѳмами, которыя прямо приходили на мысль. Говоря о начальникахъ конницы, онъ говоритъ, что у нихъ были сердца козлиныя, въ смыслѣ «бодливыя»—я предпочелъ «неугомонныя» какъ богатая риѳма на комонные. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія у насъ были полки охоче-

комонные. Во всемъ остальномъ переводъ мой почти дословный. Подстрочное переложеніе Еврейскаго текста, сдѣлано по моему порученію, Яковомъ Григорьевичемъ Холфинымъ. Манера Харизи основана на приведеніи реченій сохраняющихся въ памяти публики, и реченія заимствованы имъ изъ сказаній библейскихъ. Я придерживался реченій сказочныхъ, такъ какъ весь складъ его разсказа живо напоминаетъ наши народныя сказки и прибаутки. Въ заключеніе не лишне обратить вниманіе читателя на роль, которую играетъ въ этомъ разсказѣ олицетвореніе и созвѣздіе смерти. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Еврейскій поэтъ имѣлъ въ виду Халдейскія сказанія объ Ашерѣ, Анагитѣ, Венерѣ, Ураніи, на которыя намекаетъ и Русскій поэтъ.

БЕСѢДА О БИТВѢ.

Маккаме Андалузскаго Еврейскаго Поэта XII—XIII столѣтія Харизи.

Сказаніе Еймона Азрахитскаго.
(о двухъ витязяхъ сражавшихся
какъ два тигра).

Шли мы изъ славнаго города Тира, гдѣ князи сидятъ всего міра;—шелъ съ нами, въ Сузану, городъ столичный, Хаверъ Кіннеевъ собесѣдникъ отличный.—Сказками дивными онъ сердца веселилъ, неутомимый въ бесѣдѣ, онъ постоянно шутилъ;—въ карманъ онъ не лазилъ за краснымъ словцомъ, и въ словѣ ходилъ онъ рьянымъ бойцомъ.—Онъ разсказалъ намъ тогда, что на его на вѣку, взаправду, случилося съ нимъ на яву.

Шелъ я изъ Персіи разъ въ Мессехъ и Тирасъ;—былъ я молодъ тогда, но держался хорошихъ и знатныхъ людей завсегда.—Слыли всѣ спутники въ браняхъ бойцами, храбры какъ львы, словомъ, молодцы-молодцами,—въ обхожденіи добры и милы, словно серны пугливы.—Шатры Кидарскіе мы едва миновали, какъ въ передрягу большую попали. — Перерыты дороги, бездна засадъ, нѣтъ намъ исхода: ни впередъ, ни назадъ. — Къ этой землѣ вражья приближалася рать; опустѣли дороги, ни души не видать.—Дорога

завсегда считалась гостинной, сѣтью стала теперь паутинной;—пока мирной слыла, въ большомъ ходу баба была;—много видала гостей, а завсегда слыла бабою путной,—нынѣ кругомъ овдовѣвъ, стала голью безпутной. — Проѣзжіе въ обходъ всѣ пошли, степи отъ хищныхъ набѣговъ, терніемъ и рѣпьемъ заросли.—Скоро наши старики порѣшили тутъ обождать; не трудно задержку потомъ наверстать;—какъ минуетъ тревога, снова свободна будетъ дорога.—Пріютились на время промежь ихъ шатровъ, пока одолѣетъ одинъ изъ враговъ.—Прошло десять дней, миновало десять безсонныхъ ночей—слышимъ вверху гулъ тревожный надъ нами: изъ города стали выходять полки за полками.—Плохая завязалася шутка, изъ петли не выскочимъ: придется намъ жутко; — нельзя ничего и придумать; что за напасть! Попались ягнята во львиную пасть.

Въ юдоль плача враги все стекались, другъ другу удружить собирались:—все освирѣпѣвшіе соколы, львы разъяренные, богатыри въ бояхъ закаленные.—Были тутъ люди изъ племенъ Саваѳа̀ и и Регма̀, была межь нихъ видна Ѳоргама̀;—собралися вкупѣ Ходданъ и Ѳеманъ, Іетуръ, Наѳесъ и Кедма̀, а также Масма̀ и Дума̀.—Молча на нихъ мы взирали, какъ на брань они выступали;—пики свои опустили, смерти, на встрѣчу спѣшили.—Иной величавымъ дубомъ глядитъ, другой все гарцуетъ, какъ будто надъ смертію трунитъ;—съ мечами готовъ иной всегда поиграть, есть и такіе что рады въ кости свой животъ проиграть.—Иной на мечи такъ и рвется какъ будто ему съ меча медъ подается.

Тутъ началъ я пѣснь и промолвилъ:

Смерть, витязи, жизнью считаютъ своей,
Для смерти вѣдь точатъ жало мечей.

И страстно объемлютъ надменныхъ враговъ
Другъ точно обнялся съ милой своей.

А ждутъ они смерти, жизнь будто бъ лилась
На кузницѣ смерти, съ плавильныхъ печей.

Твердѣе Ѳавора тутъ горы трещатъ,
Въ бѣдовый день встрѣчи грозныхъ мужей.

А смерть для ихъ неба лакомъ кусокъ,
Кровавыя раны вина имъ вкуснѣй.

Вѣнецъ ожидаютъ себѣ отъ меча,
И цѣпи червонны для мощныхъ плечей.

Валятся предъ ними полки сарапчой,
Отъ рыка ихъ, таютъ сердца у звѣрей.

На смертную схватку грозою идутъ,
Пылая въ сіяньи небесныхъ огней.

Не сыплются яркія звѣзды съ небесъ—
То искры съ булатныхъ брызжатъ мечей.

Отъ латъ золоченыхъ все поле въ огнѣ,
По полю струится багряный ручей.

Сверкаетъ ихъ мечъ, ихъ клики гремятъ,
Какъ громы подъ ливнемъ кровавыхъ дождей.

Уста ихъ лобзаютъ холодный булатъ,
Какъ будто цалуютъ милыхъ друзей.

Тутъ бранное поле—не поле, а садъ:
Растутъ въ немъ мечи, розъ алыхъ краснѣй.

Два богатыря другъ къ другу подходятъ, словно львы на добычу выходятъ;—сердце, мозгъ и кости у насъ задрожали, когда черезъ поле другъ друга они вызывали. — Противнику передъ борьбой, рѣчь произнесъ богатырь удалой:

На полѣ брани началъ я жить,
Въ бою готовъ я главу положить.

Мнѣ жизнь—полынь, смерть липовецъ-медъ:
Радъ мёртвую чашу всегда осушить.

Мой мечъ себя хвалитъ: я чародѣй,
Морскія волны могу раздвоить.

Огонь я и воду въ союзѣ держу:
Изволь нашъ шеломъ да кольчугу спросить.

Коль скоро напиться захочетъ мой мечъ,
Его я готовъ до пьяна угостить.

Мой мечъ, да мой лукъ, вотъ весь мой удѣлъ,
Наслѣдствомъ моимъ мнѣ не стать дорожить.

Мнѣ душно въ роскошныхъ кедровыхъ домахъ;
А любо въ лѣсахъ со звѣрями мнѣ жить.

И кого я наѣду, тому не спущу —
На вѣкъ уже лучше врага уложить.

Противникъ къ нему подскочилъ, неучтиво ему рѣчь перебилъ,—кончить пѣсни не далъ, и въ азартѣ сказалъ:

Я и смерть—оба мы близнецы,
Насъ вскормили тѣ же сосцы.

Кликну: твердь и небо дрожатъ;
Выйду въ поле—бѣжатъ удальцы.

На мечъ мой наскочутъ враги:
Притихнутъ на вѣкъ сорванцы.

Сколько скоситъ мечъ вражьихъ головъ,
Травы не накосятъ косцы.

Завидятъ мой мечъ, хоть во снѣ—
Метаться пошли молодцы.

Спитъ мой мечъ, всюду миръ на землѣ,
А проснулся—помчались гонцы.

Разразится кровавой грозой:
Снопами валятся бойцы.

Изъ головъ настилаемъ копны:
Не про жизнь, а про смерть мы жнецы.

Разсказъ только кончилъ онъ свой, другъ противъ друга оба ринулись въ бой. — Луки тугіе напрягши, стяги какъ кедры высоки поднявши — полкъ на полкъ, всѣ бойко разомъ пошли, впереди знамена несли.—Вихремъ тутъ понеслись и комонные, вожди и всадники, люди неугомонные. — Богатыри между собою сцѣпились, не любовно они обхватились,—соединила ихъ вмѣстѣ жажда кровавыя мести. — Вмѣсто дровъ на бранномъ кострѣ витязи жгутся, а надъ костромъ ихъ храбрыя души пламенемъ вьются.— Много труповъ птицамъ на пиръ собрано, богатырская кровь имъ вино. — Тутъ на рынкѣ товаръ богатыри предлагали, точно

съ торговъ смерть продавали.—Богатыри: продавцы, молодцы, кулаки; а мечи: продавцы и купцы, все маклаки,— жаръ загребать готовы на обѣ руки.—Кровь конямъ по колѣна хватаетъ; смерть въ багряницѣ грознымъ кликомъ лѣнивыхъ сзываетъ. — Потянулися всадники, въ мутныхъ ручьяхъ погрязая, съ горки на горку усталыхъ коней погоняя. — До кроваваго пота мечи утомились, и копья до сыта и пьяна утолились.—Много добра мечи нарубили, пока ихъ самихъ иззубрили;—пики витязей многихъ на вѣкъ укротили, пока ихъ самихъ сократили; — копья много животовъ прободали, пока самихъ окарнали.—Затряслася земля, трепещетъ и рдѣетъ, стыдливая, точно невѣста краснѣетъ. — Витязей раненныхъ съ поля много бѣжало,—на утекъ, въ груди у нихъ сердце лежало. — Посреди обломковъ, богатыри лежатъ пораженные, и тѣломъ и духомъ въ пухъ и прахъ сокрушенные. — Тутъ лихоимецъ иной свой животъ не на ростъ положилъ, а свою родную головушку въ рѣзъ голому мечу продурилъ.—Отъ криковъ и воплей наши сердца содрагались, ужасъ и скорбь у всѣхъ на лицѣ отражались.—Кони безъ всадниковъ бѣшено мчались, какъ угорѣлые на изгороди стремглавъ натыкались.—А стрѣлóчки-соколики все на добычу летаютъ, быстрѣе чѣмъ настоящіе соколы съ неба птицъ перелетныхъ сбиваютъ.—Много головъ на пики низалось, черными тучами къ небу пыль все взвивалась, — дымчатымъ покровомъ его застилая, и свѣтлое солнце отъ глазъ сокрывая. — Рѣки выступили изъ крутыхъ береговъ, треснули горы до самыхъ основъ.—А витязи другъ друга все вызываютъ: огненныя стрѣлы все по полю пущаютъ.—Носятся кони быстрѣе грозы, взовьются вдругъ на дыбы,—то мечутся въ сторону со страху они, завидѣвъ какъ по пикамъ блуждаютъ смерти огни.—Мечи точно спѣшатъ мяса побольше рубить, въ тризну, на славу, волковъ въ голодной степи угостить.—Какъ змѣи, луки тугіе въ мощныхъ рукахъ изгибались, и стрѣлы съ ихъ устъ шипя разлетались,—словно змѣиные гады быстро со всѣхъ сторонъ выползаютъ, когда ихъ изъ норъ вызываютъ. — Среди бѣлаго дня созвѣздіе смерти на небѣ ярко горѣло, а на землѣ у людей въ глазахъ совсѣмъ потемнѣло.—Битва облакомъ благодат-

нымъ по всей степи разгулялась; до сыта, наконецъ, жадная земля крови насосалась. — Въ голой степи на долю волковъ, нынѣ вдоволь хватитъ сочныхъ кусковъ.—Хотя у пикъ рта не видать, а также съумѣли много крови насосать.—А богатыри горемычными бабами стали, какъ у нихъ крови поотняли.—Вопли страждущихъ предъ успокоеньемъ могильнымъ, точно крики родильницъ на сидѣньи родильномъ.—Посредникомъ смерть у порога торчитъ, безъ языка и безъ устъ, а все зоветъ и ворчитъ; — языки, умирающимъ стиснувъ въ клещахъ, смерть смотритъ жадно, какъ у нихъ темнѣетъ въ очахъ. — Отъ призыва ея чернѣютъ тѣла остывая, словно на морозѣ труба дымовая.—Пламя войны хотя ужь подъ пепломъ горитъ, ненасытная смерть все надъ полемъ паритъ; — сама безъ зрачковъ, а добычу свою не она проглядитъ, за каждымъ ударомъ жадно и зорко слѣдитъ. — На всѣхъ длинную руку свою налагаетъ, сама безъ языка, а вѣдь всѣхъ поучаетъ. — Окончилась битва и итогъ подведенъ, мечъ мести вернулся подъ охрану ноженъ;—одни торжествуютъ праздникъ побѣды, а на долю другихъ одни досталися бѣды. — Вѣтеръ быстро пыльный туманъ разгоняетъ, и солнышко снова на небѣ сіяетъ. — Сколько рушилось горъ высокихъ, сколько плечъ сокрушилось широкихъ.—Мечи ожерельями жемчужными многихъ богатырей наградили, и, въ очищенье, многою кровью алчную землю они ублажили. — Много погасло факеловъ ярко горѣвшихъ, въ огнѣ очищенья истлѣвшихъ. — Тутъ и мы собрались, по назначенію идти поднялись — на родинѣ, съ честью и въ мирѣ, свой вѣкъ доживать, про былыя невзгоды среди друзей вспоминать. — Отъ побіенныхъ мы отошли къ побивающимъ, отъ пораженныхъ мы перешли къ поражающимъ.—Тутъ немного души свои отвели, и затѣмъ до мирнаго пути подъ надежнымъ щитомъ побрели.

297—298. Туигорькнязьвысѣдѣизъсѣдлазлатаавъсѣдлокощіевоунышавоградомъзабралыавеселіепониче.

§ 67. Въ заключеніе своего послѣсловія сочинитель упоминаетъ объ унынiи Русскихъ городовъ вслѣдствіе пораженія.

«Бо» описка вмѣсто «по».

«Забрало» валъ (propugnaculum), башня, стѣна (Миклошичь).

Въ дополненіе къ моимъ выпискамъ о Троянскихъ преданіяхъ, пользуюсь свободными страницами, чтобы представить читателю самыя любопытныя преданія, особенно важныя для исторіи Русскаго племени, сохранившіяся во Франкской лѣтописи Фредегара, составленной въ 650 году, и въ хроникѣ, составленной въ 725 году— Gesta Regum Francorum.

Von den Frankenkönigen, die vor alter Zeit gelebt haben, schreibt der heilige Hieronymus, und die Geschichte des Dichters Virgilius erzählt *), zuerst sei Priamus König der Franken gewesen, als Troja durch die Ränke des Ulysses fiel, dann seien sie von dort ausgezogen und hätten später einen König mit Namen Friga gehabt, bis endlich eine Spaltung unter ihnen ausgebrochen sei, und der eine Theil nach Macedonien gegangen wäre, die Andren unter dem Könige Friga, die sich Frigier genannt hatten, aber Asien durchzogen und sich am Ufer der Donau und der Küste des Weltmeers niedergellassen hätten. Dann theilten sie sich von Neuem, und ein Theil von ihnen zog unter dem König Francio mitten nach Europa hinein. Sie durchzogen Europa, liessen sich mit ihren Weibern und Kindern am Ufer des Rheins nieder und fingen nicht weit vom Rheine nach dem Muster von Troja an eine Stadt zu bauen, die sie auch Troja nannten. Der Bau blieb aber unvollendet liegen. Die aber an dem Gestade der Donau zurückgeblieben waren, wählten sich einen König mit Namen Turchot und wurden nach ihm Turken genannt. Die Andren dagegen, die nach Francio Franken hei-

*) Переводчикъ замѣчаетъ весьма наивно что у Виргилія о франкахъ ни полъ слова. Лѣтописецъ говоритъ о предкахъ Енея, и отождествляетъ франковъ съ Троянами поселившимися на Дону. Дѣло не въ исторической достовѣрности преданія а существованіи его въ VII и VIII столѣтіяхъ и распространеніи его по всей Европѣ, въ Англіи, Франціи и Славянскихъ земляхъ, весьма согласно обозначая отступленіе части Троянъ послѣ Троянскаго погрома на Донъ и на Дунай. О правильности объясненіи имени франковъ ср. стр. 126.

sen, lebten lange Zeit hindurch unter Herzogen und beugten sich niemals unter der Herrschaft fremder Völker» (Fredegar).

«Die Anfänge, die Herkunft und die Thaten des Frankenvolks und seiner Könige will ich erzählen.—Es liegt in Asien eine Stadt der Trojaner, die Ilium genant wird, wo einst König Aeneas herrschte. Und das Volk war tapfer und stark, kriegerische und trotzige Männer, die zu Kampf und Streit herausforderten nnd alle ihre Nachbarn im Umkreis bekriegten. Es erhoben sich aber die Könige der Griechen gegen den Trojanerkönig Aeneas und führten ein grosses Heer in das Feld. Es kam zur Schlacht nnd entstand ein grosses Blutbad, in dem der grösste Theil der Trojaner das Leben verlor. Daher ergriff König Aeneas die Flucht und schloss sich in den Mauern von Ilium ein. Die Griechen belagerten zehn Jahre die Stadt, und als sie dieselbe endlich einnahmen, floh König Aeneas mit den Seinen nach Italien, um dort Leute in Sold zu nehmen, die ihm Beistand leisten könnten. Andre aber von den Grossen der Stadt machten sich mit dem Reste des Trojanischen Heres auf die Flucht, mit 12000 Mann stiegen sie zu Schiffe und kamen an das Gestade des Flusses Tanais. Dann gingena sie in die Mäotischen Sümpfe und gelangten bis zu den Grenzen Panoniens. Hier in den Gegenden an den Mäotischen Sümpfen, liessen sie sich nieder und erbauten zu ihrem Gedächtniss eine Stadt, die nannten sie Sicambria. Und sie wohnten lange Jahre daselbst und erwuchsen zu einem grossen Volke.

Zu jener Zeit regierte Kaiser Valentinianus das römische Reich, gegen den stand damals das wilde und böse Volk der Alanen auf. Darauf bot er seine Truppen auf, führte ein starkes Heer von Rom aus gegen sie, besiegte sie in einer Schlacht und gewann den Sieg. Die Alanen flohen aber, als sie geschlagen waren, über die Donau und begaben sich nach den Mäotischen Sümpfen. Da sagte der Kaiser: «Wenn jemand sich in die Sümpfe wagen und dies böse Volk von dort vertreiben wird, so will ich ihm zehn Jahre lang den Tribut erlassen». Die Trojaner thaten sich alsbald zusammen, lauerten den Alanen, wie sie des Ortes kundig waren, heimlich auf, gingen von einem römischen Heere begleitet in die Sümpfe, vertrieben sie von dort. uud machten sie mit der Schärfe des Schwerdtes nieder. Darauf nannte Kaiser Valentinianus sie

Franken, das ist ein attisches Wort, welches übersetzt: die Wilden heisst, denn sie waren trotzigen und unbeugsamen Sinnes.

Nach Verlauf von zehn Jahren schickte der Kaiser aber Steuerbeamte ab und mit ihnen den Herzog Primarius von dem römischen Senate; die sollten den Tribut wieder von den Franken fordern, den er ihnen vo lange erlassen hatte. Sie machten aber, wie sie grausame und unmenschlichen Sinnes waren, einen bösen und treulosen Anschlag unter einander: «Der Kaiser konnte mit seinem Römerheere die Alanen nicht aus ihrem Verstecke in den Sümpfen verscheuchen, als sie ider ihn aufstanden. Wie werden denn wir ihm den Tribut zahlen, die wir jene besiegt haben? Wir wollen uns gegen diesen Primarius und seine Steuerbeamten erheben, sie überfallen, tödten und ihnen Alles nehmen, was sie haben. Den Römern aber wollen wir den Tribut nicht zahhlen. So werden wir immerdar freie Leute sein». Darauf lauerten sie jenen auf und tödteten sie.

Da dies der Kaiser hörte, wurde er überaus zornig und beschloss nicht nur das Heer der Römer aufzubieten, sondern auch Hülfstruppen von andren Völkern gegen jene zu senden, und an die Spitze des Heeres stellte er seinen Kriegsobersten Aristarcus. Das Geer brach gegen die Franken auf, und es kam zu einer grossen Schlacht, in der auf beiden Seiten viel Blut vergossen wurde. Da aber die Franken sahen dass sie der Uebermacht nich gewachsen seien, flohen sie, nachdem sie schon Viele der Jhren verloren hatten. Es fiel dort auch ihr Herzog Priamus, ein sehr tapferer Mann. Und sie zogen von Sicambria aus und kamen an die äussersten Enden des Rheinstroms zu den Städten von Germanien, liessen sich dort nieder unter ihren Fürsten Marchomir, Priamus Sohn, und Sunno, Antenors Sohn, und wohnten lange Jahre daselbst. Nach Sunnos Tod gingen sie zu Rath, dass sie unter Einer Herrschaft stehen und Einen Fürsten heben möchten, und sie fragten auch Marchomir um seine Meinung, ob sie nicht lieber Einen König haben sollten, wie die andren Völker. Er rieth ihnen dazu und sie wählten Garamund, Marchomirs Sohn, uud erhoben ihn über sich zu ihrem gelockten König. Damals fingen sie auf an ihr Gesetz zu haben, das die ratherfahrensten Männer im Volke, Wisovast, Wisogast, Arogast und Salegast in den Höfen Bodecheim und Widecheim, die jen-

seist des Rheins in Germanien liegen, feststellen *) (Gesta Regum Francorum).

Обѣ выписки заимствованы изъ приложенія къ нѣмецкому переводу Григорья Турскаго, Zehn Bücher Fränk. Gesch. vom Bischof Gregorius von Tours übersetz von Wilhelm Giesebrecht. Berlin, 1851. т. II, стр. 268 и 282.

Съ XVII столѣтія критическая школа начала подсмѣиваться надъ претензіей о Троянскомъ происхожденіи, заявляемой писателями почти всѣхъ Европейскихъ народовъ. Этотъ аргументъ совершенно несостоятеленъ, потому что всѣ претензіи сливаются въ одно преданіе, самые варіанты поддерживаютъ другъ друга, и потому нѣтъ возможности сомнѣваться въ древности и въ единствѣ преданія. Сказаніе о Франкахъ, передаваемое Фредегаромъ или его современникомъ, безъименнымъ писателемъ VII столѣтія, говоритъ о переходѣ Троянъ на Азовское море и распространеніи племени по Дунаю, въ Панноніи. Одна Норманская легенда (Guillaume de Jumièges: Histoire des Normands, l. I, cap. IV) говоритъ, что Норманы произошли отъ Готѳовъ, вышедшихъ изъ Сканціи и поселившихся въ Даціи, называемой также Даніей. Выходцы эти, послѣ разоренія Трои, подъ предводительствомъ Антенора поселились въ Даніи и дали этой странѣ имя Данемарка.

Benoit de St.-More, въ началѣ Нормандской хроники:

Icist Daneis cist Dacien
Se rapeloent Troien,
E dirai vos en l'achaisun:
Quant cravantez fu Ylion
Si n'fu exilliez Antenors...

Въ одномъ Скандинавскомъ сказаніи (Edda Islandorum. Hafniae, 1565) въ предисловіи и послѣсловіи говорится, что сыновья Одина построили городъ Азгордъ, называемый Троя, обитель боговъ; въ послѣсловіи онъ объясняетъ, что свѣтопреставленіе и всеобщій пожаръ, описываемый въ Эддѣ, долженъ быть принимаемъ за сожженіе Трои.

Dudon de St.-Quentin, лѣтописецъ начала XI столѣтія, говоритъ,

*) Aus dem Prolog des Galischen Gesetzes entlehnt.

что Даки, или Данаи, и Даны, ведутъ свой родъ отъ Антенора «qui quondam Trojae finibus depopulatis mediis elapsus Achivis Illyricos fines penetravit cum suis».

Не слѣдуетъ забывать, что всѣ древнѣйшіе нѣмецкіе лѣтописцы единогласно признаютъ Русскихъ за Нормановъ, а Нормановъ за Датчанъ, отдѣляя вмѣстѣ съ тѣмъ народъ Русскій отъ Датскаго.

Троянское происхожденіе Нормановъ было причиной въ Англіи, почему Бретонцы ожидали Нормановъ какъ соплеменныхъ избавителей. Родословіе Бретонское рознится отъ родословія Норманскаго. Nennius, писатель VIII — IX столѣтія говоритъ: «Brito vero filius Silvii, filii Ascanii, filii Aeneae, filii Anchisae, fili Capen, filii Assaraci, filii Tros, filii Erictonii, filii Dardani, filii Jovis de genere Cain, filii maledicti videntis et ridentis patrem. По рукописи BB., за этими словами слѣдуетъ: «haec genealogia non scripta in aliquo volumine Britanniae, sed in scriptione mentis scriptoris fuit».

Польское родословіе у Кадлубка весьма похоже на родословіе Бретонское (§ 11, стр. 103).

Giraldus Cambrensis de illaudabilibus Walliae говоритъ о непрерывномъ воспоминаніи Валлійцевъ о ихъ Троянскомъ происхожденія.

Масса выписокъ о Троянскихъ реминисценціяхъ въ Западной Европѣ сосредоточена въ комментаріи издателя Троянскаго романа Benoit de Ste.-More, A. Joli. Paris. 1870—1871. P. I, ch. III: Les traditions Troyennes dans l'antiquité, en France, en Normandie et en Angleterre стр. 109—145.

Троянскія реминисценціи перенесены были изъ Малой Азіи Галльскими племенами, населявшими часть Малой Азіи и Ѳракіи еще въ I столѣтіи по Р. Х. Смѣшеніе Галльскихъ племенъ съ Ѳракійскими и Иллирійскими было такъ сильно, что трудно было распутать свѣдѣнія о поселеніяхъ этихъ племенъ. Самыя имена Венетовъ, Бельгіевъ и Болгіевъ общи племенамъ Романскимъ и Славянскимъ, и донынѣ возбуждаютъ полемику между этнографами. Страбонъ давно развязалъ этотъ узелъ. Франкъ II возвращается изъ Паннопіи съ золотою лиліей на голубомъ знамени. Тѣ же лиліи на-

ходятся въ гербѣ Сербіи. Весьма можетъ быть, что и на окладѣ Реймскаго Евангелія изображены были Сербскія лиліи.

Въ главѣ VIII (стр. 524 и слѣд.) Joly обозрѣваетъ ходъ Троянскихъ сказаній послѣ XIII до XVII столѣтія. Политическое значеніе этого сказанія въ XVI столѣтіи выражается весьма рельефно въ Illustrations des Gaules et antiquités de Troie par Jean Le Maire. Lyon. 1509: «attendu, que la glorieuse resplendissance presques de tous les Princes qui dominent aujourd'hui sur les nations occidentales consiste en la rememoration veritable des hauts gestes Troyens». Главное побужденіе, заставившее Лемера писать эту исторію, это опасная «décadence et dépravation rugeuse d'une si noble histoire».

Поэтическія сказанія народовъ, передававшіяся изустно и имѣвшія свое основаніе, въ поклоненіи Ахиллесу на Азовскомъ морѣ имѣли несомнѣнно цѣли политическія, для поддержанія народнаго духа, и преимущественно поселенія въ памяти народной религіозной привязанности къ нѣкоторымъ стратегическимъ пунктамъ, разсматривались и обсуживались съ совершенно ложной точки зрѣнія. Въ этихъ же поэтическихъ преданіяхъ несравненно болѣе знанія и точности, чѣмъ бы слѣдовало ожидать, и они могли быть отвергаемы лишь вслѣдствіе крайняго невниманія ученаго міра ко всѣмъ историческимъ и поэтическимъ памятникамъ, не принадлежащимъ къ блистательной эпохѣ Аѳинъ и Рима. Между племенами, удалившимися на Азовское море вслѣдствіе погрома близь Дарданеллъ, поддерживалось стремленіе къ возвращенію на пунктъ, важный даже для рыболововъ. Турко-Руссы Арабскихъ писателей соотвѣтствуютъ вполнѣ этой общинѣ, находящейся и нынѣ въ связи съ Романскимъ и Турецкимъ населеніемъ на Дунаѣ и скромно подвизающейся отъ Дона до Мраморнаго моря, на своемъ древнемъ поприщѣ. Исторія Славянскихъ, Романскихъ и Тюркскихъ племенъ втеченіи тысячелѣтій вращалась около пункта не даромъ названнаго Троіей. Присутствіе донынѣ трехъ кочевыхъ народовъ въ близкомъ сосѣдствѣ въ Малой Азіи: Арійскаго (Курды), Семитическаго (Арабы) и Тюркскаго, есть живой протестъ противъ системы, направленной для уничтоженія довѣрія къ библейскимъ преданіямъ. Кромѣ того, не

мало способствовало затмѣнію вопроса и мнимое германство Кельто-Галловъ.

Не лишнимъ считаю оговорить, что суть дѣла не въ весьма сомнительномъ происхожденіи разныхъ Европейскихъ племенъ или родовъ, но въ существованіи древнихъ преданій у этихъ народовъ, связанныхъ съ ихъ религіозными вѣрованіями, имѣвшими несомнѣнно цѣлію возбуждать въ этихъ племенахъ стремленіе къ защитѣ или къ возвращенію тѣхъ стратегическихъ и торговыхъ пунктовъ, которые освящены были какъ мѣста поклоненія.

Это соображеніе наводитъ на мысль, что Троянскія преданія и родословныя басни были преимущественно распространяемы сектами, гонимыми въ Западной и Восточной Имперіяхъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что таинственныя сказанія объ Артурѣ находится въ связи со сказаніемъ о происхожденіи Чингисъ-Хана (срв. стр. 514).

Важный пунктъ для объясненія связи между Востокомъ и Западомъ есть Боснія, въ которой разыгрывалось не мало эпизодовъ, передаваемыхъ намъ Бретонскими и Романскими сказаніями о Гралѣ. Краткія, но любопытныя свѣдѣнія о Богумилахъ (Катары и Патарены), собраны архимадритомъ Раичемъ въ его превосходной компиляціи: Краткая Сербліи, Рассіи, Босны и Рамы, Кралевствъ Исторіа по плану Вилхелма Гуѳри и Іѡанна Граѵ и по иныхъ ученыхъ англезовъ, и т. д., преведенная и краткими примѣчаніями изясненная Іоанномъ Раичемъ, архимандритомъ. Въ Віеннѣ, 1793 (стр. 166—170):

«По смерти Імператора Мануила Унгарскій Краль Бела паки завоевалъ въ л. 1180 вся погубленныя Іллѵріческія земли и опредѣлилъ надъ Босною или Рамою Бана нѣкоего Кулина. Онъ на толико возвелъ отечество свое, что Босняки и до нинѣ Кулиново время Златымъ временемъ своего Царства обыкли називати. Сій Кулинъ призвалъ въ землю свою многія иноземци искусныя, и необитаемыя луги въ обитаемыя веси и села претворилъ. Устроилъ онъ рудокопіе желѣза въ горѣ Іакотина близъ Сараева, и въ залогъ далъ двоимъ Рагузинскимъ купцемъ, которіи въ защищеніе свое замокъ Дубруникъ воздвигли. Заступился онъ за сосѣдныя

велможи, которыхъ домъ Неманинъ нововладѣющій удручалъ, и защищалъ ихъ помощію Рагузиновъ въ л. 1194, неточію Пердику, котораго Хелмци или Захлуми при нѣкоей крамолѣ противъ ихъ Неманскаго землевладѣлца за своего Графа избрали: но и Стефана вѣнчаннаго принудилъ область Сремскую, которую онъ отнялъ отъ Херцогини Урици въ л. 1194 паки возвратити въ л. 1200. Премѣнилъ Онъ мнѣніе свое яко во исповѣданіи вѣри, тако и въ разсужденіи Неманинскаго Хелмскаго дому. Зане онъ обручился бѣ со сестрою Неманинвою, которая чрезъ своего перваго супруга во исповѣданіе Патареновъ введена была, и самъ по навѣщанію ея къ таковомужъ исповѣданію приступилъ.

Якоже во исторіи сей много о Патаренахъ пишется, тако и въ житіи святаго Саввы повѣствуется, что онъ еретики изъ отечества своего изгналъ. А какови были тіи еретики и чему учили, о томъ невоспоминается. Видно, что онибыли сіиПатарени. Потребноубо видится сокращеннѣ посмотрѣти исторію людей сихъ. Патарени сіи подъ различными наименованми описуются, наипаче же подъ именемъ Албигензовъ, Каѳарелловъ, Владензовъ и Леонистовъ. Они начались во Италіи, таже появилися и въ Булгаріи, Боеміи, и разсѣялися по всюду, были же весма опасны Папскому престолу. Они називали себе христіанами (въ Константинополиже и Болгаріи Богомилами), жили они между собою и съ прочими людми мирно, въ торговляхъ правдиво, и во всемъ показивали себе не точію яко добрыя граждани, но были еще смиренни, праведни, добродѣтелни, цѣломудренны и добріи други и сосѣди. О наукахъ пеклися, въ наученіи трудолюбни и безмездни, и во всемъ непорочнаго житія, и зато многихъ отвели за собою. (Тако описуютъ ихъ Протестантскіи Историки). Распустное Далматское Духовенство, все почти Римское, ненавидѣли ихъ и гонили яко еретиковъ; и восписывали имъ, что они суть Манихеи, два начала доброе и злое пріемлющіи, что отмещутъ ветхій завѣтъ, яко діаволское дѣло, и иная таковая. Сіе обаче извѣстно есть, о чемъ они учили, что Мисси, посвященіе людей и вещей, пусты и милостыни монастыремъ, церкви и олтары, приношенія за усопшыхъ, почитаніе, и призиваніе святыхъ, приватное исповѣданіе, індулгенціи (отпущеніе грѣховъ пѣняжное) крестомъ знаменіе,

отрицанія демоновъ, или экзорцисмы, процессіи или литіи, и догматъ о пресуществленіи, и пургаторіи, и ключей вязанія и рѣшенія неключима суть, и иная таковая учили. Таковая ихъ изволенія и догмати со всѣмъ противны были Римскому престолу. За то онъ чрезъ подручное священство свое и вѣрныя своя угнеталъ и гонилъ ихъ повсюду, но елико они гонимы были, въ Босни, толико болми возрастали паче же въ Босни, тутъ же и многая претерпѣли. И оттуду промклися въ Сицилію, Францію, иныя страны.

За искоренити Патарени сія заключили не точію Папа, но и Краль Унгарскій силу и хитрость употребити. На то послалъ Папа своего посланика Аконтіа, а Унгарскій Краль Андрей поставилъ нѣкоего Себислава ревниваго Римокатолическаго Немешца Баномъ въ Боснѣ въ л. 1219. Оба послужили своимъ верховнымъ Повелителемъ вѣрно, обаче первый (Аконтій) истощивъ толико сили своя препираяся съ Патаренскими учители, что въ третіемъ лѣтѣ трудовъ своихъ палъ и умерлъ. Краль же Унгарскій Андрей зѣло благоговѣйный Каѳолическій Христіанинъ потомъ отправилъ въ л. 1222 Колоцкаго архіепископа въ Босну, по и той обрѣлъ Патарени упрямыя, оставя нѣкія по себѣ духовныя своя ко обращенію ихъ отъишелъ оттуду. Паденіе Босанскихъ Римокатоликовъ видѣлося близъ быти: того ради примыслилъ Краль воспященіе того, опредѣлилъ на то крестовое воинство, и Колоцкому архіепископу Угрину полную власть далъ надъ употребленіемъ оружія, къ тому отдалъ ему всю Босанскую землю, которую онъ въ брани съ Патаренами приобрѣтетъ. Сіе подстреканіе толь сильно возбудило архіепископа вновь пойти въ Боснію, и запеже онъ лучше разумѣвалъ ратованіе свѣтское, нежели духовное, то побѣждени были Патарени, и архіепископъ досталъ въ л. 1225, яко господинъ и притяжатель Босанскія предѣлы Бозна, Сой и Фосору. Папа послалъ многія Доминиканскія монахи за колоцкимъ воинствомъ, и тіи весма скоро окончали мечемъ погребенное обращеніе. Коломанъ младшый сынъ Краля Андреа, который отъ греческихъ единовѣрныхъ изъ своея Рускія или Лодомерскія области изгнанъ былъ, за то купно же и за благоговѣйнство заключилъ вся Церкви непризнавающыя Папино господство загладити. По сему жестокому опредѣленію Патарени претерпѣли много,

и епископъ ихъ прогнанъ былъ изъ земли, на повелѣніе Николы Бана Кулинова сына. Тому бывшу Доминикани рапсолзлися въ л. 1234 по Славоніи, Далмаціи, Истріи и Кранской, дабы вся Патарени изъ всѣхъ странъ искоренити. Вторый Босанскій Банъ Севиславъ пріимъ силу и крѣпость епископскую столицу устроити и добрами оградити, всего себѣ на произволеніе отдалъ Папы. За-то и Папа нареклъ нѣкоего нѣмецкаго Доминикана именемъ Іоанна Панза за Босанскаго епископа, поставилъ же его за своего легата и полководца надъ Унгарскими крестовими полками имущими бра-тися съ Патеренами: но онъ отложилъ тое немного потомъ, въ л. 1240. Главнѣйшій защитникъ его Коломанъ погибе. Вся сія внутренняя разоренія производима была Бану смотрящу тако аки связанну. Злу сему горшый конецъ поставили Моголскіи Татари, которіи все царство разорили въ л. 1241 до 1243, подъ пред-водительствомъ Угадай Хана, который вся Іллvріческія провин-ціи сокрушалъ. Тако Угадай Католиковъ Римскихъ и Патареновъ распрямъ конецъ положилъ.

Колоцкій епископъ Бенедиктъ (Раичь. 171) интересная личность. О Воеводѣ Бенедиктѣ упоминается въ Ипат. л., какъ о жестокомъ томителѣ во Львовѣ (см. § 118 стр. 482). Противъ него на-правлена была книжникомъ Тимоѳеемъ повѣсть объ Антихристѣ, повліявшая кажется на слово противъ патріарха Никона.

Архимандритъ Раичь говоритъ о Патаренахъ съ сочувствіемъ, опираясь на мнѣнія протестантскихъ писателей; но взглядъ этотъ принадлежитъ ему лично, ибо онъ заявляетъ, что все несогласное съ истиной онъ или опускаетъ вовсе или оговариваетъ въ отдѣль-ныхъ примѣчаніяхъ. Распространеніе Патаренъ (Катаровъ и Богу-миловъ) должно было быть въ связи съ распространеніемъ мисти-ческихъ пѣсенъ въ Южной Франціи, Бретаніи, Сербіи и Россіи. Кастратство, державшееся въ школахъ пѣнія до нашего столѣтія, существовало и въ Восточной Имперіи. Архимандритъ Раичь раз-сказываетъ неудавшееся сватовство Греческой принцессы съ млад-шимъ сыномъ короля Уроша, Милутиномъ, напоминающее Офенба-ховскую оперетку «Les Brigands» (стр. 75): «Служители принцесини чрезъ непроходимыя лѣси, и ненаселенныя страни промежъ лѣсныя

разбойники въ сербскій дворецъ пришли, и необрѣли въ немъ пристойна мѣста ради вещей съ собою принесенныхъ. Того ради распяли драгоцѣнныя полати (шатори) и раздѣлили тыя между придворными дамами, скопцами или пѣвчими и прочими придворними».

Въ разныхъ частяхъ моего изслѣдованія разбросаны выписки съ цѣлью разъяснить вліяніе сектъ на составленіе значительной части такъ называемыхъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, сохранившихъ въ памяти народной древнѣйшія сказанія если не въ совершенной ихъ первобытной чистотѣ, то несомнѣнно съ большею вѣрностію, чѣмъ въ памятникахъ классическихъ. Весьма понятно, что классическіе беллетристы не обращали вниманія на сущность мѵѳа и весьма часто не понимали религіознаго значенія оныхъ. Съ другой стороны, было-бы весьма неправильно отрицать вліяніе церкви на распространеніе общечеловѣческаго образованія въ монастырскихъ школахъ. Въ Сербской исторіи Архимандрита Раича, на стр. 71, говорится: «Серблія уже издревле имѣла Епископію зависящую отъ Греческія церкве. Епископство сіе по вѣнчаніи краля, смертію нѣкоего Стефана праздно остало, и зато Саввы данно, которіи въ томъ Епископатѣ дванадесять монастырей, и во всякомъ Епископскую столицу устроилъ и о тѣхъ попеченіе имѣлъ, дабы въ тѣхъ, якоже и въ прочихъ монастырехъ кромѣ юношъ къ духовному чину готовящихся, равнѣ и мірстіи благородніи Сербли наставляеми были. Присовѣтывалъ онъ многія мірскія юноши дабы въ монастырь въ горѣ Аѳона учитися пошли. Заповѣдавъ при томъ учителямъ, дабы богатыя юноши или біеніемъ, или непристойними словами къ нуждныхъ вещей наученію непринуждали».

На стр. 65 у Раича сказано, что Нѣмань во второй половинѣ XII столѣтія основалъ многіе монастыри ради монаховъ, «особеннѣ же школу ради подданныхъ своихъ, или монастырь Хиландаръ въ горѣ Аѳонской» по чину Св. Василія. Здѣсь кстати замѣтить что Монастыри, учреждаемые въ Россіи по уставу св. Василія, держались правилъ св. Ѳеодора Студитскаго, предписывавшихъ допущеніе мірскихъ учениковъ въ монастырскія школы. «Cujus modi fuere scholae a Theodoro Studita institutae (in quibus pueri seculares extra claustrum a monachis literis instituebantur), de quibus Scriptor

Vitae Nicolai Studitae ed. a Combefisio, pag. 895 (Ducange, s. v. Scholae Monasticae). Въ монографіи г. Успенскаго о Никитѣ Акоминатѣ (С.-Петербургъ, 1874) весьма обстоятельно изложены свѣдѣнія о классическомъ направленіи Византійскихъ школъ. Это настроеніе не могло не имѣть вліянія на епархію Кіевскую. Судя же по популярности Троянскихъ сказаній во всей Европѣ, и въ Словенскомъ мірѣ, независимо отъ Греческаго вліянія, слѣдуетъ предполагать существованіе другаго, обильнѣйшаго, нынѣ отчасти утраченнаго источника.

Повѣсть Филострата о Герояхъ Троянскихъ сказаній весьма явно указываетъ на существованіе школы рапсодовъ въ связи съ поклоненіемъ Ахиллесу и Еленѣ на Черноморскомъ островѣ. Его слова о пѣсняхъ, слагаемыхъ Ахиллессомъ, его сподвижниками и самымъ Гомеромъ и (§ 119, стр. 502) приводимые имъ стихи Ахиллеса не дозволяютъ сомнѣваться въ основательности этого вывода. Русская сказка о семи Семіонахъ, совершенно опредѣлительно обозначаетъ составленіе на этомъ островѣ сказокъ и пѣсенъ. Соловей Будиміровичь называетъ тѣже острова кодолскими и указываетъ на сочетаніе припѣвокъ кодолскихъ островов съ тонами Іерусалимскими и Новгородскими. Страбонъ упоминаетъ вскользь о существованіи пѣвцовъ: жрецовъ, законовѣдовъ и историковъ въ средѣ воинственныхъ племенъ обитающихъ на Черномъ морѣ. Вслѣдствіе большаго развитія письменности на Западѣ, сохранились весьма важныя показанія о существованіи поэтической школы на юго-западѣ Европы, сохранившей связь съ древнимъ языческимъ міромъ. Существованіе подобнаго учрежденія у Сербовъ и Русскихъ не можетъ подлежать сомнѣнію, судя по наличному запасу поэтическихъ и весьма разнообразныхъ памятниковъ, сохранившихся въ памяти народной между Славянскими племенами и преимущественно у Сербовъ и Русскихъ. Гервазіусъ фонъ-Тильбургъ, канцлеръ Императора Оттона IV, посѣщавшій Неаполь въ 1191, и епископъ Конрадъ Гильдесгеймскій, канцлеръ Императора Генриха VI, находившійся въ тоже время въ Неаполѣ, говорятъ о чародѣяніяхъ Виргилія. Въ жизнеописаніи Виргилія, XV столѣтія, распространенномъ во Франціи, Англіи и Голландіи, говорится, что Виргилій посвященъ былъ

въ чернокнижіе дьяволомъ, освобожденнымъ Виргиліемъ изъ скалы, въ коей духъ былъ заклепанъ, и куда его Виргилій снова заключилъ. Древняя стѣна на оконечности Позилипа доселѣ называется *школой Виргилія*. Самая пещера Позилипа была прорублена чрезъ скалу, отдѣляющую Позилипо отъ Бай, въ одну ночь съ помощью духовъ. Во второй половинѣ XII столѣтія одинъ Англичанинъ получилъ дозволеніе отъ короля Сицилійскаго Рожера вырыть его кости. Канцлеръ Гервазіусъ получилъ отъ кардинала Іоанна Неаполитанскаго, выписки изъ книги, найденной англичаниномъ при бренныхъ остаткахъ Виргилія.

Въ состязаніи на Вартбургѣ упоминается о Забулонѣ, по женской линіи Евреѣ а по мужской язычникѣ, прорицавшемъ за 1200 л. о Рождествѣ Христовѣ. Этотъ Забулонъ довольно любопытная передѣлка изъ Замолксиса Геродотова. Книга Забулона, похищенная и скрытая чародѣемъ, была найдена Виргиліемъ. О средневѣковыхъ басняхъ о Виргиліи вкратцѣ упоминаетъ Санъ-Марте въ прим. на книгу XIII. 656. Парцивала Вольфрама фонъ-Ешенбахъ съ ссылкой на Genthe, Publius Virgilius Maro. zehn Eklogen. zweite Ausgabe, Leipzig. Что касается до связи, существующей между Неаполитанскими, Норманскими и Дунайскими сказаніями, съ древнѣйшими классическими, изложено въ указателѣ подъ словомъ Кабала.

Связь юго-западныхъ пѣвцевъ съ Дунайскими выражается въ Клиншорѣ, пѣвцѣ короля Венгерскаго, принимавшемъ участіе въ Вартбургскомъ состязаніи. Этотъ Клиншоръ потомокъ Неаполитанскаго Клиншора, Герцога Terre de Labour, Terra di Lavoro въ Калабріи, скопца и племянника Виргилія.

На единство мистическихъ школъ, что касается до главныхъ основаній, въ Западной Европѣ и въ Россіи указываетъ обозначеніе происхожденія Забулона отъ Еврейки и язычника, что вполнѣ соотвѣтствуетъ согласованію Соловьемъ Будиміровичемъ, тоновъ Іерусалимскихъ съ Новгородскимъ и припѣвками кодолскими. Эти намеки далеко не единственные ни въ западныхъ басняхъ, ни въ нашихъ.

На стр. 258, въ подстрочномъ примѣчаніи, опечатка: Galischen вмѣсто Salischen.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ КНЯЗЬЯМЪ.

Воззваніе перепутано, отчасти можетъ быть и намѣренно, для болѣе реалистическаго изображенія престарѣлаго, огорченнаго и говорящаго сквозь слезы Святослава. Слова, принадлежащія къ § 74, переставлены въ § 75, вѣроятно понедоумѣнію переписчика или слѣдствіе какой-либо случайности, коей могла подвергнуться рукопись. Рѣчь, обращенная Святославомъ къ Игорю и Всеволоду, перебита вставкой о войскѣ Ярослава Черниговскаго. По первому изданію вставка эта находится между §§ 81 и 82. Здѣсь же подъ § 86.

Вслѣдъ за § 90, содержащемъ воззваніе къ Ярославу Галицкому, перепутанность воззванія къ князьямъ очевидна по историческому смыслу, хотя она *отчасти* могла быть и въ намѣреніи сочинителя. Подобная сбивчивость рѣчи понятна лишь при драматической обстановкѣ; при этомъ условіи Святославъ и Пѣвецъ обращались бы поочередно то къ одному, то къ другому лицу а самъ Святославъ обращался бы къ состоящимъ при немъ преставителямъ князей. Въ отвѣтъ на рѣчь В. Князя Пѣвецъ говоритъ отъ имени Россіи. Цифры §§ обозначаютъ предполагаемый порядокъ рѣчи, но здѣсь помѣщены по порядку текста 1-го изданія и отмѣчены Латинскими литерами: 92. A. 94. B. 95. C. 93. D. и 91. E. Слова въ § 95. C. очевидно отвѣтъ Поэта на отчаянное заключеніе рѣчи Святослава. Несомнѣнная перепутанность текста не объясняется изложенной догадкой; догадку эту можно допустить лишь относительно § 74 и 75. Необходимо предположить, что листки рукописи были переплетены неправильно и что самые листки были разорваны. Рукописи въ этомъ состояніи встрѣчаются весьма часто. Встрѣчаются и такія рукописи, которыя переписаны не въ порядкѣ съ оставленіемъ, мѣстами, порожнихъ страницъ для пополненія ихъ на досугѣ. Весьма понятно, какъ при этомъ нарушается порядокъ изложенія.

299—302. АСвѧтъславьмꙋтенъсонъвидѣвъКïевѣна-горахъсиночьсъвечераодѣвахътемѧречечрънoюпаполомоюнакроватытисовѣ.

§ **68**. Vestem ferens nigram infaustum somnium. Nicephori Oneirocriticon.

Στολην φορουν μελαιναν ου καλη θεα. Vestem ferre nigram non pulchrum est spectaculum. Astrampsychi Oneirocrticon.

πεπλος, πεπλομα, древнѣйшая форма, встрѣчается у Еврипида и Софокла. Покрывало, паплома по болгарски, попона. Тисъ—или негніючее дерево—Taxus baccata, зелепучка. (Анненковъ, Ботан. Слов. 155): Тисъ прямо соотвѣтствуетъ кедру:

И смѩрѧтъсѧ на всякѫ тисѫ Ливанскѫ. Паремейникъ Григоровича. Срезневскій.

303—305. Чръпахꙋтьмисинеевиносътрꙋдомьсмѣше-носыпахꙋтьмитъщимитꙋлыпоганыхътльковинъвели-кыйженчюгьналонoинѣгꙋютъмѧ.

§ **69**. Vinum mucidum (ῥυπωδης) declarat multos molestias. Astrampsychi Oneirocriticon. Si visus sibi fuerit collegisse vinum effusum, turbidum, ipsisque cum sordibus: diuturna ipsius erit adflictio, promora collectiones. Achmetis Oneirocritica, стр. 197.

Цирцея для Улисса приготовляетъ напитокъ изъ тертаго сыра, вина и меда; это смѣшеніе называлось κυκεων и приготовлялось также изъ вина, травъ, молока, и служило для укрѣпленія, освѣженія и очищенія желудка.—Sallengre говоритъ о смѣшеніи вина съ маленькими айвами, какъ о средствѣ чарующемъ, μαλον στρουθεον. Въ словарѣ Памвы Берынды отрута—лекарство: «напою тя отъ вина съ вонями строенаго отъ воды яблокъ моихъ» (Пѣснь пѣсней. Гл. II).

«Вино струтомъ смѣшано» слѣдуетъ, можетъ быть, понимать «съ айвами; на основаніи Пѣсни Пѣсней и объясненія Sallengre о чарующемъ дѣйствіи вина съ μαλον στρουθεον, тоже что μῆλον

στρούθειον—Birnquitte, coin, айва.—Στρουθός—Sperling, spats, и вообще птица. Прилагательное воробьиный, птичій, опредѣляетъ возбудительныя качества айвы.—Вино съ трутомъ смѣшанное соотвѣтствуетъ вполнѣ выраженію Астрампсихія vinum mucidum. если принять трудъ въ значеніи трутъ—Чешски trud, traud,—трутизна, въ лексик. Памвы Берынды—ядъ—трутъ—плѣснь.

Тъщета. Ζημία; Григ. Богословъ, пер. XII ст. κενος — суй, тъщь. Гр. Бог. по тому же переводу.

«Никто же васъ да не льститъ тъщими словесы (Слѣпчен. кн.); видѣша гробъ тъштъ тѣла (изъ Супр. Март. Чети-Минеи). Ζημια — вредъ, утрата, пагуба. Кажется въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слѣдутъ понимать выраженіе тощими.

Тулъ—колчанъ, pharetra, «тоулъ стрѣлъ исыпа (Миклошичь). Тулъ также φλομος, verboscum; tulawa, Сербски Pfeife aus Weidenrinde, Тулаица, узкая трубочка въ воронкѣ, тульакъ, труба для провода воды (Лавровскій). Тулы обозначаютъ въ пѣснѣ трубочки для храненія жемчуга.

Въ Лавр. Лѣтописи, подъ 6412 — 5 г.: «Иде Олегъ на Грекы... поя же множество Варягъ, и Словенъ, и Чюдь, и Кривичи, и Мерю, и Поляны, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятячи, и Хорваты, и Дулѣбы, и Тиверци, яже суть толковины: си вси звахувься отъ Грекъ Великая Скуѳь» (стр. 29).

Прусски talk, talke, полевая работа за угощеніе; по положенію Конрада von Erlichshausen 1450 года: «ouch sal man am fier tage ume talke oder bete (просьбѣ) nicht arbeyten».

Литовски и Летски talka; Литовски talkininkas и Летски talzineeks, работникъ-помощникъ за угощеніе; Польски tluka—самое угощеніе послѣ жатвы; Прусски tallokinikis, свободный человѣкъ, соотвѣтствуетъ нашему «гулящіе люди» въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича.

Толока, выгонъ, паръ, помощь для работы за угощеніе и, при крѣпостномъ правѣ, общій сгонъ людей для спѣшной работы. Миклошичь принимаетъ слово tlaka и толоко въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, Frohndienst. Кажется, что толока и при обязательномъ условіи все-таки сохраняла смыслъ чрезвычайнаго сгона, а не обо-

значала повинности. Въ Лѣтописи толковины имѣютъ значеніе бродячихъ людей и соотвѣтствуютъ явно Номадамъ, Скиѳамъ. Въ Словѣ о Полку Игоревомъ Тлъковины могутъ означать кочевниковъ или вообще проходимцевъ, къ какому-бы племени они ни принадлежали, искусныхъ въ снотолкованіяхъ. На значеніе бродягъ, проходимцевъ и шарлатановъ указываютъ Чешскія и Польскія выраженія: taulka—tulka, множ. taulky (taulatise—wornach gehen, streben, herumstreichen—irren, schwärmen, umziehen)—taulanj se—Umschweifung, das Müssiggehen. Adam z Weleslawina silva quadrilinguis—1562.—Jungm. Словарь Чешско-Нѣмецкій, 1835. Прага, 5 частей. Тамъ же и другіе примѣры:

Tulas — tulak — Umläufer, Abenteurer, Landläufer, *Nachtschwärmer*.

Tulaciei—taulatise—herumschweifen

Talakugi—owati—herumschwärmen

Bedliwost o to megte aby se tomu behaunovi chut k *tulakowanj* odegmula. Бдѣніе о томъ имѣйте, дабы тому побѣжчику охота къ *тулакованію* отнялась. *Tulakowanj*—объясняетъ слова, употребленныя Несторомъ и сочинит. Слова о П. Игор., первый въ значеніи—сброда, черни,—второй въ значеніи—шарлатана, переходящаго съ мѣста на мѣсто, Abenteurer, Schwärmer. Смотри въ словарѣ Jungman'а выписки, гдѣ встрѣчаются сіи слова.

Польски *Tulac' sie*—errer, mener une vie errante; *Tulacki*, a, ie, errant, *Tulactwo*—vie errante,—*Tulacz*—homme qui n'a pas de patrie—*Tulaczka*—personne qui n'a pas de patrie, de demeure fixe.

Tulanie sie—action de mener une vie errante.

Въ Сказаніяхъ Русскаго народа Сахарова, Т. II, книга VII, стр. 35:

«Въ Бѣлорусскихъ селеніяхъ на этотъ день (16 іюня) отправляется *толока*, пиръ для тружениковъ, собранныхъна *помочь*, унаваживать поля. Избранныхъ охотниковъ угощаютъ обѣдомъ, виномъ и брагою; пѣсни и игры оканчиваютъ пиршество толоки. Въ Вятской и Пермской губерніяхъ удобреніе полей начинается съ Петрова дня. Тамъ вмѣсто *толоки* весь сборъ рабочихъ называется *помочи*. Смоленскія *толоки* описалъ Кельхенъ въ своей Лифлянд-

ской исторіи, и говоритъ, что слово *толоки* происходитъ отъ древняго Эстскаго слова *talek*, означающаго работу за питье и кушанье».

Церк. Общ. Вѣстникъ (сентябрь 1874 г.) приводитъ слѣдующія объясненія слова толковины, представленныя на третьемъ Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ:

«Г. Григоровичъ читалъ о томъ: «Какое значеніе имѣетъ слово *толковинъ* въ лѣтописи и въ С. о П. И.?» По его мнѣнію, слово *толковинъ* происходитъ отъ *тлакъ*, *толок* (Молдавск.)—*помощь*. Въ отношеніи къ Половцамъ (по С. о П. И.) и др. народамъ (по лѣтописи), оно означаетъ *помощниковъ*, *союзниковъ*. Григоровичу возражалъ Барсовъ, доказывавшій, что это слово татарское, происходитъ отъ корня—*тлôк* (волна), и означаетъ народъ, живущій на волнахъ, близь моря, или, по-просту, по морямъ, какими и были Половцы. Другой оппонентъ производилъ слово *толковинъ* отъ русскаго *толк* (толкучка) и обозначалъ имъ народы *толкущіеся*, т. е. кочевые».

Объясненія нашего ученаго палеографа Григоровича и его неназваннаго оппонента сходятся вмѣстѣ: толковины—помощники и люди толкущіеся, т. е. всегда готовые люди для войска, для сѣнокоса и для жатвы. Въ Словѣ о Полку Игоревомъ толкованы, кажется, то же въ значеніи «бродяги» или можетъ быть имѣетъ болѣе опредѣленченіе кочеваго бродяги, принадлежащаго племени, занимающемуся знахарствомъ и снотолкованіями, напримѣръ цыгане.

Г. Григоровичъ говоритъ, что слова *тлак* и *толок* Молдавскія, и означаютъ помощь. Что они употребительны въ Молдавіи, въ этомъ нѣтъ причины сомнѣваться. Въ Романскихъ языкахъ слово это не существуетъ. Въ нарѣчіяхъ Словенскихъ и Литовскихъ существовали разнородныя формы отъ корня *тлк* и объясняющія другъ друга—толкать, толкучка, толкаться, вполнѣ характеризующія состояніе неосѣдлыхъ племенъ, а при переходѣ ихъ въ осѣдлость означающія людей безземельныхъ, «гуляющихъ людей». Башкиры, напримѣръ, неохотно принимающіеся за земледѣліе, содѣйствуютъ временно при многихъ сельскихъ работахъ. Самое слово помощь, равнозначущее Молдавскому tolk и нашему толока въ сельскихъ работахъ, равнозначуще также и въ отношеніи военнаго содѣйствія:

толковины Нестора — помощники при главномъ войскѣ. Главное войско Олега Русскіе стрѣльцы; помощь же состояла изъ конныхъ кочевниковъ и не-военнаго ополченія, соотвѣтствующаго позднѣйшему выраженію милиціи. — Толокѣ при сельскихъ работахъ соотвѣтствуетъ въ сѣверныхъ губерніяхъ выраженія тюлпа и стадо.

«Такія толоки или помочи для унавоживанья полей извѣстны въ Смоленской и другихъ губерніяхъ», говоритъ Снегиревъ (Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обычаи. Москва, 1837, выпускъ I, стр. 202). Онъ также цитуетъ Кельхена «Liefländische Historia oder Kurze Beschreibung der denkw. kr. und Friedens Geschichte Esth-Lief und Lettlandes. Rudolfst., 1695. 4) «Слово сіе (Talckus) происходитъ отъ древняго Эстскаго или Прусскаго Talck, значущаго работу не за какую-либо плату, но за кушанье и питье, и хотя приглашенные на толоку занимаются цѣлый день тягостными трудами, однако слѣдующую за ними ночь проводятъ въ пѣніи, плясахъ и весельяхъ».

На основаніи этихъ примѣровъ легко примиряются толкованія г. Григоровича и его оппонента по поводу Несторовыхъ толковинъ; но предположеніе г. Барсова, что толока и толковины—татарскія слова—тлок, волна, кажется не имѣетъ основанія, хотя до нѣкоторой степени можно было-бы себѣ въ крайнемъ случаѣ объяснить происхожденіе Татарскаго слова въ значеніи волны отъ толкотни.

Въ запискѣ Антиквара, Одесса 1874, г. Григоровичъ, на стр. 21, выписываетъ изъ Азбуковника in 4º XVII столѣтія, принадлежащаго Корсунскому единовѣрческому монастырю, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи: «Алексій—пособитель или толковникъ; Александръ, помощникъ мужемъ или толковникъ».—Филологически понятно, какимъ образомъ толковникъ можетъ служить объясненіемъ обоихъ личныхъ именъ. Странно, что объясненіе это дано именамъ Святыхъ.—У Нестора толковники значатъ Скиѳы и вспомогательное войско, т. е. сбродъ. Въ Словѣ о Полку Игоревомъ—бродяги. Во всѣхъ Юго-Западныхъ Литовско-Русскихъ земляхъ словомъ толоко собраніе людей гулящихъ. Сродные съ этимъ выраженіемъ глаголы Чешскіе и Польскіе обозначаютъ бродяжничество.

Въ Летской застольной пѣснѣ (Сборникъ Антроп. и Этногр. стат., изд. В. А. Дашковымъ, Т. II. Москва, 1873, стр. 206):

1057	
Тэцінышм сатэцея	Бѣгомъ вбѣжала
Талкас матэ паграба:	въ погребъ мать толоки:
Ну яу ман ізнэсіс	Наконецъ-то вынесутъ мнѣ
Вецу міажу алутіню	Стараго ячменна пивца.
1058	
Нэ тадэль пруаям іашу	Если покрывало подъ мышкою
Ка сегенэ падусе:	Не значитъ еще чтобъ я уходилъ,
Лай нэс талкас мамулитэ	Пусть только матушка толоки
Самедуату алутіню.	Принесетъ подслащеннаго пивца.

Сахаровъ пишетъ: Тимковскій разсказывалъ, что онъ слышалъ отъ Калайдовича, что, по мнѣнію Карамзина, тльковины значитъ раковина, отъ тлекоть, что значитъ устрица.

Толковины напоминаютъ одно любопытное племя: Бастіеву чадь. Имя этого племени или сословія могло происходить отъ личнаго имени Бастій, какъ Итларева чадь и Ратиборова, упоминаемые въ Ипатіевской Лѣтописи. Бастіева чадь напоминаетъ древнихъ Бастарновъ, которые пытались объяснить древне-французскимъ выраженіемъ fils de bast, bastard, batard, сынъ сѣдла. Я далеко не отстаиваю это соображеніе, тѣмъ болѣе, что у Сербовъ и Болгаръ баштина означаетъ отцовское наслѣдство, отчину и отчизну. Тѣмъ не мѣнѣе, мнѣ кажется, полезно заносить подобныя сближенія даже и въ томъ случаѣ, когда они кажутся съ перваго взгляда неосновательными. Весьма можетъ быть, что французское выраженіе fils de bast перенесено Франками съ Дуная, и изъ обозначенія сброднаго племени на берегахъ Днѣпра и Дуная перешло во Франціи въ значеніе сословное и родовое. Литовски Bastinas—бродяга.

Въ словарѣ Дюканжа s. v. bastardus: «Pourquoi il le avait appellé jehan de Bas, qui estoit â dire Bastart... frere de bas—frater illegitimus; Perrette fille de bast». Всѣ эти выраженія встрѣчаются въ документахъ конца XIV столѣтія.

Бастіева чадь могла у насъ обозначать особое сословіе, какъ во Франціи. Въ Кабардѣ, Унауты, неимѣвшіе никакихъ правъ, всегда

незаконнорожденные; съ Унаутами на одной линіи стояло сословіе казаковъ, а у Турокъ казакъ означаетъ работника, и тѣ и другіе исполняли службы при дворѣ хозяина. Упоминаемый въ лѣтописи родъ людей подъ именемъ сѣдельники и Кощеи можетъ быть соотвѣтствуетъ тому же понятію, потому что отрядъ сѣдельниковъ въ значеніи стремянныхъ невообразимъ. Кощеи и Чаги также плѣнные рабы. Чага въ свою очередь напоминаетъ одно изъ крѣпостныхъ сословій Кабарды, Чагары. Унауты, Казахи, Кулы и Караваши крѣпостные въ округахъ Кабардинскомъ, Осетинскомъ и Ингушскихъ.

По Ретроманскому Словарю Карича, въ Енгадинѣ, верхнемъ и нижнемъ, bastardamainta, Verächtliches Volk, Lumpengesindel. По Валахски *бастерд* значитъ незаконнорожденный. Народное имя Дунайскихъ Бастарновъ уже было производимо отъ bast, сѣдло, basterna экипажи Ammianutt XIV. c. b. Gregorius Tur. Ep. XVIII.—и соотвѣтствуетъ Угорскимъ, Ятвяжскимъ и Галицкимъ колымагамъ, упоминаемымъ въ Ипат. Лѣтописи. Страбонъ говоритъ, что трудно опредѣлить народность Бастарновъ, имѣющую много сходнаго съ Германскимъ и Скѵѳскимъ. О Бастардѣ слѣдуетъ сравнить Дица и Диффенбаха. Самое слово чадь, въ томъ значеніи, какъ оно встрѣчается въ лѣтописяхъ, произошло кажется отъ существовавшаго и понятнаго обычая убивать возмужалыхъ плѣнныхъ и уводить женщинъ и дѣтей—эти-то дѣти и ихъ племя и составляли чадь.

Пѣвецъ Игоревъ обрисовываетъ сонъ Святослава по всѣмъ правиламъ снотолкованія Турецкаго и Греческаго, сохранившихъ древнія преданія.

Margaritae ostendunt lacrymarum fluxum. Nycephori Oneirocriticon.

У Астрампсихія тоже самое, почти слово въ слово: margaritae significant lacrymarum flumen. Astramp. Oneir.

«И вкова въ ню болѣ трійдесятъ гривенъ золота, кромѣ серебра и каменья драгаго и *женчюга*... Лавр. Л., подъ 6663 г. — Великый женчюгъ—крупный жемчугъ — въ смыслѣ собирательномъ и въ противуположность бисеру, означавшему, какъ слѣдуетъ полагать, мелкій жемчугъ.—Женчюгъ, форма правильная. На Китайскомъ или на Монгольскомъ языкѣ жемчугъ называется «инчюгъ».

Въ Ипат. Лѣтоп. 6683: «И украси ю иконами многоцѣньными,

златомъ и каменьемъ драгимъ и *жемчюгомъ великымъ* безцѣньнымъ.

Миклошичь въ Словарѣ своемъ приводитъ, древнѣйшіе примѣры глагола: «нѣговати свою плъть»: — днесь нѣгоуемы а оутрѣ осоуждаемы». — «Въ таковѣмъ нѣговати и чьсти». Njegovatise, liebkosen. Jllyr.-Nem. slownik, izd. Richterom i Ballmannom u Becsu, 1839. Сербски неговати=нѣжить (Лавровскій).

306—307. Ѹжедьскыбезъкнѣсавмоемътеремѣзлатоврьсѣмъ.

§ **70**. Кнѣсъ—связь крыши. Въ библіи—князь. По нѣмецки First, Giebel—fastigium, culmen aedium, ὁ αετος, το αετομα.

Въ XXIII псалмѣ: «возмите врата князи ваше». По Сербски кнез, кньаз, князь. Въ Lużiski Serbski Slownik, Knjez, Господинъ, Священникъ, Stössel am Pfluge, Knjeźk, vorstecker am Pfluge. (Lużiski Serbski Slownik Д-ра Pfuhl. Budissen, 1866).

Въ Шахъ-Намѣ Фирдуси, передъ появленіемъ Рустема, Кай Кобадъ видитъ во снѣ, что два бѣлые сокола приносятъ ему корону; онъ проснулся полный надежды, и говоритъ Рустему, что онъ соколъ, ему принесшій корону (Heldensage v. Firdussi. A. F. v. Schack, Berlin, 1865, стр. 127). Святославъ, судя по видимому имъ сну, понимаетъ, что величіе его дома разрушено.

308—310. Всюнощьсъвечерабосѹвивранивъзграꙗхѹѹплѣсньсканаболонивѣшадебрькисанюинесошаюкъсинемѹморю.

§ **71**. Босовый—форма несуществующая. Бусый и босовый, въ значеніи сѣрый, не можетъ относиться къ чернымъ воронамъ. Ежели принять бусовый въ значеніи глупый, вздорный, то несравненно ближе это мѣсто читать такимъ образомъ: во соуи — суетные вздорные. Босые въ значеніи голодные немыслимо.

Если принять суви за описку вмѣсто *супи*: птенцы же суповы высоко парятъ (кн. I Іова, гл. є҃—и҃) сѫп—γυψ—vultur. Польск. Sep, Чешски Sup., то слѣдуетъ предположить пропускъ союза, тоже самое и въ случаѣ, если суви описка вмѣсто сови.

Совий—проводникъ въ адъ, отъ глагола совати, сунуть, сую. «Въ Литовскый родъ и Ятвязѣ и въ Проусы и въ Емь и во Либь и иныя многы языкы, иже Совицею наричють ся, мняще и душамъ своимъ, соуща проводника въ адъ совья. Лѣтъ же имѣють отъ Авимелеха и многого родоу сквернаго совья». Miclosich. Per. XX и XXI (Лѣт. Переяславля Сузд., изд. Кн. Оболенск. Москва, 1851). Совица= Suecia. Лѣтъ = происхожденіе. Ср. лѣторасль и Готѳск. liudan—crescere.

Чечесъ, въ комментаріи на Ликофрона (1204): «Блаженные острова у глубокоплещущаго океана, согласно съ мнѣніемъ Гесіода, Гомера, Еврипида, Плутарха Діона, Прокопія, Филострата и другихъ; островъ Британія у океана, между Британіей на Западѣ и островомъ Туле на востокѣ. Туда должны перевозиться души умершихъ; на берегахъ океана живутъ рыболовы, подвластные Франкамъ, но неплатящіе дани, потому что они, какъ говорятъ, должны сопровождать души умершихъ. Вечеромъ они уходятъ въ свои дома на ночлегъ. Вдругъ они слышатъ что стучатся въ дверь, и слышатъ голосъ, зовущій ихъ на работу. Они встаютъ и идутъ къ берегу, сами не зная что ихъ къ тому принуждаетъ. Они видятъ суда въ готовности, но не свои собственныя, и безлюдныя; взойдя на суда, они гребутъ, и видятъ, что суда нагружены какъ будто бы отъ взошедшихъ, но ничего не замѣчаютъ. Они быстро переносятся на островъ Британію, куда они едва попадаютъ въ сутки, если плывутъ на своихъ судахъ. Подойдя къ острову, они опять-таки никого не видятъ, но слышатъ голоса принимающихъ ихъ, пересчитывающіе ихъ пасажировъ, называя каждаго по отцу и матери, по званію и ремеслу и по прозвищу. По выгрузкѣ они быстро возвращаются домой налегкѣ».

Эти сказанія весьма древни, и городъ умершихъ упоминается въ поэмѣ Орфея объ Аргонавтахъ (1126 и слѣд.). Плутархъ также разсказываетъ эту басню въ сочиненіи объ оракулахъ.

Плъсньска: «на мѣстѣ города Плѣсниска существуютъ одни окопы и великіи курганы заросліи буковымъ лѣсомъ, недолеко одъ Подгорецкаго монастыря на половинѣ дороги изъ Бродовъ до Золочева (Великая Хорватія або Галичско-Карпатская Ру́сь. Статья Я... Изъ Червоно-Русскаго альманаха, кажется «Вѣнокъ» 1847 или 1846 года).

Городъ Галичскаго княженія, смежный съ Владимірскимъ на Волыни.—Татищ., III, стр. 287 и 288. Примѣч. Я. въ первомъ изданіи Слова.

Отсутствіемъ Святослава объясняется невѣденіе его о пораженіи Игоря и мѣры принятыя его окружающими людьми чтобы не поразить его этимъ извѣстіемъ: Его нѣжатъ, а домъ уже его безъ кънѣса.

Слѣдуетъ предполагать, что супруга Игоря была въ Галиціи, у отца, по словамъ: «полечю по Дунаю», а также: «на Дунаѣ рано плачетъ Ярославна»... О Кіевѣ Святославъ упоминаетъ, какъ о своемъ мѣстопребываніи, а о Плѣснскѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ явились злыя предзнаменованія во снѣ.

Болони, болонь—загородная окружность, лугъ, выгонъ, также предмѣстіе.

Въ Лавр. Л., подъ 1096 г.: «приде второе Бонякъ безбожный Кыеву внезапу и мало в градъ не въѣхаша Половци и зажгоша болонье около града». Бѣша—руссицизмъ вмѣсто бѣшѧ. Въ Русскихъ древле церковно-Словенскихъ рукописяхъ, по грамматикѣ Востокова, стр. 11, послѣ ж, ц, ч, ш, щ, носовое ѧ замѣняется гласною а. На этомъ основаніи въ граматѣ Мстислава дьржа вмѣсто дьржѧ.

Бѣша отъ глагола бѣсити, подымать: «да се пѣнитъ море и бѣситъ» (Миклошичь); обѣсити по тому же словарю—повѣсить, suspendere. Слово это встрѣчается въ Исторіи ѡ отцехъ и страдалцехъ Соловецкихъ Андрея Мышецкаго, изд. въ Супрасльской, типографіи въ 1788 году.

«И казни различны оуготовавъ (полковникъ Мещериновъ), повѣсити сія завѣщавъ: овыя за выю, овыя же за ноги, овыя же и

множайшыя междоребрія острымъ желѣзомъ прорѣзавше и крюкомъ продѣвшымъ на немъ ѡбѣсити каждаго на своемъ крюкѣ».

Первые издателя перевели это дѣепричастіе довольно правильно: утоптавъ.

Кисанье—кисати, Сербск. возбужденіе плача (Вукъ Стефановичъ Караджичъ): бѣшя дебрь кисаню=подымая долину слезъ.

Сербское выраженіе кисати и кисанье, побужденіе къ слезамъ, есть дѣйствительный видъ русскаго «раскиснуть».

Библейская долина плача, долина слезъ, въ псалмѣ LXXXIII, по Rituale Rimski: «u dolini od suza».

Wolfram von Eschenbach, Titurel und Parcival также употребляютъ это выраженіе: «Berg des Trübsals», по нѣмецкому переводу Симрока. I, 489.

Это библейское выраженіе было такъ популярно въ средніе вѣка, что солдатъ, стоявшій у шатра Императора Мануила, послѣ сраженія при Миріокефалѣ, услыхавъ, что Императоръ хочетъ уѣхать изъ лагеря (1176), сказалъ ему: не Вы ли насъ поставили въ это несчастное положеніе, привели насъ между этихъ горъ, гдѣ мы совершенно какъ въ ступкѣ. Что намъ было дѣлать въ этой *долинѣ слезъ*, въ этихъ адскихъ пропастяхъ. Le Beau, XVIII, стр. 43.

По свидѣтельству А. Н. Майкова Гильфердингъ предлагалъ чтеніе «несоша ся» вмѣсто несошлю (пр. 23).

Мицкѣвичь въ своихъ Парижскихъ чтеніяхъ о литературѣ Славянскихъ народовъ переводитъ: Ne dois je pas envoyer vers la mer Noire. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы замѣнить союзъ «и» союзомъ «иль».Но едва ли пѣвецъ Игоревъ имѣлъ въ виду подобную мысль. Онъ крайне сжатъ въ своемъ изложеніи и вѣренъ во всѣхъ отношеніяхъ. Подобный вопросъ, обращаемый къ дружинѣ, былъ бы неприличенъ въ конституціонномъ отношеніи: едва ли бы князь могъ спросить дружину: не слѣдуетъ ли послать гонца къ Черному морю.

Самое близкое къ тексту осмысленное исправленіе:

У Плѣсньска на болони,
Бѣшя дебрь кисаню,
И несоша ю
Къ Синему морю.

Это исправленіе предполагаетъ чтеніе Л вмѣсто А. Послѣ словъ: и негують мя, разсказъ о снѣ конченъ, и Святославъ сообщаетъ своей дружинѣ грустное размышленіе о разореніи своего дома и упоминаетъ о злыхъ предвѣщаніяхъ собравшихся съ вечера вороновъ. Въ комментар. на Ps. XC, ff. 141—170, Extraits du Ps. de Bologne, dit de St. Athanase (Gram. Paleoslave d'Alex. Chodzko. Paris, 1869, p. 255), приписываемомъ Аѳанасію Архіепископу Александрійскому: Въси ѧзци елико створи придѫтъ (камо въ ѫдолъ плачевнѫѫ) (язкы въ ѫдолъ асафатовѫ).

311—316. ИркошабоѧреКнѧзюꙋжеКнѧжетꙋгаꙋмьпо-
лониласебодвасоколаслетѣстасъотнѧстолазлатапоис-
катиградаТьмꙋтороканѧалюбоиспитишеломомъДонꙋ.

§ 72.

317—319. Ꙋ҃жесоколомакрильцаприпѣшалипоганыхъ
саблѧмиасамаюопꙋстошавъпꙋтиныжелѣзны.

§ 73. Опустоша—описка, вмѣсто опутоша.

320—326. ТемновобѣвъІ҃деньдвасолнцапомѣркоста
обабагрѧнаѧстлъпапогасоста исънимъмолодаѧ мѣсѧца
ОлегъиСвѧтъславътъмоюсѧповолокоста.

§ 74. «И въ море погрузиста и великое буйство подасть Хинови», помѣщенные въ 1-мъ изданіи послѣ 328 строки, принадлежатъ, по смыслу и по грамматическому строю, сюда. Погруженіе въ море и возбужденіе Половцевъ, ни по грамматикѣ, ни по смыслу не

можетъ относится до побѣдителей. Подасть, третье безличное лицо единственнаго числа настоящаго или будущаго, или описка вмѣсто подаста.

328—331. Нарѣцѣна Каѧлѣтьмасвѣтъпокрылапо Рꙋскойземлипрострошасѧполовциакипардꙋжегнѣздои въморѣпогрꙋзистаивеликоебꙋйствоподастьхинови.

75. Слова вслѣдъ за *«пардуже гнѣздо»* отсюда перенесены, какъ неотносящіяся къ Половцамъ, а также и по самому грамматическому строю (двойственное число) принадлежащія предыдущему §. Хинова, династія Кинъ или Хинъ, еще въ это время сильная въ Средней Азіи. Монголы уже начали усиливаться и сопротивлятся этой династіи, господствовавшей въ Татарскихъ земляхъ и въ части Китая. Desguignes въ Нѣмец. пер., Einleitung, 332.—Эта Татарская династія не могла не быть въ сношеніяхъ съ Россіей, и, судя по пѣснѣ, въ особенности съ Литвой. Пѣвецъ Игоревъ называетъ Литву вмѣстѣ съ Хиновскими странами.

332. Ꙋжеснесесѧхꙋланахвалꙋꙋжетреснꙋнꙋжданаволюꙋже връжесѧдивьназемлю.

§ 76. Прежде бо бѣ въ градѣ Коренѣ *дивы* творя... влъхвоуя *дивы* творѣше имъ. Изъ Слѣпченской книги. Срезневскій.

Дивъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть Дивъ Персидской миѳологіи, и именно сторожъ Кавказскихъ горъ.—Surkragh. (Herbelot.) Дивы, побѣжденные и замкнутые въ ущельяхъ непроходимыхъ горъ различными Дивбендами, между которыми по нашимъ лѣтописямъ упоминается Александръ Великій, вслѣдствіе пораженія Игоря получили доступъ къ мѣстамъ обитаемымъ. Выраженіе это ременисценція изъ откровенія Св. Іоанна (XX, 8), съ тою разницей, что Гогъ и Магогъ здѣсь названъ Дивомъ весьма правильно и согласно съ Восточными сказаніями.

335—340. СевоГотскїѧкрасныѧдѣвывъспѣшанабре-зѣсинемꙋморюзвонѧрꙋскымъзлатомъпоютъвремѧбꙋсоволелѣютъместьШароканюАмыꙋжедрꙋжинажадивеселїѧ.

§ 77. Подъ вліяніемъ мысли о поясненіи Слова, я предполагалъ здѣсь реминисценцію о Митридатѣ Евпаторѣ на томъ основаніи, что Митридатъ имѣлъ прозвище Liber. Дюканжъ говоритъ объ одномъ Ханѣ Бусѣ, quem Libertem vocant. Самой формы Libertem, не смотря на всѣ поиски, я никогда объяснить не могъ. Но это не достаточная причина, чтобы отказаться отъ сего объясненія, если бы я не считалъ его натянутымъ. Дюканжъ упоминаетъ въ Fam. Sclav. etc (306, a) Busa Bulgarorum dux. Не имѣя подъ рукой этого сочиненія, не ручаюсь, чтобы Libertem относился къ Азовскому Бусѣ.

Архимандритъ Лосицкій въ рукописномъ введеніи къ Густынской лѣтописи, въ главѣ о Половцахъ говоритъ:

«Половцы бяше, народъ поганскый, изыдоша же изъ Прусовъ со Литвою и Ятвягами или Гепидами, си есть останки Гаѳовъ, людъ храбрый, сѣдяху же прежде въ Тавризѣ, надъ моремъ Понтійскимъ, идѣ же нынѣ Прекопьскіе Татаре живутъ. Грады же ихъ бяху, Менковъ, Перекопъ, (Ταφραι), Кримъ и пр., идѣ же сѣдяще многія насилія окрестнымъ землямъ творяху; отъ Руси наречены быша Половци или отъ поля яко, въ поляхъ живяху, преходяще отъ мѣста на мѣсто, яко же нынѣ Татаре; или отъ ловленія звѣрей и рыбъ понеже Русь, полономъ сіе зовутъ или отъ полоновъ, понеже часто полоняху окрестныхъ народовъ, яко же нынѣ Татаре творятъ. Угорьскіе лѣтописцы наричутъ ихъ Куманы или Кумы, понеже Русь пріемника, иже креститъ у нихъ дѣтище, кумомъ зовутъ, и бываетъ у нихъ другомъ любимымъ, сего ради и съ сими Половци (аще многія имъ пакости творяху), Русь кумахуся, си есть миряхуся съ ними и на Таtаръ помогаху имъ, но единаче Татаре одолѣша обоимъ, а Половцы даже до Угровъ прогнаша и оттолѣ погибе царство Половецкое. останьци же ихъ едины межи, Русю покрестишася, друзіи въ Татаре и Турки, премѣнишася; остало ихъ бяше, нѣчто во градѣ Манкопѣ,

но потомъ и тѣ побрана быша, отъ царя Турецкаго Баязета въ лѣто 486, и со янычары совокуплены.

Это свидѣтельство или мнѣніе Архимандрита Лосицкаго, о сродствѣ Половцевъ, Готѳовъ и Литовцевъ, весьма важно. Этого мнѣнія держались Русскіе ученые изслѣдователи XVII и XVIII столѣтія: Лызловъ и Татищевъ; основанная Штриттеромъ и Шлецеромъ школа старалась болѣе подчинить изслѣдованія объ исторіи Словено-Русскихъ племенъ Германской системѣ, чѣмъ разъяснить дѣло съ различныхъ сторонъ. Лосицкій и Татищевъ изучали и углублялись въ древніе источники. Шлецеръ, отвергалъ Страбона, а Шафарикъ не упоминаетъ даже древняго географа въ пространномъ спискѣ источниковъ Славянскихъ Древностей. Эти два факта яснѣе всего указываютъ руководительную мысль сихъ изслѣдователей: построить систему гармонизирующую съ господствовавшей системой въ нѣмецкихъ школахъ. А эта школа болѣе повредила наукѣ, чѣмъ такъ называемая скептическая. Скептицизмъ вызываетъ противорѣчіе и обстоятельное изслѣдованіе подробностей вопроса. Скандинавская школа распорядительными мѣрами объявила quasi-оффиціальное происхожденіе Руси, и объявляетъ ересью всякое противорѣчіе. Это статья, вошедшая въ историческій сводъ безъ уясненія источниковъ, причинъ и историческаго развитія положенія.

Взглядъ архимандрита Лосицкаго, Степенной книги, Лызлова, и Татищевазаслуживаютъ повѣрки и критическаго изслѣдованія. Этнографія, исторія и сравнительная филологія существовали на столь шаткихъ основаніяхъ до настоящаго времени, что нѣтъ никакой причины предполагать, чтобы взглядъ Татищева былъ менѣе основателенъ, чѣмъ Шлецера и его послѣдователей. Работы Шлецера, его учителей и его учениковъ носятъ на себѣ отпечатокъ поспѣшной работы; въ трудѣ Татищева, видѣнъ несомнѣнный отпечатокъ углубленія въ сказанія древняго классическаго міра и въ русскія лѣтописи. Школа Шлецера принесла свою долю пользы. Пріемъ его былъ педагогическій: отстранить при изслѣдованіи русскихъ древностей нескончаемый вопросъ о происхожденіи.

Вредъ, причиненный этой школой, несравненно серьезнѣе. Школа эта затормозила изслѣдованія и сбила самый вопросъ съ

его естественнаго основанія — древній міръ. Этимъ же самымъ школа эта вселила въ учащихся равнодушіе къ серьезному изученію древняго міра и поставила цѣлыя поколѣнія даже во враждебныя отношенія къ всемірной исторіи—исторіи человѣчества.

Правило вызвано было въ XVIII столѣтіи стремленіемъ ученыхъ ограничиваться при изслѣдованіи не только историческихъ, но и въ области положительныхъ наукъ цитатами изъ древнихъ авторовъ. Это стремленіе теряться въ отдаленной древности вызвало французскую поговорку: «passons au déluge».

Словарь Команскій, составленный въ XIV столѣтіи, не можетъ доставить никакихъ свѣдѣній о народности Половецкой. Словарь этотъ былъ написанъ въ періодъ заселенія этого края Татарами. Несравненно важнѣе Готѳскія слова, записанныя Бузбекіемъ. Сравненіе этихъ словъ съ готѳскими и пруссо-литовскими можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. Языкъ Ульфилова готѳскаго перевода принадлежитъ германскому племени; но вопросъ, на сколько этотъ Готѳскій языкъ былъ языкомъ—готѳовъ не разъясненъ.

Іорнандъ не даромъ говоритъ, что языкъ этотъ принадлежитъ незначительному готѳскому племени. Данныя для рѣшенія вопроса въ пользу исключительной принадлежности этого языка германству, должны быть шатки, потому что на вопросъ этотъ едва обращено вниманіе. Если бы эти данныя могли служить въ пользу положительнаго рѣшенія сего вопроса, то можно быть увѣреннымъ, что онъ былъ бы уже давно тщательно разработанъ.

341—343. Тогдавеликїйсвѧтъславъизрониздато слово слезами смѣшеноиречє:

§ **78**. Хотя слово Святослава было слезами смѣшано, но запутанность его рѣчи произошла, кажется, вслѣдствіе ветхости древней рукописи. Даже предыдущія слова «уже князю туда умъ полопила» едвали даютъ право приписывать запутанность самому поэту. Впрочемъ вопросъ рѣшить трудно.

344—346. Омоꙗсыновчꙗ Игорю и Всеволоде рано еста начала Половецкꙋю землю мечи цвѣлити а себѣ славы искати.

§ **79**. Этими словами начинается воззваніе Святослава, но гдѣ оно кончается рѣшить —трудно. А. Н. Майковъ негодуетъ на раздѣленіе воззванія къ князьямъ: на рѣчь Святослава и на повѣствованіе самого пѣвца.

347—348 Нънечестноодолѣсте нечестнобокровьпоганꙋюпролїꙗсте.

§ **80**. Нечестно — въ древне Церковно-Словенскомъ языкѣ имѣетъ значеніе еще болѣе сильное, чѣмъ въ настоящее время (ср. § 64).

Эти горькіе упреки въ нечестномъ одолѣніи Половцевъ и Литовцевъ (ср. § 92) весьма важны и знаменательны. Поэтъ явно упрекаетъ князей за ихъ неполитическія дѣйствія противъ Половцевъ. Вмѣсто того, чтобы держать эти племена въ должномъ къ себѣ уваженіи, Князья постоянно дѣлали хищническіе набѣги, вызывавшіе въ свою очередь месть; а грозный врагъ былъ уже у воротъ.

349—352. Ваюхрабраꙗсердцавъжестоцемъхаралꙋзѣ скованаавъбꙋестизакалена Селиствористемоейсребреней сѣдине.

§ **81**. Харалузѣ — вороненая сталь, какъ уже было объяснено въ § 48. Слѣдующее за сими словами воззваніе къ Ярославу перебиваетъ рѣчь, такъ что слова, относящіяся къ Игорю и Всеволоду, обращены къ Ярославу съ нарушеніемъ грамматической правильности и смысла.

§ **82**. Воззваніе къ Ярославу Черниговскому, вѣроятно по ошибкѣ

переплетчика рукописи, неправильно помѣщено между упреками Святослава Игорю и Всеволоду, и должно быть перенесено вслѣдъ за § 85, а потому и помѣщается здѣсь подъ § 86, ст. 367—376.

367—376. А҆ѹженевиждѹвластисильнагоибогатагои многовоибратамоегоЯрославасъЧерниговьскимибылѧмисъМогѹтынисъТатранынисъШельбирынисъТопчакынисъРевѹгынисъОльберыТїибобесщитовьсъзасапожникыкликомъплъкыпобѣждаютьзвонѧчивъпрадеднѹюславѹ.

§ 86. Упреки Святослава Игорю и Всеволоду перебиты вставочнымъ замѣчаніемъ, что онъ не видитъ войска брата своего, Ярослава Черниговскаго.

Затѣмъ продолжаются упреки Игорю и Всеволоду, стоящіе въ тѣсной связи съ предыдущими:

> Се ли створисте моей сребряней сѣдинѣ,
> Но рѣсте мужаѣмся сами, и т. д.

Подобная сбивчивость рѣчи можетъ быть свойственна престарѣлому и сильно огорченному Святославу, а потому можетъ быть и не слѣдовало переставлять эти строки (кромѣ того перепутано нѣсколько листковъ) вслѣдъ за строкой 352. При перенесеніи этихъ строкъ теченіе рѣчи правильно. Святославъ упрекаетъ Игоря, Всеволода, и, по случаю разоренія города Рима замѣчаетъ, что онъ не видитъ сильныхъ войскъ брата своего, Ярослава Черниговскаго. Затѣмъ идутъ послѣдовательно воззванія къ разнымъ князьямъ.

Выраженіе Черниговскіе «были» первые издатели перевели правильно словомъ бояре; Шишковъ полагалъ быль корнемъ бобыля; Вельтманъ принималъ ихъ за Черниговскую чернь; Дубенскій предполагаетъ, что быль можетъ быть колонистъ, опираясь въ данномъ случаѣ на то, что «Польскій король далъ княгинямъ (Русскимъ) на *избылище* городъ Витебскъ», причемъ ссылается на вторую часть Софійскаго временника (стр. 204). По мнѣнію Бодянскаго, быль—

былой, бывалый въ походахъ, опытный воинъ. Эта догадка весьма правдоподобна. По польски bywalec, человѣкъ знающій войну. У насъ же «бывалый» должно было обозначать качество болѣе положительное, чѣмъ военная опытность Бывалый воинъ имѣлъ хорошихъ коней, оружіе и слугъ. Графъ Минихъ жаловался, что въ казацкихъ полкахъ совсѣмъ не видать бывалыхъ казаковъ, такъ какъ всѣ бывалые, довольные судьбой, откупаются отъ повинности.

Быль въ переводѣ Георгія Амартола употребл. вмѣсто primatum unus: «посла быліа своего»; у Малалы въ томъ же значеніи: «убіенъ бысть быліи своими» (Миклошичь).

Этотъ примѣръ указываетъ, что первые издатели далеко не такъ плохо работали, какъ предполагаютъ позднѣйшіе критики.

«Могуть», въ древнемъ переводѣ Іоанна Златоуста δυναστης, и потому означаетъ довольно значительныхъ вассаловъ, однакоже не самыхъ важныхъ, потому что превосходная степень δυνατωτατος, по тому же переводу—вельможа (Будиловичь, стр. 72 и 85).

Татраны—напоминаетъ Татры въ Карпатахъ.

Шельбиры, Szalbierz—плутъ по польски; ошальберить, ударить (въ Иркутскѣ).

Ревуги напоминаетъ Запорожскую мѣстность.

Ольберы могутъ означать людей какого либо Ольбера. Изяславъ Давыдовичь В. Кн. Кіевскій посылаетъ въ 1151 году къ Берендѣичамъ Олбыря Шерошевича (Ипат. лѣтоп.).

Всѣ эти полки, находившіеся въ распоряженіи Ярослава Черниговскаго, могли называться по мѣстностямъ или по прозвищу начальниковъ, а также и по племенному своему прозвищу, какъ Ревуги и Топчаки.

353—355. Нъ рекосте мꙋжа имѣ сѧ сами преднюю славꙋ сами похитимъ а заднюю сѧ сами подѣлимъ.

§ **82**. Эти слова, находящіяся по смыслу безъ всякаго сомнѣнія въ прямой связи съ предыдущими, въ первомъ изданіи раздѣлены вставочнымъ обращеніемъ къ Ярославу Черниговскому.

Поэтъ можетъ быть и намѣренно представилъ престарѣлаго Святослава, удрученнаго большою скорбью, перебивающимъ свои упреки Игорю и Всеволоду замѣчаніемъ, что онъ въ столь опасную для Россіи минуту не видитъ войска Ярослава Черниговскаго. Поэтому, можетъ быть не слѣдуетъ нарушать порядка, сохранившагося до насъ. Въ послѣдующихъ воззваніяхъ рѣчь перебита въ двухъ мѣстахъ, чѣмъ совершенно нарушается смыслъ.

Но рѣсте: мужаемъся встрѣчается въ Лаврен. Лѣт. подъ 6575 г.

Странно, какъ первые издатели могли не понять этого слова и раздѣлить его на двое. Сомнительно, чтобы они приняли ъ за ѣ; въ самой рукописи находилось ѣ, что весьма понятно, и встрѣчается въ древнѣйшихъ и лучшихъ рукописяхъ. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ крайнюю добросовѣстность при изданіи Слова. Въ рукописномъ текстѣ приведенное выраженіе раздѣлено было на три части, далеко отстоящія другъ отъ друга, тогда какъ всѣ строки писаны сплошь, безъ всякой разстановки между отдѣльными словами.

Такъ, напримѣръ, въ Лавр. Лѣт.: ѥгожелюб лѭшеповели възложилънаньгривнузла тувелику... (91) — севнеза пупридошапосланииѿстоп оканапогубленьиглѣбу.

Варіянты: мужаимъся, мужаимся (множ. числа), мужаимыся (двойств. ч.), по тремъ рукописямъ, приводимымъ И. И. Срезневскимъ (Свѣд. и замѣтки о малоизя. памятн., прилож. къ IX т. Зап. И. А. Н., № 6, 1866 г.; стр. 38), объясняютъ ошибку, происшедшую отъ смѣшенія изъявительнаго и повелительнаго наклоненій. Мужаимъся—1-е лице множ. числа наст. и буд. изъяв. накл., и мужаивѣся 1-е лице двойственнаго числа того же настоящаго времени. *Ѣ* употреблена здѣсь правильно; описка же заключается въ замѣненіи буквы *В* буквою *М*. Древній переписчикъ замѣнилъ вѣроятно правильное но необычное окончаніе *Ы* буквою *Ѣ* (ср. грамм. Востокова). Предположеніе г. Тихонравова, что рукопись гр. Мусинъ-Пушкина писана скорописью конца XVI столѣтія, опирается на буквѣ *Ѣ*, въ словѣ мужаимѣся. Г. Тихонравовъ отвергаетъ свидѣтельства весьма положительныя и вѣскія, цѣня ихъ ни во что.

356—360. А҆чидивосибратїестарꙋпомолодитиКоли соколъвъмытехъбываетъвысокоптицъвъзбиваетъ недастъгнѣздасвоеговъобидꙋ.

§ 83. Соколъ, перебывавшій въ мытехъ до своего порабощенія, цѣнится дороже соколовъ, содержавшихся въ неволѣ до миновенія мыта. Эти слова стараго Святослава содержатъ эпиграмму на попавшихъ въ плѣнъ Игоря и Всеволода. Объясненіе это я нашелъ въ Словарѣ Дюканжа: «Et celui qui a volé et prins depuis, avant qu'il ait mué ses pennes en cruauté, n'est pas si bon et est appellé Sor. (Petrus de Crescentius, lib. X, de Agric., cap. 3).

361—362. НъсезлоКнѧжеминепособїенаничесѧгодиныобратиша.

§ 84.

363—366. Оу҆римъкричатъподъсаблѧмиПоловецкымиаВолодимиръподъранамиТꙋлаитоскасынꙋГлѣбовꙋ.

§ 85. «Володимеръ же слашеться ко Святославу Всеволодичю и ко *Рюрикови* Ростиславичю понуживая ихъ къ собѣ, да быша ему помогли; они же опоздишася ожидающе Давыда Смоляны, и тако князи Рускіи опоздишася и не заѣхаша ихъ.

Половци же վземше городъ Римовъ и ополонишася полона и поидоша восвояси; князи же возворотишася въ домы своя, бяхуть бо печальни, и со сыномъ своимъ Володимеромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть раненъ вельми язвами смертьными...»

Рюрикъ съ другими князьями сталъ по Днѣпру противъ Половцевъ, а Давидъ съ Днѣпра, доходившій до Треполя, вернулся въ Смоленскъ. Кромѣ того, всѣ князья кромѣ Владиміра Глѣбовича опоздали на помощь городу Римы, который Половцы опустошили

мимоходомъ, удаляясь отъ русскаго войска (Ипат. лѣтопись подъ 1185 г.).

На это разъединеніе Рюрика и Давыда и вообще на несогласное движеніе князей и указываетъ пѣвецъ (Арх. Калач., кн. стр. 132).

Римы. Селеніе Римъ на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго (Ист. Россіи С. Соловьева, 1869, Т. II, примѣч. 457).

§ **86**. Строки, принадлежащія сюда и содержащія воззваніе къ Ярославу Черниговскому, въ первомъ изданіи поставлены не на мѣстѣ—онѣ перебиваютъ рѣчь Святолава къ Игорю и Всеволоду.

377—386. Великыйкнѧжевсеволоденемыслїютипрелетѣтииздалечаотнѧзлатастолапоблюсти Тъбоможешиволгꙋвеслыраскропитиадонъшеломывыльѧтиӓжебытыбылътобылабычагапоночатѣакощейпорезанѣ ТыбоможешипосꙋхꙋживымишереширыстрѣлѧтиꙋдалымисыныГлѣбовы.

§ **87**. Передъ воззваніемъ къ Всеволоду слѣдуетъ помѣстить воззваніе къ Ярославу (ст. 367—376, § 86), неправильно перебивавшее упреки, обращенные къ Игорю и Всеволоду.

«Дмитрій-Всеволодъ III Юрьевичь, Великое Гнѣздо (И. Г. Р., т. III, примѣч. 138), Великій Князь Владимірскій на Клязьмѣ, умершій въ 1212 году апрѣля 15, въ воскресенье, въ княженіе котораго былъ походъ Игоревъ. Пѣвецъ кажется не безъ намѣренія назвалъ выше Владиміра сыномъ Глѣбовымъ, чтобы имѣть болѣе права обратить рѣчь къ первому изъ Князей, дядѣ Владиміра, коего отецъ, Глѣбъ, былъ родной братъ Всеволоду III, и ему напомнить, что отчина князей Владимірскихъ, Переяславская область, разорена Половцами, а ея Князь подъ ранами! Могъ ли не современникъ понимать эти отношенія и наводить подобныя причины? Прибавлю здѣсь замѣчаніе Шевырева (Москвит., 1843 кн., 12): Это

мѣсто, говоритъ онъ, самое сильнѣйшее во всемъ Словѣ и одно изъ лучшихъ доказательствъ его современности событію».

Покойный Дубенскій упускаетъ изъ виду, что это воззваніе поэтическій разсказъ послѣ совершившагося факта. Эта ошибка, вызванная воодушевленіемъ и произведенная пѣвцомъ Игоря, не ослабляетъ доводовъ Дубенскаго. Пораженіе Игоря на Каялѣ, Владиміра Глѣбовича близь города Римы и возвращеніе Игоря изъ плѣна, совершились въ томъ же 1185 году.

Непонятно, почему Дубенскій утверждаетъ, что воззваніе начинается съ В. князя Всеволода. Соболѣзнованіе, что онъ не видитъ Черниговскаго войска, есть тоже воззваніе къ Ярославу

Чага—плѣнница; кощей—плѣнникъ и рабъ.

Въ примѣч. 91 у Дубенскаго:

«О чагѣ въ лѣтописяхъ сказано: постигоша Половцевъ и збиша я; и бысть яко всѣмъ Рускымъ воемъ наполнитись до изобилія и колодникы, и чагами, и дѣтми ихъ, и челядью; въ другихъ лѣтописяхъ вмѣсто «чагами» поставлено «женами»: чага, поэтому, жена, взятая у варвара въ плѣнъ; кощеи—дѣти ихъ или рабы (Карамзинъ, И. Г. Р., т. II, примѣч. 420). Слѣдуетъ сравнить § 68, о чагахъ, бастіевой чади и упаутахъ).

Въ примѣч. 92: «Въ гривнѣ считалось 20 ногатъ или 50 резанъ, слѣдовательно въ ногатѣ $2^1/_2$ резаны. Ногата на металлы (пѣнязи, см. И. Г. Р. т. II, примѣч. 79) равнялась нынѣшнему полтиннику, а резань двугривенному.

Et acceperunt ab eis quadringentas marcas *nagatarum* (Chron Liv. vetus, p. 138) С. М. Соловьевъ примѣчаетъ что nahk, род. nahha, значитъ по эстонски кожа (Т. II, примѣч. 338).

Шереширы должны означать метательное орудіе, употреблявшееся съ лодокъ, такъ какъ, судя по всему воззванію, здѣсь рѣчь идетъ о плаваніи. Шарашить и ошарашить, шаршавый и шаръ наводятъ на мысль, что шереширами назывались шары съ многочисленными стальными крюками для ловли. Слово это можетъ происходить отъ шара (клубъ) и шарить и ширить. Шаръ съ крюками, закидываемый для ловленія рыбы, трущейся около льдинъ. Шаршъ и шарошъ пер-

вый осеннїй ледъ идущїй по рѣкѣ. Шаркать, шуршить, шарпать, въ значенїи царапать, сродни съ этимъ выраженїемъ. Шаръ, пластъ и глобусъ. Сродни съ словомъ шаръ, въ значенїи пластъ и глобусъ, Англійское—schire область, и вообще раздѣленїе, и нѣмецкое Schar—войсковое отдѣленїе, а также французское échargeг.

По польски szarszun—оружїе, кажется, неопредѣленное. Ср. Словарь Линде.

Двоякое значенїе слова шаръ, глобусъ точеный, и пластъ объясняютъ значенія сродныхъ индо-европейскихъ формъ.

Литовски: szeris, szeras—щетина.

Szernas, der wilde Eber, кабанъ.

Szerius, szertis — линять, терять волоса.

Nusiszeriu—терять ворстъ, стираться.

Szere, die Schere am Sprinnrocken .

Szerpetas—Splitter—заноза.

Szirszys, die Wespe; Szirszinnis, die Wespe betreffend

Szarwas—панцырь, вооруженїе, облаченїе.

Szarwai—(множ.) оружїе.

Szorwinu, szarwoju—вооружать.

Szarwijus—вооружаться.

Szarpus—острый; ср. нѣмецк. Scharf и франц. écharpe

Szirmawoju—сражаться, биться.

Szyгopauju—чистить лошадь скребницей.

Szirrauju, schirren.

Шаръ, округленное, оскобленное, точеное тѣло, Санскритски. Siras—голова. Шарить, обшивать сырыми кожами ящики. Ширинка, полотенце принадлежитъ къ корню шаръ—пластъ. Русскія формы: шершавый, шероховатый, шаркать, сродни съ Szeras — щетина, которая принадлежатъ къ корню шерсть.

Литовское Szere, принимаемое за германское Schere, кажется обозначаетъ орудїе, коимъ производится дѣйствїе лишенія шерсти, Szerius и Szertis—линять, терять волосы. Волосъ включаетъ въ себѣ понятія острїя и остраго орудія. Сюда же принадлежитъ нѣмецкое Scharre, Scharreisen, radula, стругъ, рубанокъ.

Лит. А. Траншеля Стремян. д. № 12

Szarwas — панцырь, вооруженіе, долженъ происходить отъ Szeras—щетина, волосяная защита.

Латинскій глаголъ Scarifico и Scarifo, царапать, также точно близки и scalpo—скоблить; σκαριφάομαι скоблить; σκαρφάω, щепать.

Слѣдуетъ сюда же отнести нѣмецкое Schar, средневѣковое латинское Scara, войсковое отдѣленіе; англійское shire и нѣмецкіе глаголы: scheren, scharen, schiren, Schamützel.

Въ санскритскомъ языкѣ Sar, findere, rumpere, также стрѣла.

Sara, sagitta. Sarasana, стрѣльный.

Sarira, corpus, Sirasiga и Sirodara ростущій на головѣ.

Изъ всѣхъ этихъ формъ можно себѣ объяснить значеніе слова шереширы метательнымъ орудіемъ, состоящимъ изъ шара снабженнаго иглами съ крючьями. По обстановкѣ, въ коей это слово встрѣчается въ пѣснѣ, слѣдуетъ заключить, что это метательное орудіе употреблялось на водѣ, вѣроятно для ловленія рыбы. Здѣсь помѣщается очеркъ подобнаго орудія, состоящаго изъ желѣзнаго шара, снабженнаго сильными стальными рыболовными иглами съ крючками. Въ шаръ вдѣлана деревянная рукоять съ кольцомъ для продѣванія шнура. Такимъ образомъ, рыба или другое тѣло, задѣтое однимъ или нѣсколькими остріями, могутъ удобно притягиваться къ лодкѣ.

Удалые сыны Глѣбовы, Князья Рязанскіе, получившіе удѣлы отъ Всеволода: Романъ, умершій въ 1216, Игорь въ 1194, Всеволодъ въ 1203 и Святославъ, упоминаемый въ Лавр. Л. подъ 1207 г. Всеволодъ ходилъ съ ними на Болгаръ въ 1183 году. Походы на Болгаръ совершались частью водой, по Окѣ и Волгѣ. Рязанскіе князья дѣлали нападенія на Половцевъ неразъясненными путями. Половцы также нападали на Болгаръ и соединились въ одномъ походѣ съ Всеволодомъ. По свѣдѣніямъ арабскихъ географовъ, земли Половецкія простирались гораздо сѣвернѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ (Сравн. прилагаемыя карты). Мещера, по Арабскимъ писателямъ, также играла значительную роль и торговала невольниками на Дунаѣ.

Судя по словамъ пѣсни, сыны Глѣбовы отличались въ ушкуйническихъ набѣгахъ на землю Болгарскую. О разореніи торговли русскими жаловались болгаре Всеволоду.

«Съ осьмью князьми выступилъ Всеволодъ въ походъ водою по Окѣ и Волгѣ». С. М. Соловьевъ между этими 8 князьями называетъ четырехъ Рязанскихъ Глѣбовичей: Романа, Игоря, Всеволода и Владиміра.

Эти историческія подтвержденія весьма важны для научнаго опредѣленія времени составленія пѣсни.

387—393. ТыбѹйРюричеиДавыденевалюлиЗлачеными шеломыпокровиплавашаНевалюлихраврамдрѹжинарыкаютъакытѹрираненысабламикаленыминаполѣнезнаемѣ

§ 88.

394—396. ВстѹпитаГосподинавъзлатастременьза обидѹсеговременизаземлюРѹскѹюзараныИгоревыбѹегоСвятславича

§ 89. Рюрикъ, владѣвшій частью Кіевской области, и Давидъ Смоленскій, оба Ростиславичи и внуки Мстислава, сына Владиміра Мономаха. Ихъ братья, Романъ, умершій въ 1176 году, и Мстиславъ, умершій въ 1180 году, не упоминаются въ пѣснѣ. «При другихъ доказательствахъ»—присовокупляетъ Дубенскій—«и это не маловажно, что сочинитель Сл. о И. И. былъ соременникомъ событію».

На основаніи этихъ отдѣльныхъ словъ можно было бы предполагать, что пѣснь составлена до возвращенія Игоря изъ плѣна; но это было бы крайне непослѣдовательно, ибо здѣсь передаются слова, сказанныя или предполагаемыя въ то время когда Игорь находился въ плѣну.

397—414. ГаличкыОсмомыслѣЯрославевысокосѣди-
шинасвоемъзлатокованнѣмъстолѣПодперъгорыУгор-
скыисвоимижелѣзнымиплъкизаступивъКоролеви
пꙋтьзатворивъДꙋнаюворотамечавременычрезъобла-
кисꙋдырѧдѧдоДꙋнаѧГрозытвоѧпоземлѧмътекꙋтъ
оттворѧешиКїевꙋвратастрѣлѧешисъотнѧзлатасто-
лаСалтанизаземлѧмиСтрѣлѧйГосподинекочака
поганогоКощеѧзаземлюРꙋскꙋюзараныИгоревывꙋего
Свѧтславлича.

§ **90**. Ярославъ Галицкій, отецъ Евфросиніи Ярославны, жены Игоря, умеръ въ 1187 году. Дубенскій указываетъ на годъ смерти, какъ на доказательство, что пѣснь сочинена до кончины Ярослава. Но это вовсе не доказательство, потому что въ пѣснѣ приводится воззваніе Святослава, какъ фактъ совершившійся немедленно по извѣщеніи о пораженіи.

Составленіе этой пѣсни должно быть логически отнесено ко времени торжества возвращенія Игоря въ Россію; что подтверждается обычаемъ, упоминаемымъ въ Ипат. лѣтописи подъ 1251 годомъ:

«Оттуда же князь Даніилъ приде ко Визнѣ и прейде рѣку Наровь, и многи крестьяны отъ плѣненія избависта, и *пѣснь славну пояху има*, Богу помогшу има, и придоста со славою на землю свою, наслѣдивши путь отца своего великаго Романа, иже бѣ изоострился на поганыя, яко левъ, имъ же Половци дѣти страшаху».

Галицкій Ярославъ называется Осмомысломъ, такъ какъ число это въ данномъ случаѣ означаетъ совершенство и справедливость. *Осмомыслъ* тоже, что, по Пиѳагорову ученію, *Правдомыслъ*. Послѣдователи Пиѳагора признаютъ число 8 символомъ *справедливости* (equitas). Причины сего см. въ концѣ V-ой главы I-ой книги Макробова комментарія о Сципіоновомъ сновидѣніи. Вся же V глава посвящена совершенству числа 8, а послѣдующая совершенства числа 7.

«Подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки», т. е. уси-

лилъ свое выгодное положеніе и владѣніе Карпатами сильнымъ воинствомъ.

«Заступивъ Королеви путь»—загораживалъ Венгерскому Королю путь въ Россію или, ближе и проще, противился распространенію власти Венгерскаго Короля. Это выраженіе соотвѣтствуетъ французскому выраженію tenir en echec,—затворивъ путь королю или ставъ на его дорогу.

«Затворивъ Дуная ворота» — завладѣвъ устьемъ Дуная или Желѣзными воротами или другимъ стратегическимъ пунктомъ Почти таже мысль повторяется черезъ строку: «суды рядя до Дуная».

«Меча времены черезъ облаки».

Времена вмѣсто бремена, и быть можетъ это не описка. Ламанскій, въ своемъ изслѣдованіи о нѣкотор. Славянск. рукопис. въ Бѣлградѣ (прилож. къ VI т. Зап. И. А. Н., № 1 1864 г.), между примѣрами замѣны Б буквою В, приводитъ: бриjеме и вриjеме.

Въ кн. III Царствъ, гл. II, ст. 35: «бѣ у Соломона 70000 мужей, носящихъ *бремена*».

Слова пѣсни указываютъ какъ будто на какія-то каменоломныя работы, съ цѣлью загородить путь. Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи упрекали Русскихъ въ намѣренномъ засариваніи Сулины.

О подобномъ проходѣ изъ Галича въ Венгрію говоритъ Исидоръ Шараньевичь (Die Hypatios Chronik, Lemberg, 1872, стр. 37, со ссылкою на свою Русскую диссертацію о карпатскихъ проходахъ и на Rogeri M. Carmen ap. Schwandner):

«Im Poprad Gebieth, an der geraden Linie, die man sich von Sandomir nach Ofen denkt, lag die Porta Russia, d. h. künstliche Verhaue, welche den Zugang aus Russien nach Ungarn behüteten».

«Стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями».

Солтанъ, Халдейски и Арабски—господинъ; Solthan, Soldan и Soudan древнія формы въ Западной Европѣ. Когда-то сомнѣвались въ подлинности Слова, предполагая титулъ весьма позднѣйшимъ.

Султанъ, во множественномъ селатинъ, отъ арабскаго глагола Салит.,—господствовать. Махмудъ, основатель династіи Газневидовъ, царствовавшей въ Хорасанѣ, Персіи и Индіи, первый носилъ этотъ

титулъ. Махмудъ получилъ господство въ Хорасанѣ въ 999 году, отъ Илека, Хана Туркестанскаго. Впослѣдствіи титулъ этотъ носили владѣтели Сельджукскіе, Ховарезмскіе и Чингисъ-Ханиды. Тамерланъ же восторжествовавъ надъ потомками Чингисъ-Хана присвоилъ себѣ этотъ титулъ (Herbelot 1. v. Timur).

Въ Ипат. Л. тоже говорится, что Ярославъ: «честенъ в земляхъ и славенъ полкы: гдѣ бо бяшеть ему обида, самъ не ходяшеть полкы своими, но посылашеть я съ воеводами».

Второй крестовый походъ подъ предводительствомъ Императора Фридриха еще не начинался.

Полки Ярославовы могли участвовать въ борьбѣ Іерусалимскаго короля противъ Саладина.

Въ самое время похода Игорева и его возвращенія въ Россію, западными лѣтописцами упоминаются многочисленные полки, нанимавшіеся на англійскія субсидіи. Въ противуположный лагерь стекались въ это же время мусульмане, даже изъ Индіи.

Англійскій король Гейнрихъ II, за участіе въ убійствѣ Ѳомы, епископа Кентербюрійскаго (Бекета), обязался уплатить въ пользу святыхъ мѣстъ, въ 1172 и 1173 годахъ, 60.000 золотыхъ. На эти деньги нанимались вспомогательныя войска; изъ этихъ же денегъ, весною 1187 года выдана была сумма Гросмейстеромъ Гвидону, королю Іерусалимскому, для найма войска. Въ этомъ несчастномъ предпріятіи участвовало 2000 рыцарей, 18000 пѣхоты и нѣсколько тысячъ легковооруженныхъ стрѣлковъ. Reinhold Röhricht (Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge, Berlin, 1874, B. I, въ примѣч. 31 и 32) говоритъ, на основаніи Hist. Regni Hieros., Pertz, XVIII, 53, что въ этомъ войскѣ находилось 4000 Туркопуловъ. А эти Туркопулы могли быть наши Торки, Бродники, Галицкая помощь, и даже Тавропольі вмѣсто Русскихъ. Туркопулы—Турецкая чадь и дѣти.

Въ Іюлѣ 1187 года совершился несчастный походъ на Тиверію (Röhricht, l. c., 125): Die Christen, an ihrer Spitze Raymund mit seinem Geschwader, in der Mitte Guido mit seiner Ritterschaft und den aus dem Englischen Schatze geworbenen Truppen. Въ концѣ 1187 года и началѣ 1188, Саладинъ претерпѣлъ нѣсколько неудачъ: Тиръ, Сафатъ и Каукабъ.

Участіе Русскихъ въ борьбѣ противъ Мусульманъ тѣмъ правдоподобнѣе, что, судя по словамъ лѣтописца, сочувствіе Русскихъ къ Крестовымъ походамъ было сильное.

Въ Ипат. Л., подъ 1190 годомъ: «въ тоже лѣто иде Царь нѣмецкый, со всею своею землею, битися за гробъ Господенъ, проявилъ бо бяшетъ ему Господь ангеломъ, веля ему ити. И пришедшимъ имъ и бьющимся крѣпко съ богостудными тыми Агаряны, Богу же тако попустившу гнѣвъ свой па весь міръ, зане исполнися злобъ нашихъ вся земля и си вся наведе на ны грѣхъ ради нашихъ, во истину судъ створи и правы судьбы его, и преда мѣсто святыни своея инѣмъ иноплеменьникомъ: сіи же нѣмцы, яко мученици святіи, пролъяша кровь свою за Христа со Цари своими; о сихъ бо Господь Богъ нашъ знаменія прояви: аще кто отъ нихъ въ брани отъ иноплеменьныхъ убіени быша и по трехъ днѣхъ тѣлеса ихъ невидимо изъ гробъ ихъ ангеломъ Господнимъ взята бывахуть, и прочіи видящесе тесняхуться пострадати за Христа; о сихъ бо воля Господня да сбысться, и причте я ко избраньному своему стаду, въ ликъ мученицкый».

434—446. А̂тыбꙋйРоманеиМстиславехрабраѧмысль
носитъвасъꙋмънадѣловысокоплаваешинадѣловъбꙋес-
тиѧкосоколънавѣтрехъширѧѧсѧхотѧптицювъбꙋй-
ствѣодолѣти. Сꙋтьбоꙋваюжелѣзныипапорзиподъше-
ломылатинскимитѣмитреснꙋземлѧимногистраныХи-
новаЛитва Ꙗ̂твѧзиДеремелаиПоловцисꙋлицисвоѧповръ
гоцıаагл авысвоѧпоклонишаподътыимечихаралꙋжныи.

§ 92. (А) Буй-Романъ Мстиславичь Волынскій, впослѣдствіи князь Галицкій. Мстиславъ его двоюродный братъ, сынъ Ярослава Луцкаго.

«Папорзи» первые издатели перевели «латы». Папорогъ, по мнѣнію Карамзина, верхняя часть брони. Пожарскій объясняетъ это слово Польскимъ popiersie, бюстъ, грудное изображеніе человѣка (Mrongovius). Позднѣйшія предположенія, что это кольчужная сѣтка, па-

дающая съ шлема на плеча, въ родѣ Персидскихъ и Кавказскихъ, не имѣетъ основанія, не говоря уже о томъ, что объясненіе слова папорзи подобною сѣткою совершенно догадочно. Главное дѣло въ томъ, что здѣсь идетъ дѣло о Латинскомъ вооруженіи, и указывается на преимущество этого вооруженія: «тѣми тресну земля и многи страны Хинови». Очевидно, что поэтъ предаетъ слову «папорзи» важное значеніе. Это выраженіе явно указываетъ на тяжелое латинское вооруженіе, панцырь. Слово же панцырь поэтъ весьма основательно не употребилъ здѣсь потому, что панцырь означаетъ правильно и первоначально кольчугу, отъ Литовскаго panczas, цѣпь, путы, веревка; panczoju, цѣпить, связать; panczeka, чулокъ. Maille по французски обозначаетъ нитяную вязь и кольчугу. Эта Литовская форма принадлежитъ древне-Словенскому корню пѫть и пѫты. Пожарскій говоритъ, что *наперсня* Виндски значитъ панцырь. Не вижу основанія сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что по Польски: Napiersnik значитъ Brustbinde, Brustriemen; napiersny, auf der Brust befindlich; ср. наши «наперсный крестъ» и «наперсникъ», выраженіе означающее задушевнаго друга, руководителя и вѣроятно первоначально защитника. Литовск. Pera, заборъ, частоколъ. Peras, множественное число: составныя части изгороди, которыя можно разбирать. Persedas — изгородь въ водѣ для задержки сплавнаго лѣса. На основаніи этихъ соображеній папорзи означаютъ латы, наперсную или нагрудную защиту. Paprzysko (Mrongovius) aufgekratzte Erde, worin die Rephühner ihre Eier legen, значитъ также и самое гнѣздо куропатки. Paprzyc' и paprzac' говорится о куропаткахъ, когда онѣ взгребаютъ землю для кладки яицъ. Paprzyca по Мронговіусу: das Mühleisen, worauf der obere Mühlstein lauft.

Дубенскій, въ примѣч. 123, говоритъ: «ежели здѣсь не описка, вм. паворози (Соф. времен., ч. I, стр. 225: бѣ у него топоръ съ *паворозомъ* на руцѣ; въ Новгор. съ *проворозою;* у Памвы Берынды *поворозъ*—ужійце, стрычокъ, шнуръ, мотузъ), то *папорзи* тоже, что папорти, отъ слова папорокъ; у Линде paproc—папороть, женск. рода и папоротокъ, skrzydlo ptasze, — косточки въ птичьихъ крыльяхъ, находящіяся между плечикомъ и кистью.

Дубенскій замѣчаетъ, что пѣвецъ имѣетъ въ виду часть воору-

женія, имѣющую нѣчто сродное съ птицами. Если понимать папорзи какъ защиту грудную, то Литовское pera, persedas, изгородь, колья и Русскія перила указываютъ прямо на корень «перо». Польское же parroc′ указываетъ на птичьи крылья. Въ первомъ случаѣ поэтъ относится серьозно къ Латинскому вооруженію Русскихъ князей, во второмъ случаѣ, если папорзи означаютъ крылья на шлемахъ, то здѣсь явная насмѣшка надъ иностраннымъ вооруженіемъ.

Сюда же относятся слова пѣсни: «Непобѣдными жребіи себѣ власть расхитисте, кое ваши златые шеломы и сулици Литовскія, и щиты», и т. д. По рукописи, принадлежавшей графу Мусину-Пушкину, мѣсто это явно перепутано и, соотвѣтственно принятому мною раздѣленію, въ первомъ изданіи параграфы помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: §§ 92, 94, 95, 93, 91. Непонятно, какъ подобная явная путаница могла удержаться въ послѣдующихъ изданіяхъ. Насмѣшка надъ Латинскимъ вооруженіемъ и упрекъ за нападеніе на Литву въ то время, какъ слѣдуетъ защищать восточную границу, по печатнымъ текстамъ относится какъ будто нарочно именно къ тѣмъ князьямъ, которые поспѣли на защиту: «Ольговичи храбрыи князи доспѣли на брань. Ингварь и Всеволодъ и вси три Мстиславича не худа гнѣзда шестокрилци.—Непобѣдными жреби и себѣ власть расхытисте кое ваши златые шеломы и сулица Ляцкіе», и т. д. Слова сіи на этомъ мѣстѣ болѣе чѣмъ безсмыслица. Подобная рѣчь можетъ быть понятна при драматическомъ представленіи, когда говорящій обращается попеременно то къ тому, то къ другому лицу. При подобномъ объясненіи необходимо между строкъ обозначать въ скобкахъ, къ кому относятся перепутанныя слова.

«Высоко плаваеши на дѣло въ буести, ...хотя птицею въ буйствѣ одолѣти». *Буесть* и буйство, какъ и слѣдуетъ, въ дурномъ употребленіи значеніи; точно также и у лѣтописца (Лавр. Л. подъ 1186 годомъ): «они же слышавше ее, вспріимше буй помыслъ, начаша ся гнѣвати на нь и большу вражду въздвигати».

454—457. НъужеКнѧжеИгорюутрпѣсолнцюсвѣтъа
древонебологомълиствїесронипоРсїипоСулиградиподѣ-
лишааИгоревахрабрагоплъкунекрѣсити.

§ 94 (В). Утръпѣти и утръпати, torpere, онѣмѣть: «оутръпѣѭть руки» (Миклошичь), замерли руки; въ солнцѣ прекратилось проявленіе, движеніе свѣта.—Бологo, благо. Въ Русской правдѣ: «зане еже *бологo* дѣꙗлъ емоу,—хоронилъ». Въ Ипат. Л. подъ 1161 г.: «рекоша старіе люди: не благо есть сяково знаменіе».

«Когда трупъ (Лжедимитрія) былъ выброшенъ, въ окрестностяхъ Москвы сотворилось великое чудо: на 20 миль кругомъ, вершины всѣхъ растеній, какъ овощей, такъ и деревьевъ, засохли, какъ будто они были сожжены. Даже вершины и вѣтви сосенъ, покрытыхъ зеленью и лѣтомъ и зимою, высохли такъ, что жалко было смотрѣть на нихъ. По этому случаю говорили, что (Лжедимитрій) и послѣ своей смерти продолжаетъ колдовать съ помощію діавола» (Сказанія Массы, изд. Арх. Ком., 1874, стр. 210).

Въ подстрочномъ примѣч. Изд. А. К.: Послѣ убіенія Лжедимитрія: «паде мразъ на всеплодіе» (Инородн. Сказ. Времен., кн. XVI, стр. 34).

Трупъ Лжедимитрія былъ сожженъ, «затѣмъ, говоритъ Масса, во всей странѣ наступилъ сильный морозъ, отъ котораго погибла большая часть растеній. Не будучи въ состояніи объяснить себѣ причину этого явленія, такъ какъ трупъ былъ уже сожженъ, народъ не зналъ, чему приписать это, и одинъ съ недоумѣніемъ поглядывалъ на другаго». Эти морозы были въ послѣднихъ числахъ мая.

Крѣсити, excitare, въ переводѣ Григорія Назіанскаго по рукописи XI столѣтія: «въ дни сльньчьнаго крѣса кгда се напльньшимъ годинамъ вьзвратеть крѣсины да нощь мьнꙗкть се а дьни да прибывакть» (Миклошичь).

Глаголъ этотъ сохранился въ нынѣшнихъ формахъ: воскрешать, воскресеніе и кресало, огниво.

458—462. ДонътиКнѧжекличетъизоветъКнѧзина побѣдѹОлговичихрабрыйКнѧзидоспѣлинабраньИнъгварьиВсеволодъивситриМстиславичинехѹдагнѣздашестокрилци.

§ 95 (С). Ольговичи, князья Черниговскіе, Мономаховичи, Ингварь, умершій въ 1202 году, и Всеволодъ, женившійся въ 1166 на Малфридѣ Юрьевнѣ Туровской, сыновья Ярослава Луцкаго, бывшаго до Святослава В. Кн. Кіевскимъ, внуки Изяслава Мстиславича, внука Владиміра Мономаха. Дубенскій ошибочно полагаетъ, что «вси три Мстиславичи» относится къ Ингварю и Всеволоду и брату ихъ, Мстиславу, и что они названы Мстиславичами по дядѣ, Мстиславѣ II[и] или по прадѣду, Мстиславу.

Всѣ три Мстиславича суть двоюродные братья Ингваря и Всеволода: Романъ, умершій въ 1205 г., Всеволодъ, умершій въ 1195, и Святославъ, упоминаемый въ 1171 году, суть сыновья Мстислава Изяславича, умершаго въ 1170 году. Изяславъ Мстиславичь внукъ Мстислава, старшаго сына Владиміра Мономаха.

Эпитетъ «шестокрилци» можетъ быть имъ приданъ: 1) въ смыслѣ библейскомъ, 2) на основаніи тѣхъ басенъ, кои имѣлись въ виду въ сказаніяхъ объ Александрѣ Великомъ, гдѣ упоминаются шестокрылатые люди, попадающіеся ему на пути въ Индію, и наконецъ 3) по полковничьему жезлу, называвшемуся шестоперъ и имѣвшему несомнѣнно символическое значеніе и означавшаго три составныя части полка.

А. Н. Майковъ полагаетъ, что воззваніе къ князьямъ многими изслѣдователями Слова неправильно раздѣляется на двѣ части: на воззваніе престарѣлаго Святослава и затѣмъ воззваніе самого пѣвца, начинающееся со словъ: «Донъ ти княже кличетъ» (458). Воззваніе положительно оканчивается словами: «а Игорева храбраго плъку не крѣсити» (457). Послѣ этихъ словъ разсказъ начинается воззваніемъ отъ имени Дона. Слова: «Донъ ти княже кличетъ и зоветъ князи на побѣду» составляли бы non sens, еслибы они относились къ предыдущимъ словамъ Святослава: «а Игорева храбраго плъку не

крѣсити». Словами: «Донъ ти княже кличетъ» снова начинается повѣствованіе. Воззваніе Дона есть откликъ на безнадежное воззваніе Святослава. Далѣе пѣвецъ упоминаетъ о дѣйствіяхъ Ольговичей и Мстиславичей, упрекаетъ Ярослава и Всеславичей въ крамолахъ, и затѣмъ переходитъ къ историческому воспоминанію о Всеславѣ и его баснословномъ тезкѣ. Повѣсть или пѣснь о междоусобіяхъ, губившихъ Россію послѣ смерти Владиміра Мономаха, завершается сожалѣніемъ объ уничтоженіи единодержавія, существовавшаго при Владимірѣ Мономахѣ, и, въ связи съ этимъ сожалѣніемъ, пѣвецъ упрекаетъ Рюрика и Давида за разъединеніе своихъ знаменъ и бездѣйствіе. А. Н. Майковъ видитъ сходство между престарѣлымъ Святославомъ и Пріамомъ. Съ Гомеровскимъ Несторомъ есть дѣйствительно сходство, такъ какъ оба дѣйствуютъ совѣтами.

Въ IV пѣснѣ Иліады, ст. 321 и слѣд., престарѣлый Несторъ говоритъ Агамемнону:

Молодъ я былъ, а теперь и меня постигнула старость,
Но и таковъ я пойду между конными; буду бодрить ихъ
Словомъ моимъ и совѣтомъ: вотъ честь остающаяся старцамъ.

βουλῇ καὶ μύθοισι—совѣтомъ и притчами, въ смыслѣ мудрыхъ изреченій.

Здѣсь кстати замѣтить, въ подтвержденіе сходства между словами приписываемыми лѣтописцемъ Омиру и словами Гезіода, что упоминаемые въ § 2, стр. 57, и въ § 6, стр. 86 и 87: «лесть» соотвѣтствуетъ выраженію Гезіода βουλη; μυθος, вымыселъ или притча; βουλη, совѣтъ и замыселъ, у позднѣйшихъ же писателей встрѣчается синонимомъ къ симъ двумъ выраженіямъ и δολος— обманъ, хитрость, лесть, въ значеніи лѣтописи (Сравн. Studien zu Homer. Eugen Frohwein. Leipzig, 1874, стр. 12 и 13). Сближеніе всѣхъ этихъ значеній образовалось весьма понятнымъ образомъ: совѣтъ, мнѣніе, планъ, умыселъ, замыселъ, задняя мысль, сначала значили хитрый планъ въ пользу дѣла, а впослѣдствіи коварство въ пользу самого совѣтчика.

Не смотря на это сходство обоихъ стариковъ, Нестора и Свято-

слава, я не вижу достаточнаго основанія для заподозриванія Русскаго пѣвца въ подражаніи Гомеру. Появленіе Святослава и его характеристика такъ естественны, что они прямо вызываются самимъ событіемъ; образъ престарѣлаго, мудраго и славнаго Святослава составляетъ одно изъ трехъ главныхъ основаній пѣсни: 1) высокомѣріе Игоря, 2) мудрость и безсиліе Святослава и 3) заклинанія Ярославны. Ссылки на Гомера или Бояна имѣютъ совершенно другой характеръ и не походятъ на подражаніе.

Воззваніе Святослава есть дѣло; сѣтованіе его имѣетъ практическую цѣль поднять князей на защиту; онъ завершаетъ свое сѣтованіе соболѣзнованіемъ, что ни въ какомъ случаѣ нельзя воскресить славное войско Игоря.

Рѣчь Дона и историческія и баснословныя воспоминанія очевидно не принадлежатъ къ воззванію, и въ устахъ мудраго и престарѣлаго Святослава были бы неумѣстнымъ паѳосомъ. А. Н. Майковъ упрекаетъ Шевырева въ ошибочномъ взглядѣ на этотъ вопросъ:

«Непонятно, какъ С. П. Шевыревъ, обладавшій такимъ поэтическимъ чувствомъ, настаиваетъ, что все равно, отъ лица ли Святослава это воззваніе, или отъ лица пѣвца. Совершенно не все равно. Если мы возвратимъ эти слова Святославу, то посмотрите что за величественный, пріамовскій образъ выходитъ изъ этого старца. Подобное-то раздробленіе Слова на множество отдѣльныхъ мѣстъ и особенныхъ главъ, сдѣланное въ первый разъ, кажется, Сахаровымъ, и обратило этотъ цѣлый поэтическій памятникъ въ простой сборъ красивыхъ выраженій, повтореній безъ всякой органической связи! Это были жемчугъ и камни, вырванные изъ драгоцѣннаго оклада; картина пропала; поставьте ихъ на мѣсто, и все получитъ смыслъ».

Раздѣленіе пѣсни Игоревой было сдѣлано для облегченія чтенія этого памятника. Пѣснь дѣлится несомнѣнно на нѣсколько отдѣловъ, означаемыхъ ихъ отрывистымъ началомъ. Безъ этого раздѣленія на отдѣльныя пѣсни, переходы отъ одной мысли или картины къ другой были бы неестественны; тогда какъ при раздѣленіи на отрывочныя пѣсни, Слово стало понятно и согласно съ примѣрами, встрѣчаемыми въ пѣсняхъ Иліады и Нибелунговъ. Самое стремленіе многихъ коммен-

таторовъ Слова и самого Карамзина, весьма мало говорившаго о пѣсни Игоревой, показываетъ, что слишкомъ долгое продолженіе воззванія Святослава нарушаетъ внутреннее чувство читателя, по несогласію своему съ серьознымъ, строгимъ тономъ всей пѣсни

Золотое слово Святослава есть воззваніе къ Русскимъ князьямъ, заканчивающееся грустнымъ размышленіемъ, что Игорева полка не воскресить. Слова: «Донъ ти княже кличетъ» суть отвѣтъ пѣвца на безнадежную мысль престарѣлаго Святослава, и служатъ переходомъ къ повѣствовательному и баснословному разсказу. Нѣтъ основанія приписывать это повѣствованіе Святославу: тутъ уже нѣтъ и тѣни воззванія. Еслибы такова была мысль поэта, то это было бы единственное мѣсто, гдѣ онъ подражаетъ Гомеру и какъ будто разыгрываетъ на тему, что Несторъ дѣйствуетъ не дѣломъ, а словами и притчами.

Прямое доказательство, что слова: «Донъ ти княже кличетъ» не влагаются въ уста Святослава, видно изъ того, что они составляютъ прямой протестъ противъ его безнадежнаго взгляда на положеніе.

Не слѣдуетъ забывать, что богатырскія пѣсни имѣли характеръ драматическій, въ нихъ часто дается реплика. Греки называютъ свои богатырскія пѣсни трагудіи.

447—453 Непобѣдными жребіи собѣ власти расхыти-
сте кое ваши златыи шеломы и сулицы лядцкіи и щиты. За-
городите полю ворота своими острыми стрѣлами за зе-
млю Русскую за раны Игоревы буего Святъславлича.

§ 93 (D). Эти слова явно не относятся къ Ольговичамъ и Мстиславичамъ, поспѣвшимъ на брань. Можетъ быть частое, троекратное повтореніе: «за раны Игоревы буего Святославича» было одною изъ причинъ перепутанности текста: листы могли быть и разорваны, и неправильно сшиты. Могло быть и мѣстное побужденіе перенести упрекъ съ однихъ князей на другихъ, и наконецъ неудачное исправленіе на

основаніи какихъ либо ложныхъ предположеній, на примѣръ по случаю уподобленія князей птицамъ.

415—433. УжебоСȣланетечетъсребренымистрȣѧми къградȣПереѧславлюиДвинаболотомътечетъонымъ грознымъПолочаномъподъкликомъпоганыхъ. ЕдинъжеИзѧславъсынъВасильковъпозвонисвоимиострымимечиношеломылитовскіѧпритрепаславȣдѣдȣсвоемȣ Всеславȣасамъподъчръленымищитынакровавѣтравѣ притрепанълитовскымимечиИсхотиюнакроватьирекъ дрȣжинȣтвоюкнѧжептицъкрилыпріодѣазвѣрикровь полизашаНебысьтȣбратаБрѧчѧславанидрȣгагоВсеволодаединъжеизронижемчюжнȣдȣшȣизъхробратѣла чрезъзлатоожереліеУнылыголосипоничевеселіеТрȣбытрȣбѧтъГороденьскіи.

§ 91 (Е). «Уже *бо*» стоитъ здѣсь безъ всякой связи съ предъидущимъ, и наоборотъ: «трубы трубятъ Городенскія» совершенно неумѣстно вслѣдъ за упоминаніемъ кончины Изяслава. Воззваніе Святослава вообще сильно перепутано. Невозможно предполагать, что пѣвецъ сдѣлалъ это намѣренно, для изображенія путающагося старца. Это было бы псевдореалистически. Подобное путаніе не похоже на рѣчь огорченнаго старца, а скорѣе на плохо затверженный урокъ ученика. Всего же вѣроятнѣе предположить намѣренное искаженіе воззванія древними переписчиками или пѣвцами изъ-за личныхъ разсчетовъ, дабы не оскорбить слушателей. Сильнѣйшіе упреки въ сохранившемся текстѣ обращены къ тѣмъ князьямъ, которые, по словамъ самой пѣсни, исполнили свой долгъ.

«Двина болотомъ течетъ», напоминаетъ причитанья (Барсовъ, Москва, 1871. с. 17):

Мнѣ спустить ли то обиду во быстру рѣку?
Загрузить ли мнѣ обиду во озеркѣ?
Заболотѣетъ вода да въ быстрой риченькѣ,
Заволочится травой мало озерушко.

Кравать, ложе, постель, *одеръ*, grabatus, κράββατος, das meist ärmliche Ruhebett, Lager-Feldbett; французски—grabat.

Якоже ожереліе ризы моея обя мя (Кн. Іова, гл. XXX, ст. 18).

Въ духовной князя М. А. Верейскаго: ожерелье съ великими яхонты сажено зъ зерны съ великими;... другое ожерелье пристѣжное съ передци низано;... да на монистѣ икона животворящаго древа....

Въ духовной княгини Іуліаніи: монисто на гайтанѣ;... да ожерелье сажено...

Платы Царя Бориса Годунова:

Ожерелье кафтанное саженое по отласу по червчатому; а въ немъ 5 яхонтовъ лазоревыхъ въ 4-хъ гнѣздѣхъ, а у пятаго гнѣзда нѣтъ... Шуба ожерелье бобровое..

Въ выходныхъ книгахъ Царя Михаила Ѳедоровича, подъ 12 декабря 1632 года: зипунъ изъ мастерскіе безъ ожерелья, сорочка съ пристѣжнымъ ожерельемъ третьяго наряду. Описаніе ст. царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ, и т. д., изъ рукописей Архива Моск. Оруж. Палаты (Савваитовъ).

463—471. Ꙗрославенсивнуцевсеславлиужепонизить стѧзисвоивонзитьсвоимечивереженіужебовыскочисте изъдѣднейславѣвыбосвоимикромоламиначѧстенаво- дитипоганыѧназемлюрускуюнажизньвсеславлюкото- роебовѣшенасиліеотъземлиПоловецкый.

§ 96. Дубенскій полагаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о Ярославѣ Владиміровичѣ, внукѣ Мстислава Великаго. «Повидимому, говоритъ Дубенскій, во время этихъ сборовъ (1190) писано Слово о П. И., потому что сочинитель не предвидѣлъ въ походѣ успѣха; между тѣмъ Ярославъ Владиміровичъ, по условію, вступивъ въ Ливонскую землю, взялъ Дерптъ, и т. д., но были ли съ ними Полоцкіе князья? Кажется—должно быть!»

Это послѣднее обстоятельство не имѣетъ значенія, ибо упрекъ Ярославу и внукамъ Всеславовымъ можетъ быть обращенъ въ совокупно-

сти не только по поводу ихъ близкой связи, но также и на томъ основаніи, что ни Ярославъ, ни князья Полоцкіе не вступились за Игоря и за Россію. Главное дѣло заключается въ томъ, что подобное предположеніе о времени составленія пѣсни совершенно неосновательно, даже еслибы пѣснь была написана въ концѣ XVIII столѣтія, ибо здѣсь могутъ быть въ виду лишь дѣйствія совершившіяся до возвращенія Игоря. Ярославъ, здѣсь упоминаемый, можетъ быть Галицкій, а также и Черниговскій, неоказавшіе, вмѣстѣ съ князьями Полоцкими и Смоленскими, своего содѣйствія В. Кн. Кіевскому.

Обвиняемые князья въ наведеніи Половцевъ очевидно Всеславичи, а потому Ярославъ, къ коему относится тотъ же упрекъ, необходимо долженъ быть Ольговичь, и именно Ярославъ Всеволодовичь Черниговскій, умершій въ 1198 году, идущій въ прямой линіи отъ Олега, перваго виновника крамолъ, двоюродный братъ Игоря. Ярославъ Глѣбовичъ, женившійся въ 1199 г. на Всеславѣ, дочери Рюрика Ростиславича, не можетъ быть упомянутъ отдѣльно, какъ лицо самостоятельное, а равно и Ярославъ Владиміровичъ, умершій въ 1187 году.

О двоюродномъ братѣ Игоря, Ярославѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ, въ Ипат. Л. сказано: «а Ярославъ въ Черниговѣ совокупивъ вои свои стояшеть». Упрекъ пѣвца, не щадившаго Ольговичей, сродичей своего героя, могъ быть обращенъ къ Ярославу въ 1185 году, за его бездѣйствіе противъ Половцевъ; пѣвецъ Игоревъ въ 1187 году могъ еще имѣть большое основаніе негодовать на Ярослава.

Подъ 1187 г. въ Ипат. Л. сказано:

Тоѣ же зимы Святославъ сославъся съ Рюрикомъ, сватомъ своимъ, и сдумаста идти на Половцѣ; Рюрикъ же улюби Святославлю рѣчь, и рече ему:

«Ты, брате, ѣди в Черьниговъ, совокупися же со братією своею, а язъ сдѣсе со своею». И тако совокупившеся вси князи Русскіѣ пойдоша по Днѣпру, нелзѣ бо бяшеть индѣ ити, бѣ бо снѣгъ великъ; и доидоша до Снепорода, и ту изъимаша сторожы Половѣцкыѣ; и повѣдаша вѣжи и стада Половѣцкая у Голубого лѣса. Ярославу же не любо бысть дале пойти, и поча молвити брату Святославу: «не могу ити далѣ отъ Днепра, земля моя далече, а дружина моя

изнемоглася». Рюрикъ же поча слати ко Святославу, понуживая его, река ему: «брате и свату! намъ было сего у Бога просити, а вѣсть ны есть, а половци восе лежать за полъдне; аже кто расдумываеть и не хочеть ити, а мы два до сихъ мѣстъ ци на того зрѣла, но что намъ Богъ давалъ тое свѣдали». Святославу же любо бысть и рече ему: «азъ есмь, брате, готовъ есмь всегда и нынѣ; но посли ко брату Ярославу и попуди его, а быхомъ поѣхалѣ вси». Рюрикъ же посла ко Ярославу, и рече ему: «брате! тобѣ было не лѣпо измясти нами, а вѣсть ны правая есть, ажь вежи Половецкия восе за полдне, а великого ѣзду нѣтуть; а, брате, кланяютися, ты мене дѣля пойди до полуднья, а язъ тебе дѣля еду 10 днев». Ярославъ же не хотя ехати, рече: не могу поѣхати одинъ, а полкъ мой пѣшь; вы бы есте мнѣ повѣдалѣ дома же дотолѣ ити». И бысть межи ими распря. Рюрикъ же много понуживая ихъ, и не може ихъ повести; Святославъ же хотѣ ити с Рюрикомъ, но не оста брата Ярослава—и возвратишася во свояси.

Очевидно, пѣвецъ означаетъ жизнью Всеславьей жизнь Русскую, и быть можетъ жизнь всеславянскую. Также точно онъ называетъ жизнь Русскаго народа жизнью Дажьбожьяго внука. Это вѣрованіе въ геніевъ или героевъ, въ покровителей народовъ, упоминается Гезіодомъ, и о немъ распространяется Филостратъ. Всеславъ, геній, покровитель Русскаго племени, не можетъ быть никто другой, какъ отецъ Волги Всеславича. А Всеславъ этотъ, герой и кудесникъ, тоже что Periclymenus, сынъ морскаго царя. Баснь о Периклименѣ Греческомъ не имѣетъ ничего общаго съ Еленой. Всеславъ и Периклименъ имѣютъ общія имена, происхожденіе отъ царя морскаго и способность превращеній. Впрочемъ, древній Греческій міръ зналъ весьма мало о Периклименѣ.

Наоборотъ, Theoclymenus, Богуславъ, сынъ Протея, морскаго оборотня, держалъ въ храмѣ своемъ, въ Египтѣ, Елену. Менелай похищаетъ ее у него изъ храма. Преданіе, на коемъ основана трагедія Еврипида, живо напоминаетъ наши сказки, въ особенности сказку объ Иванѣ-царевичѣ, сѣромъ волкѣ, жаръ-птицѣ и Еленѣ прекрасной. У Рыбникова (Пѣсни, I, 1), Всеславъ называется Буслаевичемъ.

Протей, знаменитый оборотень, выходецъ изъ Ѳракіи, поселился въ Египтѣ, и считался морскимъ богомъ. Въ превращеніяхъ Овидія (Ovid. Metam., VIII), по переводу 1874 года, читаемъ:

То ты являешься зміемъ, къ которому страхъ прикоснуться,
То молодымъ человѣкомъ, то львомъ, то неистовымъ вепремъ,
То у тебя выростали рога,—ты въ быка обращался;
То измѣнялся ты въ камень иль дерево; то протекалъ ты,
Виду прозрачной воды подражая, широкой рѣкою;
То вдругъ являлся огнемъ, враждебнымъ водѣ элементомъ.

И во второй книгѣ, въ описаніи Солнцева дворца:

Въ морѣ виднѣлися всѣ божества, населявшія воды:
И сладкозвучный Тритонъ, и свой видъ безпрестанно мѣнявшій
Хитрый Протей.

Упоминаніе родоваго бога Всеславля служитъ переходомъ къ повѣствованію о Парисѣ Троянскомъ и Вольгѣ Всеславичѣ, Кирши Данилова, съ отождествленіемъ этихъ лицъ съ Всеславомъ Полоцкимъ. Большимъ подтвержденіемъ этому сближенію служитъ взглядъ Ѳ. И. Буслаева на тождество мѵѳическаго и историческаго Всеслава; это тѣмъ болѣе важно, что въ настоящемъ случаѣ мы встрѣчаемся идя по совершенно разнымъ путямъ. Вся разница во взглядахъ заключается въ томъ, что Ѳ. И. Буслаевъ, признавая въ принципѣ единство Индо-Европейскихъ мѵѳовъ, отвергаетъ примѣненіе принципа къ встрѣчающимся даннымъ въ Словенскихъ пѣсняхъ и сказкахъ. Я же, напротивъ, признаю несомнѣнную самобытность разработки этихъ мѵѳовъ въ средѣ Русскаго народа, и, сознавая вполнѣ, что въ нашихъ пѣсняхъ и сказкахъ сохранилась несравненно большая свѣжесть и первобытность, чѣмъ въ Греческихъ, тѣмъ не менѣе вижу въ Словѣ о П. И. несомнѣнные слѣды вліянія письменной, классической обработки. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно откровеннѣе и опредѣлительнѣе выразить космополитизмъ богатырскихъ пѣсенъ, какъ это выражено напр. въ пѣсни о Соловьѣ Будиміровичѣ. Не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ виду, что говорится о сложеніи пѣсенъ и сказокъ на Черноморскомъ островѣ въ сказкѣ о семи Семіонахъ. На эти пѣсни и сказки между прочимъ намекаетъ и Соловей Будиміровичъ, и означаетъ ихъ какъ припѣвки.

Два главные мотива его пѣсенъ, это сказанія библейскія и народныя — Новгородскія:

Младъ Соловей, сынъ Будиміровичь,
Струнку ко стрункѣ натягиваетъ,
Тонци по голосу налаживаетъ,
Тонци онъ ведетъ отъ Новагорода,
А другія ведетъ отъ Іерусалима,
А всѣ малые припѣвки з'за синя моря,
З'за синя моря Хвалынскаго,
Изъ-за того Кодольскаго острова,
Изъ-за того лукоморья зеленаго.

Желая отстаивать невозможное особнячество нашихъ такъ называемыхъ народныхъ пѣсенъ, ихъ лишаютъ смысла, и съ какимъ-то загадочнымъ самообольщеніемъ признаютъ за завѣтную и заповѣдную чушь то, что весьма просто и естественно объясняется сродствомъ разноплеменныхъ народовъ, имѣвшихъ за тысячи лѣтъ назадъ тѣ же самыя вѣрованія и преданія. Несомнѣнное сродство преданій отнюдь не нарушитъ самобытности народной поэзіи каждаго отдѣльнаго народа. Такъ, Германскія поэтическія преданія отличаются отъ Скандинавскихъ, не смотря на ихъ близкое сродство; Русскія отъ Сербскихъ, и всѣ они рѣзко отличаются отъ Греческихъ и Персидскихъ.

Всѣ эти сказанія имѣютъ свой яркій народный отпечатокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрны своему общему источнику. Главный же источникъ сказаній есть древнее Халдейское ученіе, находящееся въ близкомъ сродствѣ съ Буддизмомъ. Обоготвореніе родовыхъ боговъ отдѣльными племенами и воспоминаніе историческихъ личностей необходимо вносятъ развѣтвленіе въ космогоническій эпосъ. Мало замѣтно даже вліяніе окружающей мѣстности и климата. Поэтическія воззрѣнія Славянъ Аѳанасьева цѣликомъ перенесены изъ Нѣмецкой ученой литературы, и эта натуральная школа, при всей своей любви къ народности, клевещетъ на народъ, предполагая, что онъ заучивалъ наизусть втеченіи несмѣтнаго числа лѣтъ несмѣтное число варьянтовъ на темы объ утрѣ, днѣ и вечерѣ, о дождевыхъ облакахъ и громовыхъ стрѣлахъ. Нѣтъ, народность нашихъ пѣсенъ

внѣ всякаго сомнѣнія, она необходимое условіе ихъ распространенія и сохраненія въ устахъ народа; древность же ихъ разработки на нашей родной почвѣ обнаруживается сличеніемъ со сказаніями Греческими, передавшими мѵѳы не въ той полнотѣ, въ какой они сохранялись въ устахъ Русскаго народа. Фактъ этотъ далеко не удивительный: Греческіе мѵѳологи черпали свое вдохновенье въ сказаніяхъ народныхъ; Русскій же народъ, благодаря долгимъ зимамъ и короткимъ днямъ, и особенно скудости письменнаго образовательнаго матеріала, сохранилъ въ своей памяти древнѣйшія сказанія человѣчества, и эти устныя преданія служатъ во всей Европѣ поясненіемъ тѣхъ отрывковъ, которые сохранились въ памятникахъ письменныхъ.

При этой обстановкѣ трудно вопросу о сущности нашихъ пѣсенъ удержаться на исключительной почвѣ устнаго преданія. Скудость распространенія грамоты несомнѣнна, но нельзя также отрицать и возможности проявленія втеченіи столѣтій нѣсколькихъ свѣтлыхъ лучей. Слово о Полку Игоревѣ въ такомъ близкомъ сродствѣ съ Русскими народными пѣснями, даже въ ихъ позднѣйшихъ редакціяхъ, въ Словѣ встрѣчается столько поэтическихъ выраженій и оборотовъ, свойственныхъ Великорусскому народу на отдаленномъ сѣверѣ, что въ загадочныхъ ссылкахъ поэта на древніе мѵѳы, я весьма расположенъ былъ бы видѣть ссылки на русскія сказки и басни, но къ тому встрѣчается препятствіе: поэтъ говоритъ о Боянѣ какъ о знаменитости, а онъ слишкомъ умный человѣкъ, чтобы признавать знаменитыми людей, оставшихся совершенно неизвѣстными. Воззваніе поэта къ Бояну сильно напоминаетъ воззваніе Еврипида къ Гомеру, при сходной же обстановкѣ. Слѣдующія засимъ строки, о седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ, не дозволяютъ сомнѣваться, что поэтъ Игоревъ если и имѣлъ въ виду Русскія народныя сказанія, то также имѣлъ въ виду и редакцію Гомера. Это послѣднее обстоятельство едва ли можно признавать гипотезой. Затруднительность задачи заключается въ разрѣшеніи вопроса о доморощенности этихъ сказаній или ихъ акклиматизаціи на Русской почвѣ.

472—473. НаседьмомъвѣцѣТроѧнивръжеВсеславъ жребійодѣвицюсебѣлюбꙋ.

§ 97. Каждое слово нашего поэта основано на документахъ: Иліада, пѣснь XX:

215. Нашего предка *Дардана* Зевсъ породилъ Громовержецъ.
219. Славный Дарданъ, *Эриѳонія* сына родилъ скиптроносца.
230. Царь Эрихтоній родилъ властелина могучаго *Троса*.
231. Тросомъ дарованы свѣту три знаменитые сына:
232. *Илъ*, *Асаракъ* и младый *Ганимедъ*, небожителямъ равный.
236. Иломъ почтеннымъ рожденъ непорочный душей *Лаомедонъ*.
237. Царь Лаомедонъ родилъ знаменитыхъ: Тифона, *Пріама*.
238. Клитія, Лампа, и отрасль Арееву Гикетаона.
239. Каписъ, вѣтвь Ассарака, родилъ властелина Анхиза.
240. Я отъ Анхиза рожденъ, отъ Пріама божественный *Гекторъ*.

На эту родословную ссылаются средневѣковыя сказанія о происхожденіи франкской династіи отъ Дардана. Намекъ пѣвца Игоря на тоже происхожденіе объясняется самимъ источникомъ этихъ сказаній—Дунай и Донъ. Существованіе этого преданія въ XV столѣтіи при Московскомъ дворѣ доказываетъ, что и въ Москвѣ сохранилось смутное понятіе о нити, связывающей поколѣнія. Связь эта живо сохранилась въ сказкахъ и пѣсняхъ Русскихъ, Сербскихъ и Болгарскихъ, о коихъ уже было упомянуто выше; всѣ онѣ передаютъ древніе фригійскіе миѳы, и всѣ преданія носятъ характеръ доморощенности. Троянскія сказанія по существу были чужды Греческому обществу. Заступничество за Троянъ, высшихъ боговъ, Марса, Венеры, Юпитера и Аполлона, уже показываетъ, что сказанія эти были не народныя. Національное чувство Грековъ находило удовлетвореніе въ пѣсняхъ Иліады, такъ какъ пѣсни эти объединяли Греческія племена и притомъ исчисляли всѣ города, принимавшіе участіе въ общемъ дѣлѣ—уничтоженія Азіятскаго морскаго

союза, уже не проявлявшагося въ исторіи со времени разоренія Трои.

Для болѣе нагляднаго объясненія седьмаго Троянскаго вѣка или поколѣнія, прилагается родословная:

Дарданъ
|
Ерихтонъ
|
Тросъ (созид. Трою)
|

Илъ (созид. Иліонъ)	Ассаракъ
Лаомедонъ	Каписъ
Пріамъ, назыв. Подаркесъ	Анхизъ
Гекторъ, Парисъ и много др. сыновей и дочерей.	Эней
Астіанаксъ	Юлъ или Асканій-Сильвій
	Юлъ

По родословной Гезіода, Дарданъ, сынъ Юпитера и Електры, дочери Атласа и Иліона. Атласъ отъ Япета и Өемиды, а Япетъ отъ Неба и Земли. По Ипатскому списку лѣтописи, родословная Дажьбога ведется отъ Хама, брата Хуса:

Япетъ	Хамъ
Атласъ	Местраимъ
Юпитеръ-Електра	Еремія
Дарданъ	Феостъ или Сварогъ (Hephaestus)
	Солнце или Дажьбогъ.

Лѣтописецъ безъ сомнѣнія шутитъ *). Египетская родословная Дажьбога, чтимаго Русскими, какъ видно изъ Слова о Полку Игоревѣ,

*) Впрочемъ быть можетъ лѣтописецъ имѣлъ въ виду Финикійскую родословную, дѣйствительно идущую отъ Хама, не смотря на то, что племя было Семитическое.

за родоначальника, за народнаго представителя въ высшемъ мірѣ, вѣроятно ему надоѣла, и онъ вознамѣрился убить ее эпиграммой, исказивъ текстъ Малалы: αιγυπτιων δε εβασιλευσε πρῶτος βασιλευς-της φυλῆς του, Χαμ, υἱοῦ Νῶε, φαραω καὶ Ναραχῶ καλουμενος. Τὰ οὖν πρὸ τουτου παλαια βασιλεία των αιγυπτιον εξεθετο Μανε, θῶν ο σοφώτατος, ὡς προείρηται. Лѣтописецъ нашъ очень хорошо зналъ по вышепреведенной выпискѣ, что Местраимъ изъ рода Хамова, но не сынъ, и что это Ханаанская династія была позднѣе той династіи, которую Малала не признаетъ исторической. Единственный источникъ баснословной Египетской династіи, это Манетонъ. Syncellus называетъ Местраима (онъ же и Менесъ), царствовавшаго 35 лѣтъ; ему наслѣдуетъ Куродисъ въ 2811 г. по С. М.

Родословная боговъ и полубоговъ по Манетону:

Hyphaestus, Сварогъ.
Sol (Ηλιος) Дажьбогъ.
Agathodaemon.
Cronus.
Osiris et Isis.
Typhon.
Oros.
Ares.
Anubis.
Hercules.
Apollo.
Ammon.
Tithoes.
Sosis.

Лѣтописецъ нашъ ставитъ историческую династію Хамову передъ баснословной династіей отъ Гефеста. Эта ошибка вызвана была вѣроятно политическимъ настроеніемъ противъ расположенія современниковъ въ пользу древнихъ миѳическихъ преданій.

Сохранившіеся отрывки изъ Манетона помѣщены во второмъ томѣ Fragmenta Historicorum graecorum. Parisiis, F. Didot. 1848.

Волхвъ, въ пѣсни о Садкѣ богатомъ гостѣ, *сынъ и дочь* морскаго царя (Древн. Стих. К. Данилова, стр. 266, 337).

«Потому во всякомъ случаѣ», говоритъ г. Буслаевъ (О народной поэзіи, Москва, 1859)—«уже по самому грамматическому смыслу, отцемъ Волха былъ какой-то Всеславъ, или тотъ оборотень въ лютаго волка, тотъ вѣщій чародѣй, который уже въ Словѣ о Полку Игоревѣ смѣшивается съ извѣстнымъ княземъ Полоцкимъ, или же самъ баснословный Словенъ, на томъ основаніи, что и Всеславъ и Словенъ, какъ формы созвучныя, могли въ преданіи между собой смѣшаться». Вольга сынъ и дочь морскаго царя, а этотъ морской царь тотъ же Понтархъ, коего обоготворяли Днѣпровскіе жители Ольвіи.

Царь морской.—Днѣпровскіе жители Ольвіи почитали Ахиллеса за бога, и называли его Ποντάρχος, морскимъ царемъ (Dio. Chrysost., XXXVI, p. 78—80. Reisk Clarke. Travlls. T. I. 621. Choix de Medailles d'Olbiopolis. Paris, 1822, p. 20 и преимущественно Koehler. lacourse d'Achille, St.-Pétersbourg, 1827. Это одна изъ тѣхъ басенъ, слагавшихся на Черномъ морѣ, о коей упоминается въ сказкѣ о семи Семіонахъ, а эти семь Семіоновъ суть сами семь Эоновъ, по ученію гностиковъ, много занимавшихся басней о Еленѣ, Менелаѣ, Парисѣ и Ахиллесѣ.

Въ близкомъ сродствѣ съ этою басней о морскомъ царѣ и Вольгѣ Всеславьичѣ стоитъ и Франкская басня о Меровингахъ:

Вильгельмъ Giesebrecht, при переводѣ Григорія Турскаго, приводитъ слѣд. выписку изъ Фредегара (гл. X, стр. 269):

«Und man erzählt, dass als eines Mittags zur Sommerzeit Chlodeo mit seiner Gemahlin am Meeresgestade sass und sie zum Bade in das Meer ging, habe sie ein Thier, das Neptunes gesendet habe und das dem Minotaurus glich, voll Furcht erblickt, und dieses Thier habe sich ihrer bemächtigt. Von diesem Thiere, wie von ihrem Manne, empfing sie alsdann, und gebar einen Sohn, Merovech mit Namen, von dem die Frankenkönige nachher Merovinger genannt sind».

На стр. 225—340 приведены выписки изъ Франкскихъ Лѣтописей о Троянскомъ происхожденіи Франковъ; мѣстность означаемая въ этихъ сказаніяхъ—Болгарія и Донъ. Эпоха—конецъ IV столѣтія.

Не входя въ подробное изслѣдованіе, до какой степени эти сказанія имѣютъ историческое основаніе, достаточно для объясненія Пѣсни Игоревой, что они существовали въ VI и VIII столѣтіяхъ во Франціи, и что въ нихъ указывается на Дунай и на Донъ. Gregoire de Tours, Fredegar и составитель Франкской Лѣтописи имѣли въ виду тѣ же басни и сказанія, которыя имѣлъ въ виду и нашъ поэтъ.

На стр. 324 приведено мнѣніе Ѳ. И. Буслаева о тождествѣ Всеслава и Вольги Всеславича. Гёте, во второй части Фауста, («Елена») поясняетъ лучше всякаго комментарія права поэта въ этомъ вопросѣ:

(Хиронъ): ... *Ich seh die Philologen,*
Sie haben dich so wie sie sich selbst betrogen.
Ganz eigen ist's mit mythologischer Frau;
Der Dichter bringt sie, *wie er's braucht zur Schau;*
Nie wird sie mündig, wird nicht alt,
Stets appetitlicher Gestalt,
Wird jung entführt, im Alter noch umfreit
G'nug den Poeten bindet keine Zeit.

Вспоминая же объ Ахиллесѣ и ошибочно называя мѣстность (Ферэ):

(Фаустъ): Hat doch Achill auf Pherä sie gefunden,
Selbst ausser aller Zeit.
Und sollt ich nicht, sehnsüchstigster Gewalt,
Ins Leben ziehn die einzigste Gestalt
Das ewige Wesen.

Пѣснь о Вольгѣ Всеславичѣ была извѣстна древнимъ:

Schol. Apollon. ad I, 156. Hesiodus Periclymenum tradit in unam formarum adsuetarum commutatum umbelico jugi equorum Herculis insedisse, cupientem pugnam conserere cum heroe, Herculem vero, Minerva indicante, ad tempus eum sagitta occidisse. Canit enim ita:

Periclymenumque ferocem, felicem, cui dederat dona Neptunus quassator-terrae omnigena: aliquando enim quidem inter aves videbatur aquila, aliquando autem rursus erat mirabile visu. Formica, aliquando autem rursus apium splendidum examen, aliquando terribilis serpens et immitis: habebat vero dona omnigena, non nominanda, quae eum etiam deinde deceperunt consilio Minervae.

Scholiastes minor ad Il. II, 336. Dum Periclymenus, Nelei filius, vivebat urbs difficilis erat captu. Ancipitis enim vitae ille erat. Quem in apem commutatum stantemque in Herculis curru Minerva

Herculi ostendit occidique jussit. Nestor, qui tum inter Gerenos educabatur, vastata Pylo undecimque fratribus interfectis, solus relictus est. Inde etiam Gerenius nominatus est. Narrat Hesiodus in catalogis (Hesiodi carmina. Parisiis, 1841, F. Didot. 50).

Схоліастъ Аполлонія Родійскаго (пѣснь I, стр. 824) приводитъ стихи Гезіода о Периклименѣ, по милости Нептуна являвшагося между птицъ орломъ, ползавшаго муравьемъ, обращавшагося въ пчелиный рой или претворявшагося въ страшнаго змѣя. Онъ обладалъ тысячью дарами, которыхъ невозможно описать, но эти дары послужили къ его погибели, по волѣ Минервы.

О баснословныхъ муравьяхъ, губившихъ искателей золота, упоминается и въ древнихъ Индѣйскихъ памятникахъ (pipîlika; см. Wilson, Journal of the R. As. Soc. p. VII; ср. Ang. de Gubernatis: Die Thiere in der indogerman. Mythologie, 1874, стр. 372; также у Миллера: Илья Муромецъ, стр. 197; Hahn, Griechische und Alban. Märchen, т. I, стр. 85 (Ѵ); ст. Майкова въ Журн. М. Н. П., 1868, Ѵ, 630). Нельзя сомнѣваться, послѣ всѣхъ этихъ данныхъ, что этотъ Периклименъ, или Переславъ, тотъ же Волхвъ Всеславичь Кирши Данилова, Волхвъ-Всеславъ Пѣсни о Полку Игоревомъ и Волхвъ-Всеславъ Нестора. Онъ же и Александръ-Парисъ. Несторъ подъ 6552 (1044) годомъ говоритъ о Всеславѣ: «Въ се же лѣто умре Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимерь, отецъ Всеславль, и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его; его же роди мати отъ вълхованья, матери бо родивше его, бысть ему язвено на главѣ его, рекоша бо волсви матери его: «се язвено, навяжи на нь, да носить е до живота своего, оже носитъ Всеславъ и до сего дне на собѣ, сего ради не милостивъ есть на кровьпролитіе». Сказаніе это напоминаетъ разсказъ псевдо-Калисѳена о рожденіи Александра Великаго. Олимпія, жена Филиппа Македонскаго, пригласила къ себѣ знаменитаго волхва Нектанебо (по инымъ рукописямъ Антифонъ); волхвъ извѣщаетъ ее, что она родитъ сына отъ Аммона. Нектанебо подъ разными видами посѣщаетъ Олимпію сначала во снѣ. Филиппъ негодуетъ на рожденіе сына, зачатаго въ его отсутствіи. Нектанебо посѣщаетъ Олимпію въ видѣ змѣя для успокоенія Филиппа, въ его присутствіи, и посылаетъ ему птицу, которая кладетъ ему на

колѣни яйцо; изъ этого яйца вылѣзаетъ маленькая змѣя, которая умираетъ, не успѣвъ попасть обратно въ яйцо: въ знаменіе, что Александръ обойдя міръ не вернется на родину. Язьно, язвеное, δερμα—язвена, δερματα. Въ Златоструѣ: «шіяй язвена» (Miklosich и Востоковъ), δερμα—звѣриная кожа и кожица, мѣхъ; δερμα, отъ глагола δερω—деру, происходитъ также, какъ дернъ, одёръ и одръ.

По смыслу, язвено должно означать родимую сорочку. Однакоже не лишне упомянуть и другія его значенія. Язвъ—χοιρογρυλλος—erinaceus, Deuter., XIV, 7; Pent. Mih. Deut. XIV, 5, 7; Cod., XV, 38; vost. recte meles. Словенск. jazvec. jazbez; сербск. jazavac; ср. новогр. ἄσβος — animal incognitum apud Myrepsum. Ducange (Miklosich, Vindob., 1862—1865); по русски ёжъ; но χοιρογρυλλος — ежъ, уже въ древности было вопросное животное. По словарю Пассова, γρυλλος—угорь или угрь. Язвикъ, язвецъ, язво, новгородск. харщукъ; южнр. норное животное, барсукъ, meles, схожее со свиньей и съ медвѣдемъ; язво, язвецъ—жало; язъ, ѣзъ и езъ—плетня поперекъ рѣки, перебой для ловленія рыбы (Словарь Даля). Сюда же могутъ быть отнесены узы и юзы, удъ, союзъ, узда, ѫзкъ—angustus, ѫже, σχοινιον, funiculus, веревка δεσμος, catena, цѣпь; ѫжика, южика, ѭжика, συγγενις, consanguineus *).

Смѣшиванье различныхъ болѣе или менѣе историческихъ лицъ, жившихъ въ разныя столѣтія, основано на философской и религіозной системѣ.

«Что касается до Цельсія, то онъ говоритъ просто, что въ томъ кругѣ, въ коемъ вращаются всѣ смертныя и тлѣнныя существа, необходимо, чтобы все то, что существовало, что существуетъ и что будетъ, было бы постоянно то же самое, вслѣдствіе непремѣняемаго порядка, въ коемъ совершаются круговращенія; тогда какъ почти всѣ стоики говорятъ то же, и не объ однихъ смертныхъ, но и о безсмертныхъ существахъ, и даже о своихъ богахъ. По переходѣ вселенной черезъ какой-либо катаклизмъ, какъ это уже случилось, и какъ въ будущемъ повторится безчисленное число разъ, всѣ вещи отъ начала до конца сохранятъ тотъ же порядокъ, въ

*) Срв. Аѳанасьевъ: Поэт. воз. 1869. III, стр. 432 и сл. о наузахъ, узлахъ. Корень всѣхъ этихъ значеній въ глаголѣ вязать.

коемъ онѣ совершались и будутъ совершаться. Стоики, правда, стараются кое-какъ смягчить нелѣпость этого догмата, утверждая, что «люди, раждающіеся втеченіи извѣстнаго періода, всѣ совершенно *схожи*, только схожи съ людьми предыдущихъ періодовъ такъ что не тотъ же Сократъ снова родится, но совершенно подобный ему, Сократу, у котораго будетъ жена совершенно подобная Ксантиппѣ, и доносчики совершенно подобные Аниту и Мелите». (Трактатъ Оригена противъ Цельсія, греческ. текстъ, стр. CCVIII, французск. перев. Elie de Bouherat. Amsterdam, 1700, стр. 172).

Въ позднѣйшей или, правильнѣе, въ пространной Эддѣ (gylf. 35), Freya имѣетъ много именъ вслѣдствіе ея странствованій для отысканія мужа; такъ, она называется Mardöll, Hörn, Gefn, Syr; у Сакса грамматика (VII, 331—334)—Pyritha. Она называется также Vanadis. Это имя весьма близко къ Анагидѣ, названной на одной финикійской монетѣ Abedtanat *). Елена, Минерва, Діана, Астарта, Артемисъ, Ашера, утренняя и вечерняя Звѣзда, Заря, восходъ Солнца, Ашера, Лилитъ, мать-сыра земля — всепроизводящая и всепоглощающая; названіе ея Дѣвою совершенно правильно и классически. Если поклоненіе Дѣвѣ совершалось въ древности подъ именемъ Діаны, какъ явствуетъ изъ миѳа объ Ифигеніи и объ Орестѣ, перенесшемъ будто бы поклоненіе Діанѣ въ Малую Азію, то всѣ свидѣтельства древнихъ называютъ храмы и урочища, посвященные этой богинѣ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ: Παρθενων, а самую богиню η Παρθενη.

Шишковъ и Пожарскій совершенно филологически правильно признавали Дѣву-Обиду за Діану. Діана, и ея жрица Ифигенія, и Геката означали ту же богиню, и именно какъ богиню смерти.

Страбонъ (VII, 4), также какъ и пѣвецъ Игоревъ, не хотѣлъ обозначить богиню иначе, какъ «дѣва нѣкій демонъ»—το της παρθενου ιερον, δαιμονος τινος.

Это указываетъ, что въ первомъ столѣтіи имена: Діаны, Ифигеніи, Гекаты, Артемиды, уже не примѣнялись къ сказанной богинѣ.

*) Anaïtis oder der Pontisch Persische Mitra ist das Weibmännliche Feuer mit Vorwaltung des Weiblichen Wesens Mitra-Mithras. Creutzer, Symbolik, I, 333, со ссылкой на Franz von Streber.—Эти слова и имя Abedtanat сильно подтверждаютъ догадку о калмыцкомъ Абидѣ и дѣвѣ Обидѣ.

Виргилій, въ своей знаменитой IV Эклогѣ, по поводу примиренія Антонія и Октавіана, означаетъ начало новой счастливой эры возвращеніемъ Дѣвы и царства Сатурна.

Страбонъ (кн. VII, гл. VI, § 2) говоритъ, что въ городѣ Херсонисѣ находится храмъ Партеносы, т. е. Дѣвы. Онъ говоритъ, что во 100 стадіяхъ отъ города находится мысъ, носящій имя той же богини, съ храмомъ, ей посвященнымъ, и статуей. Въ § 5 той же главы читаемъ: «При входѣ въ Киммерійскій босфоръ находится городъ Мvрмекіонъ въ 20-ти стадіяхъ отъ Пантикапеи. Отъ Мvрмекіона до Партеніона вдвое, гдѣ входъ въ Меотійское море самый узкій; на противоположномъ берегу находится мѣстечко Ахиллеіонъ; до мѣстечка Ахиллеіонъ, гдѣ храмъ Ахиллеса, 20 стадій. Здѣсь истокъ Меотійскаго моря, самый узкій; 20 стадій или немного болѣе, на противоположномъ берегу мѣстечко Мvрмекіонъ (близъ Геракліи) и Партеніонъ» (Страбонъ, кн. XI, гл. I, § 6).

Мѣста, означаемыя Страбономъ, возбуждали споры; но мѣстность такъ опредѣлена, что сомнѣваться невозможно: въ VII книгѣ Страбонъ говоритъ о мысѣ Партеніонъ на юго-западномъ берегу Крыма, а въ V книгѣ о проливѣ, соединяющемъ Черное море съ Азовскимъ. Филостратъ же указываетъ на эти мѣстности, т. е. на острова сѣвернаго прибрежья Чернаго моря, какъ посвященные преимущественно Ахиллу и Еленѣ. Съ этимъ же сказаніемъ соединяется преданіе о Кіанейскихъ скалахъ. Замѣчательно и то, что сталкивающіяся Кіанейскія скалы, при входѣ во Ѳракійскій босфоръ (упоминаемый въ XII пѣсни Одиссеи), пріурочиваемыя Еврипидомъ къ Таврической мѣстности, упоминаются и въ нашихъ сказкахъ:

Стоятъ тутъ горы толкучія;
Тыя жъ горы врозь растолкнутся,
Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся:
Тутъ тебѣ, Дюку, не проѣхати,
Тутъ тебѣ, молодому, живу не бывати.

(Рыбн., I, 296).

Эта же картина встрѣчается въ стихѣ о Георгіи Храбромъ въ Сборн. Духовн. стиховъ Варенцова (97). Аѳанасьевъ и эти горы, какъ вообще всѣ явленія, описываемыя въ сказкахъ, объясняетъ ходячими облаками и громовыми стрѣлами, между тѣмъ какъ картина

эта дѣйствительно взята съ натуры. Аѳанасьевъ (Поэтическія воззрѣнія Слав., М. 1868, т. II, стр. 352) приводитъ также Болгарскую, Словенскую и Русскую сказки о добываніи воды между толкучихъ горъ.

Dubois de Montpereux (VI, 111) такъ говоритъ о бухтѣ Символонъ: «Les deux hauts rochers, qui s'avancent au sein des ondes et paraissent courir pour s'embrasser, sont là et ne laissent qu'un étroit passage tourné vers le midi, qui permet à peine à deux vaisseaux de s'y rencontrer». Татары, точно также, какъ и Еврипидъ, называютъ эти скалы «синими», по сѣро-голубому цвѣту камня, κυανει, Кююкъ-Ташъ (Pallas). Карлъ Neumann (Die Hellenen im Skythenlande, Berlin, 1855, B. I, 436) приводитъ почти тѣ же слова Палласа (II, 128—132). Neumann полагаетъ, что Συμβολον можетъ быть синонимъ Συμπλεγαδον. И дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что συγκαρουσα πετραι Еврипида, обитаемыя жрицами Таврической Дѣвы, принадлежатъ этой мѣстности. Гомеровы же синіе острова пріурочены ошибочно при входѣ въ Константинопольскій проливъ. Нельзя удивляться перенесенію басенъ съ одной мѣстности на другую, согласно съ переходомъ политическихъ интересовъ. Политическій интересъ преобладаетъ въ Иліадѣ и вообще въ древнихъ преданіяхъ, и боги пріурочивались тамъ къ мѣстностямъ для сосредоточенія народныхъ силъ. Это особенно замѣтно относительно мѵѳа о Еленѣ-Tanaïs.

Самое ясное опредѣленіе Елены, по ученію Гностиковъ, находится въ Библейско-Біографическомъ слов. Яцкѣвича и Благовѣщенскаго (С.-Петербургъ, 1849), въ статьѣ о Симонѣ-Волхвѣ. Въ этой статьѣ объяснено, почему Елена есть существо безъимянное:

«Ученіе Симона есть не что иное, какъ ученіе Гностиковъ при самомъ его началѣ. Симонъ принимаетъ ученіе двухъ міровъ различныхъ: высшаго міра, жилище свѣта и блаженства, и низшаго мѣста—тьмы и зла. Въ первомъ изъ этихъ міровъ находится существо самобытное, безконечное, первоначальное, которое обозначается словомъ Βυθος, глубина, бездна, и восемь степеней Эоновъ, αιωνες, или существъ, истекшихъ изъ субстанціи существа самобытнаго; эти Эоны образуютъ вмѣстѣ съ самобытнымъ существомъ плирому или совокупность разумовъ. Твореніе міра низшаго было слѣдствіемъ одного возмущенія, возникшаго въ плиромѣ. Εννοια,

разумъ, одинъ изъ Эоновъ, сотворилъ Ангеловъ, противъ воли Βυθος, которому онъ не сказалъ ничего. Ангелы, созданные черезъ Ευνοια, сотворили небо, землю и людей, *скрывши отъ послѣднихъ имя и мѣсто того существа*, отъ котораго они получили свое существованіе. Ευνοια, задержанный въ плѣну между Ангелами низшаго міра, принужденъ былъ принимать различныя формы и воплощаться попеременно въ тѣлахъ женскихъ. Такимъ образомъ этотъ Эонъ явился въ образѣ Елены при осадѣ Трои, и потомъ, являясь въ различныхъ тѣлесныхъ формахъ, онъ опять воплотился въ Еленѣ-блудницѣ, которую Симонъ встрѣтилъ въ Тирѣ, и божественную природу которой и ея дивныя несчастія онъ угадалъ по инстинкту. Чтобы пояснить эту проницательность, Симонъ говорилъ, что онъ одна изъ силъ плиромы, пришедшая для освобожденія Ευνοια и указанія ему пути въ лоно Βυθος. Но для Симона было еще и другое назначеніе. По теоріи Гностиковъ, паденіе, какимъ бы образомъ оно ни совершилось, необходимо требуетъ искупленія, т. е., чтобы одинъ изъ Эоновъ снизошелъ даже до послѣднихъ предѣловъ творенія, чтобы сообщить ему свѣтъ и жизнь небесную, которыхъ оно лишилось. Этимъ-то Эономъ-возстановителемъ и спасителемъ и былъ Симонъ. Вотъ почему и встрѣчаются у него Евангельскія слова: онъ называетъ себя Словомъ Божіимъ, Сыномъ Десницы, Духомъ Святымъ. Впрочемъ, онъ примѣнялъ его къ языку той страны, гдѣ проповѣдывалъ свое ученіе. Такимъ образомъ, Слово и Духъ Святый, употребляемые въ Іудеи, въ Тирѣ замѣнялись сыномъ Ваала, а женщинѣ, которая слѣдовала за нимъ, давалъ имя Вербело, дочь Ваала. Въ Римѣ тотъ и другая назывались Юпитеромъ и Минервой».

Изъ этой статьи видно, почему Елена называется Дѣвой въ Словѣ о П. И., почему въ сказкѣ за ней гонятся семь Семіоновъ и почему въ Словѣ о П. И. Ярославъ названъ Осмомысломъ. Далѣе мы увидимъ, что сѣрый волкъ является въ Словѣ согласно древнимъ баснямъ. Весьма важно и то, что, по ученію Симона, прозванія боговъ согласовались съ мѣстными вѣрованіями. Что касается до выраженія: «врже жребій о дѣвицю себѣ любу», то и это мѣсто совершенно классическое.

Въ трагедіи Еврипида Ρησος (стр. 182 и 183)·

...χρη δ'επ' αξιοις πονειν
ψυχην προβαλλοντ' εν κυβοισι δαιμονος,...
Должно изъ-за достойнаго работать,
Душу ставя на кости демоновы.

ἀναρρίπτειν τὸν περὶ των ὅλον κυβον, т. е. бросить кости на все, рискнуть вабанкъ' ανερρι φθω κυβος (Plut., Caes. 32., Ath. 13, p. 559 E); alea jacta est, Дестунисъ (1821, VIII, 421) въ жизнеописаніи Помпея переводитъ: „бросимъ жребій".

Что Славяне называли эту богиню Дѣвой, указываетъ распространеніе поклоненія Дѣвѣ въ славянскихъ земляхъ; таковы напр.: Прусскій Магдебургъ, по Славянски Dewin, и Магдебуръ въ Богеміи, по Чешски также Dĕwin. Въ Sassen Chronik разсказывается по поводу Магдебурга цѣлая баснь о Венерѣ и ея дѣвахъ. Эта Дѣва мать боговъ и мать (сыра) земля, коей, по свидѣтельству Тацита, былъ посвященъ кабанъ. Уже выше было говорено о разсказѣ Дитмара Мерзебургскаго (7, 416), о знамени Лютичей, посвященномъ той же богинѣ.

Dewas, Литовск. Богъ; Dewe, Богиня, Dewinne тоже, dewaites; богини источниковъ.

Dewmedis Artemisia, brotanum, Eberraute.

Дѣва, παρθενος, virgo (Остр. Еванг.; Супрасльск. рукоп.; Glagolita Clozian.). Дѣвица, тоже въ Свят. Изб.

Намекъ на Елену троянскихъ сказаній и Русскихъ богатырскихъ пѣсенъ совершенно правиленъ по тождеству ея съ Дѣвой, боготворимой на Азовскомъ морѣ, παρθενος; она называется Діаной, Ифигеніей и Еленой. Шишковъ, Пожарскій Грамматинъ и Максимовичъ угадывали въ этой Дѣвѣ Діану Таврополькую; но почему они не примѣняли къ этой догадкѣ данныя, сохраненныя классической литературой,—остается необъяснимымъ.

Сказаніе о Вольгѣ Всеславьичѣ такъ важно въ отношеніи объясненія Слова о П. И., что я привожу его здѣсь цѣликомъ (327), не смотря на извѣстность этого превосходнаго стихотворенія, принадлежащаго къ циклу Азовскихъ басенъ о Еленѣ (стр. 11, 199, 201).

Въ муѳѣ о Вольгѣ Всеславьичѣ сохранилась весьма важ-

ная картина борьбы двухъ сословій въ эпоху историческую. Въ сказкѣ этой кромѣ того удержано имя Елены Прекрасной, а также сохранился любопытный намекъ на тождество Всеслава и Ахиллеса: это превращеніе дружины Вольги въ муравьевъ. Муравьи эти сильно напоминаютъ или, правильнѣе, объясняютъ, почему люди Ахиллеса были названы Мирмидонами, признаваемыми Малалой за Болгаръ. Крѣпость Мурмекіонъ у входа въ Азовское море не можетъ не быть въ связи съ этой басней. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на сказаніе, сохранившееся въ Лѣтописяхъ:

«О исторіи еже о началѣ Русскія земли и созданія Новаграда и откуду влечашеся родъ Словенскихъ князей, а во иныхъ гранограѳехъ сія повѣсть не обрѣтается (По списку Хронографа 1679 года).

О Словенѣ и Русѣ. Княземъ бо Скифскимъ Словену и Русу мудростію и храбростію въ родѣ своемъ всѣхъ превозшедшимъ и начаша размышляти съ подданными своими премудре, рекоша же сице: или толико всея вселенныя, иже подъ нами нынѣ, еда нѣсть во жребіи праотца нашего Аѳета еще земли благи, и ко вселенію человѣчу угодны, слышахомъ отъ отецъ своихъ, яко благословилъ праотецъ нашъ Ной прадѣда нашего Аѳета частію земли всего западнаго и сѣвернаго и полунощнаго вѣтровъ, и нынѣ убо, братіе и друзи, послушайте совѣта нашего, оставимъ далече вражду сію и несогласіе, иже нынѣ тѣсноты ради творится въ насъ и подвигнемся убо и идемъ отъ земли сея, и отъ рода нашего и пойдемъ по вселенней свѣта сущей во жребіи прадѣдъ нашихъ, идѣже насъ преведетъ счастіе и благословеніе прадѣда нашего Аѳета, и подастъ намъ землю доброплодну и во обитованіе намъ и родомъ нашимъ. И люба бысть рѣчь сія Словенова и Русова всѣмъ людемъ, и вси яко едиными усты рѣша: благъ совѣтъ князей нашихъ, и добра рѣчь и чюдна премудрыхъ держателей нашихъ. И бысть въ лѣто отъ Адама 3099 Словенъ и Русъ съ роды своими отлучишася отъ Евксинопонта и идоша отъ роду своего, и отъ братій своея и хождаху по странамъ вселенныя, яко острокрилатіи орли прелетаху сквозѣ пустыни многи, имуще себѣ мѣста благопріятна, и во многихъ мѣстахъ почиваху мечтующе, но нигдѣ же обрѣтоша вселенія по сердцу своему, 14 лѣтъ пустыя страны обхожаху, дондеже до-

шедше озера нѣкого велика Мойска зовомого, послѣди же отъ Словена Илмеръ прошменовася во имя сестры ихъ Илмери, и тогда волхованіе повелѣ имъ быти населникомъ мѣста того.

«О началѣ Великаго Словенска, и о Волховѣ и о Волховцѣ. Старѣйшій же Словенъ князь съ родомъ своимъ, иже подъ рукою его, сѣде на рѣцѣ зовомой тогда Мутная, послѣди же Волховъ прошменовася во имя старѣйшаго сына Словенова, Волхва зовомаго, и поставиша градъ и именоваша его по имени князя своего Словенскъ Великій. Начало Словенску, иже на послѣди Новъградъ Великій проименовася, отъ устія великаго озера Илмера внизъ по велицей рѣцѣ, проименованіемъ Волховѣ, полтора поприща. И отъ того времени новопришельцы Скифстіи начаху именоватися Словяне, и рѣку нѣкую, во Илмеръ впадшую, прозваша во имя жены Словеновы Шелони; во имя же меншаго сына Словенова Волховца, проименоваша оборотную протоку, иже течетъ изъ великія рѣки Волхова и паки обращается въ него. Большій же сынъ онаго князя Словена Волховъ, бѣсоугодникъ и чародѣй лютъ въ людехъ, тогда и бѣсовскими ухищреніи мечты творя многа преобразуяся во образъ лютаго звѣря коркодила, и залягаше въ той рѣцѣ Волховѣ путь водный, и не покоряющихся ему овыхъ пожирая, овыхъ извергая потопляше. Сего же ради люди, тогда невѣгласи, Богомъ сущимъ того окаяннаго нарицаху, и грома его или Перуна нарекоша, Бѣлорускимъ бо языкомъ громъ перунъ именуется. По́стави же онъ, окаянный чародѣй, нощныхъ ради мечтаній собранія бесовскаго градокъ малъ на мѣстѣ нѣкоемъ зовомо Перыня, идѣже и кумиръ Перуновъ стояше. И баснословятъ о семъ волхвѣ невѣгласи глаголюще: въ Бога сѣлъ въ Бога окаяннаго претворяюще. Наше же христіянское истинное слово неложнымъ испытаніемъ многоиспытнѣ извѣстися о семъ окаяннѣмъ чародѣи волхвѣ, яко злѣ разбіенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ въ Волховѣ и мечтанми бѣсовскими окаянное его тѣло несено бысть вверхъ по оной рѣцѣ Волхову, и извержено на брегъ противу волховнаго его городка, идѣ же нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ ту отъ невѣгласъ погребенъ бысть окаянный, съ великою тризною поганскою, и могилу ссыпаша надъ нимъ вельми высоку, яко же есть обычай поганымъ. И по трехъ убо днехъ ока-

яннаго того тризнища просѣдеся земля и пожре мерзкое тѣло коркодилово, и могила его пресыпася съ нимъ во дно адово, иже и до нынѣ яко же повѣдаетъ знакъ ямы тоя не наполнится. Другій же сынъ Словеновъ малый Волховецъ живяше со отцемъ во градѣ своемъ Великомъ Словенскѣ, и родися Волховцу сынъ Жилотугъ, и протокъ прïименовася во имя его Жилотугъ, въ немъ же и утопе еще дѣтищъ сый. Другій же братъ Словеновъ Русъ вселися на мѣстѣ нѣкоемъ разстояніемъ отъ Словенска Великаго стадій 50 у соленаго студенца, и созда градъ между двѣма рѣкама, и нарече его во имя свое Руса, иже и до нынѣ именуется Руса старая; рѣку же ту сущую едину прозва во имя жены своея Порусіи, другую же рѣку именова во имя дщери своея Полисты. И ины грады многи Словенъ и Русъ поставиша, и отъ того времени по именамъ князей своихъ начахуся звати люди сіи Словяне и Руси. И отъ созданія міра до потопа 2242 лѣта, а отъ потопа до раздѣленія языкъ 530 лѣтъ, а отъ раздѣленія языкъ до начала Великаго Словенска, иже нынѣ Великій Новъградъ 327 лѣтъ, и всѣхъ лѣтъ отъ сотворенія свѣта до начала Словенска Великаго 3099 лѣтъ. Словенъ же и Русъ живяху между собою въ любви и стяжаху тамо, завладѣша многими странами тамошнихъ краевъ, такоже по нихъ сынове ихъ и внуцы княжаху по колѣнамъ своимъ, и налѣзши себе славы вѣчныя, и богатства многа мечемъ своимъ и лукомъ, обладаша же и сѣверными странами и по всему поморію даже и до предѣлъ ледовитаго моря, и окрестъ желтовидныхъ и зеленовидныхъ водъ, и по великимъ рѣкамъ Печерѣ и Выми, и за высокими непроходимыми каменными горами во странѣ рекомой Скиръ, еже есть Сибирь, по велицѣй рѣцѣ Оби до устья Бѣловодныя рѣки, ея же вода бѣла яко млеко, тамо беруще дорогую скору звѣря, рекомаго дынка, сирѣчь соболь. Хождаху же и на Египетскія страны и воеваху, и многое храбрство показующе, во іерусалимскихъ и варварскихъ странахъ велій страхъ тогда отъ сихъ належаше» (А. Поповъ: Изборникъ Славянск. и Русск. сочин. и стат., М., 1869, стр. 442—444).

Ѳ. И. Буслаевъ (Историческ. Очерки Русск. Народн. Поэзіи, СПБ., 1861, т. II, стр. 9), говоритъ:

«Самъ Русскій эпосъ возводитъ Волха, какъ рѣку, къ морскому

отцу. Въ пѣснѣ о Садкѣ богатомъ купцѣ это морское божество называется морскимъ царемъ, которому Садко приноситъ жертвы, какъ божеству, и даетъ дань, какъ царю, и который наконецъ женитъ этого богатаго гостя на одной изъ своихъ тридцати дочерей, именно на рѣкѣ Волховѣ. Не надобно удивляться, что чародѣй Волховъ, рѣчной змій, вдругъ становится дочерью, а не сыномъ морскаго царя. Это обыкновенная миѳологическая игра грамматическимъ родомъ: какъ собственное имя мужескаго рода, т. е. Волховъ, онъ сынъ Словена или змія, какъ имя нарицательное, т. е. рѣка — онъ имя нарицательное».

Но вопросъ здѣсь не грамматическій, а миѳологическій, какъ это справедливо и замѣчаетъ нашъ многоуважаемый филологъ: Русскіе пѣвцы не затруднились бы сдѣлать изъ рѣки Потокъ, и наоборотъ. Дѣло въ томъ, что, по ученію Гностиковъ и по древнѣйшему ученію Халдеевъ, Эоны не имѣютъ пола или, правильнѣе, имѣютъ тотъ и другой полъ. Объ этомъ упомянуто на стр. 201, и вышеприведенныя слова Ѳ. И. Буслаева служатъ подтвержденіемъ мнѣнія, что слова: «Встала дѣва Обида, вступилъ дѣвою на землю Трояню», не по опискѣ и не безъ намѣренія содержатъ въ себѣ мужской и женскій родъ. Вышеприведенное мнѣніе г. Буслаева, не раздѣляющаго взглядъ на сродство Русскаго эпоса съ Греческимъ, сильно подтверждаетъ правильность чтенія «вступилъ» безъ всякой поправки. Еще важнѣе другія слова Ѳ. И. Буслаева (Лѣтописи Русской Литературы. Москва, 1859, кн. I, стр. 12, и Историческ. Очерки Русск. Народной Поэзіи, т. I, стр. 384):

«Эти времена Трояновы дѣйствительно эпоха миѳическая, какъ уже это явствуетъ изъ вышеприведеннаго о Лебединой Дѣвѣ... Мы уже видѣли связь Всеслава Полоцкаго, этого волкодлака, съ божествомъ Хорсомъ и съ миѳическимъ Трояномъ. Замѣчательно, что и здѣсь вѣкъ Трояновъ относится къ эпохѣ отдаленной».

Далѣе, на стр. 19: «Особенно въ пѣсняхъ о Всеславѣ Полоцкомъ, Боянъ умѣлъ искусно слить въ одно художественное цѣлое элементъ историческій съ миѳическимъ. У Бояна не только лицо историческое, не только князь Полоцкій, который «скочи къ граду

Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго», но и вѣщій оборотень, который «людямъ судяше, княземъ грады рядяше», а самъ въ ночь «влъкомъ рыскаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше». Почти тоже говорится въ старинныхъ нашихъ сказкахъ о царѣ Китоврасѣ: «Обычай же той имѣя царь: во дни царствуетъ надъ людьми, а въ нощи обращашеся звѣремъ китоврасомъ, и царствуетъ надъ звѣрми». А такъ какъ роль Китовраса въ сказкахъ другихъ народовъ, и именно у Итальянцевъ, играетъ Сатиръ или Фавнъ, то очевидно, что и Троянъ съ козлиными ушами, и оборотень Всеславъ относятся къ одному и тому же отдѣлу миѳическихъ представленій, вмѣстѣ съ Китоврасомъ, Сѣверными Альфами, и т. п. Но этого мало: сходство нашего Всеслава съ Сербскимъ Трояномъ простирается до того, что оба они обгоняли путь солнца: и какъ Троянъ, вмѣстѣ съ пѣньемъ пѣтуховъ, спѣшилъ отъ своей любезной, чтобъ убѣжать отъ солнца, такъ и Всеславъ до куръ, т. е. до пѣтуховъ, успѣвалъ изъ Кіева въ Тмутороканъ, волкомъ перебѣгая путь великаго солнца». Пѣнье пѣтуховъ опредѣляетъ срокъ всѣмъ демонскимъ явленіямъ. Ѳ. И. Буслаевъ мѣтко и вѣрно сознаетъ двойственность лица Всеслава въ пѣсни Игоревой, и замѣчаетъ въ этой личности черты Китоврасовы и Трояновы. Съ своей стороны, я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе относительно Китовраса, какъ царя или чудовища морскаго, коего сынъ, по нашему эпосу, Словенъ, а Волхъ или Вольга Всеславичь внукъ. Что же касается до Трояна, то я прямо вижу связь между нашимъ эпосомъ и Троянскимъ и сказаніями болѣе древними, и въ повтореніи сего прилагательнаго вижу прямое указаніе, что на этотъ вопросъ пѣвецъ Игоревъ положительно глядитъ согласно съ моимъ изложеніемъ. Лицо Всеслава въ пѣсни Кирши Данилова сливается съ Александромъ-Парисомъ въ качествѣ похитителя чужихъ женъ и въ качествѣ человѣка отмѣченнаго съ рожденія, какъ лицо пагубное для своего рода. Волхвъ Всеславичь сливается еще болѣе съ Ахиллесомъ, посмертнымъ супругомъ Елены, сыномъ дочери морскаго бога, и, въ третьихъ, предводителемъ Мирмидоновъ, муравьевъ, въ кои обращается Волхъ Всеславичь съ своею дружиной. Туземность этого миѳа на Азовскомъ морѣ

ознаменована крѣпостію Мурмекіонъ, у входа въ Азовское море. Сомнѣваюсь, чтобы эти сближенія были случайны: пѣвецъ Игоревъ, упоминая Всеслава, конечно прежде всего имѣлъ въ виду пѣснь о Всеславлѣ, т. е. Волхвѣ Всеславичѣ, на коего существуютъ намеки и въ классической Греческой словесности, подъ именемъ Периклимена, сына морскаго бога.

Рожденіе Всеслава отъ волхованья, по Лѣтописи, безъ сомнѣнія въ связи съ рожденіемъ Волхва Всеславича, а рожденіе этого послѣднаго, въ свою очередь, весьма напоминаетъ рожденіе Александра отъ Нектанебо, царя Египетскаго, превращавшагося въ дракона. Съ этими баснями въ связи и сказанія о происхожденіи родоначальника Меровинговъ отъ морскаго чудовища, посѣтившаго на берегу морскомъ королеву, въ присутствіи ея мужа, также какъ и въ сказкѣ псевдо-Калисѳена, Нектанебо, въ видѣ страшнаго дракона, увивается около жены Филиппа для убѣжденія короля Македонскаго, что Олимпія находится въ связи съ сверхъестественными силами. Всѣ эти миѳы должны, кажется, быть въ связи съ древнимъ Халдейскимъ миѳомъ о морскомъ чудовищѣ Оаннесѣ, являвшемся на берегу моря для просвѣщенія народа. Этотъ Оаннесъ долго жилъ въ памяти народной и по введеніи христіанства, вслѣдствіе распространенія ученія Гностиковъ. Оаннесъ часто изображается на разныхъ Гностическихъ камняхъ, служившихъ талисманами.

Слова: «на седьмомъ вѣцѣ Трояни вврже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу» не дозволяютъ сомнѣваться, что пѣвецъ Игоревъ, кромѣ народнаго эпоса о Волхвѣ Всеславичѣ, имѣлъ въ виду Иліаду, или вообще Троянскія сказанія, признавая ихъ за тождественныя съ Русскими. Г. Безсоновъ ,одинъ изъ издателей I-го тома Пѣсенъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ, признаетъ пѣснь Кирши Данилова искаженною, и видитъ въ Волхвѣ Всеславичѣ Вольгу Буслаевича и Олега Святославича. Что касается до тождества формъ Вольги и Олега, то въ этомъ нѣтъ основанія сомнѣваться. Г. Безсоновъ видитъ въ пѣсни о Вольгѣ Всеславичѣ историческаго Олега на томъ основаніи, что, по одному сравнительно плохому варьянту, Вольга ходитъ въ Константинополь и женится на Турецкой царицѣ Панталановнѣ. Пріурочиваніе превосходной пѣсни Кирши

Данилова къ историческому Олегу, лишаетъ эту пѣснь смысла и связи съ пѣснью о Волхвѣ Всеславичѣ и Селяниновичѣ. Въ этихъ пѣсняхъ, не говоря уже о миѳическомъ ихъ строѣ, не могъ воспѣваться историческій Олегъ на томъ основаніи, что попытка Олега основать господство надъ племенами, обитавшими въ Россіи, была весьма удачная, и господство, установленное Олегомъ, удержалось лишь при Игорѣ. Святославѣ и Владимірѣ. Пѣснь о Волхвѣ Всеславичѣ и Селяниновичѣ есть явная эпиграмма на какую-то неудавшуюся попытку какой-то дружины, исчезнувшей безъ слѣдовъ въ Россіи. Подобныхъ попытокъ было несомнѣнно много: Скиѳскихъ, Готскихъ и Русскихъ, до водворенія дружины Рюрика, Олега, Святослава и Владиміра.

Такъ какъ сборникъ Кирши Данилова рѣдокъ, а между тѣмъ пѣснь его о Волхѣ важна въ отношеніи къ Слову о Полку Игоревѣ, то для удобства читателей я считаю полезнымъ помѣстить эту пѣснь здѣсь въ полномъ ея объемѣ:

ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЬ.

(Древнія Россійскія Стихотворенія Кирши Данилова)

По саду, саду, по зеленому, ходила, гуляла
Молода Княжна Марѳа Всеславьевна,
Она съ камени скочила на лютаго на змѣя,
Обвивается лютой змѣй около чебота зеленъ сафьянъ,
Около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну,
А втапоры княгиня поносъ понесла, —
А поносъ понесла и дитя родила;
А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ:
А въ Кіевѣ родился могучь богатырь,
Какъ бы молодой Волхъ Всеславьевичъ:
Подрожала тогда сыра земля,
Стряслося славно Царство Индѣйское,
А и синее море сколебалося
Для ради рожденія богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича:
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры, да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки, медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.

А и будетъ Волхъ въ полтора часа.
Волхъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:
„А и гой еси, сударыня матушка,
„Молода Марѳа Всеславьевна!
„А не пеленай во пелену червчатую,
„А не пояши въ поясья шелковые,—
„Пеленай меня, матушка,
„Въ крѣпки латы булатные,
„А на буйну голову клади златъ шеломъ,
„Во праву руку палицу,
„А тяжку палицу, свинцовую,
„А вѣсомъ та палица въ триста пудъ“.
А и будетъ Волхъ семи годовъ.
Отдавала его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Волху въ наукъ пошла;
Посадила ужъ его перомъ писать:
Письмо ему въ наукъ пошло.
А и будетъ Волхъ десяти годовъ,
Втапоры поучился Волхъ ко премудростямъ:
А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ;
Ко другой-то мудрости учился онъ, Волхъ,
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Къ третей-то мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога.
А и будетъ Волхъ во двѣнадцать лѣтъ,
Сталъ себѣ Волхъ онъ дружину прибирать,
Дружину прибиралъ въ три годы,
Онъ набралъ дружины семь тысячей;
Самъ онъ Волхъ въ пятнадцать лѣтъ,
И вся его дружина по пятнадцати лѣтъ.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Кіеву,
Индѣйской Царь наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочетъ Кіевъ градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Со всею дружиною хораброю
Ко славному Царству Индѣйскому
Тутъ же съ ними во походъ пошелъ.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ:
Онъ обернется сѣрымъ волкомъ.
Бѣгалъ, скакалъ по темнымъ по лѣсамъ и по раменью,
А бьетъ онъ звѣри сохатые,
А и волку, медвѣдю спуску нѣтъ,
А и соболи, барсы любимой кусъ,

Онъ зайцамъ, лисицамъ не брезгивалъ;
Волхъ поилъ, кормилъ дружину хорабрую.
Обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцовъ.
Носили они шубы соболиныя,
Перемѣнныя шубы-то барсовыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ;
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ далече на сине море,
А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
А сѣрымъ, малымъ уткамъ спуску нѣтъ:
А поилъ, кормилъ дружинушку хорабрую,
А всѣ у него были яства перемѣнныя,
Перемѣнныя яства сахарныя.
А сталъ онъ Волхъ вражбу чинить.
„А и гой еси, вы, удалы добры молодцы,
„Не много не мало васъ, семь тысячей!
„А и есть ли, братцы, у васъ таковъ человѣкъ,
„Кто бы обернулся гнѣдымъ туромъ,
„А сбѣгалъ бы ко Царству Индѣйскому,
„Попровѣдалъ бы про Царство Индѣйское,
„Про царя Салтыка Ставрульевича,
„Про его буйну голову Батыевичу“.
Какъ бы листъ со травою пристилается,
А вся его дружина приклоняется,
Отвѣчаютъ ему удалы добры молодцы:
—Нѣту у насъ такого молодца,
—Опричь тебя, Волха Всеславьевича.
А тутъ таковой Всеславьевичь
Онъ обернулся гнѣдымъ туромъ-золотые рога,
Побѣжалъ онъ ко Царству Индѣйскому;
Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,
А другой скокъ не могли найти;
Онъ обернется яснымъ соколомъ,
Полетѣлъ онъ ко Царству Индѣйскому.
И будетъ онъ во Царствѣ Индѣйскомъ,
И сѣлъ на палаты бѣлокаменны,
На тѣ на палаты Царскія,
Ко тому Царю Индѣйскому,
И на то окошечко косящатое.
А и буйные вѣтры по насту тянутъ:
Царь со Царицею въ разговоры говоритъ.
Говорила Царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна:
„ А и гой еси ты, славной Индѣйской Царь!
„Изволишь ты наряжаться на Русь воевать,
„Про то не знаешь, не вѣдаешь:
„А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
„А въ Кіевѣ родился могучь богатырь,

„Тебѣ, Царю, сопротивничикъ“.
А втапоры Волхъ онъ догадливъ былъ:
Сидючи на окошкѣ косящатомъ,
Онъ тѣ то-де рѣчи повыслушалъ;
Онъ обернулся горностаемъ,
Бѣгалъ по подваламъ, по погребамъ,
По тѣмъ по высокимъ теремамъ,
У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повынималъ,
У того ружья вѣдь у огненнаго
Кременья и шомполы повыдергалъ,
А все онъ въ землю закапывалъ.
Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хорабрыя.
Дружина спитъ, такъ Волхъ не спитъ,
Разбудилъ онъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ:
„Гой еси вы, дружина хорабрая!
„Не время спать, пора вставать!
„Пойдемъ мы ко Царству Индѣйскому!
И пришли онѣ ко стѣнѣ бѣлокаменной:
Крѣпка стѣна бѣлокаменна,
Ворота у города желѣзныя,
Крюки-засовы всѣ мѣдные,
Стоятъ караулы денны, нощны,
Стоитъ подворотня дорогъ рыбій зубъ,
Мудрены вырѣзы вырѣзано,
А и только въ вырѣзку мурашу пройти.
И всѣ молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорятъ таково слово:
—Потерять будетъ головки напрасныя,
—А и какъ намъ будетъ стѣна пройти?
Молодой Волхъ онъ догадливъ былъ:
Самъ обернулся мурашикомъ,
И всѣхъ добрыхъ молодцовъ мурашками;
Прошли они стѣну бѣлокаменну,
И стали молодцы ужъ на другой сторонѣ,
Въ славномъ Царствѣ Индѣйскіимъ.
Всѣхъ обернулъ добрыми молодцами,
Со своею, стали, сбруею со ратною,
А всѣмъ молодцамъ онъ приказъ отдаетъ:
„Гой еси вы, дружина хорабрая!
„Ходите по Царству Индѣйскому,
„Рубите стараго, малаго,
„Не оставьте въ Царствѣ на сѣмена;
„Оставьте только вы по выбору,
„Не много не мало семь тысячей.

„Душечки красны дѣвицы“.
А и ходитъ его дружина по Царству Индѣйскому,
А и рубитъ стараго, малаго,
А и только оставляютъ по выбору
Душечки красны дѣвицы.
А самъ онъ, Волхъ, во палаты пошелъ,
Во тѣ во палаты Царскія,
Ко тому Царю ко Индѣйскому;
Двери были у палатъ желѣзныя,
Крюки, пробои по булату злачены.
Говоритъ тутъ Волхъ Всеславьевичь:
„Хотя нога изломить, а двери выставить!“
Пнетъ ногой во двери желѣзныя,
Изломалъ всѣ пробои булатные,
Онъ беретъ Царя за бѣлы руки,
А славнаго царя Индѣйскаго,
Салтыка Ставрульевича,
Говоритъ тутъ Волхъ таково слово:
„А и васъ-то Царей не бьютъ, не казнятъ“.
Ухватя его ударилъ о кирпищатой полъ,
Расшибъ его въ крохи...
И тутъ Волхъ самъ Царемъ насѣлъ,
Взявши Царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну.
А и та-то его дружина хорабрая
И на тѣхъ на дѣвицахъ переженилася.
А и молодой Волхъ тутъ Царемъ насѣлъ,
А то стали, люди посадскіе;
Онъ злата серебра выкатилъ,
А и коней, коровъ табуномъ дѣлилъ.
А на всякого брата по сту тысячей.

Выше мы видѣли (ср. § 55, выдержки изъ Всеобщей Исторіи Макса Дункера о культѣ Дѣвственной богини), что Малоазійскія мистеріи находятся въ крайне близкомъ сродствѣ съ ученіемъ хлыстовъ, и въ самомъ дѣлѣ, культъ Афродиты, Астарты далеко не былъ нравственнѣе, ни эстетичнѣе тѣхъ мистерій, которыя приписываются двумъ Русскимъ сектамъ.

Жрецы этой Дѣвственной богини въ Малой Азіи назывались Галлами, т. е. скопцами и волхвами; при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, по древнимъ свидѣтельствамъ, культъ этотъ былъ перенесенъ изъ Тавроскиѳіи въ Малую Азію Орестомъ.

Гностическія секты, существовавшія еще въ XII столѣтіи, преимущественно занимались развитіемъ идеи Александрійской школы о единствѣ религій, вдаваясь въ мистицизмъ и аскетизмъ. Въ этихъ сектахъ также проявлялось стремленіе къ скопчеству и даже проповѣдывался развратъ для умерщвленія страстей.

Скопческія общества Валезанъ были такъ сильны, что имѣли даже свои города, и неосторожные хотя и рѣдкіе путешественники заѣзжавшіе въ эти мѣста, по свидѣтельству св. Епифанія, подвергались извѣстному обрядовому увѣченію.

Основа этого ученія теряется въ древнѣйшихъ заблужденіяхъ человѣчества; такъ, уже въ Ѳеогоніи Гезіода (175—200) разсказывается мѵѳъ объ оскопленіи Ураноса: Мать-земля (Γαια), въ негодованіи на мужа своего, Ураноса (небо), вручаетъ сыну своему, Хроносу (время), серпъ; Хроносъ бросаетъ отрѣзанныя части въ море, и изъ поднявшейся пѣны раждается Афродита, изъ крови же, павшей на землю, раждаются богини мести и великаны.

Оскопленіе, хотя и рѣдкое явленіе, составляло несомнѣнно принадлежность древняго язычества, также какъ и круговращенія для приведенія себя въ изступленное, восторженное состояніе. Ордена Дервишей на Востокѣ принадлежатъ безъ всякаго сомнѣнія тому же основному ученію.

Судя по письму Елянскаго (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн., 1867, кн. IV. и статьи Мельникова въ Русск. Вѣстн., 1869, Май) прямо видно что въ скопчествѣ сохранилось сознаніе, принадлежности его къ древней сектѣ, существованіе коей исторически извѣстно было еще въ VII столѣтіи.

«Въ прежнія времена, пишетъ Елянскій, до VII вѣка отъ Христа, было открытое скопчество отъ временъ Апостольскихъ, и были нарочитые монастыри, бѣлоризцами нарѣченные, яко изъ убѣленныхъ людей составлялись. Было много Архіепископовъ въ Греціи, въ Римѣ, какъ достаточно о сей матеріи свидѣтельствуютъ книги Баронія двѣнадцатыхъ вѣковъ, прологи, четьиминеи, какъ-то: житія Меѳодія 14 Іюня, Му́рина-скопца, Оригена. Архіереи и даже славные воины были скопцы, какъ-то: Стипиніонъ (?) въ Греціи, который всю Африку побѣдилъ».

Этотъ вопросный Стипиніонъ, Сципіонъ Африканскій, причисляетс я къ сектѣ по случаю воздержанія его при взятіи города въ Испаніи. Сонъ Сципіона, разсказанный Макробомъ, связываетъ имя его съ мистической литературой. Сонъ этотъ одно изъ крупнѣйшихъ явленій въ ряду мистическихъ писаній. Сектаторы VII столѣтія, на которыхъ указываетъ Елянскій, могутъ быть Николаиты, Валезаны, Павликіане, и вообще Гностическія секты, существовавшія и въ XII столѣтіи. Умерщвленіе плоти и безбрачность составляли основу всѣхъ этихъ сектъ. Самое слово «хлыстъ» вѣроятно тождественно съ «холостъ» и «хластъ». Въ пѣсняхъ нѣтъ прямаго указанія о принадлежности секты къ ученію ересіарха, Волхва Симона, и къ поклоненію Астартѣ; но ученіе и самое изувѣрство ихъ тождественны. Собственныя имена въ этихъ сектахъ ничего не объясняютъ, ибо ученіе Волхва Симона подчинялось мѣстной господствующей вѣрѣ. «Такимъ образомъ, Слово и Духъ Святый, употребляемые въ Іудеи, въ Тирѣ замѣнялись сыномъ Ваала, а женщинѣ, которая слѣдовала за нимъ, давали имя Вербело, дочь Ваала. Въ Римѣ тотъ и другая назывались Юпитеромъ и Минервою» (Библ.-Біогр. Слов. Яцкѣвича и Благовѣщенскаго).

Въ одной скопческой пѣснѣ, встрѣчается соединеніе въ одно лицо матери-сырой земли и зари, объясняемое лишь древнимъ ученіемъ объ Астартѣ, матери-земли и боговъ, утренней и вечерней звѣздѣ и зарѣ-Азаритисъ. Это указаніе, даже взятое отдѣльно, не говоря о совокупности собранныхъ указаній, весьма важно. Подробная разработка ихъ внѣ предѣловъ настоящаго изслѣдованія.

Зорюшка занимается,
Бѣлая райская пташечка
По садику бѣгала,
Слезушки роняла,
Крылышками махала,
Сердцемъ воздыхала,
Къ землѣ припадала,
Мати докладала:
Мать, земля сырая,
Зорюшка-бѣлая:
Скажи такія вѣсти,
Доколь труды нести.

Это плохое стихотвореніе состоитъ изъ 64 стиховъ, не представляющихъ ничего любопытнаго, кромѣ начала.

На стр. 66—68 помѣщены двѣ пѣсни: «Ахъ, и по морю» и «Соколы мои, соколы», принадлежащія къ тому же циклу о соединеніи и разъединеніи двухъ началъ, составляющихъ условіе жизни. Китайцы называютъ это круговращеніе движеніемъ теплорода и покоемъ водорода. Уже съ весьма давнихъ временъ Елена считалась тождественною съ водородомъ, Менелай былъ представителемъ покоя, а Парисъ и Ахиллесъ представителями движенія теплорода. Самое имя Ахиллеса объяснялось и объясняется Романскимъ Agile.

Что касается до большинства нашихъ пѣсенъ, то нѣтъ никакого основанія относить ихъ къ скопческимъ пѣснямъ: скопчество никогда и нигдѣ не составляло сущности ученія, а было лишь проявленіемъ *изувѣрства*. Но съ другой стороны я полагаю, что большое количество нашихъ духовныхъ пѣсенъ и сказокъ принадлежитъ мѣстностямъ подобнымъ той, которую указываютъ Филостратъ, сказка о Семи Семіонахъ и пѣсня Кирши Данилова. Константинъ Багрянородный или Филостратъ намекаютъ на какія-то опасныя мистеріи, происходившія по ночамъ на островѣ Ахиллеѣ, такъ что мореплаватели, отлично угощаемые днемъ, спѣшили удаляться на свои корабли послѣ захожденія солнца, во избѣжаніе какой-то опасности.

Вліяніе сектъ, роившихся, по выраженію одного отца церкви, въ Скиѳіи, не могло не отразиться на нашей народной литературѣ, что объясняетъ многочисленность такъ называемыхъ народныхъ пѣсенъ. Самая продолжительность и постоянное обновленіе этихъ пѣсенъ едва ли даютъ намъ право отрекаться отъ ихъ доморощенности. Такъ, уже Манесъ ссылался на заимствованіе своего ученія отъ Скиѳіяна.

Изслѣдованіе этого вліянія такъ важно, что я помѣщаю здѣсь шесть хлыстовскихъ пѣсенъ изъ Сборника, принадлежащаго г. Штендтману, хотя приводимыя пѣсни и не имѣютъ прямаго и явнаго отношенія къ разсматриваемому памятнику. Пользуюсь случаемъ принести мою живѣйшую благодарность Ю. Ѳ. Штендтману за обязательное сообщеніе этихъ замѣчательныхъ стихотвореній.

По отношенію къ намекамъ въ Словѣ о Полку Игорѣвѣ, въ этихъ стихотвореніяхъ особенно важно упоминаніе Дона съ его притоками и самая форма Данай, напоминающая Танаисъ. Древнее ученіе Симона Волхва повторяется хлыстовской сектой съ незначительнымъ измѣненіемъ именъ, а это постоянное измѣненіе именъ объясняется самымъ ученіемъ. Уже въ древности культъ Діаны Таврапольской превратился въ культъ жрицѣ ея, Ифигнеіи, и затѣмъ этотъ же самый культъ становится извѣстенъ подъ именемъ Елены. Издаваемыя нынѣ шесть пѣсенъ, судя по заглавіямъ, принадлежатъ къ числу 27 пѣсенъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ при дѣлахъ о скопцахъ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія.

4.

Сія пѣсенка слезная и воскресительная, какъ доселѣва мы жили на землѣ, ничего не знали:

Мы не вѣдали, 2
Какъ что на землѣ сотворяется, 2
Бѣлъ престолъ Господень поставляется, 2
А самъ Господь Богъ, самъ Небесный Царь, 2
По землѣ, сударь нашъ, онъ катается, 2
По ровну, сударь, онъ съ человѣками, 2
Во плоти, сударь, онъ въ человѣческой. 2
Собиралися, сходилися, 2
Со всѣ, со четыре со сторонушки, 2
На святу бесѣду, на апостольску, 2
Возмолилися ко Святу Духу, 2
Проливали слезы ко источнику. 2
Государь нашъ, батюшка, Святый Духъ, 2
Укажи намъ путь свой Божій, истинный:
Намъ како итить, до тебя доитить, 2
До твоего царства, до Небеснаго, 2
До рая, сударь, до блаженнаго. 2
Какъ не золота трубушка вострубила, 2
Живогласная къ намъ прогласила, 2
Прогласилъ надежда нашъ, Святый Духъ: 2

И вы, братія и сестры духовные, 2
Вы ступите же по духовному, 2
По Святу Духу, по блаженному, 2
Вы не пейте же пойла пьянаго, 2
Ни вина, други, ни зеленаго, 2
Не становите же меды сладкіе, 2
Не творите, други, грѣха тяжкаго, 2
Не бранитеся словомъ скверныемъ, 2
Не гнѣвайтеся всякою злобою, 2
Не водитеся сестры съ братіями. 2
Укажу вамъ путь свой Божій, истинный, 2
Како вамъ итить, до меня дойтить, 2
До моего царства до Небеснаго: 2.
Вы подите же на тихой мой Донъ, 2
На тихомъ Дону утѣшитеся; 2
Вы еще пойдите на Сладѣй рѣку, 2
На Сладѣй рѣкѣ насладитеся. 2
Вы еще пойдите на Дарей рѣку, 2
На Дарей рѣкѣ надаритеся. 2
Вы не ходите, други, на Шатъ рѣку: 2
Еще же Шатъ рѣка шатоватая, 2
Отлучитъ она отъ дѣла Божьяго. 2
Какъ взойдите, други, на Сіонъ гору,
Вы пойдите, други, на Сіонъ гору, 2
Взошедъ, вы сами оглянитеся: 2
Не остался ли кто на сырой землѣ, 2
За ихъ вы Богу помолитеся, 2
Самому Отцу, Свѣту Небесному, 2
И Сыну Божію Единородному, 2
И Святому Духу, и Блаженному,
И Матери его, Святой Божіей, 2
Пресвятой, Святой Богородицѣ, 2
И всей Силѣ Господней Божіей, 2
И всѣмъ праведнымъ изобраннымъ. 2

5.

Сія пѣсенка моленіе Богородицы Маріи, Матери Божіи о грѣшныхъ ко Сыну Своему, Христу Богу нашему:

На зарѣ было, на утренней, 2
На закатѣ свѣтла мѣсяца, 2

На выходѣ красна солнышка, 2
На теплой тихой на заводи, 2
Не бѣла лебедь воскликала, 2
Прогласила Помощница 2
Своему Сыну изобранному, 2
Изобранному, возлюбленному: 2
И ты, Свѣтъ, сударь, Свѣтъ Сыне Божій, 2
Изобраннный, мой возлюбленный, 2
Ты когда ко мнѣ въ гости будешь, 2
Ты когда, сударь, пожалуешь, 2
Во верховую сторонушку, 2
Во свою, сударь, родимую, 2
Во родимую, 2
Ко Царю, Свѣту Небесному. 2
Проглаголуетъ ей, сударь, Сыне Божій: 2
Государыня, моя матушка, 2
Свѣтъ, Мати Божія, Помощница, 2
Пресвятая Богородица, 2
Я въ тѣ поры къ тебѣ въ гости буду 2
И тогда тебя пожалую, 2
Когда праведные управятся, 2
Грѣшныя души воспокаются, 2
Принесутъ Богу покаяніе, 2
И со истиной поклоненіе, 2
О своихъ грѣхахъ моленіе 2
Ко Отцу, Богу Небесному, 2
Ко Творцу, Богу превышнему, 2
Ко Саваоѳу Богу небесному, 2
И ко Сыну Единородному, 2
Ко Святу Духу блаженному, 2
Къ тебѣ, Матери Божіей, 2
Пресвятой Богородицѣ, 2
Ко Святой Троицѣ, 2
Святой Троицѣ нераздѣльной, 2
И ко всей силѣ Небесной, 2
И ко всѣмъ праведнымъ, изобраннымъ,
Поимъ Господеви, славно бо прославися.

8.

Сія пѣсенка воскресительная:

Съ высоты было, съ седьма неба,
Отъ раю было блаженново,
Отъ престола отъ Господнева,
Отъ Саваоѳа Бога чуднова,
Солеталъ туто ясенъ соколъ
И со чистыемъ со голубемъ,
Со Святымъ Духомъ блаженныемъ,
Соносилъ туто грозны указы,
За рукою, свѣтъ, за царскою,
За печатью, за красною.
Какъ въ указѣ написано,
Во наказѣ страшно наказано:
Не водитися сестры съ братьями,
Вы не пейте пойла пьянова,
Ни вина, други, ни зеленова,
Не становите меды сладкіе,
Не бранитеся словомъ скверныемъ,
Вы не ѣшьте ѣствы скоромныя,
Не творите грѣха тяжкова:
Какъ не будетъ за то вамъ прощенія,
Ни грѣхамъ вашимъ отпущенія,
Окромѣ вамъ муки вѣчныя
И тьмы вамъ всѣмъ кромешныя.
Аминь Царю Небесному.

15.

Сія пѣсенка любительная, что Богъ вѣрнаго человѣка любитъ:

Ей люблю, ей люблю,
Люблю дружка, золота стружка,
Ей люблю, ей люблю,
Золота стружка, соловеюшка.
Ей люблю, ей люблю,
Да и за то ево люблю:
По ночамъ не спитъ.
Ей люблю, ей люблю,

По ночамъ не спитъ,
По зарямъ рано встаетъ.
Ей люблю, ей люблю,
По зарямъ рано встаетъ.
Ей люблю, ей люблю,
По зарямъ рано встаетъ
И онъ пѣсенки поетъ.
Ей, люблю, ей люблю,
Утѣшаетъ, соловей, роднова батюшка.
Ей люблю, ей люблю,
Роднова батюшка.
Ей люблю, ей люблю,
Роднова батюшка, моего гостя верховнаго.
Ей люблю, ей люблю,
Люблю дружка, золота стружка,
Ей люблю, ей люблю
Золота стружка, соловеюшка.
Ей люблю, ей люблю,
Какъ, за что его люблю:
По ночамъ не спитъ,
По зарямъ рано встаетъ.
Ей люблю, ей люблю,
По ночамъ не спитъ,
По зарямъ рано встаетъ.
Ей люблю, ей люблю,
По зарямъ рано встаетъ.
Ей люблю, ей люблю,
По зарямъ рано встаетъ,
И онъ пѣсенки поетъ.
Ей люблю, ей люблю,
Утѣшаетъ, соловей, родну матушку.
Ей люблю, ей люблю,
Родну матушку, мою гостью верховную,
Ей люблю, ей люблю.

16.

Сія пѣсенка, какъ Сынъ Божій призывалъ вольныхъ людей на большой корабль:

Съ высоты было, съ седьма неба,
Не ясенъ соколъ летитъ,

Къ намъ гость-батюшка катитъ.
Онъ на тихой Донъ Ивановичъ,
На святой свой, на тихой,
Онъ устами, свѣтъ, гласитъ,
Аки въ трубушку трубитъ;
Покликаетъ своихъ вѣрныхъ,
Избранныхъ людей:
Вы подите, мои вѣрныя, изобранныя души,
И на тихой Донъ Ивановичъ,
На большой мой корабль,
Дамъ вамъ, други, веселечки кровчатые.
Гребите внизъ по батюшкѣ,
По тихому по Дунаю,
Отъ краю, други, до краю,
До небеснаго до раю,
Отъ конца, други, до конца,
До Небеснаго до Отца.
Ужь за вашіе за труды
Дамъ вамъ золотыя трубы,
Свѣты мой, сестрицы,
Вы духовныя мои,
За вашіе за труды
Дамъ вамъ семиградные вѣнцы.
Аминь, Царю-Свѣту Небесному.

21.

Сія пѣсенка, какъ Сынъ Божій сѣялъ свое сѣмя Божественное, безцѣнное, драгоцѣнное, въ свои сироты впослѣднее:

Какъ у насъ было въ каменной Москвѣ,
Во Кремлѣ было, въ Красномъ городѣ,
Во дворцѣ было Государевѣ,
Отъ крыльца было отъ Краснаго,
Уже изъ погреба Государева,
Выходилъ туто добрый молодецъ,
Онъ изъ погреба Государева,
Выносилъ туто добрый молодецъ
Во вправой рукѣ свои сѣмена,

Сѣмена, сѣмена свои безцѣнныя,
Онѣ безцѣнныя, драгоцѣнныя.
Онъ вынесши да самъ задумался,
Самъ задумался, закручинился:
Сѣмена-ли да мои сѣмена,
Сѣмена-ли, да мои царскія,
Уже царскія, безцѣнныя,
Уже безцѣнныя, драгоцѣнныя,
Уже гдѣ же васъ да мнѣ посѣяти?
Какъ пошелъ-ли добрый молодецъ,
Онъ далече, да во чисто поле,
Становился добрый молодецъ,
При пути, да онъ при дороженькѣ,
Какъ посѣявши самъ задумался,
Онъ задумался, закручинился:
Сѣмена ли мои безцѣнныя,
Уже безцѣнныя, драгоцѣнныя,
Уже драгоцѣнныя,
Не у мѣста я васъ посѣялъ:
Налетятъ на васъ черны враны,
Сѣмена ли, да васъ выгребутъ,
Уже повыгребутъ, все повыклюютъ.
Какъ пошелъ ли добрый молодецъ,
Онъ далече, да во чисто поле,
Подъ дубровочки подъ зеленыя,
Становился добрый молодецъ
При дубровушки, при зеленыя,
Онъ посѣялъ да свои сѣмена
При дубровушки, при зеленыя.
Уже посѣявши самъ задумался,
Онъ задумался, да кручинился,
Заливался онъ горючи слезы:
Сѣмена ли да мои царскія,
Уже царскія, безцѣнныя,
Уже безцѣнныя, драгоцѣнныя,
Не у мѣста я васъ посѣялъ:
Набѣгутъ на васъ сѣры волки,
Сѣмена мои всѣ повытопчутъ,
Все повытопчутъ, все повытолочутъ.
Какъ задумался добрый молодецъ,

Онъ задумался, закручинился.
Пошелъ ли добрый молодецъ,
Онъ далече, да во сине море,
Становился добрый молодецъ
Середи моря на камени,
Онъ на камени на бѣлоемъ,
Онъ на бѣлоемъ, на натверженныемъ.
Уже посѣялъ, да доброй молодецъ,
Середи моря онъ синева,
Сѣмена свои безцѣнныя,
Онъ безцѣнныя, драгоцѣнныя,
Онъ, посѣявши, самъ возрадовался:
Сѣмена ли мои безцѣнныя,
Уже безцѣнныя,
Уже безцѣнныя, драгоцѣнныя,
Какъ у мѣста я посѣялъ васъ:
Сѣмена мои повыросли.
Выросталъ туто зеленый садъ,
Со древами да съ кипарисами,
И со яблонкой со кудрявою,
Уже со грушкою со зеленою,
Уже со вишенью съ Цареградскими.
Какъ во тотъ ли да во зеленый садъ
Солетѣлися птицы райскія,
Ужъ поютъ онѣ пѣсни царскія:
Уже кто этотъ зеленой садъ,
Еще кто же да его посадилъ?
—Какъ садилъ его, зеленой садъ,
—Посадилъ его сударь-Батюшка.
Еще кто этотъ зеленой садъ,
Еще кто-то его поливалъ?
—Поливала да этотъ зеленый садъ,
—Поливала-де его Матушка,
—Сама Мать Божія, Богородица.
Еще кто этотъ зеленый садъ,
Еще кто его огораживалъ?
—Огораживалъ этотъ зеленый садъ
—Уже самъ Государь, Свѣтъ Сынъ Божій.
Еще кто да его возрастилъ?
—Возрастилъ этотъ зеленый садъ

—Возрастилъ его Святый Духъ,
—Онъ со всею силою Небесною,
—Онъ со ангелами, архангелами.
Аминь, Царю Небесному,
Утѣшителю Святому Духу;
И во вѣки вѣковъ. Аминь.

Въ филологическомъ отношеніи любопытно сохраненіе въ 15 пѣсни древняго выраженія «стружка», въ значеніи органа (ср. § 27 «сребрено стружіе»).

Интересны также названія: Сладѣй-рѣка, Дарей-рѣка и Шатъ-рѣка, какъ объясняющія упоминаніе Каялы рѣки, въ значеніи мѣста покаянія. Каяла около Дону, какъ мѣсто убіенія отца Святополка, сомнительна (§ 45). Названіе это безъ всякаго сомнѣнія означаетъ мѣсто наказанія и покаянія.

Ученіе хлыстовъ явно примѣняетъ древнія языческія, Халдейскія и Буддистскія доктрины къ господствующей вѣрѣ, согласно догмату Симона Волхва.

Пѣвецъ Игоревъ, признавая въ эпизодахъ постояннаго исканія и стремленія высшихъ Эоновъ къ сочетанію съ Дѣвой лишь полумиѳическое и полуисторическое изображеніе жизни народовъ, зависящихъ отъ болѣе или менѣе счастливаго сочетанія обстоятельствъ, намекаетъ на самый знаменитый эпизодъ въ исторіи народовъ: похищеніе Елены Парисомъ и насильственное сочетаніе Волхва Всеславьича съ тою же Еленой Прекрасной. Это минутное удовлетвореніе страстнаго порыва всегда влечетъ за собою наказаніе и гибель виновныхъ и невинныхъ. Въ древнемъ мірѣ Елена изображала самую идею, за которую люди воюютъ другъ противъ друга; она изображала и верховное управленіе, такъ что люди воюютъ за призракъ, между тѣмъ какъ сама Елена обитаетъ въ храмѣ Протея, на берегу моря, въ Египтѣ. Она же нарушительница совершенства въ мірѣ высшихъ Эоновъ; за ней гонятся семь Эоновъ для возвращенія ея въ высшую сферу. Сказка о Семи Семіонахъ изображаетъ именно этотъ миѳъ, придавая ему средневѣковой оттѣнокъ кудесничества. Пѣвецъ Игоревъ черезъ нѣсколько строкъ дополняетъ этотъ миѳъ согласно съ ученіемъ Симона Волхва и съ Еги-

петскими баснями. Приэтомъ также слѣдуетъ принять въ соображеніе свидѣтельство Лѣтописца о тождествѣ Ифеста, вѣчнаго огня, и сына его, Солнца, съ русскимъ Сварогомъ и сыномъ его, Дажьбогомъ. Сварога, отца Дажьбога, кажется еще недавно объясняли небомъ, но это совершенно произвольно: ни въ какой миѳологіи Ифестъ не уподобляется небу: небо есть твореніе Ифеста.

Этотъ же мѵѳъ содержится въ Болгарской и Сербской сказкахъ о Троянѣ, приводимыхъ Ѳ. И. Буслаевымъ (срав. § 11, стр. 115) и Вукомъ Караджичемъ (§ 41, стр. 164). Этотъ же мѵѳъ содержится въ Русской сказкѣ, съ любопытнымъ именемъ Троесына (тамъ же) и въ разсказѣ Гаммера о Персидскомъ мѵѳѣ (стр. 170). Таинственное слово, забытое двумя Ангелами, находится, можетъ быть, въ собраніи таинственныхъ словъ, записанныхъ вмѣстѣ съ вышеприведенными пѣснями: Ен, Френъ, Гризонъ, Едрика, Френъ, Насентра, Ферте, Хорода, Яко, Тереваданъ, Драгондо, Солтакъ, Ендранкинъ, Фон, Агактусъ.

Нельзя не согласиться въ сродствѣ Вольги Всеславича и Всеслава Полоцкаго такъ какъ онъ изображенъ въ Лѣтописи и пѣсни, съ тою, однако, оговоркой, что отчество Волха никоимъ образомъ не произошло отъ Полоцкаго Князя; наоборотъ: Князь названъ въ память баснословнаго Всеслава. «Послѣ этого, въ самомъ отчествѣ Волха *Всеславьевичъ*, по пересказу Кирши, не заключается ли воспоминанія объ оборотнѣ Всеславѣ?» Такъ думалъ уже покойный С. П. Шевыревъ, указывавшій вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что былевая мать Волха называется Марѳою Всеславьевною (у Кирши Данилова). Въ самомъ же имени богатыря-оборотня *Волхъ*, тотъ же ученый видѣлъ намекъ на его первенство въ волхвованіи, что опять-таки роднитъ этого богатыря съ рожденнымъ отъ волхвованія Всеславомъ (О. Миллеръ: Илья Муромецъ, стр. 194, со ссылкой (примѣч. 16) на Ист. Р. Сл. Шевырева, I, 229; II, 279).

Взглядъ покойнаго Шевырева, подтвержденный г. Миллеромъ и развиваемый Ѳ. И. Буслаевымъ, кажется достаточно подтверждаетъ право поэта соединить въ одно лицо Вольгу Всеславича и Волхва-оборотня-Всеслава. Ѳ. И. Буслаевъ (I, 390) говоритъ: «оче-

видно, что и Троянъ съ козлиными ушами и оборотень-Всеславъ относятся къ одному и тому же отдѣлу миѳическихъ представленій».

Г. Миллеръ (l. c., стр. 197), въ свою очередь говоритъ, что обращеніе Вольги Всеславича и его дружины въ муравьевъ *невольно* напоминаетъ Мирмидоновъ Ахиллеса. Храмъ Дѣвы у входа въ Азовское море, какъ мы уже знаемъ, стоялъ противъ города Мурмекіона, названнаго въ честь Ахилла Понтарха. Это совпаденіе не случайное при осадѣ муравьями города, въ коемъ жила Елен Александровна. Въ Памятн. Нар. яз. и Слов. (III, 274), въ былинѣ про Змѣя-Горынича, сынъ, рожденный отъ Змѣи, такъ утѣшаетъ мать свою:

Не дамъ я тебя, Змѣю, въ обиду:
Когда я буду на возрастѣ,
На возрастѣ пятнадцати лѣтъ,
Ужь ты скуй мнѣ палицу боевую.

Эта палица, продолжаетъ г. Миллеръ (199), должна быть во сто пудъ, а покажется легка, такъ и въ полтораста, и вотъ при ея-то помощи станетъ онъ воевать со Змѣемъ:

Я заѣду-то къ нему въ пещеречки змѣиныя;
Сниму ему буйную головушку...
Подниму его головушку на острый колъ,
Поднесу его головушку къ твоему дворцу.

Разсказы о рожденіи Волха Всеславича отъ Змѣя и убіеніе Змѣя неизвѣстнымъ сыномъ сильно напоминаютъ въ своихъ подробностяхъ сказку Калисѳена объ Александрѣ Великомъ. Александръ Великій также убиваетъ отца своего, волхва Нектанебо, превращавшагося въ крылатаго змѣя.

Странны пересуды о заимствованіи басенъ однимъ народомъ отъ другаго. Сказка Калисѳена вѣроятно древнѣе существующей редакціи Русской пѣсни, тѣмъ не менѣе сказка Калисѳена безталантная компиляція, а пѣснь Русская—оригинальное и вдобавокъ геніальное произведеніе. Впрочемъ, дѣло объясняется весьма просто: Псевдо-Калисѳенъ и Русскій поэтъ почерпали свои краски изъ того же источника народныхъ повѣрій и ученій, не дошедшихъ до насъ въ полнотѣ догматическаго изложенія. Безъ этого соотношенія сказки были бы безсмысленны. Ссылки на древнія и распро-

страненныя вѣрованія составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимое условіе распространенія сказокъ. Суетное состязаніе о принадлежности народныхъ сказокъ Индіи, Греціи или Семитическому племени, не можетъ привести ни къ какому результату. Всѣ мυѳы разсказываются у разныхъ народовъ съ своимъ несомнѣнно самостоятельнымъ характеромъ, и воспроизводятъ жизнь того народа, среди коего они слагались. Мυѳы Славянскіе, Германскіе и Греческіе существуютъ въ отрывкахъ; полнаго изложенія ихъ ни у одного народа не находится; слабая попытка въ этомъ родѣ сдѣлана прк составленіи позднѣйшей Эдды, но попытка эта вышла далеко не удовлетворительною. Догматическая сторона развита лишь въ памятникахъ Индѣйскихъ.

Сравнительное изученіе мυѳовъ можетъ и должно привести къ ихъ уясненію и пониманію, и можетъ быть честолюбивое состязаніе и доведетъ когда либо до желаемаго результата. Кажется, впрочемъ, было бы болѣе практично посредствомъ сравненія уяснить значеніе мυѳическихъ типовъ. Извѣстно, что замѣчательнѣйшія пѣсни имѣютъ характеръ историческій съ примѣсью басни. Такъ, Илья Муромецъ несомнѣнно расчищаетъ торговые пути, заглохшіе втеченіи цѣлаго человѣческаго вѣка. Пѣснь о Вольгѣ и Микулѣ рисуетъ безуспѣшныя усилія Волха Всеславича установить податную систему въ пользу охотнической дружины, по истребленіи звѣрей, птицъ и рыбы, и тѣмъ на менѣе оба типа носятъ на себѣ отпечатокъ мυѳическихъ сказаній. Г. Безсоновъ видитъ въ Волхѣ Всеславичѣ Вѣщаго Олега, прибившаго щитъ свой къ вратамъ Цареградскимъ; но если бы это было дѣйствительно такъ, то упомянутая пѣснь представляла бы жалкій и совершенно фальшивый очеркъ дѣятельности этого перваго собирателя земли Русской: Олегъ передаетъ своимъ преемникамъ Государство въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ мы видимъ снова Россію лишь въ вѣкъ Екатерины II... Напротивъ, эта геніальная пѣснь дѣйствительно историческая; она передаетъ намъ остроумный и ни въ одной литературѣ не встрѣчаемый процессъ бродячей дружины и осѣдлаго земледѣльческаго сословія, хотя драма эта и разыгрывалась во всей Европѣ съ IV по IX столѣтіе.

Туземность и древность этой притчи подтверждается Геродотомъ. Геродотъ (книга IV, § 8—10) разсказывалъ слышанное имъ скиѳское преданіе о золотомъ плугѣ, упавшемъ съ неба. Прикоснувшіеся къ плугу два старшіе брата обожглись и признали господство того брата, который съумѣлъ за него взяться. Въ притчѣ этой высказывается убѣжденіе, что окончательно владѣть землею должно то племя, которое воздѣлываетъ ее. Геродотъ разсказываетъ и другой мѵѳъ, Еллинскій, сложившійся явно въ другомъ лагерѣ: по этому мѵѳу, тотъ родъ долженъ владѣть землею, чей родоначальникъ въ состояніи былъ натянуть лукъ общаго родоначальника Геркулеса.

Нѣтъ основанія приписывать распространеніе сказокъ и пѣсенъ той или другой сектѣ, и искать источникъ ихъ у того или другаго народа, ибо нѣтъ никакого не только положительнаго, но даже и гадательнаго указанія на принадлежность мѵѳовъ одному какому либо народу, да и едва ли возможно распознать, принадлежитъ ли мѵѳъ міру Буддистскому или Халдейскому, или Египетскому. Что касается до письменныхъ сказочныхъ памятниковъ, то редакція ихъ и самое распространеніе ихъ въ позднѣйшее время безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ сектамъ Гностическимъ. Такъ, напр., сказка объ Александрѣ Великомъ есть не что иное, какъ распространеніе ученія объ обоготвореніи Александра Великаго, совершенно во томъ же родѣ, какъ дѣлаемы были попытки обоготворенія Наполеона. Эти попытки то же, что и ученіе Симона-Волхва и его учениковъ, и онѣ весьма сходны съ попытками, возобновлявшимися въ Россіи, цѣлью коихъ было подтвердить ученіе о постоянномъ единеніи жизни человѣчества съ міромъ сверхъестественнымъ, для чего въ видахъ большаго успѣха и избираются лица историческія; примѣръ тому находимъ въ разсказѣ Филострата, подъ названіемъ: Негоїса. Древность подобныхъ ученій несомнѣнно находится въ связи съ необходимостью кровныхъ человѣческихъ жертвъ. На древность этого вѣрованія въ человѣчествѣ есть прямое указаніе и въ Библіи. Всѣ народы на землѣ прошли черезъ этотъ періодъ, и въ просвѣщенной Греціи и въ Римѣ, до торжества христіанства, совершали приношенія людей въ жертву богамъ, а божество, тре-

бовавшее постоянно новыхъ человѣческихъ жертвъ, была именно Елена на Азовскомъ морѣ, Астарта въ Малой Азіи и Лилисъ у народовъ Семитическихъ. Преслѣдованіе Лилисой родильницъ и новорожденныхъ поясняетъ единственное условіе, при коемъ появленіе Елены, по словамъ Солина, не губило безпощадно корабли (ср. § 55, стр. 219).

Это же самое божество называлось въ Карѳагенахъименемъ весьма близкимъ древнему названію Дона— Танаитъ; въ Карѳагенскихъ надписяхъ ей часто придавали титулъ Рабенитъ—Госпожа. Ей служили жрицы и скопцы, также какъ Кивелѣ и Милиттѣ. На монетахъ она изображалась сидящею на львѣ, съ молніей въ одной рукѣ и пикою въ другой, иногда же со звѣздою надъ головой (Creuzer. Reb. de l'Antiq., p. II, pr. 3, pag. 1032; pl. LIV, № 208, 899).

Guil. Gesenius (Scripturae Linguaeque Phoeniciae. Lipsiae. 1837, pgg. 162, 168, 169, 171, 357, 415 и 475) приводитъ свидѣтельства о распространеніи культа Танаиты до Гибралтара или колоннъ Геркулесовыхъ; свидѣтельства эти пополняютъ указанія о распространеніи сего культа по берегамъ Азовскаго, Чернаго, Мраморнаго и Адріатическаго морей и прибрежья Египетскаго (Ср. выше §§ 11 и 55).

Финикійское правописаніе этого божества: Tanaïtis, Diana Persica, Artemis, Anaïtis, Neith; писалось также Tennis (Gesenius, 415).

A Malga orientem versus via ducit ad Necropolin Carthaginis atque sepulcra ad quae pertinuisse videntur cippi nostri № 8, 9; alia magis australis ad maris littus fert, ad quam rudera exstant templi Deae Coelestis, in quibus Humbertiani lapides *Tanaïtidi* i. e. ipsi Deae Caelesti sacrati reperti sunt (v. Dureau de la Malle. pp. 91, seqq. 170) Ges. 162. Omnes hos lapides deae *Thanith* seu Tanaïti cum Baal Hammane consecratos eo in loco repertos esse, ubi olim Templum fuerat *Deae Caelestis*, quae quidem Tanaïtidis appellatio in Carthagine Romana omnium usitatissima fuisse videtur (v. Münter. Religion der Carthager, 74—75) quamquam etiam Junonis atque Veneris nominibus ibi salutabatur (Gesenius, 168).

Это распространеніе и священное значеніе древняго названія рѣки Донъ «до Геркулесовыхъ Столбовъ», священное значеніе этой рѣки въ духовныхъ пѣсняхъ Русскихъ, распространеніе оскопленія между поклонниками этого культа,—все это заставляетъ сомнѣваться въ случайности сказанныхъ сближеній, и сильнымъ подтвержденіемъ сему служитъ распространеніе самого имени Руссовъ по всему сѣверному прибрежью Африки.

Въ древнемъ періодѣ Римской Исторіи длинный непрерывный рядъ мѣстностей съ корнемъ *Рус* (rus) оцѣпляетъ весь южный берегъ Средиземнаго моря:

1. *Rus*icade opp. maritimum Numidiae. 2. *Rus*azis (Rusazas, Плиній и Птоломей). 3. *Rus*ucurru. 4. *Rus*gonia (Rusconia). 5. *Rus*cinona, portus Lib.; 6. *Rus*ibis, (portus Ting. Птоломей.) 7. *Rus*adir, promon. Tingit. 8. *Rus*icibar, locus marit. Num. Птоломей, Russubicar. 9. *Rus*pina, opp. Africae proprіae (Dion. Cas., Plinius), самый восточный пунктъ. 10. *Rus*ubeser, Russupissir.

Въ послѣдующую эпоху это самое протяженіе составляетъ *все* прибрежье Вандальскаго Царства на Средиземномъ морѣ.

По разсказу Талмуда, первая жена Адама, Лилисъ, не желая подчиняться мужу и зная таинственное всемогущее слово «схемъ гамефоросъ»,—улетѣла отъ мужа; посланные за нею Ангелы не могли убѣдить ее возвратиться къ Адаму; съ тѣхъ поръ онъ губитъ родильницъ и новорожденныхъ. И до сихъ поръ у Евреевъ при рожденіи ребенка произносится «хузъ Лилисъ», для отвращенія пагубнаго вліянія. Срв. § 55, стр. 220, и стихотвореніе Гатифы, § 41, стр. 170.

Систематическаго изложенія въ сказкахъ и былинахъ ожидать не слѣдуетъ, такъ какъ всѣ онѣ были передаваемы публикѣ людьми не посвященными въ таинства древнѣйшаго муѳа или эпоса, и часто даже не понимавшими сущности передаваемыхъ повѣрій. Такимъ образомъ, упоминаемые въ древнихъ сказкахъ люди съ собачьими или птичьими головами суть не что иное, какъ непонятые іероглифы.

И рече Господь къ Моѵсею, глаголя: И се азъ взяхъ Левиты отъ среды сыновъ Израилевыхъ, вмѣсто всякаго первенца, отвер-

зающаго ложесна отъ сыновъ Іраилевыхъ; искупленія ихъ будутъ, и да будутъ мнѣ Левити: Мнѣ бо всякъ первенецъ. въ онъ же день побихъ всякаго первенца въ земли Египетстѣй, освятихъ себѣ всякаго первенца во Іраили отъ человѣка до скота Мнѣ да будутъ: азъ Господь (Книга Бытія, IV, гл. III, 12). Во второй книгѣ Бытія (XIII, 13) посвященіе первенцевъ отъ скота и искупленіе сыновей дѣлается въ память освобожденія отъ рабства Египетскаго и избіенія всѣхъ первенцевъ въ землѣ Египетской. И нынѣ, на 8 день послѣ рожденія, при обрѣзаніи Мобель произноситъ торжественную молитву, оканчивающуюся словами: «Adonaï möge diese Beschneidung so gnädig annehmen, als wenn das Kind Ihm wirklich wäre hingeopfert worden». На 31 день послѣ рожденія первенца, отецъ даетъ выкупъ въ пользу Левитовъ, такъ какъ они своимъ посвященіемъ себя Богу искупаютъ приношеніе въ пользу первенцевъ.

Это древнее жертвоприношеніе старшихъ сыновей, на которое только намекается въ книгѣ Бытія, перешло въ Θеогонію Гезіода въ формѣ Урана, пожирающаго своихъ дѣтей, и Хрона, замѣняющаго этотъ законъ оскопленіемъ отца—вѣроятно по недоумѣнію, вмѣсто старшаго сына: подобныя недоумѣнія встрѣчаются часто въ Греческой литературѣ; не слѣдуетъ забывать при этомъ, что древніе миθы передавались намъ людьми свѣтскими, непосвященными въ мистеріи. Изъ классическихъ писателей одинъ Еврипидъ передаетъ намъ сказанія болѣе вѣрныя, и то не съ мистеріями, а съ народными повѣрьями. Въ приведенныхъ выпискахъ изъ исторіи Макса-Дункера довольно обстоятельно излагается сущность этихъ заблужденій. И въ нынѣшнее время это заблужденіе не есть какой-либо законъ, а проявленіе мистицизма, доходящее до изувѣрства. Это заблужденіе воспроизводитъ вѣчное стремленіе восторженныхъ людей приносить себя въ жертву, дабы кровію своею служить на пользу человѣчества, возстановляя воображаемую первобытную чистоту.

Въ запискѣ Еленскаго (Чтенія И. О. Ист. и Др. при Москов. Унив., 1867, IV), сказано не безъ историческаго основанія: «Сіе тайное дѣло было отъ начала. Естьли кто удостоился получить сію печать, дабы за грѣхи не отвѣчать, то скрывали; ибо рѣдкимъ

даетъ самъ Богъ Духомъ своимъ, гласомъ Небеснымъ, и просящимъ не всякому дается сей камень бѣлъ, а безъ гласу Небеснаго никто ни надъ собою, ниже надъ другимъ, не можетъ сдѣлать; и сказано: могій вмѣстити, да вмѣститъ. *Нѣсть на сіе дѣло ни обряду, ниже обыкновенія*, а тайное отъ Промысла непостижимаго, и получившіе скрываютъ, яко драгоцѣнный алмазъ, дабы міръ не могъ узнать, а буде узнаютъ, то тяжело на земли жить такому человѣку; ибо его вси ненавидятъ, яко нагло наступилъ на главу змія и искоренилъ въ себѣ грѣхъ Адамовый, то уже всѣмъ земнымъ Адамову сѣмени чужой, нѣтъ сродства, за то и ненавидятъ, готовы были бы живаго огню предать».

Одна изъ Гностическихъ сектъ, подъ именемъ Богумиловъ или Павликіянъ, встрѣчается въ Россіи въ XII столѣтіи. Богумилы, называемые также καθαροι (чистые), суть проявленіе древней Ѳракійской секты, о коей говоритъ довольно пространно Страбонъ (Кн. VII, гл. III, § 3), приводя свидѣтельство Посидонія, что Мизы воздерживаются по набожности отъ всего живущаго, не ѣдятъ мяса, а довольствуются медомъ, молокомъ и сыромъ, поэтому ихъ и называютъ богобоязненными и καπνοβαται—ходящими въ чаду; встрѣчаются также и нѣкоторые Ѳракійцы, живущіе безъ женъ и называющіеся κτισται (по Гречески не имѣетъ значенія, и безъ сомнѣнія Славянское «чисты»): ихъ признаютъ за святыхъ, и живутъ они внѣ всякой опасности.

Поэтъ Менандръ, Гетъ по рожденію, протестуетъ противъ этой репутаціи, и говоритъ, что Гетъ, не имѣющій дюжины женъ, считается бѣднякомъ. Страбону также непонятно, какимъ образомъ холостые люди могутъ считаться богобоязненными, но тѣмъ не менѣе онъ свидѣтельствуетъ, что чрезвычайная набожность этого народа не подлежитъ сомнѣнію. Въ подтвержденіе этого Страбонъ разсказываетъ о Гетѣ Замолксисѣ, научившемся отъ Пиѳагора и отъ Египтянъ кое-чему изъ науки небесной. Уважаемый въ народѣ какъ пророкъ, Замолксисъ уговариваетъ короля Гетовъ дать ему участіе въ управленіи, и вотъ сначала онъ становится жрецомъ ихъ высшаго бога, а впослѣдствіи и самъ признанъ былъ богомъ. Замолксисъ удалился въ пещеру и жилъ внѣ сообщенія съ окру-

жающимъ его міромъ, за исключеніемъ короля и его слугъ. Этотъ обычай, говоритъ Страбонъ, удержался и до его времени, ибо подобный совѣтникъ постоянно былъ при королѣ. Самая гора, на коей жилъ Замолксисъ, считалась священной. Имя горы этой и рѣки, возлѣ нея протекавшей—Когэонъ. Это названіе весьма вѣроятно въ сродствѣ съ Коганомъ, титуломъ Владиміра Святаго. Чингисъ-Ханъ также называется Коганомъ, какъ глава всѣхъ вѣрованій подвластныхъ ему народовъ. Объясненіе этого титула повтореніемъ титула Ханъ, т. е. Ханъ Хановъ, не имѣетъ никакого достовѣрнаго основанія. Можно предполагать, наоборотъ, что Ханъ есть сокращеніе Когана, и Коганъ скорѣе долженъ быть въ сродствѣ съ «Когенъ», по Еврейски учитель.

Страбонъ предполагаетъ, что воздержаніе отъ мяса у Ѳракійцевъ можетъ быть находится въ связи съ ученіемъ Замолксиса.

Весьма важно предположеніе Грековъ, что ученіе, распространенное между Ѳракійцами, было перенесено Замолксисомъ изъ Египта, и что оно было согласно съ ученіемъ Пиѳагора. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ свидѣтельства Лѣтописца о тождествѣ Сварога и Ифеста, Дажьбога и Геліоса. Свидѣтельство Массуди объ Эѳіопскихъ истуканахъ въ Славянскомъ храмѣ, названіе Рюрика—Африкановичемъ, Юга Россіи—Землей Ханаанской, единство значенія названій Финикіяне и Руссы, замѣченное и древними Славянскими переводчиками, все это вмѣстѣ взятое даетъ поводъ полагать, что открытіе епископомъ Порфиріемъ доказательствъ Семитическаго происхожденія Русовъ имѣетъ твердое основаніе. Къ сожалѣнію, обѣщаніе, высказанное при изданіи Бесѣдъ патріарха Фотія, до сихъ поръ не осуществилось. Между тѣмъ изслѣдованія епископа Порфирія могли бы послужить фактическимъ подтвержденіемъ геніальныхъ догадокъ Шведскаго ученаго Ворсо, о преобладаніи Финикійскаго племени на Сѣверѣ Европы. Славянство Руси—фактъ несомнѣнный, и доказательства на лицо. Примѣсь Финскаго и Татарскаго элементовъ замѣтна безъ ученыхъ изслѣдованій, но значительное присутствіе Семитическаго элемента въ народности Русской—фактъ крайне любопытный и требующій подтвержденія. Слѣдуетъ надѣяться, что возбужденное любопытство будетъ наконецъ удовлетворено.

479—483. Тъйклюкамиподпръсѧокониискочикъ градѹКыевѹидотчесѧстрѹжїемъзлатастолаКїевскагоскочиотънихълютымъзвѣремъвъплъночиизъБѣла-града обѣсисѧсинѣмглѣѹтръжевоззнистрикѹсыоттвориврaтановѹградѹразшибеславѹЯрославѹскочивлъкомъдоНемигисъДѹдѹтокъ.

§ **98**. Главное событіе, о коемъ здѣсь намекается, есть освобожденіе Всеслава изъ поруба; намекъ этотъ вполнѣ поясняется мѣстомъ Лаврентьевской Лѣтописи, гдѣ подъ 6575 (1067) годомъ читаемъ: «Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье Кыевстіи прибѣгоша Кыеву, и сотвориша вѣче на торговищи, и рѣша пославшеся ко князю: «се Половци росулися по земли; дай, княже, оружье и кони, и еще бьемся съ ними». Изяславъ же сего не послуша. И начаша людье говорити на воеводу на Коснячка; идоша на гору, съ вѣча, придоша на дворъ Коснячковъ, и не обрѣтше его сташа у двора Брячиславля и рѣша: «поидемъ, высадимъ дружину свою изъ погреба». И раздѣлишася надвое: половина ихъ иде къ погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь дворъ. Изяславу же сѣдящу на сѣнехъ съ дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ. Стояще долѣ, князю же изъ оконця зрящю и дружинѣ стоящи у князя, рече Тукы, братъ Чюдинъ, Изяславу: «видиши, княже, людье възвыли; посли, ать Всеслава блюдутъ». И се ему глаголющю, другая половина людій приде отъ погреба, отворивше погребъ; и рекоша дружина князю: «се зло есть; посли ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечемъ». И не послуша сего князь. Людье же кликнуша и идоша къ порубу Всеславлю; Изяславъ же се видѣвъ, съ Всеволодомъ побѣгоста съ двора, людье же высѣкоша Всеслава изъ поруба, въ 15 день Сентября, и поставиша и средѣ двора княжа; дворъ же княжь разграбиша, безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью. Изяславъ же бѣжа въ Ляхы. Посемъ же Половцемъ воюющимъ по землѣ Русьтѣй, Святославу сущю Черниговѣ, и Половцемъ воюющимъ около Чернигова, Святославъ же собравъ дружины нѣко-

лико, изъиде на нь ко Сновьску. И узрѣша Половци идущь полкъ, пристроишася противу; и видѣвъ Святославъ множьство ихъ, и рече дружинѣ своей: «потягнемъ, уже намъ нелзѣ камо ся дѣти», удариша въ коней одолѣ Святославъ въ трехъ тысячахъ, а Половецъ бѣ 12 тысячѣ, и тако бьени, а друзіи потопоша въ Снъви, и князя ихъ яша рукама, въ 1 день Ноября, и възвратися съ побѣдою въ градъ свой Святославъ. Всеславъ же сѣде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и; тѣмже наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный въ день бо Въздвиженья Всеславъ взодхнувъ рече: «о крестѣ честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего». Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй да не преступають честнаго креста, цѣловавше его, аще ли преступите кто, то и здѣ пріиметъ казнь, и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная: крестомъ бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, крестъ бо княземъ въ бранехъ пособить, въ бранехъ крестомъ сограждаеми вѣрніе людье побѣжають супостаты противныя, крестъ бо вскорѣ избавляетъ отъ напастій призывающимъ его съ вѣрою; ничтоже ся боять бѣси, токмо креста, аще бо бывають отъ бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомъ прогоними бывають. Всеславъ же сѣдѣ Кыевѣ мѣсяць 7. (Полн. Собран. Рус. Лѣтоп., т. I, Лавр. лѣт., стр. 73—74).

Клъка (лат. poples), клъка ножная, Hüfte—бедра; Болгарск. клъка—шенкель (Миклошичь), Польск. klęczeć и klękać—вставать на колѣна. На основаніи польскаго правописанія и чтенія первыхъ издателей, въ Пушкинской рукописи слѣдуетъ предполагать клѫками. Въ Русскихъ формахъ: клюка—костыль, коварство, клыкъ, заключается значеніе перегиба и колѣна. Весьма вѣроятно, что выраженіе: «подперся клъками о конь», значитъ сжалъ коня въ шенкеляхъ (Болгарск.) или, еще проще и правильнѣе, сѣлъ твердо въ сѣдло, подперся бедрами на сѣдлѣ.

Дубенскій, между прочимъ, предполагаетъ, что «о кони» есть описка вмѣсто «оконцю». Дружина совѣтовала Изяславу: «атъ призвавше лестью ко оконцю» пронзить его мечемъ. А Всеславъ догадливъ былъ и ухитрился клюками—ухищреніемъ подперся, чтобы

добраться ко оконцу, и поскакалъ къ городу Кіеву. Фраза хромая, и потому не можетъ найти правильнаго объясненія, хотя смыслъ ея весьма простъ и исторически вѣренъ: Всеславъ выбрался изъ темницы съ помощію народнаго возстанія, и завладѣлъ Кіевскимъ престоломъ.

«Подпръся о кони» Дубенскій объясняетъ спуститься съ кровли, т. е. съ коньковъ.... «тогда о кони будетъ вѣрно» заключаетъ Дубенскій. Но подобное толкованіе еще произвольнѣе, и притомъ неправильно грамматически и неудовлетворительно по смыслу. Непонятно, почему Дубенскій признаетъ «кони» за винит. пад. ед. числа: «кони»—мѣстный падежъ; будь предлогъ *на* вмѣсто *о*, не было бы никакого основанія сомнѣваться въ смыслѣ этого мѣста: Всеславъ уперся бедрами на конѣ, т. е. сѣлъ твердо и бодро въ сѣдло: движеніе правильное и естественное, и выраженное весьма прилично. Вѣроятно здѣсь мѣстный падежъ неправильно употребленъ вмѣсто винительнаго; предлогъ же *о* согласуется съ винит. падежемъ и мѣстнымъ.

Струга по Сербск. Riss in einem Zaune, отверстіе, черезъ которое проходятъ овцы, также ограда для скота, вѣроятно тоже, что и Греческая мандра.

Острога и оструга по Сербски также шпоры: «Куцну коньа чизмом и остругом». Остроги—шпоры также и по Бѣлоруски: въ превосходномъ Алфавитномъ указателѣ къ II—V томамъ Актовъ, издан. Виленскою Археогр. Ком. (1872), находимъ: «остроги—(шпоры) гусарскіе сребряные, позлатистые трои; остроги побѣланые казацкіе».

Въ первомъ случаѣ стружіемъ выражало бы, что Всеславъ острогомъ, т. е. посредствомъ острога попалъ на Великокняжескій Кіевскій престолъ, завязавъ во время своего заключенія интриги съ Кіевскою чернью. Сербское значеніе слова «стругъ», проломъ въ стѣнѣ, согласно съ Лѣтописью. Стружіе можетъ быть однозначуще съ Бѣлорусскимъ острога—шпоры. Въ этомъ случаѣ поэтъ выражаетъ, что онъ (Всеславъ) быстротою своихъ движеній достигъ престола. И то и другое значеніе энергично выражаетъ сердитую мысль поэта. Выраженіе «стружьемъ» Дубенскій объясняетъ: древкомъ, шестомъ, жердью; но на это нѣтъ никакого указанія, да и по смыслу объя-

сненіе это остается опять-таки неудовлетворительнымъ. «Стружье», «стругъ», всегда имѣетъ значеніе сосуда, оружія, инструмента, острія, стремленія. Въ Хожденіи игумена Даніила читаемъ: «бѣ создана стѣна, яко стружія возвыше». Объясняя высоту зданія сравненіемъ со стругомъ, Даніилъ имѣлъ несомнѣнно въ виду сохранившееся доселѣ въ Сербіи значеніе слова стругъ, и именно въ смыслѣ ограды, а не какой либо неопредѣленной жерди.

Обѣсися—обѣшу, обѣсити, вѣшаю, вѣсить (Miklosich) въ смыслѣ: полетѣлъ, укрылся въ синей темнотѣ.

«Утеръ» Дубенскій принимаетъ въ значеніе «уторгся»; но въ значеніи этого слова сомнѣваться невозможно:

аще бѫдетъ пасха ѫтрь чьтѫтьсѧ сѫботьное ѿ сихъ (Срезневскій, Туровская книга Ев. чт. XI столѣтія, хранящаяся въ Виленскомъ музеѣ).

Воззни стрикусы—возимые, по Польски wozne kusza murowa, стѣнобитныя орудія, въ противуположность носимымъ на рукахъ.

Стрѣкало, стрѣка, стрика— stimulus, въ древне церковно-славянскомъ языкѣ (Miklosich). Объ этихъ стрикусахъ упомянуто въ Лѣтописи подъ общимъ именемъ «пороки» (ср. напр. Лѣтоп. по Лаврент. списку, 1873, стр. 439, 490, 494). Стрикусъ можетъ быть однозначущъ со стрекозой; по крайней мѣрѣ у Римлянъ стѣнобитныя орудія носили подобныя названія.

Лѣтописцы, Псковскій и Новгородскій, говорятъ, что «онъ пороками шибавъ, отъиде ничего же не успѣвъ». Въ примѣч. 118 ко II. т. И. Г. Р., приводится однако: «и колоколы съима у Св. Софеи... и паникадилы».

Въ сокращ. Новгородской Лѣтоп., издан. Кн. Оболенскимъ (Москва, 1863, стр. 14): Въ лѣто ҂ѕфод пришедъ Всеславъ, взяше Новгородъ и пожже до окрома Неревскаго и Святую Софію пограби: и покуль пожже, потомъ городъ доспѣша и отъиде Всеславъ».

Въ лѣто ҂ѕфоз побѣди Глѣбъ съ Новгородци Всеслава на Гнѣзенъ, и велика бѣ сѣча Вожаномъ мѣсяца октября 23, а заутра обрѣтеся Володимерове Крестъ въ Святѣй Софіи на полатѣхъ.

Въ Лаврентьевской Лѣтописи:

«Въ лѣто 6576. Поиде Изяславъ съ Болеславомъ на Всеслава, Всеславь же поиде противу; и приде къ Бѣлугороду, Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся Кыянъ бѣжа изъ Бѣлгорода Полотьску».

Бѣлгородъ въ двадцати верстахъ отъ Кіева. Понятно, что поэтъ намекаетъ именно объ этомъ бѣгствѣ.

Далѣе, поэтъ какъ бы комментируетъ необъяснимое движеніе Всеслава извѣстіемъ, полученнымъ Всеславомъ о происходившемъ въ Полоцкѣ:

«Въ се же лѣто (6579) выгна Всеславъ Святополка изъ Полотьска. Въ се же лѣто побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска».

Ярославъ Великій, сынъ Владиміра Равноапостольнаго. Непонятно, какимъ образомъ хищническимъ набѣгомъ на Новгородъ Всеславъ могъ помрачить славу Ярослава!

Слава, по мнѣнію князя Оболенскаго, дѣйствительно могла представлять нѣчто вещественное—знамя, статую, а въ настоящемъ случаѣ колокола Новгородскіе и паникадилы, вѣроятно особенно замѣчательные дары Ярослава. Громадныя паникадила Романскаго стиля, преобладавшаго въ XI столѣтіи, сохраняли много языческихъ аттрибутовъ; характеръ этого литья сохранился въ Германіи почти до нашего времени. Предметы, захваченные Всеславомъ, имѣютъ еще то отношеніе къ славѣ или правильнѣе къ чести, что тѣ и другіе приводятся въ движеніе для особенно почетныхъ встрѣчъ. Контрибуція эта должно быть относилась болѣе къ чести, чѣмъ къ карману богатаго города. Вмѣстѣ съ тѣмъ Всеславъ посягнулъ и на память Ярослава.

Дудутки—мѣстечко близь Новгорода, гдѣ и теперь монастырь, такъ называемый «на Дудуткахъ» (Карамзинъ, примѣч. 189; ср. въ изд. Слова Дубенскимъ. Москва, 1844).

Поэтъ обрисовываетъ дѣйствія Всеслава исторически вѣрно, облекая ихъ въ баснословную форму, приданную этому лицу и народною молвою. Примѣсь басни замѣтна и въ Лѣтописи. Такъ, рожденіе Всеслава разсказывается въ родѣ сказки объ Александрѣ Македонскомъ. Даже еслибы подобное сближеніе было принято за рдостовѣное, то тѣмъ не менѣе весьма было бы неосновательно

предполагать, что намекъ заимствованъ изъ псевдо-Калисөена. Оба разсказчика облекаютъ рожденія загадочныхъ лицъ въ распространенную въ народѣ басню. Подобныя повторенія встрѣчаются въ разные вѣка и у разныхъ народовъ, ибо основныя басни весьма живучи и весьма распространены.

Всеславъ волкомъ рыскалъ по всей Россіи для собиранія земли, и его партія вѣроятно еще при жизни, также какъ и по смерти его распространяла о немъ легендарные разсказы, какъ это дѣлалось напр. даже въ близкое къ намъ время по отношенію къ Петру Великому и Наполеону (ср. послѣдніе выпуски Собранія пѣсенъ Кирѣевскаго, изд. подъ ред. Безсонова).

484—489. НаНемизѣснопыстелютъголовамимолотѧтъчепихаролужнымина тоцѣживотъкладутъвѣютъ душоотътѣлаНемизѣкровавибрезѣнебологомъбѧхутьпосѣѧнипосѣѧникостьмиРусскихъсыновъ.

§ 99. Немига или Немиза одинъ изъ притоковъ Нѣмана, по объясненію С. М. Соловьева.

Въ XII столѣтіи Русское владычество въ землѣ Литовской сильно поколебалось. Архимандритъ Лосицкій, во введеніи въ Густынскую Лѣтопись, въ главѣ о Литвѣ, относитъ это паденіе Русскаго владычества къ эпохѣ Батыевой. Но Полоцкіе Всеславичи сходятъ со сцены ранѣе, и изгнаны въ Греческую Имперію уже въ началѣ XII столѣтія.

«Въ се лѣто (1130, по Густ. Л.) В. Князь Кіевскій Мстиславъ, видя злонравіе Князей Полоцкихъ заточи ихъ со женами и дѣтьми во Греки». Князья Полоцкіе были изгнаны (Лекціи М. О. Кояловича) за продажу подданныхъ въ неволю. Здѣсь вѣроятно кроется названіе Русской страны землей Ханаанской Еврейскими писателями XII столятія. Въ 1143 году (Густ. Л.) Всеславичи снова въ Полоцкѣ: «Въ то лѣто поятъ Всеволодъ за сына своего Святослава Василковну, Полоцкаго Князя. Въ то же лѣто Изяславъ Мстиславовичь отда дщерь свою за Рогволда Борисовича.

Полоцкъ отпалъ отъ Россіи ранѣе поселенія Ордена. Въ 1181 году имъ овладѣлъ Литовскій Князь Мингайло (Кояловичъ. Лекціи по Зап. Россіи, стр. 77).

Архимандритъ Лосицкій, ссылаясь на Русскихъ Лѣтописцевъ, ведетъ родъ князей Литовскихъ отъ Палемона, выходца Римскаго, времени Нерона или, по мнѣнію другихъ, Атиллы. Въ генеалогіи Литовскихъ Князей онъ говоритъ:

«Сей Палемонъ и Липъ отъ его колѣна нѣкто имѣ трехъ сыновъ ихъ же имена въ Лѣтописцахъ первіи обрѣтаются: си есть Баркосъ, Куносъ и Спера, Баркосъ владѣ во Жмуди идеже и замокъ отъ своего имени заложи Юрборхъ; а Куносъ отъ сего неподалече вторій заложи и нарече Куносъ. А нынѣ Ковно; сперва такожде заложи замокъ надъ рѣчькою Свитою и нарече и Вилкомиръ; по смерти же Барка и Спери Куносъ имѣ двухъ сыновъ Керна и Гибута по смерти же Куносовой Кернъ княжи въ Литвѣ по обою страну рѣки Вилеи и градъ Керновъ въ свое имя созда, сей градъ бысть главою всей Литвѣ; а Гибутови остался Жмудь, по смерти Керновой княжи въ Литвѣ сынъ его Живибунтъ такожде и въ Жмуди Монтивилъ, по Гибутѣ отцѣ своемъ; сіи оба князѣ въ любвѣ зъ собою живяху платяще дани Русскимъ Княземъ, си есть лыка, постолы и вѣники до бани и прочія худыя вещи понеже серебра не имѣяху; по Мунтивли же княжи во Жмуди сынъ его Викиндъ; во время княженія сего Викинда Батый сотре Русское княженіе и землю Русскую сотвори пусту тогда и Тивибунтъ Князь литовскій видавъ яко ослабѣ Княженіе Русское не восхотѣ прочее послушати ихъ, но умысли совреци изъ себѣ послушаніе къ нимъ и собравъ воя посла на Русь со Ердивиломъ Монтивиловичемъ, братомъ Викинда Жмудскаго иже и порази Русь и многіи подъ ними грады взяты а потомъ и Кадана Царя Заволскихъ Татаръ порази и бысть страшенъ всѣмъ но не много княживъ умре и оставивъ два сына Алгимунта и Мингала. Алгемонтъ княжи во Жмуди а Мингало въ Новгородку и Полоцку и умре въ старости оставивъ по собѣ двоихъ сыновъ Скирмонта и Гинвила. Скирмонтъ яко старѣй сяде въ Новгородку а Гинвилъ въ Полоцку, сей Гинвилъ пояхъ себѣ въ жену Марію дщерь Бориса Князя Тверскаго, ея же

ради и крестися и нареченъ бысть Юрій и сей первый князь христіанинъ бысть въ Литвѣ но не много поживъ умре оставивъ по себѣ сына Бориса еже и погребе его по обычаю Христіянскому сей Борисъ бысть добрый христіянинъ и созда много церквей и монастырей; по смерти Борисовой пріять княство Полоцкое Рихвалдъ сынъ его. Сей Рихвалдъ имѣ сына Глѣба и дщерь Парасковею. Сей Глѣбъ не много княживъ умре и здѣ конецъ бысть княземъ Литовскимъ въ Полоцку. По его же смерти паки Полоцчане начаша сами себѣ безъ князя владѣти и Парасковія пойде въ монастырь въ немъ же поживши лѣтъ 7, поиде въ Римъ и тамо въ монастырѣ богоугоднѣ поживши преставися. Рымляне почитаютъ ю во святыхъ и нарицаютъ ю S. Praxenda а Скирмонтъ иже княжи въ Литвѣ по отцѣ своемъ хотя поити на Русь проси о помощѣ Живибунда князя Литовскаго стара уже суща и посла съ нимъ Живибундъ Куковойта сына своего. Сей Скирмонтъ со Куковойтомъ не токмо князей Русскихъ порази но и Татаръ плѣняющихъ землю Русскую и живъ не мало умре, по смерти же его три его сына си есть Стройнатъ, Любартъ и Писсимонтъ раздѣлиша себѣ княство Литовское на трое; въ тая времена придоша въ Литву Татаре хотяще мститися на Литвѣ еже поразилъ ихъ бяше Скирмонтъ но сынове его собравшеся бишася съ Татары крѣпко и побѣдиша ихъ, но единаче въ той брани убіены быша Любартъ и Писсимонтъ токмо единъ Стройнитъ оста; но сей не много княживъ умре и наста по немъ сынъ его Алгимундъ, но и сей не много княживъ умре и наста по немъ сынъ его Рингалтъ, а Куковойтъ Живибундовичъ егда со Скирмонтомъ побѣдивъ Русь и Татаръ возвратися ко Живибунду отцу умирающу уже его же погребъ сяде самъ на княженіи Жмудскомъ и жить не мало время и умре и остави по себѣ на княствѣ Жмудскомъ Утенеса. Сей Утенесъ живъ такожде не мало умирая же остави сына своего Свинтороха младенца со княженіемъ на руцѣ Ринголту князю Литовскому и отселѣ Ринголтъ бысть единовластецъ въ Литвѣ и Жмуди и частѣ Руси; Русскіе же князи собраша и хотяху его изгнати изъ державы Русскія, но поражены быша отъ него съ своими помощниками Татары; по смерти Ринголтовой княжи въ сей Литвѣ и Жмуди сынъ его Мендогъ; сей Мендогъ

бысть христіянинъ и сынъ его Воишелкъ инокъ помазанъ же бысть Мендогъ и на кролевство Литовское отъ Инокентія папы и многія имѣ брани съ крижаками, Ляхами и Русью, послѣди же отъ своихъ братій убіенъ бысть; сынъ же его Воишелкъ иже бывъ чернцемъ изверже изъ себе чернечество и помстися надъ убійцами отца своего смерти, яко же о томъ въ лѣтописци року 1264, и постави на князствѣ Литовскомъ Свинтороха Утенковича иже бѣ въ опецѣ Ринголта дѣда его а самъ паки поиде въ монастыръ; по Свинтороху княжи въ Литвѣ сынъ его Гирмонтъ, сей не мало княживъ умре и остави по себѣ двохъ сыновъ Гилигина и Трабуса, Гилигинъ княжи въ Литвѣ, а Трабусъ въ Жмуди; по Гилигинѣ княжи въ Литвѣ сынъ его Романъ, но не по мнозѣ умре и остави по себѣ пять сыновъ Наримонта, Довмонта, Годсу, Гедруса, Тройдена. По смерти же Романовой Литва вся оставивше сыновъ его посадиша въ себѣ на княженіе Трибуса Жмудскаго, стрія его, иже не много имъ княживъ умре, Литва же паки посадиша въ себѣ на князство Наримонта, старѣйшаго сына Романова; не помнозѣ же сія братія си есть Наримонтъ со Довмонтомъ покрамолишася о жену, и одолѣнъ бысть Довмонтъ, утече до Пскова, а Наримонтъ побра державы его; по смерти же Наримонтовой посадиша у себе Литва на княженіе юнѣйшаго сына Тройдена, тогда и Довмонтъ приде изъ Пскова и порази Тройдена и иныхъ враговъ своихъ, но Ромонтъ сынъ Тройденовъ чернецъ егда услыша о смерти отца своего Тройдена изверже изъ себѣ чернечество и собравъ войско порази Довмонта стрія и самаго уби и иныхъ князей враговъ своихъ, и отчихъ, и ту уже не ста князей отъ колѣна Палемонова, кромѣ сего Ромонта, но Ромонтъ не хотѣ княжити, но поиде паки въ монастырь, а на князствѣ Литовскомъ посади Витона иного рода князей Римскихъ гербу Кинтавроновъ. Сей Витенесъ многія брани имѣяше со околными зъ Русью, Ляхами, Крижаками и по многихъ лѣтѣхъ умре оставивъ по себѣ сына Гедиміна, но и той со околными такожде непрестанно воевася, якоже и Витенесъ. Сей Гедиминъ имѣ сыновъ 7: Монтивила, Наримонта, Олгерда, Естнутія, Кейстуда, Коріама, Любарта; сынове Олгертовы: Ягело, Скиргайло, Свидригайло, Володимеръ, Борисъ, Корибутъ,

Вигунтъ, Коригиль, Наримонтъ, Лайгвинъ, Любартъ, Андрей, Бутавъ; сынове Кейстутовы: Витолдъ, Патрикій, Тоговилъ, Жигмонтъ Войдатъ, Довготъ (изъ рукоп. введ. въ Густын. Л.).

490—495. Всеславъкнязьлюдемъсудяшекнязем градырядяшеасамъвъночьвлъкомърыскашеизъКіева дорыскашедоКуръТмутораканявеликомуХръсовивлъкомъпутьпрерыскаше.

§ 100. «До куръ»—принимается въ смыслѣ до пѣтуховъ; это толкованіе согласно съ древними памятниками.

Хорсъ, Ορος, Horus, по ученію Гностиковъ, Предѣлъ, явившійся послѣ удаленія Елены изъ Плиромы для возстановленія четнаго числа 8. Онъ препятствуетъ возвращенію Елены-Софіи Ахамотъ въ Плирому. Всеславъ перебѣгаетъ ему дорогу, и этимъ способствуетъ вторженію Елены, нарушительницы гармоніи въ высшемъ и земномъ мірѣ. Трудно рѣшить, изображаетъ ли Хорсъ благотворную или враждебную силу. Въ Excerpta ex scriptis Theodoti et doctrina quae Orientalis vocatur, ad Valentini tempora spectantia, epitomae, въ приложеніи къ твореніямъ Климента Александрійскаго, находимъ, что Ορος отдѣляетъ міръ отъ Плиромы. У Епифанія Ορος, какъ σταυρος, имѣетъ внутреннюю, укрѣпительную силу, но какъ собственно Ορος имѣетъ силу разъединенія.

Діодоръ Сицилійскій говоритъ (I, 88): «Египтяне почитаютъ Волка потому, что Озирисъ вернулся изъ царства мертвыхъ на помощь Горосу и Изидѣ противу Тифона». Басня эта подъ разными видами передается намъ въ лубочныхъ сказкахъ, и, совершенно согласно съ древнимъ преданіемъ, въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ. Въ Пѣснѣ, также какъ и въ Египетской баснѣ, Всеславъ является предвѣстникомъ великаго Хорсови, т. е. примирителя. Впрочемъ, по значенію глагола «прерыскаше», перебѣгалъ, волкъ въ Пѣснѣ можетъ быть имѣетъ отношеніе враждебное къ великому примирителю. Въ Египетской баснѣ Оросъ стремится

сѣсть на отеческій престолъ и затѣмъ водворить нарушенный порядокъ вещей.

Локи—одинъ изъ 12 боговъ, въ числѣ 12 Азовъ, представитель всего пагубнаго въ водѣ, огнѣ, воздухѣ и землѣ. Его сынъ, Волкъ-Фенриръ, дочери: Змѣя-Мидгардъ и Гель Смерть. Скованный богами, Волкъ долженъ явиться передъ скончаніемъ вѣка, равно какъ и Змѣя, погруженная богами въ море.

Согласно съ этимъ Скандинавскимъ сказаніемъ, Волкъ-Всеславъ является предвѣстникомъ и орудіемъ окончательной погибели.

Вейсманъ, въ прилож. къ Alexander (Gedicht des XII, Iahrhunderts, vom Pfaffen Lamprecht, F.-a.-M., 1850, II, 464), приводитъ слѣдующій любопытный разсказъ Джона Мандевиля:

«Zwischen den Hügeln, die da sind, sind die Juden der neun Stämme eingeschlossen, die man Gog und Magog nennt, und sie können an keiner Seite heraus. Hier waren 22 Könige eingeschlossen mit ihrem Volke, die früher da wohnten und zwischen den Bergen von Sichy und dem Reiche Alexanders. Er trieb sie dorthin zwischen diese Berge; denn er glaubte sie einschliessen zu können durch Gewalt und das Werk von Menschenhänden; aber er vermochte es nicht. Da flehte er zu Gott, dass er sein begonnenes Werk vollenden möchte, und Gott hörte seine Bitte und schloss diese Berge zusammen, so das die Juden dort wohnen, als wären sie gefangen und eingeschlossen; und überall sind die Berge, ausser einer Seite. Und warum gehen sie da nicht hinaus? sagst du. Darauf antworte ich. Obgleich man es eine See nennt, ist da ein Sumpf um die Berge. Und dies ist der grösseste Sumpf der ganzen Welt, und wenn sie auch über die See gingen, wüssten sie doch nich wohin, denn sie können nur ihre eigene Sprache reden; und ihr müsst wissen, dass die Juden kein eigenes Land in der ganzen Welt haben, ausser denen, die in diesen Bergen wohnen und doch geben auch diese Tribut der Königin von Ermony. Und zuweilen gehen einige Juden auf den Berg, aber sie können nicht hinüber, denn diese Berge sind so hoch; dennoch sagt man von diesem Lande, dass sie zur Zeit des Antichrists heraus kommen und vielen Harm den Christenmenschen anthun werden. Und deswegen lernen die Juden in allen Ländern hebräisch, den sie meinen, dass die in den Bergen herauskommen und nur hebräisch sprechen

werden. Und zur Zeit des Antichrists werdeu diese Juden herauskommen und hebräisch sprechen und die andern Juden in die Christenheit führen, um die Christen zu vernichten; denn sie haben ihre Weissagungen, dass sie einst von den Christen sich befreien und diese sich unterwerfen werden, wie sie jetzt unter den Christen stehen. Und wenn ihr wissen wollt, wie sie den Weg herausfinden, so will ich es euch sagen, wie ich es gehört habe. Bei der Ankunft des Antichrists wird ein Fuchs kommen und seinen Bau an derselbe Stelle machen, wo der König Alexander die Thore gemacht hat, und er wird so an der Erde arbeiten und sie durchbrechen, bis er unter die Juden kommt; und wann sie diesen Fuchs sehen, wird es sie gross Wunder nehmen, denn sie sahen nie einen solche Art von Thieren, denn sie haben wohl manche Thiere unter sich, aber keine solche; und sie werden den Fuchs jagen und verfolgen, bis er wieder in die Höhle geflohen ist, aus der er gekommen; und dann werden sie nach ihm graben, bis sie an die Thore kommen, die König Alexander von grossen, gut mit Cäment verbundenen Steinen gemacht hat; und sie werden diese Thore brechen und den Ausgang finden.

Слѣдующая выписка изъ Джіовани Фіорентино (Giornata, Nov. 1, Alexander, Ged. d. XII. Jahrh., v. Pf. Lamprecht, II, 465, 466) упоминаются трубы, поставленныя Александромъ Великимъ, о коихъ рѣчь идетъ въ Русской сказкѣ, встрѣчаемой у Аѳанасьева.

На эту же сигнальную трубу карная намекаетъ и наша Пѣснь; здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что форма карнай или карнаинъ совершенно правильна и соотвѣтствуетъ Греческому Καρνεῖος, прозваніе Аполлона, означающее рогатый κάρνος—труба. «Alexander schloss die zehn Stämme Jsraëls in die Berge von Gog und Magog. Um sie in Unterwürfikeit zu halten, heftete er eine Anzahl Trompeten an die Gipfel der Berge, so künstlich geformt, dass sie bei jedem Lufthauch tönten. Im Laufe der Zeit bauten gewisse Vögel ihre Nester in die Oeffnungen der Trompeten und verstopften sie, so dass der Ton allmählich schwächer wurde. Und als die Trompeten ganz verstummten, wagten es die Juden über die Berge zu klimmen und entkammen. Ihre Abgeschlossenheit scheint sie in Tartarische Nationen verwandelt zu haben. Und der grosse Chan der Tartarei führt bis auf

den heutigen Tag eine Feder auf seiner Mütze als Andenken an die wesentlichen Dienste, welche die Vogel seinen Vorfahren erwiesen hatten».

Но эти апокалиптическія сказанія недостаточны для объясненія явленія Всеслава волкомъ въ связи съ явленіями великаго Хорса. «Великій Хорсъ» напоминаетъ Египетскаго Ороса. Геродотъ (перев. Мартынова, кн. II, гл. 144), говоритъ:

«Прежде же сихъ мужей (поколѣнія жрецовъ) были въ Египтѣ боги царями, кои купно съ людьми обитали, и изъ нихъ всегда былъ одинъ старше всѣхъ. Послѣдній изъ нихъ былъ Оръ, сынъ Озирида, коего Еллины называютъ Аполлономъ. Сей, низложивъ Тифона, былъ послѣднимъ царемъ въ Египтѣ. Озирисъ же на Еллинскомъ языкѣ означаетъ Діонисъ (Вакхъ)».

Синезій (De Provid., pp. 90—115) говоритъ, что Египтянамъ предвѣщано было освобожденіе, какъ скоро Оросъ будетъ имѣть помощникомъ на войнѣ волка вмѣсто льва. Разъясненіе этой загадки относительно значенія волка, по словамъ упомянутаго Отца Церкви, есть таинство, не сообщавшееся мірянамъ даже въ формѣ басни. Для изгнанія Тифона и возстановленія лучшаго порядка вещей, необходимо очистить водою и огнемъ воздухъ, зараженный племенемъ Тифона. Возвращеніе Игоря съ волкомъ и очевидныя знаменія, сопровождающія возвращеніе Игоря въ Россію, совершенно сходны съ разсказомъ Синезія (Объ этомъ эпизодѣ изъ Египетской мѵѳологіи ср. Dupuis, Origine de tous les cultes. Paris an III. 1-re partie du t. II, pp. 445—446, и Schwenk: Mythologie der Aegypter. Frankfurt, 1846, стр. 242, sqq). Озирисъ, вернувшись изъ ада, спрашиваетъ сына: что лучшее на землѣ?—Сынъ отвѣчаетъ: «отмщеніе за родителей». Какое животное наиполезнѣйшее на войнѣ?— Оросъ отвѣчаетъ: «конь». На вопросъ, зачѣмъ не левъ,—отвѣтъ: «Левъ годенъ во время защиты, а на конѣ спасаешься отъ непріятеля и его уничтожаешь нападеніями». Тутъ Озирисъ увидѣлъ, что Оросъ созрѣлъ для борьбы, и обрадовался. Передъ битвой съ Тифономъ, многіе изъ слугъ послѣдняго перешли къ Оросу, и между ними любовница Тифона. По разсказу Плутарха, люди Ороса убили змѣю, которая преслѣдовала перебѣгавшую любовницу Тифона, Ѳуерисъ.

Египетская басня вполнѣ объясняетъ движенія Всеслава и Ве-

ликаго Хорса, старавшихся возстановить отеческій престолъ; вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ фигуры въ Египетской исторіи означаютъ паденіе второй божественной династіи.

Эпоха составленіи Русской Пѣсни вполнѣ соотвѣтствуетъ подобному сближенію: Южная и Западная Россія видимо приближались къ паденію. Предпочтеніе, въ концѣ XII вѣка данное старшей линіей Суздалю передъ Кіевомъ и разстройство Полоцкаго княженія ярче всего объясняютъ положеніе дѣлъ.

Низами, умершій въ 1180 году, въ заключеніе своего «Искендеръ-Наме» разсказываетъ, что Александръ Великій, во время своего похода противъ Сины (Китая), узнавъ, что Русскіе разорили городъ Берду, столицу его союзницы, по окончаніи войны предпринимаетъ два похода противъ Русскихъ, и беретъ въ плѣнъ Русскаго царя Кайтала. Далѣе: Синскія плѣнницы разсказываютъ Александру объ источникѣ живой воды въ области тьмы, охраняемой пророкомъ Хисри. Александръ стремится къ этому источнику, но, не найдя его, возвращается домой и привязываетъ къ себѣ своихъ намѣстниковъ благодѣяніями.

Весьма можетъ быть, что въ нашей пѣснѣ намекается и на этотъ миѳъ. Смыслъ обоихъ этихъ миѳовъ тотъ же, да и Хисри и Хорсъ вѣроятно тождественны между собою. У Египтянъ Оросъ назывался также Гарка, явленный, Гаргатъ и Горсентъ—мститель. Менѣе всего гадательно объясненіе Русскихъ басенъ Египетскими уже потому, что Египетскія басни были согласны съ Греческими и Халдейскими. Распространеніе же Финикійскихъ колоній достаточно поясняетъ тотъ путь, коимъ эти вѣрованія могли быть перенесены въ Россію. Всего, конечно, важнѣе свидѣтельство Лѣтописи о тождествѣ Сварога и Ифеста, Дажьбога и Геліоса. Совершенно было бы неосновательно отвергать значеніе этого показанія, предполагая невѣдѣніе Лѣтописца: еслибы Лѣтописецъ не имѣлъ въ виду положительныхъ данныхъ, то ему всего проще было бы указать на сродство съ Греческимъ Олимпомъ.

Волкъ-Фенриръ въ Скандинавской миѳологіи является врагомъ боговъ, хотя первоначально онъ и самъ принадлежалъ къ сонму боговъ; связанный богами, онъ изливаетъ изо рта пѣну, ко-

торая образуетъ рѣку пороковъ. Но это чудовище разорветъ узы при окончаніи міра и одержитъ побѣду со Змѣей-Мидгардъ; вмѣстѣ съ тѣмъ волкъ будетъ содѣйствовать торжеству новой эры— дочери Фреи. Въ позднѣйшей Эддѣ это свѣтопреставленіе смѣшивается съ разсказомъ о разореніи Трои въ связи съ древнѣйшими отрывочными пѣснями. Такимъ образомъ, въ Эддѣ типъ волка совмѣщаетъ въ себѣ двѣ силы: благотворную и губительную.

Согласно съ значеніемъ волка въ Эддѣ, его появленіе означаетъ конечную погибель. Dupuis (Orig. de tous les cultes) замѣчаетъ, что астрологи означали планеты звѣрями, съ коими они полагали нѣкоторое сходство; такъ, Марсъ назывался Волкомъ (l. c., p. 843 (notes); ср. тамъ же, стр. 501, 503).

Геродотъ говоритъ о Скиѳскомъ народѣ Неврахъ, превращающихся въ волковъ, а Солинъ о народѣ, живущемъ въ Истріи и обладавшемъ тою же способностью.

Виргилій въ VIII Еклогѣ упоминаетъ о Мерисѣ, принимавшемъ часто образъ волка.

Люди, обращенные и сами обращавшіеся въ волковъ, назывались у Норманновъ—Garwalf, у Бретонцевъ—bisclaveret, Währwolf по Нѣмецки и loup-garou по Французски. Въ одномъ изъ Арморіканскихъ Лэ Маріи de France разсказывается о нѣкоемъ мужѣ, рыскавшемъ постоянно три дня въ недѣлю въ образѣ волка. Latour d'Auvergne (Origines Gauloises, ch. 2) говоритъ о существованіи между Бретонцами повѣрья о превращеніи людей въ волковъ. Sir William Temple (Miscellanea, P. II: Essay on Poetry. London, 1720, v. I, p. 244) упоминаетъ о существованіи сего повѣрья въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, причемъ онъ вспоминаетъ о нѣсколькихъ Ирландцахъ, раздѣляющихъ это повѣрье (John Dunlops: Gesch. der Prosa-dichtungen a. d. Eng. v. F. Liebrecht. Berlin. 1851, стр. 429 и прим. 504.—Аѳанасьевъ, Поэтическ. воззрѣнія Славянъ, т. I, 792—796; II, 332; III, 525. Kreutzwald und Neus: Mythische und Magische Lieder der Ehsten, 1854, стр. 12. Ср. Эстляндскій Сборникъ, Ревель, 1870, стр. 186. Вѣроятно изъ этого повѣрья объ оборотняхъ произошелъ и самый обычай не называть волка и медвѣдя настоящими ихъ именами. Ср. напр. Майновъ: Поѣздка въ

Обонежье и Корелу, 1874, стр. 160; также Kreutzwald: Der Ehsten abergläubische Gebräuche, etc., стр. 120).

Гомеръ упоминаетъ о превращеніи Переклимена въ волка; онъ же говоритъ, что волки предвѣщаютъ кару, ниспосланную Аполлономъ на Грековъ за обиду, нанесенную Агамемнономъ его жрецу.

Превращеніе людей въ волковъ—одно изъ самыхъ распространенныхъ повѣрій, и его по справедливости причисляли къ душевнымъ болѣзнямъ: insania zooanthropica, insania metamorphosis.

Аѳанасьевъ (l. c., III, 529) говоритъ, что на Руси волчьимъ пастыремъ считается Егорій Храбрый. Тотъ же писатель говоритъ (ibid., III, 528, со ссылкой на Москвитянинъ 1853, V, 3, и Zeitschrift für. D. Myth., IV, 195), что въ Митиленѣ и на Мало-азіятскомъ прибрежьи существуетъ до сихъ поръ повѣрье въ врѵколаковъ. По Сербски эти оборотни называются вукодлаками.

Въ Густынской Лѣтописи, подъ 1185 годомъ сказано:

«Въ тоже лѣто заложенъ бысть въ Прусѣхъ славный городъ Гданскъ».

Въ Любской хроникѣ Арнольда (кн. VII, ч. 9) говорится объ учрежденіи Епископства въ Ригѣ въ 1186 году Мейнгардомъ (+1196). По Генриху Латышу, Мейнгардъ просилъ согласія Владиміра, Князя Полоцкаго, на крещеніе двухъ волостей. Въ Любской хроникѣ, по поводу Ливонцевъ, жившихъ въ Полоцкой землѣ и платившихъ прежде дань Русскому Королю, говорится, что Русскій Король дѣлалъ неоднократные, сильные, но постоянно отражаемые набѣги, при третьемъ Епископѣ Рижскомъ, Альбертѣ, замѣнившемъ Епископа Бертольда, умершаго въ 1198 году. Рижскіе Епископы водворяли Христіанскую вѣру въ этой землѣ вооруженною силой, и со всѣхъ сторонъ, въ помощь своему дѣлу, они получали деньги, оружіе, корабли. Меченосцы стремились въ эти страны для покоренія Ливовъ и другихъ варварскихъ племенъ. Изъ областей обращенныхъ Епископомъ Альбертомъ, Меченосцы, называемые Божіими Рыцарями, требовали за службу свою треть всѣхъ завоеванныхъ земель. Епископъ Альбертъ не соглашался на это, не смотря на происки Рыцарей при Римскомъ Дворѣ. Этому напору Меченосцевъ слѣдуетъ приписать шаткость Русскаго владычества, потрясеннаго предшест-

вовавшими низверженіями Полоцкихъ Князей. Въ данномъ случаѣ поэтъ говоритъ не о войнахъ XI столѣтія, а о современныхъ ему событіяхъ, и весьма можетъ быть, что приведенныя слова, по ихъ энергіи, составляютъ главный предметъ Пѣсни. Поэтъ упрекаетъ Князей за ихъ прежнія дѣйствія противъ Полоцкихъ Князей: «Нѣмизѣ кровави брези не бологомъ бяхуть посѣяни посѣяни костьми Русскихъ сыновъ». Предыдущія же слова относятся къ событію совершающемуся: «На Немизѣ снопы стелютъ головами»...

Тонъ разсматриваемаго произведенія не вполнѣ дозволяетъ принимать Пѣснь о походѣ Игоря за торжество его возвращенія въ Россію, еще менѣе за свадебную пѣснь по случаю бракосочетанія сына Игоря съ дочерью Кончака—Свободою.

Пѣснь заканчивается отчаяннымъ воплемъ за Русскую землю: «О стонати Русской землѣ, помянувше первую годину и первыхъ Князей. Того стараго Владиміра нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: Сего бо нынѣ сташа стязи Рюрикови, а друзіи Давидови нъ рози нося ихъ, хоботы пашуть». За этими безотрадными словами начинается заклинаніе Ярославны. Все отчаяніе, весь сарказмъ Пѣсни сосредоточены на Князьяхъ Смоленскихъ, и я не думаю, чтобы поэтъ въ данномъ случаѣ билъ только на эффектъ: въ сущности дѣло шло о напорѣ новыхъ Латинскихъ враговъ. Для защиты Восточной Россіи значеніе Смоленскихъ Князей было весьма второстепенно. Возбудивъ до нельзя народное чувство, поэтъ быстро переходитъ къ заклинанію Ярославны, и тѣмъ явно обнаруживаетъ, что спасеніе онъ видитъ въ одной лишь молитвѣ.

Грамматинъ основательно замѣтилъ, что единственное опредѣленіе времени въ Пѣсни—это слова: «до нынѣшняго Игоря, умершаго въ 1202 году». Съ другой стороны, время составленія Пѣсни, основываемое на томъ фактѣ что о Владимірѣ Игоревичѣ упоминается до женитьбы его на дочери Кончака,—невѣрно, ибо въ Пѣснѣ упоминается разговоръ Половецкихъ Князей при преслѣдованіи бѣжавшаго Игоря.

Сообщая гадательныя соображенія о времени составленія Пѣсни, я вполнѣ убѣжденъ, что вопросъ остается неразрѣшеннымъ, да и едва ли когда будетъ разрѣшенъ: рѣшеніе его есть дѣло чувства

и впечатлѣнія, а не анализа. Вышеприведенный очеркъ архимандрита Лосицкаго разъясняетъ немного положеніе Русскихъ въ Литвѣ въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтія.

Тьмуторокань, Тамань, постоянная и завѣтная цѣль стремленій Русскихъ втеченіи всего историческаго времени нашего существованія; стремленіе это было весьма естественно, ибо оно служило главнымъ условіемъ для входа въ Азовское море и выхода оттуда.

Русскій элементъ издревле сидѣлъ въ этихъ мѣстностяхъ подъ именемъ Тавровъ; единогласіе Византійскихъ писателей въ этомъ отношеніи не даетъ мѣста сомнѣніямъ. Владѣніе устьями и теченіемъ Днѣпра, болѣе обезпеченное, не доставляло тѣхъ удобствъ, которыя представляло Азовское море; владѣніе же устьями Днѣпра совокупно съ Таманью должно было обезпечить и обладаніе теченіемъ Дона и его притоками. Русскій элементъ постоянно держался между Дономъ и Кубанью, и представителями его были тамъ Некрасовцы, Игнатъ-Казаки. Некрасовская скала на правомъ берегу Кубани, въ Терской области, по дорогѣ изъ укрѣпленія Джугутинскаго въ Хумаринское, съ развалинами крѣпости на южной сторонѣ скалы, подтверждаетъ разсказы Массуди о Кашакахъ, владѣющихъ укрѣпленными мѣстами по восточному берегу Чернаго моря. Архимандритъ Лоссицкій говоритъ, что и Пятигорскіе Черкесы были Русскіе. Даже и нынѣ существуетъ преданіе о Русскомъ происхожденіи одного Осетинскаго племени. Между Кавказскимъ народонаселеніемъ несомнѣнно долженъ находиться не одинъ забытый отрядъ, поселенный для защиты проходовъ и дорогъ. У Осетинъ существуетъ преданіе о Франкскомъ Князѣ, promѣнявшемъ цѣлую область за Осетинскую княжну. Весьма можетъ быть, что и въ похожденіяхъ Всеслава встрѣчались романтическіе эпизоды въ связи съ его политическими дѣйствіями. Фальмерайеръ приводитъ слѣдующій разсказъ объ одномъ Русскомъ Князѣ, женившемся на Тамарѣ:

«По смерти Георга III, въ 1171 году, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ, корона Грузинская, по Лѣтописи Вахтанга, досталась дочери его, Тамарѣ. Въ первые же годы она завоевала Тавризъ и города Требизондъ, Абхазію и Кавказскія горы, и разбила на голову войска Султана Нуредина и Шаха Атабега. Она вышла за

мужъ за Русскаго Князя, находившагося тогда въ Тифлисѣ, но впослѣдствіи удалила его за дурное поведеніе и вышла замужъ за Осетинскаго Князя, Багратіона. Удаленный Русскій Князь, по имени Андрей, отправился въ Грецію, и оттуда возвратился въ Лазію съ сильнымъ войскомъ. Когда онъ подошелъ къ Кутаису, то всѣ тамошніе знатные люди примкнули къ нему. Но тѣмъ не менѣе Русскій Князь былъ разбитъ Тамарой, плѣненъ и отпущенъ, и съ тѣхъ поръ о немъ въ той странѣ не было помину».

Фальмерайеръ (Gesch. des Trapezuntischen Reiches. München, 1827, стр. 25, 26) полагаетъ весьма основательно, что подъ именемъ Греціи здѣсь подразумѣвается Трапезундское Греческое владѣніе.

Около этого же времени упоминается Тамара, дочь Императора Андроника; по паденіи Императора, въ сентябрѣ 1185 года, она удалилась съ двумя сыновьями своими, Алексѣемъ и Давидомъ, въ Колхиду, захвативъ съ собой большія сокровица. Алексѣй и Давидъ были сыновья Мануила Комнена. Такимъ образомъ, въ концѣ XII столѣтія являются на восточномъ берегу Чернаго моря какъ будто двѣ Тамары: Греческая и Грузинская. Впрочемъ, это легко можетъ быть объяснено недоумѣніемъ. Что касается до родственныхъ отношеній Тамары къ Императору Андронику и Грузинскому Царю Георгію III, по отношенію къ названію ея Греческою Колхидскою Принцессою, а съ другой стороны Принцессою Грузинскою, то это могло произойти отъ двухъ точекъ зрѣнія. Сознаюсь, впрочемъ, что я въ этомъ вопросѣ ничего не знаю—даже не знаю, какимъ образомъ можно провѣрить такое недоумѣніе.

Фальмерайеръ, передавая выше помянутую Осетинскую легенду, ссылается на Путешествіе Клапрота (ч. II, стр. 178), вѣроятно нѣмецкаго изданія. Во французскомъ же изданіи (Paris, 1823, ч. II, стр. 167), сообщены лишь изустныя преданія объ этомъ событіи. «Les Ossetes racontent, qu'un Khan des Frenghi s'empara par ruse de cette fortification (крѣпость на Фіагѣ, называемая также Пог-ауссе, Русскими: Погъ или Фаюкъ) après un siége très long; la femme du chef des assiégès avait, par des signaux convenus, livré ce

poste; elle epousa ensuite le Khan Europeen, dont les troupes exploiterent les mines d'argent du voisinage».

Кажется этотъ Осетинскій разсказъ дѣйствительно находится въ связи съ разсказомъ Вахтанга о Тамарѣ, бывшей сперва за Русскимъ Княземъ, а впослѣдствіи за Осетинскимъ, Багратіономъ.

Клапротъ (ч. II, стр. 347) разсказываетъ еще Черкесское преданіе о Европейскомъ Князѣ, владѣвшемъ въ ихъ землѣ и промѣнявшемъ свою область за полюбившуюся ему жену одного изъ Черкесскихъ Князей. Этотъ послѣдній уступилъ жену свою съ условіемъ, чтобы тотъ Князь уступилъ ему землю, занятую Френгами. Клапротъ приводитъ еще существующую у Кабардинцевъ пословицу: «Мы отдали нашихъ женъ за эту страну».

Смѣшеніе историческаго элемента съ миѳическимъ въ древнихъ и позднѣйшихъ басняхъ до такой степени сильно, что едва ли возможно прослѣдить эти двѣ перепутанныя между собою нити. Отецъ Исторіи, Геродотъ, разсказываетъ по древнимъ сказкамъ причины всѣхъ продолжительныхъ войнъ между Восточными и Западными народами. Главный источникъ всѣхъ войнъ, по мнѣнію Персовъ, были дѣйствія Грековъ въ отмщеніе за похищеніе Елены. Похищеніе Іо Финикіянами положило начало дѣлу, и наиболѣе сходно съ повѣствованіями нашихъ сказокъ, и именно сказки о Семи Семіонахъ, по лубочному изданію, стр. 8—11:

«Царевна тотчасъ пошла къ своему батюшкѣ и начала на корабельную пристань просится погулять. Царь отпустилъ ее, и сказалъ чтобъ она взяла съ собою нянюшекъ и мамушекъ и пошли съ Семеномъ, какъ скоро пришли на корабельную пристань, тотъ часъ Семенъ просилъ Царевну на свой корабль, а когда она на оной пошла, то Семенъ воръ да и протчия ево братія начали показывать Царевне разные товары, после Семенъ сказалъ Царевне: Ваше Величество теперь извольте приказать нянюшкамъ и мамушкамъ скorобля сойти для того что я хочу показать другія товары которыхъ не должны они видеть; Царевна приказала нянюшкамъ и мамушкамъ съ кorобля сойти; какъ скоро сошли въ самое то время велелъ Семенъ воръ своимъ братьямъ тихонько отрубить якорь и пустится въ море на всѣхъ парусахъ

а самъ между темъ началъ Царевне развертывать некоторые товары ис которыхъ подарилъ ее некоторыми; время прошло уже часа два какъ онъ показывалъ товары и наконецъ она ему сказала что время ей домой итти, потому что Царь, ее отецъ, дожидаться будетъ обѣдать; потомъ вышла изъ каюты и видетъ, что корабль на ходу и береговъ уже не видно, тогда она ударила себя въ грудь, въдругъ обратилась лебедью и полетела; пятой Семенъ взялъ ружье и подъстрелилъ лебедя, а шестой Семенъ до воды ее недопустя подъхватилъ и принесъ ее опять на корабль гдѣ Царевна по прежнему стала девицею; нянюшки и мамушки стоявши на берегу увидя что корабль отвалилъ отъ берега и съ Царевною бросились тотчасъ къ Царю и сказали о Семеновомъ обмане; Царь нарядилъ тогда великый флотъ за ними въ погоню и когда флотъ началъ нагонять Семеновъ корабль гораздо близко,—то четвертый Семеонъ взялъ корабль свой заносъ и увелъ его въ подземельное Государство; когда корабль стало не видно то флотъ и увидя какъ оной ушелъ на дно, думали что корабль потонулъ и съ Царевною Еленою Прекрасною и возвратились назадъ и донесли о томъ Царю Саргу, что Семеновъ корабль потонулъ и съ Вашею дочерью; Царь много объ ней печалился».

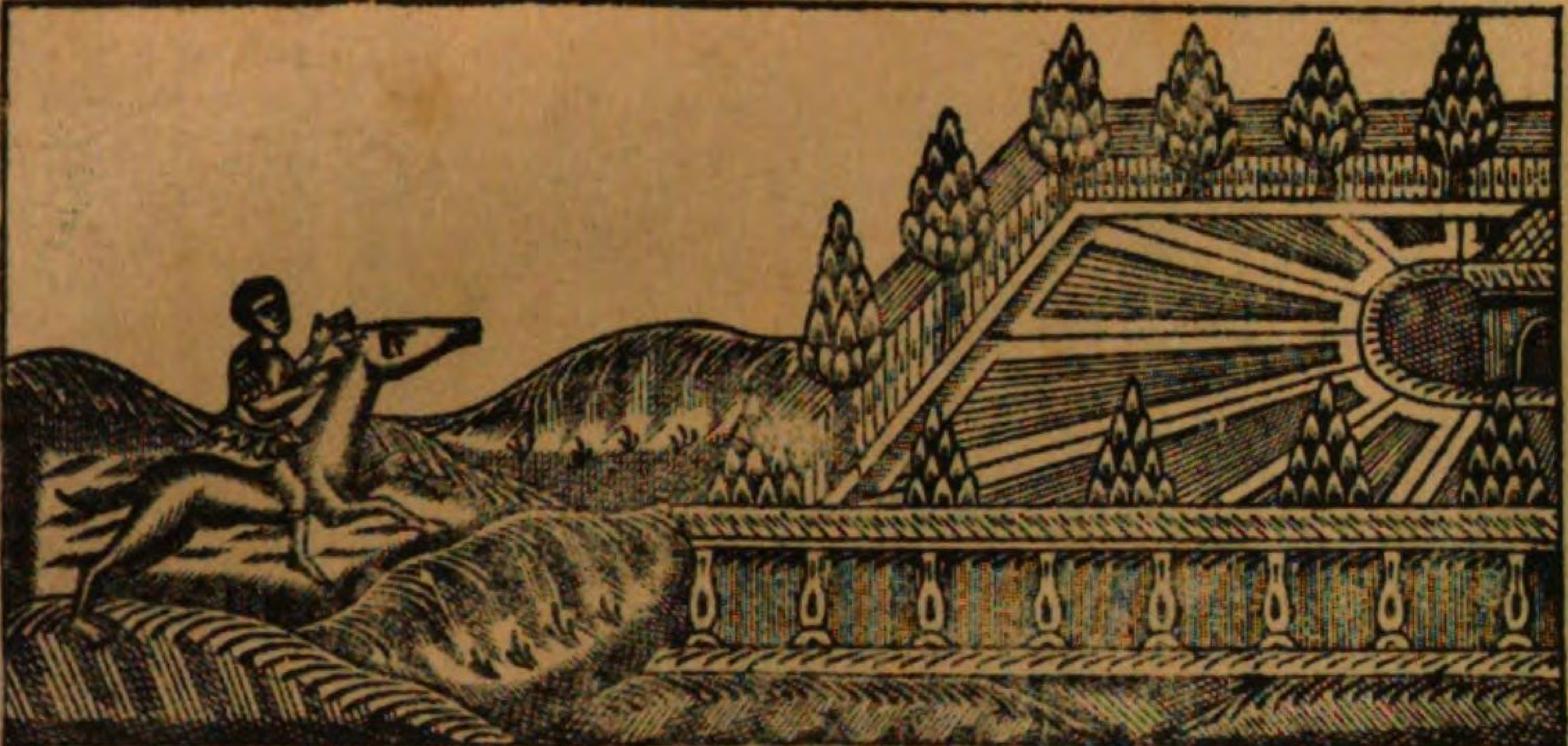
Тщательный собиратель басенъ, отецъ Исторіи, начинаетъ свое повѣствованіе исчисленіемъ похищеній дѣвицъ, послужившихъ завязкой для ряда событій, составляющихъ всемірную Исторію (кн. I, гл. 1): «Словесники изъ Персовъ говорятъ, что Финикіяне были виновниками вражды. Они изъ называемаго Ериѳрейскаго моря пришедшіе въ наше море и поселившись по берегамъ онаго въ странѣ и нынѣ ими обитаемой, занялись отдаленными плаваніями и начали возить Египетскіе и Ассирійскіе товары въ разныя страны, а также и въ Аргосъ. Въ то время Аргосъ былъ лучше всѣхъ городовъ въ странѣ, называемой Элладой. Финикіяне прибывъ въ Аргосъ, выставили товаръ на продажу. На пятый или шестой день послѣ ихъ прибытія, когда все почти было распродано, пришло къ морю много женщинъ, между коими находилась и Царевна. Называлась она, какъ то утверждаютъ и Еллины, Іо. Когда онѣ, ставъ у кормы корабельной, покупали наиболѣе нравившіеся товары,

Финикіяне, сговорившись между собой, бросились на нихъ. Большая часть женщинъ разбѣжалась, но Іо съ нѣкоторыми другими женщинами была захвачена. Финикіяне свели ихъ на корабль и поплыли въ Египетъ».

Указаніе Геродота, что, по древнѣйшимъ преданіямъ, Финикіяне приплыли изъ Ериѳрейскаго моря, весьма важно, какъ одна изъ весьма рѣдкихъ точекъ, служащихъ къ объясненію связи существующей между преданіями Индо-Европейскихъ и Семитическихъ народовъ. Путешественникъ Геродотъ весьма хорошо зналъ что́ онъ говоритъ, называя море Ериѳрейскимъ: другаго Ериѳрейскаго моря не было, кромѣ Индѣйскаго. Не только условія древнѣйшаго основанія Финикіянъ намъ неизвѣстны, но даже и условія распространенія ихъ колоній. Условія, облегчавшія имъ плаваніе, намъ также неизвѣстны, но они далеко не невозможны. Противорѣчивыя свѣдѣнія о извѣстности и неизвѣстности Америки въ древности весьма объяснимы, если Финикіяне были выходцы изъ Индіи.

Затѣмъ Геродотъ еще кратче говоритъ о прочихъ обидахъ: похищеніе Еллинами изъ Тира Европы, Еллинами же Медеи изъ Колхиды и наконецъ Троянскимъ Парисомъ Елены изъ Греціи. За отмщеніе Греками Троянамъ, Персы считаютъ Еллиновъ своими врагами, признавая Азію и варварскіе народы за своихъ, а Гр ковъ и остальную Европу за страну имъ чуждую.

Геродотъ видимо не былъ знакомъ съ текстомъ сказокъ, а довольствовался очищеннымъ разсказомъ Персидскихъ словесниковъ, которые, извлекая изъ сказочнаго міра болѣе или менѣе историческіе типы, лишали ихъ и той доли правды, какая сливалась съ баснословнымъ разсказомъ. Повѣствованія Египетскихъ жрецовъ обстоятельнѣе, и болѣе согласны съ нашими сказками. Присутствіе въ Русской сказкѣ семи Семіоновъ, т. е. семи Эоновъ, могло бы возбудить сомнѣніе, что сказка наша явилась не ранѣе появленія Симона Волхва, но трагедія Еврипида не дозволяетъ останавливаться на этомъ сомнѣніи, такъ какъ она излагаетъ баснь совершенно согласно съ Русскою сказкой: въ то время, какъ Менелай находится въ храмѣ Протея и отыскиваетъ тамъ Елену, люди его являются къ нему съ извѣстіемъ, что Елена съ корабля поднялась

Іпришедши ксерому волку раскзалъ все что снимъ
было охъ ты гои еси младои юноша иванъ црЕвичь мо
лвилъ ему серои волкъ для чево ты словы моего неслуш
ался ивзалъ золотую узду виноватъ а предтобою ска
залъ волку иванъ царевичь добро быть такъ продолжалъ
серои волкъ садись намена насераго волка а тева свезу
куда тебе надобно иванъ царевичь селъ серому волку =
наспину аволкъ побежалъ такъ скоро какъ стрела ибе
жалъ онъ какъ бы сказать недолго время иприбежалъ
вгосударство королевны елены прекрасной ипришетши
къзолотои решетки котораа окружіла великолепной садъ
волкъ сказалъ ивану царевичу ну иванъ царевичь слезаи
теперь сменя сераго волка иступаи назатъ потомже
дороге покоторои мы сюда пришли іожидаи меня вчис
томъ подзеленымъ дубомъ иванъ царевичь пошелъ ку
да ему веленш сероиже волкъ селъ близь тои золотои ре
шетки дожидался покуда всатъ поидетъ прогулятся коро
левна елена [illegible]

Иприбежалъ вчистое поле подзеленои дубъ где ево иванъ
царевичь дожидался сказалъ ивану царевичу иванъ царевї
чь садись поскореи намена насераго волка иванъ цар
евичь нанего селъ исерои волкъ помчалъ ихъ обеихъ
кгосударству цра афрона нанкиже имамки инсе воар
ыни придворныа которыа гуляли всаду спрекрасной
королевною еленою побежали тотчасъ водворецъ ипосл
али впогоню чтобъ догнать того сераго волка однако ш
ниже сколько негнались данемогли нагнать иворотились на
затъ иванъ царевичь сида насеромъ волке вместе спрекр
асною королевною еленою возлюбилъ серцемъ свшимъ
елену аона івана царевича тагже икогда серои волкъ онъ
прибежалъ вгосударство цара афрона ивану царевичу и
надобно было прекрасную елену весть водворецъ царю
афрону иему отдать ее втомъ тогда иванъ царевичь ве
сма запечалился иначалъ слезно плакать серои [illegible]

на небо, и подымаясь объявила, что она демонъ, совершившій дѣло, для котораго онъ былъ присланъ на землю, и теперь удаляющійся къ пославшему его. Въ Русской сказкѣ весьма отчетливо объясняется, какъ Елена попала къ Царю морскому, Протею, и не представляетъ никакого ручательства, что возвращенная на корабль лебедь была таже самая Елена. Сказка наша молчитъ также о происшедшемъ въ морскомъ подземномъ царствѣ; этотъ эпизодъ изображенъ Еврипидомъ.

Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Жаръ-птицѣ повѣствуетъ, какъ сѣрый Волкъ обратился въ Елену, чтобы обмануть Царя Афрона, также морскаго Царя (Αφρων—пѣнящійся). Въ трагедіи Еврипида, Елена, съ согласія Ѳеоклимена, сына Протеева, уѣзжаетъ въ море совершать обрядовую тризну по мнимо-умершемъ Менелаѣ, и затѣмъ, соединившись съ нимъ, плыветъ въ Грецію.

По свидѣтельству Геродота, объ этомъ предметѣ (похищенія женъ) существовали разсказы и даже цѣлыя полемическія сочиненія у Персовъ, Финикіянъ и Грековъ; Египетскіе жрецы имѣли свой варіантъ, и каждое изъ сихъ повѣствованій, кромѣ патріотическаго оттѣнка, имѣло необходимо существенныя различія, происходившія вслѣдствіе разныхъ точекъ зрѣнія. Русская сказка поясняетъ всѣ варіанты.

Пѣснь о Волхѣ Всеславьичѣ могла несомнѣнно воспринять въ себя и позднѣйшія дѣйствительныя происшествія, даже XI и XII столѣтій; вмѣстѣ же со сказкой объ Иванѣ Царевичѣ и Еленѣ Прекрасной, она соединяется варіантомъ пѣсни (ср. Онежскія былины, собр. Гильфердингомъ), гдѣ Волхъ Всеславичь является подъ именемъ Ивана Годиновича. Отчество «Годиновичъ» весьма напоминаетъ Ороса, сына Озириса, называющаго себя сыномъ Хроноса, т. е. Времени.

Не лишнимъ считаю помѣстить здѣсь нѣкоторыя выписки и замѣтки, служившія основаніемъ изложенному взгляду на Всеслава Полоцкаго, какъ онъ изображенъ въ Пѣснѣ XII столѣтія.

Въ Гримнисмалѣ Одинъ говоритъ, что Солнце быстро течетъ потому, что за нимъ гонится волкъ Sköll, намѣревающійся его пожрать. Передъ Солнцемъ гонится другой волкъ, Гати, за Мѣсяцемъ.

Худшій изъ всѣхъ, Managarm, питающійся трупами, пожретъ наконецъ и Мѣсяцъ.

Волкъ Фенриръ, упоминаемый въ разныхъ пѣсняхъ Эдды, освободится отъ цѣпѣй при окончаніи свѣта, предшествующемъ обновленію. Въ позднѣйшей Эддѣ торжество волка Фенрира связано съ разореніемъ Трои.

Въ Хорсѣ признаютъ бога Солнца, что весьма можетъ быть. Не смотря на это сочетаніе волка и Хорса, въ Пѣснѣ ничего Скандинавскимъ мvѳомъ не объясняется. Въ Иліадѣ волки посылаются Аполлономъ, какъ предвѣстники чумы; здѣсь волки какъ бы олицетвореніе солнечныхъ лучей, что имѣетъ еще менѣе соотношенія съ нашей Пѣсней. Единственный мvѳъ подходящій—это мvѳъ Египетскій объ Оросѣ и отцѣ его, Озирисѣ. Согласно съ этимъ мvѳомъ, Всеславъ является предвѣстникомъ и помощникомъ возстановленію стараго порядка вещей—владычества Хазарскаго. «Великый Хорсъ» въ этомъ случаѣ есть представитель торжества Азіи и можетъ быть и Чингисъ Хана.

Въ концѣ XII столѣтія Южная Россія приходила къ окончательному разстройству. Великое княжество Кіевское ослабло, Галиція вступала въ ближайшее и опасное сообщеніе съ Германской Имперіей, Польшей и Венгріей. Вліяніе Русское въ Полоцкомъ княженіи уступало вліянію Литовскому и Меченосцевъ. Пѣвецъ Игоревъ видѣлъ, какъ зданіе рушилось со всѣхъ сторонъ; по тону его Пѣсни видно несомнѣнно, что она была выраженіемъ глубокаго патріотическаго чувства и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ воззваніемъ къ Князьямъ для отраженія опасности, грозящей съ Запада. Пѣснь о походѣ Игоря принимаетъ характеръ совершенно апокалиптическій и пророческій. Но въ соотвѣтствующей пѣснѣ Эдды торжество волка при несомнѣнномъ апоколиптическомъ характерѣ отличается рѣзко отъ нашей пѣсни тѣмъ, что въ Скандинавской пѣснѣ выдержанъ прежде всего характеръ повѣствовательный и дидактическій, а Русская Пѣснь пріурочена къ совершающимся событіямъ.

«Въ послѣднюю тысящинцу, сирѣчь въ *седмую*, искоренится Перъское Царство и потомъ изыдетъ сѣмя Измаилево, сущее въ Еѳривѣ, и исходяще съберутся въ Гаваонѣ въкупѣ и испълнится

реченое Іезекіилемъ Пророкомъ. Призови звѣря сельныя и птиця небесныя и повели имъ глаголя: Съберетѣся и пріидете, понеже жрътву великую закалаю вамъ; ядите плъти сильныихъ и пійте кръвь исполинъ (Слово Меѳодія Патарскаго, по рукописи Болгарскаго попа Филиппа 1345 года, изданной Н. Тихонравовымъ: Памятники отречен. Русск. Лит., Москва, 1863, т. II, стр. 220).

Grundtvig (Danmarks gamle folkeviser, т. II, pp. 239) издалъ стихотвореніе редакціи XVII столѣтія «ungen Svendal», соединяющее въ себѣ двѣ пѣсни Эдды: Grogaldr и Fiölsvinnsmal. Эта превосходная Датская богатырская пѣснь объ освобожденіи Свендалемъ спящей дѣвы, между прочими сходными чертами содержитъ и весьма сходное описаніе вторженія героя на конѣ въ теремный дворъ. Эта пѣснь перепечатана Люнингомъ въ его изданіи Эдды (стр. 23):

То былъ юный Свендалъ;
Онъ усѣлся на своемъ конѣ.
Какъ поскакалъ онъ къ той стѣнѣ,
Какъ онъ могъ наилучше.
То былъ юный Свендалъ.
Онъ взялъ своего коня въ шпоры,
Ужъ вспрыгнулъ онъ такъ ловко
Посреди теремнаго двора
Липа, съ своими позлаченными листьями,
Низко пригнулась къ землѣ.
Встала гордая Дѣва
Уже долго лежавшая, объятая сномъ.
Ужъ вспрыгнулъ онъ такъ ловко
Посреди теремнаго двора:
Левъ, а также дикій медвѣдь
Пали ницъ предъ его ногами.

Пѣснь о юномъ Свендалѣ начинается также сходно со словами нашего поэта о Всеславѣ. Всеславъ кидаетъ жребій о любимую дѣву, а Свендалъ попадаетъ въ дѣву мячемъ. Сродство между Русскою и Датской пѣснью очевидно; тѣмъ не менѣе мнѣ кажется основательнѣе предполагать, что и Датскій пѣвецъ намекаетъ на Троянскія сказанія; обѣ пѣсни едва ли не принадлежатъ тому же циклу: мячь Свендала, жеребій Всеслава, яблоко Лельи и яблоко Париса едва ли не одно и то же. Здѣсь кстати припомнить *Морфиду Всеславьевну*.

То былъ юный Свендалъ:
Онъ захотѣлъ въ мячь играть;
Мячь попалъ въ дѣвичью горницу,
Молодецъ вслѣдъ пошелъ.
Мячь попалъ въ дѣвичью горницу,
Молодецъ вслѣдъ пошелъ:
Пока онъ шелъ въ горницу—
Большую заботу въ сердцѣ имѣлъ.
Слушай ты, юный Свендалъ:
Не бросай твой мячь въ меня,
Брось его въ гордую дѣву,
Что ты любишь болѣе меня.

Двойственность Елены-Лилитъ сохранилась въ одной Албанской сказкѣ, записанной Апостоліемъ Панагіотидомъ въ Лябовѣ въ Албаніи (Albanesische Studien von J. G. von Hahn. Jena 1854, стр. 162; ср. также Gr. und Alban. Märchen. L. 1864, т. II (96) стр. 111, 112). Въ этой любопытной сказкѣ Ганъ видитъ сродство съ басням о Парисѣ, Венерѣ, Юнонѣ, Минервѣ и о Мѣсяцѣ. Двойственность эта въ упомянутой сказкѣ выражается наивно и тривіяльно. Это та же сказка о Семи Эонахъ и объ отдѣлившемся осьмомъ Эонѣ:

«Было и не было. Была однажды мать, а у ней было семь сыновей на чужбинѣ и одна маленькая дочь дома.

Когда дѣвочка стала подростать, говорили ей люди: какъ счастлива ты, что у тебя семеро братьевъ.

Разъ пошла она къ матери, и говоритъ: матушка, есть у меня братья?

Какъ не быть, дочь моя: у тебя семь братьевъ, но нѣтъ ихъ здѣсь, они далеко, на чужой сторонѣ.

Если у меня вправду есть братья, дай мнѣ Лелью-Курву, твою дѣвку, чтобы пойти ихъ поискать.

Ступай же дочь моя, если у тебя такая охота.

Она отправилась съ Лельей-Курвой въ дорогу: та шла пѣшкомъ, а она ѣхала на кобылѣ.

На половинѣ дороги пріѣхали онѣ къ ключу; было же очень жарко, и ей захотѣлось пить. Она соскочила съ кобылы, чтобы напиться, и дала дѣвкѣ подержать кобылу.

Пока она пила воду, глядь—Лелья-Курва вскочила на кобылу и ускакала, а дѣвочка побѣжала вслѣдъ за ней.

Когда онѣ прибыли въ то мѣсто, гдѣ были братья, тѣ приняли Лелью-Курву за сестру, а сестру заставили стеречь куръ да гусей.

А Лелья-Курва сидѣла на золотомъ престолѣ и забавлялась *золотымъ яблокомъ*.

А та плакала, пася куръ и гусей, и посылала къ матери поклоны и слезы съ полуденнымъ солнцемъ.

Братья черезъ нѣсколько дней узнали, что она была имъ сестра, и они посадили ее на золотой престолъ, и она забавлялась *золотымъ яблокомъ*, а Лелью-Курву наказали за обманъ и заставили пасти куръ и гусей».

496—498. Томоувъ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано оу Святыя Софеи въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

§ 101. Эпиграмма на происки и податливость Всеслава, вродѣ нынѣшней поговорки: слышитъ звонъ да не знаетъ гдѣ онъ; слова эти также намекаютъ на вѣру въ ухозвонъ.

Самое дѣйствіе Всеслава, на которое намекается въ Лѣтописи, долженъ быть его тайный побѣгъ изъ-подъ Кіева.

Въ Лавр. Л., подъ 6567 г., читаемъ: «Поиде Изяславъ съ Болеславомъ на Всеслава, Всеславъ же поиде противу; и приде Бѣлогороду Всеславъ, и бывши нощи, утаивъся кыянъ, бѣжа изъ Бѣлагорода Полотьску...

Изяславъ же възгна торгъ на гору, и прогна Всеслава изъ Полотьска, посади сына своего Мстислава Полотьскѣ; онъ же вскорѣ умре ту; и посади въ него мѣсто брата его Святополка, Всеславу же бѣжавшю».

Въ рукописномъ хронографѣ, оканчивающемся взятіемъ Константинополя Турками, въ подробномъ разсказѣ о дѣйствіяхъ Всеслава находится варіантъ, кажущійся мнѣ болѣе правильнымъ, чѣмъ чтеніе «утаився кыянъ»; мѣсто это слѣдующее:

25*

«Всеславъ же выде противу имъ къ Белуграду и нощію утаився в Кіовъ бѣжа в свой градъ Полтескъ» (стр. 926).

Здѣсь поэтъ очевидно обвиняетъ Всеслава въ нечестномъ или неразсчетливомъ оставленіи Кіевлянъ вслѣдствіе ошибочнаго разсчета на приглашеніе Полочанъ: дѣйствительно, въ своемъ удѣлѣ Всеславъ удержаться не могъ. Существованіе повѣрья въ сверхъестественный и чародѣйскій даръ ухозвона, не дозволяетъ принимать въ слишкомъ реалистическомъ значеніи слышанія въ Кіевѣ звона, звонимаго въ Полоцкѣ, т. е. вмѣсто приглашенія Полочанами Всеславу могло чудиться, что его зовутъ въ Полоцкѣ. Впрочемъ, сколько замѣтно, Всеславомъ дорожили и въ Кіевѣ и въ Полоцкѣ. Власть въ Полоцкѣ была расшатана Кіевскими Князьями и постоянными низверженіями однихъ Князей другими. Эта неурядица выразилась въ учрежденіи аристократической республики, зародышь позднѣйшаго слiянія Литвы съ Польшей.

499—500. Ащеивѣщадꙋшавъдрꙋзѣтѣлѣнъчасто бѣдыстрадаше.

§ 102. Въ выраженіи «друзѣ» нѣкоторые изслѣдователи видятъ указаніе на волчью натуру Всеслава; смыслъ же этихъ словъ весьма ясенъ, и соотвѣтствуетъ весьма обыкновенному проявленію духа—способности проникать въ чужія дѣла, знать насквозь что́ происходитъ въ душѣ другихъ людей, проникать въ тайны міозданія и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма плохо устраивать свои собственныя дѣла и постоянно бѣдствовать. Мысль эта выражена въ весьма распространенной притчѣ, изображающей астронома, считающаго звѣзды и невидящаго подъ ногами рва.

501—502. ТомꙋвѣщеиБоꙗнъипръвоеприпѣвкꙋсмысленыйрече.

§ 103. Пръвое—прежде, напередъ. «Смысленый», по своему положенію, заставляетъ предполагать описку, вмѣсто смысленъ̑. Едва ли эпитетъ «смысленый», приданный вѣщему Бояну, былъ въ намѣреніи

самого поэта, потому что эпитетъ этотъ, весьма ничтожный и безполезный, по отношенію къ вѣщему Бояну, весьма правиленъ, относясь къ припѣвкѣ.

Принаравливаніе изреченій древнихъ къ современнымъ обстоятельствамъ—вещь весьма обычная; не трудно замѣтить, что такіе припѣвы имѣютъ даже почти исключительно характеръ архаическій. Напримѣръ, въ наше время, въ общежитіи скорѣе можно услыхать стихъ Державина или Хераскова, чѣмъ современнаго поэта. Всего же распространеннѣе изреченія и отдѣльныя выраженія библейскія, какъ напримѣръ: «темна вода во облацѣхъ»; «да мимо идетъ чаша сія»; «на лонѣ Авраама и Іакова»; «свои его не познаша»; «блаженны нищіи духомъ», и т. д. Что касается до приурочиванія древнихъ изреченій къ лицамъ историческимъ, то стоитъ лишь вспомнить всѣ цитаты изъ древнихъ, относимыя къ Римскимъ папамъ, Петру Великому, Наполеону.

503—504. НихытрꙋнигораздꙋниптицюгораздꙋсꙋдаБожїѧнеминꙋти.

§ 104. Птицю—дат. пад. единств. числа усѣченнаго прилаг. «птичь», или винит. пад. единств. числа существит. птица. Здѣсь «птицю» дат. пад. единств. числа усѣч. прилагат. «птичь», въ значеніи птицегадателя, обращающагося съ птицами.

Подобну пѣвцу Игореву, эту мысль повторяетъ Виргилій (Сатурн. Макроба, кн. V, гл. IX). Эту же самую мысль повторяетъ и Аполлоній Родійскій, какъ принадлежность эпической и вмѣстѣ поучительной поэмы. Apoll. Rhodii Argonauticorum: L. IV.

1503.... αδευχεα α'ου φυγεν ὑισαν
Несладкую жъ не избѣгнулъ участь
μαντοσυνοις
волховствами

«Не птицю горазду» ни искусному птицегадателю, изреченіе это приводится со словъ Бояна-Гомера:

858. Мизамъ предшествовалъ Хромій и Эннομосъ птицегадатель,

859. Но и гаданіемъ онъ не спасся отъ гибели черной (*Переводъ Гнѣдича*, п. II).

Μυσῶν δὲ Χρόμις, ἦρχε καὶ Ἔννομος οἰωνιστής,
ἀλλ' οὐκ οἰωνοῖσιν ἐρύσσατο κῆρα μέλαιναν.
Mysis vero Chromis praeerat et Ennomua augur;
Sed non auguriis effugit Parcam nigam.
(Homeri carmina, Parisiis. Firmin Didot, 1838).

Такимъ образомъ, приведенное выраженіе высказано различно: *гаданіемъ* въ переводѣ Гнѣдича, въ греческомъ текстѣ οιωνοισιν—*«птицами»*, въ латинскомъ переводѣ *птицегаданьями*.

«Птицю горазду», переведенное слово въ слово на греческій языкъ совершенно классически: οιωνῳ αριστῳ и οιωνοιστῳ αριστῳ.

Въ Илліадѣ (Пѣснь XII, ст. 237—243) выражено пренебреженіе къ птицегаданію

«Знаменье лучшее всѣхъ: за отечество храбро сражаться»!
Εἷς οἰωνὸς ἄριστος, ἀμύνεσθαι περὶ πάτρης.
Unum augurium est praestantissimum, pugnare propartia.
Слово въ слово: «Одна птица горазда сразиться за отечество».

505—506. Остонати Руской земли поманувше прьвуюгодину и прьвыхъ Кнѧзей.

§ 106. Въ самомъ началѣ Пѣсни поэтъ высказалъ свою задушевную мысль, что въ Пѣснѣ рѣчь идетъ о междоусобіяхъ, раздиравшихъ Россію послѣ смерти Владиміра Мономаха, въ коихъ и Ольговичи и Всеславичи занимаютъ значительное мѣсто. Совершенно напрасно заподозриваютъ пропускъ между вступленіемъ и началомъ Пѣсни: въ Пѣснѣ нѣтъ ни пропуска, ни обмолвки.

507—508. Тогостараго Владиміра нельзѣбѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ.

509—513. Сегобо нынѣ сташа стѧзи Рюриковы а дрѹзіи Давидовы нъ розино сѧ ихъ хоботы пашѹтъ копіа поіютъ на Дѹнаи.

§ 107. «Рози» предложный падежъ, съ опущеніемъ предлога, также какъ и горѣ, скрозѣ, и проч. Хоботы—хвосты, въ значеніи непра-

вильныхъ, разрозненныхъ и уклончивыхъ дѣйствій Смоленскихъ Князей. Въ Ипатьевской Лѣтописи эти дѣйствія опредѣляются обстоятельно подъ 1185 годомъ:

«Посемъ же посла Святославъ къ Давыдови Смоленьску, рѣка: «рекли бяхомъ пойти на Половци и лѣтовати на Донѣ; нынѣ же Половци се побѣдилѣ Игоря, и брата его съ сыномъ; и поѣди, брате, постерези землѣ Рускоѣ». Давыдъ же приде по Днѣпру, придоша же ины помочи и сташа у Треполя, и Ярославъ въ Черниговѣ совокупивъ вои свои стояшеть. Поганыи же Половци побѣдивше Игоря съ братьею, и взяша гордость велику и совокупиша весь языкъ свой на Русскую землю; и бысть у нихъ котора: молвяшеть бо Кончакъ: «пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ суть избита братья наша и великый князь нашь Бонякъ», а Кза молвяшетъ: «пойдемъ на Семь, гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ, имлемъ же городы безъ опаса»; и тако раздѣлишася на двое, Кончакъ пойде къ Переяславлю и оступи городъ, и бишася ту весь день. Володимеръ же Глѣбовичь бяше князь въ Переяславлѣ, бяше же дерзъ и крѣпокъ къ рати, выѣха изъ города и потче къ нимъ, и по немъ мало дерьзнувъ дружинѣ и бися съ ними крѣпко, и объступиша мнозіи Половцѣ; тогда прочіи видѣвше князя своего крѣпко бьющеся, выринушася изъ города, и тако отъяша князя своего, язвена сущи треми копьи. Сій же добрый Володимеръ язвенъ труденъ въѣха въ городъ свой, и утре мужественаго пота своего за отчину свою. Володимеръ же слашеть ко Святославу, и ко Рюрикови, и ко Давыдови, и рече имъ: «се Половьци у мене, а помозите ми»; Святославъ же слашеть къ Давыдови, а Давыдъ стояшетъ у Треполя со Смолняны. Смолняне же почаша вѣче дѣяти рекуще: «*Мы пошли до Кіева, даже бы была рать, билися быхомъ: намъ ли инoѣ рати искати, то не можемъ уже ся есмы изнемоглѣ*»; *Святославъ же съ Рюрикомъ и со инѣми помочьми влегоша во Днѣпръ, противу Половцемъ, а Давыдъ возвратися опять съ Смолняны*. То слышавше Половци, и возвратишася отъ Переяславля, идущи же мимо, приступиша къ Римови, Римовичи же затворишася въ городѣ и возлѣзше на заборолѣ, и тако, Божіимъ

судомъ, летѣста двѣ городници съ людми тако къ ратнымъ, и на прочая гражаны найде страхъ, да которѣи же гражане выйдоша изъ града и бьяхуться ходяще по Римьскому болоту, то тѣ и избыша плѣна, а кто ся осталъ въ городѣ, тѣ вси взяти быша. Володимеръ же слашать ся ко Святославу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю, понуживая ихъ къ собѣ, да быша ему помоглѣ, они же опоздишася ожидающе Давыда Смолняны, и тако князѣ Рускіѣ опоздишася и не заѣхаша ихъ. Половци же вземше городъ Римовъ. и ополонишася полона и пойдоша во свояси; князи же возворотишася въ домы своя, бяхуть бо печални, и со сыномъ своимъ Володимеромъ Глѣбовичемъ, зане бяшеть раненъ велми язвами смертьними, и хрестьянъ плѣненыхъ отъ поганыхъ»

Въ Густынской Лѣтописи дѣйствія эти опредѣляются весьма мѣтко и согласно съ Пѣснью:

«А князи Рускіе собирахуся не собирающеся, по отшествіи же Половецъ розыйдошася».

«Пахать хоботами» тоже, что выраженіе библейское: «якоже видѣхъ орющиѣ неподобная» (Кн. Іова, IѴ, 8).

Эти слова пѣсни были переводимы довольно произвольно; такъ, напр., Язвицкій переводитъ:

„Смѣлъ ли кто когда Владиміра
Приковать къ утесамъ Кіевскимъ?
А теперь его знамена всѣ
Рюрикъ и Давидъ похитили!
И (какой ужасный стыдъ, позоръ!)
Ихъ неизбранные воины,
На волы, поля орющіе,
Носятъ на рогахъ возвышенныхъ!...
Можноль Рускимъ не стонать теперь? .“

Шишковъ:

«Сердце стараго Владиміра не пригвождено къ горамъ Кіевскимъ: сего ради остановились стяги Рюриковы и Давидовы. Между тѣмъ враги наши, подъемля рога свои, какъ хоботами пашутъ землю Русскую, и копья ихъ поютъ на Дунаѣ!»

«Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, и друзіи Давыдовы; но рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи».

«Мѣсто сіе въ подлинникѣ совсѣмъ непонятно; при всемъ моемъ стараніи, говоритъ Шишковъ въ примѣчаніи, не могъ я вразумиться въ смыслъ онаго, а потому и предоставляю сіе превосходнѣйшему моего остроумію читателя. Что принадлежитъ до преложенія, то данная въ немъ словамъ симъ мысль не можетъ никакимъ образомъ быть мыслію сочинителя, ибо что значитъ: знамена Владиміровы достались Рюрику и Давыду, которые нося ихъ на рогахъ землювспахиваютъ? Лучше совсѣмъ не понять, нежели такъ понять, какъ здѣсь сказано. На семъ мѣстѣ кончится рѣчь Святослава, за которою слѣдуетъ жалоба или плачь супруги Игоревой».

Эти слова выражаютъ сожалѣніе, что знамена Рюрика и Давида дѣйствуютъ не совокупно, а врознь. Слова: «хоботы пашутъ» значитъ, кажется, что они дѣйствуютъ не правильно, но рыскаютъ, колобродятъ. По опискѣ или, можетъ, недоразумѣнію первыхъ издателей, вмѣсто поѭтъ, копія поютъ, слѣдуетъ читать: «коніѧ поѭтъ на Дунаѣ». Слова эти должны быть отнесены къ послѣдующему плачу Ярославны, ибо первыя слова свои она произноситъ на Дунаѣ, а потомъ уже въ Путивлѣ. Что касается до выраженія «рози», то совершенно сходное съ этимъ и сродное выраженіе встрѣчается въ Лѣтописи: «Царь на мя Греческый вставаетъ ратью и сеа ми зимы и весны нелзѣ на конь всѣсти; но обаче, отче, твой щитъ и мой не разно еста»... (Ист. Гос. Рос., II, примѣч. 332).

Разно, розно, врозь, розѣ, рози, розь и рази встрѣчается часто въ лѣтописяхъ въ значеніи стояли и ходили врозь..

«Имъ» вѣроятно описка, вмѣсто *ихъ*. Надстрочный X могъ быть схожъ съ M, при чрезмѣрномъ опущеніи загибающихся верхнихъ оконечностей буквы. Кромѣ того, въ древнихъ памятникахъ весьма часто встрѣчается употребленіе родительнаго падежа вмѣсто винительнаго, безъ нужды, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о части собирательнаго существительнаго. Такъ, напр., хотя дѣло идетъ о всемъ народѣ Іудейскомъ, но въ одномъ рукописномъ хронографѣ XV столѣтія читаемъ:

«Богъ же вожаше и въ днь столпомъ облачнымъ. Собери отъ мужей отъ старецъ Исраилевыхъ, я же ты самъ свѣси и приведе ихъ въ сѣнь свѣденія» (стр. 131).

Здѣсь очевидно говорится не о части избранныхъ, но о всѣхъ избранныхъ Моисеемъ.

Долго изслѣдователи Слова о Полку Игоревѣ видѣли въ этихъ строкахъ воловьи рога и хвосты. Весьма можетъ быть, что поэтъ, дѣйствительно упрекая Рюрика и Давида въ несообразныхъ и недружныхъ движеніяхъ, имѣлъ въ виду 701—708 стихи XIII пѣсни Иліады, гдѣ Гомеръ похваляетъ Аяксовъ за то, что они въ битвѣ проводятъ свои борозды дружно и правильно, какъ два вола, запряженные въ одинъ плугъ:

Быстрый Аяксъ пылалъ не отстать отъ могучаго брата.
Близь Теламонида онъ, ни на шагъ не отступный, держался.
Такъ плуговые волы по глубокому пару степному,
Черные, крѣпостью равные, плугъ многосложный волочатъ;
Потъ при корняхъ ихъ роговъ пробивается крупный, но дружно,
Оба, единымъ блестящимъ ярмомъ едва раздѣляясь,
Дружно идутъ полосой и земли глубину раздираютъ:
Такъ и Аяксы сложася, держались одинъ близь другаго.

Русскіе пѣвцы любили игру словъ, такъ что нарѣчіе «рози» навело на мысль довершенія картины: «хоботы пашутъ». Безъ вспоминанія стиховъ Гомера, мало смысла въ словахъ нашего поэта, какъ ихъ ни понимай: колобродили, махали хвостами. Выраженіе «пашутъ» иные неправильно понимаютъ въ значеніи «махать», развивать хвосты знаменные; это значеніе слова «хоботъ» не оправдывается и древними памятниками. Челка и прилбица дѣйствительно означаютъ флюгера и языки, привѣшенные къ стягамъ, но чтобы Русскіе носили на знаменахъ хвосты въ родѣ Турецкихъ, на это никакого указанія нѣтъ, и нѣтъ основанія предполагать ихъ тѣмъ паче, что Славяно-Руссы были народъ далеко не конный. Кромѣ того, выраженіе махаютъ или развѣваютъ стяговые хвосты весьма слабо намекало бы на бездѣйствіе Князей; наоборотъ: «хвостами пашутъ» энергично опредѣляетъ движенія Рюрика и Давида: «собирахуся и не собирахуся». Вполнѣ соотвѣтствующее выраженіе встрѣ-

чается въ книгѣ Іова (IV, 48): «орющіѣ неподобная». А что хоботы выражаетъ колоброженіе и что выраженіе это вполнѣ народное, явствуетъ изъ слѣдующихъ приводимыхъ стиховъ:

145. Не гнушались тобой красныя вѣдь дѣвушки,
Тебя брали въ кружки, да хоботистыи.

(Барсовъ, Причитанья Сѣвернаго края. Москва. 1873. Ч. I. VII. Плачь по сынѣ).

Въ дополненіе къ моимъ замѣткамъ о поклоненіи Дѣвѣ съ древнѣйшей эпохи по настоящее время, считаю полезнымъ выписать здѣсь замѣтку о современномъ культѣ Анагитѣ (Eranische Alterthumskunde von Fr. Spiegel. Leipzig. 1873. II, 64—66). Эта замѣтка служитъ немаловажнымъ подтвержденіемъ изложенному мною согласованію древняго почитанія богини Дѣвы, Гностическихъ сектъ и ученія современныхъ намъ Людей Божіихъ (Срв. Православный Собесѣдникъ, 1858, Іюль, стр. 405).

Zu den Resten des Anâhita-Cultus darf man wohl die Sekte der Ali-Illâhiya rechnen, die sich ganz an denselben Stellen findet, wo in Erân die Anâhita besonders verehrt wurde, nämlich in den Westabhängen des Zagros, in Luristân und vereinzelt auch in Baktrien, besonders die kleinen Luren sind dieser Sekte zugethan. Sie haben mancherlei Eigenthümlichkeiten: *sie glauben an fortdauernde Incarnationen der Gottheit und verehren verschiedene heilige Männer, die sie als lebende Repräsentanten des göttlichen Princips ansehen.* Diese Lehren mögen neuer sein, besonders berüchtigt ist die Sekte aber durch ihre Opfer, welche mit Orgien verbunden sein sollen, weshalb sie von den Moslemen Cerâgh-kushan oder Ceragh-sonderân, d. i. *Lichtauslöscher genannt werden*. Rawlinson meint, dass jetzt diese Opfer bei den Luren ausser Gebrauch gekommen seien, aber vor einem Jahrhundert hätten sie noch stattgefunden. Dass in dieser Sekte ein Rest des alten Heidenthums sich erhalten habe, hat schon Chwolson vermuthet; wir glauben nun, dass in den natürlich möglichst geheim gehaltenen Orgien der Schwerpunkt des alten Cultus lag und die verschiedenen Lehrmeinungen weniger wichtig, zum Theil nur dazu bestimmt waren, die Gunst der umwohnenden Moslemen zu

erwerben und ihre Aufmerksamkeit von dem eigentlichen Ritus abzuwenden. Wie mit den Ali-Illâhiyas verhält es sich auch mit den Yeziden oder Tuefelsanbetern, ihrer hat sich neuerdings besonders Layard angenommen und an verschiedenen Stellen seiner Werke mitgetheilt, was ihm über die Religion dieser Sekte bekannt geworden ist. Auch sie gelten den Moslemen als Lichtauslöscher und ihre in die Nacht hineinwährenden Feste, bei denen sich durch die bei ihnen angewendete Musik eine Begeisterung erzeugte, die an Raserei gränzte, brachte auch Layard auf den Gedanken, dass diese bisweilen die Gränzen überschreiten dürfte. Die Yeziden besitzen verschiedene Symbole, wie Schlange, Beil und Löwe, die sich auf den Schwellen ihrer Tempel angebracht finden; was sie als ihre Religionsgebrauche ausgeben, ist neu, es steht dahin, ob sie ihren europäischen Besuchern ihre Hauptlehren mitgetheilt haben. Von einer Figur, welche sie verehren und Melek-Taus nennen, hat Layard eine Abbildung gegeben, es ist dies offenbar ein altes Götzenbild. Ziemlich übereinstimmend mit den beiden eben besprochenen Culten und wie es scheint noch besser erhalten, ist ein dritter in Armenien, über den wir erst neuerdings Nachrichten erhalten haben. Diese beziehen sich auf die sogenannten Dushikkurden, die im Dersimgebirge in der Nähe von Erzinjân leben (also ganz im Gebiete des alten Anâhita-Cultus) und von den Gebräuchen der Christen und Moslemen weit abweichen. Sie sollen in mehrere Sekten zerfallen, im Allgemeinen aber in ihren Gebräuchen zu den Lichtauslöschern gehören. Da sie ihren Cultus vor allen Uneingeweihten sehr geheim halten, so ist es nicht möglich, denselben genau zu beschreiben. Das Wichtigste für unsern Zweck ist wohl das Folgende: «Sie verrichten ihre Andacht im Freien, die Einen indem sie zu Ali beten, die Andern indem sie sich vor der Sonne verbeugen, noch Andere indem sie vor uralten Bäumen ihre Opfer verrichten. Man hat bemerkt, dass sie bei Sonnenaufgang an alten Gemäuer die Stelle küssen, wo der erste Sonnenstrahl hinfällt, so wie auch öfters gesehen worden ist, dass sie Stücke Kirschbaumholz inbrünstig küssen. Von Zeit zu Zeit halten sie Versammlungen in grossen Zimmern, das Gesicht gegen den Kamin gewendet, in dem ein Feuer brennt und vor welchem der Priester sich befindet. Einmal jährlich sollen diese Versammlungen mit Orgien en-

den, ähnlich denjenigen, von denen die Cerâgh-Sonderân den Namen haben, d. h. es werden die Lichter und das Feuer ausgelöscht und die Anwesenden vermischen sich geschlechtlich ohne Rücksicht auf Alter und Verwandtschaft. Unverheirathete Mädchen und Kinder werden zu diesen Versammlungen nicht zugelassen». Die Gründe, diese Gabräuche gerade dem Anâhita-Cultus zuzuweisen, sind zwar nicht ganz entscheidend, doch ist dies wahrscheinlich wenn man bedenkt, dass die Spuren dieses Cultus sich gerade in denjenigen Gegenden finden, in welchen uns im Alterthume das Vorhandensein des Anâhita-Cultus bezeugt ist. Daneben könnten manche, Spuren wie die Verehrung des Lichtes noch auf einen daneben bestehenden Mithra-Cultus zurückzuführen sein. Noch muss erwähnt werden, dass in Armenien am Anfange des Sommers für die Göttin Anâhita alljährlich ein Rosenfest (Wardawar) gefeiert wurde, an dem die Tempel und Bildsäulen der Göttin mit Blumen umwunden wurden.

Адонисъ и Атисъ въ Малой Азіи, Озирисъ въ Египтѣ, суть мужскіе представители мѵѳа о таинственной смерти и возрожденіи. Женскіе представители этого мѵѳа: Афродита, Изисъ, Реа, Кивела, Димитра, Персефона, Агдистисъ и мн. др. (Срв. Arnobius, V, 11; VII. 6; IX, 5—7; Lucian der Syr. 6, 8; Diod., кн. III, 56—58; Paus. VII, 17, 5). Въ этомъ мѵѳѣ развивается несомнѣнно изображеніе природы, возобновляющейся и освобождающейся весной отъ зимнихъ оковъ и зимняго омертвенія. Но не менѣе несомнѣнно и духовное значеніе этого мѵѳа, послужившаго уже въ языческомъ мірѣ поводомъ къ изувѣрческимъ истязаніямъ, совершаемымъ при отправленіи богослуженія Сирійской богинѣ. Ученіе всѣхъ мистерій языческихъ весьма близко къ ученію о таинственной смерти, и разсчитано было для дѣйствія не на умъ, а на ощущенія посвященныхъ, посредствомъ обрядовъ.

Нѣтъ основанія сомнѣваться, что приводимыя ниже Стрыйковскимъ слова Бероза о Зороастрѣ принадлежатъ дѣйствительно этому Халдейскому ученому, хотя они и не находятся въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ. Слова Діодора Сицилійскаго по поводу того же мѵѳа вполнѣ согласны съ показаніемъ Стрыйковскаго (книга III, § 56). По Діодору, Уранъ отождествлялся съ Зороастромъ;

Уранъ, царствовавшій надъ всѣми землями, вводилъ гражданскій порядокъ между дикими племенами, изучалъ теченіе звѣздъ и прорицалъ на основаніи наблюденій надъ теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, познакомилъ народъ съ раздѣленіемъ времени по движенію солнца и мѣсяца. За всѣ эти услуги Уранъ былъ возведенъ на степень высшаго бога. Сочетаніе этого мѵѳа съ словами Гезіода вполнѣ соотвѣтствуетъ словамъ, приписываемымъ Берозу, отождествляющему Зороастра съ Хамомъ, Ураномъ и Хрономъ. Слова, приводимыя Стрыйковскимъ, вполнѣ вмѣщаютъ въ себѣ разсказъ Діодора и Гезіода, такъ что почти невозможно предполагать lapsus memoriae.

По положенію Бероза, верховнаго Халдейскаго жреца, и его необходимое близкое знакомство съ Халдейскими, Египетскими, Еллинскими и Персидскими сказаніями скорѣе слѣдуетъ признавать отождествленіе Зороастра съ Хамомъ ему самому, чѣмъ небрежности Стрыйковскаго:

Berosus pisze (lib. III) iss ten Cham obierał się około nauk czernoxięskich y czarownicych dla czego był nazwan Zoroastes y iakobi w ten czas oyca piianego umysleni miał wczarowacz iss potym będac ako ryezaniec nie mogl byè do plody sposobny (M. Striykowskiego. K. I, 6. 1582).

Слова, приводимыя Стрыйковскимъ, весьма важны, и свидѣтельствуютъ въ пользу неосновательно заподозрѣнной эрудиціи Польскихъ историковъ, хотя весьма можетъ быть, что Берозъ никогда не говорилъ приписываемыхъ ему словъ. Въ сохранившихся отрывкахъ этого писателя, словъ приводимыхъ Стрыйковскимъ не находится, но Моисей Хоренскій приводитъ слова Сивиллы, дочери Бероза: «A présent il m'est agréable de commencer mes récits avec ma chère Sibylle bérosienne plus véridique que beaucoup d'historiens: «avant la tour, dit elle, et la multiplication des langues parmi le genre humain, aprés la navigation de Xisuthre en Arménie, Zeroun, Titan et Japhet etaient Princes de la terre». Эти три лица кажется тѣ же, что Симъ, Хамъ и Іафетъ, замѣчаетъ Моисей Хоренскій, и продолжаетъ выписки изъ Сивиллы: «A peine se furent ils partagé l'empire du monde, que Zerouan se rend maître des deux autres». Zerouan que le Mage Zoroastre,

Roi des Bactriens c'est à dire des Medes dit être principe et père des dieux. Zoroastre rapporte encore bien d'autres fables sur Zerouan, qu'il est inutile de rapporterici. Titan et Japhet s'opposerent à la Tyrannie de Zerouan et lui declarerent la guerre, car Zerouan songeait à regner sur tout le monde. Dans ce conflit, Titan, dit l'historien, ravit une partie des domaines de Zerouan, mais leur soeur Asdghig (по Армянски звѣздочка, тоже что Греческая Афродита, Agathange. Hist. de Tiridate; 168, note 2) s'interposant entre eux fit cesser le différend. Ils consentirent à laisser regner Zerouan, mais ils convinrent, par un traité juré de faire perir tout enfant mâle, qui naitrait de Zerouan, afin qu 'il ne régnat pas sur eux dans sa postérité; s'est pourquoi ils chargent des Titans redoutables de surveiller les enfantemens des femmes de Zerouan. Deja deux enfants males sont immolès pour maintenir le pacte juré, lorsque Asdghig, soeur de Zerouan, de Titan et de Japhet, médite avec les femmes de Zerouan le projet d'engager et de persuader quelque Titans à laisser vivre les autres enfants mâles, et à les envoyer en Occident sur la montagne, appelée Tntzenguetz (rebut des dieux), à present l'Olympe».

Слова, приводимыя Стрыйковскимъ, находятся въ согласіи съ словами Сивиллы. Различіе могло произойти вслѣдствіе того, что Стрыйковскій приводилъ ихъ на память. Вообще, всѣ выписки изъ Берозы дошли до насъ не изъ первыхъ рукъ, какъ замѣчаетъ Мюллеръ, издатель фрагментовъ изъ его сочиненій: Fragmenta satis ampla prae ceteris servarunt Iosephus, Clemens Alexandrinus, Eusebius, Syncellus. Quorum tamen ne unus quidem ipsos Berosi libros inspexisse videtur. Syncellus ex Eusebio, vel sicuti Eusebius sua hausit ex Africano; Africanus ex Alexandro Polyhistore; hic ex Apollodoro ut videtur (Fragm. hist. Graec. Müller, II, 496).

Разсказъ Берозовой Сивиллы крайне важенъ въ отношеніи къ такъ называемой народной литературѣ Русской, по отношенію Манеса, основателя Манихейской секты, къ Зороастру и Буддѣ и распространеніи его ученія въ земляхъ Славянскихъ, Германіи и Франціи (Hist. et doctrine de la secte des Cattares ou Albigeois par C. Schmidt. Paris, 1849). Манихеи, присоединявшіеся къ Христіанской церкви, должны были торжественно отрекаться отъ Зарада, Будды

и Скѵѳіяна (Baur, Das Manichäische Religionsystem). Персіяне называли Манихеевъ: Зендики, что тождественно съ Греческимъ Гностики—знающіе (Flügel. Mani, sein Leben und seine Schriften. Leipzig. 1862).

Въ книгѣ III, § II, прорицаній Сивиллъ, по переводу Фердинанда Delaunay, стр. 337: «Kronos et Titan combattirent l'un contre l'autre. Rhée et la Terre, Aphrodite qui aime les couronnes, Demeter, Hestia et Dioné à la belle chevelure les firent rentrer en amitié et unirent par le même traité tous les rois, les fréres, les proches et les autres hommes issus du même sang. Il fut décidé, que le roi Kronos regnerait sur tous, parcequ'il l'emportait par l'age et par la beauté. Titan exigea de Kro. nos de grands serments, suivant lesquels il ne nourrirait point d'enfant mâle, afin qu'il put règner lui même, lorsque la vieillesse et le destin mettraient fin aux jours de Kronos. C'est pourquoi, lorsque Rhée enfantait, es Titans se tenaient auprès d'elle et mettaient en pièces tous les enfants mâles, ne laissant à nourrir à la mère, que les enfants du sexe feminin. Mais, lorsqu' à son troisième enfantement l'auguste Rhée eut mis au monde pour la première fois une fille, Héra, les Titans hommes cruels, après avoir vu de leurs yeux que c'etait une fille, se retirèrent. Et Rhèe enfanta ensuite un enfant mâle, quelle envoya vite en secret, pour y être élevé en Phrygie, sous la garde de trois hommes de Créte, liés par serment. Et on le nomma Zeus, parcequ'il avait èté ainsi envoyé. De la même manière elle envoya secretement Poseidon. Une troisième fois Rhéelt |a plus divine des femmes, mit au jour Pluton; elle passait alor, à Dodone d'ou s'ècoulent les sources fraiches du fleuve Europus, dons l'onde méllée à celle du Pénée s'écoule dans la mer sous le nom dul Styx. Les Titans ayant entendu dire qu'il existait des fils nés secretement de l'union de Kronos et de Rhée, Titan rassembla ses soixante fils, chargea de liens Kronos et Rhée son épouse, les cacha dans la terre et les garda enchainés. Les fils du puissant Kronos ayant appris cela, allumerent une grande guerre; il en resulta un trouble immense. Telle fut l'origine de la guerre parmi les mortels».

Изъ этихъ выписокъ видно, что, по словамъ дочери Бероза, Зеруанъ тождественъ съ Хамомъ. По словамъ Стрыйковскаго, Зеруанъ названъ Зороастесъ; по вышеприведенной выпискѣ изъ кни-

ги Сивиллъ, Хаму и Зеруану соотвѣтствуетъ Хронъ. Всѣ эти разногласія соединяются въ разсказѣ Гезіода объ отношеніяхъ Хрона къ отцу своему, Урану. Въ Теогоніи Гезіода (ст. 170—210) Хронъ, подъученный матерью, совершаетъ преступленіе надъ отцомъ, Ураномъ, лишая его возможности имѣть потомство. Изъ крови Урана раждается въ морской пѣнѣ Афродита. Отецъ, въ упрекъ, называетъ сыновей Титанами и прорицаетъ грядущую месть. Этотъ миѳъ напоминаетъ и Египетскій миѳъ о Тифонѣ, изрубившемъ на куски брата своего, Озириса. Изисъ собираетъ по всей землѣ разброшенныя части Озириса. Сынъ ея, Горосъ, съ помощію Озириса, превращающагося въ волка, убиваетъ Тифона; къ нему, до убійства дяди, перебѣгаетъ любовница Тифона. Уже было замѣчено, что упоминаемые въ Пѣснѣ Хорсъ и волкъ, перерыскивавшій ему дорогу, суть намекъ на Египетскую баснь. Горосъ, возстановитель наслѣдія отцовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній царь изъ династіи боговъ. Свидѣтельство Русскаго Лѣтописца о тождествѣ Египетскихъ и Русскихъ боговъ и о родствѣ Хама съ Даждьбогомъ, необходимо должно обратить особенное вниманіе изслѣдователей на этотъ древнѣйшій миѳъ, съ коимъ, весьма можетъ быть, сходятся отчасти и наши басни, какъ напримѣръ о Змѣѣ Тугариновичѣ-Тифонѣ.

Всѣ эти басни, соприкасающіяся другъ съ другомъ, передаваемы были разнорѣчиво и произвольно; главная причина значительныхъ варіантовъ происходила, какъ слѣдуетъ предполагать, вслѣдствіе замкнутости, и таинственности язычества, отсутствія полемики и связующей іерархіи въ разбросанныхъ по всей землѣ центрахъ поклоненія и прославленія боговъ. Полемика между Персіянами, Греками и Финикіянами о Еленѣ, упоминаемая Геродотомъ, не можетъ быть принята, какъ относящаяся къ самому культу. Басни въ отдаленной древности передавались уже съ значительными разногласіями: каждое столѣтіе придавало свой оттѣнокъ, свое толкованіе, съ пополненіями и опущеніями. Согласіе позднѣйшихъ пѣсенъ съ древними поразительнѣе существующихъ противорѣчій. Многія басни дошли до насъ въ передѣлкѣ, прямо противорѣчащей тому значенію, которое онѣ имѣли въ древности. Передѣлка и тол-

кованіе древнихъ мνѳовъ издревле составляли любимое занятіе отшельниковъ, собиравшихся для духовнаго наслажденія. Филонъ описываетъ собранія отшельниковъ близь Александріи въ началѣ перваго столѣтія, признававшихся многими критиками за первоначальное Христіанское общество. Это общество сильно напоминаетъ Гностическія, Манихейскія, Богумильскія общества и современныхъ людей Божіихъ, занимавшихся съ особеннымъ усердіемъ пѣніемъ и толкованіемъ древнихъ притчъ, параболъ и аллегорій (Ср. Ferd. Delaunay, Moines et Sybilles. Paris, 1874, стр. 119):

«Каждый поетъ свой гимнъ; вслѣдъ затѣмъ юноши приносятъ упомянутый столъ; на этомъ столѣ находится священное брашно, т. е. хлѣбъ квасный съ солью, съ примѣсью υссопа. Это творится изъ уваженія къ священной трапезѣ, поставленной въ сѣняхъ храма. Дѣйствительно, на этомъ столѣ находится хлѣбъ и соль, безъ примѣси сластей: хлѣбъ (αζυμος) безъ дрождей и соль безъ примѣси. Почему? Потому что подобаетъ предоставить почтенному сану іерейскому, въ воздаяніе за службу Богу, вещи самыя приличныя и отмѣнной чистоты, прочіе люди должны къ этому примѣняться, но воздерживаться отъ этого хлѣба, для соблюденія преимущества, предоставленнаго тѣмъ, которые стоятъ выше. Послѣ трапезы они совершаютъ священное бдѣніе: они встаютъ и становятся посреди столовой, раздѣляясь на два хора, мужской и женскій. Каждымъ изъ хоровъ управляетъ лицо наиболѣе уважаемое и наилучше знающее пѣніе. Затѣмъ они поютъ хвалебныя пѣсни Богу, на различные лады и голоса; голоса ихъ иногда сливаются, иногда же чередуются въ стройные антифоны, съ обозначеніемъ размѣра тѣлодвиженіями. Они пляшутъ увлеченные священнымъ восторгомъ: они то ходятъ, то останавливаются, согласуя строфы и антистрофы съ своими движеніями. Когда каждый хоръ отдѣльно предался вполнѣ восхищенію, они смѣшиваются также точно, какъ въ праздники Бахуса, упиваясь виномъ любви къ Богу. Тогда оба хора составляютъ одинъ хоръ, въ подражаніе тому, что совершилось на берегу Чермнаго моря; вслѣдствіе удивительнаго чуда, море, по Божьему повелѣнію, потопило одинъ народъ и спасло другой, волны раздѣли-

лись и стали по обѣимъ сторонамъ стѣной; промежуточное пространство предоставило народу Израильскому свободный, широкій и сухой ходъ для перехода черезъ море на противуположный берегъ; затѣмъ воды быстро соединились и затопили обнаженное дно, и преслѣдовавшіе враги погибли. Послѣ неожиданнаго чуда, совершеннаго въ ихъ пользу, мужчины и женщины, увлеченные восторгомъ, восхвалили Господа, ихъ спасителя. Хоромъ мужчинъ управлялъ Пророкъ Моисей, а хоромъ женщинъ Пророчица Марія. По подобію преимущественно этого хора, хоръ Терапевтовъ и Терапевтидовъ состоитъ въ созвучіи (ἀντηχος) и откликахъ (ἀντιφονος) пѣсенъ. Сочетаніе мужскихъ и женскихъ голосовъ было весьма гармонично и музыкально. Мысли возвышены; и вѣрованія не менѣе изящны; пляски серіозны. Мысли, выраженія и движенія имѣютъ одну цѣль — набожность. Они до утра утопаютъ въ священномъ опьяненіи: при этомъ ни голова, ни вѣки не отягощаются, и они бодрѣе послѣ пиршества, чѣмъ вначалѣ собранія. При восходѣ солнца они всѣмъ тѣломъ обращаются къ востоку, подымаютъ руки къ небу просятъ счастливаго дня познанія истины и просвѣщенія ума».

Свидѣтельство Филона о радѣніяхъ и пѣсняхъ отшельниковъ, держащихся закона Моисеева въ началѣ нашего лѣтосчисленія, указываетъ на несомнѣнную связь съ ними современныхъ Людей Божіихъ. Упоминаемое вскользь Филономъ смѣшиваніе обоихъ хоровъ, у Терапевтовъ уже и въ древности подавало поводъ къ обвиненію въ свальномъ грѣхѣ; самихъ Терапевтовъ смѣшивали съ первыми Христіанскими обществами, на коихъ язычники возводили тѣ же обвиненія. Обвиненія эти отвергаемы Плиніемъ. Тѣ же обвиненія возводятся въ мірѣ Лютеранскомъ на собранія Піэтистовъ. При сравненіи разсказа Филона о собраніяхъ Терапевтовъ со статьями въ Православномъ Собесѣдникѣ (1858) о Людяхъ Божіихъ, и въ особенности статьею помѣщенною въ Іюльской книжкѣ, невозможно сомнѣваться въ тѣсной связи между этими братствами. Сравненіе этихъ статей со свидѣтельствами Отцовъ Церкви о языческихъ мистеріяхъ, еще болѣе опредѣляетъ и поясняетъ эту связь. Подробности о радѣніяхъ и пѣсняхъ древнихъ Терапевтовъ и Людей

Божіихъ объясняютъ сродство мистическихъ пѣсенъ, распространенныхъ издревле по всему міру.

Въ Православномъ Собесѣдникѣ (1858, Іюль) находится весьма любопытная статья о пѣсняхъ Людей Божіихъ. Въ этой статьѣ (стр. 391) приводится фактъ, крайне важный по своему историческому значенію:

«Людіи Божіи гордятся даже тѣмъ, что воспѣваютъ заблужденія, какъ будто новыя истины, и притомъ напѣвомъ труднымъ, къ которому не всякій способенъ; они думаютъ, что къ нимъ относятся слова Апокалипсиса: «и (слышахъ) поющихъ яко пѣснь нову предъ престоломъ и предъ четыре животными и старцы; и никтоже можаше навыкнути пѣсни, токмо сіи сто и четыредесять и четыре тысящи искуплени отъ земли. Сіи суть иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственницы суть» (Апок., XIV, 3—4).

Въ Актахъ Инквизиціи 1305 года въ Каркассонѣ (Doat, XXXIV, Fo. 101), сохранилась выписка касательно ученія Каѳаровъ о самихъ себѣ: «Quando Filius Dei descendit de Coelo, cum voluntate Patris, descenderunt cum eo 144000 angelorum, qui sunt spiritus pacati et boni, et illi remanserunt in mundo ad recipiendum animas quae fecerunt et servaverunt mandata Dei, et reducant eas ad Gloriam Patris unde exiverant» (Ср. Schmidt, Hist. de doctrine de la secte Cathares. Paris, 1849).

По мнѣнію Людей Божіихъ, эти сто сорокъ четыре тысячи были увлечены съ неба сатаной, при его возмущеніи, и могутъ возвратиться къ Престолу Божію лишь изъ среды Людей Божіихъ. Такова, по высказаннымъ объясненіямъ, въ ихъ средѣ, цѣль ихъ пропаганды.

Это сближеніе недостаточно однако, чтобы изъ него опредѣлить непосредственную послѣдовательность ученій втеченіи многихъ столѣтій. Въ отношеніи къ пѣснопѣнію, предмету настоящаго изслѣдованія, весьма важенъ выводъ, сдѣланный авторомъ статей о Людяхъ Божіихъ (стр. 387): «Роспѣвцы Людей Божіихъ представляютъ замѣчательныя произведенія народной поэзіи, развивающейся, къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ ложныхъ еретическихъ воззрѣній: многимъ изъ нихъ нельзя отказать въ искусномъ соеди-

неніи мысли и образа, въ глубинѣ чувства и живости фантазіи. Причина этого главнымъ образомъ заключается въ томъ, что и вся ересь Людей Божіихъ есть не что иное, какъ выраженіе на Русскій ладъ во внѣшнихъ образахъ тонкихъ лжемистическихъ или лучше *мистико-пантеи*стическихъ воззрѣній на міръ и на отношенія Бога къ человѣку. По содержанію своему, пѣсни Божіихъ Людей не могутъ быть строго обозначены никакимъ особымъ именемъ; впрочемъ, можно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преобладаетъ ученіе (догматическія), въ другихъ обрядъ (обрядовыя), въ нѣкоторыхъ правила жизни и разныя чувствованія (нравственныя)».

Ученіе Буддистовъ знакомо сочинителю Слова о Полку Игоревѣ не менѣе ученія древнихъ Еллиновъ, Египтянъ и Халдеевъ. Характеристика Всеслава въ его Пѣснѣ едва ли допускаетъ сомнѣніе.

Аргадъ, достигнувшій до сверхъестественныхъ знаній (Abhidschâs), что составляетъ четвертую степень созерцанія (Dhyana), владѣетъ: 1) способностью превращенія (Всеславъ рыскаетъ волкомъ); 2) всевидящее око, проникающее во всѣ сокрвенныя мысли(«вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ»); 3) всеслышащее ухо (онъ въ Кыевѣ звонъ слыша); 4) воспоминаніе о прежнихъ жилищахъ и рожденіяхъ, воспоминаніе объ участіи въ Троянской войнѣ («на седьмомъ вѣцѣ Трояни вврже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу»). Южные Буддисты не признаютъ современнаго существованія Аргадовъ на землѣ; но Тибетаны и Монголы твердо вѣрятъ въ существованіе таковыхъ сверхъестественныхъ людей, достигаемое вслѣдствіе прилежнаго изученія магіи (Срв. Hardy, Eastern Monachism, I, 280. Köppen, I, 289. Paul Wurm. Geschichte der Indischen Religion). Необходимое пятое сверхъестественное знаніе также обозначено въ Русской Пѣснѣ: «ни хитру, ни горазду»...

Эти сближенія приводятъ къ заключенію, что нашъ поэтъ былъ посвященъ въ таинства Буддистовъ, Маговъ и Гностиковъ, соединявшихъ всѣ ученія.

Замѣчательный французскій ученый, Фердинандъ Delaunay, вы-

сказываетъ краснорѣчиво счастливую мысль по вопросу о точкахъ соприкосновенія Христіанскаго ученія съ языческимъ:

Il existe des analogies nombreuses et profondes entre les dogmes chrétiens et la philosophie de l'école juive d'Alexandrie. Les premiers Pères ont trouvé dans les livres de Philon, sur Dieu, le Verbe, le libre arbitre, la grâce, la réversibilité des mérites, des données conformes à leurs doctrines et qu'ils se sont appropriées. Ils y ont trouvé une oeuvre immense, relative à l'exégèse biblique, et ils n'ont pas hésité à profiter pour la science chrétienne de ce travail magnifique, fruit d'efforts séculaires, qui avaient allié les plus hautes conceptions spéculatives des Grecs à la morale et à la théodicée des Livres saints. Fidèles en ceci, comme dans tout le reste, à l'esprit large et libéral de la rènovation chrètienne, les Pères ont recueilli avec soin les conquêtes de l'esprit humain, et la moisson de la sagesse des temps écoulés. Loin de faire table rase, ils ont employé avec un sage discernement, pour édifier la philosophie chrétienne, les éléments lentement et laborieusement amassés avant eux. C'est pourquoi, au point de vue de l'histoire de la philosophie et à considérer les choses sous le rapport exclusivement humain, on peut affirmer que le christianisme a été le résultat du soulèvement le plus grandiose, le plus unanime et le plus persévérant de l'humanité vers Dieu.

Ceux qui entassent pages sur pages pour démontrer que le christianisme a des racines partout, que les livres hellèniques, aussi bien que les Vêdas et le Zend-Avesta, ont ouvert sa voie et proclamé plusieurs des véritès qu'il enseigne, ceux-là ne s'aperçoivent pas qu'ils grandissent l'institution au lieu de la rapetisser. Ils rendent évidente cette vérité que le plan providentiel, depuis l'origine du monde, fait converger les efforts de l'humanité vers la grande révélation, dont la Palestine devait être le théâtre et la race d'Abraham l'instrument merveilleusement préparè. M. Havet *) ne se trompe pas quand il découvre dans l'hellénisme un élément dont les tendances vont droit au christianisme. Le phènomène n'est point particulier à la Grèce. M. Havet le trouvera en Égypte, à Alexandrie, en Perse, dans l'Inde. Il n'en saurait être au-

*) *Le Christianisme et ses origines*, 2 vol., in-8°. Paris, 1872.

trement, puisque le christianisme est la formule la plus élevée du sentiment religieux dans l'humanité, formule qui, en embrassant tout, a tout transformé, tout agrandi.

Aux yeux de l'historien philosophe, l'originalité du christianisme ne consiste pas en ceci qu'il ne ressemble à rien de ce qui l'a précédé, qu'il n'a rien tiré des milieux humains; elle réside dans ce fait qu'il a épuré, coordonné, synthétisé le résultat de tous les progrès antérieurs. Pour le philosophe, sa divinité, ce qu'on peut appeler son grand miracle, tient à ce qu'il à vivifié des éléments épars, condamnés à rester, sans lui, matière inerte ou inféconde. Sans lui, le judaïsme, en dépit de son ardeur de proselytisme, demeurait la religion d'un petit nombre d'hommes, haïs et persécutés; les sublimes pages de Platon étaient vouées à l'admiration exclusive des délicats et des lettrés; les théories de Philon sur le Verbe ne descendaient pas des hauteurs de la cosmogonie et de la métaphysique; l'exégése biblique restait un jeu d'esprit destiné à élargir, par un artifice, un texte trop étroit; la doctrine et les rites des anachorétes de Judée et des ascétes alexandrins ne sortaient pas de l'enceinte du monastére et s'éteignaient stérilement dans le rigorisme d'une secte fermée.

Zoroastre et Bouddha, Pythagore, Socrate et Platon, Moïse et Philon, grands noms qui symbolisent des siècles et des peuples, des philosophies et des religions, sont donc, à divers titres, des précurseurs de Jésus. Ils marchent tous vers lui; ils l'annoncent. S'ils ne le pressentent point tous également, ils le supposent tous. Ils labourent profondément le sol qui doit, pour produir recevoir la rosée célèste dont parle l'Écriture. Ils font le christianisme possible dans la mesure des forces et des moyens humains (Moines et Sybilles, стр. 85).

Эту мысль издревле самымъ нагляднымъ образомъ проповѣдывала наша Церковь, изображая въ храмахъ Гомера, Платона, Сивиллъ и вознесеніе Александра Великаго.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ИГОРЯ.

514—519. КопїѧпоютънадȣнаиꙖрославнынъгласъ слышитъзегзицеюнезнаемьранокычетьполечюрече зегзицеюподȣнаевиномочȣбебрѧнърȣкавъвъКаѧлѣ рѣцѣȣтрȣкнѧзюкровавыѧегораныважестоцѣмъего тѣлѣ.

§ **108.** Слова «на Дунаи» отнесены были къ движеніямъ Рюрика и Давида, хотя мѣстность эта съ движеніями Смоленскихъ Князей не связывается. Наоборотъ, слова, произносимыя Ярославной, прямо указываютъ, что это опредѣленіе мѣстности несомнѣнно относится къ ней. «Копія поютъ»—не имѣетъ смысла по отношенію къ Рюрику и Давиду, упрекаемымъ за бездѣйствіе. Выраженіе эпическое: «копія поятъ» могло бы правильно относиться къ Князьямъ, проливающимъ кровь; но «копія поютъ»—чтеніе ошибочное и выраженіе дикое. Въ рукописи вѣроятно было конѩ поѩтъ. Буква Н писалась иногда такъ, что ее весьма легко принять за П, и чѣмъ позднѣе полууставъ, тѣмъ легче читателю принять одну букву за другую. Подобная сбивчивость въ начертаніи этихъ двухъ буквъ встрѣчается и въ древнихъ рукописяхъ. Что касается до ѩ, то эта буква имѣла также значеніе нашего Я. «Конѩ поѩтъ на Дунаи» прикрываетъ переходъ отъ обвиненія Русскихъ Князей къ заклинанію Ярославны. Словами «конѩ поѩтъ на Дунаи» опредѣляется мѣстность и часъ дня. Самая мысль обозначить нахожденіе Ярославны въ пути принадлежитъ суевѣрному ученію, что заклинанія,

произносимыя странниками, имѣютъ болѣе силы; произошло же это вѣроятно на томъ основаніи, что отъ бѣды, накликанной подозрѣваемымъ сосѣдомъ, есть средства избавиться, а отъ заговора проходящаго нѣтъ возможности себя оградить. Впрочемъ, можетъ быть Ярославна была въ своей отчинѣ, на Дунаѣ, до береговъ коего распространялись владѣнія ея отца.

Частое употребленіе ѫ вмѣсто ѧ замѣчено было знаменитѣйшими славянскими филологами, Копитаромъ, Миклошичемъ и Срезневскимъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ.

So lese ich in einer mir gehörigen Handschrift (повѣсти святыхъ старець) aus dem XIII. Jahrhdt (f. 30, a, b) ѫ, ѭ, für ѩ: стоѫщь für стоѩщь; ѭти für ѩти; ѧ (ѩ) für ѭ; поустынѧ, sing. acc., für поустынѭ, молѧ für молѭ; прьвѧ für прьвѫѭ (Miklosich, Zum Glagolita Clozianus. Wien, 1860 Aus dem X. Bd. der Denkschriften der Philologo-Histor. C. der K. Acad. d. Wissenschaften, in der. Sitz. am 11. Mai, 1859).

Эта крайне важная буква въ отношеніи сравнительной филологіи имѣла мало значенія въ глазахъ Русскихъ переписчиковъ. Кромѣ слова поѭтъ никакихъ нѣтъ указаній, что въ самой рукописи Гр. Мусина-Пушкина встрѣчались бы ѫ, но текстъ пѣсни несомнѣнно принадлежитъ языку древне Церковно Славянскому, а посему слѣдуетъ предполагать и правописаніе правильное.

At nunquam videas confusa ѧ et ѫ, aut jotatas ѩ et ѭ ut in codice Cyrilliano Bononiensi (Hesychii Glossographi Discipulus et επιγλωστης russus ed. Barth. Kopitar. Vindobonae, 1840).

Это замѣчаніе находится въ статьѣ 8 о Ватиканскомъ глаголитскомъ изборномъ Евангеліи и о славянскомъ Болонскомъ псалтирѣ съ поясненіемъ св. Аѳанасія, изъ коего приводится выписка: «Блженъ мужъ иже не иде на съвѣтъ нечестивыхъ», и проч., въ ст. 7 и въ самомъ текстѣ сего псалтиря, но въ другомъ псалмѣ: «Напаѫіѫ звѣри селъныѫ». Здѣсь ѫ вмѣсто ю, ѹ и ѧ и вмѣсто «Я»: сельныя; «оупо іѧ (іѧ вмѣсто іѫ) стрѣлы моя отъ крьве и оружіе мое снѣсть мяся отъ крьве язвьныихъ и плѣнникь отъ главь князь язычныихъ (Погод. Псалт. Срезнев. Древн. Слав. Памятн., 1868, стр. 250).

Г. Ламанскій, въ превосходномъ своемъ трудѣ о нѣкоторыхъ Славянскихъ рукописяхъ (Прил. къ VI т. Зап. Имп. Ак. наукъ, № 1, С.-Петербургъ, 1864, стр. 98), приводитъ изъ Погодинской псалтири:

«Поѧтъ и ѿ стадъ овчіихъ. (ѿ) доилицъ поѧтъ и». У Вост. изъ Микл. См. 2 изд. Миклошича.

Переходя отъ обвиненія Рюрика и Давида къ заклинанію Ярославны, поэтъ переноситъ мысль на Дунай, и упоминаетъ выводъ коней на водопой для означенія ранняго утра. Ярославна начинаетъ свое заклинаніе, узнавъ въ Галиціи о бѣдѣ, постигшей Игоря. Ярославна могла находиться въ одномъ изъ Дунайскихъ помѣстій, данныхъ ей отцомъ въ вѣно. Судя по сну Святослава, можно предполагать, что ей принадлежалъ Плѣсньскъ, такъ какъ упоминаемыя имъ зловѣщія предзнаменованія пріурочены къ этой мѣстности. Ярославна могла находиться и сѣвернѣе, близь Дунайца. Максимовичъ говоритъ объ урочищѣ Плѣсньскѣ близь Кіева. Это показаніе требуетъ подтвержденія.

«Копія поютъ на Дунаи», выраженіе по отношенію къ Рюрику и Давиду рѣшительно не имѣющее смысла. Ни пѣніе копій, ни ихъ поеніе не имѣетъ смысла, какъ опредѣленіе ихъ бездѣйствія. Если же принять пѣніе копій въ смыслѣ брянчанія копій, то и тогда выраженіе это было бы крайне слабо, ибо копья не брянчатъ.

Очертаніе мѣстности повторяется часто пѣвцомъ при отрывистомъ началѣ своихъ пѣсенъ: «Тогда Игорь поѣха по чистому полю»; «тогда Игорь возрѣ на свѣтлое солнце»; «а Святославъ мутенъ сонъ видя на горахъ кіевскихъ»; «прысну море полунощи». Такимъ образомъ заклинаніе Ярославны было бы единственнымъ мѣстомъ Пѣсни, не начинающемся очертаніемъ мѣстности и времени.

Дунай часто воспѣвается въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ; поеніе же коней воспѣто въ распространенныхъ пѣсняхъ: «На крутой горѣ стоятъ рыцаря; стукъ, брякъ въ оконечко, выйди, выйди, коханечка, коню воды дать»; «По улицѣ мостовой, шла дѣвица за водой», и мн. др. Въ древнѣйшихъ сказаніяхъ водопой играетъ также значительную роль.

Въ одной изъ пѣсенъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ (Москва,

1861, т. I, стр. 463, 464, № 80, Петрозав. уѣзда, Кижской волости, отъ крестьянина Леонтія Богданова), молодая жена жалуется, что ее рано по утру посылаютъ за водой на рѣку:

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садика зеленаго
Выставала туча темная.
Туча темная, сама грозная,
Со дожжямы, со морозными,
Со великымы пригрозными.
Во ту пору, во то времячко,
Дочка къ матушкѣ поѣхала
Середь лѣсушка заѣхала,
Середь лѣсушка, да темнаго,
Середь садика зеленаго,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодцами рѣчь говорила:
Соловей мой, соловеюшка!
Полетай-ка, соловеюшка,
На мою родну сторонушку:
Ты снеси-ка, соловеюшка,
Снеси матушкѣ низкой поклонъ
Моимъ братцамъ челобитьеце
Потужили бы, поплакали.
Меня сосватали какъ молоду
На тую, на чужую сторону,
За того ли за боярина,
За злодѣя за татарина.
По утру будятъ ранешенько,
Посылаютъ меня молоду
Ко Дунай, ко рѣчкѣ, по воду,
Меня босую и голую,
И холодную, голодную.
Я пришла ко той Дунай рѣкѣ:
На Дунай-то на быстрой рѣкѣ
Какъ сидѣли гуси сѣрые,
Помутили воду свѣжую.
Ужь я первый часъ простояла,
Съ другой-то часъ проплакала,
Въ третій часъ я воду черпала,
А въ четвертый часъ домой пришла.
Свекоръ-батюшка журитъ-бранитъ,
А свекровушка побить велитъ.
Я золовушкѣ взмолилася,

А золовуша вступилася:
Ахъ ты глупая невѣстушка,
Ужь ты глупа, неразумная!
Какова вода случилася,
45. Ты бы тую воду черпала.

«Гласъ слышитъ». Въ Церковно-словянскомъ языкѣ страдательнаго залога не существуетъ, во многихъ случаяхъ онъ замѣняется возвратнымъ, а также нерѣдко и дѣйствительнымъ. Здѣсь, согласно древнему синтаксису (срв. Миклошича), дѣйствительный глаголъ имѣетъ значеніе страдательнаго, и тѣмъ самымъ есть безличный видъ: «голосъ слышитъ» тоже, что *слышится*, точно также, какъ часто встрѣчаемое «пишетъ» вмѣсто *пишется*. Въ Словѣ о Полку Игоревомъ, на основаніи того же правила, употреблено «помняшетъ» и «пущяшетъ» вмѣсто *помняшется*, *пущашетъся*» (См. подробнѣе объ этомъ у Буслаева, Историч. Граммат.).

Зегзицею—кукушкою (по Бѣлорусски—зегзюля, по Малоросс. зозюля, по Польски гжегжолка, гжеголица; по Чешски zezhule, gzegzica). Схожія формы встрѣчаются въ разныхъ современныхъ областныхъ нарѣчіяхъ эта птица часто упоминается въ пѣсняхъ, какъ олицетвореніе женской тоски. Напр.:

Вскинусь я, взброшусь я
Кукушечкою,
Полечу на свою сторону,
На батюшкину,
Сяду я у батюшки
Въ зеленомъ саду,
На любимую яблоню,
На матушкину;
Стану, стану куковать,
Жалко причитать,
Жалкими причетами:
Народъ прослежу,
Горькими слезами,
Весь садъ затоплю.

Любопытно сравнить, какимъ образомъ Овидій и нашъ поэтъ воспользовались народнымъ повѣрьемъ о тоскующей по мужѣ птицѣ:

Въ XI метаморфозѣ читаемъ (ст. 731):

Тутъ вспорхнула она. Удивительно что могло случиться, полетѣла:
Разсѣкая легкій воздухъ только что образовавшимися крыльями,

Касалась пернатая несчастная подымавшихся волнъ;
Когда же летѣла, звукъ вполнѣ подобный воплю,
Жалостно уста ея издавали, вострымъ, щебещущія, клювомъ.

Пѣвецъ Русскій не удивляется и не опасается упомянуть бебрянъ рукавъ вмѣсто крыльевъ.

Въ Русской эпической и сказочной литературѣ съ мvѳами обходятся какъ съ дѣломъ обыденнымъ и совсѣмъ домашнимъ. У Русскаго пѣвца сохранены полное сочувствіе и какъ будто вѣра въ мvѳъ и пониманіе его именно за мvѳъ, тогда какъ у Овидія ни тотъ, ни другой взглядъ не выдержанъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оба поэта имѣли въ виду однѣ и тѣ же придунайскіе пѣсни и мvѳы. Заимствованіе подобныхъ мvѳовъ далеко не подражаніе, а совершенно правильное и необходимое употребленіе популярныхъ типовъ для быстрой передачи слушателямъ своихъ мыслей. Эти типы и типическія выраженія суть въ полномъ смыслѣ слова гіероглифы. Гіероглифическая сжатость рѣчи есть основное условіе эпической и духовной поэзіи; употребленіе гіероглифовъ обусловливаетъ распространеніе эпической и духовной поэзіи, потому что эта духовная пища расчитана на вкусъ всей массы, и производитъ свое впечатлѣніе на слушателей соразмѣрно съ умственнымъ и душевнымъ *настроеніемъ* каждаго отдѣльнаго слушателя. Что касается до поэтовъ, то они необходимо подраздѣляются по способности каждаго творца пользоваться гіероглифами для передачи своихъ мыслей, ощущеній, вѣрованій и наблюденій. Многіе изъ поэтовъ не понимали гіероглифовъ и мvѳовъ, передавая ихъ; многіе спутывали вмѣстѣ гіероглифы и мvѳы, относящіеся къ совершенно различнымъ предметамъ; напримѣръ, весьма легко было соединить въ одно цѣлое, мvѳъ религіозный съ обозначеніемъ календарнаго указанія, и къ этимъ двумъ указаніямъ примѣшать дѣйствительный историческій фактъ, находившійся лишь временно въ связи съ изложеннымъ мvѳомъ. Если при положительной и точной современной письменности замѣтенъ значительный произволъ въ толкованіи писаній, то гіероглифическая и вообще сокровенная письменность необходимо вызывала еще большее разнообразіе въ распространеніи и развѣтвленіи толковъ. При подобномъ распространеніи мvѳовъ, стремленіе оты-

скивать ихъ источникъ у того или другаго народа, совершенно ошибочно; едва ли основательно поставить вопросъ и о принадлежности мνθовъ источнику Индо-Европейскому или источнику Хамо-Семитическому. Отецъ Исторіи говоритъ, что попытка разрѣшить этотъ вопросъ была учинена однимъ Египетскимъ царемъ. Упоминается и въ Англійской исторіи о подобной попыткѣ въ XV ст., сдѣланной Іаковомъ IV, Королемъ Шотландскимъ. Въ XV ст. оказалось, что древнѣйшій языкъ Еврейскій.—Египетскій царь приказалъ отрѣзать языки двумъ беременнымъ матерямъ, и потомъ заключилъ ихъ съ новорожденнымъ въ недоступное мѣсто. Лишенные пищи въ то время, когда они уже привыкли питаться хлѣбомъ, младенцы стали просить хлѣба, произнося «бекосъ»; слово же «бекосъ» на Фригійскомъ языкѣ значило хлѣбъ, и Египетскіе ученые были на столько безпристрастны, что рѣшили въ пользу древности Фригійскаго народа. Изъ этого разсказа видно, что ученый Египетскій міръ не въ состояніи былъ разрѣшитъ вопросъ, кому принадлежитъ честь составленія мνθовъ: Индо-Европейскому ли племени, коего ближайшіе представители были Малоазійскіе Фригійцы, или Хамо-Семитическому міру, коего главными представителями были Египтяне. Догматическое ученіе необходимо должно принадлежать лицу, или сословію, или обществу; но догматическому ученію необходимо во всѣхъ обществахъ предшествовали религіозныя убѣжденія, повѣрья же вырабатывались изъ міросозерцанія и самосозерцанія. Этотъ двоякій кругозоръ измѣнялся соразмѣрно способности дѣлавшихъ наблюденія: безчисленные опыты сообщались и измѣнялись вслѣдствіе взаимнаго требованія, и окончательно уравновѣшиваясь составляли центры сродныхъ, но различныхъ ученій и толковъ. Максъ Мюллеръ принимаетъ за основаніе мνθа солнечныя явленія; Кунъ—атмосферическія; Аθанасьевъ соединяетъ эти двѣ нѣмецкія системы подъ именемъ «Воззрѣній Славянъ на природу». Я старался разъяснить себѣ эти три системы посредствомъ существованія древнихъ гіероглифическихъ календарныхъ таблицъ съ атмосферическими наблюденіями. Но подобныя таблицы могли существовать въ относительно позднѣйшее время, для удобства жи-

телей многолюдныхъ городовъ, въ такую эпоху, когда уже давно были распространены всѣ основные мѵѳы, когда охотничьи и даже земледѣльческія племена уже давно усвоили себѣ наблюденія за измѣненіями дня и ночи и временами года, и опредѣлили главнѣйшія измѣненія какими либо обрядами, праздниками, пѣснями. Въ сельской жизни каждый день и каждая часть дня имѣютъ свои опредѣленныя занятія, послѣдовательность работъ и празднествъ, и выраженіе всего этаго, хотя бы посредствомъ пѣнія очередныхъ обрядныхъ пѣсенъ, уже составляетъ для земледѣльца полный и весьма вѣрный календарь; для охотника существуетъ подобный же календарь, вполнѣ соотвѣтствующій его потребностямъ. Удача и неудача пораждаютъ естественно примѣты и повѣрья. Но явленія природы, постоянно и однообразно измѣняющіяся и повторяющіеся, не пробуждаютъ и не могутъ пробудить особенной дѣятельности воображенія: солнце встаетъ, достигаетъ зенита, спускается, заходитъ; ночь замѣняетъ день; день замѣняетъ ночь; времена года тянутся одно за другимъ въ однообразномъ порядкѣ. Солнце, какъ ежедневно видимое явленіе, не давало много пищи воображенію: въ мѵѳы было облечено ученіе о тайной производительной силѣ огня и влаги; несомнѣнно также, что положительныя и весьма точныя астрономическія наблюденія были облечены въ мѵѳическіе разсказы. Такъ, Діодоръ Сицилійскій разсказываетъ мѵѳъ объ Аполлонѣ, играющемъ на лирѣ въ сонмѣ боговъ, и замѣчаетъ, что басня эта служитъ основаніемъ 19-лѣтнему циклу Аѳинянъ. Наблюденія, дѣлаемыя первобытнымъ человѣкомъ надъ атмосферическими явленіями, мало способствуютъ составленію мѵѳа. Люди, видя, что послѣ хорошей погоды является ненастье и наоборотъ, выводятъ одно заключеніе, чисто нравственное: что при благопріятныхъ обстоятельствахъ слѣдуетъ ожидать ненастіе и брать предосторожности, а при ненастьи не слѣдуетъ отчаяваться. Поэты, воспринимая наблюденія всей массы, облекали общія повѣрья въ мѵѳы; мѵѳъ же несомнѣнно произведенія отдѣльныхъ личностей, творцевъ, подчиненныя необходимому условію соотвѣтствовать потребностямъ и воззрѣніямъ массы. Шаманство до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ этому первобытному состоянію религіи, хотя и оно находится въ со-

стояніи взаимнодѣйствія съ буддизмомъ. Что касается до изученія народныхъ устныхъ и письменныхъ памятниковъ, то также неправильно считать ихъ грубыми сколками древнѣйшихъ письменныхъ классическихъ памятниковъ Греціи или Индіи, какъ равно неправильно отвергать вліяніе классическихъ памятниковъ. Взаимодѣйствіе между этими двумя литературами всегда существовало; и большая древность необходимо принадлежитъ такъ называемому варварству или первобытной простотѣ. Наполеонъ говорилъ, что всѣ системы хороши, съ условіемъ, чтобы онѣ были выдержаны, но это справедливо только относительно практики: современная наука, и впереди всѣхъ остальныхъ, науки естественныя указываютъ что всѣ системы могутъ имѣть хорошія стороны, но съ условіемъ, чтобы изъ правильныхъ и удачныхъ наблюденій не выводить общихъ началъ. Максъ Мюллеръ, Кунъ и Аѳанасьевъ правы въ томъ отношеніи, что нѣкоторые миѳы имѣютъ характеръ календарный; преслѣдуя заманчивую нить, они обогатили науку большимъ запасомъ положительныхъ свѣдѣній; преслѣдуя же мысль по принятому направленію, оказывается, что всѣ народы какъ будто хранятъ въ памяти своей календари за нѣсколько сотъ лѣтъ съ постоянно измѣняющимися знаками. Понятно, что старые филологи, подвинувъ впередъ пониманіе древняго міра, съ ужасомъ смотрятъ на подобныя попытки. Къ счастью, дѣло не въ общихъ выводахъ, служащихъ лишь приманкою для тщательныхъ и усидчивыхъ наблюденій, а въ массѣ добытыхъ и разработанныхъ фактовъ, а въ этомъ отношеніи Максъ Мюллеръ, Кунъ и нашъ покойный Аѳанасьевъ исполнили свое дѣло добросовѣстно. Но отдѣлять жизнь стихійную отъ жизни человѣчества въ басняхъ проникнутыхъ ученіемъ пантеистическимъ или дуалистическимъ, едва-ли послѣдовательно. Рядъ блужданій, превратностей, подвиговъ, оканчивающихся въ эпическихъ сказкахъ земнымъ торжествомъ или вознесеніемъ героя на небо, легко могутъ быть обращаемы въ процессъ претворенія воды въ облака, или прозябанія силъ заключенныхъ въ землѣ, а поученію дуалистическому та же мысль обращается въ торжество добраго начала надъ злымъ,—свѣта надъ тьмою.

Здѣсь необходимо остановить вниманіе читателя на самые замѣтные пути распространенія повѣрій и сказаній.

1) Письменные памятники и преподаваніе въ училищахъ.—Весьма неосновательно отвергать возможность этого пути распространенія въ эпохи и въ страны самыя отдаленныя отъ центровъ просвѣщенія.

2) Сродство языческихъ учрежденій и повѣрій.—Участіе, принимаемое отдаленнѣйшими племенами въ поклоненіи мѣстнымъ божествамъ, какъ напримѣръ отношенія Гипербореевъ къ культу Аѳинянъ на островѣ Делосѣ, Тибетскихъ Ламъ къ Сибирскимъ Буддистамъ, или Волжскихъ Калмыковъ къ Тибетскому Далай-Ламѣ.

3) Движеніе сектъ въ Христіанскомъ мірѣ и сношенія между сектантами, живущими во Франціи, Болгаріи, на Ефратѣ и около Алтая.

Всѣ эти пути не только возможны, но они всѣ постоянно существовали, оставляя слѣды этихъ различныхъ способовъ распространенія. Я полагаю даже, что не весьма затруднительно было бы прослѣдить каждое изъ этихъ вліяній, еслибы къ этимъ тремъ проводникамъ не примѣшался еще четвертый разрядъ, и самый многочисленный. Памятники, сохранившіе древнія повѣрья и сказанія, передаваемы были письменно беллетристами и изустно пѣвцами. Ни тѣ, ни другіе не были посвящены въ таинства, и пользовались мѵѳами не сознавая или не цѣня ихъ значенія. Уже съ древнѣйшихъ временъ Гомеръ былъ обвиняемъ въ нарушеніи подлинности народныхъ сказаній и вѣрованій.

Самая главная причина единства повѣрій и сказаній тѣсно связана съ первобытнымъ состояніемъ человѣчества. Шаръ земной, за нѣсколько тысячъ лѣтъ, во многихъ нынѣ заселенныхъ частяхъ былъ необитаемъ и покрытъ моремъ, тундрами и льдинами. Согласно съ древнѣйшими преданіями, человѣчество распространялось по землѣ исходя изъ Азіи и перенося съ собой повѣрья, обряды и орудія для воздѣлыванія земли, для охоты и рыбной ловли. Одинъ уже этотъ фактъ достаточенъ для объясненія единства преданій. Скептическая школа XVIII столѣтія и начала нынѣшняго, вслѣдствіе антагонизма противъ ученія церкви, усиливалась поколебать довѣріе къ священнымъ преданіямъ. Вслѣдствіе этого антагонизма противъ школъ церковныхъ, филологи и историки поколебали довѣріе

къ самой наукѣ. Филологія вслѣдствіе возбужденнаго недовѣрія къ самой себѣ, т. е. къ преданію, не смотря на значительные успѣхи въ языковѣдѣніи, отодвинулась на задній планъ, вслѣдствіе несостоятельности своихъ теорій. Естествоиспытатели, геологи и антропологи, при всемъ своемъ матеріалистическомъ направленіи и строгомъ анализѣ, возстанавливаютъ авторитетъ Преданій Церкви. Весьма замѣчательно, что представители крайняго матеріалистическаго направленія сознаютъ присущность религіознаго чувства во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, и, не останавливаясь на одномъ отвлеченномъ религіозномъ чувствѣ, находятъ во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, необходимымъ условіемъ, положительную и опредѣленную вѣру.

Походы Александра Великаго много содѣйствовали соглашенію повѣрій и ученій, распространенныхъ по лицу земли, которое выразилось въ письменныхъ памятникахъ подъ вліяніемъ Александрійской школы. Этотъ крупный фактъ, почти одиночно выдающійся въ исторіи, повторялся ежегодно, по всему пространству древняго міра втеченіи тысячелѣтій, не оставляя видимыхъ слѣдовъ въ письменности. Христіане, стремящіеся на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, магометане, постоянно посѣщающіе Мекку, и Буддисты посѣщающіе Тибетъ, необходимо разносили разсказы, служившіе къ составленію сказаній, имѣвшихъ свои корни въ различныхъ ученіяхъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ древности строгаго разграниченія между языческими религіями не существовало. Есть даже указаніе, что Пятикнижіе Моисея было распространено между язычниками на берегахъ Чернаго моря. Подобное сочетаніе истиннаго ученія о Богѣ съ ученіемъ языческимъ, постоянно проявлявшееся въ самой средѣ избраннаго народа Израилева, существовало и въ позднѣйшія времена.

Арнольдъ Любскій, по переводу доктора Laurent (Берлинъ, 1853, стр. 21), говоритъ по поводу Турецкаго Иконійскаго султана Аседдина-Килиджь-Арслана II, происходившаго отъ дочери Русскаго Царя и Германской принцессы, что султанъ былъ язычникъ и тѣмъ не менѣе былъ знакомъ съ книгами Моисея, принадлежа къ сектѣ Николаитовъ. Приэтомъ Арнольдъ замѣчаетъ, что есть

много язычниковъ, признающихъ Пятикнижіе Моисея и не отставшихъ, подобно Самаритянамъ, отъ поклоненія истуканамъ. Эта замѣтка относится къ 1172 году.

При изученіи народныхъ повѣрій и сказаній, нельзя не убѣдиться съ большинствомъ читателей въ несостоятельности каждой системы искусственно придуманной для объясненія мνθовъ; на оборотъ, всѣ системы въ совокупности способствуютъ пониманію повѣрій и сказаній, что̀ уже было замѣчено древними. Это весьма понятно, такъ какъ жизнь человѣчества отражалась во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, стремленіяхъ и заблужденіяхъ наиболѣе и явственнѣе именно въ тѣхъ памятникахъ, которые удерживались въ памяти народной. Нельзя сомнѣваться, что книги, содержащія историческое развитіе народныхъ вѣрованій, отражаютъ всѣ явленія природы въ томъ размѣрѣ и съ той точки зрѣнія, съ которой человѣкъ смотритъ на явленія окружающаго его міра. Если съ одной стороны необходимо признавать вліяніе на существующіе памятники народной всемірной литературы, библейскихъ преданій, классической словесности, ученія Маговъ, Буддистовъ, Гностиковъ, и прежде всего древнѣйшихъ вѣрованій и ученій, извѣстныхъ лишь по отрывочнымъ свѣдѣніямъ уцѣлѣвшимъ, въ свидѣтельствахъ Греческихъ, классическихъ писателей, то не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ подлежать сомнѣнію, что народные памятники сохраняютъ въ себѣ и древнѣйшія наблюденія надъ явленіями природы. Постоянныя видоизмѣненія воздуха и воды, паровъ и тумана, поднимающихся надъ моремъ и падающихъ съ неба дождемъ на землю, для оплодотворенія оной и возвращенія снова въ общую массу моря, повторяютъ въ вѣчности свой вѣчный и постоянный процессъ. Свѣтъ и теплота, проходящіе чрезъ воздухъ, ту же влагу въ разрѣженномъ видѣ, на землю, пропитывая ея влагой, пробуждаютъ растительныя силы природы. При отдѣленіи соляныхъ частей, при испареніи влаги, самая теплота возраждается движеніемъ, производящимъ испаренія. Въ прямой связи съ этимъ постояннымъ отдѣленіемъ влажныхъ и соляныхъ частицъ, съ осадкой земляныхъ частей, высыханіи земли и ея орошеніи влагой, возвращающейся въ видѣ дождя или росы, проявляются растительныя силы природы; весьма понятно, что люди обого-

творяли всѣ эти силы и самые процессы ихъ превращеній, составляя себѣ понятіе о невидимыхъ, улетученныхъ силахъ природы, то благотворно, то губительно дѣйствующихъ на условія жизни; обоготворяя всѣ эти силы, люди тѣмъ не менѣе старались подчинить ихъ своей власти посредствомъ обрядовъ и таинственныхъ формулъ таинственной науки, въ наше время вращающихся въ Европѣ и Азіи въ видѣ заклинаній болѣе или менѣе искаженныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во время процвѣтанія и господства язычества, искаженныя формулы заключали въ себѣ результаты весьма положительныхъ наблюденій и глубокаго изученія природы. Азовское море считалось въ древности самымъ мѣстомъ зарожденія моря. Въ нашихъ пѣсняхъ изъ всего этого ученія уцѣлѣлъ можетъ быть одинъ бѣлъ-горючь камень алатырь, отъ греческаго корня αλας—соль. Этотъ бѣлъ-горючь камень алатырь, сообщающій свою соль морю и предохраняющій воду отъ порчи, постоянно насыщается тѣми соляными частями, которыя находятся въ нѣдрахъ земли, и, растворенныя потоками прѣсной воды, ниспадающей съ неба, снова возвращаются къ своему источнику, морю, и возвращаютъ горючему камню алатырю тѣ соляныя части, которыя онъ постоянно утрачиваетъ вслѣдствіе постоянныхъ испареній моря. Постоянныя и самыя улетученныя испаренія моря, поднимаясь подъ вліяніемъ солнца, нагрѣваются и насыщаются солнечными лучами, по тяжести своей возвращаются въ море насыщенныя горючими составными частями и, по закатѣ солнца, держась туманомъ надъ моремъ, возвращаютъ горючему камню алатырю утрачиваемыя имъ части. Постоянное скопленіе селитряныхъ, сѣрныхъ и другихъ горючихъ составныхъ частей въ морѣ находитъ себѣ исходъ подземными путями, доставляя тотъ горючій матеріалъ, который втеченіи тысячелѣтій сгораетъ и разливается на поверхности земли изъ огнедышащихъ горъ. Таково значеніе горючаго камня алатыря на морскомъ днѣ. Этотъ бѣлъ-горючь камень алатырь есть вмѣстѣ съ тѣмъ кристаллизированная улетученная соль, составляющая небесную хрустальную твердь, упоминаемую въ нашихъ сказкахъ; этотъ бѣлъ-горючь камень есть тотъ-же свѣтящійся камень, который св. Валаамъ показываетъ Индѣйскому царевичу Іосафату, онъ же искомый философ-

скій камень, т. е. духовный міръ; міръ отдѣленный, отрѣшенный отъ всѣхъ матеріальныхъ, частицъ называется у Еврейскихъ кабалистовъ «олемъ ацилуѳъ», отъ корня «оцелъ»,—отдѣлять. Весьма можетъ быть, что Ахиллесъ есть не что иное, какъ искаженная Еврейская форма, и древній миѳъ о сочетаніи таинственной дѣвы, Запавы Путятишны, блудницы Елены съ Ахиллесомъ, не выражалъ ничего другаго, какъ достиженіе состоянія Нирваны вслѣдствіе длиннаго ряда блужданій и подвиговъ. Всѣ объясненія значенія имени Ахиллесова не удовлетворительнѣе вышеупомянутаго. Менелай-Крѣпимиръ, душа-Елена олицетворяютъ застой, Парисъ любопытство и увлеченіе, оживившія стоячую воду; Ахиллесъ, отвлеченный міръ, воспріявшій Елену. Огонь въ этой теоріи не имѣетъ мѣста, потому что огонь не самостоятельная сила. Теплота и огонь пораждаются движеніемъ, столкновеніемъ и треніемъ. Самое солнце есть временное явленіе, и эпическая поэзія всѣхъ народовъ постоянно трепещетъ о его существованіи. Двѣ постоянныя силы суть движущій духъ и вода, приводимая въ движеніе для проявленія производительности духа. Металлы, земля, всѣ зародыши и самъ огонь содержатся въ ея нѣдрахъ. Эта теорія развивается во всѣхъ сказкахъ древняго и новаго міра, сплетаясь съ историческими повѣствованіями и поучительными аллегоріями. Проникнуть во всѣ пути и уклоненія мысли составителей сказокъ тѣмъ болѣе невозможно, что почти всѣ сказки издревле существуютъ въ редакціяхъ людей или вовсе ихъ не понимавшихъ, или передававшихъ ихъ подъ вліяніемъ личныхъ, произвольныхъ и вдобавокъ болѣе или менѣе сбивчивыхъ теорій. Преобладающая мысль у творцевъ басенъ была несомнѣнно педагогическая: задача ихъ была ломать голову поколѣніямъ втеченіи тысячелѣтій надъ одной и той же проблемой. Оказывается дѣйствительно, что главныя эпохи движенія умовъ находились въ прямой связи съ разработкой басенъ.

Ни одна изъ теорій, ни Греческая, ни Скандинавская, ни Историческая, ни Матеріалистическая ни Спиритуалистическая не могутъ служить исключительно ключемъ къ объясненію преданій. Люди, занимавшіеся составленіемъ сказокъ, не были посвящены въ таинства науки, а если занимались составленіемъ сказокъ и были посвя-

щены, то они намѣренно запутывали нити для возбужденія душеспасительнаго и плодотворнаго любопытства или дѣйствительно подчинялись закону о сохраненіи втайнѣ основаній таинственнаго ученія.

Что касается до племенъ сопредѣльныхъ главному мѣсту поклоненія таинственной дѣвѣ, то сравнительная филологія представляетъ нѣсколько любопытныхъ, приводимыхъ здѣсь фактовъ относительно Аланъ, одного изъ племенъ, долго державшихся около Азовскаго моря:

âland, âlend—Wasserland, Insel, Strand; Aland названіе монастыря на остъ-фризскомъ берегу, по латынѣ—«ripa beate Marie virginis».

âlant—тѣ же значенія; кромѣ того der grosse Weissfisch, cyprinus jeses, бѣлуга и бѣлая рыбица. Это крайне любопытное слово обозначаетъ также ароматическое и лечебное растеніе inula helenium, ἑλένιον; allandswein, alandeswyn, helenites. Ср. Wörterbuch der Niederdeutschen Sprache. J. G. L. Kosegarten. Greifswald. 1859.

Алань и Елань (Тверск., Рязанск., Тамбовск.) лугъ, пастбище, пажить, потное, но не поемное мѣсто. Еланный ржавецъ, ручей по алани съ ржавчиной (Толк. Сл. Даля). Это слово кажется въ сродствѣ съ греческимъ ἕλος—пастбище низменное мѣсто, болото, стоячая вода.

Мнѣ неизвѣстна въ подробностяхъ теорія, извлекаемая Куномъ изъ индѣйскихъ религіозныхъ памятниковъ: она вѣроятно близко совпадаетъ съ изложеннымъ здѣсь очеркомъ той теоріи, которая разбросана по нашимъ сказкамъ, пѣснямъ и легендамъ о сотвореніи міра. Онѣ всѣ проникнуты этой теоріей въ примѣненіи ея къ человѣческой душѣ. Душа, постоянно поднимаясь надъ уровнемъ житейскаго моря къ ея свѣтлому источнику, возвращается возрожденная на землю для постояннаго очищенія точно также какъ пары, поднимающіеся надъ моремъ, по очищеніи ихъ отъ соляныхъ частей, возвращаются плодотворнымъ дождемъ на землю, пока не достигнутъ полнаго отдѣленія кристализируясь въ эфирѣ. Горючіе элементы уходятъ въ преисподнюю и принимаютъ снова участіе въ общемъ водоворотѣ.—Эта теорія издревле безъ всякаго измѣненія примѣнялась къ душамъ умершихъ, въ полномъ убѣжденіи, что и души умершихъ также подчиняются силѣ таинственныхъ формулъ.

Елянскій въ письмѣ своемъ упоминаетъ Сципіона Африканскаго между адептами своей секты. Дѣйствительно, теорія, излагаемая Цицерономъ въ сновидѣніи Сципіона-Емельяна Африканскаго, втораго, весьма схожая съ разсказомъ Платона о Герѣ Памфилійскомъ, убитомъ въ сраженіи и разсказывавшемъ видѣнное имъ на томъ свѣтѣ, по возвращеніи своемъ на землю, на одиннадцатый день (Repub., X), совершенно совпадаетъ съ строго аскетическимъ ученіемъ Людей Божіихъ и весьма схожа съ ученіемъ Гностиковъ.

Самый обрядъ круженій Дервишей, Квакеровъ и Людей Божіихъ не можетъ быть не что иное, какъ наглядное представленіе ученія о силѣ движенія. Изъ этого движенія истекаетъ пророческій духъ и отсюда весьма понятно происхожденіе ученія, что все, что совершается подъ вліяніемъ духа, возбужденнаго этими обрядовыми движеніями, совершается побужденіемъ вѣчной жизненной силы. Самый потъ, выгоняемый радѣніями, имѣетъ значеніе не только обрядовое и символическое, но вѣроятно имѣетъ и практическую назидательную цѣль. Одно изъ древнѣйшихъ правилъ древняго языческаго ученія гласитъ, что потъ пріятнѣе богамъ, чѣмъ жертвоприношенія.

Нептуническая теорія должна была составлять основаніе ученія, проповѣдываемаго на Ахиллесовомъ островѣ, созданномъ Нептуномъ, Ѳетидой и всѣми морскими и рѣчными божествами прибрежья Чернаго моря. Дагонъ, Танаиѳъ, таинственная дѣва, богиня Сирійская, изображались получеловѣкомъ и полурыбой, миѳъ имѣвшій особенно важное значеніе по ученію Гностиковъ, судя по многочисленности изображеній этихъ на талисманахъ (Abraxas). Что касается до философской и нравственной стороны ученія Людей Божіихъ, то на основаніи свидѣтельства Елянскаго слѣдуетъ заключить, что они признаютъ разсказъ Цицерона о сновидѣніи Сципіона за ихъ собственное ученіе:

«Ты не старайся и познай, что ты не смертенъ, но твое тѣло; и дѣйствительно ты не есть то, что образъ твой являетъ, но душа каждаго составляетъ то, что онъ есть, а не тотъ образъ, на который можно указать пальцемъ. Знай же, что ты есть богъ, тотъ кто существуетъ, кто чувствуетъ, предвидитъ, кто управляетъ и сдерживаетъ, и подвигаетъ это тѣло, надъ которымъ поставленъ

также какъ вышній Богъ надъ міромъ, есть богъ. И какъ самъ вѣчный Богъ движетъ міромъ, отчасти смертнымъ, такъ духъ всевѣчный бреннымъ тѣломъ.

XV. Ибо то, что всегда движется, вѣчно; но также необходимо, что то, что даетъ движеніе другому, и само подвигается извнѣ, находитъ конецъ существованія, когда настаетъ конецъ движенія. И такъ лишь то, что движется само собой, никогда уже не перестаетъ двигаться, потому что оно само собой не покидается. Оно даже источникъ и начало движенія всему, что движется. Ибо началу нѣтъ происхожденія, ибо все происходитъ отъ начала, само же не можетъ ни изъ чего другаго родиться, и дѣйствительно то что родилось бы извнѣ, не можетъ быть началомъ. Если же оно никогда не родится, оно также никогда и не умираетъ, ибо начало, разъ уничтоженное, не можетъ само возродиться отъ другаго, и не можетъ произвести изъ себя другое, такъ какъ необходимо чтобы все исходило отъ начала. Потому начало движенія заключается въ томъ, что движется само собой. Оно не можетъ ни родиться, ни умирать, или же неизбѣжно все небо рушится, и сама природа станетъ, и не найдетъ никакой силы, которой вначалѣ приводима была въ движеніе.

Такимъ образомъ видно, что то, что движется само собой, вѣчно; кто можетъ отрицать, что таково свойство присвоено душамъ? Все, что движется внѣшнимъ напоромъ, бездушно; но то что движется внутреннимъ и собственнымъ побужденіемъ—одушевлено. Ибо таково собственное естество и сила духа. Если она едина изъ всѣхъ, которая сама приводитъ себя въ движеніе, навѣрное она никогда не раждалась и вѣчна.

XVI. Ты изощряй себя въ дѣлахъ лучшихъ. Старанія на благо отчизны суть наилучшее: ими духъ возбуждаемый и изощряемый воспаритъ быстро въ мѣсто и обитель свою. Совершитъ же быстрѣе, если пока была закрѣплена въ тѣлѣ, устремлялась вонъ, и созерцая что существуетъ внѣ, отстраняется наиболѣе отъ тѣла. Ибо души тѣхъ, которые предали себя похотямъ плотскимъ и показали себя ихъ исполнителями, и въ порывѣ страстей, подчиненныхъ сладострастію, посягали на законы боговъ и людей; освобожденныя отъ плоти, онѣ заметаются около самой земли, и не возвратятся въ то

мѣсто, развѣ промучившись многіе вѣки. Онъ удалился; я же пробудился отъ сна».

Слово о Полку Игоревѣ по самой формѣ изложенія еще болѣе чѣмъ по содержанію принадлежитъ къ разряду мистическихъ и пророческихъ сочиненій. По своему складу оно близко подходитъ къ прорицаніямъ Сивиллъ. Тэнъ въ исторіи Англійской словесности весьма поверхностно, но мѣтко характеризуетъ поэзію Англо-Саксовъ совершенно какъ будто говоритъ про Слово о Полку Игоревѣ. Необходимо при этомъ сдѣлать оговорку, что Пѣвецъ Игоревъ, вполнѣ предаваясь вдохновенію и соблюдая сжатость рѣчи, свойственную пророческимъ изліяніямъ, вполнѣ владѣетъ своею мыслію, и съ крайней отчетливостію чеканитъ едва замѣтные очерки древнѣйшихъ сказаній, на которые онъ намекаетъ, согласовывая строго архаическіе типы съ современными ему событіями, излагаемыми также съ отчетливостію дѣловаго человѣка и политика. Вѣроятно и Англо-Саксонскіе поэты обвиняемы въ варварствѣ совершенно напрасно.

Прилагаемые выписки изъ Histoire de la Littérature Anglaise, par H. Taine, Paris 1873. T. I. p. 40—45, указываютъ на близкое сходство Англо-Саксонскихъ поэтовъ съ внѣшней формой, избранной пѣвцемъ Игоревымъ для выраженія своей мысли.

Un poëme presque entier, deux ou trois débris de poëmes, voilà tout ce qui subsiste de cette poésie laïque en Angleterre. Le reste du courant païen, germain et barbare, a été arrêté ou recouvert, d'abord par l'entrée de la religion chrétienne, ensuite par la conquête des Français de Normandie. Mais ce qui a subsisté suffit et au delà pour montrer l'étrange et puissant génie poétique qui est dans la race, et pour faire voir d'avance la fleur dans le bourgeon.

Si jamais il y eut quelque part un profond et sérieux sentiment poétique, c'est ici. Ils ne parlent pas, ils chantent, ou plutôt ils crient. Chacun de leurs petits vers est une acclamation, et sort comme un grondement; leurs puissantes poitrines se soulèvent avec un frémissement de colère ou d'enthousiasme, et une phrase, un mot obscur, véhément, malgré eux, tout d'un coup, leur vient aux lèvres. Nul art, nul talent naturel pour décrire une à une et avec ordre les diverses parties d'un événement ou d'un objet. Les cinquante rayons de lumière

que chaque chose envoie tour à tour dans un esprit régulier et mesuré arrivent dans celui-ci à la fois, en une seule masse ardente et confuse, pour le bouleverser par leur saccade et leur afflux. Écoutez ces chants de guerre, véritables chants, heurtés, violents, tels qu'ils convenaient à ces voix terribles: encore aujourd'hui, à cette distance, séparés de nous par les moeurs, la langue, et dix siècles, on les entend:

«L'armée sort *). — Les oiseaux chantent. — La cigale bruit.—La poutre de la guerre **) résonne, — la lance choque le bouclier. — Alors brille la lune — errante sous les nuages; — alors se lèvent les oeuvres de vengeance,—que la colère de ce peuple — doit accomplir....—Alors on entendit dans la cour—le tumulte de la mêlée meurtrière.—Ils saisissaient de leurs mains — le bois concave du bouclier. — Ils fendirent les os du crâne. — Les toits de la citadelle retentirent, — jusqu'à ce que dans la bataille—tomba Garulf,—le premier de tous les hommes—qui habitent la terre, —Garulf, le fils de Guthlaf.—Autour de lui beaucoup des braves—gisaient mourants.—Le corbeau tournoyait—noir et sombre comme la feuille de saule. — Il y avait un flamboiement de glaives,— comme si tout Finsburg — eût été en feu. — Jamais je n'ai entendu conter—bataille dans la guerre plus belle à voir»....

«Là gisaient les soldats par multitudes,—abattus par les dards;— les hommes du Nord, trappés par-dessus leurs boucliers,—et aussi les Scots—las de la rouge bataille... — Athelstan a laissé derrière lui— les oiseaux criards de la guerre,—le corbeau qui se repaîtra des morts,— le milan funèbre, — le corbeau noir — au bec crochu,—et le crapeau rauque,—et l'aigle qui bientôt—fera festin de la chair blanche,—et le faucon vorace qui aime les batailles, — et la bête grise, — le loup du bois».

Chez lui, la phrase se retourne et se renverse, il crie le mot vivant qui lui vient, au moment où il lui vient; il saute d'une idée dans une idée lointaine. Plus l'âme est transportée hors d'elle-même, plus elle franchit vite de grands intervalles. D'un élan, elle parcourt les quatre

*) Conybeare's illustrations of anglo-saxon poetry. Bataille de Finsburg.— La collection complète des poésies anglo-saxonnes a été publiée par M. Grein.

**) La lance, l'épée. cp. „Стяги глаголятъ“ и „звенитъ слава“.

coins des son horizon, et touche en un instant des objets qui semblent séparés par tout un monde. Pêle-mêle ici, les idées s'enchevêtrent; tout d'un coup, par un souvenir brusque, le poete, reprenant la pensée qu'il a quittée, fait irruption dans la pensée qu'il prononce. On ne peut traduire ces idées fichées en travers, qui déconcertent toute l'économie de notre style moderne. Souvent on ne les entend pas; les articles, les particules, tous les moyens d'eclaircir la pensée, de marquer les attaches des termes, d'assembler les idées en un corps régulier, tous les artifices de la raison et de la logique sont supprimés. La passion mugit ici comme une énorme bête informe, et puis c'est tout; elle surgit et sursaute en petits vers abrupts; point de barbares plus barbares.

Типъ вѣчнаго пророка Таліезина, въ Бретонскихъ сказаніяхъ типъ вѣчнаго Баяна въ Словѣ о Полку Игоревѣ, находятся въ тѣсной связи съ типомъ вѣчнаго пѣвца и бытописателя изображеннаго въ Ойратскихъ книгахъ. Самый типъ Гомера соотвѣтствуетъ отчасти этому типу вѣчнаго пѣвца. (ср. § 118 и 119).

«Ульгэнь обѣщалъ въ свое время послать съ неба царя, который будетъ царемъ царей; сила его будетъ столь великою, что никакой богатырь его не одолѣетъ, имя ему будетъ Калданъ Каанъ*). Съ царями онъ воевать не станетъ, всѣ народы покорятся ему безъ войны, у него будетъ три богатыря для исполненія его дѣлъ. Выше мы видѣли, что исторія о бытіи міра и дѣлахъ Божіихъ произошла и сохранилась въ слѣдствіи возложенной на Майдере обязанности записывать все что совершалось; Майдере передавалъ все написанное имъ, тремъ сыновьямъ своимъ писарямъ Тидымини, Шигимуни и Топшуну; такъ преданія, въ ихъ спискахъ, расходились въ людяхъ и не могли погибнуть; — но все это, писанное въ небѣ, принялъ онъ туда на землю и передалъ живущимъ на ней Тюрунъ-Музыкай; по созвучію Моисей, но личность, понятіе о

*) Извлеченія эти находятся въ несомнѣнной связи съ сказаніемъ о пресвитерѣ Іоаннѣ. Связь ихъ съ Романскими и Бретонскими сказаніями не можетъ быть объяснена гипотезой о переселеніи Индо-Европейскихъ народовъ изъ средней Азіи. Преданія о переселеніи Турко-Татарскихъ племенъ изъ Малой Азіи и Сиріи также не объясняютъ факта. Дѣло въ томъ, что Бретонскія и Романскія басни конца XII столѣтія сходятся съ баснями Средне-Азіатскими конца того же столѣтія. Ойратскія книги заключаютъ самую теорію сказаній о пресвитерѣ Іоаннѣ. (Ср. въ Указ. *Кабала* и *Опперть*).

которой довольно смутно. Онъ считался управляющимъ среднимъ изъ 99-ти міровъ, т. е. нашимъ; не менѣе того когда Эрликъ сотворилъ великое морское чудовище, звѣря, андалма, для пожренія поочередно всѣхъ людей, то довольно сильнымъ, чтобъ побѣдить и уничтожить его, оказался въ небѣ только Тюрунъ-Музыкай, здѣсь уже принимающій будто бы образъ Спасителя, который для сего сошелъ съ неба, сдѣлался человѣкомъ, родясь отъ дѣвицы Эрькэшюдюкъ; онъ ходилъ по всей землѣ, проповѣдывалъ и училъ, но никто не зналъ откуда онъ. Окончательно побѣдя и уничтоживъ звѣря, онъ, слѣдовательно, былъ истиннымъ избавителемъ всего человѣчества. Но вотъ въ глубокой старости онъ ушелъ на небо, — объявивъ сыну своему Созуну, что возьметъ его туда; точно, черезъ три дня онъ исчезъ такъ, что одежда осталась такъ была на немъ и ни поясъ, ни завязки не развязались. Отецъ поставилъ его пятизвѣдіемъ Алтайская церковная миссія С.-Петербургъ, 1865. стр. 32, 33).

Эти извлеченія поразительно сходныя съ бретонской теоріей о вѣчномъ пѣвцѣ Мерлинѣ Таліезинѣ, заимствованы изъ записки о повѣріяхъ и преданіяхъ, изложенныхъ въ Ойратскихъ книгахъ, сохраняемыхъ въ великой тайнѣ.

Царь обѣщанный Ульгеномъ напоминаетъ сильно редакцію посланій пресвитера Іоанна, сказанія о Тюрунъ Музыкаѣ находятся въ близкомъ сродствѣ съ сказаніями о Мерлинѣ. Артуръ подобно Тюрунъ Музыкаю возносится на небо, въ созвѣздіе Большой Медвѣдицы, называемой Валійцами колесницей Артура. — Myvyrian Archailogy of Wales. I. 178.

Любопытныя хотя, и темныя свѣденія передаются въ томъ же отчетѣ о чала казакахъ, киргизахъ, будто бы русскаго происхожденія, живущихъ въ китайскомъ Алтаѣ, огромными селеніями при рѣлахъ текущихъ въ Норъ Зайсанъ и Черный Иртышъ, и сохранившихъ нѣсколько словъ изъ молитвы Господней и изъ Символа Вѣры. Разсказываютъ, что въ ихъ молельняхъ уцѣлѣла икона Св. Николая. (стр. 18).

Въ этой мѣстности можетъ быть найдутся слѣды тѣхъ движеній, которыя, указаны въ поэмахъ о Парцивалѣ и Титюрелѣ и которыя вѣроятно въ связи съ движеніями Богумиловъ во Франціи, Далмаціи, Босніи, Болгаріи, Россіи и на Ефратѣ.

520—530. ꙖрославнараноплачетъвъПꙋтивлѣназа-
бралѣаркꙋчиновѣтрѣвѣтрилочемꙋгосподиненасильно
вѣешиЧемꙋмычешихиновьскыѧстрѣлкынасвоеюне-
трꙋдноюкрилцюнамоеѧладывоиМалолитивѧшетъгоръ
подъоблакывѣѧтилелѣючикораблинасинѣморѣчемꙋ
господинемоевеселїепоковылїюразвѣѧ.

531—542. ꙖрославнараноплачетьПꙋтивлюгородꙋна
завололѣаркꙋчиоДнепресловꙋтицютыпробилъесика-
менныѧгорысквозѣземлюПоловецкꙋютылелѣѧлъесина
себѣСвѧтославлиносадыдоплъвꙋКовѧковавъзлелѣй
господинемоюладꙋкъмнѣабыхънеслалакънемꙋслезъна
морерано.

543—551. Ꙗрославнараноплачетъкъпꙋтивлѣназа-
бралѣаркꙋчисвѣтлоеитресвѣтлоеслънцевсѣмътеплои
красноесичемꙋгосподинепрострегорѧчююсвоюлꙋчюнала-
дѣвоивъполѣбезводнѣжаждеюимьлꙋчисъпрѧжетꙋгою
имътꙋлизатче.

§ 109. «На своею нетрудною крилцю»—предложный падежъ двойственнаго числа.

«Горъ подъ облаки» также весьма правильно, и не допускаетъ сомнѣнія. «Облакы» творит. пад. множественнаго числа, и обозначаетъ верхніе, чистѣйшіе слои воздуха.

§ 110. «Забололѣ» можетъ быть не ошибка. В. И. Ламанскій приводитъ подобную форму изъ одной Сербской рукописи.

«Море рано» кажется должно значить море восточное.

§ 111. Послѣднія слова обрисовываютъ съ натуры состояніе воиновъ, томимыхъ жаждой. Они обезсилили до того, что не въ состояніи натянуть лука, и впали въ такое безнадежное отчаяніе, что неспособны были вынуть даже стрѣлы изъ колчана.

§ 109—111. Для сравненія привожу Эстонское заклинаніе: Mythische und Magische Lieder der Ehsten, Gesam. und herausg. von Kreutzwald und H. Neus. St.-Petersburg, 1854, стр. 120 Bannung des Feuerdrachen:

Aus der Erde Tiefe uud des Meeres Tiete
Aus des Himmels Höhe und des Himmels Breite,
Aus allen Weltenden und allen Himmels Sternen,
Aus dem neunten Monat und neunten Tage,
Aus dem neunten Wind und neunten Regen,
Aus dem neunten Baum und neunten Stein,
Aus der Dürre Käfern und der Erde Gewürm,
Aus des Meeres Schaum und der Erde Staube,
Aus Huxenbutter und Moorgalle,
Aus häut'gem Ei- und Flachsschäben,
Aus Fliegenschwämmen und alten Geschwür,
Aus des Besens Stumpf und den Quastenende.

Der du aus allem Leeren uud Schweren zusammen gelesen uud in den Wind gesendet bist—mögest du in der Grube der Höllengrufttiefe an einem eisernen Pfosten festgebannt sein mit Ketten ewiglich.

Въ сродствѣ съ заклинаніямъ Ярославны находятся и прилагаемыя выписки изъ Виндишмана Zoroastrische Studien, Конрада Schwenk, die Mythologie der Perser, Потье, les livres Sacrès de l'Orient и Фридриха Spiegel: Avesta. Leipzig 1852—1863. Ga Gahs, молитвенные часы, входящіе въ составъ разныхъ частей священныхъ книгъ Персовъ.

«Я призываю и славлю эти мѣста и области, и пастбища, дома и ограды, и воды, и земли и деревья, и самую землю и небо, и свѣжій вѣтеръ, звѣзды, мѣсяцъ и солнце, свѣтила безначальныя и самобытныя» (Изешне Га, 1).

«Славьте всѣхъ святыхъ Изедовъ, неба и земли, огонь, воду и солнце, и мѣсяцъ, Таштеръ, Митра, Ватъ, въ чистотѣ рожденный, небесный вѣтеръ» (Изешне Га, 17).

«Быстро стремятся облака, въ безчисленномъ множествѣ гонимые вѣтромъ, надъ Кешварами, по путямъ, кои указывалъ великій Омъ, на благо міра рожденный. Тогда богосозданный вѣтеръ быстро унесъ на своихъ крыльяхъ, въ мѣсто, городъ и 7 Кещваровъ, дождь, облака и молоко» (Нештъ Таштеръ, 87. Карде 6).

«Хвали воду, бѣгущую на помощь птицѣ, оберегающую по три раза въ день и три раза въ ночь ночлеги, дабы грозная власть не взяла надъ ними силу» (Фаргардъ, 21).

Выписки эти хотя и не могутъ служить прямымъ объясненіемъ заклинанія Ярославны, тѣмъ не менѣе однако онѣ не безъ внутренняго и близкаго сродства съ онымъ. Ученіе маговъ и шаманизмъ суть несомнѣнно древнѣйшее основаніе всѣхъ повѣрій и суевѣрій, распространенныхъ между Европейскими и Азіятскими народами и, болѣе чѣмъ вѣроятно, между народами, обитающими въ Африкѣ и Америкѣ. Слѣдующее воззваніе имѣетъ еще менѣе соотношенія къ заклинанію Ярославны, но способствуетъ къ уясненію того религіознаго вліянія, которое отражается на заклинаніи:

«Она просила Мазду о помощи, и призывала его на помощь небу и водѣ, и землѣ и деревьямъ, когда духъ святый несъ небо, воду, землю, деревья, когда онъ въ роженицахъ сыновей растилъ, которые зачинаютъ не умирая передъ положеннымъ Видгату, когда онъ по путямъ сѣялъ кости, кожу, жилы, кровь, ноги и заднія части» (Фарвардинъ Яштъ).

Изъ четырехъ стихій Ярославна призываетъ только три: огонь, воздухъ и воду, которыя всѣ три немедленно и содѣйствуютъ избавленію Игоря: «прысну море полунощи»; «погасоша ввечеру зари»; «идутъ сморци мглами». Не призываемая на помощь, земля даетъ вѣсть дѣтямъ своимъ, Половцамъ: «стукну земля»; «вшумѣ трава, вежи ся Половецкія подвизоша». Въ Исторіи о походѣ Димитрія Донскаго обстоятельно изложено, почему нельзя разсчитывать на мать сыру-землю. Ц. Лѣтописецъ сохранилъ слѣдующій любопытный разсказъ о гаданіи наканунѣ Мамаева побоища:

«Тогда по вся нощи волки вьющи страшно, и вořони и орли по вся нощи и дни грающе и клегчуще, ждуще грознаго и Богомъ изволеннаго дни кровопролитнаго, по реченному: гдѣ будетъ трупъ, тамо соберутся и орли; и тогда убо отъ таковаго страха богатырская сердца и удалыхъ человѣкъ, начаша окрѣпляшися и мужествоваши, слабыхъ же и худыхъ страшитися и унывати, видяще предъ очима смерть; и приспѣ нощь праздничная Рождества пречистыя

Богородицы, осень же бѣ тогда долга, и солнечніи свѣтли сіяюще и теплота велія: бысть же въ ту нощь теплота и тихость велія.

Бысть же со князи Литовскими воевода нарочитъ и полководецъ изященъ и удалъ зѣло, именемъ Дмитрій Боброкъ, родомъ земли Волынскія, его же великому Князю глаголя сице: егда глубоцѣй нощи, аще хощеши покажу ти примѣты, аще что случится напослѣдокъ, преже увѣси. Князь великій же не повелѣ ему никомуже сего повѣдати. И егда заря угасе и глубоцѣй нощи сущей,

И Дмитрій Боброкъ Волынецъ всѣдъ на конь поимъ съ собою великаго князя, и выѣхаши на поле Куликово,

И сташа среди обоихъ полковъ, и обратишася на полкъ Татарскій, и слышавше кличь и стукъ велій, аки торжища снимаются, аки грады зижюще, и яко трубы гласятъ, и съ зади ихъ волки выюще страшно вельми, по деснѣй же странѣ бысть во птицахъ трепетъ велій крычаще и крылами бьюще, и враны грающе, и орли клегчуще по рѣцѣ Непрядвѣ, и бысть страхъ велій, яко и птицамъ бысть битва и драніе веліе проявляюще кровопролитіе и смерть многимъ; и глаголя Волынецъ великому Князю: что слышалъ еси? Онъ же рече: страхъ и грозу велію слышахъ. Глагола ему Дмитрій Боброкъ Волынецъ: обратися Княже на полкъ Русскій. Онъ же обратися, и бысть тихость велія. Глагола ему Дмитрій Волынецъ: что господине Княже слышалъ еси? Глагола Князь великій: ничтоже, точію видѣхъ отъ множества огневъ снимахуся зари. Глагола Дмитрій Боброкъ Волынецъ: господине Княже благодари Бога и пречистую Богородицу и великаго Чудотворца Петра и вся святыя, добро убо знаменіе суть огни, призывай убо Господа Бога и молися ему часто, и не оскудѣвай къ нему вѣрою и пречистѣй Богородицѣ и къ пастырю вашему и молебнику великому Чудотворцу Петру: добры убо сія примѣты.

И еще убо ми есть примѣта иная. И сниде съ коня и подна десное ухо приниче къ землѣ, и лежаще на долгъ часъ, и воста абіе пониче. Глагола ему Князь великій: что есть брате Дмитрій, повѣждь ми. Дмитрій же не хотяше сказати ему и крѣпляшеся на многъ часъ. Князь великій же паче приступи къ нему, моля его

дабы сказалъ ему. Онъ же прослезися. Князь же великій видѣвъ слезы его и нача боятися и глагола къ нему: братс Дмитрій повѣждь ми, понеже болѣзнуетъ ми сердце зѣло. Дмитрій же начатъ утѣшати его, и рече ему: господине Княже, повѣмъ ти единому, но ты не повѣждь никомуже, есть бо двѣ повѣсти, едина тебѣ на велію радость, а другая на велію скорбь. Припадохъ убо ухомъ на землю, и слышахъ землю плачущу на двое, горько зѣло, и страшно, едина убо страна аки нѣкая жена напрасно плачущи, дерзающи, и кричащи Татарскимъ гласомъ о чадѣхъ своихъ бьющися и слезы изливающи яко рѣки, а другая страна земли, аки нѣкая дѣвица плачущи и воплющи аки свирѣльнымъ, плачевнымъ гласомъ въ скорби и въ печали велицѣй; азъ убо множество тѣхъ боевъ и примѣтъ испытахъ на многихъ битвахъ, и знаеми мнѣ суть и явны, и уповай на милость Божію, яко одолѣти имаши надъ Татары, а воинства твоего падетъ остріемъ меча многое множество».

Г. Есиповъ (Раскольн. дѣла, извлеч. изъ дѣлъ Преобр. прик., и т. д. С.-Петербургъ, 1861, стр. 193) приводитъ отрывокъ изъ молитвы Елены Ефимовой о Петрѣ Великомъ:

«Услышь, святая соборная церковь, со всѣмъ Херувимскимъ престоломъ и съ евангеліемъ, и сколько въ томъ евангеліи святыхъ словъ,—всѣ вспомяните о нашемъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Услышь, святая, соборная, апостольская церковь, со всѣми мѣстными иконами и съ честными мелкими образами, со всѣми съ апостольскими книгами, и съ паникадилами, и съ мѣстными свѣщами, и со святыми пеленами и съ честными ризами, съ каменными стѣнами и съ желѣзными плитами, со всякими плодоносными деревами. О, молю и прекрасное солнце, возмолись Царю Небесному о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами. О, небо съ облаками! О, грозныя тучи съ буйными вѣтрами и вихрями. О, птицы небесныя и поднебесныя. О, синее море, съ рѣками и съ мелкими источниками и съ малыми озерами. Возмолитесь Царю Небесному о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, и рыбы морскія и скоты польскіе, и звѣри дубровные, и поля, и вся земнородныя возмолитеся къ Царю Небесному о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ».

Эта молитва представляетъ рѣдкое сочетаніе положительной христіанской вѣры и вѣрованія языческо-пантеистическаго, проявлявшагося въ этой мѣрѣ лишь въ ученіяхъ Гностиковъ. Конецъ этой молитвы, отъ словъ: «о, молю и прекрасное солнце», весьма близко подходитъ къ заклинанію Ярославны и молитвамъ Парсовъ.

Вѣра въ таинственную силу вещественныхъ предметовъ и силу отдѣльныхъ словъ находится въ тѣсной связи съ ученіемъ Гностиковъ о значеніи буквъ, вполнѣ соотвѣтствующемъ ученію Пиѳагора о значеніи чиселъ. По ученію Марка, слова имѣютъ творческую силу, будучи составлены изъ буквъ; буквы, въ свою очередь, имѣютъ также въ себѣ творческую силу, и даже весьма сильную. Примѣняясь къ Греческой азбукѣ, Маркъ выводилъ, что 24 буквы содержатъ въ себѣ всѣ силы, всѣ качества и всѣ добродѣтели, соотвѣтствующія 24 Эонамъ. Таково было его ученіе, по свидѣтельству Филастрія и Ѳеодорита. По свидѣтельству Иринея, Маркъ признавалъ 30 буквъ и 30 Эоновъ, имѣющихъ силу воспроизводить все; это число признавалось учителемъ Марка, Валентиномъ. Ученіе Марка имѣло большой успѣхъ; преимущественно же оно распространялось между знатнѣйшими и красивѣйшими женщинами. Маркъ подкрѣплялъ свое ученіе чудесами и сообщалъ эту способность своимъ ученикамъ. Кромѣ того, онъ увлекалъ своихъ ученицъ разрѣшеніемъ предаваться своимъ страстямъ и увлеченіямъ при извѣстныхъ условіяхъ, весьма схожихъ съ ученіемъ хлыстовской секты: молчаніе, тьма и духовное настроеніе.

Продолжительное сохраненіе въ христіанскомъ обществѣ суевѣрій и обрядовъ языческихъ, вещь весьма естественная, и суевѣрія эти, распространенныя по всей Европѣ, занимали собою даже въ средніе вѣка высшіе слои общества. Подобное распространеніе могло совершаться самымъ естественнымъ и безотчетнымъ образомъ, и это вполнѣ основательно по отношенію къ массѣ; что же касается до волхвовъ, то подобное объясненіе было бы крайне неосновательно. Дѣйствительно, въ современныхъ формахъ волхвованія сохранились слѣды ученаго и систематическаго согласованія ученія языческаго съ ученіемъ христіанскимъ, и это могло быть сдѣлано лишь на основаніи ученія Гностиковъ. Не слѣдуетъ упускать изъ

виду, что именно это ученіе проникло въ Европейское общество незамѣтнымъ образомъ, и распространялось во всѣ эпохи, въ коихъ преобладалъ мистицизмъ.

Въ заклинаніи Ярославны мы имѣемъ древнее заклинаніе, выраженное самымъ поэтическимъ образомъ, съ сохраненіемъ древнѣйшихъ обрядовъ и воззрѣній. Слова «омочю бебрянъ рукавъ» весьма могутъ быть не одной только поэтической фразой, но имѣть и прямое отношеніе къ словамъ Арріана (Периплъ, 133): «Бѣлыя птицы и чайки омочаютъ свои крылья въ морѣ, чтобы орошать и омывать храмъ Ахиллеса».

Молитва Елены Ефимовой въ обращеніи ея къ солнцу, вѣтру, облакамъ и рѣкамъ (см. выше), совершенно согласна съ заклинаніемъ Ярославны. Весьма замѣчательно, что въ этой суевѣрной молитвѣ сохраняется живо высшее поэтическое чувство, соединяя въ себѣ крайне патетическое настроеніе и, не смотря на наружное суевѣріе, высшій философскій взглядъ на окружающій міръ. Въ этой молитвѣ призываются и перечисляются предметы отвлеченные или неодушевленные, а въ виду немощи и непостоянства человѣческаго духа, вліяніе неодушевленныхъ предметовъ на духовное настроеніе человѣка дѣйствительно можетъ быть несравненно сильнѣе, чѣмъ дѣйствіе человѣческаго слова. Міръ неодушевленный часто бываетъ краснорѣчивѣе человѣка. Такое сознаніе, возведенное въ молитву, есть явленіе крайне грустное, но въ литературномъ отношеніи едва ли можно найти болѣе драматичное выраженіе отчаянія вѣрующей и страждущей души.

Въ одной изъ интересныхъ статей о «Людяхъ Божіихъ» (Православный Собесѣдникъ. Казань, 1858, іюль, стр. 405) сказано: «Пляска (обрядовая Людей Божіихъ) дѣлается живѣе и живѣе, и скоро переходитъ въ истое бѣшенство; безуміе достигаетъ высшей степени; вдругъ свѣчи гаснутъ, и начинается сцена, для которой напрасно будемъ искать примѣровъ и въ язычествѣ». Во Всеобщей Исторіи Макса Дункера приведены древнія свидѣтельства не о мистеріяхъ, а о торжественныхъ и публичныхъ обрядахъ, совершавшихся въ честь Сирійской богини. Отсюда мы узнаемъ, что не только язычники совершали тѣ же обряды, но и

Гностики, и совершенно на основаніи тѣхъ же правилъ, что и нынѣшніе сектаторы. Въ сочин. св. Иринея (Москва, 1871, стр. 54) Маркъ точно также хвалился превращеніемъ вина къ кровь, какъ и пророкъ Чистопольскихъ Людей Божіихъ (Правосл. Собесѣдникъ, 1860, декабрь, стр. 428). Св. Ириней говоритъ, что послѣ молитвы Марка къ предвѣчному молчанію: «матерь возлагаетъ на нихъ Гомеровскій шлемъ Аида, чтобъ имъ невидимо избѣжать Судіи, и тотчасъ увлекши ихъ вводитъ въ брачный чертогъ и отдаетъ ихъ женихамъ» (стр. 57). Сличивъ выписки изъ Гностическихъ ученій съ показаніями древнихъ о культѣ Сирійской богини, объ орденѣ жрецовъ Галловъ и свѣдѣніями въ статьяхъ Православнаго Собесѣдника о Людяхъ Божіихъ, не можетъ существовать сомнѣнія о тождествѣ ученія Людей Божіихъ съ культомъ богини Дѣвы и съ ученіемъ Гностиковъ, кои, по свидѣтельству св. Иринея, измѣняли лишь имена, но всецѣло сохраняли ученіе языческое. Впрочемъ, Гностики никогда не заявляли претензіи на изобрѣтеніе ученія: они постоянно стремились согласовать языческое ученіе съ христіанскимъ, опираясь на древніе тексты (Соч. св. Иринея, изд. въ Русск. перев. свящ. Преображенскимъ. Москва, 1871, кн. II, гл. XIV).

Весьма важно показаніе лжебогородицы Анны Ѳедоровой Скачковой (содержавшейся въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ въ 1828 году), записанное священникомъ Николаемъ Вазерскимъ: «Секта хлыстовъ происходитъ отъ Гребенскихъ или Запорожскихъ казаковъ, жившихъ въ Россіи, а послѣ бѣжавшихъ въ Турецкія владѣнія. Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля сей секты въ видѣ Христа, отъ него получаютъ всѣ нужныя книги. Когда нужно имъ избрать богородицу и богомольщика, то они, утвердивъ избраніе своеручнымъ подписаніемъ, посылаютъ съ нимъ помощника къ настоятелю. Тамъ богомольщикъ живетъ годъ и болѣе, для узнанія обрядовъ, дознанія въ поведеніи и твердости въ вѣрѣ. Послѣ, настоятель, утвердивъ сей приговоръ, посылаетъ съ помощникомъ предписаніе, а богородицѣ—богомольную сорочку и вербу. Она эту сорочку и вербу сохраняетъ до смерти, а по смерти таковую сорочку надѣваютъ на нее, а вербу кладутъ съ нею во гробъ. Потомъ

избравъ другую, которая навсегда должна быть дѣва непорочная, благообразной наружности и лучшаго ума, опять тѣмъ же порядкомъ посылаютъ, и получаютъ предписаніе, сорочку и вербу. Сія Анна Өедорова отъ настоятеля имѣла предписаніе, сорочку и вербу. Сверхъ сего, ей была прислана отъ него въ даръ книжка, похожая на молитвенникъ. Книга сія была напечатана Русскими красными словами, но разобрать и понять ихъ было невозможно. Она же читала ту книгу очень скоро, и наоборотъ—отъ лѣвой руки къ правой (?). Сверхъ сего, сія богородица обязана двухъ или трехъ дѣвочекъ, по усмотрѣнію, предварительно познакомить съ сею грамотою, а богомольщикъ столько же мальчиковъ, но не иначе, какъ секретно, дабы въ случаѣ ихъ смерти изъ оныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ могли быть избраны богородица и ея помощникъ, молельщикъ. Прочимъ же сей грамотѣ учиться не дозволяется» (Прав. Собесѣдникъ, 1858, мартъ, стр. 362 и 363).

Показанія эти крайне важны и добросовѣстны. Предположеніе же о Гребенскихъ или Запорожскихъ казакахъ должно быть занесено по недоумѣнію о. Вазерскимъ. Запорожскія селенія въ Турціи, существовавшія до 1828 г., и Некрасовцы, не имѣютъ ничего общаго со скопцами. Ни тѣ, ни другіе никогда не слыли принадлежащими къ этой сектѣ. Недоумѣніе произошло вѣроятно потому, что Анна Өедорова Скачкова говорила о Русскихъ переселенцахъ на Дунаѣ. Но эти Русскіе переселенцы не Некрасовцы и не Запорожцы, а весьма извѣстные Липоване. Впрочемъ, обязательно холостая жизнь Запорожцевъ и правила Запорожской сѣчи, напоминавшія собой статуты Мальтійскаго ордена, могли дать Людямъ Божіимъ поводъ причислять ихъ къ своей сектѣ съ большею или меньшею основательностію. Самое имя Липованъ обозначаетъ Русскихъ жителей въ Буковинѣ и скопцовъ въ Валахіи. Стенька Разинъ, какъ видно изъ граматы царя Алексѣя Михайловича 178 года (1670), также сильно ратовалъ противъ брака въ казацкихъ кругахъ: «и онъ Стенька предався въ неискусенъ умъ, неподобная творити, износилъ на имя Господне и на Его святую церковь хулу, и священниковъ съ Дону училъ сбивать, хотя жить безъ браку, и тѣмъ истинные христіанскіе народы отъ Бога отлучены учи-

нить и осквернить» (А. Поповъ. Матеріалы для Исторіи возмущ. Ст. Разина. Москва, 1857, 192). Некрасовцы живутъ изолированно въ своихъ селеніяхъ, и окружаютъ себя таинственностію. Извѣстный путешественникъ и историкъ, Бельгійскій дипломатъ баронъ Бэръ разсказывалъ мнѣ, что путешествуя по Малой Азіи онъ не былъ допущенъ для отдыха за черту Некрасовскаго селенія, и ему, не смотря на предлагавшееся вознагражденіе, даже было отказано въ кувшинѣ воды для утоленія жажды. Онъ съ горечью говорилъ, что, путешествуя между дикими племенами Америки и Азіи, онъ не встрѣчалъ подобнаго фанатизма. Г. Липранди, говоря о дѣятельности П. А. Тучкова въ Измаилѣ въ 1828 году, по поводу возвращенія Некрасовцевъ въ Россію, упоминаетъ и Запорожцевъ (Русск. Арх., 1874, XI).

Предположеніе, высказанное въ статьяхъ Православнаго Собесѣдника, что Люди Божіи имѣютъ кое-что общее съ масонствомъ, имѣетъ вѣроятно нѣкоторое основаніе. Самая важная общая черта, соединяющая Людей Божіихъ и Масоновъ, это таинственная смерть, коей человѣкъ долженъ подвергнуться для своего обновленія. Эта общая черта соединяетъ всѣ мистическія ученія съ древними мистеріями. Свв. отцы церкви разоблачили таинственную завѣсу, скрывавшую обряды, совершавшіеся въ языческихъ мистеріяхъ. Г. Реутскій полагаетъ, что въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія эта секта основательно названа Квакерскою. Здѣсь общая черта—это вѣра въ возбужденіе духа посредствомъ гимнастическихъ упражненій. Дервиши, кружащіеся Люди Божіи и Квакеры вѣроятно руководятся тѣми же древними преданіями. Что касается до Масоновъ, то, судя по одному письму, напечатанному въ 1816 году, можно не безъ основанія заключить, что они считаютъ себя въ связи съ древнимъ культомъ таинственной Дѣвы: «Масоны говорятъ, что Астрея, удалясь съ земли, избрала убѣжищемъ себѣ ихъ орденъ, и скрылась въ святилище ихъ, дабы одарить братьевъ сего союза всѣмъ блаженствомъ, какое она дать можетъ, и говорятъ правду! Но и то правда, что она учила не къ обыкновеннымъ и только наружностью отъ толпы народной отдѣляющимся Масонамъ, а къ малому числу добродѣтельныхъ мужей, пребывшихъ вѣрными ея

священнымъ законамъ и поставляющихъ высочайшее благо человѣка въ премудрости и добродѣтели» (Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ Св. К., перев. съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ. 1816, стр. 126).

552—556. ПрысиȣморепоЛȣнощиидȣтъсморци мьгламиИгоревикнѧзюбогъпȣтькажетъизъземлиПоловецкойназемлюРȣскȣюкъотнюзлатȣстолȣ.

§ **112.** Поэтъ описываетъ дѣйствіе заклинанія Ярославны. Водяная стихія поднялась безъ видимой причины съ сѣверной стороны. Das sich in die Höhe ziehende Wasser ist das Mittel alles Segens. (Изешне Га, 81).

«Полунощи», мѣстный падежъ, съ опущеніемъ предлога и означающій направленіе. По объясненію Лѣтописца, здѣсь не слѣдовало бы полагать, что рѣчь идетъ о времени: вечернее время было самое удобное для бѣгства, потому что по захожденіи солнца Половцы имѣли обычай пировать.

«Сморци», то же что смерчи—столбы водяные, указывающіе путь Игорю въ Россіи, подобно столбамъ, водившимъ Израильтянъ въ пустыни. Сморци—σιφονες—водяные столбы, поднимаемые вихремъ; бездна, отъ нѥѥже исходеть ѥко сморци источници на животь нашь (Prol. mih., 191); съмьрчьмы рго σιφωνων (Миклошичъ); мгла—nebula, туманъ, облака, дождь.

Въ Ипатской Лѣтописи подробно описывается пребываніе въ плѣну Игоря и рѣшимость его бѣжать по совѣту состоявшихъ при немъ людей:

«Игорь же Святославичь тотъ годъ бяшеть въ Половцехъ, и глаголаше: «азъ по достоянью моему воспріяхъ побѣду отъ повелѣнія твоего, Владыко Господи, а не поганьская дерзость обломи силу рабъ твоихъ; не жаль ми есть за свою злобу пріяти нужная вся, ихъ же есмь пріялъ азъ». Половци же аки стыдящеся воевъдства его и не творяхуть ему, но приставиша къ нему сторожовъ 15 отъ сыновъ своихъ, а господичичевъ пять, то тѣхъ всихъ 20: но волю ему даяхуть, гдѣ хочеть ту ѣздяшеть и ястре-

бомъ ловяшеть, а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѣздяшеть; сторожеве же тѣ слушахуть его и чьстяхуть его, и гдѣ послашеть кого, безъ пря творяхуть повелѣнное имъ. Попа же бяшеть привелъ изъ Руси къ собѣ, со святою службою: не вѣдяшеть бо Божія промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави и Господь за молитву хрестьяньску, имъ же мнозѣ печаловахуться и проливахуть же слезы своя за него. Будущю же ему въ Половцехъ, тамо ся налѣзѣ мужь, родомъ Половчинъ, именемъ Лаворъ: и тотъ пріимъ мысль благу, и рече: «Пойду съ тобою въ Русь». Игорь же исперва не имяшетъ ему вѣры, но держаше мысль высоку своея уности, мышляшеть бо емше мужь и бѣжати въ Русь, молвяшеть бо: «Азъ славы дѣля не бѣжахъ тогда отъ дружины, и нынѣ не славнымъ путемъ не имамъ пойти». Съ нимъ бо бяшеть тысячкаго сынъ и конюшій его, и то нудяста и глаголюща: «Пойди, княже, въ землю Рускую, аще восхощеть Богъ избавить тя»; и не угодися ему время таково, какого же искашеть. Но яко же преже рекохомъ, возвратишася отъ Переяславля Половци, и рекоша Игореви думци его: «Мысль высоку и неугодну Господеви имѣешь въ собѣ, ты ищеши няти мужа и бѣжати съ нимъ; а о семъ чему не разгадаешь, оже пріѣдуть Половци съ войны, а се слышахомъ, оже избити имъ князей васъ и всю Русь? да не будеть славы тобѣ, ни живота». Князь же Игорь пріимъ во сердце съвѣтъ ихъ, уполошася пріѣзда ихъ и возъиска бѣжати: не бяшеть бо ему лзѣ бѣжати въ день и въ нощь, иже сторожеве стрежахуть его, но токмо и время таково обрѣте въ заходъ солнца. И посла Игорь къ Лаврови конюшаго своего, река ему: «Переѣди на ону сторону Тора, съ конемъ поводнымъ»: бяшеть бо съвѣчалъ съ Лавромъ бѣжати въ Русь. Въ то же время Половци напилися бяхуть кумыза, а и бы при вечерѣ: пришедъ конюшій повѣда князю своему Игореви, яко ждеть его Лаворъ. Се же вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію и кресту честному, глаголя: «Господи сердцевидче! аще спасеши мя, Владыко, Ты недостойнаго», и возмя на ся крестъ, икону и подойма стѣну и лѣзе вонъ. Сторожемъ же его играющимъ и веселящимся, а князя творяхуть спяще. Сіи же пришедъ ко рѣцѣ и перебредъ, и всѣде

на конь: и тако поидоста сквозѣ вѣжа. Се же избавленіе створи Господь въ пятокъ, въ вечерѣ. И иде пѣшь 11 денъ до города Донця и оттолѣ иде въ свой Новъгородъ — и обрадовашася ему; изъ Новагорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову, помощи прося на Посемье, Ярославъ же обрадовася ему и помощь ему дати обѣща; Игорь же оттолѣ ѣха ко Кіеву. къ Великому князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ, также и Рюрикъ сватъ его (Полн. Собр. Р. Л., изд. Арх. Ком., Т. II, стр. 133 и 134).

557—580. ПогасошавечерꙋзариИгорьспитъИгорь
бдитъИгорьмыслїюполѧмѣритъотъвеликагоДонꙋдо
малагоДонцакомоньвъполꙋночиОвлꙋръсвиснꙋзарѣ-
коювелитьКнѧзюразꙋмѣтиКнѧзю Игорюнебытькли-
кнꙋстꙋкнꙋземлѧвъшꙋмѣтрававежисѧполовецкїипод-
визашасѧ А Игорькнѧзьпоскочигорностаемъкътростї-
юнбѣлымъгоголемънаводꙋвъвръжесѧнабръзъкомонь
искочисънегобосымъвлъкомъипотечекълꙋгꙋДонцаипо-
летѣсоколомъподъмьгламиизбиваѧгꙋсилебедизавт-
рокꙋиобѣдꙋиꙋжинѣКолиИгорьсоколомъполетѣтогда
Влꙋръвлъкомъпотечетрꙋсѧсобоюстꙋденꙋюросꙋпретръго-
стабосвоѧбръзаѧкомонѧ.

§ 113. Разсказъ продолжается согласно повѣствованію Лѣтописца, съ тою разницей, что въ Пѣснѣ намекается на нахожденіи Игоря въ минуту побѣга на Дону, а по Лѣтописи на рѣкѣ Торѣ. Торъ, съ притокомъ своимъ Торецъ, впадаетъ въ Донецъ съ правой стороны, течетъ параллельно съ рѣкою Бахмутъ, и находится весьма близко отъ границы земли Руской. Лѣтописецъ говоритъ, что Игорь прошелъ 11 дней до города Донца. Донецъ, нынѣшній Славяносербскъ, не болѣе 100 верстъ отъ рѣки Тора. Игорь и Овлуръ, измучивъ своихъ лошадей, должны были достигнуть Донца въ сутки. Бросивъ своихъ коней послѣ первой ночи, они должны были достигнуть Донца на второй или третій день, даже если они могли идти

только ночью. Такимъ образомъ, поэтъ какъ будто опредѣленнѣе и точнѣе Лѣтописца. Постоянное пребываніе Игоря могло быть на Торѣ, но когда войско Половецкое пошло въ походъ противъ Русскихъ, Игорь могъ и даже долженъ былъ быть удаленъ отъ границы. Лѣтописецъ, зная обычное мѣстопребываніе Игоря, могъ полагать, что онъ бѣжалъ съ Тора. Едва ли можно предполагать, что пѣвецъ Игоря называетъ Дономъ Сѣверный Донецъ, а Малымъ называетъ Сухой. Во всякомъ случаѣ остается необъяснимымъ показаніе Лѣтописца, что Игорь прошелъ 11 дней отъ Тора до города Донца.

Пѣвецъ Игоревъ, не смотря на языческія воспоминанія, не пользуется положеніемъ Игоря, дабы придать ему религіозный характеръ. Передъ бѣгствомъ, Игорь размѣряетъ разстояніе между Дономъ и Донцомъ, и тѣмъ обрисовывается совершенно военнымъ человѣкомъ. Въ Лѣтописи наоборотъ: передъ бѣгствомъ «Игорь вставъ ужасенъ и трепетенъ, и поклонися образу Божію и кресту честному, и глаголя: Господи, сердцевидче! аще спасеши мя Владыко, Ты, недостойнаго, и возмя на ся крестъ, икону и подойма стѣну и лѣзе вонъ».

«Комонь въ полунощи», въ необычномъ мѣстѣ, долженъ былъ быть условный знакъ для бѣгства; Овлуръ даетъ кромѣ того понять Князю, что Половцы, недовольные результатомъ похода, рѣшились убить Игоря; послѣ словъ «разумѣти», должно стоять двоеточіе. Въ Лѣтописи Овлуръ названъ Лаворъ, что напоминаетъ свв. Флора и Лавра, изображаемыхъ иногда съ конями. Въ пѣснѣ о заточеніи въ Иркутскѣ Селиванова и его бѣгствѣ, Фролъ и Лавръ подводятъ коней (Чтенія И. О. И. и Др., 1872, кн. III, стр. 116):

Съ темницъ вѣрныхъ отпустилъ.
А и Фролъ, сударь, Лаверъ,
И коней своихъ подвелъ.

581—584. ДонецърeчеКнѧжеИгорюнемалотивели-
чїѧаКоньчакȣнелюбїѧаРȣскойземливеселїѧ.

585—594. ИгорьречеоДонченемалотивеличїѧлелѣ-
ѧвшȣКнѧзѧнавлънахъстлавшȣемȣзеленȣтравȣнасво-
ихъсребреныхъбрезѣхъодѣвавшȣеготеплымимъглами
подъсѣнїюзеленȣдревȣстрежашеегоголемънаводѣчай-
цаминастрȣѧхъЧрьнѧдьминаветрѣхъ.

§ 114. Положихъ ему облакъ во одѣяніе, мглою же повихъ е (Книга Іова, гл. XXXVIII, 8).

Заклинаніе Ярославной Днѣпра и обращенія Игоря къ Донцу находятся, кажется, въ прямой связи съ ученьемъ Зороастра.

Fr. Windischmann. Zoroastrische Studien. Fravasis (fragment). Farvardin-Uasht.

XIV, 53. Чистотѣ добрыхъ, сильныхъ, святыхъ духовъ приносимъ мы жертвы, которыя указываютъ путь богосозданнымъ водамъ, величественнымъ, коимъ искони повелѣно существовать, не изъ пропастей истекающимъ, долго все на томъ же мѣстѣ.

XXII, 70. Они стремятся къ нему на помощь, если они не оскорблены, удовлетворены, не насилованы имъ, не возстановлены противъ него, сильные духи непорочныхъ, они слетаются къ нему, можно подумать—крылатыя птицы.

Крайне любопытно сопоставленіе обращенія Игоря къ рѣкѣ съ патентомъ Китайскаго Императора династіи Хинъ, 1183 года, о производствѣ рѣки Гоамъ-го въ Великіе Князья. Идея въ Русской Пѣснѣ и Китайскомъ патентѣ та же; вся разница въ томъ, что въ первомъ случаѣ она проникнута теплымъ и свѣжимъ, живымъ чувствомъ, а во второмъ она прошла чрезъ процедуру скептической, Китайской, государственной канцеляріи.

Патентъ этотъ помѣщенъ въ дополнительномъ томѣ къ Bibl. Or.: Observations de l'Eveque de Claudiopolis Visdelou sur le Diction. de Herbelot. Bibl. Orientale, in 4°, La Haye, 1779. IV, 276:

Патентъ на производство бога рѣки Гоенъ Тумъ-Кіамъ въ Герцоги.

«Въ древнія времена, Тай-Чау, основатель моей династіи, воспріялъ отъ неба блистательное учрежденіе. Онъ очистилъ отъ всѣхъ мерзостей, распространенныхъ по всему міру при концѣ династіею Леао. Отправившись съ войскомъ, онъ пришолъ къ берегу вашей большой рѣки, и увидѣлъ не рѣку, а море, возносящее свои грозныя волны; онъ перешолъ ее въ бродъ безъ помощи судовъ. При видѣ такого чуда, ничего нельзя сказать противъ черепахъ, устроившихъ изъ спинъ своихъ мосты у Му-Мана для перехода черезъ эту рѣку, ни противъ льдовъ укрѣпившихъ воды Гоамъ-го при переходѣ Императора Ганъ-Куамъ-Ву-Ти. Въ четвертый мѣсяцъ прошлаго года Чи-су (1184), въ первый лѣтній, я, Императоръ, отправившись на мою древнюю родину, пришолъ на берега Гоемъ-Тумъ-Кіамъ, и восхищался, вздыхая о томъ, какъ мой родоначальникъ положилъ первое основаніе своей династіи; я громко хвалилъ усердіе, съ коимъ богъ рѣки благопріятствовалъ Тай-Чау. Возвратившись къ моему высочайшему двору, я держалъ совѣтъ о почестяхъ, кои слѣдуетъ воздать богу рѣки. Разсмотрѣвъ древнія уложенія, я нашолъ, что пять главнѣйшихъ горъ сравнены съ тремя Великими Князьями, а четыре рѣки съ королями, платящими дань. Династія Тамъ и послѣдующія давали еще большія званія, а именно Вамъ и Ти. Это возвышеніе достоинства не слѣдуетъ считать тщеславіемъ потомковъ: необходимость возвышать достоинство боговъ и благодарность за ихъ услуги побудило ихъ къ тому. Еще съ большимъ основаніемъ долженъ я сдѣлать то же самое въ честь бога Гоенъ Тумъ-Кіамъ, ибо эта рѣка не только истекаетъ изъ бѣлыхъ горъ, но орошаетъ родину моихъ предковъ и сильно содѣйствовала возведенію ихъ на императорскій престолъ. Если бы послѣ всего этого я не пожаловалъ ему достоинство Великаго Князя, я не имѣлъ бы никакого другаго средства ознакомить весь міръ и самъ выразить все благотворное содѣйствіе, которое она оказала моему роду. Потому я поручаю мандарину, снабженному всѣми довѣрительными знаками, для приготовленія всего необходимаго для возведенія васъ сими граматами въ Гимъ-Куе-Имъ-Чимъ-Кумъ, т. е.

великаго Князя, возвысившаго государство и удовлетворившаго моленія святаго. Кромѣ того, я повелѣваю чинамъ, которымъ под лежитъ, ежегодно совершать въ честь вашу два раза въ годъ установленные обряды. Увы! красота вашего грознаго Міао совершенна. Нѣтъ ни въ чемъ недостатка для совершенія обрядовъ утвержденія, но вы, о богъ, окажите намъ на вѣки ваше покровительство и употребите вашу силу на поддержаніе нашего государства во вѣки, тогда и вы, о богъ, будете вѣчно пользоваться яствами, которыя мы будемъ вамъ приносить въ жертву съ вашимъ Міао. Не равное ли будетъ благо и для васъ и для насъ».

Отношенія Пѣвца Игорева къ Буддизму и ученію Зороастра побуждаютъ меня освѣжить въ памяти читателя нѣкоторые историческіе факты, необходимые для пониманія Русскаго Пѣвца. Приэтомъ не лишней нахожу оговорку, что я не считаю его принадлежащимъ къ какой либо опредѣленной сектѣ, а еще менѣе ко всѣмъ заразъ. Поэтъ, какъ житель Южной Россіи, между Дунаемъ и Дономъ, находился въ средѣ различныхъ ученій: Шаманизмѣ и Буддизмѣ Татарскихъ племенъ, Магизмѣ Халисіевъ, Гностицизмѣ Богумиловъ, которыя при постоянныхъ столкновеніяхъ и бродячей жизни племенъ не могли оставаться неизвѣстными человѣку, одаренному поэтическимъ чутьемъ. Впрочемъ, о способахъ ознакомленія говорить излишне. Мы едва ли въ состояніи опредѣлить вопросъ весьма для насъ близкій по времени, откуда Лермонтовъ почерпалъ свое знакомство съ ученіемъ Гностиковъ, доставившемъ канву для его поэмы Демонъ, и какую долю имѣютъ легендарные разсказы, слышанные имъ на Кавказѣ, и воспоминанія лекцій, слышанныхъ имъ въ Московскомъ Университетѣ. Что касается до меня, то я не нахожу никакого затрудненія въ этомъ отношеніи отождествлять положенія Лермонтова и древняго нашего поэта: мнѣ кажется, что равно трудно рѣшить для обоихъ Русскихъ поэтовъ, изъ какихъ источниковъ они почерпали свои свѣдѣнія и реминисценціи: слушали ли они лекціи сравнительной миѳологіи или мѣстныя легенды. Но то вѣрно, что оба глубоко проникли въ духъ ученія и сохранили всю свѣжесть и красоту древнихъ формъ.

Les Albigeois se réjouissaient dans leurs maisons par des hymnes, et

s'egayaient même dans leurs travaux par des chansons et par des ballades. Le Cathare était instinctivement poëte et musicien et l'apparition de sa doctrine est essentiellemen liée au mouvement musical et poëtique du midi (Les Albigeois et l'Inquisition. Peyrat. T. 1, Livre IV, 401).

Эта мысль, высказанная вскользь Французскимъ авторомъ, по моему мнѣнію должна быть серьозно примѣнена къ нашей народной литературѣ; во всякомъ случаѣ подобная попытка не можетъ не принести пользы для объясненія нашихъ народныхъ памятниковъ.

М. Н. Лонгиновъ (Новиковъ и Московскіе Мартинисты. Москва, 1867, стр. 45) сообщаетъ свѣдѣнія о глубокой древности приписываемой Масонами хранящимся въ ихъ средѣ преданіямъ. «Этотъ свѣтъ дошолъ до нѣкоторыхъ избранныхъ Патріарховъ, Ноя и наконецъ Іосифа-пустыножителя, который положилъ въ Мемфійскомъ храмѣ, имъ сооруженномъ, смарагдовую таблицу, съ начертаніемъ на ней основаній сѵмволистическаго ученія о высшихъ таинствахъ, извѣстныхъ избранникамъ, удостоившимся просвѣтленіемъ чрезъ посредство Божественнаго луча. Такимъ образомъ хранилось это ученіе въ преданіяхъ у Маговъ, и дошло до Моисея, а въ 3840 году до Ессея или Іессея. Харотенъ перенесъ ихъ въ Геліополь въ Египетъ, гдѣ они сохранились у жрецовъ, а оттуда перенесены въ Палестину».

Далѣе упоминается о приведеніи Соломономъ сѵмволистики, обрядности и ученія Маговъ въ систему, сохраненную Каменщиками.

Въ подстрочномъ примѣчаніи статьи Православнаго Собесѣдника (1860, декабрь, стр. 404): Ученіе секты Людей Божіихъ о таинственной смерти и таинственномъ воскресеніи, поясняется соотношеніе секты Людей Божіихъ и Масонства:

«Не утверждая происхожденія секты Людей Божіихъ отъ франкмасонства, даже не утверждая заимствованія ими мыслей отъ западныхъ мистиковъ, мы однакожь замѣтимъ поразительное сходство между тѣми и другими, доказывающее, что всякій подвижникъ, выходящій изъ подчиненія уставамъ Церкви, посредствомъ самоизмышленныхъ способовъ богоугожденія, можетъ дойти до гордаго самопрельщенія. Во свидѣтельство этого сходства достаточно указать одну, двѣ мысли людей, воспитавшихся подъ вліяніемъ франк-

масонства. Къ таинственному умерщвленію грѣховнаго человѣка, говорятъ они, коренное средство есть глубокое самоотверженіе, которому наконецъ пособіемъ духа любви долженствуетъ послѣдовать отверженіе, такъ сказать, самаго самоотверженія». Еще: «Цѣль (общества мистиковъ) есть собственно она сама, соединеніе съ божествомъ, которое само по себѣ есть вожделѣннѣйшее счастіе»... и проч. (Русск. Вѣстникъ, 1857, 21, замѣч. къ статьѣ Новиковъ и Шварцъ). Достигшій этой цѣли есть таинственно воскресшій пророкъ Людей Божіихъ, какъ увидимъ ниже».

Этими словами заключается подстрочное примѣчаніе.

Въ этой же статьѣ (стр. 403), по поводу сочиненій Радаева: «Почти на каждое частное предписаніе, въ изображеніи ихъ Людьми Божіими, можно найти подтвержденіе или въ словѣ Божіемъ, или особенно въ аскетическихъ сочиненіяхъ учителей Православной Церкви. Предписанія православныхъ аскетовъ даже усилены въ предписаніяхъ Людей Божіихъ. Но самое-то усиленіе и напряженность этихъ способовъ очищенія души и показываютъ, что они происходятъ не изъ чистаго источника Христіанской нравственности; они не столько сходны со способами богоугожденія Православныхъ подвижниковъ, сколько съ предписаніями франк-масоновъ и другихъ западныхъ мистиковъ прошедшаго вѣка».

Къ этимъ словамъ относится вышеприведенное подстрочное примѣчаніе.

Das Mani auch den Buddhismus stark für sein System benützt hat, ist schon von Baur behauptet worden und wir stimmen ihm im allgemeinen bei, aber wir sehen die Buddhistische Einwirkung nicht in der Lehre wie dies Baur thut. Fortgesetzte Forschungen über den Buddhismus haben gezeigt, dass gerade die Lehren, welche Baur am geeignetsten für die Vergleichung hält, erst später entstanden sind, es ist daher die Frage, ob sie nicht von aussen her in den Buddhismus hineingetragen wurden (ссылка на Baur'а, стр. 436, sqq. Burnouf, Introd. à l'hist. du Bouddhisme Indien, стр. 116, sqq.). Es ist keinem Zweifel unterworfen, dass die Lehre des Mani die Phantasie ansprach und dass es ihr gelang, sich einen weiten Kreis von Bekennern zu verschaffen. Sie verbreitete sich nicht blos in Eran und Mesopotamien, sondern drang weiter nach

Westen vor, nach Kleinasien und selbst nach Afrika. Es ist hier nicht der Ort auszuführen, dass sie von Asien aus ihren Weg nach Europa zu finden wusste, und dass wir ihre Spuren im Mittelalter begegnen, nicht blos in den Slawischen Ländern, sondern auch in Italien, Deutschland und besonders in Frankreich (Spiegel. Eranische Alterthumskunde. Leipzig. 1873. II, 231).

Іоаннъ Цимисхій далъ имъ землю для поселенія, обязавъ защищать ее отъ хищничества Скиѳовъ, предоставляя за то Павликіанамъ свободу вѣры. Это была большая страна во Ѳракіи, около Филиппополя, имѣвшая такое большое значеніе въ глазахъ Альбигойцевъ, какъ центральный источникъ еретическаго ученія. Скоро, говоритъ Анна Комненъ, все кругомъ Филиппополя стало еретическое (Annae Com. Al., I, XV). Страна эта сдѣлалась мѣстомъ спасенія всѣхъ преслѣдуемыхъ и гонимыхъ за убѣжденія, преимущественно религіозныя. Евхиты или Мессаліане были однимъ изъ такихъ обществъ, вѣтвью Павликіанъ (Исторія Альбигойцевъ. Н. Осокина. Казань, 1869, Т. I, стр. 138).

Мессаліане давно таили въ себѣ призваніе къ подвижнической жизни, съ тѣхъ поръ, какъ только запоминали себя въ предѣлахъ Месопотаміи, Сиріи и Памфиліи. Догматика секты состояла въ той же борьбѣ Сатанаила, или добраго бога, съ злымъ демономъ, въ исчезновеніи души на звѣздныхъ сферахъ, въ необходимости отчужденія злаго духа. Православные Греки разсказывали про ихъ тайныя собранія много ужаснаго, упоминали про свальный грѣхъ, про умерщвленіе младенцевъ, кровь и золу которыхъ они-де истребляли; но подобные разсказы передавались и про первыхъ Христіанъ и про другія общества, уклонявшіяся отъ правовѣрія, если только оба пола участвовали на такихъ собраніяхъ. Зенды, Сирійскій Гнозисъ, Манихеизмъ, всѣ эти стороны азіятской философской системы оказали вліяніе на фанатическое ученіе Евхитовъ, современное развитію религіозныхъ созерцаній Богумиловъ Болгаріи (тамъ же, стр. 139, со ссылкой на источникъ Euthymius Zygabenus, Triumphus de secta Messalianorum, qui et Bogumili, etc. Bibl. Max. Patrum., XIV. 293).

Встрѣчающіяся въ Словѣ о Полку Игоревѣ воспоминанія язы-

ческія, и намеки на близкое знакомство съ ученіями Зороастра и Будды, не дозволяютъ утверждать, чтобы самъ Пѣвецъ принадлежалъ къ язычеству. Гностицизмъ, воспринимавшій въ себя и объяснявшій всѣ религіи, былъ сильно распространенъ между Славянскимъ и Романскимъ народами въ XII столѣтіи. Г. Осокинъ, въ сочиненіи своемъ объ Альбигойцахъ, болѣе намекаетъ, чѣмъ развиваетъ тождество древнихъ Катаровъ, Альбигойцевъ, Павликіанъ, Богумиловъ и нынѣшнихъ Людей Божіихъ. Въ тождествѣ или, правильнѣе, близкомъ сродствѣ этихъ ученій сомнѣваться невозможно, равно и въ близкомъ ихъ сродствѣ съ Манихеизмомъ. Г. Осокинъ отвергаетъ сродство Катаровъ съ ученіемъ Моисея и Будды на томъ основаніи, что Катары проклинали того и другаго. Но нашъ многоуважаемый историкъ повторяетъ слова Шмидта (Histoire et doctrine de la secte des Kathares et Albigeois, T. II. Paris. 1849 г., стр. 262), ссылающагося на Петра Сицилійскаго. Едва ли правильно поняты слова этого историка: мнѣ кажется Петръ Сицилійскій говоритъ, что Павликіане обязаны были проклинать ересіарховъ Скиѳіана, Будду и Манеса при своемъ присоединеніи къ церкви, что даетъ совершенно противуположный смыслъ приводимымъ словамъ. Если показаніе Петра Сицилійскаго не относится къ акту присоединенія ихъ къ Латинской Церкви, а было свободно произносимое проклятіе въ средѣ ихъ братства, то это отреченіе прямо указываетъ, что въ средѣ этихъ средневѣковыхъ гностическихъ обществъ существовала сильная наклонность къ ученію Будды и Манеса, вызывавшая необходимость въ средѣ *свободно мыслящаго* братства подобное отреченіе. Этотъ фактъ невозможенъ въ братствѣ, собранномъ съ цѣлью свободнаго толкованія Священнаго Писанія, на чемъ основано было обвиненіе въ ереси. Судя по примѣру Провансальскихъ трубадуровъ, и Русскій Пѣвецъ XII столѣтія могъ принадлежать или быть коротко знакомъ съ ученіемъ Богумиловъ. Guyot de Provins въ своей Библіи сильно нападаетъ на католическое духовенство своего времени. Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ приписываетъ, какъ полагаютъ, этому Kuyot von Provenz авторство знаменитой нѣмецкой поэмы Вольфрама: Parcival. Kuyot находитъ въ Испаніи рукописи Флегетана, по отцу Еврея, а по матери язычника,

посвященнаго въ тайную науку и астрологію, и на основаніи писанія Флегетана и хроники d'Anjou написалъ свое знаменитое мистическое сочиненіе: Parcival. Этотъ Флегетанъ, полу-Еврей и полуязычникъ, соотвѣтствуетъ вполнѣ нашему *Соловью Будимировичу* (ср. стр. 111).

Мистическое Христіанское ученіе, излагаемое Вольфрамомъ въ Парцивалѣ, несомнѣнно гностическое; онъ излагаетъ ученіе о St.-Graal, свѣтломъ камнѣ, камнѣ философскомъ, выпавшемъ, по сказанію въ Wartburgerkrieg, изъ вѣнца Люцифера во время его борьбы съ Архангеломъ Михаиломъ. Камень этотъ напоминаетъ изумрудную доску Масоновъ, философскій камень Алхимистовъ; свѣтлый камень этотъ упоминается и въ легендѣ о Іосафатѣ-Царевичѣ Индѣйскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же Вольфрамъ, въ легендѣ о Вильгельмѣ Оранскомъ, строго держится ученія Церкви. Эта двойственность уже давно замѣченная въ Словѣ о Полку Игоревѣ, существующая и нынѣ въ большей или меньшей мѣрѣ въ разныхъ слояхъ Христіанскихъ обществъ въ Европѣ и Мусульманскихъ въ Азіи, развивалась особенно ярко въ XI и XII столѣтіяхъ, и болѣе чѣмъ гдѣ либо между Славянами. Двойственность эта, вполнѣ объясняемая гностицизмомъ, имѣла болѣе древніе корни въ ученіи Гета Замолкиса, удалившагося, по свидѣтельству Страбона, на священную гору Коганеумъ и ученіе коего имѣло много сходства съ Пиѳагоровымъ.

Замолкисъ, вѣщій учитель, волхвъ, аскетъ, обоготворяемый на священной горѣ Коганеумъ. Никого другаго не можетъ имѣть въ виду Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ въ легендѣ Wilhelm von Oranien (441, 4):

Kahun den got
uf eime grifen gemâl
als in Baligân zu Runzeval
gein dem Keiser Karle truoc.
(358, 12). da ist Apolle und Tervigant
Mahumet und Kâhuon.
(463, 17). min werder got Kâhun wol weiz
sin dienstman Matribleiz
Wart zer fluht nie geboren.
(399, 2). Mahumet und Kahuon

In mohten kranke helfe tuon,
Oder swaz man ander gote den vant,
Ez wäre Apolle od Tervigant.

(Wolfram v. Eschenbach, Karl Lachmann. Berlin, 1872).

Это божество Kahuon имѣетъ для насъ значеніе какъ прозвище, даваемое Владиміру Святому въ одномъ древнемъ Русскомъ памятникѣ. Этотъ же титулъ принялъ и Чингисъ-Ханъ для обозначенія себя главою всѣхъ вѣроисповѣданій подвластныхъ ему народовъ.

Этотъ Кагунъ не можетъ быть никто другой какъ Замолкисъ.

Вышеприведенныя выписки достаточны для указанія одного изъ главнѣйшихъ источниковъ такъ называемой народной поэзіи. Поэзія эта народна только потому, что она усвоена народомъ. Усвоеніе же, само собою разумѣется, связано съ сочувствіемъ, настроеніемъ и готовностію принимать тѣ ученія и повѣрья, которыя соотвѣтствуютъ внутреннему созерцанію массы. Вѣрно и то, что распространенные въ народѣ, повѣрья и обряды задолго предшествовали систематическому и догматическому изложенію.

Къ чему ведетъ фальшивая, хотя и общепринятая теорія, весьма наглядно обнаруживается въ выводѣ, сдѣланномъ О. Ѳ. Миллеромъ: «Въ зимнюю пору солнце является побѣжденнымъ враждебными силами. По нѣкоторымъ мѵѳамъ, оно затѣмъ изгоняется въ далекія страны, по нѣкоторымъ же—враждебныя силы его убиваютъ, но оно должно въ свое время ожить, возродиться или вернуться. Къ этому понятію о непремѣнномъ возвращеніи добрыхъ силъ первобытное число пришло не вдругъ. Сначала не было вовсе вѣрно, на чьей сторонѣ въ концѣ концовъ должна остаться побѣда, не было увѣренности, что хотя бы и побѣдили силы тьмы, но добрыя силы непремѣнно воскреснутъ. Борьба тутъ была такая же, какъ и обыкновенная человѣческая борьба: *заранѣе нельзя было сказать кто побѣдитъ*» (Филолог. Записки. Воронежъ, 1874. I, 21).

Для рѣшенія этого вопроса не требуется особенныхъ познаній: каждый развивающійся ребенокъ лучшій судья о впечатлѣніи, производимомъ перемѣною временъ дня и года, даже грозы и вёдра.

Не слѣдуетъ также и соединять въ одно всѣ различныя ученія различныхъ толковъ и сектъ, не смотря на ихъ очевидное сход-

ство. Въ сказкахъ и пѣсняхъ народныхъ необходимо должны встрѣчаться и ученія совершенно противуположныя. Намеки, встрѣчаемые въ Словѣ о Полку Игоревѣ на ученія Языческія, Буддистскія и Персидскія, находятся въ связи съ тайнымъ движеніемъ Гностическихъ ученій въ древнемъ и средневѣковомъ мірѣ. Если классическое настроеніе Пѣвца Игорева и можетъ быть объяснено близкимъ знакомствомъ съ древней Греческой литературой, то подобное настроеніе въ Русскихъ сказкахъ можетъ быть объяснено обычаемъ разныхъ духовныхъ братствъ, собиравшихся втеченіи тысячелѣтій для пѣнія пѣсенъ и объясненія аллегорій, басенъ и загадокъ. Не смотря на единство источника распространенныхъ по всей землѣ басенъ, нельзя не признать оригинальность памятниковъ устныхъ и письменныхъ, сохранившихъ эти древнія басни, въ ихъ обработкѣ Греческой, Персидской, Индѣйской, Русской, Скандинавской, Романской и Германской.

Слова: «отъ великаго Дона до малаго Донца» замѣняютъ подробное описаніе въ Лѣтописи душевнаго состоянія Игоря передъ бѣгствомъ. Съ свойственной краткостію, Поэтъ этими двумя рѣками означаетъ житейское море-плѣненіе Египетское — Донъ; путь спасенія—Донецъ. Лѣтописецъ описываетъ подробно душевное состояніе Игоря передъ бѣгствомъ. Поэтъ могъ пренебречь этимъ поводомъ къ патетическому многорѣчію, во первыхъ по свойственной ему сжатости рѣчи, во вторыхъ по безполезности многорѣчія, потому что для слушателей его времени этихъ словъ достаточно было, чтобы обрисовать Игоря человѣкомъ возрожденнымъ для избавленія своего отечества. Третья и самая важная причина упомянуть вскользь о рѣшительной минутѣ—это позоръ, сопряженный съ возможностью быть убиту во время бѣгства, и, что всего стыднѣе, съ нарушеніемъ слова передъ своимъ порукою, Кончакомъ.

595—605. Нетаколиречерѣкастȣгнахȣдȣстрȣю имѣѧпожръшичȣжирȣчьнистрȣгыростренакȣстȣѹно-шȣкнѧзюРостиславȣзатворидн҇ѣпрьтемнѣберезѣ. ПлачетсѧматиРостиславѧпоȣношиКнѧзиРостиславѣ ѹнышацвѣтыжалобоюидревостȣгоюкъземлипрѣкло-нилоанесорокывтроскоташа.

§ 115. Эти послѣднія слова должны быть перенесены въ конецъ § 116, стр. 613, потому что здѣсь они не имѣютъ смысла при изображеніи участія, принимаемаго природой въ погибели Ростислава.

«Ли» описка вмѣсто «ми». «Ми», какъ поговорка, встрѣчается въ Библіи: «Тако ми здравія Фараоня» (Кн. Моисеевы Бытія, гл. м҃в, между е҃і и ѕ҃і, два раза въ видѣ поговорки).

«Стругы»—суда, также теченіе воды въ значеніи струи. Если бы здѣсь струга означало худую струю, т. е. опасное теченіе рѣки, то это было бы лишь повтореніе одного и того же.

«Строуга», по Словарю Миклошича, fluctus: «возьмоуть рѣкы стругы своꙗ, alveus aquae; effractio ripae; über abhangende Felsen fliessender Bach; по Болгарски струга—stagna v. varia in quibus delitescunt pisces.

«Ростре стругы на кусты» можетъ значить стремительныя теченія, стремнины, теряющія свою силу въ тростникахъ. Вопросъ о стругахъ можетъ рѣшить не филологія, а мѣстное наблюденіе о теченіяхъ въ рѣкѣ Стугнѣ и о плаваніи по ней судовъ, которыя будучи задерживаемы тростниками или другими водорослями, могли быть разбиваемы теченіемъ.

Въ пользу пониманія подъ словомъ «стругы» суда, свидѣтельствуетъ нахожденіе нынѣ въ руслѣ рѣки Стугны остатковъ судовъ. Рѣка эта, впадающая въ Днѣпръ близь Триполья, въ недавнее время обмѣлѣла и сдѣлалась ничтожною вслѣдствіе песчаныхъ наносовъ (См. Геогр.-Ст. Словарь Р. И., со ссылкой на Воен. Ст. Кіевск. Губ., стр. 36; Stuckenberg, Hydrogr., III, 353; Фундуклей, I, 49, 56; Ж. М. В. Д., 1856, XVIII, стр. 94).

Правописаніе «уноша» вмѣсто «юноша» встрѣчается во многихъ памятникахъ: «ту аще будетъ *уноша* или дѣвица» (Лавр. лѣт., т. I, с. 21); «*уности* его ради» (ibid., стр. 94). Въ началѣ второй половины XII столѣтія: «*Оуношьскы* подвигъшася блаженная възрастъмь свѣта *оуностию* (Стихирарь праздн. Новг. Софійскій; выписки сообщ. Купріяновымъ (изв. VI, 57—61, и въ ист. Рус. Церкви Макарія, I, 244—250). Древн. Памятники Срезневскаго in 4°, С.-Петербургъ, 1863, стр. 181: «и поидоста два *уноши* къ нему красна и блистаста лице его акы солнце и глаголаста къ нему (Лавр. Л. подъ 6582 годомъ).

Кажется, что первые издатели неправильно прочли слово «Днѣпрь», точно также какъ они неправильно прочли въ заклинаніи Ярославны: «о днѣ пресловутицю» вмѣсто «о Днѣпре Словутицю». Трудно понять, какъ Ростиславъ, потонувшій въ Стугнѣ, держался на поверхности воды и былъ уносимъ по теченію въ Днѣпръ, который ему затворилъ свои берега, т. е. не далъ доплыть до берега. Въ этомъ случаѣ Ростиславъ потонулъ бы въ Днѣпрѣ, а не въ Стугнѣ, и обвиненіе Стугны было бы совершенно несправедливо. Уносимый теченіемъ и держащійся на поверхности, Ростиславъ могъ бы несомнѣнно направиться къ берегу, не смотря на силу теченія. При такомъ чтеніи слова̀ Игоря положительно лишены смысла. Плохое чтеніе первыхъ издателей «о днѣ пресловутицю» дозволяетъ предполагать и плохое чтеніе «уношу Князя Ростислава затвори днѣпртемнѣ березѣ», т. е., что рѣка Стугна юношу-Князя Ростислава заперла на днѣ при темномъ берегѣ. Свидѣтельство Лѣтописи не дозволяетъ сомнѣваться, ибо тѣло Ростислава найдено было въ рѣкѣ Стугнѣ. Въ Лаврентьевской Лѣтописи объ этомъ происшествіи говорится обстоятельно; самыя выраженія повѣствованія находятся въ близкой связи съ настроеніемъ и складомъ Пѣсни.

Въ Лаврентьевской Лѣтописи подъ 1093 годомъ:

«Володимеру же пришедшю Кіеву, совокупистася у святаго Михаила и взяста межи собою распря и которы; и уладившася, цѣловаста крестъ межи собою. Половцемъ воюющимъ по земли, и рѣша има мужи смысленіи: «почто вы распря имата межи собою, а поганіи губять землю Русскую; послѣди ся уладита, а нонѣ

поидита противу поганымъ, любо съ миромъ, любо ратью». Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати; и поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю. Придоша къ Стугнѣ. Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ созваша дружину свою на съвѣтъ, хотяче поступити черезъ рѣку, и начаша думати. Глаголаше Володимеръ: «яко сдѣ стояче черезъ рѣку, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними»; и пристояху совѣту сему смыслении мужи, Янъ и прочіи. Кіяне же не всхотѣша, но рекоша: «хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки». Възлюбиша съвѣтъ ось, и преидоша Стугну рѣку; бѣ бо наводнилася велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ, и Ростиславъ исполчивше дружину, поидоша; и идяше на деснѣй сторонѣ Святополкъ, на шюей Володимеръ, посредѣ же бѣ Ростиславъ. Минувше Треполь, проидоша валъ. И се Половци идяху противу, и стрѣлци предъ ними; нашимъ же ставшимъ межи валомъ, поставиша стяги свои, и поидоша стрѣлци изъ валу; и Половци пришедше къ валови, поставиша стягы своѣ, и налегша первое на Святополка и взломиша полкъ его. Святополкъ же стояше крѣпко, и побѣгоша людье, не стерпяше ратныхъ противленья, и побѣже Святополкъ. Потомъ наступиша на Володимера, и бысть брань люта, побѣже и Володимеръ съ Ростиславомъ. Прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и вбреде Володимеръ съ Ростиславомъ, нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимера; и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ, и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожь. Володимеръ пребредъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и боляре его ту падоша; и перешедъ на ону сторону Днѣпра плакася по братѣ своемъ и по дружинѣ своей, пришедъ Чернигову печаленъ зѣло. Святополкъ же вбѣже въ Треполь и затворися ту, и бѣ ту до вечера, и на ту ночь приде Кіеву. Половци же видѣвше, сдолѣвше, пустиша по земли воююче, а друзіи възвратишася къ Торцьскому. Си же ся злоба сключи въ день Възнесенья Господа нашего Исуса Христа, мѣсяца мая въ 26. Ростислава же искавше обрѣтоша въ рѣцѣ; вземше принесоша и Кіеву, и плакася по немъ мати его, и вси людье пожалиша си по немъ повелику, уности его ради. И собрашася епископи и попове и черно-

ризцы пѣсни обычныя пѣвше, положиша и у церкви святыя Софьи, у отца своего».

Изъ приведеннаго мѣста ясно видно, что Ростиславъ потонулъ въ Стугнѣ, гдѣ потомъ и былъ найденъ.

Погибель Ростислава и самое значеніе прилагательнаго «темный» останавливаютъ мысль на обычномъ значеніи этого прилагательнаго, которое можетъ обозначать и густую, роскошную, темно-зеленую траву. Въ пѣснѣ объ уничтоженіи Запорожской сѣчи:

Ой, Царица, наша мати! Змилуйся надъ нами,
Ой, дай же намъ прежни степы зъ темными лугами.

На важность обращенія Игоря къ Донцу указываютъ слова Гвиднава въ Валлійской баснѣ Paír Ceridwen (чаша, чанъ богини) (F. J. Mone, Geschichte des Heidenthums, II. 527. Шестой томъ Сѵмволики и Миѳологіи Крейцера), о жизни и иниціаціяхъ Таліезина, барда VI столѣтія.

«*Юноша*. Я люблю берегъ и боюсь волны; грозно было волненіе, страшенъ затопляющій напоръ; даже и тому, кто переживетъ бурю, будетъ она предметомъ печальнымъ».

«*Гвиднавъ*. Доброе дѣло омываться въ заливѣ прекрасной воды; даже если и убѣжище будетъ затоплено, не должно устрашать сердце, мои союзные товарищи не обращаютъ вниманія на наводненіе. Только хвастуна, раскаивающагося въ предпріятіи, уноситъ волна далеко, къ его смерти, но благородный и великодушный находитъ свою награду, и безъ вреда достигнетъ до скалы. Обращеніе воды показуетъ твою заслугу».

Повѣсть о Таліезинѣ есть описаніе иниціацій ордена богини Черидвенъ. Этотъ Бардъ, какъ полагаютъ, жившій въ VI столѣтіи, есть олицетвореніе ордена втеченіи столѣтій; рожденіе его весьма сходно съ басней о Горѣ-Злочастіи (Памятн. Стар. Русской Лит., изд. Гр. Кушелевымъ-Безбородко, 1860. Выпускъ I, стр. 7 и 8).

Гвіонъ (Mone, 522), преслѣдуемый богинею Черидвенъ, превращается въ зайца, а богиня въ борзую собаку; онъ обращается къ рѣкѣ и плыветъ рыбой, а богиня гонится за нимъ выдрою; онъ обращается въ птицу и летитъ по воздуху, а она превращается въ сокола и настигаетъ его; трепеща отъ страха, онъ опускается зерномъ въ кучу

пшена; Черидвенъ превращается въ черную курицу съ высокимъ гребешкомъ, разбиваетъ пшеничную кучу и поглощаетъ его. Отъ этого богиня родитъ черезъ девять мѣсяцевъ Таліезина. Мать спускаетъ ребенка по рѣкѣ, и его находитъ, до того несчастнѣйшій изъ всѣхъ людей, юноша Ельфинъ. Таліезинъ въ первой своей пѣснѣ объявляетъ себя пѣвцомъ Ельфина, и вѣчнымъ пѣвцомъ, воспѣвавшимъ всѣ событія, коихъ онъ былъ отъ сотворенія міра ближайшимъ и самымъ довѣреннымъ зрителемъ. Этотъ разсказъ о Таліезинѣ вполнѣ представляетъ собою исторію самаго пѣснопѣнія, и служитъ поясненіемъ тѣхъ миѳическихъ образовъ, въ которые втеченіе вѣковъ сливался цѣлый родъ эпическихъ поэтовъ, каковы Орфей, котъ-Баюнъ въ сказкѣ о семи Семіонахъ, самъ Гомеръ, въ разсказѣ Филострата объ Ахиллесѣ, Еленѣ и Гомерѣ, слагающихъ пѣснь о своемъ посмертномъ жилищѣ, на Черноморскомъ островѣ, около Рождества Христова.

Эта Валлійская пѣснь напоминаетъ радѣнія и пѣсни Терапевтовъ въ память чудеснаго перехода черезъ Чермное море, и радѣнія нашихъ Людей Божіихъ вокругъ чана съ водой, который также можетъ быть воспоминаніемъ перехода черезъ Чермное море; самое наименованіе новика «израилемъ» останавливаетъ мысль на этой догадкѣ. Эта пѣснь весьма важна для объясненія миѳическаго образа вѣчнаго Бояна. Боянъ, Гомеръ, на островѣ Левкѣ, Орфей, Таліезинъ, не лица, а учрежденія, подобно позднѣйшимъ нашимъ Лѣтописцамъ. Таліезинъ, (Моне, 523) говоритъ о себѣ:

«Я первый домашній пѣвецъ Ельфина, и моя родина въ обители Серафимовъ; небесный Іоаннъ называлъ меня Мерддинъ, нынѣ король Таліезинъ. Девять мѣсяцевъ я пребывалъ во чревѣ Матери Черидвенъ; прежде я былъ маленькимъ Гвіономъ, а нынѣ я Таліезинъ. Съ Господиномъ моимъ я пребывалъ въ высшемъ мірѣ, въ то время какъ Люциферъ падалъ въ адскую пропасть. Я носилъ знамя передъ Александромъ (Великимъ); я знаю имена звѣздъ отъ Юга до Сѣвера; я находился въ кругѣ Гвиддіона въ Тетраграмматонѣ; я сопровождалъ Геана въ глубь долины Ебронъ; я былъ въ Ханаанѣ, когда былъ убитъ Авессаломъ; я былъ во дворѣ Дона до рожденія Гвиддіона; я былъ товарищемъ Иліи и Еноха; я былъ при распятіи

Господа нашего Сына Божія; я былъ надзирателемъ при строеніи Немвродовой башни; я былъ троекратное обращеніе въ кругѣ Аріаноды; я былъ въ ковчегѣ съ Ноемъ и съ Альфою; я видѣлъ разореніе Содома и Гоморры. Я былъ въ Африкѣ до созданія Рима; я прибылъ сюда къ уцѣлѣвшимъ подъ Троей; я былъ съ Господомъ моимъ въ ясляхъ ослицы; я поддерживалъ Моѵсея при переходѣ черезъ Іорданъ; я былъ на небесахъ съ Маріей и Магдалиной; я былъ одаренъ вдохновеніемъ отъ чана Черидвы; я былъ гусляромъ въ Теонѣ, въ Лохлинѣ. Я голодалъ за Сына Дѣвы. Я пробылъ года и дни на бѣлой горѣ во дворѣ Цинвелина, въ цѣпяхъ и оковахъ. Я обиталъ въ Царствѣ Троицы. Неизвѣстно: плоть моя мясо или рыба. Я былъ учителемъ вселенскимъ, и пребуду до послѣдняго суда предъ лицомъ земли. Я сидѣлъ на потрясенномъ стулѣ въ Каеръ-Сидинѣ, постоянно вертящемся между трехъ стихій; не было ли бы всемірнымъ чудомъ, если бы онъ не отражалъ своего свѣта».

Пораженный мудростію, Гвиднавъ попросилъ ребенка спѣть другую пѣснь: «Вода хранитъ въ себѣ силу благодатную; полезно думать о Богѣ; полезно усердно молиться Богу, потому что милости отъ Него исходящія не могутъ быть отстранены. Я трижды родился; я умѣю думать; грустно, что люди не приходятъ, искать всѣ знанья всего міра, скопившіяся въ моей груди, ибо я знаю все что было и что будетъ».

Очертаніе фигуры вѣщаго Пѣвца въ религіозномъ народномъ сказаніи Валлійцевъ, вѣчнаго Пѣвца присутствовавшаго при всѣхъ важныхъ событіяхъ жизни человѣчества, носившиго знамя Александра Великаго, совершенно сходно съ древними Сивиллами. Эта характеристика барда Таліезина вполнѣ согласна съ сліяніемъ Гомера и Сивиллы Ериѳрейской, предшествовавшей Гомеру и вмѣстѣ съ тѣмъ бывшей свидѣтельницею Торжества Рима надъ землею. Весьма ясно, что эти Сивиллы и барды суть вѣчный духъ прорицанія, пребывающій въ средѣ избранныхъ людей. Гимнъ Бояну извѣстенъ мнѣ только въ отрывкахъ, изданныхъ тому около пятидесяти лѣтъ; сколько помнится, онъ въ близкомъ сродствѣ съ Валлійскимъ сказаніемъ о Таліезинѣ; незнаю, сдѣлался ли онъ у насъ извѣстнымъ послѣ изданія Валлійской пѣсни, и должно ли на Русскій гимнъ смотрѣть какъ на поддѣлку

и переводъ съ Англійскаго, или сродство это болѣе древнее, и гимнъ Бояну есть дѣйствительно древній памятникъ. Сомнѣніе относительно самаго памятника, если онъ только уцѣлѣлъ, можетъ быть разрѣшено лишь по матеріальнымъ признакамъ подлога или древности самой рукописи. Слѣдуетъ надѣяться, что при нынѣшнемъ состояніи науки не можетъ быть и рѣчи о голословныхъ разсужденіяхъ о томъ: можно ли допустить существованіе въ до-Христіанской Россіи письма рѣзами, или о признаніи или непризнаніи древности памятника по несогласію содержанія съ господствующими теоріями. Ничто не должно возбуждать болѣе недовѣрія, какъ приговоры нашего навѣяннаго и устарѣлаго скептицизма. Другое дѣло скептицизмъ, порожденный рядомъ долгихъ и внимательныхъ инвестигацій и служащій сильнымъ рычагомъ для хода впередъ. Къ сожалѣнію, у насъ еще до сихъ поръ замѣтно преобладаніе уже отжившаго непроизводительнаго скептицизма, и наоборотъ, весьма мало замѣтно проявленіе скептицизма, оживляющаго науку и вызывающаго новыя усилія. Къ этимъ грустнымъ размышленіямъ невольно приходимъ при окончаніи изслѣдованія, задавая себѣ вопросъ: можетъ ли принести понесенный трудъ практическую пользу.

Пѣснь о Таліезинѣ приведена здѣсь для поясненія туманнаго образа вѣщаго Бояна, набросаннаго въ послѣднихъ строкахъ разбираемой Русской Пѣсни.

Въ представляемомъ читателю изслѣдованіи не проводится какая либо теорія; выводить общія начала изъ незначительнаго числа собранныхъ фактовъ было бы неразумно при современномъ ходѣ науки. Вся задача состояла въ сообщеніи тѣхъ данныхъ, которыя служили мнѣ для пониманія нашего древняго памятника; излишнимъ казалось даже по большей части входить въ объясненіе приводимыхъ фактовъ. Сообщая всѣ находимыя мною свидѣтельства читателю, я не могъ имѣть ни малѣйшаго основанія утѣшать себя мыслію, что знаю болѣе чѣмъ тѣ, которые мнѣ сдѣлаютъ честь прочитать предлагаемое изслѣдованіе. Пользуюсь этимъ обращеніемъ къ читателю, чтобы заявить, что не вижу ни чести, ни безчестія для Русской народности отъ сопоставленія оной съ окружающими ея народно-

стями. Постоянное взаимодѣйствіе въ пространствѣ и времени всѣхъ обитателей земнаго шара не гипотеза и не отвлеченная теорія, также точно, какъ обращеніе крови въ тѣлѣ животномъ и постоянное взаимодѣйствіе, существующее между атмосферой и всѣми тѣлами, органическими и неорганическими.

Весьма замѣчательно и для народнаго самолюбія лестно, что Русское сказаніе о Горѣ-Злочастіи самобытно, естественно, и вмѣстѣ съ тѣмъ и содержимый миѳъ о превращеніяхъ понятенъ. Несравненно болѣе древняя сказка о рожденіи Таліезина едва ли поддается столь разумному толкованію подобныхъ же превращеній и преслѣдованій. Въ Валлійской сказкѣ хотя дѣло и не идетъ о горемычномъ человѣкѣ, но ребенка находитъ несчастнѣйшій изъ всѣхъ рыболововъ; сказка о рожденіи Таліезина очевидно проводитъ идею, что человѣкъ подвигается въ духовной жизни по мѣрѣ испытанія горя и преслѣдованій; къ этому Бретонскому миѳу присоединено воспоминаніе о Моисеѣ. Эти превращенія въ Валлійской и Русской сказкахъ невольно напоминаютъ Еврейскую обрядную пѣснь, которая поется въ недѣлю Пасхи, въ ночь 15 Низана. Пѣснь о Таліезинѣ въ такой близкой и открытой связи со сказаніями Еврейскими, что трудно сомнѣваться въ тождествѣ Валлійской пѣсни съ пѣснью, поющеюся и нынѣ въ нѣкоторыхъ Еврейскихъ обществахъ, съ тою разницею, что избавителемъ народа Израильскаго въ Валлійской пѣснѣ считается Моисей. Русская Пѣснь разнится тѣмъ отъ Валлійской и Еврейской, что рѣчь идетъ о личномъ избавленіи одного человѣка, а не цѣлаго племени.

По аллегорическимъ толкованіямъ хлыстовъ, изложеннымъ въ запискѣ калужскаго священника Сергѣева, представленной въ Святѣйшій Синодъ въ 1809 году, оказывается, что наши Люди Божіи дѣйствительно въ переходѣ Израильтянъ чрезъ Чермное море (см. выше, стр. 445) знаменуютъ истинно вѣрующихъ, т. е. хлыстовъ древнихъ, Египетъ—міръ, и т. д. (Н. Барсовъ, Русскій простонародный мистицизмъ. С.-Петербургъ, 1869). Это сближеніе не случайное, но оно ничего и не доказываетъ, потому что и отцы Церкви отождествляли выходъ Израильтянъ изъ Египта съ избавленіемъ отъ грѣха.

Прилагаю здѣсь вышеупомянутую Еврейскую пѣснь:

1. Ein Zickelein, ein Zickelein, dass hat gekauft mein Väterlein um zwei Pfenninglein.

2. Da kam ein Kätzelein und frass das Zickelein, dass hatte gekauft mein Väterlein um zwei Pfenninglein.

3. Da kam ein Hündelein und biss das Kätzelein, dass hatte gefressen das Zickelein, dass hatte gekauft mein Väterlein um zwei Pfenninglein.

4. Da kam das Stöckelein und schlug das Hündelein, dass da biss das Kätzelein, dass da frass das Zickelein, dass da kaufte mein Väterlein um zwei Pfenninglein.

5. Da kam ein Feuerlein und verzehrte das Stöckelein, dass da schlug das Hündelein, dass da biss das Kätzelein, dass da frass das Zickelein, dass da kaufte mein Väterlein um zwei Pfenninglein.

6. Und so kommt noch ein Wässerlein, dass da löscht das Feuerlein, dass da verzehrte das Stöckelein, dass da schlug, и т. д.

7. Ein Oechselein, dass da sauft das Wässerlein, dass da löscht das Feuerlein, dass da verzehrte das Stöckelein, dass da, и т. д.

8. Ein Schochet, der da schächet das Oechselein, dass da, и т. д.

9. Der Malach Hammowess, der da schächet den Schochet, der da schächet das Oechselein, dass da, и т. д.

10. Der liebe Herrgott, der schächet den Malach Hammowess, der da hatte geschächet das Oechselein, dass da hatte gesoffen das Wässerlein, dass da hatte gelöschet das Feuerlein, dass da hatte verbrannt das Stöckelein, dass da hatte geschlagen das Hündelein, dass da hatte gebissen das Kätzelein, dass da hatte gefressen das Zickelein, dass da hatte gekauft mein Väterlein um zwei Pfenninglein.

Еврейская обрядная пѣснь, развивающая Дарвиновскую борьбу за существованіе въ видѣ круговой поруки, рисуетъ рядъ насилій, претерпѣваемыхъ народомъ Израильскимъ: имперіи Ассирійскую, Персидскую, Александра Великаго, владычество Римлянъ, Сарацынъ, Крестоносцевъ, Турокъ, и наконецъ избавленіе народа Израильскаго (das Zickelein) самимъ Богомъ отъ всѣхъ насилій. Das Väterlein объясняется Богомъ-Отцомъ, а два Пфеннига — Моисеемъ и Аарономъ.

Въ Еврейской и Валлійской пѣсняхъ весьма явно проведена политическая мысль объ избавленіи вслѣдствіе истекающаго ряда несчастій и притѣсненій. Въ Валлійской пѣснѣ проведено въ дополненіе къ Еврейской, что рядъ притѣсненій и насилій пораждаетъ пророка. По этимъ соображеніямъ кажется, что Русская Пѣснь сохранила свой первобытный характеръ; болѣе отвлеченное изображеніе подвижничества человѣка, гонимаго Горемъ-Злочастіемъ, могло дать поводъ о примѣненіи этой мысли къ цѣлому племени или обществу. Эта идея могла родиться лишь среди общества, гонимаго за вѣрованіе, и именно Евреевъ или Валлійскихъ бардовъ-язычниковъ въ христіанской Англіи. Наоборотъ, переходъ политической пѣсни въ религіозную представляется менѣе логичнымъ. Въ Русской Пѣсни ходъ мысли естественъ и логиченъ, а потому и могъ служить канвой для политической проповѣди. Наоборотъ, пѣсни Валлійская и Еврейская не наводятъ мыслъ на религіозный и философскій взглядъ на жизнь грѣшника и горемыки, выраженный въ Русской сказкѣ.

Русская Пѣснь остановилась на личномъ подвижничествѣ и отшельничествѣ (браманизмѣ); Валлійская на избавленіи общества пророкомъ, и находится въ тѣсной связи съ повѣствованіемъ о избавленіи народа Израильскаго Моисеемъ; вѣроятно, чанъ Черидвины есть воспоминаніе о переходѣ черезъ Чермное море, подобно тому какъ и торжественныя собранія Терапевтовъ; на это братство намекаетъ Таліезинъ, говоря, что онъ былъ въ Африкѣ до основанія Рима; слѣдуетъ также припомнить собранія Русскихъ Людей Божіихъ около чана и именованіе посвященныхъ «израилями»; пѣснь Еврейская исчисляетъ насилія, претерпѣваемыя народомъ Израильскимъ до сего дня, и ожидаетъ спасенія отъ одного Бога. Очевидно пѣсни Валлійская и Еврейская принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ, эпохѣ распаденія и преслѣдованія, и трудно было бы объяснить заимствованіе простой и первобытной мысли Русской Пѣсни изъ крайне сложнаго и замысловатаго Валлійскаго сказанія. Идея, выраженная въ пѣсни Валлійской, развивается изъ идеи, выраженной въ Пѣснѣ Русской: человѣкъ, удаляясь отъ міра и стремясь къ Богу, помышляя о своемъ спасеніи въ пустынѣ, содѣйствуетъ избавленію человѣчества отъ торжества зла. Вліяніе пустыножителей на внѣшній міръ слишкомъ

извѣстно, чтобы нужно было о томъ распространяться. Достаточно упомянуть Аѳонскую гору, Соловецкій монастырь въ XVII столѣтіи, Мегаспилеонъ въ Мореѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ Валлійской пѣснѣ замѣтна несомнѣнная реминисценція о Моисеѣ, безъ всякой утайки, и прямо указано на переходъ дара прорицанія черезъ Палестину и Александрію въ Британію. Указаніе пребыванія Таліезина въ Африкѣ до созданія Рима указываетъ на Гимнософистовъ, Терапевтовъ, и можетъ быть на школу Александрійскую.

Главныя собранія Терапевтовъ совершались въ память перехода черезъ Чермное море. Въ собраніяхъ Русскихъ Людей Божіихъ играетъ значительную роль чанъ съ водой. Эти указанія наводятъ на мысль, что чанъ Черидвины, graal сказаній объ Артурѣ и чанъ Русскихъ Людей Божіихъ находятся въ близкомъ сродствѣ. Моленія и пляски нѣкоторыхъ хлыстовскихъ сектъ около чана упоминаются и между скопцами въ Алатырскомъ уѣздѣ на моленіяхъ у Милютинскаго (Крыжинъ, Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр. 1867, стр. 495 и 496, въ подстрочномъ примѣчаніи).

Стасинъ, въ Кипрскихъ стихахъ, говоритъ, что мать Елены, Немезисъ, преслѣдуемая Юпитеромъ, превращалась въ рыбу и во всевозможныя земныя животныя, чтобы ускользнуть отъ Юпитера. Наконецъ Немезисъ превращается въ гуся, а Юпитеръ въ лебедя, и затѣмъ она раждаетъ Елену и Діоскуровъ. По совѣту Темиды, Юпитеръ желалъ произвести Елену для возбужденія опустошительной войны ея красотой и легкомысліемъ, предоставивъ Ѳетиду Пелею для произведенія мстителя-Ахиллеса (Велькеръ. Ep. Cyclus, II, 131—133. Griechische Götterlehre. III, 29). Завязка Троянской драмы и послѣдующаго культа сосредоточены именно въ этомъ рядѣ превращеній. Различіе, существующее между Русскою пѣснью о Горѣ-Злочастіи, Валлійскою—о рожденіи Таліезина, Еврейскою—о всепожирающей круговой порукѣ, напоминающей борьбу за существованіе Дарвина, и Греческаго миѳа о Еленѣ и Ахиллесѣ, созданными для уменьшенія человѣческаго рода, болѣе поразительно, чѣмъ самое сходство. Можно подумать, что они прямо взяты разными людьми въ разныя времена съ символическаго изображенія, представляющаго рядъ превращеній и преслѣдованій, оканчивающихся

избавленіемъ одного человѣка, представителя своего племени. Въ Греческой баснѣ выражена мысль, согласно оракуламъ Сивиллъ и многимъ поэтамъ, о необходимости помочь гибельною войною размножившемуся человѣчеству. Изъ этого сѵмволическаго изображенія каждый баснословъ слагалъ мѵѳы по своеобразному своему воображенію; филіаціи между этими сказаніями рѣшительно незамѣтно. Эта мысль примѣняется и ко многимъ другимъ сказаніямъ: Греческимъ, Романскимъ, Бретонскимъ, Скандинавскимъ, Русскимъ, Индѣйскимъ и Семитическимъ, имѣющимъ характеръ народный и вполнѣ своеобразный, не смотря на множество общихъ мотивовъ. Одни изъ нихъ являются въ связи съ другими въ полнотѣ догматическаго ученія, другія же какъ отдѣльныя повѣрья или сказанія.

Объ этихъ сравнительно позднѣйшихъ свидѣтельствахъ о Троянскихъ мѵѳахъ говоритъ классикъ Велькеръ (I,621): «Dass diess alles weit von der Urzeit abliegt, hindert nicht die Beweiskraft hinsichtlich des behaupteten Uralterthums; denn abstammen konnten jene Erfindungen nicht aus der späteren Cultur, und wir sehen daher darin nur die zähe Lebensdauer ältester volksmässiger Vorstellungen. Zu diesen dürfte auch die zu rechnen seyn dass die Wassergötter sich verwandeln und das sie zum Wahrsagen durch Festpacken oder Binden gezwungen werden müssen».

Слова Велькера о позднѣйшемъ развитіи Греческой мѵѳологіи въ классической литературѣ вполнѣ относятся къ сказкамъ о Волхвѣ-Всеславьичѣ и Дѣвѣ-Обидѣ, всплеснувшей «лебединими крилы на синемъ морѣ у Дону плещучи» и многимъ нашимъ простонароднымъ сказкамъ. Наша древняя сказка о Словенѣ и Волхвѣ въ полномъ согласіи съ древнимъ мѵѳомъ о подземныхъ и водяныхъ богахъ. Самыя имена Κλυμενος и Κλυμενη указываютъ на связь, существовавшую между культомъ подземныхъ и водяныхъ боговъ съ Славянскими племенами. Объясненіе распространенія этихъ басенъ единственнымъ вліяніемъ гностическихъ ученій, было бы весьма неосновательно. Гностики не выдумывали сѵмволовъ и мѵѳовъ, и не придерживались какого либо положительнаго вѣрованія, а признавали существующія повѣрья и примѣняли ихъ къ своимъ ученіямъ.

Самое распространеніе гностицизма доказываетъ существованіе древнѣйшихъ вѣрованій, сохранившихся въ народной памяти.

Не только художническія обработки сказанія объ Артурѣ Французскихъ и Нѣмецкихъ поэтовъ, но и народныя Бретонскія сказанія, принадлежащія къ этому циклу, содержатъ въ себѣ указанія, могущія служить при изслѣдованіи путей распространенія народныхъ сказаній; Бретонскія сказки могутъ часто служить и для поясненія Русскихъ сказокъ и пѣсенъ, такъ какъ онѣ замѣтно сообщительнѣе нашихъ (Hersart de La Villemarqué въ изданномъ имъ Romans de la Table Ronde. Paris, 1861, стр. 135—143, 147, 151, 152).

Hersart de La Villemarqué весьма озабоченъ объ авторскихъ правахъ Французскихъ Бретоновъ на эти сказанія объ Артурѣ. Древнѣйшія изъ нихъ развиваютъ обстоятельно историческій ходъ этихъ басенъ въ пѣснѣ о рожденіи и жизни Таліезина. Въ популярныхъ Бретонскихъ сказкахъ приводится мысль объ исканіи философскаго камня—душевнаго спокойствія и вѣчнаго блаженства, въ связи съ избавленіемъ порабощеннаго племени. Кромѣ этой общей идеи, озаряющей и древніе мѵѳы, напримѣръ мѵѳъ о Язонѣ и Золотомъ Рунѣ, о Персеѣ и Андромедѣ, Тезеѣ и Минотаврѣ, по всѣмъ Бретонскимъ сказкамъ этого цикла разсѣяны типы древняго классическаго мѵѳа. Рожденіе Артура отъ волхвованія довольно схоже съ рожденіемъ Александра въ сказкѣ псевдо-Калисѳена (5). Въ поэмѣ Роберта Wace, отецъ Артура Uter-Pen-Dragon, превратившійся въ мужа его матери, тотъ же Нектанебо, отецъ Александра Великаго и змѣй-отецъ Волхва Всеславьича. О сношеніяхъ Олимпіады со змѣями ср. Плутархъ, ч. IX, Спб., 1820, пер. Дестуниса, стр. 4 и слѣд. Смерть Артура весьма похожа на смерть Ахиллеса; самое рожденіе Ахиллеса отъ богини морской и посмертное таинственное его житіе указываютъ на сродство *ученія* объ Артурѣ со сказаніемъ объ Ахиллесѣ и о вознесеніи Александра. Басни объ Александрѣ Великомъ, собранныя Калисѳеномъ, и басни объ Ахиллесѣ, собранныя Филостратомъ, указываютъ на древность басенъ объ Артурѣ. На существованіе подобнаго же суевѣрія въ позднѣйшее время во Франціи и даже въ Россіи указываетъ народная легенда о Наполеонѣ и

объ Императорѣ Петрѣ III въ Россіи. Убитаго Артура переноситъ Моргана съ другими волшебницами на островъ Авалонъ, гдѣ продолжается его посмертное житіе (9). Ахиллеса переноситъ Тетисъ съ морскими и рѣчными божествами, и устраиваетъ ему островъ на Черномъ морѣ. Разсказъ о королѣ Маркѣ и его карликѣ такъ напоминаетъ Мидаса и его цирюльника, что защитникъ авторскихъ правъ Бретонцевъ отстаиваетъ доморощенность этой басни на томъ основаніи, что во всѣхъ Кельтскихъ нарѣчіяхъ слово Маркъ значитъ конь (81).

Самъ Артуръ Троянскаго происхожденія, также какъ и Брутъ; замѣчательно, что въ Галльскихъ или Кельтскихъ поселеніяхъ въ Англіи, подобно Греческой баснѣ о Тезеѣ, Тристанъ умираетъ при видѣ чернаго паруса, ошибочно извѣщающаго его о невозвращеніи жены. Эта слишкомъ явная классическая реминисценція раздражаетъ нервы адвоката авторскихъ правъ Бретонцевъ: Que l'idée de cette voile noire soit renouvelée des Grecs, *comme l'a cru* M. P. Paris, et qu'il y aie la une reminiscence de l'histoire d' Egée, *peu importe*; elle se trouve dans un monument breton antérieur au roman français; *et tout est dit. Il est inutile d'insister sur des rapports, qui sautent aux yeux* (85). Въ сказкѣ Owen является Циклопъ (185); а въ сказкѣ о Передурѣ—Медея (стр. 367). Всѣ эти басни, напоминающія классическія, объясняются вполнѣ долговременнымъ пребываніемъ Галловъ-Кельтовъ въ Малой Азіи и на Ѳракійскомъ полуостровѣ, и въ особенности тою ролью, которую Галльскіе жрецы, волхвы и скопцы играли въ религіозныхъ мистеріяхъ древняго міра въ послѣднихъ столѣтіяхъ до Р. Х. На это участіе волхвовъ намекаетъ пѣснь о Таліезинѣ. Передвиженія Галльскихъ племенъ изъ Франціи и съ Дуная въ Грецію и Малую Азію, и обратно, во Францію, занесены на скрижали исторіи, и находились въ связи съ ихъ религіозными убѣжденіями. Вильмаркс, сосредоточивъ всѣ свои силы для удовлетворенія племеннаго тщеславія, весьма мало обратилъ вниманія на суть дѣла. Онъ не обращаетъ никакого вниманія на военное значеніе Артура по разсказу Барда Таліезина и по разсказу Роберта Wace въ романѣ Брутъ. Артуръ завоевываетъ весь міръ, и, дѣйствительно, Галлы завоевали почти весь Ѳракійскій полуост-

ровъ, Богемію, и заняли обширныя области въ Малой Азіи, а съ Александромъ Великимъ Романскія племена ходили и въ Индію. Самый Артуръ можетъ быть Александръ Великій, рожденный отъ волхвованія, и также могъ быть признанъ Галльскимъ, какъ онъ былъ признаваемъ отраслью Персидскихъ Царей и Египетскихъ (Фирдуси, псевдо-Калисѳенъ). Монеты съ мистическимъ конемъ, съ явнымъ подражаніемъ Македонскимъ тетрадрахмамъ, чеканились въ Испаніи и нынѣшней Франціи, и указываютъ на сознательную связь Галльскихъ племенъ Франціи и Испаніи съ Македоніей, которая дѣйствительно заселена была въ самомъ значительномъ размѣрѣ, передъ появленіемъ Александра Великаго на сцену, воинственнѣйшими племенами, стремившимися изъ Франціи на Дунай, въ Грецію, Ѳракію и Малую Азію; представителями этихъ Галловъ мы находимъ и нынѣ Албанцевъ въ самой Македоніи и уцѣлѣвшіе остатки на Дунаѣ, подъ именемъ Валаховъ, отдѣленныхъ отъ Сербовъ тѣмъ же притокомъ Дуная, Порѣчье, который Страбонъ называлъ Парисіосъ. Между Бретонскими баснями о королѣ Артурѣ и древними баснями объ Александрѣ Великомъ существуетъ несомнѣнная связь. Эта загадочная связь разъясняется въ романѣ Perceforest. Въ этомъ романѣ Александръ Великій, во время похода въ Англію, вступаетъ въ связь съ Сивиллой, одной изъ Dames du Lac, вслѣдствіе чего раждается прародитель Артура. Отецъ Артура, тотъ же Утеръ-Пенъ-Драгонъ, что и отецъ Александра Великаго, Нектанебо, превращавшійся въ змѣя, и отецъ Волхва Всеславьича. О связи Олимпіады со змѣемъ говоритъ Плутархъ. Подобную же роль въ сказаніяхъ Черноморскихъ долженъ былъ играть и Ахиллесъ, судя по связи сказаній о немъ съ таковыми о Волхвѣ Всеславьичѣ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что прародительница Артура водяная богиня.

До какой степени всѣ эти басни находятся въ близкой связи, ярко обозначается сближеніемъ Хорса, Волка, Всеслава, Артура и Ороса и Озириса. Во Французской повѣсти о Мерлинѣ, Волчица, на стр. 200, безъ сомнѣнія тотъ же муѳъ, о коемъ говоритъ Синезій, при повтореніи тѣхъ же обстоятельствъ (возвращеніе законнаго короля на отеческій престолъ):

«Je pars, lui dit il, pour la terre que je dois le plus redouter, si

douce et si belle qu'elle soit. La louve est là dans la forêt. Elle liera le lion sauvage avec des chaines qui ne seront ni de fer, ni d'acier, ni d'or, ni d'argent, ni d'étain, ni de plomb, ni de bois, ni de rien de ce que produisent la terre, l'air et l'eau, et elle le liera si étroitement, qu'il ne se pourra plus remuer».

«Comment Merlin serait plus forte que le Lion? Je ne vous en dirai pas plus long Maitre Blaise: c'est la destinée».

Какъ живучи были языческія преданія среди Романо-Латинскаго общества даже въ XII столѣтіи, видно изъ словъ Никиты Хоніата, современника Игоря Святославича (Ѳ. Успенскій, С.-Петербургъ, 1874, стр. 111). Латиняне задумали уничтожить завѣщанныя древностію стихійныя, оберегательныя силы города, которыя замѣняли для него стѣны и рвы; эти амулеты изобрѣтены были противъ непріятелей, осаждающихъ городъ и разставляющихъ фаланги и засады. Латиняне особенно вооружались противъ тѣхъ пророчественныхъ памятниковъ, съ которыми соединялась таинственная *враждебная сила къ ихъ племени*, и Никита указываетъ далѣе, гдѣ былъ враждебный для запада талисманъ: «На Таврской площади было *древнее* изображеніе всадника на конѣ; враги обратили вниманіе на переднее лѣвое копыто лошади. Отбивъ молотками копыто коня, они нашли человѣковидный слѣпокъ, болѣе похожій на типъ Болгарина, чѣмъ Латинянина; эта кукла была пробита гвоздемъ и облита со всѣхъ сторонъ свинцомъ. По словамъ Никиты, Латиняне уничтожили это изображеніе не изъ трусости, а скорѣе по осмотрительности, такъ какъ они не хотѣли давать пищу народной молвѣ, которая не даромъ же всюду распространялась».

Положеніе вопроса о романствѣ Галловъ или Кельтовъ указано въ статьѣ Л. Н. Майкова: Замѣтки по географіи древней Руси С.-Петербургъ, 1874, стр. 10—12.

По поводу этого вопроса можно мимоходомъ замѣтить, что положительныя свидѣтельства древнихъ о занятіи Галлами придунайскихъ земель за нѣсколько столѣтій до Р. Х. не могутъ быть уничтожаемы во имя гипотезъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, основанныхъ на одной лишь болѣе чѣмъ шаткой теоріи о происхожденіи Романскихъ языковъ отъ Латинскаго. Курьозно то, что эта теорія о

происхожденіи Романскихъ языковъ, т. е. Галльскихъ, Кельтскихъ, Италійскихъ, Испанскихъ отъ Латинскаго не имѣетъ ни логическаго основанія и ни одного фактическаго подтвержденія въ свою пользу. Тѣмъ не менѣе, эта ложная теорія, установившаяся въ XVII столѣтіи, поддерживается Парижскою Академіей вѣроятно и до сего дня. Этой же теоріи держится и École des chartes. Правильный взглядъ на этотъ вопросъ находится въ тѣсной связи съ правильнымъ пониманіемъ положенія Славянъ въ древнемъ мірѣ. Вопросъ этотъ на столько разъясненъ во Франціи и Германіи, что онъ не можетъ не подѣйствовать благотворно на изслѣдованіе древней этнографіи и въ Россіи. Любопытно было бы знать, на основаніи какихъ умозаключеній Волохи Нестора и нынѣшніе Валахи придунайскіе могутъ быть остатки Траяновыхъ Римлянъ, и какимъ волховствомъ Латинскій ихъ языкъ могъ превратиться въ Романскій? Романы и Бретонскія сказки, принадлежащія къ циклу Артура, весьма сродныя съ древними классическими баснями, весьма сродны и съ нашими народными сказками въ подробностяхъ, не встрѣчающихся въ басняхъ, принадлежащихъ классическому міру. Въ сказкѣ о Передурѣ, Императрица и будущая жена его, разыгрывающая съ нимъ роль Медеи съ Язономъ, вручаетъ ему драгоцѣнный камень для торжества надъ троглодитомъ Аванкомъ, напоминающемъ по созвучію Аванджіевъ, о коихъ упоминаетъ Массуди. Влюбившійся Передуръ спрашиваетъ, гдѣ онъ ее отыщетъ, Бретонская Медея отвѣчаетъ: «Cherche moi du coté de l'Inde». Арморіканская легенда о томъ же Передурѣ, подъ именемъ Пероника, вызываетъ замѣчаніе Виллььмарке, весьма подходящее къ нашимъ сказкамъ о Иванѣ-Царевичѣ: Enfin l'esprit des deux légendes ne differe en aucune façon, et met en relief un des penchans les plus remarquables du *génie celtique:* la glorification d'une certaine simplesse. Ce caractere singulier n'a pas echappé à Walter Scott, qui eut trouvé en Cambrie et en Armorique, comme il a trouvé en Ecosse, profondément enracinée, l'opinion populaire que les petits, les ignorans, les faibles d'esprit, les innocens, sont souvent ceux, qui parviennent aux plus hautes dignités. L'enfant Gallois Pérédur si simple d'abord qu'il prend des biches pour des chevres, une tente pour une église, et qu'il dérobe un joyau de prix, croyant obeir à sa mère; si étrange dans ses allures et son costume, qu'on

l'accueille comme un idiot finit par devenir la fleur des chevaliers et l'époux d'une impératrice. Le petit Breton Peronik, qui passe pour un *pauvre simplique*, doit commander un jour les armées du Roi de Bretagne, conquerir l'Anjou la Normandie et le Poitou et même etre Empereur d' Orient. Богатая Индія играетъ ту же роль въ Бретонскихъ сказкахъ, что и въ Русскихъ. Похожденіе Передура оканчивается, подобно Волху Всеславичу, женитьбой на Императрицѣ Индѣйской. Въ Латинскомъ жизнеописаніи Мерлина, волкъ является его постояннымъ спутникомъ и лучшимъ другомъ, какъ и въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ волкѣ (Villemarqué. L'enchanteur Merlin. Paris. 1862, pp. 120 et 137)

Если присутствіе ученій въ Словѣ о Полку Игоревѣ и Русскихъ сказкахъ и былинахъ, сродныхъ съ гностическими, гадательно, то не можетъ быть сомнѣнія о полномъ, сознательномъ и неутаенномъ согласіи съ ученіями Гностиковъ, Бретонскихъ романовъ и сказокъ, какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ, а равно и Французскихъ и Нѣмецкихъ романовъ, принадлежащихъ тому же циклу. Поэма Вольфрама фонъ-Эшенбахъ имѣетъ совершенно характеръ богословскій. Таліезинъ Бретонскихъ сказокъ изображенъ вѣчнымъ пророкомъ, присутствующимъ при всѣхъ событіяхъ въ жизни Израиля, народа Божія. Басни объ Артурѣ суть примѣненія къ мѵѳическому лицу, пророчествъ о вѣчномъ царствованіи Царя Давида. Наши сказки хотя и не имѣютъ вполнѣ высказанное значеніе этихъ пророчествъ, но, по существующимъ въ нихъ намекамъ и по явной связи со сказками Бретонскими, принадлежатъ несомнѣнно къ тому же кругу сказаній. Присутствіе элементовъ гностическихъ въ народныхъ сказаніяхъ народовъ Романскихъ и Славянскихъ вслѣдствіе походовъ Александра Великаго далеко не доказываетъ, чтобы въ основѣ этихъ сказаній не лежали вѣрованія несравненно древнѣйшія. Гностики ничего не выдумывали, и самое распространеніе гностическихъ ученій указываетъ, что почва была давно подготовлена. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что ученіе Христіанское распространялось по всему міру въ первыя три столѣтія до вселенскихъ соборовъ, что объясняетъ существованіе элементовъ гностическихъ, держащихся упорно по всему лицу земли

въ убѣжденіи, что они сохраняютъ первоначальное ученіе. Самая масса толковъ указываетъ на древность ихъ возникновенія во время полнаго ихъ разгара въ Малой Азіи и Африкѣ. Сплетеніе миѳовъ Еллинскихъ съ Буддійскими, Иранскими, съ толкованіями Гностиковъ, весьма замѣтное въ такъ называемой народной литературѣ, носитъ тотъ же отпечатокъ и въ древнихъ письменныхъ легендахъ, напримѣръ въ легендѣ о Валаамѣ и Индѣйскомъ царевичѣ Іосафатѣ, приписываемой Іоанну Дамаскину. Книги Сивиллъ въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ дошли до насъ, проникнуты древнѣйшимъ Еллинскимъ духомъ, съ сильной примѣсью полу-Еврейской и полу-Еллинской Александрійской школы. Въ жизнеописаніи Аполлонія Тіанскаго, Филострата, связь этихъ элементовъ Еллино-Еврейскихъ въ полномъ свѣтѣ обнаруживается посѣщеніемъ брахмановъ, говорящихъ на древнѣйшемъ и чистѣйшемъ Греческомъ языкѣ. Между скобокъ можно замѣтить, что сравнительная филологія во всемъ своемъ нынѣшнемъ развитіи не опередила Александрійской школы. Если эти общія мысли и сказанія распространялись по всему лицу земли письменными и устными поученіями Пророками, Терапевтами и Гностиками, какъ на то есть много указаній въ Европѣ, то тѣмъ не менѣе главную причину общности повѣрій слѣдуетъ искать въ ближайшемъ сосѣдствѣ, въ коемъ различныя племена Европы и Азіи жили въ Малой и Средней Азіи около Таврскихъ, Кавказскихъ и Гималайскихъ горъ. Современная наука въ Европѣ идетъ вѣрнымъ путемъ для разоблаченія древнихъ сказаній народныхъ, затуманенныхъ скептицизмомъ невѣдѣнія. Грустно, что именно у насъ, Русскихъ, гдѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо спутывается нитей для изслѣдованія многовѣковой ткани въ самомъ живомъ языкѣ, Церковно-Словянскомъ правописаніи и народныхъ сказаніяхъ мы встрѣчаемъ скептическое и недоброжелательное отношеніе въ средѣ нашихъ филологовъ и учителей. Если на научномъ пути, прокладываемомъ Европейскими учеными, и встрѣчается много ошибокъ, часто даже могущихъ возбудить смѣхъ и дать пищу остроумію, то при этомъ удобномъ случаѣ не могу не повторить мое твердое и научное убѣжденіе, что наши Русскіе историки и лѣтописцы до Шлецера стояли на болѣе плодотворной почвѣ для пониманія

древнѣйшихъ судебъ нашего племени, и что вся мудрость Шлецера состояла въ придуманіи тормаза, искусно скованнаго для удовлетворенія разныхъ цѣлей, уклоняющихъ отъ правильнаго пути; озирая пройденный со временъ Шлецера путь археологическихъ изслѣдованій въ Россіи, должно сознаться, что мы движемся въ потѣ лица въ манежѣ, не дѣлая при этомъ ни шага впередъ. Столь же обширное поприще открываетъ намъ натуральная школа, проповѣдуя, что начало всего наша матушка-природа и что вся филологическая мудрость состоитъ въ гуляніи по лѣсамъ и полямъ, прислушиваясь къ журчанію ручьевъ и шелесту листьевъ. Эта мнимая любовь къ природѣ высказывается у насъ филологами, глумящимися надъ трудами Германскихъ ученыхъ, и есть клевета на природу, которая учитъ насъ несравненно большей мудрости. Что основаніе всѣхъ знаній человѣческихъ есть природа, это несомнѣнно, но весьма непослѣдовательно отвергать запасъ добытый издревле этимъ путемъ. Изученіе языковъ въ ихъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ формахъ и историческое развитіе человѣчества ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть менѣе значенія, чѣмъ изученіе особенностей каждаго растенія или превращеніе химическимъ или механическимъ путемъ одного тѣла въ другое.

Однимъ изъ тормазовъ, хитро придуманныхъ и вредящихъ много правильному и *научному* изученію отечественныхъ древностей, есть Скандинавскій вопросъ. Нельзя сомнѣваться въ необходимой связи, существовавшей между Скандинавскимъ міромъ и Словенскимъ, но выходъ гребцовъ Руотси изъ Скандинавіи не помогаетъ ходу науки впередъ. Скандинавскія сказанія менѣе другихъ даютъ пищу для изслѣдованій. Многоуважаемый академикъ нашъ Куникъ, въ обязательно сообщенномъ мнѣ изслѣдованіи его, явившемся въ концѣ 1874 года, приподнимаетъ мимоходомъ камень, тяготѣющій втеченіи столѣтія на самомъ источникѣ нашей исторіи. Изслѣдованіе академика Куника, о запискѣ Готскаго топарха по поводу новыхъ открытій о Таманской Руси и Крымскихъ Готахъ (С.-Петербургъ, 1874 г.) крайне драгоцѣнно для нашей исторіи, и въ особенности для лучшаго пониманія Слова о Полку Игоревѣ, не только по вопросу о Готскихъ дѣвахъ, но и по объ-

ясненію упорнаго стремленія Русскихъ князей къ Азовскому морю. Онъ говоритъ на стр. 119:

«Подъ названіемъ Ἀχιλλεῖ δρομῖται, Византійскій лексикографъ Стефанъ (въ VI вѣкѣ) разумѣлъ (дѣйствительныхъ или воображаемыхъ) жителей Ахиллесова Дрома, а подъ этимъ послѣднимъ названіемъ разумѣлись то полуостровъ на Востокѣ отъ Днѣпровскаго устья, то только Тендерская коса. Сократитель Страбонова сочиненія, составлявшій свое извлеченіе между 976 и 996 годами, отличалъ Таврическій Херсонисъ отъ лежащаго на западѣ отъ него полуострова Тавроскиѳіи (Ταυροσκυθία), южный берегъ котораго онъ и называетъ Дромосъ. Этотъ писатель былъ современникъ Льву Діакону, который Святославовыхъ воиновъ почти иначе не называютъ, какъ Тавроскиѳами, *и даже положительно объясняетъ, что они только на простонародномъ языкѣ называются* Ῥῶς. Равнымъ образомъ и другіе Византійцы, щеголявшіе своимъ искусственнымъ аттическимъ языкомъ, брезгали употребленіемъ такихъ варварскихъ именъ, какъ Росы, Варанги, Болгары, и проч., и замѣняли ихъ названіями Тавроскиѳовъ, Сѣкироносцевъ, Мисянъ, и т. п. Съ 865 года Росовъ стали обозначать какъ Скиѳскій народъ, живущій на Сѣверномъ Таврѣ. Не мудрено, что Леонтію, или тому, кто первый описывалъ походъ 941 года, было извѣстно, что Росы имѣли уже поселеніе не далеко отъ Кимерійскаго Воспора. Во всякомъ случаѣ онъ не рѣшился употребить плебейское имя Росъ, не присовокупивъ, что (на языкѣ ученыхъ педантовъ) они называются собственно Дромитами, т. е. Тавроскиѳами».

Поясненіе академикомъ Куникомъ употребленія Львомъ Діакономъ выраженія Тавроскиѳы, весьма похоже на любую гипотезу, и я рѣшительно никакъ не могу отличить, въ чемъ вышеприведенная гипотеза болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ науки, чѣмъ вообще всѣ гипотезы, софизмы и діалектическія упражненія, появляющіяся у насъ по запутаннымъ или малоизслѣдованнымъ историческимъ вопросамъ. Единственное отличіе гипотезы отъ всякаго другаго умозаключенія состоитъ въ томъ, что обыкновенно гипотезы возводятся для дальнѣйшаго прослѣдованія разсматриваемаго вопроса, тогда какъ гипотеза академика Куника имѣетъ характеръ

отрицательный, отвергающій почеркомъ пера показанія цѣлаго разряда свидѣтелей, т. е. всѣхъ Византійскихъ писателей. Гипотеза для слѣдователя не только извинительна, но необходима для начала изслѣдованія темнаго дѣла; но едва ли можно допустить сознательно гипотезу для приговора помимо *всѣхъ* свидѣтельскихъ показаній. Византійскіе писатели, какъ мною указано выше (234) и какъ обстоятельно изложено Штритеромъ s. v. Russi и Tauri въ Memoria populorum, употребляли названіе Тавровъ и Тавроскиѳовъ для обозначенія Руссовъ Сѣвернаго берега Чернаго моря и Галиціи; на это племенное имя Тавровъ обращено было особенное вниманіе Византійскихъ педантовъ для избѣжанія могущаго встрѣтиться недоумѣнія по поводу смѣшенія Тавровъ съ Галатскими Таурисками.

Академикъ Куникъ самъ поясняетъ впрочемъ, на страницѣ 139, почему онъ вынужденъ отвергать свидѣтельство Византійскихъ историковъ:

«Еще въ настоящемъ году г. Погодинъ (Борьба, стр. 196) въ печати повторилъ свой соблазнительный для другихъ взглядъ на Русское письмо, найденное Кирилломъ и Меѳодіемъ на берегахъ Чернаго моря. *Съ его точки зрѣнія, слѣдовало бы ему однако прежде всего* задаться вопросомъ, успѣло ли имя Руси, около 860 года, т. е. времени прибытія Св. Кирилла въ Корсунь, уже проникнутъ на Югъ? Коль скоро мы найдемъ хоть одно достовѣрное свидѣтельство о существованіи Руси на Югѣ до Рюрика или до прибытія Аскольда въ Кіевъ, все Несторово ученіе о призваніи Варяговъ-Руси, за которое М. П. ратовалъ всю свою жизнь, обращается въ прахъ».

Я не полагаю, чтобы обвиненіе Византійскихъ писателей въ педантствѣ было равносильно отводу свидѣтелей; они, можетъ быть, съ нашей точки зрѣнія, дурно дѣлали, что называли Руссовъ псевдоклассически Таврами, но они тѣмъ не менѣе это дѣлали продолжительно, систематически и сознательно, и не безъ основанія, до учрежденія Руссами политическаго общества, получившаго оффиціальное признаніе договорами Князей Русскихъ и *Русскихъ городовъ* съ Греческой Имперіей.

Система, долженствующая обратиться въ прахъ, по словамъ

академика Куника, еслибы нашелся хотя одинъ достовѣрный писатель, говорящій о поселеніи Русскомъ на Черномъ морѣ, несомнѣнно искусственное хитросплетеніе въ глазахъ самихъ защитниковъ. Г. Куникъ безжалостно наноситъ ей послѣдній ударъ, припоминая объясненіе Византійца, что Руссы есть простонародное названіе Тавроскиѳовъ. Трудно угадать, на основаніи какихъ научныхъ началъ возможно заподозрѣвать цѣлый рядъ Византійскихъ писателей; необходимо является при этомъ сомнѣніе: достаточно ли изучены Византійскіе историки, чтобы возможно было постановить такой убійственный приговоръ для изслѣдованія Русскихъ древностей... Я уже замѣтилъ выше, что покойный Гильфердингъ также голословно упоминалъ о безсмысленномъ употребленіи Византійцами классическихъ географическихъ и этнографическихъ названій. Повидимому вмѣсто науки слѣдуетъ понимать школу. Школа отвергаетъ всѣ показанія, не подходящія подъ систему, и отвергаетъ ихъ безъ дальнѣйшихъ объясненій по недосугу. Что разъясненіе вопроса можетъ не нравиться школѣ, это понятно, и повторялось во всемъ мірѣ: достаточно припомнить Кювье въ вопросѣ палеонтологическомъ. Но почему существованіе Руссовъ на Черномъ морѣ до призванія Русскихъ Князей изъ-за моря въ Новгородъ опровергаетъ достовѣрность Нестора, — это рѣшительно трудно понять. При подобныхъ пріемахъ господствующей школы, наукѣ подвигаться трудно. Обвиненіе нашихъ прежнихъ и нынѣшнихъ ученыхъ, стремящихся открывать новые пути, въ ненаучности пріемовъ, едва ли справедливо при сравненіи тѣхъ пріемовъ, которые обнаруживаются по вопросу о Русскихъ въ превосходной и драгоцѣнной статьѣ нашего многоуважаемаго ученаго объ Азовскихъ Готѳахъ.

Для разъясненія вкратцѣ этого вопроса, полезно привести свидѣтельство одного изъ главныхъ и первыхъ виновниковъ запутанности вопроса. Многоученый и трудолюбивый Штритеръ, противъ коего предостерегала насъ Императрица Екатерина Великая, признавая вполнѣ его добросовѣстность, говоритъ: Tauroscythae, interdum ii, qui Tauri alias vocantur, saepius tamen Tauri et Tauroscythae coniunguntur 1.256.543 forte *Slavi* intelliguntur 1.747 Russi saepissime hoc nomine veniunt (II, 958. Index Geogr.). Полезно срав-

нить и Index Historicus, по коему между прочимъ можно отыскать мѣсто изъ Прокопія Кесарійскаго, de aediff. p. 63, о предѣлахъ этого племени въ царствованіе Юстиніана I. Между 527 и 565 годами:

«Cum Bospori et Chersonis, quae urbes maritimae in eo littore trans paludem Maeotidem ultraque Tauros ac Tauroschyttas ad Imperii Romani limitae sunt, cum inquam, harum urbium muros funditus labascere comperisset, pulcherrimos fecit ac vallidissimos».

Прокопія не слѣдуетъ обвинять ни въ педантствѣ, ни въ незнаніи мѣстности. Не только Прокопій, служившій въ Римскихъ Черноморскихъ владѣніяхъ, но вообще и послѣдующіе Византійцы лучше знали Сѣверный берегъ Чернаго моря, чѣмъ мы. Историческая географія въ Россіи едва существуетъ. Мѣстности, занятыя въ прошломъ столѣтіи Некрасовцами и Запорожцами, едва опредѣлены; свѣдѣнія, разсѣянны по періодическимъ изданіямъ, да и то въ формѣ вопросовъ и гадательныхъ объясненій. Руководствъ нѣтъ, и потому нельзя не сознаться, что и самой науки не существуетъ. (Срав. Замѣтки по Географіи Древней Руси. Л. Майкова. С.-Петербургъ, 1874).

Въ комментаріяхъ архіепископа Θессалоникскаго на Географію Діонисія Періигита на стихъ 302 и слѣдующіе, находимъ: 302. Jstro ad Septentriones gentes hae adjacent: Germani, Samatae id est Sarmatae, per ellipsim litterae r, ut supra scriptum est, et Getae et Bastarnae regioque immensa Dacornm, et Alani et Tauri qui et Rosi ad Achillis Dromon in colentes (Καὶ Ταῦροι οἳ καὶ Ρῶσοι). Штритеръ (во второй части II тома, стр. 958) приводитъ въ подстрочномъ примѣчаніи о походѣ Руссовъ на Константинополь упоминаемомъ въ бесѣдахъ Патріаха Фотія: «Symeon Logotheta называетъ этотъ народъ Ρως. Кедринъ, по поводу того же похода: Interim (по восшествіи Патріарха Фотія на Патріаршій престолъ) quidquid est intra Euxinum pontum maritimarum regionum, Rossica *incursionibus vexabat* atque *vastabat* classis. Rossi gens est Scythica, ad Septentrionalem incolens Taurum, fera atque immanis.

Зонара: Gens autem Scythica, Russi, Tauri montis accola.

Левъ Діаконъ: Ες τας ταυροσκυθας ἐξεπεμψεν ὁυς ἡ κοινη διαλεκτος Ρως ἐιωθεν ὀνομαζειν.

Никита Пафлагонинъ, въ жизнеописаніи предшественника Фотія, Патріарха Игнатія: των Σκυθων ἐθνος, οι λεγομενοι Ρῶς. Каждый можетъ судить заслужено ли обвиненіе въ педантствѣ.

По отношенію своему къ Слову о Полку Игоревѣ, Тавры особенно важны по туземному культу Діаны Таврopольской и по принадлежности этому племени въ древности Ахиллесова бѣга и мѣстностей, посвященныхъ Ахиллесу и Дѣвѣ.

Ближайшіе представители этого древняго племени—Некрасовцы и Липоване Дунайскіе, Черноморскіе и Малоазійскіе. Представители этого племени, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать, вполнѣ соотвѣтствуютъ прототипу Велико-Русскаго племени: это племя ежегодно повторяетъ нынѣ мирныя плаванія на своихъ лодкахъ-однодревкахъ изъ Мраморнаго моря въ Черное. Потомки Запорожцевъ, наши Черноморскіе Казаки, до сихъ поръ называютъ свои лодки «моноксила», а это не маловажный намекъ на древность ихъ поселеній на Черномъ морѣ. О погонѣ, за рыбой Азовскихъ рыболововъ въ Мраморное море и о распредѣленіи рыбныхъ ловель по племенамъ, сохранилось свидѣтельство у Страбона.

Изъ замѣтки нашего знаменитаго археолога и этнографа видно, что М. П. Погодинъ уже не держится строго своего взгляда на происхожденіе Руси, да, какъ кажется, и самъ академикъ Куникъ вступается мимоходомъ за систему лишь по чувству долга, обязующаго защищать свое знамя даже на мирномъ поприщѣ науки до послѣдней крайности.

Одновременно съ изслѣдованіемъ А. А. Куника вышло въ свѣтъ изслѣдованіе профессора Бруна: «Черноморскіе Готы и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ Южной Россіи». Архимандритъ Лоссицкій говоритъ, что послѣдніе Готѳы были выведены Турками въ Египетъ, гдѣ они вошли въ составъ Мамелюковъ. Архимандритъ Лоссицкій считаетъ ихъ Литовцами, Руссами и Пруссами. Повѣрка этого показанія принадлежитъ преимущественно Германскимъ филологамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ этотъ не замедлитъ быть разъясненнымъ Берлинскими учеными, обратившими особенное вниманіе на изученіе языка и исторіи этого племени, тѣсно

связаннаго съ народами Готѳскими, Скандинавами и Норманами, которыхъ смѣшивать нѣтъ никакой возможности по рѣзкой отдѣльности языковъ: Готѳовъ, древнихъ Шведовъ и Норманов. По историческимъ единогласнымъ свидѣтельствамъ Германскихъ лѣтописцевъ, Руссы тождественны съ Норманами, и упоминаются вмѣстѣ съ Норманами Датскими, какъ отдѣльный народъ, живущій въ соединеніи съ Норманами на южномъ берегу Балтійскаго моря. Одна лишь Французская лѣтопись, Бертинская, говоритъ, что прибывшіе съ Греческими послами Руссы были признаны за Свеоновъ (Sueones). Изъ словъ Французской лѣтописи прямо видно, что это было не достовѣрное признаніе, а подозрѣніе, требующее разъясненія.

Эти послы Русскаго Кагана въ 839 году могли желать возвратиться на родину, въ мѣстность неопредѣленную. Изъ подозрѣнія, заявленнаго Французами, можно предполагать, что послы эти принадлежали къ Прибалтійскому краю, или, можетъ быть, Галиціи. Одинъ фактъ достовѣренъ—это то, что путь черезъ Дунай и Днѣпръ былъ имъ отрѣзанъ.

Въ выпискахъ изъ хронографа, помѣщенныхъ княземъ Оболенскимъ въ предисловіи къ изданному имъ, въ 1851 году, Лѣтописцу Переяславля - Суздальскаго, на стр. XX находится любопытная этнографическая замѣтка по поводу сожженія тѣлъ умершихъ:

«О великаа прелесть діавольскаа, яже въведе въ Литовскый родъ и Ятвезѣ, и въ Проусы, и въ Емь, и во Либь и иныя многы языкы, иже *Совицею* наричются, мняще и душамъ своимъ суща проводника въ Адъ Совья».

Прусскій языкъ, не смотря на архаическія свои окончанія существительныхъ именъ, *вообще* такъ близокъ къ языку Русскому, въ особенности во всемъ касающемся до домашняго быта, что невозможно сомнѣваться въ тѣсной связи племени Прусскаго и Велико-Русскаго. Эти два языка ближе другъ къ другу, чѣмъ языкъ Русскій и Сербскій, а о Болгарскомъ не можетъ быть и рѣчи.

Этотъ фактъ указываетъ, что опасенія Французскаго правительства были дѣйствительно не безъ основанія.

Самое названіе Руссовъ вѣроятно происхожденія Романскаго: по

Бретонски Rouz, по Французски rouge, по латыни russus, что соотвѣтствуетъ Греческому ξανθος, бѣлокурый, русый, краснощекій, загорѣлый, цвѣтъ лица героевъ, и Латинскому punicus, красный, чермный, пунцовый, загорѣлый, цвѣтъ лица моряковъ. Свѣтлорусые волосы и красныя щеки Русскихъ пословъ достаточны были, чтобы въ нихъ заподозрить приморскихъ жителей Балтійскаго моря. Сопоставленіе Руссовъ съ Норманами Луитпрандомъ и другими Германскими лѣтописцами, указываетъ явно, что Руссовъ не слѣдуетъ искать въ Швеціи; кромѣ того древне-сѣверный (Норманскій) языкъ ближе къ языку Датчанъ, въ особенности къ Исландскому, и весьма отдаленъ отъ Шведскаго. Въ Шведской древней исторіи, изобилующей подробностями, нѣтъ и намека на Руссовъ, и наоборотъ, дѣянія Руссовъ, обитающихъ на южномъ прибрежьи Балтійскаго моря, встрѣчаются въ лѣтописяхъ Германскихъ весьма часто. И этотъ вопросъ имѣетъ особенную важность по своему отношенію къ культу морскихъ и рѣчныхъ божествъ—Ахиллеса и Елены.

Ein solcher Achillslauf war auch in Pontos, der Donau-Mündung gegenüber, die sogennante weisse Insel auf welcher Achill, als ein Wiederauferstandener mit der Helena oder auch mit der Iphigenie Orsiloche (beide sind eins und stellen die Asiatische Naturgötttin vor) verehrt wurde (Hartung. Die Religion und Mythologie der Griechen. Leipzig, 1873. V, 164, со ссылками на Anton. Lib. XXVII; Amm. Marcel. XXII, 8, 34; Herod. IV, 55; Strabo VII, p. 306.; Eur. Iphig. T. 407, 410; Androm. 1230—1234; Paus. Ш, 19, 13).

Гезихій въ своемъ словарѣ говоритъ, что Ἀχελλειον πλακα—островъ Ахиллеса, называемый Λευκη, т. е. бѣлый; существуютъ также бѣги Ахиллеса около того острова.

Πλαξ—соотвѣтствуетъ Французскому plaque и plage—плоскость, широкій низменный берегъ; низменные берега были посвящены Ахиллесу, въ качествѣ бичевниковъ или можетъ быть и заливныхъ луговъ. Заливные луга, лиманы, топкія мѣста, болотистыя рощи были посвящены богинѣ Тавропольской, какъ покровительницѣ пастбищъ, и, судя по прозвищу, ей предполагается покровительство крупнаго рогатаго скота. Богиня Тавропольская, сама мать-сыра

земля, оплодотворенная выступающею изъ предѣловъ стихіей. Многіе видятъ сродство Ахиллеса съ рѣкою Ахеллоемъ. Тоже сродство существуетъ и въ Русскихъ сказаніяхъ между миѳомъ о Волхвѣ Всеславьичѣ и баснями о рѣкѣ Волхвѣ; Ахиллесъ, Периклименъ, Протей, и вообще всѣ морскія и рѣчныя божества, какъ Волхвъ Всеславьичъ, имѣютъ свойство превращаться. Жители низменныхъ береговъ необходимо отличались по культу, обычаямъ, занятіямъ, и весьма часто и по народности отъ жителей нагорнаго прибрежья. Донынѣ замѣтно значительное различіе между племенами, обитающими по правымъ и лѣвымъ берегамъ рѣкъ.

Въ Греціи Артемида называлась Лимнейской. Пруды, озера, гавани, морскія бухты, заливы, лиманы (λιμνη и λιμην) были посвящаемы этой богинѣ, отчасти также стоячая, запруженная вода.

Гезихій говоритъ, что Артемида называлась въ Мессеніи Ἕλεια или Ἕλα, что однозначуще съ Лимнейской. Всѣ эти выраженія соотвѣтствуютъ нашему Ильмень и Лиманъ. Что культъ богини Таврупольской, безъимянной Дѣвы былъ туземный на Азовскомъ морѣ, признаваемый древними за самый источникъ всѣхъ морей, это весьма ясно и обстоятельно указываютъ самыя преданія о перенесеніи ея культа въ Спарту Орестомъ и Ифигеніей; культъ Брауронской богини близь Аѳинъ также былъ признаваемъ за Таврическій (Griechische Götterlehre von Welcker. Göttingen. 1857, I. 587). Онъ же приводитъ свидѣтельство Павзанія (3, 16, 6, 8, 46, 2), что Каппадокіане, Лидяне и прибрежные жители Чернаго моря, поклонявшіеся Артемидѣ Анаитисъ, претендовали имѣть древнее изображеніе Таврической богини. Жители Лаодикеи утверждали, что она принесена къ нимъ Орестомъ (Lamprid. Hel. VII, 808).

Во второй главѣ XII книги (стр. 535—537), Страбонъ говоритъ, что культъ Артемиды Таврупольской былъ перенесенъ, какъ кажется, Орестомъ въ Каппадокійскій городъ Коману, и что въ этомъ городѣ Орестъ остригъ свою траурную прическу, отчего городъ и получилъ свое названіе. Страбонъ говоритъ, что культъ Таврупольской Артемиды былъ занесенъ Орестомъ и въ Кастабалу. Не слѣ-

дуетъ упускать изъ виду, что образцовый географъ древняго міра говоритъ здѣсь о родномъ краѣ.

Адонисъ въ Сиріи, Атисъ во Фригіи оскопляютъ сами себя, Озирисъ оскопленъ братомъ своимъ Тифономъ; всѣ эти мv϶ы находятся въ близкой связи, и самыя празднества въ ихъ честь весьма схожи въ своихъ подробностяхъ. Галльскіе жрецы при оскопленіи себя говорили: «Пріими Агдистисъ» (Arnob. V, 11; VII, 6; Diod. III, 57). Плутархъ (VII, 229) въ жизнеописаніи Никіаса разсказываетъ рѣдкій въ Аѳинахъ случай изувѣрства, бывшій передъ Сицилійской войной: «Странное происшествіе, случившееся при жертвенникѣ двѣнадцати боговъ, на который вспрыгнулъ вдругъ одинъ человѣкъ, растянулъ ноги и скопился камнемъ».

Оскопленіе посредствомъ черепка или заостреннымъ камнёмъ, было обычно между Галльскими жрецами. На этотъ обычай намекаетъ Псевдоплутархъ, говоря объ аэролитахъ и называя ихъ «камень-ножъ».

Изувѣрскіе обряды эти были занесены въ Аѳины чужеземцами, составлявшими общества религіозныя, торговыя компаніи и общества взаимнаго кредита подъ именемъ Ѳіязовъ, Ерановъ и Оргеоновъ. P. Foucart, въ превосходной монографіи: Des associations religieuses chez les Grecs (Paris. 1873), собралъ весьма любопытныя свѣдѣнія объ организаціи этихъ религіозныхъ и торговыхъ обществъ, имѣющихъ много общаго съ нашими скопцами.

Foucart, относясь весьма скептически къ нравственности и возвышенности ученія этихъ обществъ, вынужденъ однако замѣтить (стр. 177): Malgré tout, il est impossible de ne pas être frappé du dévellopement toujours plus grand des réligions propagées par les thiases et les éranes; au contraire, le culte de l'Etat, sans être abandonné, devient de plus en plus une cérémonie toute extérieure et ne parait exciter aucune faveur».

Foucart, слѣдя за распространеніемъ варварскихъ сектъ въ Аѳинахъ и вполнѣ сознавая единство происхожденія Елевзинскихъ мистерій съ Ѳракійскими, не постигаетъ, какимъ образомъ мистеріи Елевзинскія, регламентированныя мудрыми законами Солона и на-

ходившіяся подъ постояннымъ наблюденіемъ лучшихъ фамилій города, могли утрачивать свое значеніе вслѣдствіе вторженія едва терпимыхъ ученій, заносимыхъ грубыми варварами, предававшимися публично разврату и изумлявшихъ просвѣщенныхъ гражданъ своимъ изувѣрствомъ (ср. Плутарха о суевѣріи, XII). P. Foucart замѣчаетъ также, что обряды варваровъ проникали въ Греческое общество въ самое блестящее время Аѳинъ, когда философія Платона занимала высшіе умы Греческаго общества, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что эти два параллельные факта не имѣли внутренней связи; недоумѣніе этого замѣчательнаго изслѣдователя Греческаго міра происходитъ единственно отъ того, что онъ не допускаетъ свидѣтельства позднѣйшихъ писателей Александрійской эпохи о значеніи Фригійскихъ мистерій, такъ какъ о нихъ классическіе писатели умалчиваютъ.

Эти варварскія мистеріи находятся въ ближайшей и несомнѣннѣйшей связи съ такъ называемой народной литературой Романскихъ, Германскихъ и Славянскихъ народовъ, и содержатъ въ себѣ ученія и образы до-историческаго Буддизма, распространеннаго отъ Тихаго Океана до Атлантическаго. Важность изслѣдованія этого вопроса въ этнографическомъ отношеніи указана В. В. Григорьевымъ въ монографіи о Скиѳскомъ народѣ Сакахъ (С.-Петербургъ, 1871, стр. 117):

«На существованіе этого Буддизма, какъ въ Средней Азіи, такъ между Скиѳскими племенами вокругъ Черноморья, и даже между Кельтами въ *самыхъ западныхъ* частяхъ Европы, имѣется уже значительное число указаній, но никѣмъ еще не сведены онѣ вмѣстѣ и не выяснены. Когда это будетъ сдѣлано кѣмъ либо, совершенно новый свѣтъ озаритъ древнее населеніе Европы, и предстанетъ оно глазамъ нашимъ совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ мы теперь его себѣ представляемъ».

Можно надѣяться, что вопросъ этотъ начнетъ въ скоромъ времени усердно разрабатываться, такъ какъ весьма близкій къ нему вопросъ назначенъ для обсужденій къ географическому съѣзду въ

Парижѣ, въ Іюлѣ текущаго года: слѣдуетъ ли полагать центръ распространенія Романскаго племени въ нынѣшней Франціи или на берегахъ Дуная?

606—613. НаслѣдȣИгоревѣѣздитъГзакъсъКонча-
комъ. ТогдавранинеграахȣтьгалиципомлъкошасорокынЕ
троскоташаполозїюползошатолькодѧтловетектомъ
пȣтькърѣцѣкажȣтъсоловїивеселымипѣсьмисвѣтъпо-
вѣдаютъанесорокывтроскоташа.

§ 116. «А не сорокы троскоташа» въ первомъ изданіи въ концѣ § 115. Въ концѣ 116 § слова совершенно на мѣстѣ.

Весьма важное обстоятельство для бѣгущаго степью и скрывающагося въ ковылѣ, камышахъ и ложбинахъ, если за нимъ не слѣдятъ птицы. Преслѣдующіе находятъ слѣдъ бѣдущаго и скрывающагося по направленію вороновъ и галокъ, которые жадно слѣдятъ за обреченнымъ имъ на съѣденіе. Всѣ птицы выдаютъ движеніе бѣгущаго человѣка, подымаясь надъ камышами, кустарниками и лѣсами. Вслѣдствіе движенія птицъ, бѣжавшіе черезъ степи разсказывали, что они не имѣли (въ степяхъ) худшаго врага. Кромѣ положительнаго вреда, причиняемаго птицами, вѣроятно существовало и повѣрье, что птицы предчувствуютъ погибель человѣка и не сопровождаютъ того, которому предназначено спастись. И въ нынѣшнемъ столѣтіи разсказывали, что войско Наполеона при походѣ въ Россію сопровождалось необычными стаями вороновъ.

Мицкевичъ въ 15 лекціи (16 Февраля 1841 года) превосходно комментируетъ слова поэта: «On pourrait dire, que chaque verset du poème d'Igor a servi de texte aux poètes qui sont venus ensuite. Et cependant on ne connaissait pas cette composition. Des écrivains Russes très distingués l'ont peu lu, d'autres n'ont jamais voulu l'étudier; *car on a été choqué de certaines difficultés de l'expression*,

et on n'a pas voulu examiner ce qu'il y avait de beau dans ce style ancien. Les Polonais ignoraient absolument l'existence de ce chant d' Igor. Les Bohèmes l'ont publié et l'ont examiné, mais plutôt dans liutèrét de la science philologique et sans s'occuper beaucoup de son mérite poétique. Cette ressemblance continuelle, entre les monumens les plus anciens de la poésie Slave et tous les chefs d'oeuvre de la poésie moderne, *prouve l'éternelle beauté de ce poème. Toutes les images sont prises dans la nature; les caractères sont dessinés d'après nature.* Tant que cette nature Slave n'aura pas change, ce poème sera toujours regardé comme national, il conservera même un caractère d'actualité. Ainsi, par exemple, pour sentir les charmes de la description de cette fuite du prince *qui se résume en quelques paroles, il faudrait raconter de* longues histoires. Il faudrait entendre un réfractaire, un soldat, un prisonnier politique, qui s'enfuit à travers les steppes, et qui a eu précisément l'imagination frappée des mêmes objets; qui en racontant sa fuite, se sert presque toujours des mêmes expressions. Il a observé ces oiseaux de mauvais augures, le corbeau et la pie, parceque ces espèces d'oiseaux s'attachent avec acharnement à un homme, qui traverse les steppe, ils tournent autour de lui et trahissent ainsi sa cachette. Ceux qui poursuivent le fuyard n'ont qu'à observer ces oiseaux pour retrouver la trace du fugitif, comme le chasseur, par exemple, observe le vol des hirondelles sauvages pour retrouver le loup cervier de la forêt. Le pic (дятелъ) est un oiseau chéri, car dans ces steppes peu boisées, il ce dirige toujours vers les arbres en le suivant on retrouve un ravin pour le cacher, des sources plus tard, enfin on descend vers le fleuve; on peut ainsi s'orienter à reconnaître son chemin. Mais tous ces détails il est difficile de les comprendre dans des pays aussi eloignées de cette nature et surtout de ce genre de vie. Tous les écrivains qui ont parcouru nos contrées, qui ont connu les habitudes de nos peuples, reproduisent quelques traits épars de ces tableaux. Dernierement, dans les mèmoires d'un soldat français, longtemps prisonnier en Russie, nous retrouvions la description de ces oiseaux de la forêt. Les poètes modernes Polonais et Russes, emploient à chaque moment des mots, quelquefois des ex-

pressions, qui paraissent tirées de ce poème; et cependant on peut assurer que ces poètes au moment, où ils ont composé leurs ouvrages, connaissaient peu le monument littéraire, dont nous parlons».

Этотъ геніальный поэтъ, коротко знакомый съ литературами древняго и новаго міра, обратилъ вниманіе лишь на внѣшнюю сторону нашей поэмы: онъ преимущественно обращалъ вниманіе на ея пластическую красоту въ сравненіи съ древней Греческой и Скандинавской. Странно, что, при мистическомъ настроеніи, Мицкевичъ не угадывалъ близкое сродство Русской поэмы XII столѣтія съ его собственнымъ стремленіемъ къ мистицизму. Мицкевичъ называетъ вскользь Бояна мистическимъ поэтомъ, и послѣ Слова о Полку Игоревомъ переходитъ къ мистицизму Славянскихъ народовъ и къ упырямъ. Судя по этимъ намекамъ, должно предполагать, что Мицкевичъ чуялъ мистицизмъ Русскаго поэта XII столѣтія, но вслѣдствіе предразсудковъ и предубѣжденій своего времени не рѣшился вникнуть въ сокровенный смыслъ, облеченный въ изящныя пластическія формы, его прельщавшія.

614—627. Млъвитъ Гзакъ Кончакови ажесоколъкъ гнѣздȣлетитъсоколичаростреляевѣсвоими злачеными стрѣлами. РечеКончакъкоГзѣажесоколъкъгнѣздȣлетитъавѣсоколцаопȣтаевѣкрасноюдѣвицею. ИречеГзакъ къКончаковиащеегоопȣтаевѣкрасною дѣвицеюнинама бȣдетъ сокольцанинамакрасныдѣвицетопочнȣтъ наю птицибитивъполѣПоловецкомъ.

§ **117**. «Наю» родит. пад. двойств. числа, вмѣсто винительнаго. Именительный и винительный падежъ двойственнаго числа *вѣ*: «А вѣ сокольца опутаевѣ».

628—631. РекъБоянъиходынаСвятъславляпѣстворцастараговремениЯрославляОльговаКоганяХоти.

§ **118**. Припоминаніе Бояна въ исходѣ Слова напоминаетъ древнѣйшій обычай Пѣвцовъ, начинавшихъ и заканчивавшихъ свои

пѣсни, по свидѣтельству Гезіода, обращеніемъ къ Лину. Hesiodi fragmenta, XCIV. F. Didot. 1841 (Eustath. Il. 1163, 61; Eudoc. 278).

Οὐρανίη δ'ἄρ ἔτικτε λινον πολυηρατον υἱὸν
ὃν δῆ ὅσοι βροτοί εἰσιν ἀοιδοὶ καὶ κιθαρισταὶ
παντες μέν θρηνοῦσιν ἐν εἰλαπιναις τε χορδις τε,
ἀρχόμενοι δὲ λίνον και λήγοντες καλέουσιν.

Геродотъ, въ главѣ XXIX второй книги, по переводу Мартынова, говоритъ: «Египтяне пѣсни употребляютъ отечественныя; чужихъ никакихъ не принимаютъ. Между ними есть достойныя примѣчанія, а особливо одна пѣсенка, которую поютъ въ Финикіи, въ Кипрѣ и въ другихъ мѣстахъ. У разныхъ народовъ называется она различными именами; но совершенно сходна съ тою, которую поютъ Эллины, называя оную Линусомъ. Между многими предметами, меня удивившими въ Египтѣ, наипаче страннымъ показалось мнѣ: откуда взяли они эту пѣсню, которую, очевидно, поютъ они издавна. Линусъ на Египетскомъ языкѣ называется Манеросъ. Египтяне сказали, что онъ былъ однородный сынъ перваго царя Египетскаго; и какъ онъ умеръ не достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, то Египтяне почтили память его симъ рыданіемъ, и пѣсня эта была у нихъ первая и послѣдняя».

Въ поясненіе послѣднихъ словъ, Мартыновъ приводитъ отрывокъ изъ Исіода въ примѣчаніяхъ Евстаѳія, на 570 стихъ тринадцатой пѣсни Илліады (стр. 1163): «Уранія имѣла любезнаго и прелестнаго сына, который назывался Линусомъ: всѣ пѣвцы, играющіе на инструментахъ, славили его въ хорахъ и на пиршествахъ; въ началѣ и въ концѣ всѣхъ пѣсней они взывали къ Линосу». Далѣе онъ же приводитъ изъ Плутарха объ Изидѣ и Озирисѣ (стр. 357. Д. Е.):

«Манеросъ былъ изобрѣтатель музыки; другіе говорятъ, что Манеросъ есть не имя человѣка, но пѣсня, приличная пиршествамъ и удовольствіямъ стола, поемая Египтянами».

Schwenk (Mythologie der Slawen, 228) и Welcker (Abhandlung über den Linos. Kleine Schriften. V, 27, и слѣд.) отождествляютъ припѣвки

Славянъ, Литовцевъ и Басковъ съ Греческой пѣснью о Линосѣ. Нашъ припѣвъ: «ай, люли, люли, ай люлюшеньки, люли», судя по пѣснѣ, приведенной на стр. 338, подъ №: 15, можетъ быть варіантъ припѣва:

Ей люблю, ей люблю,
Люблю дружка, золота стружка,
Ей люблю, ей люблю,
Золота стружка, соловеюшка.

На эту догадку наводитъ Таліезинъ (срв. стр. 445): говоря, что онъ былъ въ Египтѣ до созданія Рима, онъ тѣмъ намекаетъ на Лина-Манероса, а упоминаемая Русская пѣснь есть именно та самая пѣснь, о коей говоритъ Геродотъ, что она повсюду была распространена. Русская пѣснь болѣе соотвѣтствуетъ тому, что говорятъ древніе о пѣснѣ въ честь Линоса, чѣмъ плачевная припѣвка, сохранившаяся у Басковъ (срв. ниже Бретон. колыб. пѣснь).

«Ходы» могли означать *ходячія*, крылатыя рѣчи, *обходившія* весь свѣтъ, и *подходящія* къ разнымъ обстоятельствамъ жизни. Извѣстно, что выраженія: «ходить бойко въ словѣ» и «хожденіе въ словѣ» въ ходу у Русскихъ сектаторовъ, и нынѣ общеупотребительно выраженіе «расходился». Въ исторіи Медеи, находящейся въ рукописномъ сказаніи о Троѣ: «Книга глаголемая Троя о Пелее Царе» и т. д., въ мѣстѣ, пропущенномъ въ печатныхъ изданіяхъ той же исторіи, встрѣчается подобное же выраженіе: «ей же отецъ ея веселымъ словомъ прощеніе дастъ, да со Азономъ и Еркуломъ чиномъ девическимъ, *словеса поспѣшная* глаголетъ яже срамляя нѣкако отча своего, воставъ, подлѣ Азона себе избра сѣсти, Азонъ же, Медею при немъ сѣдшу, возвеселися, отдвинуся мало отъ Еркула, паче къ Медеи приближися, Царь же Ѳитесъ бесѣдова, и свѣтлостію день провожающе, Медея же въ стрѣшно и единства глаголати со Азономъ во первомъ *словесномъ хожденіи* сице глагола Азону: друже Азоне», и т. д.

Эта исторія Трои помѣщена вслѣдъ за рукописнымъ хронографомъ, мнѣ принадлежащемъ. Подробности любовныхъ похожденій Медеи выпущены во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ, неисключая перваго.

Французы употребляютъ въ этомъ же смыслѣ passage, а Нѣмцы Pass; сродно также выраженіе excurs. Впрочемъ, здѣсь весьма быть можетъ «ходъ» описка вмѣсто «исходъ», въ значеніи «конецъ», подобно Греческому ἔξοδος, exortus, εἴσοδος, introitus, adventus. (Псалмы LXIV и LXXIII). Въ рукописи могло быть: «рекъ Боянъ исходъ і на Святъславля пѣснь, творца стараго» и т. д.

Нельзя не согласиться съ Ѳ. И. Буслаевымъ, что слѣдуетъ читать «ходы на пѣснь», а не на пѣснотворца. Чтеніе первыхъ читателей погрѣшаетъ противъ смысла, потому что слова Бояна относятся не къ Пѣвцу, а къ его пѣснѣ. Кромѣ того, самое слово «пѣсньтворецъ» едва ли принадлежитъ языку, на коемъ сочинено Слово о Полку Игоревѣ, хотя оно и встрѣчается въ сочиненіяхъ, приписываемыхъ Кириллу Туровскому. Даже въ позднѣйшихъ памятникахъ встрѣчается простая древняя форма. Въ повѣсти о взятіи Соловецкаго монастыря: «Аще убо древнихъ творцевъ Омиръ, толико тщаніе, толико подвизаніе, толикій трудъ показа, во еже написати Тройска началожительство и разореніе во еже показати мужи исполины храбрыя, великомощныя и крѣпкодушныя, иже за честь отечества даже до смерти подвизашася, о колико намъ подобаетъ множайшее тщаніе, вящей подвигъ, теплейшее усердіе явити ко изъявленію не града крѣпка и прѣславна, стѣнъ твердостію чюдима, столповъ высотою удивляема, и мужей храбрыхъ множество прославляема, но монастыря свята и пречудна».

Въ словѣ объ Александрѣ, въ томъ же хронографѣ, стр. 421: «И даша ему книгу премудраго Ѡмира ею же написа ѡ Тройскомъ разореніи, юже прочетъ Александръ, и видѣвъ подвигъ и мужество таковых великих витяз, ꙗко всѣмъ ѿ царска роду, жалости и радости исполнишасѧ, рече: ѡ колице сильніи падоша ради единыѧ мерскіѧ жены, и вопроси Александръ Троѧны: гдѣ есть доблественныхъ витѧзей гробы? и ведоша его къ нимъ, и веземъ змирну и ливанъ, и проплака, и рече къ нимъ: покади гробове их, ѡ чюдніи в человѣцех, храбріи витязи и лвове крѣпостію, Ахиллею, и Екторе, и Акшъ и Несторе, аще бы васъ живыхъ видѣлъ по достоѧнію честь имъ учинилъ быхъ, и Царь с вами всей земли на-

валсѧ бы, камѡ отселѣ изыдосте, и гдѣ вселистесѧ? нынѣ же по ѡбычаю мертвыхъ жертву воздаю вамъ, ливанъ и змирну, блажени есте и по смерти своей ꙗкѡ во времѧ великому и чюдному писателю прилучистесѧ Ѡмиру. Слышавша же философі его рѣша и Менандръ и Аристатель: Александре Царю! Ахиллей Фирилиже царѧ сынъ, по ѡтцы братъ ти ѥсть, ꙗкоже ты ѡтъ Аммона бога роженъ есть, иже есть Деѡнисъ, и ѿ жены Фетиды, а ты ѿ Ѡлимпіѧды по скончаніи твоемъ болши Ѡмира похвалы списати имамы Царствію твоему, и рече имъ: лутче бы ми ѿ Ѡмировыхъ списаній назватисѧ всей земли Царь».

Разсказъ этотъ не вполнѣ согласенъ съ разсказомъ псевдо-Каллисѳена (Кн. I, гл. XLII, по изд. К. Мюллера). Эпиграмматическій отвѣтъ Александра не переданъ или не понятъ Русскимъ переписчикомъ. Александръ въ Греческомъ текстѣ отвѣчаетъ поэту, что онъ лучше желалъ бы быть Гомеровымъ Терзитомъ, чѣмъ твоимъ Агамемнономъ. Въ исторіи Александра Великаго, изданной В. Ягичемъ (Starine. Knjiga III. И Zagrebu. 1871): «Александръ им рече: боле би ми било од Омирових писамъ царев назвати се конюхъ, него од ваших списани назвати се всои земли цар» (стр. 251).

«И поднесоша му книгу филожофа никога Омира, ку бише списал о троискомъ распаню од почела до совершенѣ» (стр. 250).

На этой Сербской рукописи 1546 года, хранящейся въ библіотекѣ князя Лобковичь, сдѣлана на переднемъ листѣ нѣмецкая надпись: «In dieser khronikhen schraibt es von unserem geschlecht denen von Kolonitsih was sie fier Ridrchische datten gedan haben».

Въ лубочномъ жизнеописаніи Езопа упоминается, что Гомеръ говорилъ о Езопѣ. Въ повѣсти о разореніи Трои Гвида Колумискаго, Терзитъ дѣйствительно является карликомъ; Езопу приписывается, также вѣроятно по непониманію, исторія самого Александра Великаго, въ латинскомъ переводѣ Юлія Валерія, изд. Анжеломъ Маи (Class. Autori. VII. Romae).

Всѣ эти ошибки несомнѣнно доказываютъ, что средневѣковые писатели не твердо и не систематически знали исторію древней литературы, но положительно трудно сомнѣваться, чтобъ имя Гомера

не было популярно во всей Европѣ: самые промахи доказываютъ популярность его имени; сочиненія же его, на оборотъ, не говоря о недоступности ихъ, были не популярны, по признанію въ нихъ тенденціозности въ пользу Грековъ, и незнакомству съ религіозными традиціями. Что касается до Пѣвца Игорева, то онъ былъ знакомъ съ Гомеромъ и Еврипидомъ, или съ пѣснями, слагавшимися на Черномъ морѣ въ честь Ахиллеса и Елены, содержащими въ себѣ именно тѣ мѣста, которыя встрѣчаются у Гомера и Еврипида. Это далеко не удивительно, и Сивилла Ериѳрейская содержитъ въ себѣ мѣста, вошедшія въ Илліаду. Гомеръ не былъ въ полномъ согласіи съ языческими религіозными сказаніями, но, судя по словамъ Филострата, его не чуждались сами Ахиллесъ и Елена, и потому можно смѣло заключить, что не чуждались ихъ и храмовые пѣвцы. Судя по слѣдующимъ за симъ словамъ Бояна, послѣднее предположеніе весьма вѣроятно.

Не лишнимъ считаю приложить здѣсь соображенія о Боянѣ и о сочинителѣ Слова о Полку Игоревѣ Новосадскаго сенатора Іована Хаджича, писавшаго подъ псевдонимомъ Милоша Свѣтича (Денница, изд. П. Дубровскимъ. Варшава, 1843, ч. II, стр. 232—235):

«Начавши такимъ образомъ свою повѣсть, онъ сейчасъ же останавливается и обращается къ Бояну, котораго пѣсни онъ имѣлъ передъ собою или зналъ ихъ наизусть,—представляя себѣ, какъ бы Боянъ описалъ эту повѣсть въ своей пѣсни: «О Бояне, славую старога времена! Кадъ бы ты све полке спѣвао, носет'и се мыслима по дрвет'у и летет'и умомъ подъ облаке (и проч.)... ты бы овако пѣсму пѣвао:

«Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая,
«Галицы стады бѣжатъ къ Дону великому».

Или ты, Боянъ, пѣлъ бы такъ:

«Комони ржутъ за Сулою,
«Звенитъ слава въ Кіевѣ,
«Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,
«Стоятъ стязи въ Путивлѣ».

«Это стихи, замѣчаетъ г. Хаджичь:

Въ первомъ отрывкѣ одинъ стихъ состоитъ изъ 16-ти сло-

говъ, другой изъ 13-ти; слѣдующіе потомъ четыре стиха изъ 8-ми и 7-ми слоговъ. Послѣ этого слѣдуетъ повѣсть о Полку Игоревѣ въ прозѣ, по образцу Церковно-Словянскаго языка: «Игоръ чека мила брата Всеволода. И ньему рече Буй Туръ Всеволодь: единый брате, единый свѣте свѣтлый, ты Игоре! Мы смо оба Свѣтславича. Сѣдлай, брате, твое брзе конѣ, а мои су ти готови».—Такъ онъ продолжаетъ потомъ всю повѣсть. Но всюду замѣтно, что она заимствована изъ пѣсенъ, и что ея содержаніе, такъ сказать, выбрано и составлено изъ многихъ пѣсенъ; какъ напримѣръ: «Ужъ бо, братіе, не веселая година встала уже пустины силу покрыли», и т. д. Здѣсь замѣтна другая пѣсня, или, по крайней мѣрѣ, содержаніе другой. Также въ другомъ мѣстѣ: «Ярославнинъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь рано кычеть» (Подлин.). Опять другая пѣсня. Судя по окончанію, гдѣ говорится о Св. Богородицѣ Пирогощей, можно бы сказать, что монахъ, сочинитель этой повѣсти, былъ изъ упомянутаго монастыря въ Кіевѣ».

«Потому-то я никакъ не могу согласиться съ тѣми писателями, которые утверждаютъ и убѣждены, что эта повѣсть—чисто поэтическое произведеніе въ народномъ Русскомъ духѣ тѣхъ временъ, по предмету и формѣ; впрочемъ, сами судьи находятся въ большомъ между собою противорѣчіи, не будучи въ состояніи опредѣлить дѣла, какъ должно. Г. Востоковъ, въ своемъ Опытѣ о Русскомъ Стихосложеніи (1817), вообще признаетъ, что слогъ Слова о Полку Игоревѣ—прозаическій, но вмѣстѣ съ этимъ утверждаетъ, что его можно раздѣлить на довольно равномѣрные періоды или стихи, и что онъ не принадлежитъ Великорусскому народному стихосложенію. Г. Максимовичъ, на вопросъ: сочинена-ли была эта пѣсня для пѣнія? отвѣчаетъ: «Рѣшить это я не умѣю», но тутъ же прибавляетъ: «впрочемъ, она могла быть пѣтою и не бывъ стихотвореніемъ». Однакожь, находя въ ней, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые періоды или стихи, какъ и г. Востоковъ, и притомъ замѣчая, что «стихи эти вообще не столь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные Великороссійскіе, но столько

разнообразные и вольные, какъ стихи Украинскіе, особенно въ думахъ», онъ предполагаетъ, что этотъ родъ стихотворства правильнѣе могъ бы быть названъ «древнимъ повѣстнымъ складомъ Русскимъ».

«Я же объ этой Пѣсни, какъ о древнемъ памятникѣ Русскаго духа, сужу такъ, какъ она мнѣ представилась по своему составу и характеру. Самъ сочинитель этой повѣсти въ началѣ предупреждаетъ, что онъ не намѣренъ слагать пѣсни, слѣдуя знаменитому пѣвцу Бояну, но хочетъ описать событіе такъ, какъ оно случилось, что онъ и сдѣлалъ, написавъ свою повѣсть въ прозѣ, а не въ стихахъ. Она лишена поэтической формы, и потому неудобна для пѣнія, однакожь изобилуетъ многими поэтическими красотами и выраженіями, хотя и не всегда высказанными одинаковымъ мѣрнымъ складомъ. Въ ней болѣе замѣтенъ Церковно-Словянскій языкъ того времени, нежели народный. И слогъ и способъ повѣствованія веденъ по образцу и въ духѣ Церковно-Словянскихъ выраженій, перемѣшанныхъ съ Русскими изреченіями. Изъ этого слѣдуетъ, что сочинитель Игоревой повѣсти былъ какой-нибудь монахъ того вѣка, и, судя по заключенію, былъ въ Кіевскомъ монастырѣ Св. Богородицы Пирогощей; но, сочиняя эту повѣсть, онъ могъ черпать изъ одного только источника—изъ народныхъ пѣсенъ, которыя онъ передѣлалъ, раздробилъ и переиначилъ, переложивши и перецѣдивши ихъ въ прозу на Церковно Словянскомъ языкѣ, и такимъ образомъ составилъ эту повѣсть, въ которой между прочимъ сохранились всѣ поэтическія красоты народныхъ пѣсенъ, потерявшія однако свой первобытный видъ. Слѣдовательно Игорева повѣсть, не будучи сама по себѣ произведеніемъ поэтическимъ, такъ точно никакимъ образомъ по формѣ и языку не можетъ быть разсматриваема какъ вѣрный и чистый отпечатокъ народнаго Русскаго духа того времени, но только какъ духъ и выраженіе народной поэзіи, прошедшіе чрезъ душу и языкъ монаха того вѣка, замкнутые въ формѣ Церковно-Библейской и переданные потомству; при всемъ томъ сквозь нихъ проглядываютъ въ этой повѣсти также проблески народной поэзіи и ея красоты того вѣка».

Сознавая вполнѣ правильность взгляда г. Хаджича на нашего Поэта, нельзя не замѣтить, что догадки о принадлежности сего послѣдняго къ духовному или свѣтскому званію совершенно произвольны. Драгоцѣнна его замѣтка о присутствіи народнаго поэтическаго элемента въ Словѣ. Именно этотъ самый народный элементъ, замѣчаемый г. Хаджичемъ, находится въ полномъ согласіи съ Гомеромъ и Еврипидомъ. Этотъ фактъ далеко не удивителенъ, потому что Гомеръ, и въ особенности Еврипидъ черпали прямо изъ народнаго источника.

С. П. Кораблевъ (Слово о П. И., Москва, 1856, стр. XXIII—XXV):

«Но вотъ что новѣйшія изысканія представляютъ въ пользу подлинной древности «Слова»: г. Г., въ предисловіи къ своимъ примѣчаніямъ, перебравъ всѣ Славянскія нарѣчія и находя въ «Словѣ» смѣшеніе Кириловскаго и Славянскаго, свойственное только нашему языку, заключаетъ, что пѣснь Игорю есть сочиненіе чисто Русское, по языку своему имѣющее сходство съ лѣтописями XI и XII вѣковъ, что она, объясняемая болѣе полувѣка и понынѣ неопредѣленная, можетъ ли почесться, послѣ такого нашего знанія, поддѣлкою, и кто могъ поддѣлать произведеніе, въ которомъ не могли найдти ни одного пятна, измѣняющаго древности событій? Далѣе говоритъ онъ, что Пѣвецъ Игоря былъ безъ сомнѣнія (по основательному замѣчанію Карамзина) міряninъ, и даже, какъ доказываетъ г. Г., подданный сего Князя: кто-бы сталъ сочинять радостныя пѣсни на освобожденіе Игоря изъ плѣна, если не современникъ, желающій привѣтствовать своего Князя съ счастливымъ возвращеніемъ на лоно родное? Выводя изъ своихъ разысканій, что сочинитель «Слова» жилъ между 1185 и 1202 годомъ, г. Г. полагаетъ, что по кончинѣ Игоря, въ 1202 году, Пѣвецъ его вѣроятно остался при его дѣтяхъ: Романѣ, Владимірѣ и Святославѣ, что онъ сопутствовалъ имъ въ Галицкое княженіе, гдѣ, преслѣдуемый Венгерскимъ полководцемъ Бенедиктомъ, пророкоталъ ему проклятіе; въ доказательство этого соображенія авторъ примѣчаній приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Ипатьевской лѣтописи: «Бѣ

бо Тимоѳей въ Галичѣ *премудрый книжникъ* отцество имѣа въ градѣ Кіевѣ, притчею рече слово, о семъ томителѣ Бенедиктѣ, яко въ послѣдняя времена треми имены наречется Антихристъ... бѣгаше бо Тимоѳей отъ лица его, бѣ бо (Бенедиктъ) томитель бояромъ и гражданиномъ... въ правду бѣ антихристъ за скверная дѣла его» (И. Г. Р., т. III, прим. 134).

Это предположеніе хотя и совершенно догадочно, тѣмъ не менѣе содѣйствуетъ разъясненію личности Поэта. Мнѣ кажется, что чувство, руководившее г. Кораблевымъ, было совершенно вѣрное, и книжникъ Тимоѳей и сочинитель Слова о Полку Игоревѣ не безъ внутренняго сродства.

Въ одномъ рукописномъ сборникѣ, въ сказаніи объ антихристѣ, примѣненномъ къ событіямъ конца XVII столѣтія, какъ будто сохранились обвиненія, относящіяся до событій въ Галиціи. Въ этомъ сказаніи антихристъ названъ «нечистою и пребеззаконною троицею, юже видѣ Богословъ въ трехъ нечистыхъ духахъ».

«Нечестіе же его удивительно и страшно; удивительно, реку, за пестротное его и льстивное злохитрство, яко сплете нечестіе съ благочестіемъ, клятву съ благословеніемъ, и мучительство съ щедротами, милость съ немилосердіемъ, кротость со звѣрствомъ, благочиніе съ бесчиніемъ, здравое съ вредящимъ, смертное съ пребывающимъ, волка со агнцомъ; благословенное древо съ проклятымъ; трисоставное съ двоечастнымъ; церкви съ костеломъ; папежники со священники; западніи съ восточными; ляхи съ поддьяконы, полякы съ причетникы».

Трудно предположить, чтобы эти обвиненія были возводимы на патріарха Никона за то, что онъ «Киевское партесное пѣние начатъ в церковь вводити согласно мирскимъ гласоломательнымъ пѣниемъ». Скорѣе можно предполагать, что часть этихъ обвиненій заимствована изъ древняго Слова объ Антихристѣ, сочиненнаго въ землѣ, подверженной Латинскому вліянію.

Нѣтъ основанія принимать мудраго книжника за сочинителя Слова о Полку Игоревѣ; но дѣятельность обоихъ тождественна. Слово о Полку Игоревѣ имѣетъ характеръ несомнѣнно политиче-

скій, и вызвано было очевидно раздробленіемъ Россіи въ концѣ XII столѣтія. Галиція и Полоцкое Княжество отпадали; старшая линія Русскихъ Князей удалилась на сѣверъ, сознавая слабость положенія Кіева. Обстоятельства эти вызвали воззваніе Пѣвца къ Русскимъ Князьямъ, и самымъ естественнымъ образомъ въ то время на Игорѣ сосредоточились всѣ надежды поэта. Игорь въ Пѣснѣ представленъ предпріимчивымъ, дерзкимъ и отчаяннымъ бойцомъ, прошедшимъ сквозь огонь и воду, возродившимся послѣ порабощенія въ землѣ языческой и уподобившимся получить свыше указанія при возвращеніи его въ отечество. Эпохи дробленія народовъ производятъ эпическія поэмы; такъ, Илліада была собирательнымъ словомъ для племенъ Греческихъ; пѣсни Бретонцевъ въ Англіи и Франціи проникнуты тѣмъ же духомъ. Сочинитель Слова о Полку Игоревѣ полонъ мистическихъ намековъ, но далеко не проникнутъ мистицизмомъ. Онъ указываетъ на Игоря, какъ на избранника, намеками на народныя повѣрья и примѣты, но положительно нѣтъ никакого основанія заподозривать его въ мистицизмѣ, хотя весь планъ его сочиненія вполнѣ мистическій, какъ разъяснено было въ предисловіи моемъ 1851 года. Пѣвецъ Игоревъ весьма замѣчательное явленіе: онъ, дѣйствительно, полонъ реминисценцій классическихъ или народныхъ, планъ его сочиненій ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признанъ за оригинальный, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пренебрегаетъ всѣми поводами, чтобы дать просторъ краснорѣчію и воображенію.

Суровый тонъ всей Пѣсни не позволяетъ видѣть въ ней привѣтъ при возвращеніи Игоря въ Россію, и еще менѣе свадебную пѣснь при возвращеніи Владиміра. Всѣ эти соображенія наводятъ на мысль, что Пѣвецъ Игоревъ, подобно Маккіавелю, ничего не имѣлъ другаго въ виду, какъ представить кандидата для защиты единства роднаго племени. Драматическій конецъ его трехъ сыновей въ Галичѣ дѣйствительно указываетъ на сродство Слова о Полку Игоревѣ съ словомъ Тимоѳея противъ Угорскаго Воеводы Бенедикта.

Маккіавель начерталъ въ своемъ «Il Principe» Цезаря Борджіа,

какъ типъ собирателя земли Италіанской. Въ Словѣ о Полку Игоревомъ, мнѣ кажется, главная мысль указать на Игоря, какъ на лицо, могущее остановить распаденіе Юго-Западной Россіи. Драматическая дѣятельность его сыновей въ Галичѣ какъ будто подтверждаетъ этотъ взглядъ. Въ Ипатьевской Лѣтописи, подъ 1208 годомъ: «Съвѣтъ же створиша Игоревичи на бояре Галичкыи, да избьють и, по прилучаю избьени быша; и убьенъ же бысть Юрьи Витановичь, Илія Щепановичъ, иніи величіи бояре, убьено же бысть ихъ числомъ 500, а иніи разбѣгошася», и т. д. Подъ тѣмъ же годомъ: «ятымъ же бывшемъ княземъ, Роману, Святославу, Ростиславу, Угромъ же хотящемъ ѣ вести Королеви, Галичаномъ же молящимся имъ, да быша и повѣсили, мьсти ради; убѣжени же бывше Угре великыми даръми, предани быша на повѣшаніе, мѣсяца Сентября».

Характеристика Игоря достаточна, чтобы представить его прошедшимъ сквозь огонь и воду, и видимо получившимъ благодать, но съ другой стороны невозможно видѣть въ Словѣ о Полку Игоревомъ преимущественно развитіе ученія о пути спасенія.

Боянъ зачисленъ въ Русскіе поэты XI или XII столѣтія. Пѣвецъ Игоревъ имѣетъ на то права̀ болѣе несомнѣнныя.

Непонятно, почему многіе изслѣдователи видѣли въ прилагательномъ «Святославль», обозначеніе сочинителя Слова о Полку Игоревѣ придворнымъ поэтомъ Святослава. Здѣсь весьма просто Пѣснь названа Святославовой по имени сочинителя. Слова Бояна могутъ относиться къ Пѣснѣ объ Игорѣ, къ самому Игорю и къ Россіи, но никакимъ образомъ къ сочинителю. Неправдоподобно также объясненіе, что слова «творца стараго времени Ярослава, Ольгова, Коганя Хоти», обозначаютъ самую Пѣснь о Походѣ Игоря. Подъ этими словами невозможно ничего другаго разумѣть, какъ обозначеніе трехъ пѣсенъ поэта. Прилагательное «Святославля» вмѣсто «Святославлю» оставлено въ именительномъ падежѣ, тогда какъ «Коганя Хоти» правильно, и есть родительный падежъ женскаго рода прилагательнаго «когань»: «коганѩ», родит. пад. коганѧ (срв. Грамм. Востокова, §§ 36 и 24).

Поэтъ, называя себя Пѣвцомъ стараго времени Ярославля, ни въ какомъ случаѣ не можетъ упираться на упоминаніе вскользь о Мстиславѣ, зарѣзавшемъ Редедю; упоминаніе Олега въ Пѣснѣ также недостаточно, а о Коганей Хоти и помину нѣтъ; предположивъ даже, что Коганя Хоть есть Дѣва-Обида, Елена Александровна, дочь или любовница Индѣйскаго Царя, плѣненная Волхомъ Всеславичемъ, получимъ всетаки намекъ недостаточный для подобнаго объясненія.

Творцу времени Ярослава можетъ принадлежать отрывокъ Пѣсни о Ярославѣ, сохранившійся въ началѣ Новгородской Лѣтописи: «А вы плотници сущи, а приставимъ вы хоромъ рубити и начя Днѣпрь мерзнути»...

Пѣснь о Коганей Хоти можетъ быть пѣснь о Волхвѣ Всеславичѣ или всякой другой болѣе или менѣе Индѣйской принцессѣ, Ханской дочери, или вообще заключенной красавицы. «Когань» можетъ быть дополнительное прилагательное «Ольгова»; въ этомъ случаѣ Пѣвецъ обозначалъ бы лишь двѣ пѣсни.

Титулъ «Когань» сохранился вѣроятно въ титулѣ Турецкаго Султана. Султанъ надъ землей—Султанъ-елъ-Берейнъ, и Гаканъ надъ моремъ, Гакканъ-елъ Барейнъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію словъ Бояна, приводимыхъ въ концѣ Пѣсни, необходимо ближе разсмотрѣть что Поэтъ разумѣлъ подъ именемъ Бояна. Выше приведена была пѣснь Таліезина, въ которой онъ говоритъ, что Іоаннъ пророкъ зналъ его подъ именемъ Мирдина: «Ioannes Dewin am Gelwis i Merdin (Myvyrian Archaïology of Wales. I, p. 19) am galvay Marddin (Hanes Taliesin Mabinogion, VII, p. 339). Слова, приписываемыя Таліезину, явно обозначаютъ, что дѣло идетъ о вѣчномъ Боянѣ, вѣчномъ прорицающемъ духѣ, воплощающемся въ пѣвцахъ. Приводимая въ исторіи Мерлина Бретонская колыбельная пѣснь не позволяетъ въ томъ сомнѣваться:

«J'étais dans la grotte d'un petit Duz, entourée des eaux d'une fontaine.

Les pierres en étaient si transparentes, les pierres étaient si éblouissantes! Les pierres étaient aussi diaphanes que le cristal.

Sur le sol un tapis de mousse tout parsemé de primevères.

Le petit Duz n'était pas chez lui, j'en étais rassurée et joyeuse.

Tant que de loin je vis venir à tire d'aile une tourterelle.

Elle frappa de son petit bec aux murs de cristal de la grotte.

Et moi sotte, par pitié pour elle, je lui ouvris la porte, hélas!»

Между каждой строфой повторяется: Dors, dors, mon enfant, mon enfant, dors, enfant, dors.

На стр. 130 уже говорено было о значеніи слова Duz и dusi въ Романскихъ языкахъ; сочетаніе его съ голубемъ (tourterelle) не даетъ возможности сомнѣваться въ ближайшемъ сродствѣ Бретонской пѣсни съ нашими пѣснями Людей Божіихъ.

Царская дѣва раждаетъ ребенка Marz, по ея мнѣнію, отъ темнаго духа. Ребенокъ успокоиваетъ мать:

Mon père, entre le ciel et la terre est aussi brillant que la lune.

Il est l'ami des opprimés, quand il le peut il les protège.

Que Dieu préserve éternellement mon père de l'abîme glacé.

Mais bénie soit l'heure au contraire où je naquis pour faire le bien.

Où je naquis pour faire le bien de mon pays; que Dieu garde de chagrin.

Вслѣдъ и за этими строфами ребенокъ Merlin поетъ тотъ же припѣвъ, напоминающій нашъ припѣвъ:

Баю, баюшки, баю,
Спи, дитя, баюшки, баю,

Затѣмъ мать говоритъ: «Heman so marz mar boe biskoaz. Voici une merveille s'il en fut jamais».

Эта пѣснь о рожденіи вѣщаго пѣвца находится въ такомъ согласіи съ пѣснями и ученіемъ Людей Божіихъ, что должно удивляться если она не сохранилась у насъ. Впрочемъ, сохраненіе древнихъ пѣсенъ у насъ не обычно, такъ какъ, по правиламъ Людей Божіихъ, пѣсни должны быть импровизируемы.

Голубь въ пѣснѣ современныхъ Бретонскихъ кормилицъ обозначаетъ, какъ и у насъ, пророческій духъ:

Ужь вы голуби, ужь вы сизые!
Мы не голуби, мы не сизые,

Мы апостолы съ неба посланы:
Ужь мы летали, мы полетали,
Ужь мы видѣли, мы повидѣли
Диво дивное, чудо чудное и престрашное,
Гдѣ душа съ тѣломъ разставалася,
Разставалася и прощалася:
Ой, тебѣ, душа, въ муку вѣчную идти:
Ужь придутъ къ вамъ земляные черви.

Добротворскій: Люди Божіи. (Казань. 1869. Пѣснь 73).

Въ пѣснѣ 42 голубемъ называется пророкъ, неправильно обличавшій братью:

Ужь ты, бѣлый голубокъ,
Мой сизенькій воркунокъ.

Стремленіе души на апостольскую бесѣдушку, весьма схожую съ Бретонскою колыбельною пѣснью по основной мысли, выражено въ пѣснѣ 76:

Утенушка по рѣчушкѣ плыветъ,
Выше бережку головушку несетъ,
Про меня младу, худу славу кладетъ,
Будто я, млада, въ любви съ Богомъ жила,
Со Христомъ въ одномъ согласьицѣ.
Я спать лягу—мнѣ не хочется,
Животъ скорбью осыпается,
Уста кровью запекаются:
Мнѣ къ батюшкѣ въ гости хочется,
У родимаго побывать-побесѣдовать,
На бесѣдушку апостольскую,
И гдѣ ангели пиршествуютъ,
И гдѣ Духъ святый ликуется.

Не можетъ быть сомнѣнія, что подъ именами Мерлина и Таліезина обозначается вѣчный пророческій духъ. Слова въ пѣснѣ Таліезина, что онъ несъ знамя предъ полками Александра Великаго, явно означаютъ Даніила пророка.

Іосифъ Флавій (XI, 8) и Іосифъ Горіонидъ (II, 6) оба разсказываютъ, что Александръ Великій поклонился въ ноги предъ первосвященникомъ Іудейскимъ, объясняя это тѣмъ, что ему въ Македоніи являлся во снѣ подобный же мужъ, въ томъ же облаченіи, и призывалъ его на покореніе Персидскаго царства, объ-

щая предшествовать ему на этомъ пути. Видѣнный во снѣ былъ пророкъ Данiилъ, прорицавшiй объ уничтоженiи Персидскаго царства царемъ Еллинскимъ (гл. VIII к҃а).

Сродство, существующее между Кельто-Романской и Словено Русскою поэзiей не есть математическое тождество; на оборотъ—при несомнѣнномъ единствѣ источника слѣдуетъ скорѣе удивляться самостоятельности развитiя народныхъ сказанiй на различныхъ почвахъ. Не слѣдуетъ также и смѣшивать въ одно многообразныя ученiя, являвшiяся втеченiи столѣтiй, не смотря на ихъ очевидное сродство. Главная помѣха для правильнаго пониманiя этого многосложнаго вопроса заключалась въ томъ, что ученые, вмѣсто того чтобы смотрѣть на человѣчество какъ на живой организмъ, съ постояннымъ круговращенiемъ жизненной силы во всѣхъ частяхъ организма, привыкли видѣть въ различныхъ частяхъ этого организма лишь искусно придуманные препараты, для большаго удобства демонстрацiй. Движенiе жизненной силы въ различныхъ частяхъ организма несомнѣнно весьма неравномѣрно, и втеченiи различныхъ перiодовъ жизни человѣческаго рода могло затихать и дѣлаться почти незамѣтнымъ, но прерываться не могло.

Систематическое разъединенiе исторiи господствуетъ надъ умами, не смотря на всѣ открытiя послѣднихъ тридцати лѣтъ, обнаружившiя всю несостоятельность устарѣлой методы.

Вильмарке (Merlin, стр. 2), весьма нерасположенный видѣть въ историческихъ воспоминанiяхъ Бретонцевъ влiянiе классической литературы, относится совершенно иначе къ повѣрьямъ Кельтскаго племени:

Les superstitions, qu'elle conserve, où les traditions payennes, qu'elle nourrit, ont des racines beaucoup plus profondes qu'on ne le croît, communément, et pour les mettre à decouvert, on doit creuser souvent jusqu'à l'antiquité. J'en ai fait plus d'une fois l'éxperience. J'ai acquis en même temps la preuve que les temoignages des écrivains classiques sont le terrain le plus solide, sur les quels puissent bâtir les mythologues de ces nations.

Слова эти говоритъ Вильмарке по поводу рожденiя Мерлина

отъ духа и дѣвы, какъ о повѣрьи въ древней Галліи, засвидѣтельствованномъ Августиномъ (De civitate Dei, XV, 23). Вильмарке ссылается также на Vitae SS. Salviniani et Potentiani и на Donat. Peppini, Karlomani et Karoli Magni ann. 768, и 770 794.

Связь Дѣвы-Обиды съ Еленой, сказкой о Горѣ-Злочастіи, пѣснью о рожденіи Таліезина и Еврейскою, приведенною на стр. 445—449, подтверждается поразительнымъ образомъ баснью о Тетисѣ, матери Ахиллеса, и Немезисѣ, матери Елены. Велькеръ (Griechische Götterlehre, Göttingen. 1862. III, 27), приводитъ стихи Стасина (Der Epische Cyclus. Bonn. 1849, II, 92):

Kastor der Held war sterblich, des Todes Geschick ihm beschieden,
Aber unsterblich er Polydeukes, der Sprosse des Ares.
(Clemens Alex.Pr c. 2, p. 26).

Helena zeugt er mit diesen die dritt' ein Wunder dem Anblick,
Die einst Nemesis, lockigen Haars, aus der Liebesumarmung
Zeus, dem Beherscher der Götter, gebar nach dem Zwang der Bestimmung,
Denn sie floh und sie wollte sich nicht hingeben in Liebe
Vater Kronion Zeus; denn es zehrte das Herz sich von Schaam ihr
Auf und von Scheu, und zu Land und im dunkelen öden Gewässer
Floh sie und Zeus der Verfolger, entbrannte zu fahn sie von Sehnsucht:
Jetzo wohl in den Fluthen des lautaufrauschenden Meeres
Warf sie in Fischesgestalt auf Weithin den Schwall des Gewässers,
Jetzo am Okeanischen Strom und den Grenzen der Erde,
Jetzo zu Land auf Furchengefild, und wurde zu Thieren
Immer, so viel furchtbare das Land nährt, ihm zu entfliehen.

Самый любопытный фактъ въ этомъ сопоставленіи, это рожденіе въ Бретонской пѣснѣ вѣчнаго пѣвца, Таліезина, отъ неизбѣжной и всегубительной судьбы—Немезисъ. Въ Еврейской и Русской баснѣ сохраненъ тотъ же смыслъ, что у Стасина. Бретонская пѣснь дѣлаетъ выводъ, что духъ прорицанія пораждается гоненіемъ.

Стихи Стасина далеко не нарушаютъ оригинальности народныхъ пѣсенъ. Каждое стихотвореніе развивается самостоятельно, и въ стихахъ Стасина наименѣе сохраненъ смыслъ основнаго мѵѳа.

Юпитеръ преслѣдуетъ Немезиду, по совѣту Ѳемиды, для уменьшенія, посредствомъ Елены, чрезмѣрно увеличившагося рода человѣческаго. Этотъ мѵѳъ припоминаетъ Пѣвецъ Игоревъ, говоря:

«Въстала Обида въ силахъ Дажьбожа внука вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескали лебедиными крылы, на синѣмъ море, у Дону, плещучи, убуди жирня времена».

Догадка о существованіи іероглифическаго изображенія всепожирающей круговой поруки подтверждается разсказомъ Плутарха въ разсужденіи его объ Изидѣ и Озирисѣ (стр. 452).

Въ сѣняхъ храма Минервы, въ Саисѣ, изображенъ младенецъ, старикъ, соколъ, рыба, и вслѣдъ за ними морской конь. Это символически должно значить: вы, раждающіеся и умирающіе—божество не терпитъ безстыдныхъ (ребенокъ обозначаетъ раждающихся, старецъ умирающихъ); соколъ обозначаетъ божество; рыба ненависть; какъ принадлежность моря (слезы Сатурна), морской конь—безстыдство (Изисъ и Озирисъ Плутарха, § 32). Въ § 72 Плутархъ говоритъ о нелѣпости мнѣнія, что боги превращались въ разныхъ животныхъ вслѣдствіе страха, наведеннаго Тифономъ. Въ этомъ же параграфѣ онъ упоминаетъ о Египетской легендѣ объ одномъ хитромъ королѣ, придумавшемъ ввести поклоненіе разнымъ животнымъ между различными племенами, чтобы постоянно возникали между этими племенами войны изъ-за пожирающихъ другъ друга боготворимыхъ животныхъ.

Всѣ эти древнѣйшія толкованія положительно менѣе первобытны, чѣмъ пѣсни Еврейская, Бретонская и Русская. Каждая изъ трехъ пѣсней, наоборотъ, могла служить мотивомъ для изображенія въ предверьяхъ Саисскаго храма Минервы.

632—634. Тѧжкотиголовыкромѣплечюзлотитѣлꙋ кромѣголовырꙋсскойземлибезъИгорѧ.

§ **119**. Правописаніе «головы» вмѣсто «головѣ» можетъ быть и не описка, а лишь мѣстная особенность. «Новгородское нарѣчіе замѣняло также *ы* въ родит. и винит. мн. гласными *ѣ* и *ъ*, подобно нынѣшнимъ Сербамъ и Краинцамъ, напр. «ходи Всеволодъ на Болгаре» вм. Болгары; «перенесоша въ Монастырь изъ Печерѣ» вм. Печеры; «отъяша посадницьство у Нѣжатѣ» вм. Нѣжаты; «у

Вълѣнѣ у рѣцѣ» вм. у Вълѣны у рѣкы; «посадника дѣля Мирошке и Иванка и Өоме» вм. Мирошкы, Өомы (Грам. Цер.-Слав. языка. А. Х. Востокова. 1863, стр. 12).

Наоборотъ, въ Онежскихъ былинахъ, изданныхъ покойнымъ Гильфердингомъ, встрѣчается та же форма, что и въ Пѣснѣ Игоревой:

Били купцы о своихъ главахъ.
И Сатокъ, купецъ богатый,
Билъ о своей буйной головы.

(Сатко, Волга и Микула).

И лопнулъ колоколъ было мѣдный
На *главы* у того отца крестоваго. (Тамъ же).

Митрополитъ Евгеній замѣчаетъ, что въ этомъ изреченіи скрывается таинственный, многозначущій смыслъ. Пѣвецъ Игоревъ повторяетъ эти слова по поводу безнадежнаго состоянія Южной Россіи въ XII столѣтіи. Игорь не имѣлъ власти, и Россія была безъ головы. «Teli in orbe, sicut Rex in solio suo: sphaera in anno, sicut Rex in civitate: Cor in homine, sicut Rex in bello» (Liber de Creatione, Cabalistinis Hebraice. Sepher Iezira authore Abrahamo, cap. V).

«Лучи на небѣ что царь на своемъ престолѣ: солнце въ круговоротѣ что царь въ государствѣ: сердце въ человѣкъ что царь на войнѣ».

Можетъ быть существуетъ не одна логическая связь этого изреченія и съ Ведами: Le Brahmane a été la bouche, le Prince ses bras, les vésyas ses cuisses. Le Soudra est né de ses pieds (Rigveda. Langlois, T. IV, p. 341, vers 12).

Римляне, убѣдивъ этимъ апологомъ народъ, удалившійся на Авентинскую гору, воспользовались вѣроятно религіознымъ значеніемъ этого изреченія, чтобъ склонить народъ возвратиться въ Римъ.

Схожія слова находятся въ прорицаніи Дельфійской Пиѳіи, приводимыя здѣсь въ переводѣ Киріяка Кондратовича:

Quid miserande sedes Populus fuge ad extima terrae
Aedibus et slobidae desertis collibus urbis
Nam caput et corpus minime sincera manebant
Extremine Pedes poterunt superesse manusque

Aut medium sed exignis edax deformia reddet
Et Mars acer equis urgens Asia genacurrum.

Что бѣдный сидишь народъ? Бѣги до послѣдней земли;
Оставя строеніе і холмы кругловиднаго города.
Ибо голова і тѣло никакъ цѣлые не пребудутъ,
І не могутъ остатся послѣдные ноги и руки,
Или средина, но опые огонь всеядца мерскими учинитъ.
І Марсъ жестокій понуждающій лошадей въ Асійскомъ возу.

(Антоніевы Далевы Палеатра Гарлемскаго объ оракулахъ переведены отъ Кириака Кондратовича въ 1738 году въ Екатеринбургѣ, съ любопытнымъ посвященіемъ Его Выспр. В. Н. Татищеву. Большой рукописный фоліантъ моей библіотеки, № 143, по каталогу Смирдина, между сочиненіями и переводами Кондратовича не значущійся).

Этотъ оракулъ Дельфійской Пиѳіи, объявленный Аѳинянамъ, приведенъ по Геродоту (кн. VII. Полимнія, § 140).

Въ Божественной Комедіи Данте, Bertrand de Borne ходитъ въ аду съ головой подъ мышкою, за то что проповѣдовалъ несогласіе и мятежъ.

У Персовъ, говоритъ Страбонъ (кн. XV, гл. III, § 17), ослушниковъ, по отрубленіи головы и рукъ по плечи, выбрасывали вонъ. Редакція Персидскаго закона весьма близко подходитъ къ изреченію Бояна. Въ Русскихъ памятникахъ также встрѣчаются изреченія, подходящія къ изреченію Бояна:

«Многажды бо безнарядіемъ полцы погибаютъ. Видѣхъ великъ звѣрь а главы не имѣетъ: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибаютъ» (Слово Даніила заточника).

«Сею бо кровь и до кончины вѣка не престаетъ вопіющи къ Богу на безаконого и гордого Святополка безглавнаго звѣря» (Харат. Паремейникъ).

«Тѣмъ же тѣло безъ душа хромо есть, и не наречется человѣкъ но трупъ» (Кириллъ Туровскій, притча о человѣчьстѣй души и о телѣси).

Самое близкое изреченіе по смыслу, по формѣ и по обстановкѣ

находится во введеніи къ Польской Исторіи Кадлубка (Vinc. Kadlubkonis. Hist. Pol., I. in add. ad T. II. Ioanni Dlugossi Hist. Poloniae Lipsiae. Sump. I. L. Gleditschii et M. G. Weidmanni, 1712, pp. 605, 606), въ IV письмѣ Епископа Краковскаго Матѳея:

«Смѣшно изуродованное животное, мужъ безъ головы, безголовый. Тоже тѣло бездушное, тоже безъ свѣта лампада, тоже міръ безъ солнца, что царство безъ царя».

Авторъ этихъ словъ Гракъ, первый Польскій царь и законодатель.

De primi regis videlicet Graci principis Regni Poloniae legislatoris felici promotione a Graci filii juniores nefaria successione.

Ex tum nonnuli dominativam ligurire coeperunt portiuncullam, unde a Carinthia rediens Gracus, et erat sententioso beatus sermonum agmine, omnes in concionem vocat, omnium ora in se convertit, omnium venatur favorem, omnium sibi conciliat obsequia. Ait, *ridiculum esse pecus mutilum*, *hominem sine capite*, *acephalum*. *Idem esse corpus exanime*, *idem sine luce lampadem*, *idem mundum sine sole*, *quod sine Rege imperium*.

Это же изреченіе находится и въ хроникѣ Міержвы, въ Monumeta Poloniae Hist. (wydal August Bielowski. Lwòw. II, стр. 167). На стр. 166 той же хроники о Гракѣ говорится:

«Gallis igitur cessit universa Graecia; Polonorum ve hinc usque Parthiam, isthinc usque Bulgariam, illinc usque Carinthiam exercitibus crevit accessio, ubi post multa bellorum discrimina urbes occupant, praefectos constituunt, praefatum Graecum principem creant».

Этотъ Гракъ или Кракъ дѣйствительно весьма можетъ быть (срв. Бѣловскаго, Mon. Pol., II, 149) Бардилъ, король Иллирійскій и тесть Пирра, короля Эпирскаго. Иллирійскіе, Эпирскіе короли, тетрархи Галльскіе и короли Египетскіе соединяли въ себѣ верховную власть, военную и религіозную. Потомокъ Ахиллеса, знаменитый Пирръ, царь Македонскій и Эпирскій, обладалъ таинственными средствами леченія. Онъ никогда не приступалъ къ леченію какъ по принесеніи въ жертву бѣлаго пѣтуха. Леченіе состояло

въ прикосновеніи большого пальца правой ноги къ больному мѣсту. Палецъ этотъ, по сожженіи тѣла, остался невредимъ, и, посвидѣтельству Плинія (VII, 2), сохранялся въ храмѣ какъ нѣчто священное.

Іоакимъ Camerarius гдѣ-то говоритъ, что и большой палецъ ноги Ахиллеса обладалъ тою же силой, и что будто бы этотъ стихъ былъ исключенъ изъ Илліады по недоумѣнію Схоліастовъ.

Бардилъ, первый Иллирійскій царь, былъ сначала угольщикомъ и разбойникомъ, и, судя по его имени, былъ бардъ и король, подобно другимъ древнимъ Галльскимъ бардамъ. Онъ весьма могъ сложить похоронную пѣснь въ память Пирра, и въ этой пѣсни могло заключаться изреченіе по поводу обезглавленія своего знаменитаго зятя. Плутархъ, въ его жизнеописаніи, говоритъ, что Пирръ, раненный въ затылокъ черепицей, брошенной женщиною съ кровли, упалъ съ коня, былъ перенесенъ воинами въ зданіе и тамъ обезглавленъ.

Самое имя Бардила указываетъ на сродство съ мудрецомъ Куракомъ, отцомъ трехъ знахарокъ, и съ Бояномъ. Басня о лечебной силѣ ножнаго пальца Пирра и Ахиллеса напоминаетъ подобное же свойство королей Французскихъ. Весьма можетъ быть, что недаромъ встрѣчаются лиліи въ Сербскомъ гербѣ. При этомъ невольно приходитъ на память и значеніе Реймскаго Словенскаго Евангелія при коронаціи Французскихъ королей, которое также могло быть слѣдствіемъ воспоминанія о ихъ Паннонскомъ происхожденіи.

Академикъ Куникъ (Mélanges Russes, T. I, 1 livraison. St.-Pétersbourg, 1849), сильно заподозриваетъ легенду, составившуюся по поводу Реймскаго Евангелія; но тѣмъ не менѣе фактъ присутствія этого Евангелія при помазаніи и присягѣ королей Французскихъ далеко не поколебленъ.

Въ главѣ IX второй части поэмы Kyng Alisaunder, по выпискамъ въ переводѣ Вейсмана, по поводу кончины Александра Великаго приводятся слова поэта: «So gehts auf dieser Erde unter gelehrten und Laïen; wenn das Haupt zu Boden gefallen ist, sinken die Glieder alle!» Содержаніе и выписки изъ Англійской поэмы изданы въ Metrical Romances, etc., by Henry Weber, I, 1—27. London 1810.

Эти слова, относящіяся до Александра Великаго и совершенно подходящія по смыслу и обстановкѣ къ изреченію Бояна, могли входить въ число изреченій вѣнценоснаго мудреца Грака, по поводу Пирра или Александра Великаго, въ притчѣ, назначенной имъ для назиданія народа Польскаго.

Таинственную роль играетъ отрубленная голова въ Бретонскихъ романахъ; эта таинственная голова замѣняетъ священный граль. Указанія на эту голову такъ незначительны, что это можетъ быть голова Олоферна или святаго Іоанна Предтечи. Послѣднее вѣроятно, такъ какъ въ иныхъ редакціяхъ голова эта принесена въ Англію св. Іосифомъ Аримаѳейскимъ.

Et Peredur se rendit à la grotte de l'Avank, et il prit la pierre précieuse dans sa main gauche et sa lance dans sa main droite, et comme il approchait, il vit l'Avank, et il le transpersa de sa lance, et lui coupa la tête (Peredur, XXI). Вслѣдствіе этого Передуръ женится на императрицѣ (XXIV). Въ Парцивалѣ Вольфрама отъ этого союза происходитъ знаменитый Пресвитеръ Іоаннъ.

Таліезинъ называетъ Передура le héros de la tête sanglante (Myvyrian, I, 80). Ce n'est pas la tête d'un lache que je porte dans mon bassin, говоритъ Таліезинъ (Lyfr Taliesin, fol. 50 ms. Hengwart).

Peredur et son oncle (le Roi Pecheur) discouraient ensemble lorsqu'ils virent entrer dans la salle deux jeunes hommes, qui se dirigeaient vers la chambre, et ils portaient une lance d'une longueur demesurée, de la pointe de la quelle coulaient à terre trois gouttes de sang. Quant la compagnie vit cela, elle se mit à pleurer et à se lamenter, mais le vieillard n'en continua pas moins de causer avec Peredur: et comme il n'apprit point à Peredur la raison de ce qui se passait, Peredur n'osa le lui demander. Et quand les cris furent un peu apaisés, on vit venir deux jeunes filles avec un bassin, dans la quelle était une tête d'homme nageant dans le sang (X).

Я положительно не вижу никакого основанія заподозривать добросовѣстность и разумность древнихъ Польскихъ Лѣтописцевъ: почерпали ли они свои свѣдѣнія въ утраченномъ Трогѣ Помпеѣ,

или вслѣдствіе внимательныхъ соображеній, основанныхъ на показаніяхъ Страбона, Діодора Сицилійскаго, Юстина, или даже на героическихъ пѣсняхъ, Кельтскихъ и Славянскихъ. Я полагаю даже, что преданія, сохранявшіяся въ легендахъ, имѣвшихся въ виду у Польскихъ лѣтописцевъ, несравненно древнѣй.

Чешская легенда о Крокѣ, признаваемая болѣе древней, чѣмъ Польская объ угольщикѣ, разбойникѣ, сдѣлавшимся королемъ Иллирійскимъ и Польскимъ, переноситъ эту легенду, (по соображенію географическихъ названій), въ Малую Азію, во времена баснословныя. Быть можетъ это голова, о которой говоритъ Ахиллесъ, прародитель Македонскихъ, Ѳессалійскихъ и Болгарскихъ царей.

Козма, лѣтописецъ Чешскій, начала XII столѣтія, говоритъ о Крокѣ какъ о мудромъ совѣтникѣ, жившемъ въ золотомъ вѣкѣ правды и свободы. Мужскаго поколѣнія онъ послѣ себя не оставилъ, но у него были три дочери: старшая, Кази, не уступала Медеи въ знаніи травъ и поэзіи, и Пэонію въ знаніи медицины; она была въ полномъ словѣ знахарка; о ней составилась даже поговорка: «этого и Кази не можетъ найти». Вторая дочь Крока, Тетка, ввела поклоненіе дріадамъ, ореадамъ, камнямъ, источникамъ, деревьямъ и всякимъ идоламъ. Третья дочь, Любуша, была предвѣщательница.

Въ Чешской лѣтописи Козмы (XI—XII ст.) по изд. 1874 г., въ Прагѣ, стр. 7:

«Inter quos vir quidam oriundus extitit nomine Crocco, ex cuius vocabulo castrum jam arboribus obsitum in silua, que adiacet pago Stybeizne, situm esse dinoscitur. Vir fuit hic in suis generationibus ad unguem perfectus, rerum secularium opulentia praeditus, judiciorum in deliberatione discretus, ad quem tam de propriis tribubus quam ex totius provincial plebibus velut apes ad alvearia ita omnes ad dirimenda convolabant judicia. Hic tantus vir ac talis expers virilis fuit prolis; genuit tamen tres natas, quibus natura non minores, quam solet viris, sapientiae dedit divitias.

Въ исторіи Кадлубка, этотъ же Crocus называется Gracus.

Въ четвертомъ письмѣ Матвея, Епископа Краковскаго: «unde

a Carinthia rediens Gracus, ut erat sententioso beatus sermonum agmine omnes in concionem vocat, omnium ora in se convertit, omnium venatur favorem, omnium sibi conciliat obsequia.

На основаніи ли недошедшихъ до насъ Греческихъ источниковъ, или народныхъ Славянскихъ преданій, но это упоминаніе Крока имѣетъ твердое историческое основаніе. Славянскій Крокъ есть тотъ же мудрый мужъ, о коемъ упоминаетъ архіепископъ Евстаѳій:

Taurum autem, qui ibi locorum mons est, Cragum etiam vulgo nominatum dicit a *Crago quodam*, *viro perillustri*, *qui ibi demortuus colitur*. Hoc in Crago veteres narrant antra esse agrestium deorum. At vero geographus (p. 656) haec etiam de Crago: «Cragus mons verticibus est octo, urbemque habet cognominem, ubi quae sunt in fabulis de Chimaera: et convallis ibi Chimaera, a littore sursum versus extenta. Ante hunc montem est Anticragus». Traditur etiam mons esse in Lycia ultro emitiens ignem, qui etiam nunc conspicitur (Eustathii commentarii на стихъ 847 Описанія свѣта Діонисія).

Сказаніе о городѣ Cragus, тождеименномъ горѣ, и знаменитомъ мужѣ, чтимомъ потомствомъ въ Ликіи на берегу Карпатскаго моря, перенесено было въ Европу, вмѣстѣ съ названіемъ Карпатскихъ горъ, населеніемъ, сохранившемъ и свое древнее названіе.

Лехи, позднѣйшая форма народнаго названія λυκοι, точно также какъ средне-Европейская рѣка, называвшаяся Lycus, нынѣ называется Lech.

Здѣсь не мѣсто болѣе распространяться относительно сближенія между именами Ликійскихъ городовъ съ Славянскими, и объясненіями Ликійскихъ надписей, собранныхъ Англійскимъ путешественникомъ Fellow. Мицкевичь пытался объяснять эти надписи по Славянски. Если его попытка не совсѣмъ удачна, то это не причина, чтобы болѣе опытному и усидчивому филологу не удалось сдѣлать важныхъ открытій. Карпатъ, Крагъ, Тавръ, Лехи, островъ Кази въ ближайшемъ между собою сосѣдствѣ, въ уголкѣ Средиземнаго моря, не могли случайно быть перенесены за Дунай.

Мысъ и гора Kragus, волканъ Химеры, островъ Карпатъ и

близлежащій островъ Казосъ (Кази, дочь Крага), городъ Xanthus-Русь, городъ Патара, давшій свое названіе сектѣ Богумиловъ, въ Ликіи начинаются горы Тавръ: всѣ эти географическія имена не случайно встрѣчаются въ уголкѣ Средиземнаго моря и повторяются за Дунаемъ. Весьма важно и то обстоятельство, что Богумилы назывались въ XI—XII столѣтіяхъ Патаренами, по мѣстности, знаменитой въ древности своими оракулами. Не менѣе важно и близкое сосѣдство съ этими мѣстностями Миры, родины св. Николая Чудотворца, по тому національному характеру, который св. Николай имѣетъ въ повѣрьяхъ Русскаго народа и иноплеменниковъ, обитающихъ въ Россіи. Сѣверные язычники приписываютъ покровительству этого святого успѣхъ Русскаго племени. Кадлубко и его источники могли заимствовать эти классическія имена изъ классическихъ писателей или изъ гностическихъ. То и другое могло быть, но это далеко не причина, чтобы заподозривать ихъ показанія. Нѣтъ никакого основанія заподозривать ученыхъ, принадлежавшихъ католической церкви или гностическимъ сектамъ, въ меньшихъ этнографическихъ свѣдѣніяхъ, чѣмъ Европейскіе ученые XVIII и XIX столѣтій. Этнографія едва начинаетъ свое существованіе въ Европѣ, этнографическія же свѣдѣнія въ средѣ духовенства и сектаторовъ были свѣдѣнія вполнѣ живыя и постоянно возобновляемыя органическою связью, существовавшею между духовными обществами, раскинутыми по лицу земли.

Польскій и Чешскій лѣтописцы пользовались несомнѣнно классическими источниками и народными сказаніями. Никакого не можетъ быть сомнѣнія, что архіепископъ Евстаѳій, упоминая о знаменитомъ мужѣ Крагѣ, имѣлъ такіе источники, которые до насъ не дошли. Этими источниками пользовались, весьма вѣроятно, и Кадлубко и Козма, и примѣняли ихъ къ мѣстнымъ преданіямъ.

Что касается Пѣсни Игоревой, то важна однородность имени Gracus и Баянъ: оба соотвѣтствуютъ латинскому Vates и нашему *вѣщій*, но съ тѣмъ различіемъ, что Баянъ, по словопроизводству, принадлежитъ корню «баять», а «Crocus» и «Gracus» прямо указываютъ на птичій грай: κραγος (κρωζω) громкій крикъ и

громко кричащій. Слово это сродно Церковно-Славянскому гракать, грацать, граіать, грай и вороноград; Русское «гаркнуть» и «грачь»; Латинское graculus и crocitare, Французское croasser и Нѣмецкое krächzen. Это сродство тѣмъ болѣе вѣроятно, что варіантами вмѣсто «Crocus» находится «Groh» и «Grecko» въ Чешской лѣтописи; въ исторіи Кадлубка этотъ Крокъ названъ Gracus.

Кадлубко говоритъ, что городъ Краковъ построенъ въ честь стараго Крока, а названъ Краковомъ по карканью вороновъ при возведеніи стѣнъ. Сыновья этого Кракуса убиваютъ дракона, соотвѣтствующаго Ликійской Химерѣ. Дочь Кракуса, Ванда, бросается въ Вислу. Эта легенда имѣетъ нѣчто сходное съ легендой о Волхвѣ, Славнѣ и Всеславѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и Freya называется Вандою, а также и Діаной.

Крокъ, въ легендахъ Чешскихъ и Польскихъ, изображаетъ, какъ кажется, зародышъ просвѣщенія. Въ легендѣ Чешской это несомнѣнно по его дочерямъ, представительницамъ поэзіи, медицины, религіи и прорицанія. Эта легенда изображаетъ то же, что и явленіе Оанеса, морскаго чудовища, въ сказаніяхъ Халдеевъ. Легенда Новгородская еще болѣе схожа съ Халдейской, съ тою только разницей, что она относится враждебно къ строителю Волхву Всеславьичу.

Опредѣленіе VII вѣка Троянскаго, два стиха изъ Илліады и воззваніе къ Соловью-Бояну, сходное съ воззваніемъ Еврипида къ Соловью-Гомеру, убѣждаютъ въ тождественности Бояна и Гомера. Сліяніе Бояна и Крока, Крока и Гезіода и Омира и Гезіода указываетъ какъ будто на существованіе у Славянскихъ народовъ древняго мѵѳолога, соединявшаго въ своемъ образѣ Славянскихъ и Греческихъ мѵѳологовъ. Что Гомеръ и Еврипидъ имѣли въ виду тѣ же басни, которыя ходили по Россіи въ XII столѣтіи и ходятъ и нынѣ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но предполагать, что существовала въ XII столѣтіи редакція Русскихъ пѣсенъ, дозволявшая совокуплять въ одно лицо Гомера и составителя Русскихъ богатырскихъ пѣсенъ—гипотеза, лишенная возможности быть подтвержденной. Существующія Русскія пѣсни и сказки необходимо

заставляютъ предполагать существованіе древняго священнаго эпоса. Сомнительно, чтобы Пѣвецъ Игоревъ могъ смѣшивать этотъ древній эпосъ съ Иліадой Гомера: Гомеръ пользовался священными Азіятскими преданіями, какъ свѣтскій художникъ. Намеки Пѣвца Игорева имѣютъ характеръ мистическій, и указываютъ на глубокое посвященіе Поэта въ таинства древней религіи. Сознавая сходство и тождество первоначальнаго источника пѣсенъ Гомера, и напримѣръ пѣсни Кирши Данилова о Всеславѣ, Пѣвецъ Игоревъ съ полнымъ правомъ и великимъ художествомъ связывалъ картину современныхъ ему раздоровъ съ гибельнымъ исходомъ похожденій Елены съ Парисомъ и съ Вольгой Всеславьичемъ. Самое упоминаніе Бояна въ Пѣснѣ не позволяетъ предполагать, что имя это относится къ знаменитому Поэту XI или XII столѣтія. Намъ положительно и вполнѣ извѣстно, что имя таковаго пѣвца не только не знаменито, но и не оставило ни малѣйшихъ слѣдовъ: знаменитость эта лишена необходимѣйшаго условія—извѣстности. Между тѣмъ, лѣтописи наши сохранили одно или два имени пѣвцовъ XII столѣтія.

Слова о сокрытой и обличенной лести, приводимыя въ Ипатьевской лѣтописи подъ 6741 годомъ, и приписываемыя Гомеру: «о лесть зла есть! якоже Омиръ пишетъ, до обличенья сладка есть, обличѣна же зла есть; кто внѣй ходитъ, конѣць золъ приметъ; о злѣе зла зло есть», встрѣчаются также въ хроникѣ Міержвы и у Кадлубка; у послѣдняго они находятся въ видѣ эпиграфа къ XIII письму, въ перепискѣ Матѳея, епископа Краковскаго, и Іоанна, епископа Гнѣзенскаго (стр. 619):

Si latet ars prodest confert deprehensa pudorem.
Alter honoris onus fert saepius, alter honorem.

Скрытая хитрость удается, обличенная приноситъ стыдъ.
Одинъ несетъ часто бремя чести, а другой самую честь.

Въ IV письмѣ высказывается подобная же мысль: nam post dolo deprehenso piaculi deputatur supplicio, exilii perpetuitate damnatur (стр. 607).

Первый стихъ находится слово въ слово въ Искусствѣ любви

Овидія (стихъ 313). Мною приведены, на стр. 423, стихи Гезіода, соотвѣтствующіе изреченію, встрѣчаемому въ лѣтописяхъ Польской и Русской и у Овидія. List, astutia, ars, artificium, dolus; ο δολος, η τεχνη, η μηχανή (Schul-Wörterbuch v. Wilhelm Freund).

βουλη, приговоръ, совѣтъ, совѣщаніе, приказъ, повелѣніе, замыселъ, намѣреніе.

βουλη уже сопоставляется Гомеромъ и Гезіодомъ съ однозначущимъ μυθος, прибаутка, басня, въ значеніи смышленой рѣчи, притчи, сказанія о богахъ и герояхъ. Позднѣйшіе Греческіе писатели сопоставляютъ δολος—ловушка, удочка, обманъ, приманка, умыселъ. Гезіодовская «κακα βουλη» переведено правильно на Латинскій языкъ—ars, и на Словено-Русскій—лесть. Въ самой Ипатьевской лѣтописи находится указаніе, что слова приведены согласно съ текстомъ, сохранившимся у Кадлубка, и вѣроятно имѣютъ общій или сродный источникъ. Подъ 6758 годомъ повторяются отрывочныя слова изъ этого изреченія, съ прибавкою, подтверждающею тождественность Омира, нашего лѣтописца и Грака, Польскаго лѣтописца: «О, злѣе зла честь Татарская». «О, злая честь Татарская». «Злобѣ бо ихъ льсти нѣсть конца».

При огромномъ развитіи Троянскихъ и соприкосновенныхъ мистическихъ сказаній, сосредоточивающихся на Дону, трудно сомнѣваться, чтобы самый источникъ ихъ распространенія въ средніе вѣка не былъ поклоненіемъ Ахиллесу на Черномъ морѣ. Здѣсь составлялись и распространялись пѣсни и легенды о герояхъ Троянской войны, по свидѣтельству Филострата (Heroïca), и сказка о семи Семіонахъ. На вопросъ Аякса: Какія раны были самыя тяжелыя, Ахиллесъ отвѣчаетъ: «Тѣ что мнѣ нанесъ Гекторъ. Но ты имъ никогда не былъ раненъ. Навѣрное, отвѣтилъ Ахиллесъ, въ голову и руки, потому что тебя я считаю за мою голову, а Патроклъ у меня былъ вмѣсто рукъ».

Весь разсказъ Филострата о посмертномъ житіи Ахиллеса и Елены, есть трактатъ о повѣрьяхъ, легендахъ и пѣсняхъ, распространявшихся изъ этого центра и постоянно возобновлявшихся около этого источника. Культъ Ахиллесу былъ почти неизвѣстенъ

древнему міру, но древность его несомнѣнна, ибо древнѣйшая легенда объ Ахиллесѣ связана съ Ифигеніей и культомъ Діаны Тавропольской на Крымскомъ полуостровѣ. Уже выше собраны были древнія свидѣтельства о переходѣ культа Сирійской богини въ Малую Азію и Аѳины съ береговъ Азовскаго моря.

Съ молодыхъ лѣтъ Ахиллесъ учился музыкѣ и пѣнію. Калліопа объявила ему, что онъ можетъ предаваться влеченію къ музыкѣ и пѣснопѣнію, насколько это содѣйствуетъ увеселенію пировъ, но что ему предназначается быть мощнымъ полководцемъ, и что явится поэтъ, который его достойнымъ образомъ будетъ воспѣвать. И по смерти Ахиллесъ сохранилъ на островѣ даръ пѣснотворчества. Филостратъ приводитъ стихотвореніе Ахиллеса въ честь Гомера, появившееся во второмъ столѣтіи послѣ Р. Х. Привожу это стихотвореніе по нѣмецкому переводу Фридриха Якобсъ:

«Echo, an den weiten Gewässern,
Am Gestad des grossen Pontos wohnend,
Durch meine Hand wecket die Lyra dich auf.
Auf, und töne Homeros, des göttlichen, Ruhm;
Ihn, der Männer Ruhm, und der Thaten die wir vollbracht,
Der dem Tod mich entriss durch den mir noch
Patroclus lebt, und den Himmlischen gleich
Mein Ajas blüht; durch den das Speerbesiegte,
Von Weisen besungene Ilium Ruhm gewann
Und nicht in Staub fiel».

Роль поэта, разыгрываемая Ахиллесомъ на Черномъ морѣ во второмъ столѣтіи послѣ Рождества Христова; живучесть Троянскихъ преданій среди Галльскихъ, Романскихъ и Словенскихъ племенъ; самая орѳографія собственныхъ именъ въ древнѣйшихъ письменныхъ сказаніяхъ о Троянской войнѣ, — все это подтверждаетъ туземность этихъ сказаній на Дунаѣ и на Дону Въ одномъ изъ Троянскихъ сказаній, приводимыхъ г. Пыпинымъ въ приложеніяхъ къ своему Очерку литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ: «Повѣсть о созданіи и плѣненіи Тройскомъ и о конечномъ разореніи, еже бысть при Давидѣ царѣ Іюдѣйскомъ» (Зап. II Отд. Акад Н., 1857, стр. 306), въ концѣ повѣсти (316) помѣщена замѣтка: «Написа же повѣсть о Тройскомъ плѣненіи тво-

рецъ Омиръ. Ахиллеиже сей бѣ сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша». Приписка эта объ Ахиллесѣ въ концѣ повѣсти не имѣетъ смысла, и можетъ быть объяснена какъ оговорка сдѣланная не на мѣстѣ, что въ рукописи не совсѣмъ понятно, ибо пропущенная замѣтка о происхожденіи Ахиллеса могла бы быть внесена, по принадлежности, при первомъ упоминаніи имени Ахиллеса; самая пунктуація въ печатномъ текстѣ едва ли правильна, и едва ли не нарушаетъ смыслъ, имѣвшійся въ виду у редактора. Въ рукописномъ хронографѣ находимъ слово въ слово со строчными знаками:

«И такѡ скончася троискіи царство, написа же повѣсть о троискомъ плѣненіи твореніе творецъ Ѡмиръ Ахиллей, сынъ бѣ царя Каеты а инде пишетъ Филиреша».

Я положительно не вижу причины, почему составитель этой повѣсти не ссылается именно на тѣ сказанія о Троянской войнѣ, слагавшіяся Ахиллесомъ и самимъ Гомеромъ на Черномъ морѣ, о коихъ распространяется Филостратъ и на которыя намекаетъ сказка о семи Семіонахъ, приписывая пѣсни и сказки движеніямъ Кота Баюна.

Въ этой мѣстности, на Черномъ морѣ, близь Дона, находится завязка Троянскихъ преданій Скандинавовъ, Франковъ и Кельто-Галловъ. Я полагаю, что у Филострата упоминается уже о чашѣ Graal, служившей главной мыслью всѣхъ Бретонскихъ и Провансальскихъ романовъ этого цикла. Филостратъ, распространяясь о посмертномъ житіи Ахиллеса, Елены и ихъ сподвижниковъ, мимоходомъ и какъ бы нехотя замѣчаетъ, что эта безсмертная община находится въ связи со сказаніемъ о чашѣ, найденной на островѣ Критѣ и перенесенной на островъ Левке.

Считаю излишнимъ распространяться объ этомъ вопросѣ, такъ какъ подобное изслѣдованіе потребовало бы цѣлый рядъ новыхъ изысканій. Для пониманія Слова о Полку Игоревѣ и намековъ пѣвца на Троянскія сказанія, весьма достаточно и собранныхъ здѣсь показаній древнихъ писателей послѣдней эпохи классическаго міра. Средневѣковые писатели, относя къ Гомеру всѣ Троянскія сказанія, поступали совершенно классически. Русскій

Пѣвецъ поступилъ еще правильнѣе называя рапсодовъ всѣхъ временъ, включая въ число ихъ Гомера, собирательнымъ именемъ «Боянъ». Вопросъ, былъ ли доступенъ средневѣковымъ писателямъ самый Греческій текстъ въ его полнотѣ, мнѣ кажется весьма маловажнымъ по отношенію къ произведеніямъ поэтическимъ. Произведенія Гомера, Илліада и Одиссея, ученія Пиѳагора и Платона, ученіе Магомета, суть предметы общеизвѣстные и въ средѣ незнакомой съ языкомъ Греческимъ и Арабскимъ. Чтобы знать Гомера, Платона, Магомета, нѣтъ надобности читать ихъ въ ту именно эпоху, когда ученія ихъ служили предметомъ частыхъ и спеціальныхъ изслѣдованій въ главныхъ центрахъ умственной дѣятельности. Гомеръ былъ краеугольнымъ камнемъ образованія юношества въ Константинополѣ въ XII столѣтіи, и то же самое мы можемъ заключить изъ сохранившейся программы Тулузскаго университета въ послѣднихъ годахъ того же столѣтія. Что касается до Южной Россіи, то здѣсь издревле и почти исключительно существовало поклоненіе виновникамъ Троянской войны, перешедшее всецѣло въ ученіе ересіарха и волхва Симона.

Въ концѣ XIX столѣтія невозможно сомнѣваться въ личномъ существованіи Греческаго творца Илліады и Одиссеи, и, съ другой стороны, столь же трудно было бы утверждать, что основа Илліады была Греческаго происхожденія. Троянскія сказанія въ полномъ своемъ составѣ развиваются на берегахъ Танаиса, впадающаго въ Черное море, и на берегахъ Танаиса, одного изъ рукавовъ Нила. Уже древніе говорили, что Одиссею писалъ Гомеръ подъ диктовку самого Улисса. Весьма понятно, что въ позднѣйшее время сложилось подобное же мнѣніе о сочиненіи Илліады, которая вовсе не есть поэма о разореніи Трои, но поэма объ Ахиллесѣ и его гнѣвѣ. Илліада начинается гнѣвомъ Ахиллеса, и завершается отмщеніемъ Ахиллеса за убіеніе Патрокла.

Подъ словомъ «Боянъ», Пѣвецъ Русскій совершенно правильно обозначаетъ цѣлый кругъ пѣвцовъ, сохраняя древнѣйшіе обычаи классической Греціи.

Образъ Бояна, такъ, какъ онъ отразился въ моемъ воображеніи, совершенно соотвѣтствуетъ характеристикѣ Гомера у Велькера.

Рама, въ коей изображенъ типъ вѣчнаго пѣвца Бретонской пѣсни, Таліезина, еще шире, чѣмъ очертаніе Гомерова типа въ классической словесности и Бояна въ Русской Пѣснѣ.

Велькеръ («Der Epische Cyclus. Bonn. 1865, стр. 117—124) обстоятельно объясняетъ основанія, давшія права нашему Пѣвцу ссылаться на вѣчнаго Поэта подъ именемъ Бояна:

Allgemein war in alten Zeiten der Gebrauch die Dichter, die Meister und Künstler, auch in Bezug auf besondre Arten der Werke (wie Dädalos, Smilis als Collectivnamen), nicht nach dem zufälligen Eigennamen, sondern nach ihrem Stand und Vermögen zu nennen, wodurch sie für ihre Umgebung und Zeit kenntlich genug waren und im Uebergang auf folgende Geschlechter im Ganzen genommen einen höheren, den allgemeinen Personen der Mythen ähnlichen Charakter erhielten *). Aus dem gleichen Grunde wurden oft manche Namen von Königen unverändert beybehalten, wie Minos, Midas, Kreon und ähnliche bey verschiedenen Völkern, während andre Zeitalter ihnen wenigstens Zahlen beyfügen. Wie das niedere Volk von dem Salzmann, dem Tuchmann spricht, oder auch dem Arzt oder Quacksalber, der das Land durchzieht, ohne sich um seinen Namen zu kümmern, so hält die Volkssage sich auch bey den Wahrsagern und den Sängern gern an das Wort selbst oder an bezeichnende, meistentheils ehrende Beywörter. Indem man allein in der Gegenwart lebt, bedarf es für die ersten ihrer Art, um sie allgemein zu unterscheiden, des Eigennamens nicht: erst durch Denkmäler, Annalen und Geschichte wird das Bedürfniß der Namen erweckt und gepflegt, die ohne jene nicht dauern, kaum über fünfzig Jahre sich in der Erinnerung des Volks erhalten, wie längst bemerkt worden ist. Auch noch in Zeiten, die zwar litterärisch, doch noch nicht schreibselig waren, und worin die Kunst alles, ihre Geschichte nichts war, hat man oft sehr berühmte Meister nur unter ihrem Vornamen oder einem Zunamen, traulich und als wären sie für die Geschichte

*) Bojan Dichter des XI. Jahrh., im Lied vom Igor hochgepriesen, soll Dichter, Barde bedeuten. Auch Hafis ist ein Ehrentitel Goethe W. 6. 63.

nicht da, fortgeführt, bis diese dennoch sich ihrer bemächtigt und ihnen die allein auf die Gegenwart eingerichtete und aus dem nächsten Kreise zufällig hervorgegangene Benamung entweder abgestreift oder auch für immer festgestellt hat. Wenn aber andre Dichternamen unbestimmter sind, wie Hesiodus, Eumolpos, Eumelos, Musäos, so hat das Wort Homeros das Eigenthümliche, daß es eine besondre Gattung bestimmt ausdrückt, die der umfassenden und zur Einheit verbindenden Gedichte. Vermuthen dürfen wir, obgleich in dem ältesten Gebrauche des Namens, so viel uns jetzt davon vorliegt, keineswegs Grund gegeben ist, daß derselbe zuerst als Beyname eines angesehenen Individuums aufgekommen ist, dessen eigentlicher Name dadurch in Vergessenheit gekommen, so wie wir kaum noch erfahren, daß Stesichoros Tisias geheißen hat, wie wir die Korinna auch Myia, Kleobuline, die Räthseldichterin, auch Eumetis genannt finden. Sehen wir doch auch anderwärts beliebte Dichter vom Volk unter Beynamen herumgetragen. Aber nicht von einem solchen Homeros, einem bekannten, bestimmten, werden wir unmittelbar die Homeriden von Chios ableiten; sondern Homeros mußte erst der Sohn eines Dämon, wie in den Sagen von Jos und Salamis, seyn, wie er unter den Aeolern, gewiß schon früher, Sohn eines Flusses geworden war, er mußte nach unserer Sprache die Bedeutung einer Kunst annehmen, ehe ein Geschlecht von Homeriden entstehen konnte, wie Eumolpiden, Dädaliden, Asklepiaden. Und nur dieser ideelle Name Homer konnte auf alle Werke derselben Art übergehn, nur nach ihm konnte man alle die, welche Homerische Kunst, dichtend oder durch bloßen Vortrag, übten, Söhne Homers nennen, wie in der Odyssee die Aerzte Söhne Päons, des Heilers, der Heilkunst, genannt werden. In diesen, nicht in den, welchen der Wolf in Stücke zerriß, mögen die Städte sich theilen, wenn gleich sie um den Dichter der Ilias und Odyssee gestritten haben. Durch diese Unterscheidung wird die Bedenklichkeit derjenigen beseitigt, welche durch eine Erklärung des Namens die Persönlichkeit Homers gefährdet glauben. Der Dichter der Ilias ist eine Person, unter allen Geschlechtern der Menschen eine der hervorragendsten, eine andre unbekannte Person, eine höchst sinnvolle und kunstgeübte, ist der Dichter der Odyssee: nicht aber ist der Homer eine Person, welcher so viele Poesieen einige Jahrhunderte hindurch zu dichten fortfährt. Allerdings ist es eine einzige Erscheinung, wie die Vergötterung hier mi

gänzlicher Unbekanntheit der wirklichen Lebensverhältnisse der Person zusammentrifft, angenommen, daß Homeros als wirklicher Beyname des Dichters der Ilias, im Leben oder bald nachher, aufgekommen sey, und daß sein Ansehn, als Urhebers dieses Werks, den Anlaß gegeben habe ihn zur Collectivperson oder zum Genius des Heldengesangs zu erheben. Dieß merkwürdige, durch manche neuere Ansichten und Darstellungen nur in den Hintergrund geschobene, nicht aufgehobene Problem scheint nur darin eine Auflösung zu finden, wenn man annimmt, daß Homer seinem Zeitalter sehr weit vorgeschritten, und daß die Größe des Werks und des eigenthümlichen in die alten Heldenlieder neu eingehauchten Geistes erst allmälig und spät recht erkannt worden sey, als die Herkunft des Sängers schon unbekannt geworden war, worauf dann um so stärker die Bewunderung ausbrach...

...Das Wesen der Homerischen Gedichte, nach Entstehung und Form, einmal verkannt, kann durch die Theorie und Kritik nur mühsam und allmälig in sein rechtes Licht gestellt werden. Dem natürlichen Sinn und besonders den Sängern der Uebergangsperiode selbst mußte es sich so entschieden und ansprechend darstellen, der Eindruck eines großen zusammenhängenden Ganzen, nach der Vereinzelung der Sage in unzähligen Liedern, muß so ergreifend gewesen seyn, daß man fortan nur in dem Zusammenfüger den Dichter erkennen mochte. Diese Benennung, wenn sie jetzt manchen künstlich erscheint, mag in der Blüthezeit des Epos unter die schlichtesten und deutlichsten der Sprache gehört haben. Die Alten selbst in einer weit späteren Periode haben sie, so scheint es, nicht mehr verstanden, was nur um so mehr dadurch auffällt, daß alle, die von dem Namen sprechen, ihn nicht als eigentlichen, sondern als einen andern Beynamen auffassen. Indessen erklärt sich dieß daraus, daß die verschiedenen Deutungen nur vorkommen im Zusammenhange von Legenden, wo die Entstehung des Namens zur Beglaubigung einer Thatsache eingeflochten wird, und im Allgemeinen daher, daß alle Legenden bey den Griechen mit dem Namen spielen und deren natürliche und dem historischen Sinn erkennbare Bedeutung ausser Acht lassen. Die Sage von Jos behauptet, daß Homer als Mäons Sohn ein Lyder, nicht in Smyrna unter den Aeolern zum Dichter erwachsen, sondern den Auswandernden noch jung gefolgt sey, und erklärt daher ὁμηρεῖν sich anschließen; Ephoros erzählt, daß weil die Blinden der Führer, τῶν

ὁμηρευόντων, bedürften, von den Kymäern und den Joniern ὅμηροι die Blinden genannt würden, was eine Lüge ist, obgleich das Blindwerden in den Geschichtchen von Homer oft gebraucht wird; eben so viele halten sich an die Bedeutung Geissel, wonach der Dichter als Geissel von Smyrna nach Chios, nach Kolophon gekommen, oder als Knabe dem Könige, oder sein Vater von den Kypriern den Persern als Geissel gegeben worden. Nur volksmäßige oder von Litteratoren diesen nachgebildete Erzählungen also sind es, woraus alle diese Erklärungen fließen; keine liegt vor von einem namhaften Grammatiker. Hätte sich aber auch einer damit befaßt die Fabeln zu prüfen, so würde er sicher nicht die Beziehung, wodurch der Name seine Wichtigkeit erhält, errathen haben. Denn wenn man auch zu der Voraussetzung früherer Lieder gelangte, wie sie bey Aristoteles, Cicero, Sextus, Plinius sich ausgedrückt findet, so fehlte es doch, da man nicht bey andern Völkern den Gang der Poesie verfolgen konnte, und da Homer von der Zeit eigentlicher Litteratur, in welcher von Geisteserzeugnissen auch wenn sie untergehn, wenigstens Spuren sich erhalten, durch einen allzugroßen Zwischenraum getrennt war, sicher an deutlicheren Vorstellungen über die dem Homer zu Grunde liegenden Einzellieder.

Homer im weiteren Sinne kommt bis auf die Zeit des Aristoteles mehrmals vor: erst seitdem scheint es sich mehr entschieden zu haben, daß man auf Ilias und Odyssee, welchen Vorzug diese auch von jeher im Allgemeinen behauptet haben möchten, den Namen beschränkte, und sie so bestimmter von dem übrigen Homerischen Epos absonderte. Die Verfasser der andern Gedichte waren bekannt, mit Ausnahme der Thebaïs und der Epigonen, die der Ilias und Odyssee aber nicht. Kallinos legte dem Homeros die Thebaïs bey, der älteste, ausser dem Homeriden von Chios in dem Hymnus auf Apollon, welcher irgend eine Poesie mit diesem Namen verbindet; dasselbe Gedicht ist, wie es scheint, in einer Stelle des Simonides zu verstehn, wo er von Homer und Stesichoros spricht. In drei Hesiodischen Versen ist von dem Wettstreite des Hesiodos und des Homeros zu Delos im Liede die Rede, und Thukydides und Aristophanes geben den erhaltnen Hymnus auf den Delischen Apollon dem einen und alten Homer. Die Proömien der Homeriden gehn unter Homers Namen. Pindar spricht von Homer in Bezug auf Ilias, Odyssee und die Kypria. Herodot bezweifelt mit Be-

scheidenheit, daß die Kypria (II, 17) und daß die Epigonen (IV, 32) von Homer seyen, und führt (II, 120) aus den Dichtern des Epos, in der Mehrzahl, an, daß Priamos drey oder noch mehr Söhne gehabt habe. Aeschylus, indem er seine Werke Abfälle von dem wohlbesetzten Tische Homers nannte, dachte an die Homerischen Poesieen im weiteren Umfange. Dieser Gebrauch des Namens ist auch sonst hier und da bey älteren Schriftstellern zu vermuthen, die der Sage folgten, so wie er sich bey spätern wiederfindet, die durch den Homerischen Cyclus dazu veranlaßt wurden.

635—640. СолнцесвѣтитсѧнанебесѣИгорькнѧзьвъ рѹсскойземлидѣвиципоютънадѹнаивьютсѧголосичрезъ моредокїеваигорьѣдетъпоборичевѹкъсвѧтѣйбогороди-ципирогощей.

§ 120.

641—643. Странырадиградивеселипѣвшепѣсньста-рымъкнѧземъапотомъмолодымъпѣти.

§ 121. «Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти», относится къ предыдущимъ словамъ: «страны ради, грады весели», а не къ послѣдующимъ: «слава князю», и т. д. Слово о П. И. не пѣснь о прежнихъ князьяхъ, смыслъ при этой пунктуаціи несравненно полнѣе и яснѣе. Пѣвецъ Игоревъ приглашаетъ города и страны Русскіе замѣнить пѣсни о древнихъ Русскихъ князьяхъ пѣснями въ честь Игоря и его сподвижниковъ. Задушевная мысль Пѣвца Игорева сосредоточить на своемъ героѣ вниманіе Южной Россіи, для защиты ея отъ грозныхъ покушеній противъ ея самостоятельности.

Общее и постоянное стремленіе, замѣчаемое въ исторіи разрозненныхъ племенъ: сосредоточиваться въ одно политическое тѣло, выражается въ героическихъ пѣсняхъ народа. Такъ, Илліада слу-

жила символомъ единства разрозненныхъ Греческихъ племенъ. Въ Россіи мы видѣли Владиміра-красное солнышко, около котораго группируются разноплеменные богатыри. Бретонская поэзія, подъ напоромъ враждебныхъ Англо-Саксонскихъ племенъ, выражаетъ еще сильнѣе мысль о единодержавіи, долженствующемъ связать Бретонскія племена, отдѣленныя другъ отъ друга проливомъ. Кромѣ того, во многихъ народныхъ сказаніяхъ выражается мысль о тысячелѣтнемъ царствѣ Іисуса Христа, въ связи съ мыслью о политическомъ торжествѣ избраннаго народа.

Золотыхъ дѣлъ мастеръ, Вильгельмъ, явился въ 1209 году къ магистру Рудольфу Немурскому, и объявилъ ему о воплощеніи святаго Духа и о возникшемъ новомъ братствѣ. Онъ объявилъ себя однимъ изъ семи пророковъ, и предвѣщалъ черезъ пять лѣтъ разныя народныя бѣдствія; называлъ Римъ Вавилономъ, а Папу Антихристомъ. О королѣ Французскомъ и его сынѣ (Людовикѣ VIII) онъ говорилъ, что ему подчинятся всѣ царства, и что ему дано будетъ пониманіе Писанія и власть. Вильгельмъ былъ сожженъ съ девятью духовными лицами, 21 ноября того же года, въ Парижѣ.

Основатель секты, Амальрихъ de-Bena, магистръ богословія въ Парижѣ, незадолго предъ тѣмъ умершій, проповѣдывалъ ученіе, совершенно согласное съ ученіемъ Хлыстовъ и съ ученіемъ Марка, ученика Валентина, какъ о томъ свидѣтельствуютъ два современника, Caesar von Heisterbach и Guilelmus Armoricus:

«Charitatis virtutem sic ampliabant, ut id quod alias peccatum esset si in virtute fieret charitatis, dicerent jam non esse peccatum. Unde et adulteria et alias corporis voluptates in charitatis nomine committebant, mulieribus cum quibus peccabant, et simplicibus, quos decipiebant, impunitatem peccati promittentes, Deum tantu modo bonum et non justum praedicantes» (Guil. Armoricus).

«Sic aliquis est in Spiritu Sancto, ajebant, et faciat fornicationem aut aliqua alia pollutione polluatur, non est ei peccatum, quia ille Spiritus, qui est Deus, omnino separatus a carne, non potest peccare, et homo, qui nihil est, non posset peccare, quam diu ille Spiritus, qui est Deus, est in eo. Ille operatur omnia in omnibus. Unde concedebant quod

unus quisque eorum esset Christus et Spiritus Sanctus (Caesar von Heisterbach). Обѣ выписки находятся въ Geschichte der Deutschen Mystik im Mittelalter, von Wilhelm Preger (Leipzig. 1874, I, 179).

Въ то же самое время, на другомъ краю свѣта, изъ сѣверо-восточной части Азіи, являются въ Европу посланія таинственнаго пресвитера Іоанна, царя надъ 300 королями. На дочери четвертаго пресвитера Іоанна, называвшагосяУнкъ-Ханъ, женился Чингизъ-Ханъ, который побѣдивъУнкъ-Хана въ 1202 году завладѣлъ его царствомъ и сдѣлался Каганомъ. Пока дочьУнкъ-Хана жила, при ней состоялъ Несторіанскій монахъ Рабанда, считавшійся между Татарами за святаго и за пророка. Первый пресвитеръ Іоаннъ является въ XI столѣтіи; извѣстія о немъ у Ассемани (Bibl. Orient. Clementino. Vaticana. T. III, P. II, стр. 484, ex Mare et Albufaragio). Въ I. L. Mosheimii Historia Tartarorum Ecclesiastica, на основаніи восточныхъ писателей, собраны свѣдѣнія о династіи пресвитера Іоанна.

Въ поэмѣ «Парциваль», Вольфрама фонъ-Эшенбахъ, по переводу Санъ-Марте (Albert Schulz), Лейпцигъ, 1854 года, кн. XVI, 822:

Nun wurde Urepanse so
Erst ihrer Reise warhaft froh.
Nachmals in Indien gewann
Sie einen Sohn, der hiess Johann,
Und denn man Priester Johannes hiess,
Ein Name der durch alle Zeiten,
Den Landes Kön'gen dort man liess.
Mit Fleiss liess Feirefiss verbreiten
Durch Schrift in Indien aller Orten
—Triballibot so nennt man's dorten—
Wies mit dem Christenthum bewandt,
Das wenig dort in Kraft noch stand.

Санъ-Марте (т. II, стр. 515—517) приводитъ для поясненія этихъ стиховъ сокращенный разсказъ изъ другой поэмы, принадлежащей тому же циклу: Der Jüngere Titurel von Albrecht, написанный около 1270 года. Эта поэма, также какъ и Парциваль Вольфрама фонъ Эшенбахъ, заимствована изъ утраченной Французской поэмы о святомъ Гралѣ. Вольфрамъ называетъ составителя сказанія Cuyot de Provins:

Nachdem Urepanse de Joie sich vermählt hatte, und den Gral nicht mehr tragen durfte, trug ihn Gotschyloie, bis Konduiramur eine Tochter gebar, die fortan des Grals Trägerin ward. Sie hiess Aribadale und begleitete die Hüter des Grals auf ihrer Fahrt nach dem Orient. Denn bald schien den Hütern der Occident zu sündlich und nicht mehr würdig genug, das Heiligste und Höchste, was das Christenthum den Geweihten zu zeigen hatte, aufzubewahren, und sie wendeten sich daher gegen den Orient, in das Land, woher uns reiches Geschenk kommt, das Licht der wonnegebenden Sonne. Weitläufig wird der Zug beschrieben, der unter Anführuug Parcivals und des greisen Titurel überall von Segen und reichen Wundern begleitet wird; er geht durch alle Länder der Heiden, am Magnetberge vorüber, durch das Lebermeer, durch Nationen von Zwergen und andern Wundergeschöpfen u. s. w. Alls Feirefiss und Urepanse die Annäheruug des Grales erfuhren, zogen sie ihm entgegen. Herzlich und rührend war ihr Empfangen. Alle Lande, denen Feirefiss gebot, hatte er zum Christenthum bekehrt; aber ungemessenes Lob über Alle legte er einem Fürsten Indiens bei. Er sagte von ihm: er wäre ein Herrscher, so reich, dass nie menschliches Ohr von solchem Reichthum gehört. Im Himmel wäre er bekannt und vor Gott, durch manche Tugend. Seine Gewalt wäre weit und breit, zwei Drittheile der Erde und 72 Reiche und drüber gehörten ihm. Priester Johann werde er genannt. Die drei Indien dienten ihm, und er liebte es mehr für Königs Namen sich Priester nennen zu lassen. Johannes nenne er sich nach dem Reinen, von dem Christus die Taufe empfangen. Sein Land liege dem Paradiese nahe, welches Gott geschieden von der Welt durch einen Berg, hell und glänzend wie Glas, hoch in der Luft vor dem Zutritt jedes Menschen bewahrt; ja, es liege so hoch, dass selbst Vögel nicht sich zu dieser Höhe aufschwingen könnten. Das Land ist reich an den seltensten Naturwundern und edelsten Schätzen. Die Einwohner von Indien beseelt jegliche Tugend, Keuschheit und hohe Milde. Meineid, Stehlen und Rauben, Geiz und Aberglaube sind dort gänzlich unbekannt *). Ein unermessliches Heer steht

*) Aehnlich beschreibt Marko Polo die Provinz Mangi, III, 53.

dem Priester zu Gebote. Ein ungeheurer und prächtiger Palast ist sein Aufenthalt. Bei Tafel bedienen ihn sieben Könige, vierzig Herzöge und dreihundert Grafen; zu seiner Rechten sitzen vierundzwanzig Erzbischöfe, zur Linken zwölf Patriarchen. Aebte und Kapelläne sitzen dort soviel als Tage im Jahr sind.—Eine Stimme vom Himmel verkündete in einer Nacht dem Priester Johann, dass er Vater eines Kindes werden würde, welches zum Heile der ganzen Christenheit gereichen solle. Ueber alle Könige würde es herrschen, und Johann sollte ihm einen reichen und schönen Tempel bauen lassen, der die Pracht der ganzen Welt überträfe. Er achtete nicht darauf, bis in der folgenden Nacht dieselbe Stimme sanft, nicht mit Grimme, ihm befahl, des morgenden Tags den Palast von Edelgesteinen und Golde zu beginnen, den Thron seines werthen Kindes. Am Morgen liess er den ganzen Grundriss fertigen, und am vierten Tage stand das Prachtgebäude in ganzer Schönheit da, fast noch erhabener und glänzender als der Tempel des Grals.

Dies aus Feirefiss' Munde hörend, kann Parcival nicht widerstehen, den Priester zu sehen und sich ihm mit allen Gralshütern zum Dienste anzubieten. Kaum erhält Johann die Nachricht, als er dem Grale in feierlichem ehrerbietigen Zuge entgegengeht. In dem Herzen Aller entstand der Wunsch, dass die Burg und die Kirche des Grals zu Montsalvage hier sein möchte. Heisse Gebete wurden zum Gral geschickt, und dieser, der unter argem Volk nicht seine heilige Burg und seinen Tempel sehen wollte, erfüllte die Bitte der Frommen. Als die Morgensonne Indien bestrahlte, fiel ihr erster Schein auf die Zinnen und die Kuppel des Tempels von Montsalvage, und dort, auf dem einst heiligen Berge, blieb keine Spur des erhabenen Baues zurück.

Titurel giebt nun dem Johann Belehrung über den Gral; erst hier in Indien sei das heilige Gefäss gegen jegliche Unbill bewahrt. Er bat, ihm nunmehr neun Tage lang das Anschauen des Grals zu versagen. Sein Wunsch ward erfüllt, und er starb, ein halbes Jahrtausend alt. Nimmermehr ward nun Jemand noch durch den Gral gespeist, denn er war in einem Lande, worin nichts mangelte; aber an ihm erschienen noch die Namen Derer, welche im Lande sündigten. Ihre Hände wurden mit einer Wunde durchschlagen, die nicht eher heilte, als bis sie tiefe

und wahre Reue über ihre Sünde ergriff. Priester Johann, die Heiligkeit, Macht und Würde Parcivals anerkennend, bot ihm die Krone des Landes an, welche er zwar anfangs ablehnte, bis jedoch am Gral die Schrift erschien: Parcival solle König werden, aber den Namen Johannes annehmen. Nur zehn Jahre lang ward ihm das Reich vergönnt, da ihm die Sünde anhing, dass Herzeleide, seine Mutter, durch ihn starb. So ward in gewissem Sinne erfüllt, was Priester Johann träumte, dass er einen Sohn erhalten solle, der mächtiger Herrscher würde. Nach Parcival ward der Sohn des Feirefiss und der Urepanse Priester Johann.

Alle Gebieter des Grals müssen sterben, nicht kann sie mehr der Anblick des Grals verjüngen, aber vor dem Vegefeuer ist ihre reine Seele bewahrt. Am Grale findet man immer den Namen Dessen, der Priester Johann sein soll.—Im Abendlande erhielt sich, vorzüglich bei den Rittern von Artus' Tafelrunde, die Sage vom Gral; sie zogen aus, ihn zu suchen, durchschweiften die ganze Welt, aber kehrten unverrichteter Sache zurück. Im fernen Orient blieb der Gral bei seinen Hütern verborgen.

Въ III томѣ сборника Радлофа: «Proben der Volkslitt eratur der Türkischen Stämme Südsibiriens (Petersburg. 1870, стр. 82) находится сказка о Чингизъ-Ханѣ, подъ названіемъ «Der Kirgizen Abkunft». Чингизъ раждается отъ дѣвы, дочери Хана. «Zu der Zeit als sie hinausgekommen, fiel das Auge Gottes auf sie, und auf Befehl Gottes wurde das Mädchen schwanger». Ханъ приказываетъ убить дочь, но мать заперла ребенка въ золотой ящикъ и спустила его по морю. Дѣвушку эту находитъ Токтагулъ-Мерганъ, и женится на ней. Отъ нея родится Чингизъ, а какъ въ томъ городѣ, гдѣ поселились его родители не желая жить въ степи, умеръ тамошній владѣтель бездѣтнымъ, то жители города избрали Чингиза. Мать Чингиза родила отъ Тогула трехъ сыновей, которые стали обижать Чингиза. Чингизъ удалился вдоль той воды, по которой его мать приплыла въ ящикѣ. Стрѣляя птицъ, онъ спускалъ перья по водѣ, чтобы мать его знала что онъ въ живыхъ. На мѣсто его избралъ народъ единоутробнаго брата его. Но этотъ братъ оказался плохимъ правителемъ. 25 избранныхъ лю-

дей отправились отыскивать Чингиза. Чингизъ воцаряется, и слава о его мудромъ правленіи распространяется повсюду. Владѣтели Рума, Крыма и Халифата просятъ у него сыновей; Чингизъ посылаетъ каждому по сыну. Къ нему приходили послы и изъ Россіи, и просили ребенка, но за неимѣніемъ болѣе сына онъ далъ имъ дочь Ак Вїьа. Русскіе увели ее, чтобы поставить господиномъ надъ землей. Послѣ Чингиза у Киргизовъ не осталось его потомковъ, царствовавшихъ въ Константинополѣ, Крыму и Халифатѣ.

Сказка эта въ несомнѣнной и сознательной связи со сказаніями о Гралѣ, пѣснью о Волхвѣ Всеславичѣ и сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ. Самъ Всеславъ, по времени, соотвѣтствуетъ началу таинственной династіи пресвитеровъ Іоанновъ, потомки коихъ господствовали въ Малой Азіи и Крыму. Это сочетаніе Богумиловъ съ міромъ буддійскимъ и мусульманскимъ вѣроятно въ связи съ мусульманствомъ Темпличей, мусульманствомъ Босняковъ, принадлежавшихъ всецѣло богумильству. Дервиши, по обрядамъ своимъ весьма близкіе къ разнымъ вертящимся Европейскимъ сектамъ, по той роли которую они играли при Янычарскихъ полкахъ, напоминаютъ Бретонскихъ Бардовъ. Самое названіе ихъ встрѣчается какъ варіантъ Друидовъ. Гоненія, претерпѣваемыя сектами въ Византійской имперіи, способствовали распространенію мусульманства, имѣвшаго въ самомъ своемъ началѣ цѣлью соединеніе Христіанскихъ сектъ.

Всѣ эти басни о Парцивалѣ, пресвитерѣ Іоаннѣ суть въ тѣсной связи съ мыслью, господствовавшею въ исторіи Александра Великаго, написанной настоящимъ Каллисѳеномъ, и вѣроятно весьма мало разнившейся отъ исторіи Псевдокаллисѳена. Полибій (Fragm. XII, 23) говоритъ: Каллисѳену поручено было писать исторію Александра Великаго для распространенія въ народѣ убѣжденія въ его божественности. Арріанъ (Anabasis, IV) свидѣтельствуетъ, что Каллисѳенъ говорилъ, что «не лживыя рѣчи матери Александра о его рожденіи убѣдятъ народы въ божественности его, а мои повѣствованія».

Та же мысль проводится епископомъ Синезіемъ въ его Еги-

петской повѣсти о Провидѣніи, упоминаемой выше (456) по поводу Всеслава, прерыскавшаго волкомъ путь великому Хрсови.

На стр. 456, въ 6 строкѣ сверху опущено слово la louve: «comment *la louve* serait plus forte que le lion? C'est la destinée—отвѣчаетъ Merlin. Это объясненіе древнѣйшаго барда Мерлина, сохранившееся въ Бретонскихъ пѣсняхъ, обнаруживаетъ несостоятельность комментаріевъ: Фабриція (Bibl. Gr., Harles, IX, 194), Neander (Der Heilige Chrysostomus, II, 33), Clausen (de Synesio, 1831, стр. 25), видѣвшихъ въ повѣсти Синезія разсказъ о раздорахъ двухъ государственныхъ людей, состоявшихъ на службѣ у императора Аркадія.

Уже замѣчено было, что Хинъ и великій Хорсъ могутъ быть пророческіе намеки на Чингизъ-Хана. Поэмы Парциваль и Титурель подтверждаютъ эту мысль; пѣснь о Волхвѣ Всеславичѣ и Индѣйской принцессѣ Еленѣ Александровнѣ принадлежитъ къ тому же циклу, и находится въ связи съ таинственными похожденіями Всеслава Полоцкаго. Движенія Богумиловъ во Франціи и въ Россіи и другихъ сектаторовъ въ земляхъ Турецко-Татарскихъ и Персидскихъ вполнѣ обнаруживаютъ нити, связывающія эти различныя сказанія, и связь съ ихъ древними мѵѳами, Греческими и Семитическими.

Слѣдя за развитіемъ философскихъ, космогоническихъ идей, выраженныхъ правильно въ архаическихъ формахъ, нельзя не удивляться раздвоенію умственной жизни, проявляющемуся въ Россіи съ XV столѣтія. Такъ, у лѣтописца, подъ 1476 годомъ, читаемъ:

«Въ лѣто 6984 нѣкоторыи философове (въ Новгородѣ) начаша пѣти: О господи помилуй, а друзѣи: Оспoди помилуй» (П. С. Р. Л., IV, 130).

Что эти философы были Богумилы, въ томъ сомнѣваться невозможно, по письму Новгородскаго архіепископа Геннадія (поставленъ въ 1485 году), Февраля 1489 года, къ Ростовскому архіепископу Іоасафу (находится между рукописями Троицк. Серг. Лавры: Поуч. разныхъ св. Отецъ, № 17, въ 4 д.):

«Да есть ли у васъ въ Кириловѣ или Фарафонтовѣ (Ферапон-

товѣ), или на Каменномъ книги: Селивестръ Папа Римскый, да Афанасій Александрійскый, да слово Козмы прозвитера на нововявльшуюся ересь на богумилы, да посланія Фотѣя Патріарха ко князу Борису Болгарскому, да Пророчьство, да Бытья, да Царство, да Притчи, да Менандръ, да Іисусъ Сираховъ, да Логика, да Деонисій Ареопагитъ. Занеже тѣ книги у еретиковъ есть» (Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки, составленное Александромъ Горскимъ и Капитономъ Невоструевымъ. Отд. I. Священное писаніе. Москва 1855, стр. 137).

644—650. Славаигорюсвѧтъславичав8йт8р8всеволод ѣвладимир8 Игоревич8 здравикнѧзиидр8жинапобарая захристьѧнынапоганыѧплъкикнѧземъ слава адр8жинѣ аминь.

§ 122. Отчество въ древнихъ памятникахъ часто не склонялось; въ имѣвшемся спискѣ въ виду у послѣдняго переписчика стояли надстрочные знаки надъ буквою *ч*, которые онъ читалъ ошибочно. Примѣровъ употребленія союза *а* въ значеніи *и*—нѣтъ, посему «*а*» или описка вмѣсто «*и*», или слѣдуетъ отдѣлить «а дружинѣ» въ скобкахъ.

«А дружинѣ»—отмѣтка, внесенная для обозначенія, что слово *аминь* должно быть произнесено дружиною пѣвчихъ согласно съ тѣмъ значеніемъ слова аминь, какое оно имѣетъ въ церкви, и вѣроятно съ обычаями, существовавшими при княжескихъ дворахъ, на что есть указаніе въ самой Пѣснѣ: «ищущи себѣ чти, а Князю славѣ». Славѣ вмѣсто славы—правописаніе Новгородское. Такимъ образомъ слѣдуетъ читать: Княземъ слава:
(а дружинѣ)

АМИНЬ.

УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

ЗАМѢЧАНІЯМЪ НА СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ *).

ABED'TANITH, 97 (316). **ОБИДА. ЕЛЕНА.**

ABIDA, у Калмыковъ, 55 (186); **ABIDUS** 55 (185). **ОБИДА.**

АВАЛОНЪ, островъ, 115 (454).

АВАРЫ, 11 (134).

АГАѲІЙ, эпиграмма, 2 (33).

АГАѲАРХИДИСЪ, 11 (114).

АГДИСТИСЪ, представительница мѵѳа возрожденія чрезъ таинственную смерть, 107 (389); была призываема Галльскими жрецами при совершеніи оскопленія, 116 (469).

АДАРЪ, халдейское божество, 55 (209, 210).

АДОНИСЪ и **АТИСЪ**, въ Малой Азіи, суть мужскіе представители мѵѳа возрожденія чрезъ таинственную смерть, 107 (389); 116 (469). **ОЗИРИСЪ.**

АЗАРИТИСЪ — заря, 97 (311). **АНАГИТЪ.**

АЗГОРДЪ — Троя (257).

АЗЫ, въ Эддѣ, 55 (187); 60 (229) **ЛОКИ**, 100 (363).

'Αηδών — соловей; **ВАЯНЪ, ГОМЕРЪ.**

АЛАЗАНЕ. ГАЛИЗОНЫ. ХАЛИЗІИ. ГАЛИЧАНЕ. ГАЛИЦКАЯ ПОМОЩЬ. ХАЛДЕИ. АЛАЗАНЕ (Масуди, Хвольсонъ, Нейманнъ), 11 (108—110); въ Посланіи Апостола Павла къ Римлянамъ (1, 30) ἀλαζόνας переводится словомъ «горды» 11, (111); 'αλαζών, хвастунъ, крикунъ, бродяга, 11 (111); Толковины Нестора 11 (111); 60 (232); **АЛАЗАНЬ**, двѣ рѣки на Кавказѣ: 1) лѣв. пр. Куры; 2) лѣв. пр. Андійской Койсу (Каспійскаго бассейна), 11 (111); ἀλίζω, солю; ἀλίζωνος, опоясанный моремъ; ἀλία, ἀλής, толпа; ἅλς, соль, море 11 (111).

*) Составленъ членомъ Археографической Коммисіи, Н. П. Барсуковымъ.

АЛАНСКІЕ князья, 60 (230).

АЛАНСКІЙ замокъ, 60 (230).

АЛАНЪ Керкъ, крѣпость на Курѣ; Ердманъ сдѣлалъ изъ нея **АЛЛАНЪ ВАРЕГЪ**, 60 (235—236).

АЛАНЫ, 60 (230, 231).

АЛАНЬ — Елань, въ Рязанск., Тамб. губ. низменная, сырая мѣстность, пастбище; aland — берегъ, на берегахъ Нѣмецк. и Балтійск. морей. Ср. **ВОДА**.

ALBERTUS Stadensis († въ концѣ XIII в.) значительно пользовался Овидіемъ и Гомеромъ по сокращенному латинскому переводу, 6 (85).

АЛБИГОЙЦЫ, сродство ученія ихъ съ ученіемъ Богумиловъ, Катаровъ, Павликіанъ и нынѣшнихъ Людей Божіихъ, 107 (391); 114 (433, 434, 437).

ALBUFARAGIUS, 121 (511).

АЛЕКСАНДРЪ Македонскій, расположеніе его къ Иліонцамъ, ради родства съ ними, 11 (100); о походахъ его противъ Русскихъ (Низами), 60 (224); 100 (366), заточенные имъ народы, 60 (225); Джонъ Мандевиль, 100 (363, 364); Дивбенды, 76 (277); сказаніе о немъ, записанное въ Саратовской губерніи, 60 (225); отношеніе сказаній о немъ къ С. о П. И. 60 (235—237); разсказъ о рожденіи его, 97 (314), ср. съ рожд. Волхва Всеславьича, 97 (345); сказаніе о немъ есть развитіе ученія о возведеніи героевъ въ боги, 97 (347); ср. **АРТУРЪ**, 115 (453, 455); **ALISAUNDER**, 119 (494, 495); слово объ Ал. В. въ Хронографѣ, 118 (476, 477) не вполнѣ согласно съ разсказомъ Псевдо-Каллисѳена касательно посѣщенія имъ Трои, 118 (477); **ЯГИЧЪ**, 118 (477); посѣщеніе Іерусалима, 118 (487, 488); басни о немъ, о Парцивалѣ, Гралѣ, Иванѣ-Царевичѣ, Волхѣ Всеславьевичѣ, Озирисѣ, Горосѣ, Чингисъ-Ханѣ находятся между собою въ близкомъ сродствѣ и въ связи съ движеніемъ Богумиловъ и другихъ сектаторовъ (Несторіанцевъ), 121 (516).

АЛЕКСѢЕВЪ, Петръ, протоіерей, его Церковный Словарь, 55 (221).

АЛЕША Поповичь, сказка о немъ, 4 (66, 67, 69).

АЛИВА, въ Иліадѣ, 11 (111).

ALISAUNDER, kyng, 119 (494), **АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ**.

ALITTA и **MYLITTA**, 41 (171); 55 (220). **ЕЛЕНА. ОВИДА.**

АЛКИМЪ, его латинское четверостишіе, представляющее Паіана верховнымъ судіею пѣснопѣнія, 2 (13).

АЛКУИНЪ, 2 (29).

АЛЛАЦІЙ, 2 (32).

АМАЛЬРИХЪ de Bena, магистръ богословія въ Парижѣ, основатель секты, коей ученіе было согласно съ ученіемъ Хлыстовъ и съ ученіемъ Марка, ученика Валентина, 121 (510).

АМВАЛЪ, Ясанъ, великокн. ключникъ, 25.

AMBRASER SAMMLUNG, сборникъ, сдѣланный по приказанію императора Максиміліана I; въ этомъ собраніи находится единственный списокъ поэмы Кудрунъ, 52 (184).

АМИНЬ, 122 (517).

АММІАНЪ Марцеллинъ, объ огражденіи мѣста ночлега щитами, 24 (153). **ІОРНАНДЪ**.

АНАГИТЪ, ANAITIS или **ANAHID**, восточное божество, боготворимое Лидянами, Армянами и Персіянами, 41 (171); и др., 97 (316). См. **ЕЛЕНА**; замѣтка о современномъ ея культѣ въ Азіи, 107 (387—389); о перенесеніи этого культа изъ Тавриды, 116 (468).

АНАСТАСІЯ Вахромѣевна. Исторія о славномъ и сильномъ витязѣ Ерусланѣ Лазаревичѣ, о его храбрости и о невообразимой красотѣ Анастасіи Вахромѣевны. М. 1849. Изд. 4, 4 (68).

ANDAX, князь, упоминаемый Іорнандомъ, 6 (88).

АНДРЕЙ Георгіевичь, прозв. Боголюбскій (ст. 9); с. в. кн. Георгія I Владиміровича Долгорукаго, в. кн. Владимірскій, 66 (246).

АНДРЕЙ, кн. Русскій, дѣйствія его на Кавказѣ, 100 (370, 371).

АНДРЕЙ св. юродивый; его житіе, 55 (207).

АНДРОМАХА, въ трагедіи Еврипида, 55 (190); причитаніе ея надъ тѣломъ Гектора имѣетъ поразительное сходство по обстановкѣ съ причитаніемъ надъ убитымъ молніею (въ Причитаніяхъ Барсова), 55 (222).

АНДРОМЕДА, дочь Эѳіопскаго царя; тождественность ея съ дочерью Троянскаго царя въ басняхъ сербскихъ и болгарскихъ, приводимыхъ Буслаевымъ, 11 (114, 115); 115 (453).

АННА Миловидная, сестра Дидоны, основательницы Карѳагена, 55 (216). См. **ЕЛЕНА**.

АННА Комнина, 6 (84); 114 (436).

АННЕНКОВЪ: См. его Ботаническій словарь, или собраніе названій какъ русскихъ, такъ и многихъ иностранныхъ растеній. М. 1859, 68 (265).

АНТИХРИСТЪ, 100 (364); 118 (482); 121 (510); ср. **ТИМОѲЕЙ**.

АНТЫ. См. **ВЕНЕТЫ.**

АНУ, халдейское божество, 55 (209).

АПЕЛЛЕОСЪ, предокъ Гомера, 13 (138).

АПОЛЛОНІЙ Тіанскій, о Брахманехъ, говорящихъ по Греч. 45 (459).

АППІАНЪ, 11 (100).

АПОЛЛОНЪ, 4 (73); 11 (117); тождественность съ Велесомъ 13 (137); родословіе отъ него Гомера, 13 (138); прозваніе χαρνετος, 100 (364); у Египтянъ **ОРЪ**, 100 (365); **ВОЛКИ** предвѣщаютъ кару, имъ ниспосланную на Грековъ, 100 (368).

*

АПОЛЛОНЪ Родійскій, поэтъ греческій, 2 (22); Схоліастъ его о Периклименѣ-Волхвѣ Всеславичѣ, 97 (314); о птицегаданіи, 104 (381).

АРВЕРНЫ, считали себя потомками Троянъ, 11 (101).

АРГАДЪ, въ ученіи Буддистовъ; ср. съ **ВСЕСЛАВОМЪ**, 107 (397).

АРГОСЪ, 100 (373).

ARGAKLI, одна изъ Ногайскихъ ордъ, около Азовскаго моря, 19 (149).

АРРІАНЪ, сравни переданное имъ древнее заклинаніе съ заклинаньемъ **ЯРОСЛАВНЫ**, 111 (423).

АРТЕМИДА, греческое имя Діаны, 55 (212—213, 217); 97 (316); въ Греціи называлась **ЛИМНЕЙСКОЙ**; ей были посвящены: пруды, озера, гавани, заливы; ср. **ИЛЬМЕНЬ**. **ЛИМАНЪ**, 116 (468), **РОДЫ** и **РОЖАНИЦЫ**. **ЕЛЕНА**.

АРТУРЪ, романы о немъ полны греческихъ басенъ, 2 (21). **АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ**; **ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЬИЧЬ**; **АХИЛЛЕСЪ**; басни этого цикла суть отголосокъ пророчествъ о вѣчномъ царствованіи царя Давида, 115 (453—458).

АСТАРТА, 55 (212, 216); 97 (316, 331, 338). См. **ЕЛЕНА**.

АССЕМАНИ, 121 (611).

ASDGHIG, 107 (391); по армянски звѣздочка, то же что греческая Афродита, 107 (391). **АНАГИТЪ**.

ASTRAMPSYCHIUS, толкователь сновъ, 68 (265).

АТИСЪ, 116 (469).

АТТИЛА, дѣвушки покоренныхъ имъ племенъ встрѣчали его съ пѣснями, 4 (72); въ Нибелунгахъ 66 (244); нѣкоторые ведутъ отъ него родъ литовскихъ князей, 99 (359).

АТТИЧЕСКІЕ писатели; примѣры встрѣчающагося у нихъ запутаннаго согласованія глаголовъ въ прошедшемъ видѣ, 6 (81, 82).

АФРОДИТА 55 (221); 97 (331). См. **ЕЛЕНА**.

АФРОНЪ (Αφρων), царь морской, въ сказкѣ объ Иванѣ-Царевичѣ разсказывается какъ волкъ обратился въ Елену, 100 (375); соотвѣтствуетъ обманутому Теоклимену, сыну морскаго оборотня, въ трагедіи Еврипида «Елена».

АХИЛЛЕСЪ, поклоненіе ему на Черномъ морѣ, 11 (99); 97 (317); 119 (501); представитель движенія теплорода, 97 (334); храмы, ему посвященные, 55 (188); 111 (423); у Гёте въ Фаустѣ, 97 (313). **ВОЛХЪ ВСЕСЛАВИЧЬ**, 97 (325, 345); 115 (468); басня о вѣчномъ Ахиллесѣ повторяется въ сказаніяхъ объ Артурѣ, 115 (453, 454); мѣстности, посвященныя Ахиллесу, 115 (465, 467); принадлежитъ къ разряду морскихъ и рѣчныхъ божествъ, обладающихъ свойствомъ превращаться, 115 (468); р. Ахеллой, 116 (468); басня о лечебной силѣ ножнаго пальца Пирра и Ахиллеса, 119 (494); прародитель Македонскихъ,

Өессалійскихъ и Болгарскихъ царей, 119 (496); разсказъ Филострата о посмертномъ житіи его на Черномъ морѣ есть трактатъ о повѣрьяхъ, легендахъ и пѣсняхъ, распространявшихся изъ этого центра, 119 (501); сказанія о немъ были мало извѣстны древнему міру; но древность ихъ несомнѣнна (на Крымскомъ полуостровѣ), 119 (501, 502); музыка и пѣніе, 119 (502); стихотвореніе его въ честь Гомера, 119 (502) замѣтка о его происхожденіи, 119 (502, 503); **ОМИРЪ-АХИЛЛЕЙ**, 119 (503); сказаніе о **ЧАШѢ**, 119 (503), Ахилесовъ дромъ, 115 (461). **КАБАЛА.**

ACHMEDIS Iskendername, сходство стиховъ его со стихами С. о П. И., 23 (153).

АШЕРА, одно изъ именъ богини дѣвы, 55 (212). См. **ЕЛЕНА.**

АЯКСЫ, 107 (386); 119 (501).

АӨАНАСЬЕВЪ, Александръ Николаевичъ. См. его Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу (М. 1866—68), 96 (307); 97 (315, 317); 100 (364, 367, 368).

АӨИНЫ, 119 (502).

В, переходъ его въ **В**, и обратно; примѣры 90 (292).

ВАВЕЛЬ, столица Вавилонянъ, названная въ честь бога Эля, 55 (209).

БАГРАТІОНЪ, кн. осетинскій, 100 (371).

БАЙЕРЪ, негодованіе на него Шлёцера за мнѣніе его о важности Страбона, 2 (50).

БАКУВИ, Абдъ-уль-Рашидъ ибъ Салехъ ибнъ Нуви, арабскій писатель, 11 (114).

BALG, однородно съ **BULGA** и μολγός, мѣхъ изъ бычачьей кожи, выдоенный, бѣдный, 11 (125). **БОЛГАРЕ.**

БАЛТИСЪ, одно изъ именъ богини **ДѢВЫ. ЕЛЕНА**, 55 (212).

БАРДИЛЪ, кор. Иллирійскій, 119 (493, 494). **КРОКЪ. БАЯНЪ. ГОМЕРЪ.**

БАРСОВЪ, Ельпидифоръ Васильевичъ, его Причитанья сѣвернаго края (Часть I, М. 1872 г.), 55 (185, 222); 91 (302); 107 (387); о толковинахъ, 69 (268, 269).

БАРСОВЪ, Николай Павловичъ. Очерки Русск. истор. геогр. (Варшава. 1873), **ДУДУДКИ.**

БАСТЕРД, по валахски значитъ незаконнорожденный, 69 (271). См. Бастіева чадь.

БАСТІАНЪ, его Geographische und Ethnologische Bilder (Jena. 1873), 55 (186).

БАСТІЕВА чадь, 69 (270).

BASTINAS, по литовски бродяга, 69 (270).

БАСТЪ (bast), сѣдло, колымага; отсюда бастіонъ, вслѣдствіе первобытнаго обычая защищаться за прикрытіемъ обоза, 69 (270).

БАЯНЪ, 1 (9), слово собирательное, обозначаетъ эпическихъ поэтовъ и преимущественно Гомера, 2 (10); 3 (60—62); подъ этимъ именемъ обозначается

священная школа пѣвцовъ и сказочниковъ при храмѣ Ахиллеса и Елены на Черномъ морѣ (**ВАЮНЪ**), 2 (14); этимологія этого слова, 2 (11—13); ладъ его противополагается ладу пѣвцовъ удѣльныхъ усобицъ, 4 (62); 5 (73—75); безличный видъ глагола „помняшеть, пущашеть", 6 (77); мнѣніе Мицкевича, 6 (82); 116 (471—473); Дубровскаго, 118 (478); соловей; воззваніе къ нему въ С. о П. И. сходно съ воззваніемъ хора къ Гомеру въ Еврипидовой трагедіи „Елена", 11 (95); 119 (499); названъ соловьемъ, подобно жрецу Богумилову въ Іоакимовой лѣтописи, 11 (96); замѣчаніе о немъ Буслаева, 13 (138, 139, 140); 97 (324); Срезневскаго, 13 (141); 118 (484); гимнъ Баяновъ, 11 (14, 15); сомнѣніе, чтобы эпитетъ **„СМЫСЛЕНЫЙ"** относился къ нему, 103 (380, 381); не лицо, а учрежденіе пѣвцовъ, 115 (445); 119 (504); пѣснь о **ТАЛІЕЗИНѢ** поясняетъ образъ Баяна, 115 (444—448); Пѣвецъ С. о П. И., согласно древнѣйшему и повсемѣстному обычаю, начинаетъ и кончаетъ пѣснь свою Бояномъ **(ЛИНЪ, МАНЕРОСЪ)**, 118 (473—475); соображеніе о немъ Хаджича, 118 (487); соединяетъ въ себѣ, подобно Мерлину и Таліезину, вѣчный пророческій духъ, проявлявшійся въ безъименныхъ, такъ называемыхъ народныхъ пѣсняхъ, 118 (485—487); точно также **ГОМЕРЪ** въ древнѣйшую эпоху былъ собирательнымъ именемъ для обозначенія всего цикла троянскихъ сказаній. **ВЕЛЬКЕРЪ**, 119 (505—509).

БЕВРИКИ, народъ Ѳракійскій, въ Персидской поэмѣ объ Александрѣ Македонскомъ вмѣсто этого народа названы Русскіе, 60 (235); эта форма соотвѣтствуетъ формѣ „бебрянъ рукавъ" вмѣсто бобровый въ плачѣ Ярославны.

БЕЗЛИЧНЫЙ видъ дѣйствительнаго залога соотвѣтствуетъ нынѣшнему возвратному зал. или 3-му л. мн. ч. дѣйств. залога, 1 (3—6); 6 (77); кромѣ приведенныхъ примѣровъ, на стр. 5 изъ самой пѣсни, ср. „Ярославнынъ гласъ слышитъ", 108 (404).

БЕЗСОНОВЪ, Петръ Алексѣевичъ, видитъ въ Волхвѣ Всеславичѣ Вольгу Буслаевича и Олега, 97 (326, 327, 346); Собр. Пѣсенъ, 98 (358).

ВЕДА Почтенный, 2 (29).

ВЕКОСЪ—хлѣбъ по фригійски, указываетъ на невозможность рѣшенія вопроса о происхожденіи мvѳовъ, среди **СЕМИТОВЪ** или **АРІЙЦЕВЪ,** 108 (406).

BESANSON, 2 (27); 6 (88).

BELGAN, др. германское слово, «надувать», отсюда и **ВУГОРЪ**, 11 (125); см. **ВОЛГАРЕ.**

BELENUS, богъ, чтимый жителями Аквилеи и признаваемый римскими солдатами за Аполлона, 13 (138); трава, называемая у Славянъ trava St. Apollonje, порусски бѣлена 13 (138); а у Галловъ bellinuntia, 13 (138); см. **ВЕЛЕСЪ.** Замѣтки **Л. ДИФЕНБАХА,** 13 (138).

BELUS или Helios и Bel, 13 (137).

ВЕЛЬГІЙ и **БОЛГІЙ**, имя галльскаго предводителя, подтверждаетъ догадку о романствѣ имени Болгаръ, 11 (131).

БЕНЕДИКТЪ, ВОЕВОДА УГОРСКІЙ, 118 (482, 483); епископъ Колоцкій преслѣдуетъ Богумиловъ въ Босніи (Раичь).

BENOIT DE ST.-MORE, французск. труверъ XII ст., написавшій 30108 стиховъ о Троянской войнѣ (Benoit de Saint-More et le Roman de Troie, etc., par A. Joly. Paris. 1870, 1871), 2 (21); 11 (106); (258).

ВЕНЪ ГОРІОНЪ, Іосифъ, его родословіе народовъ, 66 (245).

ВЕРДА, гор., 100 (366).

BERNARD d'Angers, французскій писатель (конца X и начала XI ст.), подражатель Одиссеи, 2 (20).

БЕРЕСТОВО, село, находящееся близъ Кіева, 45 (179).

БЕРНГАРДИ (Bernhardy), его Grundriss der Griechischen Litteratur, 6 (85).

БЕРОЗЪ, слова его о Зороастрѣ, приводимыя Стрыйковскимъ, 107 (389), отождествляющія Зороастра съ **ХАМОМЪ, УРАНОМЪ** и **ХРОНОМЪ**, 107 (390—392).

БЕРТИНСКАЯ Лѣтопись, 115 (466).

BIBLIOTHEK der Gesam. Deutschen Nation. Littetatur. Quedlinbourg und Leipžig, 2 (27).

BYWALEC, бывалый на войнѣ, 86 (283), см. **ВЫЛЬ**.

БИЛИТА, одно изъ именъ богини Дѣвы, 55 (212), см. **ЕЛЕНА. АНАГИТЪ**.

БІОНЪ (Βιων), по словвмъ Гелланика и Клеанта, отецъ Гомера, 13 (138); Βιων встрѣчается какъ варіантъ имени одного изъ царей XVII египетской династіи, 13 (138); см. **ВОЯНЪ.**

BISCLAVERET, 100 (367).

БЛАГОВѢЩЕНСКІЙ соборъ, въ Московскомъ Кремлѣ, имѣющіяся тамъ изображенія древнихъ философовъ и поэтовъ, 2 (58).

БОЛЪВАНЪ, кумиръ; по польски баль-вохвальство: мνθологія, 18 (148, 149).

БОБРОКЪ, Димитрій, 111 (420).

БОГУМИЛЫ, болгарская секта, (259); чрезъ нихъ, весьма вѣроятно, распространялись Троянскія сказанія на Западѣ, что можетъ объяснить **ВОЛОШСКІЯ** формы названій троянскихъ боговъ и героевъ въ древлеславянской редакціи Троянскаго сказанія. Miklosic. Trojanska prica (Starine., кн. III, u Zagrebu, 1871), 2 (57); связь ихъ съ Гностиками, 107 (394), съ Манихеями, Зендами, 114 (436); 12 (516); связь ихъ съ древней Θракійской сектой, упоминаемой Страбономъ, 97 (351); 119 (498); Терапевты 107 (394); 114 (436); Катары, Альбигойцы; всѣ эти секты занимались преимущественно пѣснопѣніемъ и имѣли значительное вліяніе на народную поэ-

зію всѣхъ европейскихъ народовъ; вліяніе ихъ также весьма замѣтно на архитектурныхъ памятникахъ Романскаго стиля и въ иконописаніи до XIII столѣтія. **БОСНІЯ.**

БОГУМИЛЪ-Соловей, жрецъ, 11 (96). См. **ВАЯНЪ.**

БОДЯНСКІЙ, Іосифъ Максимовичъ, редакторъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 2 (55); 25 (154); 46 (181).

БОЖЕСТВА морскія и водныя: **АХИЛЛЕСЪ. ВОЛХВЪ. МЕРОВЕЙ. ПЕРИКЛИМЕНЪ. ПРОТЕЙ. СЛОВЕНЪ.**

БОЛГАРЕ: единоплеменность ихъ съ Ѳракійскими племенами, 11 (105); предположеніе, что въ Ἱππημολγός Гомера скрывается ихъ имя, 11 (124); Арабы употребляли выраженіе **БОЛГАРЪ** для обозначенія сафьяна, 11 (125); самое имя Болгаръ должно быть происхожденія Романскаго, 11 (131); языческія пѣсни мусульманскихъ Болгаръ, 13 (137); тождество болгарскихъ и ѳракійскихъ сказокъ, 11 (112 и слѣд.); тождественны съ Мормидонами **АХИЛЛЕСА**, 11 (121); этимологія ихъ прозвища, 11 (124 и слѣд.); разноплеменный составъ болгарскихъ селеній въ Россіи, 11 (132). **BULGA.**

БОЛГАРІЯ заселена Славянами въ доисторическую эпоху, 2 (51, 52).

БОЛГАРСКІЕ князья, 11 (120).

БОЛОНЬЕ, окружность города, предмѣстье, 71 (274).

БОЛОТО, 91 (302).

БОПЛАНЪ, 60 (228).

БОРИЧЕВСКІЙ. См. его Народные славянскіе разсказы (СПБ., 1844,) 41 (165).

БОСНІЯ служитъ связью между Востокомъ и Западомъ, какъ средоточіе движенія Богумиловъ (259).

БОХАРТЪ, его Geographia sacra, 60 (233).

БОЯНЪ; см. **БАЯНЪ. КАГАНЪ.**

БОЯНЪ Владиміровичъ, князь Болгарскій; Венелинъ видитъ въ немъ Бояна, 2 (17); свидѣтельство о немъ Луитпранда, 2 (17).

БРЕТОНСКІЯ пѣсни, 118 (483, 485, 489). См. **ПѢСНИ.**

BRIGI, 11 (117). См. **ФРИГИ.**

БРИТАНІЯ, островъ, въ который перевозятся души умершихъ, 71 (273). См. **СОВІИ.**

БРУНЪ, о Черноморскихъ Готахъ, 465.

БРУТЪ, поэма, въ коей родъ англійскихъ королей ведется отъ Троянъ, 11 (102). См. **ТРОЯ**. 115, (454).

BOUGE, 11 (124). См. **БОЛГАРЕ.**

БУДИЛОВИЧЪ, см. его Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода 13 словъ Григорія Богослова, по рукописи

Импер. Публ. Библіотеки XI в. Спб. 1871; 54 (185).

ВУДДИЗМЪ вмѣстѣ съ ученіемъ Халдеевъ и Семитовъ есть вмѣстилище миѳовъ, распространенныхъ по всей землѣ 96 (307); **МАНИХЕИ**, присоединяющіеся къ Христіанской церкви должны были торжественно отрекаться отъ Будды 107 (391); ученіе Будды знакомо сочинителю С. о П. И. (**АРГАДЪ**) 107 (397); 114 (433); склонность къ буддизму средневѣковыхъ гностическихъ обществъ 114 (437); замѣчаніе В. В. Григорьева 116 (470).

ВУЕСТЬ, 92 (296).

БУЗВЕКІЙ, записанныя имъ готѳскія слова, 77 (280).

ВУЙВОЛЪ, 15 (144).

ВУЙ-ТУРЪ. См. **ТУРЪ.**

БУКВЫ, творческая сила ихъ 111, (422).

BOULGETTA, budgety 11 (124).

BULGA, мѣхъ, въ значеніи вмѣстилища для вина, одеръ. Греки перепутали **BULGA** съ **НОРОЮ** или капищемъ, въ коемъ хранилась кожа **МАРСІЯ;** филологи сближаютъ μολγός (мѣхъ) съ μελγω (дою) вмѣсто μεργω, δερω: обдираю, 11 (124, 125). Данте употребляетъ это слово для обозначенія норъ и ямъ въ аду; 8-й кругъ ада онъ называетъ **MALEBOLGE** (XVIII); въ 3-й ямѣ, помѣщались послѣдователи Симона Волхва (XIX); **BOLGIA** по итальянски мѣшокъ, котомка.

ВУРТАСЫ, народъ: Арабы употребляли это выраженіе для обозначенія кожи 11 (125).

БУСЛАЕВЪ, Ѳедоръ Ивановичъ, академикъ. Его Историческіе очерки Русской Народной Словесности и искусства. Въ двухъ томахъ. Спб. 1861; Русская Поэзія XI и начала XII вѣка (у Тихонравова: Лѣтописи Русской Литературы, кн. I. М. 1859). Опытъ Исторической Грамматики Русскаго языка, 2 (59); 5 (74); 6 (77—80, 82); 11 (112, 114—116); 13 (138, 139); 96 (306); 97 (313, 324, 325, 344, 345); 18 (476).

ВУСЪ, болгарскій князь 77 (278). Буса хмѣльной напитокъ у Башкиръ и Калмыковъ. **LIBERTES.**

ВУТКОВЪ, Петръ Григорьевичъ, академикъ, 44 (175); 45 (179).

ВЫЛИНЫ временъ преемниковъ Владиміра, характеристика ихъ 4 (65); 5 (73); сродство ихъ съ древнею эпопеею 5 (74).

БЫЛЬ, bywalec, primatum unus, бывалый на войнѣ 86 (283). См. **МИНИХЪ.**

БѢЛГОРОДЪ, близь Кіева 98 (357).

БѢЛИНСКІЙ, Виссаріонъ Григорьевичъ, его Сочиненія. М. 1859—62, 55 (201).

БѢЛОСИРЫ (переводъ греческаго λευκόσυροι встрѣчающіеся въ одной изъ рукописей Псевдо Калистена), изъ ихъ земли вышли Енеты на помощь Троянамъ 11 (107).

БЭЛЬ (Билъ), халдейское боже-

ство 55 (209). См. **ВЕЛЪ** и **ВЕЛЕСЪ.**

ВЭРЪ, баронъ, бельгійскій дипломатъ, путешественникъ и историкъ, о Некрасовцахъ 11 (426).

Βυθός, по ученію гностиковъ, глубина, существо самобытное, безконечное, первоначальное, 97 (318). Ср. **ДОНЪ,** дно и бездна.

БѢША вмѣсто бѣшя, отъ глагола бѣсити, подымать 71 (274).

ВААЛЪ, въ ученіи Симона Волхва, 97 (319, 333).

ВАЗЕРСКІЙ, священ. Николай, 111 (424).

ВАЛЕЗАНЫ, скопческія общества 97 (332, 333).

ВАЛЕНТИНІАНЕ, ученіе ихъ о страстномъ увлеченіи премудрости и ея обращеніи 55 (198). **ЗАПАВА** Путятишна и **ЕЛЕНА** душа Ивановна 55 (193, 197 и сл.).

ВАЛЛІЙСКІЯ пѣсни 115 (445, 446, 448). См. **ПѢСНИ.**

ВАЛЬТЕРЪ Аквитанскій, 11 (102). См. **ТРОЯ.** Сказанія о немъ входятъ въ кругъ польскихъ преданій.

ВАЛЬТЕРЪ фонъ деръ Фогельвейде (конца XII и нач. XIII ст.), стихотворенія его носятъ въ себѣ сильный и блестящій отпечатокъ классическаго вліянія 2 (29). См. **ТРОЯ.**

ВАНДА, дочь Кракуса: этимъ именемъ также назывались **FREYA** и **ДІАНА** 119 (499).

ВАРЕНЦОВЪ его Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Спб. 1860; 97 (317).

WARTBURGERKRIEG, 114 (438).

ВАРТОНЪ (**WARTON**), его Histoire de la poésie anglaise depuis la fin du XI siécle jusqu'au XVIII, 1744—81, 3 vol. 8°; 2 (26).

ВАСИЛІЙ Великій, покровитель классическаго образованія 2 (36).

WACE, Robert, 115 (453).

VEGETIUS, о дружинѣ 11 (127).

ВЕДЫ, 119 (491).

ВЕЙСМАНЪ его изданіе: Alexander, Gedicht des zwölften Jahrhunderts vom Pfaffen Lamprecht, Frankfurt am Main 1850; при этомъ изданіи находится переводъ Псевдо-Каллистена объ Александрѣ Македонскомъ 60 (233, 237); 100 (363).

ВЕЛЕСЪ, тождественность его съ Аполлономъ 13 (136, 137). **BELENUS.**

ВЕЛИКІЕ МИНЕИ ЧЕТІИ, издаваемыя Археографическою Коммиссіею, 55 (207). См. **ЕЛЕНА.**

ВЕЛИКОРУССКОЕ нарѣчіе, 115 (466).

ВЕЛЬДЕКЪ, современникъ князя Игоря Святославича, описывалъ Троянскую войну и продолженіе оной 2 (29).

ВЕЛЬКЕРЪ, 115 (451, 452); 118 (474) 119 (505). Der Epische Cyclus; Die Götterlehre.

ВЕЛЬТМАНЪ, Александръ Ѳомичъ, изд. Слово объ ополченіи Игоря Святославича князя Новгородъ-Сѣверскаго на Половцевъ въ 1185 году. Изд. 2-е. М. 1867; 11 (119); 44 (176).

ВЕНЕЛИНЪ, его Критическія изслѣдованія объ Исторіи Болгаръ въ 2 т. М., 1849; 2 (17).

ВЕНЕРА, колесницу ея перевозятъ лебеди 4 (73); созвѣздіе Венеры присвоено было Билитѣ у Вавилонянъ 55 (211); у нихъ же тоже созвѣздіе: утромъ, богиня войны, а вечеромъ, богиня любви 55 (216); у Вавилонянъ та же звѣзда, при восходѣ солнца **ИСТАРЪ** между богами, а при закатѣ **ВАЛИТЪ** 55 (212, 213). **ЕЛЕНА. АНАГИДЪ. ТАНАИѲЬ.**

ВЕНЕТЫ, Страбонъ ведетъ племя ихъ отъ Пафлагонянъ 11 (101); Титъ Ливій 11 (107), тоже что Анты (αἰνετοί) и Венды 11 (120); Прокопій Кессарійскій отождествляетъ ихъ съ **ИЛЛИРІЙЦАМИ** и **ѲРАКІЙЦАМИ,** обитавшими отъ подножія Кавказа на Западъ 11 (120); **ЮСТИНЪ** 11 (126); Венеды и другія Ѳракійскія племена, по свидѣтельству Страбона, сильно смѣшаны съ племенами Гальскими. Этимъ объясняется недоумѣніе позднѣйшихъ этнографовъ 11 (131, 132). **ѲРАКІЯНЕ. ИЛЛИРІЙЦЫ. СЛАВЯНЕ. БОЛГАРЕ. ГАЛЛЫ.**

ВЕРВЕЛА, дочь Ваала, у Римлянъ Минерва, тоже что **ЕЛЕНА,** по ученію Симона Волхва 97 (319, 333).

ВЕРЕКИНѲЪ, жрецъ матери боговъ. **ВЕРЕКИНѲІОНЪ,** гора; упоминаются у **ПСЕВДО-ПЛУТАРХА** 11 (114).

ВЕРХОВИЧЪ, собиратель пѣсенъ мусульманскихъ Болгаръ, 13 (137).

ВИЗАНТІЙСКІЕ писатели, свидѣтельство ихъ о древности заселенія Ѳракійскаго полуострова Славянами 2 (52).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ОРАНСКІЙ 114 (438).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ, золотыхъ дѣлъ мастеръ 121 (510).

ВИЛЬГЕЛЬМЪ АРМОРИКУСЪ (Guilelmus Armoricus) 121 (510).

ВИЛЬМАРКЕ (Villemarqué) 115 (454, 457); 118 (488, 489).

ВИНДИШМАНЪ, Zoroastrische Studien 108 (408); 114 (431).

ВИРГИЛІЙ, 1 (1); 2 (23); 11 (104); 97 (316). **ШКОЛА** его.

ВЛАДИМІРЪ (Василій) Всеволодовичъ, прозв. Мономахъ (ст. 7), с. в. кн. Всеволода Ярославича, в. кн. 6 (75, 76); 8 (91); 15 (146); Владиміръ не поддается на происки Олега 43 (173); 45 (176—179, 181); 66 (242); 100 (369); 107 (382).

ВЛАДИМІРЪ Глѣбовичъ (ст. 10), с. кн. Переяславскаго Глѣба Георгіевича, кн. Переяславскій, 85 (285); 87 (286, 287).

ВЛАДИМІРЪ-ПЕТРЪ Игоревичъ (ст. 10), с. кн. Новгородъ-Сѣверскаго, Игоря Святославича, кн. Новгородъ-Сѣверскій, въ 1187 году возвращается изъ

Половецкаго плѣна съ невѣстою Кончаковною, на которой вскорѣ и женится 100 (369). (Указатель къ осьми томамъ П. С. Р. Лѣтописей, стр. 153).

ВЛАДИМІРЪ-ВАСИЛІЙ Святославичъ (ст. 4), с. в. кн. Святослава Игоревича, в. кн. Кіевскій, святый и равноапостольный 2 (39); 6 (76 и слѣд.); 114 (439).

ВОДА, теорія превращеній и вѣчнаго возрожденія 55 (197); 108 (43 — 416); 111 (418); 112 (427); 114 (431); патентъ Китайскаго императора 114 (431). **ДОНЪ** 114 (440); 115 444—446, 467. **БОЖЕСТВА** морскія и водныя.

ВОЗЗВАНІЕ къ князьямъ. § 86 въ первоначальномъ текстѣ неправильно помѣщенъ между §§ 81 и 82; затѣмъ текстъ въ §§ 91, 92, 93, 94 и 95 въ первомъ изданіи перепутанъ; цифры обозначаютъ послѣдовательность исправленнаго чтенія, а латинскія буквы поставлены для обозначенія порядка текста, сохранившагося въ 1-мъ изданіи; воззваніе кончается § 94; на безнадежную рѣчь Святослава, пѣвецъ отвѣчаетъ: „Донъ ти княже кличетъ", 95 (298); воззваніе перепутано: или намѣренно пѣвцомъ, или по ошибкѣ писца 92 (296); мнѣніе А. Н. Майкова и др. 95 (298 и сл.).

ВОЛГА, рѣка 11 (120).

ВОЛКОДЛАКЪ, 97 (324).

ВОЛКЪ „рыщетъ волкомъ" 3 (60); народная суевѣрная примѣта 21 (150, 151); являются въ Москвѣ въ годъ смерти Лжедимитрія 21 (151); **ВОЛКЪ** Фенриръ 100 (363, 366, 367, 376); **ВОЛКЪ** Всеславъ 100 (363, 365); значеніе волка у Египтянъ 100 (362, 365); въ Эддѣ этотъ типъ совмѣщаетъ въ себѣ двѣ силы: благотворную и губительную 100 (367); астрологи означали имъ планету **МАРСЪ** 100 (367); люди и народы, обращающіеся въ волковъ 100 (367, 368); въ сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ 111 (419, 455); спутникъ Мерлина 115 (456); волчица: судьба 115 (458); сказка объ Иванѣ Царевичѣ и сѣромъ **ВОЛКѢ** въ связи съ египетскою сказкою Синезія 100 (362); 115 (455). **ВОЛЧИЦА.**

ВОЛХВОВАНЬЕ, 97 (326).

ВОЛОХИ, племя Романское, мнѣніе Срезневскаго 11 (118) Ταυρισκοι 15 (144) **ГАЛЛЫ, СКОРДИСКИ, ЛИГУРИСКИ, ТАВРИСКИ.**

ВОЛХВЪ, обличаетъ въ Кіевѣ греческое вліяніе 6 (88); въ пѣсни о Садкѣ богатомъ гостѣ, сынъ и дочь Морскаго царя 97 (312).

ВОЛХОВЕЦЪ, р. 97 (322, 323).

ВОЛХОВЪ, р. 97 (322).

ВОЛХЪ, въ русскомъ эпосѣ 97 (323). Неправильно вм. Волхвъ.

ВОЛХЪ Всеславичъ 96 (303); **ВСЕСЛАВЪ**: геній, покровитель русскаго племени 96 (305); тоже что **ПЕРИКЛИМЕНЪ,** сынъ морскаго царя и точно также обладаетъ способностью превращеній 96 (305); у Рыбникова Всеславъ называется Буслаевичемъ 96 (305); упомина-

ніе родоваго бога **ВСЕСЛАВЛЯ** служитъ переходомъ къ повѣствованію о **ПАРИСѢ** Троянскомъ и **ВОЛЬГѢ** Всеславичѣ Кирши Данилова; отождествленіе этихъ лицъ съ **ВСЕСЛАВОМЪ ПОЛОЦКИМЪ** 96 (306); мнѣніе Буслаева о тождествѣ миѳическаго и историческаго **ВСЕСЛАВА** 96 (306); 97 (312); **ВОЛХЪ,** въ пѣснѣ о Садкѣ богатомъ гостѣ, сынъ и дочь морскаго царя (ср. **ВСТУПИЛЪ**) 97 (312); сродство съ франкскою баснею о Меровингахъ (**ФРЕДЕГАРЪ**) 97 (312, 313); пѣснь о Вольгѣ Всеславичѣ была извѣстна древнимъ 97 (313, 314); стихи Гезіода о **ПЕРИКЛИМИНѢ**, превращающемся въ орла, муравья, въ пчелиный рой и въ змѣю 97 (314); **ПЕРИКЛИМЕНЪ, ВОЛХЪ ВСЕСЛАВИЧЪ** (Кирши Данилова), **ВОЛХЪ ВСЕСЛАВЪ** (Пѣсни о полку Игоревѣ), **ВОЛХЪ - ВСЕСЛАВЪ** (лѣтописи), **АЛЕКСАНДРЪ ПАРИСЪ** суть одно и тоже лицо 97 (314, 325); сказаніе лѣтописи о рожденіи Всеслава напоминаетъ разсказъ Псевдо-Калисѳена о рожденіи Александра Македонскаго 97 (314, 315, 326); ученіе Цельсія 97 (315, 316); сказаніе о Волхвѣ и Словенѣ 97 (320, 322, 327—331 322), въ близкомъ сродствѣ съ цикломъ азовскихъ басенъ объ Еленѣ 97 (320); Волхъ Всеславичь обращающійся вмѣстѣ съ дружиной въ Муравьевъ объясняетъ назначеніе Ахиллеса съ его Мирмидонами при осадѣ Трои и объясняетъ самое названіе **PERCEVAL** 97 (346); намекъ на тождество **ВСЕСЛАВА** и Ахиллеса (муравьи) 97 (321, 325, 346) Волхвъ и Волховецъ, сыновья Словена (Хронографъ) 97 (321—323); Садко женится на дочери морскаго царя, рѣкѣ Волховѣ 97 (323, 324); связь **ВСЕСКАВА ПОЛОЦКАГО** съ божествомъ Хорсомъ и съ миѳическимъ Трояномъ 97 (324, 325, 326); **КИТОВРАСЪ** 97 (325); пѣвецъ С. о П. И. имѣлъ въ виду пѣснь о Волхѣ Всеславьевичѣ, на которую существуютъ намеки и въ классической греческой словесности, подъ именемъ **ПЕРИКЛИМЕНА**, сына морскаго бога 97 (326); связь съ халдейскимъ миѳомъ о морскомъ чудовищѣ **ОАННЕСѢ** 97 (326); мнѣніе Безсонова 97 (326, 327, 346); сочетаніе Ахиллеса и Волхва Всеславича съ Еленою прекрасною 97 (343) **ВОЛХВЪ ВСЕСЛАВИЧЬ** и **ВСЕСЛАВЪ**; мнѣніе Шевырева, подтвержденное Миллеромъ и развиваемое Буслаевымъ 97 (324, 344, 345); разсказы о рожденіи **ВОЛХА ВСЕСЛАВЬЕВИЧА** отъ Змѣя напоминаютъ сказку Псевдо-Калисѳена объ Александрѣ Великомъ 97 (345); пѣснь о Вольгѣ рисуетъ безуспѣшныя усилія Волха Всеславича установить податную систему въ пользу охотнической дружины 97 (346); скиѳское преданіе о золотомъ плугѣ 97 (347); **ВСЕСЛАВЪ** Полоцкій 98 (353, 354, 357, 358); 101 (379, 380); **ХОРСЪ** 100 (362, 365); Волкъ Всеславъ 100 (363, 365) въ онежскихъ былинахъ Волхъ Всеславичъ является подъ именемъ **ИВАНА ГОДИНОВИЧА** 100 (375); выписки и замѣтки, служащія основаніемъ взгляду Автора на Всеслава Полоцкаго 100 (375); **ВОЛКИ** 100 (375);

СВЕНДАЛЬ 100 (377); ср. характеристику Всеслава, въ С. о П. И. съ **АРГАДОМЪ** Буддистовъ 107 (397); **ВЕЛЬКЕРЪ** 115 (452); **АРТУРЪ** 115 (453, 455); сближеніе **ХОРСА, ВОЛКА, ВСЕСЛАВА, АРТУРА, ОРОСА** и **ОЗИРИСА** 115 (455, 456); похожденія **ПЕРЕДУРА** 115 (458); сродство миѳа о Волхвѣ Всеславьичѣ съ баснями о рѣкѣ Волховѣ 116 (468); ср. сродство **АХИЛЛЕСА** съ рѣкою **АХЕЛЛОЕМЪ** 116 (468); сходство съ легендою о дочери Кракуса **ВАНДѢ** 119 (499); уп. 119 (500); басни о **ПАРЦИВАЛѢ, ТИТУРЕЛѢ, ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ, ВОЛХВѢ ВСЕСЛАВЬЕВИЧѢ, АЛЕКСАНДРѢ ВЕЛИКОМЪ, ОЗИРИСѢ, ГОРОСѢ**, пресвитерѣ **ІОАННѢ, ЧИНГИСЪ ХАНѢ** въ близкомъ сродствѣ между собою и въ связи съ движеніемъ Богумиловъ и другихъ сектаторовъ 121 (516, 517).

ВОЛЧИЦА, 115 (455, 456, 458). **ВОЛКЪ**. На стр. 456, стр. 6 сверху пропущено: „la louve“ послѣ словъ „comment Merlin?“

ВОЛЬГА Всеславичъ. См. **ВОЛХВЪ** Всеславичъ.

ВОЛЬФРАМЪ, 114 (437, 438).

ВОРОНЫ, суевѣрная примѣта 21 (150).

ВОРОПЪ, объясненіе этого слова 60 (228, 229).

ВОРСО упомянутъ по ошибкѣ вм. **НИЛЬСОНА**.

ВОСТОКОВЪ, Александръ Христофоровичъ, 97 (315); 118 (479).

ВРЕМЕНЫ, вмѣсто **ВРЕМЕНЫ** 90 (293).

ВСЕВОЛОДЪ III (Димитрій) Георгіевичъ (ст. 9) прозв. Большое гнѣздо, с. в. кн. Георгія Владиміровича Долгорукаго, в. кн. Владимірскій, 87 (286, 287).

ВСЕВОЛОДЪ Мстиславичъ (ст. 11), с. в. кн. Кіевскаго Мстислава Изяславича, кн. Бельзскій, 95 (298); одинъ изъ трехъ **МСТИСЛАВИЧЕЙ**.

ВСЕВОЛОДЪ, БУЙ-ТУРЪ, Святославичъ (ст. 9), с. кн. Новгородъ-Сѣверскаго Святослава Олеговича, кн. Трубчевскій **БУЙ-ТУРЪ**, братъ Игоря; умеръ въ маѣ, 1194 года: „во Олговичѣхъ всихъ удалѣе рожаемъ, и воспитанемъ, и возрастомъ и всею добротою и мужьственною доблестью и любовь имяше ко всѣмъ“. Ипат. Л. 15 (144, 145); 38, 39 (145).

ВСЕВОЛОДЪ Ярославичъ (ст. 6), с. в. кн. Ярослава Владиміровича, в. кн. Кіевскій, 43 (173, 174).

ВСЕВОЛОДЪ Ярославичъ (ст. 11), сынъ князя Луцкаго Ярослава Изяславича, ошибочно принимаемъ за одного изъ **МСТИСЛАВИЧЕЙ**, 95 (298).

ВСЕЛЕНСКІЕ УЧИТЕЛИ, такъ назывались преподаватели, учрежденнаго въ Константинополѣ Константиномъ Великимъ главнаго училища 2 (52).

ВСЕСЛАВЪ Брячиславичъ (ст. 7) с. кн. Полоцкаго Брячислава Изяславича, князь Полоцкій. **ВОЛХЪ** Всеславичъ.

ВСЕСЛАВЛЯ жизнь, жизнь русскаго племени 96 (305).

ВСТУПИЛЪ дѣвою, 55 (201); Волхвъ сынъ и дочь морскаго царя 97 (324); морское божество имѣетъ большее сходство съ Дагономъ, изображаемымъ полу-рыбой и полу-человѣкомъ а также андрогиномъ „Gentilibus deos utriusque fuisse naturae„ Servius ad 6. Aeneid. tradit. Plutarchus (in Is. et Osir.) Matrem lunam mundi vocant et fluxum habere utriusque naturae existimant“. (Horus Apollo l. 1, c. 42): nonulli Deorum ἀρσενοθηλεῖς καὶ γύνανδροι, qui viri simul et mulieres. (M. Greg. Michaelis notae in Jac. Gafarelli curiositates. Hamburgi 1676, p. 54). Коментаторъ къ предъидущимъ цитатамъ присовокупляетъ: Quid ergo obstat, quo minus Dagon ὁ καὶ ἡ appellatur et sic triumphat Scaliger, quem de ponte dejicere volebat Gafarellus.

Βουλή. См. **ЛЕСТЬ**.

ВЫГОНЦЫ Галицкіе 60 (233).

Βυθός, по ученію Гностиковъ, глубина, существо самобытное, безконечное, первоначальное 97 (318). **ДОНЪ** (дно, бездна).

Га (Gâhs), молитвенные часы, входящіе въ составъ разныхъ частей священныхъ книгъ Парсовъ приводятся въ выпискахъ въ § 110 (418); **ЗОРОАСТРЪ**.

ГАГЕНЪ, въ Нибелунгахъ, считается троянскаго происхожденія 11 (102).

ГАККАНЪ-елъ Барейнъ, титулъ турецкаго султана. См. **КОГАНЬ**.

ГАЛИЗОНЫ, въ Иліадѣ 11 (111). См. **АЛАЗАНЕ**.

ГАЛИЦІЯ 100 (376).

ГАЛИЧАНЕ 11 (109); 60 (232). **ВЫГОНЦЫ** Галицкіе **АЛАЗАНЕ, ГАЛИЗОНЫ, ХАЛИЗІИ, ХАЛДЕИ**, 118 (484).

ГАЛИЧЬ, усѣченное прилагательное 23 (152).

GALISHEN опечатка вм. Salischen, 67 (258) въ подстр. прим.

ГАЛЛЫ, часть ихъ, поселившаяся при стеченіи Дуная и Савы претендовала на имя **СКОРДИСКОВЪ** 11 (131); **ТАУРИСКИ. ЛИГУРИСКИ. ВОЛОХИ.** Нападенія Галловъ на Дунайскія земли за 400 лѣтъ до Р. Х. 11 (119); претензія ихъ на имя Скордисковъ и имя ихъ предводителя подтверждаютъ догадку о романствѣ имени Болгаръ 11 (131); свидѣтельство о Галлахъ Митридата 11 (131); Галлаты Страбона 11 (132); тождественность ихъ съ Волохами Нестора 11 (133); вопросъ о романствѣ Галловъ (нынѣшнихъ Волоховъ) превосходно разрѣшенъ въ сочиненіи: Histoire des origines de la langue Française par Granier de Cassagnac. Paris. 1872; Галлами назывались жрецы богини Дѣвы въ Малой Азіи 97 (331); передвиженіи Галловъ изъ Франціи и съ Дуная въ Малую Азію и обратно 115 (454); Троянскія преданія 119 (502, 503). **ВОЛОХИ. ЛИГУРИСКИ. ТАУРИСКИ.**

ГАЛЬВЕРСТАДТЪ, Александръ 2 (29).

ГАММЕРЪ, приводимое имъ персидское стихотвореніе объясняетъ миѳъ о Дунайскомъ Троянѣ 41 (170); 60 (224); 97 (344).

ГАНКА. Jgor Swatoclavič hrdinsky zpiew o tačeny proti Polowcum w Praze, 1821, 1 (2); о троянствѣ Троянъ 2 (59).

ГАНЪ (Hahn), о муравьяхъ 97 (314); кромѣ того слѣдуетъ обратить вниманіе на его Sagwissenschaftliche Studien. Jena 1871; о сродствѣ Скандинавскихъ и Троянскихъ сказаній; сказка о **ЛЕЛЬѢ КУРВѢ**, по его мнѣнію, сродни съ баснями о Парисѣ, Венерѣ, Юнонѣ, Минервѣ и о мѣсяцѣ 100 (378).

GARWALF, такъ назывались у Нормановъ обращенные въ волковъ 100 (367).

ГАРМОНИДЪ, предокъ Гомера 13 (138).

ГАТИФИ, персидскій поэтъ, разсказанный имъ миѳъ сохранилъ отголосокъ древняго миѳа объ Еленѣ и съ помощью его можно открыть слѣды древняго миѳа въ сказкахъ сербской и болгарской о Троянѣ 41 (169); 97 (349).

ГАТЦУКЪ, Алексѣй, его замѣтка по поводу Алазонянъ 11 (110).

GAFARELLI, Jacobi. Curiosites inou̅yes hoc est curiositates inauditae de figuris Persarum talismannicis etc. Hamburgi. 1676. **ВСТУПИЛЪ.**

ГВИДДІОНЪ, 115 (445).

GUIDO DE COLUMNA, составилъ въ XIII столѣтіи сказаніе о раззореніи Трои 2 (24); 118 (477).

ГВІОНЪ, онъ же **МЕРЛИНЪ**, **ТАЛІЕЗИНЪ** 115 (444, 445).

ГЕЗЕНІУСЪ (Gesenius), о распространеніи культа **ТАНАИТЫ** до Гибралтара 97 (348).

ГЕЗИХІЙ, объ остр. Левкѣ 115 (467). (Hesychii Alex. Lexicon. r. Schmidt. Jenae 1858—1868).

ГЕЗІОДЪ, былъ посвященъ въ таинства магіи, кабалы и гносисы 2 (13); древніе называли его двоюроднымъ братомъ Гомера 6 (86); слова Гезіода русскій лѣтописецъ приписываетъ Гомеру 2 (57); 6 (86); 95 (299); сближеніе ученія Гезіода о добрыхъ геніяхъ племенъ и народовъ съ Трояномъ и Даждьбожимъ внукомъ 11 (121, 122); предокъ Гомера 13 (138); іо Периклименѣ 97 (313, 314); миѳъ объ оскопленіи Ураноса 97 (332, 350); 107 (390, 393); свидѣтельство его о древнѣйшемъ обычаѣ пѣвцовъ начинать и оканчивать свои пѣсни обращеніемъ къ Лину 118 (473, 474); **БАЯНЪ**, **КРОКЪ**, **ГОМЕРЪ** 119 (499). **МАНЕРОСЪ.**

ГЕКАТА, богиня 97 (316).

ГЕЛІОСЪ, тождество съ **ДАЖЬБОГОМЪ** 97 (352).

ГЕННАДІЙ, архіеп. Новгородскій 121 (516).

ГЕНРИХЪ II, кор. англійскій 90 (293).

ГЕРДЕРЪ, приводитъ слова **КАНТА** о значеніи соревнованія 55 (186, 187).

ГЕРОДОТЪ, египетское преданіе объ Еленѣ 2 (56); 55 (200), на Каталанской картѣ его басни о грифонахъ изображены въ видѣ **ЛЕБЕДЕЙ,** сражающихся съ людьми 4 (71); говоря о кожѣ Марсія употребляетъ выраженіе ἀσκός: козлиный или воловій мѣхъ для храненія вина 11 (123); разсказываетъ скиѳское преданіе о золотомъ плугѣ, сохранившееся въ пѣснѣ о Вольгѣ Всеславичѣ и Микулѣ Селяниновичѣ, 97 (347); о скифскомъ народѣ Неврахъ, превращающихся въ волковъ 100 (367); разсказываетъ по древнимъ сказкамъ, причины войнъ между Восточными и Западными народами, 100 (372, 373, 374, 375); 107 (393). **ЕЛЕНА. ОБИДА;** о Линусѣ 118 (474, 475).

GESTA ROMANORUM, 2 (18).

ГЕТЕ, явленіе Елены въ С. о П. Иг. совершенно согласно съ явленіемъ ея во второй части **ФАУСТА** 55 (192, 193); совершенно согласно съ русскимъ пѣвцомъ полагаетъ, что предѣлы времени не должны стѣснять поэта 97 (313).

ГЕТУЛИ (GETULI), Придунайскіе Славяне; по Византійскимъ писателямъ тоже что **ИЛЛИРІЯНЕ** племени Мосоха 60 (232).

ГЕТЫ, 97 (351, 352). **СТРАВОНЪ** о смѣшанномъ населеніи Ѳракійскихъ племенъ и Галатскихъ, затрудняющемъ географовъ.

ГИББОНЪ, свидѣтельствуетъ о блистательномъ состояніи просвѣщенія въ Византійской Имперіи (X—XII ст.), 2 (53).

ГИЛЬФЕРДИНГЪ, Александръ Ѳедоровичь, отвергаетъ свидѣтельства Византійскихъ писателей о тождествѣ древнихъ обитателей Ѳракійскаго полуострова съ позднѣйшими 2 (52); предлагаетъ чтеніе „**НЕСОША СЯ**“ вмѣсто „**НЕСОШЛЮ**“ 71 (275); Онѣжскія былины 100 (375).

ГИМАЛАЙСКІЯ ГОРЫ, 115 (459).

ГИМНЪ въ честь **ВАЯНА,** неизданная рукопись, упоминаемая митр. Евгеніемъ и Карамзинымъ 2 (14, 15); подложность рукописи не исключаетъ древности и подлинности содержанія.

GINGUENET, изслѣдователь средневѣковой словесности 2 (19).

GIRALDUS CAMBRENSIS 67 (259)

ГІЯ, халдейское божество 55 (209).

ГІЯЛЛАРГОРНЪ, волшебная труба въ Эддѣ тождественна съ трубою Зулъ Карнейна и пламеннымъ рогомъ **КАРНАЯ** 60 (230).

ГЛАСОИМНЫЕ мужи (μέροψ, μέροπες), древнѣйшіе жители Дарданіи; воспоминаніе о нихъ Гомера въ Иліадѣ 3 (60).

ГЛѢБОВИЧИ Рязанскіе: Романъ (1207), Игорь (+1195), Ярославъ (1198), Владиміръ (1195), Всеволодъ (+1206), Святославъ (1207) 87 (289).

ГНОСТИКИ; число десять соотвѣтствуетъ числу ихъ среднихъ **ЭОНОВЪ** 4 (69); числа *десять* и *семь* играютъ важную роль въ ихъ ученіи и въ сказаніяхъ Троянскихъ 5 (74); ихъ **СОФІЯ АХАМОТЪ** есть Елена 55 (191); показаніе Св. Иринея 55 (197); 111 (424); **ЭОНЫ** имѣютъ оба пола 97 (324) **ВСТУПИЛЪ**; ученіе гностиковъ 97 (332, 333, 347, 351); 100 (362); 107 (394); 111 (424); 114 (436); 115 (452, 453); въ ихъ ученіе былъ посвященъ Пѣвецъ С. о П. Иг. 107 (397); о значеніи буквъ 111 (422). Ср. **МАНИХЕИ**, **БОГУМИЛЫ**, **СКОПЦЫ**. Всѣ эти секты сталкиваются на Дунаѣ и на Дону 114 (433).

ГОГЪ и **МАГОГЪ** въ сказаніи, записанномъ въ Саратовской губерніи объ Александрѣ Великомъ говорится, что они загнаны имъ въ горы. Меѳодій Патарскій 60 (225); по замѣчанію Бохарта, обозначаютъ Кавказскихъ Скиѳовъ 60 (233); Жонъ Мандевиль 100 (363).

ГОДИНА, примѣры изъ Лѣтописи 54 (184).

ГОДИНОВИЧЪ Иванъ, въ Онѣжскихъ былинахъ подъ этимъ именемъ является Волхъ Всеславичъ 100 (375); напоминаетъ Ороса сына Озириса, называвшагося сыномъ Хроноса 100 (375); названіе Волхва Всеславича Иваномъ Годиновичемъ не случайно; сказка объ Иванѣ Царевичѣ таже повѣсть, что и о Волхвѣ Всеславичѣ; но принадлежитъ другому времени и другой традиціи Пѣвцовъ. Съ этими сказками слѣдуетъ сравнить переходъ Граля съ Запада на родину Чингисъ Хана. **ІОАННЪ** Пресвитеръ.

ГОЕНЪ ТУМЪ КІАМЪ, рѣка; патентъ на производство въ герцоги 114 (431, 432, 433); ср. **ДОНЕЦЪ**.

ГОЛОВА, символъ единодержавія. слова польскаго царя **КРАКА**;' Kyng**ALISAUNDRE** 119 (491—494); въ Бретонскихъ сказкахъ 119 (495); Голова, упоминаемая Ахиллесомъ 119 (496); голова Аякса (по разказу Филострата) 119 (501).

ГОЛОВЫ, правильность правописанія 119 (490).

ГОЛОВИНЪ, его Примѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ. Москва. 1846, 2 (15).

ГОМЕРЪ, 1 (1); Исканусъ и Пѣвецъ С. о П. И. означаютъ его тѣми же словами 2 (10); класическій обычай называть Гомера поэтомъ сохраняется въ двухъ поэмахъ XII в. 2 (10); упоминанія Страбона объ этомъ обычаѣ 2 (10); обычай этотъ получаетъ оффиціальное признаніе въ VI стол. въ Юстиніановыхъ Институтахъ 2 (10); такъ называетъ Гомера и Св. **ГРИГОРІЙ** Назіанскій 2 (10); Гомеръ считался посвященнымъ въ таинства магіи, кабалы и гносисы 2 (13); извѣстность его на Югѣ Россіи 2 (18); вліяніе его на англійскихъ, французскихъ и германскихъ писателей (отъ X до XII ст.) 2 (19); Гомеръ упрекается Сивиллой за вымыселъ 2 (24, 25); 55 (189); 115 (446); изученіе Го-

мера въ Греческомъ мірѣ: Ὁμηροκέντρα Пелагія, оконченныя императрицей Евдокіей 2 (30); въ греческихъ школахъ Гомеръ былъ краеугольнымъ камнемъ образованія юношества 2 (32); эпиграммы на учителей за ихъ пристрастіе къ Гомеру 2 (32); вліяніе его на образованіе въ Славянскомъ мірѣ и въ Россіи 2 (35); изученіе Гомера въ русскихъ школахъ 2 (54, 55); изображеніе его и другихъ поэтовъ и философовъ Греціи на столбахъ соборной паперти Новоспасскаго монастыря 2 (58); Мацѣевскій, Ганка и Шишковъ замѣчаютъ вліяніе Гомера на С. о П. И. 2 (59); Пѣвецъ С. о П. И. обозначаетъ главныя свойства Гомера 3 (60); 6 (76); мнѣніе Пыпина объ извѣстности Гомера въ средніе вѣка 6 (83); сокращенный переводъ его на Латинскій языкъ (Pindarus Thebanus) 6 (85); въ XII стол. Греко-Славянамъ текстъ Гомера былъ доступнѣе латинскихъ текстовъ Дареса и Диктиса 6 (85); древніе называли Гомера двоюроднымъ братомъ Гезіода 6 (86); русскій лѣтописецъ приписываетъ Гомеру слова Гезіода 2 (57); 6 (86); 95 (299); соловей; воззваніе къ нему хора въ Еврипидовой трагедіи «Елена» 11 (95); сходство этого воззванія съ воззваніемъ Пѣвца С. о П. И. къ соловью Баяну 11 (95, 96); въ стихахъ его (Ил. XX, 307) кроется побудительная причина связывать позднѣйшіе царскіе роды съ Римскими Кесарями 11 (103); употреблялъ имя **ТУРА** (ταῦρος) какъ прозвище героевъ 15 (145); описаніе въ С. о П. И. положенія войскъ половецкаго и русскаго совершенно гомерическое 37 (162); сказаніе Гомера объ Еленѣ 55 (200, 201); миѳъ объ Еленѣ во всей его полнотѣ едва ли былъ ему извѣстенъ 35 (219); 66 (243); о превращеніи Периклимена въ волка 100 (368); Пѣвецъ Игоревъ, по поводу кончины Всеслава; приводитъ стихи изъ Иліады п. II 858 и 859 о птицегадателѣ Эинномосѣ 104 (381); сравненіе Гомеромъ двухъ Аяксовъ съ пашущими волами объясняетъ слова Пѣвца о смоленскихъ князьяхъ Рюрикѣ и Давидѣ 107 (386); подъ именемъ Гомера, подобно Таліезину, сливается цѣлый рядъ эпическихъ поэтовъ 115 (445); Денисовъ сравниваетъ свое повѣствованіе о раззореніи Соловецкаго монастыря съ твореніемъ Гомера 118 (476); Александру Великому при посѣщеніи имъ Трои подносятъ творенія Гомера 118 (476); эпиграмма Александра на современныхъ ему поэтовъ 118 (477); отношенія къ Гомеру храмовыхъ пѣвцовъ на Ахиллесовомъ островѣ 118 (478); „Омиръ-Ахиллей“ 119 (503); о собирательномъ значеніи имени Гомера. **ВЕЛЬКЕРЪ**. (Ep. Cyclus) 119 (505—509); это значеніе Гомера вполнѣ оправдываетъ обозначеніе его и всѣхъ Гомеридовъ подъ именемъ Баяна 119 (499, 500).

ГОРЕ ЗЛОСЧАСТІЕ, повѣсть; сравненіе ея съ бретонскою пѣснью о Таліезинѣ 115 (444), съ Еврейскою пѣснью наканунѣ пасхи 115 (448), Кипрскими стихами Стасина 115 (451); 118 (489); Плутархъ о сходныхъ съ этими миѳами изображеніяхъ въ Саискомъ храмѣ 118 (490); ср.

115 (451); эти превращенія соотвѣтствуютъ ученію Буддистовъ о метаморфозахъ, коимъ подвергается душа пока не достигнетъ полнаго очищенія и полнаго спокойствія (нирвана), по принесеніи себя на жертву въ пользу человѣчества.

ГОРОДЕНСКІЯ трубы, смыслъ рѣчи требуетъ перестановки этихъ словъ 92 (302); обозначаютъ начало военныхъ движеній на Сулѣ 92 (302).

ГОРОДЕЦЪ, противъ Кіева 44 (176).

GOROPIUS Becanus, объ этимологіи слова bulga 11 (124).

ГОРОСЪ, 107 (393); басни о немъ, **ПАРЦИВАЛѢ**, **ГРАЛѢ**, **ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ**, **ВОЛХВѢ ВСЕСЛАВЬЕВИЧѢ**, **АЛЕКСАНДРѢ ВЕЛИКОМЪ**, **ОЗИРИСѢ**, **ЧИНГИСЪ ХАНѢ** находятся въ близкомъ сродствѣ между собою 121 (517) и въ связи съ движеніемъ Богумиловъ и другихъ сектаторовъ (между коими исторически извѣстны Несторіяне) 121 (516).

ГРАЙ (χράγος) 119 (498).

ГОТѲСКІЯ ДѢВЫ, 115, (460).

ГОТѲЫ, значеніе у нихъ Ахилла и Елены 52 (218); іеромонахъ Лосицкій видитъ въ нихъ Литовцевъ, Руссовъ и Пруссовъ и свидѣтельствуетъ, что послѣдніе изъ Готѳовъ были выведены Турками въ Египетъ, гдѣ они вошли въ составъ Мамелюковъ 114 (465); изслѣдованія **КУНИКА**. **ВРУНА**.

GRAL, весьма вѣроятно, обозначаетъ тоже что чанъ Людей Божіихъ, образуемый стѣной движущихся въ кругѣ братьевъ и сестеръ и знаменующій переходъ черезъ Чермное море, **АРТУРЪ**, **ПАРЦИВАЛЪ**, **ТИТУРЕЛЬ**, **ЧИНГИСЪ ХАНЪ**, **КАБАЛА**, **ОППЕРТЪ**, **ГРАЛЬ**, перенесеніе чаши съ острова Крита на островъ Ахиллесовъ 119 (503); чаша переносится съ запада въ Индію въ сопровожденіи, Парциваля; сынъ его Пресвитеръ Іоаннъ; на Гралѣ обозначается имя того кому должно быть преемникомъ т. е. Пресвитеромъ Іоанномъ 121 (511, 514).

ГРАММАТИНЪ, Николай Ѳедоровичъ; его Слово о Полку Игоревомъ, историческая поема, писанная въ началѣ XIII вѣка, и съ оной преложенная стихами древнѣйшаго Русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ другаго буквальнаго преложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями критическимъ же разсужденіемъ и родословной. Москва 1823 года. 2 (15, 17, 59); 4 (63, 64); 11 (97); 55 (204); 64 (241); 97 (320); 100 (369).

ГРАНОВСКІЙ, Тимофей Николаевичъ, о класич. образованіи Аббата Сугерія 2 (21).

ГРЕССЕ (Graesse), 2 (26).

ГРИГОРІЙ св. Назіанскій, о Гомерѣ 2 (10); покровитель класическаго образованія; его Χριστὸς Πάσχων составлено изъ стиховъ Еврипида 2 (30); изучаемъ въ Россіи (до XII стол.) 2 (36,

38); слово его противъ Юліана отступника за классическое образованіе 2 (37—38); съ любовью изучаемъ былъ святымъ нашимъ Первоучителемъ 2 (38).

ГРИГОРІЙ Турскій, вліяніе на него классической словесности 1 (7); 2 (21); ведетъ родъ Франковъ отъ Троянъ 11 (101); 97 (312); имѣлъ въ виду тѣже басни и сказанія, которыя имѣлъ въ виду и нашъ Пѣвецъ 97 (313).

ГРИГОРІЙ, пресвитеръ, не признаетъ Гомера источникомъ 2 (24, 25, 56); 6 (24).

ГРИГОРОВИЧЪ, Викторъ Ивановичь, его записки Антиквара 69 (268, 269).

ГРИГОРЬЕВЪ, Василій Васильевичь 115 (470).

ГРИММЪ, замѣтка его о пѣсняхъ **ЭДДЫ** подходитъ болѣе къ манерѣ Пѣвца С. о П. И. 55 (187).

ГРОЗВИТА,носитъ на себѣ отпечатокъ классическаго вліянія 2 (29).

ГРУНДТВИГЪ (Grudtvig), издалъ Датскую пѣснь: Ungen Svendal 100 (377).

ГРЪДЫНИ, надмѣніе, ὄγκος, въ именительномъ падежѣ, 54 (185)

ГУБЕРНАТИСЪ, о **МУРАВЬЯХЪ** 97 (314).

ГУДЕЦЪ, въ Задонщинѣ такъ названъ **ВАЯНЪ** 13 (141).

ГУДРУНА, дочь Гримгильды, въ Эддѣ; разсказъ о сватовствѣ ея людьми Аттилы 66 (244). **ЯРОСЛАВЪ**.

GYRALDUS, о вліянія Елены на мореплаванiе и о поклоненіи ей 55 (218—219).

GUILLAUME de Jumieges 66 (257)

GUYOT DE PROVINS 121 (511); Санъ-Марте полагаетъ его тождественнымъ съ **KYOT** von Provenz авторомъ поэмы Парцифаль.

ГЮРЯТА Роговичь, Новгородецъ. его разсказъ о **ЮГРѢ** 60 (225)

ДАВИДЪ, царь, пророчество о вѣчномъ его царствованіи 115 (458).

ДАВИДЪ, Ростиславичь, (ст. 10), с. в. кн. Кіевскаго Ростислава Мстиславича, кн. Смоленскій, 89 (290); 95 (299); 100 (369, 383, 386); 108 (402).

ДАЖЬБОГЪ, подобно **ДАРДАНУ** и **ЕНЕЮ** является въ Пѣсни сей родовымъ богомъ Русскихъ 46 (181); свидѣтельство **ГЕЗІОДА** о племенныхъ геніяхъ 11 (122); по Ипатіевскому списку лѣтописи родословная Дажьбога ведется отъ **ХАМА**, брата Хуса 97 (310, 311); тождество **СВАРОГА** съ **ИФЕСТОМЪ** (вѣчный огонь) 97 (344) и **ДАЖДЬБОГА** съ **ГЕЛІОСОМЪ** 97 (344, 352); 100 (366).

ДАЖЬБОЖЬЯГО внука жизнь, означаетъ жизнь Русскаго народа 96 (305).

DAYERIA, Daeria, мѣсто доенія и и храненія молока (laitrie) 11 (130); древ. Романскія формы

относящіяся къ доенію; по Валахски **ДОІКЪ**: кормилица, подтверждаетъ догадку о славянствѣ древнихъ французскихъ формъ.

ДАКІЯ, догадка Карамзина 11 (97). Народъ фракійскій **ДАКИ** смѣшаны съ **ВОЛОХАМИ** (древними **ГАЛАМИ**) и кочующими Скиѳскими племенами.

ДАЛЬ, Владиміръ Ивановичъ, изъ его словаря о **НОРАХЪ** 11 (122, 123), **ВАЛОХАХЪ** 11 (125).

ДАНАЯ, родитъ Персея вслѣдствіе посѣщенія подземной ея обители Юпитеромъ, въ видѣ **ЗОЛОТАГО** дождя; 11 (115) объ ней идетъ рѣчь въ болгаро-сербскихъ сказкахъ о **ТРОЯНѢ**.

ДАНІИЛЪ, пророкъ, 118 (487, 488).

ДАНІИЛЪ, Заточникъ 1 (4); 2 (33); 119 (492).

ДАНІИЛЪ, Паломникъ, игум., въ его „Хожденіи“ слово **ТУТНЕТЪ** означаетъ: внутренній шумъ земли 34 (161).

ДАНКОВСКІЙ, его система (Homerus Slavižans) о славянствѣ самого гомеровскаго текста 2 (13).

ДАНТЕ, 119 (492).

ДАРДАНИДЫ, родословную ихъ имѣлъ въ виду Пѣвецъ С. о П. И. 3 (90); 55 (188); 97 (309); происхожденіе отъ нихъ, чрезъ Юлія Кесаря, князей русскихъ 11 (103, 104); происхожденіе отъ Дарданидовъ франкской династіи 97 (309).

ДАРДАНІЯ, древнѣйшія ея жители суть гласоимные мужи, т. е. словене 3 (60); этимъ именемъ называлась придунайская страна 11 (113); свидѣтельство Страбона объ ея жителяхъ 11 (113); о переселеніи ихъ на берегъ Азовскаго моря; **ДАНДАРІЯ** 11 (113); о затопленіи ея Фарнакомъ 11 (113); сказаніе Фредегара объ Азовскихъ Троянахъ 67 (224).

DARDANUS, этимъ именемъ назывались на средневѣковомъ Латинскимъ языкѣ стрѣльцы отъ **DARD**.

ДАРДАНЪ, родовой богъ Троянъ 46 (182).

ДАРЕЙ, СЛАДѢЙ и **ШАТЪ**, рѣки, упоминаются въ скопческихъ пѣсняхъ въ смыслѣ мистическомъ. Ср. съ значеніемъ р. **КАЯЛЫ** 97 (343).

D'ARGENS, апокрифическое преданіе о **ЛИЛИТѢ**, которое имѣетъ тѣсную связь съ миѳомъ о матери боговъ. **ЕЛЕНА** 55 (220).

DARETIS Phrygii de excidio Troiae Historia, rec. Ferd. Meister. Lipsiae 1873.—Bibl. Teubneriana.—Имъ же изданъ и Dictys cretensis.—Особенно важно введеніе Мейстера къ Исторіи Дареса, въ отношеніи средневѣковыхъ редакцій.

ДАРЕСЪ и **ДИКТИСЪ**, ихъ Троянскія повѣсти имѣютъ преобладающее вліяніе на англійскихъ, французскихъ и герман-

скихъ писателей X до XIII ст. 2 (19); 21 (22); уваженіе къ нимъ въ средніе вѣка произошло отъ стремленія подвергнуть критикѣ поэтическія сказанія о Троѣ 2 (23—25); 6 (85); древность исторій Дареса и Диктиса несомнѣнна и принадлежала къ подспудной литературѣ древняго міра (Dunger, Koerting, Joly) 2 (23); русскій печатный текстъ исторіи о раззореніи Трои 2 (23, 24); чешское изданіе 2 (23, 24); **GUIDO** da Colona; доказательства, что средневѣковые писатели ограничивались не однимъ только Даресомъ и Диктисомъ 6 (83—85); въ греко-славянскомъ мірѣ (XII ст.) текстъ ихъ былъ менѣе доступенъ, чѣмъ Гомеръ 6 (85); сомнительно чтобы Исаакъ Комненъ, Чечесъ пользовались текстами Дареса и Диктиса. ср. **DUNGER. KOERTING.** 6 (85).

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖЪ, употребленіе его вмѣсто творительнаго во мн. ч., свойственно сѣверному говору 56 (223).

ДАТЧАНЕ, 115 (467).

DELAUNAY, 107 (394, 397—399).

ДЕЛВАТЪ, **ДЕЛЕФАТЪ**, такъ называлась у Грековъ звѣзда Венера 55 (212); въ ассирійрійскомъ **SYLABARIUM** говорится, что созвѣздіе Венеры тоже что **ВИЛИТЪ** у боговъ.

ДЕЛЕКЛЮЗЪ (Delecluze), о вліяніи классической словесности на писателей до эпохи возрожденія 2 (19).

DE L'ISLE, составилъ по рукописнымъ чертежамъ и маршрутамъ карту похода Миниха 1736 года. Amsterdam chez Jean Covins et Corneille Mortier, Geographes.

ДЕЛЬФІИСКАЯ Пиѳія, 119 (491).

ДЕРБЕНДЪ; Александръ Великій (у **НИЗАМИ**) узнаетъ, что **РУССЫ** изъ **АЛАНЪ-КЕРКЪ** напали на этотъ городъ 60 (235).

ДЕРВИШИ, орденъ этотъ долженъ быть въ связи съ Друидами и гностическими сектами 97 (332); 127 (515).

ДЕРЖИКРАЙ; Володиславичь, воев. Галицкій; въ 6731 (1224) подъ его начальствомъ **ГАЛИЦКІЕ ВЫГОНЦЫ** въ тысячи лодьяхъ плывутъ Днѣстромъ въ море, поднимаются въ Днѣпръ до пороговъ и останавливаются у р. Хортицы, на Протолчьемъ броду, для принятія участія въ битвѣ съ Татарами 60 (233).

ДЕСЯТИННАЯ, Богородичная, соборъ мъ Кіевѣ, 45 (180).

ДЕСЯТЪ, число, значеніе его по толкованію св. Ѳеодорита 4 (68); у Гностиковъ 4 (69); 5 (74); въ Троянскихъ сказаніяхъ 5 (74). **ПАЛЬЦЫ.**

ДИВВЕНДЫ, укротители дивовъ; одинъ изъ нихъ олицетворенъ въ **ЗУЛЪ КАРНАЙНѢ**; защита проходовъ Кавказа 60 (235); между ними, въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается и **АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ** 76 (277). **ЮГРА**, **ГОГЪ** и **МАГОГЪ**, **ДѢТИ ЛОТА**.

ДИВЪ, упоминаніе его въ С. о

П. И. указываетъ на сродство русскаго эпоса съ персидскимъ баснословіемъ 7 (91); 18 (148); 76 (277).

ДИДО, богиня, основательница Карфагена 55 (216); **АСТАРТА** 55 (216, 217).

ДИКТИСЪ критскій. См. **ДАРЕСЪ.**

ДИТМАРЪ, о знаменахъ Лютичей 14 (143); 97 (320).

ДИФЕНБАХЪ, причисляетъ англ. **БЮДЖЕТЪ** къ корню **BULGA** 11 (125). Origines Europaeae. Lorenz Diefenbach, Frankfurt am M. 1861, стр. 274.—№ 78 s. v. **BULGAS**, vairpan 60 (229).

ДИЦЪ (Diez), Фридрихъ. См. **ДИФЕНБАХЪ.** Etymologisches Wörterbuch der Romanischen Sprachen. Bonn, 1869—1870.

DIANA Persica. См. **ЕЛЕНА.**

ДІАНА. См. **ДѢВА ОБИДА** 55 (204); 37 (320); туземность культа Діаны Тавропольской на берегахъ Азовскаго моря 115 (465); ей посвящены низьменныя мѣста топкіе луга, и пастбища 115 (467, 468); культъ ея переносится въ Малую Азію 115 (468); Freya 119 (499). **ЕЛЕНА.**

ДІЙ, отецъ Гезіода и Персея 13 (138).

ДІОДОРЪ, Сицилійскій, о почитаніи волка Египтянами 100 (362); отождествляетъ Урана съ Зороастромъ 107 (389, 390); миѳъ объ Аполлонѣ 108 (407); упом. 119 (496).

ДІОСКУРЫ, братья Дѣвы Обиды Елены, вліяніе ихъ на мореплаваніе въ Черномъ морѣ 55 (218)

ДІОНИСІЙ Галикарнасскій, о Троянскомъ происхожденіи Римлянъ 11 (100).

ДІОНИСІЙ, Періигитъ, о единоплеменности **СЛАВЯНЪ** и **ѲРАКІЯНЪ** 11 (105); въ комментаріи на его географію архіеп. Ѳессалоникскаго 115 (464).

ДІОНИСЪ, связь истор. **СЛАВЯНЪ** съ сказаніемъ о переходѣ его изъ Индіи въ Европу 11 (124); у Египтянъ Озирисъ 100 (365).

ДІОНЪ, Кассій 2 (21); вліяніе его замѣтно и въ нашихъ лѣтописяхъ 2 (55).

ДІОНЪ Хризостомъ, объ извѣстности Гомера на югѣ Россіи 2 (18).

ДЛУГОШЬ, свидѣтельствуетъ объ языческомъ обрядѣ **СТАДѢ (СЕМИКЪ, ТЮЛПА, ПАСТВИНЫ)** 17 (148).

ДНѢПРЪ, стр. 442 пропущено въ предлагаемомъ исправленіи текста подстрочный знакъ замѣняющій букву **И** въ предлогѣ при: затвори днѣ пр(и) темнѣ березѣ 115 (442); въ возваніи Ярославны 109 (417); наоборотъ слѣдуетъ читать: Днѣпре Словутицю 115 (442).

ДНѢСТРЪ, р. 60 (233).

ДОБРОВСКІЙ, о чешскомъ изданіи Дареса 2 (24); о глаголѣ **СУЮ** 25 (154).

ДОБРОТВОРСКІЙ.—111 (425) Лю-

жіи Рус. Секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. И. Добротворскаго. Казань 1869.

ДОБРУДЖА, 11 (133).

ДОБРЫНЯ, дядя в. кн. Владиміра Святославича, „пожалиси и исполнися ярости" 60 (226).

ДОЗОНЪ, французскій словеновѣдъ 13 (137).

ДОНЕЦЪ, рѣка 114 (431—433). **ГОЕНЪ ТУМЪ КІАМЪ**, р.

ДОНЪ,р. 11 (120); служитъ связью и средоточіемъ сказаній о Троянскомъ происхожденіи Скандинавовъ и **ФРАНКОВЪ** 55. (201); 67 (257—260); 97 (309); **ТУРКО РУССЫ**. Въ троянской притчѣ, изданной Миклошичемъ, Патроклъ названъ-Донцемъ: „и приде отрок Ацилешев именем Потриколушь **ДОНЧИКЪ** (309). „**ДОНЪ** ти Княже кличетъ" 95 (298); упоминаніе его въ скопческихъ пѣсняхъ (Данай) 97 (335, 336, 349); **ТАНАИТЪ** 97 (348); столкновенія на Дону Шаманизма, Будизма, Магизма, Гностицизма 114 (433). Донъ соотвѣтствуетъ житейскому морю—плѣненію Египетскому 114 (440). Священное значеніе **ДОНА** не дозволяетъ останавливаться на этомъ объясненіи. Донъ въ пѣсни Игоревой обозначаетъ бездну, Βυθος, таинственную смерть и возрожденіе. Мνθъ объ Еленѣ въ связи съ **ТАНАИСОМЪ** Азовскимъ и Египетскимъ. 119. (504).

ДОРОГИ неготовыя 19, (149, 150).

ДРЕВО, по коему растекался **БАЯНЪ** 3 (60); ср. дерево въ Легендѣ объ Іоасафѣ и Валаамѣ.

ДРІАДЫ, поклоненіе имъ 119 (496).

ДРОМИТЫ, 115 (461).

ДРУГЪ, слово, доказывающее взаимность, которая существовала въ древности между племенами славянскими и романскими. **DRUS**, **DRUDES** 11 (127).

ДРУЖИНА и **DRUNGUS**, сходятся съ герм. **DRAENGEN** болѣе въ значеніи **DRANG** (влеченіе), чѣмъ въ смыслѣ Исаака Понтана (толпа, тѣснота, вторженіе); **DRUZI**, заимствованное у славянъ привѣтствіе; замѣтка **ПОГОДИНА** 11 (127, 128, 129).

ДРЯГИЛЬ (вьючный рабъ, носильщикъ) можетъ быть сродни съ англ. drudge.—

ДУБЕНСКІЙ, Димитрій, издалъ: Слово о плъку Игоревѣ Святъслава пѣстворца стараго времени. Объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ. Москва. 1844. (Русскія Достопамятности ч. III). Сравненіе имъ пѣсни съ древними памятниками вполнѣ подтвердило древность текста и содѣйствовало много къ болѣе правильному пониманію текста.—43 (173); 56 (223); признаетъ пущашеть за безличный видъ глагола 4 (65); Изданіе это постоянно служило руководствомъ автору.

ДУДУТКИ, 98 (357).

ДУНАЙ 2 (18. 51); 11 (107). 55 (188, 202) смѣшеніе Дунайскихъ

басень съ малоазійскими 11 (112—117); о народахъ, живущихъ близь Дуная 11 (123, 133); завязка Троянскихъ преданій Скандинавовъ, Нормановъ, Франковъ и Шведовъ на Дону и Дунаѣ 67 (255); 97 (309); **FREDEGAR**; Edda; **TROJUMANNA** saga; — «полечю по Дунаю» 71 (274); — „на Дунаи“ неправильно читается въ соединеніи съ дѣйствіями смоленскихъ князей Рюрика и Давида; слова эти явно обозначаютъ мѣстность, гдѣ Ярославна узнаетъ о плѣненіи Игоря 108 (400, 403); Русскія поселенія за Дунаамъ 111 (425); **ПОРѢЧЬЕ** притокъ Дуная, отдѣляющій въ княжествѣ Сербскомъ Валаховъ отъ Сербовъ и соотвѣтствуетъ рѣкѣ Parisus отдѣлявшей по, Страбону, Иллирійцевъ отъ Галатовъ 111 (455).

CUNCKER, Max, 2 (14); выписки изъ его Исторіи 55 (209 и сл.); о Милитѣ 211, объ Еленѣ 217.

DUNGER; Hermann о распространеніи троянскихъ сказаній въ среднія вѣка 6 (85).

DUSI, демоны, 11 (130) Duz, Мерлинъ рожденный отъ духа и дѣвы; Бретонская колыбельная пѣснь 118 (485).

DUMONT, Albert; его путешествіе по Балканскому полуострову 13 (137).

ДѢВА; Еврипидъ называетъ **ЕЛЕНУ** дѣвой и лебедокрылатымъ звѣренкомъ 55 (190, 220); въ нашихъ сказкахъ она называется: Еленушка душа Ивановна, Елена прекрасная, Запава Путятишна, Морфида Всеславьевна.—Дѣвы Лебеди 4 (72); дѣва обида 55 (189); Софія Ахамотъ и Violentia Гностиковъ; почему Елена называлась Дѣвой 97 (318—320); яблоко, брошенное въ дѣву въ датской пѣснѣ 100 (377); астрея у Массоновъ 111 (426).

ДЯТЕЛЪ. 116 (472). Мицкѣвичъ— о сходствѣ замѣтокъ о птицахъ одного французскаго плѣннаго съ словами пѣвца Игорева.

ЕВГЕМЕРЪ, его система примѣнена къ миѳическому Трояну, Юпитеру и другимъ богамъ 11 (119).

ЕВРИПИДЪ, его трагедія Елена 2 (56); 11 (95, 96); воззваніе хора къ соловью Гомеру 11 (95); 119 (499); литературное вліяніе его на Пѣвца С. о П. И. 11 (96); 118 (478); даетъ Еленѣ прозваніе лебедо-крылатой 55 (190); въ своей Андромахѣ Елену называетъ **ОБИДОЮ** 55 (190); русская сказка о **СЕМИ СЕМІОНАХЪ** служитъ ключемъ къ разъясненію Гомера и Еврипида 55 (200, 201); 100 (374); преданія на коихъ основана трагедія Елена согласны съ русской сказкой объ Иванъ Царевичѣ и др. 96 (305); его стихомъ въ трагедіи Ρησος объясняется выраженіе въ С. о П. И. „врже жребій“ 97 (319, 320); Еврипидъ изображалъ древніе миѳы согласно съ народными повѣріями и отчасти съ мистеріями 97 (350).

ЕВСТАѲІЙ, архіепископъ Ѳессалоникскій, его схоліи къ Гомеру составлены современно походу

кн. Игоря Святославича 2, (32, 34); вліяніе его на образованіе въ Славянскомъ мірѣ 2(35); упоминаетъ **ВОЛГАРЪ** и **МИЗОВЪ** между Ѳракійцами 11 (105); сопоставленіе, приводимой имъ басни о Мидасѣ и Марсіи съ баснями, приводимыми Буслаевымъ о Троянѣ 11 (112); Евстаѳій ссылается на Псевдоплутарха 11 (114); **КРОКЪ** 119 (497).

EUTHYMIUS ZYGABENUS, о Богумилахъ 114 (436).

ЕВФРОСИНІЯ, Ярославна, дочь кн. Галицкаго Ярослава Владиміровича Осмомысла, супруга кн. Игоря Святославича, княгиня 90 (291). **ЯРОСЛАВНА.**

ЕВХИТЫ, 114 (436).

ЕГИПЕТЪ, 97 (323); 115 (448).

ЕДРИЗИ, на его картѣ, **ТРОЯ** является среди земель **ПОЛОВЕЦКИХЪ** и **ТУРКОРУССКИХЪ** 11 (120).

ЕЗРАИ, въ коментаріяхъ на псаломъ XX, признаетъ **МЕССЕХОВЪ** за **ТОСКАНЦЕВЪ** 66 (245).

ЕКГАРДЪ, его поэма Вальтеръ Аквитанскій изобилуетъ Гомерическими воспоминаніями 2 (21).

ЕЛАБУГА, уѣздный городъ Вятской губерній, сохранившаяся тамъ легенда объ Александрѣ Македонскомъ 60 (235).

ЕЛЕВЗИНСКІЯ таинства 115 (469, 470).

ЕЛЕНА Александровна, въ пѣсни Волхъ Всеславичь, 97 (329, 345).

ЕЛЕНА, Алена Ефимовна молитва ея о Петрѣ Великомъ 111 (421, 422, 423); молитва эта въ болѣе полномъ видѣ напечатана въ Описаніи Документовъ и дѣлъ, хран. въ Архивѣ Св. Пр. Сѵнода. Спб. 1868 I, 443—445.

ЕЛЕНА, въ сказкѣ о семи Семіонахъ 2 (14); эта сказка служитъ ключемъ къ рознящимся традиціямъ Гомера и Еврипида; Греки и Трояне воевали за призракъ Елены 2 (56); 55 (192); 97 (343); Трагедія Еврипида „Елена" 11 (96); Геродотъ и Семь Семіоновъ 100 (373—375); Иванъ Царевичь и Жаръ птица. Волхвъ Всеславичь и Елена. Морфида Всеславьевна и Датская сказка о Свендалѣ и спящей дѣвѣ 100 (375); мѣста посвященныя Еленѣ на Азовскомъ Морѣ и въ Египтѣ 55 (188 и сл.) **GESENIUS. ТАНИТЪ** на Африканскомъ берегу Средиземнаго Моря 97 (348); Елена дочь Лебедя 55 (188) Орестъ называетъ Елену Лебедо крылатой 55 (190). **ЕЛЕНА** по ученію Гностиковъ: символъ взволнованной пытливой души 55 (192); 97 (343); 100 (362); Ахамотъ Гностиковъ 55 (191); ср. **ОВИДА. ГОРЕ ЗЛОСЧАСТІЕ. ТАЛІЕЗИНЪ. ЕВРЕЙСКАЯ** пѣснь. **КИПРСКІЯ** стихи о рожденіи Елены для сокращенія рода человѣческаго. Елена нарушительница гармоніи высшаго міра, Софія **АХАМОТЪ.** Культъ Дѣвы связанъ съ скопчествомъ. Теорія древняго ученія объ Еленѣ сохранилась

въ ученіи Людей Божіихъ. Единство мѣстности (**ДОНЪ**). Елена олицетворяетъ распри, ссоры, насиліе, обиду (ἄτη). **ПАРИСЪ**—потокъ есть сильная похоть ее увлекающая 55 (192); Елена находится въ связи съ Фаустомъ по древнимъ нѣмецкимъ преданіямъ 97 (343); преданія о Еленѣ въ Русской народной литературѣ 55 (193—201); 97 (319); св. **ИРИНЕЙ** разоблачаетъ самый смыслъ сказаній объ Еленѣ 55 (197—199); преданія о ней наполняютъ словесность первыхъ вѣковъ послѣ Р. Х. и переходятъ въ памятники искусства во все продолженіе среднихъ вѣковъ 55 (201); поклоненіе Еленѣ и Ахиллу на Черномъ и Азовскомъ моряхъ (въ Южной Россіи) 2 (14); 11 (99); 55 (201—203); послѣ разоренія Трои Елена удаляется съ Менелаемъ въ **ХЕРСОНЕСЪ ТАВРИЧЕСКІИ** 55 (201); тамъ приносится въ жертву **ИФИГЕНІЕЙ** 55 (201); по смерти своей дѣлается супругой Ахиллеса и поселяется съ нимъ на островѣ **ЛЕВКѢ** 55 (201, 202); вліяніе Ахиллеса и Елены на плаваніе по Черному морю 55 (202, 218); мореходцы приносили имъ жертвы 55 (202); опредѣленіе мѣстности, гдѣ Елена плескала лебедиными крыльями („на Синемъ морѣ у **ДОНА** плещучи") 55 (202). **KOELLER, МУРЗАКЕВИЧЪ, КРИТСКІЙ** 55 (202); замѣчаніе **ЛЬВА ДІАКОНА** 55 (202); извѣстіе **КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНАГО** 55 (202); замѣчаніе **СТРАБОНА**, примѣняемое къ выраженію: „всплескала лебедиными крыльями" 55 (202, 203); Пѣвецъ С. о П. И. вспоминаетъ объ Еленѣ вслѣдъ за пораженіемъ русскихъ на берегахъ Каялы 55 (202); замѣчанія о **ДѢВѢ ОБИДѢ ШИШКОВА** 55 (203, 204); **ПОЖАРСКАГО** 55 (203); **ГРАМАТИНА** 55 (204); Максимовича 55 (204); Эрдмана 55 (204—206); сказаніе въ Великихъ Четіяхъ о Понтійской Царицѣ вдовѣ 55 (207, 208); Ср. Excursus ad **SIBILINA** 55 (208); значеніе Елены въ сказаніяхъ апокалиптическихъ объясняется значеніемъ ея въ ученіи Халдѣевъ, Максъ **ДУНКЕРЪ** 55 (209—218) **БИЛИТЪ** (**МИЛИТТА** у Геродота) 55 (211); надписи называютъ ее: „Царицею боговъ", „матерью боговъ" 55 (211); была у Вавилонянъ богиною плодородія и рожденія 55 (211); поклоненіе ей 55 (211, 212); существованіе этого поклоненія у Славянъ: **РОДЫ** и **РОЖАНИЦИ** тоже что поклоненіе **АРТЕМИСѢ**, (этимъ иненемъ западные писатели называли Вавилонскую богиню) 55 (212, 213). Нана богиня едвали отличалась отъ Билиты 55 (212—313); **ИСТАРЪ**, богиня войны, гибели и раззоренія, сливается съ **БИЛИТОЙ**; любопытное сопоставленіе Дуная (Истра) и Дона (Танаисъ) 55 (212, 213); **БАЛТИСЪ** у Сирійцевъ, имѣющая различныя наименованія не отличалась отъ **БИЛИТЫ** 55 (213, 214); **АСТАРТА** у Финикіянъ, „дѣвственная богиня" или богиня Дѣва", богиня войны, гибели смерти, поклоненіе ей 55 (215, 216); самою высшею жертвою ей считалось: оскопленіе жрецовъ и мірянъ, 55 (215, 216); какъ блуждающая богиня называлась у Финикіянъ **ДИДО** 55 (216);

сестра ея **АННА** миловидная; предположеніе Дункера что обѣ сестры суть одна и таже богиня 55 (216, 217); съ блужденіемъ **АСТАРТЫ ДИДО** связанъ миѳъ о сочетаніи ея съ солнечнымъ богомъ, преобразовавшимъ ея изъ богини войны въ мирную благотворную богиню, покровительницу плодородія 55 (216, 217); замѣчаніе Дункера о томъ, что странствія Дидоны и Елены связаны съ мѣстами поклоненія Ашерѣ 55 216, 217); значеніе Елены у Готѳовъ 55 (218); поклоненіе ей на Черномъ морѣ было въ связи съ болгарствомъ Ахиллесовыхъ Мирмидонянъ 55 (219); миѳъ о Еленѣ былъ неизвѣстенъ Гомеру и возбуждалъ любопытство Геродота 55 (219; свидѣтельство Гиральдія о томъ, что поклоненіе Еленѣ было въ связи съ мореплаваніемъ 55 (219); замѣчаніе **СОЛИНА**, что единственная вещь, спасающая корабли отъ крушенія находится въ связи съ ученіемъ о принадлежности женщинъ въ извѣстныя эпохи вражьей силѣ, ср. (Rother Kœnig) 55 (219, 220); апокрифическое преданіе о **ЛЕЛИТѢ** находится въ тѣсной связи съ Миѳомъ объ **УРАНІИ** 55 (220, 221); **VENUS URANIA**, regina coeli, по объясненію протоіерея Алексѣева, есть **АФРОДИТА** 55 (221); Менелай похищаетъ Елену изъ храма Протея; 96 (305); **АНАГИДА** (Abed-tanit), **ДІАНА**, **АСТАРТА**, **АРТЕМИСЪ** 97 (316); поклоненіе **ДѢВѢ** (Παρθένη) 97 (316, 317); Пѣвецъ С. о П. И. подобно Страбону называетъ богиню **ДѢВОЮ** 97 (316); въ первомъ столѣтіи имена Діаны, Ифигеніи, Гекаты и Артемиды уже не примѣнялись къ сказанной богинѣ (97 (316, 317); миѳъ объ **ЕЛЕНѢ-TANAIS** 97 (318); опредѣленіе Елены по ученію Гностиковъ (ученіе **СИМОНА ВОЛХВА**) тождественно съ **МИНЕРВОЮ** и **ВЕРБЕЛО** 97 (318, 319); поклоненіе Дѣвѣ въ славянскихъ земляхъ 97 (320); сказаніе о Волгѣ Всеславичѣ принадлежитъ къ циклу Азовскихъ басенъ объ Еленѣ 97 (320, 321); поклоненіе ей находится въ сродствѣ съ ученіемъ скопцовъ 97 (331); жрецы ея назывались въ Малой Азіи **ГАЛЛАМИ** т. е. скопцами и волхвами (97 (331); культъ этотъ перенесенъ въ Малую Азію изъ Тавроскиѳіи 97 (331); миѳъ объ оскопленіи Урана 97 (332); съ древнихъ временъ Елена считалась тождественною съ водородомъ 99 (334); культъ **ДІАНЫ** Таврополъской 97 (335); жертвоприношенія 97 (348); условіе при коемъ она щадила корабли (**СОЛИНЪ**) 97 (348); изображеніе Танаисы на монетахъ 97 (348); распространеніе культа ея до Гибралтара 97 (348); финикійское правописаніе: Tanaitis, Diana Persica, Artemis, Anaitis, Neith; Tennis 97 (348); по мнѣнію Персіянъ похищеніе ея было главнымъ источникомъ всѣхъ войнъ 100 (372, 374); двойственность **ЕЛЕНЫ-ЛИЛИТЪ** сохранилось въ одной Албанской сказкѣ (**ЛЕЛЬЯ КУРВА**) въ которой **ГАНЪ** видитъ сродство съ баснями о Парисѣ, Венерѣ, Юнонѣ, Минервѣ и о Мѣсяцѣ 100 (378, 379); Кипрскія стихотворенія 115 (451); 118 (489); показанія позднѣйшихъ писателей весьма архаич-

ны посодержанію (**ВЕЛЬКЕРЪ**) 115 (452); Елена на островѣ Ахиллесовѣ 115 (467); расположеніе Ахиллеса и Елены къ Гомеру 118 (478). Елена. **ВОДА** 108 (411—414) 55 (197).

ЕЛЕНУШКА, (Пѣснь объ Еленуш-Ивановнѣ стр. 193, 194) изображаетъ состояніи души описываемое въ выпискѣ изъ ученія Валентіянъ (стр. 198) и соотвѣтствуютъ словамъ сказки о Семи Семіонахъ: „ужь ты батюшка родимый мой, выручай меня ты изъ полону крѣпкаго, со кораблика великаго § 55. (200).

ЕЛЕНЪ, названъ въ Эддѣ **АЛИ**, изгнанъ царемъ Тюрковъ Пріамомъ изъ Фригійской земли 55 (187).

ЕЛЯНСКІЙ, камергеръ, о скопчествѣ 97 (332, 350, 351); сонъ Сципіона 108 (415).

Ἔννοια, разумъ, одинъ изъ Эоновъ у Гностиковъ, сотворилъ ангеловъ противъ воли; Βυθός; принималъ различныя формы и воплощался въ женскія тѣла: въ **ЕЛЕНУ** при осадѣ Трои, въ **ЕЛЕНУ БЛУДНИЦУ**, которую Симонъ волхвъ встрѣтилъ въ Тирѣ 97 (319).

ЕПИФАНІЙ, св., о Валезанахъ 97 (332).

ЕПИФРИДІЙ, предокъ Гомера 13 (138).

ЕРАНЫ, 115 (469).

ЕРИѲРЕЙСКОЕ, море 100 (374).

ЕРЫТРЕЙСКЪ, 55 (189).

ЖЕНЧУГЪ, 69 (271, 272).

ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ, 97 (347, 348, 349, 350).

ЖИЛОТУГЪ, сынъ малаго Волховца, давшій имя рѣкѣ въ которой утонулъ 37 (323).

ЖИРНЯ ВРЕМЕНА: времена обильныя несчастіями; Миклошичь 55 (221); **ЖИРУШКА**,

ЖИРНЫЙ, (въ Причитаніяхъ Сѣвернаго края) 55 (222).

ЖЛЯ 60 (224); примѣры изъ лѣтописей: „**ПОЖАЛИСИ, ЖАЛЬ, ЖЕЛЮ** 60 (226). См. **КАРНАЙ.**

ЖОЛИ (Ioly), свидѣтельство его о рукописи, находящейся въ Monte Pesculano съ надписью: „Historia Daretis de Origine Francorum“ 11 (106).

ЗАБОЛОЛѢ, 100 (417).

ЗАВУЛОНЪ, соотвѣтствуетъ указанію въ пѣсни Соловья Будиміровича на сочетаніе еврейскихъ и языческихъ сказаній 67 (264).

ЗАДОНЩИНА, въ ней названъ Боянъ гораздымъ гудцомъ въ въ городѣ Кіевѣ 13 (141).

ЗАМОЛКСИСЪ, пророкъ Гетовъ, ученіе его сходно съ Пиѳагоровымъ; свидѣтельство о немъ Страбона 97 (351, 352).

ЗАМЫСЛОВСКІЙ, Егоръ Егоровичъ, членъ Археографической Комиссіи и профессоръ; редакторъ Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ

Россіи, изд. Археографической Коммиссіи. Спб. 1874, 94.

ЗАПАВА. См. **ЕЛЕНА**.

ЗАТМѢНІЕ солнечное, 7 (89—99). Упоминаемое въ Лѣтописяхъ затмѣніе солнца 1-го мая не относится къ знаменію видѣнному Игоремъ при выступленіи въ походъ. По словамъ Поэта Игорь видѣлъ Знаменіе до встрѣчи съ Всеволодомъ, по сю сторону Курска. Игорь выступилъ въ походъ 23-го апрѣля во вторникъ (по Ипат. Л.); 23 апрѣля 1185 г. дѣйствительно было во вторникъ; Іеромонахъ Лосицкій вѣроятно отодвигаетъ выступленіе на десять дней, чтобы согласовать съ замѣткой о медленности похода. По Лаврентьевской Лѣтописи затмѣніе солнца было 1-го мая, въ середу; и не упоминается было ли оно видимо въ той мѣстности, и время похода также не обозначено. Въ Густынской Л. подъ г. 1185: въ тоже лѣто апрѣля 13 Игорь Святославичъ не повѣдая Святославу Кіевскому поиде изъ Новгорода на Половцевъ.... и въ то время бысть затмѣніе солнца, а се знаменіе не на добро бываетъ. Положительное упоминаніе солнечнаго затмѣнія при походѣ Игоря, сдѣлано въ позднѣйшей Густынской Лѣтописи въ неопредѣленное время похода, вѣроятно для согласованія неправильно понятыхъ словъ поэта, о знаменіи упоминаемомъ поэтомъ, съ солнечнымъ затмѣніемъ 1-го мая. Замѣтка могла быть внесена и въ Ипат. Л. вслѣдствіе неправильнаго пониманія словъ поэта. Впрочемъ и въ Ипат. Л. не выражено положижительно, чтобы видѣнное знаменіе было именно затмѣніе, хотя знаменіе и пріурочено къ 1 мая. Татищевъ (III. 261) согласно съ Густ. Л. говоритъ что Игорь отправился въ походъ 13-го апрѣля: „подошедъ къ Донцу на вечеръ же мая 1-го дня увидѣли затмѣніе солнечное, котораго осталось часть, яко луна трехъ дней, въ рогахъ его яко угль горящій былъ, и звѣзды были видимы, и въ очахъ было зелено.—Въ прим. 536 говорится: „Пасха была апрѣля 21 въ 1185 и затмѣніе въ новгородскомъ 1185. положено: колика тѣнь, не находится; и конечно тамо видимо быть не могло: въ другихъ Русскихъ манускриптахъ положено 1186. Оное мню ошибка". Причина запутанности показаній кроется въ Словѣ о П. Иг., что доказываетъ его извѣстность во время составленія Ипатьевской Лѣтописи.—Повѣрка этого довольно важнаго вопроса можетъ быть сдѣлана опредѣленіемъ той части Россіи гдѣ затмѣніе 1-го мая могло быть видно. Пѣвецъ Игоревъ говоритъ что знаменіе видно было при началѣ похода, т. е. за недѣлю или двѣ до 1-го мая; Лѣтописцы,—что именно затмѣніе было видно 1-го мая; о чемъ пѣвецъ Игоревъ совершенно умалчиваетъ. Весьма важно опредѣлить вычисленіемъ, кто былъ ближе знакомъ съ подробностями похода—Поэтъ или Лѣтописецъ.

ЗАХЕРЪ (Zacher). **АЛЕКСАНДРЪ** В. 60 (237).

ЗЕГЗИЦА 108 (404, 405).

ЗЕДЕРГОЛЬМЪ, изд. Das Lied vom Heereszuge Jgors. Moscau. 1825, 11 (97, 98); 55 (205).

ЗЕМЛЯ НЕЗНАЕМА, прилагательное **НЕЗНАЕМЪ** свойственно эпической поэзіи 18 (149); **TERRA IGNOTA** 19 (149).

ЗЕФИРОТЫ, числомъ десять; имъ соотвѣтствуютъ князья высшаго міра 4 (69).

ЗИНОВЬЕВЪ, А. З., о дружинѣ 11 (127, 128).

ЗМѢИ, рожденіе отъ змѣя Волха Всеславича, Александра Великаго 97 (345, Ср. происхожденіе **МЕРОВИНГОВЪ** отъ **ДРАГОНА**; **АРТУРА** отъ **УТЕРПЕНДРАГОНА**; Псевдо-Калисѳенъ, и Плутархъ 115 (455). **ТИФОНЪ** 107 (393); **ЗМѢЯ МИДГАРДЪ**, въ скандинавск. миѳологіи 100 (363, 367).

ЗОРОАСТРЪ, показаніе о немъ Бероза, приводимое Стрыйковскимъ 107 (389, 390, 392); Діодоръ Сицилійскій 107 (389, 390); Моисей Хоренскій 107 (390, 391); тождественъ съ **ХАМОМЪ**, **УРАНОМЪ** и **ХРОНОМЪ** 107 (392); всѣ эти преданія сходятся въ Теогоніи **ГЕЗІОДА**, 107 (393); Delaunay 107 (399); столкновенія на **ДОНУ** ученія Зороастра съ Будизмомъ, Магизмомъ, Гностицизмомъ 114 (433).

ЗОРЮШКА бѣлая, упоминается въ скопческой пѣсни въ соединеніи съ матерью сырой землей; объясняется древнимъ ученіемъ объ **АСТАРТѢ**, **АЗАРИТИСЪ** 97 (333).

ЗУЛЪ КАРНЕЙНЪ, Александръ Македонскій, по Восточнымъ сказаніямъ (Zoul Carnein) см. **КАРНАЙ** и **ЖЛЯ**.

ИВАНЪ Царевичь, сказка о немъ и сѣромъ **ВОЛКѢ** напоминаетъ преданіе, на коемъ основана трагедія Еврипида „Елена“ 96 (305); 100 (375); связь съ Египетскою баснею 100 (362); 115 (457).

ИГОРЪ СВЯТОСЛАВИЧЪ, — вступая въ походъ видитъ зловѣщее знаменіе—во Вторникъ, 23 Апр. 7 (89, 91); **ЗАТМѢНІЕ** Встрѣча съ Всеволодомъ § 15. При отступленіи возвращается для выручки Всеволода находящагося въ арьергардѣ § 50 (183). Игорь въ плѣну, его бѣгство § 113 (429). Игорь переходитъ Донецъ 114 (431). Рѣчь къ Донцу. Патентъ Императора Китайскаго (432). Игорь идетъ поклониться Пирогощей Божіей Матери § 120 (509). Пѣснь объ Игорѣ имѣетъ цѣлью выставить его какъ защитника Юго-Западной Россіи противъ Меченосцевъ, Венгровъ и Поляковъ 118 (483, 484); см. **ІОАННЪ ПРЕСВИТЕРЪ**. **ЧИНГИСЪ-ХАНЪ**. **АРТУРЪ**. **АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ**. **АХИЛЛЕСЪ**; le Roi Pecheur; въ 1198 Игорь вступаетъ на престолъ Черниговскій по смерти Ярослава Всеволодовича. Умираетъ въ 1202. Лавр. Л. подъ г. 6710 о драматическомъ концѣ его сыновей въ Галичѣ; см. **ТИМОФЕИ**.

ИЗИСЪ, представительница миѳа возрожденія, чрезъ таинственную смерть 107 (389).

ИЗМАЛИТОВИЧИ, 21 (150).

ИЗРАИЛЬТЯНЕ, 115 (448).

ИКАРЪ, басня о немъ 11 (114, 116); прототипъ Трояна, въ Сербской и Болгарской сказкѣ, приводимой Буслаевымъ 11 (114 117).

ИЛІАДА, замѣчаемое Мишо сходство крестоносцевъ съ героями Иліады 2 (22); входила въ кругъ сказаній о Паладинахъ 2 (25); изданіе ея, сдѣланное Комитасомъ въ концѣ IX в. 2 (31); 6 (83); Иліада собирательное слово для племенъ Греческихъ 118 (483); 121 (509); Пѣвецъ Игоревъ имѣлъ въ виду Иліаду, упоминая о Дѣвѣ Обидѣ 97 (326); два стиха изъ Илліады по поводу Всеслава 104 (381); намекъ на Аяксовъ по поводу Рюрика и Давида Смоленскихъ 107 (386).

ИЛЛИРІЙЦЫ, показаніе сократителя Страбона (IX ст.) о жительствѣ ихъ вмѣстѣ съ Ѳракіянами и **ЭПИРОТАМИ** по краямъ Эллады 11 (104); Прокопій Кессарійскій идентифицируетъ ихъ съ Ѳракіянами 11 (120); жительство ихъ на востокѣ Европейской Россіи 11 (120); **ILLYRI** въ родословной народовъ отъ Афета 60 (232).

ИЛОВАЙСКІЙ, Дмитрій Ивановичъ, (Журн. Мин. Нар. Пр. LXXVII. С.-Петербургъ, 1875), въ подстрочномъ примѣчаніи допускаетъ намекъ въ Пѣсни Игоревой на историческихъ Троянъ: „Болгарскіе переводы и передѣлки этихъ сказаній, конечно переходили потомъ и на Русь и здѣсь распространялись между людьми книжно образованными. Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, что вѣци Трояни Слова о П. И. пожалуй относятся не къ Императору Траяну, а собственно къ Троянской войнѣ. Впрочемъ, могло быть, что воспоминанія о томъ и другомъ перепутывались“. На той же страницѣ въ подстрочномъ примѣчаніи Д. И. Иловайскій припоминаетъ слова Льва Дьякона по коимъ Анахарсисъ и Замолксисъ равно какъ и послѣдователи Ахиллесса научили Руссовъ совершать надъ умершими жертвы и возліянія. Этотъ расказъ достаточно объясняетъ распространеніе Троянскихъ сказаній между Руссами и Болгарами; — не компиляціи книжниковъ Болгарскихъ IX или X столѣтія могли служить источникомъ распространенія, а на оборотъ компиляціи эти вызывались распространеніемъ преданія о связи существовавшей между рыболовами Дунайскими, Днѣпровскими и Азовскими и столицей Фригійскаго Царства Троей.

ИЛМЕРЪ; озеро 97 (322); 116 (468).

ИЛЪ; сынъ Энея, происхожденіе отъ него Юлія Кесаря 11 (100).

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ, 97 (346).

ИМЪ, 107 (385); вмѣсто ихъ.

ИНГВАРЬ, Ярославичь (ст. 11), сынъ Ярослава Изяславича, кн. 92 (296).

ИНДІЯ, 115 (458); 121 (512).

Ιππημολγός, доящій кобылицъ; ергакъ; подъ этимъ именемъ, у Гомера можетъ скрываться имя **ВОЛГАРЪ** (bulga) 11 (124, 125).

ИРИНЕЙ, св. объ Еленѣ 55 (197); 111 424).

ИСААКЪ Багрянородный; сочиненія его 1) описаніе Троянскихъ и Греческихъ Героевъ. 2) о предметахъ не упоминаемыхъ Гомеромъ 3) и Схоліи къ Гомеру, 2 (32); 6 (84) приписываются, по мнѣнію Кертинга, неправильно первому Исааку Комнену удалившемуся въ монастырь въ 1059 г. но принадлежатъ племяннику его **ИСААКУ СЕВАСТОКРАТОРУ**, (1081—1118) котораго племянница Анна Комненъ дѣйствительно называетъ φιλολογώτατος; 6 (84—85). Въ энциклопедіи Ерша и Грубера сочиненія эти приписываются брату Анны Комненъ. 6 (84); изданъ въ 1873 году (Hugo Hinck. Bibl. Teubneriana вслѣдъ за Polemonis decl. 6 (84).

ИСКАНІЙ, (Iscanius) Девонскій, писавшій по латынѣ въ XII столѣтіи; его поэма о троянской войнѣ составлена по Даресу и считается однимъ изъ источниковъ позднѣйшихъ французскихъ и нѣмецкихъ редакцій 2 (10, 24). Исканій обозначаетъ Гомера почти тѣми же словами, какъ и нашъ Пѣвецъ ludentem ficta poetam 2 (10); былъ хорошо знакомъ съ твореніями Овидія, Статія 2 (24); 6 (85); упрекаетъ Гомера въ вымыслѣ 2 (24).

ИСПИТИ шеломомъ Дону, есть знаменованіе побѣды надъ Половцами; подобное ознаменованіе подвига существуетъ до сихъ поръ у кавказскихъ племенъ 10 (94, 95).

ИСТАРЪ, божество у Халдеевъ 55 (209). **ЕЛЕНА**.

ИСФЕНДІАРЪ, сынъ Гистаспа 60 (230).

ИФЕСТІОНЪ, свидѣтельство его о древности Исторіи о разореніи Трои Дареса 2 (23).

ИФЕСТЪ, вѣчный огонь, о тождествѣ его съ русскимъ Сварогомъ, а сына его Даждьбога съ Геліосомъ сыномъ Ифеста 97 (344, 352); 100 (366).

ИФИГЕНІЯ, приноситъ въ жертву Елену и Менелая, удалившихся въ Херсонесъ Таврическій 55 (201); одна изъ представительницъ богини **ДѢВЫ** (Παρθενος) 97 (320, 335).—Ифигенія слыла также дочерью Елены (въ басняхъ о **ДІАНѢ** таврольской).

ІЕЗЕКІИЛЬ, „И бысть слово Господне ко мнѣ, глаголя: Сыне человѣчь, утверди лице твое на Гога, и на землю Магога князя Росъ, Мосоха, и Ѳовеля, и прорцы нань"... (38). И ты, сыне человѣчь, прорцы на Гога, и рцы: сія глаголетъ Адонаи Господь: се азъ на тя, Гогъ, князя Росъ, Мосоха и Ѳовеля, и соберу тя, и наставлю тя, и возведу тя отъ конца сѣвера, и возведу тя на горы Іизраилевы, и исторгну лукъ твой отъ руки твоея лѣвыя, и стрѣлы твоея отъ руки твоея

десныя. И поражу тя... И пущу огнь на Магога, и населятся острови съ миромъ... (39), 60 (233). **РОСЪ.**

ІЕЗИДЫ, (Iezіden), сохранили суевѣрные обряды сродные съ культомъ Діяны Таврополъскій и обрядами хлыстовъ.—107 (388)

ІЕРОГЛИФЫ 118 (490).

ІО, похищеніе ея Финикіянами 100 (372, 373, 374); Семь Семіоновъ 100 (372, 373).

ІОАКИМОВА Лѣтопись, о жрецѣ Богумилѣ, названномъ соловьемъ 11 (96).

ІОАННЪ ПРЕДТЕЧА; 119 (416).

ІОАННЪ ДАМАСКИНЪ, 115 (459).

ІОАННЪ Пресвитеръ, царь надъ тремя стами королями (по опискѣ вмѣсто 70); династія его; на дочери четвертаго пресвитера Іоанна, называвшагося Ункъ Ханъ, женился Чингисъ Ханъ 121 (511); свѣдѣнія о пресвитерѣ Іоаннѣ 121 (511); перенесеніе къ нему священнаго Граля Парцивалемъ 121 (513); Титурель поучаетъ пресвит. Іоанна 121 (513). **ПАРЦИВАЛЪ. АРТУРЪ ЧИНГИСЪ ХАНЪ.** Каанъ Калдана. См. 108 (409, 416 б. 416 г). См. Посланіе пресвитера Іоанна къ Императору Еммануилу Комнену. Assemani Bib. Or. Cl. Vat. T. III. part. II. c. IX. p. 490. Mosheim ad Hist. Eccles. Tartarorum appendix. стр. 29. **КАБАЛА. ОППЕРТЪ.**

ІОАННЪ, IV Васильевичъ, царь, сравниваетъ Курбскаго съ Энеемъ и Антеноромъ предателями 2 (57), названными въ сказаніи о Раз. Трои изрядцами; притязаніе Іоанна на Латинское происхожденіе; источникъ этого притязанія кроется въ Прусскихъ преданіяхъ ср. **ЮЛЪ** Iulus. 11 (103).

ІОАННЪ, Экзархъ Болгарскій. изслѣд. К. Калайдовича. Москва, 1824, 2 (25, 30, 46, 47).

ІОРНАНДЪ, 6 (87, 88); 24 (153); 78 (280).

ІОСАФАТЪ, царевичъ (438), 115 (459).

ІОСИФЪ Горіонидъ 118 (487).

ІОСИФЪ Флавій 118 (487).

КАБАЛА, преданіе словесное и тайное. Ученіе кабалистическое сохранилось отъ глубочайшей древности, въ главныхъ своихъ очертаніяхъ въ Іецирѣ и Согарѣ. Настоящіе кабалисты отвергаютъ значеніе этихъ книгъ. Іегуда Галеви опирается, въ разсказываемомъ имъ состязаніи царя Козарскаго о вѣрѣ. на первую изъ этихъ книгъ; Согара есть сборникъ древнѣйшихъ кабалистическихъ преданій въ согласіи съ Іецирой.— Изреченіе изъ этой послѣдней книги приведено въ § 119, стр. 491, по сходству съ изреченіемъ Бояна и Крока о безначаліи.—Іецира, не смотря на непроницаемость текста, была весьма распространена, и изреченія изъ оной встрѣчаются въ средневѣковой поэзіи. — (Iost.

Gesch. des Iudenthums VI. 69). Самое значеніе слова Кабала въ Русскомъ языкѣ находится въ близкой связи съ значеніемъ Еврейскимъ. — Кабалой весьма правильно могъ называться священный обрядъ, коимъ человѣкъ посвящался въ рабство божеству; освобожденіе раба у Грековъ совершалось посвященіемъ божеству съ надписью о продажѣ или дареніи освобождаемаго. Ср. Wallon. Histoire de l'Esclavage. Paris. 1847. T. I 341. На существованіе подобнаго обряда у Евреевъ въ Южной Россіи указываютъ пять надписей, найденныхъ недавно въ разныхъ мѣстностяхъ прилежащихъ къ Черному морю и упоминаемыхъ въ одномъ изъ послѣднихъ изслѣдованій Г-на Гаркави. Обрядъ посвященія освобождаемыхъ божеству могъ быть перенесенъ и на дѣйствіе свободнаго человѣка, отдававшаго себя подъ защиту сильнаго человѣка.—Кабалистическое ученіе не сосредоточивалось между одними Евреями, но сохранялось и сохраняется между Шаманами и Магами. Кабала Евреевъ носитъ несомнѣнно слѣды вліянія ученія древнихъ Персовъ. — Ученіе древнихъ Персовъ вмѣстѣ съ сроднымъ ученіемъ Пиѳагора отражается въ ученіи Гностиковъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ изустныя преданія сохраняющіяся въ народѣ суть, въ полномъ смыслѣ слова, Кабала. Несомнѣнныя и явныя слѣды Кабалы находятся въ пѣсняхъ Орѳея, и даже въ Илліадѣ и Одиссеѣ.—Олемъ Ацилуѳъ значитъ по Еврейски міръ отдѣленный, духовный, отъ корня оцѣл: отдѣлять и выдѣлять. Ацилуѳ обозначаетъ духъ отдѣляющійся и отражающій себя.—Сочетаніе Елены съ Ахиллесомъ въ посмертномъ житіи, даже по древнимъ языческимъ баснямъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ этому значенію Еврейскаго Олем Ацилуѳ: переходъ Елены, пытливой и заблуждающейся души, въ мірѣ духовной. Еврейской формѣ Ацилуѳ соотвѣтствуетъ правописаніе имени Ахиллеса въ Троянской Притчѣ изданной (Starine. III, u Zagrebu 1871). Миклошичемъ. Въ этомъ сказаніи придается Ахиллесу несомнѣнный мистическій оттѣнокъ.—Самый разсказъ о хитрости придуманной Улисомъ (§. VII) находится въ согласіи съ Ахиллеидою Статія (I 473 и сл.). Въ § V упоминается, что Ахиллесъ скрывался въ женскомъ платьѣ до отплытія Грековъ подъ Трою: „бѣше же и Ацилеешь храбрый паче вьсѣх грькъ ферелешев сынъ и Ѡдеасѧ въ женское рухо, и поиде съ госпождами по градѣхъ, еда сѧ тако утаитъ, да сѧ не причѧститъ троискои крьви, занѣ вѣдѣше, колика сѧ щет (форма повторяющаяся неоднократно для обозначенія будущаго времени) кровь пролиати за Еленѫ царицѫ".

Попъ Калкашъ, въ § VI, объявляетъ что безъ Ахиллеса Троя не можетъ быть взята: „пръвое требѣ довести Ацилеша Ферелешева сына". Въ повѣсти изданной Миклошичемъ, § V, равно какъ и въ текстѣ изданномъ Пыпинымъ, разсказывается мнимое сумашествіе Улисса чтобы не участвовать въ Троянской войнѣ. Гомеръ объ

этомъ ухищреніи Улисса умалчиваетъ, но объ ономъ говорилось въ Кипрскихъ стихахъ, по свидѣтельству Цицерона (Off. III. 26). Тѣмъ не менѣе Улиссъ отправляется за Ахиллесомъ, и послѣ многихъ блужданій открываетъ его между дочерями царя Каеты (§ VII): „а Ацилеешь стоаше погладоуѧ на фарижа еко соколь на птицѫ, и минѫ мимо него и рече: съи фарижъ подобенъ есть подоброго витеза, и сіе орѫжіе на еговѣ широцѣи плещи и съи щитъ на еговѫ крѣпкѫ мышцѫ и слышавъ то урекшишь и положи ему свои(мъ) рѫцѣ на рамѣ его и рече къ Ацилеешоу: Ѡ **БОЖИНА ДѢВИЦА**, не устрашаи сѧ ѿт Троѧ ѻжидаетъ тебе троа на разореніе! Словамъ: „поглядуя на фарижа яко соколъ на птицу“ соотвѣтствуетъ у Статія: et fronte relicta surrexere comae. (II. 181).

– Таинственная сила, олицетворяемая въ скрывавшемся въ женскомъ платьѣ Ахиллесѣ, можетъ быть также объяснена весьма реалистически инженернымъ искусствомъ: Ахиллесъ является съ своими мирмидонами, также какъ андрогинъ **ВОЛХВЪ** Всеславичь въ пѣснѣ Кирши Данилова съ дружиной обращенной въ муравьевъ, для взятія неприступной крѣпости, въ коей находится Елена, а съ нею вмѣстѣ и господство надъ Индѣйскимъ Царствомъ. При этой догадкѣ, о сродствѣ миѳа объ Ахиллесѣ Ацилеушѣ съ Еврейскимъ Ацилуѳ, невольно возбуждается сомнѣніе: не принадлежитъ ли сама классическая Діана Тавропольская Буддизму. Dhyana: созерцаніе и различныя степени аскетическаго мышленія и восторга. По ученію Буддистовъ, каждое воплощеніе земнаго Будды есть лишь образъ Діаны пребывающаго въ мірѣ отвлеченномъ. Ср. Koeppen, die Lamaische Hierarchie, Berlin 1859. стр. 25, съ сылкой на его же Religion des Buddha 255 и слѣд. 585—593. Къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстно въ какомъ отношеніи находится Абида къ Діана—Буддамъ.

Одно изъ самыхъ главныхъ значеній такъ называемой народной словесности заключается въ томъ, что литература эта сохранила въ себѣ въ теченіи тысячелѣтій въ многоразличныхъ передѣлкахъ, разсѣянныхъ между многими народами, всю суть древняго изустнаго преданія. Подлинность самыхъ преданій подтверждается сравненіемъ преданій сохраняющихся на всѣхъ концахъ земли не смотря на то, что въ каждомъ письменномъ и даже обращающемся въ народѣ изустномъ преданіи, намѣренно и весьма строго соблюдается условіе облекать преданіе въ таинственную и непроницаемую оболочку.

Въ отчетѣ объ Алтайской Миссіи весьма сокращенно излагаются нѣкоторые пункты ученія о преданіи, сохранившемся въ малодоступныхъ ойротскихъ книгахъ о Майдерѣ, записывающемъ на небѣ, съ помощью трехъ писарей, Тидыними, Шигимуни и Топшуну, все что совершается на землѣ. Все написанное на небѣ передано Тюрунъ Музыкаю для распространенія по землѣ. Алтайцы и Кумандинцы призна-

ютъ что всякое благословеніе идетъ черезъ Яикъ-Хана (Потопъ). Алтайцы признаютъ что наказанія проходятъ черезъ жилище предковъ Ад Эбіого; а Кумандинцы черезъ злой духъ Ерликъ. Ойротскія книги, упоминаемыя въ отчетѣ Алтайской миссіи, должны принадлежать несуществующему болѣе Ойратскому союзу. Обѣщаніе Царя Царей (стр. 32) живо напоминаетъ посланія Пресвитера Іоанна, обозначаемаго подъ именемъ Калданъ Каана. Проповѣдникъ Тюрунъ Музыкай, родившійся отъ дѣвицы Эркэ Шюдюнь, получившій книги написанныя на небѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ Мирдину-Таліезину Бретонскихъ сказаній. Переходъ хранителей Граля съ Запада Европы въ Царство Пресвитера Іоанна, въ Парцивалѣ и Титюрелѣ, долженъ быть въ связи съ обществомъ Чало Казаковъ, живущихъ въ Юго-Западныхъ отрасляхъ китайскаго Алтая близь моря Бѣловодья, вдоль рѣкъ текущихъ изъ Алтая въ Норъ Зайсанъ и Черный Иртышъ, и сохранившихъ нѣсколько словъ изъ молитвы Господней и изъ Символа Вѣры. П. И. Небольсинъ (поѣздка въ Сибирь, С.-Петербургъ, 1848, ч. I стр. 82) упоминаетъ объ Алтайскихъ каменьщикахъ, жившихъ въ прошломъ столѣтіи на камнѣ на Бѣловодьѣ и удалившихся въ концѣ столѣтія въ предѣлы китайскіе откуда они возвратились въ русскіе предѣлы на рѣку Бухтарму въ числѣ 273 человѣкъ. Подъ названіемъ Бухтарминскихъ ясачныхъ крестьянъ, они живутъ въ 23 деревняхъ расположенныхъ по рѣчкамъ впадающимъ съ правой стороны въ рѣку Бухтарму. П. И. Небольсинъ ссылается на Ж. Мин. Нар. Пр. 1845 № 6, на записки Г. Димитренкн и на П. Соб. Зак. № 29126. Въ до Петровской России ходили сказанія о древности поселенія Русскихъ въ Сибири. На страницѣ 323 приведена выписка изъ Хронографа о переходѣ Русскихъ за 2409 до Р. Х. за каменныя горы въ страну Скиръ по рѣкѣ Оби до устья бѣловодныя рѣки. Миѳъ о Гралѣ дарованномъ Русскому племени излагается въ позднѣйшей, но весьма курьозной, сказкѣ о таинственномъ сосудѣ съ коимъ связана участь русскаго народа. (Русскія сказки содержащія древнѣйшія повѣствованія, Москва, 1820, 3-е изд. въ ч. II и III. Повѣсть о Златомъ сосудѣ, стр. 27). Въ трехъ сказкахъ разсказывается баснь о Золотомъ сосудѣ, въ близкой связи съ Бретонскими сказаніями о Гралѣ. Аспарукъ, отецъ Руса, послѣ выхода изъ долинъ Сенаарскихъ въ слѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія людей, сотворяетъ, изъ ничѣмъ не разрушимой смѣси металловъ, сосудъ для храненія благоденствія своего отечества. Двѣ ледяныя горы слетѣлись и заключили Аспаруха и старца живущаго на островѣ Британіи „подобно какъ видимы бываютъ насѣкомыя закрытыя въ прозрачныхъ тѣлахъ окаменѣвшей смолы извергаемой Варяжскимъ моремъ на брега Порусскіе.“ Цѣлое море кипящей смолы шумѣло, но сраженіе противуборствующихъ стихій сохраня-

ло ихъ. Тающій ледъ отражалъ пламенные валы. Они миновали геену и очутились на **ХРУСТАЛЬНОЙ ТВЕРДИ** предъ чертогами Чернобога. Аспарухъ поставилъ сосудъ на престолъ и произнесъ: „Великій богъ мститель, прими моленіе раба твоего посвящающаго тебѣ залогъ вѣрнаго тебѣ народа, учини судьбу Руссовъ недвижиму во вѣки, и изреки твой непремѣнный предѣлъ на сей таинственный сосудъ и на сей вѣнецъ, да учинятся оные освященіемъ твоимъ въ забрало храброму отродію Славенскому, и да будетъ оное страшно всѣмъ странамъ свѣта.“ Затѣмъ Аспарухъ занимается приготовленіемъ ковра Самолета. Старикъ наблюдаетъ въ это время какъ Руссъ пробивается сквозь землю Аланскую и покоряетъ Государства Черемиское, Мордовское, Чувашское, Вотяцкое и другія, и строитъ Руссу и Словенскъ. По изготовленіи ковра Самолета, Аспарухъ спускаетъ съ неба вѣнецъ, сосудъ и зеркало. Зеркало показываетъ что Фины злобствуютъ на вторженіе Руссовъ, и Асторотъ возбуждаетъ ненависть во всѣхъ народахъ противъ Русскихъ. Вторый Аспарухъ, Роксоланъ, хранитъ самъ этотъ сосудъ въ теченіи 980 лѣтъ, вполнѣ довольный поведеніемъ Русскихъ, хотя и предвидитъ дурныя послѣдствія обращенія въ рабство Финскихъ племенъ. Царь Дѣвица, царствующая на Британскихъ островахъ, съ помощію Зміулана и другихъ злыхъ духовъ нападаетъ, войдя въ Неву, на городъ Русу, и похищаетъ вѣнецъ. Сосудъ въ это время сохранялся ученикомъ Аспаруха Роксоланомъ на неизвѣстномъ островѣ. Русскій герой Булатъ, взявшійся возвратитъ вѣнецъ законному Государю, отправляется въ Британію; но, занесенный бурей, попадаетъ на неизвѣстный островъ, гдѣ помогаетъ льву противъ змѣя. Левъ этотъ оказывается сѣдовласымъ старцемъ Роксоланомъ, который научаетъ Булата какъ ему дѣйствовать противъ Царь Дѣвицы. Основное правило соблюсти собственную дѣвственность, для чего и дается ему предохранительный напитокъ, который однако не помогъ.

Булатъ увлекается красотой Царь Дѣвицы, согрѣшаетъ, выскакиваетъ со стыда въ окно и уплываетъ, бросивъ своего товарища Услада. При этомъ объясняется что человѣкъ, въ вслѣдствіе увлеченій, постоянно отвлекается отъ преслѣдуемой цѣли. Причаливъ къ неназываемой землѣ, Булатъ находитъ мертвое тѣло исполина Сидона; онъ его воскрешаетъ посредствомъ предохранительнаго напитка. Въ третьей части описываются безцѣльныя похожденія Булата съ богатыремъ Сидономъ и съ Еруссланомъ Лазаревичемъ.

Кабалистъ Роксоланъ приноситъ въ Россію вѣнецъ (стр. 119). —Царь Дѣвица вслѣдъ затѣмъ приплываетъ въ Неву и приступаетъ къ Русѣ. —Булатъ отправляется къ ней для объясненія. Царь Дѣвица ему объявляетъ, что она не имѣетъ враждебныхъ намѣреній и указываетъ ему на колыбель, въ коей лежитъ сынъ Булата.— Затѣмъ Булатъ женится на

ней при Дворѣ Русскаго Царя Видиміра (121); но это сочетаніе не помогаетъ, и вѣнецъ снова утрачивается.— Роксоланъ, сохраняющій сосудъ, прорицаетъ что настанетъ время когда возвратится и вѣнецъ.—Въ концѣ сказки предсказаніе примѣняется къ царствованію Императрицы Екатерины Великой также точно какъ и предсказанія въ Троянскихъ сказаній примѣнялись къ Юлію Кесарю.— Сказки о Булатѣ, золотомъ сосудѣ, богатырѣ Сидонѣ помѣщены во II части и въ III 3-го изданія.—Въ первомъ же изданіи 1780—1783 годовъ онѣ помѣщены въ IX томѣ.

Въ предисловіи Чулковъ говоритъ, что сказки наши тоже самое что рыцарскіе романы.— Слова эти не даютъ возможности сомнѣваться, что онъ коротко знакомъ былъ съ сказаніями объ Артурѣ и Гралѣ, и вполнѣ сознавалъ единство Бретонскихъ и Русскихъ сказокъ. Въ редакціи его замѣтно близкое знакомство съ Прокопіемъ и Іорнандомъ.—Кромѣ того онъ долженъ былъ быть близко знакомъ съ взглядомъ Англійскихъ Масоновъ на бретонскія сказанія; трудно предполагать чтобы, въ концѣ XVIII столѣтія, онъ могъ собственнымъ своимъ умомъ проникнуть въ сокровенный смыслъ рыцарскихъ романовъ объ Артурѣ и въ связь ихъ съ Русскими сказками:—связь загадочная и нынѣ, не смотря на общедоступный и весьма значительный запасъ комментаріевъ и изслѣдованій о сказочномъ мірѣ отъ Индуса до Атлантическаго океана.

Связь сказокъ Чулкова съ Масонствомъ кажется вообще не подлежитъ сомнѣнію, и появленіе ихъ въ Университетской Типографіи въ 1780—1783 годахъ связано съ началомъ типографской дѣятельности Новикова, арендовавшаго Типографію въ 1779 году.

Замѣтка въ русскомъ хронографѣ, что Гомеръ сынъ Царя Филерѣша или по другимъ Царя Каэты, находитъ нѣкоторыя, хотя и весьма догадочныя, подтвержденія въ классической литературѣ.

На основаніи той же теоріи, по коей Гомеръ соединяется въ Русской повѣсти о раззореніи Трои въ одно лице съ Ахиллесомъ сыномъ царя Ферелеша т. е. духовнымъ сыномъ Хирона, сына Филириды, Романскій Гомеръ-Ахиллесъ, Виргилій, производится по Герою своему Енею отъ Кормилицы его Каэты. На томъ же основаніи Парисъ воспитанный пастухами называется Фарижемъ Пастыревичемъ.

Д евняя басньо, имѣвшаяся въ виду при составленіи этой родословной, упоминается въ поэмѣ Аполлонія Родійскаго Аргонавты.

Argonauticorum L. I. 554—558.

Chiron Phillyrides, et in cana fluctus fractione
Intinxit pedes, et multa gravi manu hortatus
Reditum apprecatus est curarum expertem abeuntibus:
Cum eo etiam conjux ulnis gestans
Pelei filium Achillem caro protendit patri.

О происхожденіи Хирона, нашего Полкана, отъ Филиры упоминается въ кн. II. 1231—1241.

Nocte incidente Philyraeam insulam praetervecti-sunt.
Ibi urani filius cum Philyra saturnus, quando in Olympo
Titanibus imperat, et Cretensi sub antro
Jupiter adhuc inter curetes educabatur Idaeos,
Rheam fallens, concubuit: hos vero in concubitu
Deprehendit dea medio: ipse e toro exsiliens
Aufugit, jubato forma similis equo:
Illa vero prae pudore loco et sedibus illis relictis
Oceanitis Philyre in montes longos Pelasgorum
Venit, ubi Chironem monstrosum, partim equo
Partim deo similem, ex ambiguo peperit concubitu.

Таинственныя книги, изучаемыя Черидвой, матерью вѣчнаго Пѣвца Таліезина, приписываются Ферилту (Pheryllt). Эти басни о рожденіи разноплеменныхъ героевъ соединились издревле, что видно изъ Теогоніи Гезіода гдѣ на стр. 1000—1010 говорится совмѣстно о рожденіи Язона, Ахиллеса и Енея. Сынъ Медеи отъ Язона, Медей воспитывается Хирономъ Филиридомъ, тутъ же упоминается рожденіе Ахиллеса отъ Ѳетиды и Пелея а Енея отъ Венеры. По кормилицѣ Енея Каэтѣ названъ городъ Гаэта между Римомъ и Неаполемъ или по бухтѣ того же имени прибавляетъ Страбонъ въ кн. V. Всѣ эти догадки, и весьма недостовѣрныя соображенія основанныя на двухъ строкахъ русскаго хронографа находятъ какъ будто подтвержденіе въ сказаніяхъ о Гралѣ. Въ поэмѣ Вольфрама фонъ Ешенбахъ именно въ этой части Южной-Италіи встрѣчается племянникъ Виргилія, Клиншоръ Герцогъ Терра ди Лаворо, колдунъ, чародѣй и скопецъ засѣвшій въ уступленной ему крѣпости съ выходцами изъ города Персиды, обозначаемаго мѣстомъ зарожденія чернокнижія. Волокиство Клиншора за женою короля Иберта Иблисой было причиной его оскопленія. Въ XII столѣтіи въ Римѣ и Неаполѣ басни о Виргиліи въ большомъ ходу. Gervasius v. Tylburg Канцлеръ Императора Оттона, посѣщавшій Неаполь въ концѣ XII столѣтія и Епископъ Гильдесгеймскій Конрадъ, Канцлеръ Императора Генриха VI находившійся въ 1191 году въ Неаполѣ весьма серьозно говорятъ о баснословныхъ дѣяніяхъ Виргилія. Фактъ крайнэ важный при изслѣдованіи вопроса о мѣстности гдѣ разработывались троянскія сказанія до XII столѣтія упоминается въ состязаніи пѣвцовъ въ Вартбургѣ. При этомъ состязаніи Остердингенъ воспѣвавшій Австрійскаго Герцога Леопольда призываетъ на помощь изъ Венгріи Клиншора. Загадки предлагаемыя къ рѣшенію относятся до безсмертія души, грѣха, откровенія и Благодати. Клиншоръ чародѣй и магъ, открытый врагъ Римскаго духовенства, ученикъ Парижской школы, изощрившійся въ Богословіи въ Царѣградѣ, и три года изучавшій въ Багдадѣ и Вавилонѣ коранъ, Астрологію и Алхимію, является въ состязаніи съ Вольфрамомъ фонъ Ешенбаха представителемъ мистицизма. Въ поэмѣ Lohengrin

Этотъ соперникъ Вольфрама говоритъ что предокъ его присланъ былъ изъ Рима къ королю Венгерскому съ подаркомъ, и носилъ одно имя съ извѣстнымъ (о коемъ говорится въ Парцивалѣ) и онъ самъ носитъ тоже имя. Въ житіи Святой Елисаветы, составленной лѣтописцамъ Дитрихомъ Тюрингенскимъ говорится въ концѣ XIII столѣтія что Клиншоръ былъ судьей въ Вартбургскомъ состязаніи и получалъ ежегодно 3000 марокъ. Въ Тюрингенской лѣтописи Іоанна Рота и въ его житіи Св. Елисаветы Клингшоръ называется Епископомъ Седмиградскимъ, находившимся въ большой милости у Короля Венгерскаго и получавшаго ежемѣсячно марку золота. Этотъ Епископъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чернокнижникъ:

Nahm sich des Gestirnsehens an,
Und sagte zukünftige Ding,
Und was man in dem Lande beging,
Denn er konnt'auch die schwarze Kunst.

Редакторъ Тройской повѣсти въ Русскомъ Хронографѣ изданной Пыпинымъ намѣкаетъ на два преданія, одно Нормано-Сицилійское имѣя (Benoit de St. Mori, Guido de Colonna) въ виду преимущественно Енея и Виргилія, а другое черноморское, соединяя въ одно собирательное лицо Ахиллеса и Гомера согласно съ Филостратомъ. Ср. **ОППЕРТЪ. ІОАННЪ** Пресвитеръ.

КАВАРДИНЦЫ, 100 (372).

КАДЛУБКО, 11 (102, 103); 119 (493, 496, 498).

КАЕТА, царь, отецъ Ахиллеса 119 (503); Каета кормилица Енея, см. **КАБАЛА**.

КАЗАКИ запорожскіе 111 (424, 425, 426). **КАШАХИ**.

КАЗАХИ, крѣпостные люди въ округахъ Кабардинскомъ, Осетинскомъ и Ингушскомъ; Казакъ работникъ по Турецки. 69 (271).

КАЗВИНИ, на него ссылается **ШАРМУА**, упоминая о славянскихъ языческихъ храмахъ 11 (114).

КАЗЕМБЕКЪ, Derbend Nameh, St.-Ptrbrg. 1851, 2 (12); при поясненіи Azer Baigan произошла опечатка: вмѣсто meanthigh слѣдуетъ читать: means high.

КАЗИ, дочь Крока, 119 (496—498).

КАЗОСЪ, остр., 119 (498).

КАЙВАНЪ, **КЕВАНЪ**, у Вавилонянъ, (Сатурнъ), 55 (210).

КАЙТАЛЪ, царь Русскій 100 (366).

KAYSER CHRONIK, о происхожденіи **ФРАНКОВЪ** отъ **ТРОЯНЪ** 11 (101).

КАЛАЙДОВИЧЪ, Константинъ Θедоровичь, 2 (25); 69 (270).

КАЛАРИ, рѣка, въ баснословіи Финовъ: страшный водопадъ, вмѣстилище всѣхъ бѣдствій и золъ 46 (181); ср. **КАЯЛА** рѣка.

КАЛАЧОВЪ, Николай Васильевичъ, издатель Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи изд. нач. въ 1850 году въ Москвѣ и продолжалось въ С.-Петербургѣ, 2 (38).

КАЛДАНЪ КААНЪ, въ Ойротскихъ книгахъ 108 (416); **ПРЕСВИТЕРЪ ІОАННЪ**, онъ же называется и Царемъ Давидомъ см. **ОППЕРТЪ**.

КАЛЛІОПА, 119 (502).

КАМЕНЬ НОЖЪ; Псевдоплутархъ подъ этимъ названіемъ не можетъ разумѣть ничего инаго какъ аеролитъ 115 (469).

CAMERARIUS, 119 (494).

KANGLY, названіе одной изъ ногайскихъ ордъ 19 (149).

CANDAC, вождь Алановъ 6 (98).

КАНИНУ, слово сомнительное; канина паполома: конская покрышка какъ характеристическое обозначеніе смерти на полѣ битвы; принимается нѣкоторыми за зеленый лугъ близъ **КАНЕВА**; невѣрность этого предположенія; у Кирши Данилова: «ускока два **КОНИНЫЕ**»; на основаніи цитируемаго Миклошичемъ „**КОНЬНО** оуристаніие" можно принять **КАНИНУ** за **КОНЬНѪ**, **КОНИНУ** и по произношенію великорусскому **КАНИНУ**, въ значеніи конскій. По польски **KANIA PRZĘDZA** 47, (175); шелковая пряжа, отъ **КАНИ** шелковичный червь; персидское **КАНАУСЪ**; соображеніе Максимовича о Нѣжатиной Нивѣ 44 (174 — 176); замѣчаніе Вельтмана: **КОНЬНЪ** въ значеніи вѣчнаго и конечнаго отъ „**КОНЬ** и **КОНЪ**" 44 (176); Караджичь приводитъ поговорку **ОТЪ КОНА ДО КОНА**. Ср. у Миклошича **ИЖДЕКОНЬ** 44 (176).

КАПОДОКІЙЦЫ, 11 (107).

КАРАДЖИЧЬ, Вукъ Стеѳановичь, въ своемъ словарѣ приводитъ сказку о **ТРОЯНѢ**, которая того же пошиба, что и сказка, приводимая Буслаевымъ 41 (164); приводитъ поговорку; „**ОТЪ КОНА ДО КОНА**" 44 (176).

КАРАМЗИНЪ, приводитъ свидѣтельство Діона Хризостома о пѣніи Гомеровскихъ пѣсенъ Греческими поселенцами Чернаго моря 2 (18); объ училищахъ 2 (38—49); о Троянѣ 11 (97); сообщилъ Калайдовичу свое мнѣніе о Толковинахъ 69 (270).

КАРЛЪ, Великій, 2 (29).

КАРНАЙ, прозвище **ZUL** или **ZAL** - Carnein въ восточныхъ сказаніяхъ придается **АЛЕКСАНДРУ** Великому 60 (224); Низами говоритъ о двухъ его походахъ противъ Русскихъ 60 (224); разсказъ Новгородца Гюряты о **ЮГРѢ**; сказаніе, о Александрѣ Великомъ, записанное Леопольдовымъ въ Саратовской губерніи. **ГОГЪ** и **МАГОГЪ** 60 (225); изображеніе на каталанской картѣ Зулъ Карнейна у горъ **КАСПІЙСКИХЪ** съ двумя трубами 60 (225, 226); миѳъ о **ЗУЛЪ**

*

КАРНАЙНѢ въ связи съ миѳомъ Едды о Геймдалѣ, бѣломъ **АЗѢ**, живущемъ въ Himingbiorg bei Bifröst, на концѣ неба 60 (229, 230); разсказъ Масуди объ Аланской крѣпости 60 (230) объясняетъ, почему **ЗУЛЪ КАРАНАЙНЪ** является въ С. о П. Игор. 60 (235); Καρνεῖος прозвище Аполлона значитъ, рогатый. 100 (364); корень Карн почти на всѣхъ Индо-Европейскихъ и Семитическихъ языкахъ значитъ рогъ. Зулъ Карнейнъ значитъ имѣющій два рога. На картѣ Делиля между Днѣпромъ и Дономъ обозначены мѣста, гдѣ во время крымскаго похода кн. В. В. Голицына найдены были развалины алтарей въ честь Александра Великаго.

КАРПАТЪ, 119 (497).

КАРПИТЫ и Алазане Геродота суть, по мнѣнію Неймана, Хорваты и Галичане 11 (108, 109).

КАСТОРЪ и **ПОЛУКСЪ**, братья Елены; благотворное вліяніе ихъ на мореплаваніе 55 (218).

КАСТРЕНЪ, изданная имъ татарская сказка, въ которой играютъ важную роль **ДѢВЫ ЛЕВЕДИ** 4 (71); о татарскихъ племенахъ обитающихъ въ Сибири 60 (238); о сродствѣ миѳа лебедокрылатой Дѣвы-Обиды съ татарскими баснями 55 (206, 207).

КАТАЛАНСКАЯ карта, помѣщена: а) въ Notices et extraits des Manuscrits de la bibliothèque du Roi et autres bibliothèques, publiés par l'institut royal de France Paris. M.DCCCXLI (экземпляръ библіотеки Академіи Наукъ); б) въ атласѣ приложенномъ къ сочиненію Лелевеля Géographie du Moyen age Bruxelles, 1852 и в) между прочими средневѣковыми картами издана Сантаремомъ (экземпляръ этаго атласа наход. въ И. П. Библіотекѣ). См. приложеніе въ концѣ книги). Между прочими баснословными изображеніями, испещряющими Россію и Туркестанъ, на ней представленъ бой людей съ птицами 4 (70, 71); изображенъ **ЗУЛЪ КАРНЕЙНЪ** у горъ Каспійскихъ 60 (225).

КАТАРЫ, вліяніе ихъ на провансальскую поэзію 114 (434); сродство Катаровъ съ Масонами, съ Албигойцами, Павликіанами, Богумилыми, Людьми Божіими и съ Манехеизмомъ 114 (437). **ОСОКИНЪ**.

КАШАКИ, народъ, по описанію Масуди, находящійся въ сосѣдствѣ съ Аланами, между Кавказомъ и греческимъ моремъ, и держащійся ученія маговъ 60 (231); 100 (370); красота мужчинъ и миловидность женщинъ 60(231); выдѣлываютъ льняную ткань, называемую Тала; не такъ могущественны какъ Алане 60 (231); имѣютъ водяное сообщеніе съ Требизондомъ 60 (231); отсутствіе единодержавія составляетъ причину ихъ политической слабости 60 (231, 232); названіе ихъ персидское и означаетъ гордость, хвастовство 60 (232); Ср. **КЕСК.** съ русск. **КИЧЛИВЫЙ** 60 (232); обладаніе морскими крѣпостями восточнаго берега Чернаго

моря указываетъ прямо на **РУССКИХЪ КАЗАКОВЪ**; вѣроятно одного племени съ гордецами, рыболовами и мореплавателями **АЛАЗАНАМИ** т. е. **ГАЛИЧАНАМИ** 60 (232); **КИННАМЪ** упоминаетъ о **ХАЛИЗІЯХЪ**, державшихся ученія маговъ и составлявшихъ часть венгерскаго войска (1154); 60 (232).

КАЯЛА, рѣка 45 (180); загадочная 45 (181). См. **КАЛАРИ**, рѣка.

КВАКЕРЫ 111 (426).

КВИНТУСЪ, Смирнскій или Калабрійскій (VI стол.), поэма его служитъ дополненіемъ къ Иліадѣ (Παραλειπομενα Ὁμήρου) 2 (30).

КЕДАРЦЫ, см. **ПОЛОВЦЫ**,

КЕСК, см. **КАШАКИ**.

КЕЛЛЕРЪ, (Köller), о мѣстахъ поклоненія Еленѣ 2 (14, 31); 55 (202).

КЕЛЬТЫ см. **ГАЛЛЫ**, (259).

КЕЛЬХЕНЪ, 69 (269).

KAEMPFE, издатель и переводчикъ Харизи 66 (247).

КЕППЕНЪ, Петръ Ивановичь, объ изученіи въ нашемъ Отечествѣ Василія Великаго и Григорія Богослова въ первыя столѣтія нашего христіанскаго просвѣщенія 2 (38).

КЕРТИНГЪ (Körting), Dictys und Dares. Ein Beitrag zur Geschichte der Troja Sage in ihrem Uebergange aus der Antiken in die romantische Form. Halle, a/S. 1874. 6 (84).

КИВЕЛА, представительница миѳа возрожденія, чрезъ таинственную смерть 107 (389).

КИННАМЪ, о **ХАЛИЗІЯХЪ**, составлявшихъ часть венгерскаго войска (1154 г.) 60 (232).

КИПРСКІЯ стихотворенія Стасина 2 (56); о превращеніяхъ Юпитера и Немезисы матери Елены 115 (451); стихи Стасина 118 (489).

КИРИЛЛЪ св., первоучитель Славянъ, изучалъ Гомера 2 (35); Григорія Богослова 2 (38); упом. 115 (462).

КИРИЛЛЪ, еп. Туровскій, ссылается на классическую словесность 1 (7, 8); примѣръ изъ его словъ 54 (185); 119 (492); уп. 2 (47).

КИРША Даниловъ, 4 (68); 44 (174) 96 (306); 97 (314.

КИСАНЬЕ, кисати (сербск.): возбужденіе плача; русск. Раскиснуть; библейская долина плача: „Во юдоль плачевную" (Пс. 83, 7); въ Rituale Rimski: „u dolini od suza"; по переводу Симрока: „Berg des Trübsals"; частое употребленіе выраженія: „долина слезъ" въ средніе вѣка 71 (275). Кисань—главное мѣсто поклоненія Дѣвѣ богини въ Арменіи, раззоренное при введеніи христіанства. Любопытныя подробности въ Fragm. Hist. Graecarum. T. V.

КИТАВЪ-ЕЛЬ-ВЕНКЕХЪ, книга въ которой разсказаны дѣянія Исфендіара 60 (230).

КИТОВРАСЪ, сходство его съ Оанесомъ, морскимъ чудовищемъ просвѣщающемъ Халдеевъ; напоминаетъ Кентавровъ, миѳическихъ учителей героическаго міра 97 (325).

КЛАПРОТЪ, 100 (371, 372).

КЛАССИЧЕСКОЕ образованіе, въ Византіи и у Славянъ 2 (34—49).

КЛЕММЪ, перевелъ на нѣмецкій языкъ латинскую поэму Екгардта (X ст.) „Вальтеръ Аквитанкій“ 2 (21).

КЛИМЕНТЪ Александрійскій, объ Египетскихъ храмахъ 2 (14); Ὅρος отдѣляетъ міръ отъ Плиромы 100 (362).

КЛИМЕНТЪ, св. дѣят. его въ Болгаріи 2 (44).

КЛИМЕНТЪ, священномученикъ, папа Римскій, его Recognitiones (издан. въ 1858 г. Тишендорфомъ) содержатъ много гностическаго 55 (201).

Κλύμενος. соотвѣтствуетъ нашему Словенъ 115 (452).

КЛИНШОРЪ, герцогъ Терра ди лаворо, скопецъ, племянникъ Виргилія и чародѣй, одинъ изъ его потомковъ, пѣвецъ короля Венгерскаго, участвуетъ въ состязаніи на Вартбургѣ 67 (264 б. г.); служитъ связью между пѣвцами нормано италійскими и дунайскими. **КАБАЛА**.

КЛЮКА, Клъка, М. А. Колосовъ (Филологическія записки. Воронежъ, 1874 в. II, 17) принимаетъ это слово въ значеніи чудеснаго костыля:

У калики костыль дорогъ рыбей зубъ,
Дорогъ рыбей зубъ да девяносто пудъ.

Этотъ костыль, говоритъ М. А. Колосовъ, имѣетъ важное значеніе въ образѣ калики. Онъ то и сближаетъ его съ образомъ Всеслава Полоцкаго, какъ его рисуетъ одно мѣсто Слова о полку Игоровѣ.

О костыль калика подпирается,
Высоко калика поднимается
Ай повыше лѣсу стоячаго,
Ай пониже облачка ходячаго,
Прискакала каликушка ко городу,
Ай ко славному городу ко Кіеву,
Она въ городъ шла да не воротамы,
Она прямо черезъ стѣну городовою.

Въ случаѣ если клюка дѣйствительно обозначаетъ костыль то слѣдуетъ читать „о конци“, мѣстный падежъ съ опущеніемъ предлога. Объ этомъ „оконци“ въ Лавр. Л. подъ 1067 г. говориться: „ать призвавше лестью ко оконцю пронзутъ и мечемъ“. — По моему мнѣнію связь существующая между обоими пѣснями сохраняется болѣе при сохраненіи чтенія „о кони“ ибо все дѣло въ обоихъ пѣсняхъ въ быстротѣ движенія.— При объясненіи слова клюка костылемъ вся сила выраженія сосредоточивалась бы на выходѣ изъ поруба.—На стр. 397 приведена выписка изъ Датской пѣсни, содержащая также весьма сходное мѣсто, а равно какъ и въ прозаическомъ французскомъ Романѣ:

Lors est Parceval du lict de la Pucelle approche, courant assez lourdement dessus son che-

val; adom s'est la pucelle assez effrayement eveillée. (Dunlop.) 98 (353, 354).

КНИГИ, βίβλος: книга, письмо, писаніе; τὰ βιβλια: книги вообще; до Златоуста Священное Писаніе имѣли обыкновеніе называть ἡ γραφή, писаніе; въ древнихъ русскихъ памятникахъ подъ словомъ „книги" разумѣлось не одно Св. Писаніе 2 (46, 47); Несторъ упоминая о переводѣ „книгъ", имѣлъ въ виду и книги богослужебныя и необходимыя для духовнаго образованія 2 (47, 48); между книгами собираемыми. переводимыми и переписываемыми во времена Ярослава Великаго находились книга „о осмихъ частехъ Слова и Георгій Амартолъ 2 (48). Слово книга въ значеніи простаго письма сохранилось доселѣ у Сербовъ 2 (48).

КОВУИ, упоминаются въ Лѣтописи рядомъ съ Торками, Печенѣгами, Берендеями и Бастіевою чадью; Харизи къ Хамову поколѣнію причисляетъ часть племени **ТОРГАМА**, къ которому по Бенъ Горіону, принадлежатъ Турки, Печенѣги и пр. 66 (246).

КОГАНИ Хоти; Каганъ: священный титулъ 97 (352); 114 (439); 118 (485); 121 (511); Кагунъ: языческій богъ 114 (439); ср. Coganaeum, священнаягора, упоминаемая Стребономъ, на которую уединился **ЗАМОЛКСИСЪ** 97 (352); 114 (438). Титулъ каганъ тождественъ съ титуломъ Баянъ, судя по словамъ Менандра объ Аварскомъ вождѣ (конца VI в.), котораго называли „каганомъ иначе бояномъ". Когенъ по еврейски учитель; на народное употребленіе слова каганъ, въ значеніи солнца или свѣтила, указываетъ существованіе слова коганецъ, свѣтильникъ. **КАЛДАНЪ-КААНЪ.**

КОДОЛЬСКІЕ острова 67 (264 б); 96 (306, 307). **СОЛОВЕЙ ВУДИМІРОВИЧЬ.**

КОЖЕВНИКИ, Греки и Римляне смотрѣли на народы обитавшіе между Балканами и Ураломъ, какъ на коженниковъ 11 (125); см. **СКОРДИСКИ. BULGA.**

КОЖУХЪ, шуба, тулупъ 26 (156).

КОЗМА, лѣтописецъ Чешскій, 119 (496, 498).

КОЛУѲЪ, (Coluthus) поэма его (VI ст.) „Ἑλένης Ἁρπαγή 2 (30).

KOMANIA, CHUMANIA. См. **ПОЛОВЦЫ.**

KOMAN, названіе одной изъ ногайскихъ ордъ 19 (149).

КОМАНСКІЙ словарь, составленъ въ XIV стол. 77 (280).

КОНДРАТОВИЧЬ, Киріякъ 119 (491, 492).

КОНИ, въ текстѣ могло быть „клюками подпрѣся о кон", или „клюками подпрѣся оконци" 98 354, 355).

КОНСТАТИНЪ Багрянородный,

имп., указываетъ на обряды **РУССКИХЪ** во время плаванія ихъ по Черному морю 2 (31); 55 (202).

КОНСТАНТИНЪ МАНАСІЙ, около половины XII в. сост. лѣтопись до 1081 г., писанную **ПОЛИТИЧЕСКИМИ СТИХАМИ**; заключаетъ въ себѣ подробное сказаніе о разореніи Трои; была переведена на Болгарскій языкъ 2 (31).

КОНЧАКОВНА, (Кричаковна у Татищева) 100 (369); по крещеніи названа свободою (Татищевъ. III, 283).

КОНЧАКЪ, Ханъ Половецкій, 22 (152); 100 (369); 114 (440); 107 (383).

КОНЬ, см. **ОВЛУРЪ** и **ЛАВЕРЪ**.

КОПИТАРЪ, 2 (31); грамматика его при Glagolita-Clozianus выясняетъ грамматическій строй Слова о Полку Игоревѣ 6 (78); 108 (401).

КОПІЕ, δόρη, hasta; въ Остром. Еванг. λόγχη, lancea; у Миклошича (Супр.) и у Григор. Богосл. XII стол. (Будиловичь) ῥομφαία оружіе варварское, широкій ножъ или сабля; правильное значеніе копья: hasta 32 159); „копія поютъ“ описка вмѣсто „конія поютъ“ 108 (400—402).

КОРАБЛЕВЪ, С. П., предположеніе его что сочинитель „Слова о П. Иг. **ТИМОФЕЙ** Кіевлянинъ 118 (481).

КОТЪ, (баюнъ) въ русской сказкѣ о Семи Семіонахъ; 2 (14); 55 (195); 115 (445); ср. **ТАЛІЕЗИНЪ. БАЯНЪ. МУЗЫКАл. ГОМЕРЪ.**

КОЩЕИ, 271 (287).

КОЯЛОВИЧЬ, Михаилъ Осиповичь, членъ Археографической Коммиссіи, о князьяхъ Полоцкихъ 99 (358).

КРАГУСЪ, (Cragus) гора 119 (497).

КРОКЪ, (Гракъ), **GRACUS**, царь и законодатель Польскій; слова о **ГОЛОВѢ** 119 (493); чешская легенда о Крокѣ 119 (496); есть тотъ же **МУДРЫЙ** мужъ о коемъ упоминаетъ архіеп. Евстаѳій 119 (497, 498). **БАЯНЪ** 119 (498, 499). **ГОМЕРЪ** 119 (499). **ВАРДИЛЪ**.

КРАВАТЬ, κράβατος, одръ; grabatus, grabat, Lager или Feldbett 96 (303).

КРЕЙЦВАЛЬДЪ, (Kreuzwald), **ЭСТОНСКІЕ** мифы 100 (367, 368); 110 (418).

КРЕЙЦЕРЪ, (Creuzer), 97 (348); 115 (444).

КРЕСТОВЫЕ походы, о возможности участія въ нихъ русскихъ 90 (293, 294).

КРИВИЧИ и Дулебы напоминаютъ Долоповъ и **КРОВИЗОВЪ** на Ѳракійскомъ берегу Чернаго моря 11 (109).

КРИЛЦЮ („на своею нетрудною **КРИЛЦЮ**“) 109 417).

КРИМЪ, по Лосицкому, городъ Половецкій 77 (278).

КРИТСКІЙ, составилъ (въ 1823) карту острова Левке съ обозначеніемъ на ней остатковъ храма Ахиллеса и Елены 55 (202).

КРИТЪ, островъ 119 (503).

КРОВИЗЫ, по свидѣтельству Страбона были **ТРОГЛОДИТАМИ** 11 (133); жили около Калатиса, Томиса и Истра 11 (122, 133). См. **КРИВИЧИ**

КРЫЖИНЪ, Александръ Петровичь, оберъ секретарь Св. Сvнода; о радѣніяхъ около **ЧАНА** 115 (451).

КРѢСИТИ, 59 (224); excitare; въ перев. Григорія Богослова XI стол: **КРѢСИНЫ** (Миклошичь); въ нынѣшнихъ формахъ: воскрешать, вокресеніе; кресало, огниво, 94 (297).

КУДРУНЪ, (Gudrun), Германская поэма; извѣстна какъ и Слово о П. Иг. лишь въ одномъ спискѣ, текстъ поэмы внесенъ въ **AMBRASER-SAMMLUNG**, по приказанію Императора Максимиліана I; издана Пфеіфферомъ (Pfeiffer) въ 1874 году; въ ней какъ и въ С. о П. И. битва уподобляется пиршеству 52 (184).

КУМАНЫ, см. **ПОЛОВЦЫ.**

КУНИКЪ, Аристъ Аристовичь, академикъ; открылъ присутствіе чувашскаго элемента въ росписи первыхъ **БОЛГАРСКИХЪ** князей на Дунаѣ 11 (120); о Готѳахъ на Черномъ морѣ 115 (460—463, 465); о Реймскомъ Евангеліи 119 (494).

КУРДСКІЯ племена, сопоставленіе ихъ съ Страбоновскими Халивами, Халдеями и Ализонами 11 (110).

КУРЪ („**ДО КУРЪ**“), 100 (362).

КЪМЕТИ, слуга, сподвижники (Лѣтопись по Лавр. списку, Духовная Мономаха); по польски кметь: крестьянинъ; κομήτης, comes, comte 15 (146); ср. также κομιστής погребальщикъ 11 (128).

КѢЛЕНЫ, городъ, около коего течетъ фригійская рѣка Марсіасъ 11 (113).

KUKAT; лебедокрылатая Дѣва Обида въ Татарскихъ басняхъ 55 (206).

KYOT, Вольфрамъ фонъ Ешенбахъ говоритъ о немъ:

Kyot ist ein Provenzal
der diese aventiur von Parzival
Heidensch geschrieben sach
Swaz er en Franzoys davon gesprach

114 (437); 121 (511); Kuyot описка вм. Kyot; Guiot de Provins авторъ знаменитой библіи. (437).

ЛАМАНСКІЙ, Владиміръ Ивановичь 90 (292); 108 (402); 110 (417).

ЛАМІЯ, греческая миѳическая, обиженная дѣва, похищающая чужихъ дѣтей; въ множественномъ числѣ обозначаютъ баснословныхъ дѣвъ, увлекающихъ

молодыхъ людей для высасыванія ихъ крови 11 (118).

LAMPRECHT, der Pfaffe, его поэма „Alexander“ 2 (27); 23 (153).

LANGLOIS. 119 (491).

ЛЕБЕДИ; Пѣвцы временъ междоусобій вводятъ въ свои пѣсни миѳъ о состязаніи лебедей съ соколами 4 (65); Лебеди изображаютъ прельстительныя свойства вражьей силы. **СИРЕНЫ** въ Одиссеѣ 4 (69, 70); дѣвы-лебеди въ Персидскихъ сказаніяхъ 4 (70); часто встрѣчаются въ татарскихъ сказкахъ 4 (70, 72); изображаются на Каталанской картѣ 4 (70, 71); явленіе ихъ въ нѣмецкихъ и славянскихъ сказкахъ 4 (72); свидетельство Эліана о пѣніи ихъ около храма Аполлона и о битвѣ ихъ надъ памятникомъ Мемнона 4 (73); Аристотель, Филостратъ и др. о пѣніи и предвѣщаніи лебединомъ 4 (73); душа Орфея переходитъ въ тѣло лебедя 4 (73); лебеди возятъ колесницы Аполлона и Венеры 4 (73); Юпитеръ для обольщенія Лиды принимаетъ образъ лебедя 4 (73); по двумъ баснямъ Юпитеръ, превращенный въ лебедя является отцемъ Елены 115 (4851); 118 (4 9). **НЕМЕЗИДА**. **ЛЕДА**. **SCHWANENRITTER**.

ЛЕВИТЫ, 97 (349, 350).

ЛЕВКЕ, (Фидониси), остр. на Черномъ морѣ; образованъ Посидономъ для посмертной обители Ахиллеса и Елены. См. **КЕЛЛЕРА**, **МУРЗАКЕВИЧА** и **КРИТСКАГО** 55 (201, 202); 115 (445, 467); чаша найденная на островѣ Критѣ переносится на островъ Левке. Филостратъ 119 (503); въ пѣснѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ указывается на Кодольскій т. е. рыбацкій островъ какъ на мѣсто, гдѣ слагались басни и сказки 67 (264б). **ФИЛОСТРАТЪ**. Пѣснь о **СОЛОВЬѢ БУДИМИРОВИЧѢ** 96 (306, 307); намѣкается на сочетаніе въ русскихъ пѣсняхъ элементовъ Іудейскаго, Новгородскаго и Лукоморскаго 96 (307).

ЛЕВЪ Діаконъ Калойскій, замѣчаніе его, что языческіе обряды русскихъ въ связи съ поклоненіемъ Ахиллесу на Черномъ морѣ 2 (31); 55 (202); 115 (461, 464). Исторія Льва Д. К. пер. Д. Поповымъ. Москва. 1820. **ИЛОВАЙСКІЙ**.

ЛЕДА, мать Елены 55 (188).

ЛЕЛЬЯ КУРВА, въ Албанской пѣсни; въ ней Ганъ видитъ сродство съ баснями о Парисѣ, Венерѣ, Юнонѣ, Минервѣ и о Мѣсяцѣ 100 (377—379). Этотъ миѳъ тождественъ съ превращеніями Елены въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ.

ЛЕОПОЛЬДОВЪ, записалъ въ Саратовской губерніи сказаніе объ Александрѣ Македонскомъ 60 (225).

ЛЕРМОНТОВЪ, его Демонъ 115 (433); 114 (433).

ЛЕСТЬ, соотвѣтствуетъ выраженію **ГЕЗІОДА** βουλη: совѣтъ и замыселъ; μυθος: вымыселъ или притча; у позднѣйшихъ же писателей встрѣчается синонимъ

къ симъ двумъ выраженiямъ δολος: обманъ, хитрость, лесть

2 (57); 6 (86, 87); 95 (299) 119 (501).

Въ Великомъ Канонѣ св. Андрея Критскаго (┼713) слово βουλη употребляется въ томъ же значенiи:

Πύργον ἐσοφίσω οἰκοδομῆσαι, ὦ ψυχὴ, καὶ ὀχύρωμα πῆξαι ταῖς σαῖς ἐπιθυμίαις, εἰ μὴ συνέχεεν ὁ κτίσης τὰς βȣλάς σȣ, καὶ κατέαξεν εἰς γῆν τὰ μηχανήματά σȣ.

Столпъ умудрила еси создати, ѡ душе, и утвержденiе водрузити твоими похотми, аще не бы Зиждитель удержалъ **СОВѢТЫ** твоя и низвергль на землю **УХИЩРЕНIЯ** твоя.

(Ловягинъ. Богослужебные каноны. Спб. 1861, стр. 161).

Τὸν Ῥȣβὶμ μιμούμενος ὁ τάλας ἐγὼ, ἔπραξα ἄθεσμον καὶ παράνομον βȣλὴν κατὰ Θεοῦ ὑψίζȣ, μιάνας κοίτην ἐμὴν, ὡς τοῦ πατρὸς ἐκεῖνος.

Ibid. стр. 172.

Рувiма подражая окаянный азъ, содѣяхъ **БЕЗЗАКОННЫЙ** и **ЗАКОНОПРЕСТУПНЫЙ** совѣтъ на Бога вышняго, осквернивъ ложе мое, яко отчее онъ.

Τοῦ Μωϋσέως ἤκȣσας τὴν θήβην, ψυχὴ, ὕδασι κύμασι φερομένην ποταμοῦ ὡς ἐν θαλάμῳ πάλαι, φυγοῦσαν δρᾶμα πικρὸν βȣλῆς Φαραωνίτȣ.

Ibid. стр. 172.

Мѡѵсеовъ слышала еси ковчежецъ, душе, водами волнами носимь рѣчными яко въ чертозѣ древле, бѣгающiй дѣла горькаго **СОВѢТА** (умысла) Фараѡнитска.

ЛЕХИ, 119 (497).

ЛЕХЪ, братъ Руса и Чеха. См. **РУСЪ**.

ЛЖЕДИМИТРIЙ I, обстоятельства сопровождающiя его умерщленi 94 (297).

LIBERTES, Bulgaris tam imperabat Libertes quem Busam vocant Si gebertus et Conradus Abbas Uspergensis (an 487) qui Bulgarorum Regis titulum ei adscribunt. Toti denique terrarum orbi tum se formidandos praebuisse tradit senator (L. 8. ep. 10). Fam., Byzantinae 239. Fam. Dalm. Scl., Turcicae. Dufresne Ducange. Venetiis. На стр. 278 по опискѣ „Libertem“ вмѣсто „Busam“.

LIBO, родъ, происходитъ отъ рода **JULUS**; а отъ него происходитъ родъ **CAESAR**, прекратившiйся въ лицѣ Диктатора 11 (103).

ЛИВАНIЙ, о Гомерѣ 2 (32).

ЛИГУРИСКИ, упоминаемые Страбономъ между Гальскими племенами, имѣютъ особенную важность по ближайшему сродству нынѣшнихъ Валаховъ съ жителями Сѣверной Итали (Лигурiи) 11 (133).

ЛИДЯНЕ, на ихъ языкѣ, по свидѣтельству Страбона, народное имя **ФРИГОВЪ** значило свободные 11 (126); Фр᷃гъ—frank, frey. Лидяне Тоски переселяются изъ Средней Азіи въ Италію.

ЛИКІЙСКІЯ надписи, **ЛАДА**: жена. Ср. **FELLOW**, Путешествіе въ Ликію; попытка **МИЦКЕВИЧА** объяснить эти надписи по славянски 61 (239).

ЛИКІЯ, 119 (497).

ЛИЛИТЪ, названіе богини Дѣвы у семитическихъ народовъ 97 (316, 348, 349).

ЛИМАНЪ, 116 (468). **ВОДА**.

ЛИНЪ, одинъ изъ тѣхъ древнихъ поэтовъ, котораго могъ подразумѣвать Пѣвецъ подъ словомъ **ВАЯНЪ** 11 (114); сынъ Аполлона, прадѣдъ Орфея и предокъ Гомера 11 (138); Геродотъ 118 (474); Швенкъ и Велькеръ 118 (474, 475); **МАНЕРОСЪ. ТАЛІЕЗИНЪ** 118 (474 475). **ТЮРЮНЪ МУЗЫКАЙ**. См. **КАБАЛА**.

ЛИПОВАНЕ. 111 (425, 426); 115 (465).

ЛИСИЦЫ, 21 (151).

ЛИТОВСКІЕ князья, значенія ихъ родословія для родословія княжескихъ и дворянскихъ родовъ 99 (358—362).

LICHTAUSLÖSCHER, современные въ Луристанѣ 107 (338). **ГНОСТИКИ. ЛЮДИ БОЖІИ**.

ЛОКИ, одинъ изъ 12 боговъ скандинавской миѳологіи; представитель всего пагубнаго въ водѣ, огнѣ, воздухѣ и на землѣ 100 (363).

ЛОНГИНОВЪ, Михаилъ Николаевичъ 114 (434).

ЛОСИЦКІЙ, іеромонахъ; по опискѣ въ текстѣ часто называется архимандритомъ; неизданное введеніе его къ Густынской лѣтописи: неосновательная догадка о происхожденіи **КУМАНОВЪ** отъ кумовства 53 (184); называетъ Южную Россію „нашею Африкою“ 66 (245); о Половцахъ 77 (278, 279); о Литовцахъ 99 (358 и сл.); Готѳахъ 115 (465).

ЛУИТПРАНДЪ, извѣстіе о Болгарскомъ князѣ Боянѣ Владиміровичѣ 2 (17, 18); о Руссахъ Норманахъ 115 (467).

ЛУКИЛЛІЙ, въ эпиграммахъ своихъ упрекаетъ учителей за ихъ пристрастіе къ Гомеру 2 (32, 33).

ЛЫЗЛОВЪ, держался мнѣнія о сродствѣ **ПОЛОВЦЕВЪ, ГОТѲОВЪ** и **ЛИТОВЦЕВЪ** 77 (279).

ЛЬВЫ 100 (365).

ЛѢПО, этимологія этого слова 1 (1, 2).

ЛЮВУША, 119 (496).

ЛЮДЕМЬ, вставка первыхъ издателей 60 (227).

ЛЮДИ БОЖІИ, Хлысты; согласованіе ученія ихъ съ древнимъ

почитаніемъ богини Дѣвы 97 (331, 348); 107 (387—389); обрядовая пляска Людей Божіихъ и обряды, совершавшіеся въ честь Сирійской богини; миѳъ объ скопленіи Ураноса 97 (332); сознаніе скопцовъ о принадлежности ихъ къ древней сектѣ 97 (332); Сципіонъ Африканскій 97 (333, 343); 108 (415); Гальскіе жрецы 97 (331); 115 (469); оскопленіе посредствомъ черепка („камень ножъ") 115 (469). Ѳіязы, Ераны и Оргеоны составляли въ Афинахъ торговыя компанія и общества взаимнаго кредита 115 (469, 470); **FOUCART** 115 (469, 470); близкое сродство Людей Божіихъ съ Терапевтами. СвидѣтельствоФилона 107 (394); принадлежность Людей Божіихъ къ Гностикамъ 97 (332); 111 (426, 427); 114 (434, 435); тождество ихъ съ Катарами, Албигойцами, Павликіанами и Манихеями 107 (396, 397); 114 (437); связь Людей Божіихъ съ Масонствомъ 111 (426, 427); 114 (434, 435); ученіе Симона Волхва 97 (333); пѣсни Людей Божіихъ 97 (333, 343); согласно правилу Симона-Волхва сектаторы примѣняютъ Халдейскія и Буддійскія доктрины къ господствующей вѣрѣ 97 (343). Всѣ эти секты имѣли постоянное вліяніе на эпическую и такъ называемую народную литературу 115 (448, 451). Ср. **ПѢСНИ. КАВАЛА. ТАЛІЕЗИНЪ. МЕРЛИНЪ. ТЮРЮНЪ МУЗЫКАЙ. ПАРЦИВАЛЪ.**

ЛЮДОВИКЪ VIII, кор. французскій 121 (510).

ЛЮТИЧИ 14 (143).

ЛЮЦИФЕРЪ, 114 (438); 115 (445).

МАГИ, 111 (419); 114 (434).

МАЗДА, 111 (419).

МАЙКОВЪ, Аполлонъ Николаевичь, его переводъ Слова о П. Иг.: „Нѣсколько замѣчаній объ этомъ памятникѣ" (Стихотворенія. Спб. 1872. Ч. III, стр. 165—254) 11 (119); 12 (136); 23 (153); 71 (275); 79 (281); 95 (298—300).

МАЙКОВЪ, Леонидъ Николаевичь, его рецензія на IV-й томъ пѣсенъ, собранныхъ Рыбниковымъ 97 (314); Замѣтки по географіи древней Россіи 115 (456).

МАЙНОВЪ, Владиміръ Николаевичь, его поѣздка въ Обонежье и въ Карелу 100 (367, 368).

МАКАРІЙ, архіепископъ Литовскій и Виленскій 115 (442).

МАККАМЕ, по арабски бесѣда и мѣсто гдѣ бесѣдуютъ. Ср. нашу **ХОЗАРСКУЮ БЕСѢДУ** въ Кіевѣ 66 (248).

МАККІАВЕЛЬ, начерталъ, подобно Пѣвцу С. о П. Иг., типъ собирателя земли 118 (483, 484).

МАКРОБІЙ, профессоръ краснорѣчія въ Римѣ; замѣчаніе его о свойствахъ Гомера 2 (60).; упрекаетъ Виргилія за театральное изображеніе фурій въ отвратительномъ видѣ 55 (191); комментарій его на разсказъ

Цицерона о снѣ Сципіона 97 (333).

МАКСИМОВИЧЪ, Михаилъ Александровичь, его „Пѣснь о Полку Игор." въ славянорусскомъ подлинникѣ и примѣчанія къ нему (Украинецъ, I, Москва 1859, стр. 87—112); 4 (70); 5 (74); 17 (148); 44 (175, 176); 55 (204); 97 (320); 108 (402); 118 (479).

МАЛАЯ АЗІЯ, 119 (496).

МАЛАЛА, Іоаннъ, изъ Антіохіи, начало его лѣтописи уцѣлело до 555 г. 2 (30); сходство, содержащягося въ ней сказанія о Трои съ отрывкомъ изъ повѣсти о Трои, изданномъ Калайдовичемъ (Іоаннъ Екзархъ Болгарскій), 2 (25, 30, 31); 6 (84); Малала признаетъ **МИРМИДОНЯНЪ** за **БОЛГАРЪ** 11 (121); 97 (321). **МАНЕТОНЪ.**

МАЛИКЪ, царь, придается какъ прозваніе богамъ Ану и Адаръ и Сухуѳъ 55 (209, 210).

МАЛЬТІЙСКІЙ орденъ; цѣломудріе 111 (425).

MANAGARM, волкъ 100 (376).

МАНДЕВИЛЬ, 100 (363, 364). **ЗАПОРОЖЦЫ. ЛЮДИ БОЖИ**, Sir John Maundevil, его любопытноо путешествіе издано въ Лондонѣ въ 1727.

МАНЕРОСЪ, изобрѣтатель музыки и пѣснопѣнія у Египтянъ. **ЛИНЪ** 118 (474).

МАНЕСЪ, 99 (334); по опискѣ напечатанъ Моисей вмѣсто **МАНЕСЪ** 114 (437). Galland Bibl. T. III. p. 611, vetera monumenta ad haeresim Manichaeorum. Qualiter opporteat a Manichaeorum haeresi ad Sanctam Dei Ecclesiam accedentes scriptis errorem objurare. Формула отреченія: ʼαναθεμαθίζω δὲ καὶ καταθεματιζω Ζαραδην καὶ Βοδδὰν, καὶ Σκυθιανὸν, τὸυς πρὸ Μανιχαίων γεγοντας. Baur. das Manich. Religionssystem Tübingen, 1831, 458.—114 (435—437); 107 (391—392). **БОГУМИЛЫ. ОСОКИНЪ.** Mani 114 (435); Манихеи 107 (391—394); 114 (436, 437).

МАНЕТОНЪ, сохранившіеся отъ него отрывки помѣщены во второмо томѣ Fragmenta Historicarum Graecorum, Parisiis, F. Didot, 1848; его показанія о древнѣйшихъ египетскихъ династіяхъ 2 (12); 97 (311).

МАРІЯ, Маріамъ, пророчица сестра Моисея 107 (395).

МАРКО, Поло, 2 (12).

МАРКЪ, ученіе его о творческой силѣ буквъ 111 (422).

МАРСІАСЪ, рѣка фригійская, текущая около города Кѣлены, называлось источникомъ **МИДАСА** 11 (113).

МАРСІЙ; сказаніе о содраніи съ него кожи (по Геродоту) принадлежитъ фригійской миѳологіи 11 (113, 123); на городскихъ торговыхъ площадяхъ ставились статуи его, для напоминанія о благочиніи 11 (123); Геродотъ, говоря объ его кожѣ

употребляетъ выраженіе ασχος: козлиный или воловій мѣхъ для храненія вина 11 (123). **BULGA**.

МАРСЪ, планета, у астрологовъ называлась **ВОЛКОМЪ** 100 (367).

MARZ, 118 (486). Въ Бретонскихъ сказкахъ. Можетъ быть древній Marsyas.

МАРѲА Всеславьевна, княжна, въ пѣсни "Волхъ Всеславичь" 97 (327, 344).

МАСОНЫ, 111 (426, 427); 114 (434). **ЛЮДИ БОЖІИ**.

МАССМАНЪ (Massmann), опредѣляетъ греческіе источники нѣкоторыхъ французско-нѣмецкихъ поэмъ и связь нѣкоторыхъ героевъ съ героями Троянской войны 2 (19, 20).

МАССУДИ, объ **АЛАЗАНАХЪ**, которыхъ онъ причисляетъ къ **РУССКИМЪ** племенамъ 11 110); 60 (232); о происхожденіи **СЛАВЯНЪ** отъ Мара сына Іафетова 11 (110); имѣлъ въ виду Геродота, говоря объ Алазанахъ 11 (110); на него ссылается Шармуа, говоря о славянскихъ языческихъ храмахъ 11 (114); объ **АЛАНАХЪ** 60 (230, 231, 235); Кашакахъ 60 (231—232); 100 (370); упоминаетъ **ТЮРКОВЪ** въ числѣ Дунайскихъ **СЛАВЯНЪ** 60 (234); говоритъ о **МАШЕКѢ** какъ о большомъ славянскомъ городѣ 66 (246); объ эфіопскихъ истуканахъ въ славянскомъ храмѣ 97 (352). Массуди изданъ французскимъ Азіятскимъ Обществомъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Les Prairies d'or texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, T. I—VIII, Paris, 1871—1874.

МАТѲЕЙ, еп. Краковскій, 119 (493, 496, 500).

МАТТЕИ, Христіанъ Фридрихъ, профессоръ греческой и латинской словсности въ Московскомъ Университетѣ (р. (1744+1811), 6(82).

МАТЬ-ЗЕМЛЯ (Γαια), жена Ураноса вь Теогоніи Гезіода 97 (332); въ скопческой пѣсни 97 (333).

МАХАОНЪ, у Гомера исцѣляется Подалиріемъ, а не Пандаромъ какъ у Пиндара Ѳивскаго; упоминаніе Пандара вмѣсто Махаона въ Trojumann Saga, даетъ поводъ Дунгеру весьма основательно отвергать знакомство составителя Саги съ греческимъ текстомъ Гомера 6 (85).

МАЦѢЕВСКІЙ, замѣчаетъ что Пѣвецъ С, о П. Иг. проникнутъ эллино-скандинавскою поэзіею 2 (59).

МЕАНДРЪ, на него ссылается Страбонъ, утверждая что **ЭНЕТЫ** вышли изъ земли Бѣлосировъ на помощь **ТРОЯНАМЪ** 11 (107).

МЕДЕЯ, похищеніе ея Елинами изъ Колхиды 100 (374); упом. 118 (475); 119 (496); подробное описаніе любовныхъ сценъ помѣщено въ русскомъ сказаніи о Троѣ 118 (475); въ печат-

ныхъ же текстахъ этой повѣсти любовныя описанія выпущены.

МЕЛЕХЪ (Сихуѳъ), упом. пророкомъ Амосомъ, можетъ быть тоже что **САККУТЪ-МАЛИКЪ** или **АДАРЪ** въ Ассирійскихъ надписяхъ 55 (210).

МЕЛЬНИКОВЪ, Павелъ Ивановичъ, 97 (332).

МЕНЕЛАЙ 100 (374, 375); Сеньковскій переводитъ его имя: **КРѢПИМІРЪ** 55 (192); представитель покоя 99 (334). **ЕЛЕНА**.

МЕОНЪ, отецъ Гомера 13 (138); приводится Григоріемъ Мнихомъ между предшественниками Гомера 2 (56).

МЕРКНУТЬ, объясненіе А. Н. Майкова 23 (153).

МЕРЛИНЪ; волкъ является постояннымъ его спутникомъ и другомъ. Ср. сказку объ **ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ** 115 (458); **БАЯНЪ** 118 (485—487).

МЕРОДАХЪ, халдійское божество 55 (209).

МЕССАЛІАНЕ, 114 (436).

МЕССЕХИ, Езраи въ коментаріяхъ своихъ на Псаломъ 120 признаетъ ихъ за Тосканцевъ 66 (246); у Арабскихъ географовъ показанъ городъ Мессехъ на Юго-Западѣ отъ Кіева 66 (245). Харизи подъ именемъ **МЕССЕХА** обозначаетъ вѣроятно мѣстность Валахскую, подъ именемъ же Тирасъ рѣку **ДНѢСТРЪ,** древнюю финикійскую колонію близь устьевъ Днѣстра или вообще библейски Русь, 66 (245, 246); Массуди говоритъ, что **МАШЕКА** большой славянскій городъ, стоящій среди недоступныхъ болотъ 66 (246); въ приискѣ на Лейденской рукописи: **MASCOU** 66 (246); **РАШИДЪ** и **БАКУВИ** называютъ городъ Маспрhat; **КАЗВИНИ**: Месhеqа 66 (246).

МЕСЕКА, селеніе на лѣвомъ берегу Днѣпра; обозначено на картѣ Турецкой войны 1736 года.

МЕЧЕНОСЦЫ 100 (368, 369, 376).

МЕѲОДІЙ, Патарскій, о загнанныхъ Александромъ Македонскимъ народахъ 60 (225); слово о кончинѣ вѣка 100 (376, 377).

МИДАСЪ, царь; древняя фригійская басня о немъ тождественна са разсказомъ о **ЦАРѢ ТРОЯНѢ** по болгарскимъ или сербскимъ преданіямъ 11 (112—118); мнѣнія Буслаева 11 (112, 114—116); Пыпина 11 (118); баснь о Мидасѣ по изложенію Швен- 11 (117, 118); миѳъ о Мидасѣ весьма важенъ по его соприкосновенію къ сказанію о пришествіи Діониса (Вакха) изъ Индіи во Фригію и съ походомъ Кимеріянъ (съ Дону) въ Малую Азію 11 (118, 118); миѳъ этотъ способствуетъ объясненію романскаго происхожденія названія Болгаръ. См. **BULGA. НОРИЦЫ** 11 (124, 125, 131); Архіепископъ Евстаѳій переноситъ эту малоазіятскую

басня на Дунай, вслѣдствіе упоминанія города Нора 11 (123); Діонисій Періигитъ о Норицахъ 11 (124).

МИДІЙСКІЙ огонь 60 (229). См. **КАРНАЙ** и **СМАГА**.

МИЗЫ, архіеп. Евстаѳій упоминаетъ ихъ между Ѳракійцами и **ВОЛГАРАМИ** 11 (125); по свидѣтельству Страбона граничили съ **МАЛЫМИ СКОРДИСКАМИ;** Мизы вмѣстѣ съ прочими Ѳракійскими и Иллирійскими племенами были побѣждены **СКОРДИСКАМИ** (Галлами). Нѣтъ сомнѣнія, что этихъ Скордисковъ и Галловъ называетъ Несторъ Волохами а польскіе лѣтописцы Галлами 11 (132, 133). Изъ словъ Присціана весьма ясно, что чтеніе „сѣвернѣйшіе изъ Ѳракіянъ" правильно не смотря на то, что въ Парижскомъ изданіи Евстаѳія и Діонисія Періигита переводится „сѣвернѣе Ѳракіянъ" 11 (105, 123); свидѣтельство о нихъ Посидонія 97 (351).

МИКЛОШИЧЬ (**MICLOSISCH**), 2 (11); 6 (77, 79); 11 (119, 122); 21 (151); 44 (175); на строкѣ 12 въ скобкахъ пропущено „Словарь". 55 (221); 64 (240); 97 (315); 98 (356); 108 (401, 404); 119 (502).

Кромѣ Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi Windobonae 1851, Glagolita Clozianus W. 1860, Vergleichende Gramatic der Slavischen Sprache, Wien 1868—1874 и Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. Windobonae 1862—1865, которыми руководвовался Авторъ во все продолженіе своего изслѣдованія, нижеслѣдующія сочиненія Миклошича имѣютъ важное значеніе для изслѣдователя Слова о Полку Игоревѣ и вообще древнихъ русскихъ памятниковъ: Lehre von der Conjugation im Alt-Slovenischen, Wien 1849; Die Verba Impersonalia im slavischen, Wien 1865; Die Negation in der slavischen Sprachen, Wien 1869; Die slavischen Elemente im Magyarischen, Wien 1871; Albanische Forschungen, Wien 1871; Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen, Wien 1872, 1874; Ueber die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europa's 1873; Formenlehre in Paradigmen, Wien 1874.

МИКУЛА, пѣснь о немъ 97 (346).

МИЛИТТА, 41 (171). **ЕЛЕНА**.

МИЛЛЕРЪ, Орестъ Ѳедоровичь 97 (344, 345); на стр. 439, § 114 вмѣсто „число" читай „человѣчество".

МИЛЛЕРЪ, издатель фрагментовъ Бероза 107 (391).

МИЛОСТЫНИ, въ именительномъ падежѣ (**ВУДИЛОВИЧЬ,** Григорій Богословъ 54 (185).

МИНЕРВА, храмъ ея въ Саисѣ, 118 (490).

МИНИХЪ, фельдмаршалъ, жаловался, что въ казацкихъ полкахъ совсѣмъ не видать **БЫВАЛЫХЪ** казаковъ, такъ какъ всѣ **ВЫВАЛЫЕ**, довольные

судьбой, откупаются отъ повинности 82 (283). См. **ВЫЛИ.**

МИНОТАВРЪ, 115 (453).

МИРМЕКІОНЪ, крѣпость у входа въ Азовское море; названіе ея вѣроятно находится въ связи съ Мирмидонами Ахиллеса и съ превращеніемъ въ муравьевъ дружины Вольги Всеславича 97 (317, 321, 345).

МИРМИДОНЕ, воины Ахиллеса, признаваемые Малалою за **БОЛГАРЪ**, 11 (121); отождествляются съ Болгарами въ греческомъ текстѣ Малалы 11 (121); поклоненія (по свидѣтельству Константина Багрянороднаго), русскихъ мореходцевъ на черноморскомъ островѣ св. Григорія должны быть въ связи съ болгарствомъ мирмидонянъ 55 (218, 219); превращеніе дружины **ВОЛЬГИ** Всеславича въ **МУРАВЬЕВЪ** объясняетъ почему люди Ахиллеса были названы **МИРМИДОНАМИ**, т. е. землекопами 97 (321).

МИТРА, 107 (389).

МИТРИДАТЪ, о поселившихся въ Малой Азіи **ГАЛЛАХЪ**, которые проходя чрезъ земли **ИЛЛИРІЯНЪ** и **ѲРАКІЙЦЕВЪ** завладѣли тамъ еще большимъ пространствомъ чѣмъ въ Малой Азіи 11 (131); имѣлъ прозвище **LIBER** 77 (278).

МИЦКѢВИЧЪ, замѣчаніе его о **БАЯНѢ,** 6 (82, 83); онъ переводитъ: „Ne dois je pas envoyer vers la mer Noire" 71 (275); замѣчаніе его относительно малосознаваемыхъ достоинствъ С. о П. Иг. 116 (471, 472); его попытка объяснить Ликійскія надписи 119 (497).

МИШО (MICHAUD), замѣчаетъ сходство крестоносцевъ съ героями Иліады 2 (22).

МИѲЫ, 108 (405—408); Максъ Мюллеръ, Кунъ, Аѳанасьевъ 108 (406, 408).

МІЕРЖВА, его хроника 119 (493).

МОГУТЫ, въ древнемъ переводѣ не **ІОАННА ЗЛАТОУСТА**, упомянутаго по опискѣ въ § 82, а **ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,** изданнаго Будиловичемъ: δυναστης, означаетъ не самыхъ сильныхъ вассаловъ, потомучто превосходная степень δυναστωτατος, потому же переводу, вельможа, 82 (283).

МОИСЕЙ. 107 (395, 399); по ошибкѣ вмѣсто **МАНЕСА**. Буда 114 (437). См. **ТАЛІЕЗИНЪ** 115 (448).

МОИСЕЙ Хоренскій 107 (390).

МОКАФФА, перевелъ на арабскій языкъ книгу **КИТАБЪ** 60 (230).

Μολγος. См. **BULGA**.

МОНОКСИЛА, названіе лодки, существующее понынѣ у Запорожцевъ 115 (465).

МОРЕ „рано" 110 (417).

МОРФИДА Всеславьевна 100 (377).

МОСИНИКИ, упоминаніе Страбона объ отнятыхъ у нихъ зем-

ляхъ полководцами Антіоха Великаго 11 (109).

МОСОХЪ, 60 (232).

МОСХЕЙМЪ, (Mosheim) 121 (511).

МСТИСЛАВЪ, Владиміровичъ, князь (ст. 5), сынъ в. кн. Владаміра св. Святославича 4 (62, 72); 118 (485).

МСТИСЛАВИЧИ. 92 (296); 95 (298).

МУЖАИМѢСЯ, варіанты: мужаимся (мн. ч.), мужаимыся (двойств. ч); недоумѣніе первыхъ издателей 82 (284); на буквѣ „ѣ" въ словѣ **МУЖАИМѢСЯ**, основано предположеніе Н. С. Тихонравова, что рукопись графа Мусина Пушкина писана скорописью конца XVI столѣтія 82 (284).

МУЗЫКАЙ. См. **ТЮРУНЪ МУЗЫКАЙ**.

МУРЗАКЕВИЧЪ, его поѣздка на островъ Левке 55 (202).

МУРАВЬЕВЪ, Андрей Николаевичъ, объ изображеніяхъ Гомера, Орфея, Платона и другихъ древнихъ философовъ и поэтовъ въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ и въ Кремлевскомъ Благовѣщенскимъ соборѣ 2 (58).

МУРАВЬИ, баснословные; схоліастъ **АПОЛЛОНІЯ** Родіискаго приводитъ стихи Гезіода о **ПЕРИКЛИМЕНѢ**, ползавшемъ муравьемъ 97 (314); упоминается въ Индѣйскихъ памятникахъ 97 (314); въ пѣснѣ Волхвъ Всеславичъ 97 (330). **МИРМИДОНЕ**.

МЫТЕХЪ; у Дюканжа сказано, что соколъ, перебывавшій „въ мытехъ" до своего порабощенія, цѣнится дороже соколовъ, содержащихся въ неволѣ до минованія мыта 83 (285). Масуди (Les prairies d'or 11 (28); говоритъ: Si l'on en croit la tradition, un sage d'entre les khakanes, ou princes souverains, auxquels tous les rois des Turcs, rendaient hommage, a dit: „Les faucons de notre pays, lorsque leurs petits sont éclos dans le nid sortent pour leur chercher de la pâture; s'élèvent dans les régions les plus froides de l'air où l'atmosphère est froide et condensée, ils y saisissent tous les êtres qu'ils rencontrent et en nourrisent leur couvée. Les petits ne tardent pas à prendre des forces et à s'élancer eux-mêmes à la poursuite de leur proie, On trouve souvent dans les nids des faucons des membres provenant de ces êtres.

Μυθος, вымыселъ или притча 95 (299). См. **ЛЕСТЬ**.

НАНА, ДѢВА обида. См. **ЕЛЕНА**, миѳъ о ней ясно изображаетъ вѣчное круговращеніе жизни и смерти, плодотворенія и истребленія 55 (212).

НАУЗЫ, корень значенія въ глаголѣ вязать 97 (315). См. **ЯЗВЕНО**.

НАЮ, 117 (473).

НЕБОЛЬСИНЪ, П. И. о разноплеменномъ составѣ татарскихъ

племенъ, живущихъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями 60 (237, 238). См. **КАБАЛА**.

НЕБЫЛОНЪ, мнѣніе Ганки, 2 (158).

НЕВРЫ, скиѳскій народъ, превращающійся по сказанію Геродота въ **ВОЛКОВЪ** 100 (367).

НЕЙМАНЪ (Neumann), изслѣдователь древней этнографіи; въ сочиненіи своемъ Die Hellenen im Skythenlande говоритъ о Геродотовыхъ Алазонахъ и Карпіанахъ (Галичане и Харваты), считавшихся уже до временъ Страбона загадочными племенами 11 (108, 109).

NEITH, у Финикіянъ богиня **ДѢВА** 97 (348). См **ЕЛЕНА**.

НЕКРАСОВЦЫ, жители бѣлокриницкихъ селеній, обладаютъ значительными рыбными ловлями въ Малой Азіи, въ окрестностяхъ Константинополя на озерѣ Деркосъ и на Дунаѣ 11 (112); 111 (425, 426); 115 (465). **ЛИПОВАНЕ**.

НЕКТАНЕВО, царь Египетскій, волхвъ, отецъ Александра Македонскаго 97 (314, 326); 115 (453, 455). **ВОЛХВЪВСЕСЛАВИЧЬ**.

НЕМИЗА, р. 98(358); въ Минской губ. (Куникъ).

НЕМИЗИДА, мать Елены, ея превращенія. **ГОРЕ ЗЛОСЧАСТІЕ. ТАЛІЕЗИНЪ**; **ПѢСНЬ** Еврейская 115 (451); 118 (489); неудовлетворительное объясненіе Плутархомъ миѳа о Немизидѣ 118 (490). Изображеніе въ Саискомъ храмѣ Минервы.

НЕРГАЛЪ, божество 55 (209); надписи называютъ его „царемъ войны“, „владыкою бурь“; его изображенія въ видѣ крылатыхъ львовъ съ человѣческими головами ставились при вратахъ храмовъ и дворцовъ Сузы и Ниневіи; по свидѣтельству Ассирійскихъ скрижалей, изображался разрушителемъ; по возстановленіи Вавилонскаго государства цари назывались его именемъ 55 (211).

NENNIUS, Бретонская родословная, весьма схожа съ Польской родословной въ исторіи Кадлубка (258).

НЕССЕЛЬМАНЪ, издалъ Thesaurus linguae Prussicae. Berlin, 1873, въ которомъ приводитъ прусскія выраженія, могущія служить объясненіемъ слову **ВОРОПЪ** 60 (288).

НЕСТОРЪ, (гомеровскій), сходство его съ престарѣлымъ в. кн. Кіевскимъ **СВЯТОСЛАВОМЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЕМЪ**; они оба принимаютъ участіе на войнѣ совѣтами и притчами 95 (299).

НЕЧЕСТНО, въ древнецерковномъ языкѣ имѣетъ еще болѣе сильное значеніе чѣмъ въ современномъ; **НЕЧЬСТЬНЪ**: ἄτιμος infamis; Нечьсть: impietas, ignominia (Миклошичь) 64 (240); 80 (281).

НИБЕЛУНГИ, (Niebelungen), 1 (8). См. **ТРУДНЫЯ ПОВѢСТИ**; отрывистое начало пѣсенъ сход-

но съ Иліадой и Словомъ о Полку Игоревѣ 15 (144); 66 (243); русскіе и кіевскіе витязи, находившіеся при Дворѣ Аттилы 66 (242, 243, 244); протестъ противъ соболѣзнованія нѣкорыхъ германскихъ филологовъ, о томъ, что Славяне не имѣютъ героической поэмы подобной Нибелунгамъ 66 (243); Нибелунги сшивная поэма и составлена на основаніи древнихъ сказаній, существовавшихъ уже въ IX столѣтіи въ латинской редакціи, приписываемой Конраду, дьяку Пассаускаго епископа Пилгрима 66 (243); нынѣ существующія редакціи не древнѣе конца XII столѣтія 66 (243); старѣйшая изъ нихъ принадлежитъ Придунайской Германіи 66 (243); Лахманъ признаетъ въ ней 20 разнородныхъ пѣсенъ 66 (243); основы поэмы: миѳическая (о Сигфридѣ), преданія объ Аттилѣ (V столѣтія) и воспоминаніи о Пилгримѣ (конца X столѣтія); признаки составленія въ XII столѣтіи 66 (243); въ Скандинавской Еддѣ паралельная пѣснь объ Аттилѣ 66 (244).

НИЗАМИ, персидскій поэтъ, современникъ Пѣвца С. о П. И.; о походахъ Александра Македонскаго противъ Русскихъ 60 (224, 225, 236).

НИКИТА Акоминатъ (Хоніатъ) о болгаринѣ въ конскомъ копытѣ бронзовой статуи. „Кромѣ того всѣ говорили по изстари дошедшей до насъ молвѣ, что въ переднемъ лѣвомъ копытѣ этого коня заключена статуя человѣка, представлявшая по словамъ однихъ венеціянца, а по увѣренію другихъ: — какого нибудь другаго иноземца изъ западныхъ, не бывшихъ въ союзѣ съ Римлянами, народовъ, или даже Болгара. Въ прежнее время нѣсколько разъ укрѣпляли это копыто, чтобы нельзя было похитить того, что, по общему мнѣнію, скрывалось внутри его. Когда конь вмѣстѣ съ всадникомъ былъ разбитъ на куски и расплавленъ, то найдена была и похороненная въ копытѣ коня, мѣдная статуя, одѣтая въ сермягу, дѣлаемую изъ овечьей шерсти. Мало заботясь о томъ что было на ней изображено Латиняне и ее бросили въ огонь“.

Этотъ разсказъ заимствованъ изъ книги о статуяхъ города Константинополя, приписываемой Боннскими издателями самому Никитѣ Хоніяту. Разногласіе между обоими разсказами слишкомъ существенно чтобы ихъ можно было приписать одному писателю. Никита видитъ въ дѣйствіи Латинянъ желаніе уничтожить враждебный амулетъ, и не знаетъ о мѣстномъ старинномъ преданіи. — Безъимянный разсказчикъ, во многомъ весьма согласный съ Никитой, говоритъ, что преданіе было древнее и общеизвѣстное въ Константинополѣ. Обѣ редакціи, не смотря на важное противурѣчіе, выражаютъ сознаніе въ обоихъ лагеряхъ близкаго сродства племенъ Романскихъ на западѣ съ Волохами и Болгарами на Дунаѣ. 115 (456).

НИКИТА Пафлагонинъ 115 (465).

НИКОЛАИТЫ, гност. секта 97 (333).

НИЛЬСОНЪ, сочинитель изслѣдованія о Ѳиникіянскихъ поселеніяхъ на Сѣверѣ; Die Ureinwohner des Scandinavischen Nordens. — S. Nilson. Hamburg, 1866 вмѣсто него ошибочно названъ **ВОРСО**, Датскій Археологъ по древностямъ доисторическимъ 97 (352).

НИРВАНА, 108 (413, 414).

НИТАСЪ, море 60 (531).

НОВОСПАССКІЙ монастырь, въ Москвѣ; въ немъ находятся изображенія Гомера, Орфея, Платона и другихъ древнихъ философовъ и поэтовъ 2 (58).

НОГАИ 19 (149).

НОГАТА, замѣчаніе Карамзина 87 (287); (Chron. Liv vetus p. 87 (287); замѣчаніе С. М. Соловьева, что Nahk род. Nahha значитъ по эстонски кожа 87 (287).

НОННЪ (Nonnus), его парафраза Евангелія Іоанна составлена изъ стиховъ Гомера 2 (30).

НОРИЦЫ, на показаніи Страбона о Придунайскихъ троглодитахъ опирается показаніе Нестора о древнемъ названіи Славянъ 11 (122); норецы, рудокопы; подземный звѣрокъ (Шафарикъ); нырище, domicilium; нырь, turris; (Миклошичь); въ Муромскомъ уѣздѣ алебастръ добывается норами; въ Курск. губ. „Норица тя возми; въ Архангінары (Даль) 11 (122, 123). См. **BOLGIA** и **BULGA** нористой бугорникъ; гор. **NORICUM**, упомин. Евстаѳіемъ въ малоазійской басни о Мидасѣ и Марсіи переноситъ мысль архіепископа Евстаѳія въ Паннонію 11 (113, 123); въ Норійскихъ альпахъ живутъ до сихъ поръ Славяне, которые имѣютъ свое отдѣльное нарѣчіе; noricum по фригійски askos, uter, bulga (123)

НОРМАНЫ, 115 (467).

НОРМАНСКАЯ ШКОЛА 11 (129 130); **СКАНДИНАВСКАЯ** школа.

НѢГОТИНЪ, хуторъ 44 (176).

НѢЖАТИНА нива, 44 (175, 176).

ОБИДА, примѣры изъ лѣтописей 55 (185); Тріоди Григовича, изданной Срезневскимъ 55 (185) и изъ Причитаній Сѣвернаго края 55 (185); **ABIDUS** 55 (185); **АВИДА** Калмыковъ, финикійцевъ 55 (186); соединеніе благотворной и губительной силы въ одно миѳическое лице 55 (186); ученіе Канта о соревнованіи 55 (186, 187); исторія Азовъ, Вановъ (Славянъ) въ Эддѣ разыгрывается въ Трои 55 (187); переходъ Троянскаго сказанія (черезъ Донъ) въ скандинавскія басни 55 (187, 188); сказанія объ ней связаны съ стратегическими и торговыми пунктами отъ Дона до Гибралтара 55 (188); Обида въ С. о П. Иг. есть Елена дочь Немезисы или Леды и Зевса, превращеннаго въ лебедя 55 (188); Сивилла, у коей **ЕЛЕНА** изображена подъ именемъ **ОБИ-**

ДЫ, губительницы, кары, мзды (Ериниссы) 55 (189); 97 (319); дѣва (Еврипидъ, Чечесъ) 55 (190); 97 (319); по древнимъ сказаніямъ воспріяла въ себѣ злотворныя силы, губящія міръ 55 (191); у **ГЕЗІОДА**, **ГОМЕРА**, **ЕВРИПИДА** 55 (191); **СОФІЯ АХАМОТЪ** Гностиковъ 55 (191); Пѣвецъ С. о П. Иг. и Еврипидъ называютъ Елену Дѣвой и Обидой, и представляя ее въ образѣ вѣчнославной красавицы Елены, строже соблюдаютъ правила древняго искусства, чѣмъ Виргилій, изображающій фурій въ отвратительномъ видѣ (**МАКРОВЪ**) 55 (191); Елена въ языческой словесности есть символъ взволнованной, пытливой души 55 (192). „И пряхуся пастыріе Герарстіи съ пастырми Ісааковыми, глаголюще: наша есть вода: и прозва имя кладязю тому **ОВИДА**, (Быт. 26, 20).

ОВОЛЕНСКІЙ, князь Михаилъ Андреевичъ; полагаетъ, что „звенитъ слава въ Кіевѣ" обозначаетъ выносъ главнаго знамени съ изображеніемъ **СЛАВЫ** 14 (143); 97 (357); уп. 115 (476).

ОВОРОТНИ, 96 (306). См. **ПРЕВРАЩЕНІЯ**.

ОБѢДЪ, „въ обѣдъ годъ" 54 (184).

ОБѢСИСЯ, 98 (356).

ОВИДІЙ, 2 (22); 6 (85); 108 (404, 405); 119 (501).

ОВЛУРЪ, 113 (429 Лаворъ 430).

ОДИНЪ, въ Гримнисмалѣ о **ВОЛКАХЪ** 100 (375, 376).

ОЖЕРЕЛІЕ 96 (303).

ОЗИРИСЪ, разсказъ Синезія 100 (365); Озирисъ представитель миѳа возрожденія чрезъ таинственную смерть 107 (389); 115 (469); разсказъ Гезіода объ оскопленіи Урана сыномъ его **ХРОНОМЪ**. **ХОРСЪ**, **ВОЛКЪ**, **ВСЕСЛАВЪ**, **АРТУРЪ**, **ОРОСЪ** 114 (455); басни объ Озирисѣ, Парцивалѣ, Гралѣ, Иванѣ царевичѣ, о Волхѣ Всеславьевичѣ, Александрѣ Великомъ, Чингизъ Ханѣ, находятся между собою въ близкомъ сродствѣ и въ связи съ движеніемъ Богумиловъ и другихъ сектаторовъ 121 (516, 517).

ОЙРОТСКІЯ книги 108 (416 в, 416 г). **ІОАННЪ ПРЕСВИТЕРЪ**.

ОКСАМИТЪ, 25 (155).

ОЛЕГЪ, кн. Русскій 97 (326, 327, 346).

ОЛЕГЪ Святославичь, (ст. 7), с. в. кн. Святослава Ярославича 43 (173).

ОЛИМПІЯ, жена Филиппа Македонскаго 97 (314); 115 (445).

ОЛОФЕРНЪ, 119 (495).

ОЛЬВЕРЫ, Олбыръ Шерошевичь 86 (283). Olbrzym по Польски Волотъ, великанъ.

ОЛЬГОВИЧИ, 92 (296); 95 (298).

ОЛЯДІИ, 60 (233).

OPPERT, Dr. Gustav. Der Presbyter.

Johannes in Sage und Geschichte 2. Auflage. Berlin 1870. По поводу моихъ догадокъ о значеніи пресвитера Іоанна, Ю. Ѳ. Штендеманъ указалъ мнѣ на изслѣдованіе доктора Опперта. Къ сожалѣнію моему я могъ ознакомиться съ этимъ изслѣдованіемъ лишь по оконченіи напечатанія моихъ замѣчаній. Хотя я и не раздѣляю ни одной изъ его догадокъ, тѣмъ не менѣе я вижу въ нихъ сильнѣйшее подтвержденія высказаннаго мною предположенія, о связи французскихъ сектаторовъ XII столѣтія, Богумиловъ и намековъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ съ появленіемъ Чингизъ Хана. — Д-ръ Оппертъ въ басняхъ о Парцивалѣ и Титюрелѣ угадываетъ связь съ военно-религіознымъ орденомъ Калатравскимъ на томъ основаніи, что орденъ этотъ держался отъ 1198 года до 1212 года въ Сіерѣ Моренѣ въ крѣпости Salvaterra, напоминающей Mont Salvage Артуровыхъ басенъ. Другая догадка, объясняющая таинственный Gral кораломъ еще болѣе подтверждаетъ мое предположеніе о принадлежности Артурова ордена къ кровавымъ мистеріямъ дѣвственной богини. Занятіе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ замка Сальватерра Калатравскимъ орденомъ и созвучіе коралла и граля не были бы конечно достаточны чтобы приступить къ постройкѣ гипотезы если бы Д-ръ Густавъ Оппертъ не угадывалъ бы въ романѣ Парциваля и въ сказаніяхъ о пресвитерѣ Іоаннѣ развитіе военно-мистическаго ордена въ связи съ кровавами и мистическими ученіями символизированными отрубленной головой вѣчно живаго Предтечи. Ср. § 251 (511 и сл.)

Таинственная голова Бретонскихъ басенъ объ Артурѣ несомнѣнно принадлежитъ одному и тому же кругу басенъ какъ и голова тестя, хранимая Чингисъ Ханомъ. Ср. 119 (495).

Après cette défaite d'Aunäk Khan prit le parti de se refugier auprès de Tajankhan des Naimanns appelés Kurimazu et Tamika, qui savaient qu'il y avait eu toujours beaucoup d'animosité entre leur khan et lui, ils le massacrerent avec tous les siens et après avoir dépouillé leurs cadavres de tout ce qui leur pouvait être de quelque usage, ils coupperent la teste à Aunäk Khan et allerent la présenter á leur Khan, qui blama fort cette action, disant qu'étant un grand Prince et d'un age respectable comme il était, ils auraient bien mieux fait de lui servir d'escorte que de se rendre ses bourreaux. Cependant pour faire honneur à la mémoire d'un si grand Prince, il fit enchasser sa tête en argent, et la fit placer sur son propre siège le visage tourné du côté de la porte; l'on prétend que l'on remarqua un jour cette têtê étant venu à secher, que la langue se remua et s'élança par trois fois hors de la bouche, ce qui donna occasion à plusieures spéculations de ceux qui prétendaient tirer quelque présage." Abulgasi p. 191.

Vincentius Bellovacensius въ Speculum Historiale говоритъ, что въ 1202 году Татары взбунтовались противъ своего царя Давида, сына Пресвитера Іоанна, Императора Индѣйскаго.

Чингисъ Ханъ былъ главою возстанія. Царь Давидъ застигнутый въ расплохъ и убѣгая отъ одного отряда враговъ попалъ въ другой. Давидъ былъ убитъ со всѣмъ семействомъ за исключеніемъ дочери, на которой женился Чингисъ-Ханъ.

Aus dem Namen Korkhan ist der Joannes des Lat. Chronisten entsanden. Der Anfangsbuchstabe des Wortes Khorkhan, welchen wir mit K umschrieben haben ist ein ك und hat dieser Cononnant, sofern er in Türkischen Manuscripten ohne diakritische Punkte bezeichnet wird, dreierlei Aussprachen, die des K, des cerebralen N (Sagür nun) und des harten häufig in J erweichten G. — Es sind aber von diesen Bedeutungen in unserm Falle nur die eines K und G oder J zulässig. Der härtere Guttural des osttürkischen wird im westtürkischen vornehmlich im Osmanli, d. h. im Constantinopolitanischen Dialect, meistens abgeschwächt; in der Mitte von Worten wird das G häufig zu J und letzteres fällt bisweilen in der Aussprache ganz weg. Diese bekannte Thatsache ermöglicht den Uebergang aus Korkhan oder Gorkhan in Jorkhan, obschon ein dumpfes „O“ folgt. Aehnlich verunstaltet der Berliner Dialect das harte „G“ in „J“. Nun ist der Nahme Johanan aus den Hebräischen „Johann“ entstandem und lautet im Syrischen „Juchanan“, die Aehnlichkeit zwischen dem Herrschertitel Jorkhan und dem Vornamen Johann ist aber *unverkennbar*; so verwandelte sich Jorkhan gar leicht in Jochan und Jochanan und dieses wider rückwärts in Johannes, Joannes, denn das Abendland empfing damals seine Kenntniss von den Vorgängen im Orient hauptsächlich durch die Syrer (134, 135).

Въ предисловіи къ 2-му изданію Д-ръ Оппертъ говоритъ: „Die von mir versuchte Ableitung des Namens Johannes aus Korkhan hat ein bedeutender Kenner der ostasiat. Sprachen, der Berliner Academiker Herr Professor Schott durch seine Autorität unterstützt, indem er bemerkt: wem die Verwechselung von Kurchan mit Juchan an bedenklich sein sollte, dem sei gesagt, dass der Laut „R“ im Munde der Türken nicht scharf wibrirt ist, also am Ende der Silben leicht überhört wird“. Und wirklich findet sich in Ibn al Athirs Chronik neben Kurkhan die Form Kukhan.

Сознаюсь, что я не могу себѣ дать отчета: какимъ образомъ Корканъ можетъ служить поясненіемъ исторической личности Пресвитира Іоанна. Д-ръ Оппертъ самъ въ этомъ сознается: Wie nun der Korkhan, nachdem sein Name einmal in Iohannes verwandelt worden war zu dem Epitheton Presbyter gekommen ist schwer zu bestimmen (140). Вопросъ былъ ли Корканъ Христіаниномъ разрѣшается также отрицательно. Пресвитеръ Іоаннъ лице несомнѣнно историческое, хотя онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ вѣчному Калданъ Каану Ойротскихъ книгъ; Калданъ Каанъ есть гностическій прототипъ Далайламы, сформировавшійся въ ту эпоху когда всѣ самыя

разнородныя вѣрованія имѣли своихъ ревностныхъ представителей при ставкахъ монгольскихъ претендентовъ, на всемірное владычество. Если Пресвитеръ Іоаннъ есть монгольскій прототипъ Чингисъ Хана, то нѣтъ сомнѣнія, что самый прототипъ Пресвитера Іоанна есть царь Давидъ, коего имя носилъ послѣдній Пресвитеръ Іоаннъ. Ср. § 108 (416 и сл.). Русская историческая Литтература бѣдна свѣдѣніями и документами о Пресвитерѣ Іоаннѣ. Полнѣйшее и лучшее собраніе свѣдѣній объ этомъ крайне важномъ вопросѣ находится несомнѣнно въ исторіи Татарской церкви Мосгейма, коими пользовался преимущественно и Д-ръ Оппертъ. Мосгеймъ, видѣвшій въ расказѣ о Пресвитерахъ Іоаннахъ легенду о происхожденіи Чингисъ Хана, впослѣдствіи отрекся отъ своихъ сомнѣній относительно историчности этихъ лицъ. Имя Пресвитера Іоанна обозначаетъ вѣроятно прототипъ Далай Ламы. Самое имя Каркана можетъ быть также однимъ изъ титуловъ Ункъ Хановъ, и соотвѣтствовать древнѣйшимъ титуламъ Аварскаго Князя: Кагана и **ВАЯНА**. — Титулъ **КАЛДАНЪ КААНЪ** обозначаетъ также верховнаго жреца и принадлежитъ тому же корню, что нашъ Колдунъ, и Халдей. Лама, Гуру, (Guru) соотвѣтствуютъ Еврейскому Когенъ, учитель. Легенда о Пресвитерахъ Іоаннахъ весьма важна по своему отношенію къ торжеству Татаръ въ началѣ XIII столѣтія; объ этой легендѣ ср. Семенова землевѣдѣніе Азіи. 1856. и Пыпина „Очеркъ" стр. 90—92. Большое значеніе могутъ имѣть для разъясненія таинственнаго движенія въ Средней Азіи отношенія Грузіи и Арменіи къ Монголамъ. Въ заключеніе не излишне присовокупить, что Густава Опперта не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ Оріенталистомъ.

ОРГЕОНЫ, религіозное и торговое общество въ Аѳинахъ 115 (469).

ОРЕЛЪ, сизый есть признакъ божественнаго (Зевсова) орла; изображеніе его на вазѣ, находящейся въ Неапольскомъ музеѣ 3 (61).

ОРОСЪ, сынъ **ОЗИРИСА**. См. **ХОРСЪ**.

ОРЕСТЪ, о перенесеніи культа богини **ДѢВЫ** изъ Тавроскиѳіи въ Малую Азію 97 (331); 115 (468)

ОРТИСЪ, сынъ Орфея 13 (138).

ОРФЕЙ 1 (1); его изображеніе въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ 2 (58); миѳъ о переходѣ души его въ тѣло лебедя 4 (73); одинъ изъ тѣхъ древнихъ поэтовъ, которыхъ могъ подразумѣвать Пѣвецъ С. о П. И. подъ именемъ **ВАЯНЪ** 11 (114); предокъ Гезіода и Гомера 13 (138); 115 (445).

ОРФЕНЪ, Болгарская сказка 13 (137).

ОРЪТЪМЫ; ср. немѣцкое Hort сокровище, кладъ; ἄρτημα, 26 (156).

ОСЕТИНСКОЕ племя, преданіе о русскомъ происхожденіи одного изъ Осетинскихъ племенъ 100 (370, 371, 372).

ОСМОМЫСЛЪ, тоже что, по Пиѳагорову ученію, **ПРАВДОМЫСЛЪ**; послѣдователи Пиѳагора признаютъ число 8 символомъ справедливости (equitas); **МАКРОБЪ** въ комментаріи о Сципіоновомъ сновидѣніи 60 (291). Прозвище Осмомыслъ въ сродствѣ съ Карѳагенскимъ Эсмуномъ, такъ называвшемся по символическому значенію числа 8.

ОСОКИНЪ, 114 (437).

ОТТОНЪ св., въ житіи его священное древо въ Юлинѣ называется копіемъ Юлія Кесаря 11 (104). Это свидѣтельство подтверждаетъ древность преданія о связи Юлія Кесаря съ Литовцами и Руссами.

ОТФРИДЪ, 2 (29).

ОТЬЧЕСТВО, въ древнихъ памятникахъ часто не склонялось 122 (517).

ПАВЗАНІЙ, 11 (101); объ Еленѣ 55 (188, 189); о перенесеніи изображенія богини Тавропольской въ Малую Азію 115 (468).

ПАВЛИКІЯНЕ, секта 97 (333); 114 (436, 437). **БОГУМИЛЫ**.

ПАВОЛОКЫ, у Памвы Берынды: виссонъ; въ сказкѣ о **СТРАТИГѢ** говорится о зеленой паволокѣ на конѣ его и о червленныхъ поволокахъ на коняхъ его сыновей 25 (155).

ПАЛЕМОНЪ, выходецъ Римскій; одинъ изъ родоначальниковъ князей Литовскихъ 99 (359).

ПАЛЛАДА, эпиграммы его на учителей за ихъ пристрастіе къ Гомеру 2 (32, 33).

Παλλακς, опечатка вмѣсто Παλλακή, наложница, мьншиця 23 (152); поправка помѣщена 60 (227).

ПАЛЛАСЪ, о Калмыцкомъ богѣ **АВИДА** 55 (186).

ПАЛЬЦЫ; Ѳ. И. Буслаевъ видитъ въ **ДЕСЯТИ** соколахъ число соотвѣтствующее 10 пальцамъ. Согласно Сеферъ Іецирѣ 10 пальцовъ соотвѣтствуютъ 10 Эонамъ. Въ **СЕФЕРЪ ІЕЦИРА** по переводу Франка говорится о десяти Зефиротахъ: „Il y a dix Zephiroth, dix et non pas neuf, dix et non onze; fais en sorte que tu les comprennes dans ta sagesse et ton intelligence, que sur elles s'exercent constamment tes recherches, tes spéculations, ton savoir, ta pensée et ton imagination; fais reposer les choses sur leur principe, et rétablis la créateur sur sa base. Pour les dix Zephiroths il n'y a pas de fin, ni dans l'avenir, ni dans le passé, ni dans le bien, ni dans le mal, ni en élévation, ni en profondeur, ni à l'orient ni à l'occident, ni au midi, ni au nord. Les dix Zephiroth sont comme les cinq doigts de la main, au nombre de dix, et cinq contre cinq, mais au milieu d'elles est l'alliance de l'unité".

ПАНДОРЪ, въ Trojumanna Saga, исцѣляемый Подаліріемъ, а у Гомера Махаономъ 6 (85).

ПАНИКАДИЛА, („расшибе славу Ярославлю“) 98 (356—357).

ПАНОНІЯ, заселена Болгарами въ доисторическую эпоху, 2 (51); 11 (105).

ПАНТАЛОНОВНА, царица турецкая въ Константинополѣ; на ней женился Вольга Всеславичъ 97 (326).

ПАНТЕИЗМЪ, см. **ЕЛЕНА** (Алена) Ефимовна.

ПАПОЛОМА, коверъ покрышка, одѣяло, конская покрышка; по гречески πεπλος, πεπλομα встрѣчается у Еврипида: паполома у Грековъ и Болгаръ донынѣ означаетъ конскую покрышку 44 (174). См. **КАНИНА**.

ПАПОРЗИ, латы, наперстная или нагрудная защита 92 (294—296).

ПАРАЛИПОМЕНЪ Зонары 2 (55).

ПАРДУЖЬЕ ГНѢЗДО. Въ концѣ первой половины XVII столѣтія пять сыновей Нойонъ Хонгора (усерднѣйшіе поклонники Далай Ламы) прозваны были „пятьТигровъ“.—C. F. Koeppen. Die Lamaische Hierarchie. Berlin 1859. стр. 151. Сопоставленіе пардужьяго гнѣзда съ четырьмя русскими солнцами, погрузившимися въ море должно быть въ близкой связи съ Буддизмомъ.

ПАРЕМЕЙНИКЪ Харатейный, о безглавомъ звѣрѣ Святополкѣ 119 (492).

ПАРИСІОСЪ, рѣка отдѣляла, по Страбону, народонаселеніе Галлское отъ Ѳракійскаго и соотвѣтвѣтствуетъ, рѣкѣ **ПОРѢЧЬЕ**, отдѣляющей въ Сербіи населеніе Валахское отъ Сербскаго 115 (455).

ПАРИСЪ Троянскій 96 (306); Александръ-Парисъ 97 (314); 97 (325); 97 (334); похищеніе Елены 97 (343); 119 (500). **ВОЛХВЪ** Всеславьичь.

ПАРЦИВАЛЬ (Parcival), поэма Вольфрама фонъ Ешенбаха 114 (437); Парциваль переноситъ священный Граль съ Запада въ царство пресвитера Іоанна 121 (513); онъ же отецъ преемника пресвитера Іоанна 151 (495); 121 (511); басня о Парцивалѣ, Гралѣ, Иванѣ Царевичѣ, Волхвѣ Всеславьевичѣ Александрѣ Великомъ, Озирисѣ Горосѣ находятся въ близкомъ сродствѣ между собой и въ связи съ движеніемъ Богумиловъ и другихъ сектаторовъ 121 (516).

Παρθενων, названіе храмовъ и урочищъ, посвященныхъ Дѣвѣ на берегахъ Чернаго и Азовскаго моряхъ 97 (316, 317).

PASSAGE, PASS. 118 (486). **ХОДЫ**.

ПАТАРА, ликійскій городъ, 119 (298),

ПАТАРЕНИ, 67 (260, 262, 263, 264). **БОГУМИЛЫ**.

ПАФЛАГОНЯНЕ, происхожденіе отъ нихъ **ВЕНЕТОВЪ**, по Страбону 11 (101, 107, 108).

PEUKINE, нар., живущій въ нынѣшней Добруджѣ 11 (108). Печенѣги Русскихъ Лѣтописей.

PEYRAT, въ его исторіи Les Albigeois et l'Inquisition, есть нѣсколько замѣтокъ о вліяніи катаровъ на Провансальскую поэзію 114 (434).

ПЕЙРОЛЬСЪ, трубадуръ, въ воззваніи его къ имп. Фридриху II описывается сѣтованіе городовъ 62 (239).

ПЕОНЯНЕ, фракійское племя, по мнѣнію Чечеса, единоплеменно съ **БОЛГАРАМИ** 11 (105).

ПЕЛАГІЙ, составитель Ὁμηροκέντρα (въ V стол.) 2 (30).

PELLVX опечатка вмѣсто pellex, мьншиця, наложница 23 (152); поправка 60 (227).

PEREDUR le héros de la tête sanglante 119 (495).

ПЕРИКЛИМЕНЪ (Periclymenus), сынъ морскаго царя, баснь о немъ 106 (368); 96 (305); слова Схоліаста къ Аполлонію Родійскому о дарованіяхъ, послужившихъ къ погибели Периклимена 97 (313, 314) прямо относятся къ **ВСЕСЛАВУ**: „Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути".

ПЕРОНИКЪ (Peronic), типъ, въ бретонскихъ сказкахъ соотвѣтствующій Ивану Царевичу; кромѣ того, Пероникъ соотвѣтствуетъ и типу Иванушки дурачка 115 (457, 458).

ПЕРСЕЙ, прототипъ Трояна въ сербской и болгарской басни, приводимой Буслаевымъ 11 (114, 115); Персей братъ Гезіода и дѣдъ Гомера 13 (138); 115 (453).

ПЕРСІЯНЕ, ихъ претензіи, по Геродоту, относительно похищенія Елены 190 (373, 375).

ПЕРУНЪ, историческое объясненіе по методѣ Евгемера 11 (119).

PAIR Ceridwen 115 (444); Чанъ Черидвы; Бретонскій Орденъ пѣвцовъ и прорицателей: **ТАЛІЕЗИНЪ, ГОРЕ ЗЛОСЧАСТІЕ**, Рожденіе Елены отъ Немезиды, **ЕВРЕЙСКАЯ ПѢСНЬ**.

ПЕТАХІЯ, Испано-Еврейскій путешественникъ XII столѣтія, называетъ Половцевъ Кедарцами 66 (245).

PÉCHEUR, le Roi, въ Бретонскихъ сказкахъ; весьма можетъ быть Ахиллесъ 119 (495).

PINDARUS THEBANUS, сокращенный переводъ Гомера на Латинскій языкъ 6 (85).

PYRITHA, одно изъ именъ богини Дѣвы. **FREYA** въ Эддѣ 97 (316). **ЕЛЕНА, ДѢВА**.

ПИРРЪ. кор. Эпирскій 119 (493).

ПИѲАГОРЪ, его ученіе; послѣдователи его признавали число 8 символомъ справедливости 90 (291); о значеніи чиселъ 111 (422); упом. 197 (399); **ГНОСТИКИ. ГЕТЪ ЗАМОЛКСИСЪ**.

ПІЭРЪ, внукъ Аполлона 10 (138).

ПЛАТОНЪ, греческій философъ, его изображеніе въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ 2 (58); о переходѣ души Орфея въ тѣло лебедя 4 (73); уп. 107 (399).

Πλαξ, plage 115 (467).

ПЛИНІЙ, 107 (395); 119 (494).

ПЛУТАРХЪ, 115 (453, 469); его неудовлетворительное объясненіе миѳа о превращеніяхъ 118 (490).

ПЛѢСНЬСКЪ, гор. въ Галиціи, 71 (274); 108 (402).

ПОВѢЛѢЯ, вѣроятно описка или неудачное исправленіе первыхъ издателей, вмѣсто „повелѣ яти отца" 45 (177).

ПОВѢСТИ ТРУДНЫЯ, „многостръпътныя книги", упоминаемыя въ предисловіи къ Святославову Изборнику 1 (8); выраженіе это вѣроятно заключаетъ въ себѣ обозначеніе тѣхъ же богатырскихъ и прискорбныхъ повѣстей, о коихъ упоминается въ первыхъ трехъ стихахъ изъ Niebelungen 1 (8); предположеніе, что они суть преимущественно предъ другими древними сказаніями: „Исторія о разореніи Трои, столичнаго града Фригійскаго царства" 1 (8).

ПОГАНЪ (Πογάνος) 2 (13). См. **БАЯНЪ**.

ПОГОДИНЪ, Михаилъ Петровичь, Толковая Псалтырь изъ его Древлехранилища 6 (81); 108 (401, 402); полемика его съ профессоромъ Хвольсономъ по поводу Масудіевыхъ Алазанъ II (110); его „Борьба не на животъ, а на смерть" 11 (127—129); 60 (233, 234); 115 (462, 465).

ПОГРЯЗАХУ, 26 (156).

ПОЖАРСКІЙ „Слово о Полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго, съ присовокупленіемъ примѣчаній. Спб. 1819 г. 4 (63); 25 (154); 55 (204); 97 (320).

ПОЛИТИЧЕСКИМЪ, опечатка вм. полемическимъ 97 (311).

ПОЛОВЦЫ; на картѣ Эдризи **ТРОЯ** является среди земель Половецкихъ и Туркорусскихъ 11 (121); **KLAPROTH**, Voyage au Caucase. 19 (149, 150); упоминаются 45 (176); названы **СВАТАМИ** по частымъ брачнымъ союзамъ Русскихъ Князей съ Половчанками 52 (184); неосновательная догадка Іеромонаха Лосицкаго о происхожденіи имени **КУМАНОВЪ** отъ кумовства 52 (184); Петаххія (1173—1183) называетъ ихъ **КЕДАРЦАМИ** 66 (245); изъ Штритера (Mem. Pop. III, 981) видно, что Византійцы о Команахъ не упоминаютъ съ 1114 по 1185 г. 66 (248). **ХАРИЗИ** (XII в.) описываетъ схватку ихъ съ Русскими 66 (245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254); свидѣтельства Лосицкаго о сродствѣ ихъ съ Готами и Литовцами 77 (278—280); словарь Команскій, составленный въ XIV столѣтіи не можетъ

дать понятія о народности ихъ 77 (280); **ГОТѲСКІЯ** слова, записанныя Бузбекіемъ 77 (280).

ПОЛОЦКІЕ КНЯЗЬЯ, изгнаны въ Греческую Имперію; по мнѣнію Кояловича, за продажу подданныхъ въ неволю 98 (358).

ПОЛОЦКОЕ. княженіе 98 (357); 99 (359); 100 (366, 368, 369. 376).

ПОЛУНОЩИ, 112 (427).

ПОМНЯШЕТЬ и **ПУЩАШЕТЬ**, безличные виды глаголовъ 4 (64, 65); 6 (77—82). Кромѣ указанныхъ примѣровъ можно присоединить къ нимъ: „Ярославнинъ гласъ **СЛЫШИТЪ**“.

ПОНТАНЪ, Исаакъ 11 (127).

ПОНТАРХЪ Ахиллъ, на Азовскомъ морѣ 11 (121). См. **АХИЛЛЕСЪ.**

ПОПЕЛОВЪ родъ, Publius, Πομπιλος) родство съ Юліемъ Кесаремъ 11 (103).

ПОПОВЪ, Александръ Николаевичь, предлагаетъ чтеніе: „спала князю умь по хоти“ т. е. по женѣ 9 (93).

ПОПОВЪ, Андрей Николаевичь, его Изборникъ 97 (323).

PORCUS Troyanus, замѣтка 14 (143).

PORTA Russia, ворота изъ Галиціи въ Венгрію (Исидоръ **ШАРАНЬЕВИЧЪ**), 90 (292).

ПОРФИРІЙ, епископъ Чигиринскій, обѣщанное имъ изслѣдованіе о семитическомъ происхожденіи Руссовъ 97 (352).

ПОСИДОНЪ, 107 (392).

ПОТОКЪ, 97 (324); морскія и рѣчныя божества играютъ важную роль въ славянской миѳологіи. **ВОЛХВЪ ВСЕСЛАВИЧЬ**. Въ греческой миѳологіи Ахиллесъ принадлежитъ къ морскимъ и рѣчнымъ божествамъ, что упущено изъ виду классическими писателями, кромѣ одной черты, сохраненной Гомеромъ о наклонности Ахиллеса удалятся на берегъ моря для игры на гусляхъ. Въ одномъ средневѣковомъ памятникѣ упоминается о музыкальномъ инструментѣ, называвшемся Achilleion. **АХИЛЛЕСЪ.**

ПОЭМЫ, эпическія, проявляются въ эпохи раздробленнаго состоянія народовъ. **ИЛЛАДА**.

ПРИЛБИЦА, 27 (157).

ПРИМѢТЫ, 111 (420).

ПРЕВРАЩЕНІЯ: ВОЛХЪ ВСЕСЛАВИЧЪ, **ПЕРИКЛИМЕНЪ ПРОТЕЙ**, **ВОДЯНЫЯ ВОЖЕСТВА; СКАЗКА О ГОРѢ ЗЛОСЧАСТІѢ**.

PREGER, 121 (511).

ПРЕДЗНАМЕНОВАНІЕ, 7 (89—91).

ПРИСЦІАНЪ, 11 (105, 123).

ПРІЯМЪ, Сеньковскій называлъ его **СКОПИДОМОМЪ**, 11 (116); А. Н. Майковъ находитъ сход-

ство между нимъ и престарѣлымъ в. кн. Кіевскимъ Святославомъ Всеволодовичемъ 95 (299). Ср. **НЕСТОРЪ**.

ПРОКОПІЙ Кесарійскій говоритъ, что Өракіяне и Иллиріяне обитаютъ до сѣверо-западныхъ предгорій Кавказа, коего юго-восточныя предгорія доходятъ до проходовъ, ведущихъ изъ земель занимаемыхъ Гуннами во владѣнія Персіянъ и Римлянъ 11(120); эта опредѣленность не дозволяетъ сомнѣваться въ томъ, что Прокопій говоритъ именно о Кавказѣ, а не о Карпатахъ и не объ Индѣйскомъ Кавказѣ. Не слѣдуетъ забывать, что Прокопію близко извѣстна была эта мѣстность по личнымъ наблюденіямъ и свѣдѣніямъ сосредоточеннымъ въ главной квартирѣ римскаго полководца, при которомъ онъ состоялъ 115 (464); Прокопій о Таврахъ.

ПРИЧИТАНІЯ, сохранившіяся въ XXIV пѣснѣ Иліады ст. 725—775. Встрѣчаются и у греческихъ трагиковъ; но наши несравненно полнѣе и драматичнѣе по содержанію и обстановкѣ. Ср. причитаніе Антигоны въ трагедіи Еврипида Φοινισσαι, ст. 1493 и сл. причитанія Андромахи, Гекубы и Елены въ связи съ обращеніемъ Минервы къ Юпитеру о погубленіи Ектора. Та же обстановка въ причитаніи о убіенномъ молніей въ Причитаніяхъ сѣвернаго края, изд. Барсовымъ стр. 55, 229 Ср. Peppmüller. die composition der Klagelieder Halle. 1872.

ПРОТЕЙ, Морское чудовище; въ Египтѣ, въ храмѣ его находилась Елена въ то время какъ за призракъ ея сражались Греки съ Троянами 2 (14); 55 (192); **ВОЛХВЪ ВСЕСЛАВИЧЪ**, — **ТІОКЛИМЕНЪ** сынъ Протея. 96 (305).

ПРУССКІЙ языкъ, 115(466); ближе къ языку Великорусскому нежели Сербскій и Болгарскій языки, во всѣхъ выраженіяхъ относящихся до общественнаго и домашняго быта. Ср. Nesselmann. Thesaurus Lunguae Prussicae.

ПРУССЪ, братъ Юлія Кесаря 11 (103).

ПСЕВДОКАЛИСѲЕНЪ, объ Александрѣ Македонскомъ 60 (235, 237); 97 (314; 326, 45; 98 (358), 115 453, 455), 118 (477).

ПСЕВДОПЛУТАРХЪ, его сказки, о рѣкахъ, а равно болгарскія басни о **ТРОЯНѢ**, и разсказы арабскихъ писателей о Славянскомъ мудрецѣ текутъ изъ одного источника и были извѣстны древнему міру какъ фригійскія (малоазійскія) басни 11 (114—116); приводимые пять параграфовъ на стр. 113—114 о рѣкѣ Марсіи заимствованы изъ Fluviorum et Montium Nominibus, изд. въ Geogr. Graeci Minores II, Paris, Didot 1861. ст. 649; намекъ на изувѣрческій культъ **АНАГИДѢ**. Псевдоплутархъ упоминаетъ о **КАМНѢ НОЖѢ** 11 (117); 115 (469). Норійская басня 13 (138). **МИДАСЪ**.

ПТИЦЮ, дат. п. усѣченнаго прилагательнаго въ значеніи птицегадателя 104 (381, 382).

ПТИЦЫ 116 (471); 21 (151).

ПУБЛІЙ ЛИВОНЪ, кн. Римскій 11 (103). **ПОПЕЛЪ**.

ПУСТЫНИ, именительный падежъ ед. числа 54 (185). Ср. **МАТИ, ХОТИ, МИЛОСТЫНИ** и пр.

ПУШКИНЪ, Алек. Серг., предлагаемое исправленіе въ С. о П. И. 1 (8, 9). По поводу общепринятаго объясненія слова Троянъ А. С. замѣчаетъ: „Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объясненіе"?

ПЫПИНЪ, Александръ Николаевичъ, 6 (83—87); 11 (118); 60 (237); 119 (502). Его превосходный и обстоятельный Очеркъ старинныхъ повѣстей и сказокъ есть лучшее руководство при сравнительномъ изученіи народной литературы.

ПѢСНИ, сомнѣніе о томъ какъ слѣдуетъ начинать пѣсни, встрѣчается у древнихъ христіанскихъ писателей 1 (7); троянскія воспоминанія въ средневѣковыхъ французскихъ и германскихъ пѣсняхъ 2 (19 — 29); Отцы церкви (Василій Великій и Григорій Назіанскій) признавали пользу изученія языческкхъ стихотворцевъ 2 (36 — 38); наши пѣсни суть обломокъ древняго эпоса 2(59); сокола и лебеди 4 (66 — 73); троянскія сказанія въ средневѣковыхъ поэмахъ Западной Европы 2(24—32). Ср. **JOLY**-Benoit de ste More. Сходство воззванія къ соловью Баяну съ воззваніемъ хора къ Гомеру въ трагедіи Еврипида „Елена" 11 (95, 96); сродство фригійскихъ сказаній съ сказками придунайскихъ славянъ (Марсій, Мидасъ) 11 (112—124); родословная пѣвцовъ до Гомера 13 (138); мнѣніе Буслаева о древнихъ пѣсняхъ 13 (138—141); близкое сродство русскаго эпоса съ Восточнымъ 23 (153); 41 (170—172); персидское стихотвореніе Гатифи объясняетъ сказки придунайскихъ Славянъ о Траянѣ 41 (169); сродство Слова о П. И. и вообще русскихъ пѣсенъ съ ученіемъ гностиковъ 55 (191—203); согласіе нашихъ пѣсенъ съ сказаніями апокалиптическими 55 (207, 208); миѳологія Халдеевъ служитъ поясненіемъ нашей народной литературы 55 (209—218); наши сказки ближе къ древнимъ религіознымъ миѳамъ чѣмъ Гомеръ 55 (219—221); русскій элементъ въ персидскихъ сказаніяхъ (Рустемъ) 60 (235, 236); отсутствіе сборнаго эпоса у Славянскихъ народовъ доказываетъ древность редакцій славянскихъ пѣсенъ и сказокъ 66 (243); Руссы и Греки, Волохи и Печенеги въ Нибелунгахъ встрѣчаютъ невѣсту Атиллы; сватами Атиллы въ Еддѣ названы **ЯРОСЛАВЪ** и Еймудръ 66 (244—245); война русскихъ съ Половцами воспѣвалась на дальнемъ Западѣ; **ХАРИЗИ** 66 (245—254); сходство **ПЕРИКЛИМЕНА** съ **ВСЕСЛАВОМЪ** 97 (312, 321—331); элементы нашихъ пѣсенъ: сказанія библейскія, народныя и языческія 96 (307); въ памяти русскаго народа сохранились древнѣйшія сказанія человѣчества 96 (308); Донъ и Дунай суть главныя средоточія валійскихъ, французскихъ и скандинавскихъ сказаній о Троянскомъ происхожденіи 67 (264 б. и слѣд.); **КОДОЛЬСКІЙ**, т. е. рыбацкій островъ, называемый древними

АХИЛЛЕСОВОМЪ и зеленымъ въ сказкѣо **СЕМИСЕМІОНАХЪ** есть главнѣйшій центръ распространенія пѣсенъ и басенъ на Востокѣ 67 (264 б.); этому центру на Западѣ соотвѣтствуетъ Позилипская школа Виргилія 67 (264 б.); право поэтовъ не стѣсняться предѣлами времени (**GOETHE**) 97 (313); пѣснь о Волхѣ Всеславичѣ была извѣстна древнимъ 97 (313, 314); теорія Цельсія о возвращеніи людей на землю послѣ смерти 97 (315, 316); пѣсни скопцовъ 97 (334—343); сродство пѣсень людей Божіихъ съ ученіемъ Терапевтовъ, Гностиковъ, Богумиловъ Катаровъ и Валійскихъ пѣвцовъ 67 (264 а и сл.); 97 (343—351). **ТАЛІЕЗИНЪ** 115 (444—447; 448—451). **ГОРЕ ЗЛОСЧАСТІЕ** 115 (148 — 451); **ЕВРЕИСКАЯ** пѣснь 115 (449—451); **КИПРСКІЯ** стихотворенія Стасина.— **ВЕЛКЕРЪ** о собирательномъ значеніи имени Гомера. При объясненіи, Велькеръ ссылается на нашего Баяна, 149 (505 и сл.); **ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ** и сѣрый волкъ 100 (362, 375); повѣствованія египетскихъ жрецовъ согласны съ нашими сказками 100 (374); **СЕМЬ СЕМІОНОВЪ** 100 (374, 375); **ВОЛХЪ ВСЕСЛАВИЧЪ**. Поеніе коней па Дунаѣ 108 (402, 403, 404); Горе Злосчастіе 115 (448); Еврейская пѣснь 115 (448, 449; связь позднѣйшихъ пѣсенъ и басенъ съ символическими изображеніями въ Египетскихъ храмахъ 115 (452); замѣтка Велькера, что судя по позднѣшимъ редакціямъ нѣтъ основанія заподозривать древность самой басни 115 (452, 453); сходство романскихъ и бретонскихъ сказокъ съ Славянскими; Пероникъ и Иванъ Царевичъ 115 (457—458); басни обращающіяся въ Россіи и церковно-славянское правописаніе даютъ нить для изслѣдованія древнихъ преданій и образованія языковъ 115 (459); Буслаевъ правильно отдѣляетъ „пѣснь" отъ „творца" въ С. о П. И. 118 (476); замѣтка Велькера о припѣвкѣ „ай люли" 118 (475); замѣчаніе Хаджича о вліяніи народныхъ пѣсенъ на С. о П. И. 118 (478—480); народный элементъ, замѣчаемый Хаджичемъ въ С. о П. Иг. именно тотъ самый, который находится въ полномъ согласіи съ Гомеромъ, Еврипидомъ 118 (481); греческія, бретонскія и вообще эпическія пѣсни суть собирательные призывы разрозненныхъ племенъ. Неупоминаемыя въ Иліадѣ города съ этой цѣлью вносились въ каталогъ кораблей. Тотъ же собирательный духъ преобладаетъ въ С. о П. И. 118 (483); Макіавель 118 (483); полная самостоятельность развитія народныхъ сказаній на различныхъ почвахъ, не смотря на ихъ внутреннее сродство 118 (488, 489); древнія пѣсни должны были входить въ число источниковъ при составленіи лѣтописи 109 (496); **ОМИРЪ - АХИЛЛЕСЪ**, сынъ царя Филереша. Кодольскій островъ. **ВЕЛЬКЕРЪ** о собирательномъ значеніи имени Гомера 119 (505—509); для обозначенія пѣсенъ, принадлежащихъ къ Троянскому циклу, Пѣвецъ Игоревъ и всѣ средневѣковые поэты запада архаически правильно приписываютъ Баяну—Гомеру всѣ Троянскія

сказанія 119 (505—509); характеристика пѣсенъ: **ГРИММА** — скандинавскихъ и **ТЭНА**—англосаксонскихъ могутъ служить характеристикой С. о П. И. 108 (416 и сл.).

ПЭОНІЯ, знахарка 119 (496).

ПѢСНЬТВОРЕЦЪ, ТВОРЕЦЪ форма позднѣйшая, хотя и встрѣчается въ словахъ, приписываемыхъ Кириллу Туровскому 118 (476).

РАБАНДА, монахъ 121 (511).

РАДАЕВЪ, 114 (435).

РАЗДѢЛЕНІЕ Слова о Полку Игоревѣ 35 (300, 301).

РАИЧЪ, о Богумилахъ 67 (261—264).

РЕВУГИ, напоминаютъ Запорожскую мѣстность 82 (283).

РЕГМА, Хамово племя 66 (246).

РЕДЕДЯ, кн. Косожскій 4 (62). 118 (485).

РЕЗАНА, 87 (287).

ROERICHT, Reinhold, о Туркопулахъ, находившихся въ войскѣ Крестоносцевъ 90 (293).

ROESLER, Робертъ Romäniche Studien, Untersuchungen zur älteren Geschichte Romaniens. Leipzig, 1871; стр. 349, 11 (131). На Романскомъ языкѣ: bogorie, — на Мадж.: „bogaria, bör“ т. е. bulgar, юфть.

Ῥῆσος, трагедія Еврипида, выраженіе бросать кость; („вржe жребіи о дѣвицю себѣ любу“) 97 (319, 320).

РИМЛЯНЕ, Несторъ; говоря о насиліяхъ Волоховъ на земли Славянскія не могъ имѣть въ виду Римлянъ, ззслужившихъ себѣ опредѣленное имя въ исторіи; а подъ именемъ Волоховъ разумѣлъ Галловъ, наводнившихъ придунайскія земли за 4 столѣтія до Р. Х. 11 (118—119). Ср. **СРЕЗНЕВСКІЙ**.

РИМЫ, гор. 85 (285, 286).

RIESS, о кн. Россъ 60 (233).

РОДОСЛОВІЕ: Дарданидовъ въ Иліадѣ 3 (60); 97 (309, 310); Египетское родословіе Дажьбога, въ Рус. Лѣт. по Манетону 97 (310, 311); Гомера отъ Аполлона 13 (138); Русскихъ князей отъ Дарданидовъ черезъ Юлія Кесаря 11 (103, 104); Славянская въ хроникѣ Кадлубки 11 (102); Литовское 99 (358).

РОДЪ и **РОЖАНИЦА**, поклоненіе имъ у Славянъ было тоже что поклоненіе **ВИЛИТѢ** (Артемисѣ) у древнихъ 55 (212, 213). **ЕЛЕНА.—ДѢВА**.

РОЗИ, 107 (382—386) предл. падежъ съ отрицаніемъ предлога.

РОМАНСКОЕ племя, см. **ВОЛОХИ, ГАЛЛЫ, СКОРДИСКИ, BULGA**, Granier de Cassagnac. Юстинъ. Страбонъ. **ТИТЪ ЛИВІЙ, DIEZ, ROESSLER. DIEFENBACH**. 11 (131 и слѣд.). Романское племя такъ перемѣшано съ племенами Ѳракійскими т. е. Славянскими, что, по свидѣтельству Страбона, трудно было отдѣлять эти народно-

*

сти въ его время. — Въ этомъ кроется источникъ недоумѣнія позднѣйшихъ этнографовъ относительно **ВЕНЕТОВЪ** 11 (101—107, 120, 129, 131, 132); смѣшеніе Романскихъ племенъ съ Ѳракійскими, Иллирійскими; Бретонскія и Романскія сказанія о Гралѣ находятся въ связи съ движеніями Богумиловъ въ Босніи 67 (259—264).

РОМАНЪ Мстиславовичь (ст. 11) с. Мстислава Изяславича, кн. Галицій 92 (294).

РОМАНЪ Ростиславичь (ст. 10), с. в. кн. Ростислава Мстиславовича, кн., 89 (290).

РОРИКОНЪ, Франк. историкъ. Трояне 11 (101).

РОССІЯ, на Каталанской картѣ 4 (70).

РОСТИСЛАВЪ Всеволодовичь (ст. 7), с. в. кн. Всеволода Ярославича, кн. Переяславскій, 115 (442).

РОСЪ, кн., происхожденіе отъ него имени **РУССОВЪ** (**ВОХАРТЪ**, **ВЕЙСМАННЪ**, **РИССЪ**) 60 (233). **ВОХХАРДЪ** въ Geogr. Sacra говоритъ, что по Арабски Араксъ назывался Росъ (Rhos) откуда вѣроятно и перешло народное назназваніе Руссовъ; Араксъ часто смѣшивали съ Курой въ которую впадаетъ **АЛАЗАНЬ**. Кура и соединяющійся съ ней Араксъ, находятся въ томъ разстояніи отъ Требизонда, которое указываетъ Массуди.

РУДОЛЬФЪ Немурскій, магистръ 121 (510). Вильгельмъ золотыхъ дѣлъ мастеръ: Секта о воплощеніи Св. Духа и предсказанія о всемірной Монархіи. **ПАРЦИВАЛЬ, ІОАННЪ ПРЕСВИТЕРЪ. ЧИНГИСЪ ХАНЪ.**

РУСІО и **РУСЪ**, рѣка въ 70 миляхъ на Востокъ отъ Требизонда. Ср. Joachim Lelevel. Geogr. du M. Age T. III, et IV. стр. 190 и 191, въ статьѣ Русъ, Туркъ и Нибарія. Слѣдуетъ сравнить Боххарда (Georg. Sacra), о древнемъ названіи рѣки Кура-Росъ, откуда по его мнѣнію происходитъ и народное названіе Руссовъ. Ср. **АЛАЗАНЬ**, 11 (111).

РУЛЬЕ Карлъ Францовичь, проф. Московскаго университета, описаніе Кавказскаго тура (въ Извѣстіяхъ Московскаго Общества Испытателей Природы) 15 (145).

РУССКІЙ языкъ, 115 (466).

РУССКОЕ племя, прикасалось къ Скандинавіи незначительнымъ краемъ 11 (129); а на оборотъ смѣшивалось съ племенами: финскимъ и татарскимъ по всему протяженію отъ Чернаго моря до Ледовитаго Океана, романскимъ (волошскимъ),— (отъ Чернаго до Адріатическаго моря); германскими (отъ Дуная до Нѣмецкаго моря) 11 (129); слѣды смѣшенія съ Скандинавскими племенами замѣтны въ Даніи, Англіи; но не въ Швеціи и не въ Россіи 11 (129); стремленіе пѣвца С. о П. И. связывать судьбы Русскаго племени съ Троянами сходится

съ направленіемъ Норманскихъ и Скандинавскихъ пѣвцовъ 11 (133); тщетность усилій изучать древнюю русскую этнографію по Геродоту 11 (134); опредѣленность и обиліе этнографическихъ и географическихъ свѣдѣній, собранныхъ Страбономъ по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, накопившимся въ слѣдствіи войнъ за время отъ Александра Великаго до Траяна, 11 (134); Ταυροι 15 (144); 115 (462—464) **ШТРИТЕРЪ**. академикъ **КУНИКЪ**; сказаніе о началѣ Руси по хроногр. 97 (321—32?); въ С. о П. И. **ДАЖЬБОЖІИ ВНУКЪ И ВСЕСЛАВЛЬ** обозначаютъ Русское племя. **НИЗАМИ** говоритъ о двухъ походахъ Александра В. противъ Русскихъ, 60 (235, 236, 237); 100 (366); участіе Русскихъ въ крестовыхъ походахъ 90 (294); распространеніе названія Русь по всему сѣверному прибрежью Африки 97 (349); догадка **НИЛЬСОНА** о преобладаніи Финикійскаго племени на Сѣверѣ Европы 97 (352); стремленіе Русскихъ къ Тьмутаракани, 100 (370); Некрасовцы 100 (370); Пятигорскіе Черкесы, по мнѣнію Лосицкаго, суть Русскіе 100 (370); преданіе объ Русскомъ происхожденіи одного Осетинскаго племени 100 (370); Русскіе элементы въ Кавказскомъ населеніи 100 (370 — 372); Германскіе лѣтописцы отождествляютъ Русскихъ съ Норманами и вмѣстѣ съ тѣмъ упоминаютъ о нихъ какъ о двухъ отдѣльныхъ народахъ 115 (466, 467); Тавры у Византійскихъ писателей обозначаютъ Руссовъ 115 (461—465); культъ Діаны Таврупольской, и Ахиллеса въ тѣсной связи съ племенемъ Русскимъ 115 (465, 467); показаніе Бертинской лѣтописи не рѣшаетъ вопроса о народности Русскихъ пословъ 115 (466, 467); отсутствіе свѣдѣній о Русскихъ и Русскомъ племени въ многословныхъ шведскихъ сказаніяхъ и изобиліе отдѣльныхъ свѣдѣній въ Германскихъ лѣтописяхъ о Руссахъ 115 (467). Въ современной германской исторической литературѣ не существуетъ сомнѣнія о народности Руссовъ; до историческіе же Руссы признаются Пруссами. См. **КАВАЛА**.

Къ поясненію запутаннаго вопроса о Руссахъ, Норманахъ и Варягахъ можетъ служить опредѣленіе сословія Leti въ средневѣковой Европѣ по Дюканжу— **LETI**, sive Laeti, populi septentrionales, qui cum Francis aliisque nationibus barbaris in Gallias et Germaniam irrumpentes, ibi tandem Imperatorum concessione consedere, acceptis ad excolendum agris, ita ut delectibus et servitio militari obnoxii essent. Ex Eumenio quippe, et Panegyrico dicto Constantino Caesari, constat arva jacentia et praedia, in Gallia, Francis, Letis, populisque aliis barbaris excolenta data, unde eruebantur postmodum militum cohortes, quae ab locorum, in quibus domicilia sua fixerant, denominatione appellationem sortiebantur, adjecta Letorum nomenclatura. Ita passim in Notia Imperii, Letos Batavos, Contraginenses, Nemetacenses, Francos, Suevos, Lingonenses, Nervios,

Teutoniciaпos, Lagenses, observare est. — Quod vero maxime in Galliis habitarent, Gens Gallica, ἔθνος Γαλατικὸν dicuntur Zosimo, pag. 696.

Изъ этой замѣтки видно, что самое имя Летовъ, Литовцевъ было обще разнымъ племенамъ обитавшимъ по Балтійскому и Нѣмецкому морю и соотвѣтствуетъ Варягамъ Нестора. — Леты было имя присвоенное мирнымъ выходцамъ,земледѣльцамъ занимавшимъ на извѣстныхъ условіяхъ, украйныя, пустопорожнія Имперскія земли. Прозваніе же Варяговъ имѣетъ въ среднія вѣка несомнѣнно характеръ укорительный и обозначаетъ людей внѣ закона, т. е. людей вторгающихся вооруженной рукой.—„Vargi, Wargi dicuntur in lege Salica et Ripuaria, hoc est expulsi de pago, banniti, qui latrocinio vivebant.“ Alienigenae idest Warganei qui manserint in banno.“ Charta Udoni, Episc. Tullensis a. 1069.

Waringos,—qui ex Anglia a Normanis expulsi, Byzantinorum Imp. obsequio sese mancipaгunt, arcessit Spelmannus, qui ita appellatos putat a saxonico, seu veteri Germanico, ac proinde gallico „varian“, quod est imprecari, execrari unde Waringe, Angli maledictionem et anathematizationem, vocant, ita ut varingi, perinde ac vargi exules fuerint et banniti seu ut verbo utar orderici Vitalis lib. 4 extorres: eosque Normanni, voce Anglica tunc recepta et probrosa, Vargos et Varingos appellarint. Licet porro Varingi, quos Byzantini scriptores βαραγγους vocant, iisdem non semel, ut et Willelmo Malmesburiensi lib. 2 de Gestis Anglor. cap. 13. Angli dicantur, Anglo-Danos fuisse constat, tum ex ipso Wilharduino, cui Anglois-Danois, tum ex Saxone Grammatico lib 12 sub. ann. 1098 cui Danicae vocis homines dicuntur, satis perspicuum est. Tamensi alii Κελτους, seu Celtas, appellent scriptorum plerique, ac praesertim Pachymeres lib. 7 cap. 35 extremo et quos laubavimus ad Villharduinum et ad Annam Comnenam, quia scilicet ita etiam Germanos indigitabant. Vide Warengangi, et Glossar. med. Graecit. voce βαραγγοι, col. 175 et Append col. 35.

Eamdem originationem nomenclaturœ maris Balthici, quod Russis Mare Waregicum dicitur, tribuit Eccardus in Lege Salica pag. 243. quod scilicet piratœ celebriores, Wargi nuncupati, ab ea regione prodierint,

Корень всѣхъ этихъ формъ принадлежитъ какъ кажется Романскимъ языкамъ; Varare говорится о раздвоеніи рѣкъ и путей: quorum alvei Varantur, varare flumen: trajicere; По Итальянски varare спускать корабль на воду. Varcare, переходить—varare соотвѣтствуетъ нашему бродить, бродъ и бродники. Omne Warengangi qui de exteris finibus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestatis nostrae subderint, legibus nostris Longobardorum vivere debeant—(Rotharis Rex in edicto tit. 15).

De Wareguangis, nobilibus, mediocribus et rusticis hominibus qui usque nunc in terra vestra fugiti sunt, habeatis eos. (Capitulare Radelchisi Principis Benevent. cap. 12).

Значеніе слова Варяги у Средневѣковыхъ латинскихъ писателей весьма опредѣленно въ отношеніи состоянія людей, но отнюдь не въ отношеніи народности людей обозначаемыхъ этимъ именемъ. Leti обозначали земледѣльцевъ, выходцевъ заселявшихъ пустопорожнія пограничныя земли съ обязанностью ихъ защищать. Слово Варягъ обзначаетъ почти тотъ же родъ людей, но съ значительнымъ оттѣнкомъ насилія. — И тѣ и другіе выходцы изъ прибалтійскихъ земель. Этому же разноплеменному прибалтійско-населенію въ лѣтописцѣ Переяславле Суздальскомъ дано прозваніе Совици что весьма близко къ Suevici. Во время Римскаго владычества до основанія Имперіи Карломъ Великимъ воинственныя племена господствовавшія отъ устьевъ Дуная до устьевъ Эльбы принадлежали разнымъ народностямъ и мало заботились объ ексклюзивномъ составѣ своихъ дружинъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ теченіи вѣковъ не разъ измѣнялись составныя части этихъ дружинъ въ отношеніи народности своихъ главныхъ составныхъ частей. Въ разныя времена отъ Азовскаго моря до Балтійскаго могли господствовать племена Славянскія, Финскія, Татарскія, Романскія и Германскія, по преобладающимъ элементомъ могъ быть лишь тотъ элементъ, который господствуетъ въ дѣйствительности, хотя въ разные эпохи онъ могъ находится временно въ подчиненномъ состояніи. Главный и основный военный элементъ въ Россіи сосредоточивался въ томъ населеніи въ коемъ составлялись дружины рыболововъ и бурлаковъ, перевозившихъ товары черезъ земли постоянно враждовавшихъ между собой племенъ. Историческая дружина, основавшая свое господство въ IX столѣтіи, принадлежала несомнѣнно прибалтійскому краю и племени Русскому, т. е. Литовскому съ сильной примѣсью Славянорусской народности, какъ о томъ можно судить на основаніи сохранившагося Прусскаго словаря и на преобладаніи Славянорусскаго элемента въ Литвѣ, не смотря на порабощеніе мѣстнаго Бѣлорусскаго населенія. Ср. **ТРОЯНЕ**.

РУСЪ, братъ Чеха и Леха, родственникъ императора Юстиніана; сказанія объ этихъ трехъ родоначальникахъ основаны вѣроятно на преданіи, упоминаемомъ въ древней Далматской хроникѣ о переселеніи ихъ изъ Хорватіи на Сѣверъ 11 (103).

РУСЬ—XANTHUS, гор. 119 (498).

РЫБНИКОВЪ, Сборникъ пѣсенъ 96 (305); 97 (326); 108 (402).

РЮРИКЪ — Василій Ростиславичь (ст. 10), с. в. кн. Ростислава Мстиславича, кн. 85 (285, 286); 95 (299); 96 (304); 100 (369); 108 (402).

РЮРИКЪ, названъ Африкановичемъ 97 (352).

САБЛИ; скептики сомнѣвались въ древности этого слова 32 (159); примѣры изъ лѣтописей 32

(159); Дитцъ говоритъ, что это слово въ романскихъ языкахъ позднѣйшее 32 (159); Даль напрасно замѣтилъ, что это слово происхожденія нѣмецкаго 32 (159, 160). **МИКЛОШИЧЬ**.

САВАѲА, племя Хамово 66 (246).

САВВАИТОВЪ, Павелъ Ивановичь объ ожерельи 91 (303).

САДЗИВА (Sadziba), по Бѣлорусскому нарѣчію вмѣсто усадьба 17 (147) такимъже образомъ **СТАЗЬБА, СТАДЗЬВА** вмѣсто стадьба, станъ, огороженное мѣсто.

САДКО, пѣснь о немъ; посѣщаетъ морскаго царя 87 (324) **ВОЛХВЪ ВСЕСЛАВИЧЪ АХИЛЛЕИ** и **ПРОТЕИ**.

САККУТЪ-МАЛИКЪ, см. **АДАРЪ**.

САЛТАНЕ, см. **СОЛТАНЪ**.

SAR, (Санскр.) См. **ШЕРИШИРЫ**.

САХАРОВЪ, Иванъ Петровичь, приводитъ изъ записокъ Р. Ѳ. Тимковскаго слѣдующія замѣтки: „1814 года, октября 21 дня слышалъ я (Тимковскій) отъ К. Ѳ. Калайдовича: 1) что Н. М. Каразминъ увѣрялъ его въ томъ, что хранящаяся у него Волынская лѣтопись имѣетъ великое сходство въ языкѣ съ Пѣснію о походѣ кн. Игоря, и что въ оной лѣтописи встрѣчаются слова: харалужный и **ТЛЕКОВИНА**. 2) что по мнѣнію Н. М. Карамзина.... **ТЛЕКОВИНА** значитъ раковина, отъ слова: **ТЛЕКОТЪ**, которое значитъ: устрица (сказаніе Русскаго народа 1, 71) 69 (270).

СВАДЗЬБА, въ пѣсни записанной въ Ржевскомъ уѣздѣ 17 (147). Сравн. **САДЗИВА СТАЗЬВА**.

СВАРОГЪ, родословная отъ него по Манетону 97 (311 344, 352); свидѣтельство лѣтописца о тождествѣ его съ Ифестомъ, а сына его Дажебога съ Геліосомъ 100 (366).

СВЕНДАЛЪ (Svendal), датская пѣснь о немъ, имѣетъ близкое сродство съ пѣснью о Волхвѣ Всеславьевичѣ 100 (377—379).

СВЕТОНІЙ, 2 (18).

СВЯТОПОЛКЪ — МИХАИЛЪ Изяславичъ (ст. 7), с. в. кн. Изяслава Ярославича, в. кп. 45 (176—181).

СВЯТОСЛАВЛЯ пѣснь, такъ называетъ свою пѣснь самъ сочинитель, 118 (484); время составленія опредѣляется выраженіемъ: „до нынѣшняго Игоря“ 6 (75); называетъ себя пѣвцомъ стараго времени и указываетъ на сочиненныя имъ три пѣсни 118 (485) См. **ТИМОѲЕЙ** книжникъ

СВЯТОСЛАВОВЪ Изборникъ 1 (8).

СВЯТОСЛАВЪ Всеволодовичь (ст. 9), с. Всеволода Олеговича, в. кн. Кіевскій, 96 (304, 305); 67 (264 г.); 68 (265); 69 (265); 70 (272); 71 (272); 72 (276); 73 (276); 74 (276); 78

(280); 79 (281); 80 (281); 81 (281 282); 86 (282); 82 (283, 284, 285); 83 (285); 84 (285); 85 (285, 286); 87 (286 287); 88 (290); 89 (290); 90 (291); 92 (294); 91 (302); 94 (297); 95 (298—301); 91 (302); 96 (304, 305).

СЕДЬМАЯ тысящница; обозначаетъ роковое время свѣтопреставленія 100 (376).

СЕМЕНОВЪ, Петръ Петровичь, о Нѣжатинѣ Нивѣ 44 (176). См. **ОППЕРТЪ**.

SEMI GRAECUS, прилагательное, придаваемое въ Римѣ древнѣйшимъ латинскимъ ученымъ 2 (18).

СЕМЬ, число; играетъ важную роль въ ученіи **ГНОСТИКОВЪ** 5 (74); пѣвецъ Игоревъ, говоря о метаніи жеребья (вѣроятно посредствомъ костей) и упоминая седьмой вѣкъ Троянскій, указываетъ на самый несчастный ударъ называемый Медвѣдицей или Артуровымъ. Медвѣдицѣ съ ея хвостомъ соотвѣтствовалъ 1 + 1 + 1 + 4.

СЕМЬ СЕМІОНОВЪ, сказка; опредѣляетъ значеніе слова **БАЯНЪ** 2 (14); въ этой сказкѣ указывается на Черноморскій островъ, гдѣ слагались пѣсни и сказки 11 (96); 96 (306); 97 (334); въ ней сохранилось сказаніе объ Еленѣ 55 (197, 199, 200); Семь Семіоновъ суть семь **ЭОНОВЪ** высшаго міра, по ученію Халдеевъ и Гностиковъ, гонящихся за 8-мъ эономъ: Софіей Ахамотъ, Еленой; характеристика этихъ семи Семіоновъ какъ искусныхъ техниковъ указываетъ на вліяніе въ редакціи этой сказки Византійскаго направленія XII столѣтія: объяснять миѳическія лица придачею имъ исключительно техническихъ познаній. Этому направленію предшествовало въ Византійскомъ мірѣ объясненіе древнихъ мѵѳовъ чернокнижіемъ, 55 (197); 97 (343); сказка о Семи Семіонахъ служитъ ключемъ для поясненія древнихъ сказаній (Гомера, Геродота, Еврипида, Филострата) объ Еленѣ 55 (200, 201); 100 (372, 373, 374); по замѣчанію **БѢЛИНСКАГО** сказка эта отличается неподдѣльною оригинальностью, 55 (201); 96 (306); сказка о семи Семіонахъ указываетъ на ту же черноморскую школу пѣвцовъ, на которую намекаетъ Филостратъ, говоря о пѣсняхъ, слагаемыхъ Ахиллесомъ на Черномъ морѣ, 67 (264 б. г.); а Соловей Будиміровичъ на Кодольскій островъ. Ср. **ФЛЕГЕТОНЪ** и **ЗАБУЛОНЪ**; **КАБАЛА**.

СЕНКОВСКІЙ, Осипъ Ивановичъ, называетъ Пріама Скопидомомъ 11 (116), а Менелая **КРѢПИМІРОМЪ** 55 (192).

SENLIS, Nicolas, франц. историкъ, ведетъ родъ Франковъ отъ Троянъ 11 (101).

СЕРБСКІЙ языкъ, 115 (466).

СЕРГѢЕВЪ, священникъ 115 (448).

SEPHERIEZIRA, кабалистическое сочиненіе, приписываемое Авраму 119 (491); о **ГОЛОВѢ** какъ сѵмволѣ единодержавія. Книга эта была весьма распространена

и въ христіанскомъ обществѣ и вліяніе ея замѣтно въ древней Германской поэзіи. **ПАЛЬЦЫ**.

СИВИЛЛЫ, обличаютъ Гомера въ пристрастіи и лжи 2 (25); прорицаютъ о бѣдствіяхъ, которыя нанесетъ Елена землѣ Троянской 55 (188, 189, 207, 208); Сивилла дочь Бероза 107 (309, 391 392); упом. 107 (399). Книги Сивиллъ проникнуты древнѣйшимъ Еллинскимъ духомъ съ сильной примѣсью ученія Александрійской школы 115 (459); Сивилла Ериѳрейская содержитъ въ себѣ мѣста, вошедшія въ Иліаду 118 (478).

СИДОНІЙ Аполинарій, еп. Клермонтскій (V стол.), свидѣтельствуетъ, что **АРВЕРНЫ** считали себя потомками **ТРОЯНЪ** 11 (101).

СИЗИФЪ Койскій (SISYPHUS COUS) 2 (24, 25, 56). **ТРОЯНСКІЯ СКАЗАНІЯ**.

СИМЕОНЪ Борисовичь, царь Болгарскій, свидѣтельство о немъ и сынѣ его **БАЯНѢ** Луитпранда 2 (17, 18); названъ греками ἡμίαργον 2 (17, 18); пресвитеръ Григорій перевелъ для него Троянскія сказанія 2 (24, 56).

СИМЕОНЪ Логоѳетъ 115 (464).

СИМОНЪ, волхвъ, ученіе его, 55 (198); 97 (318, 319 333, 335, 343, 347); 100 (374); 121 (510) **ЕЛЕНА**.

СИМРОКЪ, переводчикъ на нѣмецкій языкъ латинской поэмы X столѣтія Екгарда „Вальтеръ Аквитанскій“, входящей въ кругъ польскихъ преданій, 2 (21).

СИМУРГЪ, птица, въ персидскихъ миѳахъ; подъ ея покровительствомъ находились дѣвы-оборотни 4 (70).

СИНЕЗІЙ. Отецъ Церкви, ведетъ свой родъ отъ Геркулеса 11 (101). Въ его Египетской повѣсти объ Оросѣ, сынъ Озириса изображается возвращеніе на отеческій престолъ законнаго Государя, съ помощію волка, 100 (365); 115 (455); Бретонскй миѳъ о Мерлинѣ и волчицѣ обнаруживаетъ несостоятельность позднѣйшихъ коментаторовъ Египетской повѣсти о Провидѣніи, видящихъ въ ней лишь борьбу неизвѣстыхъ префектовъ Императора Аркадія 121 (516).

СИНКЕЛЬ (Syncellus), объ Египетскихъ династіяхъ 2 (12); родословіе народовъ 60 (232); уп. 107 (391).

СИНЪ, божество, 55 (209).

СИСМОНДИ, сомнѣвался въ возможности вліянія Гомера и вообще классической словесно сти на словесность Западной Европы до эпохи возрожденія 2 (19).

СКАНДИНАВСКІЙ, вопросъ 11 (129 130); 60 (233); 115 (460).

СКАЧКОВА, Анна Ѳедоровна, ея показанія о связи секты Хлыстовъ съ обществомъ Запорожскихъ Казаковъ за Дунаемъ 111 (424).

СКИѲІЯ малая 11 (133). **ДОБРУДЖА.**

SCLAVUS; значеніе этого слова вѣроятно кроется въ насиліи народовъ романскихъ надъ Славянами въ IV ст. до Р. Х. 11 (131)

СКОРДИСКИ, народъ Галлатскаго, т. е. Волохскаго племени, названіе отъ сырой кожи: scordiscum, corium crudum (Ducange); происхожденіе этого названія можетъ быть въ связи съ басней о Марсіѣ и съ музыкальнымъ инструментомъ волынкой; на этѣ наименованіе претендовала часть Галловъ, поселившаяся при стеченіи Дуная и Саввы 11 (131); мѣсто обитанія Скордисковъ 11 (132, 133); названію Скордисковъ соотвѣтствуетъ имя Болгаръ: **BULGA**.

СКУФА, Филаретъ, его Златословъ или открытіе риторскія науки; переводъ съ греческаго С. Писарева Спб. 1798 изд. 2-е; 2 (34, 35).

СЛАВА, волжско-болгарскій городъ 11 (121).

СЛАВА, выраженіе „звенитъ Слава въ Кіевѣ", Кн. М.А. Оболенскій объясняетъ выносомъ главнаго знамени съ изображеніемъ Славы съ привѣшенными колокольчиками 14 (143); слова пѣвца „расшибе славу Ярославлю" могутъ обозначать похищенныя Всеславомъ паникадила и колокола,—вкладъ Ярослава въ св. Софію Новгородскую 98(356, 357).

СЛОВЕНЕ, населяютъ издревлѣ Ѳракійскій полуостровъ и Малую Азію; частые переходы ихъ изъ Азіи въ Европу и обратно и смѣшеніе ихъ съ Гальскими племенами затрудняли издревлѣ точное опредѣленіе народности племенъ населявшихъ нынѣшнюю Европейскую и Мало Азійскую Турцію, **СТРАВОНЪ, ПАФЛАГОНЯНЕ** и **ВЕНЕТЫ** 11 (107). Условія переселенія Славянъ въ Скифію объясняютъ постоянныя столкновенія ихъ съ народами татарскими, обозначаемыми у древнихъ подъ именемъ Скиѳовъ. Положительное на то указаніе Страбона. Византійскіе писатели отождествляютъ Фригіянъ съ Славянами подъ именеиъ Мизовъ сѣвернѣйшихъ изъ Ѳракіянъ 11 (104, 123); § 60 67 (259). **ШТРИТЕРЪ, ШЛЕЦЕРЪ, ТАТИЩЕВЪ, ЛЫЗЛОВЪ, ЛОССИЦКІЙ** 77 (279). Жизнь Всеславля обозначаетъ жизнь Русскаго племени и можетъ быть всѣхъ Славянскихъ племенъ 96 (305). **ФРИГИ, ТРОЯНЕ, ТИТЪ ЛИВІЙ**, Архіепископъ **ЕВСТАѲІЙ, ДІОНИСІЙ ПЕРІИГИТЪ. ПРИСЦІАНЪ**, сократители Страбона, 11 (104); **НОРИЦЫ** 11 (132); насиліе Волоховъ надъ Славянами 11(129—133).

СЛОВЕНСКЪ, Великій городъ, 97 (322, 323).

СЛОВЕНЪ, кн. Скиѳскій, принадлежитъ къ числу морскихъ и водяныхъ миѳовъ; отецъ **ВОЛХВА**, отъ котораго получила свое названіе рѣка Волховъ 97 (321—323).

СЛОВО (λογος), выраженіе, речь

изрѣченіе, проповѣдь, повѣсть, совѣщаніе, разрѣшеніе, согласіе 2 (48).

СМАГА, 60 (226, 227); Шмаговники, огнестрѣльное оружіе 60 (226); smazyc: жарить (попольски и чешски) 60 (229); Смага: пригарина отъ жаренья (по малорос.) 60 (229); Смаговницы пищали (Вельтманъ) 60 (229); Ср. Мидійскій огонь (Левъ Діаконъ) 60 (229).

СМОЛЕНСКІЕ князья 100 (369); 107 (383).

СМОРЦЫ, 112 (427).

СМЫСЛЕНЫЙ 103 (380); эпитетъ Баяна Гомера, коего приводится два стиха изъ Иліады; смысленный можетъ быть описка вмѣсто смысленнѫ 104 (382). И рече Господь къ Моисею, глаголя: Се нарекохъ именемъ Веселеила сына Урія, сына Орова, отъ племени Іудина. И наполнихъ его духомъ Божіимъ премудрости, и смышленія, и вѣдѣнія, во всякомъ дѣлѣ разумѣти всякому смысленому сердцемъ дахъ смыслъ. Исходъ, 31 (1—4, 6).

СНЕГИРЕВЪ, Иванъ Михайловичь, словарь Евгенія 11 (96); о семикѣ 17 (147)).

СНОПЫ, 98 (358).

СНОРРЪ СТУРЛЕЗОНЪ, состав. Эдды 15 (145).

СОВИЦА, 115 (466); называются этимъ именемъ Литовскія племена и соотвѣтствуетъ латинской формѣ Suecia; ср. Русь, Leti.

СОКОЛА; Шишковъ 4 (62, 63); Пожарскій 4 (62, 64); Грамматинъ 4 (63, 64); обычай пѣвцовъ удѣльнаго періода вводить въ свои пѣсни въ честь князей уподобленіе состязаній соколовъ съ лебедями 4 (64—68); 97 334).

СОЛИГАЛИЧЪ, городъ Костромской губерніи, на верховьѣ рѣки Костромы 60 (232). **АЛАЗАНЕ**.

СОЛИНЪ, объ условіи при коемъ Елена не губила кораблей 97 (348); о народѣ живущемъ въ Истріи, обладавшемъ способностью превращаться въ **ВОЛКОВЪ** 100 (367).

СОЛОВЕЙ, воззваніе къ нему (Баяну) въ С. о П. И. сходно съ воззваніемъ къ соловью (Гомеру) хора въ Еврипидовой трагедіи „Елена“ 11 (95, 96); 119 (499); Баянъ названъ славіемъ подобно жрецу Богумилу въ Іоакимовой лѣтописи 11 (96).

СОЛОВЕЙ Будиміровичь, описаніе терема **ЗАПАВЫ** сходно съ описаніемъ дворца **ЕЛЕНЫ** и Менелая 55 (193); въ пѣсни Русской выраженъ космополитизмъ богатырскихъ пѣсенъ 95 (306); въ Западныхъ басняхъ этому указанію соотвѣтствуетъ **ЗАВУЛОНЪ** въ состязаніи на Вартбургѣ 67 (264 г.) и **ФЛЕГЕТАНЪ**, оба происшедшіе отъ Еврейки и язычника 67 (264 г.); говорится о сложеніи

пѣсенъ и сказокъ на Кодольскомъ островѣ 96 (306, 307).

СОЛОВЕЙ Разбойникъ, 4 (72).

СОЛОВЬЕВЪ, Сергѣй Михайловичь: о Нѣжатиной Нивѣ 44 (176), о Римахъ 85 (286), о ногатѣ 87 (287), о Рязанскихъ князьяхъ 88 (290); о Нѣмизѣ.

СОЛТАНЪ, титулъ,по древнѣйшей формѣ 90 (292, 293).

СОРЕВНОВАНІЕ, по ученію Канта, 55 (187).

SOHRE (Заря). См. **АНАИТИСЪ**.

СОФІИ Св. соборы: въ Кіевѣ 45 (179), въ Полоцкѣ, 101 (379); въ Новгородѣ 98 (356, 357).

СОФІЯ Ахамотъ, по ученію Гностиковъ 55 (201). См. **ЕЛЕНА**.

СРЕЗНЕВСКІЙ, Измаилъ Ивановичь, акдемикъ 98 (356); 108 (401); 115 (442); относитъ слова Баянъ и Боянъ къ корню баю и бой 2 (13); примѣры изъ изданной имъ Погодинской толковой Псалтири 9 (80, 81); въ Волохахъ Нестора видитъ Римлянъ 11 (118); преданіе о Троянѣ признаетъ находящимся въ связи съ нашествіемъ Римлянъ на Дунай 11 (118); причисляетъ Бояна къ Рускимъ пѣвцамъ XII столѣтія 13 (141); свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятникахъ 76 (277); 82 (284).

СТАДО лебедей (тьма) 4 (69).

СТАДЬБА и **СТАЗЬВА** 17 (147). Ср. **СВАДЗЬВА**, **САДЗИВА**, усадьба, стражба, судьба въ значеніи суда. — Стазьба обозначаетъ огороженное мѣсто, расположеніе лагеря, станъ, становище и стойбище, обозначающее стоянку каравана.

СТАРЫЙ, относится не къ Владиміру Св., а къ Мономаху, 6 (75), хотя оба въ воображеніи поэта могутъ сливаться въ одно и тоже лицо 6 (76).

СТАСИНЪ, 115 (451); 118 (489).

СТЕНЬКА-РАЗИНЪ; 111 (425).

СТЕПЕННАЯ КНИГА. См. **КНИГА** Степенная.

СТРАБОНЪ, говоритъ, что Черное море называлось просто моремъ: „ὡς ποιητὴν τον Ὅμηρον“ 2 (10); по мнѣнію Шлецера равно и Шафарика въ Страбонѣ ничего нельзя найти, могущаго пояснить состояніе Словенъ въ древности 2 (50, 52); о согласіи его съ Несторомъ касательно распредѣленія народностей 2 (50); хвалитъ географическія познанія Гомера 3 (60); съ уваженіемъ относится къ изслѣдованію Діонисія Галикарнасскаго о Троянскомъ происхожденіи Римлянъ 11 (100); о свойствахъ Гомера 3 (60); о свойствѣ Гомера смѣшивать миѳическое съ историческимъ и поучительнымъ 3 (60, 61); производитъ Венетовъ (Энетовъ) отъ Пафлагонянъ 11 (101, 107, 108); оспориваетъ Геродота по поводу Ализоновъ 11 (109); упоминаетъ Халдѣевъ вмѣстѣ съ Тивиринянами и Малой Арменіей 11 (109); говоритъ объ отнятыхъ земляхъ

полководцами Антіоха Великаго у Халивовъ, Мосуниковъ и др. племенъ 11 (109); сопоставленіе его Халивовъ, Халдеянъ и Ализоновъ съ вычисленными Шармуа Курдскими племенами 11 (110, 111); названіе рѣки **ГАЛИСЪ** производитъ отъ соленыхъ копей, близъ коихъ протекаетъ рѣка 11 (111); протестуетъ противъ сопоставленія Малоазіатскихъ Алазонянъ съ Алозанянами Борисѳенскими и Каллипидами 11 (111); сущность полемики его съ **ГЕРОДОТОМЪ** и **ГЕЛЛАНИКОМЪ** заключается въ томъ, что онъ предполагаетъ существованіе Алазонянъ, придуманныхъ для объясненія 856-го стиха II пѣсни Иліады 11 (111); объясняетъ этнографическую запутанность,происходящую отъ совмѣщенія нѣскольких народностей въ Малой Азіи 11 (111, 112); 67 (259); о Дарданахъ 11 (113); **ФРИГИ** на языкѣ Лидянъ: свободные 11 (126); Яподы, Нориски (Лигуриски, Тауриски, Скордиски народы Галлатскіе (Волошскіе) жили, по свидѣтельству Страбона, смѣшанно съ Иллирійцами отъ Адріатическаго до Чернаго моря 11 (131, 132); Галлаты (Волохи Нестора) тоже что Галлы и Кельты живутъ смѣшано съ Ѳракійскими племенами (Славянами), **ВАСТАРНАМИ** и Скифами 11 (131, 132); о переселеніяхъ Азіятскихъ и Европейскихъ **ѲРАКІАНЪ** (Фригіанъ) 11 (132); говоритъ о двойственности и даже тройственности племенъ, населяющихъ Каппадокію, Фригію и Виѳинію 11 (132); о мѣстѣ обитанія Скордисковъ, Кровизовъ и пр. 11 (132, 133); о Лигурискахъ (нынѣшнихъ Волохахъ) 11 (133); малое у насъ знакомство съ Страбономъ 11 (134); представляетъ обильный источникъ для изученія древней этнографіи 11 (134); постоянно коментируется и сокращается Византійскими писателями до X стол. 11 (105, 123); Страбонъ упоминаетъ **БЕБРИКОВЪ** между Ѳракійскими племенами; Бебрикамъ Псевдокалисѳена соотвѣтствуютъ Русскіе въ поэмѣ Низами 60 (235). Аванкъ по бретонски бобръ; въ бретонскихъ же сказкахъ аванки суть враждущіе великаны; а у Массуди аванджи суть Славяне, воюющіе со всѣми своими сосѣдями. Свидѣтельства Страбона: о храмахъ въ честь богини Дѣвы, находившихся около Азовскаго моря 97 (317); о Замолксисѣ и объ аскетической Ѳракійской сектѣ 97 (351, 352); о рыбныхъ ловляхъ 115 (465); о культѣ Таврополъской Артемиды 115 (468); 119 (492); о персидскомъ уголовномъ законѣ касательно ослушниковъ 119 (492).

СТРАТИГЪ, сказка о немъ 25 (155).

СТРИВОЖИ ВНУЦИ (вѣтри); соотвѣтствуютъ опредѣленію Аполлодора: „Astraei sunt venti et Astra". 34 (161).

СТРИКУСЫ, 98 (356); стѣнобитное оружіе 115 (441).

СТРУГА, ОСТРОГА 98 (355).

СТРУЖІЕ, сосудъ псалмскъ, органъ 27 (157); упоминается

въ пѣсняхъ скопцовъ въ значеніи органа 97 (338, 343).

СТРЫЙКОВСКІЙ, приводимыя имъ слова **ВЕРОЗА** о Зороастрѣ 107 (389, 390, 391).

СТУГНА р. 115 (441, 445); обращеніе къ Стугнѣ поясняется словами Гвиднава 115 (444). Ср. Патентъ императора Китайскаго 114 (432).

СТЯГЪ, 27 (156, 157).

СУВИ, СОВІЙ, проводникъ въ адъ 71 (273); объ островѣ куда перевозились души умершихъ говоритъ Чечесъ въ коментаріяхъ на Ликофрона 71 (273), **СОВИЦА** 115 (466); можетъ быть „бо суви врани" описка вмѣсто „суи врани". Этотъ эпитетъ придается ворону Овидіемъ (Metamor. II, ст. 535): „Corve loquax, subito nigrantes versus in alas".

СУГГЕРІЙ, аббатъ, 2 (21).

СУЛЬЦЕРОВА карта, изображеніе Троянова вала 11 (120); о несостоятельности объясненія слова Троянъ въ С. о П. И. этой мѣстностію указано А. С. **ПУШКИНЫМЪ**.

УНКЛИТЪ, въ подлинникѣ Меѳодія Патарскаго ἀσύγχτον (Бычковъ, Лѣтопись по Лаврентьевскому списку) 60 (225). Встрѣчается въ повѣсти Псевдокалистена. О прочности цемента см. статью **ВАИЕРА**: о посѣщеніи Дербента Петромъ Велимъ. (Commentarri Acad. Petropoli, 1728 I. De Muro Caucasco, p. 425).

СУРА ЛАМІЯ змія холовита, 11 (115); σαῦρα: ящерица 11 (118).

SZERE. См. **ШЕРЕШИРЫ**.

SURKHRAG, названіе одного изъ дивовъ; сторожъ земель, прилежащихъ къ Кавказу 118 (148).

СЮУРЛІЙ. р. 25 (154).

ТАВРЫ и **ТАВРОСКИѲЫ**; Византійскіе писатели употребляли это названіе для обозначенія Руссовъ Сѣвернаго берега Чернаго моря и Галиціи 115 (461, 462, 463, 464); по отношенію къ Слову о П. Иг., Тавры особенно важны по туземному культу Діаны Тавропольской и по принадлежности этому племени Ахиллесова бѣга и мѣстностей, посвященныхъ Ахиллесу и Дѣвѣ 115 (461, 465). **РУСЬ, ФРИГИ**.

ТАВРЪ, 119 (497, 498).

ТАВРОСКИѲІЯ, 115 (461, 463).

ТАВРСКАЯ, площадь, въ Константинополѣ; заслуживаетъ особеннаго вниманія по отношенію къ эпохѣ, въ коей мѣстности Таврскія и Русскія упоминаются Византійскими и Русскими лѣтописцами 115 (459).

ТАЛІЕЗИНЪ, бардъ; повѣсть о его рожденіи содержитъ указанія на посвященіе въ таинства ордена богини Черидвенъ 115 (444); сродство этой повѣсти съ сказаніемъ о Горѣ Злосчастіи 115 (444, 445, 448); и съ Еврейскою обрядовою пѣснью

накануне пасхи 115 (448, 449, 450, 451); 118 (489); пѣснь о Таліезинѣ намекаетъ на участіе волхвовъ въ религіозныхъ мистеріяхъ древняго міра 115 (454); догадка Велькера о припѣвѣ: „ай люли“ 118 (475); слова Таліезина о Передурѣ 119 (495); пѣснь о вѣчномъ пѣвцѣ Таліезинѣ поясняетъ образъ Баяна 115 (444—448); 118 (485); 119 (505). **ТЮРУНЪ, МУЗЫКАЙ; ВИРГИЛІЙ**.

ТАМАРА, царица Грузинская 100 (370, 371).

ТАНАИТА, названіе богини Дѣвы въ Карѳагенѣ 97 (348). Ср. съ древнимъ названіемъ Дона: **ТАНАИСЪ** 97 (348); въ Карѳагенскихъ надписяхъ придавался титулъ **РАБЕНИТЪ**, 97 (348); ей служили жрецы и скопцы 97 (348); свидѣтельство Гезеніуса о распространеніи культа ея до Гибралтара 97 (348).

ТАТАРЫ, вліяніе ихъ мало замѣтно въ XII стол. 55 (226); разноплеменность состава; живущихъ между Каспійскимъ и Чернымъ морями 60 (237, 238).

ТАТИЩЕВЪ, Василій Никитичь 11 (103); историческія взгляды его заслуживаютъ повѣрки и критическаго изслѣдованія 77 (279).

ТАТРАНЫ, 82 (283); населеніе Татровъ въ Карпатскихъ горахъ.

ТАУРИСКИ, племя Галльское (Ταυρισκοι: Волохи) не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ племенемъ Русскимъ называемымъ: Ταυροι 11 (131); 15 (144); 145 (462).

Ταφροι, народъ 77 (278), обитавшій около **ПЕРЕКОПА**, названіе коего соотвѣтсвуетъ Греческому названію народа; мѣстность же называлась Ταφραι— т. е. перекопъ и окопъ 77 (278).

ТВОРЕЦЪ, 118 (476).

ТЕЗЕЙ, 115 (453).

ТЕКСТЪ Слова о Полку Игоревѣ, перестановки въ текстѣ. 86 (282); 87 (286); 91 (302); 93 (301).

ТЕМИДА, 115 (451).

ТЕМНЫЙ берегъ, можетъ значитъ зеленый 115 (444).

ТЕОКЛИМЕНЪ, (Theoclymenus: Богуславъ) сынъ Протея морскаго оборотня 96 (305).

ТЕРАПЕВТЫ, аскетическое общество; ихъ обряды соблюдаются людьми Божіими 107 (395); 115 (451).

ТЕТКА, дочь Крока, 119 (496).

ТИМКОВСКІЙ, Романъ Ѳедоровичь, проф. Московскаго Университета, его записки о С. о П. И.; 69 (270).

ТИМОѲЕЙ книжникъ, его слово противъ Бенедикта 118 (481, 482). См. **КОРАБЛЕВЪ** и **РАИЧЪ** о Бенедиктѣ Епис-

копѣ Колоцкомъ, инквизиторѣ въ Босніи 107 (393).

ТИТАНЫ, 107 (393).

ТИТУРЕЛЬ, разъясняетъ Пресвитеру Іоанну значеніе Граля 121 (513).

ТИТЪ ЛИВІЙ, 11 (107).

ТИФОНЪ, 107 (393); 115 (469); 118 (490).

ТИХОНРАВОВЪ, Николай Савичь, профессоръ Московскаго Университета, его изданіе Слова о Полку Игоревѣ. М. 1866; мнѣніе его о времени написанія рукописи 82 (284); издалъ слово Меѳодія Патарскаго 100 (377).

ТМУТОРАКАНЬ; предположеніе А. Н. Майкова, что подъ словомъ **ТРОЯНЬ** слѣдуетъ подразумѣвать Тмуто有ракань 11 (119, 120). Тамань.

ТОЛКОВИНЫ по Лавр. Лѣтоп. соотвѣтствуютъ великой Скиѳіи древнихъ и включаютъ въ себѣ племена Словенскія, Варяжскія и Чудскія; talk, talke у древнихъ Пруссовъ полевая работа за угощеніе; talka литовск. и летск.: работникъ—помощникъ за угощеніе; tluka по Польски: самое угощеніе послѣ жатвы; tallokinikis по Прусски: свободный человѣкъ, соотвѣтствуетъ нашему „гулящіе люди"; толока: выгонъ, паръ, помощь въ работѣ за угощеніе, сгонъ людей для спѣшной работы; Миклошичь принимаетъ толоку за Frohndienst (барщина) 69 (266); бродячіе люди (въ лѣтописяхъ) въ С. о П. Иг. могутъ означать: разноплеменныхъ кочевниковъ, проходимцевъ, бродягъ; на послѣднее указываютъ Чешскія и Польскія выраженія; толока (въ Бѣлоруссіи): пиръ для работниковъ, собранныхъ въпомощь для удобренія полей; въ Вятской и Пермской губерніяхъ называется **ПОМОЧЬЮ** 69 (267); объясненія: Григоровича 69 (268, 269); Ельпидифора Барсова 69 (269); Карамзина 69 (270); Толковины соотвѣтствуютъ и Греческому значенію имени Алазановъ 11 (111).

ТОЛКУЧІЯ ГОРЫ, въ нашихъ пѣсняхъ. Ср. съ Кіанейскими скалами въ Одиссеи, которыхъ Еврипидъ пріурочиваетъ къ Таврической мѣстности 97 (317); Описаніе см. у Dubois de Montpereux 97 (318).

ТОРЕЦЪ, притокъ р. Тора, впад. въ Донецъ 113 (429).

ТРАЯНЪ. См. **ТРОЯНЬ**.

ТРЕБИЗОНДЪ, гор. 11 (112); 60 (231).

ТРЕДЬЯКОВСКІЙ, Василій Кирилловичь, о значеніи русскихъ народныхъ пѣсенъ 2 (59).

ТРИВАЛЛЫ, одно изъ Ѳракійскихъ племенъ 11 (133); подъ этимъ именемъ Византійскіе писатели разумѣютъ Сербовъ 11 (133).

ТРИЛОГІЯ; Слово о Полку Иго-

ревѣ составляетъ правильную трилогію, соотвѣтствуя условіямъ греческой хоровой лирики (στροφή, ἀντιστροφή и ἔποδος) 66 (243, 244).

ТРИПОЛЬЕ, 115 (441).

ТРИФІОДОРЪ (V ст.), его поэма о раззореніи Трои 2 (30).

ТРОГЛОДИТЫ 11 ((122).

TROJUMANNA SAGA, издана въ 1848 году, Sigurdsson въ Annaler for Nordisk Oldkyndighed 6 (85).

ТРОЯНЬ. „Исторія о раззореніи Трои, столичнаго града Фригійскаго царства" 1 (8); **ДАРЕСЪ** и **ДИКТИСЪ**; примѣчаніе первыхъ издателей Сл. о П. Иг. 11 (96, 97); Карамзина 11 (97), Зедергольма 11 (97, 98); всеобщее стремленіе многихъ народовъ свивать славу своего времени съ славою Троянъ 11 (99, 106); Тропа (τροπή) Трояня: возвратный путь Троянъ 11 (99); „того внуку" знazначитъ: Трояня внуку 11 (99); Троянь и Траянъ не одно и тоже 11 (106); Троянь вполнѣ объясняется Троянскими сказаніями; при объясненіи же этого названія именемъ имп. Траяна предполагаются въ текстѣ описки, недоразумѣнія и пр. 11 (106); Троянь древняя форма прилагательнаго притяжательнаго (**ЦАРСТВО ТРОІ-АНЕ**) 11 (122); **ТРОЯНСКІЙ** форма позднѣйшая 11 (122); вепрь и свинья изображались на знаменахъ нѣкоторыхъ племенъ, обитавшихъ на Дунаѣ въ эпоху историческую. Porcus Trojanus 14 (143, 144); „вѣчи Трояни" обозначаютъ седьмое поколѣніе Троянскаго царственнаго дома (Гомеръ) 41 (164), что согласно и съ рознящейся родословной въ славянскихъ редакціяхъ: „и нача здати (Придешъ царь) градъ во имя свое, послѣ живота своего повелѣ сыну своему здати такоже и провсѣ заповѣдаху кождо сыну своему и преждьнимъ царемъ, иже нача здати шесть до Троила Царя, иже вящщи всѣхъ дѣло сотвори и нарече свое имя. Трой-градъ, Троилъ роди Пріама Царя. (Хронографъ 1, P. 476).

Въ повѣсти, изданной Миклошичемъ цари созидатели сочтены и ихъ, согласно Пѣвцу Слово о П. Иг. семь по прямой линіи: 1) Пріидешь Прижіаградъ, 2) Оилушъ, Илионъ, 3) Ламеодонъ, Ламедонна градъ, 4) Шарикушіа — Шарикушіа градъ, 5) Дардануша — Дарда ніа, 6) Троилушъ — Троя, 7) Прѣямушь.—Троянское происхожденіе Римлянъ 11(99—101); 97 (309). Ср. 100 (376, 377); троянскія изображенія на этрусскихъ памятникахъ 11 (101); франкскіе историки ведутъ родъ Франковъ отъ Троянъ 11 (101 102). Фредегаръ. Benoit de S-t. More. Joly; въ норманскихъ и германскихъ древнѣйшихъ поэмахъ являются герои троянскаго происхожденія 11 (104); Кадлубко 11 (102, 103); мнѣніе о единоплеменности Словенъ и Троянъ (Ѳракіянъ) было господствующимъ въ Византіи. Ср. **МИЗЯНЕ**. (Сократители и коментаторы Страбона) 11 (104 106); историческое основаніе, на коемъ Пѣвецъ С. о П. Иг. имѣетъ право связывать судь-

бы своего племени съ Троянскою народностью. Титъ Ливій признаетъ Венетовъ за Троянъ; подтвержденіе этого мнѣнія Страбономъ 11 (107, 108); сопоставленіе Ализонамъ и Карпитамъ Галичанъ и Бѣлохорватовъ (Нейманъ) 11 (108—112); тождество басенъ и сказаній Дунайскихъ съ Фригійскими (Мидасъ) 11 (112—118), А. Н. Пыпинъ признаетъ Троянскія воспоминанія въ С. о П. Иг. не „за намеки на Троянскую исторію, а на какіе-то народныя преданія, теперь неизвѣстныя, но конечно не имѣющія отношенія къ Троянскимъ сказаніямъ" 11 (118, 119); разборъ этаго мнѣнія 11 (119—122); на картѣ Едризи, Троя является среди земель Половецкихъ и Туркорусскихъ, гдѣ нынѣ, по мнѣнію Amedée Jaubert, Троицкъ Оренбургской губерніи; Троиловъ значится на правомъ берегу Дона, ниже Кагальника (карта Турецкаго похода Миниха); связь этой Трои съ населеніемъ Ѳракійскимъ и Иллирійскимъ, живущимъ близъ Сѣвернаго подножія Кавказа 11 (120); Анты могутъ быть варіантомъ имени αινετοι (славные и славящіе) 11 (120); 55 (188); смѣшеніемъ Славянскихъ и Романскихъ племенъ въ Малой Азіи и на Дунаѣ можно объяснить распространеніе между ними Троянскихъ сказаній въ средніе вѣка 11 (124—134); 13 (138); зарожденіе и распространеніе миѳа объ имп. Троянѣ на Дунаѣ въ эпоху столь историческую не мыслимо 13 (137); Сербское сказаніе о Троянѣ 14 (164, 165); 97 (344); русская сказка о Троѣ—сынѣ 14 (165—169); съ помощью персидскаго поэта Гатифи въ сербской сказкѣ можно открыть слѣды древняго миѳа о Еленѣ 14 (169); въ прозаической Эддѣ исторія Азовъ разыгрывается въ Троѣ; въ позднѣйшей Эддѣ Пріямъ царь **ТЮРКОВЪ** и сыновья Экутора получаютъ землю фригійскую, изгнавъ изъ нея **ЕЛЕНА**, называемаго въ Эддѣ Али; переходъ Троянскаго сказанія въ скандинавскія басни подъ именемъ Тюрковъ есть явный намекъ на распространеніе и даже доморощенность этого сказанія въ земляхъ примыкающихъ къ Азовскому морю, вдоль Дона и Урала 55 (187, 188); сказаніе Франковъ (Фредегаръ) объ ихъ Троянскомъ происхожденіи; Дунай и преимущественно Донъ суть средоточіе Франкскихъ и Скандинавскихъ сказаній о Троянскомъ происхожденіи 67 (225—260); въ Эддѣ свѣтопреставленіе смѣшивается съ разсказомъ о разореніи Трои 100 (367); съ раззореніемъ же Трои связано въ Эддѣ торжество **ВОЛКА** Фенрира 100 (376); Валійскія сказанія о переходѣ Троянъ на Луару и въ Англію указываютъ на Константинополь и Тафровану какъ на исходныи пункты; упоминаніе Тафрованы указываетъ на отдаленную оконечность Азіи и Индію, что можетъ отчасти объясниться связью древнѣйшихъ фригійскихъ сказаній о Мидасѣ съ странствованіемъ Вакха изъ Индіи; сродство сказаній Валійскихъ и Бретонскихъ съ Русскими объясняется Дунаемъ какъ центральнымъ пунктомъ.

Распространеніе Троянскихъ сказаній на сѣверномъ берегу Чернаго моря 97 (312); важность для насъ свидѣтельствъ о вѣрованіяхъ, принадлежащихъ берегамъ Чернаго моря и Босфора (почитаніе Ахиллеса и Елены) 11 (99); 55 (218, 219); Троянь родовой богъ Русскихъ, принимаемый писателемъ XVI столѣтія за императора Трояна 11 (119). **ЕВГЕМЕРЪ**; прорицаніе Сивиллы 55 (188, 189); Троянскія сказанія составляютъ существенную часть гностическихъ ученій. Симонъ Волхвъ 55 (189 — 193); согласіе Русскихъ пѣсенъ и сказаній (Еленушка душа Ивановна, Котъ баюнъ, Запава Путятишна) съ этимъ ученіемъ 55 (193—197); Св. Ириней разоблачаетъ смыслъ сказаній объ Еленѣ 55 (197—199); сказка о **СЕМИ СЕМІОНАХЪ** служитъ ключемъ противорѣчащихъ сказаній древнихъ (Гомера, Геродота, Еврипида и Филострата) объ Еленѣ 55 (199—201); Ахиллесъ и Елена, живя въ своей посмертной обители на Черноморскомъ островѣ пѣли пѣсни Гомера и составляли сами пѣсни въ память Троянской войны 55 (202); значеніе Елены въ сказаніяхъ апокалиптическихъ 55 (207—208); выписка изъ Макса Дункера; отождествленіе Елены съ Астартою и Дидоною 55 (208—217); значеніедля Готѳовъ изображеній Ахиллеса и Дѣвы 55 (218); свидѣтельство Лактанція о вредномъ вліяніи Елены на мореплаваніе 55 (218—220); **ВСЕСЛАВЪ ПЕРИКЛИМЕНЪ** 96 (305); Соловей Будиміровичъ прямо указываетъ на связь Азовскихъ басенъ съ сказаніями библейскими и новгородскими 96 (307); Буслаевъ признаетъ времена Трояновы за миѳическія и связываетъ Всеслава Полоцкаго съ Сербскимъ Трояномъ 97 (324, 325); пѣснь о Волхвѣ Всеславичѣ принадлежитъ къ циклу Троянскихъ сказаній 97 (325—331); обращеніе дружины Всеслава въ муравьевъ поясняетъ древнее названіе Ахиллесовой дружины; **МИРМИДОНЫ** суть Болгаре, по мнѣнію Малалы 97 (321); ученіе **ГНОСТИКОВЪ** есть важнѣйшій проводникъ Троянскихъ сказаній 67 (264 б. г.); **КАВАЛА. ФИЛИРЕШЪ. КЛИНШОРЪ**, 97 (332—352); 119 (503).

Расказъ Геродота о мнѣніяхъ Персіянъ и Финикіянъ о похищеніи Елены вполнѣ согласенъ съ Еврипидомъ и съ нашими сказками объ Иванѣ Царевичѣ, Жаръ птицѣ, Семи Семіонахъ, 100 (372—375).

Въ III книгѣ Сивиллъ, по переводу Delaunay (Moines et Sibylles. Paris 1874), предвѣщается гибель Ѳракіи и Греціи отъ соединенія **ГАЛАТОВЪ** и **ДАРДАНИДОВЪ**, что прямо указываетъ на движеніе Галловъ до Р. Х. на Ѳракію, Грецію и Малую Азію; событіе, называемое Несторомъ: насиліемъ Волоховъ на земли Славянскія.

Изъ совокупности средневѣковыхъ свидѣтельствъ о существованіи преданія о Троянскомъ происхожденіи, должно заключить, что преданія эти сохранялись преимущественно среди вольныхъ дружинъ Франкскихъ, Норманскихъ, Русскихъ и Турецкихъ, что они всѣ бы-

ли въ связи съ Черноморскимъ культомъ Ахиллеса и Дѣвы о чемъ упоминается уже и по поводу Готѳовъ въ Аѳинахъ. Этой разноплеменной федераціи или правильнѣе вольницѣ, на берегахъ Чернаго и Азовскаго моря, соотвѣтствовала федерація Балтійская, принимавшая въ свои члены представителей всѣхъ народностей за исключеніемъ Христіанъ.

О тождествѣ Франковъ и Руссовъ упоминяется Византійскими писателями.

Nouam opinionem Incertus auctor in vita Romani Lacapeni (p. 262), protulit, Russos ab stirpe esse Francos: ὁι Ρῶς ὁι καὶ Δρομίταί λεγόμενοι, ὀι ἐκγὲνυς τῶν φράγγων καθιςτανται, Russi etiam Dromitae dicti, qui e Francorum orti sunt genere. Anselmus Bandurius in Imperio Orientali (T. 11, p. 33) fragmentum Symeonis Logothetae protulit: Ρῶς δὲ ὁι καὶ Δρομίται Φερώνυμον ἀπὸ Ρῶς τινος σφοδροῦ διεδραμεν απηχηματος τὼν χρησαμένων εξ ὑποθηκῆς ἢ θεοκλυτίας τινος καὶ ὑπερεχόντων ἀυτοὺς ἐπικέκληνται, Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὀξέως τρέχειν αυτοῖς περιεγένετο ἐκ γένυς δὲ Φραγγων καθιστνται Illud ipsum in Symeone Combefisii exstat (p. 465) eo loco ubi multa de gentibus et urbibus, unde nomina duxerint, pleraque ieiuna et inepta. Perperam Combefisius interpretatus est: Russi, (qui et congruo rei nomine Dromitae nuncupantur) a Ros quodam viro forti, cum siue monitu ac consilio, siue diuino quodam afflatu et oraculo pro potestate illis utentium eisque superiorum iniurias noxamque euasissent dicti sunt. Dromitae vero ut appellarentur, cursus celeritas caussam dedit: genus autem ex Francis ducunt. Orjgines Russicae. Байеръ въ коментаріяхъ Академіи. Т. VIII 1736. изд въ Петербургѣ 1741 стр. 404.

Связь Нормановъ (Датчанъ), Руссовъ и Франковъ съ Троянскими преданіями объясняется самымъ названіемъ этихъ дружинъ Дромитами по связи ихъ съ Ахиллесовымъ бѣгомъ на Черномъ морѣ. Преданіе нѣкоторыхъ народностей, жившихъ на берегахъ Чернаго моря весьма понятно связано было съ стремленіемъ къ занятію проливовъ Босфорскаго и Дарданельскаго, а это стремленіе по обычному ходу дѣлъ связывалось съ вѣрованіемъ, съ легендами и весьма можетъ быть съ дѣйствительными воспоминаніями о занятіи нѣкогда стратегическаго пункта, названнаго въ эпической исторіи Троей. Раскопки, произведенныя Шлиманомъ (Trojanische alterthümer 1874) представляютъ наслоеніе трехъ или четырехъ народностей занимавшихъ этотъ пунктъ въ доисторическія времена. Кромѣ того претензіи на связь нѣкоторыхъ родовъ съ Троянами точно также должны были существовать въ средневѣковомъ обществѣ какъ претензія нѣкоторыхъ средне-азіятскихъ родовъ на происхожденіе отъ царя Давида и Адама, по Мусульманскимъ сказаніямъ, существуетъ при производствѣ тѣхъ же родовъ отъ Буддійскихъ божествъ, по сказаніямъ Буддійскимъ.

Mahumet second de ce nom, Empereur des Turcs, escrivant à

notre Pape Pie second: je m' estonne dit il, comment les Italiens se bándent contre moi, attendu que nous avons nostre origine commune des Troyens et que j'ai comme eux l'interest de venger le sang d'Hector sur les Grecs, lesquels ils vont favorisant contre moi (Montaigne Essais. L. II, c. XXVI, p. 225, 1818). Это родословіе Турецкое шло вмѣстѣ съ претензіей о происхожденіи отъ царя Давида, Авраама и Адама.

Nicolas Gilles въ исторіи Франціи выставляетъ Геральдическое правило: ida quam plurimis haberi in confesso neminem admittendum ad equestrum ordinem nisi qui fuerit aut Franciae progeniturae aut Turcicae. Joly, издавшій Benoit de Ste more къ этимъ выпискамъ присовокупляетъ, что въ исторіи Турокъ,написанной въ трехъ частяхъ однимъ Венеціанцемъ, сродство Франковъ и Турокъ объясняется ихъ совмѣстнымъ обитаніемъ на Дону. Къ этому слѣдуетъ припомнить, что Іеромонахъ Лосицкій въ своемъ неизданномъ введеніи говоритъ что „Французы" „Мингалови".

ТРУДЪ („вино съ трудомъ смѣшано") 69 (265—266); Vinum mucidum.

ТУГОРКАНЪ, кн. Половецкій, 44 (175); 45 (177, 179).

ТУЛУЗСКІЙ университетъ, 119 (504).

ТУЛЫ, 69 (266).

ТУРАНЦЫ, этимъ именемъ Низами называетъ не Руссовъ и ихъ союзниковъ, а союзниковъ Александра Македонскаго 60 (236).

ТУРКИ, происхожденіе названія ихъ отъ Тура 15 (144); въ Trojumana Saga Трояне названы Тюрками; а въ Эддѣ Пріямъ названъ царемъ Тюрковъ 55 (187); тюркъ есть эпитетъ, придаваемый племенамъ пастырскимъ, грубымъ и хищническимъ 60 (234); у Масуди упоминаются въ числѣ Дунайскихъ Словянъ 60 (324); названіе Тюрки вѣроятно соотвѣтствуетъ греческому Ταυροι, которымъ Византійскіе писатели называли Галичанъ и Южноруссовъ по всему протяженію Чернаго моря 60 (234); названіе это могло обозначать Романскія, Славянскія и Татаро-Тюркскія племена по ихъ роду жизни; **ТЮРКО-СЛАВЯНЕ** могутъ быть: Торки, Берендеи и Черные Клобуки (нашихъ лѣтописей); **ВОЛГАРЕ**: Тюрко-Руссы (арабскихъ писателей) 60 (234); 67 (255, 260).

TURCIS, можетъ быть синонимомъ древне-славянскаго хусъ и хусаре: земляные окопы, завалы, дѣлаемые по берегу моря морскими разбойниками; Turcis имѣло значеніе окоповъ у Этрусковъ (по свидѣтельству Діонисія Галикарнасскаго), подобное значеніе оно имѣетъ на Парижскомъ діалектѣ (Ile de France); до французской революціи Ponts et chaussées соотвѣтствовало **PONTS ET TURCIES**; самое слово Турки на языкахъ татарскихъ одного происхожденія съ турить, гонять. Самое

слово „Татаръ“ по Турецки гонецъ.

ТУРКОПУЛЫ, находились въ войскѣ крестоносцевъ; могутъ быть: наши Бродники, Торки, Галицкая помощь и даже **ТАВРОПОЛЫ** вмѣсто Русскихъ; Туркопулы: турецкая чадь, сбродъ разныхъ племенъ, предшественники янычаръ и мамелюковъ. Turcopolisque, qui Geticae locutionis et ritus patriæ, viarumque gnari erant, praeeuntibus iter inierunt. Ordericus Vital, lib. 10 p. 791. Turcopoli gens impia et dicta Christiana nomine, non opere, qui ex Turco patre et Graeca matre procreati. Albertus Aq. lib. 5. Cap. 3. Ducange.

ТУРКОРУССКІЯ земли, среди ихъ на картѣ Эдризи показана Троя 11 (120); 55 (188).

ТУРЪ, животное, встрѣчаемое въ Иліадѣ: Ταυρος βους и θουρος αρης соотвѣтствуютъ нашему: **БУЙ-ТУРЪ** и **ЯРЫЙ ТУРЪ** 15 (144, 145); **ВОЛЬЦЪ** полагаетъ это выраженіе въ сродствѣ съ **АРТУРОМЪ** 15 (145).

ТЪЩЕТА: σημία и κενος: суй, тъщь. (Будиловичь. Переводъ Григорія Богослова) 69 (266).

ТЬМУТАРАКАНЬ, 100 (370).

ТЭНЪ, характеристика англо-саксонскихъ поэтовъ 108 (416 и сл.).

ТЮЛПА или толпа 17 (147).

ТЮРУНЪ МУЗЫКАЙ, типъ вѣчнаго пророка и пѣвца у Ойротовъ 108 (416 г.).

УЗОРОЧЬЕ, 26 (155, 156).

УЛИНУСЪ, 2 (56).

УНАУТЫ (незаконнорожденные), въ Кабардѣ 69 (270, 271).

УНКЪ ХАНЪ, 121 (511). Ср. Пресвитеръ Іоаннъ. Калданъ Каганъ и Юанъ родовое прозвище Чингисханидовъ.

УНОША, 115 (441, 442).

УРАНОСЪ, миѳъ объ его оскопленіи 97 (332, 350); тождество аго съ **ЗОРОАСТРОМЪ**, **ХАМОМЪ** и **ХРОНОМЪ** 107 (389, 390); 107 (393).

UTER-PEN-DRAGON. Ср. съ Нектанебо, отцомъ Александра Великаго. Меровей (по бретонски: морской конь), родоначальникъ Меровинговъ; всѣ эти басни въ связи съ баснею о рожденіи Волхва Всеславича, Ср. также **ОАННЕСЪ** 115 (453, 455).

УТРЪ, неправильное объясненіе Дубенскаго 98 (356).

УЧИЛИЩА, учрежденныя въ Россіи Св. Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ 2 (38—46, 48, 49, 52); главное училище, учрежденное Константиномъ Великимъ въ Константинополѣ 2 (52, 53); гоненія иконоборцэвъ 2 (53); училища учреждались при монастыряхъ и соборныхъ церквахъ 2 (53). Въ латинскомъ житіи Николая

Студита, изд. Комбефисіемъ, говорится, что по уставу Θеодора Студитскаго обязательно было обученіе мірянъ въ монастырскихъ школахъ; эти школы устроивались внѣ монастырей и назывались: canonicae 67 (264 а. б.).

Въ Путешествіи Дьака Александра въ Царьградъ, сказано: „Въ **СТУДІИ** въ Монастыри Θеодора мvро святаго великаго мученика Дмитрія и отъ мощей святыхъ много" (П. С. Р. Л. IV, подъ 1395 годомъ, 358). Это путешествіе („приходихомъ куплею въ Царьградъ"), діакъ Александръ совершилъ „при патріархѣ Антоніи, при царѣ Мануэлѣ"; пользовались особеннымъ покровительствомъ императоровъ 2 (53); бѣдственное состояніе просвѣщенія во времена владычества въ Константинополѣ Латинянъ, ограбившихъ монастыри и библіотеки 2 (53); но школы снова процвѣтаютъ по возвращеніи Греческихъ Императоровъ 2 (53); подъ владычествомъ Турецкимъ школы продолжали быть въ вѣдомствѣ патріархата 2(53); Шлецеръ отдаетъ справедливость заботливости князей Русскихъ о просвѣщеніи Россіи въ XI и XII столѣтіяхъ 2 (53, 54); доказательства изученія Гомера въ Русскихъ училищахъ представляетъ русскій переводчикъ Посланія папы Леонта къ Флавіану архіепископу Константинограда 2 (54, 55).

ФАБЕРЪ, (Faber), о значеніи лебедей въ ученіи алхимистовъ 4 (169).

ФАЛЬМЕРАЙЕРЪ, разсказъ его о Русскомъ князѣ, женившемся на Тамарѣ 100 (370, 371).

ФАЭТОНЪ, баснь о немъ не принадлежитъ къ разряду теогоническихъ и космогоническихъ басенъ 11 (116).

FEIREFISS, 121 (512).

ФЕМІУСЪ, (Phemius), пѣвецъ, упоминаемый въ Одиссеи, 2 (56).

FELLOW, путешествіе его въ Ликію 61 (239); 119 (497). Ликійскія надписи, объясняемыя Мицкевичемъ.

ФИДАЛІУСЪ (Phidalius Corinthius), одинъ изъ источниковъ Троянскихъ сказаній 2 (56).

ФИЛИРЕШЪ, 119 (503); отецъ Ахиллеса; въ словѣ объ Александрѣ Великомъ въ Русскомъ Хронографѣ первой редакціи. **КАБАЛА**.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ издающіяся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Воронежѣ, посвящены изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и Славянскимъ нарѣчіямъ. См. **КЛЮКА**.

ФИЛОНЪ, 107 (394, 495).

ФИЛОСТРАТЪ, представитель языческаго мистицизма; о лебедяхъ 4 (73); о развитіи Троянскихъ сказаній 2 (25); 11 (96); о Еленѣ 55 (200); намекаетъ на мистеріи, происходившія по ночамъ на островѣ Ахиллеѣ 97 (334); ученіе его о постоян-

номъ единеніи земной жизни съ міромъ невидимымъ 97 (347); повѣсть его о Троянскихъ герояхъ указываетъ на существованіе черноморской школы рапсодовъ 67 (264 б.); 115 (445); 118 (478); разсказъ его о посмертномъ житіи Ахиллеса и Елены есть трактатъ о повѣрьяхъ, легендахъ и пѣсняхъ, распространявшихся изъ этого центра 119 (501); приводитъ стихотвореніе Ахиллеса въ честь Гомера 119 (502); уп. 119 (503). **КАВАЛА**.

ФИЛОТЕРПЪ, предокъ Гомера, 13 (138).

ФИНИКІЯНЕ, Φοινικες: Роусь (по переводу XII стол. Златоструя) 13 (138); 97 (352); догадка Нильсона о преобладаніи Финикіянъ на сѣверѣ Европы 97 (352); 100 (366); преданія о похищеніи Елены 100 (375).

ФИРДУСИ, 4 (70); 18 (149).

FIORENTINO, Giovanni, его повѣсть объ Александрѣ Великомъ 100 (364).

ФЛЕГЕТАНЪ, 114 (438).

ФОРЬЕЛЬ (Fauriel); 2 (20, 21).

ФОССЪ, (Vossius) 6 (85).

ФОТІЙ, патріархъ Константинопольскій, не могъ не имѣть вліянія на распространеніе классическаго образованія въ Славянскомъ мірѣ 2 (35, 38, 53); бесѣда его о нашествіи Руссовъ на Константинополь 115 (464).

ФРАНКИ, ведутъ свой родъ отъ Троянъ 11 (101, 102); **ФРѪГИ** и **ФРѦГИ** 11 (126); на языкѣ Малоазійскихъ Лидянъ **ФРИГИ**: свободные 11 (126); германск. **FRANK.** и **FREY** и французское **FRANCHIR** и **FRAYER** указываютъ на принадлежность этого слова корню Германско-Романскому 11 (126); Турки называютъ Европейцевъ **ФРЕНГАМИ** 11 (126); латинск. **FRANGO**, **FREGI**: ломить, разломить указываетъ также на корень романскій 11 (126); происхожденіе Франкской династіи отъ Дардана 97 (309); **ФРЕДЕГАРЪ**, франкскій историкъ 2 (21); 11 (101); 97 (313); выписки изъ Фредегара и Gesta regum Francorum 67 (255—267); басня о Меровингахъ 97 (312, 313).

ФРЕДЕГАГЪ. См. **ФРАНКИ**.

FREYA; въ Эддѣ называется разными именами, вслѣдствіе ея странствованій по разнымъ землямъ, для отысканія мужа 97 (316). См. **ЕЛЕНА**.

ФРИГИ, фригійскій циклъ басенъ заключаетъ въ себѣ сказаніе о разореніи Малоазійской **ТРОИ** столичнаго града Фригійскаго царства; имя Фрѵговъ, по своему историческому значенію, удержалось между племенами заселившими Дунай 11 (114); Мидасъ 11 (117, 118). См. **ФРАНКИ**; замѣтку Страбона о томъ, что **ФРИГИ** на Лидійскомъ языкѣ значатъ свободные. Гезихіусъ примѣняетъ къ древнему европейскому названію

Фригійцевъ: βριγοι 11 (126); brigands, brigantin, briguer и briser 11 (126); германскіе филологи относятъ эту форму къ brücke, brechen 11 (126); Гезихій, Страбонъ, Юстинъ 11 (126, 127); Боденское озеро называлось въ древности lacus Brigantinus или Venetus 11 (127); императоръ Валентиніанъ называетъ Троянъ, побѣдившихъ Аланъ **ФРАНКАМИ**, 67 (257). Слово аттическое, присовокупляетъ лѣтописецъ; — изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, что подъ Франками лѣтописецъ имѣлъ въ виду **ФРЯГОВЪ**.

ФРИГІЙСКІЯ мистеріи, 115 (470).

ФУКАРЪ (Foucart), Des associations religieuses chez Ies Grecs. Paris. 1873; 115 (469, 470).

ХАДЖИЧЬ, (Милошъ Свѣтичь), его соображенія о Баянѣ и сочинителѣ Слова о Полку Игоревѣ 118 (478—481).

ХАЛДЕИ, ученіе ихъ о **ДЕСЯТИ** Эонахъ, князьяхъ высшаго міра 4 (69); значеніе Елены въ сказаніяхъ апокалиптическихъ, объясняется ученіемъ Халдеянъ 55 (208); свѣдѣніе объ этомъ ученіи (у Макса Дункера) 55 (209—217); ученіе ихъ способствуетъ пониманію С. о П. Иг. и вообще Славянскаго баснословія 55 (218); слѣды этаго ученія замѣтны и въ современной Россіи 55 (218); не безъ связи съ этимъ ученіемъ и обряды вертящихся дервишей 55 (218); близкое сродство съ буддизмомъ 96 (307); Оанесъ 119 (499).

ХАЛДЕИ и Chalybes весьма близки къ Русскимъ формамъ: Халдеи, Халуи и Халупники. Страбонъ 11 (109, 110); Шармуа о Курдскихъ племенахъ: Khâledy Khaloui или Khâlèwy и Hâlèty; правописаніе послѣдняго имени напоминаетъ замѣтку Страбона о названіи рѣки Галисъ по соленымъ копямъ 11 (110, 111). Бретонскіе Галлы также называютъ себя Халдеями.

ХАЛИЗІИ (Chalisii), по свидѣтельству Киннама составляли часть венгерскаго войска въ 1154 г. 60 (232).

ХАМЪ; Русскій лѣтописецъ ведетъ отъ него родословіе Дажьбога 97 (310, 311); 107 (393); предположеніе, что лѣтописецъ имѣлъ въ виду финикійскую родословную дѣйствительно идущую отъ Хама 97 (310 примѣч.); племя Хама 66 (246); Хамъ, Зороастръ, Зеруанъ: безначальное время; это значеніе Хама объясняетъ почему нашъ лѣтописецъ имѣлъ право ставить историческую династію **ХАМА** (по Манетону) передъ божественною династіею Сварога (Hyphaestus) 97 (311); согласованіе Русскаго лѣтописца съ Берозомъ и Манетономъ; Стрыйковскій 107 (392, 393).

ХАНААНСКАЯ земля, такъ называетъ Веньяминъ Тюдельскій (1160—1178) Западную Россію по случаю обычая, существовавшаго въ этой странѣ продавать людей въ неволю 66 (245);

97 (352); 99 (358). Ср. **ПОЛОЦКОЕ** княженіе.

ХАРАЛУЖНЫЙ, вороненый, по Турецки каралыкъ черненіе 38 (163); 81 (281) въ Малой Азіи произносится каралухъ. Ср. мнѣнія объ этомъ словѣ въ значеніи сталь (статья И. Березина. (Москвитянинъ 1855 г.), и въ изд. Слова о П. Иг. С. П. Кораблева, Москва 1856).

ХАРИЗИ, андалузскій поэтъ XII столѣтія, отозвался на показаніе пѣвца С. о П. Иг. о воспѣваніи русскихъ заморскими пѣвцами; въ еврейскомъ Маккамѣ, описываетъ схватку Половцевъ съ Русскими 66 (245—254).

ХАРОТЕНЪ, о перенесеніи имъ сокровенныхъ ученій 114 (434).

ХВОЛЬСОНЪ, полемика его съ Погодинымъ по поводу Алазанъ 11 (110).

HEISTERBACH, 121 (510).

ХЕРСОНИСЪ Таврическій 115 (461).

ХИНОВИ, Кинъ или Хинъ, могущественная династія въ Средней Азіи до Чингисъ-Хана; въ С. о П. Иг. какъ будто на нее намекается; ея вліяніе на нѣкоторыя племена русскія и преимущественно литовскія 75 (277).

ХИНЪ, Тунгузская династія, низверженная Угадаемъ сыномъ Чингисхана; кинъ по китайски значитъ золото; императоры этой династіи назывались по Монгольски: Алтенъ-Ханы. Императоръ Кіанъ-Лунгъ ведетъ свой родъ отъ этой династіи (Koeppen. Lamaische Hierarchie Berlin, 1859, 161).

ХИНОВСКЫЯ стрѣлы, 109 (407).

ХИСРИ, пророкъ, который, по разсказу Низами, охранялъ въ области тьмы источникъ живой воды, о которомъ разсказывали Александру Македонскому Китайскія плѣнницы 100 (363). См. **ХОРСЪ**.

ХЛѢВЪ квасной 107 (394).

ХОБОТЫ, 107 (382—387).

ХОДЫ, 118 (475, 476).

ХОЛЬФИНЪ, Яковъ Григорьевичъ, 66 (249).

ХОРСЪ, царь Кипрскій 11 (119); доказательство о тождественности его съ Дажебогомъ 46 (181); въ С. о П. Иг. (Всеславъ) „великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаша“ 97 (325); Ὅρος, Horus, по ученію Гностиковъ, Предѣлъ, явившійся послѣ удаленія Елены изъ Плиромы для возстановленія четнаго числа 8; 100 (362); Всеславъ перебѣгаетъ ему дорогу и этимъ способствуетъ вторженію Елены въ Плирому 100 (362); у Климента Александрійскаго Ὅρος отдѣляетъ міръ отъ Плиромы 100 (362); у Епифанія Ὅρος какъ σταυρος имѣетъ укрѣпительную силу; но какъ собственно Ὅρος имѣетъ силу разъединенія 100 (362); Оросъ сынъ Озириса, возстановителя божественной династіи въ Египтѣ

(Діодоръ Сицилійскій и Геродотъ) 100 (362, 365); Египетская баснь Синезія объ Оросѣ и **ВОЛКѢ** объясняетъ отношеніе Всеслава къ Великому Хорсу 100 (365, 366, 376); 107 (393); у Египтянъ **ОРОСЪ** назывался также **ГАРКА** (явленный) и **ГАРГАТЪ**, **ГОРСЕТЪ** (Мститель) 100 (366); въ немъ признаютъ бога солнца 100 (375, 376); представитель торжества Азіи и можетъ быть **ЧИНГИСЪ-ХАНА** 100 (376); басни о Хорсѣ въ связи съ баснями объ Артурѣ и другими 115 (455).

ХОРЮГВЬ, священное знамя 27 (156).

ХОТИ, замѣчаніе Ал. Н. Попова 9 (92, 93); 118 (485); объясненіе 40 (163, 164). Кн. Оболенскій, ЛѣтописецъПереяславля Суздальскаго М. 1851. стр. LXXXVI и слѣд.

ХРАБРЪ черноризецъ, у него встрѣчается слово **КОНЬ** въ значеніи начальнаго; но въ сложной формѣ **ИЖДЕКОНЬНЪ** 44 (176).

Χριστὸς Πασχῶν, въ переводѣ: Вирше съ трагедіи Хс Пасхонъ, св. Григорія Богослова, во святой великій Пятокъ, и на день Воскресенія Христова; во Львовѣ, 1630 въ 4° (Сопиковъ 1, 68) 2 (30). Утрата, въ пожарѣ 1812 года, единственнагопечатнаго экземпляра, есть важный аргументъ противъ подозрѣній о подлогѣ Слова о П. Иг. на томъ основаніи, что неизвѣстно другой рукописи.

CHRONICON PASCHALE, родословіе народовъ 60 (232).

ХРОНОГРАФЪ 1-й редакціи (по сп. 1679 г.), 97 (321); 118 (476).

ХРОНОСЪ, сынъ Ураноса и Земли, по приказанію матери оскопляетъ отца и отрѣзанныя части бросаетъ въ море, изъ поднявшейся пѣны рождается **АФРИДИТА**, а изъ крови павшей на землю рождаются **БОГИНИ МЕСТИ** и великаны 97 (332); уп. 107 (393).

ЦАРИЦА небесная, 55 (221).

ЦАРСТВЕННЫЙ ЛѢТОПИСЕЦЪ 111 (419); по опискѣ вмѣсто: Древній лѣтописецъ; ч. II стр. 35—38. Спб. 1775 г.; выписка о **БОБРОКѢ**.

ЦЕЛЬСІЙ; его ученіе о постоянномъ появленіи тѣхъ же людей, при повтореніи тѣхъ же обстоятельствъ по минованіи извѣстнаго періода времени. Это ученіе выражается въ Словѣ о П. Иг. сліяніемъ Волхва Всеславича, Ахиллеса и можетъ быть—Париса съ Всеславомъ Полоцкимъ 97 (315—316).

ЦЕСАРЬ, родъ его 11 (103).

ЧАГА, 87 (287); напоминаетъ одно изъ крѣпостныхъ сословій въ Кабардѣ: Чагаръ 69 (271).

ЧАЛА КАЗАКИ, 108 (416). Ср. **ІОАННЪ** Пресвитеръ.

ЧАНЪ, 115 (451). „Всеобщій кругъ на радѣньяхъ людей Божіихъ, называемый „въ стѣнку“, ка-

жущійся подлинно плавающимъ по воздуху или водѣ, колеблющійся и изтиха поднимающійся какъ бы единою машиною, знаменуетъ **ЧАНЪ** или купель духовную. Стѣны этаго мистическаго чана составляютъ тѣла кружащихся. Въ этой духовной купели, т. е. кровавомъ поту своемъ они крестятся въ убѣжденіи, что къ нимъ въ это время скатываетъ Духъ Святый". Объясненіе раскола Христовщина или Хлыстовщина священникомъ Іоанномъ Сергѣевымъ, составленное въ 1809 г.; напечатано въ Чтеніяхъ И. О. Исторіи и Древностей. Москва, 1874 г. кн. III.

ЧЕРИДВИНЪ, Чанъ 115 (444).

ЧЕХЪ, братъ · Леха и Руса 11 (103).

ЧЕЧЕСЪ, упрекаетъ Гомера въ вымыслѣ 2 (25); современникъ Игоря Святославича 2 (32); трудъ его о Гомерѣ и Ликофронѣ 2 (32); не имѣлъ текстовъ Дареса и Диктиса 6 (85); признаетъ мнѣніе о единоплеменности Болгаръ и Ѳракійцевъ съ Пеонянами 11 (105); называетъ Елену **ДѢВОЮ** 11 (190); о блаженныхъ островахъ 71 (273).

ЧИНГИЗЪ-ХАНЪ, 64 (240); Коганъ 97 (352); Великый Хорсъ 100 (376); рождается отъ Дѣвы 121 (514); женится на дочери четвертаго пресвитера Іоанна 121 (511); посылаетъ дочь свою на царство въ Россію 121 (515); басни о Чингизѣ, Парцевалѣ, Гралѣ, Иванѣ Царевичѣ, Волхвѣ Всеславьевичѣ, Александрѣ Великомъ, Озирисѣ и Горосѣ находятся между собою въ близкомъ сродствѣ и въ связи съ движеніемъ Богумиловъ и другихъ сектаторовъ 121 (515—517).

ЧИСТЯКОВЪ, о жизни древнихъ Словенъ по хроникѣ Дитмара 14 (143).

ЧОЛКА, 27 (156).

ШАКЪ (Schack), о соколахъ и лебедяхъ 4 (70).

ШАМАНСТВО, 108 (407, 408, 433).

ШАРАНЬЕВИЧЪ, Исидоръ; о проходѣ изъ Галича въ Венгрію 90 (292).

ШАРМУА, о Курдскихъ племенахъ 11 (110).

SCHWANENRITTER, басня о лебединомъ Рыцарѣ, влекомомъ лебедемъ, по опредѣленію Граля, къ герцогинѣ Belaye de Lizaborye (Лотарингія) въ поэмѣ Титюрель и къ принцессѣ Брабантской въ поэмѣ Парциваль; басня эта въ сродствѣ съ Ламайскимъ титуломъ Контаиджи: лебединый князь.

ШВЕНКЪ (Schwenk), Mythologie der Griechen; басня о Мидасѣ 11 (117); Die Mythologie der Perser 108 (408); Die M. der Slawen 118 (474).

ШЕВЫРЕВЪ, Степанъ Петровичъ, профессоръ Московскаго университета; объ изученіи въ нашемъ отечествѣ Василія Великаго и Григорія Богослова 2

(38); о значеніи Гомера въ Древней Россіи 2 (58); о сродствѣ русской поэзіи съ греческою 5 (74); 55 (194); замѣчаніе его о современности „Слова“ событію 87 (286,287); о воззваніи Святослава 95 (300); о Волхѣ Всеславичѣ 97 (344).

ЩЕДЕЛЬ, Chronicarum Liber per Hartman Schedel. 1403 годъ опечатка вмѣсто 1493. 2 (56).

ШЕЛЬВИРЫ, 86 (282, 283).

ШЕЛОМЕНЬ, 22 (151, 152); 33 (160); приводимыя тексты въ § 22 перепутаны; поправка 60 (227).

ШЕЛОНЬ, жена Словена 97 (322).

ШЕЛЬ, 2 (53); исторія Греческой и Римской Литературы.

ШЕРЕШИРЫ, 87 (286—289).

ШЕСТОКРИЛЦИ 95 (298).

ШИЗЫЙ, (περκνός) однородно съ греческимъ—σκιαζος: тѣнистый, оттѣненный 3 (60, 61).

ШИФНЕРЪ, 4 (70); 60 (238).

ШИШКОВЪ, Александръ Семеновичъ, адмиралъ; Слово о походѣ Игоря, сына Святославова, внука Ольгова. (Собраніе сочиненій и переводовъ Адмирала Шишкова. Спб. 1826, часть VII, стр. 1—149) 2 (59); 4 (62—64); 6 (77); 15 (144); 55 (203—205); 97 (320).

ШКОЛА Вергилія, близъ Неаполя; около нея въ XII и XIII столѣтіяхъ сосредоточивалось распространеніе басенъ о чародѣяніяхъ Виргилія и его племянника Клиншора 67 (264 г.) **КАБАЛА**.

ШЛЕЦЕРЪ, вліяніе его на русскую науку 2 (19, 51, 52); 77 (279). „Татищеву, говоритъ Шлецеръ, было невыносимо, что „Исторія Россіи такъ молода и „должна начаться съ Рюрика. „Онъ хотѣлъ подняться выше! „Вслѣдствіе этого онъ съ большими издержками нанялъ нѣсколько ученыхъ и заставилъ „ихъ переводить на Русскій цѣ„лые отрывки изъ Плинія, Мела, „Геродота и Страбона... Такимъ „образомъ составилась безтол„ковая смѣсь Сарматовъ, Ски„ѳовъ, Амазонокъ, Вандаловъ и „т. д. и это авторъ назвалъ „первою частью Русской Исто„ріи. Это ни къ чему не при„годная часть; но Татищевъ „цѣнилъ ее больше остальныхъ „трехъ, очень полезныхъ, за„ключающихъ вѣрныя извлече„нія изъ лѣтописей до 1462 „года“. (Автобіографія Шлецера, въ перев. Кеневича, стр. 51).

ШМАГОВНИКИ. См. **СМАГА**.

ШМИДТЪ, 114 (437).

ШПИГЕЛЬ (Spigel), 108 (408); 114 (436).

ШПИНЦНАГЕЛЬ, переводчикъ на французскій языкъ поэмы Низами: о походѣ Александра Великаго противъ Русскихъ 60 (237).

ШТЕНДТМАНЪ, Юрій Ѳеодоро-

вичь, членъ Археографической Коммиссіи, его рукописное собраніе пѣсенъ Людей Божіихъ 97 (334).

ШТРИТТЕРЪ, его Memoriae Populorum. Petropoli 1778, 60 (232, 248); 115 (462, 463, 464); выписка изъ него о Тавро Руссахъ.

ШУЛЬЦЪ, 121 (511).

ЭВЕРСЪ (Ewers), 2 (39).

ЭДДА; замѣтка Гримма объ этой поэмѣ 55 (187); о составѣ Эдды 97 (346); типъ **ВОЛКА** 100 (367); торжество **ВОЛКА** Фенрира связана съ разореніемъ **ТРОИ** 100 (376).

ЭЛІАНЪ, о древности исторіи Дареса 2 (23); о лабедяхъ 4 (73).

ЭЛЬ, божество, 55 (209).

ЭНЕЙ, происхожденіе отъ него Цесаря 11 (100); включенъ въ Славянскую родословную Кадлубка 11 (102); родовой богъ Римлянъ 46 (182).

ЭНЕТЫ (Венеты); Титъ Ливій признаетъ ихъ за Троянъ; Страбонъ подтверждаетъ это мнѣніе 11 (107, 108).

ЭОНЫ (αιωνε), у Гностиковъ 4 (69); 97 (318, 319, 343); см. **СЕМЬ СЕМІОНОВЪ**.

ЭПИРОТЫ, 11 (104).

ЭРДМАНЪ, объ азіатизмѣ въ С. о П. Иг. 55 (204—206); переводчикъ Низами 60 (235 — 237).

ЭСТОНСКІЯ пѣсни, 110 (418).

ЭСХИЛЪ, даетъ героямъ прозвище **ТУРА** 15 (145).

ЭРШЪ и **ГРУБЕРЪ**, энциклопедія 6 (85).

ЭТРУСКИ, 11 (101).

ЭШЕНБАХЪ, ВОЛЬФРАМЪ 121 (511).

ЮАНЪ, родовое имя Чингисханидовъ, можетъ быть тождественно съ именемъ **ІОАННЪ** Пресвитеръ.

ЮЕНЪ-ЧЕ, оффиціальная исторія Китайскаго Императорскаго Монгольскаго дома (1260 — 1367), въ которой упоминается киргизское преданіе о происхожденіи отъ **40 ДѢВЪ**, 55 (207).

ЮГРА, 60 (225).

ЮЛИНЪ, находящееся тамъ священное дерево называлось копіемъ Юлія Кесаря 11 (104). См. **ОТТОНЪ**.

ЮЛІЙ КЕСАРЬ, родословіе его 11 (100, 103, 104).

ЮПИТЕРЪ, въ видѣ **ЗОЛОТАГО ДОЖДЯ** посѣщаетъ подземную обитель Данаи; Болгарская сказка 11 (115); Симонъ Волхвъ называетъ себя Юпитеромъ, а Елену Минервой 97 (319, 833); Юпитеръ отецъ Елены-Немезисъ 118 (489).

ЮРІЙ Домамѣричь, 60 (233).

ЮСТИНІАНЪ, имп.; родство его съ братьяти Русомъ, Лехомъ и Чехомъ 11 (103); Институты 2 (10).

ЮСТИНЪ, показаніе его о тождественности Тосковъ и Лидійцевъ 11 (126); о Галлахъ 11 (131); 119 (496).

ЯГИЧЬ, Ист. Александра Великаго 118 (477)..

ЯЗВЕНО, 97 (315). Кояловичь принимаетъ это слово однозначущимъ съ „колтунъ".

ЯЗОНЪ, 115 (453).

ЯКОБСЪ, Фридрихъ 119 (502).

ЯПОДЫ, Нориски они-же Лигуриски, Тауриски, народы Галатскіе 11 (131).

ЯПОНЧИЦА, 26 (155); эпанечки астраханскихъ казачекъ 26 (156).

ЯРОПОЛКЪ Изяславичъ (ст. 7), с. Изяслава Ярославича, кн. Туровскій, 45 (180, 181).

ЯРОСЛАВНА, заклинанія 100 (369); 108 (400, 402, 417, 418, 419, 422, 423); 112 (427); упоминаемыя въ Указателѣ въ ст. **АРРІАНЪ**, слова его по опискѣ названы заклинаніемъ.

ЯРОСЛАВЪ Владимірович (ст. 5), с. Владиміра Святославича, в. кн. 2 (38—46); 98 (357).

ЯРОСЛАВЪ Владимірович Осмомыслъ (ст. 10), с. Владиміра Володаревича, кн. Галицкій 90 (291—294); 96 (304).

ЯРОСЛАВЪ Владимірович (ст. 10), с. Владиміра Мстиславича, кн. 96 (303).

ЯРОСЛАВЪ Всеволодовичъ (ст. 9), с. Всеволода Олеговича, кн. Черниговскій 82 (281, 282, 283, 284); 96 (304).

ЯРОСЛАВЪ, Jarisleyf въ Эддѣ 66 (244). Правописаніе имени согласно съ правописаніемъ Снорра Стурлезона: Valldimar Sonur Iaritsleyfs: (Володиміръ Ярославичь). Sendemenn Jarizleyfs (послы Ярослава).

ЯРОСЛАВЬ неправильно вмѣсто Ярославль 43 (173).

ЯРУГЫ, 15 (146).

ЯЦКѢВИЧЬ - БЛАГОВѢЩЕНКІЙ, Библейско-біографическій словарь 97 (318).

ѲЕОДОРЬ Студійскій, 67 (264).

ѲІАЗЫ, 115 (469).

ѲРАКІЙЦЫ (Фригійцы); мнѣніе Шлецера 2 (50—51); Гильфердинга 2 (51, 52); **ТРОЯНЕ** 11 (101); Франки (101); притязанія Іоанна IV Грознаго на происхожденіе отъ Дарданидовъ 11 (104); Болгаре 11 (105); Венеты 11 (107); **АЛАЗОНЯНЕ** и Галичане 11 (108—112); сербскіе и болгарскіе сказки о Троянѣ 11 (112); **ЕВСТАѲІЙ** 11 (113); Мидасъ 11 (117); Проко-

пій Кесарійскій 11 (120); Норицы 11 (123); bulga 11 (124); Болгъ и Белгій 11 (131); Волохи Нестора или Галлы древнихъ, смѣшанные съ племенами Ѳракійскими и Скиѳскими; подобный же составъ представляютъ болгарскія колоніи въ Россіи 11 (132); нашествіе Галловъ на Ѳракійскій полуостровъ 11 (122, 133, 135). Богумилы **ГНОСТИКИ**. Елена. **АХИЛЛЕСЪ**; родословіе народовъ 66 (245, 246); свидѣтельство Страбона о древней Ѳракійской сектѣ 97 (351, 352). Пафлагоняне. Венеты; Музы, Мирмидоняне. **ЗАМОЛКСИСЪ** 97 (351, 352).

30 Марта, 1875 года
С.-Петербургъ.

БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
КНИГООБМЕНА

Vjazemskij, Pavel Petrovič

Zaměčanija na Slovo o Plŭku Igorevě Knjazja Pavla Petroviča Vjazemskago

S.-Peterburg 1875

P.o.rel. 3125 c
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11320059-7